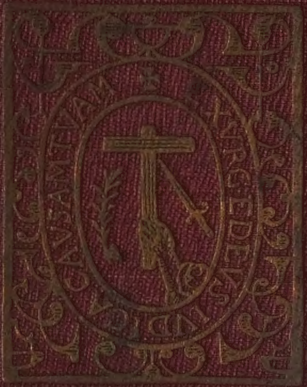


Исторія инквизиціи

EXVRGE DEVS IVDICA CAVSAM TVAM

ИСТОРІЯ ИНКВИЗИЦІИ.

Томъ третій:

ИСТОРІЯ ИНКВИЗИЦІИ ВЪ ИСПАНІИ.

Є. Г. Лозинскій.

ИСТОРІЯ ИНКВИЗИЦІИ

ВЪ ИСПАНІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.
—
1914.

PRINTED IN RUSSIA

Типографія Акц. Общ. «Брокгаузъ-Ефронъ». Прачешный пер., № 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ всѣхъ видовъ преслѣдованія религіозное преслѣдованіе всего болѣе противорѣчитъ современной культурѣ, современной исторіи. Вотъ почему даже тѣ государства, которыя не хотятъ отъ него отказаться, претендуя въ то же время на роль культурныхъ государствъ, скрываютъ его подъ маской расовыхъ, національныхъ, политическихъ или экономическихъ интересовъ. И не осужденіе религіознаго преслѣдованія — осужденіе запоздавшее и, слѣдовательно, излишнее—руководило мною при составленіи настоящаго труда.

Чѣмъ дольше я изучалъ дѣятельность Инквизиціи, тѣмъ снисходительнѣе относился къ ней, и когда защитники ея въ кортесахъ 1812 г. требовали, чтобы о ней судили не „по отдѣльнымъ извергамъ, вездѣ возможнымъ“, то я готовъ былъ съ ними не только соглашаться, но и мысленно прибавить: Да, среди сотенъ и тысячъ инквизиціонныхъ служителей не мало было скромныхъ и честныхъ тружениковъ; быть-можетъ, даже болѣе, чѣмъ алчныхъ хищниковъ, имена которыхъ всегда на устахъ у противниковъ Инквививиціи. Но нельзя судить объ Инквизиціи по отдѣльнымъ лицамъ,—потому что дѣло не въ лицахъ, а въ учрежденіи.

Безконтрольная, безапелляціонная, самодержавная, не знавшая иного закона, помимо sic volo, sic jubeo, Инквизиція была однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій абсолютизма и, подобно прочимъ формамъ абсолютизма, должна была погибнуть при первомъ серьезномъ столкновеніи съ новымъ духомъ, съ современной свободой. Надѣтая на Пиренеи инквизиціонная броня долго защищала Испанію отъ проникновенія въ нее изъ сосѣдней Франціи либеральныхъ идей, и потребовались тяжелыя орудія Наполеона, чтобы пробить брешь въ этой толщѣ фанатизма и невѣжества.

Изъ кровавой чаши чужеземнаго нашествія впервые пилъ за прогрессъ испанскій народъ. Но какъ ни недолговѣчна свобода, опирающаяся на штыки, она оказалась смертельной для

абсолютизма: отъ ея животворящаго дуновенія рухнулъ колоссъ Инквизиціи. Тщетны были въ сумеречные дни двухъ реставрацій попытки оживить это мертвое тѣло: quand on est mort, c'est pour toujours...

Настоящимъ—третьимъ—томомъ „Исторіи Инквизиціи въ Испаніи" заканчивается „Исторія Инквизиціи", первые два тома которой, написанные Ли, были посвящены Среднимъ вѣкамъ. Нынѣшній томъ обнимаетъ періодъ въ 350 лѣтъ, съ 1480 г. по 1830 г., и характеризуетъ, такимъ образомъ, дѣятельность Инквизиціи въ Новое время.

Помимо Испаніи, нигдѣ въ Европѣ Инквизиція въ Новое время не приняла отличной отъ средневѣковой Инквизиціи формы; нигдѣ, за исключеніемъ Испаніи, она не вылилась въ независимое и самостоятельное учрежденіе, просуществовавшее вплоть до второй четверти XIX вѣка, и ни въ какой другой странѣ не проявила такой энергичной и многосторонней дѣятельности, какъ въ Испаніи. Этимъ и объясняется, почему въ „Исторіи Инквизиціи" отводится особое, исключительное вниманіе Испаніи, и почему понятіе о Новой Инквизиціи цѣликомъ сливается съ дѣятельностью Инквизиціи въ теченіе послѣднихъ четырехъ столѣтій въ Испаніи,—въ Испаніи, далеко простирающейся за предѣлы Пиренейскаго полуострова.

Нынѣшняя территорія испанской монархіи является укороченной, усѣченной формой бывшей со временъ Фердинанда Католика великой Испаніи, въ предѣлахъ которой, по горделивому выраженію одного изъ ея монарховъ, солнце никогда не заходитъ. Въ мучительно долгомъ процессѣ отсѣченія отдѣльныхъ членовъ испанскаго организма немаловажную роль играла Инквизиція, сумѣвшая внушить испанскимъ государямъ мысль, что „лучше вовсе не имѣть подданныхъ, чѣмъ имѣть еретиковъ". И когда защитники Инквизиціи указываютъ, что взамѣнъ этого она избавила Испанію отъ ужасныхъ религіозныхъ войнъ XVI и XVII вв., свирѣпствовавшихъ въ Германіи и Франціи, то одно сопоставленіе „несчастныхъ" Германіи и Франціи съ „счастливой" Испаніей лишаетъ этотъ аргументъ всего его значенія...

Въ предисловіи къ первому тому „Исторіи Инквизиціи" было обѣщано посвятить Испанской Инквизиціи одинъ лишь томъ. Это обѣщаніе связывало насъ и подчасъ заставляло, съ болью въ сердцѣ, сокращать отдѣльныя части работы. Съ другой стороны, это обѣщаніе побудило насъ отказаться отъ мысли перевести на русскій языкъ какое-либо иностранное изслѣдованіе по исторіи Инквизиціи въ Испаніи. Изъ просмотрѣнной

массы книгъ, посвященныхъ Инквизиціи, наиболѣе подходящей для перевода на русскій языкъ является „A History of the Inquisition of Spain“ Ли. Но четыре объемистыхъ тома этого труда не поддаются сокращенію: Ли принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которыхъ съ удовольствіемъ цѣликомъ проглатываешь, но изъ которыхъ нельзя дѣлать отдѣльныхъ экстрактовъ. Подъ вліяніемъ отчасти этого убѣжденія приступлено было къ настоящей оригинальной работѣ

Въ Испаніи, при видѣ груды огромнаго непочатаго архивнаго матеріала, меня пугалъ однотомный размѣръ предпринятаго труда, и я носился съ мыслью отказаться отъ взятой на себя задачи, но разъ данное обѣщаніе не позволяло мнѣ этого дѣлать. И теперь меня немало устрашаютъ несовершенства „Исторіи Инквизиціи въ Испаніи“, тѣмъ не менѣе, я передаю ее на судъ русской читающей публики, надѣясь, что она извлечетъ изъ нея не меньше того, что могла бы дать ей сокращенная, однотомная передача иностраннаго изслѣдованія по исторіи Испанской Инквизиціи.

С. Л.

С.-Петербургъ. 6 января 1914 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Эпоха Реконкисты.

Обычное представленіе о томъ, что обратное завоеваніе Пиренейскаго полуострова испанцами—такъ называемая Реконкиста—сопровождалось, какъ всякая священная, религіозная война, страшнымъ проявленіемъ фанатизма, въ настоящее время должно быть совершенно оставлено. Правда, какъ со стороны мавровъ, такъ и со стороны христіанъ, было обнаружено немало жестокостей по отношенію къ покореннымъ. Нерѣдко все взрослое мужское населеніе какой-либо мѣстности поголовно предавалось смерти, а женщины и дѣти отдавались въ рабство; часто также побѣдитель огнемъ и мечомъ уничтожалъ цѣлыя селенія и города, внушавшіе ему по той или иной причинѣ какое-либо подозрѣніе, и врагъ не зналъ чувства жалости ни къ старикамъ, ни къ женщинамъ, ни къ дѣтямъ. Но не этими жестокими пріемами, свойственными, впрочемъ, далеко не одной лишь священной войнѣ, характеризуется Реконкиста. Для правильной оцѣнки послѣдней важны не отдѣльныя проявленія грубаго фанатизма къ долго и энергично защищавшемуся городу, не спорадическія вспышки гнѣва того или иного короля, не разрозненныя, а потому и непослѣдовательныя, дѣйствія нѣкоторыхъ полусамостоятельныхъ полководцевъ-феодаловъ, а общее направленіе всей завоевательной политики испанскихъ королей, тѣ принципы и начала, которыми они руководились при выработкѣ опредѣленнаго status quo для покоренныхъ мѣстностей. Въ этомъ отношеніи Реконкиста отличалась большой вѣротерпимостью, и побѣдоносное шествіе христіанскаго испанскаго оружія съ сѣвера на югъ, изъ Астуріи въ Гранаду, нерѣдко носило съ собою покореннымъ маврамъ личную неприкосновенность, имущественную безопасность и религіозную свободу.

Въ раннемъ Средневѣковьѣ не замѣчалось особой религіозной вражды между воюющими сторонами, между маврами и христіанами. Испанскія баллады IX и X вѣковъ рисуютъ арабовъ, какъ достойныхъ враговъ, съ которыми воевать не должно быть стыдно ни одному испанскому гранду; даже побѣжденные мавры не вызываютъ къ себѣ чувства презрѣнія, и народная поэзія въ трогательныхъ выраженіяхъ оплакиваетъ мужественную смерть мавровъ, нерѣдко являвшихся любимыми героями христіанскихъ балладъ. Сынъ сестры короля Альфонса, легендарный Бернардо дель Карпіо, обиженный Альфонсомъ, не останавливается предъ тѣмъ, чтобы отправиться въ мусульманскую Гранаду, вести затѣмъ войну съ арабами противъ франковъ, побѣжденныхъ имъ при Ронсевалѣ, и принять участіе въ устраиваемыхъ эмирами турнирахъ,—

> Donde el premio será dado
> Al que mejor lo ficiere,
> Sea Moro ó sea Cristiano,—

гдѣ призъ будетъ данъ тому, кто больше другихъ отличится, будь онъ мавръ или христіанинъ.

Самъ Альфонсъ, прозванный за свою религіозность Католикомъ, вступилъ въ бракъ съ плѣнной мусульманкой; отъ этого брака у него родился сынъ Маурегато, который царствовалъ съ 783 г. по 789 г.; объ этомъ-то сынѣ лѣтописецъ говоритъ, какъ о «de serva

natus». Альфонсъ I слѣдовалъ, въ данномъ случаѣ, примѣру эмира Абделазиса, который въ 712 г. женился на Эгилонѣ, вдовствующей королевѣ послѣдняго вестготскаго короля Родериха, погибшаго въ 711 г. въ битвѣ съ арабами близъ Кадикса [1]). При наиболѣе могущественныхъ государяхъ, говоритъ Боронатъ-и-Баррачина, нерѣдко мусульманскихъ солдатъ вели въ бой христіанскіе военачальники; христіане часто составляли лейбъ-гвардію мусульманскихъ эмировъ и занимали въ мусульманскомъ государствѣ очень отвѣтственные и высокіе посты [2]).

Гораздо болѣе важны и характерны тѣ общественныя отношенія, которыя устанавливались между побѣдителями-христіанами и побѣжденными маврами на основаніи спеціальныхъ договоровъ, tratatos. Однимъ изъ первыхъ такихъ договоровъ была капитуляціонная грамата Сены отъ 1038 г. Въ ней христіанскій король отказывается отъ взгляда на побѣжденныхъ мусульманъ какъ на людей, подлежащихъ немедленному истребленію или обращенію въ рабство, и провозглашаетъ совершенно новую точку зрѣнія на отношеніе къ покореннымъ мусульманамъ: послѣдніе становятся обычными подданными короля, обязанными платить въ королевскую казну опредѣленную подать, при чемъ введенная христіанскими побѣдителями податная система отнюдь не нарушала старыхъ внутреннихъ отношеній, существовавшихъ въ мусульманскомъ обществѣ до покоренія его христіанами. Мусульманскіе военачальники, князья или капитаны, побѣжденные христіанскимъ оружіемъ, по словамъ Амадора-де-лосъ-Ріоса, изъявляли испанскимъ королямъ вассальную покорность и давали слово, что будутъ сохранять вѣрность, получая взамѣнъ отъ королей обѣщаніе, что имъ будутъ гарантированы ихъ религіозныя и политическія права. Другіе жители покоренныхъ мусульманскихъ городовъ, чувствуя себя въ безопасности подъ защитой болѣе или менѣе благодѣтельныхъ капитуляціонныхъ граматъ, спокойно жили на завоеванныхъ у арабовъ христіанами земляхъ, среди христіанскаго населенія, предаваясь своимъ обычнымъ полезнымъ занятіямъ, довольные тѣмъ, что могутъ свободно исповѣдывать свою религію и исполнять свои мусульманскіе законы. Вассальная зависимость отъ христіанскихъ королей первой категоріи арабовъ имѣла различныя степени, смотря по тому, при какихъ условіяхъ ими была изъявлена покорность. По отношенію къ однимъ арабскимъ королькамъ или капитанамъ христіанскіе побѣдители ограничивались лишь требованіемъ ежегодной уплаты опредѣленной суммы въ пользу короля и запрещеніемъ арабамъ вести противъ него войну или помогать воюющему съ нимъ врагу; другіе дѣлались королевскими вассалами въ полномъ смыслѣ этого слова, хотя и за ними признавалось право ношенія оружія, и въ ихъ распоряженіи оставлялись крѣпости и укрѣпленія, изъ которыхъ они иногда удалялись христіанами-побѣдителями во время войны. Но это право предоставлялось имъ только подъ условіемъ вассальнаго подчиненія христіанскому королю [3]). Капитуляціонная грамата 1038 г. была образцомъ для многихъ другихъ.

Въ 1085 г. Альфонсъ XI, при взятіи Толедо, далъ покоренному городу особую хартію, въ которой имѣлись гарантіи относительно владѣнія собственностью, отправленія богослуженія и внутренняго самоуправленія; особо упоминалось о предоставленіи мусульманамъ въ пользованіе самой большой мечети города. Когда, послѣ ухода короля изъ Толедо, французскій аббатъ Бернаръ, опираясь на помощь бургундской королевы, вздумалъ превратить толедскую мечеть въ церковь, Альфонсъ поспѣшилъ обратно въ Толедо и сталъ угрожать смертью какъ аббату, такъ и королевѣ. Сами мавры удерживали его отъ

[1]) Janer, «Condicion social de los Moriscos de España», Мадридъ, 1857, стр. 6.

[2]) «Los Moriscos españoles y su expulsión», Валенсія, 1901, t. I, стр. 16.

[3]) Amador de los Rios, «Estudios historicos sobre los mozárabes, mudéjares y moriscos»; Janer, op. cit.; Fernandez y Gonzalez, «Estado social y politico de los mudéjares de Castilla», Мадр., 1866. Здѣсь приведено много примѣровъ толерантнаго отношенія испанскихъ королей къ покореннымъ арабамъ.

чрезмѣрныхъ репрессій христіанъ, виновныхъ въ нарушеніи королевской хартіи; мавры боялись, какъ бы месть Альфонса не вызвала раздраженія среди христіанскаго населенія, которое потомъ могло бы отомстить за причиненныя ему обиды мусульманамъ Толедо. Альфонсъ XI называлъ себя даже императоромъ обѣихъ религій—Emperador de los dos cultos. Когда Рамонъ Беренгеръ Барселонскій покорилъ въ 1149 г. Лериду, онъ заключилъ съ ея алкаидомъ Абифелетомъ договоръ, коимъ обезпечивалась религіозная свобода какъ христіанскаго, такъ и мусульманскаго населенія; Абифелетъ выдалъ Беренгеру рядъ крѣпостей и получилъ, вмѣсто нихъ, нѣсколько земельныхъ участковъ въ Барселонѣ и Геронѣ. Яковъ I (1213—1276), который впервые ввелъ въ Испанію средневѣковую Инквизицію и всецѣло посвятилъ себя дѣлу Реконкисты, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его прозвище el Conquistador, держался, тѣмъ не менѣе, по отношенію къ покореннымъ маврамъ умѣренной политики, въ особенности въ религіозныхъ вопросахъ. «Онъ уважалъ религію побѣжденныхъ, ихъ законы и обычаи; подтверждалъ ихъ вольности и льготы и предоставлялъ многимъ изъ нихъ значительныя привилегіи» [1]). Въ капитуляціонномъ актѣ Валенсіи отъ 28 сентября 1238 г. съ особенной силой подчеркнуто было, что сдача города происходитъ при условіи личной и имущественной безопасности мусульманъ: «praeterea volumus et concedimus quod omnes illi mauri, qui remanere voluerint in termino Valenciae, remaneant in nostra fide salvi et securi etc.». Многочисленныя хартіи того времени единодушно свидѣтельствуютъ, что побѣдоносные испанскіе короли не дѣлали большой разницы между покоренными мусульманами и побѣжденными христіанами. Признавшіе надъ собою власть христіанскаго короля мавры становились его подданными подъ названіемъ mudéjares (муде́хары), пользуясь тѣми же правами, какими при покореніи Испаніи арабами пользовались христіане, подчинявшіеся мусульманскому игу и получавшіе названіе mozárabes (моса́рабы).

Даже Фердинандъ и Изабелла Католики, при взятіи города Гранады, предоставили маврамъ большія льготы, и когда католическое духовенство, желая использовать великую побѣду христіанскаго оружія, потребовало обложенія покореннаго населенія спеціально церковной податью, царственная чета обратилась съ жалобой къ папѣ Сиксту IV, указывая, главнымъ образомъ, на то, что при капитуляціи Гранады покореннымъ жителямъ было обѣщано ни въ коемъ случаѣ не увеличивать тѣхъ налоговъ, которые они платили при господствѣ въ Гранадѣ мавровъ. Фердинандъ и Изабелла въ своихъ представленіяхъ Сиксту ссылались на данныя ихъ предшественниками хартіи различнымъ городамъ, и папа, дѣйствительно, пошелъ на встрѣчу желанію монарховъ и запретилъ духовенству взимать съ жителей побѣжденнаго города церковную диму. Когда 7 декабря 1439 г. испанцы овладѣли Пурченой и всей долиной Алмансоры, они заявили, что берутъ подъ покровительство короля всѣхъ жителей этой страны, не исключая и арабскихъ богослужителей (alfaquí, факиръ); король разрѣшилъ всѣмъ, кто пожелаетъ, свободный отъѣздъ въ Африку, обѣщалъ назначать судьями мавровъ для разсмотрѣнія споровъ между христіанами и мусульманами, выдалъ покорившимся жителямъ 12 тыс. реалей въ видѣ выкупа за 120 плѣнныхъ испанцевъ, обязался не обращать въ христіанскую вѣру ренегатовъ-христіанъ, не обременять никого новыми налогами, позволять мусульманамъ жить согласно своимъ законамъ и вѣрѣ и судиться по z u n n a (мавританскій кодексъ); кромѣ того, король торжественно заявилъ, что мусульманскія жилища будутъ пользоваться неприкосновенностью и будутъ свободны отъ постоевъ, что побѣжденные будутъ имѣть право владѣть оружіемъ и лошадьми, не будутъ принуждаться къ ношенію отличительныхъ знаковъ на

[1]) Charles de Tourtoulon, «Jaime I-er le Conquérant, roi d'Aragón», Монпелье, 1863, t. I, 305—306; есть испанскій переводъ, Валенсія, 1874 г. Подобные факты въ значительномъ количествѣ приводитъ и графъ Circourt, «Histoire des mores, mudejares et des morisques», Парижъ, 1846, t. I, 37.

одеждѣ, и что корона никогда не станетъ отчуждать этой страны [1]). Капитуляціонная хартія, выданная Алмеріи 11 февраля 1490 г. и послужившая образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ хартій, была проникнута еще болѣе либеральнымъ духомъ. Мудехарамъ было обѣщано освобожденіе отъ тѣхъ налоговъ, которые были несправедливо наложены на нихъ мусульманскими королями; дѣти отъ христіанскихъ матерей должны были въ 12 лѣтъ свободно выбирать религію, при чемъ имъ не грозила опасность въ случаѣ предпочтенія не-христіанскаго вѣроисповѣданія; крещеные или евреи не могли быть мусульманскими судьями, они не имѣли также доступа въ aljama (общины) и т. д.

Не разъ также арабы и христіане заключали между собою союзы для борьбы съ тѣмъ или инымъ врагомъ, при чемъ нерѣдко арабы воевали противъ арабовъ, а христіане противъ христіанъ. Такъ, мелкіе арабскіе предводители и князья, недовольные правленіемъ Абдеррахмана II (822—852), обратились за помощью къ астурійскимъ христіанамъ и заключили союзъ съ королемъ Ордоньо I (850—866); среди измѣнившихъ дѣлу мусульманства князьковъ былъ и правитель Толедо. Точно также въ концѣ IX вѣка Бермудо, братъ Альфонса III, въ теченіе 7 лѣтъ осаждалъ съ помощью арабовъ Асторгу. Санчо I Полный, лишенный заговорщиками престола, обратился за помощью къ Абдеррахману III въ Кордову; послѣдній пошелъ вмѣстѣ съ Санчо противъ узурпатора Ордоньо IV, нанесъ ему сильное пораженіе; подъ защитой арабскаго оружія Санчо I былъ провозглашенъ королемъ Леона. Альфонсъ VI Кастильскій, преслѣдуемый своимъ братомъ Санчо II, скрывался у толедскаго мусульманскаго владѣтельнаго князя. Въ Толедо онъ научился арабскому языку, окружилъ себя арабскими поэтами и мудрецами и даже женился на дочери севильскаго короля Алъ-Мотамида; еще раньше Бермудо II выдалъ свою сестру за толедскаго мусульманскаго короля. Точно также его современникъ, арагонскій король Санчо I, зналъ хорошо арабскую литературу и подписывалъ свое имя арабскими буквами. Когда Альфонсъ X потерялъ свою популярность вслѣдствіе того, что далъ Португаліи возможность освободиться отъ вассальныхъ отношеній къ Леону, его братъ Филиппъ и нѣкоторые могущественные гранды задумали свергнуть его съ престола и обратились за помощью къ марокканскому султану Абу-Юсуфу. Кастильское духовенство, недовольное нѣкоторыми прерогативами королевской власти, поддерживало мысль Филиппа объ обращеніи къ Абу-Юсуфу, надѣясь ловить рыбу въ мутной водѣ [2]). Отказавшись отъ повиновенія Альфонсу X, Филиппъ и его единомышленники бѣжали въ мусульманскую Гранаду, производя по пути страшныя опустошенія въ христіанскихъ владѣніяхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Альфонсъ X, съ своей стороны, просилъ помощи у Абу-Юсуфа противъ своего сына Санчо IV, и марокканскій султанъ прислалъ ему значительное число пѣшихъ и конныхъ войскъ, а также 60 тыс. добласъ; это побудило Санчо IV обратиться за поддержкой къ Гранадѣ, и возникла война, въ которой мавры принимали участіе въ обоихъ лагеряхъ. Смерть Альфонса X въ 1284 г. положила конецъ этой кровавой войнѣ, вызванной соперничествомъ между отцомъ и сыномъ, одинаково преданными католицизму, и рѣшавшейся силою магометанскаго оружія. Педро Жестокій въ своей борьбѣ противъ Генриха Трастамары обращался въ 1366 г. и въ 1368 г. за помощью къ гранадскому королю, который прислалъ ему 87-митысячное войско; въ рѣшительномъ сраженіи при Монтіэлѣ у Педро было 1500 доставленныхъ маврами лошадей; однимъ изъ пунктовъ жалобы на Генриха IV въ 1464 г. было его частое обращеніе за помощью къ мусульманамъ, что въ глазахъ вѣрныхъ христіанъ было оскорбленіемъ религіи. Въ 1405 г. между Мартиномъ Арагонскимъ и его сыномъ Мартиномъ Сицилійскимъ, съ одной стороны, и гранадскимъ королемъ Магометомъ, съ другой, былъ заключенъ союзъ, въ силу котораго договаривавшіяся стороны обязались оказывать другъ другу военную помощь

---

[1]) Fernandez y Gonzalez, «Estado social y politico de los mudéjares de Castilla», стр. 416.

[2]) Lea, «History of the Inquisition of Spain», t. I, 54.

противъ всякаго внѣшняго врага, при чемъ въ договорѣ подтверждалось, что подданные обѣихъ сторонъ пользуются личной безопасностью во время пребыванія въ союзническихъ земляхъ, и что торговыя отношенія между ними происходятъ совершенно безпрепятственно. Алъ-Мемонъ-Або-л-Ола, домогаясь престола, заключилъ договоръ съ Фердинандомъ Святымъ, предоставившимъ ему въ распоряженіе 12 тыс. христіанскихъ солдатъ, за что мусульманскій владыка разрѣшилъ построить церковь въ Марокко, совершать въ ней публичное богослуженіе при звонѣ колоколовъ и свободно переходить изъ одной религіи въ другую. Этимъ путемъ возникло марокканское епископство, во главѣ котораго первымъ епископомъ былъ назначенъ францисканецъ Агело. Основатель послѣдней гранадской династіи Абенъ-алъ-Ахмаръ былъ добровольнымъ вассаломъ Фердинанда Святого, платилъ ему ежегодную контрибуцію въ размѣрѣ 150 тыс. добласъ, при каждомъ военномъ походѣ доставлялъ ему опредѣленное число солдатъ и, подобно всякому ricohomo (знатному), являлся, по первому зову короля, въ кортесы. Онъ оказалъ большую помощь Фердинанду при взятіи Севильи,—этимъ объясняется, почему онъ былъ въ числѣ участниковъ торжественнаго въѣзда короля въ покоренный городъ, возведенъ въ рыцарское званіе и награжденъ особымъ почетнымъ орденомъ.

Само собою разумѣется, что какъ дарованныя различнымъ покореннымъ городамъ хартіи, столь проникнутыя вѣротерпимымъ и либеральнымъ духомъ, такъ и военные и иные союзы и коалиціи, дававшія въ одномъ мѣстѣ возможность арабамъ держаться съ помощью христіанъ, а въ другомъ—христіанамъ съ помощью арабовъ, вызывались не чувствомъ взаимной симпатіи представителей различныхъ религій, а опредѣленнымъ матеріальнымъ разсчетомъ, диктовавшимъ испанскимъ королямъ эпохи Реконкисты проводить въ жизнь ту самую политику, какую за нѣсколько вѣковъ до этого, при покореніи Испаніи, вели завоеватели-арабы. Подобно тому, какъ послѣдніе, значительно уступая по своей численности вестготамъ, успѣшно могли двигаться въ VIII столѣтіи съ юга на сѣверъ лишь благодаря своему удивительному умѣнію не заставлять покоренныхъ христіанъ чувствовать тяжесть новаго режима и своему искусному использованію существовавшаго между вестготами антагонизма, точно такъ же осторожные испанскіе монархи могли успѣшно совершать дѣло обратнаго завоеванія Пиренейскаго полуострова лишь путемъ различныхъ уступокъ покореннымъ мусульманамъ и съ помощью вмѣшательства во внутреннія отношенія соперничавшихъ между собою отдѣльныхъ арабскихъ князей и королей. Одинъ и тотъ же монархъ, нерѣдко на протяженіи всего какихъ-либо десяти лѣтъ, не разъ мѣнялъ свою политику по мѣрѣ того, какъ чувствовалъ себя болѣе или менѣе прочно окрѣпшимъ въ той или иной покоренной имъ землѣ. Наиболѣе рѣзко проявлялась эта измѣнчивая политика въ дѣйствіяхъ Фердинанда Католика, который одной рукой давалъ обѣщанія, а другой жестоко и сурово подавлялъ имъ же недавно поддерживаемыя требованія и претензіи; онъ умѣлъ уступать для того, чтобы тѣмъ тверже въ извѣстный моментъ наступать. И это не было съ его стороны простымъ лицемѣріемъ или хамелеонствомъ, какъ окрестили его царствованіе нѣкоторые историки; нѣтъ, это былъ разсчетливый маккіавеллизмъ, который, не считаясь ни съ какими обѣщаніями, присягами, клятвами и угрызеніями совѣсти, идетъ прямо къ разъ намѣченной цѣли, несмотря на многочисленныя препятствія. Частыя нарушенія царскаго слова, которыми такъ богаты анналы испанской исторіи, заставляютъ и современныхъ, строго католическихъ историковъ Испаніи выдвигать теорію о допущеніи необходимости несоблюденія національнаго и интернаціональнаго договора не только въ силу государственныхъ или религіозныхъ соображеній, но и, повидимому, самыхъ повседневныхъ причинъ (por causas, al parecer, triviales) [1].

Какъ бы велико, однако, ни было участіе матеріальнаго разсчета въ либеральныхъ капитуляціонныхъ граматахъ испанскихъ королей, совмѣстныя выступленія мавровъ и

[1]) Boronat y Barrachina, «Los Moriscos españoles y su expulsión». Валенсія, 1901, I, стр. 76—77.

христіанъ, сопровождавшіяся, разумѣется, и болѣе близкимъ знакомствомъ другъ съ другомъ, не могли не отразиться на взаимныхъ чувствахъ обоихъ народовъ и должны были выработать какъ въ томъ, такъ и въ другомъ народѣ болѣе справедливое и болѣе вѣротерпимое отношеніе къ чужому мнѣнію, къ чужому міровоззрѣнію, къ чужой жизни. Такимъ образомъ, если и не непосредственно, то отраженнымъ путемъ искусная политика Реконкисты способствовала сближенію представителей различныхъ религій, служа какъ бы мостомъ черезъ пропасть, отдѣлявшую въ Средніе вѣка одну народность отъ другой. Само собою разумѣется, что взаимное знакомство арабовъ и христіанъ ограничивалось очень немногимъ, а главное—точки соприкосновенія между широкими народными массами обѣихъ религій были крайне ничтожны, и по мосту, соединявшему оба народа, проходили лишь представители высшихъ классовъ, такъ что, говоря о вѣротерпимости испанцевъ, необходимо понимать ее съ извѣстными ограниченіями, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ широкимъ массамъ. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что въ Средніе вѣка широкіе слои народа вообще не знали ни злобы и ненависти, ни преданности и любви къ чужому народу. Грубой и невѣжественной, живущей впроголодь и изнемогающей отъ непосильной работы народной массѣ вообще чуждо чувство симпатіи и антипатіи къ представителямъ другой народности. Чтобы различать между своей и чужой народностью, необходимо умѣть поднять свой взоръ за предѣлы собственнаго государства и находиться на извѣстномъ уровнѣ умственной, духовной высоты. Этого условія недоставало въ Средніе вѣка широкимъ массамъ народа: ихъ согбенныя спины никогда не выпрямлялись, дремлющій умъ ихъ никогда не просыпался, и всѣ ихъ заботы и нужды вращались въ узкомъ кругѣ непосредственныхъ матеріальныхъ интересовъ, которые, приковывая все вниманіе ихъ къ себѣ, заковывали народъ въ крѣпкія, желѣзныя цѣпи.

Средневѣковой массѣ народа была чужда всякая «фобія»: это чувство явилось продуктомъ новѣйшаго времени, однимъ изъ аттрибутовъ — безразлично неизбѣжнымъ или нѣтъ — національнаго самосознанія, возникающаго лишь на извѣстной ступени общаго развитія. Индифферентная во многихъ отношеніяхъ, эта масса являлась слѣпымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, которыя искусно и пользовались ею въ своихъ политическихъ, религіозныхъ или экономическихъ интересахъ. Средніе вѣка знаютъ страшныя избіенія невинныхъ людей, ужасныя гоненія и преслѣдованія беззащитныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ, совершенныя обезумѣвшей и озвѣрѣлой народной массой, но въ этихъ ужасахъ такъ же мало народной ненависти, какъ ея мало при истребленіи, наприм., портовыми рабочими чумныхъ крысъ. По наущенію своихъ учителей и руководителей народъ по временамъ безпощадно уничтожалъ своихъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ враговъ, не чувствуя къ нимъ особой вражды, но вѣря, что они достойны той участи, какую они имъ изготовляли. Лишь въ тѣхъ случаяхъ можно говорить о ненависти и враждѣ въ народныхъ движеніяхъ въ Средніе вѣка, когда предметомъ нападеній служили непосредственные притѣснители народа, которыхъ онъ самъ въ состояніи былъ знать; въ прочихъ же случаяхъ народъ дѣйствовалъ лишь по указанію другихъ, оставаясь равнодушнымъ къ своимъ жертвамъ.

Испанская масса въ Средніе вѣка была такой же, какъ всякая иная масса, столь же мало достойной названія вѣротерпимой, какъ и противоположнаго названія; она была инертна и индифферентна, и не ее слѣдуетъ имѣть въ виду, когда говорятъ о вѣротерпимости испанцевъ въ эпоху Реконкисты, и не на нее имѣли вліяніе политическіе союзы арабовъ и христіанъ, взаимное ихъ знакомство и сближеніе. Политика того времени отражала чувства и интересы не широкихъ классовъ народа, а лишь высшаго привилегированнаго сословія, которое вмѣстѣ съ королемъ являлось вершителемъ судебъ государства. При слабости большинства испанскихъ королей воля дворянства имѣла даже больше значенія, нежели власть монарха, и дворянству слѣдуетъ приписывать добрую

часть того вѣротерпимаго духа, который такъ характеренъ для эпохи Реконкисты. И именно по отношенію къ дворянству можно говорить о вѣротерпимости испанскаго народа, хотя и въ данномъ случаѣ вѣротерпимость вызывалась не столько гуманными чувствами, сколько матеріальными интересами, какъ мы это увидимъ позднѣе, при введеніи Инквизиціи, съ которой дворянство на первыхъ порахъ боролось какъ съ учрежденіемъ, могущимъ подорвать его благосостояніе, а также его старинныя вольности.

Трудно допустить, что въ основѣ либеральной политики того времени лежалъ лишь страхъ предъ тѣмъ, чтобы султанъ не принялъ, въ случаѣ репрессій со стороны испанскихъ королей, жестокихъ мѣръ по отношенію къ тѣмъ христіанамъ, которые еще продолжали находиться подъ мусульманскимъ игомъ. Правда, иногда мусульманскіе эмиры угрожали избіеніемъ христіанъ, если побѣдоносные короли вздумаютъ обращаться съ арабами, какъ съ военноплѣнными, и въ 1489 г., напр., султанъ обратился къ папѣ съ жалобой на царственную католическую чету, дѣйствовавшую, по его мнѣнію, черезчуръ круто съ побѣжденными жителями Гранады, и заявилъ, что и онъ будетъ вынужденъ измѣнить свое отношеніе къ находящимся въ его владѣніяхъ христіанамъ, если политика репрессій будетъ продолжаться попрежнему; Фердинандъ и Изабелла, въ отвѣтъ на это, поспѣшили успокоить султана и объявили, что мавры будутъ пользоваться во вновь завоеванныхъ земляхъ полной свободой—какъ религіозной, такъ и личной [1]). Если такимъ образомъ и можно въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснять политику Испаніи страхомъ предъ султанскими контръ-репрессіями, то по отношенію къ евреямъ, лишеннымъ возможности гдѣ бы то ни было отвѣтить на притѣсненія испанцевъ такими же притѣсненіями, такое объясненіе само собою отпадаетъ, и остается лишь то, которое мы приводили выше, а именно: политика Реконкисты не была проникнута духомъ религіознаго фанатизма, и испанскіе короли разсчетливо и мудро пользовались услугами тѣхъ, кто только могъ быть имъ полезенъ, все равно—къ какой бы онъ ни принадлежалъ религіи или народности.

Положеніе евреевъ того времени въ Испаніи было несравненно лучше, нежели въ прочихъ европейскихъ государствахъ, гдѣ имъ въ большинствѣ случаевъ съ конца XIII, а въ особенности на протяженіи XIV вѣка, нельзя было даже жить. Въ капитуляціонныхъ хартіяхъ, которыми обезпечивалась религіозная свобода мудехаровъ, иногда имѣлись особыя статьи, говорившія и о религіозной свободѣ евреевъ; а если особаго упоминанія о нихъ и не было, то нерѣдко предполагалось, какъ нѣчто само собою понятное, что дарованная королями вѣротерпимость распространяется на всѣхъ его новыхъ подданныхъ безъ различія вѣроисповѣданій. Такъ, въ фуэро города Миранды на Эбро, дарованномъ королемъ Альфонсомъ VI въ 1009 г., говорится, что всѣ статьи фуэро относятся къ представителямъ какъ привилегированныхъ, такъ и непривилегированныхъ классовъ и сословій, а также всѣхъ религій, исповѣдуютъ ли послѣднія евреи или мусульмане (et omnes populatores qui modo sunt, aut de caetero, homines generosi aut pedonii, a u t m a u r i a u t j u d a e i habeant istud forum). Аналогичныя постановленія мы встрѣчаемъ въ рядѣ другихъ капитуляціонныхъ граматъ. Въ 1134 г. Рамиро II не дѣлаетъ никакой разницы между евреями, маврами и христіанами города Каседы и устанавливаетъ одни и тѣ же права для всѣхъ жителей Туделы, Каркастильо и Белорадо, безъ различія религій, ссылаясь на то, что подобное равноправіе существуетъ уже въ Соріи и Дарокѣ [2]).

На евреевъ распространялись даже городскія вольности и привилегіи, завоеванныя испанскими городами, въ помощи которыхъ противъ арабовъ постоянно столь сильно нуждались христіанскіе короли. Въ carta-puebla города Кастрохериса, данной кастильскимъ

---

[1]) H. Ch. Lea, «The Moriscos of Spain», 17.

[2]) Fernandez y Gonzalez, op. cit., стр. 117—120; Amador de los Rios, «Historia social politica y religiosa de los Judíos de España y Portugal», t. I, 196—197.

графомъ Г. Фернандесомъ въ 974 г., права евреевъ гарантированы въ такой же степени, какъ и права христіанскихъ жителей Кастрохериса, и за убійство еврея приходилось платить ту же сумму, какъ за убійство христіанина (Et si homines de Castro matarent judeo, tantum pectent pro illo quo modo pro christiano) [1]. То же мы находимъ и въ другихъ городскихъ хартіяхъ.

Отдѣльныя королевскія граматы, выдаваемыя евреямъ, отличались столь же вѣротерпимымъ духомъ. Такъ, завоеватель Балеарскихъ островов Яковъ I или Хаиме I (1213—1276), въ свитѣ котораго находился еврей Бахіель изъ Сарагоссы, врачъ и переводчикъ, даровалъ евреямъ цѣлый рядъ граматъ, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему: евреи живутъ въ отдѣльной части города близъ королевскаго дворца, образуя особое гетто—judería, король обѣщаетъ имъ свое покровительство, они пользуются всѣми правами гражданства, имѣютъ свой собственный судъ, имъ разрѣшается убивать скотъ согласно еврейскимъ законамъ, составлять дѣловые документы (завѣщанія, свадебные договоры и т. д.) на еврейскомъ языкѣ; христіанамъ и маврамъ, подъ страхомъ строгаго наказанія, запрещено оскорблять евреевъ и осквернять ихъ кладбища; евреямъ предоставлено доносить непосредственно королю о притѣсненіяхъ со стороны администраціи; имъ разрѣшено давать взаймы деньги изъ 20 процентовъ съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы сумма наросшихъ % не превышала суммы капитала; евреямъ разрѣшалось владѣть всякой собственностью—какъ движимой, такъ и недвижимой, они могли имѣть свои сады, виноградники и всякую иную землю,—при чемъ не только въ городахъ, но и въ деревняхъ; евреевъ нельзя было принуждать отдавать свои дома въ наемъ христіанамъ; послѣднимъ, съ другой стороны, запрещено было жить вмѣстѣ съ евреями. Въ 1229 г. Яковъ I (Хаиме I) предоставилъ евреямъ Калатаюда право избрать изъ своей среды, въ присутствіи и съ согласія раввина (arrab), четырехъ уполномоченныхъ (adelantados), которые должны были слѣдить за безопасностью общины (aljama), налагая на разбойниковъ и другихъ преступниковъ различныя наказанія вплоть до смертной казни; съ вѣдома алхамы, уполномоченные могли выслать изъ предѣловъ города любого еврея и конфисковать его имущество [2]. Послѣ покоренія Майорки тотъ же король Яковъ, распредѣляя завоеванныя земли между своими солдатами, далъ евреямъ алкеріи (арендныя земли) въ Генкѣ, Ампуданнѣ, Петрѣ и Монтуири [3]. Въ 1247 г. всѣмъ евреямъ, желавшимъ поселиться въ Валенсіи, Каталоніи и на островѣ Майоркѣ, предоставлялись королевскій гидагъ [4] и полная натурализація [5]. Въ 1268 г. былъ отданъ приказъ, въ силу котораго нельзя было принуждать евреевъ присутствовать на проповѣдяхъ монаховъ доминиканскаго ордена; послѣднимъ же запрещалось появляться въ синагогѣ, съ агитаціонными цѣлями, въ сопровожденіи народной толпы [6].

Когда Альфонсъ VI, пользуясь раздорами среди мавровъ, отвоевалъ у нихъ Толедо (1085), онъ предоставилъ евреямъ Толедо тѣ же права, что и христіанамъ, при чемъ еврей-

---

[1]) Amador de los Rios, «Historia» etc., I, стр. 173 и слѣд.

[2]) Jean Regné, «Catalogue des actes de Jaime I, Pedro III et Alfonso III, rois d'Aragon, concernant les Juifs», Парижъ, 1911, стр. 2.

[3]) Id., op. cit., стр. 3.

[4]) Guidage или guiaje—свободный проходъ, грамата съ разрѣшеніемъ въѣзда въ городъ и съ запрещеніемъ ставить данному лицу какія-либо препятствія.

[5]) Id., op. cit., стр. 7; Morel-Fatio, «Notes et documents sur les Juifs des Baleares» («Revue des Etudes Juives», t. IV, 1882); Vidal, «Les Juifs de Roussillon et de Cerdagne», Пар., 1888.

[6]) Jean Regné, op. cit., стр. 69; Joseph Jacobs, «An inquiry into the sources of the History of the Jews in Spain», Лондонъ, 1894. Объ отношеніи арагонскихъ королей къ барселонскимъ евреямъ см. F. de Bofarull, «Los Judíos en el territorio de Barcelona (siglos X al XIII)», Барселона, 1911. Тотъ же Бофарулъ помѣстилъ въ «Boletin de la Real Academia de Buenas letras de Barcelona» (октябрь—декабрь 1910) статью объ отношеніи Хаиме I (Якова) къ еврейской общинѣ въ Монпелье, который, какъ извѣстно, въ XIII в. входилъ въ составъ арагонскаго королевства.

скій высшій судья — nasi — имѣлъ право привлекать къ своему суду и христіанъ. Характерно, что однимъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ Альфонса VI былъ еврей Амрамъ ибнъ-Шалбибъ, который во главѣ посольства изъ пятисотъ рыцарей былъ отправленъ королемъ въ Севилью, чтобы потребовать отъ эмира Алъ-Мотадема ежегодной контрибуціи, но велъ себя по отношенію къ севильскому эмиру такъ смѣло, что Алъ-Мотадемъ распорядился пригвоздить его къ висѣлицѣ, а его спутниковъ арестовать [1]). Убійство посла послужило поводомъ къ страшной войнѣ между Альфонсомъ и Алъ-Мотадемомъ, положившей конецъ самостоятельности отдѣльныхъ арабскихъ владыкъ въ Андалузіи и начавшей собою эру династіи алморавидовъ. Въ войскѣ Альфонса было нѣсколько тысячъ еврейскихъ солдатъ, хорошо вооруженныхъ и имѣвшихъ на головахъ желтые и черные тюрбаны. Рѣшительный бой долженъ былъ произойти въ пятницу 23 октября 1086 г., но Альфонсъ предложилъ перенести его на понедѣльникъ въ виду того, что въ пятницу мусульманамъ нельзя воевать, въ субботу евреямъ, а въ воскресенье христіанамъ. Салакскія поля, покрытыя желтыми и черными тюрбанами, свидѣтельствовали о любви, которую сумѣлъ евреямъ внушить къ себѣ Альфонсъ: еврейская молодежь охотно проливала кровь впервые за дѣло христіанскаго государства въ Испаніи [2]). За эту преданность Альфонсъ въ фуэро Леона предоставилъ евреямъ рядъ крупныхъ привилегій, вызвавшихъ, между прочимъ, недовольство папы Григорія VII, писавшаго Альфонсу, что въ его владѣніяхъ евреи господствуютъ и имѣютъ власть надъ христіанами (in terra tua judaeos christianis dominari vel supra eos potestatem exercere). Альфонсъ широко открылъ также евреямъ, изгнаннымъ изъ мусульманскихъ владѣній въ Испаніи, доступъ какъ въ тѣ города Кастиліи, гдѣ уже жили евреи, такъ и туда, гдѣ евреевъ до того времени не было. Такимъ путемъ возникли еврейскія общины въ Таскалѣ (близъ Толедо), Фромнетѣ (близъ Вальядолида) и въ Карріонѣ (близъ Паленсіи). Во всѣхъ этихъ алхамахъ еврейская религія пользовалась полной свободой, и евреи могли избирать своихъ судей, алкаидовъ, гаоновъ и т. д.; каждая община пользовалась внутренней автономіей и представляла собою своего рода независимое государство, гдѣ всякій работалъ для общаго блага и не имѣлъ права отчуждать своего недвижимаго имущества безъ предварительнаго согласія всѣхъ жителей алхамы [3]). За оказанное Альфонсомъ VII гостепріимство изгнаннымъ изъ Андалузіи евреямъ послѣдніе немало были обязаны еврею Іудѣ ибнъ-Эзрѣ (Rabbi Jehudáh Aben-Joseph Aben Hezra), котораго кастильскій король очень уважалъ и любилъ и даже назначилъ комендантомъ толедской крѣпости, пожаловавъ ему княжескій титулъ. Въ 1149 г. Альфонсъ пригласилъ ибнъ-Эзру въ министры дворца и имуществъ, almojarife mayor [4]).

Когда Севилья въ 1248 г. попала, наконецъ, въ руки христіанъ, Фердинандъ III надѣлилъ землею всѣхъ евреевъ, оказавшихъ ему какія-либо услуги; кромѣ того, онъ разрѣшилъ превратить въ синагоги нѣсколько мечетей, расширилъ еврейское гетто, далъ евреямъ землю подъ кладбище въ предмѣстіи Санъ-Бернардо. Его сынъ Альфонсъ X, извѣстный подъ именемъ Мудраго или Астронома, подтвердилъ за севильскими евреями всѣ дарованныя права, прибавивъ, съ своей стороны, рядъ торговыхъ и промышленныхъ привилегій. Альфонсу принадлежитъ опубликованіе свода законовъ «Siete partidas», гдѣ одна часть была посвящена спеціально евреямъ. Въ ней говорилось, что «хотя евреи отвергаютъ Христа, тѣмъ не менѣе, ихъ слѣдуетъ терпѣть въ христіанскихъ государствахъ, дабы всѣ помнили, что они происходятъ отъ племени, распявшаго Христа. Такъ какъ они лишь терпимы, то они должны

[1]) Supradictus Hemram magna praesumptione usus, inhoneste locutus est contra Dominum in concilio publico, et sic iratus est contra Hemram et jussit publico concilio interfici. Грецъ, «Geschichte der Juden», VI, стр. 356.

[2]) Amador de los Rios, op. cit., I, 186.

[3]) Id., op. cit., 197—198.

[4]) Id., op. cit., 199; «Евр. Энцикл.», VII, 959—960.

вести себя тихо, не проповѣдывать публично своей вѣры и отнюдь не пытаться обращать кого-либо въ христіанство». Отдѣльныя постановленія этого законодательнаго сборника въ общемъ были неблагопріятны для евреевъ, но фактически они не проводились въ жизнь, и самъ король подавалъ примѣръ ихъ нарушенія. Вопреки запрещенію евреямъ занимать почетныя должности въ христіанскомъ государствѣ, Альфонсъ имѣлъ въ качествѣ алмохарифа, т. е. генеральнаго откупщика податей и управляющаго королевскими финансами, еврея и позволилъ толедской общинѣ построить самую красивую и большую синагогу въ Испаніи. Лейбъ-медикомъ Альфонса и главнымъ астрономомъ при немъ были также евреи Іуда га-Когенъ и Исаакъ ибнъ-Сидъ. Поселившимся въ Санта Марія дель Пуэрто евреямъ Альфонсъ предоставилъ землю, дома и виноградники,—и все это вопреки имъ же изданному законодательному сборнику «Siete partidas».

«То обстоятельство,—говоритъ Кассель,—что кастильскіе короли предпочитали имѣть министровъ финансовъ и податныхъ чиновниковъ изъ евреевъ, не только указываетъ на спеціальныя способности евреевъ въ управленіи государственнымъ хозяйствомъ, но и бросаетъ особый свѣтъ на своеобразное общественное и національное положеніе евреевъ. Въ нихъ король находилъ безусловно вѣрныхъ слугъ, не связанныхъ съ христіанскими подданными партійными и сословными интересами» [1]). Безъ сомнѣнія, евреи-министры пользовались время отъ времени своимъ положеніемъ и для блага своихъ единовѣрцевъ, а такъ какъ съ теченіемъ времени евреи-министры стали частымъ явленіемъ въ Испаніи, то понятно, что ихъ пребываніе у власти должно было благопріятно отражаться на общемъ положеніи евреевъ. Среди борцовъ за гражданскія права евреевъ въ Испаніи нерѣдко встрѣчаются лица еврейскаго происхожденія, занимающія очень высокое и отвѣтственное положеніе въ государствѣ.

Однако, какъ ни велико было вліяніе отдѣльныхъ министровъ-евреевъ въ различныхъ случаяхъ, не имъ, разумѣется, объясняется общее благопріятное положеніе евреевъ въ Испаніи въ эпоху Реконкисты или, правильнѣе, до середины XIV вѣка. Гораздо большее значеніе, чѣмъ фавориты и министры изъ евреевъ, имѣло то обстоятельство, что въ Испаніи еврей, какъ и мавръ, былъ гражданиномъ, т. е. пользовался правами, предоставленными въ другихъ странахъ средневѣковой Европы однимъ лишь христіанамъ. Лишить евреевъ и мавровъ имущества можно было лишь насильственнымъ путемъ, запретительнаго закона о правѣ собственности не было. Когда кортесы заставили въ Вальядолидѣ короля Санчо издать въ 1293 г. законъ, въ силу котораго евреямъ запрещалось впредь пріобрѣтеніе земельнаго имущества, то постановленіе это не имѣло реальнаго значенія, и традиціи вѣротерпимости оказались сильнѣе буквы ограничительнаго закона. Что евреи продолжали, несмотря на законъ 1293 г., пріобрѣтать землю, видно изъ многочисленныхъ жалобъ въ XIV и XV вѣкахъ на скопленіе въ рукахъ евреевъ большихъ земель. Это безпрепятственное право пользованія землей дѣлало положеніе испанскаго еврея въ сравненіи съ его единовѣрцемъ другихъ странъ очень благопріятнымъ и внушало ему привязанность и любовь къ странѣ, которой онъ гордился и которую онъ считалъ своею. Охотно евреи приносили значительныя жертвы на алтарь отечества, и ихъ кровью щедро обагрялась Испанская земля въ эпоху Реконкисты. Битва при Салакѣ въ 1086 г., какъ мы уже упомянули, дорого обошлась еврейскимъ солдатамъ арміи Альфонса VI; въ 1108 г. почти все лѣвое крыло кастильцевъ въ сраженіи при Уклесѣ состояло изъ евреевъ, а въ 1285 г. арагонскаго короля спасли отъ французскаго короля Филиппа Смѣлаго, главнымъ образомъ, мавры и евреи. Въ войнѣ Педро Жестокаго съ его братомъ Генрихомъ евреи были на сторонѣ перваго и храбро защищали Толедо, Бургосъ и Бривіэску; въ послѣднемъ городѣ, по словамъ Самуила ибнъ Царцы, нарисовавшаго мрачную картину положенія кастильскихъ евреевъ XIV в., ни одинъ изъ 200 евреевъ,

[1]) «Realencyclop.» Ersch'a и Gruber'a, ст. «Juden», ч. II, т. XXVII.

главъ семействъ, не остался въ живыхъ: «тѣла ихъ служили кормомъ для птицъ небесныхъ и звѣрей полевыхъ». Испанскій патріотизмъ евреевъ, плодъ вѣротерпимости испанскихъ мусульманъ и христіанъ эпохи Реконкисты, навсегда наложилъ особый отпечатокъ на евреевъ, и если, несмотря на всѣ несчастія, «еврей,—говоритъ Кассель,—сталъ испанцемъ по нравамъ и языку, по поведенію и взглядамъ, если онъ выступалъ не сгорбившимся и приниженнымъ, какъ еврей нѣмецкій, а выпрямленнымъ и гордымъ, если онъ принималъ участіе въ увеселеніяхъ, не запрещенныхъ религіей, если его радовали музыка, танцы и пиршества, если онъ участвовалъ въ рыцарскихъ турнирахъ, если сохранилъ испанскую гордость до нынѣшняго дня, даже послѣ многовѣковаго изгнанія, если испанскій языкъ, его второй родной языкъ, остался у него какъ сладкій звукъ воспоминанія, несмотря на то, что прошло болѣе четырехъ столѣтій послѣ того поколѣнія, которое видѣло эту дивную страну, то причиной этого является святость земельной собственности» [1]).

Вѣротерпимая политика Испаніи въ эпоху Реконкисты явилась для католической Церкви большой неожиданностью [2]). Дѣло въ томъ, что вестготскіе короли со времени принятія Реккаредомъ въ 586 г. католичества, нуждаясь въ видахъ успѣшной борьбы съ строптивыми вельможами, ихъ соперниками, въ помощи католическаго духовенства, всячески старались идти навстрѣчу требованіямъ Церкви и жестоко преслѣдовали враговъ католической Церкви, т.-е. евреевъ. На третьемъ соборѣ въ Толедо (589), извѣстномъ подъ названіемъ «Собора обращенія въ христіанство», Реккаредъ провелъ цѣлый рядъ ограничительныхъ мѣръ противъ евреевъ, продиктованныхъ ему, очевидно, папой Пелагіемъ II и Григоріемъ I Великимъ, ставшимъ папой черезъ годъ и выразившимъ благодарность Реккареду за принятыя имъ мѣры въ защиту католической вѣры. Преемники Реккареда, въ особенности Сисебутъ (612—621), продолжали идти по пути преслѣдованій и гоненій, санкціонированныхъ девятымъ, двѣнадцатымъ и шестнадцатымъ соборами въ Толедо (654, 681 и 693 гг.). Можно было поэтому ожидать, что при обратномъ завоеваніи Испаніи католическими монархами снова возродится старая система преслѣдованій еретиковъ, и католическая Церковь попрежнему будетъ диктовать послушнымъ государямъ свою суверенную волю. Дѣйствительность, однако, не оправдала этихъ надеждъ, и Церковь съ негодованіемъ относилась къ политикѣ Реконкисты. Римскій соборъ 1078 г. рѣзко осудилъ германскаго императора Генриха IV за то, что онъ пользовался услугами евреевъ въ качествѣ откупщиковъ податей, и это осужденіе въ неменьшей степени касалось и испанскихъ королей, призывавшихъ уже въ то время къ занятію высшихъ государственныхъ должностей евреевъ и арабовъ. Въ 1081 г. папа Григорій VII обратился къ Альфонсу VI съ энергичнымъ протестомъ по поводу его мягкаго отношенія къ иновѣрцамъ, заявивъ, что подобная политика является оскорбленіемъ Божіей Церкви и упроченіемъ власти сатаны. «Желать нравиться врагамъ Христа—значитъ выражать презрѣніе Самому Христу». И въ то время, какъ папы и соборы возмущались вѣротерпимостью христіанскихъ королей Реконкисты, отдѣльные представители испанскаго духовенства стали сѣять въ странѣ сѣмена религіозной вражды и фанатической злобы.

Толедскій архіепископъ Бернардо использовалъ пораженіе кастильской арміи при Уклесѣ въ 1108 г. въ цѣляхъ устройства еврейскаго погрома, пустивъ въ народѣ слухъ, что битва была христіанами проиграна благодаря евреямъ, составлявшимъ лѣвое крыло арміи, ранѣе другихъ подавшееся натиску враговъ. Агитація Бернардо увѣнчалась успѣхомъ: въ Толедо началась рѣзня евреевъ (погибъ, между прочимъ, Соломонъ ибнъ-Фариссоль), ко-

---

[1]) «Realencyclop.» Ersch'a и Gruber'a, ст. «Juden», ч. II, t. XXVII.

[2]) Объ испанской церкви см. La Fuente, «Historia eclesiastica de España», 2 изд., 1873—75, Мадридъ, 6 томовъ; много свѣдѣній можно найти и у Hefele, «Conciliengeschichte, nach den Quellen bearbeitet», 1873—90, Фрейбургъ, 8 т.

торая быстро была пріостановлена благодаря энергичнымъ мѣрамъ Альфонса VI [1]). Когда въ слѣдующемъ году король скончался, Бернардо снова поднялъ чернь противъ евреевъ, попрежнему обвиняя ихъ въ потерѣ Толедо. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возникли антиеврейскіе безпорядки, при чемъ въ Кастрохерисѣ они носили кровавый характеръ, какъ это явствуетъ изъ описанія лѣтописца: levaverunt se varones de Castro... super illos judeos... et de illis occiderunt, et de illis captitaverunt, et totos illos depredaverunt (и поднялись мужи Кастро... на тѣхъ евреевъ, убивали ихъ, брали ихъ въ плѣнъ и всѣхъ грабили) [2]). Хотя Альфонсъ VI въ свое время рѣшилъ преслѣдовать убійцъ и грабителей, тѣмъ не менѣе, рѣшеніе это не привело ни къ чему, и малолѣтній Альфонсъ VII долженъ былъ въ 1118 г. помиловать всѣхъ виновныхъ въ убійствѣ и ограбленіи евреевъ.

Въ другомъ кровавомъ погромѣ, происходившемъ черезъ 170 лѣтъ послѣ этихъ событій, иниціатива опять принадлежала католическому священнику. Въ 1278 г. епископъ Педро де Кастельну, недовольный милостями, оказываемыми арагонскими королями евреямъ Героны, а также исходомъ теологическихъ дискуссій, происходившихъ въ этомъ городѣ между нимъ и раввиномъ Моисеемъ ибнъ-Нахманомъ, устроилъ погромъ въ Геронѣ, при чемъ ядро громилъ состояло изъ лицъ, причастныхъ къ мѣстной церкви. Когда евреи принесли жалобу королю Педро III на поведеніе епископа и его подчиненныхъ, король приказалъ геронскому Justicia сдѣлать строгое внушеніе громиламъ, но слова его прерывались криками, исходившими отъ лицъ духовнаго званія (clerici). Въ виду этого король обратился прямо къ епископу съ рѣшительнымъ осужденіемъ событій 1278 г., извѣщая въ то же время всѣхъ честныхъ людей Героны (probi homines Gerundae), что они будутъ считаться отвѣтственными за всякія оскорбленія «нашей худеріи». Слова короля были очень рѣзки; они гласили, между прочимъ: «Intelleximus quod nuper per Clericos sedis Gerundae... in contemptum Nostrae Dominationis, fuit expugnata et illapidata Judaria nostra... mandamus vobis quatenus... non sustineatis quod aliqui Clerici... malum faciat... cum satis videatur jus nostrum per vos et bona vestra deffendi posse contra eos, alias de quocumque damno eisdem judeis illato per Clericos, commutabimus Nos inde ad vos et bona vestra (Мы слышали, что недавно духовныя лица Героны, подрывая авторитетъ нашей власти, нападали и каменьями забросали нашу худерію... мы приказываемъ вамъ, чтобы вы не допускали причиненія евреямъ вреда со стороны духовенства... чтобы ясно было, что вы защищаете наше право своимъ имуществомъ, мы перенесемъ на васъ и на ваше имущество всякій ущербъ, который будетъ евреямъ причиненъ лицами духовнаго званія).

Чтобы смягчить гнѣвъ католическаго духовенства, короли нерѣдко приносили ему въ видѣ подарка отдѣльныхъ евреевъ со всѣмъ ихъ имуществомъ. Такъ, арагонскій король Санчо Рамиресъ подарилъ въ 1063 г. епископу города Алабы еврея, котораго испанскій историкъ Моретъ называетъ рабби Марлаимъ (Maleachi — по Кайзерлингу). Педро Санчесъ предоставилъ половину вносимаго евреями городка Руэсты (близъ Уэски) налога нуждавшемуся въ деньгахъ аббату. Еще щедрѣе былъ Рамиресъ II, прозванный за свою религіозность Монахомъ (el Monje); въ 1144 г. онъ отнялъ у евреевъ г. Эстельи синагогу, подаривъ ее епископу Лопесу съ тѣмъ, чтобы онъ превратилъ ее въ

[1]) «Anales Toledanos» кратко передаютъ эти событія, ограничиваясь лишь словами: «mataron á los judios en Toledo, dia domingo, viespera de Sancta Maria de Agosto, Era MCXLVI». Ср. Amador de los Rios, op. cit., t. I, 189.

[2]) Muñoz, «Collect. de Fueros y Cartas-pueblas», стр. 41. Амадоръ-де-лосъ-Ріосъ, по которому мы цитируемъ это мѣсто, замѣчаетъ по поводу словъ «occiderunt» и «depredaverunt», что они почти всегда сопровождаютъ одно другое, такъ какъ, повидимому, противники евреевъ не столько желали ихъ смерти, сколько ихъ богатства, и не ограничивались поэтому простымъ истребленіемъ враговъ католической Церкви. Впрочемъ, и нападавшіе на евреевъ арабы также имѣли въ виду ихъ богатства. Amador de los Rios, op. cit., 190—191; E. Cl. Girbal, «Los Judios en Gerona». Герона, 1870; Kayserling, «Geschichte der Juden in Spanien und Portugal», Берл., 1867.

церковь св. Маріи. Однако, подобнаго рода дары не могли удовлетворить папскій престолъ, и Целестинъ III (1191—1198) рѣзко порицалъ арагонскаго короля Санчо Сильнаго за его «чрезмѣрную дружбу» съ врагами Церкви, подъ которыми папа разумѣлъ мавровъ и евреевъ. Въ угоду римскому престолу, испанское духовенство со все возраставшимъ усердіемъ сѣяло въ народѣ сѣмена религіозной вражды,—понадобилось, однако, вмѣшательство иностранцевъ, чтобы въ Испаніи возникъ серьезный еврейскій погромъ, подобный тому, какой произошелъ въ 1212 г., когда изъ Франціи прибылъ во главѣ многочисленныхъ крестоносцевъ цистерціанскій монахъ Арно изъ Сито.

Эти заальпійскіе воины, какъ называли ихъ испанцы, присланные папой Иннокентіемъ III для борьбы съ мусульманами, стали возмущаться благосостояніемъ и относительной свободой евреевъ и натравливали на нихъ толпу, и безъ того возбужденную вслѣдствіе войны, которую пришлось тогда вести христіанамъ съ алмогадами. По словамъ Абрабанеля, іюньскіе дни 1212 г. были самыми кровавыми днями, какіе когда-либо пришлось пережить евреямъ, и изъ Испаніи въ то время бѣжало, по его мнѣнію, больше евреевъ, нежели ихъ было выведено изъ Египта Моисеемъ. Лишь благодаря заступничеству испанскихъ грандовъ количество жертвъ относительно было невелико. Тотъ же Арно изъ Сито вмѣстѣ съ толедскимъ архіепископомъ Родриго заставили Альфонса IX, послѣ его побѣды при Ласъ Навасъ де Толоса въ 1212 г., отказаться отъ даннаго имъ обѣщанія пощадить жизнь 70 тыс. мавровъ, находившихся въ Убедѣ и согласившихся сдѣлаться мудехарами и уплатить королю милліонъ добласъ. Теперь Альфонсъ сталъ требовать немедленной уплаты милліонной контрибуціи, что, разумѣется, было совершенно не подъ силу мусульманамъ, которые тутъ же были либо убиты, либо обращены въ рабство. Точно также, когда Яковъ, король арагонскій, овладѣлъ въ 1229 г. Балеарскими островами и сталъ править мусульманами въ духѣ вѣротерпимости, Иннокентій IV приказалъ ему въ 1248 г. разрѣшить мусульманамъ пребываніе на островахъ подъ условіемъ, если они сдѣлаются рабами христіанъ. Впрочемъ, арагонскіе короли мало считались съ этими приказаніями Рима, и въ 1266 г. папа Климентъ IV снова напоминаетъ королю о необходимости изгнанія мавровъ изъ арагонскаго королевства. Климентъ указываетъ на то, что доброе имя короля сильно будетъ страдать, если онъ изъ матеріальныхъ выгодъ будетъ позволять, чтобы оскорблялась вѣра Господня, осквернялось христіанство и распространялись нечестивыя ученія; если же король изгонитъ невѣрныхъ, онъ этимъ самымъ осуществитъ волю Бога, и имя его будетъ благословляться во вѣки вѣковъ. Въ 1278 г. папа Николай III упрекалъ Альфонса X за то, что онъ заключилъ перемиріе съ маврами, и угрожалъ лишеніемъ слѣдуемой ему части церковныхъ денегъ, если онъ не предприметъ похода на Алгесирасъ, закончившагося, какъ извѣстно, печально для Альфонса. Арнольдо де Перальта, бывшій епископомъ Валенсіи съ 1261 по 1273 г., запретилъ лицамъ духовнаго званія, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, пить вино въ еврейскомъ домѣ и даже покупать въ обыденное время у еврея вино. Въ общемъ, однако, духъ вѣротерпимости въ XIII вѣкѣ продолжалъ въ Испаніи преобладать надъ проявленіями религіознаго фанатизма, взлелѣяннаго католическимъ духовенствомъ, и испанскіе короли энергично сопротивлялись репрессивнымъ мѣрамъ противъ невѣрныхъ, отстаивая необходимость примирительной политики, какъ это особенно ярко обнаружилось въ вопросѣ о ношеніи арабами и евреями отличительнаго знака на верхней одеждѣ,—вопросѣ, выдвинутомъ съ особой силой на Латеранскомъ соборѣ.

На IV-мъ Латеранскомъ соборѣ 1215 г. испанскому духовенству было поставлено въ упрекъ его чрезмѣрно пассивное отношеніе къ вопросу о невѣрныхъ и указано было, что ни въ одной странѣ положеніе евреевъ не отличается такимъ благополучіемъ, какъ въ Испаніи, гдѣ католическіе монархи берутъ подъ свое покровительство мавровъ и евреевъ, а духовенство недостаточно энергично борется съ такимъ зломъ. Соборъ постановилъ, чтобы отнынѣ всякій государь, подъ страхомъ отлученія отъ

Церкви и лишенія трона, принималъ самыя энергичныя мѣры къ истребленію враговъ католической Церкви и не допускалъ въ предѣлахъ своего государства ни одного невѣрнаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, соборъ повелѣлъ, чтобы мавры и евреи носили особый отличительный знакъ на верхней одеждѣ для того, чтобы ихъ по внѣшности можно было отличать отъ христіанъ [1]). Мѣра эта была не только унизительна, но и влекла за собою для мавровъ и евреевъ, совершавшихъ въ то время частыя путешествія по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ, серьезныя опасности, и естественно, что она вызывала сопротивленіе со стороны заинтересованныхъ лицъ. Съ увѣренностью можно утверждать, что какъ арабы, такъ и евреи, опираясь на поддержку короля, если и не всегда открытую, то во всякомъ случаѣ тайную, совершенно не подчинялись этому требованію собора, и въ 1217 г. Гонорій III въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказываетъ свое недовольство по поводу того, что законъ о ношеніи особаго отличительнаго знака евреями и арабами не получилъ своего осуществленія въ Кастиліи, и требовалъ, чтобы онъ былъ немедленно введенъ въ королевствѣ. Однако, распоряженіе Гонорія было имъ же отмѣнено въ 1219 г., при чемъ за отмѣну ходатайствовалъ король Фердинандъ III Святой. Онъ указывалъ на то, что евреи готовы скорѣе совершенно покинуть предѣлы Испаніи, нежели носить на своей одеждѣ позорное пятно; оставленіе же евреями государства повлечетъ за собою значительное уменьшеніе государственныхъ доходовъ, столь необходимыхъ нынѣ для веденія войны съ сарацинами. Король приводилъ также для доказательства неудобства этого постановленія собора и то обстоятельство, что арабскіе и еврейскіе купцы сдѣлаются при ношеніи особой одежды жертвами частыхъ нападеній разбойниковъ на большой дорогѣ, что вызоветъ застой въ торговлѣ, который въ свою очередь неблагопріятно отразится на финансовомъ положеніи государства. Фердинандъ III, какъ, впрочемъ, многіе изъ его предшественниковъ и преемниковъ, умѣлъ цѣнить экономическое значеніе евреевъ и арабовъ для Испаніи и, нуждаясь для своихъ военныхъ цѣлей въ деньгахъ, старался обезпечить внутри государства имущественную и личную безопасность своихъ мусульманскихъ и іудейскихъ подданныхъ, какъ необходимое условіе экономическаго процвѣтанія страны. Несмотря на то, что Григорій IX въ 1233 г. и Иннокентій IV въ 1250 г. приказали кастильскимъ прелатамъ точно соблюдать постановленія Латеранскаго собора и слѣдить за искорененіемъ враговъ Церкви въ странѣ и за ношеніемъ невѣрными особой одежды, Фердинандъ Святой продолжалъ настаивать на своемъ, доказывая невозможность проведенія въ жизнь этихъ мѣръ и освобождая отъ нихъ своихъ подданныхъ. Сынъ его, Альфонсъ X, уступая давленію духовенства, постановилъ въ своемъ кодексѣ «Siete Partidas», чтобы евреи, подъ страхомъ штрафа въ 10 золотыхъ мараведи или 10 ударовъ, имѣли на своей верхней одеждѣ отличительный знакъ, мавровъ же онъ совершенно освободилъ отъ этого обязательства; но такъ какъ кортесы до 1348 г. не санкціонировали законодательнаго сборника Альфонса X, то его распоряженіе о евреяхъ фактически не было проведено въ жизнь; да и самъ король, какъ нами уже разъ было отмѣчено, далеко не всегда исполнялъ постановленія «Siete Partidas» и часто совершенно открыто ихъ нарушалъ. Синодъ въ Саморѣ, состоявшійся въ январѣ 1313 г. и принявшій рядъ значительныхъ ограниченій по отношенію къ невѣрнымъ, между прочимъ, запрещеніе евреямъ строить новыя синагоги, снова напомнилъ о необходимости проведенія въ жизнь пункта Латеранскаго собора о ношеніи отличительнаго знака на одеждѣ; на кортесахъ того же года было выставлено аналогичное требованіе, и инфантъ Хуанъ, отъ имени короля Альфонса XI, заявилъ, что будетъ поступать такъ, какъ того требуютъ интересы государства. Тарагонскій синодъ 1238 г. постановилъ, чтобы и въ Арагоніи было осуществлено рѣшеніе Латеранскаго собора объ одеждѣ; однако, короли не считались съ этимъ, и въ 1282 г. духовенство повто-

[1]) Ulysse Robert, «Les signes d'infamie au Moyen-âge, Juifs, Sarrasins, hérétiques lépreux, cagods et filles publiques», Парижъ.

рило то же требованіе. Лишь въ 1300 г. появилось распоряженіе арагонскаго короля Якова II о томъ, чтобы мудехары имѣли особую прическу; въ Кастиліи же постановленіе объ отличительной одеждѣ для евреевъ и мавровъ было издано лишь въ 1371 г. Генрихомъ II сейчасъ послѣ рѣшенія объ этомъ кортесовъ въ Торо.

Почти черезъ сто лѣтъ послѣ IV-го Латеранскаго собора состоялся въ 1312 г. соборъ въ Вьеннѣ, на которомъ испанскому духовенству снова пришлось выслушать горькіе упреки по поводу религіозной свободы, господствовавшей въ большей части Пиренейскаго полуострова; Вьеннскій соборъ особенно возмущался тѣмъ, что невѣрные часто посѣщаютъ въ Испаніи христіанскія церкви и что на еврейскихъ и мусульманскихъ свадьбахъ, пиршествахъ и религіозныхъ обрядахъ нерѣдко присутствуютъ христіане, иногда даже принимая въ нихъ дѣятельное участіе. Соборъ жаловался также на то, что живущіе въ христіанскихъ государствахъ сарацины открыто совершаютъ свои молитвы, имѣютъ своихъ священниковъ, громко славословятъ Магомета и устраиваютъ процессіи къ гробу тѣхъ, кого они считаютъ святыми. Все это стоитъ въ противорѣчіи съ духомъ истинной религіи, какъ ее понимаетъ соборъ, и потому онъ считаетъ своей священной обязанностью объявить испанскимъ королямъ о недопустимости подобнаго оскверненія христіанства, если только они не желаютъ навлечь на себя самыя ужасныя небесныя кары. Угрозы Вьеннскаго собора не имѣли, однако, на монарховъ Иберійскаго полуострова должнаго вліянія, что особенно огорчало представителей испанскаго духовенства, устроившаго въ 1313 г. синодъ въ Саморѣ, гдѣ именемъ Бога и св. Петра были прокляты всѣ тѣ, которые будутъ способствовать сохраненію закона, въ силу котораго еврей можетъ быть изобличенъ лишь свидѣтельскими показаніями еврея же. Синодъ торжественно объявилъ, что евреи являются змѣями, которыхъ христіане должны терпѣть, такъ какъ они носятъ человѣческій обликъ, но которыхъ они должны держать въ рабствѣ; это заявленіе должно было ежегодно читаться во всеуслышаніе во всѣхъ церквахъ. Практическаго и непосредственнаго значенія оно, однако, не имѣло, и синодъ 1322 г. въ Вальядолидѣ снова жаловался на то, что евреи и мавры присутствуютъ на христіанскомъ богослуженіи, а христіане участвуютъ на похоронахъ и свадьбахъ невѣрныхъ; запрещая и то, и другое, синодъ постановилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допускать впредь евреевъ и мавровъ къ занятію государственныхъ и общественныхъ должностей, въ которыхъ они могли бы имѣть власть надъ христіанами; точно также, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, нельзя было пользоваться услугами еврейскихъ и мусульманскихъ врачей, которые примѣняютъ всѣ свои знанія къ тому, чтобы погубить, какъ можно больше, христіанъ. Однако, и теперь испанскіе короли продолжали придерживаться своей старой, сравнительно вѣротерпимой политики, и тарагонскій синодъ 1329 г. жалуется, что ни одно постановленіе Вьеннскаго и Латеранскаго соборовъ не получило силы закона въ Испаніи; синодъ, подъ страхомъ интердикта и отлученія отъ Церкви, требуетъ, чтобы свѣтскія власти въ теченіе двухъ мѣсяцевъ привели въ исполненіе всѣ желанія какъ римскаго, такъ и мѣстнаго, испанскаго духовенства. Что и на этотъ разъ постановленія Вьеннскаго собора остались мертвой буквой, видно изъ того, что въ 1429 г. къ арагонскому королю обратился съ просьбой тортосскій синодъ, чтобы, наконецъ, было обращено должное вниманіе на рѣшеніе 1312 г. Однако, лишь Фердинандъ и Изабелла стали въ точности примѣнять по отношенію къ маврамъ продиктованныя Вьенскимъ соборомъ мѣры, что вызвало въ 1482 г. и въ 1489 г. со стороны султана угрозу подобныхъ же репрессій противъ христіанъ, жившихъ въ его владѣніяхъ (см. стр. 7).

Не довольствуясь ограничительными мѣрами по отношенію къ невѣрнымъ, Церковь требовала ихъ изгнанія изъ предѣловъ государства. Такъ, въ 1337 г. архіепископъ Тарагоны Арнольдъ обратился съ ходатайствомъ къ папѣ Бенедикту XII, чтобы онъ приказалъ арагонскому королю немедленно изгнать всѣхъ мудехаровъ. Какъ бы предупреждая возможныя со стороны испанскихъ грандовъ возраженія, архіепископъ указываетъ на то,

что аббатъ Поблета, недавно удалившій всѣхъ арабовъ изъ своихъ владѣній, нисколько не пострадалъ матеріально, и что можно было бы разрѣшить грандамъ конфисковать и продавать имущество и личность мавровъ какъ враговъ Церкви и часть полученной такимъ образомъ суммы употребить на дѣло дальнѣйшей борьбы съ сарацинами. Такая мѣра была бы тѣмъ болѣе справедлива,—говорилъ архіепископъ Арнольдъ,—что при завоеваніи Валенсіи Яковомъ I былъ данъ обѣтъ объ изгнаніи всѣхъ мавровъ, и король только потому не исполнилъ своего слова, что корыстолюбивые сеньеры были противъ этого; поведеніе послѣднихъ вполнѣ заслуживаетъ порицанія, ибо въ Валенсіи находится теперь до 50 тыс. невѣрныхъ, способныхъ носить оружіе, что является несомнѣнной опасностью въ виду обѣщанія марокканскаго султана прійти на помощь Гранадѣ. Валенсія и безъ того, продолжаетъ архіепископъ, почти потеряна для христіанъ, такъ какъ въ ней больше мечетей, чѣмъ церквей, народъ не умѣетъ молиться и большей частью говоритъ лишь по-арабски. Въ виду подобнаго положенія дѣлъ архіеп. Арнольдъ дважды хлопоталъ предъ близкими Бенедикту XII людьми, чтобы они побудили его принять самыя энергичныя мѣры противъ мавровъ. «Такое постоянное давленіе со стороны духовенства,—говоритъ Ли,—не могло не имѣть вліянія на правящіе классы Испаніи, и кортесы постепенно начинаютъ издавать законы въ духѣ, крайне враждебномъ арабамъ и евреямъ» [1]). Кортесы въ Соріи въ 1380 г. постановили исключить изъ еврейскихъ молитвенниковъ тѣ мѣста, которыя должны считаться оскорбительными для христіанъ, при чемъ впредь налагалось тяжкое наказаніе на произносившихъ во время молитвы эти слова; кромѣ того, раввины были лишены права судить своихъ единовѣрцевъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Кортесы въ Вальядолидѣ въ 1385 г. запретили христіанамъ жить среди евреевъ и прибѣгать къ ихъ помощи въ качествѣ откупщиковъ и собирателей податей и отмѣнили право еврейскихъ судей участвовать въ гражданскихъ дѣлахъ между христіаниномъ и евреемъ; кромѣ того, былъ изданъ рядъ мѣръ, ограничившихъ права еврейскихъ кредиторовъ надъ христіанскими должниками. Кортесы 1387 г. въ Бривіэскѣ запретили христіанамъ имѣть, въ качествѣ прислуги, араба или еврея, за исключеніемъ, впрочемъ, раба, и христіанамъ даже отнынѣ нельзя было вести никакихъ бесѣдъ съ невѣрными, кромѣ указанныхъ въ узкихъ рамкахъ закона; за всякое нарушеніе постановленій 1387 г. налагался штрафъ въ размѣрѣ шести тыс. мараведи; еврей или арабъ, имѣвшій христіанскую прислугу, подлежалъ, по усмотрѣнію короля, конфискаціи всего имущества и тѣлесному наказанію. Однако, несмотря на то, что мѣры эти были проведены въ кортесахъ, осуществленіе ихъ встрѣчало большія затрудненія, вызывавшія неоднократныя жалобы со стороны Церкви. Синодъ 1388 г. въ Валенсіи, съ своей стороны, запретилъ излишніе разговоры между христіанами и невѣрными, потребовавъ отъ послѣднихъ, чтобы они отдавали должное почтеніе встрѣчающимся имъ по пути христіанскимъ процессіямъ, и чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ арабы и евреи не производили публично никакой работы. Съ особенной силой синодъ настаивалъ на существованіи особыхъ гетто: moreria—для мавровъ, juderia—для евреевъ. Тамъ, гдѣ ихъ еще не было, они должны были быть устроены въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; по истеченіи этого времени ни одинъ еврей или мавръ не могъ жить внѣ гетто, а христіанинъ внутри гетто; только днемъ невѣрные могли съ торговыми цѣлями выходить за предѣлы гетто и владѣть тамъ лавками и магазинами, на ночь они обязаны были возвращаться къ своимъ женамъ и дѣтямъ въ гетто. Какъ и въ другихъ случаяхъ, постановленія синода 1388 г. не сразу получили силу закона, и лишь въ 1412 г. былъ изданъ законъ, въ силу котораго вся Испанія должна была покрыться мореріями и худеріями, окруженными стѣнами и имѣвшими лишь по одной выходной двери; тяжелыя денежныя и тѣлесныя наказанія угрожали тѣмъ, которые продолжали жить внѣ гетто. Однако, жизнь и теперь оказалась сильнѣе постановленій синода и кортесовъ, и въ 1480 г. Фердинандъ

[1]) Lea, op. cit., I, стр. 76.

ФЕРДИНАНДЪ КАТОЛИКЪ.

и Изабелла, устанавливая отсутствіе во многихъ мѣстахъ требуемыхъ законами гетто, издали декретъ о томъ, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ вездѣ были устроены особые кварталы для невѣрныхъ. И въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, энергія католической четы преодолѣла всѣ препятствія, и законъ о гетто сталъ строго соблюдаться.

Во всѣхъ этихъ законодательныхъ актахъ, какъ и въ постановленіяхъ синодовъ, обыкновенно не дѣлалось никакой разницы между евреями и арабами: тѣ и другіе были одинаково ненавистны Церкви, и на тѣхъ и на другихъ должны были распространяться репрессивныя мѣры, продиктованныя свѣтскимъ властямъ духомъ средневѣковой Церкви. Фактически, однако, вскорѣ стали дѣлать различіе между евреями и арабами. Главная тяжесть ограниченій и запретовъ падала преимущественно на первыхъ, потому что они были количественно слабѣе арабовъ въ томъ смыслѣ, что не жили въ такой степени сплошными массами и, кромѣ того, не имѣли за своей спиной чужестранныхъ монарховъ, которые могли бы прійти къ нимъ на помощь въ случаѣ особенно сильныхъ репрессій. Къ этимъ двумъ факторамъ, объясняющимъ, почему занесенный Церковью надъ головами невѣрныхъ ударъ направился преимущественно въ сторону евреевъ, слѣдуетъ прибавить еще одинъ. Дѣло въ томъ, что евреи, подобно арабамъ, являясь націей по преимуществу промышленной и торговой, давали, не въ примѣръ арабамъ, очень значительное число финансовыхъ дѣятелей, въ особенности откупщиковъ и собирателей податей. Представители этихъ должностей, не отличающіеся обычно особой щепетильностью при исполненіи своихъ обязанностей, обыкновенно ненавистны народу, и эту ненависть сумѣло ловко использовать въ своихъ интересахъ испанское духовенство, лицемѣрно и умышленно отождествляя всю массу еврейскаго населенія съ нѣсколькими богатыми и вліятельными алмохарифами и финансистами. На этой почвѣ религіозный фанатизмъ впервые встрѣтился съ экономическими интересами широкихъ народныхъ массъ, глубоко и сильно ими пропитался и значительно расширился, пріобрѣвъ почти самостоятельный, независимый отъ пропаганды духовенства, характеръ. Черная смерть 1348 г. немало также способствовала развитію въ народѣ вражды къ евреямъ. Изъ Германіи и Швейцаріи черезъ южную Францію проникло въ Испанію народное повѣріе, будто евреи въ цѣляхъ искорененія христіанства страшнымъ ядомъ отравляютъ всѣ источники воды, и христіане нынѣ вынуждены, вмѣсто здоровой и чистой воды, пить отравленную еврейскимъ ядомъ, смертоносную воду. Хотя папа Климентъ VI въ іюлѣ 1348 г. въ особой буллѣ призналъ совершенно неосновательнымъ утвержденіе объ отравленіи евреями колодцевъ, и хотя отъ Черной смерти евреи погибали сравнительно въ довольно значительномъ количествѣ, тѣмъ не менѣе, народная молва продолжала считать ихъ главными виновниками страшной эпидеміи и жестоко ихъ за это избивала. На этой почвѣ произошли избіенія евреевъ и въ Испаніи, преимущественно въ Каталоніи, хотя и далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Германіи, что отчасти объясняется и заступничествомъ за евреевъ короля Педро Жестокаго, вступившаго на кастильскій престолъ въ 1350 году.

Въ связи съ царствованіемъ Педро началась агитація противъ евреевъ и на политической почвѣ. Дѣло въ томъ, что противникъ Педро Жестокаго, его незаконный братъ Генрихъ Трастамара, желая привлечь на свою сторону духовенство, распространялъ слухъ, будто Педро потому такъ благосклонно относится къ евреямъ, что онъ самъ еврей: королева Марія, мать Педро, родила на самомъ дѣлѣ дѣвочку, но боясь гнѣва своего мужа Альфонса XI, желавшаго скорѣе имѣть наслѣдника престола, замѣнила ее еврейскимъ мальчикомъ, который нынѣ окружилъ себя еврейскими совѣтниками, задающимися антирелигіозными цѣлями [1]). Агитація духовенства была въ этомъ направленіи такъ сильна, что

[1]) Garcia Alonso de Torres, «Libro de los blasones». Здѣсь, съ ссылкой на Пабло Бургосскаго, говорится, что Педро—сынъ еврейки. То же говоритъ въ «Recopilacion de Honra y gloria mundana» Франсиско де Гусманъ; оба автора утверждаютъ, однако, что еврейское происхожде-

самъ папа Урбанъ V объявилъ короля Педро измѣнникомъ Церкви, пособникомъ евреевъ и мавровъ, служителемъ невѣрныхъ и губителемъ христіанъ [1]). Испанское дворянство было недовольно правленіемъ Педро, который, несмотря на многочисленныя петиціи, отказывался устранить еврейскихъ генеральныхъ откупщиковъ и безъ надлежащаго подряда и аукціонной продажи (sin puja ni otra forma de licitation) уступать сборъ податей лицамъ дворянскаго происхожденія или вообще христіанамъ [2]). Вызовомъ по отношенію къ дворянству явилось назначеніе на постъ главнаго министра казначейства (Tesorero Mayor) еврея Самуила га-Леви, пріобрѣвшаго вскорѣ огромное вліяніе на короля. Съ необыкновенной энергіей взялся га-Леви за реорганизацію податной системы, бывшей до того крайне выгодной для наиболѣе могущественныхъ грандовъ; энергія га-Леви была направлена въ сторону уменьшенія финансовыхъ привилегій дворянства, и съ его назначеніемъ исчезли замѣчавшіяся до тѣхъ поръ чрезмѣрная мягкость и небрежность въ дѣлѣ взысканія налоговъ въ опредѣленныхъ кругахъ. Враги Педро Жестокаго, ведя, подъ предлогомъ защиты истинной религіи, политическую борьбу, немало способствовали усиленію вражды къ евреямъ въ народѣ, и когда Толедо, гдѣ находился въ то время Самуилъ га-Леви, было взято въ 1355 г. Генрихомъ, то въ такъ называемомъ маломъ толедскомъ гетто (alcana) было убито, разграблено и ранено свыше 1200 евреевъ; не довольствуясь этимъ, приверженцы Трастамары приступили и къ осадѣ главнаго гетто, и лишь прибытіе войска Педро спасло евреевъ Толедо отъ неизбѣжной смерти; нужно замѣтить, что много толедскихъ рыцарей, противниковъ Генриха, въ теченіе нѣсколькихъ дней горячо защищали евреевъ Толедо, число коихъ, по словамъ Амадора-де-лосъ-Ріоса, превышало 12 тыс. Черезъ пять лѣтъ стороники Генриха напали на евреевъ Нахеры, при чемъ нападавшимъ дано было право безвозвратно грабить еврейское имущество, что немало способствовало популярности соперника Педро среди его полчищъ. Примѣру Нахеры вскорѣ послѣдовали жители Миранды на Эбро, гдѣ, по иниціативѣ священника, народная толпа стала грабить еврейскіе дома и убивать отдѣльныхъ евреевъ. Педро Жестокій поспѣшилъ на помощь евреямъ Нахеры и Миранды и сурово наказалъ виновниковъ грабежей, между прочимъ, и мирандскаго священника. Но когда въ 1366 г. Генрихъ обратился за помощью къ знаменитому французскому полководцу Бертрану Дюгеклену (Duguesclin), а послѣдній явился въ Испанію со своими приверженцами, избіенія евреевъ приняли грозные размѣры: евреи вездѣ мужественно защищались; въ городахъ, сдававшихся Генриху, они спасали свою жизнь путемъ огромныхъ выкуповъ. Въ Бургосѣ имъ пришлось уплатить милліонъ мараведи. Современникъ этой эпохи Самуилъ ибнъ-Царца слѣдующимъ образомъ описываетъ положеніе испанскихъ евреевъ въ дни побѣды Генриха: «Всѣ общины Кастиліи и Леона находятся въ крайне бѣдственномъ положеніи; сбылись всѣ проклятія, приведенныя въ Торѣ и Второзаконіи. Святая община толедская, корона Израиля, потеряла за два мѣсяца болѣе 10 тыс. человѣкъ, умершихъ отъ голода, нужды и горя во время осады города Генрихомъ. Мучимые голодомъ, осажденные грызли пергаментъ священныхъ книгъ, глотали кору и шерсть; многіе бѣжали въ королевскій лагерь, предпочитая смерть отъ меча смерти отъ голода» [3]). Многія общины были истреблены; съ отчаянія многіе евреи отреклись отъ своего народа. Особенно сильно было ихъ матеріальное разореніе. Когда послѣ рѣшительнаго сраженія подъ Монтіэлемъ Педро предсталъ предъ Генрихомъ, послѣдній воскликнулъ: «Вотъ этотъ еврей, сынъ блудницы, называющій себя

ніе Педро—no era muy cierto, т. е. не совсѣмъ установлено. Понятно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ обычной политической клеветой: о еврейскомъ происхожденіи Педро серьезно не приходится говорить.

[1]) Henricus... objicebat dicto Petro ipsum esse hereticum, et quod peius est, legis judaeorum, et eis adherentem et legem Domini Nostri Jesu-Christi vilipendentem et spernentem etc.

[2]) Amador de los Rios, op. cit., II, 217.

[3]) См. «Евр. Энциклоп.», s. v. «Испанія».

королемъ Кастиліи!» [1]). Педро былъ тутъ же обезглавленъ (1369). Дальнѣйшія побѣды Генриха сопровождались конфискаціями еврейскаго имущества и жестокими преслѣдованіями беззащитныхъ евреевъ. Христіанское населеніе стало смотрѣть на нихъ какъ на людей, стоящихъ внѣ закона, не находящихъ нигдѣ покровительства, и тѣмъ скорѣе нападало на нихъ, чѣмъ легче разсчитывало на богатую добычу, достававшуюся совершенно безнаказанно.

Вступленіе на кастильскій престолъ династіи Трастамары знаменовало собою поворотъ въ исторіи евреевъ Испаніи. Отнынѣ католическая Церковь не встрѣчала болѣе на своемъ пути проповѣди ненависти серьезныхъ препятствій со стороны свѣтской власти, теперь опиравшейся на партію, лозунгомъ которой недавно служили слова: борьба съ защитникомъ евреевъ, королемъ Педро. Чуждые широкимъ слоямъ народа благодаря своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, ненавистные правящимъ классамъ вслѣдствіе своей вражды къ Трастамарѣ, вызывая въ однихъ чувство зависти къ своему богатству, въ другихъ чувство злобы за свое экономическое господство, поставленные внѣ закона, насильно изолированные, евреи представляли собою своего рода магнитъ, который притягивалъ къ себѣ всегда имѣющійся въ скрытомъ состояніи въ народѣ запасъ злой воли и мести—продуктъ многолѣтняго гнета и страданій. Чтобы разрядить его, достаточно было и самаго небольшого толчка. Генеральный викарій севильскаго архіепископства, Феранъ Мартинесъ, религіозный фанатикъ и врагъ евреевъ, далъ такой толчокъ. Въ сообществѣ съ нѣкоторыми другими представителями духовенства онъ изготовилъ рядъ писемъ на имя магистратовъ главнѣйшихъ кастильскихъ городовъ съ просьбой изгнать евреевъ изъ соотвѣтственныхъ городовъ. Наиболѣе богатая и могущественная община евреевъ Севилья обратилась по этому поводу съ жалобой къ королю Генриху Трастамарѣ, и хотя послѣдній, какъ уже извѣстно, очень мало сочувствовалъ евреямъ, онъ принялъ, однако, мѣры къ ихъ защитѣ изъ опасенія, какъ бы изгнаніе евреевъ не подорвало финансовыхъ силъ страны. Въ 1378 г. Генрихъ поставилъ на видъ Ф. Мартинесу необходимость прекращенія агитаціи въ пользу изгнанія евреевъ; однако, Мартинесъ не считался съ желаніемъ короля, и севильскіе евреи обратились въ Римъ съ тѣмъ же ходатайствомъ. Результатъ былъ точно такой же: Римъ вступился за евреевъ, но Мартинесъ продолжалъ свою антиеврейскую дѣятельность. Преемникъ Генриха, король Хуанъ I, также выразилъ Мартинесу свое недовольство по поводу его агитаціи противъ евреевъ, и такъ какъ вскорѣ противъ генеральнаго викарія возникло обвиненіе въ неповиновеніи приказамъ короля и папы и даже въ ереси, то Мартинесу, подъ страхомъ отлученія, было запрещено исполнять обязанности архидіакона. Въ 1390 г. умеръ Хуанъ I, и на кастильскій престолъ вступилъ одиннадцатилѣтній Генрихъ III, извѣстный подъ именемъ Безпомощнаго (el Doliente). Теперь Мартинесъ могъ безпрепятственно снова начать свою агитацію и 8 декабря 1390 г. онъ обратился къ духовенству севильскаго діоцеза съ приказаніемъ, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, разрушить синагоги враговъ Бога, называющихъ себя евреями, и строительный матеріалъ синагогъ употребить на исправленіе церквей; всякое сопротивленіе должно быть подавлено силой, а на отказывающійся отъ богоугоднаго дѣла городъ долженъ быть наложенъ интердиктъ. Во многихъ мѣстахъ Кастиліи начались разрушенія синагогъ, и севильская алхама обратилась за помощью къ королю. 10 января 1391 г. центральная власть рѣзко осудила дѣйствія Мартинеса, потребовавъ отъ капитула запрещенія человѣконенавистнической агитаціи и возстановленія разрушенныхъ синагогъ или возвращенія еврейскимъ общинамъ понесенныхъ убытковъ, а также денежнаго или иного штрафа. 15 января 1391 г. севильскій капитулъ запретилъ Мартинесу произносить антиеврейскія проповѣди, лишилъ его званія генеральнаго викарія и присудилъ его къ реставрированію въ теченіе одного года разрушенныхъ по его приказанію синагогъ. Въ отвѣтъ на это Мартинесъ заявилъ,

---

[1]) Amador de los Rios, op. cit., II, 218.

что ни король, ни капитулъ не имѣютъ надъ нимъ власти, что онъ не раскаивается въ своихъ дѣйствіяхъ и что синагоги были разрушены по желанію архіепископа, а потому онъ будетъ продолжать свою дѣятельность. Такъ какъ севильская чернь подъ вліяніемъ проповѣдей Мартинеса стала открыто нападать на евреевъ и чинить различныя буйства, то губернаторъ Севильи, Хуанъ Алонсо Гусманъ, наказалъ двухъ главныхъ руководителей толпы, но это не только не успокоило народныхъ страстей, но еще болѣе ихъ взбудоражило: Гусманъ и его приближенные вынуждены были бѣжать изъ города, а евреи въ значительномъ количествѣ подверглись грабежу и избіенію 15 марта 1391 г. Однако, грандамъ въ сотрудничествѣ съ представителями свѣтской власти вскорѣ удалось, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, возстановить порядокъ. Но духъ фанатизма и религіозной ненависти былъ уже слишкомъ силенъ, чтобы полумѣрами можно было бороться съ чернью: само правительство, не удаляя Мартинеса и не препятствуя ему проповѣдывать погромныхъ рѣчей, казалось, колебалось въ своей задачѣ, и это еще болѣе облегчало Мартинесу продолжать начатую дѣятельность. 6 іюня 1391 г. еврейское гетто въ Севильѣ было подожжено со всѣхъ сторонъ, и началась рѣзня евреевъ, сопровождавшаяся грабежомъ ихъ имущества. Посреди толпы, чинившей всевозможныя звѣрства надъ умиравшими евреями, находился Мартинесъ, своими рѣчами призывавшій народъ къ святому дѣлу и требовавшій, чтобы не осталось въ живыхъ ни одного еврея. Свыше 4 тыс. человѣкъ погибло въ Севильѣ въ этотъ день, много женщинъ и дѣтей было продано въ рабство, лишь немногіе успѣли спастись бѣгствомъ, огромное же большинство приняло христіанство (тогдашнее еврейское населеніе Севильи опредѣляется въ 20—30 тыс. человѣкъ, по Грецу). Въ числѣ крестившихся былъ, между прочимъ, Самуилъ Абрабанель, «служившій щитомъ для своихъ соплеменниковъ при королевскомъ дворѣ» и принявшій теперь имя «Хуанъ де Севилья»; оставивъ Кастилію, онъ снова принялъ іудейство и жилъ въ Лиссабонѣ, гдѣ сынъ его, Іуда Абрабанель, отстаивалъ въ правительственныхъ сферахъ, въ качествѣ финансоваго агента при королевскомъ дворѣ, интересы своихъ соплеменниковъ. Сынъ Іуды Абрабанеля, Исаакъ Абрабанель, былъ знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ, бѣжавшимъ изъ Лиссабона въ Толедо, гдѣ его въ 1492 г. настигъ декретъ объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи, а внукъ его, Іуда Абрабанель, извѣстный болѣе подъ именемъ Leo Hebraeus, былъ авторомъ прославленныхъ «Dialoghi d'amore», вышедшихъ въ 1535 г. въ Римѣ и посвященныхъ переводчикомъ ихъ на испанскій языкъ, Гедальей ибнъ-Яхьей, королю Филиппу II, одному изъ наиболѣе ярыхъ противниковъ какъ еретиковъ, такъ и евреевъ.

Изъ Севильи погромная волна разнеслась сначала по ближайшимъ мѣстамъ, и въ Кармонѣ, Эсихѣ и другихъ городахъ севильскаго епископства не осталось въ живыхъ почти ни одного еврея: здѣсь дѣйствовалъ, какъ свидѣтельствуетъ современникъ этого страшнаго года, Айала, въ «Лѣтописи царствованія Генриха III», не столько религіозный фанатизмъ, сколько желаніе грабить чужое богатство (et todo esto fue cobdicia de robar, segund parecia, mas que devocion [1]). Вскорѣ границы епископства оказались тѣсны для грабежей, и началась рѣзня евреевъ въ Кордовѣ: свыше двухъ тысячъ человѣкъ пало жертвами разъяренной толпы, много женщинъ было изнасиловано и много дѣтей продано въ рабство; большинство синагогъ, еврейскихъ лавокъ и домовъ погибло въ пламени; спасшіеся отъ смерти евреи либо принимали христіанство, либо тайно покидали Испанію. Въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ толпы громилъ и разбойниковъ свирѣпствовали по всей странѣ, и королевскій совѣтъ былъ безсиленъ положить предѣлъ этому. Свыше 70 общинъ пережили ужасные дни, и еврейское населеніе въ нихъ совершенно исчезло, если, конечно, не считать евреями тѣхъ, которые приняли христіанство, спасаясь отъ неминуемой гибели. Особенно сильно пострадали, кромѣ Севильи, слѣдующія еврейскія общины: Хаэнъ, Толедо, Куэнка, Логроньо, Валенсія, Герона, Лерида,

[1]) Amador de los Rios, op. cit., II, 770.

Пальма (на Балеарскихъ островахъ), Барселона, Бургосъ, Сарагоса и Оканья. Всѣ онѣ, за исключеніемъ Героны, дали огромное число крещеныхъ, небольшая часть которыхъ, скрывшись въ Португалію, приняла тамъ снова еврейскую вѣру. Многіе искали спасенія въ мусульманскихъ городахъ: Гранадѣ, Малагѣ и Алмеріи, откуда они ранѣе, во второй половинѣ XII и въ началѣ XIII вѣковъ, бѣжали отъ преслѣдованія алмогадовъ въ христіанскую Испанію; много евреевъ переселилось также въ сѣверную Африку, Алжиръ, Марокко, Триполи. Количество убитыхъ въ 1391 г. опредѣляется различно; обыкновенно приводится цифра—50 тыс., нѣсколько преувеличенная, по мнѣнію Ли. По словамъ одного современника, погромы были устроены по иниціативѣ особой организаціи, разсылавшей своихъ агентовъ по разнымъ городамъ. Наиболѣе активнымъ элементомъ въ погромахъ были священники, ремесленники и чернь. Значительное участіе въ кровавыхъ событіяхъ 1391 г. ремесленниковъ дало нѣкоторымъ испанскимъ историкамъ основаніе считать страшную рѣзню евреевъ соціальной революціей, проявленіемъ недовольства народа своимъ экономическимъ положеніемъ. Мнѣніе это, однако, врядъ ли правильно: энергичная дѣятельность въ эти дни доминиканцевъ въ смыслѣ крещенія спасавшихся евреевъ, равно какъ полная безопасность принявшихъ христіанство свидѣтельствуютъ съ достаточной ясностью о томъ, что событія 1391 г. носили, главнымъ образомъ, религіозный характеръ, они правильно могутъ быть названы священной войной—Guerra sacra contra los Judíos, какъ характеризуетъ ихъ Вильянуэва. Фактическая безопасность, предоставленная крещенымъ, значительно способствовала росту крещеній, въ короткое время превысившихъ въ Кастиліи нѣсколько десятковъ тыс. Въ эти дни—говоритъ Адлеръ—законъ всячески благопріятствовалъ переходу въ христіанскую религію; крещеному искренно даровалось полное соціальное равенство, что свидѣтельствовало объ отсутствіи расоваго антагонизма, о наличности одного лишь религіознаго. Еврей, ставшій христіаниномъ, могъ быть избранъ на всякую должность какъ въ государствѣ, такъ и въ Церкви; ему предоставлялась возможность заключать браки даже съ самыми знатными вельможами. Ужасная рѣзня, свирѣпствовавшая въ рядѣ городовъ, вызвала поголовный переходъ цѣлыхъ еврейскихъ общинъ въ христіанство. Страшная паника разорвала прочную связь, которая обычно такъ крѣпко спаиваетъ евреевъ въ критическіе моменты [1]). Церкви—пишетъ Льоренте—наполнились евреями обоихъ половъ, различныхъ возрастовъ и состоянія; всѣ они спѣшно умоляли о крещеніи. Въ теченіе короткаго времени болѣе 100 тыс. семействъ, т.-е., быть можетъ, милліонъ людей, отказались отъ религіи Моисея, чтобы принять религію Христа [2]). Въ оффиціальномъ отчетѣ о безпорядкахъ 1391 г. въ Валенсіи, сдѣланномъ 14 іюля, т.-е. черезъ пять дней послѣ рѣзни, говорится, что вся еврейская община Валенсіи, за исключеніемъ немногихъ бѣглецовъ, приняла святое крещеніе; среди новообращенныхъ были и раввины. Число крестившихся въ одной Валенсіи тогда опредѣлялось въ 11 тыс.; во всей Арагоніи ихъ было, вѣроятно, около ста тысячъ. Современные этимъ событіямъ евреи не относились сурово къ крестившимся; одинъ еврейскій писатель, говоря о нихъ, выразился слѣдующимъ образомъ: «боязнь смерти охватила ихъ» [3]). Тѣмъ не менѣе, вѣроотступники перестали считаться настоящими евреями. Они образовали какъ бы особый классъ людей, которыхъ, строго говоря, нельзя было считать ни евреями, ни христіанами, и которые получили названіе «марановъ», «новыхъ христіанъ» или «обращенныхъ» (marranos [также maranos], conversos; chuetas — на Балеарскихъ островахъ [4]),

[1]) E. N. Adler, «Auto de fé and Jew», стр. 48.

[2]) Llorente, «Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne», I, стр. 141. Крайне преувеличенная цифра.

[3]) «Евр. Энц.», VIII, 387.

[4]) Названіе «чуэты» сохранилось понынѣ на Балеарскихъ островахъ; вмѣстѣ съ названіемъ тамъ сохранились и особые предразсудки по отношенію къ чуэтамъ. Любопытныя свѣдѣнія имѣются въ романѣ Висенте Бласко Ибаньеса «Los muertos mandan» (имѣется русскій переводъ: «Мертвые повелѣваютъ», Москва, 1911).

cristaos novos—въ Португаліи, anusim—на еврейскомъ языкѣ) [1]). Число ихъ еще болѣе возросло благодаря дѣятельности Феррера въ теченіе первыхъ 25 лѣтъ послѣ событій 1391 г.

Доминиканецъ Висенте Ферреръ (1350—1419) [2]), причисленный Церковью къ лику святыхъ, принадлежалъ къ тѣмъ мрачнымъ фигурамъ аскетическаго Средневѣковья, которыя глубоко и искренно презирали мірскія удовольствія, считая земную жизнь юдолью плача и страданій. Чистый душой, далекій отъ всякихъ интригъ, ненавидя пороки своего времени, одинаково бичуя какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ, обладая удивительнымъ краснорѣчіемъ, Ферреръ умѣлъ властвовать надъ своими слушателями, и имя его пользовалось въ Валенсіи, гдѣ онъ одно время состоялъ каѳедральнымъ проповѣдникомъ, широкой популярностью. Слѣпо и покорно шла за нимъ толпа вѣрующихъ, готовая совершать, по его приказанію, одинаково какъ величайшіе подвиги, такъ и самыя ужасныя злодѣянія. Отказавшись отъ мѣста духовника при схизматическомъ папѣ Бенедиктѣ XIII и отправившись въ далекое путешествіе во главѣ процессіи бичующихся, Ферреръ воодушевлялъ народныя массы, призывая ихъ къ спасенію міра, задыхающагося въ своихъ порокахъ и низменныхъ страстяхъ. Зловѣще предсказывалъ онъ приближеніе конца міра, если евреи, мавры и еретики не будутъ насильно водворены въ лоно католической Церкви. Въ своемъ увлеченіи Ферреръ не замѣчалъ, что во главѣ именно этой Церкви въ тотъ моментъ находилось двое папъ, изъ которыхъ одинъ—Бенедиктъ XIII (Петръ де Луна)—былъ двумя соборами низложенъ, а другой—Іоаннъ XXIII (Бальтазаръ Косса)—былъ клятвопреступникомъ и безсовѣстнымъ обманщикомъ. Для чистоты Церкви это какъ будто было не столь существенно. Гораздо важнѣе было увеличить католическую паству нѣсколькими тысячами новыхъ душъ,—и чистый голубь, какимъ былъ, по выраженію Греца, Висенте Ферреръ, становится ядовитой змѣей, смиренная овечка превращается въ кровожаднаго звѣря. Съ крестомъ въ одной рукѣ и съ свиткомъ Торы въ другой, Ферреръ, во главѣ нѣсколькихъ сотъ флагеллантовъ, врывался въ синагоги, «громкимъ и страшнымъ голосомъ» [3]) требуя отъ евреевъ стать подъ сѣнь креста, обѣщая новообращеннымъ всякихъ земныхъ и небесныхъ благъ и угрожая непокорнымъ самыми страшными и ужасными карами. И въ то время, какъ Ферреръ произносилъ свои громовыя проповѣди, его сторонники, воодушевленные богоугоднымъ дѣломъ, приводили въ дѣйствіе его угрозы и насильно гнали въ широко раскрывшіяся объятія католической Церкви все новыхъ и новыхъ адептовъ. Вальядолидъ, Самора, Саламанка, Торо, Сеговія, Авила, Беневенто, Леонъ, Валенсія, Бургосъ, Астора и нѣкоторыя другія мелкія общины почти поголовно приняли христіанство, при чемъ нѣкоторыя синагоги были превращены въ церкви. Въ Толедо, гдѣ евреи оказались сильно преданными своей старой вѣрѣ, Ферреръ разогналъ собравшихся для молитвы въ синагогѣ и назвалъ ее церковью Santa Maria la Blanca. Изъ Кастиліи доминиканскій монахъ перенесъ свою дѣятельность въ Арагонію, гдѣ еврейскія общины Сарагоссы, Ка-

---

[1]) Слово «мараны» до сихъ поръ еще не нашло окончательнаго объясненія. Наиболѣе вѣрнымъ, на нашъ взглядъ, является даваемое Генр. Грецомъ, который производитъ его отъ греческаго μαραναθά встрѣчающагося въ 22-мъ стихѣ XVI-ой главы 1-го Посланія ап. Павла къ коринѳянамъ. Стихъ этотъ гласитъ: Εἴτις οὐ φιλεῖ... Ἰησοῦν Χριστόν ἤτω ἀνάθεμα, μαραναθά. (Обычный переводъ послѣдняго слова: «Господь идетъ», историкъ Грецъ считаетъ безсмысленнымъ (gedankenlos) и предлагаетъ замѣнить его словами: «ты проклятъ». Испанцы называли, такимъ образомъ, новообращенныхъ проклятыми. По-испански marrano значитъ свинья; это названіе могло быть дано крещенымъ въ виду того, что евреямъ запрещено употребленіе въ пищу свинины. Въ Португаліи до сихъ поръ употребляется по адресу евреевъ бранное слово «мараны», т.-е. свиньи. Грецъ, «Geschichte der Juden», t. VIII, стр. 76.

[2]) Банажъ полагаетъ, что В. Ферреръ былъ еврейскаго происхожденія; однако, нигдѣ мы не нашли подтвержденія этого предположенія (Basnage, «Histoire des Juifs», t. XIV, стр. 701).

[3]) Em altas e temperosas vozes—выраженіе Самуила Уско въ его португальской книгѣ «Consolaçam as Tribulações de Ysrael», Феррара, 1553; 2-е изд. въ Амстердамѣ безъ даты; имѣется испанскій переводъ.

латаюда, Алканьиса, Каспе, Маэльи, Дароки, Фраги, Лериды, Тортосы, Тамариты и Алколеи въ значительномъ количествѣ перешли въ христіанскую вѣру. Въ общемъ въ Кастиліи и Арагоніи, подъ вліяніемъ пропаганды Феррера, приняло католичество около 20 т. человѣкъ, при чемъ во многихъ мѣстахъ, судя по введенію въ сочиненіе «Magen Aboth» Симона бенъ Цемаха Дурана, надъ евреями совершались всевозможнаго рода насилія. Цифра 20 тыс. обращенныхъ въ христіанство, которую даетъ и Грецъ, не можетъ считаться твердо установленной: Маріана, напр., говоритъ о 35 тыс. крестившихся. Особенно энергично поддерживалъ дѣятельность доминиканца Феррера схизматическій папа Бенедиктъ XIII, который, въ отвѣтъ на свое низложеніе Пизанскимъ и Констанцскимъ соборами и торжественную апелляцію Парижскаго университета «Ad proximum futurum, unicum verum, orthodoxum et universalem Papam», стремился совершить великое дѣло — пріобрѣсти для Церкви много десятковъ тысячъ новыхъ человѣческихъ душъ въ Испаніи—и этимъ благодѣяніемъ обезоружить своихъ противниковъ. Вынужденный бѣжать въ Испанію, онъ опубликовалъ здѣсь буллу Etsi doctoribus Gentium, коей отнынѣ евреямъ запрещалось имѣть Талмудъ или какія-нибудь другія книги, противорѣчащія христіанской религіи, дважды въ годъ епископы должны были обыскивать еврейскія общины, не найдутся ли у кого-либо запрещенныя книги, и не допускать, чтобы еврей переплеталъ книгу, въ которой упоминалось имя Христа; кромѣ того, булла торжественно санкціонировала всѣ репрессивныя по отношенію къ евреямъ мѣры и напоминала свѣтской власти о необходимости строго слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одна община не имѣла болѣе одной, «скромной» синагоги, чтобы евреи три раза въ годъ слушали проповѣди христіанскихъ миссіонеровъ, обличающія еврейскія заблужденія, не имѣли знакомыхъ среди христіанъ, не вели съ ними никакой дружбы, не пользовались никакими привилегіями и не могли покупать или продавать дома. Чтобы булла Etsi doctoribus Gentium получила практическое примѣненіе, и чтобы евреи дѣйствительно жили въ глубокой нищетѣ и отчаяніи, Бенедиктъ XIII поручилъ епископу Сигуэнсы Гонсало, сыну извѣстнаго крещенаго еврея Пабло де Санта Маріа (онъ же Павелъ Бургосскій или бывшій раввинъ Соломонъ Леви изъ Бургоса), стоять на стражѣ каждой буквы этой буллы и ни въ коемъ случаѣ не допускать какихъ-либо отступленій отъ нея. И въ то время, какъ Гонсало побуждалъ испанскихъ епископовъ всячески вытѣснять отовсюду евреевъ, его отецъ Павелъ Бургосскій, занимавшій постъ епископа и канцлера Кастиліи и пользовавшійся особымъ довѣріемъ короля Генриха III, поручившаго ему воспитаніе своего сына, будущаго короля Хуана II, работалъ сообща съ Висенте Ферреромъ надъ особымъ еврейскимъ законодательствомъ, которое по своей суровости должно было превзойти и безъ того жестокіе законы, проведенные кортесами въ 1405 г. Воспользовавшись народнымъ волненіемъ въ связи съ слухами объ оскорбленіи евреями Сеговіи остій, Павелъ Бургосскій представилъ королевѣ-регентшѣ Каталинѣ въ 1411 г. проектъ еврейскаго законодательства, который и былъ въ слѣдующемъ году обнародованъ подъ названіемъ Ordenamiento de Doña Catalina. Въ силу этого ордоннанса евреи и мавры, подъ страхомъ самыхъ тяжкихъ наказаній, обязаны были не только носить на одеждѣ особый отличительный знакъ, но и одѣваться лишь въ грубыя матеріи, опускать длинные волосы на головѣ и не стричь усовъ и бороды; они не могли мѣнять своихъ жилищъ, и всякій землевладѣлецъ, принимавшій ихъ на своей землѣ, подъ страхомъ наказанія долженъ былъ ихъ немедленно водворять на старое мѣсто, за отъѣздъ за границу имъ угрожало рабство, имъ былъ запрещенъ доступъ не только къ государственной и общественной службѣ, но и къ цѣлому ряду отраслей торговли, промышленности и ремесленнаго труда. Служба въ домахъ грандовъ, медицина, аптекарское и парикмахерское дѣло, ношеніе оружія, употребленіе христіанской прислуги, частныя бесѣды съ христіанами, продажа христіанамъ съѣстныхъ припасовъ и т. д. — все это запрещалось подъ самыми тяжкими угрозами. У евреевъ были также отняты ихъ

старыя вольности и ихъ автономія: отнынѣ они какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ подлежали христіанскому суду, а при недоразумѣніяхъ съ должниками на нихъ простирались постановленія 1405 года, выгодныя для тѣхъ, которые не хотѣли платить не только проценты за взятыя суммы у евреевъ, но и капиталъ. Такъ евреевъ тѣснили со всѣхъ сторонъ, и можно ли удивляться послѣ этого, спрашиваетъ Грецъ, если они массами переходили въ христіанство, тѣмъ болѣе, что варварскій законъ о невыѣздѣ за границу отнималъ у нихъ послѣднюю надежду на улучшеніе? Казалось, что еврейство должно исчезнуть на Иберійскомъ полуостровѣ, тѣмъ болѣе, что король Фернандо Антекера сталъ примѣнять ordenamiento Каталины въ своихъ арагонскихъ владѣніяхъ, а король Дуарте точно такимъ же образомъ поступалъ въ Португаліи. Все еврейское населеніе Испаніи должно было, такимъ образомъ, превратиться въ марановъ, новыхъ христіанъ.

Что представляли собою мараны, эти баловни сегодняшняго дня, мученики завтрашняго?

Въ тяжкую годину эпидеміи рѣзни и въ мрачную эпоху миссіонерства Феррера испанскія церкви осаждались десятками и сотнями тысячъ людей, алкавшихъ святого крещенія не какъ душевнаго успокоенія и разрѣшенія отъ бремени религіозныхъ сомнѣній, а какъ единственнаго средства спасти свою жизнь и сохранить свое богатство. Не небесныя, а земныя блага сулила имъ Церковь, не любовью и милостью манила она ихъ къ себѣ, а страшными угрозами и тяжелыми карами, не объ исцѣленіи души, а о пріумноженіи своей паствы заботилась она, и не религіозныя истины и нравственную чистоту внушала она пришедшимъ къ ней своимъ сынамъ, а трусливое лицемѣріе и гнусную измѣну. Принятымъ въ лоно католической Церкви евреямъ не даны были даже религіозные воспитатели и наставники; заботились лишь о формальномъ ихъ крещеніи: лишь бы мира хватило въ мирницѣ. И свершилось чудо: мирницы по утру наполнялись святой жидкостью [1]), и никто не получалъ отказа въ святомъ крещеніи. Но въ сердцѣ новообращенныхъ не иссякала злоба, и люди въ гнѣвѣ и отчаяніи, потерявъ—кто сына, кто дочь, кто мать, кто отца, со скрежетомъ зубовъ произносили слова любви и милости, но помыслы ихъ были направлены ко злу и мести. Одни—и то были уже лучшіе элементы—принимали католическую вѣру потому, что не были героями и предпочитали спокойную и мирную жизнь мученической смерти; они по существу оставались евреями, тайно соблюдали религіозныя и нравственныя предписанія іудейской религіи и лелѣяли въ душѣ мечту о томъ, когда имъ, наконецъ, удастся сбросить съ себя лицемѣрную маску и снова примкнуть и съ внѣшней стороны къ еврейству. Ихъ временный переходъ въ иную религію принималъ все болѣе и болѣе длительный характеръ, мало, однако, способный примирить ихъ съ новой религіей и лишь внушавшій большинству изъ нихъ недобрыя чувства какъ по отношенію къ тѣмъ, которые принудили ихъ жить жизнью лицемѣровъ, такъ и къ тѣмъ, которые своей мученической жизнью давали имъ примѣръ геройства, какъ бы постоянно упрекая ихъ за измѣну своей религіи и своему народу. Недобрыя чувства будутъ побуждать ихъ на недобрыя дѣла, и эти христіане по имени, евреи по существу, окажутся тяжелымъ балластомъ прежде всего — для Церкви, которая, посѣявъ вѣтеръ, будетъ жать бурю: мать, ласкающая сегодня своихъ дѣтей и осыпающая ихъ за измѣну наградами, завтра ихъ же будетъ пожирать...

Другую категорію новообращенныхъ составляли тѣ, которые съ легкимъ сердцемъ и безъ колебаній переходили въ другую вѣру, потому что видѣли въ ней возможность лучше устроить свою жизнь, спокойнѣе пользоваться мірскими благами. Освободившись отъ оковъ отвѣтственности, налагаемыхъ невольно на членовъ всякаго національнаго меньшинства, въ особенности угнетаемаго, эти люди будутъ плыть по житейскому морю

---

[1]) Lea, «History of the Inquisition of Spain», t. I, стр. 112.

безъ руля и вѣтрилъ съ ничтожнымъ багажомъ нравственныхъ и религіозныхъ понятій, стараясь скрыть слѣды своего еврейскаго происхожденія. Но не легко будетъ имъ установить свое національное alibi, и чтобы пріобрѣсти чистоту крови, ту limpieza, которая одна только могла спасти ихъ отъ когтей Инквизиціи, имъ придется совершать немало нечистыхъ дѣлъ. Тяжелымъ бременемъ лягутъ они на общество, въ которое вступили безъ любви и вѣры, съ единой лишь цѣлью — всячески его эксплуатировать; страшное наслѣдіе—соціальный антисемитизмъ—оставятъ они еврейству и не будутъ они никому въ пользу всѣмъ въ ущербъ.

Третья категорія новообращенныхъ состояла преимущественно изъ честолюбцевъ, мечтавшихъ о государственной или общественной дѣятельности. Имъ и раньше, быть-можетъ, было тѣсно въ узкихъ рамкахъ еврейской жизни, и кровавыя событія 1391 г. дали имъ возможность осуществить то, на что они не могли рѣшиться при повседневномъ теченіи жизни. Такъ какъ духовное званіе было почти необходимымъ условіемъ для дѣйствительно широкой дѣятельности, то многіе изъ нихъ стремились къ епископской мантіи или даже къ кардинальской шапкѣ. Придали ли испанской Церкви блескъ чистоты Пабло де Санта Марія (раввинъ Соломонъ Леви), Геронимо де Санта Фе (талмудистъ Іошуа бенъ-Іосифъ изъ Лорки), Франсиско Діоскарне (Астрюкъ Раймухъ) и многіе другіе ученые евреи, которые послѣ крещенія примѣняли всю свою ученость къ изобличенію грѣховъ іудаизма, — относительно этого могутъ быть различныя мнѣнія; для еврейства они служили источникомъ неисчислимыхъ страданій и глубокаго позора.

Какъ велика ни была та или иная группа марановъ, огромное большинство ихъ вступило въ новую вѣру съ горечью въ сердцѣ, со злобой въ душѣ; одни посылали проклятія своимъ старымъ единовѣрцамъ, другіе—своимъ новымъ братьямъ, третьи, наконецъ, и тѣмъ, и другимъ. И немало бѣдствій накликали эти проклятія: недаромъ многіе историки считаютъ марановъ виновниками введенія Новой Инквизиціи въ Испаніи. Мараны, по словамъ этихъ историковъ, своей погоней за богатствомъ и наслажденіями, своими безсовѣстными финансовыми спекуляціями и ажіотажемъ, своею не знающей границъ эксплуатаціей и притѣсненіемъ народа вызвали въ широкихъ слояхъ испанскаго населенія тотъ взрывъ негодованія, которымъ отличается время между севильской рѣзней и окончательнымъ изгнаніемъ евреевъ изъ Испаніи. Съ другой стороны, мараны возстановили противъ себя также и большую часть дворянства, которое не могло безъ боли видѣть, какъ вчерашніе узники гетто, едва освободившіеся отъ своего позорнаго отличительнаго знака на одеждѣ, получаютъ въ государствѣ, въ видѣ преміи за свою религіозную измѣну, лучшія и вліятельнѣйшія мѣста, отовсюду вытѣсняютъ представителей старыхъ, благородныхъ католическихъ семействъ, очутившихся даже у нихъ вслѣдствіе своей задолженности въ экономической кабалѣ, и роднятся съ виднѣйшими испанскими грандами, вызывая своей показной роскошью и пронырливой суетливостью чувства зависти и брезгливости даже у тѣхъ, которые были готовы простить имъ ихъ еврейское происхожденіе. Наконецъ, и духовенство не могло мириться съ тѣмъ, чтобы все общество, сверху до низу, заражалось безвѣріемъ, которое нерѣдко несли съ собою мараны, и чтобы духъ еврейства черезъ ихъ посредство проникалъ во всѣ поры общественной жизни, отравляя и самое Церковь. Такъ мараны, озлобляя противъ себя самые различные классы общества, подготовляли почву для Инквизиціи.

Не отрицая цѣликомъ этихъ утвержденій, другіе историки, преимущественно еврейскіе, доказываютъ, что историческая отвѣтственность за введеніе Инквизиціи въ Испаніи должна падать не на марановъ, а на дѣятелей кроваваго 1391 года и послѣдующихъ лѣтъ, прошедшихъ подъ знакомъ насильственнаго крещенія въ духѣ Висенте Феррера. Лишенные всѣхъ правъ, поставленные внѣ закона, преслѣдуемые и угнетаемые, запертые въ узкихъ предѣлахъ гетто, не имѣя права покинуть страну, чтобы избавиться отъ упи-

женій и угрозы смерти, евреи естественно должны были массами переходить въ христіанство и съ тѣмъ большей жадностью набрасываться на мірскія блага, чѣмъ труднѣе они имъ доставались и чѣмъ дольше они являлись для нихъ запрещеннымъ плодомъ. Мараны, по словамъ этихъ историковъ, являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ антиеврейской политики конца XIV и начала XV вѣка Испаніи, и причину всѣхъ дальнѣйшихъ бѣдствій слѣдуетъ поэтому искать не въ маранахъ, а въ тѣхъ, которые вызвали ихъ къ жизни. Однако, если въ самомъ дѣлѣ несправедливо приписывать маранамъ вину за дальнѣйшій ходъ исторіи Испаніи, принявшій опредѣленный характеръ, только потому, что мараны явились неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ событій, то съ тѣмъ же основаніемъ можно утверждать, что преслѣдованіе и угнетеніе евреевъ, вылившіяся въ столь грозные размѣры въ описываемую нами эпоху, являются въ свою очередь слѣдствіемъ того духа ненависти къ іудейству, которымъ была проникнута католическая Церковь, и который въ другихъ странахъ, еще задолго до испанскихъ событій, приводилъ къ кровавымъ и жестокимъ гоненіямъ на евреевъ и на ихъ религію. И если Испанію въ этомъ отношеніи опередили во времени Германія, Италія, Англія и Франція, то это объясняется той толерантностью ея политики, о которой мы уже говорили, и которая имѣла въ своей основѣ, главнымъ образомъ, матеріальный разсчетъ. Въ лицѣ мавровъ Испанія имѣла предъ собою слишкомъ могущественнаго врага, чтобы позволить себѣ роскошь религіознаго фанатизма, который, разъединивъ собственные ея ряды, увеличилъ бы силу врага и затруднилъ бы побѣду надъ нимъ. Чтобы испанскіе короли дѣйствительно вняли голосу католической Церкви, необходимо было предварительно покорить мавровъ — и преслѣдованіе иновѣрцевъ и еретиковъ шло параллельно росту торжества испанскаго оружія. И, разумѣется, не простой случайностью явилось то обстоятельство, что Фердинандъ Католикъ, ознаменовавшій свое царствованіе окончательной побѣдой и разрушеніемъ мусульманскаго могущества, сталъ и послушнымъ орудіемъ религіознаго фанатизма и ввелъ въ Испанію Новую Инквизицію. Царствовавшій на порогѣ Новаго времени Фердинандъ воплощалъ въ себѣ духъ и Новаго времени, и Среднихъ вѣковъ: своей энергичной дѣятельностью на пользу централизаціи государства и царской власти онъ исполнялъ требованія Новаго времени, въ дѣлѣ же подавленія свободы совѣсти и преслѣдованія еретиковъ и иновѣрцевъ онъ повиновался Средневѣковью, тому Средневѣковью, которое было насквозь проникнуто религіознымъ фанатизмомъ, продиктованнымъ католической Церковью. Такимъ образомъ, не звѣрства 1391 года, не миссіонерство Феррера и не появленіе марановъ были причиной введенія Инквизиціи въ Испаніи, а та побѣда надъ мусульманами, которая, усиливъ власть испанскихъ королей, оказавшихся еще далеко несвободными отъ вліянія Церкви, дала имъ возможность обратить свое оружіе противъ внутреннихъ, часто лишь мнимыхъ враговъ, какъ на политической, такъ и на религіозной почвѣ. Итакъ, Инквизиція явилась продуктомъ, если можно такъ выразиться, средневѣковой побѣды христіанскихъ королей Испаніи надъ мусульманами или, какъ обычно говорятъ, торжества христіанскаго оружія, если подъ нимъ разумѣть духъ средневѣковаго католицизма.

Однако, по пути практическаго проведенія принципа чистоты религіи, единой религіи христіанскаго государства,—принципа, впослѣдствіи вылившагося въ формулу cujus regio, ejus religio, находилось въ Испаніи одно серьезное препятствіе, отсутствовавшее въ другихъ странахъ Европы. Дѣло въ томъ, что Испанія представляла собою въ то время типъ смѣшаннаго государства, въ которомъ не-христіанскія національности не только количественно были представлены въ очень значительномъ числѣ, но и фактически владѣли огромными богатствами и являлись необходимымъ условіемъ какъ матеріальнаго развитія страны, такъ и правильнаго функціонированія государственныхъ финансовъ. Военная жизнь отвлекла испанское дворянство отъ мирнаго труда, и торговля и промышленность были почти всецѣло предоставлены маврамъ и евреямъ, которые, обогащая себя,

обогащали вмѣстѣ съ тѣмъ и страну. Кромѣ того, не будучи привилегированнымъ сословіемъ и не имѣя никакихъ средствъ борьбы съ королевскимъ произволомъ, они являлись прекраснымъ объектомъ для всевозможнаго рода обложеній, тѣмъ податнымъ мясомъ, которымъ обильно кормилась казна и безъ котораго она не легко могла обойтись. Чтобы побудить испанскихъ королей на изгнаніе евреевъ изъ страны или на жестокія гоненія на арабовъ, сопровождавшіяся большими матеріальными потерями, необходимо было, хоть отчасти, гарантировать государству финансовыя средства помимо тѣхъ, которыя получались отъ иновѣрцевъ, а всей странѣ необходимо было дать новый источникъ богатства. Открытіе Америки, сулившее Испаніи золотыя горы и дни безпечнаго счастія, явилось той компенсаціей, безъ которой ни одинъ испанскій монархъ не могъ бы рѣшиться осуществить во всей полнотѣ программу католической Церкви, которая, не ограничиваясь изгнаніемъ евреевъ и преслѣдованіемъ мавровъ, требовала и жестокихъ мѣръ по отношенію какъ къ христіанскимъ еретикамъ, такъ и къ маранамъ и морискамъ, т.-е. къ лицамъ, виновнымъ въ своемъ не-христіанскомъ происхожденіи. Такимъ образомъ, два великихъ міровыхъ событія—побѣда христіанской Испаніи и открытіе Новаго міра—способствовали въ сильнѣйшей степени проявленію религіознаго фанатизма въ Испаніи, и Новое время, преддверіемъ котораго служили оба эти событія, носило на своемъ челѣ іудинъ поцѣлуй Средневѣковья.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Фердинандъ и Изабелла.

Съ сверженіемъ въ 1031 г. послѣдняго представителя династіи Омайядовъ, занимавшей кордовскій престолъ съ 756 года, началась эпоха болѣе рѣшительной Реконкисты. Въ царствованіе Фердинанда I (1035—1065), объединившаго на нѣкоторое время Кастилію съ Леономъ, у мусульманъ была отнята Коимбра, и мусульманскіе князья Бадахоса, Толедо, Сарагоссы и Севильи признали свою вассальную зависимость отъ Фердинанда, называвшаго себя «императоромъ Испаніи». Его сынъ Альфонсъ VI (1073—1109) завоевалъ Толедо, Македу, Мадридъ и рядъ городовъ по Тахо; въ его царствованіе, однако, мусульманская Испанія получила, въ лицѣ ибнъ-Ташфина, новую династію Алморавидовъ, нанесшую христіанамъ въ 1086-мъ году и въ 1090-мъ сильныя пораженія. Альфонсъ VII (1126—1157), возложившій на свою голову короны Кастиліи, Леона и Галисіи, отвоевалъ у мусульманъ Хаэнъ, Гуадиксъ, Баэсу и Алмерію, но въ виду своего желанія захватить Арагонію и Наварру уступилъ маврамъ завоеванные города. Въ 1114 г. Альфонсъ Завоеватель, арагонскій и наваррскій король, овладѣлъ Сарагоссой. Знаменитая битва при Ласъ-Навасъ де Толоса (16 іюля 1212 г.), въ которой принимали участіе объединенныя силы кастильскаго, арагонскаго и наваррскаго королей, нанесла страшный ударъ мусульманамъ и положила конецъ господству Алмогадовъ въ Испаніи. Съ этого момента не могло быть уже сомнѣнія, что Иберійскій полуостровъ будетъ принадлежать христіанамъ, тѣмъ болѣе, что окончательное объединеніе въ 1230 г. Кастиліи и Леона, казалось, должно было уменьшить раздоры и междоусобія среди христіанскихъ королей и повести ихъ къ болѣе дружной и объединенной борьбѣ съ арабами. Въ 1236 г. Фердинандъ III Святой (1217—1252) взялъ Кордову, оплотъ арабскаго владычества въ Испаніи, перешелъ Гвадалквивиръ, овладѣлъ Эсихой, Баэной и Хаэномъ (въ 1240 г.), въ 1248 г. вступилъ въ Севилью послѣ того, какъ за нѣсколько лѣтъ до него арагонскій король Яковъ Завоеватель овладѣлъ Валенсіей. Когда Фердинандъ Святой умеръ въ 1252 г., бывшіе нѣкогда владѣтели Испаніи были оттѣснены къ горной группѣ Сіерра-Невада, гдѣ они продержались свыше

200 лѣтъ, но вынуждены были вести постоянно оборонительную войну противъ христіанъ, которые на востокѣ владѣли Валенсіей, на Западѣ Севильей, а на сѣверѣ Хаэномъ и Кордовой. Территорія мавровъ, такимъ образомъ, ограничивалась однимъ лишь королевствомъ Гранадой, откуда ихъ не могли вытѣснить христіане не столько вслѣдствіе того, что мѣстность эта была хорошо защищена природой, сколько вслѣдствіе тѣхъ внутреннихъ междоусобій, которыя раздирали христіанскихъ монарховъ, въ особенности съ того времени, когда дѣло Реконкисты стало принимать благопріятный для христіанъ оборотъ, а арабы все менѣе и менѣе становились для нихъ опасны. Испанскіе короли въ своей борьбѣ съ маврами опирались преимущественно на дворянство и города, которые за свою помощь королямъ выговорили себѣ рядъ привилегій и вольностей. Особенной независимостью по отношенію къ королевской власти отличалось воинственное дворянство, и каждый ricohome (знатный) могъ, согласно Fuero Viejo de Castiella, присылать королю, въ любой моментъ, черезъ гидальго отказъ отъ дальнѣйшаго повиновенія ему и перейти на сторону его врага. Сколько разъ мѣнялъ свое знамя Сидъ, и какъ часто воевалъ онъ, одинъ или съ другими перебѣзчиками, съ тѣмъ, котораго недавно считалъ своимъ королемъ! Съ насмѣшкой и съ презрѣніемъ Сидъ говоритъ о королѣ, и лѣтописецъ XII вѣка съ гордостью заявляетъ, что кастильское дворянство находится на ножахъ съ королемъ и ведетъ съ нимъ постоянную борьбу.

Castellae vires per saecula fuere rebelles...
Indomite vixit, coeli lux quandiu luxit.
(Кастильскіе мужи въ теченіе вѣковъ устраивали бунты...
Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтитъ солнце, кастилецъ живетъ необузданно).

За исключеніемъ права чеканки монеты, дворянство во многихъ государствахъ Пиренейскаго полуострова обладало всѣми правами независимыхъ князей: оно отправляло судъ, заботилось о внутренней безопасности своихъ владѣній, имѣло право объявленія войны, свободно распоряжалось своими вассалами и объединялось въ особые союзы или духовные рыцарскіе ордены для борьбы съ королевской властью и для защиты своихъ вольностей. Первоначально эти союзы возникли для борьбы съ маврами, но затѣмъ ихъ стали примѣнять съ цѣлью противодѣйствовать королевской власти. Въ Кастиліи такихъ орденовъ было три: Св. Якова, Калатравы и Алкантары; они представляли собою военно-религіозную армію, состоящую изъ солдатъ-дворянъ, дававшихъ настоящіе монашескіе обѣты. Подобно дворянству, и города пользовались широкими привилегіями или фуэро, предоставлявшими жителямъ городовъ—vecinos—личную свободу, административную автономію и финансовыя прерогативы. Первымъ получилъ фуэро Леонъ въ 1020 г., въ 1076 г. такое же фуэро получили Нахера и Сепульведа; въ XII-мъ и XIII-мъ вѣкахъ цѣлый рядъ кастильскихъ и арагонскихъ городовъ добился значительныхъ привилегій, при чемъ короли обычно не давали отдѣльныхъ какихъ-либо вольностей, а цѣликомъ дарили популярное фуэро какого-нибудь города. Такъ фуэро Логроньо отъ 1095 г. было въ XIII в. распространено на цѣлый рядъ городовъ. Подъ эгидой этихъ фуэро города вскорѣ превратились какъ бы въ маленькія государства, имѣвшія свою полицію и даже армію. Въ знаменитой битвѣ при Ласъ-Навасъ де Толоса 1212 г. милиціи Куэнки, Соріи, Аларкона и др. составляли отдѣльные отряды. Свою мощь города направляли, однако, не только противъ внѣшняго врага, но и противъ произвола короля, главнымъ образомъ дворянства, духовно-рыцарскіе ордены котораго не разъ совершали самыя дерзкія нападенія на города. Чтобы успѣшно бороться съ дворянствомъ, города также стали объединяться и образовали особыя братства, hermandados. 1295-ый годъ былъ особенно богатъ въ отношеніи образованія городскихъ союзовъ въ различныхъ частяхъ Кастиліи. Въ этомъ году образованы были германдады среди общинъ Кастиліи, Леона, Галисіи и Мурсіи. Главной задачей этихъ союзовъ была защита

фуэро отдѣльныхъ общинъ отъ нарушенія со стороны короля или магнатовъ и сопротивленіе противъ незаконнаго взиманія податей. Въ статьѣ кастильской германдады, послѣ перечня тѣхъ повинностей, которыя должны нести жители общинъ въ пользу короля, говорится: «Мы всегда должны охранять наши фуэро, обычаи, привилегіи, хартіи и вольности, чтобы въ случаѣ, если бы король Фердинандъ, нашъ сеньоръ, или другіе короли, которые будутъ слѣдовать послѣ него, или алкады (alcades—городскіе судьи), или алгуасили-майоры (alguazil mayor — командующій городской милиціей) пожелали итти противъ нашихъ вольностей, всѣхъ или извѣстной части ихъ, какимъ бы то ни было образомъ или въ какое бы то ни было время, мы должны единодушно указать королю на обиду и потребовать ея удовлетворенія; если же таковое не послѣдуетъ, мы всѣ должны вмѣстѣ защищаться и сопротивляться противъ нарушенія вольностей, согласно привилегіи, данной намъ королемъ Санчо». «Если какой-нибудь человѣкъ,—говорится дальше,—принадлежащій къ союзу, представитъ королевскую грамату, предписывающую взиманіе какого бы то ни было налога, вопреки фуэро, онъ долженъ быть убитъ жителями той общины, куда явится, или другими членами германдады».

Развитіе кастильскихъ городовъ совершалось въ силу причинъ совершенно иного характера, чѣмъ тѣ, которыя способствовали возвышенію итальянскихъ, нѣмецкихъ или французскихъ городовъ, обязанныхъ своимъ могуществомъ, главнымъ образомъ, промышленно-торговому росту населенія. Среди безпрестанныхъ войнъ съ маврами кастильцы развили въ себѣ духъ воинственной отваги, но не могли посвящать слишкомъ много времени занятіямъ промышленностью и торговлей. Развитіе и мощь городскихъ общинъ Кастиліи обусловливались преимущественно ихъ военнымъ значеніемъ, и короли нерѣдко пользовались городами, которые они осыпали привилегіями, для борьбы съ аристократическими сословіями, съ могуществомъ дворянства и Церкви [1]). Послѣдняя представляла собою благодаря своему богатству крупную политическую силу. Ежегодный доходъ испанской Церкви былъ равенъ 4 мил. дукатовъ, т.-е. около 300 мил. франковъ [2]). Въ Испаніи было 7 архіепископствъ и 40 епископствъ; многочисленные монастыри владѣли значительными землями; по богатству своихъ земель толедскій архіепископъ уступалъ лишь королю. Власть монастыря Ласъ-Уэльгасъ (близъ Бургоса) распространялась на 14 среднихъ городовъ (oppida) и 50 мелкихъ [3]). Богатство это, питавшееся въ значительной степени благочестіемъ и набожностью испанцевъ, приносившихъ Церкви щедрые дары, сильно развращало духовенство, въ ряды котораго нерѣдко вступали лишь съ цѣлью освободить себя отъ налоговъ и обложеній, такъ какъ Церковь сумѣла провести для себя въ Испаніи, какъ и въ другихъ странахъ, принципъ свободы отъ всякихъ податей, что, впрочемъ, оспаривалось городами, нерѣдко вступавшими по этому поводу въ борьбу съ духовенствомъ. Безнравственность духовенства особенно проявляется въ правѣ наслѣдованія сыномъ имущества своего отца, лица духовнаго званія, умершаго безъ завѣщанія; о развращенности духовенства свидѣтельствуетъ также и чрезвычайно распространенный въ описываемое нами время конкубинатъ среди духовенства, — явленіе, на которое было обращено Изабеллой Католической особое вниманіе. Однако, для государства непосредственную опасность представляло болѣе всего активное участіе духовенства въ междоусобіяхъ того времени, въ поддержкѣ той или иной партіи, боровшейся за власть обычно съ помощью какого-либо претендента на престолъ.

Особенно рѣзкій характеръ приняли въ Кастиліи междоусобія послѣ убійства въ 1369 г. Педро Жестокаго, при вступленіи на престолъ, въ лицѣ Генриха Трастамары, новой ди-

---

[1]) В. К. Пискорскій, «Исторія Испаніи и Португаліи», 58—59.
[2]) Jean H. Mariéjol, «L'Espagne sous Ferdinand et Isabelle», 264.
[3]) W. H. Prescott, «Geschichte der Regierung Ferdinand's und Isabellas» (пер. съ англійскаго), Лейпцигъ, 1842, стр. 31.

настія. И если самъ основатель этой династіи, Генрихъ II, сумѣлъ сдерживать политическія страсти своего времени всевозможнаго рода уступками дворянству, то его преемникамъ нерѣдко приходилось вести отчаянную борьбу за авторитетъ королевской власти среди самой необузданной анархіи—какъ политической, такъ и соціальной. На собраніи кортесовъ въ Вальядолидѣ въ 1385 г. Хуанъ, сынъ Генриха II, горько жаловался на то, что не можетъ отправлять правосудія и управлять страною такъ, какъ ему подсказываютъ совѣсть и разумъ: ему мѣшаютъ въ этомъ тѣ злоупотребленія привилегіями, которыя сдѣлались обычными въ средѣ высшаго дворянства и устраненіе которыхъ ему не подъ силу. Эти слова прекрасно характеризуютъ состояніе кастильской монархіи за время отъ убійства Педро Жестокаго до вступленія на престолъ Изабеллы Католической,—время, полное ужасныхъ и безконечныхъ возстаній и гражданскихъ войнъ, когда центральная власть вела самое жалкое существованіе и все менѣе и менѣе рѣшилась на какія-либо мѣры противъ все возраставшей анархіи. Король сдѣлался игрушкой въ рукахъ соперничавшихъ партій, изъ которыхъ каждая, прикрываясь именемъ какого-либо претендента на престолъ, выступала въ качествѣ единственно законной партіи, называя и короля, и всѣхъ его сторонниковъ узурпаторами власти. Дѣло Реконкисты, требовавшее со стороны христіанской Испаніи безконечныхъ усилій въ теченіе шести вѣковъ, было почти совершенно оставлено, и маленькое королевство Гранада, въ дни Альфонса XI казавшаяся уже наканунѣ своей гибели, продолжала спокойно существовать, какъ бы желая увѣковѣчить господство полумѣсяца на христіанской землѣ [1]).

До чего палъ авторитетъ монарха, видно изъ событій 1465 года, когда надъ изображеніемъ короля Генриха IV, прозваннаго Безсильнымъ, былъ совершенъ возставшими дворянами актъ сверженія монарха съ престола. Алонсо Каррильо, толедскій архіепископъ, торжественно снялъ корону съ царскаго изображенія; Альваро де Суньига, графъ Пласенсіи, сломалъ королевскій мечъ; Родриго Пиментель, графъ Бенавенте, уничтожилъ скипетръ, а Діэго Лопесъ де Суньига жестомъ, полнымъ отвращенія и презрѣнія, сбросилъ изображеніе Генриха съ кресла, провозглашая тѣмъ самымъ, что отнынѣ король лишенъ престола. Продолженіемъ этой сцены было избраніе въ короли 11-лѣтняго брата Генриха Безсильнаго, Альфонса; избраніе это свидѣтельствовало о полномъ захватѣ дворянами королевской власти. Подъ громкими фразами о чести и вѣрности скрывались грубый обманъ, лицемѣріе и нерѣдко всевозможнаго рода преступленія. Гласъ народа утверждалъ, что Фердинанду досталась арагонская корона благодаря тому, что онъ отравилъ своего брата Карла, а Изабелла, по тѣмъ же слухамъ, вступила на кастильскій тронъ, перешагнувъ черезъ трупъ своего брата Альфонса, отравленнаго по ея же наущенію. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что широкимъ народнымъ массамъ приходилось переносить отъ дворянъ много горя; гранды дѣлились на враждебныя партіи и вели между собою безконечныя войны, которыя тяжело отражались на мирныхъ гражданахъ. Какъ могъ крестьянинъ спокойно обрабатывать свою землю, когда онъ былъ увѣренъ, что раньше или позже онъ и все его имущество сдѣлаются добычей соперничавшаго съ его сеньоромъ гранда? Въ 1473 г. дель Пульгаръ писалъ изъ Мадрида, что въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ съ Мурсіей нѣтъ никакого сообщенія, такъ что провинція эта сдѣлалась Кастиліи столь же чуждой, какъ и Наварра. На большихъ дорогахъ ежедневно совершались убійства, торговля и промышленность глохли, замки даже мелкихъ гидальго превращались въ разбойничьи гнѣзда, вездѣ господствовала анархія, правительство было безпомощно, и казна была совершенно истощена. Генрихъ IV вынужденъ былъ даже предоставить дворянамъ право чеканить монету, и вскорѣ въ Кастиліи образовалось 150 монетныхъ дворовъ, наводнившихъ страну

---

[1]) См. общія исторіи Испаніи, главнымъ образомъ, R. Altamira y Crevea, «Historia de España y de la civilisatión», Барселона, 3 т., 1900—1909.

фальшивой и безцѣнной монетой [1]). Кортесы въ Мадридѣ въ 1467 г. и въ Оканьѣ въ 1469 г. жаловались Генриху на существованіе этихъ монетныхъ дворовъ и просили объ ихъ отмѣнѣ, но Генрихъ не былъ въ состояніи что-либо предпринять, и та же жалоба была принесена Фердинанду и Изабеллѣ въ 1476 г. кортесами въ Мадригалѣ.

Находясь въ подчиненіи у дворянъ, Генрихъ IV изъ политическихъ соображеній долженъ былъ допустить интимную связь королевы съ Бельтраномъ де ла Куэва, возведеннымъ въ званіе герцога Албукерскаго, почему дочь Генриха, донья Хуана, и получила прозвище «Бельтранеха» (la Beltraneja). Такъ какъ она считалась наслѣдницей престола, то гранды подняли знамя возстанія противъ «незаконнорожденной» и, объединившись сначала вокругъ брата Генриха, малолѣтняго Альфонса, выдвинули потомъ, за смертью Альфонса, кандидатуру Изабеллы, сестры Генриха IV, которая сумѣла заставить своего брата публично отвергнуть Бельтранеху, какъ не имѣющую права на кастильскій престолъ, и признать это право за одной лишь Изабеллой. Тайкомъ, однако, Генрихъ продолжалъ вести интриги противъ Изабеллы, отстаивая права своей дочери Хуаны-Бельтранехи. Въ видахъ усиленія партіи Изабеллы ее рѣшили выдать замужъ за сильнаго и могущественнаго государя, который съ оружіемъ въ рукахъ защищалъ бы кастильскій тронъ для своей жены. Выборъ грандовъ палъ на Фердинанда, наслѣдника трона Арагоніи, сравнительно сильной державы, переживавшей въ то время, подобно Кастиліи, тяжелые дни борьбы за престолъ и внутреннихъ безпорядковъ. Изъ ненависти къ королю Хуану II арагонскіе и каталонскіе дворяне объединились вокругъ знамени сына короля, принца Карла де Віаны, не признаннаго своимъ отцомъ, желавшимъ оставить тронъ своему сыну отъ второго брака съ Хуаной Энрикесъ, а именно—Фердинанду. Въ 1461 г. умеръ принцъ Карлъ, и Фердинандъ остался единственнымъ законнымъ претендентомъ на арагонскій престолъ. Чтобы увеличить могущество будущаго арагонскаго короля, Хуанъ II и его супруга Хуана Энрикесъ охотно пошли навстрѣчу предложенію кастильскихъ грандовъ о заключеніи брака Изабеллы съ Фердинандомъ. Послѣдній тайкомъ прибылъ въ Вальядолидъ, гдѣ въ 1469 г. и состоялось бракосочетаніе. Такимъ образомъ, оба наиболѣе могущественныхъ государства Пиренейскаго полуострова должны были перейти во власть четы — Фердинанда и Изабеллы [2]).

Когда Генрихъ узналъ объ этомъ бракѣ, то рѣшилъ сосватать свою дочь Хуану-Бельтранеху за французскаго герцога Шарля Гіеннскаго, брата Людовика XI, съ тѣмъ, чтобы выставить сильнаго претендента на кастильскій престолъ; кромѣ того, португальскій король Альфонсо V, какъ братъ матери Хуаны, долженъ былъ также защищать права дочери Генриха IV, и противъ Фердинанда и Изабеллы образовалась, такимъ образомъ, сильная иностранная партія, которая, впрочемъ, опиралась и на значительную часть кастильскаго дворянства, боявшуюся, какъ бы Изабелла и Фердинандъ, извѣстные своей энергіей и готовностью защищать принципъ королевской власти, не объявили войны вольностямъ и привилегіямъ дворянъ. Вотъ почему послѣ смерти Генриха въ 1474 г. католической царственной четѣ пришлось вести упорную борьбу за свое признаніе противъ Португаліи, Франціи и сторонниковъ Хуаны. Въ этой борьбѣ кастильцы послѣ долгихъ лѣтъ «вакантности королевской должности» (falta el oficio del Rey) впервые почувствовали, что ими управляетъ властная рука, и что тронъ занятъ, наконецъ, людьми, достойными имени короля. 1 марта 1476 г. при Торо португальцамъ былъ нанесенъ сильный ударъ, положившій конецъ ихъ дальнѣйшимъ претензіямъ на Кастилію. Бельтранеха должна была въ теченіе шести мѣсяцевъ либо выйти замужъ за принца Хуана, сына Фердинанда и Изабеллы, либо отправиться въ монастырь Санта Клара. Постригшись въ монахини, она,

---

[1]) Lea, «Hysrory of the Inquisition of Spain», t. I, стр. 7.

[2]) Id., op. cit., t. I, стр. 7.

тѣмъ не менѣе, продолжала именовать себя королевой, подписываясь Yo la Reina, и объединяла вокругъ себя недовольные элементы страны, пока не умерла въ 1531 г. [1]).

Изабеллѣ было 18 лѣтъ, когда она вышла замужъ за Фердинанда, но и тогда уже она представляла собою вполнѣ сложившуюся личность, имѣвшую опредѣленный взглядъ на роль и значеніе королевской власти. Гордая, самолюбивая и энергичная, она намѣревалась твердо охранять авторитетъ монарха и не допускала мысли, чтобы мятежные дворяне диктовали ей свою волю. Съ неменьшей энергіей рѣшила она отстаивать свою власть и отъ посягательствъ со стороны кортесовъ; она была представительницей абсолютизма короны и не терпѣла никакихъ ограниченій центральной власти. Она царствовала не только номинально, но и фактически, такъ какъ кастильцы еще до ея брака съ Фердинандомъ принудили послѣдняго поклясться, что онъ будетъ строго соблюдать законы страны, ничего не предпринимать безъ согласія Изабеллы и жить въ Кастиліи. Въ 1475 г. кортесы заставили его еще разъ признать, что управленіе Кастиліей должно исключительно принадлежать Изабеллѣ, что участвовать въ немъ Фердинандъ можетъ лишь какъ уполномоченный Изабеллы и что на актахъ о назначеніи тѣхъ или другихъ лицъ на государственныя должности онъ можетъ ставить свое имя лишь рядомъ съ именемъ Изабеллы, при чемъ на монетахъ должно было чеканиться имя ихъ обоихъ, равно какъ и судебные приговоры должны были произноситься отъ имени обоихъ супруговъ. Несмотря на свою молодость, Изабелла съ самаго начала серьезно отдалась заботамъ о государственныхъ нуждахъ и все свое время посвящала интересамъ Кастиліи, обнаруживая глубокое знаніе страны и удивительно внимательное отношеніе даже къ самымъ мелкимъ государственнымъ дѣламъ. Она была въ высшей степени красивой и элегантной женщиной, обладала живымъ умомъ и страстнымъ темпераментомъ, но ей были чужды чисто женскіе интересы, и серьезное отношеніе къ государственнымъ дѣламъ, равно какъ сознаніе тяжелой отвѣтственности заставляли ее забывать обо всемъ, что не имѣло отношенія къ нуждамъ страны. Она была далека отъ лицемѣрія, и ея отличительными чертами были искренность и прямота; однако, политическія соображенія побуждали ее нерѣдко скрывать истинные планы и подолгу носить маску, такъ что даже самые близкіе люди не догадывались о тѣхъ проектахъ, которые она изготовляла въ тиши кабинета, въ сотрудничествѣ съ своимъ супругомъ. Нерѣдко, впрочемъ, она и въ государственныя дѣла вносила свою природную страстность, составляя въ этомъ отношеніи контрастъ Фердинанду, умѣвшему подавлять всякаго рода проявленія чрезмѣрной страстности. Сдержанности, какъ и лицемѣрію, она научилась у Фердинанда, но превосходила его мужествомъ и религіозностью. Ея мужество прославлялось на всякіе лады, она часто подвергала себя во время войны опасностямъ, нерѣдко командовала отрядами, то сидя на лошади, то идя впереди другихъ. За свое мужество она получила кличку мужчины—mujer varonil. Мужской чертой являлось также отсутствіе у нея чувства жалости и состраданія къ противникамъ, въ особенности на религіозной почвѣ. Фанатически религіозная, она легко поддавалась вліянію духовенства и считала своей жизненной задачей борьбу съ ересью и съ не-католическими вѣроисповѣданіями. Въ дѣло религіи, казалось, вкладывала она всю свою женскую натуру, свой страстный темпераментъ, всю свою горячность; ея религіозный пылъ не согрѣвался любовью и милосердіемъ, а горѣлъ ненавистью и злобой къ такъ называемымъ врагамъ Церкви. Словно искупая свое лицемѣріе, проявляемое въ самыхъ разнообразныхъ политическихъ комбинаціяхъ, какъ бы чувствуя угрызенія совѣсти за многочисленныя сдѣлки съ ней, вынужденныя обстоятельствами и положеніемъ дѣйствительно вліятельной королевы-соправительницы, Изабелла давала полную волю своей искренней и увлекающейся натурѣ въ дѣлѣ преслѣдованія на религіозной почвѣ; здѣсь сказывались ея природная прямолиней-

[1]) Gustav Diercks, «Spanische Geschichte», 1905, стр. 70—71.

ИЗАБЕЛЛА КАТОЛИЧЕСКАЯ.

ность и искренность, здѣсь обнаруживались также ея страстность и фанатизмъ, и здѣсь, наконецъ, проявлялось ея отвращеніе къ хитро задуманнымъ и безнравственнымъ мѣрамъ, которыми было столь богато ея правленіе,—потому что ея политическимъ вдохновителемъ былъ Фердинандъ. Несмотря на свою набожность, она любила науку и просвѣщеніе, учредила академію для дворянъ, университетъ, библіотеку и оказала содѣйствіе Колумбу въ его смѣломъ предпріятіи, въ интересахъ государства она даже умѣла подавлять и требованія религіи, такъ что при введеніи Инквизиціи отстаивала, вопреки явно выраженному желанію папскаго престола, права государства надъ Церковью,—въ чемъ опять-таки повиновалась своему мужу Фердинанду.

Фердинандъ былъ, болѣе чѣмъ на годъ, моложе Изабеллы и, подобно ей, рано развился какъ физически, такъ и духовно. Королемъ Арагоніи онъ сталъ лишь въ 1479 г., т. е. черезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ сдѣлался соправителемъ Кастиліи. Не розами былъ усыпанъ его путь къ трону и, разъ достигши его, онъ цѣпко держался за него, не желая ни на минуту выпускать изъ рукъ государственнаго руля. Подобно Изабеллѣ, онъ былъ высокаго мнѣнія о королевской власти и мечталъ о строго проведенномъ абсолютизмѣ, но шелъ онъ къ нему не прямымъ путемъ, а тѣми извилинами, на которыя были такъ падки правители стараго времени. Отличаясь большой прозорливостью, онъ предугадывалъ ближайшій ходъ событій и правильно разсчитывалъ свои шаги. Холодный и разсудительный, не знающій ни требованій совѣсти, ни нравственныхъ началъ, не считающійся ни съ собственнымъ словомъ, ни съ чувствами даже наиболѣе близкихъ людей, онъ направлялся къ разъ намѣченной цѣли безъ излишняго шума, но съ твердой и упорной волей. Онъ не былъ фанатиченъ, не проявлялъ особой жестокости ни по отношенію къ политическимъ, ни по отношенію къ религіознымъ врагамъ, если только жестокость эта была безполезна; но онъ умѣлъ, въ случаѣ надобности, подниматься «выше всякихъ требованій гуманности» и разить своихъ противниковъ на страхъ другимъ. Дорожа интересами государства, онъ отдавалъ имъ все свое время и почти не зналъ личной жизни. Вмѣстѣ съ Изабеллой проводилъ онъ долгіе дни и длинныя ночи за государственными дѣлами и, превосходя ее умомъ и особенно хитростью, сумѣлъ фактически осуществлять свою волю не только въ Арагоніи, но и въ Кастиліи; скрытный по натурѣ, онъ не праздновалъ своихъ дипломатическихъ побѣдъ и даже обычно имѣлъ видъ побѣжденнаго. Онъ часто уступалъ, когда видѣлъ, что побѣда не близка, но это отступленіе было лишь кажущимся и впослѣдствіи обыкновенно щедро награждалось, при чемъ путь отъ пораженія къ побѣдѣ совершался Фердинандомъ исподтишка, совершенно незамѣтно, такъ что окружающіе все еще продолжали считать его побѣжденнымъ. Такъ, когда Генрихъ IV умеръ въ 1474 г., Фердинандъ, несмотря на клятву 1469 г., попытался было фактически стать правителемъ Кастиліи, но возбудилъ этимъ такое недовольство дворянъ, что вынужденъ былъ отказаться отъ этого плана; тѣмъ не менѣе, онъ мало-по-малу пріобрѣталъ все большую и большую власть надъ Кастиліей, сталъ одинъ подписывать важнѣйшіе государственные акты, употреблять выраженія *mi* receptor, *mi* camera e fisco, *mi* consejo, и все рѣже и рѣже, рядомъ съ Yo el Rey (я—король), стало встрѣчаться Yo la Reina (я—королева).

Изабелла чувствовала его превосходство и во многомъ ему подчинялась, но и онъ высоко ставилъ ея умъ и подчасъ находился подъ ея вліяніемъ, такъ что не безъ основанія дель Пульгаръ могъ утверждать, что «фавориткой короля была королева, а фаворитомъ королевы былъ король» [1]). Лишенный нравственнаго чутья, Фердинандъ стремился вытравить его и изъ сердца Изабеллы,—въ этомъ онъ нерѣдко успѣвалъ; тѣмъ не менѣе, Изабелла до конца жизни сохранила въ себѣ искорки возвышенной души и часто проявляла искренность и задушевность тамъ, гдѣ Фердинандъ дѣйствовалъ лицемѣрно и

[1]) Lea, «Hystory of the Inquisition of Spain», I, стр. 20.

обманно. Въ противоположность Изабеллѣ, Фердинандъ не заботился о наукѣ и просвѣщеніи; ему чужды были высшіе, духовные интересы, онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на ближайшихъ, очередныхъ вопросахъ политики, изъ-за которой онъ не замѣчалъ того, что не находилось непосредственно передъ нимъ, и его, въ общемъ, ясный и трезвый взглядъ ограничивался узкимъ горизонтомъ, такъ что, взявъ на себя столь серьезную задачу Новаго времени, какъ введеніе абсолютизма въ Испаніи, онъ во многихъ отношеніяхъ оставался еще во власти Среднихъ вѣковъ и ознаменовалъ свое царствованіе, съ одной стороны, торжествомъ королевской власти надъ феодализмомъ, а съ другой — подчиненіемъ государства одному изъ основныхъ требованій средневѣковой Церкви,—страшнымъ религіознымъ фанатизмомъ и безпощаднымъ преслѣдованіемъ всѣхъ лицъ, уклонявшихся отъ догмъ католической вѣры.

Прежде всего Фердинанду и Изабеллѣ предстояло положить конецъ господствовавшей въ странѣ анархіи или, выражаясь словами дель Пульгара, замѣнить однимъ законнымъ монархомъ тѣхъ многочисленныхъ тирановъ, которые раздирали Испанію на мелкія части [1]). Въ Галисію, гдѣ внутренняя жизнь народа была болѣе всего парализована, были отправлены полководецъ Фернандо Акунья и членъ королевскаго совѣта Гарси Лопесъ де Чинчилья съ самыми широкими полномочіями; они взорвали около 50 дворянскихъ крѣпостей, превратившихся въ разбойничьи притоны, казнили многихъ грандовъ, въ томъ числѣ Педро де Миранду и маршала Перо Пардо, изгнали изъ страны около 1000 рыцарей-разбойниковъ и принудили городскія власти начать правильные взносы податей въ королевскую казну. Въ Севилью королева явилась лично. Здѣсь герцогъ Медина Сидонія и маркизъ де Кадиксъ вели съ 1471 г. между собою войну, которая опустошила всю провинцію: насилія, грабежи и убійства были такъ многочисленны, что, по словамъ дель Пульгара, въ Севильѣ мало было людей, которые были чисты отъ преступленій: одни принимали въ нихъ активное участіе, другіе исподтишка поддерживали ихъ, третьи, наконецъ, косвенно способствовали росту преступленій [2]). Изабелла твердой рукой стала подавлять эти беззаконія и насилія: свыше 4-хъ тыс. человѣкъ вынуждено было бѣжать изъ Севильи въ Португалію или Гранаду. Нерѣдко, однако, рыцари-грабители, убѣгая отъ преслѣдованій Изабеллы, направлялись въ деревни, гдѣ могли безнаказанно продолжать свои насилія, такъ какъ королевскій судъ свирѣпствовалъ лишь въ городахъ. Для борьбы съ анархіей, преимущественно въ деревняхъ, Изабеллѣ было предложено образовать изъ кастильскихъ городовъ такъ называемую святую германдаду (Santa Hermandad), которая и была признана кортесами въ Мадригалѣ въ 1476 г.

Дѣятельность св. германдады распространилась по всему королевству; ея трибуналамъ подсудны были уголовныя дѣла; правосудіе совершалось съ замѣчательной быстротой; наказанія отличались неимовѣрною жестокостью, и смертная казнь была обычнымъ явленіемъ для германдады [3]). Апеллировать на рѣшенія низшихъ судовъ св. германдады (состоявшихъ изъ 2 алкалдовъ въ каждомъ селеніи, гдѣ было не менѣе 30 жителей) можно было въ извѣстныхъ случаяхъ въ «верховный совѣтъ» германдады. Преслѣдованіе преступниковъ, пытавшихся ускользнуть изъ рукъ правосудія, равно какъ и приведеніе въ исполненіе судебныхъ рѣшеній, возлагалось на такъ называемые cuadrilleros, военные отряды, которые получали содержаніе и вооруженіе на счетъ мѣстнаго населенія, и общая численность которыхъ достигала 2.000 человѣкъ. Такимъ образомъ, благодаря учрежденію св. германдады королевская власть стала располагать постоянной военной силой. Съ помощью ея въ короткое время удалось водворить порядокъ въ странѣ. Грозная дѣятельность св. германдады

---

[1]) Prescott, «Geschichte der Regierung Ferdinand's und Isabella's» (пер. съ англ.), 1842, I, стр. 232 и сл.

[2]) Lea, op. cit, стр. 23 и сл.

[3]) Насколько суровы были постановленія, см. въ «Quaderno de las leyes nuevas de la Hermandad» (Бургосъ, 1527); Prescott, op. cit., I, стр. 224.

заставляла трепетать всѣхъ при одномъ упоминаніи ея имени. Содержаніе ея обходилось дорого населенію, но вскорѣ оказалось возможнымъ упростить ея организацію и низвести ее на степень органа обыкновенной полиціи [1]). Главное начальство надъ германдадой было вручено брату Фердинанда, Альфонсу Арагонскому; германдада была направлена, главнымъ образомъ, противъ дворянъ и служила прекраснымъ орудіемъ абсолютизма въ рукахъ католической царственной четы. Кромѣ того, пользуясь поддержкой городскихъ депутатовъ и услугами своихъ приближенныхъ, кардинала Мендосы и духовника Фернандо де Талавера, Изабелла возстановила порядокъ въ государственномъ хозяйствѣ, отмѣнивъ, согласно постановленію кортесовъ 1480 г., всѣ земельныя пожалованія, сдѣланныя въ пользу дворянства въ царствованіе ея брата. Мѣра эта сразу увеличила ежегодный доходъ короны на 30 милліоновъ мараведи. Предоставивъ мужу своему, съ согласія папы, званіе великаго магистра трехъ духовно-рыцарскихъ орденовъ Кастиліи и связанные съ нимъ огромные доходы, Изабелла еще болѣе увеличила матеріальные рессурсы и могущество короны. Параллельно этому падало значеніе дворянства, которому, помимо того, Изабелла нанесла сильный ударъ, запретивъ возводить новые замки и предписавъ не подновлять старыхъ. Благодаря установленію безопасности, а также улучшенію путей сообщенія, въ Кастиліи оживилась торговля какъ внутренняя, такъ и внѣшняя. Предметами вывоза служили земледѣльческіе продукты, вино, масло, лошади, кожа, шерсть, шелкъ, стеклянныя и металлическія издѣлія и т. д. [2]).

Въ борьбѣ противъ анархіи Фердинандъ и Изабелла опирались преимущественно на города. Однако, какъ только сила дворянства была сломлена, царствующая чета стала всячески ограничивать своеволіе городовъ, которые считали себя, въ силу старинныхъ привилегій и фуэро, внѣ сферы вліянія королевской власти и дѣйствовали какъ небольшія, но свободныя республики. Уже въ 1476 г. кортесы въ Мадригалѣ жаловались на то, что во многихъ городахъ короли назначали, помимо вѣдома и воли горожанъ, особыхъ чиновниковъ — corrégidores. Несмотря на это, въ 1480 г. корегидоры были поставлены центральной властью во всѣхъ городахъ и во многихъ мѣстахъ повели борьбу противъ муниципальныхъ совѣтовъ — ayuntamientos. Возникавшіе при этомъ конфликты между городскими выборными и назначенными чиновниками разрѣшались центральнымъ правительствомъ въ пользу послѣднихъ, и автономія городовъ все болѣе и болѣе суживалась. Такъ, когда въ Касересѣ произошло какое-то столкновеніе на почвѣ городскихъ интересовъ, Изабелла издала ордонансъ, въ силу котораго муниципальный совѣтъ Касереса отнынѣ долженъ былъ состоять изъ пожизненныхъ членовъ, назначенныхъ ею въ первый разъ по жребію, при освобожденіи же въ будущемъ какого-либо мѣста она могла собственной властью назначить новаго пожизненнаго муниципальнаго чиновника. Кромѣ того, во многихъ городахъ была измѣнена избирательная система и былъ выработанъ новый избирательный регламентъ, при чемъ въ основу новаго порядка легъ принципъ демократизаціи выборовъ, — пополненія кадровъ избирателей, принадлежащихъ къ наиболѣе богатымъ городскимъ элементамъ, лицами менѣе состоятельными и мало вліятельными. Одновременно съ городскими вольностями урѣзывались также и привилегіи Церкви, хотя католическіе монархи и отличались большимъ благочестіемъ. Въ 1485 г., когда Изабелла и Фердинандъ прибыли въ Алкалу де Энаресъ, между представителемъ толедскаго архіепископа и королевой произошелъ конфликтъ изъ-за вопроса о томъ, кто долженъ отправлять правосудіе въ Алкалѣ де Энаресъ, входящемъ въ составъ духовнаго княжества; и хотя на этотъ разъ конфликтъ не закончился пораженіемъ архіепископа, однако, когда въ 1486 г. аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ Трухильо, гдѣ въ защиту правъ Церкви священники стали обращаться

---

[1]) В. Пискорскій, «Исторія Испаніи и Португаліи», стр. 110.
[2]) Idem, op. cit., стр. 111.

къ народу съ зажигательными призывами, то Изабелла распорядилась объ арестѣ бунтовавшихъ народъ священниковъ и объ изгнаніи ихъ изъ предѣловъ Арагоніи и Кастиліи.

Несмотря на свою религіозность, католическая чета не останавливалась даже предъ оппозиціей Римской Куріи, и когда въ 1482 г. папа Сикстъ IV назначилъ на освободившійся постъ епископа города Куэнки нежелательнаго Фердинанду и Изабеллѣ священнослужителя, то со стороны монарховъ послѣдовало заявленіе, что они, въ качествѣ защитниковъ католической вѣры и освободителей страны отъ невѣрныхъ, имѣютъ право высшаго надзора надъ всѣми духовными лицами государства, и что безъ ихъ согласія никто не можетъ быть назначенъ на какой-либо духовный постъ. «Интересы безопасности государства требовали, чтобы избранные епископы были испанцами, такъ какъ нерѣдко епископамъ поручалась защита крѣпостей, и было справедливо, чтобы эти бульвары христіанства находились въ рукахъ лицъ, болѣе надежныхъ, чѣмъ иностранцы» [1]). Сикстъ IV не хотѣлъ уступить, такъ какъ дѣло шло о его племянникѣ, кардиналѣ Джорджіо, и Фердинандъ и Изабелла приказали своимъ подданнымъ оставить Римъ, угрожая въ то же время созывомъ собора.

Римскій престолъ былъ тогда занятъ человѣкомъ, которому менѣе всего могло подобать поднятіе вокругъ своего имени какого-либо шума, и Сикстъ по-неволѣ пошелъ на уступки. Въ силу соглашенія 1482 г. королямъ было предоставлено право представленія наиболѣе подходящихъ кандидатовъ на освободившіяся важнѣйшія духовныя должности [2]). Право это было истолковано Изабеллой въ смыслѣ предоставленія ей возможности пользоваться пребендой по собственному усмотрѣнію, и при назначеніи папой нежелательныхъ ей лицъ она лишала ихъ пребенды или уступала ее другимъ; въ одинъ день, напримѣръ, ею было роздано двадцать пребендъ. Папа, разумѣется, не могъ безучастно смотрѣть на такое толкованіе договора 1482 г., и когда въ 1485 г. умеръ севильскій архіепископъ Иньиго Манрике, то Иннокентій VIII, вопреки договору, безъ вѣдома свѣтскихъ властей назначилъ на вакантное мѣсто своего вице-канцлера Родр. Борджіа. Предъ энергичнымъ протестомъ Фердинанда и Изабеллы папа долженъ былъ уступить; черезъ два года папа предоставилъ имъ власть надъ всей Церковью въ Гранадѣ. Въ томъ же году Фердинандъ силою заставилъ признать себя великимъ мастеромъ ордена Калатравы, а черезъ нѣкоторое время и Алкантары. Въ 1499 г. Фердинандъ овладѣлъ и орденомъ св. Якова. Такимъ образомъ, въ рукахъ короля очутилась огромная матеріальная сила, которая была направлена на усиленіе абсолютизма. Идеологами послѣдняго явились такъ называемые letrados, легисты, приверженцы римскаго права, защищавшіе суверенитетъ королевской власти отъ посягательствъ на него со стороны духовной и феодальной знати. Выходцы средняго класса, легисты были ненавистны аристократіи, которая должна была имъ повиноваться, такъ какъ изъ ихъ состава назначались всѣ королевскіе чиновники. Когда толедскіе дворяне стали выражать недовольство по поводу того, что имъ приходится подчиняться лицамъ не-высокаго происхожденія, губернаторъ Алкасара Гомесъ Манрике, не безъ ироніи, замѣтилъ, что превратность судьбы и перемѣна вещей являются закономъ природы, и что единственной и настоящею знатью слѣдуетъ считать добродѣтель. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что аристократы попрежнему были еще очень богаты: такъ, адмиралъ кастильскій Энрикесъ имѣлъ ежегодный доходъ въ 50 тыс. дукатовъ, такой же доходъ получали герцоги Мендоса, Альба, Гусманъ, Пиментель, Веласко и многіе другіе [3]). Представителямъ «добродѣтельной знати» Испанія немало была обязана переходомъ отъ феодальнаго порядка къ новому порядку, къ абсолютной монархіи.

Возстановленіемъ внутри государства спокойствія не ограничивалась задача Ферди-

---

[1]) J. Mariéjol, «L'Espagne sous Ferdinand et Isabelle», Парижъ, безъ даты, стр. 27.

[2]) Maurenbrecher, «Studien und Skizzen», стр. 13; Prescott, op. cit., I, стр. 256,586; Lea, op. cit., I, 14.

[3]) Prescott, op. cit., t. II, 581—585.

нанда и Изабеллы: имъ предстояло еще окончательно изгнать мавровъ изъ Пиренейскаго полуострова и сдѣлать Гранаду христіанскимъ владѣніемъ.

Поводомъ къ войнѣ съ маврами послужилъ отказъ Абулъ-Хасана платить Кастиліи давно установленный налогъ и теперь сильно увеличенный, по настоянію Изабеллы. Мусульмане напали 27 декабря 1481 г. на городъ Саару (Zahara), а христіане на Аламу (Alhama); съ обѣихъ сторонъ были совершены ужасныя жестокости, и въ Саарѣ погибло не меньше христіанъ, чѣмъ мусульманъ въ Аламѣ. Война, казалось, принимала грозные размѣры, и Абулъ-Хасанъ поспѣшилъ въ Лоху на будущій театръ военныхъ дѣйствій. Но въ это время въ Гранадѣ былъ совершенъ дворцовый переворотъ. Сынъ Абулъ-Хасана отъ первой жены Боабдилъ, провозглашенный султаномъ и одержавшій побѣду въ нѣсколькихъ стычкахъ надъ сторонниками своего отца, выступилъ въ походъ противъ христіанскаго войска и въ 1482 г. былъ разбитъ на голову при Люсенѣ Фердинандомъ и Изабеллой и взятъ ими въ плѣнъ [1]). Тогда Абулъ-Хасанъ поспѣшилъ обратно въ Гранаду, чтобъ занять освободившійся тронъ, но Фердинандъ и Изабелла освободили изъ плѣна Боабдила и даже стали поддерживать его притязанія на престолъ въ виду того, что онъ обѣщалъ уступить имъ значительную часть своего государства. Въ Гранадѣ началась междоусобная война, усилившаяся благодаря появленію еще одного претендента на престолъ въ лицѣ брата Абулъ-Хасана, принца Эль-Загала. Христіане, между тѣмъ, обложили Велесъ-Малагу, которую неудачно защищалъ Эль-Загала, и взяли приступомъ рядъ городовъ, такъ что въ 1487 г. въ ихъ рукахъ очутилась значительная часть королевства Гранады. Съ завоеванными городами Фердинандъ и Изабелла поступали далеко не однообразно: жестоко расправляясь съ тѣми, которые не хотѣли добровольно сдаваться католическимъ монархамъ, они, съ другой стороны, мягко поступали по отношенію къ тѣмъ городамъ, которые охотно открывали свои ворота при приближеніи христіанскаго войска. Такъ, въ Бенамакесѣ, напр., были перебиты всѣ способные къ военной службѣ мужчины, другіе жители были обращены въ рабство, а городъ былъ сожженъ; въ Картамѣ, наоборотъ, ограничились лишь выселеніемъ всѣхъ участниковъ сраженія и помѣщеніемъ въ ней испанскаго гарнизона; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители переходили сразу на положеніе мудехаровъ, т. е. имъ обезпечивались личная и имущественная неприкосновенность, равно какъ и религіозная свобода. Мало того, Фердинандъ и Изабелла обратились къ папѣ Иннокентію VIII, чтобы онъ запретилъ духовенству взимать съ ихъ новыхъ арабскихъ подданныхъ десятинный налогъ, который они платили своимъ бывшимъ королямъ. Мотивировали они свою просьбу тѣмъ, что при взятіи большинства гранадскихъ городовъ ими было обѣщано маврамъ не увеличивать тяжести налоговаго бремени и взимать съ нихъ лишь прежній десятинный налогъ; если теперь, говорили Фердинандъ и Изабелла, Церковь вздумаетъ требовать отъ новыхъ мудехаровъ диму, то свѣтскія власти лишатся всякихъ доходовъ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ и не сумѣютъ тамъ держать столь необходимыхъ для спокойствія вновь завоеванной страны христіанскихъ гарнизоновъ [2]). Въ особой буллѣ Иннокентій воздалъ должное храброй королевской четѣ, которая, во имя славы Господа Бога, «не жалѣя своихъ трудовъ и не считаясь ни съ какими опасностями и затратами» (nullis laboribus nullisque periculis et expensis parcendo), борется за правое дѣло, вездѣ и повсюду искореняя невѣрныхъ; во вниманіе къ такимъ подвигамъ Иннокентій предоставилъ Фердинанду и Изабеллѣ исключительное право взиманія десятиннаго налога съ новыхъ подданныхъ Кастиліи, запретивъ духовенству вмѣшиваться въ это дѣло (nec Ecclesiae et Ecclesiasticae personae de illis se intromissere) [3]).

---

[1]) Fernandez y Gonzalez, «Estado social y politico de los mudejares de Castilla», 1866, стр. 197—198; Diercks, «Spanische Geschichte», Лейпц., 1905, стр. 52 и сл.

[2]) Lea, «The Moriscos of Spain», Лондонъ, 1901, стр. 17.

[3]) Текстъ этой буллы (1487 г.), начинающейся словами: «Innocentius episcopus servus

Само собою разумѣется, что подобная тактика завоевателей-королей должна была влiять на мавровъ въ примирительномъ духѣ, и жители Куэваса, Пурчены, Табары, Серены и т. д. добровольно являлись къ Фердинанду и Изабеллѣ съ заявленiемъ, что они желаютъ стать vasallos mudéjares. И короли принимали ихъ подъ свою королевскую охрану и защиту (é so nuestro amparo é seguro defendimiento real). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Фердинандъ и Изабелла мало считались съ тѣмъ, что торжественно обѣщали покорявшимся городамъ, и, по мѣрѣ усиленiя власти католической царственной четы въ Гранадѣ, все больше и больше раздается жалобъ на нарушенiе Фердинандомъ и Изабеллой даннаго ими слова. Этимъ и объясняется, почему при сдачѣ Гранады (25 ноября 1491 г.) мусульмане настаивали на томъ, чтобы ихъ представители требовали подписи подъ капитуляцiоннымъ актомъ «главы христiанской религiи, находящагося въ Римѣ», боясь, что въ противномъ случаѣ короли поступятъ съ ними такъ, какъ они поступили съ жителями Гуадикса [1]). Эта настойчивость жителей Гранады, въ связи съ значительностью самаго города, являвшагося въ теченiе столькихъ вѣковъ оплотомъ мусульманскаго могущества на югѣ Испанiи, побудили Фердинанда и Изабеллу заключить съ мусульманскими уполномоченными Гранады такой договоръ, который вслѣдствiе своей широкой вѣротерпимости и своего совершенно необычнаго въ смыслѣ уступокъ покореннымъ народамъ характера казался напередъ осужденнымъ на недолговѣчное существованiе [2]). Изабелла и Фердинандъ обязались отъ своего имени, какъ и отъ имени инфанта Хуана и будущихъ государей, считать мавровъ Гранады и другихъ сдавшихся одновременно съ ней городовъ своими вассалами и подданными, находящимися подъ королевскимъ покровительствомъ; имъ разрѣшалось владѣть вовѣки имуществомъ, имъ была обѣщана защита отъ всякихъ притѣсненiй; почетъ и уваженiе, слѣдуемые всякимъ вассаламъ. Никто не могъ заставить ихъ нарушать обычаи и церемонiи; желающiе отправиться въ Африку могли продавать свое имущество—либо сами, либо черезъ особыхъ агентовъ, которые оставались послѣ ихъ отъѣзда; въ теченiе трехъ лѣтъ со дня заключенiя договора государство за свой счетъ переправляло въ Африку бывшихъ жителей мусульманской Гранады, выражавшихъ желанiе отправиться туда, впослѣдствiи же должно было даваться разрѣшенiе на отъѣздъ, но государство не должно было брать на себя расходовъ по перевозкѣ. Мусульмане не обязаны были болѣе носить на своей одеждѣ какихъ-либо принудительныхъ отличительныхъ знаковъ, и евреи не могли быть назначаемы ни ихъ судьями, ни откупщиками, ни собирателями податей. Короли обязались не уничтожать мусульманскихъ мечетей, и христiанамъ запрещался доступъ въ нихъ. Споры между мусульманами рѣшались на основанiи собственнаго мусульманскаго закона (zunna), при чемъ судьями являлись мусульмане; если споръ происходилъ между мусульманиномъ и христiаниномъ, то трибуналъ состоялъ изъ христiанскаго алкалда и мусульманскаго кади. Если рабъ-мусульманинъ скрывался отъ своего господина, который былъ христiаниномъ, въ Гранадѣ, то нельзя было его выдавать. Никакiе налоги, помимо тѣхъ, которые мусульмане платили своимъ королямъ, не могли быть теперь введены въ Гранадѣ. Мусульманамъ была предоставлена свобода торговли со всѣми городами Кастилiи и Андалузiи, а также съ Африкой, при чемъ они должны были платить лишь тѣ подати и пошлины, которыя взимались съ христiанъ. Вѣроотступники (или ренегаты) не могли подвергаться никакимъ оскорбленiямъ, никто не могъ насильно обращать кого-либо въ

servorum Dei Charissimo in Christo Fernando Regi, et Charissimae in Christo Elisabet, Reginae Castellae et Legionis, illustribus, salutem et apostolicam benedictionem»— см. приложенiе LXXXII (стр. 412—414) къ книгѣ Фернандеса-и-Гонсалеса, «Estado social y politico de los mudéjares de Castilla», Мадридъ, 1866 (книга эта была въ 1865 г. премирована и опубликована испанской исторической академiей).

[1]) Fernadez y Conzalez, op. cit., 199.

[2]) Idem, op. cit., стр. 200.

другую вѣру, и христіанки, вышедшія замужъ за мавровъ, должны были быть при свидѣтеляхъ—какъ христіанскихъ, такъ и мусульманскихъ—спрошены, хотятъ ли онѣ оставаться христіанками, или принять мусульманскую вѣру; точно также слѣдовало поступать съ дѣтьми отъ смѣшанныхъ браковъ при наступленіи совершеннолѣтія. Доходы мечетей, равно какъ дарения на учебныя и благотворительныя цѣли, должны были оставаться попрежнему въ рукахъ алфаки, и назначаемые католическими монархами новые губернаторы и чиновники должны были обращаться хорошо и привѣтливо съ маврами, и за всякое нанесеніе обиды имъ на виновныхъ должно было быть наложено строгое наказаніе. Эта хартія,—говоритъ Ли—, показываетъ, какъ заботливо мавры охраняли свою религіозную свободу, и какъ умѣло подчиняли католическіе монархи интересы религіи своимъ политическимъ планамъ. Если бы этотъ договоръ получилъ надлежащее примѣненіе и дѣйствительно вступилъ бы въ силу, то будущее Испаніи было бы совершенно инымъ; дружественное и довѣрчивое отношеніе другъ къ другу обоихъ народовъ легко могло бы слить ихъ воедино, и со временемъ магометанство исчезло бы, а власть и могущество испанскаго королевства на долгое время упрочились бы. Но это на самомъ дѣлѣ не случилось. Отчужденность обоихъ народовъ становилась съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе, и пропасть между ними росла; вскорѣ положеніе сдѣлалось настолько серьезнымъ, что выходомъ изъ него оказалось средство, въ корень подорвавшее все благосостояніе Испаніи [1]).

Причиной этого была Инквизиція, которая въ это время уже стала сильно свирѣпствовать во всей странѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Учрежденіе Новой Инквизиціи.

Складываясь въ царствованіе Католической четы въ сильное централизованное государство, Испанія таила въ себѣ великую опасность въ видѣ религіозно-расоваго вопроса: ей предстояло проглотить огромныя массы еврейскаго и мусульманскаго населенія. Этого требовала отъ нея, прежде всего, Церковь, которая не могла мириться съ тѣмъ, чтобы католическое государство въ своихъ нѣдрахъ заключало столь многочисленные и чуждые христіанской религіи элементы. Съ другой стороны, этого требовали и мнимые интересы государства, не допускавшаго въ видахъ своего единства разнороднаго состава населенія въ религіозномъ и національномъ отношеніяхъ. Евреи и мавры должны были исчезнуть, чтобы на развалинахъ прошлаго, богатаго разнообразіемъ сословныхъ привилегій, провинціальныхъ вольностей, религіозныхъ группъ и національныхъ организацій, возникло единое государство—единое въ своемъ подчиненіи монарху, единое по своей вѣрѣ, единое по своему мышленію и національности. Но могъ ли осуществиться подобный идеалъ даже съ помощью самыхъ крайнихъ мѣръ, т.-е. при насильственномъ крещеніи всѣхъ евреевъ и мавровъ, при поголовномъ превращеніи ихъ въ марановъ и морисковъ? На этотъ вопросъ Фердинандъ и Изабелла должны были искать отвѣта не въ тѣхъ или иныхъ теоретическихъ соображеніяхъ и логическихъ выкладкахъ, а въ самой жизни, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ жила Испанія въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, т.-е. съ момента массоваго появленія марановъ въ связи съ кровавыми преслѣдованіями конца XIV-го вѣка.

Опытъ съ маранами ясно показалъ, что насильственное или полунасильственное обращеніе въ христіанство иновѣрческихъ массъ равносильно перенесенію язвы внутрь организма, превращенію накожной болѣзни въ подкожную—съ тѣмъ, чтобы вѣрнѣе отравить весь организмъ. Неся съ собою ересь и безвѣріе, мараны извнутри подтачивали христіан-

---

[1]) Lea, «The Moriscos of Spain», Лонд., 1901, стр. 22.

ское общество, такъ что, по выраженію Маріежоля, слышенъ былъ трескъ надрывавшагося католическаго зданія, но не виденъ былъ виновникъ этого бѣдствія [1]): онъ скрывался въ самыхъ потаенныхъ мѣстахъ шатавшагося дома. Само собою разумѣется, что увеличивать силы опаснаго врага новымъ притокомъ крещеныхъ, на этотъ разъ лицами бывшаго магометанскаго вѣроисповѣданія, не могло быть ни въ интересахъ Церкви, ни въ видахъ Государства; между тѣмъ, нельзя было отказаться и отъ столь богоугоднаго дѣла, какимъ было массовое обращеніе невѣрныхъ въ христіанскую религію. Терпѣливо ждать медленнаго процесса обращенія невѣрныхъ силою христіанской любви было слишкомъ трудно какъ чрезмѣрно ревностной католичкѣ Изабеллѣ, горѣвшей желаніемъ пріобрѣсти благодать Божію совершеніемъ великаго дѣла, такъ и Фердинанду, опасавшемуся, какъ бы религіозное разномысліе его подданныхъ не отразилось на единствѣ государства и не подорвало католическаго характера страны, которымъ король, согласно духу того времени, не могъ не дорожить. Но разъ и медленный процессъ религіозно-расовой ассимиляціи былъ невозможенъ или, правильнѣе, нежелателенъ, то оставалось провести черезъ горнило истинной религіозности тѣ элементы общества, которые добровольно или насильно приняли христіанство, чтобы убѣдиться, насколько вновь обращенные могутъ считаться настоящими, дѣйствительными христіанами. Процѣдить, профильтровать крестившихся чрезъ густую сѣтку католицизма—таково было рѣшеніе, къ которому пришли Фердинандъ и Изабелла въ видахъ спасенія Государства и Церкви. Осадокъ отъ этой фильтраціи, какъ не соотвѣтствующій истиннымъ понятіямъ о религіозности и въ силу этого признанный еретическимъ, подлежалъ уничтоженію или, въ лучшемъ случаѣ, дальнѣйшему испытанію въ цѣляхъ приспособленія его къ воспріятію истинной религіи; тѣ же элементы, которые вообще не подвергались очищенію, желая оставаться вѣрнымъ своей старой религіи, должны были быть навсегда изгнаны изъ Испаніи, гдѣ принципъ государственнаго единства требовалъ и религіознаго единства, согласно позднѣйшему девизу: cujus regio, ejus religio. Для вящшаго торжества послѣдняго черезъ религіозное горнило стали пропускать не только всѣхъ вновь обращаемыхъ, но и потомковъ тѣхъ, которые задолго до царствованія Католической четы приняли христіанство, а теперь, нерѣдко много лѣтъ спустя послѣ своей смерти, стали возбуждать подозрѣніе въ искренности своего обращенія. Дѣти, внуки и даже правнуки должны были отвѣчать за чистоту помысловъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, и люди, благополучно пробравшіеся сквозь силки истиннаго католицизма, должны были предстать предъ новымъ страшнымъ судомъ, предъ испытаніемъ чистоты своей крови—limpieza: и великое горе ждало того, въ чьихъ жилахъ текла еврейская или арабская кровь! Испанія покрылась безконечной сѣтью религіозныхъ и расовыхъ подозрѣній, и подъ страхомъ самыхъ жестокихъ наказаній каждый испанецъ долженъ былъ нести на алтарь Инквизиціи свое религіозное и расовое alibi.

Старая Испанія, Испанія эпохи Реконкисты, не знала раздѣльно расоваго и религіознаго вопросовъ; для нея оба эти вопроса сливались въ одинъ: кто не вѣрилъ въ Христа, не былъ испанцемъ, и, наоборотъ, всякій вѣрующій во Христа, былъ испанской крови; въ жилахъ испанцевъ могла течь лишь «чистая», христіанская кровь. Съ появленіемъ на сценѣ массовыхъ обращеній въ христіанскую вѣру, стали возникать подозрѣнія въ чистотѣ крови многихъ христіанъ, и возникъ новый вопросъ: достаточно ли принятія христіанства, чтобы изъ мавра или еврея стать настоящимъ «чистокровнымъ» испанцемъ, и влечетъ ли за собою отказъ отъ старой религіи и вытравленіе «грязной», не-испанской крови? Оффиціально какъ Церковь, такъ и Государство вначалѣ отвѣчали утвердительно на этотъ вопросъ, и всякій иновѣрецъ, представитель чужой расы, вступавшій въ лоно католической Церкви, становился eo ipso истиннымъ испанцемъ, и не дѣлалось никакого

[1]) Jean P. Mariéjol, «L'Espagne sous Ferdinand et Isabelle», стр. 44.

различія между родившимся въ христіанствѣ и ставшимъ лишь впослѣдствіи христіаниномъ. Вскорѣ, однако, пришлось сдѣлать отступленіе отъ этого взгляда. Дѣло въ томъ, что мараны въ большинствѣ случаевъ лицемѣрно приняли христіанство и очень часто тайкомъ исполняли религіозные обычаи и обряды своей старой вѣры; кромѣ того, покупая свое благополучіе цѣною отказа—хотя бы лишь формальнаго—отъ своей религіи, они нерѣдко являлись злѣйшими врагами той вѣры, которая имъ навязывалась страхомъ жестокихъ гоненій, и которую они отравляли ядомъ злобы и ненависти. Хотя многіе изъ марановъ старались всячески скрыть свои истинныя чувства и вступали даже въ ряды духовенства, чтобы тѣмъ легче изгладить изъ памяти народа слѣды своего происхожденія, тѣмъ не менѣе, отъ вниманія широкихъ классовъ испанскаго населенія не могло ускользнуть то обстоятельство, что мараны не являются настоящими христіанами, и вскорѣ ихъ стали все болѣе и болѣе обвинять въ приверженности къ старой религіи,—отсюда и возникло столь страшное впослѣдствіи обвиненіе въ іудействованіи, въ любви къ іудейству, въ іудействующей ереси. Народное недовольство маранами питалось также, помимо заботы объ охранѣ чистоты католической религіи, и экономическими причинами: освободившись отъ ига разныхъ ограничительныхъ законовъ, вырвавшись на свѣтъ Божій изъ тисковъ гетто, ставъ равноправными и полноправными гражданами, мараны, какъ бы мстя за всѣ прошлыя оскорбленія и обиды и за вынужденный переходъ въ чужую религію съ необычайной интенсивностью стали эксплуатировать народную массу, обнаруживая въ то же время чрезвычайную любовь къ показной роскоши и безразсудную кичливость своимъ богатствомъ. Природная сметливость евреевъ въ коммерческихъ и финансовыхъ дѣлахъ, въ связи съ предоставленіемъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, значительныхъ привилегій крещенымъ, дѣлала ихъ тѣмъ болѣе страшными конкуррентами христіанскаго населенія, что они, продавъ свою религію, лишались, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всякихъ нравственныхъ устоевъ, которые могли бы положить хоть нѣкоторый предѣлъ охватившей ихъ жаждѣ матеріальнаго благополучія.

Вырвавшіеся на свѣтъ Божій изъ гетто евреи были основателями богатѣйшихъ семей въ Испаніи. Такъ, домъ Вильянова велъ свое происхожденіе отъ еврея Моисея Пасагона, Малуэнда—отъ Моисея бенъ Аструха, Баралъ де Рибасъ—отъ Самуила Алтордокса, Педро де Хасса—отъ Ахаба Іесуэльо; Флоренте Видаль, Хуанъ де Эспесъ, Коскопъ, Помаръ, Сапорта, Кабальерія, Кабреро, Тореро имѣли въ своихъ жилахъ еврейскую кровь и накопили свои богатства въ то блаженное время, когда путь отъ еврейства къ христіанству былъ покрытъ однѣми лишь розами и не зналъ еще колючихъ шиповъ limpieza [1]). Богатство влекло за собою и вліяніе въ государствѣ, тѣмъ болѣе, что мараны роднились съ самыми аристократическими родами и проникали въ прежнія замкнутыя familias lindas Кастиліи и Арагоніи. Могла ли, спрашиваетъ Амадоръ-де-лосъ-Ріосъ, испанская нація оставаться въ теченіе долгаго времени равнодушной зрительницей этого? Амадоръ даетъ на свой вопросъ, разумѣется, отрицательный отвѣтъ [2]) и вполнѣ понимаетъ, почему мараны изъ положенія привилегированныхъ такъ быстро должны были перейти въ состояніе гонимыхъ.

Въ 1449 въ Толедо произошелъ первый погромъ, направленный противъ марановъ, сопровождавшійся убійствами и грабежами. Руководителями погромщиковъ были два каноника: Хуанъ Альфонсо и Педро Лопесъ Гальвесъ, что свидѣтельствовало о томъ, что духовенство, возбудивъ народъ противъ марановъ, сумѣло использовать народное чувство въ цѣляхъ укрѣпленія религіознаго фанатизма. Уже въ 1429 г. соборъ въ Тортосѣ съ негодованіемъ клеймилъ позорное поведеніе многихъ «conversos», которые съ достойнымъ строжайшаго

---

1) Amador de los Rios, «Historia» etc., III, стр. 3—95. Объ этомъ будетъ рѣчь и ниже

2) Id., op. cit. III, passim.

осужденія легкомысліемъ относились къ воспитанію своихъ дѣтей, позволяя имъ оставаться во власти дьявола и не совершая надъ ними обряда святого крещенія. Чтобы положить конецъ подобному нарушенію христіанской религіи, соборъ постановилъ обязать священниковъ принять самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы мараны крестили своихъ дѣтей въ теченіе первыхъ 8 дней послѣ ихъ рожденія, и чтобы свѣтскія власти строго слѣдили за точнымъ выполненіемъ этого постановленія. Въ 1434 г. епископу Альфонсу де Санта Марія удалось убѣдить Базельскій соборъ включить въ одно изъ своихъ постановленій особую статью, касавшуюся новохристіанъ: послѣдніе объявлялись еретиками, если продолжали вѣрить въ еврейскіе предразсудки, и епископы и инквизиторы должны были строго ихъ за это наказывать, при чемъ тѣ, которые помогали имъ въ исполненіи еврейскихъ религіозныхъ обычаевъ, подлежали также суровымъ наказаніямъ.

Первой жертвой толедскаго погрома сдѣлался богатый маранъ, откупщикъ податей Алонсо Кота. Возбужденная толпа стала громить затѣмъ маранскій кварталъ De la Magdalena; мараны оказали сопротивленіе, но чернь яростно мстила за всякое сопротивленіе, и многіе мараны были повѣшены головой внизъ. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этого погрома было отрѣшеніе отъ должности, согласно изданному 5 іюня закону, такъ называемому Sentencia Estatuto, 13 марановъ; среди устраненныхъ были Лопе и Хуанъ Фернандесъ Кота, Діэго и Педро Гонсалесъ, Діэго Нуньесъ, Діэго Маринесъ Эррера [1]). Идеологомъ преслѣдованій марановъ явился францисканецъ Алонсо де Эспина, который въ своей Fortalez de la Fé (Fortalitium fidei, 1459) нападалъ не только на евреевъ, но и на марановъ: «Я думаю, писалъ онъ, что если бы въ наше время возникла настоящая Инквизиція, то многіе и многіе погибли бы въ огнѣ, потому что оказалось бы, что они іудействуютъ; если они и не заслуживаютъ такихъ жестокихъ наказаній, какъ явные евреи, они, тѣмъ не менѣе, должны быть сожжены въ вѣчномъ огнѣ». Вмѣсто прежняго дѣленія евреевъ на judíos fieles, т.-е. новообращенныхъ, и judíos infieles, т.-е. нежелающихъ принять христіанства, Эспина сталъ дѣлить евреевъ на judíos públicos (явные евреи) и judíos ocultos (мараны).

Въ іюлѣ 1467 г. въ томъ же Толедо возникъ второй погромъ марановъ. Поводомъ къ нему послужило слѣдующее обстоятельство. Главнымъ мэромъ (alcalde mayor) Толедо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, частнымъ секретаремъ короля Генриха IV былъ Алваръ Гомесъ де Сибдадъ Реалъ, который, если самъ, вѣроятно, и не былъ еврейскаго происхожденія, то во всякомъ случаѣ всячески покровительствовалъ маранамъ и вмѣстѣ съ выдающимися новохристіанами Фернандо и Алваро де ла Торре стремился передать въ руки марановъ городскую власть и отомстить графамъ Фуэнсалида, наносившимъ всякія оскорбленія маранамъ и являвшимся руководителями чисто испанской, старо-христіанской партіи. На почвѣ этого соперничества между обѣими партіями и произошелъ рѣзкій конфликтъ. Противники мэра и марановъ подожгли дома новохристіанъ, и пожаръ принялъ такіе громадные размѣры, что въ огнѣ погибло 1600 домовъ, при чемъ во время безпорядковъ, вызванныхъ пожаромъ, были убиты и многіе мараны. Вліятельные руководители толедскихъ новохристіанъ, братья де ла Торре, были повѣшены разсвирѣпѣвшей чернью [2]). Примѣру Толедо послѣдовала въ 1473 г. Кордова, гдѣ епископъ Педро велъ сильную агитацію противъ всѣхъ conversos. Поводомъ къ безпорядкамъ послужило, повидимому, то, что изъ окна дома одного богатаго марана какая-то дѣвочка выплеснула грязную воду на проходившую мимо христіанскую процессію. Тысячная толпа бросилась на марановъ, и начались убійства, гра-

[1]) «Jewish Encyclopedia», VIII, s. v. Marano; см. также «Евр. Энциклоп.», X, s. v. Мараны. Amador de los Rios, op. cit., III, 118—125. Тексъ Sentencia Estatuto помѣщенъ, между прочимъ, въ «Historia de Toledo» Гарсіи Гамеро и въ «Historia del Estatuto Toledano» Балтасара Пореньо.

[2]) Amador, op. cit., III, 149.

бежи и поджоги. Желая остановить безчинства, пользовавшійся въ городѣ уваженіемъ Алонсо Фернандесъ де Агиляръ, жена котораго происходила изъ извѣстной маранской семьи Пачеко, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Гонсало Фернандесомъ де Кордова, великимъ капитаномъ (el gran capitan) и славою испанской арміи, взялъ подъ свою защиту марановъ. Но чернь, подстрекаемая врагами послѣднихъ, не слушалась совѣтовъ Агиляра и жестоко избивала новохристіанъ. Грабежи и рѣзня продолжались три дня; уцѣлѣвшіе отъ погрома мараны искали спасенія въ замкахъ, куда пришлось удалиться и ихъ защитникамъ. Послѣдствіемъ этихъ погромовъ былъ указъ, запретившій маранамъ проживать въ Кордовѣ и ея окрестностяхъ, а равнымъ образомъ занимать какія-либо государственныя или общественныя должности. Подобно преслѣдованіямъ евреевъ въ 1391 г., гоненія 1473 г. на мародовъ захватили и другіе города. Въ Монторѣ, Бухалансѣ, Адамурѣ, Ла Рамблѣ и Сантаэльѣ и другихъ городахъ произошли жестокія избіенія марановъ, дома и имущество которыхъ подвергались уничтоженію. Въ Хаэнѣ были убиты даже защитники марановъ; точно также чернь свирѣпствовала и въ Андухарѣ, Убедѣ, Баэсѣ, Вальядолидѣ и Алмодоваръ дель Камио. Но особенно жестокая рѣзня произошла въ Сеговіи (16 мая 1474 г.), при чемъ подстрекателемъ явился Хуанъ Пачеко, самъ принадлежавшій къ маранской семьѣ. Если бы мэръ Андреасъ де Кабрера не заступился за избиваемыхъ марановъ, то въ Сеговіи не остался бы въ живыхъ ни одинъ новохристіанинъ. По утвержденію Кайзерлинга, въ Кармонѣ произошло ужасное избіеніе марановъ [1]).

При такихъ обстоятельствахъ не могло быть, разумѣется, и рѣчи о рѣшеніи религіозно-расовой проблемы путемъ насильственнаго массоваго крещенія, и Фердинанду и Изабеллѣ предстояло установить въ странѣ религіозно-расовое единообразіе съ помощью Инквизиціи, которая на Пиренейскомъ полуостровѣ до того времени всегда была сравнительно очень слаба. «Инквизиція, говоритъ Ли, здѣсь существовала только юридически, а не фактически» [2]). Еще Хуанъ II въ 1451 г. съ цѣлью борьбы съ маранами какъ съ людьми, по многочисленнымъ показаніямъ приближенныхъ Хуана и лицъ духовнаго званія, исповѣдующими еретическія ученія, обратился къ папѣ Николаю V съ просьбой назначить папскихъ инквизиторовъ для наказанія іудействующихъ христіанъ или новообращенныхъ, которые фактически продолжали исполнять всѣ еврейскіе религіозные обряды. Поведеніе Хуана II въ значительной степени приписывается королевскому любимцу Алваро де Луна, врагу новохристіанъ, дѣйствовавшихъ, въ свою очередь, противъ него въ сообществѣ съ недовольными правленіемъ Хуана дворянами. Папа Николай V, разумѣется, съ большимъ вниманіемъ отнесся къ обращенію короля, такъ какъ папская Курія съ давнихъ поръ стремилась усилить свою инквизиторскую власть въ Кастиліи. Инквизиторы должны были быть назначены епископомъ Осмы, его викаріемъ и профессорами Саламанки, инквизиторы могли либо сами, либо черезъ своихъ делегатовъ подвергать различнымъ наказаніямъ, безъ права апелляціи, виновныхъ въ ереси и лишать лицо духовнаго званія его бенефицій и пребендъ съ запрещеніемъ когда-либо въ будущемъ занимать духовныя должности; инквизиторы имѣли также право передавать виновныхъ въ руки свѣтской власти для сожженія ихъ. Всѣ эти полномочія были не новы: они всегда давались Римомъ инквизиторамъ. Но въ буллѣ Николая V отъ 1451 г. имѣлось и одно, чрезвычайно важное, новшество: инквизиторы имѣли право преслѣдовать и епископовъ, — право, вообще никогда не предоставлявшееся Инквизиціи. Эта привилегія объясняется тѣмъ, что въ Испаніи въ то время было много епископовъ маранскаго происхожденія, противъ нихъ-то Алваро

---

[1]) «Die Juden in Navarra, den Baskenländern und auf den Balearn», Berlin, 1861, 90 и сл.; «Jewish Encyclop.», s. v. «Carmona».

[2]) Ч. Г. Ли, «Исторія Инквизиціи въ Средніе вѣка», т. I, кн. II, гл. III (Пиренейскій полуостровъ), 454—474.

де Луна и думалъ бороться съ помощью Инквизиціи, мысль о введеніи которой въ 1451 г. должна быть приписана, главнымъ образомъ, ему [1]).

Если бы булла Николая V была дѣйствительно проведена въ жизнь, въ Кастиліи съ половины XV вѣка существовала бы Инквизиція; но Хуанъ II былъ слишкомъ слабъ для удержанія того, за чѣмъ онъ самъ обратился къ папѣ; вскорѣ враги Алваро де Луна уговорили Хуана отказаться отъ своего любимаго правителя, Луна погибъ въ 1453 г. на эшафотѣ, а папская булла осталась мертвой буквой и не проводилась въ жизнь. Едва погибъ Алваро де Луна, какъ за учрежденіе Инквизиціи сталъ ратовать францисканскій провинціалъ (глава отдѣльной конгрегаціи) Алонсо де Эспина, авторъ упомянутой нами книги, намѣревавшейся опровергнуть іудаизмъ и исламизмъ, «Fortalitium Fidei», полной ужасныхъ обвиненій противъ евреевъ, будто употребляющихъ съ ритуальными цѣлями христіанскую кровь и отравляющихъ колодцы и другіе источники воды; въ этомъ же произведеніи говорится и о преступникахъ-маранахъ, «кровожадныхъ волкахъ, пробравшихся въ овечье стадо». Какъ духовникъ Генриха IV, Алонсо де Эспина вліялъ на короля въ смыслѣ принятія мѣръ для борьбы съ маранами-еретиками, и его вліяніе становилось тѣмъ больше, что, въ связи съ убійствомъ въ 1454 г. въ Вальядолидѣ христіанскаго мальчика, онъ началъ публично выступать противъ евреевъ и марановъ, обвиняя ихъ въ употребленіи христіанской крови. Особенно горько жаловался онъ на то, что возвращавшіеся въ іудейство мараны нисколько не наказываются; такъ, въ 1459 г. случайно въ Сеговіи открыли, что мараны въ синагогѣ молились въ день еврейскаго праздника Кущей; преступники не подверглись наказанію. Въ Медино дель Кампо въ томъ же году свыше 100 человѣкъ отрицали истинность Евангелія, а больше 30 человѣкъ совершили надъ собою обрядъ обрѣзанія. Чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ преступленіямъ, необходимо было, по мнѣнію автора «Fortalitium Fidei», немедленно ввести Инквизицію показавшую въ другихъ государствахъ свою силу въ дѣлѣ подавленія всяческихъ ересей и преступленій [2]). Въ августѣ 1461 г. Алонсо побудилъ францисканцевъ-обсервантиновъ

---

[1]) Булла Николая V отъ 20 ноября 1451 г. говорила, что во владѣніяхъ Хуана II имѣются plures laicae et ecclesiasticae... personae, qui licet ore se Christianos profiteantur operibus tamen se tales fere mentientes, Judaeorum et Saracenorum caeremonias observare etc.». По отношенію къ нимъ слѣдуетъ принять самыя строгія мѣры, къ какому бы классу они ни принадлежали, являются ли они свѣтскими или духовными лицами. Graetz, «Geschichte der Juden», VIII, 190—191.

[2]) Большинство позднѣйшихъ испанскихъ историковъ утверждаетъ, что Алонсо де Эспина былъ еврейскаго происхожденія, converso. Съ этимъ, однако, не соглашается Ли, который опровергаетъ ходячее мнѣніе о происхожденіи Алонсо слѣдующими соображеніями. Ученый Николай Антоніо (Bibl. Veter. Hispan., lib. X, cap. IX), говоря объ Алонсо, ни словомъ не упоминаетъ о его еврейскомъ происхожденіи, а Іоганнъ-Христіанъ Вольфъ, авторъ четырехтомной Bibliotheca Hebrea (Гамбургъ, 1715—1733), обращаетъ вниманіе (II, 1123) на то обстоятельство, что Алонсо де Эспина въ своей полемикѣ съ евреями, отрицавшими тѣ обряды и молитвы, которыя онъ имъ приписывалъ, никогда и нигдѣ не ссылается на собственный опытъ, что онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы, если бы былъ converso и зналъ еврейскіе законы. Алонсо ссылается (fol. CXLIXa) на Пабло де Санта Марія, епископа Бургоса, когда хочетъ доказать, что у евреевъ имѣются молитвы съ проклятіями по адресу христіанъ, и на другого ученаго новохристіанина, подтверждающаго существованіе у евреевъ какой-то тайны въ связи съ еврейскими литерами (fol. XCIVa). По словамъ Ли, Алонсо черпалъ свои познанія о евреяхъ, какъ орудіе противъ іудействующихъ марановъ, изъ вторыхъ рукъ; они носили характеръ обвиненій, исходящихъ отъ настоящаго христіанина.—Lea, «History of the Inquisition of Spain», I, 149, прим. 5. Точно также и Кайзерлингъ, въ противоположность Іосту и Амадору-де-лосъ-Ріосу, не считаетъ Алонсо евреемъ. См. «Jewish Encyclop.», t. XI, s. v. Spina, Alfonso. Наиболѣе удивительно, что Амадоръ-де-лосъ-Ріосъ называетъ Алонсо де Эспину выдающимся теологомъ (gozaba gran reputacion de teologo); Амадоръ упорно говоритъ о procedencia Judaica de Espina». См. его «Historia», III, 129.

обратиться съ предложеніемъ къ еремитамъ, чтобы соединенными силами добиваться введенія Инквизиціи. Предложеніе было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ, и Алонсо Эспина, монахъ Эрнандо ла Пласа и другіе обсервантины указали Генриху IV, что вся Кастилія переполнена еврействующими еретиками, и что дѣти новообращенныхъ подвергаются обряду обрѣзанія; монахъ Эрнандо при этомъ настолько увлекся, что заявилъ, будто у него имѣется цѣлый запасъ кусковъ мяса, отрѣзанныхъ при совершеніи обряда надъ дѣтьми новохристіанъ [1]). Генрихъ въ отвѣтъ на это замѣтилъ, что возвращеніе къ іудейству дѣйствительно является большимъ преступленіемъ по отношенію къ Церкви, и что онъ считаетъ своимъ долгомъ строго наказать виновныхъ, король потребовалъ при этомъ отъ Эрнандо ла Пласа назвать имена виновныхъ въ совершеніи обряда обрѣзанія и показать отрѣзанные куски дѣтскаго мяса. Такъ какъ Эрнандо не могъ исполнить требованія Генриха IV, заявивъ, что все то, что онъ говорилъ, ему было лишь передано лицами, достойными всяческаго довѣрія, то новохристіане воспользовались этой явной ложью монаха, чтобы обвинить своихъ враговъ въ умышленномъ оклеветаніи истинныхъ сыновъ католической Церкви; имъ удалось также привлечь на свою сторону еремитовъ, генералъ которыхъ Оропеса [2]), въ чьихъ жилахъ, между прочимъ, текла еврейская кровь, съ церковнаго амвона выступилъ въ защиту новообращенныхъ, и обсервантины должны были отказаться отъ своей попытки навлечь на голову марановъ Инквизицію [3]). Тѣмъ не менѣе, Алонсо де Эспина удалось заставить Генриха IV принять мѣры противъ еврействующихъ еретиковъ, какъ это видно изъ мирнаго договора, заключеннаго въ 1464—5 гг. въ Медина дель Кампо между недовольными дворянами и Генрихомъ IV (Concordia compromisaria). Въ духѣ этого договора, 17 сентября 1467 г. въ Льеренѣ были привлечены къ суду два новохристіанина: Гарси Фернандесъ Валенси и Педро Франко де Вильяреалъ; оба они обвинялись въ совершеніи еврейскихъ религіозныхъ обычаевъ, были арестованы главнымъ алкалдомъ и преданы епископскому викарію для суда. Виновные сознались въ своемъ преступленіи и живыми были сожжены; скомпрометированныя при этомъ двѣ женщины были приговорены къ менѣе тяжкому наказанію, а домъ, въ которомъ была совершена ересь, подвергся уничтоженію [4]). Въ дальнѣйшемъ, однако, пунктъ договора въ Медина дель Кампо отъ 1465 года относительно преслѣдованія еретиковъ - мarановъ не соблюдался, и этими немногими жертвами ограничились дѣянія ревнителей чистоты католической Церкви до введенія Инквизиціи Фердинандомъ и Изабеллой.

Сейчасъ послѣ вступленія Изабеллы и Фердинанда на Кастильскій престолъ, къ нимъ обратился папа Сикстъ IV съ указаніемъ на необходимость введенія въ Кастиліи Инквизиціи: папскій легатъ Николай Франко получилъ въ этомъ смыслѣ самыя широкія полномочія, и ему было поручено преслѣдовать и наказывать ложныхъ христіанъ, которые послѣ крещенія продолжали совершать обряды еврейской религіи и исполнять всѣ ея законы [5]). Попытка папы облагодѣтельствовать Кастилію институтомъ Инквизиціи потерпѣла, однако, пораженіе, такъ какъ католическая царственная чета, несмотря на свою религіозную лояльность, слишкомъ дорожила своей независимостью и не желала, чтобы власть папы черезъ посредство инквизиторовъ пріобрѣла въ Кастиліи новую силу. Охраняя свой абсолютизмъ отъ поползновеній Римской Куріи, Фердинандъ и Изабелла рѣшили молча обойти папскую буллу, несмотря на то, что доминиканскій пріоръ въ Севильѣ Алонсо де Охеда въ самыхъ мрачныхъ краскахъ описывалъ предъ монархами проистекавшее отъ новохри-

---

[1]) Amador de los Rios, op. cit. III, 143 (hasta cien prepúcios de hijos de cristianos judaizantes).

[2]) Въ 1465 г. Оропеса написалъ въ защиту марановъ значительное сочиненіе «Lumen ad revelationem Gentium et gloriam plebis tuae Israel».

[3]) Mariana, «Historia de España», кн. XXIII, гл. 6; Lea, «History», I, 152—53.

[4]) Lea, op. cit., I, 153—54. Въ «Revista de Archivos» (I, 1871) говорится о 1477 г.

[5]) Эта папская булла напечатана въ «American Historical Review», I, 46.

стіанъ зло для Церкви [1]). Всѣ старанія Рима и его приверженцевъ привели лишь къ тому, что Изабелла разрѣшила севильскому архіепископу Педро Гонсалесъ де Мендоса созвать синодъ, который постановилъ (1478 г.) опубликовать спеціальный катехизисъ для марановъ; катехизисъ этотъ долженъ былъ получить самое широкое распространеніе, читаться во всѣхъ церквахъ и помѣщаться на самомъ видномъ мѣстѣ, священникамъ же было приказано съ большимъ рвеніемъ относиться къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ новообращеннымъ и слѣдить, чтобы они ни въ чемъ не отступали отъ предписаній христіанской религіи. Этимъ, разумѣется, ни Сикстъ IV, ни Алонсо де Охеда не могли еще довольствоваться и стремились, во что бы то ни стало, побудить королеву согласиться на учрежденіе Инквизиціи. Въ видѣ временной мѣры было рѣшено назначить комиссію изъ духовныхъ лицъ, въ которую вошелъ и де Охеда, для изслѣдованія, насколько широко распространена въ Севильѣ ересь іудействующихъ; этой комиссіи было предоставлено право наказывать виновныхъ. Въ докладной запискѣ, представленной этой комиссіей Фердинанду и Изабеллѣ, сказано было, что большая часть жителей Севильи охвачена ересью, при чемъ очень высокопоставленныя и вліятельныя лица не составляютъ при этомъ исключенія; ересь заразила, говорилось далѣе, не только Андалузію, но и Кастилію, и спасти страну отъ этой язвы можно лишь введеніемъ Инквизиціи [2]).

Дѣйствительно, новохристіане занимали въ это время въ государствѣ доминирующее положеніе. Два представителя семьи Кабальерія засѣдали въ высшей королевской канцеляріи, секретарями которой состояли Алмасанъ и Барачина, сыновья евреевъ; Луи Санчесъ былъ генеральнымъ судьей Арагоніи, а братъ его Габріэль былъ генеральнымъ казначеемъ, Франсиско Гурреа былъ губернаторомъ Арагоніи, а Луи Гонсалесъ хранителемъ ея печати; маранъ Мигель изъ Севильи былъ секретаремъ министерства юстиціи, а его замѣстителемъ былъ Мисеръ Хаиме де Луна. Алкаидомъ Памплоны былъ Мосенъ Луи Сантангелъ, генеральнымъ викаріемъ сарагосскаго епископства былъ Мисеръ Педро Монфоръ, кости котораго были впослѣдствіи сожжены, начальникомъ кастильской счетной палаты былъ Гонсало Франко, епископомъ Коріи Хуанъ Малуэнда и т. д.

Выводы докладной записки были подтверждены севильскимъ архіепископомъ Педро Гонсалесъ Мендосой и доминиканскимъ пріоромъ монастыря Santa Cruz въ Сеговіи, духовникомъ королевской четы Томасомъ Торквемадой, давно уже мечтавшемъ объ уничтоженіи еретическихъ ученій въ Испаніи. При такихъ обстоятельствахъ Фердинандъ и Изабелла рѣшили обратиться къ Сиксту IV за буллой, въ силу которой была бы учреждена въ Испаніи Святая Инквизиція. Полученіе буллы было поручено испанскимъ представителямъ при Римской Куріи, епископу Франсиско Сантильянѣ и его брату Діэго Сантильянѣ.

Для Сикста, который, подобно своимъ предшественникамъ, пытался было за нѣсколько лѣтъ до этого ввести въ Испанію Инквизицію, обращеніе королевской четы показалось неожиданнымъ счастіемъ, и онъ съ большой готовностью приступилъ къ переговорамъ съ братьями Сантильянами. Вскорѣ, однако, ясно стало, что Инквизиція, объ учрежденіи которой хлопочутъ Фердинандъ и Изабелла, во многихъ отношеніяхъ отличалась отъ старой Инквизиціи, отъ той, которая существовала въ Средніе вѣка почти во всѣхъ государствахъ Европы и введеніе которой было такъ желательно римскимъ первосвященникамъ. Кастильскіе монархи поставили условіемъ, чтобы Инквизиція, т. е. назначеніе инквизиторовъ, зависѣла отъ свѣтской власти. Второе, не менѣе важное, условіе гласило, чтобы конфискованное у осужденныхъ еретиковъ имущество переходило въ собственность государственной казны. Такимъ образомъ, требованіе Фердинанда и Изабеллы сводилось къ тому, чтобы государство обогащалось на счетъ еретиковъ, и чтобы инквизиторы были орудіемъ не

---

[1]) Graetz, «Gesch. der Juden», VIII, стр. 186 (4-е изд.).

[2]) Bernaldez, «Historia de los Reyes Católicos», гл. XLIII, стр. 122 и сл. (изд. 1870 г.).

папы, доминиканцевъ и францисканцевъ, а свѣтской власти, абсолютнаго монарха. Другими словами, чтобы Инквизиція была не папской, а государственной, чтобы она дѣйствовала не по указанію Рима, а Толедо. Условія эти были тѣмъ тяжелѣе для Римской Куріи, что новохристіане, имуществомъ которыхъ должны были питаться инквизиціонные трибуналы, были очень богаты, и на эту добычу уже давно папы усиленно обращали свои взоры. Предъ упорствомъ Фердинанда и Изабеллы папа Сикстъ IV долженъ былъ, однако, уступить, и долгіе переговоры между Кастиліей и Римомъ закончились торжествомъ свѣтской власти, закрѣпленнымъ буллой 1 ноября 1478 года [1]). Въ этой буллѣ, имѣвшей столь роковое вліяніе на дальнѣйшія судьбы Испаніи, говорилось о существованіи въ странѣ ложныхъ христіанъ и о просьбѣ Фердинанда и Изабеллы положить конецъ этому злу; во вниманіе къ желанію королевской четы папа и разрѣшаетъ коронѣ назначить трехъ епископовъ или другихъ достойныхъ людей, представителей бѣлаго или чернаго духовенства, имѣющихъ отъ роду свыше 40 лѣтъ и званіе магистра или баккалавра теологіи, либо доктора или лиценціата каноническаго права, смѣщаемыхъ и перемѣщаемыхъ по усмотрѣнію короны; этимъ лицамъ предоставляется епископское и инквизиторское право судить еретиковъ, ихъ пособниковъ и ихъ защитниковъ. Въ противоположность буллѣ Николая V отъ 1451 г., эта булла не предоставляла инквизиторамъ права обвиненія епископовъ въ ереси: по отношенію къ нимъ оставалось въ силѣ рѣшеніе Бонифація III, гласившее, что подозрѣваемые въ ереси епископы должны отвѣчать предъ судомъ самого папы, а не предъ инквизиторами. Въ этомъ отношеніи булла 1478 г. была болѣе проникнута традиціоннымъ духомъ, нежели предшествовавшая ей булла Николая V, хотя обѣ онѣ имѣли въ виду, главнымъ образомъ, если не исключительно, марановъ, которые должны были сдѣлаться первыми жертвами Инквизиціи.

Несмотря на свою побѣду надъ Римской Куріей, Фердинандъ и Изабелла медлили введеніемъ въ жизнь сикстинской буллы 1478 г.: Фердинандъ слишкомъ хорошо понималъ, какими серьезными экономическими и финансовыми осложненіями будетъ неизбѣжно сопровождаться преслѣдованіе богатыхъ и трудолюбивыхъ марановъ, чтобы опрометчиво броситься въ столь неопредѣленное предпріятіе, какимъ была Инквизиція. Съ другой стороны, при дворѣ Изабеллы было нѣсколько сильныхъ и вліятельныхъ новохристіанъ, которые имѣли основаніе опасаться, какъ бы они сами или ихъ близкіе не подпали подъ дѣйствіе буллы 1478 г.; они, разумѣется, всячески уговаривали королеву не рисковать легкомысленно положеніемъ богатѣйшаго класса населенія и не навлекать на страну такого бѣдствія, какимъ легко могла бы быть, по ихъ мнѣнію, Инквизиція, если ея жертвами станутъ всѣ тѣ, которыхъ подозрѣваютъ въ сочувствіи іудаизму, въ іудействующей ереси. Правда, духовныя лица, ведшія свое происхожденіе отъ евреевъ, на этотъ разъ могли быть спокойнѣе: они не могли быть, какъ во времена Алваро де Луна, арестованы и судимы первымъ попавшимся инквизиторомъ, желавшимъ отомстить еврейскимъ епископамъ,—теперь епископы подлежали лишь папскому суду и были независимы по отношенію къ инквизиторамъ. Это обстоятельство, само собою понятно, ослабляло оппозицію введенію Инквизиціи со стороны части марановъ, огромное большинство которыхъ, однако, дѣятельно агитировало противъ осуществленія буллы 1478 г. Въ теченіе двухъ лѣтъ маранамъ удавалось съ помощью различныхъ средствъ оттягивать проведеніе въ жизнь буллы 1478 г., тѣмъ болѣе, что сама царственная чета, какъ мы уже упомянули, колебалась въ своемъ поведеніи и, несмотря на выгодность постановленій буллы, медлила ея проведеніемъ. Наконецъ, 17 сентября 1480 г. роковой шагъ былъ сдѣланъ: въ этотъ день были назначены инквизиторами доминиканцы Мигель де Морильо и Хуанъ де Санъ Мартинъ; имъ было заявлено, что за всякое упущеніе по службѣ они немедленно будутъ удалены съ потерей всего состоянія и

---

[1]) Текстъ этой буллы см. въ «Boletin de la Real Academia», XV, 449—452.

съ лишеніемъ государственныхъ правъ; оба они были непосредственно подчинены королевской власти. Однако, отъ назначенія ихъ инквизиторами до вступленія ихъ въ исполненіе обязанностей протекло опять нѣкоторое время, такъ какъ лишь 9 октября появился королевскій приказъ о томъ, чтобы всѣ должностныя лица оказывали инквизиторамъ помощь, давали имъ свободный проходъ и снабжали ихъ необходимыми съѣстными припасами; пока сфера ихъ дѣятельности должна была ограничиваться лишь Севильей (съ ея окрестностями), считавшейся очагомъ маранской ереси. Появленіе Морильо и Санъ Мартина въ Севильѣ было встрѣчено мѣстнымъ населеніемъ, какъ утверждаетъ Льоренте, далеко несочувственно, и потребовался новый приказъ Фердинанда и Изабеллы (27 декабря 1480 г.) съ напоминаніемъ должностнымъ лицамъ о необходимости оказанія помощи инквизиторамъ. Одновременно съ этимъ началось добровольное оставленіе Севильи маранами, эмигрировавшими въ земли герцога Медины Сидонія и другихъ сеньеровъ, такъ какъ приказъ объ Инквизиціи въ Севильѣ былъ ими использованъ въ смыслѣ распространенія Инквизиціи лишь на земли, принадлежавшія собственно королевской власти [1]). Кромѣ того, мараны надѣялись, что сеньоры, на земляхъ которыхъ они скрывались, будутъ ихъ защищать противъ инквизиторовъ, являвшихся орудіемъ королевскаго абсолютизма, нарушавшаго при распространительномъ толкованіи приказа судебныя права феодаловъ.

Къ началу 1481 г. сформировался инквизиціонный трибуналъ; онъ состоялъ изъ двухъ доминиканцевъ, названныхъ уже выше инквизиторовъ Мигеля де Морильо и Хуана де Санъ Мартина, изъ асессора, доктора Хуана Руиса де Медины, сдѣлавшагося впослѣдствіи епископомъ Асторіи, Бадахоса и Картагены, а потомъ назначеннаго посломъ въ Римѣ; четвертымъ членомъ трибунала былъ фискальный прокуроръ, капланъ королевы Хуанъ Лопеса дель Барко. 13 мая 1481 г. въ составъ трибунала были привлечены еще севильскій корегидоръ Діэго де Мерло и лиценціатъ Ферандъ Янесъ де Лобонъ, оба въ качествѣ пріемщиковъ имущества трибунала, — должность, вызывавшаяся богатой добычей, получавшейся при конфискаціи обвиняемыхъ въ ереси и преслѣдуемыхъ марановъ. Первымъ актомъ этого трибунала былъ эдиктъ отъ 2 января 1486 г. Онъ приказывалъ герцогамъ, графамъ, маркизамъ, рыцарямъ, грандамъ и другимъ дворянамъ и вельможамъ Кастиліи арестовать всѣхъ бѣжавшихъ въ ихъ земли новохристіанъ и въ теченіе 15 дней передать ихъ въ руки севильскихъ властей, при чемъ имущество арестованныхъ должно было быть немедленно конфисковано. Въ случаѣ неисполненія этого эдикта сеньеры, скрывавшіе марановъ, подлежали отлученію отъ Церкви, какъ пособники еретиковъ, ихъ имущество конфисковывалось, они теряли всѣ свои сеньеральныя права, вассалы ихъ освобождались отъ повиновенія имъ, равно какъ и отъ какихъ бы то ни было платежей. Наиболѣе могущественные сеньеры должны были немедленно обыскать свои земли и передать инквизиторамъ недавно поселившихся здѣсь марановъ, всѣхъ прибывшихъ изъ Севильи и другихъ мѣстностей [2]). «Такимъ языкомъ,—замѣчаетъ Ли—заговорили съ грандами, всегда считавшимися равными королю, два простыхъ монаха: видимо, выборъ ихъ въ инквизиторовъ былъ сдѣланъ удачно, они были достаточно дерзки и смѣлы, чтобы начать новую эру въ исторіи Испаніи, которую, впрочемъ, Святая Инквизиція вскорѣ пріучитъ еще и не къ такимъ пріемамъ [3])». Эдиктъ, подписанный Морильо и Санъ

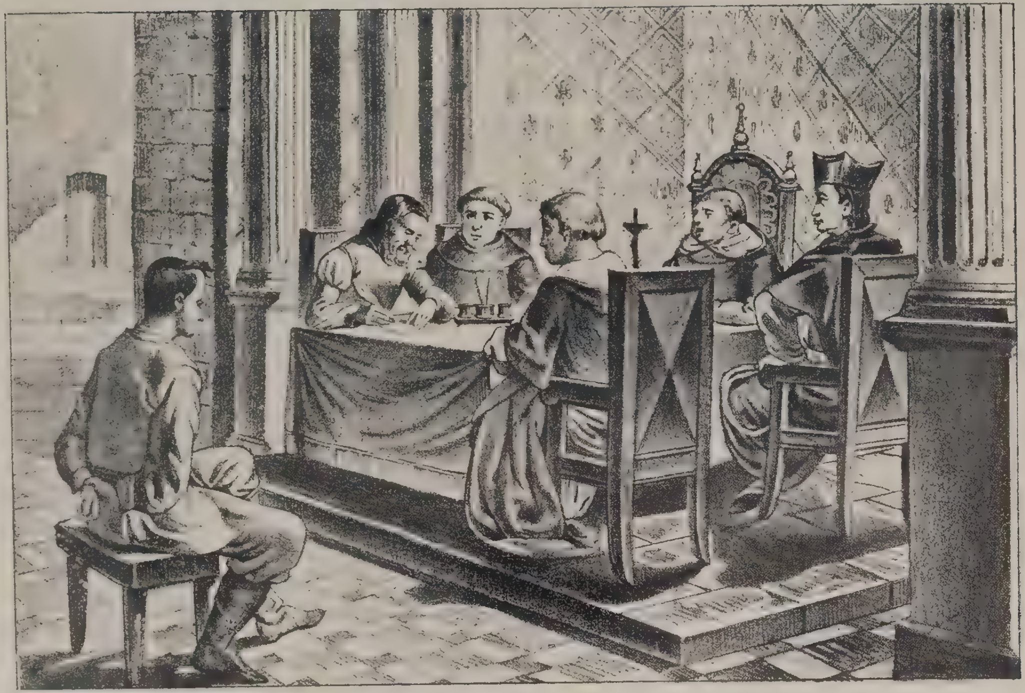
---

[1]) Llorente, «Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne», I, 149.

[2]) Эдиктъ этотъ приведенъ въ «Boletin de la Real Academia de la Historia», XV, 453—57; тамъ говорится, между прочимъ: algunos personas... vezinos de Sevilla e de otros logares (значитъ, не только изъ Севильи) de un mes a este parte (т.-е. въ теченіе всего декабря 1480 г.)..., se an absentado... Количество этихъ скрывшихся отъ инквизиторовъ Севильи опредѣляется различно. Бернальдесъ «Historia de los Reyes», стр. 129 и сл., говоритъ, что ихъ было много тысячъ,—цифра, повидимому, преувеличенная.

[3]) Lea, «History», I, 161.

СУПРЕМА.



Con el culpable justicia. — (Виновнаго судятъ).

Мартиномъ, возымѣлъ свое дѣйствіе, и число арестованныхъ было настолько велико, что тюрьма при монастырѣ Санъ-Пабло оказалась слишкомъ недостаточной, и трибуналъ перенесъ свои засѣданія въ огромную крѣпость Тріану, которая своими мрачными башнями и подземными темницами оказалась наиболѣе подходящей для инквизиціоннаго трибунала, засѣдавшаго въ одномъ зданіи съ жертвами [1]).

Страхъ, внушенный маранамъ первыми дѣйствіями севильскаго трибунала, былъ настолько великъ, что многіе бѣжали даже въ отдаленныя страны, чтобы ихъ нельзя было снова вернуть въ Севилью. Для предотвращенія этого у городскихъ воротъ была поставлена инквизиторами особая полиція (e pusieron guardas à las puertas de la ciudad) [2]), и смертная казнь грозила всякому бѣглецу, пойманному близъ городскихъ воротъ. Не всѣ, однако, мараны видѣли свое спасеніе въ бѣгствѣ; нѣкоторые рѣшили оказать вооруженное сопротивленіе введенію Инквизиціи. Во главѣ ихъ находился Діэго де Сусанъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей Севильи, имущество котораго оцѣнивалось въ десять милліоновъ мараведи. Собравъ на совѣщаніе марановъ изъ Севильи, Утреры и Кармоны, Сусанъ обратился къ нимъ съ горячей рѣчью, доказывая необходимость, во имя спасенія жизни, бороться съ Инквизиціей. Вскорѣ Сусану удалось сформировать значительную партію, въ составъ которой вошли многія духовныя лица, чины судебнаго и финансоваго вѣдомства, а также богатѣйшіе торговцы и купцы. Всѣ они вели свое происхожденіе отъ евреевъ и въ виду этого постоянно находились подъ Дамокловымъ мечомъ инквизиціоннаго трибунала. Сторонникамъ Сусана было роздано оружіе, и было условлено, что при первой попыткѣ инквизиторовъ арестовать кого-либо будетъ поднятъ бунтъ, во время котораго должны быть убиты инквизиторы для того, чтобы никто не хотѣлъ болѣе занимать должности инквизитора. Заговоръ этотъ, однако, не удался, такъ какъ дочь Сусана, прозванная за свою красоту Fermosa fembra, выдала всѣхъ заговорщиковъ своему возлюбленному, который донесъ объ этомъ инквизиторамъ, обрадовавшимся случаю начать репрессивныя мѣры противъ виновныхъ. По приказу инквизиторовъ севильскій корегидоръ Діэго де Мерло арестовалъ самыхъ видныхъ марановъ Севильи и заключилъ ихъ въ крѣпостную тюрьму Тріану. Слѣдствіе было быстро закончено, и при вынесеніи приговора была созвана особая consulta de fe или собраніе компетентныхъ лицъ, куда вошли юристы и епископскій провизоръ. Трудно сказать, какимъ путемъ инквизиторы могли обосновать необходимость осужденія виновныхъ на смертную казнь черезъ сожженіе. Вѣдь дѣло шло не о еретикахъ, во всякомъ случаѣ, не объ упорствующихъ еретикахъ, отказывающихся на судѣ отречься отъ своихъ заблужденій; съ другой стороны, замыселъ убить инквизиторовъ также не могъ быть отнесенъ къ категоріи наказуемыхъ сожженіемъ преступленій, — онъ вообще не входилъ въ компетенцію инквизиціоннаго суда, вѣдавшаго лишь дѣла о ереси, чѣмъ по существу не былъ этотъ заговоръ. Несмотря на это, инквизиторы вынесли виновнымъ смертный приговоръ, словно предъ ними находились еретики, не желавшіе покаяться въ грѣхахъ. «Это было — говоритъ Ли — нарушеніемъ каноническихъ правилъ и свидѣтельствовало, что Новая Инквизиція въ Испаніи не думала идти по пути Старой Инквизиціи и очищала себѣ дорогу къ болѣе кровавой и страшной дѣятельности» [3]).

6 февраля [4]) 1481 г. состоялось первое торжественное ауто-да-фе, на которомъ

---

[1]) Крѣпость Тріана служила мѣстомъ севильской Инквизиціи вплоть до 1789 г. (съ небольшимъ перерывомъ отъ 1626 г. до 1639 г.). Въ 1789 г. инквизиціонный трибуналъ былъ перенесенъ въ Colegio las Bacas.

[2]) A. Bernáldez, op. cit., 131.

[3]) Lea, op. cit., I, 163.

[4]) У Греца, Льоренте, въ «Евр. Энц.» (статья «Ауто-да-фе») сказано: 6 января. Адлеръ въ «Auto de fe and Jew», 1908 г., пишетъ въ текстѣ: 6 февраля (стр. 58), въ приложенныхъ къ книжкѣ таблицахъ—6 января (стр. 106). Въ статьѣ «Инквизиція» въ «Евр. Энц.» говорится

было сожжено шесть человѣкъ. Во главѣ процессіи, являвшейся огненнымъ апоѳеозомъ религіи, шелъ Алонсо де Охеда, увидѣвшій, наконецъ, осуществленіе своихъ давнишнихъ мечтаній. Въ первый и въ послѣдній разъ Охеда присутствовалъ на ауто-да-фе: черезъ нѣсколько дней онъ умеръ отъ чумы, унесшей въ Севильѣ около 15 тысячъ человѣкъ. Въ томъ же февралѣ состоялось въ Севильѣ второе ауто-да-фе, на которомъ было сожжено три марана, въ томъ числѣ Діэго де Сусанъ, инициаторъ заговора противъ инквизиціоннаго трибунала. Такъ какъ дѣятельность послѣдняго стала принимать длительный характеръ, то было рѣшено построить на Campo de Tablada особое сооруженіе для постояннаго сожженія еретиковъ. Сооруженіе это было названо кемадеро или брасеро (quemadero, brasero); остатки его сохранились въ Севильѣ по сію пору. Въ четырехъ углахъ этого кемадеро находились статуи пророковъ, сдѣланныя на средства великодушнаго жертвователя Месы. Впослѣдствіи, однако, оказалось, что этотъ Меса былъ іудействующимъ, и онъ былъ сожженъ на томъ самомъ кемадеро, которое онъ на свои деньги такъ великолѣпно изукрасилъ [1]). Третье ауто-да-фе въ Севильѣ состоялось 26 марта 1481 г., когда въ пламени погибло 17 новообращенныхъ, втайнѣ исповѣдывавшихъ еврейскую религію: среди сожженныхъ было пять монаховъ, три священника и одинъ очень извѣстный проповѣдникъ, по имени Сабаріего. Съ ужасомъ народъ взиралъ на дѣятельность инквизиторовъ, все болѣе и болѣе убѣждаясь, что они не щадятъ ни знатныхъ, ни богатыхъ. Изъ Севильи началось бѣгство наиболѣе видныхъ марановъ въ Португалію, Гранаду и даже въ Римъ, но въ отвѣтъ на это ворота города снова были заперты, и тюрьмы наполнились неудачными бѣглецами. Среди арестованныхъ съ необыкновенной силой стала свирѣпствовать чума. «Казалось,—говоритъ Ли,—что Богъ и люди объединились въ дѣлѣ уничтоженія несчастныхъ марановъ. Подъ двойной тяжестью страха смерти отъ чумы или отъ инквизиціоннаго трибунала они обратились къ корегидору Діэго де Мерло съ просьбой разрѣшить имъ покинуть зачумленный городъ» [2]). Разрѣшеніе имъ было дано подъ условіемъ оставленія въ городѣ всего имущества, за исключеніемъ лишь самаго необходимаго въ пути. Свыше восьми тысячъ человѣкъ покинуло негостепріимную Севилью. Сами инквизиторы вынуждены были переселиться въ деревню Арасену, гдѣ они приговорили къ сожженію 23 марана, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ; кромѣ того, инквизиторы распорядились выкопать массу труповъ еретиковъ, и кости и останки ихъ были торжественно сожжены. До 4 ноября 1481 г., т.-е. въ теченіе десяти мѣсяцевъ, въ Севильѣ и Арасенѣ, по вычисленіямъ Льоренте, было сожжено 298 человѣкъ, а приговорено къ вѣчному тюремному заключенію 79 [3]); само собою разумѣется, что имущество осужденныхъ обѣихъ категорій было конфисковано. Эти цифры относятся лишь къ городу Севильѣ, въ другихъ частяхъ провинціи, а также въ епископствѣ Кадиксѣ, по словамъ Маріаны, въ 1481 г. погибло въ пламени двѣ тысячи человѣкъ; еще большее количество было сожжено in effigie; до 17 тыс. человѣкъ подверглось различнымъ каноническимъ наказаніямъ [4]). Въ рукахъ трибунала, говоритъ Грецъ, очутились положительно всѣ: не только жившіе въ Севильѣ, но даже бѣжавшіе изъ нея и давно уже умершіе. Отъ этого страшнаго трибунала нигдѣ нельзя было найти спасенія, и не удивительно, что онъ сталъ

---

6 февраля и указывается, что въ этотъ день было сожжено 6 мужчинъ и 6 женщинъ; явная ошибка относительно количества сожженныхъ. Впрочемъ, въ «Jewish Encyclopedia», изъ которой «Еврейская Энциклопедія» перевела статью объ Инквизиціи, сказано не 6 мужчинъ и 6 женщинъ, а six men and women (шесть мужчинъ и женщинъ). Amador de los Rios говоритъ: 6 февраля («Historia», III, 250).

[1]) Rodrigo, «Historia verdadera de la Inquisicion», II, 79—80; Amador de los Rios, «Historia de los Judios de España», III, стр. 251, прим.

[2]) Lea, «History», I, 164.

[3]) «Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne», I, 160.

[4]) Mariana, «Hist. d'Espagne», кн. 24, глава 17 (перев. съ испанскаго).

внушать смѣшанный съ отвращеніемъ ужасъ даже многимъ христіанамъ, въ жилахъ которыхъ не было ни капли еврейской крови. Со всѣхъ сторонъ слышались жалобы на дѣйствія инквизиціоннаго трибунала, и возникла мысль дать маранамъ возможность, въ теченіе опредѣленнаго времени, явиться предъ судомъ, чтобы покаяться въ грѣхахъ и примириться съ Церковью и тѣмъ спасти себя отъ смертной казни [1]).

Обычай льготныхъ дней—такъ называемый срокъ милости и прощенія—издавна существовалъ въ анналахъ Инквизиціи, и пренебреженіе имъ новымъ севильскимъ трибуналомъ явилось слѣдствіемъ поспѣшности его дѣйствій. Теперь, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и жалобъ даже епископовъ и другихъ лицъ духовнаго званія, рѣшено было воскресить этотъ обычай и провозгласить льготные дни для марановъ. Желающимъ покаяться и примириться съ Церковью предстояло подвергнуться тяжелымъ, большей частью денежнымъ, наказаніямъ, позору публичнаго отреченія отъ своихъ грѣховъ на ауто-да-фе, лишенію всего или большей части имущества и опасности стать рецидивистомъ-еретикомъ при малѣйшемъ подозрѣніи въ сочувствіи іудейству послѣ примиренія съ Церковью; кромѣ того, кающіеся должны были дать клятву, что не скроютъ отъ инквизиторовъ ни одного іудействующаго еретика и выдадутъ всѣхъ вѣроотступниковъ и еретиковъ, какъ лично имъ извѣстныхъ, такъ и тѣхъ, о существованіи которыхъ до нихъ дошли какіе-либо слухи. Этимъ путемъ инквизиторы устроили шпіонную систему, и льготные дни явились для марановъ ловушкой, гдѣ подъ страхомъ смерти вырывались у людей самые ужасные доносы на наиболѣе близкихъ людей: сынъ доносилъ на отца, жена на мужа, братъ на брата, другъ на лучшаго друга. Даваемая при этомъ милость, говоритъ Ли, была скудна, а добыча была обильна. Довѣрчиво шли мараны каяться въ своихъ грѣхахъ; на одномъ ауто-да-фе они явились въ количествѣ 1500 человѣкъ [2]), у которыхъ именемъ Бога вырывали клятву, что они будутъ самыми низкими доносчиками и шпіонами, не знающими ни друзей, ни родныхъ. Горе тому кающемуся, который не зналъ ни одного еретика! Его невѣдѣніе признавалось лицемѣрнымъ примиреніемъ съ Церковью, и, вмѣсто прощенія, онъ тутъ же попадалъ въ категорію упорствующихъ еретиковъ, для которыхъ костеръ былъ единственнымъ средствомъ. Чтобы облегчить доносы, доносчикамъ было обѣщано, что потерпѣвшіе благодаря ихъ доносу не будутъ знать ихъ имени, и что все будетъ держаться въ самой строгой тайнѣ.

Понятно, что дни льготнаго срока фактически были превращены благодаря этому въ дни усиленныхъ доносовъ и собиранія матеріала о еретикахъ для того, чтобы, по истеченіи этого льготнаго времени, можно было казнить многочисленныхъ марановъ, не явившихся къ инквизиторамъ съ просьбой о примиреніи съ Церковью. Мало того, какъ только кончился срокъ милости и прощенія, севильскій трибуналъ опубликовалъ эдиктъ, въ силу котораго, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, христіане должны были въ теченіе трехъ дней извѣстить инквизиторовъ о всѣхъ извѣстныхъ имъ іудействующихъ еретикахъ. Эдиктъ этотъ, по правильному замѣчанію Греца, былъ не чѣмъ инымъ, какъ обращеніемъ къ низменнымъ человѣческимъ инстинктамъ; путемъ доносовъ люди мстили другъ другу, въ дѣло религіи вплетались самыя отвратительныя страсти, измѣна оплачивалась надеждой на вѣчное блаженство [3]). Чтобы всякій доносчикъ практически зналъ, что представляетъ собою ересь іудействующихъ, и какія дѣянія еретиковъ подлежатъ донесенію, инквизиціонный трибуналъ опубликовалъ 37 пунктовъ, по которымъ можно узнать іудействующаго еретика. Пункты эти гласили: 1) Если еврей, принявшій христіанство, ждетъ Мессію или говоритъ, что Онъ еще не пришелъ, а придетъ, чтобы иску-

---

1) Graetz, «Geschichte der Juden», 4-ое изд., VIII, стр. 292.
2) Lea, «History of the Inquisition of Spain», I, 165.
3) Graetz, l. c., VIII, 293.

пить евреевъ и освободить ихъ изъ плѣна, въ которомъ они находятся для того, чтобы повести ихъ въ обѣтованную землю; 2) если возродившійся черезъ христіанство снова впадаетъ въ еврейскую религію; 3) если кто-либо заявляетъ, что законъ Моисея столь же дѣйствителенъ, чтобы спасти насъ, какъ и законъ Іисуса Христа; 4) если кто блюдетъ субботу изъ уваженія къ закону, отъ котораго онъ отказался, что доказывается тѣмъ, что онъ въ субботній день одѣваетъ чистую рубаху или болѣе праздничную одежду, чѣмъ въ другіе дни, или покрываетъ столъ чистой скатертью или не зажигаетъ свѣта въ своемъ домѣ съ пятницы; 5) если кто изъ мяса животныхъ, которымъ питается, удаляетъ извѣстныя части; 6) если кто до убійства животнаго изслѣдуетъ, не содержитъ ли ножъ, которымъ онъ его зарѣзалъ, какихъ-либо дефектовъ, а послѣ убійства покрываетъ кровь пескомъ, произнося при этомъ принятыя у евреевъ слова; 7) если кто ѣстъ мясо въ постные дни, не считая, что онъ при этомъ грѣшитъ; 8) если кто блюдетъ великій еврейскій постъ, извѣстный подъ различными именами, всего болѣе подъ названіемъ іомъ-киппуръ, и совпадающій съ десятымъ днемъ еврейскаго мѣсяца тишри; если въ этотъ день кто-либо ходитъ босикомъ или произноситъ вмѣстѣ съ евреями еврейскія молитвы, а въ особенности проситъ въ эту ночь прощенія у евреевъ; если какой-либо отецъ благословляетъ въ этотъ день своихъ дѣтей, положивъ на ихъ голову руку безъ осѣненія себя крестомъ, а лишь произнесши слова: будь благословленъ Богомъ и мною; 9) если кто постится въ день королевы Эстеръ, празднующійся въ мѣсяцѣ адаръ; 10) если кто соблюдаетъ постъ тиша-беабъ, т.-е. девятый день мѣсяца аба, въ память двукратнаго разрушенія еврейскаго храма; 11) если кто постится дважды въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ, какъ того требуетъ Моисеевъ законъ, если онъ въ эти дни не ѣстъ мяса, дѣлаетъ омовеніе тѣла наканунѣ, снимаетъ ногти и стрижетъ волосы и сохраняетъ ихъ или бросаетъ въ огонь; если кто произноситъ молитвы, то опуская, то поднимая голову, обратившись лицомъ къ стѣнѣ послѣ того, какъ онъ помылъ руки водой, смѣшанной съ пескомъ, одѣлъ на себя извѣстное платье и подвязался опредѣленнымъ кушакомъ; 12) если кто празднуетъ праздникъ опрѣсноковъ и по утрамъ въ эти дни ѣстъ дикую петрушку, салатъ или другія какія-либо овощи, или растительность; 13) если кто соблюдаетъ праздникъ Кущей или шатра, который начинается въ 15-ый день мѣсяца тишри; 14) если кто празднуетъ праздникъ Свѣчей или ханукка, который начинается 25-го числа мѣсяца кислевъ, въ память борьбы Маккавеевъ; 15) если кто за столомъ произноситъ молитву по еврейскому обычаю; 16) если кто пьетъ вино кашеръ, считая позволительнымъ для себя пить лишь такое вино, которое было изготовлено лицами, исповѣдующими еврейскую религію; 17) если кто произноситъ багара (берахотъ? славословіе), взявъ въ руки полный кубокъ вина, и прежде, чѣмъ дать выпить изъ бокала всѣ присутствующимъ, читаетъ опредѣленныя слова; 18) если кто ѣстъ мясо отъ животнаго, убитаго лишь евреемъ; 19) если кто ѣстъ тѣ же сорта мяса, что и евреи, и сидитъ съ ними за однимъ столомъ; 20) если кто поетъ псалмы Давида, не заканчивая ихъ словами: gloria patri; 21) если, изъ уваженія къ законамъ Моисея, женщина не является въ церковь въ теченіе 40 дней послѣ родовъ; 22) если кто совершилъ надъ собою или надъ своимъ сыномъ обрядъ обрѣзанія; 23) если кто далъ своему сыну еврейское имя, т.-е. имя, которое обычно носятъ евреи; 24) если кто-либо, крестивъ своихъ дѣтей, затѣмъ отмываетъ водой ту часть головы, которая была помазана святымъ елеемъ; 25) если кто на восьмой день рожденія опускаетъ новорожденнаго въ ведро, куда налилъ воды и насыпалъ золота, серебра, жемчуговъ, хлѣбныхъ и ячменныхъ зеренъ, какъ это дѣлаютъ евреи, произнося при этомъ извѣстныя молитвы; 26) если кто при рожденіи ребенка изучаетъ гороскопъ и изслѣдуетъ дальнѣйшую судьбу новорожденнаго; 27) если кто-либо при вступленіи въ бракъ соблюдаетъ еврейскіе обряды; 28) если кто-либо наканунѣ или въ день своего отъѣзда устраиваетъ для своихъ родныхъ или друзей прощальный обѣдъ или обѣдъ разставанія, извѣстный

подъ именемъ Кпауа; 29) если кто носитъ на себѣ извѣстныя имена (въ видѣ надписи), употребляемыя обычно евреями; 30) если кто, изготовляя хлѣбъ, беретъ часть тѣста и бросаетъ ее въ огонь въ знакъ жертвы по примѣру евреевъ, которые приносятъ въ даръ Богу первые плоды; 31) если кто-либо при приближеніи смерти отвернулъ голову отъ стѣны или если кто-либо далъ умирающему такое положеніе; 32) если кто обмывалъ или заставилъ обмывать тѣло подъ мышками и другія части, если онъ одѣвалъ его въ новый саванъ, рубаху, плащъ, надѣвъ также ему сапоги, если онъ подъ голову положилъ ему подушку изъ свѣжаго песка, а въ ротъ вложилъ какую-либо монету; 33) если кто, обращаясь къ мертвецу, произноситъ надъ нимъ похвальное слово или грустные стихи; 34) если кто въ домѣ покойника или въ ближайшихъ домахъ вылилъ изъ кувшиновъ и другихъ сосудовъ всю воду, какъ то дѣлаютъ евреи; 35) если кто, оплакивая покойника, садится на полъ, ѣстъ рыбу и масло, вмѣсто мяса; 36) если кто въ теченіе года послѣ смерти родного человѣка не выходитъ изъ дому въ знакъ траура по немъ; 37) если кто похоронилъ покойника въ свѣжей землѣ или на еврейскомъ кладбищѣ, — во всѣхъ этихъ случаяхъ виновный долженъ быть выданъ Инквизиціи.

При такихъ обстоятельствахъ дѣятельность севильскаго трибунала, какъ легко понять, должна была принять широкіе размѣры; со всѣхъ концовъ Испаніи поступали доносы на еретиковъ, свидѣтельствовавшіе о большомъ распространеніи ереси и доказывавшіе необходимость введенія Инквизиціи и въ другихъ частяхъ государства. Нерѣдко доносы эти исходили отъ людей, заинтересованныхъ въ преслѣдованіи марановъ и желавшихъ избавиться отъ нихъ путемъ Инквизиціи, но дѣло отъ этого нисколько не мѣнялось, такъ какъ всегда низменные инстинкты играли большую роль въ моментъ возникновенія преслѣдованій противъ еретиковъ. Однако, предстоящее расширеніе поля дѣятельности Инквизиціи вызвало недовольство со стороны лица, отъ котораго меньше всего можно было ожидать какого-либо протеста противъ Инквизиціи. Мы разумѣемъ папу Сикста IV. Онъ рано замѣтилъ, что сдѣланныя имъ чрезмѣрныя уступки Фердинанду и Изабеллѣ въ буллѣ 1478 года, усиливая власть королей и обогащая ихъ казну, не приносятъ папской Куріи никакихъ выгодъ и даже скорѣе вредятъ ей, такъ какъ ограничиваютъ сферу папскаго вмѣшательства въ дѣла, касающіяся ереси, и понятно, что онъ всячески стремился подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ отмѣнить дѣйствіе буллы 1 ноября 1478 г. Бѣжавшіе въ Римъ мараны, равно какъ и сторонники усиленія папской власти и обиженные удаленіемъ изъ инквизиціоннаго суда епископскихъ представителей, стали уговаривать Сикста объявить буллу 1478 г. недѣйствительной и замѣнить ее другой. По словамъ Греца, на рѣшеніе Сикста вліяли также и денежныя подношенія марановъ (da die Kläger nicht mit leeren Händen gekommen waren) [1]).

Какъ бы то ни было, 29 января 1482 г. папа обратился съ особой буллой къ Фердинанду и Изабеллѣ; въ буллѣ этой онъ самымъ открытымъ образомъ порицалъ дѣянія севильскаго трибунала, заключающаго будто въ тюрьму, съ нарушеніемъ всякихъ правовыхъ формъ, ни въ чемъ неповинныхъ людей, подвергающаго ужаснымъ пыткамъ мнимыхъ еретиковъ и конфискующаго имущество лицъ по одному лишь недобросовѣстному доносу. Папа заявляетъ, что онъ необдуманно издалъ буллу о введеніи Инквизиціи, и теперь слѣдовало бы смѣстить инквизиторовъ Мигеля Морильо и Хуана Санъ Мартина; лишь изъ уваженія къ королевской четѣ папа этого не дѣлаетъ, но предупреждаетъ, что въ случаѣ новыхъ жалобъ на нихъ, онъ поступитъ съ ними согласно закону и передастъ инквизиціонный трибуналъ вѣдѣнію тѣхъ, кои въ сущности должны были находиться во главѣ его, т.-е. доминиканцамъ. Папа отказываетъ также Фердинанду въ его просьбѣ устроить въ другихъ частяхъ Испаніи экстраординарные инквизиціонные трибуналы [2]).

[1]) «Geschichte der Juden», т., VIII, стр. 296.

[2]) Текстъ этой буллы приводится у Льоренте, op. cit., IV, 346—350. Въ виду важности ея

Это рѣзкое осужденіе Сикстомъ первыхъ шаговъ дѣятельности Инквизиціи часто приводится въ видѣ доказательства, что Римъ не сочувствовалъ введенію Инквизиціи, и что онъ даже боролся противъ нея, и если, тѣмъ не менѣе, Инквизиція восторжествовала, то отвѣтственность за это всецѣло должна падать будто на свѣтскую власть, на Фердинанда и Изабеллу. Мнѣніе это защищается весьма энергично католическими историками, въ особенности лицами духовнаго званія, и по сію пору [1]). Испанская Инквизиція, утверждаютъ

приводимъ наиболѣе характерныя мѣста: Quod factum est, ut multiplices querelae et lamentationes factae fuerint, tam contra Nos de illarum expeditione hujusmodi, quam contra majestates vestras et contra dilectos filios Michaelem de Morillo, magistrum, et Joannem de Sancto Martino, baccalaureum in theologia, ordinis praedicatorum professores, quos dictarum litterarum praetextu inquisitores in vestra civitate hispalensi nominastis, pro eo quod (ut asseritur) inconsulte et nullo juris ordine servato procedentes multos injuste carceraverint, duris tormentis subjecerint, et haereticos injuste declaraverint, ac bonis spoliaverint, qui ultimo supplicio affecti fuere... plures alii justo timore perterriti in fugam se conversentes... ad sedem praefatam, oppressorum ubique tutissimum refugium, confugerint... et nobis praesentaverint... Petitioni vero vestrae deputationis, inquisitorum in aliis regnis et dominiis vestris ideo non annuimus. О буллѣ 1 ноября 1478 г. папа теперь выражается такъ: litterae ipsae contra sanctorum patrum et praedecessorum nostrorum decreta ac communem observentiam expeditae sint.

[1]) Къ представителямъ этого мнѣнія слѣдуетъ прежде всего отнести бенедиктинца Пія Бонифація Гамса, автора «Die Kirchengeschichte von Spanien». Въ этомъ произведеніи (мы цитируемъ по вышедшему отдѣльнымъ изданіемъ оттиску «Zur Geschichte der spanischen Staatsinquisition», 1878) Гамсъ заявляетъ: «Diese (т.-е. Испанская) Inquisition ist aber nicht von der Kirche, sondern von der weltlichen Regierung eingeführt, ausgebildet und erhalten worden. Sie ist kein kirchliches, sondern ein Staatsinstitut, theilweise mit kirchlichen Formen. Es ist eine aus dem Charakter und der geschichtlichen Entwicklung des spanischen Volkes hervorgegangene Einrichtung, ein Institut, für welches die katholische Kirche keine Verantwortung trifft... Die gläubigen Spanier haben stets die religiöse Einheit ausgestrebt und festgehalten. Sie haben stets von der Staatsgewalt verlangt, dass sie diese Einheit schütze und aufrecht hält. Wenn sie der Mehrzahl nach Juden gewesen, so hätten sie das Christentum nicht neben sich bestehen lassen (стр. 5—6; курсивъ мой). Die Inquisition war ein königlicher, aber mit geistlichen Waffen ausgerüsteter Gerichtshof. Erstens—waren die Inquisitoren königliche Beamte... Zweitens—fiel der Vortheil von den Confiscationen dieses Gerichtes dem Könige zu. Drittens—der König bekam ein Gericht in die Hände, welchem sich kein Grande, kein Erzbischof entziehen durfte... Carl V fing bald an dieselbe (т.-е. Инквизицію) als Werkzeug seines Herrschaft gegen die Kirche zu benutzen. Er war, so lange er regierte, der wahre und einzige Grossinquisitor (стр. 54, курсивъ мой). Гамсъ пользовался въ католическихъ кругахъ большимъ авторитетомъ, и его мнѣніе объ Испанской Инквизиціи нерѣдко приводится въ качествѣ сильнѣйшаго аргумента въ пользу того или иного утвержденія. Трудно понять, на чемъ основана слава Гамса; для характеристики его «научности» приведемъ слѣдующее. Ссылаясь на архидіакона Людовика Парамо, автора извѣстнаго сочиненія «De origine et progressu officii Sanctae Inquisitionis» (Madriti [Мадридъ], 1598), Гамсъ утверждаетъ, что въ Толедо Инквизиція вынесла лишь четыре смертныхъ приговора упорствовавшимъ еретикамъ. Однако, соотвѣтствующее мѣсто у Парамо гласитъ совершенно иначе. Говоря объ Инквизиціи въ Сіудадъ-Реалѣ и перечисляя 52 случая сожженія еретиковъ въ теченіе двухъ лѣтъ, Парамо прибавляетъ, что это даетъ основаніе полагать о большомъ количествѣ жертвъ Инквизиціи въ Толедо, гдѣ она долго существовала (ubi multis abhinc annis sita fuit); однако, было бы долго—замѣчаетъ онъ тутъ же—перечислять всѣхъ пострадавшихъ за ересь и «brevitatis ergo solum (лишь для краткости!) de quatuor famosis Haeresiarchis mentionem faciam» (упомяну лишь о четырехъ извѣстныхъ случаяхъ ереси). Трудно найти въ научной литературѣ подобный примѣръ недобросовѣстнаго цитированія! Точно также, по мнѣнію католическаго историка, профессора Карла-Іосифа Гефеле, Испанская Инквизиція была политическимъ, а не церковныхъ учрежденіемъ. Онъ пишетъ (цитируемъ по французскому переводу «Le Cardinal Ximénès», сдѣланному аббатами Сиссономъ и Крампономъ, 3-ье изд., 1869): «telle est la véritable origine de la nouvelle Inqusition ou de l'Inquisition politique d'Espagne, institution qui offre avec l'Inquisition ecclésiastique cette difference radicale que ses fonction-

ПЫТКА ВОДОЮ.

Suya e[illegible] la [illegible]uere. — (Его вина, если онъ умретъ).

они, есть дѣло рукъ Государства, а не Церкви. Фердинандъ и Изабелла ввели ее противъ воли Сикста IV; она имѣла въ виду чисто-политическія, а не церковныя цѣли; она обогащала не папскую, а королевскую казну. Съ помощью Инквизиціи, не щадившей и самыхъ знатныхъ грандовъ, восторжествовалъ королевскій абсолютизмъ, конечная цѣль Католической четы; инквизиторы были простымъ орудіемъ королевскаго абсолютизма, и за пролитую кровь несетъ предъ исторіей отвѣтственность не католическая Церковь, а Государство,— боровшійся съ средневѣковьемъ духъ Новаго времени, абсолютизмъ, стремившійся освободиться отъ путъ феодализма и папства, отъ чрезмѣрныхъ привилегій дворянства и духовенства.

Во всѣхъ этихъ утвержденіяхъ много преувеличеній.

Фактически абсолютизмъ восторжествовалъ въ Испаніи до и помимо Инквизиціи.

Важнѣйшія реформы въ судебно-административномъ вѣдомствѣ въ Кастиліи были сдѣланы Изабеллой совершенно независимо отъ переговоровъ съ Римской Куріей; королевская «аудіенція», высшее судебное учрежденіе Кастиліи, отчасти напоминавшее французскій парламентъ, получила свой окончательный характеръ до торжества Инквизиціи и ни въ какомъ отношеніи не находилась къ послѣдней. Фердинандъ Католикъ, безъ всякой помощи со стороны Инквизиціи, уничтожилъ крѣпостное право въ Каталоніи и объявилъ ременсовъ (payeses de remensa) лично свободными, удержавъ за ними право на земельные участки по уплатѣ выкупа въ размѣрѣ трехъ солидовъ ежегодной ренты, съ отмѣной уголовной юрисдикціи сеньеровъ и съ подчиненіемъ крестьянъ непосредственно королевской власти. Тотъ же Фердинандъ нанесъ сильнѣйшій ударъ анархіи и феодализму, когда самъ сдѣлался гросмейстеромъ духовно-рыцарскихъ орденовъ Сантъ-Яго, Калатравы и Алкантары,—опять-таки безъ всякаго отношенія къ учрежденію Инквизиціи. Наконецъ, святая германдада, главнѣйшій оплотъ королевскаго абсолютизма, стала дѣйствовать до введенія Инквизиціи и успѣла во многихъ государствахъ возстановить полное спокойствіе, когда севильскій трибуналъ едва сталъ функціонировать. Этой независимостью королевскаго абсолютизма отъ Инквизиціи, отсутствіемъ тѣсной связи между этими явленіями объясняется, почему въ бунтахъ первой четверти XVI столѣтія, вызывавшихся раздраженіемъ какъ дворянъ, такъ и жителей городовъ противъ королевскаго абсолютизма, не замѣчается ни недовольства Инквизиціей, ни усиленія ея въ отвѣтъ на ихъ возстанія. Такъ, когда графъ Гиронъ въ сотрудничествѣ со многими другими грандами и епископомъ Саморы поднялъ знамя возстанія противъ Хименеса, послѣдній объявилъ противниками королевской власти всѣхъ повстанцевъ, приговорилъ ихъ къ смертной казни, разрушилъ ихъ главную крѣпость Вильядефрадесъ, усилилъ постоянный составъ королевской арміи и угрожалъ самыми жестокими репрессіями за всякую измѣну, но ни въ какой мѣрѣ не прибѣгалъ къ помощи Инквизиціи, хотя Хименесу такая воз-

---

naires... reçoivent du roi leurs nomination et leur attributions (стр. 219 и 220)... les papes ont toujours montré peu de faveur pour ce tribunal et à toutes les époques ils ont essayé de limiter son action (стр. 244). Первымъ, высказавшимся за государственный характеръ Испанской Инквизиціи, былъ геттингенскій профессоръ исторіи Церкви, Л. Т. Шпиттлеръ (1752—1810), который въ своемъ «Entwurf der Geschichte der spanischen Inquisition» писалъ: «die spanische Inquisition ist bloss ein königliches Gericht». Такого же взгляда на Испанскую Инквизицію придерживался и де Местръ, который въ своихъ «Lettres à un Gentilhomme russe sur l'Inquisition Espagnole» писалъ: «L'Inquisition fut, dans son principe, une institution demandée et établie par les rois d'Espagne... Le Tribunal de l'Inquisition est purement royal» (стр. 9 и 11). И дальше: «il est tout entier en la main du roi, et jamais il ne peut nuire que par la faute des ministres du prince». Изъ крупныхъ протестантскихъ историковъ на этой точкѣ зрѣнія стоялъ Леопольдъ Ранке. См. его «Die Osmanen und die spanische Monarchie», 4-е изд., 1877, стр. 195 и слѣд.; см. также статью Михаэля въ «Zeitschrift für katholische Theologie» (Bd. XV, 1891) подъ названіемъ «Ranke über die spanische Inquisition». Ли называетъ еще въ числѣ сторонниковъ этого мнѣнія Hergenröther'а, автора «Die katholische Kirche und der christliche Staat», а Гефеле ссылается на Гизо и Генриха Лео.

можность представлялась легче, чѣму кому-нибудь другому. Съ другой стороны, въ жалобахъ Гирона и его сторонниковъ не было ни малѣйшаго намека на Инквизицію. Точно также обстояло дѣло и во время возстанія кастильскихъ городовъ въ 1520 г. Въ представленныхъ ими петиціяхъ говорилось о томъ, чтобы король не раздавалъ иностранцамъ никакихъ должностей въ Кастиліи, чтобы престолонаслѣдіе совершалось только по мужской линіи съ исключеніемъ отъ права наслѣдованія короны лицъ, рожденныхъ внѣ Кастиліи, чтобы въ парламентскомъ представительствѣ принимали участіе всѣ три сословія, чтобы депутаты не пользовались никакими милостями и вознагражденіями со стороны королевской власти, и, наконецъ, чтобы кортесы созывались каждые три года и не распускались раньше полученія депутатами королевскаго отвѣта на свои петиціи. Объ Инквизиціи же ни въ одной петиціи ничего не упоминалось. Она не участвовала также и въ кровавомъ подавленіи возставшихъ коммуверовъ, хотя Карлъ V и обратился къ папѣ Льву X за спеціальнымъ бреве, предоставлявшимъ кардиналу Адріану право наказывать тѣхъ лицъ духовнаго званія, которыя принимали участіе въ направленномъ противъ него движеніи. Словомъ, торжество абсолютизма въ Испаніи было обезпечено независимо отъ введенія и усиленія Инквизиціи; послѣдняя могла имѣть развѣ лишь косвенное вліяніе на побѣду принципа абсолютной монархіи.

Не останавливаясь предъ преслѣдованіемъ даже самыхъ знатныхъ грандовъ, складываясь по примѣру другихъ органовъ управленія въ строго централизованную организацію, получая для своихъ дѣятелей содержаніе изъ королевской казны и составляя какъ бы часть высшаго совѣта въ государствѣ, Инквизиція неизбѣжно вызывала кругомъ представленіе о могуществѣ монархической власти, являясь по существу, однако, не столько орудіемъ для ея развитія, сколько ея выраженіемъ, частичнымъ ея проявленіемъ. Но не слѣдуетъ забывать—и это особенно важно имѣть въ виду, когда поднимается вопросъ о томъ, представляла ли собою Испанская Инквизиція государственное или церковное учрежденіе, — что широкое развитіе Инквизиціи какъ органа, безпощадно и безжалостно вырывающаго съ корнемъ всякую ересь, сдѣлалось возможнымъ въ Испаніи лишь благодаря долгой, упорной и безпрестанной пропагандѣ католической Церковью идей фанатизма и религіозной ненависти. Церковь въ теченіе ряда долгихъ лѣтъ подготовляла почву для роста этого — вначалѣ совершенно чуждаго Испаніи — растенія, и когда оно пышно разрослось и дало столь обильные плоды, которые на цѣлыя столѣтія отравили умственную, матеріальную и нравственную жизнь испанскаго народа, католическіе историки позднѣйшаго времени, подъ давленіемъ возмущенной совѣсти человѣчества, заявляютъ, что историческая отвѣтственность за преступную дѣятельность Инквизиціи ни въ какомъ случаѣ не можетъ падать на Церковь, а ее цѣликомъ должна взять на себя свѣтская власть,—мало того, весь испанскій народъ, по природѣ своей будто крайне фанатичный и невѣротерпимый. Но вѣдь тотъ же испанскій народъ въ теченіе всей эпохи Реконкисты отличался совершенно иными чертами характера, имѣлъ совершенно иную «природу», и ею, разумѣется, нельзя объяснять происхожденія Инквизиціи. Послѣдняя не явилась слѣдствіемъ характера испанскаго народа, а скорѣе была одной изъ причинъ, формировавшихъ въ опредѣленномъ направленіи—въ направленіи фанатизма и религіозной нетерпимости—испанскій характеръ.

Безконечныя религіозныя процессіи и публичныя ауто-да-фе, самыя энергичныя преслѣдованія еретиковъ и неустанная дѣятельность проповѣдниковъ и инквизиторовъ пріучили испанцевъ смотрѣть съ ужасомъ на всякое отступленіе отъ буквы католическаго катехизиса и превратили этотъ народъ, всегда относившійся въ виду своихъ частыхъ столкновеній съ арабами и евреями съ большой вѣротерпимостью къ иновѣрцамъ, въ фанатическій, въ самый невѣротерпимый. Насколько внѣшнія причины, говоритъ Ли, могутъ измѣнить человѣческій характеръ въ плохую или хорошую сторону, лучше всего можетъ быть доказано на

превращеніи испанцевъ изъ самаго вѣротерпимаго въ самый фанатическій народъ въ Европѣ. Апологеты Инквизиціи обычно объясняютъ религіозную политику Испаніи врожденной ненавистью этого народа къ евреямъ, маврамъ и еретикамъ. Эта врожденная ненависть является будто ключемъ ко всей испанской исторіи съ XV вплоть до XIX вѣка; эта специфическая испанская черта—cosa de Espana—представляетъ собою нѣчто такое, что должно приниматься какъ первичный фактъ, не нуждающійся въ разъясненіяхъ, не подлежащій дальнѣйшему анализу; изъ него слѣдуетъ исходить, какъ изъ непреложной истины, аксіомы, простой и само собой понятной. Въ дѣйствительности же, задача историческаго изслѣдователя состоитъ именно въ разъясненіи того, какимъ образомъ испанцы съ конца XV вѣка сдѣлались тѣми религіозными фанатиками, какими ихъ знаетъ позднѣйшая исторія Пиренейскаго полуострова [1]).

Папа Сикстъ IV не ограничился своимъ протестомъ отъ 29 января 1482 г. противъ дѣйствій севильскаго трибунала, находившагося подъ вліяніемъ королевской власти; онъ продолжалъ оказывать сопротивленіе Фердинанду и Изабеллѣ и мѣшалъ имъ на дѣлѣ осуществлять указанія буллы 1478 г.; Сикстъ считалъ, что высшій контроль надъ Инквизиціей принадлежитъ Римской Куріи.

18 апрѣля 1482 г. папа снова выступилъ съ рѣзкой буллой противъ Инквизиціи; на этотъ разъ онъ имѣлъ въ виду дѣйствія ея въ Арагоніи. Папа заявляетъ, что инціатива изданія буллы принадлежитъ ему самому, и что никто не подавалъ ему мысли объ этомъ,—булла поэтому можетъ быть вполнѣ названа Motu proprio, какъ дѣлаетъ это самъ папа, прибавляя еще: non ad alicujus nobis oblatae petitionis instantiam, sed de nostra mera deliberatione et ex certá nostra scientia, auctoritate apostolica, praesentium tenore statuimus (не по чьей-либо просьбѣ и настоянію, а по нашему собственному рѣшенію и разумѣнію, апостолическому авторитету, постановили мы настоящее).

Прежде всего, папа жалуется, что съ нѣкотораго времени (ab aliquo tempore) арагонскіе инквизиторы руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ обвиняемымъ не религіознымъ усердіемъ, а жадностью къ деньгамъ (non zelo fidei et salutis animarum, sed lucri cupiditate); очень много вѣрныхъ и истинныхъ христіанъ, на основаніи показаній противъ нихъ рабовъ, враговъ, соперниковъ и вообще недостойныхъ людей и совершенно негодныхъ въ свидѣтели лицъ, безъ всякихъ законныхъ доказательствъ, бросаются въ тюрьмы, подвергаются пыткамъ и объявляются еретиками и даже упорствующими въ своей ереси (haeretici etiam et relapsi declarantur), при чемъ у нихъ конфискуютъ имущество и богатство, а сами они передаются въ руки свѣтской власти для того, чтобы надъ ними была совершена смертная казнь (bonis et beneficiis spoliantur et traduntur curiae saeculari et per illam ultimo supplicio officiuntur), что вызываетъ негодованіе и возмущеніе со стороны очень многихъ людей. Во избѣжаніе подобнаго рода дѣйствій Инквизиціи и для предотвращенія возможности несправедливаго и незаконнаго преслѣдованія, Сикстъ IV настаиваетъ, чтобы впредь въ инквизиціонномъ трибуналѣ засѣдали также епископскіе викаріи или вообще представители епископа, и чтобы сообща съ ними разсматривались дѣла, и судились іудействующіе и другіе еретики; кромѣ того, необходимо было, чтобы отнынѣ имена доносителей и обвинителей, равно какъ и содержаніе ихъ обвиненій и свидѣтельскія показанія, становились извѣстны обвиняемымъ, и чтобы послѣднимъ дана была возможность свободно защищаться въ рамкахъ закона, имѣть адвокатовъ и совѣтниковъ, освѣдомленныхъ о ходѣ всего процесса, о свидѣтельскихъ показаніяхъ и о пунктахъ обвиненія и могущихъ путемъ противопоставленія однихъ данныхъ другимъ оказать необходимую помощь обвиняемымъ.

[1]) Lea, «History», I, 35.

Арестованные должны содержаться лишь въ епископскихъ тюрьмахъ, и на всякое тяжелое постановленіе суда можетъ быть сдѣлана апелляція Римской куріи, которая разсмотритъ рѣшеніе суда и выскажетъ свое отношеніе къ нему; до отвѣта же куріи приведеніе въ исполненіе даннаго постановленія должно быть отсрочено подъ страхомъ отлученія отъ Церкви. Наконецъ, всякій чувствующій себя виновнымъ въ ереси можетъ путемъ исповѣданія предъ инквизиторомъ или епископскимъ служителемъ очистить себя отъ вины какъ предъ совѣстью, такъ и предъ судомъ, при чемъ инквизиторъ или епископскій служитель долженъ немедленно его выслушать, освободить его отъ вины, не подвергая его никакимъ публичнымъ покаяніямъ, ограничиваясь однимъ лишь тайнымъ его покаяніемъ; въ удостовѣреніе очищенія всякихъ грѣховъ кающемуся выдается особое свидѣтельство, которое должно дѣлать невозможнымъ новое преслѣдованіе за грѣхи, совершенные до времени выдачи свидѣтельства, при чемъ въ послѣднемъ не должно быть указано, какимъ путемъ было достигнуто виновнымъ его очищеніе отъ грѣховъ. Всякое нарушеніе этого постановленія наказывалось отлученіемъ отъ Церкви. Булла эта должна была читаться во всѣхъ церквахъ, и все, что находилось въ противорѣчіи съ нею, отнынѣ считалось недѣйствительнымъ; не было сдѣлано исключенія даже для папскихъ буллъ [1]).

Папское рѣшеніе было тѣмъ болѣе странно, что по существу все прошлое католической Церкви находилось въ рѣзкомъ противорѣчіи съ буллой 18 апрѣля. Вѣдь до этого времени, начиная съ XIII вѣка, Инквизиція постоянно считала достаточнымъ для осужденія еретика наличность такъ называемаго доказательства, т.-е. доноса, не провѣреннаго и обыкновенно очень мало обоснованнаго, — и вся дальнѣйшая процедура инквизиціоннаго трибунала, съ момента привлеченія къ отвѣтственности еретика, заключалась въ томъ, чтобы исторгнуть у обвиняемаго признаніе вины, при чемъ средствами часто служили, одновременно съ пыткой, лишеніе еретика законной защиты, сокрытіе отъ него имени обвинителя и ограниченіе ссылаться на свидѣтелей, могущихъ говорить въ его пользу; съ давнихъ поръ было также установлено, что сознаніе вины и покаяніе освобождаютъ только совѣсть, но не спасаютъ отъ суда. Этимъ пріемамъ Инквизиціи булла 18 апрѣля, казалось, хотѣла положить конецъ. Въ исторіи преслѣдованія ереси должна была съ 1482 г. начаться новая эра, эра справедливости и права, когда инквизиціонные трибуналы функціонируютъ публично и открыто, когда въ нихъ обезпечиваются, въ рамкахъ обычнаго закона, права обвиняемаго, и когда имѣется гарантія правильнаго и справедливаго суда, находящагося подъ контролемъ высшей папской власти, всегда готовой разсмотрѣть апелляціонныя жалобы на постановленіе инквизиціоннаго трибунала. Если бы эта булла получила дѣйствительное осуществленіе, если бы папа Сикстъ IV, публикуя ее, искренно хотѣлъ улучшить судопроизводство Инквизиціи и внести въ него лучъ свѣта и гласности, то дальнѣйшая исторія Испаніи носила бы совершенно иной характеръ и была бы свободна отъ тѣхъ ужасовъ, какіе наполняютъ ея страницы и дѣлаютъ ее печальнымъ примѣромъ того, насколько религіозныя преслѣдованія гибельно отражаются на всѣхъ сторонахъ жизни народа и государства. Разумѣется, одного желанія Сикста пріостановить уже начавшійся въ опредѣленномъ направленіи ходъ инквизиціонной машины было недостаточно: одновременно съ такимъ желаніемъ у него должна была быть и твердая рѣшимость бороться за осуществленіе буллы 18 апрѣля, такъ какъ католическая Церковь слишкомъ свыклась съ инквизиціонными методами искорененія ереси, чтобы легко отъ нихъ отказаться въ пользу обычнаго судопроизводства.

Однако, до конфликта между папой и приверженцами Инквизиціи дѣло не дошло. Сикстъ IV и не думалъ серьезно реорганизовать инквизиціонные трибуналы и замѣнить новыми судами старые, вызывавшіе, по его же словамъ, безконечныя жалобы со

[1]) Текстъ буллы 18 апрѣля 1482 г. помѣщенъ у Ли, «History», I, Documents, X, 587—590.

стороны даже вѣрныхъ и искреннихъ христіанъ; для него булла 18 апрѣля была лишь тактическимъ пріемомъ, съ помощью котораго можно было вырвать изъ рукъ Фердинанда столь выгодное въ финансовомъ отношеніи дѣло—не для того, чтобы его улучшить и реформировать, а для того, чтобы использовать его въ собственныхъ интересахъ и стать его господиномъ. Между папой и королемъ возникла борьба не во имя гуманности и справедливости, а во имя выгоды и силы; обѣ стороны прибѣгали почти къ однимъ и тѣмъ же пріемамъ, и совершенно несправедливо многіе католическіе историки Испаніи, на основаніи буллы 18 апрѣля 1482 года, доказываютъ несочувствіе дѣйствіямъ Инквизиціи Сикста IV,—того самаго Сикста, который, одновременно съ осужденіемъ Инквизиціи въ Арагоніи, одобрялъ ее въ Кастиліи, такъ какъ послѣ севильскаго трибунала онъ далъ разрѣшеніе ввести такой же трибуналъ въ Кордовѣ, Хаэнѣ и Сіудадъ-Реалѣ.

Первое распоряженіе Сикста не столько въ духѣ буллы 18 апрѣля, сколько въ смыслѣ проявленія желанія захватить въ свои руки право назначенія инквизиторовъ и контроль надъ ихъ дѣйствіями, относится къ тому же мѣсяцу апрѣлю, когда папа приказалъ доминиканскому генералу Сальво Касетѣ лишить монаха Гаспара Хугляра права назначать инквизиторовъ по указанію Фердинанда. Въ отвѣтъ на это распоряженіе разгнѣванный король отправилъ 26 апрѣля 1482 г. письмо на имя доминиканскаго генерала, угрожая всему доминиканскому ордену послѣдствіями королевскаго гнѣва; по его словамъ, назначенные съ его согласія инквизиторами Гуальбесъ и Ортсъ исполняютъ добросовѣстно и честно свои обязанности, а монахъ Франсиско Виталь, поставленный доминиканскимъ генераломъ, бралъ взятки и былъ за это изгнанъ изъ предѣловъ Каталоніи. Это даетъ королю основаніе и впредь зорко слѣдить, чтобы назначенія на инквизиторскія должности не происходили помимо него; король заявляетъ далѣе, что народъ и безъ того недоволенъ дѣйствіями инквизиторовъ, и если на сторонѣ послѣднихъ не будетъ королевскаго сочувствія, то они ничего не въ состояніи будутъ сдѣлать. Вотъ почему Фердинандъ не можетъ согласиться на смѣщеніе Гуальбеса и Ортса, павшихъ жертвами папской немилости вслѣдствіе интригъ новохристіанъ, желающихъ замѣнить ихъ лицами, болѣе доступными ихъ вліянію и менѣе суровыми и справедливыми. Онъ, король, и не хочетъ допустить, чтобы папа Сикстъ IV могъ что-либо сдѣлать противъ велѣній совѣсти, но если онъ, подавшись, несомнѣнно, чарамъ хитрыхъ марановъ, переступилъ границы закона, то король считаетъ своимъ долгомъ препятствовать осуществленію подобной буллы. Все, что дано, должно быть немедленно взято обратно; управленіе Инквизиціей всецѣло должно находиться въ рукахъ короля, ему принадлежитъ исключительное право назначенія инквизиторовъ и т. д. Черезъ нѣсколько дней (13 мая) Фердинандъ обратился къ папѣ съ письмомъ, въ которомъ онъ просилъ Сикста IV оставить за монахомъ Гаспаромъ Хугляромъ старое право назначать, по указанію короля, инквизиторовъ или предоставить другому доминиканцу то же право, такъ какъ онъ, король, не можетъ позволить, чтобы въ его владѣніяхъ кто-либо могъ занимать должность помимо его воли [1]).

Въ теченіе пяти мѣсяцевъ папа оставлялъ этотъ вызовъ Фердинанда безъ отвѣта, а король, между тѣмъ, фактически осуществлялъ свою волю: въ Валенсіи былъ назначенъ инквизиціонный совѣтъ, который вскорѣ вступилъ даже въ конфликтъ съ королемъ. Фердинандъ требовалъ, чтобы при арестѣ заподозрѣннаго въ ереси немедленно было секвестровано его имущество до тѣхъ поръ, пока не будетъ вынесено рѣшеніе суда. Ссылаясь на фуэро королей Якова и Альфонса, совѣтъ указывалъ на нарушеніе старинныхъ вольностей при такомъ образѣ дѣйствій и просилъ короля не заставлять его идти противъ обычаевъ страны. Въ отвѣтъ на это 11 сентября 1482 г. Фердинандъ написалъ

---

[1]) Письмо Фердинанда приведено у Ли, «History», I, 590—592; оно находится въ Archivo General de la Corona de Aragon въ Барселонѣ (Reg. 3684, fol. 7).

совѣту, что онъ не намѣренъ терять что-либо изъ того, что принадлежитъ ему, и настаиваетъ на точномъ исполненіи своихъ распоряженій, заявивъ, что новообращенные могутъ, согласно даннымъ ранѣе инструкціямъ, вносить извѣстную сумму денегъ взамѣнъ конфискованнаго у еретиковъ недвижимаго имущества. Энергичная дѣятельность Фердинанда вывела, наконецъ, папу изъ состоянія бездѣйствія, и Сикстъ 9 октября 1482 г. опубликовалъ бреве, свидѣтельствовавшее, что онъ готовъ вступить въ переговоры съ королемъ относительно выработки modus'a vivendi для арагонской Инквизиціи. Въ бреве сказано было, что новыя правила для Инквизиціи, изданныя 18 апрѣля, были выработаны сообща съ кардиналами, теперь отсутствующими изъ Рима въ виду разразившейся въ немъ чумной эпидеміи; какъ только они вернутся въ Римъ, будетъ всесторонне обсуждаться вопросъ о возможныхъ измѣненіяхъ, поправкахъ и перемѣнахъ въ буллѣ (et simile concilio corrigatur, immutetur vel modificetur). Пока же проведеніе въ жизнь новыхъ правилъ, поскольку они противорѣчатъ обычному праву и отступаютъ отъ него, отсрочивается для того, чтобы столь святое и необходимое дѣло не задерживалось ни подъ какимъ предлогомъ (Interim vero ne ullo praetextu ipsarum literarum tam sanctum et necessarium opus retardetur, praefatas litteras et omnia in eis contenta, quatenus juri communi contraria et ab eo aliena existant, suspendimus). Что разумѣлъ папа подъ «обычнымъ правомъ», опредѣленно сказать тѣмъ болѣе затруднительно, что самъ Сикстъ не зналъ еще, до какихъ предѣловъ дойдетъ его уступчивость, и, отказываясь отъ своихъ смѣлыхъ плановъ, высказанныхъ въ буллѣ отъ 18 апрѣля 1482 г., онъ умышленно употребилъ выраженіе «обычное право», которое могло быть истолковано какъ въ смыслѣ установленнаго буллою 1 ноября 1478 г. порядка Инквизиціи въ Кастиліи, такъ и въ смыслѣ существовавшаго въ Средніе вѣка почти во всѣхъ государствахъ Европы инквизиціоннаго права. Какъ бы то ни было, отнынѣ примиреніе между папой и Фердинандомъ сдѣлалось возможнымъ, и начались переговоры, касавшіеся, главнымъ образомъ, по мѣткому выраженію Ли, вопроса о томъ, какъ дѣлить между собою добычу, долженствовавшую въ виду большого богатства новообращенныхъ быть очень обильной [1]). Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ документовъ о ходѣ этихъ переговоровъ, которые могли бы яркимъ свѣтомъ освѣтить личность Сикста, игравшаго столь лицемѣрную и, въ концѣ концовъ, для него же столь печальную роль. Извѣстно лишь, что они тянулись цѣлыхъ двѣнадцать мѣсяцевъ и закончились блестящей побѣдой Фердинанда. Король получилъ не только право назначенія по собственному усмотрѣнію главнаго доминиканца, въ свою очередь, назначавшаго инквизиторовъ, но и ближайшій контроль надъ Инквизиціей и право конфискаціи имущества еретиковъ,—словомъ, все, что было папою предоставлено въ 1478 г. кастильскому королевству. 17 октября 1483 г. папская булла санкціонировала торжество Фердинанда, и папа заявилъ, что предоставленіемъ королевской власти указанныхъ правъ онъ честно исполнилъ свои обязанности въ качествѣ главы Римской Церкви. Характерно, что Сикстъ въ своей буллѣ 1483 г. не поддержалъ даже доминиканскаго ордена, которымъ онъ и всѣ его предшественники такъ дорожили въ дѣлѣ искорененія ереси и инквизиціоннаго преслѣдованія еретиковъ: отнынѣ отъ мѣстныхъ инквизиторовъ не требовалось вовсе, чтобы они были членами доминиканскаго ордена; достаточно было, если они имѣли званіе магистровъ теологіи.

До завершенія переговоровъ съ Фердинандомъ относительно арагонской Инквизиціи папа пытался также захватить все больше и больше власти и надъ кастильской Инквизиціей. Мы говорили уже, что буллою 29 января 1482 г. онъ отказывался отъ того, что самъ же предоставилъ коронѣ послѣ долгихъ переговоровъ буллою 1 ноября

[1]) Lea, «History», I, 236.

1478 года. 11 февраля 1482 г. Сикстъ IV назначилъ не черезъ посредство королевской власти, а отъ собственнаго имени новыхъ семь инквизиторовъ для Кастиліи, которые должны были немедленно вступить въ исполненіе своихъ обязанностей сообща съ епископскими представителями. Это было нарушеніемъ папскаго слова, санкціонированнаго въ 1478 г., и Изабелла, видя, насколько трудно бороться ей съ отдѣльными папскими бреве, противорѣчившими одно другому, обратилась къ Сиксту съ просьбой установить однообразный порядокъ для всей кастильской Инквизиціи. Общее правило, надѣялась она, не могло явиться нарушеніемъ буллы, и этимъ путемъ могъ быть, по ея мнѣнію, положенъ конецъ отдѣльнымъ бреве съ явнымъ уклоненіемъ отъ папскаго рѣшенія 1 ноября 1478 г. Въ своей просьбѣ королева особенно настаивала на томъ, чтобы не могло быть никакихъ апелляцій въ Римъ на рѣшенія испанскихъ инквизиціонныхъ трибуналовъ; она горько жаловалась на то, что ее подозрѣваютъ въ корыстныхъ цѣляхъ и считаютъ причиною введенія ею Инквизиціи желаніе воспользоваться деньгами и имуществами еретиковъ; въ дѣйствительности, заявляла она, ею руководитъ лишь чувство долга, необходимость искорененія вредной ереси.

Когда Сикстъ получилъ эту королевскую просьбу, его положеніе было затруднительно, такъ какъ, терпя неудачу съ введеніемъ Инквизиціи въ Сициліи, гдѣ власти всячески ей сопротивлялись, онъ не могъ одновременно отстаивать въ двухъ мѣстахъ, противъ воли свѣтской власти, свою самостоятельность, и онъ рѣшилъ идти на уступки. 23 февраля 1483 г. папа отвѣтилъ Изабеллѣ на ея просьбу. Онъ хвалилъ ея религіозное усердіе, успокаивалъ насчетъ упрековъ въ корыстолюбіи и желаніи воспользоваться конфискованнымъ имуществомъ еретиковъ и говорилъ, что онъ былъ бы готовъ удовлетворить ея просьбу, если бы кардиналы и мудрые люди, ведущіе эти дѣла, не находили непреодолимыхъ препятствій. Въ заключеніе папа побуждалъ Изабеллу идти по пути искорененія ереси, вездѣ поддерживать Инквизицію и слѣдить за выполненіемъ папскихъ буллъ и въ Сициліи.

Характерно, что въ этомъ письмѣ папа заявлялъ, вопреки утвержденію многихъ современныхъ католическихъ историковъ, что онъ горячо сочувствуетъ введенію Инквизиціи въ Кастиліи—въ предположеніи, разумѣется, если онъ сумѣетъ пользоваться и плодами ея дѣятельности. Вскорѣ папа Сикстъ представилъ просьбу Изабеллы на разсмотрѣніе близкихъ ему лицъ, среди которыхъ находился, между прочимъ, кардиналъ Родриго Борджіа, будущій папа Александръ VI. На этомъ совѣщаніи было рѣшено назначить апелляціоннаго судью для всѣхъ инквизиціонныхъ дѣлъ въ Испаніи; на рѣшенія этого судьи нельзя было, по плану участниковъ совѣщанія, приносить жалобы въ Римъ; кромѣ того, рѣшено было слѣдить за тѣмъ, чтобы среди инквизиціонныхъ судей и другихъ чиновъ святого трибунала не было епископовъ и генеральныхъ викаріевъ, происходящихъ по отцовской либо по материнской линіи отъ евреевъ. Въ отправленномъ послѣ этого папою бреве 25 мая 1483 г. говорилось, что въ качествѣ апелляціоннаго судьи для всей Испаніи назначается севильскій архіепископъ Иньиго Манрике, что приняты мѣры къ тому, чтобы болѣе не было никакихъ жалобъ на дѣйствія Инквизиціи, и что необходимо рѣшительно и энергично идти по пути истребленія враговъ Церкви, за что Господь благословитъ всѣ начинанія царственной Католической четы и дастъ имъ возможность прочно и навѣки водрузить христіанское знамя на развалинахъ исламскаго государства.

Назначеніе Манрике апелляціоннымъ судьею было большою уступкою со стороны Римской Куріи, получавшей обычно значительный доходъ отъ апеллянтовъ, и Изабелла должна была считать свое дѣло выиграннымъ, такъ какъ невозможность апеллировать въ Римъ укрѣпляла «испанскій», «національный» характеръ Инквизиціи. Но уступка папы на самомъ дѣлѣ была лицемѣрной: по обыкновенію, Сикстъ IV и не думалъ исполнять того, что торжественно обѣщалъ, и въ буллѣ Motu proprio

ad perpetuam rei memoriam отъ 2 августа 1483 г. снова говорится о несправедливыхъ дѣйствіяхъ кастильской Инквизиціи, извѣстныхъ папѣ изъ многочисленныхъ жалобъ и апелляцій, полученныхъ и послѣ 25 мая 1483 г., т.-е. уже послѣ назначенія Манрике инквизиціоннымъ апелляціоннымъ судьей. Чтобы оправдать себя за нарушеніе майской буллы, папа заявляетъ, что апеллировавшіе на постановленія инквизиціоннаго трибунала часто боялись гнѣва Манрике и потому обращались въ Римъ; по отношенію къ нимъ постановленія кастильской Инквизиціи должны считаться недѣйствительными, и папа приказалъ севильскому архіепископу, а также другимъ испанскимъ прелатамъ допустить виновныхъ къ частному примиренію съ Церковью (послѣ наложенія на нихъ тайной епитиміи), хотя бы они были уже приговорены къ сожженію, и приговоръ этотъ былъ бы уже приведенъ въ исполненіе in effigie. Въ заключеніе папа распространяется на тему о томъ, что богоугоднымъ дѣломъ является не чрезмѣрная строгость по отношенію къ виновнымъ, а снисходительность, мягкость и состраданіе; онъ выражаетъ поэтому пожеланіе, чтобы Изабелла и Фердинандъ не преслѣдовали тѣхъ, которые каятся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, и позволяли имъ оставаться въ Севильѣ или другихъ мѣстахъ Испаніи и пользоваться всѣми правами, какъ-будто они никогда и не впадали въ грѣхъ Божій. Булла эта, естественно, вызвала недовольство Католическихъ королей, и 13 августа того же года Сикстъ въ посланіи къ Фердинанду объясняетъ отправленіе буллы 2 августа какой опрометчивостью и соглашается признать ее недѣйствительной. Эта уступчивость папы была результатомъ тѣхъ долгихъ переговоровъ, которые велись съ октября 1482 г. между Римской Куріей и арагонскимъ королемъ и, какъ мы знаемъ, закончились торжествомъ послѣдняго. Какъ Фердинандъ, такъ и Изабелла вышли побѣдителями изъ конфликта съ папой, не желавшимъ выпускать изъ своихъ рукъ такого выгоднаго дѣла, какимъ, не безъ основанія, казалась ему Испанская Инквизиція; въ концѣ концовъ, въ силу упорнаго стремленія Католическихъ королей къ самостоятельности, папа вынужденъ былъ сдаться и пойти на столь существенныя уступки, которыя придали Новой Инквизиціи, въ сравненіи съ Средневѣковой, своеобразный характеръ, выражавшійся въ томъ, что какъ финансовыя выгоды, такъ и контроль надъ дѣятельностью инквизиціоннаго трибунала сосредоточились почти исключительно въ рукахъ короля, а не папы.

Фердинандъ и Изабелла хорошо использовали свою побѣду и въ томъ же 1483 г., еще до окончательнаго соглашенія Куріи съ Арагоніей, приступили съ согласія Сикста къ организаціи Инквизиціи. Былъ учрежденъ Высшій генеральный совѣтъ Инквизиціи — Concejo de la Suprema y General Inquisicion, — извѣстный обыкновенно подъ именемъ Супремы — la Suprema; во главѣ этого учрежденія былъ поставленъ президентъ, который имѣлъ право самостоятельно назначать и смѣщать отдѣльныхъ инквизиторовъ; такія широкія полномочія были даны президенту въ видахъ удержанія дисциплины и строгаго повиновенія въ рядахъ инквизиторовъ, которые, въ качествѣ делегатовъ папы, державшихъ власть прямо отъ него, могли, при отсутствіи такихъ широкихъ полномочій у президента, отказываться отъ повиновенія ему, также являвшемуся лишь папскимъ делегатомъ. Президентъ Супремы получилъ названіе Генеральнаго инквизитора, — постъ, чуждый Средневѣковой Инквизиціи, не имѣвшей никакой централизаціи и всецѣло зависѣвшей отъ Римской Куріи. Генеральный инквизиторъ назначался королемъ и утверждался папою. Часто обязанности Генеральнаго инквизитора и президента Супремы исполняли два различныхъ человѣка, и такъ какъ границы власти этихъ лицъ не были установлены, то между ними постоянно происходили недоразумѣнія. Король не могъ его смѣстить, но могъ заставить его сложить полномочія. При обиліи работы, какъ, напримѣръ, при открытіи протестантскихъ общинъ въ Вальядолидѣ и Севильѣ, Главный инквизиторъ могъ имѣть также и замѣстителей. Отъ Генеральнаго инквизитора получали полномочіе судить еретиковъ другіе члены Супремы, при чемъ трудно установить, кто па-

значалъ ихъ въ члены Супремы; не ясенъ также вопросъ о томъ, имѣли ли они рѣшающій или только совѣщательный голосъ и при обсужденіи вопросовъ въ Супремѣ.

Въ составъ послѣдней входили нѣсколько духовныхъ лицъ и обыкновенно два члена государственнаго совѣта. Главная задача Супремы заключалась въ обнародованіи общихъ правилъ для руководства дѣломъ Инквизиціи. Правила эти подъ названіемъ cartas acordadas или cartas ordenes посылались отдѣльнымъ трибуналамъ; кромѣ того, Супрема заботилась о точномъ опредѣленіи сферы дѣятельности Инквизиціи и объ ограниченіи ея отъ вмѣшательства государства. Наконецъ, Супрема контролировала дѣйствія отдѣльныхъ трибуналовъ, служила посредникомъ между ними, окончательно рѣшала спорные и наиболѣе сложные процессы, завѣдывала общими финансами Инквизиціи, требовала ежегоднаго отчета о дѣятельности провинціальныхъ трибуналовъ и нерѣдко посылала для ревизіи (visitas) одного изъ своихъ членовъ въ тотъ или иной провинціальный трибуналъ. Супрема имѣла также право пріостановить уже начатый провинціальнымъ судомъ процессъ и потребовать къ себѣ все дѣлопроизводство; такъ, въ 1560 г., во время разбора дѣла доктора Константина Понте де ла Фуэнте, Супрема требовала отъ севильскаго трибунала ознакомленія его съ произведеніями виновнаго, а также извѣщенія его, обнаружилъ ли онъ наканунѣ своей смерти чувства покаянія [1]). Въ 1567 г. на представленномъ севильскимъ трибуналомъ отчетѣ о дѣлѣ Діэго Мартинѣ, получившемъ письмо отъ женевскаго лютеранина Масуэло, прочитавшемъ его и написавшемъ ему отвѣтное посланіе, Супрема сдѣлала надпись: «Здѣсь имѣется основаніе полагать, что дѣло идетъ о крупномъ еретикѣ; какъ только процессъ будетъ законченъ, онъ долженъ быть представленъ намъ сюда» [2]). Въ 1569 г. АннаВаскесъ за оскорбленный отзывъ объ исповѣди была осуждена гранадской Инквизиціей къ ауто-да-фе и ношенію санбенито до окончанія ауто; Супрема, видимо недовольная мягкостью приговора, сдѣлала надпись на представленномъ отчетѣ: «Отчего санбенито такъ скоро снято?» [3]). Англійскій капитанъ Николай Фишбокъ за лютеранство былъ приговоренъ въ Гранадѣ въ 1569 г. къ ауто-да-фе, ношенію во время его санбенито и тремъ мѣсяцамъ заключенія въ монастырѣ,—Супрема отмѣчаетъ, что слѣдовало его присудить къ галерамъ. Очень характерный документъ приводитъ въ своихъ «Beiträge zur Geschichte des spanischen Protestantismus und der Inquisition im sechzehnten Jahrhundert» (1902, Gütersloh) ростокскій приватъ-доцентъ Эрнстъ Шеферъ. Сантъягскій инквизиторъ Альба пишетъ 31 октября 1577 г. Супремѣ: «Въ прошломъ году... мнѣ пришлось судить... француза Мюнье, который прибылъ въ компаніи четырехъ лютеранъ; они переѣхали черезъ море и причинили вредъ католикамъ, увезши отнятое у нихъ имущество въ Ла Рошель. Изъ этихъ пяти лицъ двое были выданы свѣтской власти, двое примирились съ Церковью, и одинъ находится еще въ тюрьмѣ, этотъ одинъ—есть тотъ самый французъ Мюнье. Такъ какъ его ересь доказана наполовину, а пиратство его совершенно доказано, онъ приговоренъ къ abiuratio vehementi и къ тремъ годамъ галерныхъ работъ. Такъ какъ Супремѣ это наказаніе показалось слишкомъ суровымъ, то оно было смягчено, и въ то же время мнѣ было указано, чтобы я впредь въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовалъ обдуманно и справедливо, какъ это подобаетъ святому трибуналу. За таковую милость и за пользу, которую я могу извлечь изъ этихъ указаній, я цѣлую руку Вашего Превосходительства [4]).

Льоренте [5]) полагаетъ, однако, что частое, и при томъ мелочное, вмѣшательство Су-

---

[1]) Schäfer, «Beiträge zur Geschichte des spanischen Protestantismus und der Inquisition», Gütersloh. 37, 1902, II, 369.

[2]) Idem, op. cit., II, 47.

[3]) Idem, op. cit., II, 77.

[4]) Idem, op. cit., II, 77.

[5]) «Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne», III, 143 и сл.

премы въ отправленіе правосудія провинціальныхъ трибуналовъ вызывало со стороны последнихъ нерѣдко энергичный протестъ; опубликованные Шеферомъ въ значительномъ числѣ документы не подтверждаютъ этого и заставляютъ думать, что недовольство Супремой лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ выливалось въ опредѣленныя формы и принимало открытый характеръ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ случаѣ разногласія судей въ инквизиціонномъ трибуналѣ относительно вины еретика рѣшеніе вопроса всегда зависѣло отъ Супремы, самостоятельно обсуждавшей весь процессъ и выносившей окончательный приговоръ. Особенно часто обращались къ ней, когда не было единогласія въ трибуналѣ (discordia) при вынесеніи смертнаго приговора; нерѣдко, нужно отдать Супремѣ справедливость, она замѣняла смертную казнь какими-либо иными, болѣе или менѣе тяжелыми, наказаніями. Такъ, Хуанъ дель Валье, осужденный за ересь на галерныя работы на «Orcasion», написалъ въ 1577 г. письмо севильскому трибуналу, заявивъ, что онъ исповѣдуетъ лютеранскую ересь. На судѣ Валье отрицалъ свою вину, говорилъ, что онъ добрый, настоящій католикъ и письмо написалъ съ цѣлью избавиться отъ галерныхъ работъ на «Orcasion»; такъ какъ Валье считался упорствующимъ еретикомъ, то севильскій трибуналъ постановилъ выдать его въ руки свѣтской власти, т.-е. предать его смерти (relaxatio). Супрема, однако, отмѣнила этотъ приговоръ, вынесши иной: ауто-да-фе, покаяніе, 400 ударовъ и возвращеніе къ галернымъ работамъ [1]). Иногда, разумѣется, Супрема оттягчала наказаніе. Такъ, въ 1580 г. предъ толедскимъ трибуналомъ предсталъ англичанинъ Хопинъ Давидъ въ обвиненіи въ ереси; обвиненіе было основано на рядѣ доказательствъ: Давидъ говорилъ о своей готовности бороться съ «подлыми папистами», онъ хвалилъ одного своего друга протестанта за религіозныя убѣжденія, говорилъ, что можетъ опровергнуть съ помощью Библіи всякаго католика и т. д. Обвинитель требовалъ смертнаго приговора съ конфискаціей имущества. Обвиняемый отрицалъ свою вину, заявлялъ, что онъ вѣрующій католикъ и долгое время находился въ услуженіи у севильскаго іезуитскаго ордена. Послѣдній подтвердилъ слова обвиняемаго и высказалъ увѣренность въ томъ, что онъ искренній католикъ. 31 января 1581 г. Давидъ былъ подвергнутъ пыткѣ и, несмотря на жестокія и продолжительныя истязанія, продолжалъ настаивать на своей невинности. Судъ склонялся къ полному его оправданію, но 25 февраля 1581 г. Супрема постановила: ауто-да-фе, abiuratio de vehementi, годъ тюремнаго заключенія и эпитимія [2]).

Окончательнымъ утвержденіемъ и вынесеніемъ приговоровъ не завершалось вмѣшательство Супремы въ дѣла отдѣльныхъ трибуналовъ: на ея усмотрѣніе посылались еще просьбы о помилованіи со стороны примирившихся съ Церковью и покаявшихся въ грѣхахъ. Супрема могла при этомъ помиловать даже тѣхъ, которымъ провинціальный какой-либо трибуналъ уже однажды отказалъ въ милости. Супрема могла дать особую денежную премію чѣмъ-нибудь отличившемуся инквизитору. Такъ, въ 1561 г., по ея опредѣленію, получилъ 200 дукатовъ членъ севильскаго трибунала Хуанъ Фернандесъ Барбоса за то, что помогъ арестовать Себастіана Мартинеса. Между тѣмъ, найти Мартинеса было нелегко. Толедская Инквизиція представила Супремѣ 18 октября 1559 г. особый докладъ о Мартинесѣ. Дѣло въ томъ, что въ субботу 14 октября 1559 г., къ ужасу инквизиторовъ и всѣхъ благочестивыхъ людей, появилось въ пяти церквахъ Толедо пять одинаковыхъ памфлетовъ, написанныхъ рукою одного и того же человѣка. Такъ какъ всю ночь шелъ проливной дождь, то на улицахъ не было никакого надзора, и въ воскресенье утромъ, къ ужасу тѣхъ же инквизиторовъ, въ различныхъ частяхъ города появилось на воротахъ болѣе 30 надписей, содержавшихъ тѣ же богохульныя выраженія,

---

[1]) Schäfer, II, 333.
[2]) Idem, II, 176—177.

САНБЕНИТО.

Transmiten su deshonor. — (Переносятъ свой позоръ).

что и разбросанные по церквамъ памфлеты, и сдѣланныхъ тою же рукою. Памфлетъ былъ почти цѣликомъ въ стихотворной формѣ; несмотря на то, что были провѣрены почерки всѣхъ жителей Толедо, что всѣ стихотворцы были подвергнуты особымъ допросамъ и испытаніямъ, и были сдѣланы обыски въ близлежащихъ мѣстахъ, виновный памфлетистъ не былъ найденъ, и преступленіе не было искуплено.

Содержаніе памфлета было въ высшей степени еретическое, и никто не долженъ былъ читать цѣликомъ всего памфлета; при всѣхъ разслѣдованіяхъ приходилось поэтому ограничиваться показываніемъ лишь нѣсколькихъ его строкъ; судя по содержанію, говоритъ трибуналъ, авторъ его—перебѣжчикъ-монахъ [1]). Стихотворная часть памфлета состояла приблизительно изъ 500 стиховъ и свидѣтельствовала о значительномъ поэтическомъ талантѣ еретика и о его рѣзко отрицательномъ отношеніи къ Римской Церкви. Приведемъ первыя пять строфъ:

Despierta Christiano, no estes tan muerto
pues el antichristo es ya descubierto
todo hombre se avise y no este dormido
que el antichristo es ya venido.

Es gran razon que sepa el christiano
que arba los ojos y no este dormido
que el destruidor del genero humano
llamado antichristo es ya venido.

Papa se llama el hijo perdido
no viene solo el traidor malvado
gran compañia trae junta consigo
todos debajo del pontificado;

Los reyes y principes en el sumo grado
son sus amigos y grandes vasallos
por no perdonar el zorro taimado
chicos ni medianos, mas todos papallos.

En medio del templo de Dios asentado
esta como Dios rigendo y mandando
y a sus contrarios hiriendo y matando
a fuego y tormentos, el sapo hinchado.

(Проснись, христіанинъ, не будь безчувственъ, потому что антихристъ уже здѣсь. Каждый человѣкъ долженъ быть на сторожѣ, такъ какъ антихристъ уже явился.

Каждый христіанинъ долженъ обязательно знать это, открыть глаза и очнуться, такъ какъ разрушитель рода человѣческаго, по названію антихристъ, уже явился.

Погибшаго сына зовутъ папой; этотъ низкій измѣнникъ явился не одинъ, а привелъ съ собою много товарищей подъ знаменемъ папства.

Короли и князья—его преданные друзья и великіе вассалы, потому что хитрая лиса не прощаетъ ни малолѣтнимъ, ни зрѣлымъ людямъ, если они не приверженцы папства.

Возсѣдая въ храмѣ Божіемъ, онъ правитъ, какъ Богъ, раня и убивая своихъ противниковъ огнемъ и пытками, надувшаяся жаба).

Прозаическая часть предшествовала поэтической, отличаясь краткостью и чрезвычайной рѣзкостью; она гласила:

La iglesia romana y papistica es ayuntamiento de gente mala y seguidora de malas obras, de hypocritas mentirosos, engañadores, pleitistas, mohatrones, embaidores, helgazanes, cicinores,

[1]) Schäfer, op. cit., II, 107—108.

pufarrones, falsarios, traidores, juzgadores temerarios, serpentines, perseguidors, malsines, homicidos, blasfemos, renegadores, adulteros, concubinarios, de hombres mundanos, ladrones, avarientos, y finalmente son diablos encarnados, lo qual todo con otras inumerables abominaciones, que dellos se podrian dezir, es cierto y manifiesto. Luego bien se sigue y cierta coso es que la iglesia romana y papistica no es la iglesia de Jesu Christo, mas es la iglesia del diablo y del antichristo su hijo, enemigo y perseguidor de la honra de Dios y enemigo encubierto de Jesu Christo y de su sagrado evangelio y de los verdaderos cristianos ymitadores de su rei y capitan Jesu Christo. Iglesia tal es del antichristo, papa, papador y destruidor del genero humano, y tales son los antichristianos papistas iglesia suya.

(Римская и папская церковь—собраніе гадкихъ и склонныхъ ко всякому злу людей, лживыхъ лицемѣровъ, обманщиковъ, спорщиковъ, надувателей въ торговыхъ сдѣлкахъ, лгуновъ, лѣнтяевъ, поваровъ, шутовъ, фальшивомонетчиковъ, измѣнниковъ, нахаловъ, двуличныхъ людей, преслѣдователей, клеветниковъ, убійцъ, богохульниковъ, ренегатовъ, развратниковъ, кровосмѣсителей, людей тщеславныхъ, воровъ, скупыхъ людей. Однимъ словомъ, это воплощенные дьяволы, что можно достовѣрно утверждать про нихъ, точно такъ же, какъ и другія безчисленныя безобразія.

Изъ сказаннаго ясно вытекаетъ, что римская и папская церковь есть церковь не Христа, а діавола и его сына антихриста, врага и противника славы Божіей, и тайнаго врага Христа, святого Евангелія и истинныхъ христіанъ. Это церковь антихриста, папы и разрушителя рода человѣческаго, и таковы же антихристіане-паписты, приверженцы этой церкви).

Предать въ руки правосудія подобнаго рода еретика было большой заслугой, и Барбоса вполнѣ заслужилъ свои 200 дукатовъ. 26 апрѣля 1562 г. на ауто-да-фе на севильской площади Санъ-Франсиско было сожжено 9 еретиковъ живыми, одинъ мертвый in effigie, а также его кости, 15 бѣглецовъ in effigie, а множество другихъ еретиковъ раскаялось и присоединилось къ Церкви, съ произнесеніемъ либо abjuratio de vehementi, либо abjuratio de levi. Среди сожженныхъ заживо находился и Себастьянъ Мартинесъ, о которомъ сказано было, что онъ былъ духовнаго званія, родомъ изъ Алкалà де Энареса, книгопечатникъ, лишенъ званія, выданъ для relaxatio in persona въ качествѣ лютеранскаго еретика, учителя ереси и пособника еретиковъ; онъ составилъ, написалъ, напечаталъ и распространилъ большое количество еретическихъ и достойныхъ осужденія листковъ и стиховъ въ Севильѣ, Толедо и другихъ городахъ; имущество его конфисковано [1]). Участью такого еретика Супрема, естественно, должна была интересоваться, но повторяемъ: она входила и въ обсужденіе дѣлъ, касавшихся и гораздо менѣе важныхъ преступниковъ.

При такомъ постоянномъ надзорѣ Высшаго совѣта Инквизиціи надъ дѣятельностью отдѣльныхъ инквизиціонныхъ трибуналовъ и при той почти неограниченной власти, какою онъ пользовался, составъ его и въ частности личность Генеральнаго инквизитора безусловно имѣли громадное вліяніе на всю дѣятельность Инквизиціи. Великій инквизиторъ и Супрема не только давали общія руководящія директивы, но фактически проводили въ жизнь всѣ наиболѣе сложныя и принципіальныя постановленія и рѣшенія. Отъ нихъ зависѣло дать то или иное направленіе не только опредѣленному конкретному дѣлу, но и цѣлой категоріи дѣлъ, т.-е. признать еретическимъ ту или иную мысль, тотъ или иной поступокъ.

Особенно энергично проявлялся контроль Супремы въ денежныхъ дѣлахъ. Въ 1517 г. отданъ былъ приказъ генеральнымъ откупщикамъ посылать въ кассу Супремы тѣ налоги, которые до того времени поступали въ кассу отдѣльныхъ провинціальныхъ трибуналовъ. Отъ этого распоряженія севильскій трибуналъ пострадалъ на 500 тыс. мараведи, кордов-

---

[1]) Schäfer, op. cit., II, 312—316.

скій на 103 тыс. [1]). Супрема претендовала не только на эти обложенія, но и на обычные доходы трибуналовъ, получавшіеся отъ конфискаціи и штрафовъ еретиковъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что у Супремы большіе расходы, и на ея обязанности лежитъ забота о приличной оплатѣ труда всѣхъ служителей Инквизиціи. Въ 1515 г., когда Супрема Кастиліи функціонировала самостоятельно и не составляла вмѣстѣ съ арагонской одного цѣлаго, она выдавала въ годъ жалованіе въ размѣрѣ 1.090.000 мараведи, куда не входила причитавшаяся Генеральному инквизитору сумма, такъ какъ Хименесъ отказывался отъ полученія жалованія. Эти громадные расходы должны были покрываться тѣмъ или инымъ трибуналомъ, по усмотрѣнію Супремы: въ 1515 г. ихъ покрылъ севильскій трибуналъ, въ 1516 г.—толедскій, въ 1517 г.—оба названные трибунала, въ 1518 г.—валенсійскій. Такъ какъ въ теоріи всѣ денежныя поступленія принадлежали королю, то Карлъ въ 1520 г., въ виду, очевидно, протестовъ со стороны отдѣльныхъ трибуналовъ противъ требованій Супремы, отдалъ приказъ, чтобы всѣ инквизиторы Арагоніи и Кастиліи въ точности исполняли денежныя требованія Супремы и Великаго инквизитора. Обращенія послѣднихъ къ трибуналамъ зачастую носили характеръ нищенскаго выпрашиванія: какъ только какому-либо трибуналу удавалось арестовать богатаго еретика, Супрема немедленно протягивала руку за милостыней. Въ 1549 г. вальядолидскій трибуналъ выслалъ ей 2000 дукатовъ, отъ Сарагоссы въ теченіе многихъ лѣтъ требовались все новыя и новыя суммы, и Супрема готова была взять на себя всѣ расходы по содержанію трибунала, лишь бы въ ея кассу поступали и доходы его. Въ 1557 г. условлено было платить Супремѣ 400 дукатовъ въ годъ; вскорѣ она нарушила это условіе. Въ 1559 г. папа подарилъ Супремѣ изъ доходовъ испанскихъ церквей 100 тыс. дукатовъ, въ XVII вѣкѣ колоніальные трибуналы пересылали Супремѣ значительныя денежныя суммы. Часто также Супрема посылала одному трибуналу требованіе оказать матеріальную помощь другому: въ 1562 г. Вальядолидъ отправилъ Барселонѣ 100 дукатовъ; судя по всему, Барселона въ эти годы сильно нуждалась, и ей пришли на помощь Мурсія въ 1565 г. 400 тыс. мараведи, Валенсія въ 1567 г. 1500 дукатами, Льерена въ 1579 г. 500 дукатами, въ 1586 г. Севилья, Мурсія и Льерена 1500 дукатами. Когда изгнаніе морисковъ въ 1609 и 1610 гг. подорвало доходы Валенсіи, Гранада и Севилья были вынуждены дать ей по 1000 дукатовъ.

Требованія Супремы все болѣе и болѣе росли въ связи съ увеличеніемъ ея персонала и съ ростомъ оклада каждаго ея члена. Провинціальные трибуналы были этимъ недовольны, и въ 1629 г. Филиппъ IV настоялъ, чтобы ему былъ представленъ подробный отчетъ о состояніи кассы Супремы. Послѣдняя всячески уклонялась; наконецъ, она представила слѣдующія цифры: каждый членъ Супремы духовнаго званія получаетъ 500 тыс. мараведи, свѣтскаго званія—166 тыс., секретарь и главный пріемщикъ по 200 тыс. Цифры эти, какъ показываетъ опубликованный Ли документъ, были совершенно невѣрны: Генеральный инквизиторъ получалъ 1.452.920 мараведи, духовный членъ Супремы—половинный гонораръ, свѣтскій—третью часть послѣдней суммы; число лицъ, оплачиваемыхъ Супремой, было равно 36, общій гонораръ—10.043.527 мараведи, что было приблизительно въ 10 разъ больше жалованія, выдававшагося Супремой въ срединѣ XVI вѣка [2]). Отчетъ нисколько не повліялъ на денежные обороты Супремы, и въ 1635 г. ея бюджетъ равнялся 13.350.275 мараведи. Въ 1657 г. доходъ Супремы былъ равенъ 18.500.000 мараведи или 50 тыс. дукатовъ. Когда въ 1743 г. была предпринята попытка реорганизовать Супрему, то оказалось, что платныхъ служителей у нея было 40, а расходы—76 тыс. дукатовъ; доходъ же былъ равенъ 51 тыс.; не извѣстно, какъ покрывала она этотъ дефицитъ въ 25 тыс. дукатовъ.

---

[1]) Lea, «History», II, 191.
[2]) Idem, «History», II, 193.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Организація Новой Инквизиціи.

Первымъ Великимъ инквизиторомъ былъ Томасъ Торквемада.

Томасъ Торквемада родился въ 1420 г. въ небольшомъ испанскомъ городѣ Торквемадѣ, въ семьѣ, давшей выдающагося духовнаго дѣятеля, кардинала Хуана Торквемаду, впервые обратившаго на себя вниманіе на Констанцскомъ соборѣ во время осужденія Гуса. Томасъ былъ роднымъ племянникомъ Хуана, чью славу ему суждено было впослѣдствіи совершенно затмить [1]). Еще юношей, поступивши въ монастырь св. Павла въ Вальядолидѣ, Томасъ пріобрѣлъ большую извѣстность въ Кастиліи благодаря своему суровому

[1]) Въ петиціи, поданной толедскими маранами въ 1449 г. Лопе де Баріентосу, епископу Куэнки, и перечислявшей аристократическія и вліятельныя испанскія фамиліи, въ жилахъ которыхъ течетъ еврейская кровь, упоминается, между прочимъ, и имя Хуана Торквемады, кардинала Санъ-Систо. Если это такъ, то первый Великій инквизиторъ, съ именемъ котораго связано столько горькихъ для евреевъ воспоминаній, былъ еврейскаго происхожденія. Отмѣтимъ кстати, что та же петиція приводитъ среди лицъ еврейскаго происхожденія и семью Энрикесъ (Henriquez). Какъ извѣстно, одна изъ представительницъ этой семьи, Хуана Энрикесъ, была матерью Фердинанда Католика.—Lea, «History», I, 120, а также «Revista de España», т. 106.

Относительно еврейскаго происхожденія короля Фердинанда даетъ косвенное указаніе въ высшей степени интересный еврейскій документъ, написанный современникомъ эдикта объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи въ 1492 г. Въ этомъ документѣ говорится: ובשנה הרביעי' משלך המלך פירנאנדו מזרע הנזכר גרשו היהודים מאישביליא [въ 4-й годъ царствованія короля Фердинанда изъ названнаго рода евреи были изгнаны изъ Севильи]. Какой смыслъ могутъ имѣть слова מזרע הנזכר? По мнѣнію Маркса, Фердинандъ названъ здѣсь королемъ еврейскаго происхоженія (Текстъ этого документа помѣщенъ Марксомъ въ «Jewish Quarterly Review», XX; Марксъ опубликовалъ его изъ серіи еврейскихъ документовъ библіотеки еврейско-американской теологической семинаріи). Марксъ ссылается при этомъ предположеніи на Илію Капсали (1490—1555), который въ своемъ историческомъ трудѣ, отрывки изъ котораго были опубликованы въ Падуѣ въ 1869 г. подъ названіемъ «Likkutim Schonim» («De vita et Scriptis Eliae Kapsalii»), говоритъ подробно о еврейскомъ происхожденіи Фердинанда и даже начинаетъ изложеніе цѣлаго отрывка слѣдующими словами: «а теперь будемъ очень ясно излагать генеалогію арагонскаго короля, который происходилъ изъ еврейскаго рода, מזרע היהודים» (цитируемъ по «De vita et scriptis Eliae Kapsalii», имѣющемся въ Азіатскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ).

Богатый матеріалъ по вопросу о «нечистой крови» испанской знати даетъ книга «El Tizon de la nobleza española» кардинала Франсиско Мендосы-и-Бовадилья. Интересна и самая исторія происхожденія работы Мендосы. Въ 1560 г. одинъ изъ племянниковъ Мендосы, графъ Чинчонъ, долженъ былъ быть принятъ въ аристократическій военный орденъ; представители ордена стали изслѣдовать чистоту крови—limpieza—кандидата. Племянникъ кардинала увидѣлъ въ рѣшеніи ордена оскорбленіе семьи Мендосы и донесъ объ этомъ кардиналу. Послѣдній, желая показать, какъ много «нечистой крови» въ жилахъ даже наиболѣе извѣстныхъ испанскихъ грандовъ, представилъ королю Филиппу II по этому предмету особую докладную записку—memorial. Впослѣдствіи этотъ меморіалъ вышелъ подъ названіемъ «El Tizon de la nobleza española» («Загрязненность испанской знати»). Въ немъ доказывается, какъ широко развѣтвилась, охватывая лучшіе испанскіе роды, напримѣръ, семья дона Эрнандо Алонсо изъ Толедо, бывшаго мавра, принявшаго христіанство. Другая многочисленная знатная семья Пачеко ведетъ по женской линіи свое происхожденіе отъ крещенаго еврея, алмохарифа при королевѣ Уракѣ, Руи Капона. Хуанъ Пачеко имѣлъ девять дочерей, которыя вышли замужъ за графа Бенавенте, маркиза Вильфранка, графа Аранда, герцога Флоренсіа, герцога Кастровела, герцога Вивонатріана, герцога дель Инфонтадо, маркиза Монтесъ-Кларосъ и маркиза Гибралеона. Мендоса приводитъ множество такихъ примѣровъ и разбираетъ генеалогію всей испанской знати; его выводъ гласитъ, что въ Испаніи, собственно говоря, нѣтъ чистокровной знати, и что спесь послѣдней—одно лишь тщеславіе, vanitas vanitatum et omnia vanitas (пользуемся барселонскимъ изданіемъ меморіала 1880 г., вышедшимъ въ «Biblioteca de obras raras»).

образу жизни, непреклонному характеру, строгому благочестію и необыкновенному краснорѣчію. Горячій изобличитель ереси, Томасъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ клеймилъ тайныхъ и явныхъ враговъ католической вѣры и своими смѣлыми выступленіями плѣнялъ народныя массы, искавшія у него помощи и облегченія. Толпы богомольцевъ спѣшили къ юному аскету-проповѣднику, и молодой доминиканецъ, врачуя душевныя раны своей паствы, звалъ ее къ борьбѣ за вѣрность религіи, за святое дѣло искорененія язвы безбожія и ереси. Своихъ многочисленныхъ приверженцевъ Торквемада подкупалъ не только своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, искренностью убѣжденій и глубокою вѣрою въ осуществленіе своего идеала, но и своимъ скромнымъ характеромъ и удивительнымъ безкорыстіемъ, выражавшимся въ томъ, что онъ, несмотря на многочисленныя, весьма лестныя и выгодныя предложенія занять высокій постъ въ духовной іерархіи, постоянно и упорно отказывался отъ всякихъ титуловъ и почестей, предпочитая оставаться простымъ проповѣдникомъ-доминиканцемъ небольшого сравнительно монастыря въ Вальядолидѣ. Лишь въ 1459 г., т.-е. 39 лѣтъ отъ роду, Торквемада согласился, наконецъ, принять званіе пріора въ монастырѣ св. Креста въ Сеговіи, — съ этого момента собственно и началась карьера этого необыкновеннаго человѣка, такъ какъ обитель эта была излюбленнымъ мѣстомъ паломничества всей кастильской аристократіи, не исключая и королевской семьи. Въ Сеговіи Томасъ приходилъ въ столкновеніе съ различными представителями высшей знати, сумѣлъ расположить ихъ къ себѣ и вскорѣ былъ назначенъ духовникомъ инфанты Изабеллы, будущей королевы. Изабелла въ это время переживала тяжелые дни: ея братья Генрихъ и Альфонсъ должны были быть устранены для того, чтобы она могла занять кастильскій тронъ; условіемъ прочности послѣдняго являлся ея бракъ съ Фердинандомъ Арагонскимъ, а этому браку ставили рядъ препятствій политическіе недруги Изабеллы. Словомъ, послѣдняя нуждалась въ твердой опорѣ, въ опытномъ совѣтчикѣ и въ преданномъ другѣ, который больше ея самой былъ бы посвященъ въ тѣ интриги, которыя могли проложить Изабеллѣ кровавый путь къ кастильскому трону. Такимъ человѣкомъ оказался Торквемада. Задаваясь широкими планами въ дѣлѣ борьбы съ ересью, Томасъ естественно стремился заручиться поддержкой свѣтской власти, которая одна только и могла повести святое дѣло искорененія ереси въ тѣхъ грандіозныхъ размѣрахъ, о которыхъ мечталъ суровый аскетъ изъ Сеговіи. Торквемада поэтому, горячо защищая притязанія Изабеллы на королевскій тронъ, въ дѣйствительности ратовалъ за собственный свой идеалъ, съ одной стороны, привязывая къ себѣ будущую королеву, а съ другой — внушая ей идеи истинной католической правительницы, задача которой должна заключаться прежде всего въ защитѣ Божьяго дѣла. Торквемадѣ нужна была помощь Изабеллы; ему нужна была близкая его идеаламъ правительница—того и другого онъ достигъ въ полной мѣрѣ: духовникъ инфанты былъ въ царствованіе Изабеллы и Фердинанда наиболѣе вліятельнымъ и могущественнымъ совѣтчикомъ царственной четы.

При вступленіи Изабеллы на престолъ, Торквемада, казалось, попрежнему оставался чуждъ всякаго честолюбія, отказываясь отъ архіепископскаго званія и кардинальской шляпы. Это особенно выдѣляло его изъ массы жаднаго къ почестямъ и титуламъ испанскаго духовенства и создавало ему славу безкорыстно преданнаго религіи проповѣдника, тѣмъ болѣе, что въ своихъ обличеніяхъ онъ ни предъ чѣмъ не останавливался, обрушиваясь подчасъ и на самыхъ вліятельныхъ и высокопоставленныхъ представителей свѣтской и духовной власти. Однако, подъ личиной скромности Торквемада таилъ смѣлый планъ: если онъ не соблазнялся предлагаемыми высокими постами въ духовной іерархіи, то дѣлалъ это потому, что опасался, какъ бы быстрое повышеніе по ступенямъ обычной церковной карьеры не нанесло удара задуманному имъ дѣлу. «Этотъ левъ религіи—говоритъ Флешье—убѣждалъ Изабеллу и Фердинанда, что испорченность нравовъ и свободомысліе возрастаютъ съ каждымъ днемъ, и что сосѣдство христіанъ съ евреями и маврами вредитъ благочестію народа;

онъ убѣждалъ ихъ также въ необходимости произвести тщательное разслѣдованіе заблужденій и нечестія того времени и возвратить престижъ религіозной дисциплинѣ» [1]). Торквемада, такимъ образомъ, разсчитывалъ стать выше епископовъ и другихъ членовъ духовной іерархіи и быть облеченнымъ особыми полномочіями, чтобы самостоятельно вести дѣло борьбы съ ересью и невѣріемъ. Онъ доказывалъ даже царственной четѣ, что обычныя церковныя наказанія не достигаютъ цѣли, и что необходимо прибѣгнуть къ новымъ средствамъ для успѣшнаго искорененія зла. Разумѣется, какъ и нѣкоторые другіе его современники, онъ считалъ инквизиціонные трибуналы тѣмъ магическимъ орудіемъ, которое одно лишь способно съ корнемъ вырвать жало ереси и нечестія. Не удивительно поэтому, что Торквемада попалъ въ число тѣхъ семи инквизиторовъ, которые были впервые назначены Сикстомъ IV для борьбы съ невѣріемъ въ Испаніи. Въ качествѣ инквизитора Томасъ обнаружилъ необыкновенныя организаторскія способности, удивительную выдержку, не знавшую границъ жестокость и поражавшее всѣхъ хладнокровіе. Изъ его рукъ не ускользалъ ни одинъ еретикъ; никакой грѣшникъ не могъ разсчитывать на снисхожденіе или милосердіе, разъ въ судебномъ трибуналѣ засѣдалъ Торквемада. Если принять во вниманіе, что одновременно съ этими качествами Томасъ отличался глубокой преданностью царской семьѣ, то станетъ вполнѣ понятно, почему Фердинандъ, мечтавшій установить единство религіи, и Изабелла, стремившаяся искоренить въ своей странѣ ересь и безбожіе, остановили свой выборъ на Торквемадѣ, какъ на наиболѣе подходящемъ человѣкѣ для роли Великаго инквизитора. Точную дату назначенія Томаса Великимъ инквизиторомъ Испаніи трудно установить, такъ какъ соотвѣтствующее папское бреве объ этомъ не сохранилось; извѣстно лишь, что 17 октября 1483 г., въ день возведенія Торквемады въ званіе Главнаго инквизитора Арагона, Каталоніи и Валенсіи, онъ уже исполнялъ эти функціи въ Кастиліи. Большинство историковъ Испанской Инквизиціи считаетъ началомъ дѣятельности Торквемады, въ качествѣ Генеральнаго инквизитора Кастиліи, средину сентября 1483 г.

Выборъ царственной четы—пишетъ Ли—свидѣтельствовалъ о мудрости католическихъ правителей. Полный благочестиваго усердія, Торквемада съ неутомимой энергіей предался развитію нарождающейся организаціи. Непреклонный, твердый и суровый, онъ не хотѣлъ идти ни на какіе компромиссы тамъ, гдѣ дѣло касалось вопросовъ, которые онъ считалъ входящими въ кругъ его обязанностей; онъ олицетворялъ собою единство свѣтскаго и духовнаго меча, которое являлось тогда идеаломъ всякаго вѣрующаго и истиннаго христіанина. Подъ его опытнымъ руководствомъ Инквизиція быстро приняла опредѣленную организацію и сѣтью охватила всю Испанію; направляемая его твердой и желѣзной рукой, Инквизиція была безжалостна въ преслѣдованіи и наказаніи вѣроотступниковъ; вдохновляемая его волей, Инквизиція не знала отдыха и устали въ дѣлѣ искорененія язвы невѣрія. Его неустанная работа на почвѣ истребленія ереси располагала къ нему тѣхъ, кому была дорога защита католицизма, и рядъ слѣдующихъ одинъ за другимъ папъ выразилъ ему благодарность за его усердіе. Въ 1484 г. Сикстъ IV писалъ Торквемадѣ, что кардиналъ Борджіа поздравляетъ его съ успѣхомъ въ дѣлѣ борьбы за святую вѣру въ Кастиліи и Леонѣ; Сикстъ не ограничивается одной лишь передачей поздравленій Борджіа, но съ своей стороны прибавляетъ: «Мы слышали этотъ отзывъ съ большой радостью и мы въ восторгѣ, что вы, обогащенный познаніями и облеченный властью, направили свое усердіе на предметы, возвеличивающіе имя Господне и полезные истинной вѣрѣ. Мы испрашиваемъ на васъ Божье благословленіе и побуждаемъ васъ, дорогой сынъ, продолжать съ прежней энергіей и неутомимостью способствовать укрѣпленію и упроченію основъ религіи,

---

[1]) Fléschier, «Panegyriques des saints», Парижъ, 1690; Emile de Molènes, «Torquemada et l'Inquisition», Парижъ, 1897; E. La Rigaudière, «Histoire des persecutions religieuses», Парижъ, 1860.

и въ этомъ дѣлѣ вы всегда можете разсчитывать на нашу особую милость». Черезъ 12 лѣтъ (1496 г.) кардиналъ Борджіа, тогда уже папа римскій подъ именемъ Александра VI, распространяется въ своихъ чувствахъ благодарности Торквемадѣ, оказавшему столь неоцѣнимыя услуги дѣлу религіи и подъему истинной вѣры [1]).

Послѣ подобныхъ оффиціальныхъ одобреній дѣятельности Торквемады отпадаютъ какъ несостоятельныя попытки Гефеле, Гамса и другихъ выгородить католическую Церковь и снять съ нея отвѣтственность за Инквизицію, дѣятельность которой будто бы не встрѣчала со стороны Церкви никакого сочувствія. Наиболѣе серьезнымъ доказательствомъ правильности своего мнѣнія названные ученые считаютъ многочисленные случаи выраженія требованія о предоставленіи Римской Куріи права принимать апелляціонныя жалобы на постановленія инквизиціонныхъ трибуналовъ, одобренныя даже и Генеральнымъ инквизиторомъ. Однако, желаніе высшаго контроля надъ дѣяніями Инквизиціи вовсе не вызывалось однимъ лишь чувствомъ гуманности и стремленіемъ спасти невинно или несправедливо осужденныхъ; оно диктовалось, какъ впослѣдствіи мы это будемъ неоднократно иллюстрировать примѣрами, соображеніями матеріальнаго характера: право апелляціи было настолько прибыльно, что Риму трудно было безъ борьбы отъ него отказаться.

Съ полученіемъ званія Великаго инквизитора въ Торквемадѣ произошли значительныя перемѣны: прежній аскетъ, не ѣвшій никогда мяса и не носившій иного платья, кромѣ простой доминиканской рясы, сталъ жить въ богатыхъ хоромахъ, окруженный многочисленной челядью; въ его распоряженіи находилось 250 вооруженныхъ пѣхотинцевъ и 50 кавалеристовъ. Боясь своихъ многочисленныхъ враговъ, Торквемада старался, въ особенности послѣ убійства Арбуэса, не выѣзжать безъ свиты и всегда имѣлъ у себя на столѣ рогъ отъ однорогаго животнаго, защищавшій его отъ отравленія. Бывшій безсребренникъ, отказавшійся отъ архіепископскаго званія, не брезгалъ теперь, несмотря на запретъ доминиканскаго ордена обладать какой-либо собственностью, богатствами осужденныхъ еретиковъ и копилъ огромныя суммы денегъ, стекавшіяся къ нему отъ тѣхъ грѣшниковъ, которые добровольно являлись въ инквизиціонные трибуналы, чтобы покаяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Правда, средства эти шли большею частью на богоугодныя дѣла: такъ, Торквемада потратилъ много денегъ на постройку роскошнаго монастыря св. Ѳомы Аквината въ Авилѣ, на увеличеніе и украшеніе монастыря св. Креста въ Сеговіи и на различныя учрежденія городка Торквемады, родины Томаса,—тѣмъ не менѣе, все это мало напоминало суроваго и скромнаго проповѣдника въ Вальядолидѣ, и поклонники Торквемады въ дѣйствительности не имѣютъ основанія распространяться о его безкорыстіи и презрѣніи къ земнымъ благамъ. Онъ далеко не былъ лишенъ человѣческихъ слабостей, и непреклонность его натуры выражалась въ суровости по отношенію къ другимъ, а не къ собственной личности. Уже первые шаги его свидѣтельствовали о томъ, что его вмѣшательство въ дѣло правосудія будетъ безгранично, и что всякій оправдательный приговоръ встрѣтитъ въ немъ непримиримаго врага. Когда, напримѣръ, инквизиціонный трибуналъ въ Мединѣ при разсмотрѣніи одного еретическаго дѣла, въ которомъ участвовало много лицъ, вынесъ нѣкоторымъ изъ обвиняемыхъ оправдательный приговоръ, пославъ его на утвержденіе Торквемады, послѣдній, вмѣсто необходимой санкціи, отдалъ приказъ заключить въ тюрьму оправданныхъ и держать ихъ до новаго суда, которымъ долженъ былъ руководить спеціально посланный для этой цѣли визитадоръ Вильяльпандо. Обвиняемые снова были брошены въ темницу, подверглись пыткѣ, и, въ концѣ концовъ, Вильяльпандо вынесъ двумъ изъ нихъ обвинительный, а остальнымъ оправдательный приговоръ. Казалось, что на этотъ разъ оправданіе должно было войти въ законную силу, такъ какъ визитадору были даны самыя широкія полномочія, и онъ дѣйствовалъ отъ имени самого Торквемады. Однако,

[1]) Lea, op. cit., I, 174.

постановленіе и вторичнаго суда не пришлось по вкусу Генеральному инквизитору, открыто заявившему, что всѣ преступники должны быть сожжены. Онъ приказалъ въ третій разъ арестовать виновныхъ, перенесъ трибуналъ изъ Медины въ Вальядолидъ и достигъ своей цѣли: виновные понесли должную кару. Таково было вступленіе во власть перваго Великаго инквизитора.

Одной изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ Торквемада считалъ выработку общихъ правилъ, коими должна была руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ Инквизиція. Для этой цѣли въ силу королевскаго ордоннанса была созвана въ ноябрѣ 1484 г. въ Севильѣ хунта изъ представителей существовавшихъ уже инквизиціонныхъ трибуналовъ въ Кордовѣ, Севильѣ, Хаэнѣ и Сіудадъ-Реалѣ, а также изъ членовъ Высшаго совѣта. Предсѣдателемъ хунты былъ Торквемада, а 14 ея членовъ были «инквизиторы, теологи, люди образованные и добросовѣстные» (varones letrados y de buena conciencia). То были: севильскій инквизиторъ Санъ Мартинъ; членъ Высшаго совѣта, докторъ правъ, каноникъ Хуанъ Руисъ де Медина; состоявшій членомъ инквизиціоннаго трибунала докторъ правъ Перо Мартинесъ де Барріо; бывшій профессоромъ теологіи, францисканецъ Мартинъ де Кассо Фрайле; сіудадъ-реальскій инквизиторъ Франсиско Санчесъ де ла Фуэнте; хаэнскій инквизиторъ Гарсіа де Канасъ; Мессину представлялъ въ этой хунтѣ Алонсо Карильо. Собраніе это приняло слѣдующія правила.

1) Вновь назначаемые и впервые прибываемые на мѣсто инквизиторы созываютъ въ главной церкви духовенство, архіепископа, корегидора, регидоровъ или муниципальныхъ чиновъ, а также губернатора (y al señor de la tierra), чтобы принять отъ нихъ клятву вѣрности.

2) Въ главной мѣстной церкви вывѣшивается объявленіе, въ которомъ перечисляются всѣ тѣ мѣры наказанія, которыя угрожаютъ лицамъ, совершившимъ преступленіе, входящее въ категорію ереси или вѣроотступничества, и не явившимся добровольно предъ инквизиторами, чтобы покаяться въ немъ въ теченіе срока милосердія, который предоставляется имъ, а также тѣмъ, которые будутъ сопротивляться проведенію въ жизнь опредѣленныхъ Св. Трибуналомъ мѣръ.

3) Срокъ милосердія продолжается 30 или 40 дней, и въ теченіе этого времени еретики должны явиться, чтобы примириться съ Церковью; этому примиренію постоянно должны предшествовать извѣстныя наказанія для спасенія души еретиковъ (penitencias saludables à sus animas). Эти необходимыя наказанія, однако, не могутъ быть—ни смертная казнь, ни вѣчное заточеніе, ни полная конфискація имущества, потому что ихъ величествамъ, королю и королевѣ, угодно было милостиво поступать съ тѣми, которые въ надлежащее время и добровольно каются въ своихъ грѣхахъ.

4) Добровольныя покаянія въ срокъ милосердія должны дѣлаться письменно въ присутствіи инквизиторовъ и секретаря, притомъ такимъ образомъ, чтобы виновные могли отвѣчать на всѣ вопросы и запросы, касающіеся характера ихъ покаянія, времени ихъ впаденія въ грѣхъ, числа ихъ сообщниковъ въ грѣхахъ, а также привести имена тѣхъ, кого они считаютъ еретиками или подозрѣваютъ въ ереси.

5) Добровольно покаявшійся не можетъ получить тайнаго очищенія отъ грѣха, оно всегда должно сопровождаться публичнымъ наказаніемъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда о преступленіи никто ничего не зналъ, и вѣсть о немъ можетъ вызвать нѣкоторыя опасенія.

6) Еретики должны быть провозглашены нечестивцами, они не могутъ занимать никакой государственной и общественной должности, имѣть какую-либо бенефицію, быть прокурорами, аптекарями, бакалейными торговцами, докторами, хирургами, брадобреями, торговыми маклерами, перевозить или продавать золото, серебро, кораллы, жемчугъ, драгоцѣнные камни, шелковыя вещи; они не могутъ также ни одѣваться, ни временно носить

COPILACION
delas Inſtructiones del Officio dela ſancta Inquiſici-
on hechas por el muy Reuerendo ſeñor fray Tho-
mas de Torquemada Prior del monaſterio de ſancta
cruz de Segouia primero Inquiſidor general delos
reynos y ſeñorios de Eſpaña: E por los otros Reue-
rendiſſimos ſeñores Inquiſidores genarales q deſpues
ſuccedieron, cerca dela orden que ſe ha de tener enel
exercicio del ſancto officio, donde van pueſtas ſucceſſi
uamẽte por ſu parte todas las inſtructiones q̃ tocan a
los Inquiſidores E a otra parte las q̃ tocã a cada vno
delos officiales y miniſtros del ſancto Officio: las qua-
les ſe copilarõ enla manera q dicha es por mãdado del
Illuſtriſſimo y Reuerẽdiſſimo ſeñor dõ Alõſo manri
que Cardenal delos doze apoſtoles Arcobiſpo de Se
uilla Inquiſidor general de Eſpana.

Заглавный листъ Инструкцій Торквемады.

(Печатано въ Гранадѣ 29 сентября 1537 г. по распоряженію Великаго инквизитора Ал. Манрике).

шелковаго платья, обладать оружіемъ, лошадьми; нарушеніе этого постановленія равносильно апостазіи и влечетъ за собою смертную казнь. Въ такомъ же положеніи находятся и лица, присоединившіяся къ Церкви, но не исполнившія наложенныхъ на нихъ наказаній.

7) Чтобы показать, какъ велико преступленіе ереси и вѣроотступничества, до какой степени виновные въ этомъ грѣшатъ противъ Нашего Господа Бога Іисуса Христа, и насколько милосердіе и доброта распространяются на тѣхъ, которые присоединяются къ Церкви, слѣдуетъ лишь присуждать первыхъ къ сожженію или вѣчному заключенію съ конфискаціей всего ихъ имущества.

8) Тѣ, которые добровольно сознаются въ своихъ грѣхахъ, должны, помимо наложенныхъ на нихъ инквизиторами денежныхъ или иныхъ штрафовъ, часть своего имущества предоставить на богоугодное дѣло; она будетъ употреблена на священную войну, которую король и королева ведутъ противъ мавровъ Гранады. Эти дары будутъ разсматриваться какъ благочестивое и заслуживающее похвалы дѣло.

9) Если добровольное покаяніе будетъ сдѣлано послѣ истеченія срока милосердія, то кающійся не можетъ избѣжать конфискаціи имущества или вѣчнаго заточенія,—наказанія, которыя были бы наложены на него за вѣроотступничество или ересь.

10) Если еретики, о которыхъ стало извѣстно Святому Трибуналу, покаются въ своихъ грѣхахъ во время самаго процесса, когда уже извѣстны показанія свидѣтелей, но еще приговоръ окончательно не вынесенъ, то они допускаются къ примиренію съ Церковью, но должны быть осуждены на вѣчное заточеніе. Однако, въ томъ случаѣ, когда форма, въ которой сдѣлано покаяніе, а также другія обстоятельства, обсужденіе которыхъ всецѣло зависитъ отъ однихъ лишь инквизиторовъ (segun su alvedrio), даютъ инквизиторамъ основаніе думать, что покаяніе было принесено не чистосердечно, то виновные должны разсматриваться какъ упорствующіе еретики и, какъ таковые, быть выданы свѣтской власти для выполненія надъ ними смертнаго приговора,—y dexarlo al braço seglar.

11) Въ актѣ присоединенія къ Церкви инквизиторы должны точно указать время, когда кающійся впалъ въ грѣхъ, для того, чтобы все пріобрѣтенное еретикомъ, съ момента его грѣховности, было конфисковано въ пользу фиска.

12) Дѣти обоего пола моложе двадцати лѣтъ, введенныя въ заблужденіе отвратительными примѣрами ереси своихъ отцовъ или другихъ людей, являясь предъ Трибуналомъ, чтобы покаяться въ своихъ грѣхахъ, подвергаются легкому наказанію и въ томъ случаѣ, если сознаніе было сдѣлано послѣ срока милосердія.

13) Если послѣ добровольнаго сознанія въ грѣхахъ окажется, что каявшійся хвасталъ тѣмъ, что онъ скрылъ отъ инквизиторовъ нѣкоторыя или многія преступленія, или если изъ дальнѣйшихъ разслѣдованій будетъ установлено, что каявшійся въ дѣйствительности совершилъ больше преступленій, чѣмъ сознался, то онъ долженъ быть арестованъ и судимъ какъ лживый еретикъ.

14) Если обвиняемый, несмотря на свою вину, продолжалъ отрицать ее даже послѣ опубликованія свидѣтельскихъ показаній, то онъ долженъ быть судимъ какъ упорствующій еретикъ.

15) Если противъ обвиняемаго, который отрицаетъ свою вину, имѣется полу-доказательство, онъ долженъ быть вторично подвергнутъ допросу; если онъ во время пытокъ сознается и потомъ подтвердитъ свое признаніе, то осуждается какъ еретикъ, у котораго вырвали признаніе; если онъ послѣ пытки беретъ назадъ свое признаніе, онъ вторично подвергается пыткѣ или присуждается къ необычайному наказанію.

16) Обвиняемымъ запрещено выдавать показанія свидѣтелей; разрѣшается лишь знакомить ихъ съ общимъ содержаніемъ показаній, при чемъ слѣдуетъ избѣгать того, чтобы обвиняемые догадывались, кто именно давалъ противъ нихъ какія-либо показанія.

17) Инквизиторы сами, по мѣрѣ возможности, должны вести допросъ обвиняемыхъ.

18) Заявленія или признанія обвиняемаго во время пытки должны быть принимаемы инквизиторомъ или, если онъ не можетъ при этомъ присутствовать, особымъ комиссаромъ, который знакомитъ инквизитора съ ихъ содержаніемъ.

19) Если обвиняемый, получивъ приглашеніе, не является на судъ, онъ долженъ быть осужденъ какъ еретикъ, грѣхъ котораго установленъ.

20) Если на основаніи книгъ уже умершаго человѣка или по его поведенію можно доказать, что онъ былъ еретикомъ, онъ долженъ быть судимъ и осужденъ какъ таковой; тѣло его должно быть извлечено изъ земли, а все его имущество, несмотря на то, что оно уже досталось его наслѣдникамъ, должно быть конфисковано въ пользу государства.

21) Инквизиторы могутъ распространять свою юрисдикцію на вассаловъ сеньеровъ; если послѣдніе отрицаютъ подобнаго рода право, то на нихъ налагаются различныя наказанія.

22) Если осужденный на смерть еретикъ оставляетъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, то государство, въ видѣ особой милости, выдаетъ имъ небольшую часть конфискованнаго имущества, а инквизиторы должны отдавать дѣтей на воспитаніе, въ духѣ истинной религіи, людямъ, въ которыхъ они увѣрены.

23) Если покаявшійся во время срока милосердія еретикъ не подвергался конфискаціи имущества, но имѣлъ богатства, перешедшія къ нему отъ человѣка, имущество котораго было за его ересь конфисковано, то на нихъ не распространяется освобожденіе отъ конфискаціи, хотя таковое касалось всего имущества покаявшагося.

24) Если имущество покаявшагося не подвергалось конфискаціи, то его христіане-рабы получали, тѣмъ не менѣе, свободу, такъ какъ королевская милость дается кающемуся грѣшнику лишь подъ этимъ условіемъ.

25) Инквизиторы, равно какъ прочіе служители инквизиціоннаго трибунала, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, не должны брать никакихъ подарковъ отъ обвиняемаго; виновные въ полученіи таковыхъ, помимо отлученія, лишаются должностей, платятъ штрафъ въ размѣрѣ двойной стоимости полученнаго, а также возвращаютъ владѣльцу полученное отъ него.

26) Всѣ служители Инквизиціи должны жить между собою въ мирѣ и согласіи, старшіе не должны быть горды по отношенію къ младшимъ; всякаго рода же недоразумѣнія Великій инквизиторъ разсматриваетъ безъ шума и мирно улаживаетъ.

27) Инквизиторы должны строго слѣдить за тѣмъ, чтобы ихъ подчиненные исполняли добросовѣстно и неуклонно свои обязанности.

28) Все, не получившее рѣшенія въ названныхъ пунктахъ, предоставляется на усмотрѣніе инквизиторовъ.

Несмотря на полноту и строгость этихъ инструкцій, Торквемада счелъ нужнымъ въ декабрѣ 1484 г. и въ январѣ 1485 г. дополнить ихъ цѣлымъ рядомъ новыхъ правилъ. Декабрьскія дополненія гласили слѣдующее:

«По приказу свѣтлѣйшихъ короля и королевы, нашихъ повелителей, я—пріоръ монастыря Св. Креста, духовникъ ихъ величествъ, Генеральный инквизиторъ силою апостолической власти въ королевствахъ Кастиліи и Арагоніи, издалъ слѣдующія постановленія относительно нѣсколькихъ вопросовъ, касающихся Святой Инквизиціи, ея должностныхъ лицъ и служителей. Постановленія эти состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Въ каждомъ округѣ, гдѣ понадобится впредь введеніе Инквизиціи, и въ округахъ, гдѣ она уже введена или вводится теперь, должны находиться два инквизитора и хорошій ассессоръ—непремѣнно ученые люди съ хорошею репутаціею, добросовѣстные и съ выдающимися способностями; при нихъ должны состоять алгуасилъ, прокуроръ, нотаріусы и прочія, требующіяся для Инквизиціи, должностныя лица, которыя также выбираются изъ среды образованныхъ и усердныхъ людей. Вышеназваннымъ инквизиторамъ и должностнымъ

лицамъ причитается опредѣленное жалованье [1]). Никто изъ вышеназванныхъ лицъ не долженъ, подъ страхомъ отрѣшенія отъ должности, присваивать себѣ какія-либо права и выгоды, истекающія изъ декретовъ и распоряженій, которые онъ будетъ издавать по своей должности; далѣе воспрещается инквизиторамъ предоставлять близкимъ своимъ лицамъ инквизиторскія должности.

2) Въ Римѣ должно быть назначено лицо съ хорошимъ образованіемъ и усердіемъ для завѣдыванія дѣлами, касающимися Инквизиціи въ Испаніи, а вознагражденіе этому лицу должно выдаваться изъ имущества, конфискованнаго за преступленія въ ереси и вѣроотступничествѣ и принадлежащаго ихъ величествамъ.

3) Вслѣдствіе того, что во время Сикста IV Римскимъ дворомъ было издано нѣсколько бреве, буллъ и разъясненій о правилахъ объ исповѣди, направленныхъ противъ Инквизиціи и ея служителей, то ихъ величества повелѣваютъ издать по всему государству граматы и предписанія, которыми воспрещалось бы приводить въ исполненіе вышеназванные рескрипты и буллы до тѣхъ поръ, пока король и королева не выяснятъ истину черезъ самого папу, въ виду невозможности предположить, чтобы святой отецъ желалъ повредить дѣлу святой католической вѣры. Вышеназванныя предписанія не будутъ опубликованы до тѣхъ поръ, пока не выяснится, издастъ ли теперешній папа Инокентій VIII какія-нибудь буллы или граматы во вредъ святой Инквизиціи.

4) Инквизиторы и духовныя лица, работающія при инквизиціонныхъ трибуналахъ, могутъ обратиться къ папѣ съ просьбой, чтобы король и королева назначали ихъ въ нѣкоторыя церкви въ своемъ государствѣ на первыя должности.

5) Желая оставить имущество всѣмъ тѣмъ, которые совершили преступленіе, впавъ въ ересь, но вернулись въ срокъ милосердія на путь истины, ихъ величества повелѣваютъ, чтобы примирившіеся съ Церковью имѣли право взыскивать всѣ суммы, какія когда-либо причитались имъ въ видѣ долга, и чтобы казна не удерживала также движимаго и недвижимаго имущества, которое продано, отдано, подарено ими или отнято у нихъ ранѣе обращенія; но ихъ величества повелѣваютъ также, чтобы вышеназванные примирившіеся съ Церковью впредь не имѣли права продавать, отчуждать и закладывать свое недвижимое имущество безъ особаго разрѣшенія ихъ величествъ, которыя желаютъ предварительно быть освѣдомлены, какъ эти лица хранятъ святую католическую вѣру и дѣйствительно ли они обратились въ нее.

6) Ихъ величества не считаютъ желательнымъ милостиво возвращать имущество

---

[1]) Жалованье не было установлено разъ навсегда и мѣнялось сообразно условіямъ жизни. Въ 1498 г. была выработана слѣдующая такса: инквизиторъ — 60 тыс. мараведи, пріемщикъ конфискованныхъ имуществъ — 60 тыс., прокуроръ (промоторъ-фискалъ) — 40 тыс., секретарь — 40 тыс., курьеръ—20 тыс. Въ 1541 г. инквизиторъ получалъ 100 тыс. мараведи, куда входили уже дополнительныя суммы на различные расходы по службѣ; въ 1606 г. инквизиторъ получалъ 300 тыс. мараведи или 800 дукатовъ. Алгуасилъ на первыхъ порахъ получалъ такое же жалованье, какъ и инквизиторъ, такъ какъ на его обязанности лежала забота о содержаніи арестованныхъ; когда же послѣдняя была перенесона на особыхъ тюремщиковъ, алгуасилъ сталъ получать такое же жалованье, какъ обыкновенный секретарь. Дополнительныя суммы (ayuda de costa) часто бывали очень значительны и даже превышали жалованье; на первыхъ порахъ онѣ зависѣли отъ усмотрѣнія Великаго Инквизитора, но уже въ 1509 г. фискалъ Діэго де Роблесъ говоритъ, что ему причитается ayuda de costa за 1506 г. и половинная за 1507 г., опредѣляя ее въ 20 тыс. мараведи. Въ 1559 г. дополнительныя суммы были установлены въ размѣрѣ 20% постояннаго жалованья съ оговоркой, что онѣ даются въ видѣ вознагражденія за связанныя съ ауто-да-фе прошлаго года работы. Часто служителямъ Инквизиціи выдавались деньги въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Такъ, въ 1502 г. пріемщикъ Ройсъ получилъ 10 тыс. суэлдо на лѣченіе, другой служитель—20 тыс. мараведи въ видѣ свадебнаго подарка.— Въ «Archivo de la Corona de Aragon» (Reg. 3681, fol. IX) мы видѣли опредѣленіе жалованія Инквизиціи, установленное королемъ 17 февраля 1482 г.; оно ниже другихъ.

еретикамъ и вѣроотступникамъ, вернувшимся въ лоно истинной Церкви послѣ истеченія срока милосердія, и утверждаютъ за собою право собственности на все имущество осужденныхъ и снова обратившихся къ вѣрѣ еретиковъ съ того дня, какъ они совершили преступленіе, впавъ въ ересь, а казна ихъ величествъ имѣетъ право требовать имущество, проданное или отчужденное вышеуказанными лицами тѣмъ или инымъ способомъ, и отказаться отъ уплаты долговъ, какіе могутъ быть у этихъ лицъ по прежнимъ обязательствамъ. Но изъ милосердія и любви къ подданнымъ, которые bona fide совершали сдѣлки съ вышеназванными еретиками, не осужденными или обратившимися въ истинную вѣру ранѣе 1479 г., ихъ величества повелѣваютъ считать эти сдѣлки дѣйствительными при условіи, чтобы законность ихъ была подтверждена вѣрными свидѣтелями или достовѣрными документами; если же кто-либо совершитъ обманъ или подлогъ въ отношеніи подобной сдѣлки въ ущербъ казнѣ или явится причастнымъ къ такому обману или подлогу, и если это лицо является примирившимся съ Церковью, то оно будетъ подвергнуто наказанію ста ударамъ и желѣзнымъ клеймомъ на лицѣ; если же это преступленіе будетъ совершено лицомъ, не примирившимся съ Церковью, то, хотя бы это былъ христіанинъ, оно лишается всѣхъ своихъ правъ и должностей, и дальнѣйшая судьба его зависитъ отъ милости ихъ величествъ, которыя приказываютъ, чтобы данное постановленіе было опубликовано всюду, гдѣ дѣйствуетъ Инквизиція, дабы никто не могъ оправдаться незнаніемъ его.

7) Въ случаѣ, если какой-нибудь дворянинъ дастъ въ своихъ владѣніяхъ пріютъ еретикамъ, бѣжавшимъ изъ страха передъ Инквизиціей изъ городовъ, мѣстечекъ и съ государственныхъ земель, и затѣмъ потребуетъ причитающейся ему уплаты долговъ, когдалибо сдѣланныхъ скрывавшимися въ его владѣніяхъ еретиками, то казначей обязанъ не платить ему вышеупомянутыхъ долговъ, а оцѣнщикъ конфискованнаго имущества обязанъ не отдавать распоряженія объ уплатѣ долговъ до тѣхъ поръ, пока вышеупомянутый дворянинъ не вернетъ всего, что вышеупомянутые еретики унесли съ собою изъ его владѣній, такъ какъ все это принадлежало и принадлежитъ ихъ величествамъ; если же на подобные долги будетъ заявлена претензія прокурору казначейства, то послѣдній обязанъ предъявить контръ-искъ въ размѣрѣ суммы, которая опредѣляется приблизительно имъ самимъ съ дворянина, требующаго уплаты долга, притомъ дворянинъ дастъ клятву, что онъ дѣлаетъ это безъ злого умысла.

8) Ихъ величества повелѣваютъ также, чтобы ни одинъ казначей изъ тѣхъ, на обязанности которыхъ лежитъ принятіе и храненіе конфискованнаго за вышеупомянутыя преступленія имущества, не конфисковывалъ и не занималъ имущества какого-либо еретика или вѣроотступника безъ особаго распоряженія вышеупомянутыхъ инквизиторовъ; когда же такое распоряженіе будетъ дано, то конфискація должна быть произведена алгуасиломъ въ присутствіи нотаріуса Инквизиціи и секретаря казначея, чтобы каждый изъ нихъ составилъ протоколъ о конфискаціи; секвестрированное имущество ставится подъ охрану мѣстныхъ жителей, и казначей не имѣетъ права трогать его до тѣхъ поръ, пока лицо, которому принадлежало это имущество, не будетъ осуждено или объявлено вновь присоединеннымъ. Ихъ величества также повелѣваютъ, чтобы при производствѣ секвестраціи при казначеѣ непремѣнно находился алгуасилъ для наблюденія за правильностью процесса.

9) Если среди секвестрированнаго, такимъ образомъ, имущества окажется что-либо, что можетъ испортиться отъ храненія, какъ, напримѣръ, хлѣбъ, вино или что-нибудь подобное, то казначей обязанъ позаботиться вмѣстѣ съ инквизиторами о томъ, чтобы все это было продано съ публичнаго торга, и чтобы вырученная отъ продажи сумма была приложена къ вышеупомянутому секвестрированному имуществу, находящемуся во власти вышеупомянутыхъ лицъ, или чтобы взамѣнъ этого инквизиторы и казначей распорядились этою суммою, какъ считаютъ нужнымъ. Въ случаѣ, когда какое-нибудь недвижимое имущество должно быть сдано въ аренду, вышеупомянутые инквизиторы должны распо-

рядиться о томъ, чтобы конфискаторъ вмѣстѣ съ казначеемъ сдалъ его въ аренду съ публичнаго торга.

10) Казначей не долженъ продавать никакого имущества или получать деньги или какое-либо другое имущество, кромѣ конфискованнаго и принадлежащаго казнѣ, при томъ только въ присутствіи двухъ нотаріусовъ, чтобы каждый изъ нихъ записалъ имущество и деньги, которыя получитъ казначей.

11) Каждый конфискаторъ долженъ принимать и хранить имущество еретиковъ, живущихъ только въ ихъ округѣ, а не вмѣшиваться, не занимать и не принимать имущества еретиковъ изъ другихъ инквизиціонныхъ округовъ. Въ случаѣ же, если какой-нибудь казначей узнаетъ о конфискованномъ за вышеупомянутое преступленіе какимъ-нибудь казначеемъ имуществѣ, принадлежащемъ по праву другому казначею, то объ этомъ должно быть немедленно донесено, чтобы тотъ принялъ и хранилъ его; въ противномъ случаѣ, скрывавшій его лишается мѣста или будетъ присужденъ къ уплатѣ въ двойномъ размѣрѣ убытковъ, которые будутъ причинены его небрежностью казнѣ.

12) Казначей долженъ выдавать инквизиторамъ и прочимъ служителямъ Инквизиціи жалованье впередъ по третямъ года, чтобы имъ было чѣмъ кормиться, и чтобы не было основанія принимать подношенія. Началомъ ихъ службы считается тотъ день, когда они впервые вышли изъ дому по дѣламъ Инквизиціи. Казначей уплачиваетъ также вознагражденіе лицамъ, пославшимъ ихъ величествамъ вышеупомянутыхъ инквизиторовъ, и оплачиваетъ все то, что, по мнѣнію инквизиторовъ, способствуетъ преуспѣянію дѣла, какъ, напримѣръ, вѣчное тюремное заключеніе арестованныхъ и прочія дѣла и издержки.

13) Всѣ распоряженія инквизиторовъ заносятся ими въ особыя книги для выясненія истины въ случаѣ появленія какихъ-либо недоразумѣній.

14) Вопросы, не выясненные здѣсь подробно, предоставляются на усмотрѣніе инквизиторовъ; если встрѣтятся вопросы, которые, по мнѣнію послѣднихъ, могутъ быть разрѣшены ими безъ испрашиванія мнѣнія ихъ величествъ, то пусть поступаютъ они соотвѣтственно тому, какъ повелѣваютъ имъ Богъ, законъ и совѣсть. Въ серьезныхъ же вопросахъ они обязаны немедленно написать ихъ величествамъ и мнѣ, дабы ихъ величества приказали поступить, какъ подобаетъ служенію Господу Богу Нашему для возвеличенія Святой католической вѣры и утвержденія христіанства».

Этими дополненіями Торквемада считалъ, однако, невозможнымъ ограничиться и въ томъ же году отправилъ инквизиторамъ новыя инструкціи, имѣвшія цѣлью опредѣлить, въ чемъ долженъ заключаться «образъ дѣйствія инквизиторовъ».

«Немедленно по пріѣздѣ въ то мѣсто, гдѣ должна дѣйствовать Инквизиція,—писалъ онъ,—инквизиторы издаютъ эдиктъ съ назначеніемъ срока въ тридцать, сорокъ или сколько имъ покажется нужнымъ дней, чтобы всѣ мѣстные жители, оказавшіеся виновными въ ереси или вѣроотступничествѣ, могли добровольно придти и чистосердечно покаяться, разсказывая все, что они знаютъ не только про себя, но и про другихъ людей, впавшихъ въ такое же заблужденіе. Люди эти должны быть приняты милосердно; а именно, когда они покаятся въ своихъ заблужденіяхъ по всѣмъ правиламъ, на нихъ должно быть наложено публичное или тайное покаяніе въ зависимости отъ характера или степени преступленія, по усмотрѣнію инквизиторовъ, а также денежный штрафъ, который уплачивается ими въ опредѣленный срокъ вѣрному лицу; инквизиторы или нотаріусы обязаны сообщить объ этомъ королю—нашему повелителю—или мнѣ, какъ Главному инквизитору, для израсходованія этихъ денегъ на войну и на прочія благочестивыя дѣла, а также для уплаты жалованья инквизиторамъ и прочимъ лицамъ, причастнымъ къ Святой Инквизиціи. Остальное имущество — движимое и недвижимое — оставляется покаявшимся; если они занимали какія-либо должности, то лишаются ихъ до тѣхъ поръ, пока не выяснится ихъ образъ жизни, а именно: дѣйствительно ли они хорошіе христіане. Если же выяснится, что они

исправились, то они могутъ снова занять прежнія должности — въ случаѣ, если оныя окажутся свободными,—или другія, подобныя имъ.

1) Если послѣ назначеннаго инквизиторами срока явится съ покаяніемъ кто-нибудь, кто не явился въ срокъ не изъ страха или презрѣнія, а по болѣзни или по какой-либо другой уважительной причинѣ, то къ такимъ лицамъ слѣдуетъ относиться милосердно, какъ указано въ первомъ наставленіи. Если же ко времени, когда они явятся съ покаяніемъ, эти лица уже призывались къ трибуналу или противъ нихъ существуютъ улики, то они не пользуются никакими правами въ отношеніи своего имущества; тѣмъ не менѣе, инквизиторамъ предписывается относиться къ нимъ милосердно, насколько разрѣшаютъ это законъ и ихъ совѣсть, въ зависимости отъ степени и характера преступленія, и послѣ испрашиванія мнѣнія у короля, нашего повелителя.

2) Если лицамъ, принесшимъ подобное покаяніе, причитается получить деньги по какимъ-либо долгамъ, то должники обязаны уплатить эти долги безъ препятствія со стороны казны; если какое-нибудь имущество подобныхъ лицъ было продано, то сдѣлки по продажѣ считаются дѣйствительными и не должны встрѣчать какихъ-либо затрудненій со стороны казны. Но если у этихъ лицъ были рабы-христіане, то они должны быть отпущены на волю, а если эти рабы окажутся проданными, то купившіе ихъ люди не имѣютъ права задерживать ихъ, а должны отпустить на волю, при чемъ получаютъ обратно съ продавцовъ стоимость рабовъ.

3) Если явившіяся съ покаяніемъ лица утаятъ часть правды о своихъ заблужденіяхъ и о заблужденіяхъ своихъ единомышленниковъ, и впослѣдствіи будетъ доказана вся истина, то эти лица будутъ считаться уклоняющимися ослушниками и нечистосердечно покаявшимися, а потому не только не пользуются никакими изъ вышеназванныхъ милостей, но даже подвергаются суровому наказанію соотвѣтственно установленному распорядку.

4) Ни одинъ пріемщикъ Инквизиціи не долженъ конфисковать имущество какого-либо еретика или вѣроотступника безъ спеціальнаго письменнаго приказа инквизиторовъ; секвестрованное имущество передается въ руки не пріемщика, а какого-нибудь вѣрнаго лица, при чемъ секвестрація производится пріемщикомъ совмѣстно съ алгуасиломъ Инквизиціи и въ присутствіи двухъ нотаріусовъ; вознагражденіе нотаріусамъ уплачивается изъ имущества еретиковъ, хотя бы они вернулись впослѣдствіи на путь истины. Размѣръ вознагражденія опредѣляется инквизиторами.

5) Если кто-либо окажется удалившимся и унесшимъ свое имущество изъ данной мѣстности ранѣе опубликованія эдикта о милосердіи и явится въ теченіе срока, указаннаго даннымъ эдиктомъ, принося покаяніе въ своихъ грѣхахъ, то такое лицо пользуется въ отношеніи своего имущества всѣми правами, какія указаны въ статьѣ первой. Если же такое лицо не пожелаетъ явиться въ теченіе указаннаго срока, то съ нимъ поступаютъ соотвѣтственно закону.

6) Мѣропріятія противъ живыхъ людей отнюдь не должны препятствовать принятію мѣръ противъ умершихъ. Тѣла лицъ, умершихъ еретиками или евреями, должны быть вырыты для преданія ихъ сожженію, что даетъ казнѣ право секвестровать ихъ имущество.

7) Пріемщикъ не имѣетъ права продавать или получать какое-либо имущество иначе, какъ въ присутствіи двухъ нотаріусовъ, назначенныхъ либо королемъ, либо инквизиторами. Каждый изъ этихъ нотаріусовъ записываетъ отдѣльно принимаемое пріемщикомъ имущество и цѣну, по которой оно продается, дабы составить впослѣдствіи разсчетъ по этимъ книгамъ.

8) Пріемщикъ обязанъ уплачивать инквизиторамъ и служителямъ этого святого дѣла жалованье впередъ по третямъ года, чтобы имъ было, чѣмъ кормиться, и чтобы не было повода принимать какія-либо подношенія.

9) Инквизиторы должны непрестанно доносить королю и мнѣ обо всемъ, что происходитъ въ ихъ инквизиціонномъ округѣ. Лицо, посланное съ подобнымъ донесеніемъ, получаетъ вознагражденіе изъ рукъ пріемщика.

10) Всѣ распоряженія инквизиторовъ должны быть занесены нотаріусами Инквизиціи въ соотвѣтственныя книги для выясненія истины въ случаѣ надобности.

11) Инквизиторы и асессоръ должны дѣйствовать сообща и согласно въ дѣлахъ правосудія и во всемъ, что касается Инквизиціи, такъ, чтобы отдѣльно ни инквизиторъ безъ асессора, ни асессоръ безъ инквизитора не могли принять ни одной мѣры; если же они совершатъ что-либо отдѣльно, то такой актъ будетъ считаться недѣйствительнымъ.

12) Инквизиторы и всѣ должностныя лица Инквизиціи должны имѣть жительство вмѣстѣ въ одномъ домѣ, чтобы инквизиторы и асессоръ могли писать совмѣстно о дѣлахъ Инквизиціи, когда это потребуется.

13) Ни одно должностное лицо Инквизиціи не имѣетъ никакихъ правъ по своей должности, ради чего король приказываетъ выдавать служителямъ Инквизиціи приличное вознагражденіе, и впредь онъ не оставитъ ихъ своею милостью, если они будутъ исполнять свои обязанности и не будутъ принимать никакихъ подношеній; если же окажется, что какое-либо должностное лицо не исполняетъ вышеизложенныхъ требованій, то оно лишается своей должности и подвергается взысканію, опредѣляемому инквизиторами. И о каждомъ подобномъ случаѣ должно быть сдѣлано донесеніе его величеству королю, чтобы онъ могъ назначить новое должностное лицо; до тѣхъ же поръ, пока король и я не назначимъ новое лицо, освободившаяся съ уходомъ преступнаго лица должность должна быть временно замѣщена кѣмъ-нибудь другимъ по усмотрѣнію инквизиторовъ.

14) Все остальное, касающееся Святой Инквизиціи, предоставляется на доброе усмотрѣніе инквизиторовъ, которые должны дѣйствовать согласно тому, какъ имъ повелѣваютъ Богъ, законъ и совѣсть. Въ случаѣ же, если явится что-нибудь, требующее особаго рѣшенія короля, то они должны написать ему, и все будетъ сдѣлано, какъ подобаетъ для служенія Господу Нашему Іисусу Христу, возвеличенія Его Святой вѣры и утвержденія христіанства».

Практически Инквизиція дѣйствовала слѣдующимъ образомъ.

По прибытіи въ какую-либо мѣстность, съ цѣлью ли открыть постоянный инквизиціонный трибуналъ, или ознакомиться лишь съ состояніемъ умовъ ея жителей путемъ ревизіи—visita del partido,—Инквизиція публиковала особый вѣроисповѣдный эдиктъ, коимъ принуждались къ донесенію—denunciación—всѣ лица данной мѣстности, знавшія что-либо о еретическихъ мысляхъ, словахъ или поступкахъ жившихъ и живущихъ въ этомъ округѣ людей. Недонесеніе каралось отлученіемъ отъ Церкви и считалось пособничествомъ вѣроотступничеству, за что иногда, сверхъ отлученія, налагался денежный штрафъ, доходящій временами до конфискаціи всего имущества. Вѣроисповѣдный эдиктъ наводилъ страхъ на цѣлые округа и превращалъ мирныхъ жителей въ доносчиковъ; часто неосторожно сказанное слово влекло за собою, вслѣдствіе опубликованія вѣроисповѣднаго эдикта, тяжелыя послѣдствія; самые близкіе люди доносили другъ на друга изъ опасенія попасть въ число подозрительныхъ. Особенно грозные размѣры принимало доносительство со стороны заключенныхъ, которые думали этимъ путемъ спастись отъ дальнѣйшихъ наказаній; доносъ, однако, нисколько не смягчалъ вины еретиковъ. Какъ только трибуналъ получалъ denunciación, начиналось тайное слѣдствіе—testificación,—сопровождавшееся обычно созывомъ свидѣтелей, которымъ, однако, не ставился прямо вопросъ: что знаютъ они о винѣ даннаго лица? Вмѣсто этого инквизиторы обычно заставляли свидѣтелей говорить объ извѣстныхъ имъ вообще еретикахъ, что приводило нерѣдко къ обыкновенному denunciación на новыхъ людей, а иногда свидѣтель превращался въ обвиняемаго, такъ какъ изобличался въ недонесеніи. Во время testificación получались обыкновенно самыя проти-

ворѣчивыя показанія, которыя, въ видѣ addiciones, служили канвой, на которой фискалъ вырисовывалъ свой обвинительный узоръ, предоставлявшійся трибуналу, поручавшему ему начать процессъ противъ даннаго лица. Если предварительно до обвинительнаго акта обвиняемый находился еще на свободѣ, то теперь алгуасилъ долженъ былъ его арестовать, а пріемщикъ конфисковать его имущество. Алгуасилъ являлся въ домъ находящагося въ подозрѣніи въ сопровожденіи одного или двухъ служителей трибунала; если подлежащій аресту находился въ другомъ инквизиціонномъ округѣ, то одинъ трибуналъ списывался съ другимъ, и еретикъ посылался, разумѣется, на собственный счетъ, въ округъ того трибунала, который взялъ на себя инициативу преслѣдованія. Если обвиняемый бѣжалъ, то въ погоню за нимъ посылались специальные курьеры, и поимка, наприм., Хуана Санчеса въ 1559 г. обошлась въ 4000 дукатовъ; за докторомъ Аркеромъ было отправлено въ погоню 30 служителей Инквизиціи, и каждый изъ нихъ, помимо путевыхъ расходовъ, получалъ по 20 дукатовъ. Иногда для ареста виднаго лица прибѣгали къ хитрости. Такъ, въ 1561 г. священникъ Доминго де Бальтанасъ былъ приглашенъ пріоромъ сопровождать его въ севильскій трибуналъ; какъ только пріоръ съ священникомъ переступили порогъ зданія Инквизиціи, Бальтанасъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Если обвиняемый не былъ въ живыхъ или умеръ во время слѣдствія, то процессъ, тѣмъ не менѣе, не прекращался, и въ защиту памяти его, если налицо не было никакихъ родственниковъ, выступалъ особый кураторъ.—Допросъ начинался присягой, что виновный будетъ говорить одну лишь правду; затѣмъ устанавливалась личность обвиняемаго, причемъ особенно подробно разсматривалась его генеалогія, есть и были ли въ роду обвиняемаго еретики или представители не-чистой крови, т.-е. мавры, еретики и евреи; такъ какъ изслѣдованіе генеалогіи по восходящей линіи производилось до очень далекихъ ступеней, то обвиняемые часто сами не знали, не течетъ ли въ ихъ жилахъ не-чистая кровь, и нерѣдко по невѣдѣнію нарушали присягу. Хорошо освѣдомленные по части генеалогіи преступниковъ инквизиторы иногда изобличали ихъ въ клятвопреступленіи, какъ это случилось, наприм., съ Педро Касальей и Франсиско де Виверо, заявившими себя настоящими христіанами, хотя, какъ показали инквизиторы, они происходили изъ еврейской семьи. Послѣ генеалогіи инквизиторы подробно разспрашивали обвиняемаго о его жизни и о его знакомствахъ, что, помимо воли обвиняемаго, иногда давало въ руки Инквизиціи обильную добычу. Собственно допросъ, послѣ этихъ формальностей, имѣвшихъ, однако, большое значеніе, начинался вопросомъ: знаетъ или догадывается ли обвиняемый, за что онъ предсталъ предъ Св. Трибуналомъ? Для огромнаго большинства обвиняемыхъ этотъ вопросъ является камнемъ преткновенія: боясь выдать себя, люди сбивались, запутывая себя и другихъ, и чѣмъ больше несчастные запутывались, тѣмъ искуснѣе дѣйствовали опытные судьи, то изобличая обвиняемаго во лжи, то вызывая его на откровенность и на вовлеченіе въ дѣло все новыхъ и новыхъ соучастниковъ. Первый допросъ—такъ назыв. первая аудіенція—заканчивался первымъ напоминаніемъ—primera monición: инквизиторы, во имя любви къ Богу (por amor de dios), напоминали обвиняемому, отводящемуся въ тюрьму, о необходимости считаться съ голосомъ совѣсти и подумать, не чувствуетъ ли онъ себя въ чемъ-нибудь виновнымъ, и не можетъ ли онъ прибавить что-либо къ даннымъ уже показаніямъ. За первой аудіенціей слѣдовали еще двѣ въ различные сроки, въ зависимости отъ того, насколько трибуналъ былъ свободенъ, и насколько сложно было самое дѣло даннаго лица. Обвинительный актъ составлялся прокуроромъ; онъ состоялъ изъ большого введенія, гдѣ обычно говорилось о ереси вообще, а затѣмъ перечислялись отдѣльные пункты, служившіе обвиненіемъ противъ даннаго преступника. Засѣданіе заканчивалось напоминаніемъ послѣднему дать новыя показанія: для этого ему въ камеру посылали копію специальныхъ пунктовъ обвиненія и предоставляли право избрать защитника изъ abagados de los presos; обвиняемый могъ совѣщаться съ защитникомъ лишь въ

ЖАННА (Хуана) БЕЗУМНАЯ.

(Juana la Loca).

присутствіи ведущаго слѣдствіе инквизитора; въ кругъ обязанностей адвоката входило добиться отъ обвиняемаго признанія, и обвиняемые часто отказывались отъ защитниковъ.

Въ совершенно недостаточномъ видѣ знакомили обвиняемаго со свидѣтельскими показаніями—publicación de testigos. Инквизиція не только скрывала имена свидѣтелей, но стремилась къ тому, чтобы обвиняемый не могъ угадать имени свидѣтеля: съ этой цѣлью она не сообщала обвиняемому ни времени, когда свидѣтель узналъ о преступленіи, ни мѣста, гдѣ онъ видѣлъ или слышалъ о еретикѣ; мало того, она часто умышленно искажала свидѣтельскія показанія. Такъ, когда какое-либо еретическое мнѣніе было высказано лишь въ присутствіи одного человѣка, который, такимъ образомъ, могъ быть лишь единственнымъ свидѣтелемъ противъ обвиняемаго, Инквизиція, во избѣжаніе выдачи свидѣтеля, читала обвиняемому его показанія въ слѣдующемъ видѣ: свидѣтель слышалъ, какъ опредѣленное лицо говорило съ обвиняемымъ на еретическую тему. Показанія въ пользу обвиняемаго не сообщались ему, такъ какъ они могли побудить его оставаться непокорнымъ и не сознаваться въ своемъ преступленіи. Если обвиняемый, несмотря на всѣ предосторожности Инквизиціи, угадывалъ имена свидѣтелей, то онъ могъ нѣкоторыхъ изъ нихъ обезвредить путемъ tachas, т.-е. доказавши, что тотъ или иной свидѣтель руководится въ своихъ показаніяхъ ненавистью къ нему, или что его показанія построены на однихъ лишь слухахъ (de auditu alieno), а не имъ самимъ слышанныхъ словахъ или имъ видѣнныхъ фактахъ (de propria communicatione). Обвиняемый могъ указать трибуналу, къ какимъ новымъ свидѣтелямъ онъ долженъ обратиться, чтобы узнать о его виновности или невинности; обычно трибуналъ охотно исполнялъ желаніе обвиняемаго, собиралъ новыя показанія, которыя, однако, не читались обвиняемому, такъ какъ онъ самъ былъ виновникомъ вызова въ судъ ихъ въ качествѣ свидѣтелей. Если виновность обвиняемаго не могла быть прокуроромъ доказана, или невиновность не была очевидна сама собою, то Инквизиція прибѣгала къ пыткѣ—sentencia de tormento, если за пытку высказывалось большинство трибунала. Наиболѣе частыми формами пытки были: связываніе веревками (tortura de cordeles), пытка водою (tortura del agua) и подниманіе кверху и быстрое опусканіе внизъ (garrucha). Ни возрастъ [1]), ни полъ не могли освободить приговореннаго отъ пытки; болѣзненность же иногда служила причиной непримѣненія пытки [2]). Въ камерѣ пытокъ обвиняемому снова напоминалось о необходимости говорить лишь правду, и это обращеніе дѣлалось какъ до начала пытки, такъ и предъ каждымъ ея усиленіемъ; всякое признаніе влекло прекращеніе пытки, при чемъ она возобновлялась, какъ только обвиняемый останавливался въ своей исповѣди. Особый нотаріусъ записывалъ каждое слово пытаемаго; обычно audiencia de tormento продолжалась часъ или полтора; многіе протоколы отмѣчаютъ: начало пытки въ 9 часовъ

---

[1]) Льоренте говоритъ, что пытка 90-лѣтней старухи въ Куэнкѣ явилась нарушеніемъ предписаній Супремы, требовавшей будто, чтобы глубокихъ старцевъ не пытали, а лишь устрашали картиной пытки, in cospectu tormentorum. На дѣлѣ, однако, въ инструкціяхъ 1561 г. нѣтъ никакихъ ограниченій примѣненія пытки. Въ 1607 г. въ Валенсіи подверглась пыткѣ Изабелла Магдалина *13 лѣтъ* за то, что соблюдала нѣкоторые арабскіе обряды; послѣ пытки ей дали 100 розогъ. Наоборотъ, 107-лѣтній Хуанъ де Эредіа въ томъ же году за подобное же преступленіе не пытался, а подвергся лишь in conspectu tormentorum.

[2]) Schäfer, «Beiträge zur Geschichte des spanischen Protestantismus und der Inquisition», I, 143. Это подтверждается также случаями обращенія Инквизиціи къ спеціальнымъ врачамъ, предъ началомъ пытки. Грыжа, беременность не считались достаточнымъ поводомъ для избѣжанія пытки, хотя по отношенію къ беременности иногда временно и не примѣнялась пытка Въ 1608 г. въ Толедо возникъ вопросъ, пытать ли Марію Гило, на рукахъ которой находился грудной ребенокъ; врачъ нашелъ это опаснымъ для жизни ребенка, тѣмъ не менѣе, Супрема приказала пытать.

утра, конецъ въ 10 или $10^1/_2$ [1]). Пытка могла примѣняться съ цѣлью либо вырвать у обвиняемаго признаніе вины (tormentum in caput proprium), либо заставить его указать соучастниковъ преступленія (tormentum in caput alienum). Какъ утверждаетъ Шеферъ, во второмъ случаѣ она давала, съ точки зрѣнія Инквизиціи, болѣе успѣшные результаты, такъ какъ даже самые сильные люди при повторной пыткѣ часто выдавали своихъ товарищей по ереси. На слѣдующій день послѣ пытки обвиняемый долженъ былъ подписаться подъ тѣмъ, что нотаріусъ въ audiencia de tormento занесъ, отъ имени пытаемаго, въ протоколъ; отказъ отъ данныхъ наканунѣ показаній влекъ за собою новую пытку, считавшуюся продолженіемъ первой, такъ какъ Супрема не допускала надъ однимъ и тѣмъ же лицомъ повторять пытку. По словамъ Льоренте, случаи смерти во время пытки были частымъ явленіемъ [2]); Монтана приводитъ и имя одной такой жертвы—Хуана Бооркесъ [3]).

Во время пытки Энрикеса въ 1623 г. въ Вальядолидѣ съ несчастнымъ произошелъ какой-то «случай»: врачъ потребовалъ, чтобы его немедленно отвезли въ больницу, гдѣ онъ и умеръ. Бланка Родригесъ Матосъ умерла, гласитъ отчетъ о процессѣ противъ ея памяти, въ Вальядолидѣ 21 мая 1655 г., въ день, когда стали ее пытать согласно постановленію трибунала. Не только еретики подвергались пыткѣ, не только у еретиковъ можно было путемъ пытки вырвать доносъ на другихъ, но и свидѣтели иногда переносили пытку, въ особенности при дачѣ противорѣчивыхъ показаній или при нежеланіи говорить, когда Инквизиція считала такое молчаніе равнымъ преступленію; рабовъ почти постоянно пытали, когда противъ ихъ господъ велся инквизиціонный процессъ. Такъ, во время суда надъ однимъ изъ участниковъ убійства Арбуэса, Хуана де ла Кабальерія, его рабыня Люсія дважды подверглась пыткѣ [4]). Въ отношеніи пытки не было привилегированныхъ классовъ, и самые могущественные гранды подвергались ей, какъ и рабы; къ духовенству старались примѣнять болѣе мягкія формы пытки; кромѣ того, обычно представителей духовенства пыталъ служитель Церкви, а не свѣтское лицо. Распоряженіемъ 1633 г. Супрема потребовала, чтобы приговоры къ пыткѣ духовенства представляли на ея утвержденіе. Обыкновенно пытку производилъ инквизиціонный алкаидъ, получавшій въ годъ 500 суэлдовъ; однако, нерѣдко ни одинъ служитель Инквизиціи не соглашался на это, и городской палачъ бралъ на себя эту обязанность. Такъ, въ Мадридѣ съ марта по августъ 1681 г. городской палачъ получилъ отъ трибунала 44 дуката за 11 случаевъ пытки, т.-е. по 4 дуката за каждый случай [5]). Если пытка ни къ чему не приводила, и еретикъ упорно продолжалъ утверждать о своей невинности, то онъ, согласно и логикѣ, и закону, долженъ былъ быть оправданъ и признанъ свободнымъ, такъ какъ пытка являлась средствомъ подтвержденія виновности или невинности обвиняемаго. На дѣлѣ, однако, рѣдко, послѣ безрезультатной пытки, обвиняемаго отпускали на свободу: прежде всего, всегда можно было утверждать, что пытка была недостаточно мучительной, и потому ее слѣдуетъ возобновить; кромѣ того, Инквизиція не могла, послѣ причиненія столькихъ мученій, сознаваться въ своей ошибкѣ и выпускать изъ камеры пытокъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, а потому она налагала на нихъ, въ противорѣчіи съ закономъ и съ логикой, самыя разнообразныя наказанія. Такъ, въ 1628 г. Андреса де Фонсека два раза пытали, но безрезультатно; онъ былъ приговоренъ къ ауто-да-фе въ качествѣ кающагося, къ abjuratio de levi, 10 годамъ изгнанія и 500 дукатамъ штрафа. Теодора Паула послѣ пытки была наказана 6 годами

[1]) Ли приводитъ случаи, когда пытка продолжалась 3 часа. Въ 1648 г. въ Вальядолидѣ стали пытать Антоніо Лопеса въ 8 часовъ, пытка продолжалась до 11 час.; послѣ этого Лопесъ пытался покончить съ собою и умеръ черезъ мѣсяцъ.

[2]) «Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne», II, 110.

[3]) «Inquisitionis Hispanicae artes» (имѣется испанскій перев.), стр. 181 и слѣд. (латин. изданія).

[4]) Lea, «History», III, 13.

[5]) Id., op. cit., III, 17.

изгнанія, 300 дукатамъ штрафа и abjuratio de levi. Изабелла де Миранда двумя годами изгнанія и 300 дукатамъ штрафа. Трудно съ точностью опредѣлить, какъ часто примѣнялась пытка, такъ какъ въ публичныхъ отчетахъ во время ауто-да-фе не дѣлалось никакихъ намековъ о ней. По вычисленіямъ Ли, толедскій трибуналъ съ 1575 г. по 1610 г. привлекъ къ отвѣтственности за ересь 411 человѣкъ, къ которымъ можно было примѣнить пытку; 109 человѣкъ дѣйствительно подверглись таковой. 8 даже дважды, въ двухъ случаяхъ изъ-за болѣзни она была отмѣнена, 7 человѣкъ сознались до начала пытки, а по отношенію къ 5 она была примѣнена in conspectu, — въ общемъ на 411 случаевъ 131 разъ была примѣнена пытка, что составляетъ 32%. Такой процентъ нужно считать, однако, слишкомъ низкимъ, такъ какъ извѣстно, наприм., что въ Вальядолидѣ въ 1624 г. за еврейство судилось 11 человѣкъ, и всѣ были пытаемы, въ 1655 г. во всѣхъ случаяхъ іудейской ереси примѣнялась пытка (такихъ случаевъ было 9). Въ Лимѣ съ 1635 г. по 1639 г. почти всѣхъ обвиняемыхъ пытали [1]).

По окончаніи пытки начинался судъ: засѣдалъ инквизиціонный трибуналъ въ полномъ составѣ (consulta de fe), т.-е. всѣ инквизиторы даннаго округа, епископъ или делегатъ его (которымъ могъ быть одинъ изъ инквизиторовъ) и consultores, совѣтники суда, обыкновенно ученые теологи и юристы. Епископъ и совѣтники были освѣдомлены о сущности процесса изъ vista, краткаго резюме, составлявшагося прокуроромъ; всѣ члены суда одинаково пользовались рѣшающимъ голосомъ, однако, при голосованіи инквизиторъ могъ формулировкой обвиненія и путемъ произнесенія особой рѣчи вліять въ извѣстномъ направленіи на членовъ-совѣтниковъ. Для приговора необходимо было не только абсолютное большинство, но чаще единогласіе; каждый мотивировалъ свой вотумъ (votación); сомнительные случаи (discordias) рѣшались Супремой; когда послѣдняя стала все чаще и чаще вмѣшиваться въ постановленія consulta de fe, число совѣтниковъ, которое раньше доходило до 10 — 12, начало уменьшаться, тѣмъ болѣе, что они не получали никакого вознагражденія; даже епископъ не всегда принималъ участіе въ трибуналѣ; послѣдній превратился въ обычное засѣданіе 2—3 инквизиторовъ; бывали случаи, когда одинъ инквизиторъ представлялъ собою всю consulta de fe. Въ 1746 г. во всѣхъ испанскихъ трибунахъ было всего 18 consultores, изъ которыхъ 8 на островѣ Майоркѣ [2]). Вслѣдъ за votación, иногда, впрочемъ, черезъ нѣсколько дней въ виду выяснившейся необходимости обратиться къ свидѣтелямъ за разъясненіями, произносился приговоръ, sentencia. Онъ начинался словомъ «visto», за которымъ слѣдовалъ обычно длинный перечень преступленій обвиняемаго; послѣ этого шелъ собственно приговоръ, начинавшійся словомъ «fallamos», которому предшествовала формула: «Christi nomine invocato». Такой приговоръ носилъ названіе con meritos; если же перечень преступленій сокращался, и читалась лишь вторая половина—отъ словъ «Christi nomine invocato», то приговоръ назывался sin meritos. Въ менѣе серьезныхъ случаяхъ sentencia произносилась въ auto particular или autillo, въ болѣе серьезныхъ устраивалось публичное ауто-да-фе съ чтеніемъ приговора. Иногда чтеніе приговора продолжалось очень долго: такъ, въ Кордовѣ 13 мая 1546 г. сентенція надъ мнимой святой Магдалиной де ла Крусъ началась въ 6 часовъ утра и закончилась въ 4 часа по-полудни [3]). Еретикъ узнавалъ о предстоящемъ ауто-да-фе лишь за нѣсколько часовъ до начала его, когда къ нему въ камеру являлся тюремщикъ, чтобы одѣть его въ надлежащую одежду; этимъ фактически отнималась у него возможность апеллировать къ Супремѣ. Когда въ 1573 г. Супрема, не желая обращать право апелляціи въ простую насмѣшку надъ еретиками, потребовала, чтобы ихъ

---

[1]) Lea, op. cit., III, 33.
[2]) См. приложеніе къ «History» Ли, II т., 593—595.
[3]) Lea, op. cit., III, 94.

знакомили съ приговоромъ не въ день наказанія, а чтобы имъ дано было время для использованія права апелляціи, то это распоряженіе встрѣтило такое негодованіе со стороны отдѣльныхъ трибуналовъ, что 11 апрѣля 1577 г. оно было Супремой же отмѣнено. Однако, въ несерьезныхъ дѣлахъ, когда sentencia прочитывалась въ autillo, правомъ апелляціи обвиняемый могъ воспользоваться сейчасъ же послѣ произнесенія приговора, читавшагося въ присутствіи прокурора. Точно также давалась возможность апеллировать на рѣшеніе первой инстанціи приговореннымъ къ смертной казни: они знали объ ожидавшей ихъ участи еще до дня ауто-да-фе для того, чтобы они могли путемъ исповѣди, покаянія и разговоровъ съ инквизиторами спасти свою грѣшную душу.

Наиболѣе тяжелой формой наказанія была выдача еретика въ руки свѣтской власти,—relaxación á la justicia y brazo seglar или просто—al brazo seglar (relaxatio ad brachium saeculare). Инквизиція этимъ какъ бы заявляла, что ей съ преступникомъ дѣлать нечего, такъ какъ душу спасти его уже нѣтъ возможности, и свѣтской власти остается лишь казнить еретика, при чемъ послѣдняя являлась простой исполнительницей инквизиціоннаго приговора и, подъ страхомъ обвиненія въ сочувствіи ереси, немедленно должна была осуществлять постановленіе инквизиціоннаго трибунала. Слова Инквизиціи при выдачѣ еретика о томъ, что съ нимъ должно поступать милосердно и великодушно, были простымъ лицемѣріемъ, не имѣвшимъ практически никакого значенія. Выдача означала сожженіе на кострѣ; однако, тѣ, которые послѣ произнесенія sentencia каялись, не сожигались заживо: ихъ раньше душили, а затѣмъ возводили на костеръ. Первыя три ауто-да-фе въ Барселонѣ, происходившія въ 1488 и 89 гг., имѣли дѣло лишь съ задушенными еретиками; на большомъ ауто въ Вальядолидѣ 21 мая 1559 г., когда къ смерти были приговорены 14 лютеранъ, заживо былъ сожженъ лишь Эресуэло, остальные были раньше задушены; на ауто-де-фе 1571 г. въ Логроньо изъ 47 приговоренныхъ къ смерти живьемъ были сожжены лишь 4; на ауто 1722 г. въ Гранадѣ изъ 11 ни одинъ не былъ сожженъ, всѣ были задушены. Когда Антоніо Габріэль де Торре Савальосъ на ауто въ Кордовѣ въ 1722 г., обвиненный въ іудействѣ, покаялся послѣ произнесенія приговора и сталъ умолять судей въ видахъ искупленія своего грѣха, чтобы они живымъ его возвели на костеръ, ему было въ этомъ отказано, и онъ предварительно былъ задушенъ: «онъ отдалъ Господу душу къ великому утѣшенію и назиданію народа» [1]). На 64-хъ ауто, происходившихъ въ 1721—27 гг., изъ 77 приговоренныхъ къ смерти 14 были сожжены заживо; остальные задушены.

Relaxación была неизбѣжнымъ удѣломъ тѣхъ, которые отрицали свое преступленіе, несмотря на то, что оно, по мнѣнію трибунала, не подлежало сомнѣнію; такіе отрицатели—negativos—приравнивались къ упорнымъ еретикамъ, хотя бы они, какъ утверждаетъ Симанкасъ, тысячу разъ заявляли, что они настоящіе католики и желаютъ быть и умереть въ католицизмѣ [2]). Къ нимъ же относились и diminutos, т.-е. тѣ, которые давали неполныя показанія, и исповѣдь которыхъ признавалась недостаточной; такъ, въ 1606 г. морискъ Эрнандо де Пальмо былъ обвиненъ толедскимъ трибуналомъ въ соблюденіи и пропагандированіи арабскихъ обычаевъ; Эрнандо отрицалъ свою вину и подвергся жестокой пыткѣ, оказавшейся безрезультатной. Судъ нашелъ его невиновнымъ и приговорилъ его къ abjuratio de levi; но Эрнандо объ этомъ не зналъ и просилъ вызвать его на дополнительную аудіенцію, во время которой онъ заявилъ, что дѣйствительно лѣтъ 7—8 тому назадъ онъ исполнялъ маврскія церемоніи, не зная, что онѣ маврскія. Трибуналъ увидѣлъ въ этомъ новое преступленіе: Эрнандо во время первыхъ аудіенцій и пытки давалъ неполныя показанія и въ качествѣ diminuto былъ теперь приговоренъ къ сожженію. Помимо

[1]) Lea, «History», III, 194.
[2]) Idem., op. cit., II, 565.

negativos и diminutos, смертной казни подвергались тѣ, которые, разъ сознавшись въ своемъ преступленіи, потомъ брали обратно свое признаніе. Такъ, въ 1585 г. Мануэль Томасъ, обвиненный толедскимъ трибуналомъ въ іудействѣ, отрекся отъ того, въ чемъ признался послѣ произнесенія sentencia, и былъ за это сожженъ. Relapsi, т.-е. рецидивисты, также подлежали смертной казни, и когда въ 1536 г. на имя Супремы поступило ходатайство о смягченіи участи рецидивиста, Супрема отвѣтила, что на этотъ счетъ законъ не допускаетъ никакихъ компромиссовъ, и виновный долженъ понести кару. Ни на какую милость не могли разсчитывать также и ересіархи, т.-е. учителя ереси, которые, не довольствуясь гибелью своей души, вовлекали въ пучину преступленій и души другихъ людей. Въ 1600 г. на усмотрѣніе Супремы былъ представленъ слѣдующій случай. Какой-то алфаки, обвиненный въ пропагандѣ ислама, на судѣ призналъ, что распропагандировалъ свою жену, но ни одного посторонняго человѣка. Трибуналъ докладывалъ Супремѣ, что, хотя законъ требуетъ relaxación для пропагандиста, онъ, однако, допускаетъ въ данномъ случаѣ смягченіе наказанія, такъ какъ виновный добровольно сознался, и его обращеніе въ лоно католицизма будетъ служить хорошимъ примѣромъ для другихъ еретиковъ. Супрема не нашла возможнымъ смягчить приговоръ. Relaxación влекла за собою ipso jure рядъ другихъ наказаній,—прежде всего конфискацію всего имущества, коимъ преступникъ владѣлъ съ момента совершенія преступленія; затѣмъ лишеніе дѣтей и внуковъ осужденныхъ права занимать общественныя должности, быть нотаріусами, секретарями, адвокатами, откупщиками, врачами, хирургами, парикмахерами, аптекарями, маклерами, а также торговать колоніальными и многими другими товарами, носить драгоцѣнности, шелковыя и роскошныя платья и ѣздить верхомъ на лошади или носить оружіе. Эти спутники смертныхъ приговоровъ, не выпускавшіе своей жертвы даже послѣ смерти и преслѣдовавшіе дѣтей и внуковъ ея, причиняли неимовѣрный матеріальный ущербъ совершенно невиннымъ лицамъ и часто также приводили къ крайне сложнымъ и спорнымъ вопросамъ: нужно ли и въ какомъ именно видѣ примѣнять къ наслѣдникамъ осужденныхъ вытекавшія изъ смертныхъ приговоровъ послѣдствія. Такъ, въ анналахъ Инквизиціи осужденіе in absentia, умершаго или бѣжавшаго, было весьма частымъ явленіемъ; но бѣглый могъ вернуться и доказать свое alibi, и было бы, по мнѣнію Инквизиціи, не всегда справедливо наказывать дѣтей и внуковъ такого преступника, виновность котораго еще не опредѣлена. Спорнымъ представлялось также, запрещена ли верховая ѣзда только на лошадяхъ или также на мулахъ; Симанкасъ толковалъ это запрещеніе въ распространительномъ смыслѣ и утверждалъ, что даже въ повозкѣ имъ не слѣдуетъ ѣздить, такъ какъ дѣти и внуки преступниковъ должны ходить пѣшкомъ. Во время устроенной Инквизиціей паники, въ связи съ раскрытіемъ лютеранской ереси въ Севильѣ и въ Вальядолидѣ въ 1559 г., распространительное толкованіе зашло даже дальше требованій Симанкаса, и четвертое поколѣніе Хуана Понсе де Леона испытывало на себѣ тяжесть вытекавшихъ изъ смертнаго приговора послѣдствій. Нарушители этого закона разсматривались какъ рецидивисты и наказывались смертью.

Если еретикъ до произнесенія приговора каялся и просилъ о помилованіи, то ему давалось право присоединиться къ Церкви, reconciliación, если только еретикъ не былъ рецидивистомъ. Почти всегда reconciliación происходила на публичномъ ауто-да-фе и сопровождалась большой торжественностью; сама по себѣ она не была наказаніемъ, но она влекла за собою тяжелыя для еретика послѣдствія. Прежде всего, подлежало конфискаціи все его имущество, такъ какъ присоединеніе къ Церкви касалось лишь его души, а не имущества, по праву принадлежащаго Инквизиціи; затѣмъ присоединившемуся (reconciliado) грозило вѣчное или многолѣтнее тюремное заключеніе; наконецъ, на него распространялся рядъ ограниченій гражданскаго характера. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для reconciliado могло служить, что его дѣти и внуки, не въ примѣръ потомству приговоренныхъ къ

смерти еретиковъ, не находились подъ тяжестью гражданскихъ ограниченій и могли владѣть имуществомъ и свободно торговать. Обыкновенно можно было лишь разъ присоединиться къ Церкви; однако, въ этомъ отношеніи встрѣчаются исключенія, и Антонія, жена Ферера Пратца, наприм., три раза подвергалась въ 1509 г. reconciliación. Особенно часто бывали повторныя примиренія послѣ изданія эдиктовъ о помилованіи, когда еретики массами въ виду обѣщаннаго снисхожденія каялись и умоляли о присоединеніи. Такъ, на островѣ Майоркѣ въ 1488 и 1490 гг., послѣ опубликованія эдиктовъ, къ Церкви присоединилось 434 человѣка, изъ которыхъ 288 потомъ подверглись вторичному присоединенію. Тѣ, которые являлись съ повинной послѣ срока дѣйствія эдикта о помилованіи (обыкновенно 30—40 дней), espontaneados, не избѣгали, вообще говоря, конфискаціи, но часто послѣдняя въ отношеніи ихъ смягчалась, и въ 1597 г. Супрема даже высказалась, чтобы имущество espontaneados не конфисковывалось; однако, у добровольно покаявшагося Альваро Нуньеса де Веласко все-таки имущество было въ 1677 г. конфисковано [1]). Хотя примирившіеся съ Церковью въ дни эдикта о милосердіи не теряли своего имущества, однако, когда въ 1484—86 гг. мараны массами добровольно каялись, то монастыри, капитулы, прелаты, аббатства и отдѣльные дворяне перестали платить имъ слѣдуемыя процентныя деньги на томъ основаніи, что мараны, въ качествѣ присоединившихся, не имѣютъ права владѣть имуществомъ. Прекращеніе доходовъ отразилось тяжело не только на маранахъ, но и на Инквизиціи, которая стала жаловаться, что не можетъ теперь налагать на нихъ большихъ денежныхъ штрафовъ. Въ виду этого Иннокентій VIII издалъ въ 1486 г. бреве, въ которомъ въ категорической формѣ было заявлено, что на присоединившихся марановъ не распространяются правила о конфискаціи имущества со всѣми ея послѣдствіями.

Въ дѣлѣ присоединенія, возрастъ очевидно, не игралъ роли. Такъ, на ауто-да-фе 1632 г. въ Мадридѣ 12-тилѣтняя Каталина Мендесъ подверглась въ санбенито присоединенію и была присуждена къ шестимѣсячному тюремному заключенію; въ 1659 г. въ Толедо Хорхе и Перейра, португальскія еврейки 10 лѣтъ, фигурировали въ качествѣ reconciliadas; вторая была приговорена къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы съ конфискаціей имущества. Умершіе въ тюрьмѣ послѣ покаянія и просьбы о прощеніи подвергались присоединенію на ауто-да-фе in statua. Во время суда въ 1678 г. на островѣ Майоркѣ надъ 215 еретиками трое іудействующихъ умерло; на публичное ауто были доставлены въ 1679 г. лишь 212 живыхъ, мертвые же примирились съ Церковью лишь 2 іюля 1691 г.,—и Ли справедливо удивляется, что не нашлось теолога, который спросилъ бы себя, какова была духовная жизнь этихъ мертвецовъ въ теченіе 13 лѣтъ,—со времени ихъ покаянія до присоединенія къ Церкви [2]). Бѣжавшіе отъ Инквизиціи, разумѣется, не могли попасть въ категорію присоединившихся, если добровольно не возвращались на родину или, вѣрнѣе, туда, гдѣ ихъ поведеніе вызвало противъ нихъ преслѣдованіе Инквизиціи. Кромѣ конфискаціи, примирившіеся приговаривались къ тюремному заключенію—carcel perpetua, къ вѣчному заточенію. Послѣднее, однако, не должно понимать буквально, и Симанкасъ утверждаетъ, что обычно подъ вѣчнымъ заточеніемъ разумѣлось три года, а подъ carcel perpetua irremisible (вѣчное заключеніе безъ прощенія) восемь лѣтъ; и дѣйствительно, Инквизиція часто вслѣдъ за «вѣчнымъ» заключеніемъ прибавляетъ: «на два года», «на 6 мѣсяцевъ» и т. д., т.-е. превращаетъ слово «вѣчный» въ какой-то символъ. Тюремъ у Инквизиціи было мало, она крайне неохотно тратила деньги на ихъ постройку и готова была освобождать арестантовъ до срока, если только они могли дать какую-либо денежную компенсацію. Такъ, приговоренная 21 сентября 1550 г. къ 6 мѣсяцамъ вѣчнаго заточенія Гарсія

---

[1]) Lea, «History». II, 321.
[2]) Lea, «History». III, 149.

ходатайствовала 13 января 1551 г. о своемъ освобожденіи, «какъ это обыкновенно дѣлали всѣ», и инквизиторъ Алонсо Пересъ заявилъ ей, что готовъ освободить ее изъ тюрьмы, если она дастъ 4 дуката [1]). Великій инквизиторъ Хименесъ неоднократно порицалъ отдѣльные трибуналы за чрезмѣрно частыя освобожденія изъ заключенія; однако, напоминанія эти не имѣли большого практическаго значенія. Имѣются данныя, показывающія, что арестантовъ иногда освобождали даже безъ денежной компенсаціи. Такъ, Симонъ Мендесъ Сото, 84-хлѣтній старикъ, слѣпой, глухой, страдавшій многими болѣзнями, былъ въ 1666 г. освобожденъ изъ тюрьмы, такъ какъ нуждался въ лѣченіи. Віоланте Родригесъ, приговоренная въ 1667 г., послѣ трехлѣтняго предварительнаго заключенія, къ двумъ годамъ тюрьмы была черезъ годъ освобождена, такъ какъ у нея остались семеро малолѣтнихъ дѣтей безъ всякаго присмотра (мужъ ея также было заключенъ въ тюрьму) и безъ всякихъ средствъ. Къ малолѣтнимъ, впрочемъ, Инквизиція не питала особенной жалости: толедскій трибуналъ осудилъ 11-тилѣтняго мальчика Гарсію къ вѣчному заточенію по обвиненію въ еврействѣ; за то же преступленіе были осуждены въ Куэнкѣ 29 іюня 1654 г. Гомесъ 12 лѣтъ и Хорхе 14 лѣтъ. Различали нѣкоторые виды тюремъ по строгости ихъ режима и нерѣдко изъ одной тюрьмы переводили въ другую — болѣе суровую или менѣе суровую. Самая мягкая форма была reclusión, куда обычно сажали членовъ конгрегацій и вообще представителей духовенства; въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ можно было имѣть сношенія съ внѣшнимъ міромъ, бывали даже обыкновенные домашніе аресты. При освобожденіи арестанты давали присягу, что ничего не сообщатъ о томъ, что видѣли и слышали въ тюремномъ заключеніи.

Недостатокъ въ тюрьмахъ, а также желаніе использовать рабочую силу привели къ тому, что вѣчное заточеніе часто замѣнялось принудительной галерной работой, причемъ нерѣдко тюремное заключеніе толковалось въ томъ смыслѣ, что приговоренный первые два года работалъ на галерахъ, а остальное время проводилъ въ тюрьмѣ. Разумѣется, на каторжныя работы отправлялись лишь молодые и здоровые люди, которые дѣйствительно могли быть полезны дѣлу. Иниціатива въ замѣнѣ тюрьмы галерными работами принадлежала Фердинанду и Изабеллѣ, которые просили объ этомъ папу, и 26 мая 1503 г. Александръ VI извѣстилъ инквизиторовъ, что онъ предоставляетъ право замѣнять вѣчное заточеніе другимъ наказаніемъ: ссылкой въ колоніи, заключеніемъ въ королевскихъ тюрьмахъ, галерными и иными работами. Указаніе папы, очевидно, пришлось по вкусу трибуналамъ, и 24 января 1505 г. изъ барселонской тюрьмы сразу было отправлено 19 арестантовъ на галеры; этому примѣру послѣдовали и другіе, такъ что Супрема уже въ 1506 г. была вынуждена указать трибуналамъ, что лица старше 60 лѣтъ, женщины и духовныя лица не могутъ посылаться на галеры. Самъ Фердинандъ, повидимому, сталъ чувствовать въ послѣдніе годы своей жизни угрызенія совѣсти по поводу своей иниціативы, и когда въ 1513 г. къ нему обратился сицилійскій инквизиторъ съ вопросомъ, не послать ли на галеры всѣхъ приговоренныхъ къ тюрьмѣ, онъ отвѣтилъ, что было бы желательно обзавестись тюрьмами, если бы это не стоило слишкомъ дорого, и что крайне неудобно отправлять еретиковъ на галеры, такъ какъ они не могутъ тамъ покаяться. Какъ поступилъ послѣ этого инквизиторъ, не извѣстно [2]). Филиппъ II, наоборотъ, неоднократно просилъ Инквизицію усилить посылку на галеры, и Супрема въ 1567 г. отправила трибуналамъ распоряженіе, чтобы, во-первыхъ, продолжительность галерныхъ работъ была не менѣе 3—4 лѣтъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ каторжники ничему не научаются и не приносятъ государству никакой пользы, а во-вторыхъ, чтобы тюремное заключеніе почти всегда замѣнялось галерными работами. Это распоряженіе вскорѣ

---

[1]) Lea, «History», III, 160.
[2]) Lea, op. cit, III, 141.

оказалось недостаточнымъ, и въ 1573 и 1591 гг. Супрема извѣстила трибуналы, что даже тѣ новохристіане, которые сразу признаются и каятся, такъ называемые buen confiente, также должны посылаться на галеры. На ауто-да-фе 6 іюня 1585 г. въ Сарагоссѣ были присуждены къ шести годамъ галерныхъ работъ — 29 человѣкъ. Приблизительно съ середины XVIII вѣка присужденіе къ галерѣ становится все рѣже и рѣже и замѣняется ссылкой и другими каторжными работами: такъ, въ 1742 г. толедскій трибуналъ приговорилъ Рафаила Нуньеса Эрмандеса къ 8 лѣтъ изгнанія, изъ которыхъ первыя 5 лѣтъ онъ долженъ былъ работать въ рудникахъ Алмадена. За двоеженство, которое обычно наказывалось галерами, въ 1745 г. Николай Серано понесъ то же наказаніе, а за возвратъ къ еврейству Гутіересъ и Франсиско Гарсія были осуждены въ Вальядолидѣ къ 10 лѣтъ каторжныхъ работъ въ рудникахъ. Часто также галерныя работы замѣнялись принудительной военной службой. Отбывъ каторжныя работы, преступники должны были вновь предстать предъ Инквизиціей, чтобы подвергнуться духовнымъ наказаніямъ. Такъ, въ 1584 г. приговоръ, вынесенный лютеранину Менсону Фильу, гласилъ: ауто-да-фе, примиреніе съ Церковью, 10 лѣтъ галерныхъ работъ, конфискація имущества, черезъ 10 лѣтъ предстать предъ сантъягскимъ трибуналомъ [1]). 16 мая 1565 г. французъ Пьеръ Лебель, жившій въ Толедо, печатавшій игральныя карты и сознавшійся въ своихъ лютеранскихъ воззрѣніяхъ, которыхъ придерживался въ теченіе 18 мѣсяцевъ, былъ приговоренъ, въ виду поспѣшнаго своего раскаянія, къ ауто-да-фе, примиренію съ Церковью, 200 ударамъ, 6 лѣтъ галерныхъ работъ, по истеченіи которыхъ долженъ былъ предстать для дальнѣйшихъ наказаній предъ толедскимъ трибуналомъ [2]).

Розги (azotes) были частымъ наказаніемъ, при чемъ единицей считалось 100 ударовъ; преступники получали чаще всего 200 розогъ, всегда на ауто-да-фе, при чемъ по городу выкрикивалось о томъ, что данное лицо подвергается Инквизиціей за извѣстныя преступленія такому-то количеству розогъ. На ауто-да-фе 6 іюня 1585 г. въ Сарагосѣ изъ 79 преступниковъ 22 получили розги, въ 1607 г. въ Валенсіи 24 изъ 47, въ Толедо съ 1575 г. по 1610 г. этому наказанію подверглось 133 человѣка, а въ ауто-да-фе, устроенныхъ въ 1721—27 гг., на 962 случая было 297 съ розгами. Въ спискѣ служителей Инквизиціи въ Мурсіи въ 1746 г. фигурируетъ Іосифъ Гарсія Бентура въ качествѣ нотаріуса розогъ—notario de açotaciones, что свидѣтельствуетъ о томъ, что наказаніе это часто пускалось въ ходъ и Инквизиціей считалось настолько серьезнымъ, что оплачивалось окладомъ почти въ 2500 реалей въ годъ. Ни полъ, ни возрастъ не спасали отъ розогъ: 13-тилѣтняя Изабелла Контери, послѣ пытки, подверглась въ Валенсіи 7 января 1607 г. ста ударамъ за исламскую ересь; къ тому же количеству ударовъ былъ приговоренъ за колдовство Франсиско Маркино, 86 лѣтъ отъ роду [3]). Преступники приводились на ауто-да-фе въ одной лишь нижней рубахѣ, съ веревкой на шеѣ, часто съ узлами, составлявшими уже готовую плеть, въ рукахъ они держали зеленую свѣчу. Въ XVIII вѣкѣ публичное сѣченіе становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ, а съ 1814 г. по 1820 г. фактически никто не подвергся этому наказанію, такъ какъ даже рѣдкія присужденія къ этому отмѣнялись Супремой. Публичное выставленіе на позоръ — vergüenza publica — считалось менѣе тяжелымъ наказаніемъ, нежели розги; оно производилось и рѣже. Такъ, толедскій трибуналъ съ 1575 г. по 1610 г. прибѣгъ къ нему 26 разъ, а съ 1648 г. по 1794 г. всего 10 разъ. Если Инквизиція опасалась, что шедшіе къ ауто-да-фе для понесенія опредѣленнаго наказанія будутъ говорить о своей невинности или произносить еретическія рѣчи, то они подвергались кляпу, mordaza, т.-е.

---

[1]) Schäfer, «Beiträge zur Geschichte etc.», II, 75.
[2]) Idem, II, 146.
[3]) Lea, «History», III, 137.

имъ вкладывали въ ротъ кусокъ желѣза. На большомъ ауто-да-фе въ 1559 г. въ Севильѣ 12 человѣкъ подверглись mordaza, такое же число въ 1680 г. въ Мадридѣ.

Болѣе легкимъ наказаніемъ было ношеніе особой одежды — санбенито, sanbenito, abito, sanbentillo и т. д.; составляя самостоятельное наказаніе, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, служило спутникомъ другихъ наказаній: почти всегда присоединившіеся и приговоренные къ тюремному заключенію носили санбенито, а на ауто-да-фе они всегда въ немъ являлись; «carcel y abito» въ приговорахъ не отдѣляются другъ отъ друга. Первое примѣненіе Новой Инквизиціи этой позорящей одежды встрѣчается въ 1486 г., когда толедскій трибуналъ приговорилъ примирившихся съ Церковью въ дни эдикта о милосердіи 200 человѣкъ къ ношенію въ теченіе года санбенито; подъ угрозой рецидива покаявшіеся послѣ начала суда, по приказанію Торквемады въ 1490 г., должны были всю жизнь носить черное или сѣрое санбенито опредѣленныхъ размѣровъ; сверху одѣвалось особое платье, имѣвшее спереди и сзади краснаго цвѣта кресты. Впрочемъ, были разные виды санбенито: Великій инквизиторъ Хименесъ ввелъ въ употребленіе андреевскій крестъ, aspa de San Andrés, у приговоренныхъ къ смерти на санбенито были изображенія дьяволовъ, ада, пламени и т. д. Въ Барселонѣ въ 1490 г. послѣ того, какъ съ покаявшихся было снято санбенито, оно, по приказу инквизитора, было повѣшено на видномъ мѣстѣ; съ тѣхъ поръ помѣщеніе въ церквахъ санбенито съ разными надписями сдѣлалось частымъ явленіемъ, и Инструкціи 1561 г. говорятъ о томъ, что санбенито должны быть сняты съ выданныхъ въ руки свѣтской власти немедленно, а съ другихъ осужденныхъ по отбытіи ими наказанія. Вывѣшиваніе въ церквахъ санбенито увѣковѣчивало имена преступниковъ, потомство которыхъ отъ этого сильно страдало, и Себастіанъ де Ороско разсказываетъ, что многіе новообращенные мѣняли изъ-за этого свои фамиліи [1]): это было единственнымъ средствомъ изгладить изъ памяти народа грѣхи предковъ, такъ какъ старыя санбенито время-отъ-времени мѣнялись на новыя, на которыхъ снова писались имена прежнихъ преступниковъ, равно какъ и ихъ преступленія. Во многихъ мѣстахъ народъ возмущался увѣковѣчиваніемъ преступныхъ именъ, и въ 1572 г. въ Фрехеналѣ, гдѣ населеніе состояло изъ новообращенныхъ, и сами священники имѣли въ своихъ жилахъ много «нечистой» крови, были изъ церкви украдены санбенито: изъ 599, какъ видно было изъ отправленной Супремѣ жалобы, осталось лишь 10—12, которыя были такъ повѣшены, что нельзя было узнать, что на нихъ написано, а надписи на доскѣ съ изложеніемъ всѣхъ преступленій были совершенно стерты. Въ 1576 г. инквизиторъ Монтоо составилъ на основаніи инквизиціонныхъ отчетовъ списокъ осужденныхъ въ Фрехеналѣ еретиковъ, выслалъ новыя санбенито и дощечку съ перечнемъ преступленій и приказалъ ее повѣсить на видномъ мѣстѣ. Дощечки эти заключали имена 162 выданныхъ свѣтской власти, чтобы привести надъ ними въ исполненіе смертный приговоръ, и 409 присоединенныхъ къ Церкви [2]). Церкви часто жаловались на чрезмѣрное загроможденіе своихъ помѣщеній санбенито и просили папу разрѣшить имъ удалять санбенито, но Инквизиція противилась этому, и папа былъ безсиленъ; Инквизиція часто устраивала внезапныя ревизіи, чтобы убѣдиться, висятъ ли въ церквахъ «manteas y insinias» преступныхъ прихожанъ; при прибытіи на мѣсто ревизора ему, согласно распоряженію 1569 г. Супремы, немедленно приносили всѣ отчеты о еретикахъ, и онъ сравнивалъ ихъ съ висѣвшими санбенито.

Если противъ обвиняемаго оставалось подозрѣніе, то онъ долженъ былъ искупать это подозрѣніе посредствомъ отреченія, abjuratio, abiuración; смотря по степени подозрѣнія, различали легкія и тяжелыя отреченія, de levi и de vehementi. Такъ какъ Инквизиція всегда подозрительно относилась къ своимъ жертвамъ, то отреченіе прак-

[1]) «Boletin de la Real Academia de la Historia», XI, 309.
[2]) Lea, «History», III, 167—168.

тиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, къ нему присуждали совершенно произвольно, и не существовало никакихъ правилъ, когда слѣдовало примѣнять тяжелую форму и когда легкую. Послѣдняя, повидимому, практиковалась чаще. Отреченіе происходило обычно на ауто-да-фе, хотя встрѣчались и частныя отреченія; впавшій послѣ abjuratio de vehementi въ грѣхъ считался рецидивистомъ, который ipso facto, безъ суда, подлежалъ смерти,—по отношенію же къ легкому отреченію вторичное совершеніе грѣха или преступленія не считалось обычнымъ рецидивомъ, влекущимъ за собою смертную казнь,—въ этомъ заключалось главное различіе между обоими видами отреченія. Только въ крайне незначительныхъ случаяхъ abjuratio не сопровождалось другими наказаніями; обычно Инквизиція налагала при этомъ то или иное наказаніе. Такъ, Луисъ де Варгасъ былъ на ауто-да-фе 1694 г. въ Толедо приговоренъ къ abjuratio de levi, къ штрафу въ 200 дукатовъ и къ изгнанію изъ нѣкоторыхъ городовъ на шесть лѣтъ; тотъ же трибуналъ въ 1715 г. приговорилъ монаха Франсиско Мартинеса де Селасаръ къ abjuratio de vehementi, къ заточенію въ монастырь на шесть лѣтъ и къ нѣкоторымъ другимъ наказаніямъ. Изгнаніе практиковалось Инквизиціей рѣже и составляло самостоятельное наказаніе; изгонялись преступники на самые различные сроки, при чемъ изгнаніе охватывало самые разнообразные районы: грандамъ иногда запрещалось жить лишь въ столицѣ, бывали случаи изгнанія лишь изъ королевскаго дворца. Существовали и нѣкоторые другіе виды наказанія, которые, однако, рѣже примѣнялись Инквизиціей и не представляютъ особеннаго интереса; скажемъ лишь, что уничтоженіе домовъ, въ которыхъ собирались еретики для святотатственныхъ, съ точки зрѣнія католицизма, цѣлей, практиковалось сравнительно рѣдко, такъ какъ проникнутая практическимъ духомъ Инквизиція видѣла въ этомъ безполезную трату принадлежащаго ей имущества.

Отмѣтимъ ауто-да-фе, на которыхъ было предано смертной казни болѣе или менѣе значительное число человѣкъ.

Городъ.	Число.	Заживо сожжено.	Примѣч.
Сіудадъ-Реаль	23 и 24 февр. 1484 г.	30	и in effigie 40.
Сіудадъ-Реаль	4 августа 1484 г.	42	всѣ евреи, погибли Бельмонтесъ, Гонсалесъ и др.
Толедо	24 мая 1488 г.	21	и 400 чел. подверглись различнымъ наказаніямъ, всѣ евреи.
Кордова	5 января 1492 г.	34	изъ нихъ 7 женщинъ, двое in effigie.
Кордова	25 марта 1507 г.	107	За посѣщеніе проповѣди іудейскаго апостата Б. Мембреке, на ауто «съ большой радостью» присутствовалъ Фердинандъ.
Мадридъ	13 сентября 1560 г.	29	по донесенію посланника Тіеполо, очень богатые люди, имущество которыхъ достигало 400 тыс. дукатовъ.
Вальядолида	19 іюня 1489 г.	22	изъ нихъ четверо in effigie; это было первое ауто-да-фе въ Вальядолидѣ.
Севилья	19 іюля 1501 г.	45	
Майорка	30 іюня 1691 г.	37	всѣ евреи, 34 были задушены.
Майорка	2 іюля 1691 г.	38	кромѣ того, 7 in effigie.

Крупнѣйшими ауто-да-фе по количеству обвиняемыхъ, подвергнутыхъ различнаго рода наказаніямъ, слѣдуетъ, между прочимъ, считать:

Городъ.	Число.	Количество жертвъ.	Примѣч.
Толедо	12 февраля 1486 г. .	740	
Толедо	2 апрѣля 1486 г. . .	900	
Толедо	10 декабря 1486 г. .	900	
Толедо	11 іюня 1486 г. . .	250	
Толедо	15 января 1487 г. . .	700	

Городъ.	Число.	Заживо сожжено.	Примѣч.
Толедо	10 марта 1487 г.	1200	
Толедо	15 марта 1487 г.	1000	
Толедо	3 февраля 1489 г.	105	
Севилья	май 1583 г.	87	7 заживо сожжены
Севилья	іюнь 1589 г.	95	5 заживо сожжены
Сарагосса	20 октября 1592 г.	80	6 заживо сожжены
Севилья	21 декабря 1627 г.	76	
Кордова	1595 г.	93	
Толедо	1 января 1651 г.	76	
Севилья	апрѣль 1660 г.	80	7 евреевъ заживо сожжены, 30 effigie.
Кордова	3 мая 1655 г.	88	
Кордова	29 іюня 1665 г.	101	

Въ Толедо за періодъ 1575—1610 гг. Инквизиціей были присуждены:

къ смерти	15	къ заточенію въ монастырь	87
... in effigie	18	къ галернымъ работамъ	91
конфискаціи	185	къ розгамъ	133
денежнымъ штрафамъ (свыше $2^1/_2$ мил. мар.)	141	къ изгнанію	167
къ примиренію съ Церковью	207	къ другимъ наказаніямъ	633
санбенито	186	Оправдательный приговоръ былъ вынесенъ	51
тюремному заключенію	175		

Тотъ же трибуналъ за 1648—1794 гг. вынесъ слѣдующіе приговоры:

смерть	8	присоединеніе къ Церкви	445	розги	92
in effigie	63	тюрьма и санбенито	426	изгнаніе	556
конфискація	417	заточеніе въ монастырь	91	другія наказанія	935
денежные штрафы	64	галерныя работы	98	оправдательный	6

64 ауто-да-фе, происходившія въ 1721—1727 гг., вынесли слѣдующіе приговоры:

смертная казнь	77	галерныя работы	99
in effigie	74	розги	297
конфискація	776	позорное выставленіе	13
конфискація $^1/_2$ имущества	12	изгнаніе	189
примиреніе	630	Abjuratio de vehementi	31
тюремное заключеніе	640	abjuratio de levi	125

Элканъ Натанъ Адлеръ приводитъ въ своей книгѣ «Auto de fé and Jew» (1908), на основаніи многочисленныхъ данныхъ, ауто-да-фе, имѣвшія мѣсто въ Испаніи и Португаліи съ 1480 г., располагая ихъ въ группы по 5 лѣтъ. Такъ какъ матеріалъ, касающійся ауто-да-фе, въ частности отчеты (relación) о нихъ, не опубликованы еще цѣликомъ, можетъ быть, даже не сохранился въ полномъ видѣ ни въ одномъ архивѣ, то перечень Адлера не можетъ вслѣдствіе этого претендовать на полноту; являясь, однако, наиболѣе совершеннымъ изъ опубликованныхъ до сего времени перечней, онъ заслуживаетъ того, чтобы быть здѣсь воспроизведеннымъ.

Годы.	Испанія.	Португалія.	Годы.	Испанія.	Португалія.	Годы.	Испанія.	Португалія.
1480—4	36	—	1555—9	17	2	1630—4	8	17
1485—9	99	—	1560—4	18	10	1635—9	2	27
1490—4	45	—	1565—9	13	18	1640—4	10	20
1495—9	24	—	1570—4	8	14	1645—9	9	14
1500—4	10	—	1575—9	13	11	1650—4	19	27
1505—9	15	—	1580—4	6	12	1655—9	24	28
1510—4	7	—	1585—9	6	14	1660—4	21	25
1515—9	—	—	1590—4	14	13	1665—9	15	20
1520—4	2	—	1595—9	9	19	1670—4	8	19
1525—9	6	—	1600—4	5	14	1675—9	13	7
1530—4	5	1	1605—9	4	17	1680—4	13	33
1535—9	7	2	1610—4	8	8	1685—9	14	34
1540—4	1	11	1615—9	3	17	1690—4	27	26
1545—9	2	2	1620—4	8	25	1695—9	18	24
1550—4	6	3	1625—9	10	21	1700—4	24	27

Годы.	Испа-нія.	Порту-галія.	Годы.	Испа-нія.	Порту-галія.	Годы.	Испа-нія.	Порту-галія.
1705—9	15	19	1750—4	10	19	1795—9	3	—
1710—4	8	24	1755—9	14	21	1800—4	1	—
1715—9	14	32	1760—4	2	12	1805—9	1	—
1720—4	74	32	1765—9	6	22	1810—4	—	—
1725—9	39	23	1770—4	1	2	1815—9	2	—
1730—4	9	35	1775—9	9	1	1820—6	2	—
1735—9	11	23	1780—4	5	2			
1740—4	9	18	1785—9	1	—	Всего . .	883	893
1745—9	11	25	1790—4	4	1			

Главнѣйшимъ источникомъ доходовъ Инквизиціи была конфискація имущества преступниковъ. Какъ только трибуналъ дѣлалъ постановленіе объ арестѣ обвиняемаго, имущество послѣдняго подлежало немедленно конфискаціи; всѣ книги и долговыя обязательства тщательно изучались пріемщикомъ Инквизиціи, и обвиняемый въ спеціальной аудіенціи, audiencia de hacienda, подъ присягой давалъ самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, чѣмъ онъ владѣетъ, сколько и отъ кого ему слѣдуетъ, сколько и кому онъ долженъ, что получилъ онъ въ приданое, что далъ онъ дѣтямъ въ приданое, найдено ли было при обыскѣ все его имущество, или онъ скрылъ что-либо отъ Инквизиціи, умеръ ли кто изъ его дѣтей, оставивъ имущество, и т. д. Невѣрное показаніе считалось клятвопреступленіемъ. Мало того, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, всѣ лица, владѣвшія какою-либо частью имущества обвиняемаго, его должники и кредиторы, должны были поставить въ извѣстность трибуналъ, привлекшій его къ отвѣтственности, о своихъ отношеніяхъ къ обвиняемому. Въ 1671 г. Мануэль Фернандесъ Чавесъ былъ приговоренъ за скрываніе подлежащаго конфискаціи имущества къ 500 дукатамъ и къ изгнанію изъ Толедо, Пастраны и Мадрида. Если скрывалось имущество въ интересахъ еретика, то это считалось содѣйствіемъ ереси и соотвѣтственно съ этимъ наказывалось. Инквизиція имѣла особыхъ людей—delator'овъ, слѣдившихъ за тѣмъ, чтобы все имущество обвиняемыхъ попадало въ руки Инквизиціи; доносители получали обычно $^1/_3$ находимаго ими, при чемъ не брезгали этимъ занятіемъ и самыя интеллигентныя лица. Такъ, Хуанъ де Анчіасъ, секретарь сарагосскаго инквизиціоннаго трибунала, авторъ сочиненія «Libro Verde de Aragon», въ 1509 г. перемѣнилъ свою службу на роль delator'а и жаловался, что ему неаккуратно уплачивается обѣщанная треть. Конфискація отражалась на положеніи очень многихъ людей, такъ какъ всѣ сдѣлки обвиняемаго признавались недѣйствительными со времени впаденія его въ грѣхъ, и самые вѣрные католики страдали отъ того, что имѣли несчастіе вступить въ какую-либо сдѣлку съ лицомъ, оказавшимся впослѣдствіи виновнымъ въ ереси. Когда была введена Инквизиція и съ нею признаніе недѣйствительности сдѣлокъ множества людей, то было условлено, во избѣжаніе ужаснаго экономическаго кризиса, что по отношенію къ заключеннымъ до введенія Инквизиціи сдѣлкамъ не будетъ примѣняться распоряженіе о признаніи ихъ недѣйствительными. Однако, условіе это, очевидно, не соблюдалось, и въ 1499 г. Констанца Рамиресъ принесла Фердинанду жалобу, что у нея отнято приданое ея матери, полученное въ 1475 г. отъ дѣда Хуана Лопеса Бельтрана, арестованнаго недавно и признаннаго лишеннымъ права дарить что-либо изъ своего имущества, нынѣ конфискованнаго. Въ 1509 г. вдова и дѣти Іоанна Переса де Олива жаловались, что у нихъ отнимаютъ купленный Пересомъ въ 1476 г. домъ, принадлежавшій привлекаемому нынѣ къ отвѣтственности лицу [1]). Такъ какъ Инквизиція была введена лишь въ 1480 г., то случаи съ Рамиресъ и съ дѣтьми Переса представляли собою явное нарушеніе распоряженій Инквизиціи и были своевременно отмѣнены; по мѣрѣ удаленія отъ 1480 г. рѣшено было положить другой предѣлъ обратному дѣйствію закона о непризнаніи сдѣлокъ: силу теряли сдѣлки, которыя

[1]) **Lea**, «History», II, 327.

были заключены еретикомъ за 40—50 лѣтъ до привлеченія его къ суду, заключенныя же имъ ранѣе этого срока сдѣлки сохраняли законную силу. Правило это, однако, не относилось къ мертвецамъ: если преслѣдовалась память какого-либо еретика, то сдѣлки послѣдняго, хотя бы совершенныя свыше 50 лѣтъ до начала преслѣдованія, признавались недѣйствительными. Въ кортесахъ 1512 г. въ Монсонѣ разсматривалась интересная жалоба на дѣйствіе закона о непризнаніи актовъ еретика. Мѣстная администрація заключила заемъ у Миро и Хуана Бертрана; послѣдніе были осуждены какъ еретики, и Инквизиція потребовала у администраціи возврата полученныхъ отъ еретиковъ денегъ; администрація доказала, что деньги ею возвращены были Миро и Бертрану 29 лѣтъ тому назадъ. Но такъ какъ въ это время Миро и Бертранъ уже совершили преступленіе, то Инквизиція не признавала за ними права полученія денегъ, и администрація должна была вторично заплатить ихъ, — на этотъ разъ Инквизиціи. Такъ какъ конфискація съ распространеніемъ на прошлое подрывало интересы самыхъ благочестивыхъ католиковъ, то борьба противъ нея по временамъ принимала очень интенсивный характеръ; короли и папы старались защищать ни въ чемъ неповинныхъ людей, и Инквизиція временами шла на уступки, уменьшая срокъ обратнаго дѣйствія закона о конфискаціи. Въ общемъ, однако, какъ свидѣтельствуетъ Симанкасъ, побѣдительницей изъ спора вышла Инквизиція, и, какъ правило, функціонировалъ 50-тилѣтній срокъ обратной силы права конфискаціи. Отъ этого закона часто страдали монастыри и церкви, владѣвшія большимъ имуществомъ и бывшія кредиторами тѣхъ, которые привлекались потомъ къ суду по обвиненію въ ереси; безпрестанныя жалобы кредиторовъ не могли, конечно, не имѣть вліянія, и короли по временамъ старались защищать кредиторовъ отъ преслѣдованій Инквизиціи. Въ 1515 г. Маргарита Дартесъ, жена асессора валенсійскаго трибунала, принесла жалобу на пріемщика конфискацій за то, что пріемщикъ не хотѣлъ признать имѣвшейся у нея закладной отъ 1499 г. на домъ Кокаредеса, арестованнаго по обвиненію въ ереси. Фердинандъ, въ отвѣтъ на эту жалобу, замѣтилъ, что Дартесъ по закону не имѣетъ права требовать что-либо по закладной, но въ виду того, что мужъ ея состоитъ служителемъ Инквизиціи, ея искъ долженъ быть удовлетворенъ [1]). Въ 1543 г. Суперма распорядилась, чтобы при конфискаціи принимались во вниманіе претензіи кредиторовъ, и чтобы послѣдніе не страдали по винѣ другихъ лицъ. Однако, отдѣльные трибуналы не всегда исполняли это распоряженіе и требовали удостовѣренія, что выданныя кредиторами ссуды предшествовали моменту впаденія должника въ грѣхъ. Такъ, когда протестанты Пьеръ и Жиль де Боннвиль были въ Толедо сожжены въ 1565 г., фискалъ жаловался Инквизиціи на настоянія кредиторовъ и просилъ отказать имъ, такъ какъ преступленіе названныхъ протестантовъ относится къ 1550 г. Часто трибуналъ, въ принципѣ признавая правильность претензій кредитора, фактически не удовлетворялъ ихъ, прибѣгая къ безконечнымъ отсрочкамъ подъ различными, болѣе или менѣе благовидными предлогами; протоколы засѣданій Супремы пестрятъ жалобами на незаконную медлительность провинціальныхъ трибуналовъ. Рѣдко, однако, Супрема принимала во вниманіе эти жалобы, и еще рѣже удавалось ей оказать дѣйствительную помощь пострадавшимъ.

Конфискація приданаго, если родители жены оказывались еретиками, также вызывала безконечныя жалобы. Въ 1513 г. Хуанъ Киратъ изъ Эльче, женившійся 25 лѣтъ тому назадъ, жаловался, что у него конфисковали приданое его жены, такъ какъ 8 лѣтъ тому назадъ его тесть и теща были признаны еретиками. Наоборотъ, если мужъ оказывался еретикомъ, то приданое жены не подлежало конфискаціи; у замужней женщины, впадавшей въ грѣхъ, за который ей предстояло отвѣчать предъ инквизиціоннымъ трибуналомъ, конфисковалось приданое. Вопросъ осложнялся, когда въ теченіе супружеской жизни сва-

[1]) Lea, «History», II, 330.

дебный капиталъ разростался, и къ моменту ареста одного изъ супруговъ на лицо имѣлась сумма, превышающая приданое, такъ назыв. ganancia. Въ 1432 г. Ангела Пересъ требовала отъ валенсійскаго трибунала, приговорившаго ея мужа къ сожженію, возвращенія ей приданаго въ размѣрѣ 3000 суэлдо и ganancia; трибуналъ выдалъ ей приданое, въ выдачѣ ganancia отказалъ на томъ основаніи, что ея мужъ не имѣлъ права получать прибыль съ какого бы то ни было дѣла [1]). Если у еретика умиралъ отецъ, то имущество послѣдняго, если даже оно по завѣщанію должно было перейти не къ сыну, подлежало конфискаціи. Въ 1514 г. севильскій купецъ Николай Медина, возвращаясь изъ Франціи, умеръ въ Байоннѣ въ госпиталѣ Saint-Esprit; Медина завѣщалъ въ пользу госпиталя 126 дукатовъ, и представитель госпиталя явился съ завѣщаніемъ въ Севилью, но пріемщикъ конфискацій отнялъ это завѣщаніе, такъ какъ сынъ Медины былъ осужденъ какъ еретикъ Инквизиціей. Прикосновеніе еретика къ какому-либо товару давало Инквизиціи право конфисковать его; точно также подлежалъ конфискаціи получавшійся отъ евреевъ или еретиковъ товаръ. Въ 1501 г. у купца Ландера былъ конфискованъ доставленный имъ въ Аликанте грузъ на томъ основаніи, что на суднѣ было два еретика. Въ 1634 г. Инквизиція конфисковала всѣ товары и долговыя обязательства португальскихъ купцовъ, жившихъ въ Голландіи, Гамбургѣ и Франціи и торговавшихъ съ Испаніей. Въ указанныя государства были отправлены спеціальные агенты для разслѣдованія, не являются ли эти купцы евреями. Въ 1636 г. Хуанъ де Госа представилъ обширный докладъ въ пользу конфискаціи имущества этихъ купцовъ, хотя они не испанскіе подданные, не живутъ въ Испаніи и не совершили ереси въ Испаніи: выводъ Госа основывался на томъ, что еретики не имѣютъ вообще никакихъ правъ, всякій католикъ можетъ конфисковать ихъ имущество, и что ересь есть преступленіе по отношенію ко всей «христіанской республикѣ».—Лишь рабамъ еретиковъ Инквизиція приносила облегченіе, такъ какъ давала имъ свободу,—такъ, по крайней мѣрѣ, гласили Инструкціи Великаго инквизитора и Супремы; на дѣлѣ, однако, инквизиторы нерѣдко продавали отнятыхъ у еретиковъ рабовъ, которые, такимъ образомъ, получали, вмѣсто свободы, лишь новыхъ господъ. Производившій въ 1525 г. ревизію сицилійскихъ трибуналовъ Бенито Меркардеръ свидѣтельствовалъ, что трибуналы часто такъ поступали [2]). Иногда даже свободныя лица продавались въ рабство трибуналами. Такъ, 6 ноября 1500 г. Луисъ Карпано изъ Аптекеры вмѣстѣ съ женою были обращены въ рабство и проданы; 28 декабря 1498 г. Фердинандъ и Изабелла приказали губернатору Севильи продать всѣхъ евреевъ, осужденныхъ за ересь и находившихся, въ качествѣ плѣнныхъ, въ монастырѣ св. Петра, а вырученныя деньги предоставить въ распоряженіе трибунала.

Къ какимъ сложнымъ случаямъ приводило стремленіе Инквизиціи конфисковать имущество еретика, свидѣтельствуетъ слѣдующій эпизодъ. Хаэнскій епископъ Озоріо получилъ отъ своего должника Родригеса Хабалина, бывшаго у него майордомомъ, въ обезпеченіе долга участокъ земли; въ 1496 г. Озоріо умеръ и передалъ капитулу Хаэна эту землю съ тѣмъ, чтобы по Озоріо ежегодно совершались поминки. Капитулъ впослѣдствіи продалъ землю, которая въ 1514 г. была конфискована Инквизиціей на томъ основаніи, что Хабалинъ получилъ когда-то эту землю отъ своего предка, который послѣ смерти былъ признанъ еретикомъ. Въ 1510 г. крестьяне ряда поселковъ жаловались Фердинанду, что у нихъ была конфискована земля, купленная ими въ 1487 г. у Леонарта Сантангела, представшаго предъ судомъ по обвиненію въ ереси. Въ 1452 г. тортосскій священникъ Рой далъ взаймы Далвиду Толосѣ 400 ливровъ, за что, помимо процентовъ, получилъ въ обезпеченіе землю, которую Рой продалъ монастырю. Въ 1475 г. Далвидъ Толоса умеръ, и его сынъ Луисъ въ 1488 г. выкупилъ ее у монастыря. Луисъ былъ

[1]) Lea, «History», II, 335.
[2]) Lea, «The Inquisition of the Spanish Dependencies», 1908, стр. 19—20.

осужденъ какъ еретикъ, и Инквизиція въ 1519 г. требовала у монастыря 400 ливровъ, полученныхъ отъ Луиса въ 1488 г., а также проценты за протекшее время. Такъ какъ инквизиторы получали жалованье изъ конфискуемыхъ ими имуществъ, то легко понять, что они были заинтересованы, чтобы инкассировать какъ можно больше, и чтобы ни одинъ ихъ «должникъ» не могъ избѣжать своей участи. Положить конецъ чрезмѣрному усердію инквизиторовъ могла лишь замѣна жалованія изъ суммъ конфискуемаго имущества постояннымъ окладомъ, не находящимся въ зависимости отъ размѣровъ конфискуемаго. На это впервые было указано въ 1518 г. Карломъ V; этого требовали также кортесы въ теченіе многихъ лѣтъ. Новообращенные, опасаясь конфискаціи имущества, нерѣдко заключали съ королемъ или инквизиторами особую сдѣлку (composicion), и за опредѣленную плату имъ гарантировалась цѣлость имущества на извѣстный срокъ, что по существу являлось своеобразнымъ налогомъ. 7 декабря 1508 г. была заключена общая сдѣлка за 20 тыс. дукатовъ съ Севильей и Кадиксомъ, и была дана всѣмъ новохристіанамъ амнистія за совершенныя по октябрь мѣсяцъ 1508 г. преступленія; сверхъ того, новохристіане добились для себя права вести торговлю съ Индіей. Иногда цѣлые округа заключали подобныя сдѣлки и распредѣляли между отдѣльными городами налоги, освобождающіе ихъ отъ опасности подвергнуться конфискаціи. На кортесахъ 1515 г. въ Бургосѣ прокураторы Севильи жаловались на обложеніе городовъ этими своеобразными налогами, прибавляя, что часто заставляютъ городъ платить два раза условленную сумму. «Такъ въ теченіе какихъ-нибудь 10 лѣтъ — говоритъ Ли — новохристіане значительной части Испаніи были разорены и подъ потокомъ обѣщаній отъ конфискаціи сильно обѣднѣли; ихъ деньги, однако, не попали ни въ королевскую, ни въ инквизиціонную кассу,—и въ 1556 г. архіепископъ Вальдесъ утверждалъ, что, начиная съ XVI вѣка, севильскій трибуналъ чувствуетъ постоянную нужду въ деньгахъ, не располагаетъ возможностью имѣть больше одного инквизитора и выдаетъ лишь $^1/_3$ жалованія. Имѣнія таяли въ рукахъ грабителей (The assets taken melted in the hands of the spoilers)» [1]). Такъ, сарагосскій пріемщикъ Денбинъ умеръ въ 1500 г., не вернувъ 9367 суэлдо, которыхъ тщетно Фердинандъ требовалъ отъ аббата Веруэла; помощникъ Денбина въ Калатаюдѣ уплатилъ въ 1499 г. 8 тыс. суэлдо изъ считавшагося за нимъ долга въ 24 тыс. суэлдо. Великій инквизиторъ Хименесъ назначилъ въ 1515 г. генеральнаго пріемщика, на обязанности котораго лежала забота о провѣркѣ счетовъ всѣхъ пріемщиковъ и о взысканіи съ нихъ слѣдуемыхъ денегъ. До этого времени обязанности эти исполнялъ генеральный счетчикъ (contador general), котораго окончательно смѣнилъ генеральный пріемщикъ лишь въ 1520 г. Съ этого времени собственно и переходитъ въ руки Инквизиціи дѣйствительный контроль надъ конфискуемымъ имуществомъ: раньше, въ виду того, что пріемщики назначались свѣтской властью, послѣдняя имѣла возможность вліять на дѣйствія отдѣльныхъ пріемщиковъ, отвѣтственныхъ предъ королевскими чиновниками. Теоретически и позднѣе Государству принадлежало конфискованное имущество, и его распредѣленіе между членами инквизиціонныхъ трибуналовъ при полученіи денегъ отъ реализаціи конфискованнаго богатства, совершалось отъ имени короля. Безъ его подписи никакое распоряженіе о выдачѣ денегъ не имѣло силы, и 12 сентября 1520 г. Карлъ издалъ въ Брюсселѣ особый приказъ, чтобы письменныя требованія о выдачѣ денегъ Великаго инквизитора, снабженныя подписью членовъ Супремы, имѣли такую же силу, какъ и королевскія. Между Инквизиціей и свѣтской властью часто возникали недоразумѣнія на денежной почвѣ, такъ какъ обѣ стороны стремились къ тому, чтобы фактически владѣть отнятыми у еретиковъ богатствами. Часто короли брали въ свою пользу нѣкоторую часть ихъ, что вызывало ропотъ со стороны Инквизиціи, доказывавшей, что королю лишь номинально принадлежитъ конфискуемое добро, фактически же оно со-

[1]) «History», II, 362—363.

ставляетъ собственность инквизиціонныхъ трибуналовъ. Въ 1550 г. Супрема прибѣгла къ хитрости: сицилійскимъ трибуналамъ былъ данъ приказъ въ посылаемыхъ королю отчетахъ объ ауто-да-фе ничего не говорить о размѣрахъ имущества еретиковъ; Супрема же, наоборотъ, должна была точно быть освѣдомленной относительно этого—для того отчасти, чтобы извѣстную долю полученнаго богатства отдать въ распоряженіе короля. Въ 1561 г. подобный приказъ былъ вписанъ въ Инструкціи и, слѣдовательно, получилъ общее примѣненіе.

Трудно опредѣлить, какова была сумма, которую Инквизиція благодаря праву конфискаціи собирала съ еретиковъ; что она была очень велика, показываетъ слѣдующее: въ 1519 г. Карлу V было предложено за отказъ Инквизиціи отъ конфискаціи 400 тыс. дукатовъ помимо суммы, необходимой для нуждъ Инквизиціи. Нѣсколько позже предложенная сумма была увеличена до 700 тыс.; оба раза предложеніе, повидимому, не было принято. Въ 1571 г. между валенсійскимъ трибуналомъ и морисками этой провинціи состоялось соглашеніе, въ силу котораго ежегодно инквизиціонный трибуналъ Валенсіи получалъ отъ морисковъ 2500 дукатовъ [1]). Когда Португалія была присоединена въ 1580 г. къ Испаніи, финансовое положеніе Инквизиціи еще болѣе улучшилось, такъ какъ португальскіе мараны представляли собою богатѣйшую доходную статью. Ниже, въ главѣ «Мараны», мы увидимъ, какія неимовѣрныя суммы предлагали они, чтобы спасти свое имущество отъ Инквизиціи.

Другимъ источникомъ доходовъ Инквизиціи, помимо конфискаціи, были денежные штрафы, налагаемые на преступниковъ, подлежащихъ епитиміи и вообще покаянію. Впервые штрафы встрѣчаются въ 1492 г., когда Бріанда де Бардахи была присуждена къ impositio penitentie, подъ которымъ сарагосскій трибуналъ разумѣлъ пятилѣтнее тюремное заключеніе, епитимію и треть имущества обвиняемой; треть эта (или стоимость ея) должна была быть выдана трибуналу въ теченіе 10 дней; для взысканія подобныхъ штрафовъ былъ назначенъ особый пріемщикъ, получившій названіе receptor de la penitencias, сборщикъ денегъ отъ покаяній. На первыхъ порахъ денежные штрафы были сравнительно рѣдки, но съ середины XVI вѣка они становятся частымъ явленіемъ въ жизни Инквизиціи и по своимъ размѣрамъ представляютъ большое разнообразіе. Въ противоположность конфискаціи, считавшейся обычнымъ наказаніемъ, штрафъ разсматривался какъ духовное наказаніе, епитимія, на него поэтому государство не имѣло никакихъ правъ, и контроль надъ деньгами отъ штрафовъ всецѣло принадлежалъ Инквизиціи, отрицавшей за короной право назначенія сборщиковъ этихъ денегъ (конфискаціонныхъ пріемщиковъ, какъ мы уже говорили, назначала корона). Такъ какъ денежные штрафы носили характеръ духовнаго, очистительнаго наказанія, то на нихъ предъявляла претензіи и Церковь, и Инквизиціи пришлось вести съ послѣдней долгую борьбу за деньги отъ права очищенія отъ грѣховъ. Инквизиція вышла побѣдительницей въ этомъ спорѣ. Получавшіяся отъ конфискаціи суммы обычно шли на жалованіе служащимъ Инквизиціи и вообще на постоянные расходы ея, деньги же отъ штрафовъ употреблялись на gastos extraordinarios, на чрезвычайные расходы, между прочимъ и на ayudas de costa, т.-е. наградныя и дополнительныя выдачи членамъ Супремы и отдѣльныхъ трибуналовъ. Такъ какъ конфискаціонными деньгами распоряжалась свѣтская власть, бравшая иногда и для себя часть этихъ денегъ, то Инквизиціи было выгодно по временамъ замѣнять штрафомъ конфискацію имущества; когда преступникъ, обладая королевской граматой, обезпечивавшей ему неприкосновенность имущества, подлежалъ, по смыслу законовъ, конфискаціи, то Инквизиція, не желая вступать въ формальный конфликтъ съ царскимъ словомъ, налагала на виновника денежный штрафъ, нерѣдко въ размѣрѣ, мало уступающемъ обычному понятію о конфискаціи.

---

[1]) Danvila y Collado, «Expulsión de los Moriscos Españoles», Мадридъ, 1889, стр. 184 и слѣд. прим.

Насколько выгодны были денежные штрафы, видно изъ того, что въ 1537 г. кортесы Валенсіи предложили Инквизиціи, взамѣнъ денежныхъ штрафовъ, брать съ валенсійскихъ морисковъ 400 дукатовъ въ годъ, но Супрема отказалась принять это предложеніе. Она съ тѣмъ большимъ основаніемъ могла такъ поступить, что подобная сумма далеко не компенсировала возможныхъ доходовъ, какъ это видно изъ слѣдующаго. На одномъ лишь ауто-да-фе въ Севильѣ 13 мая 1585 г. было собрано 850 дукатовъ и 2000 мараведи, а въ Льеренѣ 14 іюня 1579 г. даже около 4375 дукатовъ; съ одного лишь еретика толедскій трибуналъ взыскалъ въ 1604 г. три тысячи дукатовъ; 3 мая 1615 г. въ Кордовѣ было уплачено штрафовъ на сумму 7 тыс. дукатовъ. Донъ Алонсо Санчесъ, обвиненный въ соучастіи въ еретическомъ преступленіи, былъ оштрафованъ въ 1669 г. въ Толедо на 13 тыс. дукатовъ. Штрафы налагались за самыя разнообразныя преступленія, считающіяся, сравнительно съ ересью, незначительными, начиная съ оскорбленія религіи и кончая неприличнымъ выраженіемъ по адресу инквизиціоннаго трибунала. Размѣръ штрафа никогда не былъ точно установленъ, и въ 1578 г. Супрема писала наваррскому инквизитору Вальдеолите, что при штрафахъ слѣдуетъ имѣть въ виду родъ преступленія, матеріальное положеніе виновнаго и финансовыя затрудненія трибунала. Подобныя внушенія отдѣльнымъ трибуналамъ дѣлались Супремой часто: въ 1575, 1580, 1595 и 1624 годахъ [1]). Инквизиторы поступали въ духѣ этихъ требованій. Такъ, при ревизіи Героны и Эльне докторомъ Сурита изъ Барселоны въ 1564 г. выяснилось, что штрафы въ 4, 6, 10, 20, 30 или 100 дукатовъ зависѣли исключительно отъ матеріальнаго положенія наказываемыхъ.

Инквизиція получала также значительный доходъ отъ права смягчать наложенную ею кару; особенно часто отмѣнялось (или смягчалось) ношеніе санбенито, comutacion de abito, за что Инквизиція получала самыя разнообразныя суммы. Во избѣжаніе злоупотребленій Супрема слѣдила за тѣмъ, чтобы смягченіе наказанія всецѣло зависѣло отъ Великаго инквизитора и не производилось отдѣльными трибуналами. Въ 1513 г. Хименесъ, узнавъ, что инквизиторы собственной властью смягчаютъ и замѣняютъ различныя наказанія, строго запретилъ имъ это и подтвердилъ, что впредь подобныя замѣны будутъ зависѣть исключительно отъ Великаго инквизитора. Какъ правило, получавшіяся отъ comutacion деньги поступали въ распоряженіе Супремы, которая часто отдавала ихъ на всевозможнаго рода богоугодныя дѣла. Въ цѣляхъ строгаго контроля надъ этими деньгами былъ въ 1559 г. изданъ приказъ, чтобы трибуналъ доставлялъ Супремѣ точныя свѣдѣнія о количествѣ присужденныхъ къ ношенію санбенито и о суммѣ денегъ, которую можно получить съ нихъ за отмѣну этого наказанія. Одновременно съ смягченіемъ наказанія санбенито Инквизиція облегчала и другія наказанія, въ особенности лежавшія на потомствѣ еретика правовыя ограниченія. Однако, въ этомъ вопросѣ Инквизиціи пришлось столкнуться съ оппозиціей какъ Церкви, такъ и Государства: оба они претендовали на право отмѣнять или смягчать лежавшія на дѣтяхъ и внукахъ еретика ограниченія. Между Фердинандомъ и Торквемадой велся по этому поводу продолжительный споръ. 12 января 1499 г. король далъ согласіе, чтобы всѣ деньги, получавшіяся отъ епитиміи, смягченія наказанія и реабилитаціи потомства еретиковъ, употреблялись на нужды Инквизиціи, и отдѣльные инквизиторы немедленно стали пользоваться правомъ взысканія за реабилитацію дѣтей и внуковъ обвиненныхъ въ ереси, что въ 1500 г. вызвало со стороны Великаго инквизитора крайнее недовольство, сопровождавшееся запрещеніемъ взимать какія-либо деньги, помимо его распоряженія. Въ 1501 г. Фердинандъ отказался отъ даннаго имъ въ 1499 г. согласія и заявилъ, что запрещеніе дѣтямъ и внукамъ еретиковъ занимать какія-либо общественныя должности и заниматься опредѣленными профессіями не входитъ въ область

---

[1]) Lea, „History", II, 396.

Инквизиціи, а составляетъ компетенцію свѣтскихъ властей, которымъ и должна принадлежать прерогатива реабилитаціи въ этомъ отношеніи дѣтей и внуковъ осужденныхъ. Обезпечивая, такимъ образомъ, за собою извѣстныя денежныя поступленія, Фердинандъ, однако, опирался на помощь папы и заявилъ, что всякая реабилитація предполагаетъ предварительное согласіе Римской Куріи. Послѣдняя шла въ этомъ вопросѣ сообща съ свѣтской властью противъ Инквизиціи, которой досталось лишь право снятія запрещенія о ношеніи орудія, ѣздѣ на лошадяхъ и вообще такъ называемыхъ законовъ о роскоши, извѣстныхъ подъ именамъ cosas arbitrarias. Церковь, въ лицѣ Римской Куріи, часто злоупотребляла предоставленнымъ ей предварительнымъ согласіемъ на снятіе правовыхъ ограниченій и въ широкихъ размѣрахъ вела торговлю свидѣтельствами о прекращеніи подобныхъ ограниченій. Супрема горько жаловалась на чрезмѣрную, вызывавшуюся корыстолюбивыми цѣлями, щедрость Рима и въ cartas acordadas отъ 15 мая 1530 г. говорится, что нельзя позволить, чтобы все потомство грѣшниковъ было реабилитировано, и чтобы законы страны фактически были совершенно отмѣнены; фискалу слѣдуетъ поэтому впредь, при представленіи папскихъ свидѣтельствъ, обращаться въ Курію съ заявленіемъ, что лишеніе правъ было сдѣлано на основаніи закона, и что опытъ доказалъ, какъ вредно и опасно допускать дѣтей и внуковъ осужденныхъ еретиковъ къ исполненію судебныхъ должностей, коими они пользуются для вынесенія совершеннаго несправедливо смертныхъ приговоровъ католикамъ, или къ занятію медициной и хирургіей или аптекарскимъ дѣломъ, когда они, вмѣсто лѣкарствъ, даютъ католикамъ одну лишь отраву. Несмотря на эти жалобы, папа продолжалъ выдавать свидѣтельства о полноправности потомства осужденныхъ. Такъ, 1 февраля 1545 г. Павелъ III разрѣшилъ Хуану де Аро изъ Хаэна, предки котораго были сожжены, не только заниматься врачеваніемъ, сборами податей, быть нотаріусомъ, корегидоромъ, адвокатомъ, прокуроромъ, судьею, но и получить званіе баккалавра, лиценціата и доктора; онъ могъ также носить всякаго рода драгоцѣнности, ѣздить верхомъ, пріобрѣтать недвижимое имущество, быть священникомъ, получать повышеніе по службѣ, и свѣтскимъ судамъ и Инквизиціи запрещалось ставить ему какія-либо препятствія въ пользованіи этими правами. Но если львиная доля права реабилитаціи потомства еретиковъ и принадлежала Государству и Римской Церкви, Инквизиція, тѣмъ не менѣе, также умѣла пользоваться въ своихъ интересахъ той частью этого права, какая была ей предоставлена въ 1501 г., что видно изъ того факта, что низшимъ служащимъ Инквизиціи весьма часто, въ видѣ особаго благоволенія, давалось право за деньги смягчать или отмѣнять лежавшія на потомствѣ еретиковъ правовыя ограниченія. Размѣръ взиманія за такого рода отмѣну нигдѣ не указанъ, и легко понять, какъ велико должно было быть злоупотребленіе правомъ, отъ котораго иногда зависѣло имущественное состояніе низшаго служащаго даннаго трибунала. Служители эти, не получавшіе жалованія и извѣстные подъ именемъ familiares, были бичемъ для мирныхъ жителей Испаніи: они поступали въ услуженіе Инквизиціи съ тѣмъ, чтобы не быть подсудны обыкновеннымъ трибуналамъ, и за свою легкую и не постоянную службу получали столько привилегій, что безвозмездная помощь Инквизиціи была имъ очень выгодна. Арагонскіе кортесы часто жаловались на чрезмѣрное число инквизиціонныхъ familiares, и папа Левъ X, послѣ долгихъ переговоровъ съ Фердинандомъ, установилъ 20—30 человѣкъ для каждаго трибунала; однако, Инквизиція не считалась съ этимъ ограниченіемъ, и въ 1530 г. арагонскіе кортесы снова выразили недовольство по поводу того, что нигдѣ точно не устанавливается количество служителей трибуналовъ, и что пойманный преступникъ часто не можетъ быть наказанъ въ виду заявленія, что онъ состоитъ на службѣ у Инквизиціи. Каталонскіе кортесы 1547 г. указали, что вслѣдствіе роста числа служителей фактически ограничена сфера дѣйствія королевскихъ и духовныхъ судовъ. Во вниманіе къ этимъ жалобамъ Супрема стала требовать отъ трибуналовъ осторожнаго отношенія при назначеніи служителей; такъ, въ 1560 и 1573 гг. были изданы cartas acordadas, чтобы на службу

принимались лишь женатые, спокойные, мирные люди, въ жилахъ которыхъ нѣтъ «нечистыхъ» примѣсей; запрещено было принимать и лицъ духовнаго званія. Въ 1562 г. майоркскій инквизиторъ получилъ отъ Супремы выговоръ за то, что у него на службѣ буйные и неподходящіе служители, и что онъ не предоставилъ властямъ списка служащихъ трибунала. Эти распоряженія Супремы были вызваны заключеніемъ въ 1553 г. особаго соглашенія съ королемъ, въ силу котораго число служителей Инквизиціи было точно установлено; однако, въ виду оппозиціи со стороны отдѣльныхъ трибуналовъ, лишь въ 1586 г. Супрема могла провести въ жизнь соглашеніе 1553 года. Но и послѣ этого, какъ видно изъ напоминаній Супремы отъ 1604, 1620 и 1626 годовъ, трибуналы нерѣдко нарушали постановленія объ ограниченномъ числѣ инквизиціонныхъ служителей,—можетъ-быть, потому, что сама Супрема тайно ихъ поддерживала, какъ это можно предположить изъ слѣдующаго факта. Въ 1634 г. совѣтъ Кастиліи, въ виду безпрестанныхъ нарушеній трибуналами соглашенія 1553 года, постановилъ, чтобы статья соглашенія о количествѣ служителей и объ ихъ функціяхъ была напечатана и разослана всѣмъ городскимъ и деревенскимъ властямъ съ указаніемъ, что онѣ могутъ сократить списокъ служителей Инквизиціи, если онъ превышаетъ указанное соглашеніемъ 1553 г. количество; если же какой-либо трибуналъ не представитъ властямъ списка своихъ служителей, то для властей это должно считаться равносильнымъ отсутствію ихъ у даннаго трибунала. Когда Супрема узнала объ этомъ рѣшеніи, она обратилась немедленно къ королю съ энергичнымъ протестомъ, заявивъ, что совѣтъ Кастиліи позволяетъ себѣ вмѣшиваться во внутреннія отношенія Инквизиціи и переходить границы власти, предоставленныя ему законами страны. Что же касается жалобы по существу, то она несправедлива, ибо служители Инквизиціи подвергаются теперь столькимъ преслѣдованіямъ, что они отказываются отъ своей службы, и большинство трибуналовъ имѣетъ менѣе положеннаго числа служителей; въ виду всего этого Супрема проситъ короля заставить совѣтъ Кастиліи вырвать изъ протоколовъ свое вышеуказанное рѣшеніе и впредь не поставлять подобнаго рода незаконныя мѣры. Повидимому, враги Супремы имѣли при дворѣ сильныхъ заступниковъ, такъ какъ король не только въ теченіе долгаго времени откладывалъ свой отвѣтъ на просьбу Супремы, но и заявилъ 3 октября 1636 г., что Совѣтъ Кастиліи въ правѣ ссылаться на соглашеніе 1553 г., и ничто не можетъ ему также мѣшать приказывать городскимъ и деревенскимъ властямъ въ точности исполнять пункты названнаго соглашенія [1]).

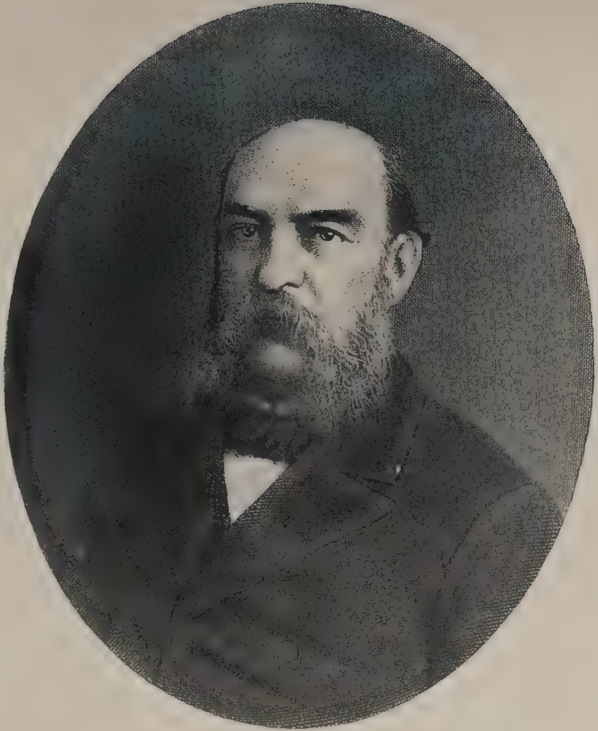
Не слѣдуетъ думать, что описанная нами организація Новой Инквизиціи вылилась окончательно послѣ севильскихъ дополнительныхъ Инструкцій. Какъ всякій живой организмъ, Инквизиція мѣняла свою форму, не только приспособляя къ себѣ внѣшнія условія, но и приспособляясь къ нимъ. Часто инквизиторы находили нужнымъ водоизмѣнять тотъ или другой пунктъ Инструкцій, что обычно осуществлялось либо съ помощью созыва спеціальной хунты, либо дискреціонной властью Великаго Инквизитора или высшаго совѣта, Супремы. Такъ, въ 1488 г., подъ предсѣдательствомъ Фердинанда и Изабеллы, состоялась въ Вальядолидѣ хунта, которая приняла новыя дополнительныя инструкціи, извѣстныя подъ названіемъ Instruciones de Valladolid; онѣ мало измѣненій внесли въ Севильскія инструкціи и не были въ состояніи искоренить многочисленныя злоупотребленія, которыя быстро стали подрывать авторитетъ инквизиціонныхъ трибуналовъ, съ которыми Торквемада считалъ долгомъ бороться, какъ это видно изъ того, что онъ въ 1498 г., въ годъ своей смерти, издалъ новыя правила—Instruciones de Avila, къ которымъ въ 1500 г. сдѣлалъ новыя добавленія въ Севильѣ уже второй Генеральный инквизиторъ, Діэго Деса. Всѣ эти Инструкціи получили впослѣдствіи оффиціальное названіе—Instru-

---

[1]) Lea, «History», II, 278—279.

ciones Antiguas. Когда инквизиціонная организація, созданная Торквемадой, окрѣпла, и власть окончательно захватили въ свои руки Высшій совѣтъ (Супрема) и Генеральный инквизиторъ, то хунта изъ подчиненныхъ инквизиторовъ для измѣненій или добавленій къ Инструкціямъ сдѣлалась лишней: всю работу въ этомъ направленіи взяла тогда на себя Супрема, которая посылала подчиненнымъ инквизиторамъ cartas acordadas, въ которыхъ указывалось, какъ слѣдуетъ поступать въ тѣхъ или иныхъ спорныхъ или новыхъ случаяхъ, не рѣшенныхъ окончательно вышеназванными Instruciones Antiguas, а также какъ должны вести себя инквизиторы, чтобы въ точности исполнять волю Супремы. Не всегда легко было держать отдѣльныхъ инквизиторовъ въ строгомъ повиновеніи, и нерѣдко всплывали различные юридическіе вопросы о компетенціи свѣтской и духовной властей, ставившіе въ большое затрудненіе инквизиціонныхъ дѣятелей,— этимъ, разумѣется, только и можно объяснить фактъ частаго опубликованія различныхъ инструкцій къ инквизиторамъ въ теченіе долгаго времени. Даже послѣ Instruciones Nuevas, изданныхъ въ 1561 г. Великимъ инквизиторомъ Фернандо Вальдесомъ, требовались время-отъ-времени дополнительныя указанія инквизиторамъ и разъяснительные циркуляры о тѣхъ или иныхъ спорныхъ вопросахъ. Каковы бы ни были отдѣльныя Instruciones и cartas acordadas, всѣ онѣ преслѣдовали одну и ту же цѣль: созданіе единаго, строго централизованнаго, прекрасно дисциплинированнаго, вполнѣ самостоятельнаго и ни отъ кого независимаго тѣла, которое въ своихъ движеніяхъ, въ своемъ функціонированіи и своей дѣятельности руководилось бы лишь собственными соображеніями, не считаясь ни съ интересами государства, ни съ настроеніемъ народа, ни съ требованіями общественной морали. Инквизиція, согласно волѣ ея руководителей, должна была быть государствомъ въ государствѣ—imperium in imperio,—создающее и творящее собственные законы, съ трудомъ допускающее вмѣшательство Римскаго престола или королевскаго могущества. Мало того, она могла свободно распоряжаться всѣми рессурсами государства, къ ея услугамъ должны были находиться и мѣстная администрація, и представители центральной власти, и высшіе чины духовной іерархіи. Когда инквизиторъ вступалъ во власть, всѣ чиновники, какого бы ранга они ни были, должны были являться къ нему, дать присягу, что будутъ во всемъ помогать ему, торжественно обѣщать, что будутъ преслѣдовать какъ еретиковъ тѣхъ, кого укажетъ имъ инквизиторъ, и сами будутъ исполнять, равно какъ будутъ заставлять другихъ исполнять сказанное въ папскихъ буллахъ Ad abolendum, Excomunicamus, Ut officium Inquisitionis и Ut Inquisitionis negotium, являвшихся въ XIII вѣкѣ выраженіемъ папскаго всемогущества и властно требовавшихъ подчиненія свѣтскаго государства католической Церкви. Согласно этимъ булламъ всякій правитель, заподозрѣнный въ ереси или способствующій развитію ея, либо сочувствующій ей, долженъ быть лишенъ власти или занимаемой имъ должности. Кромѣ того, инквизитору, помимо оффиціальныхъ лицъ, долженъ былъ оказывать помощь и весь народъ, который, при вступленіи инквизитора во власть, собирался для выслушанія инквизиторской проповѣди, послѣ которой онъ клялся на крестѣ и Евангеліи, что не только ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ видѣ не будетъ препятствовать работѣ инквизитора, но и будетъ ей помогать.

Насколько широко понималась необходимость приходить на помощь Инквизиціи, видно изъ слѣдующаго факта. 19 декабря 1564 г. испанскій посолъ при французскомъ дворѣ, Франсесъ де-Алава, извѣстилъ Супрему, что онъ нашелъ въ Монпелье книжный магазинъ, ведущій тайную торговлю книгъ съ Испаніей. Черезъ два дня тотъ же посолъ пишетъ, что онъ поручилъ одному человѣку явиться къ книготорговцу съ заявленіемъ о сочувствіи тайному перевозу книгъ въ Испанію и о готовности всячески поддерживать столь симпатичное предпріятіе. Благодаря этому маневру послу удалось установить имена барселонскихъ книжныхъ фирмъ, получавшихъ запрещенныя книги изъ Франціи. Точно



Х. Амадоръ де лосъ Ріосъ,

историкъ испанскихъ и португальскихъ евреевъ.

Хуанъ Антоніо Льоренте,

историкъ Испанской Инквизиціи.

также въ 1565 г. служитель Инквизиціи Гутіересъ съ помощью подозрительнаго письма изъ Женевы установилъ сочувствіе Діэго Мартинеса кальвинистскимъ идеямъ [1]).

Иногда принуждали даже евреевъ выдавать извѣстныхъ имъ марановъ. Такъ, въ 1485 г. толедскій инквизиторъ, какъ это видно изъ одной анонимной брошюры, приведенной ученымъ Фиделемъ Фитой въ «Boletin de la Real Academia de la Historia» (т. XI, 1887 г., 293 и слѣд.), пригласилъ раввиновъ города и приказалъ имъ, подъ угрозой самыхъ тяжкихъ наказаній, созвать евреевъ въ синагогу и заявить имъ, что будетъ наложена анаѳема на тѣхъ, которые, зная что-либо предосудительное о маранахъ въ смыслѣ исполненія ими старыхъ еврейскихъ обычаевъ, не выдадутъ ихъ толедскому инквизитору [2]). Евреи, такимъ образомъ, подъ угрозой анаѳемы, должны были стать, по настоянію своихъ раввиновъ, пособниками Инквизиціи и доносчиками на марановъ. Анонимный авторъ этой брошюры прибавляетъ, что многіе евреи дѣйствительно стали слушаться приказаній раввиновъ и начали выдавать марановъ: «e ansi vinieron atestiguando todos los Judíos, hombres é mugeres, é dixeron muchas cosas». Какъ видно изъ этихъ словъ, даже женщины принуждены были давать показанія противъ новохристіанъ. Авторъ «Schebet Jehuda», извѣстный историкъ-каббалистъ Іуда ибнъ Верга, передаетъ, что севильскій инквизиторъ прибѣгалъ къ тому же средству, и утверждаетъ, что онъ изъ-за этого долженъ былъ бѣжать въ Лиссабонъ, чтобы здѣсь скрыться отъ преслѣдованія Инквизиціи. Въ анти-талмудическомъ памфлетѣ «Censura et confutatio libri Talmudi», появившемся, какъ полагаетъ Грецъ [3]), около этого же времени и опубликованномъ Ис. Лебомъ въ «Revue des Etudes Juives» (XVIII, 321 и сл.), указывается на то, что вліятельные при королѣ и королевѣ евреи старались протестовать противъ того, что евреевъ принуждаютъ выдавать Инквизиціи новохристіанъ. Въ уста этимъ вліятельнымъ евреямъ, подъ которыми, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть Исаака Абрабанеля и Абрама Сеніора, антиталмудическій памфлетистъ вкладываетъ слѣдующій доводъ: евреи потому не должны давать показанія противъ марановъ, что несомнѣнно будутъ постоянно говорить противъ нихъ одно лишь зло, такъ какъ мараны, какъ ренегаты еврейской религіи, въ силу еврейскаго закона, достойны смерти, и долгъ всякаго благочестиваго еврея заключается въ томъ, чтобы вызывать всякія земныя кары на голову вѣроотступника (Judei non valent pro testibus qui obligantur ad interficiendum istos ex praecepto legis et per consequens ex inimicia moventur ad interficiendum). Этотъ аргументъ юдофобскій памфлетистъ опровергаетъ настолько искусно и съ такимъ знаніемъ еврейскаго закона, что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ самъ былъ еврейскаго происхожденія. Евреи могли бы, говоритъ онъ, прибѣгать къ такого рода доводу, если бы дѣло шло о выдачѣ простыхъ вѣроотступниковъ, апостатовъ; такихъ людей дѣйствительно, согласно еврейскому закону, слѣдуетъ выдавать властямъ; но вѣдь въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о маранахъ, т.-е. о лицахъ, насильно обращенныхъ въ христіанство,—такихъ евреи не только не обязаны выдавать и извергать изъ своей среды, но должны привлекать къ себѣ, облегчать имъ ихъ положеніе, такъ какъ сами мараны или анусимъ тяготятся, будучи въ душѣ евреями: anuzes quos Judei obligantur reducere ad Judaismum.

---

[1]) Schäfer, «Beiträge zur Geschichte des spanischen Protestantismus», t. I, 71; t. II, 408—409.

[2]) En este medio termino llamaron á los Rabies de los Judios, é les tomaron juramento en su ley, é les pusieron grandes penas de las vidas è faziendas que luego pusiesen excomunión mayor en las sinagogas é no la alçasen fasta que veniesen diziendo todos los que en este caso sabian. Это подтверждаетъ Фернандесъ-и-Гонсалесъ, который въ «Instituciones juridicas del pueblo de Israel en los diferentes estados de la peninsula Iberica» (I, стр. 320, Мадридъ, 1881) говоритъ, что Торквемада заставлялъ раввиновъ Толедо и Севильи доносить на іудействующихъ марановъ; этотъ же авторъ упоминаетъ и объ изгнаніи изъ предѣловъ San Hermenegildo Іуды Абенъ Верги (Judáh Abén-Verga).

[3]) «Rev. Etud. Juives», XX, 237 и слѣд.

Цѣлью этого памфлета была не полемика съ вліятельными при дворцѣ евреями, доказывавшими необходимость отказываться отъ показаній евреевъ противъ марановъ, а подробное ознакомленіе дѣятелей Инквизиціи, и въ частности Великаго инквизитора Томаса Торквемады, съ содержаніемъ Талмуда для того, чтобы доказать, что тотъ, кто исполняетъ хоть одинъ предписанный Талмудомъ обрядъ, является уже самымъ страшнымъ еретикомъ и апостатомъ [1]). Какъ часто инквизиторы прибѣгали къ принужденію евреевъ быть шпіонами и доносителями на марановъ, практиковался ли этотъ методъ, помимо Толедо и Севильи, и въ другихъ мѣстахъ, былъ ли онъ даже въ двухъ названныхъ городахъ возведенъ въ своего рода систему, или къ нему было прибѣгнуто лишь одинъ разъ, случайно,—сказать съ точностью трудно; отсутствіе указаній въ этомъ направленіи свидѣтельствуетъ скорѣе о томъ, что этотъ способъ улавливанія марановъ не часто практиковался и явился плодомъ инструкцій не Великаго инквизитора, а отдѣльныхъ, провинціальныхъ инквизиторовъ. Впрочемъ, Фердинандъ также поддерживалъ попытки трибуналовъ заставлять евреевъ доносить на марановъ и 10 декабря 1484 г. потребовалъ отъ магистратовъ Арагоніи обратиться къ раввинамъ и вліятельнымъ евреямъ съ указаніемъ на необходимость помочь Инквизиціи въ преслѣдованіи виновныхъ марановъ. Имѣются также свѣдѣнія о томъ, что въ Вальядолидѣ были случаи донесенія на марановъ. Слѣдуетъ, кромѣ того, замѣтить, что въ знаменитомъ эдиктѣ объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи отъ 31 марта 1492 г., перечисляющемъ многочисленныя преступленія марановъ, совершаемыя благодаря евреямъ, говорится, что все это стало извѣстно королю и королевѣ какъ отъ самихъ евреевъ, такъ и отъ тѣхъ, которые были ими развращены и пріобщены къ еврейству,—l o q u a l c o n s t a p o r m u c h o s d i c h o s é c o n f e s i o n e s, a s i d e l o s m i s m o s j u d i o s, c o m o d e l o s q u e f u e r o n p e r v e r t i d o s y e n g a ñ a d o s p o r e l l o s. На евреевъ, такимъ образомъ, оффиціально указывается, какъ на доносителей преступленій, совершаемыхъ по отношенію къ католической религіи маранами. Въ этомъ указаніи, однако, ничего не говорится о томъ, являлось ли такое доносительство вынужденнымъ или добровольнымъ, — скорѣе въ виду отсутствія прямыхъ данныхъ относительно обязательности доносовъ нужно полагать, что послѣдніе носили характеръ добровольный и не имѣли большого значенія въ смыслѣ ухудшенія положенія марановъ или доставленія обильной пищи Инквизиціи.

Приведемъ въ видѣ образца два документа: 1) доносъ прокурора вальядолидскому трибуналу на Педро Касалью и 2) приказъ объ арестѣ того же лица. Оба документа относятся къ 1558 г.

1.

Denuntiatio fiscalis.

[1558].

(Simancas, arch. gen. S. 51. Leg. 283).

Muy magnificos y muy reverendos señores.

El lic. Ramirez fiscal en este santo officio ante vs. mds. parezco e digo que por los libros e registros deste santo officio de los quales hago presentacion consta e parece que pedro de caçalla clerigo cura del lugar de pedrosa hermano del doctor cazalla esta notado y testificado del crimen e delicto de heregia del qual protesto acusarles en forma a vs. mds.

[1]) Талмудъ содержитъ еретическія мысли, но всякій еврей обязанъ вѣрить въ Талмудъ, такъ какъ «Nullus ad Judaismum recipi potest nisi credat Talmud» (никто не можетъ быть принятъ въ еврейство, если не вѣритъ въ Талмудъ).

pido e suplico manden dar e den su mandamiento para que el dicho pedro de cazalla sea trahido preso a las carzeles deste santo officio con secresto de bienes en forma, sobre lo qual y en lo necessario imploro el santo officio e pido justicia.

Я, лиценціатъ Рамиресъ, прокуроръ Святой Инквизиціи, являюсь передъ вами и объявляю, что по книгамъ и записямъ Святой Инквизиціи, предъявляемымъ вамъ, явствуетъ и слѣдуетъ, что Педро де Касалья духовнаго званія, священникъ городка Педроси, братъ доктора Касальи, замѣченъ и объявленъ свидѣтелями виновнымъ въ преступленіи ереси, и я прошу и умоляю о разрѣшеніи обвинить его передъ вами въ установленномъ порядкѣ, чтобы вы приказали дать и дали свой приказъ о томъ, чтобы вышеназванный Педро де Касалья былъ заключенъ въ тюрьму Святой Инквизиціи съ секвестраціей имущества въ установленномъ порядкѣ, о чемъ я умоляю Святую Инквизицію сдѣлать необходимыя распоряженія и прошу справедливости.

2.

Mandatum comprehensionis.

[1558].

(Simancas, arch. gen. S. 51. Leg. 283).

Nos los inquisidores contra la heretica prabedad e apostasia en los reynos de castilla leon e galicia e principado de asturias que resedimos en la muy noble villa de valladolid por avtoridad apostolica etc. mandamos a vos el noble Juan velazquez de hortega alguacil del santo officio de la ynquisicion desta dicha villa e a vos antonio hortiz espadero vezino desta dicha villa e a cada vno e qualquier de vos que luego prendais el cuerpo a pedro de caçalla clerigo hermano del dotor caçalla vezino desta dicha villa que resyde el dicho pedro de caçalla en pedrosa çerca de toro secandalo de qualquier yglesia o monesterio o lugar previlegiado o sagrado e preso a buen recavdo lo entregad al alcaide deste santo officio paraque lo ponga en las carceles del, e secrestadle todos sus bienes muebles e rayzes poniendolos en secresto e deposito en poder de personas abonadas conforme a derecho.

Dado en Valladolid. a XXIII. de abrill 1558 años.

El licendiado guijelmo

por mandado de los señores inquisidores

Juan alonso, secretario.

Mandamiento para pedro de caçalla clerigo.

Мы, инквизиторы противъ еретической заразы и отступничества въ королевствахъ Кастиліи, Леонѣ и Галисіи и въ княжествѣ Астурійскомъ, живущіе въ славномъ городѣ Вальядолидѣ по апостолическому повелѣнію, приказываемъ вамъ, благородному Хуану Веласкесу де Ортега, алгуасилу Святой Инквизиціи вышеназваннаго города, и вамъ, Антоніо Ортисъ, оружейному мастеру, жителю вышеназваннаго города, и каждому и любому изъ васъ, чтобы вы немедленно захватили Пэдро де Касалью, духовнаго званія, брата доктора Касальи, жителя вышеназваннаго города, а жительствуетъ вышеназванный Педро де Касалья въ Педросѣ, около Торо, и чтобы взяли его въ любой церкви или монастырѣ или привилегированномъ и священномъ мѣстѣ и, взявъ его, передали его алкаиду Святой Инквизиціи, чтобы онъ заключилъ его въ тюрьму Инквизиціи, и чтобы вы секвестровали все его движимое и недвижимое имущество, передавъ его по конфискаціи на храненіе въ руки вѣрныхъ лицъ согласно закону. Дано въ Вальядо́лидѣ 23 апрѣля 1558 года.

Лиценціатъ Гихельмо

по приказу сеньоровъ инквизиторовъ.

Хуанъ Алонсо, секретарь.

Приказъ объ арестѣ Педро де Касальи духовнаго званія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первые шаги Новой Инквизиціи.

Деспотизмъ Торквемады, неограниченная власть, предоставленная ему въ смыслѣ права смѣщенія и удаленія негодныхъ ему членовъ инквизиціонныхъ трибуналовъ, крутыя мѣры его по отношенію къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ того или иного инквизитора вызвали недовольство Торквемадой даже въ рядахъ дѣятелей Инквизиціи. За годъ власти имъ были удалены почти всѣ назначенные Сикстомъ IV инквизиторы въ Севильскомъ, Хаэнскомъ, Сіудадъ-Реальскомъ и Кордовскомъ трибуналахъ. На ноябрьской хунтѣ 1484 г. въ Севильѣ присутствовали изъ старыхъ, назначенныхъ до вступленія во власть Торквемады, инквизиторовъ лишь Хуанъ де Санъ Мартинъ и Мартинесъ де Барріо, — остальные участники хунты были все новыя лица, ставленники Торквемады. Къ названнымъ двумъ инквизиторамъ слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить еще Хуана Руиса де Медину, который до Торквемады занималъ должность асессора и имъ назначенъ былъ, на мѣсто Мигеля де Морильо, инквизиторомъ въ Севильѣ. Судя по тому, что въ 1486 г. папа ограничилъ право Торквемады смѣщать старыхъ, назначенныхъ папой инквизиторовъ до 1485 года. слѣдуетъ заключить, что между ними и Генеральнымъ инквизиторомъ велась изъ-за этого права продолжительная борьба; инквизиторы доказывали, что они являются непосредственными делегатами папы и, какъ таковые, зависятъ только отъ него, подчиняясь ему, а не Великому инквизитору. Торквемада, наоборотъ, ссылался на смыслъ того бреве, коимъ ему былъ предоставленъ высшій надзоръ надъ дѣятельностью Инквизиціи, немыслимый безъ права удаленія или смѣщенія отдѣльныхъ инквизиторовъ, не удовлетворяющихъ его требованіямъ. Трижды Торквемада посылалъ къ папѣ своего представителя бр. Алонсо Валаху для того, чтобы склонить папу на свою сторону, и папа по обыкновенію уступалъ то Великому инквизитору, то мѣстнымъ инквизиторамъ, осложняя борьбу своею нерѣшительностью и придавая конфликту неопредѣленный и затяжной характеръ. Папѣ было, разумѣется, выгодно держать сторону противниковъ Торквемады: этимъ путемъ Римъ становился верховнымъ вершителемъ Испанской Инквизиціи, и споръ между Генеральнымъ инквизиторомъ и мѣстными инквизиторами въ сущности былъ старый споръ между Римомъ и Мадридомъ изъ-за обладанія контролемъ надъ Инквизиціей. 23 февраля 1487 г. Иннокентій VIII назначилъ севильскимъ инквизиторомъ Мигеля де Морильо, противника Торквемады; назначеніе это было явнымъ нарушеніемъ правъ Генеральнаго инквизитора, и не удивительно, что Торквемада сталъ роптать на это, и въ результатѣ появилось папское motu proprio отъ 26 ноября 1487 г., въ силу котораго Мигель де Морильо и его коллега, другой севильскій инквизиторъ, Хуанъ де Санъ Мартинъ, временно были смѣщены, а право назначенія на ихъ мѣсто новыхъ инквизиторовъ также было временно отнято у Торквемады. То былъ моментъ высшаго напряженія борьбы, и исходъ ея все болѣе и болѣе склонялся на сторону враговъ Генеральнаго инквизитора: 7-го января 1488 г. Хуанъ де Санъ Мартинъ былъ назначенъ севильскимъ инквизиторомъ и сталъ получать инструкціи непосредственно изъ Рима, какъ будто бы онъ былъ совершенно независимымъ отъ Торквемады. Смерть Хуана въ 1489 г. временно положила конецъ пораженію Торквемады; однако, вскорѣ выяснилось, что противники послѣдняго окончательно побѣдили, и 26-го сентября 1491 г. Мигель де Морильо былъ назначенъ Генеральнымъ инквизиторомъ Кастиліи и Арагоніи и былъ поставленъ въ одинаковое съ Торквемадой положеніе. Этимъ былъ нанесенъ тягчайшій ударъ Торквемадѣ, но даже на этомъ папскій престолъ не хотѣлъ остановиться, и 4 ноября 1494 г. Александръ VI, подъ предлогомъ преклоннаго возраста Торквемады и его болѣзненнаго состоянія, назначилъ архіепископа Мартина Понсе

де Леона и епископовъ Иньиго Маврике, Франсиско Санчеса де ла Фуэнте и Алонсо Суареса де Фуэнтельсасъ Генеральными инквизиторами съ такими же полномочіями, какими въ свое время былъ облеченъ Торквемада. Одинъ изъ новыхъ Генеральныхъ инквизиторовъ—именно: Санчесъ де ла Фуэнте—получилъ даже право принимать апелляціонныя жалобы въ вопросахъ религіи и лишать духовнаго сана тѣхъ представителей духовенства, которымъ инквизиціонные трибуналы выносили обвинительный приговоръ. Дѣло въ томъ, что по каноническому праву духовныя лица не могли быть выданы свѣтской власти для исполненія надъ ними акта сожженія раньше лишенія духовнаго сана, что могъ дѣлать лишь епископъ той епархіи, въ которой служилъ обвиняемый. Такъ какъ среди епископовъ было не мало лицъ, имѣвшихъ въ своихъ жилахъ еврейскую кровь и вообще сочувствовавшихъ іудаизму, и такъ какъ не всегда легко было найти епископа данной епархіи для совершенія акта лишенія сана, то Инквизиція нерѣдко наталкивалась на препятствія при выдачѣ преступныхъ духовныхъ свѣтской власти,—съ предоставленіемъ же Франсиско Санчесу де ла Фуэнте права лишенія сана всѣхъ обвиняемыхъ устранялось это препятствіе, тѣмъ болѣе, что Санчесу де-ла Фуэнте не приходилось самому приводить въ исполненія свое право, которое онъ могъ передавать по собственному усмотрѣнію любому епископу. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, несмотря на существованіе нѣсколькихъ Генеральныхъ инквизиторовъ, Торквемада все-таки продолжалъ занимать какъ бы первенствующее положеніе, и остальные инквизиторы смотрѣли на себя какъ на делегированныхъ имъ людей, т.-е. какъ бы на его представителей: дѣлалось это, вѣроятно, съ цѣлью щадить честолюбіе Торквемады, такъ какъ фактически ни одинъ инквизиторъ ему ни въ чемъ не уступалъ. Формально онъ все же считался единственнымъ Великимъ инквизиторомъ, и отъ его имени были опубликованы, за нѣсколько времени до его смерти, Севильскія Инструкціи 1498 г. [1]).

Это многочленное генеральное инквизиторство продолжалось въ теченіе ряда лѣтъ; оно постепенно, съ умираніемъ того или иного члена его, сокращалось, такъ какъ папа избѣгалъ назначенія новыхъ Генеральныхъ инквизиторовъ. Въ 1496 г. умеръ Иньиго Манрике, въ 1498 г. Санчесъ де ла Фуэнте,—на ихъ мѣста не были назначены новые. Въ томъ же году умеръ и Торквемада [2]). Великимъ инквизиторомъ сдѣлался Діэго Деса, епископъ Хаэна; въ 1500 г. скончался архіепископъ Мартинъ Понсе, видимо неисправный должникъ, такъ какъ послѣ его смерти Фердинандъ отдалъ приказъ конфисковать имущество архіепископа [3]). Съ 1500 г. формально оставались до 1504 г. Главными инквизиторами Деса и Фуэнтельсасъ, хотя фактически послѣдній мало вмѣшивался въ дѣла Инквизиціи, оставивъ главный контроль надъ нею въ рукахъ Десы, который съ 1504 г. до 1507 г. считался единственнымъ Генеральнымъ инквизиторомъ. Къ этому какъ разъ времени, въ виду смерти Изабеллы въ 1504 г., относится непродолжительное раздѣльное существованіе, въ качествѣ королевствъ, Кастиліи и Арагоніи, и когда Деса подалъ въ отставку, были назначены въ іюнѣ 1507 г. два Генеральныхъ инквизитора: Хименесъ для Кастиліи и Хуанъ Энгера для Арагоніи. Въ дни правленія Хименеса главное инквизиторство было раздѣлено между двумя лицами,—между нимъ и арагонскимъ инквизиторомъ, но въ

---

[1]) Остальные генеральные инквизиторы говорили о себѣ: Inquisitores generales in omnibus regnis et dominis serenissimorum regis et regiae dominorum nostrorum subdelegati a reverendissimo patre nostro fratre Thoma de Torquemada.., inquisitore generali.

[2]) Miercoles XXVI Septiembre 1498... Vino la noticia de que el Reverendo Prior de Santa Cruz inquisitor mayor de la Sancta Inquisicion habia pasado à mejor vida (Среда 26 сентября 1498 г... Получилось извѣстіе, что его святѣйшество пріоръ монастыря Св. Креста, Главный инквизиторъ Св. Инквизиціи, ушелъ въ лучшій міръ). «Manual de novells Ardits».—Барселонскій муниципальный архивъ.

[3]) Lea, «History», I, 180.

1518 г., когда Хименесъ умеръ, арагонскій Великій инквизиторъ, будущій папа Адріанъ VI, кардиналъ Адріанъ Утрехтскій, сдѣлался единственнымъ Генеральнымъ инквизиторомъ не только Кастиліи и Арагоніи, но и Наварры, которую Фердинандъ успѣлъ въ это время присоединить къ испанской коронѣ. Съ этого момента и до конца существованія Инквизиціи Испанія не знала одновременно двухъ Генеральныхъ инквизиторовъ: существовалъ лишь одинъ, который былъ всесиленъ и всемогущъ. Ему приходилось, впрочемъ, нерѣдко дѣлить свою власть съ Супремой, которая часто становилась даже выше Великаго инквизитора.

Недовольство отдѣльныхъ инквизиторовъ институтомъ генеральнаго инквизиторства,—недовольство, явно поддерживаемое папою и столь же открыто порицаемое Фердинандомъ, — не могло, разумѣется, принимать кроваваго характера и ограничивалось лишь дипломатическими представленіями въ Римѣ, приведшими въ результатѣ къ опубликованію ряда папскихъ бреве, часто противорѣчившихъ одно другому. Совершенно другія формы приняло народное недовольство. Когда въ маѣ 1484 г. Торквемада назначилъ въ Валенсію двухъ инквизиторовъ [1]), то возмущеніе народа было настолько велико, что пришлось отсрочить начало дѣятельности инквизиціоннаго трибунала. Городскія власти заявили, что онѣ не могутъ взять на себя отвѣтственность за спокойствіе Валенсіи, если инквизиторы немедленно станутъ дѣйствовать, какъ въ Севильѣ. По совѣту королевскаго фискала городскія власти обратились съ просьбой въ кортесы, чтобы они своимъ вмѣшательствомъ не допустили столь опаснаго новшества, какимъ является кастильская Инквизиція. На собраніи кортесовъ всѣ сословія горько жаловались на нарушеніе старинныхъ привилегій страны, доказывая, что конфискація имущества недопустима по законамъ Арагоніи, и требуя отмѣны назначенія инквизиторовъ. Въ рядѣ писемъ къ своимъ подчиненнымъ Фердинандъ выражаетъ недовольство поведеніемъ кортесовъ, грозитъ царскимъ гнѣвомъ и разными карами, заявляетъ, что его рѣшеніе непреклонно, и называетъ мятежниками тѣхъ, которые утверждаютъ, будто Инквизиція нарушаетъ старыя вольности страны. Въ то же время Фердинандъ извѣстилъ инквизиторовъ, что они должны вступить въ свои обязанности, предупреждая ихъ, что, въ виду настроенія народа, слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью къ фуэро страны и проявлять побольше милосердія, въ особенности по отношенію къ тѣмъ, которые покаялись въ грѣхахъ и готовы возсоединиться съ Церковью. Несмотря на неуступчивость Фердинанда, кортесы рѣшили настоять на своемъ и отправили къ нему депутацію съ заявленіемъ, что введеніе организованной по примѣру Кастиліи Инквизиціи явится нарушеніемъ арагонскихъ фуэро. Даже королевскій совѣтъ Валенсіи предупредилъ инквизиторовъ не вступать въ отправленіе службы въ виду того, что они, какъ иностранцы, по законамъ страны лишенные права занимать какую-либо должность, явятся нарушителями вольностей Арагоніи, которыми испоконъ такъ дорожатъ арагонцы. Въ отвѣтъ на это послѣдовало 31 августа 1484 г. письмо Фердинанда. Король въ рѣзкихъ выраженіяхъ порицалъ чиновниковъ, не повинующихся его волѣ, и угрожалъ наказаніями тѣмъ, которые будутъ и впредь нарушать его распоряженія. Ссылки депутаціи и королевскаго совѣта на нарушеніе вольностей Фердинандъ считаетъ не заслуживающими вниманія и приказываетъ губернатору заставить инквизиторовъ немедленно взяться за работу, не считаясь ни съ тѣмъ, что будутъ дѣлать кортесы, ни съ тѣмъ, что будетъ говорить и думать народъ [2]). Волненіе, однако, не скоро улеглось, и инквизиторы могли выступить съ sermon de la fe лишь 7 ноября 1484 г., при чемъ,

---

[1]) Педро д'Эпила и Мартинъ Иньиго.

[2]) Lea, «History», I, 239 и сл.; Llorente, «Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne», т. I, 185 и сл.; Joaquin del Castillo y Magone, «El Tribunal de la Inquisicion llamado de la fé ó del Santo Oficio», Барселона, 1835, т. I, 73 и сл.

во избѣжаніе, повидимому, излишняго раздраженія, всякія торжества, которыми обычно открывалась дѣятельность Инквизиціи, на этотъ разъ были въ Валенсіи совершенно отмѣнены.

Еще долго послѣ этого валенсійское дворянство продолжало всячески оказывать сопротивленіе Инквизиціи, и 17 августа 1485 г. Фердинандъ, раздраженный поведеніемъ дворянъ, приказалъ алгуасилу Кораскіеру арестовывать и бросать въ тюрьму, по первому требованію инквизиторовъ, всякаго дворянина, какое бы мѣсто онъ ни занималъ. Алгуасилъ не долженъ былъ даже имѣть для этого позволеніе отъ мѣстной свѣтской власти: онъ считался представителемъ короля, и всѣ чиновники, подъ угрозой штрафа въ двѣ тысячи золотыхъ флориновъ, обязаны были оказывать ему помощь. Но и это нарушеніе вольностей Валенсіи, повидимому, не могло успокоить страны, такъ какъ и 23 января 1486 г. изъ письма Фердинанда видно, что валенсійское дворянство охотно давало пріютъ бѣглецамъ Инквизиціи, даже такимъ, которые были ею осуждены на смерть и сожжены in effigie; Фердинандъ въ гнѣвѣ снова повторяетъ, что необходимо повиноваться приказаніямъ алгусила, и угрожаетъ штрафомъ въ 20 тыс. золотыхъ флориновъ тѣмъ, которые не будутъ выдавать бѣглецовъ и откажутся отъ исполненія приказанія алгусила. Фердинандъ предоставилъ свой королевскій дворецъ въ Валенсіи въ распряженіе Инквизиціи, выказывая этимъ особое къ ней благоволеніе, онъ отдалъ также немедленно приказъ о постройкѣ новыхъ тюремъ для Инквизиціи въ королевскомъ же дворцѣ. Въ 1488 г. генеральный лейтенантъ силою освободилъ изъ тюрьмы нѣкоего Доминго де Санта Крусъ, содержащагося по обвиненію въ ереси. Торквемада немедленно вызвалъ къ себѣ преступнаго лейтенанта, и Фердинандъ приказалъ ему неукоснительно явиться. Такъ какъ страна на время отсутствія лейтенанта не могла остаться безъ главы мѣстной власти, то Фердинандъ одновременно съ приказомъ явиться къ Торквемадѣ послалъ лейтенанту ордеръ для назначенія временно новаго начальника провинціи; въ то же время были арестованы всѣ тѣ, которые способствовали освобожденію изъ тюрьмы Доминго де Санта Крусъ. Этотъ случай показываетъ, что даже высшій представитель королевской власти былъ безсиленъ предъ Инквизиціей. То же можно было видѣть и въ 1497 г. Валенсійскіе нотаріусы утверждали, что инквизиціонные нотаріусы совершили рядъ злоупотребленій преимущественно на почвѣ продажи конфискованнаго у еретиковъ имущества; королевскіе нотаріусы требовали привлеченія инквизиціонныхъ къ суду; инквизиторы донесли объ этомъ Фердинанду, который угрожалъ свѣтскимъ нотаріусамъ различными карами: помимо наказанія, которое будетъ наложено на нихъ инквизиторами за то, что они мѣшали дѣятельности Инквизиціи, они подвергнутся и другому наказанію, такъ какъ не имѣли права привлекать къ отвѣтственности представителей Инквизиціи, свободныхъ отъ подчиненія законамъ страны. Фискалъ Супремы потребовалъ, чтобы всѣ участники оскорбленія дѣятелей Инквизиціи были отлучены отъ Церкви и преданы суду по обвиненію въ способничествѣ ереси; въ теченіе 15 дней они должны были явиться въ трибуналъ и представить оправдательные документы. Такъ, Инквизиція за малѣйшее подозрѣніе ея въ злоупотребленіи въ денежныхъ и другихъ дѣлахъ безжалостно мстила своимъ противникамъ, не считаясь ни съ ихъ положеніемъ, ни съ характеромъ ихъ обвиненій. Когда въ 1499 г. валенсійскій инквизиціонный трибуналъ, при конфискаціи имущества нѣкоего Валенсуолы, совершилъ акты явнаго злоутребленія, и губернаторъ, королевскій совѣтъ и городскія власти, возмущенные дѣяніями трибунала, стали противъ нихъ протестовать, то Фердинандъ вступился за инквизиторовъ и сдѣлалъ строжайшее внушеніе представителямъ свѣтской власти, заявивъ, что они не имѣютъ права вмѣшиваться въ правосудіе, совершаемое отъ имени Инквизиціи, а если въ дѣяніяхъ ея имѣются ошибки и злоупотребленія, то на нихъ могутъ подаваться апелляціонныя жалобы Генеральному инквизитору, который не преминетъ, безъ сомнѣнія, исправить всѣ недочеты. Дѣло же властей, говорилъ въ заключеніе Фердинандъ, оказывать помощь

Инквизиціи и не дѣлать никакихъ скандаловъ [1]). Благодаря этому вмѣшательству короля инквизиторы могли созвать 28 іюня 1500 г. всѣхъ представителей центральной и мѣстной администраціи и заставить ихъ принести присягу въ вѣрности и постоянной готовности служить Инквизиціи.

Легко понять, что послѣ этого дѣятельность Инквизиціи не встрѣчала болѣе препятствій, и Инквизиція могла свободно распоряжаться имуществомъ и жизнью жителей Валенсіи. Насколько обильна была здѣсь для Инквизиціи жатва, видно изъ того, что къ іюню 1488 г. листъ жертвъ, публично присоединившихся къ Церкви въ теченіе срока милосердія, заключалъ въ себѣ 983 имени, и среди нихъ было не менѣе 100 женщинъ,— вдовъ и дочерей сожженныхъ еретиковъ [2]). Присоединившимся къ Церкви было обѣщано, что ихъ имущество не будетъ конфисковано, и всѣ ихъ долговыя обязательства и денежныя расписки сохранятъ законную силу; однако, обѣщаніе это, повидимому, не было сдержано инквизиторами, такъ какъ 30 мая 1491 г. присоединившіеся снова получили то же обѣщаніе. Чтобы вознаградить себя за отказъ отъ конфискаціи, инквизиторы наложили на присоединившихся къ Церкви значительные денежные штрафы подъ видомъ епитиміи. Имена первыхъ жертвъ, за неимѣніемъ отчетовъ объ этихъ ауто-де-фе, неизвѣстны. Кайзерлингъ приводитъ имена тѣхъ, которые, по его мнѣнію, были среди первыхъ жертвъ, пострадавшихъ за la ley de Moysen. Списокъ Кайзерлинга таковъ: купецъ Гарсія Луисъ и его жена Агнесса, королевскій прокуроръ Хуанъ Бельтранъ, купецъ Лукасъ Алегре, жена его Изабелла, Рамонъ Алегре, врачъ Переаль и художникъ Деставилья [3]).

Для Арагона [4]) Торквемада организовалъ трибуналъ въ Сарагоссѣ и 4 мая 1484 г. назначилъ инквизиторами Гаспара Хуглара и Педро Арбуэса. 10 мая состоялось уже первое ауто-да-фе. За совершеніе еврейскихъ обрядовъ (p o r c e r e m o n i a s J u d a y c a s) судились Леонора Эли, Филиппъ Сальвадоръ, его жена Валенсіана и Муньосъ Кастельяна; нѣкоторымъ изъ обвиняемыхъ ставилось въ вину, что они ѣли мясо въ постъ, а Валенсіана соблюдала еврейскій постъ Іомъ-Кипуръ и ѣла въ христіанскій постъ еврейскій супъ—amin [5]). Всѣ четверо были подвергнуты епитеміи съ конфискаціей имущества. Въ тотъ же день Фердинандъ извѣстилъ арагонскихъ инквизиторовъ, что не слѣдуетъ публиковать акта о милосердіи, но поступать такъ, какъ-будто онъ на самомъ дѣлѣ былъ опубликованъ: подозрѣваемыя лица, въ особенности мараны, были лишены возможности добровольно покаяться въ разсчетѣ на мягкость наказаній, и суровость послѣднихъ была въ Сарагоссѣ тѣмъ самымъ выше, нежели въ мѣстахъ, гдѣ актъ о милосердіи охранялъ законную силу подчасъ въ теченіе нѣсколькихъ даже мѣсяцевъ. Этимъ объясняется, почему въ Сарагоссѣ встрѣчалось такъ мало добровольно присоединившихся къ Церкви. Уже 3 іюня состоялось второе ауто-да-фе; въ еврейской ереси (por hegeres Judayzantes) обвинялись двое мужчинъ и одна женщина. Мужчины были сожжены, а женщина, которой, кромѣ того, ставилось въ обвиненіе, что она обувала въ честь 12 еврейскихъ колѣнъ такое же количество бѣдныхъ евреевъ, постилась въ Іомъ-Кипуръ и т. д., подверглась, въ виду послѣдовавшей смерти, сожженію in effigie.

Это усердіе Новой Инквизиціи вызвало возмущеніе въ Арагонѣ, и инквизиторъ Хугларъ безслѣдно пропалъ, — онъ былъ, какъ говорили, отравленъ маранами. Инквизиція встрѣтила въ странѣ серьезное сопротивленіе, и Педро Арбуэсъ не могъ бо-

---

[1]) Lea, «History», I, 188—189.

[2]) Lea, op. cit., I, 243.

[3]) «Revue des Etudes Juives», LXXXVII.

[4]) Подъ Арагоніей мы разумѣемъ всюду три провинціи, бывшія независимыя королевства: Каталонію, Валенсію и Арагонъ.

[5]) Подъ этимъ именемъ извѣстенъ какой-то еврейскій супъ — hamin (amin) y otras potages de Judios.

лѣе совершать ауто-да-фе. Не только новохристіане, но и настоящіе христіане протестовали противъ огненнаго апоѳеоза католической религіи и называли Инквизицію учрежденіемъ, нарушающимъ вольности и привилегіи Арагона. Главнѣйшимъ аргументомъ противъ Инквизиціи они выставляли ея тайное веденіе слѣдствія и конфискацію недвижимаго имущества: какъ то, такъ и другое противорѣчило стариннымъ льготамъ страны. Такъ какъ среди противниковъ Инквизиціи, въ особенности среди марановъ, было много прекрасныхъ юристовъ и судей высшихъ трибуналовъ, то дѣятельности инквизиціонныхъ трибуналовъ, преимущественно на почвѣ конфискаціи осужденныхъ еретиковъ, ставились всевозможнаго рода препятствія, и фактически маранами-судьями не допускалась никакая конфискація. Считая, что послѣдняя является нервомъ всей Инквизиціи, противники ея путемъ пораненія этого нерва разсчитывали на полное прекращеніе дѣятельности инквизиціонныхъ трибуналовъ. Для борьбы съ маранами Фердинандъ прибѣгъ въ Арагонѣ къ тому же средству, къ какому онъ прибѣгалъ въ Валенсіи и другихъ мѣстахъ: всѣмъ представителямъ какъ центральной, такъ и мѣстной власти было приказано собраться на зовъ инквизиторовъ и торжественно поклясться, что они будутъ всѣми средствами защищать неприкосновенность католической вѣры, выдавать всѣхъ извѣстныхъ имъ еретиковъ, а также подозрительныхъ въ смыслѣ вѣры людей, не назначать ни на какія общественныя или государственныя должности сочувствующихъ ереси и оказывать поддержку всѣмъ распоряженіямъ инквизиторовъ. Присягу эту принесъ и асессоръ арагонскаго губернатора Мисеръ Франсиско де Санта Фе, внукъ извѣстнаго крещенаго дѣятеля (Іошуа Лорки) Геронимо де Санта Фе; при этомъ Франсиско произнесъ рѣзкую и ярко враждебную рѣчь противъ іудаизма. Поведеніе Мисера Франсиско де Санта Фе было лицемѣрно, такъ какъ онъ всецѣло находился на сторонѣ марановъ и былъ врагомъ введенія Инквизиціи. Вскорѣ онъ принялъ даже участіе въ заговорѣ противъ инквизитора Арбуэса, за что и былъ посаженъ въ тюрьму. Здѣсь онъ покончилъ съ собою, и Инквизиціи остались лишь для сожженія его кости [1]). Торквемада поспѣшилъ вскорѣ прислать арагонскимъ инквизиторамъ для руководства Севильскія Инструкціи, несмотря на то, что Арагонъ не былъ представленъ въ хунтѣ 1484 г.

Страною овладѣла паника, и многіе мараны и вообще лица, чувствовавшія себя не совсѣмъ въ безопасности, стали покидать предѣлы Арагона, и 4 ноября Фердинандъ отдалъ строжайшій приказъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ненадежныя въ религіозномъ отношеніи лица не могли выѣзжать за предѣлы страны. Дворянство, поддерживаемое, разумѣется, новообращенными, увидѣло въ запретѣ о выѣздѣ нарушеніе старыхъ хартій, но Инквизиція была сильнѣе конституціонныхъ гарантій, и всякій, оставлявшій королевство безъ спеціальнаго разрѣшенія инквизиторовъ, разсматривался въ случаѣ обратнаго возвращенія въ страну какъ упорный еретикъ. Попытка богатыхъ новохристіанъ откупиться большой суммой денегъ отъ возможности лишиться имущества путемъ конфискаціи была отвергнута какъ Фердинандомъ, такъ и Римской Куріей: Торквемада выступалъ всегда самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ какихъ-либо уступокъ, купленныхъ, какъ онъ выражался, іудиными серебренниками, и порицалъ мельчайшія колебанія въ этомъ направленіи, проявляемыя Фердинандомъ, Изабеллой и даже Римомъ. Когда путь подкуповъ оказался недоступнымъ, началась открытая борьба съ Инквизиціей. Хустисія [2]) Арагона, Три-

---

[1]) Amador de los Rios, «Historia», III, 259; «Revue des Etudes Juives», 37, т. 269.

[2]) Хустисія (Justicia) назывался въ Арагонѣ представитель высшей судебной власти; онъ стоялъ всегда на стражѣ фуэро страны и боролся съ абсолютистскими тенденціями королевской власти. Посредствомъ firma онъ могъ пріостановить дѣйствіе всякаго суда и контролировать, насколько правильно онъ поступаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. У хустисіи было два помощника, lugartenentes. Ср. Jean H. Mariéjol, «L'Espagne sous Ferdinand et Isabelle», стр. 189—191.

стапъ де ла Порта, протестовалъ противъ того, что была введена Инквизиція, нарушающая старинныя права народа. Затѣмъ были созваны сословія для обсужденія вопроса, являвшагося вызовомъ свободнымъ учрежденіямъ Арагона. Желая предупредить непріятныя для него постановленія, Фердинандъ еще до собранія кортесовъ отправилъ на имя отдѣльныхъ дворянъ и вліятельныхъ членовъ собранія письма съ просьбой оказать помощь инквизиторамъ Сарагоссы и Теруэля. Практическаго значенія, однако, это вмѣшательство Фердинанда не имѣло, и къ нему была отправлена депутація, долженствовавшая протестовать противъ Инквизиціи. Фердинандъ принялъ депутацію крайне холодно, сдѣлавъ слѣдующій отводъ всѣмъ ея аргументамъ: онъ-де является простымъ орудіемъ Церкви, проводя въ жизнь извѣстныя каноническія правила. Когда депутація, однако, заявила, что ей желательно, чтобы Инквизиція осталась въ томъ видѣ, въ какомъ она функціонировала въ Арагонѣ съ давнихъ поръ, и чтобы она не нарушала вольностей страны, Фердинандъ отвѣтилъ, что никто не думаетъ о нарушеніи фуэро; дѣло идетъ скорѣе объ ихъ упроченіи. Нельзя себѣ даже и представить, чтобы такіе истинно-католическіе вассалы, какими являются арагонцы, могли просить о фуэро и свободахъ, стоящихъ въ противорѣчіи съ католической религіей или способствующихъ развитію ереси; точно также невозможно допустить, чтобы католическіе короли даровали подобныя фуэро Арагону. Если бы старые инквизиторы дѣйствовали согласно каноническимъ законамъ и своей совѣсти, то не было бы нужды вводить Новую Инквизицію. Бѣда именно и заключается въ томъ, что старые инквизиторы были продажны, подкупны и люди безсовѣстные. Если бы въ Арагонѣ было такъ мало еретиковъ, какъ это утверждаетъ депутація, то некому было бы бояться Инквизиціи. Ни въ коемъ случаѣ нельзя мѣшать ей въ дѣлѣ конфискаціи, секвестраціи и иныхъ постановленій, такъ какъ никакіе интересы и соображенія, какъ бы значительны и вѣски они ни были, не могутъ препятствовать въ чемъ-либо ходу Инквизиціи. Фердинандъ былъ вполнѣ категориченъ въ своемъ рѣшеніи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ найденная нами въ барселонскомъ архивѣ довѣренность короля. Она гласитъ:

«Мы, донъ Фердинандъ, король, вслѣдствіе того, что нашъ святой отецъ узналъ, что въ нашихъ королевствахъ есть много людей, которые забыли о спасеніи собственныхъ душъ и исполняютъ обряды іудейскіе и магометанскіе и другіе, противорѣчащіе вѣрѣ,—для исправленія сего я приказалъ, чтобы во всѣхъ вышеназванныхъ королевствахъ была введена Инквизиція противъ лицъ, совершившихъ, какъ сказано, преступленіе еретической гнусности; изъ сего слѣдуетъ, что придется сдѣлать нѣсколько конфискацій имущества для нашей камеры и казны, для чего надо дѣлать все отъ насъ, отъ нашего имени и отъ имени нашего двора, во всемъ королевствѣ арагонскомъ, и мы рѣшили—и такова наша воля—поручить и настоящимъ мы поручаемъ вамъ, любезный нашъ Альфонсо де Меса, въ ловкости и добросовѣстности котораго мы убѣдились при болѣе извѣстныхъ обстоятельствахъ, и приказываемъ вамъ, чтобы вы отправились немедленно въ городъ Теруэль и въ другія части вышеназваннаго королевства арагонскаго съ цѣлью примѣнить Инквизицію противъ еретической гнусности и всего имущества движимаго и недвижимаго, чтобы инквизиторы въ совѣтѣ со своими асессорами приказывали вамъ секвестровать имущество и передавать его во владѣніе спокойныхъ и хорошихъ людей, если они прикажутъ вамъ только написать, отмѣтить и оставить имущество во власти владѣльцевъ, то такъ и поступайте, а если они объявятъ, что имущество должно быть конфисковано, то вы его берите и продавайте за наибольшую и наилучшую цѣну, за какую можете; а деньги за нихъ получайте и дѣлайте съ ними то, что мы вамъ приказали; для всего этого со всѣми подробностями даемъ вамъ настоящимъ полную власть.

Тарагона, 7 мая 1484, я, король [1])».

---

[1]) «Archivo de la Corona de Aragon», Reg. 43684, fol. XII.

Между тѣмъ народное недовольство приняло въ Теруэлѣ крупные размѣры. Сюда, одновременно съ организаціей инквизиціоннаго трибунала въ Сарагоссѣ, были отправлены Коливера и Наварра для устройства такого же трибунала. Когда эти два представителя Инквизиціи явились къ воротамъ города, муниципалитетъ отказался впустить ихъ, и они вынуждены были удалиться въ близлежащую деревню Селья (Cella), откуда они выпустили манифестъ съ отлученіемъ отъ Церкви членовъ муниципалитета и съ угрозой наложить интердиктъ на городъ. Однако, Теруэлю удалось благодаря подкупу Римской Куріи получить папскую инструкцію, и два священника, Франсиско Савистанъ и Мартинъ де Санъ Хуанъ, были уполномочены снять какъ отлученіе отъ Церкви, такъ и интердиктъ; возмущенный Фердинандъ отдалъ приказъ своему сыну, архіепископу Сарагоссы, распорядиться объ арестѣ обоихъ священниковъ и о доставленіи ихъ въ цѣпяхъ къ королевскому суду. Распоряженіе это, однако, въ виду настроенія жителей Теруэля осталось лишь на бумагѣ и не могло быть проведено въ жизнь. Не желая обострять и безъ того критическое положеніе, городъ отправилъ къ Фердинанду депутацію съ просьбой отмѣнить введеніе Инквизиціи въ Теруэлѣ; но король приказалъ депутатамъ указать немедленно всѣмъ представителямъ народа на необходимость безпрекословно повиноваться распоряженіямъ Инквизиціи подъ угрозой столь тяжкихъ наказаній, которыя на вѣки останутся устрашающимъ примѣромъ для нежелающихъ покориться. Отданъ былъ также приказъ губернатору Арагона отправиться въ Теруэль, объявить его жителямъ волю короля и собрать всѣхъ городскихъ дѣятелей для полученія отъ нихъ присяги въ готовности вѣрой служить Инквизиціи; если бы все это не помогло, губернаторъ долженъ былъ читать инструкціи короля каждому чиновнику въ отдѣльности и сдѣлать его отвѣтственнымъ за всякое нарушеніе царской воли. Члены депутаціи Хуанъ де ла Мата и Мисеръ Хаиме Море должны были остаться, въ качествѣ заложниковъ, при королевскомъ дворѣ, — впрочемъ, имъ удалось тайкомъ бѣжать, и лишь черезъ шесть мѣсяцевъ, къ неописуемой радости Фердинанда, членъ депутаціи Хуанъ де ла Мата былъ какъ-то пойманъ.

Приведемъ полностью найденное нами въ барселонскомъ архивѣ письмо Фердинанда по поводу задержанія двухъ членовъ депутаціи, а также отданныя имъ въ связи съ этимъ распоряженія.

«Судья, алкалды и регидоры нашего города Теруэль! Мы видѣли ваше письмо, которое привезли намъ Хуанъ де ла Мата и Мисеръ Хаиме Мора, и узнали то, что намъ разсказали про васъ, и это усилило нашъ гнѣвъ и недовольство на васъ за то, что вы такъ нечестно и безъ причины запретили инквизитору еретической гнусности входъ въ вашъ городъ для дѣйствія и работы Инквизиціи. Мы хорошо знаемъ, что это произошло только по винѣ нѣсколькихъ дурныхъ людей, которые мало заботятся о служеніи Богу, о чести нашей святой католической вѣры, общемъ благѣ нашего города Теруэля и распространили въ своихъ личныхъ интересахъ вещи, противорѣчащія всякой истинѣ, при чемъ можете быть увѣрены, что съ теченіемъ времени эти люди не останутся безъ приговора и наказанія. Наша непреклонная воля состоитъ въ томъ, чтобы вышеназванные инквизиторы вошли въ городъ Теруэль и были приняты тамъ со всѣми необходимыми почестями. И настоящимъ мы настойчиво приказываемъ вамъ, чтобы вы всѣ лично вышли имъ навстрѣчу и мирно проводили вышеназваннаго инквизитора съ его подчиненными въ зданіе городского совѣта и не только позволили имъ свободно исполнять свое дѣло, но оказали имъ всякое покровительство и помощь, которыя имъ понадобятся, или которыхъ они у васъ попросятъ, потому что несомнѣнно, что, исполняя дѣло вышеназванной Инквизиціи, они не будутъ ни въ какомъ случаѣ нарушать формы каноническаго права и не сдѣлаютъ ничего противъ фуэро и свободъ города Теруэля; кромѣ того, будутъ относиться съ милосердіемъ и состраданіемъ, т.-е. съ прямотою и добросовѣстностью, поскольку это возможно, къ людямъ, которые признаютъ свое заблужденіе должнымъ образомъ и въ

должное время явятся для примиренія. Мы сообщили вышеназваннымъ вашимъ посланнымъ, состоящимъ у васъ на службѣ, эту нашу опредѣленную волю и рѣшеніе, чтобы они не уѣзжали отсюда обратно, пока не будетъ извѣстно, какъ вы исполняете въ Теруэлѣ наши приказанія; потому что, если вы ихъ не исполните, то ослушники понесутъ такое наказаніе, что оно останется навсегда воспоминаніемъ и примѣромъ. А чтобы вѣрнѣе и скорѣе узнать, какъ исполняется и проводится въ дѣйствіе то, что мы приказываемъ вамъ настоящимъ письмомъ, мы приказали написать Х. Фердинанду де Эредіа, чтобы онъ передалъ вамъ письмо лично и написалъ намъ, какъ вы исполнили наше распоряженіе. Дано въ городѣ Кордовѣ 3 дня мѣсяца августа 1484 [1])».

2 октября 1484 г. инквизиторы отдали приказъ, коимъ всѣ должности въ Теруэлѣ дѣлались собственностью короля, а находящіяся на службѣ лица были признаны негодными къ занятію государственныхъ должностей; прекращеніе выдачи жалованья, послѣдовавшее въ силу распоряженія Фердинанда, свидѣтельствовало о томъ, что приказъ 2 октября былъ выработанъ Инквизиціей совмѣстно съ королемъ. Въ то же время инквизиторы обратились къ Фердинанду съ просьбой предоставить въ ихъ распоряженіе свѣтскую власть, арестовать всѣхъ виновныхъ членовъ муниципалитета и конфисковать ихъ имущество. 5 февраля 1485 г. появилась Executoria invocationis brachii saecularis: всѣ чиновныя лица Арагона, равно какъ все дворянство, должны были явиться съ находящимися въ ихъ распоряженіи пѣхотинцами къ инквизиціонному трибуналу и отдать себя во власть Инквизиціи, чтобы она, съ помощью этихъ вооруженныхъ силъ, могла свободно проводить свои намѣренія; командовать этими силами долженъ былъ особый начальникъ по королевскому назначенію. Подъ страхомъ царскаго гнѣва, лишенія должности, штрафа въ 20 тыс. золотыхъ флориновъ и тяжкихъ наказаній, они должны были арестовать жителей Теруэля, конфисковать ихъ имущество и выдать ихъ инквизиторамъ для того, чтобы на Теруэль было наложено наказаніе, въ соотвѣтствіи съ его преступленіемъ, которое могло бы служить урокомъ на будущее время для тѣхъ, которымъ вздумается идти противъ воли Инквизиціи. Жители Сельи должны были предоставить свою крѣпость въ распоряженіе теруэльскихъ инквизиторовъ для устройства въ ней тюрьмы. Повидимому, всѣ эти приказы не имѣли практическаго значенія, такъ какъ Фердинандъ распорядился, несмотря на прямое запрещеніе фуэро, чтобы войска изъ Куэнки и другихъ кастильскихъ городовъ вступили въ предѣлы Арагона и повели въ немъ настоящую войну противъ враговъ Инквизиціи, при чемъ военные расходы должны были быть покрыты изъ суммъ, конфискованныхъ у теруэльскихъ ослушниковъ. Нѣтъ достаточныхъ данныхъ утверждать, дѣйствительно ли отправилось крестоносное войско изъ Кастиліи въ Арагонъ; извѣстно лишь, что въ критическую минуту теруэльцы поняли, что они не въ силахъ будутъ выдержать нападенія войскъ, и 15 апрѣля 1485 г. Фердинандъ могъ назначить въ покорившійся, наконецъ, городъ въ качествѣ ассистента или губернатора Теруэля, Хуана Гарсеса де Марсилью [2]), предоставивъ ему диктаторскія полномочія и поручивъ ему возстановить въ городѣ полное спокойствіе, не считаясь со старинными привилегіями Арагоніи. Марсилья выказалъ себя жестокимъ правителемъ. По указанію инквизиторовъ была имъ изгнана масса гражданъ; фактически городъ всецѣло находился въ рукахъ инквизиторовъ, такъ какъ Марсилья слѣпо исполнялъ всѣ ихъ приказанія. Инквизиціонная касса обогатилась громадными суммами: по малѣйшему подозрѣнію налагались большіе денежные штрафы на тѣхъ, кто въ періодъ бунта сочувствовалъ противникамъ Инквизиціи; не мало людей лишилось тамъ имущества только за то, что считались неблагонадежными

---

[1]) «Archivo de la Corona de Aragon», Reg. 3684, fol. XXIII.

[2]) Марсилья былъ удостоенъ этой чести за то, что арестовалъ Хуана де ла Мату, члена депутаціи, о которой мы говорили выше.

въ смыслѣ своей готовности служить Инквизиціи. Во время безпорядковъ въ Теруэлѣ близлежащія мѣстности, въ частности Селья, давали теруэльскимъ инквизиторамъ взаймы значительныя суммы, которыя они обязались впослѣдствіи выплатить изъ конфискованныхъ у бунтовщиковъ средствъ; этимъ объясняется, почему жители теруэльскаго округа были на сторонѣ Инквизиціи и требовали конфискаціи имущества всѣхъ марановъ. Слѣдуетъ замѣтить, что во время пребыванія инквизиторовъ въ Сельѣ жителямъ ея было обѣщано возвратить всѣ долги, слѣдуемые имъ съ еретиковъ Теруэля. Инквизиція, такимъ образомъ, нерѣдко служила гарантіей возврата долговъ, слѣдуемыхъ съ марановъ и вообще съ ненадежныхъ въ религіозномъ смыслѣ людей. Въ 1502 г. теруэльскіе инквизиторы распорядились, чтобы къ нимъ поступали всѣ долги, слѣдуемые жителямъ Теруэля такъ какъ послѣдніе, въ качествѣ бунтарей противъ Инквизиціи, не могутъ владѣть никакимъ имуществомъ, хотя по имѣющимся у нихъ долговымъ обязательствамъ взысканіе должно было аккуратно производиться. Фердинандъ, однако, воспротивился такому толкованію правъ Инквизиціи и запретилъ инкассировать теруэльскія обязательства [1]).

Жестокое подавленіе теруэльскихъ безпорядковъ вызвало крайнее недовольство въ Сарагоссѣ, гдѣ новообращенные были сравнительно сильны и многочисленны. Такъ какъ открытое сопротивленіе Инквизиціи оказалось безсильнымъ, то возникъ планъ убить наиболѣе дѣятельнаго инквизитора и путемъ страха принудить Инквизицію къ бездѣятельности. Педро Арбуэсъ пользовался въ Сарагоссѣ ужасной репутаціей: всѣмъ хорошо было извѣстно, какія суммы онъ тратилъ на тайную слѣжку за маранами, какъ часто прибѣгалъ онъ къ подкупу свидѣтелей, и какими низкими агентами онъ пользовался для оклеветанія того или иного марана, котораго онъ хотѣлъ предать суду Инквизиціи. Педро Арбуэсъ возвелъ плату за доносъ въ систему и тѣмъ самымъ разжегъ низменныя страсти наиболѣе испорченныхъ людей, которыхъ сдѣлалъ какъ бы господами положенія, имѣющими возможность въ любое время бросить въ тюрьму самаго знатнаго гражданина или лишить его всего имущества. Положеніе города было тяжелымъ, и мысль объ убійствѣ Арбуэса съ каждымъ днемъ встрѣчала все большее и большее число приверженцевъ. Нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ людей, ненавидѣвшіе Инквизицію и бывшіе на сторонѣ марановъ, тайно поддерживали мысль объ убійствѣ Арбуэса, доказывая, что этимъ путемъ будетъ уничтожена въ Арагоніи Инквизиція; такого мнѣнія былъ, между прочимъ, Габріэль Санчесъ, казначей Фердинанда. Слухи о заговорѣ дошли и до короля, и 29 января 1485 г. Фердинандъ писалъ арагонскому губернатору, что новохристіане собираютъ какія-то суммы, и что подготовляется нѣчто зловѣщее; однако, этимъ онъ не поднялъ бдительности мѣстной администраціи, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Сарагоссѣ устраивались тайныя собранія марановъ, и вопросъ объ устраненіи Арбуэса обсуждался на всяческіе лады. Весною 1485 г. состоялось первое покушеніе на жизнь Арбуэса; оно оказалось неудачнымъ и побудило Арбуэса принять мѣры предосторожности: онъ сталъ носить панцырь подъ платьемъ и желѣзную каску подъ шапкой. Въ ночь на 15-ое сентября въ то время, когда Арбуэсъ, стоя на колѣняхъ, молился, заговорщикъ Дюранго нанесъ ему сзади кинжаломъ ударъ въ шею, въ то мѣсто, которое не было защищено панцыремъ. Арбуэсъ поднялся было, чтобы поймать Дюранго, но другой заговорщикъ, ла Бадіа, ударилъ его ножемъ по рукѣ, а третій заговорщикъ, Матео Рамъ, всунулъ ему въ грудь кинжалъ. Убійцы бѣжали изъ церкви. Они были спеціально наняты для этого дѣла кожевникомъ Хуаномъ де Эсперандеу, человѣкомъ, рѣшившимся на крайность, такъ какъ отецъ его томился въ тюрьмѣ. 17 сентября Арбуэсъ скончался и былъ похороненъ съ большими почестями. На гробу были вырѣзаны слова:

---

[1]) Lea, «History», I, 249. См. также Льоренте, Амадоръ де-лосъ-Ріосъ, Кастро, Кастильо-и-Магонъ и др. историковъ.

Qui jacet hoc tumulo? Alter fortissimus lapis,
Qui arcet virtute cunctos a se Judaeos:
Est enim Petrus sacer firmissima petra
Supra quam Deus edificavit opus:
Caesar augusta, gaude beata quae
Martirum decus ibi sepultum habes.
Fugite hinc retro, fugite cito Judaei.
Nam fugat pretiosus pestem hyacinthus lapis.

(Кто покоится въ этомъ гробу? То второй камень, весьма сильный, добродѣтель котораго удаляетъ отсюда всѣхъ евреевъ, ибо священникъ Петръ есть крѣпчайшая скала, на которой Господь построилъ свое зданіе. Счастливая Сарагосса, радуйся, что въ тебѣ похоронено украшеніе мучениковъ! А вы, евреи, бѣгите, бѣгите скорѣе отсюда, ибо драгоцѣнный камень гіацинтъ имѣетъ силу удалять чуму).

Каменная статуя, поставленная по распоряженію Фердинанда и Изабеллы на мѣстѣ убіенія Арбуэса, имѣла слѣдующую надпись: «Reverendus magister Petrus de Epila, hujus sedis canonicus, dum in haereticos ex officio constanter inquirit, hic ab eisdem confossus est ubi tumulatus, anno Domini 1485, die 15 septembris» (Уважаемый учитель Петръ де Эпила, каноникъ этой церкви, былъ убитъ на этомъ мѣстѣ еретиками 15 сентября 1485 г. въ то время, когда онъ съ твердостью исполнялъ свои инквизиціонныя обязанности противъ еретиковъ). Отъ Изабеллы была сдѣлана на другомъ камнѣ въ той же церкви спеціальная надпись: «Eadem Elizabeth Hispaniarum regina singulari in perpetuum pietate, ejus confessori (vel potius martiri) Petro de Arbuès sua impensa construi mandavit» (Королева Изабелла, въ вѣчный знакъ своего особаго благочестія, приказала поставить этотъ памятникъ своему духовнику или, вѣрнѣе сказать, мученику Петру Арбуэсу). Званіе духовника было дано Арбуэсу, видимо, послѣ его смерти съ тѣмъ, чтобы выразить особую благодарность инквизитору за его кратковременную дѣятельность и засвидѣтельствовать передъ католическимъ міромъ, какъ дороги были Изабеллѣ интересы Инквизиціи. Однако, къ лику блаженныхъ Арбуэсъ былъ причисленъ лишь въ 1664 г., а канонизированъ при папѣ Піи IX, 29 іюня 1867 г. Несмотря на это, Инквизиція давно уже считала его святымъ, и, какъ показалъ Ли, уже въ 1603 г. Высшій совѣтъ давалъ опредѣленныя указанія относительно празднованія дня San Pedro Arbués, а въ документахъ XVII и XVIII вѣковъ Инквизиціи часто встрѣчаются упоминанія о праздникѣ св. Петра [1]).

Результатъ убійства Арбуэса былъ противоположенъ тому, на какой разсчитывали враги Инквизиціи: инквизиторы нисколько не испугались этого террористическаго акта, но умѣло использовали его въ интересахъ своего дѣла. Въ народѣ былъ пущенъ слухъ, что евреи, мусульмане и мараны рѣшили убивать святыхъ христіанской Церкви, и что послѣдней угрожаетъ страшная опасность. Фанатичная толпа вѣрила въ эту легенду, смѣшивала Церковь съ Инквизиціей и вопила о мести. Настроеніе толпы быстро передалось и высшимъ классамъ, и многіе изъ тѣхъ, которые до убійства Арбуэса были противъ Инквизиціи, стали теперь переходить на ея сторону. Собраніе знатнѣйшихъ жителей Сарагоссы, провозгласившее себя немедленно національнымъ собраніемъ, вынесло рѣшеніе о томъ, чтобы всѣ духовные и свѣтскіе чины приняли самыя строгія мѣры къ наказанію виновныхъ, несмотря ни на какія привилегіи и фуэро страны. Городъ обѣщалъ дать 500 дукатовъ тому, кто укажетъ бѣжавшихъ убійцъ; судьи извѣстили и иностранныя государства о необходимости выдачи виновныхъ, и Фердинандъ заявилъ, что не будетъ останавливаться ни предъ какими расходами для отысканія убійцъ. Была опубликована особая прокламація, которая отлучала отъ Церкви всѣхъ, которые знали что-либо о заговорѣ противъ Арбуэса и теперь, въ теченіе опредѣленнаго времени, не заявляли объ этомъ инквизиціонному трибуналу. А папа Иннокентій VIII опубликовалъ даже 3 апрѣля 1487 г. бреве, въ силу котораго всѣ правители, государи и судьи христіанскаго міра должны были, по указанію Испанской Инквизиціи, выдавать ей скрывавшихся въ ихъ странахъ бѣглецовъ и въ теченіе тридцати дней, подъ страхомъ отлученія и обвиненія въ содѣйствіи ереси,

[1]) Lea, «History», I, 252; «Llorente, «Histoire critique», I, 192—203.

доставлять ихъ въ Испанію [1]). Инквизиція такимъ образомъ, согласно этому бреве, становилась международной, и испанскіе инквизиторы могли изъ Севильи или Сарагоссы распоряжаться жизнью жителей Парижа, Кельна или Вѣны. Бреве это, однако, осталось лишь на бумагѣ, и фактически иностранныя государства отказывались подчиняться требованіямъ испанскихъ инквизиторовъ о выдачѣ того или иного бѣглаго преступника. Такъ, когда въ 1501 г. скрылись въ Португалію кордовскіе еретики, Фернандесъ Эрреро и Фернандо, король Мануэль отказался ихъ выдать до тѣхъ поръ, пока ему не будутъ представлены доказательства виновности обоихъ бѣглецовъ. Имъ былъ даже учрежденъ особый комитетъ, на разсмотрѣніе котораго должны были поступать всѣ просьбы Испанской Инквизиціи о выдачѣ скрывающихся въ Португаліи испанскихъ еретиковъ. Португалія была достаточно сильна, чтобы дать отпоръ Инквизиціи или Фердинанду. Иначе обстояло дѣло съ Наваррой. Нѣкоторые изъ участниковъ заговора противъ Арбуэса скрылись отъ преслѣдованія инквизиторовъ въ Туделу, пограничный наваррскій городокъ. 27 января 1486 г. Фердинандъ въ вѣжливой формѣ просилъ магистратъ Туделы о выдачѣ Сарагоссѣ преступниковъ, и когда Тудела отказала ему въ этомъ, то Фердинандъ въ маѣ того же года повторилъ свою просьбу, угрожая объявленіемъ войны Наваррѣ и обвиненіемъ магистрата Туделы въ содѣйствіи ереси и въ неповиновеніи Инквизиціи. Положеніе Наварры въ это время—въ дни правленія малолѣтней Екатерины и Жана д'Альбре—было таково, что она не могла оказать сопротивленія Испаніи, и инквизиторы Сарагоссы отдали приказъ Хуану де Рибера начать военныя дѣйствія противъ Наварры. Безъ формальнаго приказа Фердинанда Хуанъ де Рибера не рѣшался, однако, выступать противъ дружественнаго государства, и инквизиторы обратились съ жалобой на него къ Фердинанду и Изабеллѣ. Католическая царственная чета подавляла въ это время возстаніе въ Галисіи, и потому немедленная помощь не могла быть оказана сарагосской Инквизиціи: ей было лишь обѣщано, что Фердинандъ и Изабелла придутъ на помощь дѣлу защиты вѣры, какъ только представится возможность. Но бѣглые еретики успѣли тѣмъ временемъ оставить Туделу, и 2 марта 1488 г., согласно папскому бреве 3 апрѣля 1487 г., тудельскій магистратъ въ лицѣ 8 человѣкъ подвергся ауто-да-фе въ Сарагоссѣ за то, что оказалъ содѣйствіе еретикамъ и убійцамъ Арбуэса.

Послѣ смерти Арбуэса преслѣдованіе еретиковъ приняло въ Сарагоссѣ страшные размѣры. 20 декабря 1485 г. были на ауто-да-фе сожжены Альваро де Сеговіа и Хоана Синфа. Первому было, между прочимъ, поставлено въ вину то, что онъ читалъ библію на еврейскомъ языкѣ и заставлялъ также своихъ дѣтей читать ее. Кортесамъ и мѣстнымъ властямъ былъ данъ приказъ безжалостно подавлять всякое сопротивленіе конфискаціи имущества еретиковъ, и сарагосскій пріемщикъ конфискацій работалъ съ такимъ усердіемъ, что вынужденъ былъ назначить въ различныхъ мѣстахъ Арагоніи своихъ представителей для наложенія ареста на еретическое имущество [2]). При такой энергіи со стороны

---

[1]) Бреве это впервые было напечатано Ф. Фитой въ «Boletin de la real Academia de la Historia», т. XVI, стр. 368.

[2]) У Амадора де лосъ Ріоса приводится списокъ лицъ, пострадавшихъ въ Сарагоссѣ отъ 1483 г. до 1504 г. отъ инквизиціоннаго трибунала. Число это, однако, не можетъ считаться точнымъ; оно распадается на три группы:

а) еретики-евреи (herejes judíos), изъ нихъ 100 сожжено заживо и 71 in effigie: b) принявшіе христіанство и приговоренные къ смерти (confesos condenados a fuege desde el año 1482 hasta el año de 1499), изъ нихъ 70 сожжено (?) и двое in effigie; c) новообращенные, приговоренные къ различнымъ наказаніямъ отъ 1486 г. до 1504 г.; число лицъ этой группы равно 115: для всѣхъ трехъ группъ получается цифра 358.—Льоренте считаетъ сарагосскій, севильскій и толедскій трибуналы наиболѣе дѣятельными и говоритъ, что цифра жертвъ Инквизиціи была бы трижды больше, если бы другіе трибуналы давали такое же число страдавшихъ, какъ сарагосскій, севильскій и толедскій трибуналы. «Libro Verde» («Revista de España», т. 106) даетъ для сожженій слѣдующія цифры: 1483 г.—1; 1485 г.—4: 1486 г.—25; 1488 г.—13, 1489 г.—2: 1490 г.—

Инквизиціи не трудно было черезъ доносчиковъ и лицъ, желавшихъ спасти свое богатство, напасть на слѣды убійцъ Арбуэса. Въ Леридѣ былъ арестованъ одинъ изъ заговорщиковъ, французъ Дюранго, который и сталъ выдавать главныхъ сообщниковъ. 30 іюня 1486 г. состоялось въ Сарагоссѣ первое ауто-да-фе убійцъ Арбуэса. Хуанъ де Педро Санчесъ, успѣвшій бѣжать во Францію, былъ сожженъ in effigie; у Дюранго, выдавшаго убійцъ, лишь отрѣзали руки и прибили ихъ къ дверямъ депутатскаго зданія; когда онъ умеръ, его тѣло потащили на базарную площадь, сняли голову, а потомъ, разрѣзавъ на мелкіе куски, разбросали по улицамъ города. Суровѣе было поступлено по отношенію къ Эспераидеу: живымъ его поволокли къ каѳедральному собору, отрубили сначала руки, а затѣмъ на площади отрѣзали голову и отдѣльные члены разбросали по городу. 28 іюля состоялось второе ауто-да-фе шести виновниковъ убійства Арбуэса. Гаспаръ де Санта Крусъ бѣжалъ во-время въ Тулузу, гдѣ умеръ; теперь его приговорили къ сожженію, и сынъ его, Геронимо де Санта Крусъ, который способствовалъ бѣгству отца, долженъ былъ отправиться въ Тулузу, откопать кости отца, сжечь ихъ и доставить въ Сарагоссу протоколъ о сожженіи отцовскихъ костей. Все это въ точности и выполнилъ Геронимо. Жена Гаспара была сожжена in effigie. Точно также были сожжены in effigie Мартинъ де Сантагелъ и Гарсіа Лопесъ, а Педро де Эксеа и Віоланте Руйсъ были сожжены живьемъ. Черезъ нѣсколько дней—6-го августа—состоялось новое ауто-да-фе въ Сарагоссѣ, 12-е по числу съ введенія въ ней Инквизиціи въ 1484 г. На этотъ разъ публичному покаянію подверглись 5 человѣкъ,—всѣ за ceremonias Judaycas. 24 сентября торжественно праздновалось 13-ое ауто-да-фе, а число жертвъ его равно было 10. На слѣдующемъ ауто-да-фе отъ 21 октября живой была сожжена Марія Лабидіа за участіе въ заговорѣ противъ жизни Арбуэса; въ тотъ же день были сожжены еще 5 человѣкъ живьемъ, а Родриго де Грисъ in effigie. 29 ноября были сожжены 11 человѣкъ; Педро де Моросъ обвинялся въ томъ, что соблюдалъ еврейскіе обряды, утверждалъ, что законы Моисея лучше другихъ законовъ, и что король, воюя противъ мавровъ, поступаетъ не согласно съ волею Бога. Другіе пострадавшіе

1; 1491 г.—10; 1492 г.—5. См. приложеніе къ «Historia de Judios» Амадора де-лосъ-Ріоса, II, 616—634 (Sumarios y memoria de los Judios y conversos habitadores de la ciudad de Zaragoza que fueron quemados en persona ò en estatua ò penitenciados por la Inquisicion desde 1483 à 1504 [общій списокъ евреевъ и новообращенныхъ, жителей города Сарагоссы, которые были сожжены заживо или in effigie или наказаны Инквизиціей отъ 1483 г. до 1504 г.]. Съ другой стороны, Ли пользовался неизвѣстнаго происхожденія рукописью «Memoria de diversos Autos de Inquisicion celebrados en Çaragoça desde el año 1484 asta el de 1502 en que se refieren las personas castigadas en ellos». Резюмируя содержаніе этой рукописи, Ли даетъ слѣдующую картину дѣятельности Сарагосской Инквизиціи.

Годы.		Годы.		Годы.		Годы.	
1484 . . .	7	1489 . . .	57	1494 . . .	6	1499 . . .	26
1485 . . .	3	1490 . . .	73	1495 . . .	34	1500 . . .	6
1486 . . .	80	1491 . . .	49	1496 . . .	22	1501 . . .	17
1487 . . .	52	1492 . . .	58	1497 . . .	10	1502 . . .	11
1488 . . .	45	1493 . . .	39	1498 . . .	10	Итого .	602

Что число сожженій въ Сарагоссѣ не было особенно велико, видно также изъ опубликованнаго въ «Revue des Etudes Juives» (т. XI, 78 и сл.) отчета о дѣятельности сарагосскаго трибунала, начиная съ 19 августа 1485 г. Отчетъ составленъ нотаріусомъ этого трибунала Мартиномъ де Кока (Quoca) и нынѣ находится въ бордосскомъ муниципальномъ архивѣ. Онъ содержитъ имена 326 обвиняемыхъ или заподозрѣнныхъ въ возвратѣ къ іудаизму, изъ нихъ лишь 53 человѣка были приговорены къ смертной казни, при чемъ 7 были заживо сожжены, остальные были предварительно задушены или повѣшены. Огромное большинство обвиняемыхъ были приговорены къ покаянію съ конфискаціей всего имущества (penitenciado con confiscacion de todos sus bienes). Изъ 326 человѣкъ бѣжало отъ Инквизиціи—40. — См. Gaullieur, «Notes sur les Juifs à Bordeaux» («Revue des Etudes Juives», XI).

также исполняли тѣ или иные еврейскіе и мусульманскіе обряды. 15 декабря публичному ауто-да-фе долженъ былъ подвергнуться помощникъ губернатора Арагоніи, внукъ [1]) знаменитаго новохристіанина Геронимо де Санта Фе, Франсиско; онъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ убійства Арбуэса и никакъ не могъ спасти себя отъ неминуемаго осужденія. Въ отчаяніи онъ бросился съ башни, въ которой былъ заключенъ, и тутъ же упалъ мертвымъ. Въ тотъ же день онъ былъ сожженъ, а кости, сложенныя въ особый ящикъ, были брошены въ рѣку для того, вѣроятно, чтобы онѣ не могли со временемъ сдѣлаться реликвіей. На слѣдующій день состоялось новое ауто, 17-ое. Наказанію подверглось 9 человѣкъ. Участникъ заговора противъ Арбуэса, ла Бадіа, не имѣя возможности надѣяться на какое-либо снисхожденіе, рѣшилъ, подобно Франсиско де Санта Фе, покончить съ собою: 21 января 1487 г. должно было состояться надъ нимъ ауто-да-фе, но въ ту же ночь онъ, разбивъ лампу своей тюремной камеры, сталъ глотать мелкіе кусочки разбитой лампы, пока не испустилъ духъ въ страшныхъ мукахъ. Его тѣло тащили по улицамъ Сарагоссы, затѣмъ отрубили руки и изрѣзали на мелкіе куски. Какъ сообщники его, были сожжены in effigie Педро де Альмасанъ, Пересъ Беленгеръ и Педро де Вера. 15 февраля 6 человѣкъ подверглись новому ауто-да-фе, а 15 марта одинъ изъ убійцъ П. Арбуэса, Матео Рамъ, былъ сожженъ послѣ того, какъ ему отрубили руки. Въ качествѣ сообщниковъ Рама были сожжены живьемъ Франсесъ, а in effigie Алонсо Рамъ, Алонсо Санчесъ и Гарсіа де Моросъ. Это происходило на ауто-да-фе 15 марта, когда покаянію и наказанію подверглись 12 человѣкъ. Разыскивая слѣды заговора противъ Арбуэса, сарагосская Инквизиція по малѣйшему подозрѣнію привлекала все новыхъ и новыхъ участниковъ его къ отвѣтственности и устраивала одно ауто-да-фе за другимъ. 1 апрѣля 1487 г. состоялось 21-ое ауто въ Сарагоссѣ, а 6 мая на 22-мъ ауто-да-фе былъ сожженъ in effigie заговорщикъ Хуанъ де Перо Санчесъ. На слѣдующемъ ауто-да-фе 20 мая, среди 11 еретиковъ, два были осуждены за прикосновенность къ убійству Арбуэса. 18 августа на базарной площади отрѣзали голову одному изъ руководителей убійства сарагосскаго инквизитора, Моссену Луису Сантангелу. Голову его посадили на колъ, а тѣло его было сожжено. На этомъ же ауто-да-фе были присуждены къ сожженію еще 7 человѣкъ, при чемъ жена Педро Наварро была сожжена живьемъ. Черезъ два дня состоялось новое ауто-да-фе: три человѣка было живьемъ сожжено (Хаиме Монтеса за участіе въ заговорѣ противъ Арбуэса), а Кристованъ де Гелва, принявшій христіанство, снова начавшій соблюдать іудейскіе обряды и перешедшій въ магометанскую вѣру, былъ in effigie подвергнутъ сожженію. Въ концѣ того же 1487 года 9 женщинъ подверглись новому ауто-да-фе: всѣ онѣ іудействовали, соблюдали еврейскій постъ и ѣли еврейскія блюда. Въ 1488 г. начались новыя ауто-да-фе въ связи съ арестами лицъ, показывавшими въ пользу Сантангела или отзывавшимися о немъ какъ о добромъ христіанинѣ. Вскорѣ жена Гаспара де ла Кабальеріа донесла трибуналу, что братъ ея мужа, Хуанъ де ла Кабальеріа, предлагалъ ему 500 флориновъ за убійство инквизитора. На судѣ Хуанъ отрицалъ это, заявивъ, что онъ, узнавъ отъ Педро Санчеса о существованіи спеціальнаго фонда для убійства Арбуэса, передалъ объ этомъ своему брату Гаспару, но ни въ коемъ случаѣ не побуждалъ его принять участіе въ убійствѣ. Оба брата содержались долго въ тюрьмѣ въ ожиданіи ауто-да-фе. Въ 1490 г. Хуанъ умеръ въ тюрьмѣ, и его тѣло было сожжено на ауто-да-фе 8 іюля 1491 г., а Гаспаръ принесъ покаяніе на ауто-да-фе 8 сентября 1492 г., когда было наказано сразу 21 человѣкъ. Среди нихъ находился и финансовый инспекторъ Арагоніи Санчо де Патерной, присужденный къ вѣчному заточенію. Его преступленіе состояло въ томъ, что онъ, какъ говорили темные слухи, сочувствовалъ убійству Арбуэса; на этомъ основаніи его неоднократно подвергали пыткѣ, а онъ то сознавался въ участіи въ убійствѣ, то отрицалъ всякое участіе и утверждалъ, что даже не зналъ о

---

[1]) По словамъ нѣкоторыхъ, сынъ Геронимо де Санта Фе, а не внукъ.

существованіи какого-либо заговора противъ Арбуэса; въ ночь убійства онъ ночевалъ во дворцѣ архіепископа Сарагоссы. Однако, въ виду того, что онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ казначеемъ Фердинанда, Габріелемъ Санчесомъ, онъ былъ признанъ виновнымъ и, какъ мы уже упомянули, присужденъ къ вѣчному тюремному заключенію. Всякое выраженіе удовлетворенія по поводу убійства Арбуэса считалось большимъ преступленіемъ, и виновный подвергался ауто-да-фе, хотя бы онъ одобрительно говорилъ объ убійствѣ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его совершенія. Бріанда де Бардахи была въ 1489 г. арестована за отзывъ объ убійствѣ Арбуэса и подвергнута пыткѣ. Въ камерѣ пытокъ она то признавалась въ своемъ преступленіи, то отрицала его, такъ что инквизиціонный трибуналъ не могъ установить наличности состава преступленія: она была присуждена къ нѣсколькимъ годамъ тюремнаго заключенія, и $1/_3$ ея имущества была конфискована. Такъ убійство Арбуэса дало сарагосской Инквизиціи возможность усилить свою бдительность, и вмѣсто ожидавшагося маранами ослабленія дѣятельности Инквизиціи наступилъ особый подъемъ, выразившійся въ многочисленныхъ ауто-да-фе какъ еретиковъ, такъ и лицъ, причастныхъ къ заговору противъ Арбуэса.

По словамъ Льоренте, въ Сарагоссѣ было подвергнуто различнаго рода наказаніямъ свыше 200 человѣкъ въ связи съ убійствомъ Арбуэса [1]). Того же мнѣнія придерживается и Амадоръ де лосъ Ріосъ, утверждающій, что большинство обвиняемыхъ и осужденныхъ на ауто-да-фе за періодъ отъ 1486 г. до 1492 года состояло изъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу убійства 15 сентября 1485 г. [2]). По словамъ Ли, основывающагося въ данномъ случаѣ на рукописи «Memoria de diversos Autos de Inquisicion celebrados en Çaragoça desde del año 1484 asta el de 1502 en que se referien las personas castigadas en ellos», число жертвъ сарагосской Инквизиціи, пострадавшихъ за участіе въ убійствѣ Арбуэса, было сравнительно совершенно незначительно. Ли сознается, что использованная имъ для опредѣленія количества жертвъ рукопись Memoria etc. содержитъ нѣкоторые пропуски, а потому должна быть дополнена другими источниками, и на основаніи всѣхъ доступныхъ ему данныхъ утверждаетъ, что за участіе въ убійствѣ Арбуэса было сожжено живьемъ 9 человѣкъ, 2 покончили самоубійствомъ, 13 были сожжены in effigie, а 4 были подвергнуты публичному покаянію. Кромѣ того, пострадали двое за ложныя показанія въ пользу Сантангела, 17 за оказаніе помощи участникамъ убійства и скрываніе, а двое за выраженіе по его поводу радостныхъ чувствъ. Въ общемъ, говоритъ Ли, слѣдуетъ считать, что человѣкъ 50—60 пострадало за убійство Арбуэса [3]). Санбенито всѣхъ осужденныхъ съ соотвѣтствующими надписями были повѣшены въ соборѣ, гдѣ былъ убитъ П. Арбуэсъ; они висятъ тамъ понынѣ, какъ говоритъ Амадоръ де-лосъ-Ріосъ [4]). Точно также въ соборѣ, близъ алтаря, находятся и кинжалы, которыми былъ убитъ Арбуэсъ. По распоряженію папы Льва X одинъ изъ этихъ кинжаловъ былъ удаленъ въ 1518 г. изъ собора, и когда унесшій его черезъ нѣкоторое время умеръ, то въ этомъ увидѣли перстъ Божій и указаніе на неправильность этого поступка [5]).

Итакъ, Инквизиціи удалось подавить недовольство въ Арагонѣ. Путемъ обширныхъ конфискацій, тюремныхъ заключеній и всенародныхъ сожженій сопротивленіе наиболѣе могущественныхъ марановъ было сломлено навсегда. Именами Кабальерія, Санчеса, Сан-

---

[1]) «Ils eurent bientot immolé plus de deux cents victimes» («Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne», I, 204).

[2]) «La mayor parte de los reos, comprendidos en los autos de fé, celebrados de 1486 à 1492 pertenecian al proceso del asesinato de Pedro de Arbués» («Historia de los Judíos de España y Portugal», III, 266).

[3]) Lea, «History», I, 255—258, а также XII-ый документъ въ приложеніи (592—611).

[4]) op. cit., III, 266.

[5]) Lea, op. cit., I, 283.

тангела, Рама и другихъ знатныхъ родовъ пестрятъ многочисленныя ауто-да-фе сарагосской Инквизиціи. Особенно сильно пострадала знаменитая семья Сантангеловъ, происходившая отъ раввина Азарія Гинильо (Azarias Ginillo). Мартинъ Сантангелъ бѣжалъ во Францію и былъ in effigie сожженъ; Луисъ Сантангелъ, получившій отъ Хуана II званіе дворянина за оказанныя имъ услуги во время войны съ Каталоніей, былъ, какъ мы уже говорили, обезглавленъ и сожженъ; его двоюродный братъ, носившій то же имя и пользовавшійся особымъ расположеніемъ Фердинанда, назначившаго его арагонскимъ escribano de racion (канцлеромъ королевскаго дома въ Арагоніи), подвергся 17 іюля 1491 г. въ санбенито публичному ауто-да-фе въ Сарагоссѣ. Этотъ самый Луисъ Сантангелъ уговорилъ Изабеллу отнестись сочувственно къ предпріятію Колумба, давъ на это 17 тыс. дукатовъ; какъ извѣстно, первый подробный отчетъ о своемъ путешествіи и о своихъ открытіяхъ Колумбъ прислалъ на имя Сантангела [1]). Другой Сантангелъ, также по имени Луисъ, женившійся на дочери жертвы Инквизиціи Видаля, вынужденъ былъ также бѣжать во Францію и былъ сожженъ in effigie.

Хуанъ де Сантангелъ былъ сожженъ въ 1486 г., а 12 августа 1487 г. публичному покаянію подвергался Хуанъ Томасъ Сантангелъ. Въ 1495 г. былъ осужденъ Габріэль Сантангелъ; въ 1497 г. in effigie былъ сожженъ братъ Хуана Сантангела. Въ 1499 г. въ Уэскѣ были присоединены къ Церкви Гисперте и Сальвадоръ Сантангелы, въ томъ же городѣ были въ 1489 г. сожжены живьемъ Леонардо Сантангелъ и его мать. Полной конфискаціи имущества, въ качествѣ присоединившихся къ Церкви, подверглись еще Віоланте, Симонъ, его жена Клара и Мисеръ Мигель Сантангелы. Въ 1513 г. жена Алонсо Сантангела, Фольсона, подала Фердинанду петицію, въ которой она указываетъ, что ея мужъ, осужденный тридцать лѣтъ тому назадъ Инквизиціей, бѣжалъ и лишился всего имущества, а она съ 4 дѣтьми голодала и потому рѣшилась взять изъ конфискованнаго у ея мужа богатства 80 либра, которые она истратила, вслѣдствіе чего испытываетъ угрызеніе совѣсти и умаляетъ теперь простить ей этотъ грѣхъ. Фердинандъ «съ обычнымъ нашимъ милосердіемъ и состраданіемъ» простилъ Фольсону Сантангелъ.

Не менѣе Сантангеловъ пострадала и другая знаменитая маранская семья—Санчесы. За періодъ времени отъ 1486 г. до 1503 г. были сожжены живьемъ или in effigie Хуанъ Педро Санчесъ, Мисеръ Алонсо, Ангелина, Бріанда, Моссемъ Антонъ и Мисеръ Хуанъ; кромѣ того, пострадали еще нѣкоторые члены этой семьи, породнившейся съ Тамаритами. Помимо сожженія, многіе изъ Санчесовъ подверглись публичному покаянію: такъ, Альдонса, Хуанъ де Хуанъ, Луисъ де Хуанъ, Мартинъ, Педро, Марія и Хуанъ Санчесы являлись одинъ за другимъ на ауто-да-фе. Эти двѣ семьи не составляли исключенія въ Арагоніи; и другія выдающіяся маранскія фамиліи сдѣлались жертвами инквизиціоннаго усердія. Нотаріусъ Хуанъ де Анчіасъ, бывшій секретарь сарагосскаго инквизиціоннаго трибунала и составитель книги «Libro Verdo de Aragon», въ которой доказалъ, какъ много нечистой крови въ жилахъ арагонскаго дворянства, исписывая цѣлыя страницы своихъ актовъ именами знатныхъ мучениковъ, сталъ, повидимому, замѣчать однообразный, монотонный характеръ своихъ записей и для оживленія ихъ въ своихъ документахъ началъ дѣлать резюме: «Гомесы изъ Уэски—новохристіане, многіе изъ нихъ были выданы свѣтской власти, другіе присоединились къ Церкви. Сапорта и Бенете изъ Монсона—новохристіанскія фамиліи; многіе члены ихъ были осуждены и преданы свѣтской власти» [2]).

---

[1]) «Jewish Encyclopedia», XI, s. v. «Santangel».
[2]) «Revista de España» т. 106.

Подобно Арагону, и Каталонія была недовольна введеніемъ Новой Инквизиціи. Барселона указывала, со ссылками на Римскую Курію, что она имѣетъ право на самостоятельнаго инквизитора, не нуждаясь въ делегатѣ, представляющемъ волю Великаго инквизитора. Ея старый инквизиторъ, Хуанъ Комте, самъ прекрасно справляется съ дѣломъ борьбы съ ересью, и незачѣмъ посылать на его мѣсто другого.

Въ видахъ устраненія этого возраженія Фердинандъ отправилъ 12 октября 1484 г. письмо въ Римъ съ просьбой предоставить ему, Изабеллѣ и Торквемадѣ право назначенія и смѣщенія новыхъ и старыхъ инквизиторовъ въ Каталоніи. Письмо это было оставлено папою безъ вниманія, вѣроятно, потому, что каталонскимъ новообращеннымъ удалось найти въ Римѣ вліятельныхъ защитниковъ своего дѣла; прошло поэтому много времени, и потребовались неоднократныя и настойчивыя напоминанія Фердинанда прежде, чѣмъ папа Иннокентій уступилъ и 6 февраля 1486 г. смѣстилъ всѣхъ старыхъ папскихъ ставленниковъ, въ томъ числѣ и барселонскаго инквизитора Хуана Комте, назначивъ Торквемаду спеціальнымъ инквизиторомъ Барселоны съ правомъ отправленія туда своего делегата. Прошло еще около 18 мѣсяцевъ, пока въ силу могло вступить папское постановленіе, и въ Барселону могъ явиться назначенный Торквемадой инквизиторъ Алонсо де Эспина. Судя потому, что къ нему на встрѣчу не вышли ни депутаты Каталоніи, ни магистратъ, ни духовенство въ полномъ составѣ, нужно заключить, что сопротивленіе введенію Новой Инквизиціи все еще продолжалось, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, муниципальные чины лишь 30 іюля 1487 г. принесли Инквизитору присягу въ вѣрности. Но и послѣ этого дѣйствія Инквизиціи откладывались, и лишь 14 декабря состоялась первая процессія примирившихся съ Церковью въ теченіе срока милосердія.

До короля, очевидно, немедленно дошла вѣсть объ этой присягѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ находящаяся въ барселонскомъ муниципальномъ архивѣ переписка короля съ барселонскими муниципальными совѣтниками. Уже 31 іюля 1487 г. онъ благодаритъ ихъ за ихъ готовность оказывать помощь Инквизиціи и успокаиваетъ ихъ относительно ихъ опасеній, будто право инквизиторовъ арестовывать по собственному усмотрѣнію противорѣчитъ привилегіямъ города или страны. Точно также король не видитъ въ широкихъ полномочіяхъ инквизиторовъ никакого подрыва королевской власти. Въ заключеніе Фердинандъ проситъ барселонскій муниципалитетъ вѣрить, что никто напрасно не будетъ страдать, и что все будетъ такъ, какъ желаютъ городскіе представители. Очевидно, настроеніе Барселоны король все еще считалъ тревожнымъ. 10 августа того же года Фердинандъ уже поздравляетъ городскихъ чиновниковъ и говоритъ, что они сумѣли успокоить волненіе народа и оказаться на высотѣ своего положенія; его особенно радуетъ, что магистратъ поступаетъ согласно волѣ короля и оказываетъ необходимую поддержку Инквизиціи. Броженіе въ странѣ все-таки, очевидно, продолжалось, и Фердинандъ пишетъ изъ Кордовы 25 сентября 1487 г., чтобы городской совѣтъ помогалъ инквизиторамъ подавлять народное недовольство, и чтобы онъ пустилъ въ ходъ самыя энергичныя мѣры для уничтоженія возстанія противъ Святой Инквизиціи. Еще въ 1488 г. послѣ того, какъ уже начались дѣйствія инквизиціоннаго трибунала, Фердинандъ снова пишетъ барселонскимъ городскимъ чиновникамъ о необходимости слушаться приказаній инквизиторовъ [1]). 14 декабря 1487 г. состоялась въ Барселонѣ, какъ мы уже упомянули, первая процессія присоединившихся къ Церкви въ теченіе срока милосердія.

Въ первой процессіи участвовали 50 человѣкъ. Слѣдующая процессія, состоявшаяся черезъ недѣлю, была также немногочисленной, что свидѣтельствовало о томъ, что барселонцы мало разсчитывали на милосердіе Инквизиціи и не спѣшили добровольно каяться въ своихъ преступленіяхъ.

---

[1]) «Archivo municipal de Barcelona», correspondencia de D. Fernando. 1486—1498.

Объ ауто-да-фе барселонскаго трибунала сохранился интересный отчетъ архиваріуса и нотаріуса этого трибунала Педро Мигеля Карбонеля подъ названіемъ «Liber descriptionis reconsiliationisque purgationis et condemnationis hereticorum etc» [1]). 25-го января 1488 г. состоялось въ Барселонѣ первое ауто-да-фе: было заживо сожжено 4 человѣка (всѣ они были маранами), а in effigie 12; одинъ изъ первой категоріи принадлежалъ къ извѣстной семьѣ новообращенныхъ Санта Фе [2]).

Слѣдующее ауто-да-фе происходило 23 мая 1488 г. На немъ были сожжены три женщины, изъ которыхъ одна была женой врача короля Хуана II Бадоса; 20 іудействующихъ, успѣвшихъ во время бѣжать, были сожжены in effigie. Третье ауто-да-фе, состоявшееся 8 августа того же года, не совершило сожженія: 9 человѣкъ были приговорены къ вѣчному тюремному заточенію. Большое ауто-да-фе имѣло мѣсто 16 августа: 34 мужчины и 85 женщинъ шли въ костюмахъ кающихся еретиковъ по городу и были приговорены къ ношенію въ теченіе года позорныхъ костюмовъ. 13 мая 1489 г. были осуждены 4 женщины и двое мужчинъ. 24 мая 1490 г. были осуждены два іудействующихъ еретика, 149 были сожжены in effigie. 10 іюня 1491 г. были заживо сожжены 3 человѣка, а 126 бѣжавшихъ іудействующихъ подверглись сожженію in effigie. 4 октября 1497 г. были сожжены in effigie 53 еретика. 20 декабря 1501 г. были сожжены опять in effigie 20 еретиковъ. 17 января 1505 г. были приговорены къ примиренію съ Церковью и къ вѣчному заключенію въ тюрьму 4 еретика, а двое были осуждены на смерть. Эти послѣдніе были: Донъ Хаиме де Касафранка, товарищъ главнаго королевскаго казначея въ Каталоніи, и каноникъ Лериды, жившій въ Барселонѣ, Далмасіо де Толоса. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (23 іюня) была сожжена послѣ задушенія и жена Касафранки, донья Бланка Майамъ [3]). Сравнительно значительное число сожженныхъ in effigie свидѣтельствовало о томъ, что, несмотря на запрещеніе еретикамъ выѣзжать за границу, многіе, тѣмъ не менѣе, успѣвали бѣжать отъ преслѣдованія Инквизиціи.

Въ вѣдѣніе барселонскаго инквизиціоннаго трибунала входили діоцезы Таррагоны, Вича, Героны, Лериды, Ургеля и Эльны, и во всѣхъ этихъ мѣстахъ, въ особенности въ Леридѣ, гдѣ сопротивленіе Инквизиціи было очень сильно, барселонскіе инквизиторы дѣйствовали съ большимъ усердіемъ. Въ Таррагонѣ первое ауто-да-фе происходило 18 іюня 1489 г., на немъ было осуждено 26 еретиковъ. 5 мая 1490 г. были приговорены къ различнымъ наказаніямъ 11 человѣкъ, а 12 мая были сожжены 7. Въ Геронѣ первое ауто-да-фе происходило 14 февраля 1491 г.; еретиковъ было 37, всѣ они понесли наказаніе. 10 апрѣля 1495 г. были осуждены съ конфискаціей имущества 75 человѣкъ: 21 декабря 1495 г. пострадало въ Геронѣ пять человѣкъ. 14 августа 1490 г. въ Барселонѣ предстали на ауто-да-фе 44 человѣка изъ Лериды [4]). Слѣдующій инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ Таррагонѣ въ 1494 г., ярко иллюстрируетъ, какъ произвольны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жестоки были мѣропріятія барселонской Инквизиціи.

Въ іюнѣ 1494 г. Таррагона, опасаясь переноса чумы изъ Барселоны, устроила карантинъ, и когда инквизиторъ Антоніо де Контрерасъ, спасаясь отъ чумы, явился вмѣстѣ съ своими служащими въ инквизиціонномъ трибуналѣ къ городскимъ воротамъ Таррагоны, къ нему вышли навстрѣчу генеральный викарій, каноники, королевскіе и мѣстные чины съ просьбой провести нѣсколько дней гдѣ-либо возлѣ Таррагоны. Въ отвѣтъ

---

[1]) «Archivo de la corona de Aragón».

[2]) Amador de los Rios, op. cit., III, 269.

[3]) Мы пользуемся книгой Petrus Michael Carbonellus etc., находящейся въ барселонскомъ архивѣ Арагонской короны. Хроника Карбонеля останавливается на 23 іюня 1505 г.; онъ дальше не желаетъ писать: работы съ каждымъ днемъ, говоритъ онъ, все больше и больше, а выгоды отъ этого никакой.

[4]) Petrus M. Carbonellus etc.

на эту просьбу инквизиторъ потребовалъ открытія городскихъ воротъ, угрожая въ противномъ случаѣ отлученіемъ отъ Церкви и интердиктомъ и предоставляя жителямъ для размышленія срокъ, равный продолжительности троекратнаго произнесенія «Miserere». По истеченіи этого времени де Контрерасъ привелъ въ исполненіе свои угрозы и удалился въ близлежавшій доминиканскій монастырь. Вечеромъ къ нему явился посланецъ изъ города съ извѣстіемъ, что Таррагона обратилась за помощью и съ жалобой къ Риму; посланецъ былъ арестованъ и посаженъ въ монастырскую тюрьму. Когда предъ воротами монастыря появился генеральный викарій въ сопровожденіи многочисленной толпы, то ихъ вызывающее поведеніе заставило Контрераса освободить арестованнаго посланца. Лишь черезъ мѣсяцъ инквизиторъ вошелъ въ Таррагону, снялъ интердиктъ и отлученіе и началъ спеціальное слѣдствіе по этому поводу, при чемъ изъ города былъ изгнанъ одинъ человѣкъ за то, что выразился въ томъ смыслѣ, будто и городъ Вичъ поступилъ бы точно такимъ же образомъ и не уничтожилъ бы карантина ради инквизитора. 5 сентября всѣ духовныя и свѣтскія власти Таррагоны были созваны въ соборъ и стали умолять униженно инквизитора о прощеніи и о наложеніи на нихъ наказанія въ видѣ искупленія за ихъ поведеніе, принеся въ то же время присягу въ вѣрности и готовности служить Инквизиціи. По опредѣленію инквизитора Контрераса, всѣ представители свѣтской и духовной власти Таррагоны должны были въ ближайшее воскресеніе отправиться въ церковь и присутствовать на мессѣ, въ качествѣ кающихся, съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Тѣмъ самымъ они накликали вѣчный позоръ какъ на самихъ себя, такъ и на весь свой родъ. Въ Инквизиторство Торквемады, т.-е. отъ введенія въ 1485 г. въ Барселонѣ Инквизиціи до смерти въ 1498 г. Торквемады, Барселонская Инквизиція, въ кругъ дѣйствій которой входило нѣсколько діоцезовъ, устроила 31 ауто-да-фе, при чемъ 23 человѣка было заживо сожжено, 15 мертвыхъ и 430 бѣжавшихъ были сожжены in effigie, 1 in effigie былъ примиренъ съ Церковью, 116 присуждено къ тюремному заключенію и 304 примирились съ Церковью, понеся различнаго рода наказанія.

Наименьшее сопротивленіе Инквизиція встрѣтила въ Кастиліи, гдѣ мараны были очень сильны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ненавистны какъ грандамъ, такъ и широкимъ классамъ народа. За исключеніемъ незначительнаго ропота въ Севильѣ и Толедо, остальные кастильскіе города индифферентно отнеслись къ учрежденію въ странѣ Инквизиціи и не выражали противъ нея протеста. Лишь въ 1500 г., когда въ Эррерѣ [1]) появилась молодая еврейская дѣвушка, выдававшая себя за пророчицу [2]), народное броженіе приняло серьезный характеръ, и алкальдъ отказался выдать ее инквизитору. Фердинандъ дважды вмѣшался въ эррерскую исторію, которая закончилась присужденіемъ къ смертной казни многихъ приверженцевъ этой дѣвушки. Эррера входила въ вѣдѣніе толедской Инквизиціи [3]), кото-

[1]) Herrera del Duque—городъ въ провинціи Бадахосъ.

[2]) «la Moça de Herrera».

[3]) Въ Толедо былъ перенесенъ инквизиціонный трибуналъ въ 1485 г. изъ Сіудадъ-Реаля, гдѣ онъ функціонировалъ въ теченіе двухъ лѣтъ и присудилъ къ сожженію заживо 52 человѣкъ, 220 in effigie и 183 къ примиренію съ Церковью; въ общемъ, такимъ образомъ, въ Сіудадъ-Реалѣ пострадало за два года 455 человѣкъ (L. Delgado Merchan, «Historia documentada del Ciudad Real, стр. 216, Сіудадъ-Реаль, 1907, 2-ое изд.). По вычисленіямъ Ли—въ Сіудадъ-Реалѣ за два года было сожжено 47 въ живыхъ и 98 in effigie (Lea, IV, 520). Въ центральномъ архивѣ въ Алкала де Энаресъ имѣется 37 отчетовъ о процессахъ противъ еретиковъ въ Сіудадъ-Реалѣ за 1483—85 гг.; отчеты демонстрировались на исторической выставкѣ въ Мадридѣ въ 1893 г. Всѣ еретики обвинялись въ іудаизмѣ. Фидель Фита и Рамонъ Сантамарія опубликовали въ «Boletin de la Real Academia de la Historia» (t. XX, май 1892) списокъ лицъ, происходившихъ изъ Сіудадъ-Реаля и сожженныхъ (заживо или in effigie) за періодъ отъ 1483 г. до 1485 г. сіудадъ-реальскимъ и толедскимъ трибуналами. Онъ равенъ 279. Первыми инквизиторами въ Сіудадъ-Реалѣ были: бургосскій каноникъ Педро Діасъ де ла Костана и докторъ Франсиско Санчесъ де ла Фуэнте, каноникъ изъ Саморы.

рая за время отъ 1485 г. до 1501 г. осудила на смертную казнь 297 чел., сожгла in effigie 600, заключила въ тюрьму около 200 и примирила съ Церковью во время срока милосердія 5200. Изъ сожженныхъ заживо 297 человѣкъ 117 были наказаны за то, что вѣрили въ эрререскую пророчицу, остальные 180 человѣкъ были осуждены за соблюденіе еврейскихъ обрядовъ. Объ эрререской исторіи сохранился въ мадридской «Biblioteca Nacional» [1]) интересный документъ: анонимное описаніе дѣятельности Толедской Инквизиціи за періодъ отъ 1485 г. до 1501 г. Въ описаніи этомъ подъ числомъ 22 февраля 1501 г. читаемъ: произошло ауто-да-фе, на которомъ были приговорены къ присоединенію къ Церкви 38 человѣкъ изъ Эрреры и изъ Алкосера; въ городѣ Эррера была схвачена дѣвушка, въ 15-лѣтнемъ приблизительно возрастѣ, которая по совѣту своихъ отца и дяди заявила, что съ ней говорилъ Мессія, взялъ ее на небо, и она видѣла на небѣ всѣхъ сожженныхъ еретиковъ, которые сидѣли на золотыхъ креслахъ и надѣялись, что скоро придетъ Мессія и вернетъ ихъ на землю. И шли люди массами глядѣть на эту дѣвушку, и говорила она, что она пророчица Мессіи, и давали ей много подарковъ. И созналась она, что отецъ и дядя ея посовѣтовали ей все это говорить для того, чтобы ей давали подарки. Она умоляла о милости, говорила, что всѣ тѣ, которые вѣрили ей, были христіане, что она была, продолжаетъ быть христіанкой и хочетъ остаться такой. Дѣвушка не погибла, такъ какъ она не принадлежала къ тѣмъ, которые были уже разъ присоединены къ Церкви. Но многіе были ею обмануты, одни потеряли изъ-за этого жизнь и имущество, другіе были заключены въ тюрьму. На другой день, 23 февраля, были выведены изъ тюрьмы и отправлены на ауто-да-фе для сожженія 67 человѣкъ изъ Эрреры и Алкосера; кромѣ того, въ это время были сожжены въ Кордовѣ свыше 90 человѣкъ, обманутыхъ дѣвушкой изъ Эрреры.

Цифры, указанныя выше, не могутъ считаться окончательными: въ большинствѣ случаевъ онѣ заимствованы изъ подробнаго и основаннаго на богатомъ матеріалѣ «Catálogo de las causas contra la fé seguidas ante el Tribunal del Santo Oficio de Toledo», выпущеннаго въ 1903 г. въ Мадридѣ Фреской и Гомесомъ дель Кампильо. Ничто, разумѣется, не можетъ гарантировать, что въ каталогѣ не пропущенъ рядъ дѣлъ о преслѣдованіи еретиковъ, и Элканъ Натанъ Адлеръ правъ, когда говоритъ, что всѣ приводимыя статистическія данныя должны считаться неполными, пока не будутъ опубликованы многочисленные отчеты объ ауто-да-фе, хранящіеся въ архивахъ испанскихъ городовъ [2]). Приведенныя нами выше данныя лишь немногимъ ниже тѣхъ, которыя въ свое время приводилъ Льоренте, котораго принято считать памфлетистомъ, умышленно преувеличивавшимъ преступленія Инквизиціи. По его вычисленіямъ, въ Толедо за время 1483—1501 пострадало: 666 человѣкъ, сожженныхъ заживо, 433 in effigie и 6,220 въ качествѣ приговоренныхъ къ тюремному заключенію или примирившихся съ Церковью. Изъ этихъ цифръ видно, что у Льоренте число сожженныхъ in effigie меньше, чѣмъ указано въ вычисленіяхъ на основаніи «Catálogo» и другихъ источниковъ, а число заживо сожженныхъ гораздо больше. Это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что Льоренте могъ въ отдѣльныхъ случаяхъ относить къ группѣ живыхъ тѣхъ, которыхъ иные изслѣдователи не считали живыми. Извѣстно, что Инквизиція непосредственно передъ сожженіемъ еретика часто распоряжалась задушить его раньше, а затѣмъ лишь предать его огню,—возможно, что въ виду этого могли произойти нѣкоторыя ошибки въ вычисленіи. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Льоренте дѣлалъ свои вычисленія далеко не всегда на основаніи документовъ; гораздо чаще онъ доходилъ до установленія цифры пострадавшихъ путемъ логическихъ выкладокъ, сравненія одного года съ другимъ, замѣны истиннаго числа ариѳметическимъ сред-

---

[1]) «Boletin de la Real Academia de la Historia», XI, 307—308.

[2]) «Auto de fé and Jew», стр. 99 и сл.

нимъ или показанія одного-двухъ современниковъ. Какъ бы то ни было, число осужденныхъ толедской Инквизиціей въ дни инквизиторства Торквемады было очень высоко.

О первоначальной дѣятельности Инквизиціи въ Толедо имѣется крайне интересный документъ, о которомъ мы выше упомянули: отчетъ очевидца первыхъ толедскихъ ауто-да-фе. Отчетъ этотъ въ XVI столѣтіи былъ снабженъ особымъ предисловіемъ и послѣсловіемъ лиценціатомъ-юристомъ и поэтомъ, Себастіаномъ Ороско. Анонимный авторъ начинаетъ свое изложеніе съ 24 мая 1485 г., когда въ Толедо были назначены инквизиторами Донъ Васко Рамиресъ де Рибера, архидіаконъ Талаверы, и Перо Діасъ де ла Константа, лиценціатъ теологіи и каноникъ въ Бургосѣ. Инквизиторы дали грѣшникамъ 40 льготныхъ дней для того, чтобы они могли покаяться, но прошло 15 дней, и никто не явился за милостью, такъ какъ новообращенные этого города задумали измѣну, которую намѣревались осуществить въ день Corpus Christi (2 іюня), въ день религіозной процессіи. Тогда изъ-за угловъ четырехъ улицъ должны были выскочить новообращенные и перебить инквизиторовъ, многихъ представителей дворянства и вообще всѣхъ христіанъ. Было условлено даже запереть ворота города, захватить главный соборъ и поднять бунтъ противъ короля. Но Господу Богу было угодно наканунѣ дня Corpus Christi «раскрыть этотъ заговоръ», и королевскій регидоръ Гомесъ Манрике арестовалъ нѣкоторыхъ новообращенныхъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, и узналъ отъ нихъ всю правду, а также объ отданныхъ ими уже распоряженіяхъ. На слѣдующій день, до начала процессіи, были повѣшены шесть человѣкъ, и жители города, узнавъ о строгихъ мѣрахъ Манрике, стали покидать Толедо, и регидоръ замѣнилъ жестокости денежнымъ взносомъ на войну съ маврами. Новообращенные увидѣли, что у нихъ нѣтъ другого средства спастись отъ сожженія, кромѣ публичнаго покаянія; они стали массами просить прощенія, побуждаемые болѣе чувствомъ страха, нежели любви къ святой католической вѣрѣ. И по истеченіе 40 дней было дано еще 60 дней, въ теченіе которыхъ раввины должны были побуждать евреевъ донести инквизиторамъ о еретикахъ Толедо; и были схвачены въ валенсійскомъ порту Санто изъ Толедо, его жена Марія Діасъ, ихъ сынъ и его жена; точно также были пойманы бѣжавшіе изъ Сіудадъ-Реаля Перо Гонсалесъ де Теба и его жена, которые сѣли на судно, чтобы плыть куда-либо подальше, но черезъ пять дней ихъ принесло вѣтромъ обратно. Это были первыя жертвы, сожженныя толедскимъ трибуналомъ. Первое торжественное ауто-да-фе происходило 12 февраля 1486 г. Въ процессіи каявшихся шло 750 человѣкъ. Шли они босые, полуголые, съ непокрытой головой, держа въ рукахъ потухшія свѣчи. Множество народа стеклось на это зрѣлище, и участники процессіи плакали не столько отъ боли, что они грѣшили, сколько отъ стыда, который они испытывали. Когда всѣ покаялись и присоединились къ Церкви, имъ было сказано, что они должны поститься въ извѣстные дни, никогда въ жизни не могутъ занимать общественной службы, не быть ни алкалдомъ, ни алгуасиломъ, не регидоромъ, ни нотаріусомъ, ни курьеромъ и теряютъ тѣ должности, которыя они нынѣ занимаютъ; кромѣ того, они не могутъ быть лавочниками и мѣнялами, носить дорогія платья, кораллы, драгоцѣнности, ѣздить верхомъ на лошади, быть свидѣтелями и арендаторами; нарушеніе этого постановленія повлечетъ за собою переходъ виновнаго въ группу рецидивистовъ, подлежащихъ сожженію. На второе ауто-да-фе, состоявшееся 2 апрѣля 1486 г., явилось 900 человѣкъ; они были присоединены къ Церкви на тѣхъ же условіяхъ, что и участники перваго ауто-да-фе. На состоявшемся 16 августа 1486 г. 3-мъ ауто-да-фе были сожжены 25 человѣкъ, 20 мужчинъ и 5 женщинъ; среди сожженныхъ были: докторъ Алонсо Кота, регидоръ изъ Толедо, фискалъ, командоръ ордена св. Якова, и другія лица, пользовавшіяся въ Толедо большимъ почетомъ. На слѣдующій день были сожжены два священника послѣ того, какъ были лишены духовнаго званія. Далѣе анонимный авторъ описываетъ еще два ауто-да-фе въ 1486 г., на одномъ были сожжены кости умершихъ, а отъ ихъ

родственниковъ, владѣвшихъ имуществомъ этихъ еретиковъ, потребовалось въ теченіе 20 дней явиться въ трибуналъ и отдать подробный отчетъ объ имуществѣ, уже отнынѣ принадлежащемъ королю. На послѣднемъ ауто-да-фе 1486 г. было 900 присоединившихся къ Церкви. Въ 1487 г., по словамъ анонимнаго лѣтописца, состоялось въ Толедо 4 ауто-да-фе: на первомъ было 700 присоединившихся къ Церкви, на второмъ—1200 («и было приказано многимъ изъ нихъ всю жизнь носить санбенито»), на третьемъ ауто были сожжены 23 человѣка, среди которыхъ былъ одинъ толедскій священникъ, о которомъ говорилось, что онъ совершилъ много отвратительныхъ еретическихъ поступковъ; на четвертомъ ауто-да-фе были сожжены изображенія многихъ бѣжавшихъ еретиковъ и кости большого числа умершихъ. Когда инквизиторы вызывали имя какого-либо бѣжавшаго или умершаго еретика, то открывали гробъ и вытаскивали оттуда изображеніе, одѣтое въ одежду, въ которой обыкновенно евреи хоронятъ своихъ покойниковъ. Въ 1488 г. было три ауто-да-фе: на первомъ было сожжено 37 человѣкъ, на второмъ — кости болѣе ста умершихъ еретиковъ, а на третьемъ заживо были сожжены: священникъ толедской церкви и два монаха еремитскаго ордена изъ монастыря Santa Maria de la Sisla; изъ этого монастыря были сожжены три другихъ монаха и люди, исполнявшіе обязанности пріоровъ и пользовавшіеся въ орденѣ большимъ уваженіемъ. Первое ауто-да-фе 1490 г. происходило 24 мая; были сожжены 18 мужчинъ и три женщины. Всѣ они были заживо сожжены, за исключеніемъ одного, который покаялся, заявилъ, что онъ христіанинъ; за это онъ былъ предварительно задушенъ, а потомъ сожженъ. На этомъ же ауто-да-фе 5 мужчинъ и 6 женщинъ были приговорены къ тюремному заключенію. На слѣдующій день состоялось новое ауто-да-фе: были сожжены кости свыше 400 человѣкъ; кромѣ того, было предано огню много книгъ и фальшивыхъ библій (blibias [sic] falsas). Въ этотъ же день была сожжена одна извѣстная еретичка, которая публично заявила, что она желаетъ умереть въ вѣрѣ Моисея, и что нѣтъ истины, помимо религіи Моисеевой. Она умерла, произнося слово: adonay (Господь).

Анонимный авторъ цитируемаго документа приводитъ для 1492 и 1494 годовъ лишь по одному ауто-да-фе. Подъ 1501 г. онъ помѣщаетъ три ауто-да-фе, изъ которыхъ нами было упомянуто о двухъ, когда мы говорили о дѣлѣ дѣвушки-пророчицы изъ Эрреры. На третьемъ ауто-да-фе были іудействующіе рецидивисты въ числѣ 7 человѣкъ; всѣ они были сожжены; кромѣ того, два человѣка были присоединены къ Церкви; 46 мужчинъ и 87 женщинъ, которые не достигли еще 30-лѣтняго возраста, подверглись епитеміи. Этимъ заканчивается лѣтопись анонимнаго автора; нотаріусъ Себастіанъ Ороско въ послѣсловіи къ этой лѣтописи разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ въ 1538 г. множество санбенито, висѣвшихъ въ главной толедской церкви и въ этомъ году, по распоряженію инквизитора Іоанна Яньеса, приведенныхъ въ образцовый видъ, такъ какъ отъ времени очень многія санбенито пришли въ негодное состояніе. Фактъ обновленія старыхъ санбенито тягостнымъ образомъ отражался на дѣтяхъ, внукахъ и вообще потомствѣ осужденныхъ еретиковъ; почти всѣ стали мѣнять свои фамиліи и прозвища, полученныя ими отъ отцовъ и дѣдовъ; въ Толедо исчезло множество старинныхъ родовъ [1]).

Еще болѣе энергичную дѣятельность проявилъ севильскій трибуналъ. Севилья была центромъ іудействующихъ и наиболѣе значительнымъ городомъ Кастиліи. Ея полумилліонное населеніе отличалось трудолюбіемъ, и новообращенные особенно охотно вели торговыя сношенія съ Севильей, селясь здѣсь въ значительномъ количествѣ По словамъ Бернальдеса, священника изъ лосъ Паласіосъ, автора «Historia de los Reyes católicos Don Fernando y Doña Isabel», за 8 лѣтъ, отъ 1480 г. до 1488 г., севильскій трибуналъ сжегъ свыше 700 еретиковъ, не считая тѣхъ, которые успѣли во время бѣжать или умерли до ауто-

---

[1]) «Boletin de la Real Academia de la Historia», XI, 311 и слѣд.

да-фе; по его вычисленіямъ, за это время тотъ же трибуналъ примирилъ съ Церковью до 5 тыс. еретиковъ. Секретарь Святой Инквизиціи, извѣстный историкъ Сурита, авторъ «Anales de Aragón», говоритъ, что до 1520 г. Севилья сожгла болѣе 4.000 еретиковъ и присудила къ различнымъ наказаніямъ свыше 30 тыс. человѣкъ, не считая тѣхъ, которые бѣжали отъ ея преслѣдованій; онъ утверждаетъ далѣе, что писатель, хорошо знакомый съ дѣлами Инквизиціи, полагаетъ, будто эти цифры гораздо ниже дѣйствительныхъ, и что за іудейство было осуждено въ Севильѣ свыше 100 тыс. человѣкъ, включая въ это число и примирившихся съ Церковью.

Амадоръ-де-лосъ Ріосъ, историкъ, далекій отъ преувеличеній и старавшійся обѣлить Инквизицію, говоритъ, что отъ 1484 г. до смерти въ 1498 г. Торквемады было сожжено до 10.220 человѣкъ, 6.860 были сожжены in effigie и бѣжали, а 97.320 были присуждены къ различнымъ наказаніямъ; въ общемъ, такимъ образомъ, за 18 лѣтъ пострадало *114,400* человѣкъ. Тѣ же цифры приводитъ и Дель Валье (Del Valle) въ своей книгѣ «Anales de la Inquisicion» (Мадридъ, 1868) [1]); правда, цыфры эти выведены имъ не столько на основаніи документовъ, сколько путемъ логическихъ выкладокъ. Оба эти писателя, Амадоръ-де-лосъ Ріосъ и Валье, заимствовали эти цифры у Льоренте [2]), который положилъ въ основу своихъ разсужденій о количествѣ жертвъ Торквемады дѣятельность севильской Инквизиціи въ теченіе первыхъ лѣтъ; если, говоритъ Льоренте, кому-либо покажется приведенная цифра жертвъ чрезмѣрной, пусть онъ сдѣлаетъ подсчетъ, руководясь числомъ жертвъ толедской Инквизиціи. Въ Толедо за годы: 1485, 1486, 1487, 1488, 1490, 1492 и 1494 были осуждены 6,341 человѣкъ, что составляетъ въ среднемъ 906 человѣкъ въ годъ; если умножить это число на 13, т.-е. на количество инквизиціонныхъ трибуналовъ, дѣйствовавшихъ въ Испаніи въ дни господства Торквемады, то получится сумма въ 11278, которую нужно умножить на 18, число лѣтъ инквизиторства Томаса; въ общемъ тогда мы будемъ имѣть цифру *193,204*, т.-е. больше той, которая у насъ получилась раньше (114,400), когда въ основѣ вычисленій лежала севильская Инквизиція [3]). Льоренте пытается дать картину дѣятельности Торквемады по годамъ и устанавливаетъ слѣдующія цифры: *1481* годъ.—2.000 сожженыхъ живьемъ, 2.000 in effigie и 17 тыс. приговоренныхъ къ различнымъ другимъ наказаніямъ [4]). *1482* годъ. 88 сожженныхъ живьемъ, 44 in effigie и 625 къ различнымъ наказаніямъ. *1483* годъ.—Въ Севильѣ и Кордовѣ: 688 сож-

---

1) Стр. 165—166.

2) Llorente, «Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne».

3) У Льоренте, впрочемъ, цифра иная, такъ какъ у него среднее за 7 лѣтъ при общей суммѣ въ 6.341 получилось не 906, какъ слѣдовало бы ожидать, а 792; соотвѣтственно этому ошибочны дальнѣйшія его вычисленія; конечная цифра Льоренте—185.328; ошибка—почти на 8 тыс. Впрочемъ, всѣ эти цифры, какъ выведенныя путемъ логическихъ разсужденій изъ немногихъ достовѣрныхъ данныхъ, не могутъ ни въ коемъ случаѣ считаться твердо установленными. Съ другой стороны, столь же существенно страдаютъ и тѣ цифры, которыя выводятся на основаніи однихъ лишь оффиціальныхъ документовъ, т.-е. отчетовъ объ ауто-да-фе. Отчеты эти погибли въ очень значительномъ количествѣ, слѣдовательно, ими нельзя пользоваться для утвержденія точнаго числа пострадавшихъ отъ Инквизиціи. Ли часто приводитъ однѣ лишь отчетныя цифры, но онъ далеко не всегда утверждаетъ, что онѣ въ состояніи рѣшить вопросъ о количествѣ жертвъ Инквизиціи; онъ лишь въ цѣляхъ полемики, преимущественно съ Льоренте, противопоставляетъ взятыя изъ отчетовъ цифры логически выведеннымъ цифрамъ Льоренте и подчеркиваетъ поспѣшныя обобщенія послѣдняго. Совершенно непростительную ошибку совершаетъ Родриго, когда онъ въ своей трехтомной «Historia verdadera de la Inquisicion» (1877) утверждаетъ, что въ Испаніи въ огнѣ всего погибло 400 человѣкъ—и то по собственной винѣ, такъ какъ они не хотѣли отказаться отъ своихъ преступленій.

4) Для 1481 года даетъ количество жертвъ и Мельгаресъ Маринъ. Цифры его гласятъ: 20 тыс. примирившихся, свыше 1 тыс. сожженныхъ, и свыше 3 тыс. были приговорены къ ношенію санбенито.—«Procedimientos de la Inquisicion», I, стр. 116 и слѣд., Мадридъ, 1886.

жены живьемъ, въ Хаэнѣ и Толедо: 644 in effigie и 5.725 къ различнымъ наказаніямъ. *1484* годъ.—То же число въ Севильѣ; 220 сожженныхъ живьемъ въ прочихъ кастильскихъ городахъ, 110 in effigie и 1561 къ различнымъ наказаніямъ. *1485* годъ.—Севилья, Кордова и др. какъ въ прошломъ году; Эстремадура, Вальядолидъ, Калаорра, Мурсія, Сарагосса, Валенсія: 620 сожженныхъ живьемъ, 510 in effigie и 13.471 къ разнымъ наказаніямъ. *1486* годъ.—Въ Кастиліи то же число, въ другихъ мѣстахъ: 528 въ живыхъ, 264 in effigie и 3.745 къ разнымъ наказаніямъ. *1487* годъ.—Какъ въ предыдущій годъ, но въ Барселонѣ и на островѣ Майоркѣ гораздо больше,—въ общемъ: 928 сожженныхъ живьемъ, 664 in effigie и 7.145 приговоренныхъ къ различнымъ наказаніямъ. *1488* г.—616 живьемъ, 308 in effigie и 4.379 къ разнымъ наказаніямъ. *1489* годъ.—То же, что и въ 1488 году.— *1490—1498* гг.—Приблизительно то же число, что и въ предыдущіе два года. По словамъ Амадора-де-лосъ-Ріоса, число жертвъ Инквизиціи не уменьшалось, а, наоборотъ, росло изъ года въ годъ, такъ что къ 1525 г. въ общемъ погибло 348.900 человѣкъ, изъ которыхъ 28.540 были сожжены живьемъ, 16.520 in effigie, а 303.840 подверглись различнаго рода наказаніямъ. Цифры эти выше тѣхъ, которыя даетъ Льоренте. По словамъ послѣдняго, Инквизиція до 1808 г. приговорила

Къ сожженію	31,912
in effigie	17,659
къ различнымъ наказаніямъ	291,450
Итого. .	341.021

Ли не даетъ общей цифры жертвъ, а приводитъ лишь количество пострадавшихъ въ отдѣльныхъ инквизиціонныхъ округахъ, неполные отчеты о дѣятельности которыхъ имѣлись въ его распоряженіи. Онъ считаетъ первой по числу жертвъ севильскую Инквизицію, но не даетъ о ея первыхъ годахъ дѣятельности никакихъ свѣдѣній вслѣдствіе отсутствія оффиціальныхъ данныхъ.

Такое усердіе со стороны Инквизиціи, естественно, должно было вызвать панику въ Кастиліи, гдѣ о возстаніи народа не могло быть и рѣчи, и не удивительно, что мараны и вообще лица, подозрительныя въ религіозномъ смыслѣ, массами покидали Испанію, ища спасенія за ея предѣлами. Казалось бы, что Инквизиція, задававшаяся цѣлью освободить страну отъ еретической заразы, могла лишь привѣтствовать подобное бѣгство еретиковъ, сокращающее ей работу и избавляющее ее отъ необходимости зажигать костры для безбожниковъ. На дѣлѣ, однако, она поступала совершенно иначе: многократно—при томъ съ самаго же начала возникновенія Инквизиціи—издавались эдикты, запрещавшіе оставлять Испанію всѣмъ лицамъ, въ жилахъ которыхъ текла еврейская кровь; перевозившіе ихъ изъ Испаніи подвергались штрафу въ 500 флориновъ. 8 ноября 1499 г. архіепископъ Мессины Мартинъ опубликовалъ приказъ, одобренный въ 1502 г. Генеральнымъ инквизиторомъ, въ силу котораго ни одинъ капитанъ или купецъ не имѣлъ права переправлять за море новохристіанина, будь онъ еврейскаго или маврскаго происхожденія, безъ особаго разрѣшенія; нарушающій этотъ законъ подвергался конфискаціи, отлученію отъ Церкви и считался пособникомъ и покровителемъ еретиковъ. Чтобы придать этому приказу большее практическое значеніе, архіепископъ Мартинъ отправилъ въ портовые города спеціальныхъ людей, которые должны были арестовать собиравшихся покинуть Испанію новохристіанъ; всѣ они должны были предстать предъ Инквизиціей и понесли должное наказаніе. Запрещеніе это одинаково поддерживалось какъ королевской властью, такъ и Инквизиціей, при чемъ зорко слѣдили и за тѣмъ, чтобы испанскіе капитаны не перевозили еретиковъ изъ одного иностраннаго порта въ другой иностранный же портъ. Въ 1496 г. Мисеръ Мартинъ, инквизиторъ на островѣ Майоркѣ, узналъ, что въ африканскомъ портовомъ городѣ Букса скрываются бѣжавшіе изъ Испаніи новообращенные; онъ немедленно отправилъ туда нотаріуса

Лопе де Вергара, которому было поручено арестовать виновныхъ; мавры не испугались, однако, Лопе де Вергара и, несмотря на то, что у него была охранная грамата отъ Инквизиціи, заключили его въ тюрьму, гдѣ онъ томился въ теченіе 3 лѣтъ. Когда, наконецъ, онъ былъ за деньги выпущенъ на свободу, Фердинандъ въ видѣ вознагражденія за перенесенныя имъ страданія распорядился въ 1499 г. о выдачѣ ему 250 золотыхъ дукатовъ. Такимъ образомъ, новохристіане были заперты внутри Испаніи; Инквизиція не выпускала ихъ за предѣлы государства. Какъ Juderia была обязательнымъ мѣстомъ пребыванія евреевъ, не имѣвшихъ права провести гдѣ-либо ночь за ея стѣнами, какъ Moria была вынужденнымъ жительствомъ для арабовъ, не смѣвшихъ появляться на болѣе продолжительное время въ другихъ частяхъ города, точно также Испанія была своего рода гетто для новохристіанъ, которымъ выѣздъ изъ этой страны угрожалъ внесеніемъ въ списки осужденныхъ на смертную казнь. Не слѣдуетъ, однако, думать, что запрещеніе маранамъ оставлять предѣлы Испаніи и переселяться въ какую-либо иную страну было безразсудной жестокостью со стороны Инквизиціи, по существу, казалось, заинтересованной въ оставленіи Испаніи маранами. Ересь въ глазахъ инквизиторовъ была такимъ же преступленіемъ, какимъ является для насъ самое тяжкое уголовное дѣяніе, и какъ въ настоящее время уголовный преступникъ безнаказанно не выпускается за границу и преслѣдуется далеко за предѣлами той страны, гдѣ имъ совершено преступленіе, точно также Инквизиція стремилась захватить еретиковъ въ свои руки и не давала имъ возможности грѣшить и тамъ, гдѣ еретики могли считать себя уже внѣ сферы досягаемости инквизиторовъ.

Безпристрастіе историка требуетъ сказать, что Фердинандъ старался время отъ времени смягчать наиболѣе жестокіе акты Инквизиціи и, по мѣрѣ возможности, исправлять то, что находилось въ чрезчуръ явномъ противорѣчіи съ требованіями элементарной справедливости. При назначеніи новаго инквизитора король постоянно считалъ долгомъ напоминать ему, что онъ долженъ исполнять свои обязанности, какъ того требуетъ совѣсть,—правильно, честно, умѣренно, не прибѣгая къ излишней суровости и не проявляя чрезмѣрной жестокости; то же писалъ онъ и пріемщикамъ конфискуемыхъ у еретиковъ имуществъ, говоря, что они должны стараться о томъ, чтобы на нихъ не было никогда никакихъ жалобъ. Послѣднія, между тѣмъ, часто поступали, и король нерѣдко отзывался на нихъ такъ, какъ того требовали интересы справедливости. Такъ, 11 іюля 1486 г. онъ писалъ пріемщику Сарагоссы: «15 лѣтъ тому назадъ недавно сожженный Хайме де Сантангелъ владѣлъ земельнымъ участкомъ въ Сарагоссѣ, но не платилъ аренды Гарсіи Мартинесу; согласно арагонскимъ законамъ, неуплата аренды въ теченіе четырехъ лѣтъ ведетъ за собою потерю всякихъ правъ арендатора на арендуемую имъ землю, которая должна поступить въ полное распоряженіе земельнаго собственника. Вы конфисковали эту землю, какъ принадлежащую еретику Сантангелу, безъ достаточнаго основанія, такъ какъ она на самомъ дѣлѣ собственность Мартинеса. Вы должны поэтому немедленно вернуть ее Мартинесу: если вы успѣли ее уже продать, то слѣдуетъ возвратить деньги напрасно пострадавшему Мартинесу». Въ 1508 г. послѣ того, какъ кастильскіе мавры были вынуждены принять христіанство, арагонская Инквизиція пыталась насильственнымъ путемъ обратить и арагонскихъ мавровъ въ христіанство. Арагонскіе магнаты, съ герцогомъ Кардона во главѣ, обратились съ жалобой на Инквизицію къ Фердинанду, который въ энергичныхъ выраженіяхъ высказался противъ того, что Инквизиція причиняетъ ущербъ арагонскимъ дворянамъ и навлекаетъ позоръ на дѣло справедливости. Ни одинъ человѣкъ, писалъ король, не долженъ насильно принимать христіанство, ибо Богу угодно лишь такое обращеніе, которое совершается искренно и чистосердечно; никто не можетъ быть арестованъ за то, что не совѣтуетъ другимъ переходить въ христіанство. Въ будущемъ только такого мавра можно обратить въ христіанство, который самъ объ этомъ проситъ; находящіеся уже въ тюрьмѣ мавры, виновные въ томъ, что не

Мадонна съ семьей Фердинанда Католика и съ Великимъ инквизиторомъ Торквемадой.

совѣтовали другимъ принимать христіанство, должны быть выпущены на свободу, а дѣлопроизводство о нихъ должно быть отослано Великому инквизитору для рѣшенія вопроса, какъ слѣдуетъ поступить съ ними. Бѣжавшихъ изъ Испаніи въ виду боязни насильственнаго обращенія въ христіанство слѣдуетъ вернуть обратно, обѣщавъ имъ защиту противъ какихъ-либо нападеній со стороны Инквизиціи или чрезмѣрно усердныхъ оффиціальныхъ и частныхъ служителей ея. Когда многіе мавры въ 1510 г. приняли христіанство и должны были покинуть въ виду этого своихъ женъ и дѣтей, Фердинандъ разрѣшилъ новообращеннымъ вернуться къ своимъ домашнимъ и отказаться отъ принятой уже ими религіи. Въ 1513 г. къ Фердинанду обратился нѣкто Хуанъ Киратъ изъ Эльче со слѣдующей просьбой. 25 лѣтъ тому назадъ Киратъ женился на Віолантѣ Пропинанъ, родители которой 8 лѣтъ тому назадъ были осуждены какъ еретики; такъ какъ полученное Киратомъ приданое въ размѣрѣ 1000 суэлдо должно было быть теперь, въ виду ереси родителей жены, у него отнято, то онъ остается безъ всякихъ средствъ и долженъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми отправиться въ больницу для бѣдныхъ, а потому онъ проситъ короля не отнимать у него приданаго. Фердинандъ милостиво отнесся къ этой просьбѣ и отказался отъ слѣдуемой ему части конфискованныхъ у Кирата денегъ. Въ 1502 г. депутаты Каталоніи пожаловались Фердинанду на пріемщика барселонской Инквизиціи, который скупаетъ долговыя обязательства у различныхъ лицъ и потомъ путемъ угрозъ и всевозможныхъ махинацій взыскиваетъ долги; нѣкто Бальестеръ, напр., уступилъ пріемщику за 100 фунтовъ слѣдуемые ему 228, которые Инквизиція легко, разумѣется, взыскала. Фердинандъ самымъ рѣшительнымъ образомъ осудилъ этотъ пріемъ обогащенія инквизиціонной кассы и потребовалъ отъ Инквизиціи отлученія отъ Церкви виновнаго пріемщика, если онъ и впредь будетъ заниматься скупкой долговыхъ обязательствъ.

Въ годъ смерти Торквемады Фердинандъ выступилъ противъ другого злоупотребленія Инквизиціи. Валенсійскіе инквизиторы, узнавъ, что въ Серрѣ нѣсколько христіанскихъ женщинъ одѣлись въ мавританскія одежды, явились туда, чтобы арестовать виновныхъ; однако, послѣднія не были найдены, потому что мавры Серры всячески этому препятствовали. Тогда инквизиторы рѣшили арестовать всѣхъ мавровъ, которые прійдутъ изъ Серры въ Валенсію, и вскорѣ Серра почти совершенно опустѣла. Фердинандъ, однако, нашелъ подобнаго рода поведеніе совершенно неправильнымъ и написалъ Генеральному инквизитору, чтобы онъ позаботился о нахожденіи такого метода наказанія, при которомъ невинные не отвѣчали бы за преступленія виновныхъ земляковъ; мало того, Фердинандъ потребовалъ также и отъ валенсійскаго инквизитора умѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ. 15 августа 1500 г. Фердинандъ писалъ инквизиторамъ Сарагоссы, что онъ читалъ копію изданнаго ими эдикта въ Калатаюдѣ, который составленъ въ такомъ духѣ, что при его проведеніи въ жизнь не долженъ собственно остаться въ живыхъ ни одинъ человѣкъ. Фердинандъ предупреждаетъ, что всякаго рода постановленія должны дѣлаться весьма тщательно и обдуманно и что о нихъ слѣдуетъ совѣтоваться съ королемъ. Что касается даннаго случая, то инквизиторы получатъ для руководства всестороннія и полныя инструкціи отъ Генеральнаго инквизитора: пусть они помнятъ, что Инквизиція существуетъ для спасенія души, а не для наказанія. 5 марта 1501 г. Фердинандъ порицаетъ барселонскую Инквизицію за то, что она наложила интердиктъ на городъ Перпиньянъ, вступившій въ пререканія съ Инквизиціей въ связи съ уплатой арендныхъ денегъ; Фердинандъ проситъ Инквизицію помнить, что Перпиньянъ не богатъ, и что съ нимъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ обращаться осторожно, что онъ находится на границѣ французскаго королевства. Фердинандъ нерѣдко порицалъ также медлительность судопроизводства Инквизиціи, которая подъ разными предлогами безконечно откладывала дѣла тѣхъ мнимыхъ преступниковъ, которыхъ она держала въ тюрьмѣ, не имѣя достаточныхъ данныхъ для привлеченія ихъ къ отвѣтственности. Такъ, 16 января 1501 г. Фердинандъ напоминаетъ теруэльской Инквизиціи, что онъ уже неоднократно пи-

салъ о необходимости окончить споръ между наслѣдниками Моссена Переи и сыновьями Антона Руиса и вынести надлежащій приговоръ. Вѣдь это дѣло, писалъ Фердинандъ, уже закончено и недостаетъ только вердикта; онъ долженъ быть, наконецъ, вынесенъ, или все дѣло должно быть передано въ другую инстанцію.

Всѣ эти примѣры благодѣтельнаго вмѣшательства Фердинанда въ дѣла Инквизиціи,—примѣры, число которыхъ легко могло бы быть увеличено,—свидѣтельствуютъ не о присущемъ королю чувствѣ справедливости, а о правильномъ пониманіи состоянія Испаніи того времени: Фердинандъ видѣлъ, что введеніе Инквизиціи было встрѣчено вездѣ скорѣе враждебно, нежели благожелательно, и если онъ не шелъ ни на какіе компромиссы, носившіе принципіальный характеръ, то, съ другой стороны, онъ готовъ былъ подавлять тѣ злоупотребленія Инквизиціи, которыя могли лишь ей вредить въ общественномъ мнѣніи. Одновременно съ борьбой съ нѣкоторыми излишествами Инквизиціи, Фердинандъ, имѣя въ виду ту же цѣль—примиреніе общества съ Инквизиціей,—прибѣгалъ къ совершенно другимъ средствамъ. Въ 1509 г. онъ извѣщаетъ инквизиторовъ, что треть конфискованнаго имущества должна быть предоставляема знатнымъ дворянамъ, въ вассальной зависимости которыхъ находились пострадавшія лица. Дворяне, такимъ образомъ, наживались на счетъ еретиковъ и естественно должны были сочувствовать производившимся въ обширныхъ размѣрахъ конфискаціямъ имущества богатыхъ марановъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ шаговъ Фердинанда по пути примиренія Испаніи съ Инквизиціей. Противъ послѣдней протестовали болѣе всего, не считая, разумѣется, новохристіанъ, могущественные гранды, заботившіеся о вольностяхъ страны и о своихъ сословныхъ привилегіяхъ и привыкшіе смѣло выражать свое недовольство правительственными мѣропріятіями; ихъ-то и Инквизиція имѣла больше всего основанія опасаться, и Фердинандъ сумѣлъ, обогащая ихъ изъ кассы конфискованныхъ земель, сдѣлать ихъ безопасными для Инквизиціи; болѣе того: они сдѣлались естественными союзниками инквизиторовъ, съ которыми могли дѣлить награбленное богатство. 18 августа 1485 г. Фердинандъ предписалъ пріемщику конфискаціи въ Валенсіи, чтобы Хуану Тенсилю было выдано изъ конфискуемаго у еретиковъ и принадлежащаго королю имущества 10 тыс. суэлдо въ качествѣ подарка на свадьбу. Когда герцогъ Альба похитилъ у арестованнаго Алонсо нѣсколько коровъ, и когда Алонсо, какъ еретикъ, былъ осужденъ и имущество его конфисковано, то на жалобы королю, что герцогъ Альба не хочетъ вернуть коровъ, Фердинандъ отвѣтилъ, что ему все равно причитается треть чистаго дохода отъ продаваемыхъ Инквизиціей конфискованныхъ богатствъ, и онъ потому вовсе не обязанъ возвращать Инквизиціи взятыхъ имъ у Алонсо коровъ. Первое упоминаніе о предоставленіи дворянамъ трети конфискованнаго у ихъ вассаловъ имущества относится къ 1491 г. (20 апрѣля). Изъ этой трети обычно вычитывались расходы, сопряженные съ привлеченіемъ виновнаго къ инквизиціонному трибуналу, что въ свою очередь вызывало рѣзкіе конфликты между Инквизиціей и дворянствомъ, такъ какъ каждая сторона стремилась захватить, какъ можно, болѣе.

Другимъ средствомъ успокоенія дворянъ и привлеченія ихъ на сторону Инквизиціи служило назначеніе многихъ изъ нихъ на государственную и общественную службу, часто становившуюся вакантной вслѣдствіе привлеченія къ отвѣтственности чиновниковъ, происходившихъ изъ маранскихъ семей. Когда Хуанъ Кардона былъ въ 1511 г. ограниченъ въ правахъ и лишенъ поста нотаріуса въ виду того, что отецъ его Монардо Кардона (уже умершій) былъ признанъ еретикомъ, то Фердинандъ отдалъ занимаемую Хуаномъ Кардоной должность нотаріусу Хуану Аргенту, участвовавшему въ трибуналѣ, признавшемъ Кардону не правоспособнымъ занимать государственную должность. 2 іюля 1485 г. Фердинандъ назначилъ вѣрныхъ католиковъ, не имѣвшихъ въ своей крови постороннихъ примѣсей, въ Толедо на освободившіяся судебныя должности въ виду привлеченія къ отвѣтственности еретиковъ Перо Гіа де Алкуба, Алонсо Коты и Франсиско Родригеса.

14 февраля 1486 г. Фердинандъ предписалъ пріемщику конфискацій въ Валенсіи, чтобы онъ вписалъ въ число служащихъ Мартина де Тавару вмѣсто Перо Альфонсо Коты, присоединеннаго къ Церкви.

Не всегда, однако, Фердинандъ шелъ навстрѣчу жалобамъ пострадавшихъ отъ Инквизиціи лицъ; гораздо чаще жалоба давала поводъ подозрѣвать, что данное лицо не сочувствуетъ дѣятельности Инквизиціи и потому заслуживаетъ наказанія. Жаловаться на дѣянія инквизиторовъ было въ виду этого далеко не безопасно. Такъ, на многочисленныя жалобы кастильцевъ Фердинандъ рѣзко отвѣтилъ 8 іюля 1487 г., что всякій представитель инквизиціоннаго трибунала, являющійся въ городъ съ ордеромъ отъ толедской Инквизиціи, имѣетъ полное право арестовать того, кого найдетъ нужнымъ, при чемъ всякое сопротивленіе распоряженію инквизиціоннаго трибунала должно быть строго наказано: богатый платитъ 100 тыс. мараведи штрафа, а у бѣднаго слѣдуетъ конфисковать все его имущество. И въ принципіальныхъ вопросахъ Фердинандъ нерѣдко становился на сторону Инквизиціи, несмотря на то, что она явно нарушала фуэро страны.

Яркій примѣръ пристрастія Фердинанда къ Инквизиціи въ ея принципіальныхъ спорахъ съ населеніемъ представляетъ собою вопросъ о ростовщичествѣ. Кортесы въ Калатаюдѣ 1461 г. запретили преслѣдованіе Инквизиціей ростовщиковъ; чтобы сдѣлать это постановленіе болѣе прочнымъ и не оставлять за нимъ бумажнаго характера, кортесы заставили арагонскаго короля Хуана II принести присягу въ томъ, что онъ не станетъ добиваться отъ Рима и не возьметъ изъ рукъ папы никакого распоряженія о предоставленіи въ сферу компетенціи Инквизиціи дѣлъ о ростовщикахъ и ростовщичествѣ; если же таковое распоряженіе будетъ издано Римской Куріей, оно до вступленія въ силу должно быть передано, въ теченіе мѣсяца, на разсмотрѣніе депутатовъ Арагоніи. Но преслѣдованіе ростовщиковъ было слишкомъ выгодной статьей для Инквизиціи, чтобы она могла безъ борьбы отказаться отъ этого, и 11 января 1504 г. папа Юлій II издалъ motu proprio бреве, въ которомъ подвергалъ критикѣ постановленіе калатаюдскихъ кортесовъ 1461 г., доказывая, что usuraria pravitas приняла очень значительные размѣры вслѣдствіе лишенія Инквизиціи принадлежащаго ей права преслѣдованія ростовщичества. Чтобы положить конецъ росту этого зла, папа Юлій II приказазъ Генеральному инквизитору Десѣ преслѣдовать всѣхъ виновныхъ въ этомъ преступленіи христіанъ и заставлять ихъ отказаться отъ дачи денегъ въ ростъ, подъ страхомъ наказаній, установленныхъ церковными соборами XIII-го вѣка; Фердинандъ же долженъ былъ дать обѣщаніе оказывать Инквизиціи необходимую поддержку, при чемъ какъ онъ, такъ и его преемники освобождались отъ присяги о соблюденіи народныхъ фуэро. Такъ какъ почти всѣ торговыя, коммерческія и финансовыя сдѣлки того времени легко было подвести подъ понятіе о ростовщичествѣ, то для дѣятельности Инквизиціи открывалось весьма широкое поле. Начались многочисленныя преслѣдованія, о которыхъ свидѣтельствуютъ горькія сѣтованія, раздававшіяся на кортесахъ въ Монсонѣ въ 1510 г. и приведшія къ установленію въ 1512 г. между народнымъ собраінемъ и королемъ Фердинандомъ такъ называемой Конкордіи. Одна статья этого соглашенія гласила, что Фердинандъ приметъ необходимыя мѣры къ тому, чтобы отмѣнить постановленіе папы Юлія II о передачѣ ростовщичества въ сферу дѣятельности Инквизиціи, не допуститъ новыхъ законовъ въ духѣ бреве 1504 г. и не позволитъ до окончательнаго рѣшенія этого вопроса никакихъ преслѣдованій ростовщиковъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые открыто заявляютъ, что ростовщичество не есть грѣхъ и преступленіе. Фердинандъ и инквизиторы должны были дать присягу вѣрности монсонской Конкордіи 1512 г. Вначалѣ Фердинандъ серьезно относился къ своей присягѣ, и когда городъ Перпиньянъ принесъ ему жалобу на дѣйствія инквизиторовъ, не подчиняющихся Конкордіи, онъ въ письмѣ отъ 24 октября 1512 г. рѣзко порицалъ ихъ за это, приказывая строго соблюдать постановленія соглашенія и отмѣнить все, что противорѣчитъ имъ. Но

обыкновенію, однако, Фердинандъ вскорѣ сталъ самъ нарушать то, что совѣтовалъ недавно другимъ строго соблюдать, и рѣшилъ отстаивать не интересы страны, не старинныя ея вольности, которымъ онъ присягалъ, а корыстные виды Церкви и Инквизиціи.

Папское бреве 30 апрѣля 1513 г., дополненное 2 сентября того же года, освободило Фердинанда и всѣхъ инквизиторовъ отъ присяги въ вѣрности монсонской Конкордіи, объявляло ересь и ростовщичество ужасными преступленіями и повелѣвало преслѣдовать виновныхъ такъ, какъ того требовалъ въ 1504 г. папа Юлій II. И Фердинандъ на всѣ жалобы народа о преслѣдованіи ростовщиковъ Инквизиціей отвѣчалъ, что она поступаетъ правильно и справедливо, и что недовольны ея дѣятельностью могутъ быть одни лишь упорные еретики и неисправимые преступники. Папа Левъ X въ буллѣ Pastoralis officii 1516 г. нашелъ, однако, что преслѣдованіе за ростовщичество не должно входить въ сферу дѣятельности Инквизиціи, о чемъ онъ и извѣстилъ Генеральнаго инквизитора, дѣлая исключеніе лишь для тѣхъ, которые публично заявляютъ, что даваніе денегъ въ ростъ не есть грѣхъ. Характерно, что это запрещеніе папы не имѣло фактически значенія, и Испанская Инквизиція продолжала считать себя компетентной въ преслѣдованіи ростовщиковъ, какъ это видно изъ многочисленныхъ жалобъ кортесовъ въ течене первой половины XVI вѣка, а также изъ того факта, что императоръ Карлъ V вынужденъ былъ въ 1518 г., на собраніи кортесовъ въ Сарагоссѣ, повторить присягу, принесенную въ свое время (1461) королемъ Хуаномъ II. Уничтоженіе инквизиціонныхъ преслѣдованій за ростовщичество слѣдуетъ отнести къ 1554 году (17 марта), когда Супрема выпустила carta acordada, въ которой, согласно заявленію епископа Симанкаса, ростовщичество разсматривалось не какъ еретическое преступленіе, а какъ стремленіе къ корысти и сребростяжанію; въ виду этого Супрема считала, что преслѣдованіе за ростъ не входитъ въ прямую обязанность Инквизиціи. Съ этого времени—говоритъ Ли—изъ инквизиціонныхъ трибуналовъ исчезаетъ совершенно вопросъ о преслѣдованіи ростовщиковъ [1]).

Фердинандъ всегда поддерживалъ также наиболѣе скомпрометированныхъ инквизиторовъ, при томъ онъ не отказывалъ имъ въ защитѣ и тогда, когда отъ нихъ отворачивалась не только Церковь, но и самая Инквизиція. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ дѣло кордовскаго инквизитора Люсеро, бросающее яркій свѣтъ не только на характеръ Фердинанда, но и на всю дѣятельность Испанской Инквизиціи. Еще предшественникъ Люсеро, инквизиторъ Гиралъ, вызвалъ противъ себя общее недовольство, и папа распорядился подвергнуть его дѣйствія спеціальному разслѣдованію, въ результатѣ котораго оказалось, что Гиралъ освобождалъ осужденныхъ на ношеніе санбенито, получая отъ нихъ за это большія суммы денегъ. Кромѣ того, Гиралъ бралъ деньги также отъ пріемщика конфискуемыхъ имуществъ. Денежные штрафы, налагаемые на еретиковъ, инквизиторъ Гиралъ обычно присваивалъ себѣ и, разумѣется, нисколько не стѣснялся размѣрами этихъ штрафовъ. Онъ вступилъ въ переговоры съ кордовскими маранами, предлагая имъ внести 2.200.000 мараведи въ видѣ гарантіи, что они не будутъ подлежать преслѣдованіямъ за ересь и не будутъ подвергаться риску конфискаціи имущества; Гиралъ получилъ уже въ счетъ этой суммы сто тысячъ мараведи и съ самаго начала вступилъ на путь мошенническихъ сдѣлокъ, освободивъ за 50 тыс. мараведи двухъ марановъ отъ внесенія ими обязательной суммы въ собиравшійся фондъ въ 2.200.000 мараведи для Гирала же. Характерно, что этотъ инквизиторъ не былъ удаленъ ни Генеральнымъ инквизиторомъ, ни Фердинандомъ, который легко могъ бы это сдѣлать черезъ Генеральнаго инквизитора, и потребовалось вмѣшательство папы, чтобы за столь ужасныя преступленія по службѣ перемѣстить въ 1499 г. виновнаго инквизитора изъ богатой Кордовы въ бѣдный городъ Авила, гдѣ онъ продолжалъ заниматься вымогательствомъ въ менѣе

[1]) Lea, «History», IV, 374—375.

грандіозныхъ размѣрахъ, не останавливаясь предъ полученіемъ десяти дукатовъ и осла съ виновнаго въ нанесеніи ему оскорбленія тюремнаго чиновника. Фердинандъ вмѣшался въ дѣло Гирала только тогда, когда было установлено, что его злоупотребленія сильно подрываютъ интересы казны: Гиралъ былъ арестованъ и подвергнутъ пыткѣ, но документы того времени, къ сожалѣнію, ничего не говорятъ о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла.

Другой случай наказанія инквизитора произошелъ за нѣсколько лѣтъ до инцидента съ Гираломъ, а именно: въ 1487 году, когда на леридскаго инквизитора, начавшаго процессъ противъ каталонскаго королевскаго регента Мисера Бардахи, поступила со стороны послѣдняго жалоба на имя папы. Въ барселонскомъ муниципальномъ архивѣ имѣется папское заявленіе о томъ, что прошеніе «славнаго сеньора Мисера Антоніо де Бардахи, по разсмотрѣніи его Святымъ Отцомъ», привело къ пріостановленію процесса противъ Бардахи и привлеченію къ отвѣтственности леридскаго инквизитора. «И вслѣдствіе того, что этотъ процессъ велся ложнымъ образомъ и былъ основанъ на показаніяхъ адскихъ (infernalmente) свидѣтелей, нашъ Святой Отецъ, не признающій подобныхъ ложныхъ пріемовъ, останавливаетъ процессъ, привлекаетъ къ отвѣтственности и отлучаетъ отъ Церкви вышеназваннаго инквизитора; папа постановляетъ, чтобы инквизиторъ не смѣлъ принимать никакихъ мѣръ прежде, чѣмъ уничтожитъ то, что сдѣлалъ, и явится лично или пришлетъ прокурора къ его святѣйшеству въ теченіе 60 дней.—И чтобы всѣмъ было извѣстно обо всемъ этомъ, заявленіе это должно быть вывѣшено на дверяхъ собора въ Барселонѣ» [1]).

Особенный интересъ представляетъ дѣло кордовскаго инквизитора Діэго Родригеса Люсеро, хищника гораздо болѣе высокаго полета, чѣмъ его предшественникъ Гиралъ.

Назначенный въ богатую Кордову въ 1499 г. Люсеро сталъ проявлять большую энергію въ дѣлѣ конфискаціи имущества еретиковъ, обильно обогащая этимъ путемъ королевскую казну. Фердинандъ не могъ не чувствовать къ нему признательности и 11 декабря 1500 года благодарилъ его за благочестивую и полезную дѣятельность на новомъ мѣстѣ. 12 марта 1501 г. Фердинандъ пишетъ кордовскому пріемщику конфискацій, что вслѣдствіе большой работы въ Кордовѣ ему слѣдуетъ принять на службу двухъ помощниковъ по пріему конфискованныхъ земель, опредѣляя помощникамъ жалованіе въ размѣрѣ 10 тыс. мараведи. Этотъ экстренный расходъ не только покрывался поступающими отъ конфискаціи суммами, но даже оставался значительный излишекъ, какъ это видно изъ того, что въ январѣ 1503 г. Фердинандъ распорядился о томъ, чтобы Кордова выслала 500 тыс. мараведи для уплаты жалованія служащимъ при другихъ инквизиціонныхъ трибуналахъ. Эти неимовѣрные доходы вызывали, разумѣется, нареканія со стороны тѣхъ, съ которыхъ Люсеро ихъ бралъ, и уже въ 1501 г. между нимъ и городскими властями произошелъ рѣзкій конфликтъ, въ результатѣ котораго алгуасилъ былъ навсегда изгнанъ изъ Кордовы и ея окрестностей и лишенъ права занимать общественную и государственную должность, а алкаидъ былъ удаленъ отъ должности на шесть мѣсяцевъ. Въ этомъ конфликтѣ между инквизиторомъ и магистратомъ Фердинандъ всецѣло сталъ на сторону Люсеро и даже усилилъ наложенныя на муниципальныхъ чиновниковъ наказанія. Такое благоволеніе со стороны Фердинанда придало Люсеро особое мужество, и начались безпримѣрные въ исторіи Инквизиціи аресты подозрительныхъ лицъ; вскорѣ Люсеро пересталъ щадить и настоящихъ христіанъ, въ жилахъ которыхъ не было ни капли «нечистой» крови. Путемъ пытокъ ему удавалось вырывать у арестованныхъ самыя фантастическія и ложныя показанія. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ подвергавшихся пыткамъ умышленно называли имена самыхъ знатныхъ и старыхъ католическихъ

---

[1]) «Notolarum, an. 1483—1491», fol. 147. «Archivo Municipal de Barcelona».

родовъ въ надеждѣ, что высокопоставленныя жертвы Люсеро сумѣютъ не только себя освободить изъ его когтей, но и погубить его и тѣмъ вырвать изъ тюремъ Инквизиціи всѣхъ томящихся въ нихъ. Разсчеты эти, однако, оказались неправильными, и могущество Люсеро вслѣдствіе все новыхъ и новыхъ арестовъ лишь возрастало. Имъ былъ пущенъ слухъ, будто въ Испаніи образовался большой тайный союзъ, задавшійся цѣлью замѣнить христіанство іудействомъ; были арестованы 25 еврейскихъ пророчицъ, которыхъ онъ обвинялъ въ томъ, что онѣ агитировали во всей странѣ въ пользу іудаизма и противъ христіанства; 50 знатныхъ христіанъ, въ томъ числѣ нѣсколько высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ, были объявлены ближайшими сотрудниками этихъ пророчицъ, и стоустная молва съ ужасомъ распространялась о страшныхъ бѣдствіяхъ, надвигавшихся на бѣдную Испанію, которую одному лишь Люсеро суждено спасти. Какъ умѣло использовалъ Люсеро это народное настроеніе, видно изъ слѣдующаго факта. Нѣкій Мембреке былъ изобличенъ въ іудействѣ и въ держаніи проповѣдей въ іудейскомъ духѣ; тотчасъ было снаряжено слѣдствіе о лицахъ, слушавшихъ его проповѣди, и въ результатѣ 107 человѣкъ были сожжены живьемъ на одномъ ауто-да-фе, свыше 400 человѣкъ были арестованы и множество людей было отправлено въ Торо, гдѣ въ то время жилъ Генеральный инквизиторъ Деса [1]). Къ нему, впрочемъ, рѣшили обратиться за помощью и жители Кордовы. Въ поданной въ 1505 г. Генеральному инквизитору петиціи указывалось, что доносительство и шпіонство приняли въ городѣ неимовѣрные размѣры, и что ни одинъ гражданинъ, какъ бы онъ ни былъ вѣренъ и преданъ религіи и Церкви, не чувствуетъ себя при Люсеро въ безопасности, такъ какъ низкіе и подлые люди пользуются при инквизиціонномъ трибуналѣ почти неограниченнымъ довѣріемъ, въ особенности въ дѣлѣ шпіонства и слѣжки за лучшими людьми Кордовы. Генеральный инквизиторъ Деса предложилъ послать въ Кордову архидіакона для разслѣдованія того, насколько дѣянія Люсеро произвольны и соотвѣтствуютъ интересамъ Инквизиціи, но когда городъ согласился на это предложеніе, Деса взялъ его обратно и заявилъ, что отправка въ Кордову архидіакона явится оскорбленіемъ инквизитора. Кордовцы послали тогда къ Десѣ депутацію изъ трехъ высокопоставленныхъ духовныхъ, которые должны были уговорить Десу отдать приказъ объ арестѣ Люсеро и о снаряженіи противъ него слѣдствія. Генеральный инквизиторъ, однако, отказалъ въ этомъ депутаціи, поставивъ предварительнымъ условіемъ — предъявленіе ему фактическихъ и неопровержимыхъ доказательствъ виновности Люсеро. Тогда, заявилъ Деса, я готовъ назначить судей, которые судили бы Люсеро. Условіе это было невыполнимо, такъ какъ въ тайники Инквизиціи невозможно было проникнуть и не могло быть никакой рѣчи вслѣдствіе этого о какомъ-либо представленіи неопровержимыхъ доказательствъ виновности Люсеро. Кордовцы взглянули на отвѣтъ Десы совершенно правильно и истолковали его какъ отказъ; теперь имъ предстояло искать помощи у короля, такъ какъ инквизиторы цѣпко стояли другъ за друга, образуя своего рода круговую поруку. Но надежда на Фердинанда, столь открыто и часто высказывавшаго свое сочувствіе Люсеро, была, очевидно, настолько ничтожна, что кордовцы рѣшили обойти короля и обратились за помощью къ королевѣ Хуанѣ Безумной, которая въ то время вмѣстѣ со своимъ мужемъ Филиппомъ Красивымъ жила во Фландріи.

Филиппъ Красивый, зять Фердинанда Католика, ненавидѣлъ своего тестя и горѣлъ желаніемъ показать, что настоящимъ правителемъ Кастиліи, послѣ смерти Изабеллы, является не Фердинандъ, а его дочь Хуана Безумная, которая, любя Филиппа «безумной» любовью, во всемъ ему подчинялась. Дѣло Люсеро должно было, по плану Филиппа, явиться всенароднымъ доказательствомъ принадлежности ему всей полноты власти въ Кастиліи. Вотъ почему въ отвѣтъ на жалобу кордовцевъ послѣдовалъ 30 сентября 1505 г.

[1]) Lea, «History», I, 195.

эдиктъ на имя Великаго инквизитора Десы, подписанный Филиппомъ и Хуаной и требовавшій прекращенія дѣятельности Инквизиціи до прибытія ихъ въ Кастилію; подчеркивая съ необыкновенной энергіей необходимость временнаго прекращенія Инквизиціи и угрожая инквизитору наказаніемъ и лишеніемъ бенефицій въ случаѣ неповиновенія эдикту, Филиппъ и Хуана заявляли въ то же время, что они преданы дѣлу Инквизиціи, и что на ихъ распоряженіе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на нѣчто, идущее въ разрѣзъ съ вѣрно понятыми интересами Св. Инквизиціи. Зять Фердинанда не ограничился однимъ этимъ эдиктомъ и отправилъ циркулярное письмо многимъ грандамъ, извѣщая ихъ о временной пріостановкѣ функціонированія Инквизиціи и прося ихъ оказать ему помощь въ этомъ дѣлѣ. Однако, вмѣшательство Филиппа Красиваго не имѣло практическаго результата; всѣ его распоряженія и письма оставались лишь на бумагѣ; Инквизиція съ ними не желала считаться и продолжала въ Кордовѣ, подъ руководствомъ Люсеро, дѣйствовать съ прежнимъ усердіемъ. Мало того, какъ разъ въ это время Люсеро задумалъ проявить свое могущество и избралъ мишенью бывшаго духовника королевы Изабеллы, гранадскаго архіепископа Эрнандо Талаверу.

Глубокорелигіозный, дѣйствовавшій не путемъ насилія, а путемъ убѣжденія, безкорыстный и занимавшійся врачеваніемъ убогихъ и нищихъ, Талавера былъ прямой противоположностью Люсеро, этого жаднаго интригана, видѣвшаго въ немъ живой укоръ всей дѣятельности кордовской Инквизиціи. Арестовавъ какую-то женщину и подвергнувъ ея пыткѣ подъ предлогомъ, что она является еврейской пророчицей и устраиваетъ въ своемъ домѣ синагогу, Люсеро заявилъ ей, что она будетъ до тѣхъ поръ подвергаться пыткѣ, пока не скажетъ всего того, что видѣла въ архіепископскомъ дворцѣ Талаверы. Когда женщина замѣтила, что ей ничего объ этомъ не извѣстно, Люсеро разсказалъ ей, что у Талаверы происходили собранія, раздѣленныя на три группы. Въ первой группѣ участвовали, кромѣ самого архіепископа, епископы Хаэна, Аламеріи и нѣкоторыхъ другихъ городовъ; во второй—соборный настоятель, провизоръ Гранады, казначей, алкаидъ и другіе чиновники города; въ третьей, наконецъ, пророчицы, сестра и племянницы Талаверы и другія лица; всѣ они будто поклялись взять на себя задачу распространенія по Испаніи пророчества, что скоро на землю придутъ пророкъ Илія и Мессія для замѣны христіанства іудействомъ. Женщина поклялась, что она на судѣ дастъ въ этомъ духѣ свидѣтельскія показанія, и обвинительный актъ противъ Талаверы былъ готовъ. Обычно о подлежащихъ аресту лицахъ въ общество не проникало никакихъ свѣдѣній во избѣжаніе, какъ бы самъ виновный не узналъ что-либо объ угрожающей опасности и не спасся бѣгствомъ отъ Инквизиціи. На этотъ разъ, однако, въ виду, вѣроятно, большого для Люсеро риска, связаннаго съ преслѣдованіемъ архіепископа Талаверы, былъ пущенъ въ общество слухъ о предстоящемъ сенсаціонномъ арестѣ, и 3 января 1506 г. Петрусъ Мартиръ Англеріусъ писалъ гранадскому губернатору, что Люсеро удалось путемъ пытокъ вырвать свидѣтельскія показанія противъ Талаверы и всего его семейства въ смыслѣ обвиненія ихъ въ іудаизмѣ. Петрусъ Мартиръ не допускаетъ, чтобы противъ самаго святого человѣка въ Гранадѣ можно было сфабриковать подобнаго рода обвиненіе, и потому онъ надѣялся, что затѣя Люсеро ничѣмъ не кончится. Но Люсеро не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые отступаютъ предъ затрудненіями. Въ гранадской церкви, во время богослуженія, въ присутствіи самого Талаверы внезапно были арестованы его племянникъ, настоятель собора и нѣкоторые церковные служители; немедленно послѣ этого, въ архіепископскомъ дворцѣ, были арестованы сестра Талаверы, его родственницы и вся его челядь. Одно это уже бросало тѣнь подозрѣнія на архіепископа: разъ всѣ ближайшія лица обвиняются въ ереси, то и онъ самъ не могъ ужъ быть совершенно чистымъ. Однако, такъ какъ Инквизиція нуждалась для рѣшительныхъ дѣйствій въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, то послѣднія и стали насильно вырываться у арестованныхъ родственниковъ Талаверы. Въ письмѣ Фердинанда

(9 іюня 1506 г.) къ Франсиско де Рохасу, королевскому послу въ Римѣ, сказано, что основаніемъ къ обвиненію Талаверы въ іудаизмѣ послужили показанія его сестры, близкихъ родственниковъ и прислуги. Правильность этихъ показаній, по мнѣнію Люсеро, не подлежала никакимъ сомнѣніямъ, и инквизиторъ, который не могъ безъ спеціальнаго разрѣшенія папы арестовать архіепископа, просилъ Фердинанда сдѣлать въ Римѣ черезъ своего представителя Фр. де Рохаса необходимые для этого шаги. Рохасу и удалось получить въ 1506 г. разрѣшеніе папы на преслѣдованіе Талаверы. Но какъ разъ въ этотъ моментъ власть въ Кастиліи перешла къ мужу Хуаны Безумной, Филиппу Красивому, на сочувствіе котораго своему дѣлу такъ много разсчитывали кордовцы и мараны.

Филиппъ не былъ принципіальнымъ противникомъ Инквизиціи, онъ вообще не былъ человѣкомъ съ опредѣленными принципами. Бонвиванъ, страстный поклонникъ женщинъ, живой и легкомысленный, красавецъ, Филиппъ мало заботился о дѣлахъ государства своей жены Хуаны, женщины больной, ревнивой, къ которой онъ относился съ ненавистью и презрѣніемъ [1]). Если онъ вмѣшивался въ дѣла Кастиліи, то только для того, чтобы отмѣнить постановленія ненавистнаго ему Фердинанда, серьезность котораго претила ему, казалось, сильнѣе всего, и которому онъ, повидимому, не могъ простить того, что онъ надѣлилъ его сумасшедшей и ревнивой женой. Уже одно сочувствіе Фердинанда Инквизиціи дѣлало ее нежелательной въ глазахъ Филиппа; кромѣ того, Филиппъ не забылъ того, что онъ 30 сентября 1505 г. тщетно пытался пріостановить дѣйствія Инквизиціи, которая не обратила вниманія на его энергичный эдиктъ; наконецъ, онъ хорошо понималъ, что мараны и другія жертвы Инквизиціи охотно дадутъ ему значительный выкупъ, если онъ ихъ освободитъ отъ вѣчно висѣвшаго надъ ихъ головой Дамоклова меча въ видѣ доноса на ихъ іудейство инквизиціонному трибуналу. И дѣйствительно, жалобы кордовцевъ на Люсеро нашли при дворѣ Филиппа сочувственный откликъ и онѣ были немедленно переданы на разсмотрѣніе комиссіи изъ свѣтскихъ людей. Это распоряженіе Филиппа представляло опасность для всей Инквизиціи, и Супрема, не исключая и Генеральнаго инквизитора, поспѣшила отречься отъ Люсеро и сдѣлать исключительно его одного отвѣтственнымъ за дѣянія кордовской Инквизиціи. Въ письмѣ на имя капитула Кордовы Супрема говоритъ, что обвиненія, выставленныя противъ Люсеро, кажутся просто невѣроятными: вѣдь даже разбойникъ на большой дорогѣ—и тотъ удовлетворяется кошелькомъ своей жертвы, щадя ея жизнь, Люсеро же похищаетъ у жертвы и жизнь, и деньги, и даже честь. Вскорѣ, однако, Супрема признаетъ «просто невѣроятныя» обвиненія несомнѣнными и говоритъ, что не можетъ ихъ дольше обходить молчаніемъ подъ страхомъ сдѣлаться за нихъ отвѣтственной. Оставленный свѣтской и духовной властью, Люсеро, казалось, погибалъ уже и, желая уничтожить слѣды своего преступленія, отдалъ приказъ устроить ауто-да-фе для всѣхъ узниковъ инквизиціонной тюрьмы. Въ священномъ огнѣ Инквизиціи должны были погибнуть всѣ живые свидѣтели кордовскаго борца за чистоту католической религіи; къ счастью, дѣло Люсеро уже перешло въ руки члена государственнаго совѣта, Діэго Рамиреса Гусмана, и ауто-да-фе было отмѣнено, а надъ Люсеро повисла грозная опасность. Но въ этотъ моментъ умеръ Филиппъ Красивый (25 сентября 1506 г.), и дѣло приняло другой оборотъ.

Великій инквизиторъ Деса отозвалъ Гусмана и взялъ подъ свое попеченіе арестованныхъ въ Торо, Кордовѣ и другихъ мѣстахъ, находившихся въ вѣдѣніи Люсеро. Въ отвѣтъ на это послѣдовало въ Кордовѣ народное возстаніе. 9 ноября толпа, руководимая графомъ Каброй и маркизомъ Пріэго, ворвалась въ залу засѣданій Инквизиціи, арестовала фискала, а также нѣкоторыхъ служителей трибунала; самому же Люсеро въ об-

---

[1]) О Филиппѣ и Хуанѣ Безумной даетъ интересныя свѣдѣнія Антоніо Родригесъ Вилья (Villa) въ своей «La reina Doña Juana la loca», Мадр., 1892. См. также статью Антоніо Марія Фабіе въ «Boletin de la Real Academia de la Historia», XXII, 100—105.

щемъ смятеніи удалось бѣжать. Побѣдоносная толпа освободила всѣхъ арестованныхъ и отправила къ королевѣ депутацію съ просьбой смѣстить Десу и предать суду Люсеро и всѣхъ его сотрудниковъ. Къ больной королевѣ, однако, депутація не была допущена, и Деса обратился къ бывшему въ то время въ Италіи Фердинанду за помощью; король долженъ былъ вмѣстѣ съ папой осудить народный бунтъ и взять подъ свое покровительство Люсеро. Фердинанду удалось получить отъ Юлія II необходимую буллу. Папа приказывалъ Десѣ ни въ коемъ случаѣ не щадить евреевъ, называющихъ себя христіанами, не жалѣть никакихъ средствъ, чтобы съ корнемъ вырвать еретическую заразу, не допускать чумѣ распространяться по странѣ и разыскать всѣхъ участниковъ оскорбленія Инквизиціи, чтобы должнымъ образомъ наказать ихъ безъ права апелляціи [1]). Люсеро праздновалъ побѣду и мстилъ за недавнія оскорбленія. Теперь, наконецъ, и Талавера не долженъ былъ ускользнуть изъ его рукъ. Архіепископъ предсталъ, съ разрѣшенія папы, предъ судомъ, который призналъ его виновнымъ и отправилъ протоколы судебнаго процесса въ Римъ для выясненія окончательнаго рѣшенія. Въ Римѣ, однако, убѣдились въ полной невиновности Талаверы и всѣхъ его арестованныхъ родныхъ; Римская Курія распорядилась о немедленномъ ихъ освобожденіи, но эта радостная вѣсть не застала уже въ живыхъ архіепископа; подъ тяжестью неслыханнаго обвиненія, оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ, мучимый за публичное посрамленіе великаго дѣла борьбы за чистоту религіи, Талавера не перенесъ схваченной имъ простуды и скончался въ маѣ 1507 г., за нѣсколько дней до письма Петруса Мартира Англеріуса, поздравлявшаго семью Талаверы съ свободой.

Смерть Талаверы лишь усилила чувство возмущенія дѣятельностью Люсеро, и однимъ изъ самыхъ энергичныхъ противниковъ его былъ Петрусъ Мартиръ, который пользовался каждымъ случаемъ, чтобы убѣдить правительство, насколько вреденъ Люсеро для того дѣла, во имя котораго онъ якобы ратуетъ [2]). Безчисленныя жалобы кордовцевъ въ связи съ неопровержимыми доказательствами преступленій Люсеро заставили, наконецъ, новаго Генеральнаго инквизитора Хименеса предать кордовскаго инквизитора суду послѣ того, какъ Супрема, на основаніи многочисленныхъ документовъ, пришла къ выводу, что дѣятельность Люсеро является величайшимъ позоромъ для всей Инквизиціи. Подъ предсѣдательствомъ Хименеса открылась въ Бургосѣ Congregación católica изъ 21 члена, которая 9-го іюля 1508 г., послѣ ряда засѣданій и выслушанія многочисленныхъ свидѣтельскихъ показаній, вынесла вердиктъ, гласившій, что у Люсеро не было основанія утверждать, будто въ странѣ существуютъ тайныя синагоги, миссіонерами произносятся проповѣди іудаизма, и іудействующіе собираются для торжества іудаизма и гибели христіанства; такъ какъ всѣ эти обвиненія ложны, то томящіеся въ инквизиціонныхъ тюрьмахъ, по винѣ Люсеро, узники должны быть немедленно выпущены на свободу, и акты объ ихъ мнимыхъ преступленіяхъ должны быть уничтожены, разрушенные дома должны быть возстановлены на счетъ правительства. Рѣшеніе это было публично прочитано въ Вальядолидѣ и встрѣчено съ большой радостью народомъ [3]). «О, сумѣетъ ли голова этого новаго Терсита (Tenebrero въ данномъ случаѣ удачно замѣняетъ Lucero) искупить столько преступленій, повлекшихъ за собою гибель столь многихъ Гекторовъ?—писалъ по поводу постановленія Congregación católica Петрусъ Мартиръ [4]). Несмотря на вышеприведенный вердиктъ конгрегаціи, Люсеро еще не считался окончательно осужденнымъ, и потребовался новый судъ для произнесенія надъ нимъ приговора. Фердинандъ всячески старался смягчить окончательный вердиктъ и отправилъ доктору Хуану де Ордуньѣ письмо, прося его защищать

---

[1]) Булла эта помѣщена въ отдѣлѣ «Документы» у Ли («History», I, № 7).

[2]) Ioaquin del Castillo y Magone, «El Tribunal de la Inquisicion», Барселона, 1835, I, стр. 104 и 105.

[3]) Del Valle, «Anales de la Inquisicion,» 197.

[4]) Llorente, «Histoire critique», I, 353.

Люсеро предъ судомъ и слѣдить, чтобы ему не было причинено какое-либо оскорбленіе. Не безъ благожелательнаго для Люсеро давленія короля Супрема постановила, чтобы Люсеро былъ смѣщенъ съ занимаемаго имъ поста инквизитора Кордовы, и чтобы этимъ ограничилось его наказаніе. Люсеро получилъ отставку и поселился въ Севильѣ. Въ 1514 г. Фердинандъ еще разъ имѣлъ случай открыто проявить свое сочувствіе бывшему кордовскому инквизитору: инквизиціонный курьеръ люсеровскаго трибунала, Хуанъ Карраско, обратился къ королю съ просьбой о возмѣщеніи ему убытковъ, понесенныхъ имъ въ 1506 г. въ связи съ народными волненіями по поводу тираніи Люсеро, — и Фердинандъ распорядился о выдачѣ Карраско 15 тыс. мароккъ. Если столь скомпрометированныя лица, какъ Люсеро, отдѣлывались такимъ легкимъ наказаніемъ, то съ полнымъ правомъ можно утверждать, что фактически инквизиторы были совершенно безотвѣтственны и могли безнаказанно злоупотреблять своей властью, тѣмъ болѣе опасной, что она простиралась на жизнь и честь всѣхъ безъ различія состоянія и положенія гражданъ Испаніи.

Иногда Великій инквизиторъ или Супрема какъ бы пытались бороться съ нѣкоторыми злоупотребленіями отдѣльныхъ инквизиторовъ, но попытки эти не приводили ни къ какимъ результатамъ, главнымъ образомъ, потому, что онѣ всего чаще носили лишь формальный характеръ и дѣлались безъ вѣры въ возможность устраненія этихъ злоупотребленій. Такъ, въ 1502 году, когда на толедскаго асессора трибунала поступила жалоба, что онъ нечестно ведетъ себя по отношенію къ арестованнымъ женщинамъ, Супрема опубликовала carta acordada, коей угрожала смертью тѣмъ инквизиторамъ, которые будутъ замѣчены въ подобномъ грѣхѣ. Но, какъ правильно замѣчаетъ Валье, о примѣненіи этой carta acordada ничего не слышно было, хотя представлялась возможность—и не разъ—осуществлять ее [1]). Такъ, въ 1544 г. инспекторъ барселонскаго трибунала, докторъ Алонсо Пересъ, представилъ Супремѣ отчетъ о своей ревизіи, въ которомъ писалъ, что всѣ члены барселонскаго трибунала, за исключеніемъ одного, ведутъ себя самымъ неудовлетворительнымъ образомъ: берутъ взятки, развратничаютъ съ арестованными еретичками, дерутся между собою и т. д.; особенно нечестно ведетъ себя фискалъ, присваивающій себѣ предметы, принадлежащіе трибуналу. Въ отвѣтъ на это Супрема распорядилась о возвращеніи нѣкоторыхъ предметовъ по принадлежности, пригрозила болѣе строгимъ наказаніемъ въ случаѣ продолженія такого поведенія, но все это было настолько лицемѣрно, что и барселонскій трибуналъ чувствовалъ, что Супрема дѣйствуетъ только для того, чтобы не оставлять безъ отвѣта заявленія своихъ инспекторовъ. Не удивительно, что сдѣланное трибуналу внушеніе мало измѣнило положеніе дѣлъ въ Барселонѣ, и въ 1550, 1552 и 1561 годахъ въ Супрему поступили новыя и болѣе рѣзкія жалобы на дѣйствія всѣхъ членовъ барселонскаго трибунала. Несмотря на это, Супрема ограничилась лишь временнымъ лишеніемъ жалованія нѣкоторыхъ членовъ преступнаго трибунала.

Въ Архонѣ, богатомъ городѣ близь Хаэна, произошелъ такой случай. Нѣкій Альваро де Эскалера, принадлежащій къ типу жадныхъ и ни предъ чѣмъ не останавливающихся людей, рѣшилъ воспользоваться имуществомъ богатѣйшихъ марановъ города. Съ этой цѣлью онъ донесъ инквизитору Хаэна, что среди жителей Архоны свирѣпствуетъ ересь; въ городъ явился инквизиторъ, который немедленно издалъ вѣроисповѣдный эдиктъ, въ силу котораго, подъ страхомъ самыхъ тяжкихъ наказаній, всѣ жители Архоны должны были выдать имена извѣстныхъ имъ еретиковъ. Рабамъ была обѣщана немедленная свобода, если они донесутъ на своихъ господъ, а Эскалера въ сопровожденіи инквизитора ходилъ по городу и налагалъ штрафъ въ 10 реалей на тѣхъ, которые не дѣлали заявленій объ именахъ еретиковъ; нѣкоторые были даже арестованы и отправлены въ хаэнскую инквизиціонную тюрьму. Когда у инквизитора накопился достаточный матеріалъ, онъ отправился

---

[1]) «Anales de la Inquisicion», 197.

въ Хаэнъ, изучилъ его и вернулся въ Архону съ тѣмъ, чтобы произвести рядъ арестовъ богатыхъ марановъ, а также конфисковать ихъ имущество. Послѣднее подлежало продажѣ съ молотка, и такъ какъ оно было очень значительно, а въ городѣ покупателей было мало, то Эскалерѣ удалось его купить очень дешево. Поведеніе инквизитора заставляетъ думать, что и на его долю при этомъ выпало кое-что.

Велики были также злоупотребленія со стороны инквизиторовъ, занимавшихся торговыми дѣлами и при недоразумѣніяхъ съ покупателями или продавцами пользовавшихся привилегіей неподсудности обычному суду. Возникавшіе на торговой почвѣ споры между инквизиторами и частными лицами разсматривались инквизиціонными трибуналами, заинтересованными въ поддержаніи авторитета своихъ членовъ, и приговоры ихъ рѣдко носили безпристрастный характеръ. Въ 1504 году Великій инквизиторъ Деса запретилъ членамъ трибунала, подъ страхомъ немедленнаго удаленія со службы и штрафа въ 20 тыс. мараведи, заниматься торговыми дѣлами, указавъ на то, что подобные служители Церкви и Инквизиціи наносятъ страшный ударъ моральнымъ интересамъ защищаемаго ими святого дѣла. Въ теченіе двухъ недѣль всѣ причастныя Инквизиціи лица должны были, подъ угрозой отлученія отъ Церкви, извѣстить Великаго инквизитора объ извѣстныхъ имъ торговцахъ, состоящихъ на службѣ при трибуналахъ, и казначей, подъ штрафомъ 50 дукатовъ, не долженъ былъ выдавать жалованія виновнымъ въ нарушеніи этого распоряженія лицамъ. Деса потребовалъ даже, чтобы его строгое распоряженіе было прочитано въ каждомъ трибуналѣ на собраніи всѣхъ служителей Инквизиціи. Мало того, приказъ Десы былъ занесенъ въ Инструкціи, носившія обязательный характеръ для всѣхъ трибуналовъ. Все это свидѣтельствовало, что зло отъ торговцевъ-инквизиторовъ было дѣйствительно велико, и казалось, что подобная энергія со стороны Великаго инквизитора должна была имѣть вліяніе; но на самомъ дѣлѣ трибуналы мало съ этимъ считались, и среди служителей Инквизиціи попрежнему было очень много купцовъ и торговцевъ. Въ буллѣ Льва X Pastoralis officii отъ 1 августа 1516 г. повторяется то же запрещеніе, но и на этотъ разъ оно не имѣло фактически никакого значенія, и королевскій декретъ 9 августа 1725 г., освобождая отъ государственнаго налога служителей трибунала, прибавляетъ, что тѣ изъ нихъ, которые владѣютъ недвижимымъ имуществомъ или обладаютъ капиталомъ, вложеннымъ въ торговыя предпріятія, не подлежать освобожденію отъ налога. Король, такимъ образомъ, признавалъ фактъ нарушенія Инквизиціей распоряженія Десы. Что и трибуналы признавали необязательнымъ соблюденіе запрещенія заниматься торговлей, видно изъ слѣдующаго. Въ 1750 г. между счетчикомъ валенсійскаго трибунала Іосифомъ Сегарой и лѣсопромышленникомъ Миральесомъ, компаньономъ счетчика, произошелъ споръ изъ-за 1779 либра. Третейскій судъ высказался въ пользу Миральеса: Сегара отказался отъ повиновенія, и Миральесъ привлекъ счетчика къ королевскому суду. Но Инквизиція заявила что Сегара не подсуденъ обычному суду.

Количество жертвъ Инквизиціи
(по Дель-Кастильо-и-Магонъ, «El Tribunal de la Inquisicion»).

Великіе инквизиторы.	Годы.	Сожжены живьемъ.	Сожжены in effigie.	Приговорены къ различнымъ наказаніямъ.	Итого.
1) Торквемада	1481—1498	11272	7636	95603	114511
2) Діэго Деса	1498—1507	1664	832	32456	34952
3) Хименесъ де Сиснеросъ	1507—1517	4624	2512	45788	52924
4) Адріанъ	1518—1522	1344	672	26214	28230
5) Альфонсо Манрике	1523—1538	2260	1125	11250	14635
6) Пардо де Тавера	1539—1545	840	420	4200	5460
7) Гарсіа де Лоайса	1546 (29 марта—22 апрѣля)	120	60	600	780
8) Фернандо Вальдесъ	1547—1566	2400	1200	12000	15600
9) Діэго Эспиноса	1566—1572	720	360	3600	4680
10) Гаспаръ де Кирога	1573—1594	2816	1408	14080	18304
11) Геронимо Манрике	1595 (августъ—ноябрь)	128	64	640	832
12) Портокарреро	1596—1599	184	92	1920	2196
13) Ниньо де Гевара	1599—1602	240	96	1728	2064
14) Суньига	1602 (іюль—декабрь)	80	32	576	688
15) Баутиста Асеведо	1603—1608	400	160	2888	3448
16) Сандовалъ-и-Рохасъ	1608—1618	880	352	6335	7568
17) Луисъ де Аліага	1619—1621	240	96	1728	2064
18) Андреа Пачеко	1622—1626	256	128	1780	2164
19) Ант. Сапата	1627—1631	384	182	920	1486
20) Ант. Сотомайоръ	1632—1643	704	352	3520	4576
21) Діэго Арсе-и-Рейносо	1643—1665	1472	736	7360	9568
22) Эверардо Нитардо	1666—1669	144	48	576	768
23) Сарміенто де Валльядаресъ	1669—1695	1248	416	4992	6656
24) Рокаберти	1695—1699	240	80	960	1280
25) Мендоса-и-Сандобалъ	1699—1705	240	80	960	1280
26) Видалъ Маринъ	1705—1709	136	68	816	1020
27) Ибаньесъ де ла Рива-Эррера	1709—1710	68	34	408	510
28) Франс. Гудисе	1711—1716	204	102	1224	1530
29) Асторга-и-Сеспедесъ	1720	68	34	408	510
30) Камарго	1720—1733	448	221	1652	2321
31) Орбе-и-Ларeатеги	1733—1740	238	119	1428	1785
32) Исидро Манрике	1742—1746	136	68	816	1020
33) Фр. Пересъ де Прадо	1746—1755	10	5	107	122
34) Кинтано Бонифасъ	1755—1774	2	—	10	12
35) Фелипе Бельтранъ	1775—1783	2	—	16	18
36) Рубинъ де Севальосъ	1784—1793	—	—	14	14
37) Абадъ-и-ла Сіерра	1793—1794	—	—	16	16
38) Авт. де Лоренсана	1794—1797	—	—	14	14
39) Рамонъ Арсе-и-Рейносо	1798—1808	—	—	20	20
40) Міэръ-и-Кампильо	1814—1818	—	—	—	—
41) Геронимо Кастельонъ-и-Саласъ	1818	—	—	—	—
Итого	—	36212	19790	289624	345626

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Изгнаніе евреевъ.

Единство вѣры, воодушевлявшее политику Фердинанда и дѣятельность Инквизиціи, понималось далеко не одинаково представителями свѣтской и духовной власти: въ то время какъ первые разумѣли подъ нимъ исповѣданіе всѣми жителями государства одной и той же религіи, вторые въ единствѣ вѣры видѣли строго тождественное исполненіе всѣми христіанами извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ, вытекающее изъ одинаковаго у всѣхъ религіознаго міросозерцанія. Различіе взглядовъ обѣихъ властей сводилось, такимъ образомъ, къ тому, что Фердинандъ ограничивалъ свою задачу необходимостью формальной принадлежности всѣхъ его подданныхъ къ христіанству, Инквизиція же требовала присоединенія къ христіанству по существу, внутренняго сліянія съ нимъ. Какъ государь, стремившійся къ абсолютной власти, Фердинандъ и въ религіозномъ вопросѣ оставался вѣренъ себѣ и не исключалъ изъ-подъ своей власти ни одной религіозной группы своихъ подданныхъ; предѣлы его господства должны были совпадать съ территоріей его государства, и всѣ живущіе въ предѣлахъ его государства должны были быть одинаково ему подвластны. Наоборотъ, Инквизиція, дочь средневѣковаго католическаго Рима, не знала другихъ подданныхъ, кромѣ католиковъ, расширяя свою власть, правда, далеко за предѣлы одного какого-либо государства, но оставляя, въ то же время, внутри этого государства цѣлыя группы жителей внѣ сферы своей дѣятельности, внѣ своей власти. Для испанскаго короля существовало испанское государство, для Испанской же Инквизиціи существовала лишь католическая Испанія, — евреи и мавры словно находились внѣ Испаніи, не составляли какъ бы органической ея части, не были ей подвластны. Казалось, что Инквизиція дѣлитъ всѣхъ жителей страны на двѣ категоріи—, на тѣхъ, которые достойны попеченія о себѣ, и на тѣхъ, которые должны быть брошены на произволъ судьбы и не заслуживаютъ особаго попеченія о себѣ. Принимая во вниманіе усердіе, какое обнаружила Инквизиція съ самаго начала своего существованія, можно сказать, что игнорированіе ею извѣстныхъ группъ населенія было привилегіей, которою не-христіане дорожили и которой они лишались, разъ принимали христіанскую вѣру. Этимъ объясняется, почему съ введеніемъ Инквизиціи въ Испаніи остановился быстрый ростъ крещеній, и почему евреи въ отвѣтъ на преслѣдованія, вмѣсто недавняго массоваго перехода въ христіанство, лишь тѣснѣе смыкали свои ряды и съ большей готовностью шли на мученическую смерть. Если до введенія Инквизиціи переходъ въ христіанство былъ связанъ для евреевъ съ перспективой занятія хорошо оплачиваемаго или вліятельнаго положенія въ странѣ, если раньше онъ составлялъ для евреевъ гарантію спокойной и мирной жизни и давалъ имъ возможность широко использовать свои силы и таланты, то теперь, при господствѣ Инквизиціи, онъ означалъ для нихъ—вступленіе въ тотъ классъ людей, который, не удовлетворяя требованію о limpieza (чистота крови), подвергался чаще другихъ преслѣдованіямъ со стороны Инквизиціи и вѣчно находился подъ Дамокловымъ мечемъ обвиненія въ іудейской ереси.

Положеніе новохристіанъ при Инквизиціи было во много разъ хуже положенія евреевъ, которые, въ качествѣ не-христіанъ, не подлежали вѣдѣнію Инквизиціи, если только не занимались прозелитизмомъ и не оскорбляли христіанской религіи, а потому не удивительно, что никто не спѣшилъ переходомъ въ христіанство. Этимъ, однако, подрывались основы фердинандовской политики, задававшейся цѣлью создать единую религію въ предѣлахъ единаго государства. Между Инквизиціей и свѣтской властью

возникъ, такимъ образомъ, конфликтъ на почвѣ еврейскаго вопроса. Конфликтъ этотъ носилъ тѣмъ болѣе своеобразный характеръ, что по существу обѣ стороны одинаково были заинтересованы въ возможно большемъ переходѣ евреевъ въ христіанство, и если фактически Инквизиція задерживала распространеніе въ Испаніи христіанства, то это было однимъ изъ тѣхъ косвенныхъ ея вліяній, котораго она сама же не могла не осуждать. Для устраненія его необходимы были рѣшительныя мѣры, при чемъ, разумѣется, и рѣчи не могло быть о томъ, чтобы отказаться или даже смягчить надзоръ Инквизиціи надъ новообращенными, такъ какъ послѣдніе составляли главный источникъ, коимъ питалась и жила, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, Испанская Инквизиція. Необходимо было въ виду этого направить вниманіе въ другую сторону, въ сторону столь значительнаго ухудшенія положенія евреевъ, которое принудило бы ихъ массами переходить въ христіанство, несмотря на опасность очутиться въ тискахъ Инквизиціи.

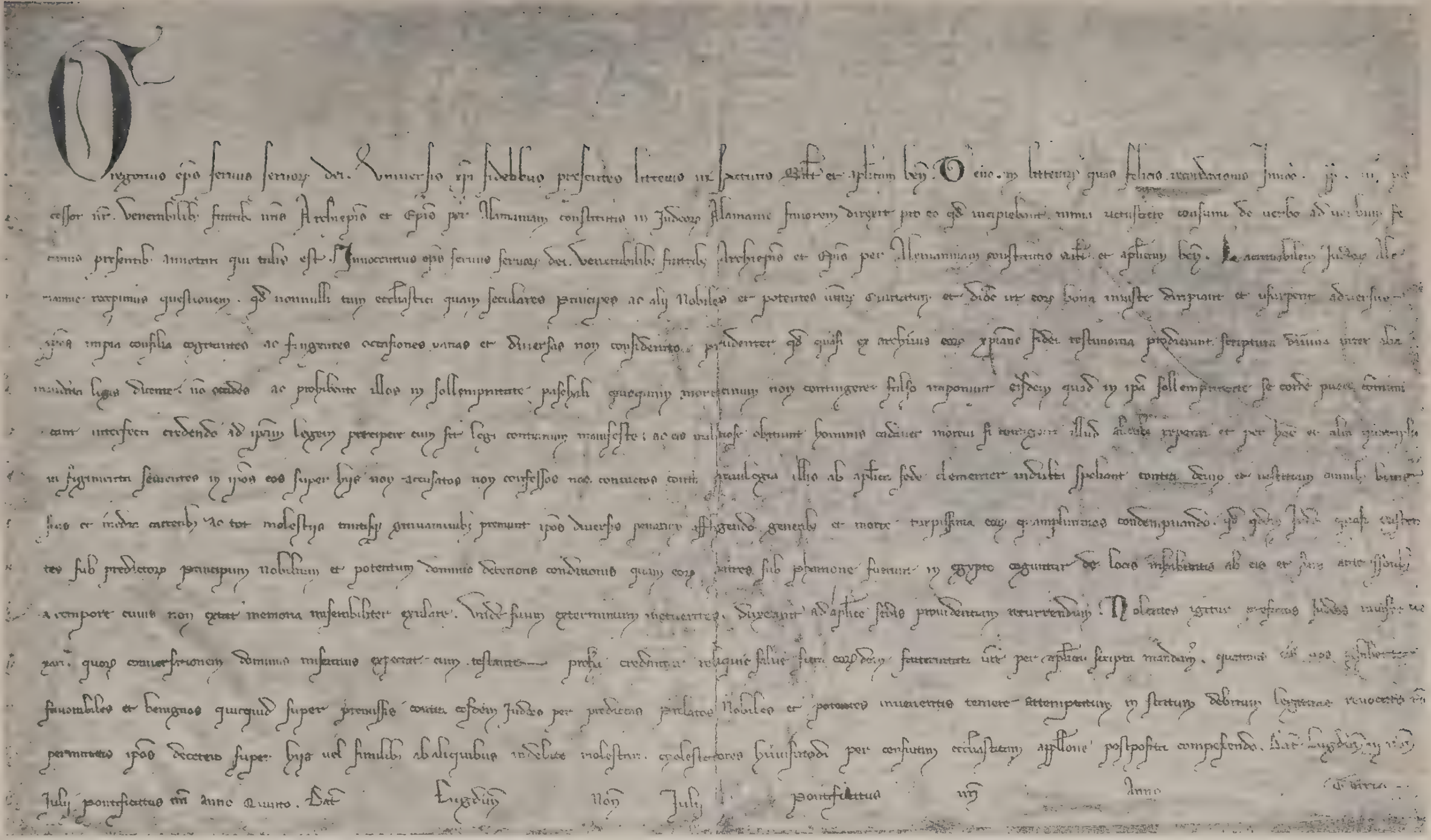
Правовое положеніе евреевъ тогда было настолько тяжелымъ, что трудно было придумать какія-либо новыя ограниченія, и самъ собою всплылъ вопросъ объ изгнаніи ихъ изъ Испаніи. Уже въ 1481 г., т.-е. почти одновременно съ введеніемъ въ странѣ Инквизиціи, появился декретъ Изабеллы объ изгнаніи евреевъ изъ Андалузіи, гдѣ евреи были болѣе многочисленны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Испаніи. Декретъ этотъ тотчасъ не былъ приведенъ въ исполненіе, и нѣсколько разъ дѣйствіе его отсрочивалось по неизвѣстнымъ, къ сожалѣнію, причинамъ [1]); весьма вѣроятно, что онъ и не получилъ осуществленія, такъ какъ уже въ 1484 г. въ Андалузіи, какъ это видно изъ буллы Сикста IV, безпрепятственно жили евреи; точно также въ 1492 г., въ моментъ общаго изгнанія евреевъ изъ Испаніи, 8 тысячъ еврейскихъ семействъ изъ Андалузіи, по словамъ Бернальдеса, отправились черезъ Кадиксъ, не считая многихъ другихъ, уѣхавшихъ черезъ Картагену и арагонскіе порты [2]). Весьма возможно, что декретъ объ изгнаніи андалузскихъ евреевъ потому встрѣчалъ препятствія на своемъ пути къ осуществленію, что въ то время Фердинандъ, ведя борьбу съ маврами изъ-за обладанія Гранадой, нуждался какъ въ денежной помощи евреевъ, такъ и въ урегулированіи финансовъ страны, взятомъ на себя евреями Авраамомъ Сеніоромъ и Исаакомъ Абрабанелемъ. По мнѣнію Ли, въ декретѣ 1481 г. слѣдуетъ скорѣе видѣть ловкій финансовый маневръ, чѣмъ искреннее желаніе Изабеллы очистить страну отъ евреевъ: путемъ угрозы немедленнаго выселенія, всякій разъ откладываемаго на неопредѣленное время, легко было получить отъ евреевъ значительную выкупную сумму, увеличивавшуюся по мѣрѣ того, какъ отсрочивался декретъ объ ихъ изгнаніи. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Ли приводитъ тотъ, сравнительно мало извѣстный, фактъ, что Фердинандъ въ 80-хъ годахъ XV столѣтія не разъ издавалъ приказы объ изгнаніи евреевъ изъ той или иной мѣстности, хотя въ дѣйствительности декреты эти не проводились въ жизнь и служили лишь средствомъ для полученія отъ евреевъ внѣ-очередного, экстреннаго взноса сверхъ тѣхъ податей и налоговъ, какіе они платили въ обычное время [3]). 12 мая 1486 г. Фердинандъ пишетъ арагонскимъ инквизиторамъ, что «вредъ распространяющейся ереси, какъ показалъ опытъ» (por esperiencia parece), вытекаетъ изъ того, что происходящіе отъ евреевъ христіане имѣютъ всякаго рода сношенія съ евреями (ha procedido de la conversacion y practica que con los judios han recebida), а потому онъ приказываетъ изгнать всѣхъ евреевъ изъ архіепископства Сарагоссы и епископства Санта Марія де Албарасинъ; это лучшее средство положить конецъ всякимъ сношеніямъ между евреями и христіанами, къ нему и слѣдуетъ прибѣгнуть такъ, какъ это сдѣлано въ архіепископствѣ Севильи и въ епископствахъ Кордовы и Хаэна. Изъ этого письма Фердинанда

---

[1]) «Revue des Etudes Juives», XXII, 105 и стр.

[2]) «Historia de los reyes católicos Don Fernando y Doña Isabel», I, стр. 393.

[3]) «History», I, стр. 132.



Булла Иннокентія IV (1247) противъ обвиненія евреевъ въ употребленіи крови, возобновленная въ 1273 г. папой Григоріемъ X.

(Оригиналъ въ Кельнскомъ городскомъ архивѣ).

(Переводъ см. въ концѣ книги, Приложеніе 1).

ясно видно, что попытки къ изгнанію евреевъ предпринимались въ различныхъ провинціяхъ Испаніи, вездѣ оканчиваясь однимъ и тѣмъ же результатомъ—оставленіемъ евреевъ на ихъ мѣстахъ, вѣроятно, за болѣе или менѣе значительную сумму денегъ. Въ Теруэлѣ, повидимому, декретъ объ изгнаніи евреевъ не оставался одной лишь мертвой буквой и отчасти сталъ осуществляться, какъ это видно изъ письма Фердинанда къ Торквемадѣ отъ 22 іюля 1486 г. Въ этомъ письмѣ говорится, между прочимъ, о томъ, что теруэльскимъ евреямъ данъ трехмѣсячный срокъ для ликвидаціи дѣлъ до отъѣзда изъ города. Фердинандъ дважды подтверждаетъ, что такова дѣйствительно была его воля, что таковой она останется и впредь и никогда не будетъ иной (Assi me plugo e me plaze dello e nunca será de otro parecer). Несмотря на такую рѣшительность, онъ соглашается, чтобы евреямъ дано было, сверхъ трехмѣсячнаго срока, еще шесть мѣсяцевъ для того, чтобы евреи могли получить и уплатить по долговымъ обязательствамъ, а также продать свои дома и земли. Но фактически евреи не были изгнаны и изъ Теруэля: по крайней мѣрѣ, нигдѣ нѣтъ никакихъ упоминаній объ этомъ, и всѣ декреты объ оставленіи евреями той или иной части Испаніи не имѣли, такимъ образомъ, реальнаго значенія, несмотря на то, что въ это именно время, какъ утверждаетъ Маріана [1]), Генеральный инквизиторъ Торквемада особенно усердно настаивалъ на Изабеллѣ, чтобы она очистила, наконецъ, страну отъ тѣхъ, чьи предки принесли столько зла міру.

Неудачи, постигавшія королевскіе декреты и дававшія казнѣ возможность лишній разъ нажиться на счетъ евреевъ, мало отражались на положеніи послѣднихъ,—во всякомъ случаѣ не настолько ухудшали его, чтобы можно было разсчитывать на массовой переходъ евреевъ въ христіанство при господствѣ Инквизиціи. Вотъ почему отъ попытокъ къ изгнанію послѣдняя перешла къ возбужденію въ народѣ непріязненныхъ чувствъ къ евреямъ и къ распространенію среди фанатической толпы разныхъ о нихъ слуховъ. Въ народѣ былъ пущенъ слухъ, что даже лучшіе и наиболѣе вліятельные евреи всячески оскорбляютъ христіанскую вѣру, насмѣхаясь надъ ея святынями и позоря наиболѣе дорогія имена ея представителей. Такъ, утверждали, что королевскій врачъ Рибасъ Альтасъ носилъ на шеѣ постоянно золотой медальонъ, въ которомъ находилось изображеніе, крайне оскорбительное для христіанства, при чемъ самъ Альтасъ фигурировалъ въ качествѣ героя неприличной сцены. Медальонъ этотъ былъ замѣченъ престолонаслѣдникомъ принцемъ Хуаномъ, который, открывъ его, былъ настолько потрясенъ всѣмъ видѣннымъ, что впалъ въ серьезную болѣзнь и сталъ утверждать, что только тогда сумѣетъ снова возстановить свое здоровье, когда Рибасъ Альтасъ будетъ сожженъ. И Фердинандъ исполнилъ волю своего сына. Тогда же разсказывали также, будто нѣсколько евреевъ въ Великую Страстную Пятницу 1488 г. камнями забросали находившійся на холмѣ Гано (близъ Касаръ де Паломеро) крестъ, но были пойманы герцогомъ Альбой, который сжегъ раввина и многихъ участниковъ этого святотатства и привелъ крестъ въ надлежащій видъ. Къ этому же времени обычно пріурочивается и пресловутая переписка между «принцемъ» испанскихъ евреевъ Чаморро и константинопольскимъ Улиффомъ, которою такъ часто пользовались въ своихъ интересахъ различные враги евреевъ и марановъ. Однако, какъ мы покажемъ въ главѣ «Мараны и Португальская Инквизиція», переписка эта была сфабрикована гораздо позже и, слѣдовательно, не могла вліять на судьбу испанскихъ евреевъ до изданія эдикта объ изгнаніи ихъ изъ Испаніи. Вѣнцомъ всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ клеветъ и инсинуацій по адресу евреевъ былъ инсценированный Торквемадой процессъ святого дитяти изъ ла Гуардіи, El santo niño de la Guardia. Процессъ этотъ вызвалъ въ испанскомъ обществѣ сильное негодованіе противъ евреевъ и находившихся подъ ихъ вліяніемъ марановъ и, законченный въ ноябрѣ 1491 г., т.-е. за пять мѣсяцевъ до де-

[1]) «Historia general de España», Lib. XXIV, cap. XVIII.

крета объ изгнаніи евреевъ, сыгралъ безъ сомнѣнія крупную роль въ рѣшеніи царственной четы разъ навсегда освободить страну отъ еретической заразы.

Сущность дѣла святого дитяти изъ ла Гуардіи заключается въ слѣдующемъ [1]). Въ іюнѣ 1490 г. въ Асторгѣ былъ арестованъ новохристіанинъ Бенито Гарсіа, спрятавшій среди своихъ вещей святую остію. Подвергнутый викаріемъ Педро де Вильяда неоднократно пыткамъ, Бенито Гарсіа заявилъ, что онъ вмѣстѣ съ 5 другими маранами и 6 евреями замышлялъ заговоръ противъ христіанства, вслѣдствіе чего въ іюлѣ были арестованы: Алонсо Франко, Лопе Франко, Гарсіа Франко, Хуанъ Франко, Юсе Франко, Хуанъ де Оканьо, Хуанъ Гомесъ, раввинъ Моисей Абенаміасъ и 80-лѣтній еврей Са (Исаакъ) Франко. Всѣ они были обвинены, во-первыхъ, въ томъ, что не только убили трехлѣтняго христіанскаго ребенка изъ ла Гуардіи, но и причинили ему различнаго рода муки; во-вторыхъ, что они изъ вырѣзаннаго у мальчика сердца и украденной остіи пытались сдѣлать волшебное средство, съ помощью котораго можно было бы уничтожить не только Инквизицію, но и христіанство, и въ-третьихъ, что они произносили святотатственныя слова, при чемъ новохристіане принуждались евреями къ соблюденію различныхъ еврейскихъ обрядовъ. Кромѣ названныхъ 10 лицъ, обвинялись еще три умершихъ еврея: Ю. Тасарте, М. Франко и Давидъ Перехонъ. Въ тюрьмѣ, во время пытки, обвиняемые то энергично отрицали свою вину, то измышляли, не имѣя силы переносить дольше пытки, всевозможнаго рода преступленія, которыя и легли въ основу обвиненія, которое въ дѣйствительности было построено на одной лишь лжи, такъ какъ въ ла Гуардіи или ея окрестностяхъ въ это время христіанскій ребенокъ не пропалъ, и никто не жаловался на исчезновеніе ребенка, нигдѣ также не были найдены слѣды какого-либо похищенія. Когда томившемуся въ тюрьмѣ въ теченіе $1^1/_2$ лѣтъ Юсе Франко было предъявлено обвиненіе въ убійствѣ, то онъ, отрицая свое участіе въ какомъ-либо убійствѣ вообще, указалъ, что въ доносѣ на него и въ выставленномъ обвиненіи не говорится ни о времени, ни о мѣстѣ, ни объ участникахъ этого убійства,—porque en su denunciacion no dice exprime, ni aclara el dicho fiscal los lugares, ni años, ni meses, ni dias, ni tiempos, ni personas, en que y con que dize que dicho mi parta cometio los delictos. Въ отвѣтъ на это инквизиціонный фискалъ возразилъ, что въ процессахъ о ереси нѣтъ необходимости указывать время и мѣсто совершенія преступленія и что можно ограничиться одними лишь свидѣтельскими показаніями, которыя, въ свою очередь, получались путемъ пытки—en el tormento—отъ свидѣтелей, являвшихся въ то же время и обвиняемыми. 16 ноября 1491 г. всѣ обвиняемые были казнены въ Авилѣ; умершіе три еврея были сожжены in effigie, остальные евреи—живьемъ, а мараны, примирившіеся съ Церковью, были задушены до сожженія. Въ прочитанномъ на ауто-да-фе рѣшеніи инквизиціоннаго трибунала была съ особенной силой подчеркнута роль евреевъ въ этомъ дѣлѣ и указывалось, что они всячески стремятся завлечь марановъ въ свои антихристіанскіе замыслы и усиленно занимаются обращеніемъ христіанъ въ іудейство. Сдѣлано это было, разумѣется, для того, чтобы возбудить въ народѣ чувство злобы къ евреямъ и положить конецъ сомнѣніямъ относительно правильности процесса святого дитяти изъ ла Гуардіи. Дѣло въ томъ, что какъ въ ла Гуардіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ шелъ слухъ о томъ, что весь этотъ процессъ зиждется на однѣхъ лишь пустыхъ выдумкахъ, и что въ дѣйствительности въ ла Гуардіи вовсе не былъ похищенъ христіанскій мальчикъ. Переходя изъ устъ въ уста, молва эта стала сильно безпокоить Инквизицію, и въ отвѣтъ на эти «chismerias» она распорядилась о томъ, чтобы приговоръ суда былъ переведенъ на каталонскій языкъ и читался во всѣхъ церквахъ, чтобы весь народъ былъ

[1]) Богатый матеріалъ по этому дѣлу можно найти въ «Revue des Etudes Juives», tt. XIV, XV, XVIII, XIX, XXI, XXVI; см. также Emile de Molénes, «Torquemada et l'Inquisition», (1897) и Fidel Fita, «La Verdad sobre el martirio del santo Niño de la Guardia», въ «Boletin de la Real Academia de la Historia», XI.

хорошо о немъ освѣдомленъ, и чтобы отнынѣ всякій держалъ языкъ за зубами—cada uno calle su boca. Такая публичность со стороны Инквизиціи тѣмъ болѣе удивительна, что послѣдняя постоянно придавала своимъ дѣйствіямъ характеръ особой таинственности и избѣгала огласки даже самыхъ невинныхъ своихъ постановленій, и если въ данномъ случаѣ она такъ серьезно считалась съ народными сплетнями (chismerias), то въ этомъ слѣдуетъ видѣть, что процессъ святого дитяти изъ ла Гуардіи былъ для Инквизиціи лишь поводомъ къ открытію болѣе рѣшительныхъ дѣйствій противъ евреевъ. Онъ былъ важенъ какъ этапъ по пути къ окончательному рѣшеію еврейскаго вопроса.

Уже во время процесса Инквизиція пыталась скомпрометировать въ этомъ дѣлѣ Авраама Сеніора, главнаго раввина испанскихъ евреевъ и финансоваго дѣятеля при дворѣ, гдѣ онъ пользовался значительнымъ вліяніемъ, авторитетнаго защитника преслѣдуемыхъ евреевъ. Когда томившійся въ тюрьмѣ Юсе Франко, сильно захворавъ, просилъ прислать ему предъ смертью раввина, инквизиторы отправили къ нему, въ одеждѣ раввина, монаха Алонсо Энрикеса, знавшаго по-еврейски и пытавшагося склонить Франко къ тому, чтобы онъ вызвалъ къ себѣ Авраама Сеніора для передачи ему нѣкоторыхъ очень важныхъ тайнъ. Въ разговорѣ съ Франко мнимый раввинъ неоднократно употреблялъ еврейскія слова, какъ-то: naar (мальчикъ), mita (къ смерти), oto hays (этотъ человѣкъ, אותו האיש) и другія. Попытка инквизиторовъ въ этомъ отношеніи потерпѣла фіаско, но имъ удалось разжечь народныя страсти и вызвать взрывъ негодованія толпы противъ евреевъ, въ особенности въ Авилѣ, гдѣ надъ виновниками мнимаго убійства святого дитяти было совершено ауто-да-фе. Изъ королевскаго приказа (6 декабря 1491 г.) видно, что въ Авилѣ многіе евреи подвергались жестокимъ гоненіямъ совершенно безнаказанно, и что все еврейское населеніе этого города въ теченіе цѣлаго мѣсяца, т.-е. со времени казни мнимыхъ виновныхъ въ убійствѣ христіанскаго мальчика, жило въ ужасной паникѣ, такъ что король и королева сочли своимъ долгомъ взять подъ свою защиту авильскихъ евреевъ. Мнимая же жертва мнимаго убійства была провозглашена святой, окружена ореоломъ мученической смерти и одарена самыми разнообразными чудотворными дѣйствіями; мѣсто въ полѣ, гдѣ, согласно показаніямъ Хуана Франко, были похоронены кости ребенка, не должно было болѣе обрабатываться для того, чтобы королевская чета, кардиналъ и весь міръ знали это мѣсто и помнили о страшномъ злодѣяніи евреевъ [1]). Такимъ образомъ, говоритъ Ли, дѣло Торквемады было выиграно: если и будетъ преувеличеніемъ утверждать, что одинъ лишь процессъ святого дитяти изъ ла Гуардіи побудилъ Фердинанда издать эдиктъ объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи, то во всякомъ случаѣ никто не можетъ отрицать, что онъ сыгралъ въ этомъ рѣшеніи короля очень значительную роль [2]).

Евреевъ стали обвинять въ прозелитизмѣ и въ оскорбленіи христіанства; кромѣ того, указывалось, что старанія Инквизиціи положить конецъ тайному іудейству и ея борьба съ отпаденіемъ марановъ отъ христіанства останутся тщетны, пока въ странѣ будутъ существовать открытые приверженцы іудаизма, которые всячески содѣйствуютъ распространенію своей вѣры среди жителей Испаніи, въ особенности среди тѣхъ, которые недавно лишь приняли христіанство. Изгнаніе евреевъ сдѣлалось, такимъ образомъ, условіемъ успѣшной борьбы Инквизиціи съ ересью, и католическая царственная чета, взявшая на себя иниціативу въ дѣлѣ введенія Инквизиціи, не могла, разумѣется, не подаваться теперь этимъ указаніямъ Генеральнаго инквизитора. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить и побѣдоносное шествіе христіанскаго оружія, завоевавшаго Гранадскій халифатъ и осуществившаго, наконецъ, давно лелѣянную испанскими монархами мечту объ окончательномъ вытѣсненіи изъ предѣловъ Пиренейскаго полуострова господства Полумѣсяца и замѣны его

---

[1]) Martinez Moreno, «Historia del martirio del Santo Niño de la Guardia», Мадридъ, 1866.
[2]) Lea, «History», I, 134.

властью Креста. «Опьяненный побѣдой,—говоритъ Абрабанель,—король Фердинандъ почувствовалъ необходимость достойнымъ образомъ возблагодарить Бога, Который помогъ ему покорить Гранаду. «Моею благодарностью будетъ, если я... или обращу въ христіанство народъ Израиля, или изгоню его изъ моей страны» [1]). Кромѣ чувства благодарности, Фердинандъ руководился и чисто государственными соображеніями: евреи, соединившись съ маврами противъ христіанъ, легко могли увеличить силы вражеской арміи и представить грозную опасность для недавняго побѣдителя, который до взятія Гранады, въ видахъ склоненія евреевъ на свою сторону, обѣщалъ имъ различнаго рода привилегіи и теперь, опасаясь прослыть покровителемъ враговъ христіанства, долженъ былъ нарушить свое обѣщаніе и тѣмъ самымъ обратить евреевъ въ союзниковъ покоренныхъ мавровъ. И въ денежной поддержкѣ со стороны евреевъ Фердинандъ теперь болѣе не нуждался: богатая Гранада, доставшаяся ему, наконецъ, послѣ долгой борьбы Креста съ Полумѣсяцемъ, съ ея трудолюбивымъ, мирнымъ и состоятельнымъ населеніемъ, могла сторицей вознаградить его за тѣ потери, которыя получались для казны съ прекращеніемъ притока еврейскихъ денегъ въ видѣ очередныхъ и внѣочередныхъ налоговъ и податей. Кромѣ того, самое изгнаніе евреевъ изъ страны, въ виду запрещенія вывоза золота и серебра, сопровождалось большой выгодой для казны. Не даромъ патеръ Абарка охарактеризовалъ поведеніе Фердинанда при изгнаніи евреевъ слѣдующими словами: «король былъ дѣйствительно разумнымъ христіаниномъ, который умѣлъ извлекать для себя пользу изъ интересовъ какъ Церкви, такъ и Государства» [2]). Однако, трудно согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые утверждаютъ, будто эдиктъ объ изгнаніи евреевъ былъ лишь ловкимъ финансовымъ маневромъ со стороны католическаго короля, который съ этой цѣлью даже придумалъ запрещеніе о вывозѣ золота и серебра. Подобнаго рода запрещенія издавались и ранѣе 1492 г. и вытекали изъ меркантилистическихъ взглядовъ того времени. Такъ, въ царствованіе Изабеллы дважды въ Кастиліи издавался эдиктъ, запрещавшій вывозъ за границу золота, серебра, денегъ и драгоцѣнностей (въ 1480 г. въ Толедо и въ 1488 г. въ Мурсіи), при чемъ нарушеніе этого запрещенія каралось смертью [3]). Въ цѣломъ, однако, такая финансовая операція, какъ вѣчное изгнаніе евреевъ изъ Испаніи, была невыгодна, и не этимъ, разумѣется, руководился Фердинандъ, издавъ 31 марта 1492 г. свой пресловутый эдиктъ. Еще до его опубликованія, когда среди евреевъ сталъ распространяться слухъ о готовившемся несчастіи, раввинъ Авраамъ Сеніоръ и Исаакъ Абрабанель поспѣшили предложить Фердинанду и Изабеллѣ очень значительную сумму денегъ, если не будетъ изданъ эдиктъ объ изгнаніи евреевъ; утверждаютъ, что 30 тыс. дукатовъ сильно повліяли на короля, который сталъ колебаться, не зная, какъ поступить: подписать ли эдиктъ объ изгнаніи, или принять предлагаемыя деньги. Въ это то время, по словамъ нѣкоторыхъ историковъ, и вмѣшался Торквемада. Войдя съ распятіемъ въ рукахъ въ ту самую комнату, откуда за нѣсколько минутъ до этого вышли еврейскіе представители, онъ обратился къ королевской четѣ со слѣдующими словами: «Іуда Искаріотъ продалъ Христа за 30 серебренниковъ, а вы желаете продать Его за 30 тысячъ! Вотъ же Онъ, возьмите Его и продайте». Затѣмъ онъ бросилъ на столъ распятіе и быстро покинулъ королевскій дворецъ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ словъ Изабелла стала настаивать на немедленномъ опубликованіи декрета, и Фердинандъ уступилъ просьбамъ своей жены, подписавъ 31 марта 1492 г. эдиктъ объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи на вѣчныя времена.

Въ введеніи къ декрету король и королева говорятъ о томъ, что, узнавъ о существованіи въ ихъ государствахъ христіанъ, тайно исповѣдывающихъ іудейство, каковая

---

[1]) «Евр. Энц.», «Испанія», VII, 391.

[2]) Abarca, «Reyes de Aragón», II, стр. 310.

[3]) «Recopilacion de las leyes», lib. VI, tit. 18, ley I.

отвѣтственность всецѣло падаетъ на евреевъ, съ которыми христiане вступаютъ въ различныя сношенiя, они издали въ 1480 году въ Толедо распоряженiе объ устройствѣ отдѣльныхъ кварталовъ для евреевъ во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ въ надеждѣ, что этимъ путемъ будетъ положенъ конецъ указанному злу. Точно также былъ отданъ приказъ Инквизицiи наказывать виновныхъ, и многiе уже поплатились за свою вину; однако, инквизиторы и многiя другiя лица, какъ духовныя, такъ и свѣтскiя, безпрестанно доносятъ, что зло это далеко не прекратилось, и что христiане продолжаютъ встрѣчаться, разговаривать и имѣть сношенiя съ евреями, которые всѣми доступными имъ средствами стараются оторвать ихъ отъ святой католической вѣры и толкнуть ихъ на путь ошибочныхъ вѣрованiй и законовъ, обучая ихъ своимъ обрядамъ и церемонiямъ, собираясь съ ними для чтенiя молитвъ и исполненiя того, что имъ предписываютъ ихъ религiозные законы, совершая надъ христiанами и ихъ сыновьями обрядъ обрѣзанiя, заставляя христiанъ соблюдать еврейскiе посты, ѣсть еврейскую пищу и хоронить по еврейскому обряду и вбивая имъ въ головы, что нѣтъ истиннаго закона, помимо Моисеева закона. Обо всемъ этомъ королю и королевѣ стало извѣстно какъ отъ самихъ евреевъ, такъ и отъ тѣхъ, которые были ими развращены и оторваны отъ христiанства. Король и королева еще раньше пришли къ убѣжденiю, что вѣрнѣйшимъ средствомъ для искорененiя гнусной ереси является полное и совершенное отдѣленiе евреевъ отъ христiанъ, возможное лишь при изгнанiи первыхъ изъ всего государства; однако, они сочли возможнымъ ограничиться лишь удаленiемъ евреевъ изъ городовъ, мѣстечекъ и деревень Андалузiи, гдѣ зло отъ прикосновенiя съ евреями приняло наиболѣе рѣзкiе размѣры, надѣясь, что это послужитъ устрашающимъ примѣромъ для другихъ евреевъ, которые перестанутъ причинять вредъ католической вѣрѣ. Въ дѣйствительности, однако, евреи продолжаютъ совращать христiанъ и новохристiанъ; приходится также сознаться, что изданная противъ андалузскихъ евреевъ мѣра не получила примѣненiя, хотя необходимо путемъ совершеннаго удаленiя евреевъ лишить ихъ возможности дѣлать отщепенцами какъ тѣхъ, которые до сихъ поръ оставались вѣрны христiанству, такъ и тѣхъ, которые, отпавъ отъ христiанства, снова возвращаются къ нему и готовы быть вѣрными сынами святой матери-церкви: вѣдь каждая организацiя, въ средѣ которой находятся члены, виновные въ позорныхъ преступленiяхъ, должна быть распущена, равно какъ изъ города должны быть изгнаны плохiе жители его, могущiе вредить другимъ его жителямъ, — тѣмъ болѣе это вѣрно по отношенiю къ столь опасному и заразительному преступленiю, какимъ является отвращенiе христiанъ отъ ихъ истинной религiи. Въ силу этого, посовѣтовавшись съ нѣкоторыми прелатами, грандами и учеными, король и королева рѣшили приказать всѣмъ евреямъ и еврейкамъ оставить всѣ королевскiя земли и никогда ни въ одну изъ нихъ не возвращаться; приказъ этотъ распространяется какъ на тѣхъ, которые родились въ королевскихъ земляхъ, такъ и на тѣхъ, которые проживаютъ въ нихъ временно и поселились въ нихъ лишь вслѣдствiе какихъ-либо случайныхъ обстоятельствъ,—всѣ они, какого бы они ни были возраста, должны оставить страну въ концѣ ближайшаго мѣсяца iюля съ сыновьями, дочерьми, съ еврейской прислугой и другими живущими при нихъ евреями и не смѣютъ болѣе вернуться въ королевскiя земли или въ какую-либо часть ихъ въ видахъ продолжительнаго, временнаго, случайнаго или иного какого-либо пребыванiя. Всякое нарушенiе этого приказа, въ формѣ ли неоставленiя страны съ самаго начала, или возвращенiя въ нее какимъ-либо способомъ или путемъ, повлечетъ за собою смертную казнь и конфискацiю имущества виновнаго въ пользу королевской казны, при чемъ приведенiе въ исполненiе наказанiя не потребуетъ соблюденiя обычно предшествующихъ ему формальностей.

Король и королева повелѣваютъ также, чтобы по истеченiи указаннаго въ приказѣ срока, т.-е. конца мѣсяца iюля, никто изъ ихъ государствъ, какого бы онъ ни былъ

сословія и положенія, не смѣлъ оказывать какой бы то ни было помощи или поддержки, будь она открытая или тайная, еврею или еврейкѣ подъ страхомъ потери всѣхъ наслѣдственныхъ земель, вассальнаго имущества и крѣпостей, а также всякаго рода королевскихъ милостей. Въ видахъ лучшаго использованія евреями, до конца предоставленнаго имъ срока, своего имущества и богатства король и королева берутъ ихъ подъ свое покровительство, защиту и охрану, обезпечиваютъ имъ возможность до конца іюля свободно распоряжаться движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и гарантируютъ имъ личную и имущественную безопасность, нарушеніе коей будетъ наказываться согласно законамъ страны. Евреи могутъ вывезти изъ королевскихъ земель сушей или моремъ свои богатства и имущество, если только они не заключаются въ золотѣ, серебрѣ и въ чеканенныхъ монетахъ и не составляютъ запрещенныхъ законами королевствъ товаровъ. Чтобы всѣ знали этотъ декретъ, и никто не могъ оправдываться невѣдѣніемъ его, король и королева приказали, чтобы онъ былъ публично прочитанъ на площадяхъ, рынкахъ и другихъ мѣстахъ городовъ, мѣстечекъ и деревень всѣхъ королевскихъ земель. Декретъ этотъ дополнялся распоряженіемъ отъ 14 мая 1492 г., гласившимъ, что евреямъ предоставляется право продавать, для лучшаго использованія своего богатства и имущества, движимость и недвижимость, одушевленные предметы (semovientes) и долговыя росписки. Съ другой стороны, однако, Фердинандъ распорядился секвестровать всѣ еврейскія земли для того, чтобы ими можно было удовлетворить христіанскихъ кредиторовъ, и фактически въ Арагоніи евреи не могли продавать своихъ земель, хотя и былъ отданъ приказъ всѣмъ судамъ быстро разсмотрѣть всякаго рода претензіи христіанъ къ евреямъ. Одновременно съ секвестраціей еврейскаго недвижимаго имущества шло взиманіе въ пользу казны со всѣхъ еврейскихъ сдѣлокъ особаго налога въ размѣрѣ, равномъ тѣмъ податямъ, которыя евреи обычно уплачивали казнѣ, такъ что, несмотря на изгнаніе, евреи въ 1492 г. должны были внести причитавшуюся съ нихъ сумму ежегодныхъ налоговъ и податей. Благодаря такому взиманію евреи могли инкассировать гораздо меньше того, что выручали за свое имущество и товары, которые и безъ того не давали имъ много, такъ какъ цѣны на всѣ товары были въ то время крайне низкія вслѣдствіе чрезвычайнаго предложенія со стороны евреевъ, вынужденныхъ распродать все имущество въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Андреасъ Бернальдесъ, священникъ изъ лосъ Паласіосъ, разсказываетъ, что лучшіе еврейскіе дома и прекраснѣйшія имѣнія продавались за безцѣнокъ: «превосходный домъ обмѣнивался на осла; благоустроенный виноградникъ на нѣсколько аршинъ сукна; большая часть домовъ осталась совершенно непроданною» [1]). Все это вносило такое разстройство въ повседневную жизнь, что король вынужденъ былъ 30 мая издать особое распоряженіе, въ силу котораго всякаго рода споры и недоразумѣнія на почвѣ финансово-торговыхъ сдѣлокъ съ евреями должны были быть предъявлены суду въ теченіе 20 дней и разсмотрѣны до средины іюля. Всѣ долги, срокъ которыхъ истекалъ до фактическаго оставленія евреями Испаніи, должны были быть немедленно урегулированы; если у христіанина или мавра имѣлись въ рукахъ долговыя обязательства, выданныя евреемъ, не имѣющимъ наличныхъ средствъ, чтобы уплатить долгъ, то кредиторъ получалъ въ возмѣщеніе своего долга земельный участокъ еврея, равный величинѣ долга, при чемъ стоимость земельнаго участка устанавливалась правительственнымъ чиновникомъ; впрочемъ, кредиторъ, христіанинъ или мавръ, могъ также получить удовлетвореніе и наличными деньгами изъ суммъ, слѣдуемыхъ евреямъ отъ христіанъ. Если же срокъ долговыхъ росписокъ истекалъ послѣ вступленія въ дѣйствіе эдикта объ изгнаніи, то должникъ-еврей долженъ былъ уплатить немедленно своимъ кредиторамъ слѣдуемую имъ сумму или обезпечить платежъ чѣмъ-либо эквивалентнымъ величинѣ долга; наоборотъ, отъ христіанина или мавра еврей не имѣлъ права тре-

¹) «Historia de los Reyes Católicos Don Fernando y Doña Isabel», стр. 341—342.

бовать немедленнаго и досрочнаго уплаты долга; онъ могъ либо оставить въ странѣ довѣренныхъ, которые въ срокъ могли требовать слѣдуемыя еврею деньги, либо продать имѣющіяся у него на рукахъ долговыя обязательства, выданныя христіаниномъ или мавромъ, при чемъ всѣ эти сдѣлки должны были быть закончены къ моменту оставленія евреями Испаніи. Такъ какъ евреи въ огромномъ большинствѣ случаевъ были кредиторами, а не должниками, то легко понять, какія потери должны были они понести при продажѣ имѣвшихся у нихъ отъ христіанъ долговыхъ обязательствъ, и какъ много, съ другой стороны, выиграли отъ этого должники-христіане, либо тѣ посредники, которые скупали у евреевъ по дешевой цѣнѣ христіанскія росписки, а затѣмъ взыскивали по нимъ ихъ полную номинальную стоимость.

И на долю королевской казны не мало при этомъ выпало денегъ. Когда изгнанные евреи прибыли въ портовые города, имъ было объявлено, что съ каждаго отправляющагося по морю еврея взыскивается по два дуката въ пользу короля, и евреи, не имѣющіе права оставаться лишній день въ предѣлахъ Испаніи, вынуждены были внести требуемый налогъ. Всякое опозданіе съ отъѣздомъ и пребываніе въ странѣ сверхъ срока наказывалось конфискаціей имущества въ пользу казны, которая нерѣдко конфискованными у евреевъ землями вознаграждала тѣхъ грандовъ, которые терпѣли убытокъ отъ изгнанія еврeвъ [1]. Кромѣ того, все оставшееся въ Испаніи еврейское имущество пошло въ казну, какъ не принадлежащее будто никакому частному лицу и вслѣдствіе этого переходящее въ собственность государства; между тѣмъ, оставшееся послѣ евреевъ имущество было очень значительно, такъ какъ полная тревоги ближайшая будущность, страшныя опасности, неизбѣжныя при столь необычномъ путешествіи, запрещеніе вывоза денегъ и золота, опасеніе, что невозможно будетъ реализовать полученныя отъ христіанъ долговыя обязательства, смутныя надежды на скорое возвращеніе,—все побуждало евреевъ оставлять у своихъ друзей-христіанъ на храненіе какъ наиболѣе драгоцѣнные предметы, такъ и наиболѣе трудно перевозимые.

Отъ вниманія правительства, разумѣется, это не могло быть долго скрыто, и вскорѣ были назначены особые чиновники, на обязанности которыхъ лежала забота о разысканіи всего спрятаннаго въ предѣлахъ Испаніи еврейскаго имущества и немедленнаго обращенія его въ государственную собственность. Льоренте опубликовалъ одно такое распоряженіе Фердинанда и Изабеллы отъ 12 сентября 1492 г. на имя толедскаго комиссара Родриге дель Меркадо, изъ котораго видно, что король требовалъ принятія строгихъ мѣръ противъ тѣхъ христіанъ, которые, имѣя у себя оставленныя евреями на храненіе вещи, переправляли ихъ теперь за границу, преимущественно — золото, серебро, деньги и иные запрещенные предметы. Какъ показалъ Ли, розыски эти продолжались еще въ 1498 г. и не ограничивались предѣлами одной лишь Испаніи. Подъ предлогомъ того, что евреи вывезли съ собою запрещенныя вещи либо получили ихъ впослѣдствіи отъ своихъ христіанскихъ друзей, хранившихъ ихъ у себя, испанскія власти преслѣдовали евреевъ и въ другихъ странахъ и обратились за помощью въ этомъ отношеніи къ англійскому королю Генриху VII и неаполитанскому Фердинанду I [2]).

Въ королевскую казну достались также синагоги и еврейскія кладбища, которыми король могъ распоряжаться по собственному усмотрѣнію въ виду того, что они не составляли ничьей собственности, такъ какъ алхамы или еврейскія общины должны были прекратить свое существованіе. Этимъ добромъ, повидимому, широко воспользовалась Церковь, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ королевское распоряженіе отъ 23 марта 1494 г., издан-

[1]) «Los Reyes procuraron de este modo indemnizar à los magnates de las perdidas, que la expulsion de los judios les occasionaba», Amador de los Rios, «Historia de los Judíos de España y Portugal», III, 403, примѣч. 1.

[2]) Lea, «History», I, 137.

ное въ Медина дель Кампо и гласившее, что «еврейское кладбище и могилы (honsario y enterramiento de Judíos) города Авилы, какъ принадлежащія намъ и составляющія собственность нашей казны (el qual es nuestro é pertenesçe á nuestra cámara é fisco)», предоставляются въ даръ авильскому монастырю св. Θомы Аквинскаго. Повидимому, во избѣжаніе обращенія синагогъ и еврейскихъ кладбищъ въ церкви и церковно-религіозныя учрежденія евреи охотно стали уступать муниципалитетамъ и частнымъ лицамъ чтимые евреями предметы. Такъ, 27 іюня 1492 г. рабби Моше Балидъ, судья евреевъ Витторіи, Измаилъ Моратанъ, регидоръ и прокурадоръ той же еврейской общины, гаонъ Самуилъ Веніаминъ и другіе уважаемые евреи Витторіи передали на вѣки вѣчныя муниципалитету этого города еврейское кладбище «со всѣмъ принадлежащимъ ему имуществомъ, входами и выходами», извѣстное подъ именемъ Campo de Judizmendi, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы оно никогда не обрабатывалось и служило постоянно лишь пастбищемъ и выгономъ для всеобщаго пользованія. Условіе это, отъ имени города, было принято прокурадоромъ Хуаномъ Мартинесомъ де Олаве, который обѣщалъ и поклялся, что городъ въ точности будетъ его соблюдать [1]). Но даже подобнаго рода пожертвованія, сопровождавшіяся различными условіями со стороны евреевъ, встрѣчали большія затрудненія, такъ какъ Торквемада слѣдилъ за тѣмъ, чтобы евреи не могли совершать никакихъ сдѣлокъ съ христіанами и были вынуждены бросать свое имущество на произволъ судьбы: начиная съ 10 іюля, въ силу особаго распоряженія Тарквемады, христіане не могли имѣть никакихъ сношеній съ евреями и лишены были права оказывать имъ какого бы то ни было рода поддержку. И, разумѣется, легко было подвести подъ это запрещеніе всякую куплю-продажу, состоявшуюся между христіаниномъ и евреемъ, и фактически отнять у евреевъ возможность реализовать свое богатство, чтобы тѣмъ сильнѣе обогатить какъ Церковь, такъ и государство. Одновременно съ этой погоней за чужимъ добромъ шла и прозелитическая дѣятельность Церкви: по приказанію Торквемады, доминиканцы особенно усердно взялись въ послѣдніе мѣсяцы, предшествовавшіе изгнанію евреевъ, за пропаганду среди нихъ христіанскихъ идей, при чемъ старые пріемы агитаціи путемъ публичныхъ дискуссій были оставлены и замѣнены новыми: отнынѣ переходъ въ христіанство долженъ былъ совершаться не въ силу тѣхъ или иныхъ преимуществъ христіанской религіи, а въ видахъ болѣе спокойной жизни, во имя земного благополучія и матеріальнаго обезпеченія. Казалось, что въ эти дни узаконеннаго грабежа, когда подъ различными неблаговидными предлогами монастыри присваивали себѣ чужое, еврейское имущество, католическая Церковь напрягала всѣ силы къ тому, чтобы путемъ призыва къ низменнымъ страстямъ, путемъ предоставленія преміи за измѣну старой религіи и вознагражденія за нравственное паденіе подчеркнуть свое моральное убожество и засвидѣтельствовать предъ міромъ свое цивилизаторское банкротство.

Между тѣмъ, евреи, оправившись нѣсколько отъ ошеломляющаго впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ эдиктомъ 31 марта, стали готовиться въ путь. Толедскій раввинъ Исаакъ Абоабъ, во главѣ тридцатичленной депутаціи, отправился въ Португалію съ цѣлью ходатайствовать предъ королемъ Іоанномъ II о пріютѣ для своихъ соплеменниковъ, изгоняемыхъ изъ сосѣдняго государства. Іоаннъ очень милостиво принялъ депутацію, отвелъ ей на улицѣ S. Miguel въ Опорто 30 домовъ и обѣщалъ, что каждый членъ депутаціи ежегодно будетъ платить городу лишь 50 мараведи, при чемъ городъ возьметъ на себя обязанность вымостить еврейскую улицу, на которой находилась и синагога. Все это свидѣтельствовало о томъ, что Іоаннъ желалъ прійти на помощь испанскимъ евреямъ. И дѣйствительно, на состоявшемся по поводу ходатайства евреевъ засѣданіи грандовъ Португаліи король ясно

[1]) «Acta de cesion del Campo de Judizmendi». Amador. «Historia», III, 312. См. также документы, ibid., 610—613.

„ЕВРЕЙСКІЕ МУЧЕНИКИ“. (М. Зичи).

далъ понять, что за извѣстную сумму, нужную ему для веденія войны въ Африкѣ, онъ готовъ разрѣшить испанскимъ евреямъ въѣздъ въ Португалію. Этимъ рѣшеніемъ короля остались недовольны не только португальскіе гранды, видѣвшіе въ немъ оскорбленіе католицизма, но и мѣстные евреи, испугавшіеся чрезмѣрнаго наплыва въ Португалію своихъ бѣдныхъ и несчастныхъ соплеменниковъ, которые, съ одной стороны, должны были лечь тяжелымъ бременемъ на португальскія еврейскія общины, а съ другой — могли вызвать въ странѣ всеобщій ропотъ вслѣдствіе своего большого количества и побудить правительство, и безъ того враждебно относившееся къ евреямъ, принять противъ нихъ какія-либо репрессивныя мѣры. Подъ вліяніемъ этой агитаціи противъ евреевъ, агитаціи, исходившей какъ отъ христіанскаго, такъ и отъ еврейскаго населенія Португаліи, король не говорилъ болѣе съ еврейской депутаціей о предоставленіи испанскимъ выходцамъ постояннаго пребыванія въ Португаліи, ведя съ ней переговоры лишь о временномъ жительствѣ или даже о проѣздѣ лишь черезъ его страну. Такъ какъ для Іоанна II весь вопросъ заключался лишь въ деньгахъ, то наибольшія выгоды были даны богатымъ: 600 евреевъ перваго ранга получили право постояннаго жительства въ Португаліи за 100 золотыхъ cruzado съ человѣка, т.-е. за 60 тыс. cruzado или около 100 тысячъ рублей. Ремесленники, въ которыхъ маленькое государство Іоанна испытывало такую же нужду, какъ и въ деньгахъ, были также допущены въ качествѣ осѣдлаго элемента, при чемъ съ нихъ взималось лишь по 4 cruzado. Остальная же еврейская масса могла оставаться въ странѣ лишь восемь мѣсяцевъ, при чемъ за право въѣзда съ человѣка взималось по 8 cruzado [1]). Король взялъ на себя, однако, обязанность позаботиться о наймѣ дешевыхъ судовъ для отправки евреевъ изъ Португаліи въ какую-либо другую страну. Не внесшіе въ королевскую казну слѣдуемаго за право въѣзда въ Португалію налога или оставшіеся въ странѣ послѣ указаннаго для отъѣзда срока должны были быть обращены въ рабство. Около 20 тыс. семействъ, т.-е. приблизительно 120 тыс. человѣкъ, переѣхало на этихъ условіяхъ въ Португалію [2]). Для большаго контроля надъ испанскими изгнанниками послѣдніе могли

---

[1]) 8 крузадъ указываетъ Goes въ «Chronica do senhor Rei Dom Manuel»: pagarem por cabeça oito cruzados pagos em quatro pagas. Ту же цифру приводитъ Osorius въ «De Rebus Emanuelis» (octonos aureos singuli regi persoluerunt). Извѣстный астрономъ, бывшій среди изгнанниковъ, переселившихся изъ Испаніи въ Португалію, Авраамъ Закуто, говоритъ въ своей «Книгѣ Генеалогій» (Sefer Iuchasin) также о восьми крузадахъ.—См. Kayserling, «Geschichte der Juden in Portugal», 112—113. Ли («History», I, 137) говоритъ объ 1 крузадѣ; Бернальдесъ пишетъ: «los Judíos que entraron en Portugal dieron al Rey D. Juan à cruzado por cabeza (платили королю Іоанну одну крузаду съ головы), но послѣ того, какъ истекъ срокъ въ шесть мѣсяцевъ, и въ мартѣ 1493 г. евреи стали покидать Португалію, то 600 наиболѣе богатыхъ семействъ продолжали оставаться, платя 100 крузадъ съ семьи; остались также 100 другихъ семействъ, которыя платили восемь крузадъ съ души (e quedaron otras cien casas que dieron à ocho cruzados por cabeza), «Historia de los Reyes», 343.

[2]) Число переселившихъ въ Португалію указывается различно. Такъ, Закуто говоритъ יותר מק״כ אלף נפש (свыше 120 тысячъ душъ). Damião de Goes пишетъ: mais de vinte mil casaes, em que hauia algũs de dez e doze persoas e outros de mais (свыше 20 тыс. семействъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли 10, 12 или еще болѣе членовъ). Самуилъ Ускве говоритъ лишь о 600 семействахъ: a cordandose seiscentas casas com el Rey D. Johao. Авторъ Исторіи Инквизиціи въ Португаліи Herculano, «Da origem e estabelecimento da Inquisição em Portugală», ссылаясь на рукописный матеріалъ, также упоминаетъ лишь о 600 семействахъ. (Не есть ли это тѣ 600 семействъ, которыя, по словамъ Бернальдеса, въ мартѣ 1493 г. оставались еще въ Португаліи, чтобы узнать о судьбѣ тѣхъ, которыя моремъ уже покинули Португалію, когда истекъ срокъ ихъ законнаго пребыванія). А. Бернальдесъ въ «Historia de los Reyes Católicos» говоритъ (стр. 339), что изъ Кастиліи отправились въ Португалію слѣдующія партіи:

изъ Бенавенте	черезъ	Бергансу	— 3.000
» Саморы	»	Миранделью	—30.000
» Сіудадъ-Родриго	»	Вильяръ Формоса	—35.000

вступить въ предѣлы Португаліи лишь черезъ слѣдующіе пять городовъ: Оливенсу (Эльвасъ), Арропчесъ (Маруанъ), Кастель-Родриго (Вильяръ-Формоса), Бергансу (Брагансу) и Мельгасу (Миранделью), гдѣ имъ и разрѣшено было временно проживать. Соотвѣтственно съ этимъ евреи стали собираться въ пяти испанскихъ городахъ, лежавшихъ вблизи указанныхъ имъ португальскихъ поселеній, а именно: въ Бадахосѣ, Валенсіи де Алкантара, Сіудадъ-Родриго, Бенавенте и Саморѣ. Почти вся масса еврейскихъ иммигрантовъ поселилась въ пяти португальскихъ городахъ, такъ какъ пойманнымъ въ другихъ мѣстахъ грозила опасность подъ предлогомъ того, что они уклоняются отъ внесенія слѣдуемыхъ королю восьми крузадъ, сдѣлаться королевской собственностью. Бѣжавшіе въ Португалію испанскіе евреи не составляли, однако, всей массы изгнанниковъ, такъ какъ перспектива временнаго поселенія не могла особенно сильно прельщать евреевъ, и множество испанскихъ изгнанниковъ вынуждено было искать убѣжища внѣ предѣловъ Португаліи. Жившіе на сѣверѣ Испаніи, преимущественно въ Алавѣ, Гипускоа и въ другихъ мѣстахъ Баскійскихъ провинцій, сошлись въ Сантандерѣ, чтобы оттуда по морю отправиться въ далекое путешествіе—частью въ Голландію, частью, обогнувъ Пиренейскій полуостровъ, въ Африку и Италію. Многочисленные евреи изъ Толедо, Мурсіи, Куэнки, Хаэна, Кордовы, Севильи и другихъ городовъ собрались въ Кадиксѣ, Санта-Маріи, Малагѣ и Картагенѣ, чтобы отсюда направиться въ Марокко, Тунисъ, Турцію, либо въ Неаполь, Венецію и Грецію. Арагонскіе евреи, отъ сѣверной Хаки до южнаго Эльче, отъ западной Сарагоссы до восточной Героны, шли въ портовые города: въ Барселону, Таррагону, Тортосу и Валенсію, чтобы отсюда по Средиземному морю соединиться со своими несчастными братьями, изгнанными изъ Кастиліи, и вмѣстѣ направиться въ невѣдомыя и мало гостепріимныя страны Востока. Нѣкоторые арагонскіе евреи, преимущественно изъ Бургоса и Сарагоссы, бѣжали въ Наварру, гдѣ, по словамъ Кайзерлинга, нашли очень непродолжительное пребываніе около 15 тысячъ человѣкъ [1]). Вступили ли эти евреи въ Наварру съ разрѣшенія и съ явно выраженнаго желанія наваррской королевской четы, какъ это утверждаетъ Линдо, или евреи очутились въ Наваррѣ въ качествѣ незванныхъ и непрошенныхъ гостей,—во всякомъ случаѣ, они оставались въ ней очень короткое время, такъ какъ Фердинандъ Католикъ потребовалъ вскорѣ отъ наваррскаго короля Хуана де Лабрита принудить евреевъ либо принять христіанство, либо покинуть Наварру. Въ 1498 г. эдиктъ 1492 года объ изгнаніи евреевъ былъ распространенъ и на послѣднюю.

Тяжело было евреямъ Испаніи покинуть родину, долго бывшую для нихъ матерью, а потомъ ставшую мачехою. Ограбленные, ненавидимые, объявленные врагами религіи и христіанства, мучимые страхомъ за будущее, повергнутые въ ужасъ отъ неимовѣрно тяжкихъ ударовъ, безъ надежды на лучшее будущее, съ грустными и тяжелыми воспоминаніями о минувшемъ, евреи стали готовиться въ послѣднихъ числахъ мѣсяца іюля 1492 г. къ своему невольному и вынужденному путешествію. Какъ обычно въ дни величайшаго испытанія, религіозный подъемъ охватилъ широкія еврейскія массы; мученическая смерть мало кого устрашала; съ негодованіемъ отвергалась мысль объ измѣнѣ старой религіи, и раввины пріобрѣтали необыкновенное вліяніе на народную массу. Покорно, ища утѣшенія

изъ Миранды до (Валенсіи?) Алкантара	черезъ	Маруанъ	—15.000
» Бадахоса	»	Эльвасъ	—10.000
			93.000

Однако, на стр. 347 тотъ же Бернальдесъ говоритъ о 600 семействахъ, вступившихъ въ Португалію.

[1]) «Die Juden in Navarra, den Baskenländern und auf den Balearen», стр. 107—108.— Грецъ («Geschichte der Juden», VIII, стр. 356) говоритъ, что въ Наваррѣ нашли убѣжище около 12 тыс. кастильскихъ евреевъ.

въ горѣ и подкрѣпленія силъ, слушалъ народъ благочестивыя проповѣди своихъ пастырей, и чувство религіознаго экстаза проникалось болѣзненными отзвуками оскорбленнаго патріотизма и поруганной любви къ памяти усопшихъ близкихъ. Задушевныя, тихія молитвы смѣнялись отчаяннымъ плачемъ прощанія съ прошлымъ, слезами орошались родныя мѣста, и рыданіями оглашались кладбища. Съ трудомъ евреи отрывались отъ могильныхъ камней, подъ которыми лежали—отнынѣ въ чужой землѣ—наиболѣе близкіе имъ люди, и маленькими горсточками уносили они съ собою кладбищенскій песокъ, чтобы тамъ, въ невѣдомой еще странѣ, сохранить воспоминаніе о дорогихъ, но недоступныхъ имъ и запретныхъ мѣстахъ. Въ безумномъ предчувствіи, столь мало обманувшемъ ихъ, уничтожали они могилы и кладбища съ тѣмъ, чтобы наиболѣе святыя и дорогія имъ мѣста не служили врагамъ особою приманкою для надруганія, и чтобы отнынѣ ничто не напоминало болѣе Испаніи о безысходномъ горѣ народа-изгнанника. Тѣни великаго прошлаго словно умоляли будущихъ странниковъ, державшихъ уже посохъ, не оставлять ихъ въ чужомъ краю и дать имъ возможность утѣшать своимъ былымъ величіемъ грустное настоящее. Подобно раввинскимъ проповѣдямъ, онѣ носили съ собою измученному народу сладость утѣшенія, но онѣ не вдохновляли его, какъ не могли этого сдѣлать и проповѣди, къ какой-либо активной борьбѣ, къ защитѣ своихъ правъ; онѣ звали лишь къ пассивному героизму, къ мученической смерти.

Евреямъ удалось отсрочить время исхода изъ Испаніи на два дня [1]: вмѣсто 31-го іюля, они покинули страну, въ которой поселились, по словамъ Ли, раньше своихъ притѣснителей, въ день девятаго а б а (2-го августа), въ роковой въ исторіи еврейскаго народа день,—день поста и траура въ память двукратнаго паденія Іерусалима и разрушенія храма [2]. Въ теченіе нѣкотораго времени до злополучнаго дня всѣ дороги въ портовые испанскіе города и въ пограничные португальскіе были запружены тысячами и десятками тысячъ людей; кто могъ держаться на ногахъ, шелъ пѣшкомъ, женщины, старики и дѣти ѣздили либо въ повозкахъ, либо верхомъ на мулахъ и ослахъ. Впереди шли раввины, своимъ молитвеннымъ пѣніемъ ободряя павшихъ духомъ; женщины и дѣти, по приказанію раввиновъ, пѣли пѣсни и били въ барабанъ и цимбалы для того, чтобы разсѣять мрачное настроеніе толпы [3], а кругомъ стоялъ необыкновенный шумъ, въ которомъ крики отчаянія евреевъ сливались съ радостнымъ кличемъ многихъ христіанъ, и громко раздавалось божественное слово служителей католической Церкви, чаявшихъ пожать для нея особенно обильные плоды въ эту минуту тяжкихъ испытаній и безысходнаго горя. Къ твердой вѣрѣ, во имя мукъ и страданій, призывали другъ друга невѣрные евреи,—къ измѣнѣ, во славу благоденствія и счастія, звали ихъ благочестивые представители католицизма, и перекрещивались эти противоположные призывы; съ чувствомъ досады принимали нѣкоторые евреи христіанскую вѣру, но было такихъ крайне мало (pero muy pocos) [4]. Огромная масса изгнанниковъ осталась вѣрна старой религіи и готова была подвергаться за нее всякимъ напастямъ и гоненіямъ. Богатый помогалъ бѣдному, и, по мѣрѣ силъ, каждый облегчалъ другому переносить трудности пути и опасности путешествія [5]. При

---

[1] Грецъ, «Geschichte der Juden», VIII, 349; Ли, «History», I, 138.

[2] Пять бѣдствій обрушились на евреевъ въ девятое Аба: произнесенъ былъ божественный приговоръ надъ выходцами изъ Египта, чтобы они погибли всѣ въ пустынѣ и не вступили въ обѣтованную землю; разрушены были первый и второй храмы; взята была римлянами крѣпость Бетаръ (послѣдняя твердыня Баръ-Кохбы), и вспаханъ былъ, какъ поле, святой градъ. Къ этимъ пяти древнимъ бѣдствіямъ позднѣйшая мартирологія евреевъ прибавила шестое: изгнаніе евреевъ изъ Испаніи. «Евр. Энцикл.», I, 31—32 (ст. Л. Каценельсона «Аба девятое»).

[3] Bernaldes, «Historia de los Reyes Católicos», I, 342.

[4] Idem, op. cit., 342.

[5] L e a, «History», I, 139

отсутствіи точныхъ данныхъ, вопросъ о числѣ евреевъ, вынужденныхъ въ 1492 г. покинуть Испанію, остается до сихъ поръ не выясненнымъ и рѣшается различными историками въ зависимости отъ того, къ кому изъ лѣтописцевъ и современниковъ декрета объ изгнаніи они питаютъ больше всего довѣрія. Извѣстный испанскій историкъ, іезуитъ Хуанъ Маріана (1537—1624), опредѣляетъ число изгнанныхъ евреевъ цифрою 170 тыс. семействъ или 800 тысячъ человѣкъ, эту же цифру приводитъ и наиболѣе рѣшительный противникъ Инквизиціи, Хуанъ-Антоніо Льоренте (1856—1823); Грецъ, лучшій еврейскій историкъ, говоритъ о 300 тыс.; Амадоръ де лосъ Ріосъ и Лафуэнте пишутъ 180 и 105 тысячъ. Выдающій преподаватель въ области еврейской философіи и библіи, Самуилъ Давидъ Луццатто (1800—1865), въ своихъ «Discorsi storico-religiosi agli studenti Israeliti» говоритъ о 500 тыс. Знаменитый авторъ «Anales de Aragón», историкъ Геронимо Сурита (1502—1581), опредѣляетъ число изгнанниковъ въ 400 тысячъ; Альбертино, бывшій въ 1534 году инквизиторомъ въ Валенсіи, ссылается на «Arte cabalistica libri V» (1518) Рейхлина, который говоритъ, что число евреевъ, покинувшихъ въ 1492 г. Испанію, было равно 420 тыс.; Альбертино считаетъ вполнѣ правильной эту цифру и приводитъ ее въ своемъ «De Haereticis». Севильскій, впослѣдствіи сицилійскій, инквизиторъ Людовикъ Парамо въ своей книгѣ «De origine et progressu Officii sanctae Inquisitionis», вышедшей въ Мадридѣ въ 1598 г., говоритъ о 124 тыс. семействъ или 600 тыс. человѣкъ. Еврейскій писатель-апологетъ, Иммануилъ Абоабъ (1555—1628), въ вышедшей въ Амстердамѣ въ 1629 г. книгѣ «Nomologia o Discursos legales compuestos por el virtuoso hakam rabi Imanuel Aboab de buena memoria» выдвигаетъ, подобно опирающемуся на Рейхлина инквизитору Альбетрино, цифру—420 тыс., между тѣмъ какъ другой еврейскій писатель, Гедалья ибнъ Яхья бенъ Іосифъ (1515—1587), въ своемъ извѣстномъ историко-философскомъ сочиненіи «Sefer Schalschelet ha-Kabbalah («Книга цѣпи традиціи») говоритъ о 600 тыс. изгнанниковъ [1]).

Противорѣчивы и цифры, приводимыя современниками событія 1492-го года. Андреасъ Бернальдесъ, бывшій съ 1488-го по 1513-й годъ священникомъ въ г. лосъ Паласіосъ (близъ Севильи) [2]), разсказываетъ, что раввинъ Меиръ писалъ своему тестю главному раввину Аврааму Сеніору, будто король и королева изгнали изъ предѣловъ своихъ государствъ 35 тыс. вассаловъ (vasallos), т.-е. 35 тыс. еврейскихъ семействъ. Бернальдесъ прибавляетъ при этомъ, что изъ 10 или 12 раввиновъ, вернувшихся обратно въ Испанію и имъ крещенныхъ, одинъ, котораго раньше называли Сентольо изъ Виторіи и котораго онъ самъ назвалъ Тристаномъ Богадо, подтвердилъ ему, что въ Кастиліи въ 1492 г. было свыше 30 тыс. еврейскихъ семействъ, въ Арагоніи же шесть тысячъ; во всей Испаніи, было 36 тыс. еврейскихъ семействъ, включая въ это число и жившихъ въ Каталоніи и Валенсіи евреевъ [3]). Другой современникъ этой печальной эпохи, Исаакъ бенъ Іуда Абрабанель, изгнанный вмѣстѣ со своими единовѣрцами, опредѣляетъ число человѣкъ эмигрантовъ въ 300 тыс. [4]),—цифра, какъ мы уже сказали, воспроизведенная историкомъ Генрихомъ Грецомъ въ его 11-ти томной «Geschichte

[1]) Рѣзко отрицательное отношеніе къ книгѣ «Sefer Schalschelet ha Kabbalah», нашедшее отраженіе въ томъ, что извѣстный философъ Іосифъ Соломонъ Дельмедиго назвалъ ее «цѣпью лжи» («Schalschelet ha-Schekarim»), въ настоящее время должно быть оставлено, какъ показалъ Исидоръ Лебъ (см. «Revue des Etudes Juives», XVII, 93—95). См. также «Еврейскую Энциклопедію», s. v. Ибнъ-Яхья, VIII, 8.

[2]) Предисловіе Фернандо де Габріэмъ и Руиса де Аподако къ «Historia de los Reyes Católicos D. Fernando y Doña Isabel» А. Бернальдеса.

[3]) Bernáldez, «Historia», 338.

[4]) Въ «Комментаріи къ Второзаконію» (Mirkebeth ha-Mischnah, Саббіонета, 1551) опредѣленно говорится 300 тысячъ, а въ «Источникахъ избавленія (Ma'yene ha-Jeschuah, Феррара, 1541) указано около 300 сотъ тысячъ. Однако, подъ этимъ числомъ Абрабанель разумѣлъ не

der Juden». Исаакъ ибнъ Фараджи (Faradj), за годъ до изгнанія евреевъ изъ Испаніи переселившійся въ Португалію, пишетъ, что изгнанію подверглось свыше 40 тыс. еврейскихъ семействъ; если мы на каждую семью будемъ считать отъ 4 до 5 членовъ, то общее число изгнанныхъ евреевъ будетъ равно, по Фараджи, 180 тысячамъ [1]). Указанное число не совпадаетъ съ данными другого документа, исходящаго также отъ современника этой эпохи и спеціально интересовавшагося вопросомъ о количествѣ изгнанныхъ евреевъ. Анонимный авторъ изслѣдуемаго документа, которому Ал. Марксъ не безъ основанія придаетъ большое значеніе, пишетъ: «число ушедшихъ не было установлено, но послѣ нѣкоторыхъ разслѣдованій я нашелъ, что большинство опредѣляетъ его въ 50 тыс. семействъ, а другіе въ 53 тыс. Изгнанники владѣли домами, землей, виноградниками, скотомъ; многіе изъ нихъ были ремесленниками» [2]). Если на каждую семью считать отъ 4 до 5 членовъ, то получится, что число изгнанныхъ евреевъ, согласно автору этого документа, было 225—239 тыс. Гораздо большее число указано другимъ современникомъ изгнанія, жившимъ въ Италіи, Давидомъ изъ Модены, ученикомъ Іосифа Колона. Въ приведенномъ Марксомъ въ связи съ этимъ еврейскомъ текстѣ говорится, что количество евреевъ, изгнанныхъ въ 1492 г., достигало 600 тысячъ; правда, Марксъ склоненъ думать, что при перепискѣ оригинала вкралась ошибка, и что слѣдуетъ, вмѣсто 600 тыс., читать—300 тыс. [3]),—однако, предположеніе это ничѣмъ не подтверждается, и до болѣе убѣдительныхъ доводовъ попрежнему остается цифра—600 тысячъ. Наименьшее количество находимъ мы у Авраама Закуто, также изгнаннаго въ 1492 г. изъ Испаніи и назначеннаго тогда же придворнымъ астрономомъ въ Лиссабонѣ. Въ своей исторической книгѣ «Sefer Juchasin» (Книга Генеалогій) Закуто говоритъ, что число евреевъ, покинувшихъ Испанію, было 120 тыс. [4]).

Наиболѣе детальныя свѣдѣнія о числѣ изгнанныхъ даетъ французскій историкъ и раввинъ Исидоръ Лебъ (1839—1892) [5]), который, въ виду крайне противорѣчивыхъ цифръ, даваемыхъ какъ современниками изгнанія, такъ и позднѣйшими историками, пришелъ къ заключенію, что вопросъ объ опредѣленіи количества еврейскихъ эмигрантовъ можетъ быть рѣшенъ лишь въ связи съ установленіемъ еврейскаго населенія Испаніи. Послѣднее же Лебъ опредѣляетъ не на основаніи субъективныхъ заявленій не всегда вполнѣ точныхъ лѣтописцевъ, особенно грѣшащихъ при приведеніи статистическаго матеріала, а на основаніи объективныхъ данныхъ, каковыми онъ считаетъ сохранившіеся реестры налоговъ, вносимыхъ евреями въ королевскую казну. Такихъ реестровъ въ настоящее время имѣется три: отъ 1290-го, 1291-го и 1474-го годовъ, при чемъ первые два являются не столько самостоятельными, сколько дополняютъ другъ друга и указываютъ болѣе или менѣе подробное распредѣленіе еврейскихъ налоговъ между королемъ духовенствомъ, дворянствомъ и вообще тѣми, кто на томъ или иномъ основаніи взималъ

только евреевъ Кастиліи, Арагоніи, Каталоніи и Валенсіи, но и острова Майорки, Сициліи и Сардиніи.—Ср. Грецъ, «Geschichte der Juden», т. VIII, прим. 10, стр. 465.

[1]) Еврейскій текстъ вмѣстѣ съ англійскимъ переводомъ помѣщенъ въ «The Jewish Quarterly Review», 1908 г. (томъ XX). Соотвѣтствующее еврейское мѣсто гласитъ: כיותר מארבאים אלף בתי יהודים -болѣе сорока тысячъ еврейскихъ семействъ.

[2]) Соотвѣтствующій еврейскій текстъ: מנינם לא נספר אמנם מה ששמעתי אחר החקירה שהיו נ' אלפים בעלי בתים וי"א נ"ג אלפים. -числа ихъ я не сосчиталъ, но я слыхалъ послѣ провѣрки слуховъ, что ихъ было 50 тысячъ семействъ; нѣкоторые говорятъ даже, что ихъ было 53 тыс. семействъ,

[3]) Вмѣсто ו'מאות אלף Марксъ предлагаетъ читать ג' מאות אלף, т.-е. разница въ одной буквѣ—не ו (вавъ), а ג (гимель).

[4]) «Sefer Juchasin» трудно назвать историческимъ изслѣдованіемъ. Оно скорѣе не совсѣмъ точный и не полный мартирологъ евреевъ Испаніи и Португаліи. «Лѣтопись Закуто,—говоритъ Грецъ,—была дѣтищемъ старчества и несчастій... Она написана безъ достаточныхъ литературныхъ пособій».

[5]) «Revue des Etudes Juives», XIV, 161 и сл.

съ евреевъ какіе-либо налоги. Путемъ сопоставленій сохранившихся реестровъ съ различными спорадическими данными о количествѣ еврейскаго населенія отдѣльныхъ испанскихъ общинъ, критики вычисленія Греца и указанія на невозможность пользованія реестрами безъ извѣстныхъ оговорокъ, Лебъ приходитъ къ заключенію, что еврейское населеніе Испаніи, т.-е. Кастиліи вмѣстѣ съ Арагоніей, никогда не превышало 200 тысячъ человѣкъ. Свой выводъ Лебъ подкрѣпляетъ и современными статистическими данными, кладя въ основу своихъ разсужденій число евреевъ, живущихъ нынѣ въ Турціи, Алжирѣ, Марокко, Голландіи, Франціи, Англіи и Тунисѣ и ведущихъ свое происхожденіе отъ испанскихъ изгнанниковъ [1]). Нынѣ живущіе въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ евреи, говорящіе по-спаньольски [2]) и принадлежащіе къ сефардимъ, даютъ Ис. Лебу ключъ и къ рѣшенію проблемы о количествѣ изгнанныхъ въ 1492 г. евреевъ. Во всѣхъ его разсужденіяхъ много гипотетическаго: прежде всего, невозможно точно опредѣлить число сефардскихъ евреевъ, живущихъ нынѣ въ различныхъ частяхъ свѣта.

Лебъ указываетъ цифры эмигрировавшихъ въ 1492 г. изъ Испаніи въ различныя другія страны. Цифры эти таковы:

въ Турцію (Европейскую и Азіатскую)	90.000
» Алжиръ	10.000
» Марокко	20.000
» Голландію	25.000
» Францію и Италію	12.000
» Америку	5.000
» Египетъ и Триполи	2.000
» различныя государства	1.000
Итого	165.000

Таково было, согласно Лебу, пользующемуся данными о современномъ количествѣ сефардскихъ евреевъ указанныхъ въ таблицѣ странъ, число испанскихъ эмигрантовъ, разсѣявшихся по другимъ государствамъ. Къ этому числу слѣдуетъ прибавить какъ тѣхъ, которые предпочли крещеніе изгнанію, такъ и тѣхъ, которые погибли во время тяжелаго странствованія изъ Испаніи въ страны діаспоры. По опредѣленію Леба, количество погибшихъ было равно 20 тыс., число же крещенныхъ доходило до 50 тысячъ, что вмѣстѣ составляетъ:

Эмигранты	165.000
Крестившіеся	50.000
Погибшіе въ пути	20.000
Итого	235.000

Въ это число, помимо испанскихъ евреевъ, входятъ: 1) португальскіе, жившіе въ Португаліи до изданія эдикта 1492 г. и составлявшіе приблизительно 10 тыс. человѣкъ; 2) сицилійскіе, число которыхъ было не меньше 20 тысячъ; 3) наваррскіе, майоркскіе и

[1]) Статистическія свѣдѣнія о «сефардимъ» (т.-е. о евреяхъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ испанскихъ изгнанниковъ) страдаютъ большой неопредѣленностью. См. объ этомъ интересныя двѣ книги современнаго испанскаго сенатора, защитника идеи привлеченія евреевъ въ Испанію, доктора Ангело Пулидо Фернандеса (Angel Pulido Fernández, «Españoles sin Patria», Мадридъ, 1905; idem, Los Israelitas españoles»). Тому же вопросу посвящена и книжка Bensasson'a (בן ששון), «España y sus hijos de Oriente», 1905. Большой интересъ въ книгахъ Пулидо представляютъ письма различныхъ евреевъ Балканскихъ государствъ объ ихъ чувствахъ къ Испаніи, старой родинѣ евреевъ. Письма этихъ евреевъ дышатъ удивительной любовью къ изгнавшему ихъ отечеству.

[2]) Восточные евреи говорятъ на испорченномъ испанскомъ языкѣ, извѣстномъ подъ названіемъ ладино, являющемся жаргономъ, jerga.

другіе, общее количество коихъ составляло также около 15 тыс.,—т.-е. къ испанцамъ были Лебомъ въ указанной выше таблицѣ прибавлены три другія категоріи евреевъ, въ общемъ составлявшіе сумму въ 45 тыс. человѣкъ. На долю Испаніи останется, такимъ образомъ, 190 тыс. Такъ какъ, по общепринятому предположенію, въ Кастиліи жило въ пять разъ болѣе евреевъ, нежели въ Арагоніи, то количество евреевъ въ 1492 г. можно считать по отдѣльнымъ испанскимъ государствамъ въ слѣдующемъ видѣ:

Кастилія	160.000
Арагонія	30.000

Но и эти цифры Лебъ склоненъ считать преувеличенными и полагаетъ, что въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ до изгнанія евреевъ изъ Испаніи еврейское населеніе, у котораго при нормальныхъ условіяхъ естественной приростъ за два вѣка былъ бы равенъ 50 тыс., держалось приблизительно указанныхъ имъ цифръ, при чемъ приростъ поглощался кровавыми гоненіями и преслѣдованіями [1]). Грецъ энергично оспаривалъ цифры Леба и защищалъ, опираясь почти на тѣ же данныя, что и Лебъ, старый взглядъ, будто число евреевъ въ Испаніи въ концѣ 13 вѣка, отъ котораго сохранились реестры, легшіе въ основаніе вычисленій, было около 800 тысячъ, а изгнано было въ 1492 г. 300 тыс.; это страшное паденіе еврейскаго населенія Грецъ объясняетъ безпрерывными гоненіями 14-го и 15-го вѣковъ и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ тотъ фактъ, что Толедо, напр., платившее въ 1290 г. налогъ въ размѣрѣ 210 тыс. мараведи, въ 1474 г. платило лишь $3^1/_2$ тыс., и что общая сумма доходовъ 200 общинъ въ 1474 г. была равна 450 тыс. мараведи, въ то время какъ въ 1290 г. она достигала 2800 тысячъ. Къ этимъ даннымъ Греца можно было бы еще прибавить, что община Сіудадъ-Реаль, платившая въ 1290 г. 26476 мараведи, совершенно исчезла въ 1474 г., и что во всей Ла Манчѣ осталась лишь одна община Алмагро, которая, согласно распредѣленію налоговъ, сдѣланному раввиномъ Яковомъ Абеномъ Нуньесомъ, должна была внести въ королевскую казну 800 мараведи. Исчезла также совершенно изъ налоговаго реестра община Монтіэль, платившая въ 1290 г. 1525 мараведи [2]). Особенно рѣзкой критикѣ Грецъ подвергаетъ—и въ данномъ случаѣ нельзя съ нимъ не согласиться—попытку Леба строить свою теорію о количествѣ испанскихъ евреевъ на основаніи статистическихъ данныхъ о евреяхъ, выходцахъ изъ Испаніи, нынѣ живущихъ въ различныхъ странахъ Европы, Азіи и Африки. Вопросъ о количествѣ еврейскаго населенія Испаніи и въ связи съ нимъ о количествѣ эмигрантовъ въ 1492 г. до сихъ поръ остается еще невыясненнымъ; есть, однако, указанія, что болѣе низкое опредѣленіе Леба правильнѣе, чѣмъ болѣе высокое Греца. Такъ, въ одномъ еврейскомъ письмѣ изъ Кастиліи въ Римъ и Ломбардію, написанномъ въ 1487 г. и найденномъ Ал. Марксомъ среди рукописей Jewish Theological Seminary of America, говорится, что въ Кастиліи было 14 тыс. еврейскихъ семействъ, и что король обложилъ, въ виду предстоящей войны противъ Гранады, все еврейское населеніе Кастиліи особымъ налогомъ въ размѣрѣ одного золотого кастильона съ семьи, и налогъ этотъ далъ ему 14 тыс. золотыхъ кастильоновъ [3]). Генри-Чарльсъ Ли, ссылаясь на реестръ 1474 г., говоритъ, что въ Кастиліи въ это время было всего около 12 тыс. семействъ или отъ 50 до 60 тысячъ человѣкъ, жившихъ въ 216 алхамахъ [4]), и потому онъ считаетъ даже цифры раввина Леба преувеличенными.

Каково бы ни было число эмигрантовъ, большинство ихъ въ 1492 г. переселилось

---

[1]) «Revue des Etudes Juives», XIV.

[2]) L. Delgado Merchan, «Historia documentada de Ciudad Real», 2-е изд., 1907, стр. 181—182; см. также Амадоръ де лосъ Ріосъ, «Historia de los Judios de España», III, 170—171.

[3]) «Jewish Quarterly Review», XX.

[4]) Ли, «History», I, 125; Elkan Nathan Adler, «Auto de fé and Jew», 1908.

на временное жительство въ Португалію, король которой Іоаннъ II (João II) готовъ былъ за извѣстное вознагражденіе мириться съ 8-ми или 6-ти мѣсячнымъ пребываніемъ испанскихъ евреевъ на его территоріи. Къ несчастію для евреевъ, ихъ въѣздъ въ Португалію совпалъ съ чумной эпидеміей, развитію которой немало способствовали, безъ сомнѣнія, тѣ убійственныя гигіеническія условія, при которыхъ происходила массовая эмиграція изъ Испаніи. Фанатическая толпа видѣла въ чумѣ Божье наказаніе за допущеніе иностранныхъ евреевъ въ Португалію и требовала принятія мѣръ къ быстрому ихъ удаленію изъ страны [1]). Эмигранты-евреи массами стали убѣгать въ горы и степи, но чернь всячески преслѣдовала ихъ, и евреи сами стали умолять Іоанна II объ отправленіи ихъ, согласно договору, моремъ въ другія государства. Ужасы, пережитые одной изъ первыхъ партій, состоящей изъ 250 человѣкъ [2]) и отплывшей въ началѣ 1493 г. изъ Лиссабона, подробно разсказаны Іудой бенъ Яковомъ Хайатомъ въ предисловіи «Minhat Jehudah» къ каббалистическому произведенію «Maarekel ha-Elahut». Въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ плыли они по морю, не имѣя возможности причалить къ какому-либо берегу, такъ какъ никто не рѣшался впускать въ свою страну зачумленныхъ. Между тѣмъ, на кораблѣ чувствовался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и голодъ сталъ вырывать изъ числа пассажировъ одну жертву за другой; вскорѣ бискайскіе пираты напали на эмигрантское судно, разгромили его и отвезли въ испанскую гавань Малагу. Городскія власти Малаги запретили евреямъ высадиться, они не разрѣшали и плыть далѣе и не давали имъ возможности пріобрѣтать необходимые съѣстные припасы. Отъ вѣрной смерти могъ спасти ихъ лишь переходъ въ христіанство. Сто человѣкъ крестилось, а среди оставшихся въ живыхъ стали свирѣпствовать болѣзни и голодъ въ такой степени, что даже власти Малаги сжалились надъ несчастными изгнанниками и позволили имъ отплыть въ Африку, гдѣ для нихъ начались новыя, но не менѣе грозныя бѣдствія. Участь судна, на которомъ отплылъ Хайатъ, не представляла ничего исключительнаго: такіе же ужасы ждали и другихъ странниковъ, и нельзя безъ содроганія читать даже въ описаніи безпристрастныхъ лѣтописцевъ безконечно тяжелый мартирологъ испанскихъ евреевъ. Такъ, Даміонъ Гоешъ пишетъ въ «Хроникѣ царствованія Мануэля»: «Капитаны и владѣльцы этихъ судовъ, съ цѣлью взять съ нихъ за переѣздъ и перевозку багажа больше денегъ, чѣмъ они были обязаны платить, не говоря уже о скверномъ обхожденіи съ ними, нарочно медлили въ пути, чтобы поставить ихъ въ зависимость отъ себя и продавать имъ мясо, воду и вино по той цѣнѣ, по какой имъ заблагоразсудится, они также оскорбляли ихъ и позорили ихъ женъ и дочерей, поступая такъ, какъ поступаютъ клятвопреступники и гадкіе люди, а отнюдь не какъ христіане». (Os capitaes e mestres destas naos por delles tirarem mais dinheiro emores fretes, do que per suas auenças erão obrigados, alem do mao trato que lhes danão, lhes fazião has derrotas de sua viagem mais longas polos assi auexarem e lhes venderem has viandas, agoa e vinho ao preço que lhes bem parecia, com lhes fazerem outras afrontas em suas pessoas e deshonras a suas molheres e filhas, mais a lei de perjuros e maos homems que de Christãos). Гарсіа де Резенде въ своемъ сочиненіи «Жизнь и добродѣтели... короля Іоанна II», разсказывая подробно о злоключеніяхъ испанскихъ евреевъ, заканчи-

[1]) Въ одной брошюрѣ «Descripção da cidade de Lamego», написанной около 1530 г. и помѣщенной въ Collect. de livros ineditos d. Hist. Portug., V, говорится, что до вступленія евреевъ въ Португалію городъ Ламего рѣдко подвергался эпидеміямъ -но... съ того времени, какъ кастильскіе евреи появились въ Португаліи, тамъ стала свирѣпствовать чума. – Kayserling, «Geschichte der Juden in Portugal», Берлинъ, 1867, стр. 114. О чумѣ 1492 г. въ Португаліи— см. также Авр. Закуто въ «Sefer Juchasin», гдѣ сказано даже, что лишь немногіе евреи спаслись отъ нея; и другіе еврейскіе дѣятели и писатели того времени также говорятъ объ ужасахъ ея. См. Грецъ, «Geschichte», VIII, 372.

[2]) «Jewish Encyclopedia», t. VI, s. v. Hayyat, Judah ben Jacob.

ваетъ описаніе слѣдующими словами: «Никто никогда не слыхалъ и не зналъ такихъ преслѣдованій противъ народа, какъ противъ этихъ несчастныхъ евреевъ, пришедшихъ изъ Кастиліи (Nunca tanta perseguição em lembrança de homems foy vista em nenhuma gente, como nestes tristres Judeus, que de Castella sahirão, se vio)».

Неимовѣрно тяжелыя условія переѣзда заставили многихъ евреевъ просрочить назначенное для оставленія Португаліи время; за это они должны были заплатить особый штрафъ въ размѣрѣ ста крузадъ съ семейства; ремесленники ограничились гораздо менѣе значительнымъ штрафомъ, а тысяча человѣкъ [1]) была обращена въ рабство и распредѣлена между различными дворянскими родами. Но этимъ, однако, не прекратились муки испанскихъ евреевъ, спасшихся въ Португалію. По приказанію Іоанна II, у обращенныхъ въ рабство были отняты дѣти отъ 3 до 10 лѣтъ и отвезены на вновь открытый дикій островъ св. Ѳомы, чтобы тамъ дать имъ христіанское воспитаніе. Горе матерей и отцовъ, насильственно лишенныхъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, было столь велико, что многіе изъ нихъ кончали самоубійствомъ или принимали христіанство, и лѣтописцы разсказываютъ трогательныя исторіи о томъ, какъ матери навѣки прощались съ дѣтьми, и на какія жертвы шли многія изъ несчастныхъ во имя вѣрности религіи. Жестокія мѣры Іоанна II способствовали тому, что число крестившихся въ Португаліи было сравнительно очень значительно и во всякомъ случаѣ во много разъ превышало число крещеній въ Испаніи. Объясняется это, помимо жестокости королевскихъ приказовъ о евреяхъ, и тѣмъ, что въ Португаліи въ то время Инквизиція еще не была введена, и принявшіе христіанство не попадали подъ предлогомъ сочувствія іудаизму или недостаточной преданности новой религіи въ руки инквизиторовъ.

Не многимъ лучше была судьба тѣхъ испанскихъ евреевъ, которые съ самаго начала бѣжали въ Марокко, Алжиръ, Тунисъ и Италію. На морѣ они подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны морскихъ разбойниковъ, которые искали у бѣглецовъ золота и драгоцѣнностей, не останавливаясь предъ тѣмъ, чтобы распаривать несчастнымъ животы въ надеждѣ найти искусно спрятанное золото. На сушѣ, при высадкѣ на какомъ-либо берегу, имъ опять-таки приходилось переживать всевозможнаго рода ужасы. Въ опубликованномъ Ал. Марксомъ еврейскомъ документѣ, написанномъ современникомъ этихъ событій, мы читаемъ: «въ Фецѣ, Тлемсенѣ, Тунисѣ и Триполи евреямъ запрещалось жить, и многіе изъ нихъ умерли отъ голода, жажды и разныхъ болѣзней. Львы и медвѣди, которыхъ было много въ этихъ странахъ, съѣли немалое количество евреевъ. Вице-король Тлемсена, еврей Авраамъ, сжалился надъ евреями и послалъ имъ деньги, на помощь къ нимъ пришли также другіе евреи сѣверной Африки» [2]). Въ столь же мрачныхъ краскахъ описываетъ жизнь испанскихъ евреевъ Соломонъ ибнъ Верга, который былъ отправленъ для выкупа плѣнныхъ евреевъ изъ Малаги. Въ своемъ «Liber Schevet Jehuda» [3]) онъ пишетъ: они ѣли траву и были довольны, когда находили ее, ибо это былъ голодный годъ, и нигдѣ не видно было никакой зелени. Большое число ихъ умерло на полѣ, никто ихъ не хоронилъ, такъ какъ оставшіеся въ живыхъ изъ-за продолжительнаго голода были такъ слабы, что не находили въ себѣ достаточно силъ для этого. Въ субботу евреи откусывали зубами траву [4]), утѣшая себя тѣмъ, что они не рвутъ руками... Однажды одинъ арабъ увидѣлъ среди еврейской толпы красивую дѣвушку, онъ изнасиловалъ ее въ присутствіи ея родныхъ и черезъ часъ вернулся, чтобы кинжаломъ убить ее. Когда араба спросили: «жестокій человѣкъ, зачѣмъ поступаешь ты такъ?»—онъ отвѣтилъ, что не же-

[1]) Lea. «History», I, 140.

[2]) «The Jewish Quarterly Review», XX.

[3]) Цитирую по нѣмецкому переводу М. Винера, вышедшему въ Ганноверѣ въ 1856 г. Это изданіе считается самымъ лучшимъ, оно имѣется и въ Азіатскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

[4]) Евреямъ въ субботу запрещается всякая работа, между прочимъ, и рвать.

лаетъ, чтобы зачатый ребенокъ получилъ впослѣдствіи еврейское воспитаніе. Одна бѣдная женщина, видя, какъ ребенокъ ея изнемогаетъ отъ голода, и не имѣя, чѣмъ накормить его, убила его камнемъ, а затѣмъ била себя до тѣхъ поръ, пока не испустила духъ... Многіе продавали своихъ дѣтей въ рабство за кусокъ хлѣба... Въ Сале (Saleh, близъ Феца) капитанъ корабля, обѣщая накормить дѣтей хлѣбомъ, привлекъ этимъ на судно 150 мальчиковъ, которыхъ потомъ распредѣлилъ между именитыми мусульманами въ качествѣ рабовъ... Въ Генуѣ священники появлялись на городскихъ площадяхъ, держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой—кусокъ хлѣба, и за принятіе христіанства кормили голодныхъ хлѣбомъ [1]).

Мы не станемъ описывать здѣсь дальнѣйшихъ мытарствъ испанскихъ изгнанниковъ,—скажемъ лишь, что очень скоро Испанія стала чувствовать печальныя послѣдствія ухода столь многочисленныхъ полезныхъ гражданъ. Еще до вступленія въ силу декрета объ изгнаніи высшіе сановники Сициліи представили Фердинанду записку, въ которой доказывалось, какой огромный ущербъ государству причинитъ изгнаніе евреевъ, такъ какъ прочее населеніе почти вовсе не занимается ремеслами и искусствами. Магистратъ Палермо послалъ сицилійскому вице-королю заявленіе о грозящемъ королевству, въ особенности столицѣ, разореніи въ случаѣ эмиграціи евреевъ [2]). Испанскіе гранды, недолго послѣ ухода евреевъ, жаловались, что ихъ города и мѣстечки опустѣли и потеряли всякое значеніе; если бы они, говорили гранды, предвидѣли подобные результаты изгнанія евреевъ, то не подчинились бы эдикту 1492 г. и не допустили бы ухода евреевъ изъ государства [3]). Городъ Виторія 29 октября 1492 г. съ печалью констатировалъ, что вслѣдствіе изгнанія евреевъ онъ и его окружности сильно нуждаются нынѣ во врачахъ и хирургахъ и вынуждены платить врачу 10 тыс. мараведи, хотя ранѣе медицинская помощь обходилась городу всего въ 600 мараведи [4]). Особенно сильно пострадала торговля, что дало основаніе Зомбарту даже утверждать, что одной изъ причинъ перенесенія центра экономической энергіи изъ круга южно-европейскихъ націй къ сѣверо-западнымъ европейскимъ народамъ явилось изгнаніе евреевъ изъ Испаніи и Португаліи: «точно солнце, шествуетъ Израиль по Европѣ: куда онъ приходитъ, тамъ пробуждается новая (капиталистическая) жизнь; откуда уходитъ, тамъ увядаетъ все, что до тѣхъ поръ цвѣло» [5]). Но печальныя для Испаніи послѣдствія внезапной потери 150 тыс. человѣкъ пренебрегались Церковью, и папа Александръ VI горячо поздравлялъ Фердинанда за его богоугодное предпріятіе и въ знакъ высшей благодарности наградилъ его титуломъ «Католика». Отнынѣ онъ долженъ былъ называться не просто Фердинандомъ, а Фердинандомъ Католикомъ; эту честь раздѣлила съ нимъ и его супруга—соправительница Изабелла [6]). Впрочемъ, Александръ VI, восхваляя мѣропріятія Фердинанда, повторялъ лишь то, что говорили другіе современники изгнанія. Такъ, генуэзскій лѣтописецъ Сенарега считалъ эту мѣру «украшеніемъ нашей религіи» (decus nostrae religionis), хотя и не отрицалъ, что въ ней былъ «оттѣнокъ жестокости, если принять во вниманіе, что дѣло шло о людяхъ, Божьихъ созданіяхъ» (aliquantulum in se crudelitatis continere, si eos... homines a Deo creatos consideravimus) [7]).

1) Ibn Verga, op. cit., стр. 186—197.

2) «Еврейская Энцикл.», XIV, s. v. «Сицилія» (ст. Умб. Кассуто).

3) Imanuel Aboab, «Nomologia», стр. 295; Грецъ, «Geschichte», VIII, 350—351.

4) Amador de los Rios, «Historia», III, 410—411.

5) Вернеръ Зомбартъ, «Евреи и хозяйственная жизнь» (перев. съ нѣмецк.), СПБ., 1912, стр. 10—12.

6) Theophile Malvezin, «Histoire des Juifs à Bordeaux», Бордо, 1875, стр. 71.

7) «De rebus genuensibus», у Прескотта, «Ferdinand und Isabella die Catholischen», (перев. съ англійск.), Лейпцигъ. 1842, I, стр. 531.

Приведемъ текстъ декрета объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи [1]).

Edicto general de Expulsión de los Judíos de Aragón y Castilla.

Don fernando é doña ysabel, por la graçia de dios Rey é Reyna de castilla, de león, de aragón, de seçilia, de granada, de toledo, de velençia, de galizia, de mallorcas, de sevilla, de çerdeña, de córdova, de córcega, de murçia, de jahén, del algarbe, de algesira, de gibraltar é de las yslas de Canaria, conde é condesa de barçelona, é Señores de viscaya é de molina, duques de atenas é de neopatria, condes de Rosillón é de çerdania, marqueses de oristán é de goçiano, al principe don Juan nuestro muy caro é muy amado hijo, é á los ynfantes, prelados, duques, marqueses, condes, maestres de las hórdenes, priores, Ricos omes, comendadores, alcaydes de los castillos é casas fuertes de los nuestros Reynos é Señoríos, é á los conçejos, corregidores, alcaldes, alguaçiles, merinos, cavalleros, escuderos, ofiçiales, é omes buenos de la muy noble é leal çibdad de ávila é de las otras çibdades é villas é lugares de su obispado, é de los otros arçobispados é obispados é dióc[esis] de los dichos nuestros Reynos é señoríos, e á las Aljamas de los judíos de la dicha çibdad de ávila, é de todas las dichas çibdades é villas é lugares de su obispado é de todas las otras çibdades é villas é lugares de los dichos nuestros Reynos é señoríos, é á todos los Judíos é personas singulares dellos así varones commo mugeres de qualquier hedad que sean, é á todas las otras personas de qualquier estado, dignidad, preminençia, condición que sean á quien lo de yuso, en esta nuestra Carta contenido atañe, ó atañer puede en qualquier manera, salud é gracia.

Sabedes ó devedes saber que, porque nos fuemmos ynformados que en estos nuestros Reynos avia algunos malos christianos, que judaysavan é apostatavan de nuestra Santa fe católica, de lo cual era mucha cabsa la communicaçión de los Judíos con christianos, en las cortes que hesimos en la çibdad de toledo el año pasado de mill é quatroçientos é ochenta años mandamos apartar á los dichos Judíos en todas las çibdades, villas é lugares de los nuestros Reynos é señoríos, é dalles juderías é lugares apartados, donde biviesien, esperando que con su apartamiento se remediaría; é otrosí ovimos procurado é dado horden commo se hiziese ynquisición en los dichos nuestros Reynos é Señoríos; la qual, commo sabeys, ha más de dose años que se ha fecho é fase, é por ella han fallado muchos culpantes, segund es notorio, é segund somos ynformados de los ynquisidores, é de otras muchas personas Religiosas é eclesiásticas é seglares; consta é paresçe el grand daño que á los christianos se ha seguido y sigue de la partiçipaçión, conversaçión, comunicaçión que han tenido é tienen con los judíos; los quales se pruevan que procuran sienpre, por quantas vias é maneras pueden, de subertir é subtraer de nuestra Santa fe católica á los fieles christianos, é los apartar della, é atraer é pervertir á su dañada creençia é opinión, ynstruyéndolos en las çeremonias é observançias de su ley, hasiendo ayuntamientos donde les leen é enseñan lo que han de creer é guardar segund su ley, procurando de çircunçidar á ellos é á sus fijos, dándoles libros por donde rezasen sus oraçiones, é declarándoles los ayunos que han de ayunar, é justándose con ellos á leer é enseñarles las estorias de su ley, notificándoles las pascuas antes que vengan, avisándoles de lo que en ellas han de guardar é haser, dándoles é levándoles de su casa el pan çençeño é carnes muertas con çerimonias, instruyéndoles de las cosas de que se han de apartar, así en los comeres commo en las otras cosas por observançia de su ley, é persuadiéndoles en quanto pueden á que tengan é guarden la ley de moysén, haziéndoles entender que non ay otra ley nin verdad, salvo aquella; lo qual consta por muchos dichos é confisiones, así

[1]) Придерживаемся опубликованнаго Фиделемъ Фитой текста въ «Boletin de la Real Academia de la Historia» t. XI, на основаніи хранящагося въ мадридскомъ архивѣ оригинала; онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отличается отъ опубликованнаго Амадоръ-де-лосъ-Ріосомъ текста въ его «Historia», III, 603—607 (документъ № 4).

de los mismos judíos, commo de los que fueron pervertidos y engañados por ellos; lo qual ha redundado en gran daño é detrimento é obprobio de nuestra sancta fe católica. Y commo quier que de mucha parte desto fuemmos ynformados antes de agora, y conoçimos quel Remedio verdadero de todos estos daños é yncovenientes estava en apartar del todo la comunicaçión de los dichos judíos con los christianos é echarlos de todos nuestros Reynos, quesímonos contentar con mandarlos salir de todas las çibdades é villas é lugares del andaluzía, donde paresçía que avían fecho mayor daño, creyendo que aquello bastaria para que los de las otras çibdades é villas é lugares de los nuestros Reynos é Señoríos çesasen de hazer é cometer lo susodicho; é porque somos ynformados que aquello, nin las justiçias que se han fecho en algunos de los dichos judíos, que se han hallado muy culpantes en los dichos crimines é delitos contra nuestra Santa fe católica, non basta para entero remedio; para obviar é remediar comme çese tan grand obprobio é ofensa de la fe y Religión christiana, porque cada dia se halla é paresçe que los dichos judíos creçen en continuar su malo é dañado propósito, á donde biven é conversan; y porque non haya lugar de más ofender á nuestra Santa fe, así en los que hasta aquí dios ha querido guardar commo en los que cayeron se enmendaron é reduzieron á la santa madre yglesia, lo qual segund la flaqueza de nuestra humanidad é abstucia é subgestión diabólica, que contino nos guerrea, ligeramente podria acaescer si la cabsa prinçipal desto non se quita, que es echar los dichos judíos de nuestros Reynos; porque cuando algund grave é detestable crimen es cometido por algunos de algund colegio é universidad, es razón que el tal colegio é universidad sean disolvidos é anichilados, é los menores por los mayores é los unos por los otros pugnidos, é que aquellos que pervierten el buen é honesto bevir de las çibdades é villas, é por contagio que puede dañar á los otros, sean espelidos de los pueblos, é aun por otras más leves cabsas que sean en daño de la República? quánto más por el mayor de los crímines é más peligroso é contagioso, commo lo es este?

Por ende, nos con consejo y paresçer de algunos perlados é grandes é cavalleros de nuestros Reynos, é de otras personas de çiençia é conçiençia de nuestro consejo, aviendo avido sobre ello mucha deliberaçión, acordamos de mandar salir todos los dichos judíos é judías de nuestros Reynos, é que jamás tornen nin buelvan á ellos, ni á algunos dellos; y sobre ello mandamos dar esta nuestra carta, por la qual mandamos á todos los judíos é judías de qualquier hedad que sean, que biven é moran é están en los dichos nuestros Reynos é señoríos, así los naturales dellos, commo los non naturales que en qualquier manera por qualquier cabsa ayan venido ó estén ed ellos, que fasta en fin del mes de Jullio primero que viene deste presente año salgan de todos los dichos nuestros Reynos é Señoríos con sus fijos é fijas é criados é criadas é familiares judíos, así grandes commo pequeños, de qualquier edad que sean; é non sean osados de tornar á ellos ni estar en ellos ni en parte alguna dellos de bivienda, ni de paso, ni en otra manera alguna; so pena que, si lo non fisieren é cumplieren así, é fueren hallados vesinar en los dichos nuestros Reynos é señoríos ó venir á ellos en qualquier manera, incurran en pena de muerte é confiscaçión de todos sus bienes para la nuestra cámara é fisco; en las quales penas incurran por ese mismo fecho é derecho sin otro proçeso, sentençia, ni declaraçión. É mandamos é defendemos, que ningunas nin algunas personas de los dichos nuestros Reynos, de qualquier estado, condiçión, dignidad que sean, non sean osados de reçebir, reçebtar, ni recojer, ni defender, nin aver pública nin secretamente judío nin judía, pasado el dicho término de fin de Jullio en adelante para siempre jamás en en sus tierras, ni en sus casas, ni en otra parte alguna de los dichos nuestros Reynos é Señoríos, so pena de perdimiento de todos sus bienes vasallos é fortalesas é otros heredamientos; é otrosi de perder qualesquier merçedes, que de nos tengan, para la nuestra cámara é fisco.

É por que los dichos judíos é judías puedan durante el dicho tiempo fasta en fin del dicho mes de Jullio mejor disponer de si é de sus bienes e hasienda, por la presente los tomamos é reçebimos so nuestro seguro é anparo é defendimiento Real, é los aseguramos á ellos é á sus bienes para que durante el dicho tiempo para el día final del dicho mes de Jullio puedan andar é estar seguros, é puedan entrar, é vender, é trocar, é enagenar todos sus bienes muebles é rayses, é disponer dellos libremente á su voluntad, é que durante el dicho tiempo non les sea fecho mal ni daño ni desaguisado alguno en sus personas, ni en sus bienes, contra justiçia so las penas en que caben é yncurren los que quebrantan nuestro Seguro Real. É asimismo damos liçençia é facultad á los dichos judíos é judías que puedan sacar fuera de todos los dichos nuestros Reynos é señoríos sus bienes é hasienda por mar é por tierra; con tanto que non saquen oro, ni plata, ni moneda amonedada, ni las otras cosas vedadas por las leyes de nuestros Reynos, salvo en mercaderias, é que non sean cosas vedadas ó en canbios.

É otrosí mandamos á todos los conçejos, justicias, Regidores, cavalleros, escuderos, ofiçiales é omes buenos de la dicha çibdad de ávila é de las otras çibdades é villas é lugares de los nuestros Reynos é señoríos, é á todos nuestros vasallos súbditos é naturales, que guarden é cumplan, é fagan guardar é cumplir esta nuestra carta é todo lo que en ella contenido, é den é fagan dar todo el favor é ayuda que para ello fuere menester, so pena de la nuestra merçed, é confiscaçión de todos sus bienes é oficios para la nuestra cámara é fisco.

É por que esto pueda venir á notiçia de todos e ninguno pueda pretender ynorançia, mandamos que esta nuestra carta sea apregonada por las plaças é lugares acostumbrados desa dicha çibdad é de las prinçipales çibdades é villas é lugares de su obispado, por pregonero é ante escrivano público. É los unos nin los otros non fagades nin fagan ende al por alguna [manera], so pena de la nuestra merçed é de privaçión de los ofiçios é confiscaçión de los bienes á cada uno de los que lo contrario fisieren. É demás mandamos al ome, que les esta nuestra carta mostrare, que les enplase que parescan ante nos en la nuestra corte, do quier que nos seamos, del día que los enplasare fasta quinse días primeros siguientes so la dicha pena, con la qual mandamos á qualquier escrivano público, que para esto fuere llamado, que dé ende al que se la mostrare testimonio sygnado con su sygno, por que nos sepamos commo se cumple nuestro mandado.

Dada en la nuestra çibdad de granada, á xxxi días del mes de março año del Naçimiento de nuestro Señor ihesu christo de mill é quatroçientos é noventa é dos años.

Yo el Rey.— Yo la Reyna.

Yo Johán de Coloma, Secretario del Rey é de la Reyna nuestros señores, la fize screvir por su mandado.

Эдиктъ объ изгнаніи евреевъ изъ Арагоніи и Кастиліи.

Донъ Фернандо и донья Изабелла, милостію Божіей король и королева Кастиліи, Леона, Арагона, Сициліи, Гранады, Толедо, Валенсіи, Галисіи, Майорки, Севильи, Сардиніи, Кордовы, Корсеги, Мурсіи, Хаэна, Алгарве, Алхесираса, Гибралтара и Канарскихъ острововъ, графъ и графиня барселонскіе, господа бискайскіе и молинскіе, герцоги аѳинскіе и неопатрійскіе, графы росильонскіе и серданскіе, маркизыористанскіе и госіанскіе, принцу дону Хуану, нашему дорогому и любезному сыну, и инфантамъ, прелатамъ, герцогамъ, маркизамъ, магистрамъ орденовъ, пріорамъ, знатнымъ людямъ, командорамъ, алкаидамъ замковъ и крѣпостей въ нашихъ королевствахъ и владѣніяхъ, и совѣтамъ, корегидорамъ, алкаидамъ, алгуасиламъ, судьямъ, кавалерамъ, оруженосцамъ, служащимъ и добрымъ людямъ славнаго и честнаго города Авила и другихъ городовъ и мѣстечекъ этой епархіи, и другихъ архіепархій и епархій въ нашихъ вышеназванныхъ королевствахъ и владѣніяхъ, и алхамамъ евреевъ въ вышеназванномъ городѣ Авила, во всѣхъ вышеназванныхъ городахъ и мѣстечкахъ этой епархіи и во всѣхъ другихъ городахъ и мѣстечкахъ въ вышеназванныхъ нашихъ королевствахъ и владѣніяхъ, и всѣмъ евреямъ и отдѣльнымъ изъ нихъ лицамъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, какого бы они ни были возраста, и всѣмъ прочимъ лицамъ всякаго положенія, достоинства и состоянія, которыхъ касается или можетъ касаться эта грамата какимъ-либо образомъ, шлемъ привѣтъ и милость.

Вы знаете или должны знать, что вслѣдствіе дошедшихъ до насъ свѣдѣній, что въ нашихъ королевствахъ есть дурные христіане, которые еврействуютъ и отступаютъ отъ нашей святой католической вѣры, что обусловливается въ сильной степени общеніемъ евреевъ съ христіанами, мы приказали на кортесахъ, собравшихся по нашему повелѣнію въ городѣ Толедо въ тысяча четыре ста восьмидесятомъ году, отдѣлить вышеназванныхъ евреевъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ въ нашихъ королевствахъ и владѣніяхъ и отвести имъ отдѣльныя мѣста для жительства въ надеждѣ, что удаленіе ихъ исправитъ зло; а также мы позаботились и отдали распоряженіе о томъ, чтобы въ нашихъ королевствахъ и владѣніяхъ была учреждена Инквизиція; эта послѣдняя, какъ вамъ извѣстно, уже больше двѣнадцати лѣтъ существовала и существуетъ, и черезъ нее прошло много виновныхъ, какъ извѣстно, и какъ намъ было сообщено инквизиторами и многими другими лицами духовными и свѣтскими; и ясно виденъ огромный вредъ, причиненный и причиняемый христіанамъ въ прежнее и теперешнее время общеніемъ и разговорами съ евреями, которые стремятся всегда, какими могутъ путями и способами, от-

влечь и отвратить правовѣрныхъ христіанъ отъ нашей святой католической вѣры, и совратить ихъ и привлечь къ своей проклятой вѣрѣ, научая ихъ церемоніямъ и обрядамъ своего закона, собираясь на собранія, гдѣ христіанамъ читаютъ и гдѣ ихъ учатъ, чему они должны вѣрить и что должны соблюдать соотвѣтственно ихъ закону, стараясь обольстить ихъ и ихъ дѣтей, давая имъ книги для чтенія молитвъ, сообщая имъ, какіе посты они должны соблюдать, и собираясь съ ними, чтобы читать и учить ихъ своему закону, сообщая имъ впередъ о времени Пасхи, научая ихъ тому, что надо соблюдать и дѣлать въ это время, давая имъ и принося имъ изъ своего дома прѣсный хлѣбъ и мясо животныхъ, убитыхъ съ церемоніями, научая ихъ, чего имъ избѣгать какъ въ ѣдѣ, такъ и въ отношеніи другихъ вещей, ради соблюденія ихъ закона, и убѣждая ихъ слѣдовать и исполнять, поелику возможно, законъ Моисея, давая имъ понять, что нѣтъ иного закона; сіе подтверждается многими словами и признаніями какъ самихъ евреевъ, такъ и людей, совращенныхъ и обманутыхъ ими; а это послужило къ великому вреду, подрыву и оскорбленію нашей святой католической вѣры. И въ виду того, что мы были оповѣщены объ этомъ еще прежде со многихъ сторонъ и знаемъ, что истинное средство ото всѣхъ этихъ бѣдъ и неурядицъ состоитъ въ томъ, чтобы совсѣмъ прекратить общеніе вышеназванныхъ евреевъ съ христіанами и изгнать ихъ изъ нашихъ королевствъ, мы пожелали ограничиться тѣмъ, чтобы приказать имъ удалиться изо всѣхъ городовъ и мѣстечекъ Андалузіи, гдѣ они, повидимому, причиняли больше всего вреда, полагая, что этого достаточно для того, чтобы евреи другихъ городовъ и мѣстечекъ нашихъ королевствъ и владѣній перестали дѣлать и совершать вышесказанное. И въ виду полученныхъ свѣдѣній, что ни это, ни справедливый судъ, совершенный по отношенію къ нѣкоторымъ изъ вышеназванныхъ евреевъ, оказавшихся очень виноватыми въ вышеназванныхъ преступленіяхъ противъ нашей святой католической вѣры, не могутъ служить достаточнымъ средствомъ, и для того, чтобы найти средство прекратить такое великое оскорбленіе христіанской вѣры и религіи, такъ какъ евреи продолжаютъ, повидимому, преслѣдовать свои дурныя и вредныя намѣренія всюду, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ, и такъ какъ нельзя допустить дальнѣйшаго оскорбленія нашей святой вѣры какъ въ отношеніи тѣхъ, кого Господь сохранилъ невредимыми, такъ и въ отношеніи тѣхъ, которые пали, раскаялись и вернулись къ святой Матери-Церкви, и это по слабости человѣческой и вѣчной хитрости и внушенію діавольскому легко можетъ продолжаться, если главная причина не будетъ устранена, то мы рѣшили изгнать вышеназванныхъ евреевъ изъ нашихъ королевствъ; потому что, когда совершается какое-нибудь тяжелое и гнусное преступленіе кѣмъ-нибудь въ коллегіи или университетѣ, то это ведетъ къ тому, что подобная коллегія или университетъ распускаются и уничтожаются, и младшіе наказываются старшими, и одни другими, а тѣ, которые совращаютъ хорошихъ и честныхъ жителей городовъ и мѣстечекъ и могутъ принести другимъ вредъ, какъ зараза, изгоняются изъ этихъ мѣстъ и даже по менѣе важнымъ причинамъ, приносящимъ вредъ государству. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ сдѣлать это за величайшее и самое опасное и заразительное изъ преступленій, какъ это.

Посему, по совѣту и мнѣнію нѣкоторыхъ прелатовъ, грандовъ, кавалеровъ нашихъ королевствъ и другихъ ученыхъ и добросовѣстныхъ людей въ нашемъ совѣтѣ, обдумавъ это дѣло подробно, мы рѣшили повелѣть всѣмъ евреямъ и еврейкамъ покинуть наше королевство, чтобы они никогда не возвращались въ него. И объ этомъ мы рѣшили издать нашу грамату, симъ повелѣвая всѣмъ евреямъ и еврейкамъ, какого бы они ни были возраста, которые живутъ и проживаютъ въ нашихъ королевствахъ и владѣніяхъ, какъ мѣстнымъ уроженцамъ, такъ и немѣстнымъ, пріѣхавшимъ сюда или живущимъ здѣсь по той или иной причинѣ, чтобы не позже конца іюля сего года они удалились изъ нашихъ королевствъ и владѣній со своими сыновьями и дочерьми, прислугою и домочадцами-евреями, какъ большими, такъ и малыми, какого бы они ни были возраста; и чтобы не смѣли возвращаться сюда и пребывать здѣсь и ни въ какой части королевствъ и владѣній ни для жительства, ни для проѣзда, ни для чего иного, и это подъ страхомъ, что, если они не исполнятъ этого повелѣнія и будутъ обнаружены живущими въ нашихъ королевствахъ или владѣніяхъ, или явятся сюда какимъ-либо образомъ, то подвергаются смертной казни и конфискаціи всего своего имущества въ пользу нашей казны; и симъ взысканіямъ они будутъ подвергаться за свое дѣяніе безо всякаго процесса, приговора или привлеченія къ суду. И мы приказываемъ и требуемъ, чтобы ни одинъ человѣкъ въ нашемъ королевствѣ, каковы бы ни были его положеніе, состояніе и званіе, не смѣлъ принимать, скрывать и защищать или держать у себя открыто или тайно еврея или еврейку послѣ конца іюля и впредь навсегда на своихъ земляхъ, или въ своихъ домахъ, или еще гдѣ-либо въ нашихъ королевствахъ или владѣніяхъ, подъ страхомъ потери всего своего феодальнаго имущества и крѣпостей и другихъ благъ, а также утраты всякихъ милостей, полученныхъ отъ насъ, въ пользу нашей

казны. И чтобы вышеназванные евреи и еврейки могли въ теченіе указаннаго времени до конца іюля лучше располагать собою и своимъ имуществомъ, мы принимаемъ и беремъ ихъ настоящею граматою подъ свое королевское покровительство и защиту и обезпечиваемъ имъ неприкосновенность и ихъ имуществу полную сохранность, чтобы они могли, до конца іюля, быть спокойными и могли ходить, продавать, мѣнять и отчуждать все свое имущество движимое и недвижимое и располагать имъ свободно по своему желанію, и чтобы въ означенное время имъ не было причинено никакого вреда, или зла, или оскорбленія личнаго, или нарушенія правъ собственности; и виновные въ нарушеніи сего предписанія будутъ подвергнуты наказанію наравнѣ съ тѣми, которые нарушаютъ наши королевскія граматы. И одновременно мы даемъ разрѣшеніе и возможность вышеназваннымъ евреямъ и еврейкамъ увозить изо всѣхъ нашихъ королевствъ и владѣній свое имущество морскимъ и сухимъ путемъ, подъ условіемъ только, чтобы они не увозили ни золота, ни серебра, ни денегъ въ монетахъ, ни другихъ вещей, запрещенныхъ законами нашихъ королевствъ, а только товары и незапрещенныя вещи.

Также повелѣваемъ всѣмъ совѣтамъ, юридическимъ учрежденіямъ, правителямъ, кавалерамъ, оружоносцамъ, чиновникамъ и добрымъ людямъ вышеназваннаго города Авила и другихъ городовъ и мѣстечекъ нашихъ королевствъ и владѣній и всѣмъ нашимъ вассаламъ и подданнымъ, чтобы они соблюдали и исполняли и заставляли соблюдать и исполнять сію грамату и все, что въ ней содержится, и дѣлали все, что необходимо для исполненія ея, подъ страхомъ утраты нашей милости, конфискаціи всего имущества и потери службы въ пользу нашей казны.

И чтобы сіе стало извѣстно всѣмъ, и никто не смѣлъ отговариваться незнаніемъ сего, мы приказываемъ, чтобы сія грамата была прочитана обычнымъ образомъ на площадяхъ и улицахъ сего города и главныхъ городовъ и мѣстечекъ этой епархіи особымъ оффиціальнымъ лицомъ въ присутствіи публичнаго нотаріуса. И ни тѣ, ни другіе не должны мѣшать исполненію граматы подъ страхомъ потери нашей милости, лишенія мѣста и конфискаціи имущества для каждаго человѣка, который сдѣлаетъ такъ. И кромѣ того, повелѣваемъ человѣку, который будетъ показывать имъ эту грамату, сообщить имъ, чтобы явились къ нашему двору, гдѣ бы мы ни находились, въ пятнадцатидневный срокъ послѣ показанія имъ граматы подъ страхомъ вышеупомянутаго наказанія, и при семъ повелѣваемъ публичнымъ нотаріусамъ, которые будутъ призваны для сего, чтобы они приложили свою печать въ знакъ свидѣтельства, чтобы мы знали, какъ исполняется наше повелѣніе.

Дано въ нашемъ городѣ Гранадѣ 31-го дня марта мѣсяца въ годъ отъ рожденія Господа нашего Іисуса Христа тысяча четыреста девяносто второй.

Я, король.—Я, королева.

Я. Хуанъ де Колома, секретарь Короля и Королевы, нашихъ господъ, повелѣлъ написать сіе, по ихъ приказанію.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Мавры и мориски.

2-го января 1492 г. пала Гранада, и вступилъ въ силу капитуляціонный актъ 25 ноября 1491 г. Въ немъ отъ имени Фердинанда и Изабеллы, а также отъ инфанта Хуана и всѣхъ будущихъ королей Испаніи, торжественно объявлялось, что мавры отнынѣ будутъ находиться подъ королевской защитой, что они имѣютъ право наслѣдственно и вѣчно владѣть землей, будутъ защищаемы отъ всякихъ преслѣдованій и почитаемы и уважаемы какъ вассалы и подданные короля; никто не будетъ нарушать ихъ обычаевъ и заставлять ихъ носить не ту одежду, какую они привыкли носить; желающіе отправиться въ мусульманскія страны могутъ свободно продать свое имущество или оставить въ Гранадѣ своихъ агентовъ, при чемъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ послѣ капитуляціи уѣзжающіе отправляются на счетъ короля, а по истеченіи этого времени на свои средства. Мавры ни въ какомъ случаѣ не будутъ принуждаться носить особые отличительные или позорные знаки на одеждѣ, и евреи не будутъ имѣть надъ ними никакой власти, въ частности не

будутъ сборщиками податей. Мечети не будутъ разрушены, и христіанамъ будетъ запрещенъ доступъ въ нихъ, судьи-мавры, согласно арабскому кодексу (zunna), будутъ разсматривать дѣла, гдѣ обѣ стороны являются маврами: въ случаѣ спора между мавромъ и христіаниномъ судъ будетъ имѣть смѣшанный характеръ и состоять изъ арабскаго кади и христіанскаго алкада. Мавры-рабы, скрывавшіеся отъ своихъ христіанскихъ владѣльцевъ въ Гранадѣ, не будутъ имъ выданы; бѣжавшіе въ мусульманскія государства мавры, если они вернутся въ теченіе трехъ лѣтъ, будутъ пользоваться всѣми привилегіями, даваемыми настоящей хартіей. Новые налоги, во всей совокупности, не будутъ превышать старыхъ; мавры имѣютъ право вести торговлю съ мусульманскими государствами и всѣми городами Кастиліи и Андалузіи, при чемъ имъ не придется платить болѣе высокіе налоги, чѣмъ христіанамъ. Христіане, принявшіе магометанство, не будутъ подвергаться никакимъ преслѣдованіямъ, а христіанки, вышедшія замужъ за мавровъ, могутъ по собственному усмотрѣнію выбирать религію. Плѣнные христіане освобождаются безъ выкупа; точно такъ же освобождаются въ Кастиліи и Андалузіи плѣнные арабы. Всѣ пожертвованія въ пользу мечетей, школъ и благотворительныхъ учрежденій попрежнему будутъ поступать въ руки алфаки; губернаторы и магистраты, назначаемые новыми монархами, будутъ относиться къ маврамъ доброжелательно и любезно, въ противномъ случаѣ они будутъ строго наказаны. Эти обѣщанія показались, однако, капитулировавшимъ маврамъ Гранады недостаточными, и 29 ноября 1491 г. Фердинандъ и Изабелла именемъ Бога поклялись, что маврамъ будетъ предоставлена полная свобода въ выборѣ занятій и въ передвиженіи по всему королевству, а религіозные обычаи и мечети будутъ охраняться попрежнему, при чемъ еще разъ подтверждалось, что желающіе продать свои земли и отправиться въ Африку не будутъ встрѣчать никакихъ препятствій со стороны власти [1]).

На первыхъ порахъ казалось, что Фердинандъ и Изабелла рѣшили отнестись съ должной серьезностью къ подписанной ими граматѣ, и назначеніе на постъ гранадскаго генералъ-губернатора графа Тендильи, впослѣдствіи получившаго титулъ маркиза Мондехара, свидѣтельство о добрыхъ намѣреніяхъ царственной четы: Тендилья перевезъ на государственный счетъ въ Африку значительное число мавровъ, въ особенности изъ высшаго общества (тогда, между прочимъ, покинули Пиренейскій полуостровъ представители знатнаго рода Абенсераги), и всегда старался управлять страною въ духѣ справедливости и безпристрастія, встрѣтивъ въ лицѣ новаго архіепископа Гранады, Фернандо Талаверы, достойнаго сотрудника, дѣйствовавшаго въ качествѣ миссіонера словомъ любви и ласки [2]). Вскорѣ Талаверѣ этимъ путемъ удалось обратить въ христіанство большое число гранадскихъ мавровъ и пріобрѣсти любовь покореннаго населенія, такъ что къ концу XV-го вѣка можно было констатировать во многихъ мѣстахъ тенденцію къ массовому переходу мавровъ въ христіанскую вѣру [3]). Самъ Талавера научился арабскому языку и часто вступалъ въ научно-религіозные диспуты съ алфаки, нерѣдко побѣждаемыми имъ и принимавшими вслѣдствіе этого христіанство, что, разумѣется, въ сильной степени способствовало поднятію авторитета христіанской религіи въ Гранадѣ. Отличаясь, помимо благочестія, большимъ безкорыстіемъ и любовью къ страждущимъ, Талавера собственнымъ примѣромъ училъ, что религія любви и братства не есть пустой звукъ и что она несетъ облегченіе и утѣшеніе всѣмъ нуждающимся въ нихъ несчастнымъ [4]). Обаятельная личность, добродѣльный

---

[1]) Текстъ капитуляціонной граматы 25 ноября 1491 г. у Фернандеса и Гонсалеса, «Estado social y politica de los mudéjares de Castilla», стр. 421—430.

[2]) «Sumario de la vida del primer arzobispo de Granada D. Fr. Hernando de Talavera» (анонимно), Гранада, 1564.

[3]) Lea, «The Moriscos of Spain», стр. 27.

[4]) При назначеніи Талаверы архіепископомъ Гранады онъ настаивалъ на томъ, чтобы его окладъ былъ сравнительно невеликъ,—два милліона мараведи въ годъ. Даже бѣднѣйшія епископ-

человѣкъ и мужественный миссіонеръ, Талавера энергично работалъ надъ великимъ дѣломъ примиренія двухъ различныхъ религій, двухъ различныхъ народовъ. Но работа эта по самому характеру своему не могла не быть крайне длительной и не всегда сопровождалась тѣмъ внѣшнимъ успѣхомъ, котораго требовали отъ Талаверы противники его миролюбивой политики, настаивавшіе, чтобы Фердинандъ и Изабелла особымъ актомъ благочестія выразили Всевышнему свою благодарность за ниспосланную побѣду надъ исламомъ. Немедленное и поголовное, подъ страхомъ изгнанія, обращеніе гранадцевъ въ христіанство—такова была программа этой партіи, во главѣ которой находился толедскій архіепископъ Франсиско Хименесъ де Сиснеросъ [1]).

При дворѣ Фердинанда въ это время были представители обѣихъ партій, и самъ король не держался опредѣленной программы. Когда португальскій король Мануэль 20 апрѣля 1497 г. изгналъ изъ своей страны не желавшихъ принять христіанства мавровъ, то Фердинандъ милостиво разрѣшилъ имъ «вмѣстѣ съ женами, дѣтьми, челядью и всякимъ имуществомъ» не только пройти черезъ Испанію, но и остаться въ ней столько времени, сколько имъ заблагоразсудится (todo el tiempo que quisieredes e por bien tovieredes), при чемъ мавры были взяты подъ особую защиту короля, никто не смѣлъ подвергать ихъ притѣсненіямъ, и сами они могли въ любое время вывезти изъ Испаніи все свое благосостояніе [2]). Въ рѣзкомъ противорѣчіи съ этими привилегіями, предоставленными иностраннымъ маврамъ, находилось письмо Фердинанда отъ 1498 г., въ которомъ онъ высказывалъ свое удовольствіе по поводу оставленія гранадцами Испаніи, совѣтуя властямъ поддерживать стремленіе мавровъ къ эмиграціи, такъ какъ ихъ воспоминанія о былой независимости и о горечи недавняго пораженія дѣлаютъ ихъ ненадежными подданными [3]). Однако, до открытаго принятія какихъ-либо репрессивныхъ противъ мавровъ мѣръ король все-таки не рѣшался, опасаясь вызвать возстаніе воинственныхъ мавровъ и не желая безъ всякаго повода нарушать торжественно данной присяги, тѣмъ болѣе, что Талавера,—хотя медленно, но вѣрно,—подвигалъ дѣло религіознаго объединенія недавно покоренной страны,—объединенія, во имя интересовъ котораго выступали и противники гранадскаго архіепископа. Съ цѣлью ли болѣе близкаго изученія дѣятельности Талаверы, или вслѣдствіе другихъ какихъ-либо причинъ, Фердинандъ въ срединѣ іюля 1499 г. отправился вмѣстѣ съ Изабеллой и Хименесомъ въ Гранаду; послѣднему удалось уговорить короля назначить его помощникомъ Талаверы, а также издать нѣсколько распоряженій въ пользу принявшихъ христіанство мавровъ. Какъ только въ ноябрѣ Фердинандъ оставилъ Гранаду, Хименесъ сталъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, не считаясь съ Талаверой. Благодаря своей необычайной энергіи, удивительному умѣнію обходиться съ людьми и щедрости на подарки [4]) Хименесъ въ теченіе короткаго времени обратилъ въ христіанство массу народа, и разсказываютъ даже, что въ одинъ лишь день (18-го декабря 1499 г.) въ Гранадѣ крестилось нѣсколько тысячъ человѣкъ [5]), и тогда же мечеть

ства имѣли болѣе значительный доходъ; такъ, Авила давала ежегодно 8 тыс. дукатовъ (дукатъ былъ равенъ 374 мараведи; Гранада, такимъ образомъ, давала нѣсколько больше 5 тыс. дукатовъ). Lea, «The Moriscos of Spain», стр. 26.

[1]) Hefele, «Le Cardinal Ximénès» (переводъ съ нѣмецкаго), 3-е изд., 1869.—Портретъ Хименеса помѣщенъ въ I-мъ томѣ настоящей Исторіи Инквизиціи, стр. 472а.

[2]) Полный текстъ разрѣшенія помѣщенъ въ «The Moriscos of Spain» Ли, стр. 403—406.

[3]) Janer, «Condición social de los Moriscos».

[4]) Всѣ историки Хименеса утверждаютъ, что онъ подкупалъ алфаки, которые и дѣйствовали съ нимъ за одно въ дѣлѣ обращенія гранадцевъ въ христіанство. Этого не отрицаетъ и апологетъ Хименеса, профессоръ Гефеле; онъ, разумѣется, ставитъ ему это въ особую заслугу и утверждаетъ, что Хименесъ тратилъ деньги на подарки изъ своихъ архіепископскихъ доходовъ; Hefele, op. cit., стр. 47.

[5]) Гефеле говоритъ 4 тысячи, Ли—три тысячи, Лафуэнте—3 или 4 тысячи.

квартала Albaicin, въ которомъ было свыше 5000 мавританскихъ домовъ, была превращена въ церковь Св. Спасителя [1]). Естественно, что подобнаго рода успѣшная дѣятельность Хименеса должна была вызвать опасенія въ лагерѣ тѣхъ, кому была дорога мусульманская вѣра, и кто считалъ ренегатовъ измѣнниками не только по отношенію къ религіи, но и къ бывшему гранадскому государству, которое могло возродиться лишь при вѣрности старой религіи. Въ отвѣтъ на протесты противъ дѣятельности Хименеса послѣдовалъ рядъ репрессій, при чемъ наиболѣе видные граждане были брошены въ тюрьму, а алфаки были вынуждены выдать Хименесу религіозныя и политическія книги, которыя въ числѣ пяти тысячъ экземпляровъ были имъ торжественно сожжены на городской площади. Этимъ, однако, не ограничились репрессіи, и Хименесъ, вопреки королевской граматѣ 1491 г., сталъ преслѣдовать тѣхъ христіанъ, которые приняли магометанство (они были извѣстны подъ именемъ elches). По мнѣнію Хименеса, лица, бывшія когда-либо христіанами, и дѣти которыхъ могли быть христіанами, подлежали юрисдикціи Инквизиціи, отмѣнить которой не могли никакія королевскія привилегіи, и онъ добился отъ Великаго инквизитора права преслѣдовать elches. При такихъ обстоятельствахъ конфликтъ между маврами и Хименесомъ былъ неизбѣженъ, и во время ареста дочери одного elche былъ убитъ королевскій алгуасилъ, и вооруженная толпа мавровъ бросилась къ дому Хименеса. Благодаря вмѣшательству популярнаго среди гранадцевъ генералъ-губернатора Тендильи, которому оказывалъ всяческую помощь и Талавера, бунтъ не принялъ большихъ размѣровъ, и мавры согласились, за обѣщаніе не подвергать никого, за исключеніемъ немногихъ участниковъ убійства алгуасила, преслѣдованіямъ, сложить оуржіе и взяться за мирныя занятія. Вѣсть о безпорядкахъ въ Гранадѣ дошла до Фердинанда, который высказалъ въ письмѣ къ Хименесу свое недовольство его репрессивной политикой. Хименесъ поспѣшилъ тогда къ королю въ Севилью, охарактеризовалъ быстро улаженный бунтъ какъ попытку уничтожить въ Гранадѣ господство христіанскаго оружія и добился отъ короля, чтобы прощеніе было дано лишь тѣмъ маврамъ, которые примутъ христіанство,—остальные должны были немедленно покинуть страну. По возвращеніи Хименеса въ Гранаду начались, одновременно съ жестокими преслѣдованіями, и массовой переходъ въ христіанство, и усиленная эмиграція какъ въ Африку, такъ и въ горы Сіерра Невады, гдѣ мавры задались цѣлью поднять возстаніе противъ Испаніи. Хименесу удалось крестить отъ 5.000 до 70.000 человѣкъ, проникшихся ненавистью къ религіи любви, которая имъ была навязана подъ страхомъ смерти или немедленнаго изгнанія изъ страны [2]).

Несмотря на то, что Хименесъ дѣйствовалъ съ разрѣшенія Фердинанда, послѣдній былъ недоволенъ чрезмѣрной энергіей архіепископа, такъ какъ готовился къ новой войнѣ съ Франціей изъ-за Неаполя и опасался, какъ бы внутренніе безпорядки не отвлекли части его войска, необходимаго для внѣшней войны. 27 января 1500 г. онъ обратился къ виднѣйшимъ руководителямъ мавровъ съ заявленіемъ, что распространяемые злостные слухи о принудительныхъ крещеніяхъ совершенно ложны; онъ дастъ свое королевское слово, что отнынѣ никто не будетъ насильно обращенъ въ христіанство [3]). Такъ какъ заявленіе это не произвело ожидаемаго впечатлѣнія, то Фердинандъ черезъ мѣсяцъ издалъ спеціально для мавровъ, принявшихъ недавно христіанство, амнистію, въ силу коей имъ были прощены всѣ преступленія, совершенныя ими до перехода въ новую религію, а король, въ свою очередь, отказывался отъ своихъ правъ на личность и имущество амнистированныхъ [4]). Въ то же время была организована армія для подавленія возстанія въ

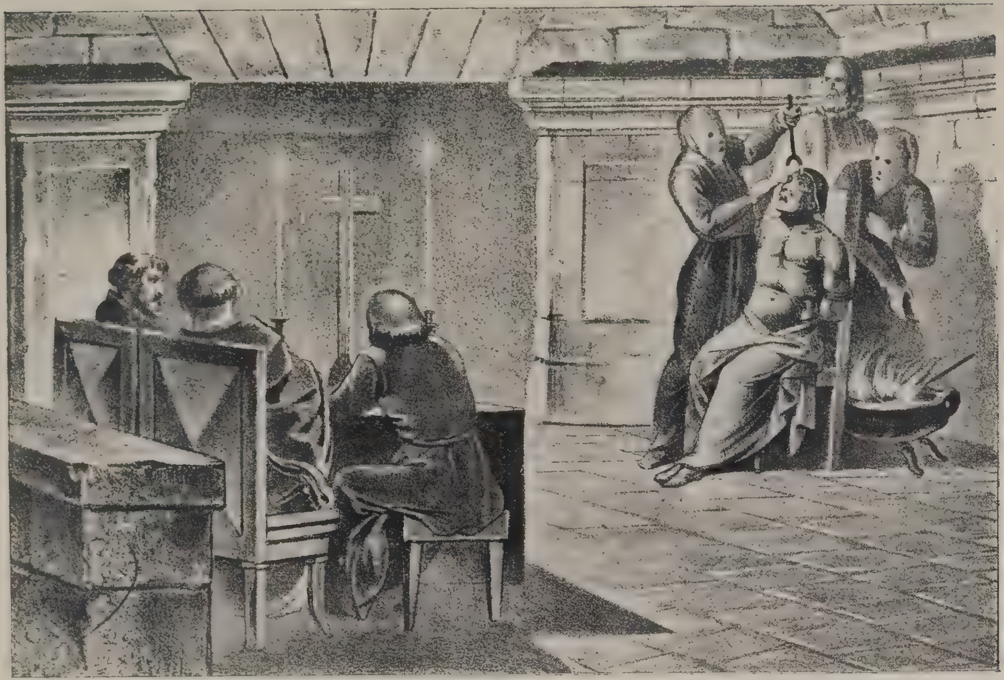
[1]) День этотъ съ тѣхъ поръ стали праздновать въ Гранадѣ и Толедо.

[2]) Ли, «History», III, 322; idem, «The Moriscos of Spain», 36.

[3]) Clemencin, «Elogia de la Reina Isabel», 291 и слѣд.

[4]) Оригиналъ этой общей амнистіи новохристіанъ находится въ архивѣ Симанкаса и былъ опубликованъ Ли въ «The Moriscos of Spain», 406—407.

ПЫТКА ОГНЕМЪ.



Pues niega, no haya piedad. (Такъ какъ онъ отрицаетъ, нѣтъ къ нему милосердія).

горахъ, съ мавровъ было взыскано 50 тыс. дукатовъ въ видѣ штрафа, покоренныхъ подвергали различнымъ наказаніямъ: такъ, въ Андараксѣ была взорвана мечеть, въ которой скрывались женщины и дѣти, при взятіи Бельфике всѣ мужчины были перебиты, а женщины обращены въ рабство, въ Нихарѣ и Гехарѣ все населеніе было продано въ рабство, за исключеніемъ дѣтей моложе 11 лѣтъ, которые были отданы на воспитаніе христіанамъ, и т. д.; усмиреніе одной лишь западной части бывшаго гранадскаго королевства продолжалось до средины января 1501 г., при чемъ насильственно было обращено въ христіанство свыше 10 тыс. человѣкъ. Едва улеглось возстаніе въ одной части, какъ броженіе охватило другую часть Гранады, а вскорѣ и почти всю Андалузію. Послѣ 8-мимѣсячной военной экспедиціи, стоившей Испаніи много денегъ и крови, мавровое возстаніе было подавлено: тысячи людей приняли христіанство; мавры, оставшіеся вѣрны своей религіи и уплатившіе десять добла, получили право переселиться въ Африку, а остальные были вынуждены принять христіанство. Массовое крещеніе вызвало, естественно, недовѣріе властей къ искренности новообращенныхъ, и послѣдніе, подобно евреямъ-маранамъ, сдѣлались предметомъ сначала законодательныхъ ограниченій, а затѣмъ жестокихъ преслѣдованій. 1-го сентября 1501 г. новообращеннымъ было запрещено имѣть и носить, открыто или тайно, оружіе, при чемъ нарушеніе этого закона влекло за собою—въ первый разъ конфискацію имущества и двухмѣсячное заключеніе, а во второй разъ—смертную казнь. Но разъ стали приниматься мѣры противъ новообращенныхъ, то съ тѣмъ бо́льшимъ основаніемъ можно было начать репрессивную политику по отношенію къ мудехарамъ, т.-е. давно подчинившимся Испаніи маврамъ, жившимъ въ разсѣяніи по всей странѣ. По настоянію Изабеллы, и на этихъ мирныхъ жителей была брошена тѣнь подозрѣнія, и былъ изданъ законъ, въ силу котораго мудехары не имѣли права въѣзда въ Гранаду, такъ какъ религіозные интересы новообращенныхъ гранадцевъ требовали изолированія ихъ отъ мусульманскаго населенія остальныхъ частей Испаніи. Въ то же время были отправлены инструкціи представителямъ королевской власти въ провинціальныхъ центрахъ о необходимости обращенія мудехаровъ въ христіанство, при чемъ указывалось, что поступать въ данномъ случаѣ слѣдуетъ путемъ убѣжденія, а не репрессивныхъ мѣръ, такъ какъ въ теченіе ряда поколѣній мудехары давали примѣръ лойяльнаго отношенія къ властямъ и были вѣрными подданными христіанскихъ королей. Повидимому, администрація оказалась безсильной, и корегидоръ Кордовы просилъ разрѣшить ему примѣнять мѣры принужденія; разрѣшеніе это, однако, ему не было дано, какъ видно изъ опубликованнаго Баронатомъ-и-Баррачиной документа [1]). Это было совершенно непослѣдовательно со стороны правительства, такъ жестоко расправившагося съ гранадцами за ошибочную политику Хименеса, — и дѣйствительно: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отказа отъ примѣненія принудительныхъ мѣръ по отношенію къ мудехарамъ появился королевскій указъ отъ 12-го февраля 1502 г., находившійся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ письмомъ къ кордовскому корегидору [2]).

Указъ 1502 г. говорилъ о томъ, что было бы большимъ скандаломъ (el gran escándalo) оставить мусульманъ въ Испаніи, когда въ Гранадѣ, гдѣ все населеніе состояло изъ невѣрныхъ, теперь нѣтъ ни одного мусульманина, и когда, съ помощью Бога, королямъ удалось уничтожить центръ надруганія святой религіи; необходимо также, говорилось далѣе, въ благодарность за столь великія побѣды надъ врагомъ святой вѣры запретить врагамъ католицизма и лицамъ, исполняющимъ позорные обряды, жить въ предѣлахъ государства; какъ евреи были причиною порчи христіанъ, такъ и мавры представляютъ

[1]) «Los Moriscos Españoles y su expulsión», I, 113 (оригиналъ въ архивѣ Симанкаса).

[2]) Текстъ указа помѣщенъ въ «Estado social y politico de los Mudejares de Castilla» Фернандеса-и-Гонсалеса, стр. 432—434.

опасность для новообращенныхъ, и такъ какъ гораздо благоразумнѣе предупреждать преступленія, чѣмъ наказывать совершившихъ ихъ, то необходимо немедленно изгнать изъ предѣловъ Кастиліи и Леона всѣхъ мудехаровъ, несмотря на то, что они миролюбивы и живутъ спокойно, а потому до конца апрѣля настоящаго года всѣ мавры, мужчины старше 14 лѣтъ и женщины старше 12, живутъ ли они постоянно въ Кастиліи и Леонѣ, или находятся въ нихъ лишь временно, должны покинуть Испанію, при чемъ, за исключеніемъ золота и серебра и вообще запрещенныхъ вещей, они могутъ забрать съ собою свое имущество, но выходъ къ морю имъ разрѣшается лишь черезъ бискайскіе порты; уѣзжающіе же черезъ другіе порты или другія части государства подлежатъ смертной казни съ конфискаціей имущества въ пользу казны. Въ виду военнаго времени изгоняемымъ маврамъ, подъ страхомъ смерти и конфискаціи имущества, запрещается направляться въ мавританскую Африку или въ Турцію, но разрѣшается идти въ Египетъ и другія страны. Изгнаніе это вѣчное, и если кто-либо, нынѣ изгоняемый или другой мавръ, потомокъ его, вернется въ Испанію на кратковременное или продолжительное пребываніе, то онъ подлежитъ, безъ всякаго предварительнаго слѣдствія, смертной казни съ конфискаціей имущества; христіанинъ, оказавшій послѣ апрѣля 1502 г. пріютъ мавру, подвергается конфискаціи имущества. Указъ объ изгнаніи не распространялся, во-первыхъ, на рабовъ, которые не могли имѣть никакихъ сношеній съ гранадскими новообращенными и которые должны были носить кандалы, а во-вторыхъ, на дѣтей моложе 14 и 12 лѣтъ, которыхъ отнимали у мудехаровъ и отдавали на воспитаніе христіанамъ. Характерно, что въ указѣ ни разу не говорится о томъ, что изгнаніе можетъ быть отмѣнено переходомъ въ христіанство. Въ дѣйствительности, однако, крещеніе спасало отъ мукъ изгнанія, но такъ какъ о крещеніи, какъ о средствѣ избавленія отъ страданій, ничего не говорилось въ указѣ, то оно носило, по словамъ правительства, добровольный, а не принудительный характеръ. Разумѣется, это умолчаніе было грубой уловкой, такъ какъ фактически маврамъ не дана была даже возможность оставить Испанію: не говоря уже о трудности какъ разлуки съ дѣтьми, такъ и отъѣзда столь многочисленной массы черезъ самые отдаленные и немногіе порты, при наступленіи срока изгнанія маврамъ было объявлено, что теперь отъѣздъ ихъ уже запоздалъ, вслѣдствіе чего они массами вынуждены были принять христіанство. Такъ, въ Авилѣ, насчитывавшей двѣ тысячи душъ мусульманскаго населенія, крестились всѣ поголовно, и ни одинъ не былъ оттуда «изгнанъ»; точно также все населеніе Бадахоса приняло христіанство. Новообращенные получили названіе морисковъ, moriscos; отнынѣ Гранада, Андалузія, Кастилія и Леонъ не знали болѣе ни мавровъ, ни мудехаровъ; въ этихъ странахъ могли жить лишь мориски, которые въ той же мѣрѣ напоминали мавровъ, въ какой мараны—евреевъ.

Сдѣланное указомъ отъ 12-го февраля 1502-го года исключеніе для рабовъ Кастиліи и Леона объяснялось тѣмъ, что ихъ изгнаніе печально отразилось бы на положеніи тѣхъ христіанскихъ владѣльцевъ, у которыхъ было много мавровъ-рабовъ. Экономическіе же интересы заставляли арагонцевъ взять подъ свою защиту всѣхъ вообще мудехаровъ, представлявшихъ собою въ Арагоніи классъ земельныхъ арендаторовъ. Барселонскіе кортесы 1503 г., напомнивъ Фердинанду о его обѣщаніи не изгонять изъ Каталоніи мавровъ, добились отъ него подтвержденія этого обѣщанія въ виду тѣхъ осложненій, которыя могли возникнуть въ Арагоніи при попыткѣ примѣненія къ маврамъ указа 12-го февраля [1]). Кор-

[1]) Петиція, поданная кортесами Барселоны, гласила слѣдующимъ образомъ: «Mas Excmo Señor, habiendo llegado estos dias á noticia de las Cortes que se trataba de expulsar á los moros que están pobládos en el presento Principado y son en muy escaso número, lo cual redundaria en grand daño y destruccion de los barones y de las partes en donde dichos moros están poblados y de los cuales no pueden sequirse al Estado de V. M ni á dicho Principado ningun perjuicio: Suplican dichas Cortes humildemente á V. A. que con el presente acto do corte se

тесы 1510 г. въ Монсонѣ вторично потребовали отъ короля, чтобы ни въ коемъ случаѣ насильственнымъ образомъ не обращали мавровъ въ христіанство, и чтобы сношенія между мудехарами и христіанами были совершенно свободны и не подвергались никакимъ ограниченіямъ. И король, слѣдуетъ замѣтить, стоялъ на стражѣ интересовъ арагонскаго дворянства и вступалъ нерѣдко въ конфликты съ Инквизиціей, стремившейся здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ Испаніи, подчинить своей юрисдикціи все населеніе, хотя мавры, какъ не исповѣдывающіе христіанской религіи, находились внѣ ея компетенціи, если только они открыто не оскверняли или оскорбляли христіанской вѣры. Неуспѣхъ Инквизиціи въ Арагоніи компенсировался Кастиліей и Леономъ: здѣсь мориски, какъ принявшіе христіанство, всецѣло подпали подъ власть Инквизиціи,—правда, съ нарушеніемъ королевскаго слова: при крещеніи мавровъ было обѣщано въ теченіе первыхъ сорока лѣтъ не подвергать ихъ преслѣдованіямъ Инквизиціи на томъ основаніи, что они недостаточно хорошо усвоили начала христіанской религіи, и ихъ прегрѣшенія могли объясняться не столько злой волей, сколько обыкновеннымъ незнаніемъ; на дѣлѣ, однако, освобожденіе морисковъ отъ Инквизиціи оказалось пустымъ звукомъ, и уже въ 1507 г. Великій инквизиторъ предписалъ всѣмъ своимъ подчиненнымъ слѣдить за новообращенными и выработалъ рядъ инструкцій, въ которыхъ перечислялись признаки, по которымъ можно было узнать тайно исповѣдывающаго исламъ, при чемъ, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, всякій долженъ былъ доносить инквизиторамъ объ извѣстныхъ ему случаяхъ тайнаго соблюденія религіозныхъ обрядовъ мусульманства. Инквизиціонная опека надъ бывшимъ маврскимъ населеніемъ Гранады дала Великому инквизитору основаніе требовать, чтобы доходы и имущество уничтоженныхъ мечетей поступили въ собственность инквизиціоннаго трибунала, а не королевской казны. На этой почвѣ между Фердинандомъ и Инквизиціей возникали частые споры, при чемъ Фердинандъ въ 1510 г. жаловался папѣ Юлію II на инквизиторовъ, которые не заботятся о томъ, чтобы давать вновь обращеннымъ въ христіанство религіозное образованіе, и ограничиваются лишь преслѣдованіемъ еретиковъ, что совершенно несправедливо, ибо невѣдѣніе не является преступленіемъ; Фердинандъ ходатайствовалъ поэтому предъ папой объ изданіи акта милости для того, чтобы всѣ кающіеся, не подвергая себя публичному покаянію съ конфискаціей имущества, могли примириться съ Церковью и лишь въ случаѣ рецедива несли должное наказаніе. Многочисленныя обращенія короля къ папѣ съ жалобой на строгія мѣры Инквизиціи, равно какъ неоднократныя указанія Великаго инквизитора о необходимости смягченія наказанія впавшихъ въ грѣхъ морисковъ свидѣтельствуетъ, что отдѣльные трибуналы съ неослабной энергіей работали надъ искорененіемъ язвы исламизма; это подтверждается также и тѣмъ, что съ этого приблизительно времени среди обвиняемыхъ и предаваемыхъ смертной казни и другимъ наказаніямъ преступниковъ, вмѣсто крещеныхъ евреевъ, все болѣе и болѣе фигурируютъ крещеные мавры. Въ Толедо, напр., съ 1575 г. по 1610 г. было 190 случаевъ обвиненія въ исламской ереси, 174 въ еврейской и 47 въ протестанской [1]).

---

sirva ordenar essatuir y prometer en su buena fé y palabra real que no expulsaria ni haria expulsar ni consenteria que sean expulsados los moros de dicho Principado» (Высокопревосходительный Владыка, на дняхъ дошло до кортесовъ извѣстіе, что обсуждается вопросъ объ изгнаніи мавровъ, живущихъ въ настоящемъ княжествѣ въ незначительномъ числѣ; это причинитъ большой вредъ и убыль баронамъ, а также тѣмъ землямъ, на которыхъ живутъ названные мавры, отъ которыхъ не можетъ послѣдовать никакого вреда ни для государства Вашего Величества, ни для даннаго княжества,—названные кортесы покорнѣйше просятъ Ваше Высочество, чтобы симъ было приказано, постановлено и обѣщано чистосердечно и королевскимъ словомъ, что онъ ни изгонитъ, ни заставитъ изгнать и не согласится на изгнаніе мавровъ этого княжества).—Ср. M. Danvila y Callado, «La expulsión de los Moriscos Españoles», Мадридъ, 1889, стр. 75—76.

[1]) Lea, «History», III, 331.

(Значительное число и евреевъ-еретиковъ объясняется тѣмъ, что съ 1580 г. Португалія съ ея многочисленнымъ маранскимъ, ненадежнымъ въ католическомъ смыслѣ, населеніемъ находилась подъ властью Испаніи) [1]).

Что защита Фердинандомъ мудехаровъ Арагоніи вызывалась интересами арагонскаго дворянства, видно изъ того факта, что тотъ же Фердинандъ, при покореніи въ 1512 г. Наварры, отнесся совершенно иначе къ ея мудехарамъ, не имѣвшимъ въ лицѣ крупныхъ землевладѣльцевъ дѣятельныхъ защитниковъ. На Наварру былъ распространенъ указъ 1502 г., и предъ маврами ея была поставлена дилемма — либо принятіе христіанства, либо изгнаніе. Такъ какъ условія эмиграціи, въ виду близкаго сосѣдства съ Франціей, были здѣсь гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ Кастиліи и Леонѣ, то огромное большинство мусульманъ предпочло изгнаніе принятію христіанства съ подчиненіемъ Инквизиціи, такъ что въ 1516 г. въ Туделѣ населеніе настолько пало, что въ ней пустовало 200 домовъ [2]); все покинутое имущество, равно какъ и земли, принадлежавшія мудехарамъ, было конфисковано въ пользу Инквизиціи. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ частей Испаніи одна лишь Арагонія, куда входили провинціи: Арагонъ, Валенсія и Каталонія, сумѣла отстоять религіозную свободу мудехаровъ, только въ ней одной оставались еще мавры, — въ другихъ частяхъ государства послѣдніе могли жить лишь при условіи перехода въ морисковъ, т.-е. принявъ предварительно христіанство. Вскорѣ, однако, и положеніе арагонскихъ мудехаровъ рѣзко измѣнилось къ худшему. Произошло это въ связи съ возстаніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Germania.

Въ 1520 г. вспыхнуло въ Валенсіи возстаніе крестьянъ, направленное первоначально исключительно противъ дворянъ, которые въ виду все болѣе и болѣе увеличивавшихся государственныхъ расходовъ брали съ крестьянъ, сидѣвшихъ на дворянскихъ земляхъ, неимовѣрно высокую плату; разростаясь вширь, возстаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, охватило кольцомъ ненависти и злобы и мудехаровъ, часть которыхъ помогала дворянамъ подавлять возстаніе, которое вслѣдствіе этого получило религіозный оттѣнокъ, хотя по существу своему было соціальнымъ. Злоба крестьянъ направилась по обыкновенію по линіи наименьшаго сопротивленія, и мудехары сдѣлались предметомъ самыхъ жестокихъ преслѣдованій. Массами крестьяне обращали ихъ насильственно въ христіанство, придавая этимъ миссіонерскій характеръ своимъ кровавымъ дѣйствіямъ и мстя косвеннымъ путемъ дворянамъ, на земляхъ которыхъ сидѣли мудехары, нынѣ обращенные въ христіанство, а потому освобождаемые отъ старыхъ договоровъ съ дворянами и избавляемые отъ обязанности платить имъ слишкомъ высокую плату. Въ разсчеты возставшихъ крестьянъ входилъ также и причиняемый дворянамъ вредъ отъ усиленной эмиграціи мудехаровъ; по словамъ Мануэля Данвила-и-Кольядо, свыше 25 тыс. человѣкъ покинуло тогда Валенсію [3]). Когда Germania была въ 1522 г. подавлена, Инквизиція заявила, что отнынѣ въ сферу ея дѣятельности входятъ всѣ новообращенные и Валенсіи, и инквизиторъ послѣдней Чурука приступилъ къ организаціи контроля надъ поведеніемъ подозрительныхъ въ религіозномъ отношеніи новообращенныхъ, но тутъ-то представились неожиданныя затрудненія. Массовыя крещенія, при страшныхъ насиліяхъ крестьянъ, дѣлали невозможнымъ индивидуальную запись принимавшихъ христіанство, и при наступленіи спокойнаго времени никто съ увѣренностью не могъ сказать, является ли данное лицо новообращеннымъ, или нѣтъ. Эта, сама по себѣ уже значительная, трудность осложнялась еще теоло-

[1]) Объ одномъ напоминаніи Фердинанда (20 марта 1510) Великому инквизитору о необходимости снисходительнаго отношенія къ представителямъ исламской ереси и убѣжденія ихъ къ переходу въ христіанство путемъ слова, а не угрозы, см. у М. Данвила-и-Кольядо (op. cit., стр. 74), который извлекъ этотъ документъ изъ Главнаго архива въ Симанкасѣ.

[2]) Lea, «The Moriscos of Spain», 55.

[3]) «La Germania de Valencia», 184.

гическимъ споромъ, насколько кровавыя крещенія могутъ быть дѣйствительны, и не противорѣчатъ ли слишкомъ явныя насилія при обращеніи требованію Церкви о принятіи въ лоно лишь лицъ добровольно перешедшихъ въ христіанскую вѣру. Въ Гранадѣ, по толкованію Церкви, крещеніе не было насильственнымъ: тамъ оно было однимъ изъ условій признанія господства христіанской Испаніи надъ возставшимъ мусульманскимъ населеніемъ бывшаго королевства; точно также въ Кастиліи и Леонѣ указъ объ изгнаніи мавровъ не навязывалъ имъ христіанства, такъ какъ въ указѣ ничего не говорилось о томъ, что принявшіе христіанство могутъ быть избавлены отъ мукъ изгнанія. Другое дѣло въ Валенсіи: здѣсь крещеніе происходило при явныхъ насиліяхъ, съ намѣреніемъ даже отомстить дворянамъ, и героями этихъ событій были повстанцы, объявленные врагами общественнаго порядка, противъ которыхъ боролось само же правительство, чья побѣда какъ бы отмѣняла все совершенное крестьянами и освобождала новообращенныхъ отъ подчиненія навязаннаго имъ крестьянами христіанства, тѣмъ болѣе, что испанскіе короли, и въ томъ числѣ императоръ Карлъ V лишь въ 1519 г., дали присягу, что не будутъ насильственно обращать мавровъ въ христіанскую вѣру. Наконецъ, дворяне, ранѣе всячески защищавшіе въ кортесахъ мудехаровъ, и теперь не соглашались, чтобы мудехарамъ насильственно навязали христіанство, такъ какъ отъ этого страдали экономическіе интересы землевладѣльцевъ. При такихъ обстоятельствахъ валенсійскому инквизитору Чурукѣ предстояла тяжелая борьба за включеніе въ сферу дѣятельности Инквизиціи опеки надъ религіозной жизнью морисковъ Валенсіи. Къ счастью для Инквизиціи, Чурука нашелъ въ лицѣ императора Карла человѣка, готоваго всячески его поддержать. Карлъ обратился съ просьбой къ папѣ Клименту VII объ освобожденіи его отъ данной присяги—не принуждать мавровъ къ принятію христіанства [1]). Въ виду, однако, сопротивленія дворянъ вопросъ о немедленномъ открытіи дѣйствій инквизиціоннаго трибунала былъ переданъ на разсмотрѣніе особой комиссіи, и хотя послѣдняя не отрицала факта принудительнаго крещенія валенсійскихъ мавровъ, ея выводъ, тѣмъ не менѣе, гласилъ, что крещеніе это должно считаться дѣйствительнымъ, а виновники принужденія должны понести извѣстныя кары. Отчетъ комиссіи былъ представленъ хунтѣ подъ предсѣдательствомъ Великаго инквизитора; 23 марта 1525 г. Карлъ, присутствовавшій на засѣданіи хунты, былъ поставленъ въ извѣстность относительно ея рѣшенія, а 4 апрѣля королевскій указъ всенародно объявлялъ, что послѣ всесторонняго изученія вопроса о маврахъ и морискахъ Валенсіи единогласно постановлено, что крестившіеся во время Germania мавры являются христіанами, ихъ дѣти должны быть крещены, а мечети, въ которыхъ повстанцы совершали христіанское богослуженіе, должны быть превращены въ церкви [2]).

Черезъ нѣкоторое время въ Валенсію прибылъ и инквизиціонный трибуналъ. 14 мая населеніе было извѣщено о томъ, что ему дается тридцатидневный срокъ для покаянія: въ теченіе этого времени будетъ дарована милость, а затѣмъ виновные въ отпаденіи отъ христіанства и возвратѣ къ исламу будутъ наказаны смертью, а имущество ихъ будетъ конфисковано. Проведеніе въ жизнь этихъ суровыхъ мѣръ представляло, однако, большія затрудненія: прежде всего немыслимо было установить, кто изъ мавровъ въ дни кровавой крестьянской расправы подвергся насильственному крещенію, и кто благополучно спасся отъ озвѣрѣвшей толпы: первые, въ качествѣ христіанъ или ренегатовъ, если они послѣ подавленія возстанія отказались отъ христіанства, подлежали вѣдѣнію Инквизиціи, вторые же, какъ мусульмане, не должны были быть ей подчинены,—и Инквизиціи предстояло отдѣлить однихъ отъ другихъ, что легко приводило къ роковымъ ошибкамъ, уменьшеніе

[1]) Папское разрѣшеніе было дано 12 марта 1524 г.

[2]) Эта королевская седула, изданная въ Мадридѣ 4 апрѣля 1525 г., помѣщена у Данвила-и-Кольядо въ «La expulsión de los Moriscos Españoles», стр. 91 (примѣч.); рукопись составляетъ собственность автора.

которыхъ было возможно лишь при смягченіи наказанія или измѣненій инквизиціоннаго судопроизводства. Кромѣ возможности частыхъ ошибокъ, на ослабленіе суровости Инквизиціи должно было вліять и то обстоятельство, что крестьяне въ теченіе двухъ лѣтъ возстанія успѣли крестить около $^1/_{10}$ населенія или до 15 тыс. человѣкъ [1]), и, слѣдовательно въ сферу дѣятельности инквизиціоннаго трибунала вступало очень значительное количество людей, чрезмѣрное преслѣдованіе которыхъ, при оппозиціонномъ настроеніи дворянства, легко могло вызвать опасное для Инквизиціи броженіе. Этимъ объясняется обращеніе инквизиторовъ къ папѣ съ просьбой о снисхожденіи для ренегатовъ Валенсіи,— обращеніе, сочувственно встрѣченное Климентомъ VII въ бреве отъ 16 іюня 1525 г. Знакомые, однако, по опыту различныхъ религіозныхъ преступниковъ съ снисхожденіемъ Инквизиціи, мавры предпочли бѣгство въ горы «милостивому» обхожденію инквизиціоннаго трибунала и, опираясь на поддержку дворянства, добились, послѣ вынужденной капитуляціи въ горахъ, обѣщанія полнаго прощенія за бѣгство и прекращенія преслѣдованія за религіозныя преступленія. Едва состоялось это примиреніе, какъ отъ Карла получилось извѣстіе, что Богъ ниспослалъ ему побѣду надъ Францискомъ при Павіи, и что въ благодарность онъ рѣшилъ обратить въ христіанство всѣхъ невѣрныхъ своего государства. Въ данномъ случаѣ Карлъ дѣйствовалъ, побуждаемый отчасти и Климентомъ VII, который еще къ письмѣ отъ 12 мая 1524 г. горько жаловался на то, что въ Каталоніи, Валенсіи и Арагонѣ имѣются мавры, вредно вліяющіе на христіанъ и встрѣчающіе поддержку со стороны дворянъ; папа указывалъ также на то, что мавры являются шпіонами африканскихъ государствъ, которымъ они выдаютъ планы и намѣренія христіанскихъ государей; въ заключеніе Климентъ писалъ, что необходимо усилить въ Арагоніи дѣятельность Инквизиціи и, подъ страхомъ вѣчнаго рабства, принудить мавровъ либо принять въ опредѣленный срокъ христіанство, либо навсегда покинуть предѣлы Испаніи. Страдающихъ при этомъ дворянъ можно будетъ вознаградить предоставленіемъ въ ихъ пользу доли десятиннаго налога подъ условіемъ, однако, если они возьмутъ на себя расходы по содержанію церквей и отдадутъ Церкви доходы, принадлежавшіе раньше мечетямъ. Инквизиторы должны взять на себя эту задачу и осуществить ее, не считаясь ни съ какими привилегіями и королевскими присягами. Письмо это, безъ сомнѣнія, вліяло на рѣшеніе Карла приступить къ энергичнымъ мѣрамъ борьбы за религіозное единство Испаніи, хотя прошло полтора года со времени обращенія къ нему Климента до опубликованія этого рѣшенія, — медлительность, находящая свое объясненіе въ неувѣренности Карла въ успѣхѣ задуманнаго предпріятія, выполненіе котораго теперь, послѣ блестящей побѣды при Павіи, значительно облегчилось. Оставаясь вѣрнымъ своему рѣшенію, Карлъ извѣстилъ администрацію Арагоніи, что отнынѣ онъ считаетъ недѣйствительными фуэро и льготы страны, что инквизиторамъ слѣдуетъ взять въ свои руки борьбу съ невѣрными, и что провинціальныя и городскія власти, подъ страхомъ штрафа въ 10 тыс. флориновъ, должны исполнять всѣ приказанія Инквизиціи. 25 ноября 1525 г. появился королевскій декретъ, приказывавшій всѣмъ маврамъ Валенсіи покинуть ее до 31 декабря 1525 г., мавры же Каталоніи и Арагона должны были оставить эти страны къ 31 января 1526 г. Въ декретѣ объ изгнаніи ничего не говорилось о томъ, что крещеніе можетъ спасти мавровъ отъ насильственнаго оставленія Арагоніи; указано было только, что мавры должны запастись въ Сіетеагуасѣ особыми проходными свидѣтельствами черезъ Кастилію и отправиться въ плаваніе изъ Коруньи, и что нарушеніе этихъ правилъ повлечетъ за собою конфискацію имущества и обращеніе виновныхъ въ вѣчное рабство; дворянамъ угрожалъ штрафъ въ пять тысячъ дукатовъ за попытку удержать въ странѣ изгоняемыхъ мавровъ. Въ то же время было опубликовано папское бреве, приглашавшее, подъ угрозой

[1]) Lea, «History», III, 351—352.

отлученія отъ Церкви, всѣхъ христіанъ оказывать помощь инквизиторамъ, способствовать точному проведенію въ жизнь эдикта объ изгнаніи и слѣдить, чтобы мавры посѣщали церкви и внимали слову Божьему. Разумѣется, предварительнымъ условіемъ посѣщенія церквей могло быть лишь крещеніе, и папа, такимъ образомъ, какъ бы разъяснялъ эдиктъ 25-го ноября. Чтобы не было, однако, никакихъ сомнѣній относительно истинныхъ намѣреній правительства, 8 декабря былъ опубликованъ новый декретъ, въ которомъ говорилось, что всѣ невѣрные немедленно должны принять христіанство, въ противномъ случаѣ они подлежатъ изгнанію. Теперь фактъ насильственнаго крещенія уже не могъ быть отрицаемъ, и Инквизиція угрожала штрафомъ въ размѣрѣ тысячи флориновъ, если ей не будутъ оказывать помощи въ дѣлѣ обращенія невѣрныхъ въ христіанство.

Мѣры эти вызвали въ Арагоніи сильное броженіе: мавры стали закрывать свои лавки, прекратили полевыя работы, покинули промышленныя и торговыя заведенія, и такъ называемые Diputados (постоянный комитетъ кортесовъ) увидѣли въ этомъ большую опасность для государства. Къ Карлу была отправлена особая комиссія, которая, захвативъ съ собою значительную сумму денегъ, стала хлопотать предъ нимъ объ отмѣнѣ эдикта объ изгнаніи. Въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ изложила она тѣ печальныя послѣдствія, которыя угрожаютъ странѣ при примѣненіи репрессій по отношенію къ маврамъ, всегда отличавшимся миролюбіемъ, лояльностью и трудолюбіемъ. Съ негодованіемъ депутація отвергала обвиненіе мавровъ въ обращеніи христіанъ въ мусульманскую вѣру и въ шпіонской службѣ въ интересахъ африканскихъ государствъ; насильственное обращеніе мавровъ въ христіанство, говорила депутація, тяжело отразится на экономической жизни страны, такъ какъ, въ качествѣ христіанъ, они получатъ возможность эмигрировать изъ Испаніи и не будутъ въ той вассальной зависимости отъ дворянъ, которая фактически является простымъ рабствомъ. Результатомъ этого ходатайства было королевское распоряженіе отъ 22-го декабря 1525 г. о томъ, что мавры не имѣютъ права оставлять страну, а отсутствующіе должны въ теченіе мѣсяца вернуться; кромѣ того, христіанамъ запрещалось покупать у нихъ земли; мавры не могли больше имѣть мясныя лавки, ихъ мечети должны были быть закрыты. Но еще до этихъ, явившихся какъ бы насмѣшкой надъ депутаціей, мѣръ во многихъ мѣстахъ Арагоніи мавры подняли знамя возстанія. Алмонасиръ, напр., осаждался королевскими войсками въ теченіе свыше двухъ мѣсяцевъ и когда былъ взятъ приступомъ, то вожаки движенія были казнены, а все населеніе обращено въ христіанство. То же имѣло мѣсто въ рядѣ другихъ городовъ и вызвало отсрочку эдикта изгнанія изъ Арагоніи до 15 марта 1526 г., когда страна была, наконецъ, усмирена, и все арабское населеніе обращенно въ католическую вѣру. Въ Валенсіи многіе «добровольно» измѣнили своей старой религіи, такъ какъ алфаки говорили имъ, что при кровавыхъ преслѣдованіяхъ позволителенъ обманъ, и что они остаются вѣрными мусульманами даже тогда, когда они внѣшнимъ образомъ принимаютъ христіанство. Этимъ объясняется, какъ могъ Антоній де Гевара одинъ крестить 27 тыс. человѣкъ. Однако, и въ Валенсіи, гдѣ мавры составляли очень значительную часть населенія, вскорѣ возникли безпорядки, принявшіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крупные размѣры, такъ что понадобилось пятитысячное войско для подавленія ихъ, при чемъ сдавшимся обѣщано было прощеніе, которое, однако, было выполнено только отчасти: обращенные насильно въ христіанство, вмѣсто рабства и конфискаціи, подвергались лишь штрафу въ 12 тыс. дукатовъ; болѣе тяжелыя наказанія были наложены на арагонскихъ мавровъ, пришедшихъ на помощь валенсійскимъ. Наиболѣе энергичное сопротивленіе крещенію оказали бѣжавшіе въ эспаданскія горы мавры. Здѣсь они укрѣпились и избрали даже себѣ короля Селима Алмансора (Celym Almanzor), который нанесъ пораженіе христіанскому войску. Однако, когда мавры совершили рядъ святотатствъ, папскій легатъ Сальвіати обѣщалъ прощеніе всѣмъ участникамъ борьбы съ невѣрными, и христіанское войско сильно увели-

чилось волонтерами и приняло характеръ крестоносной арміи, одержавъ также нѣсколько крупныхъ побѣдъ. По окончаніи военной экспедиціи всѣ старики и женщины были убиты, мужчины же, за исключеніемъ пяти тысячъ убитыхъ, были обращены въ рабство; побѣдителямъ досталась также очень богатая добыча. Такой же была судьба другихъ валенсійскихъ мавровъ, искавшихъ спасенія въ бернійскихъ и другихъ горныхъ цѣпяхъ; тѣ, которымъ удалось бѣжать въ Африку, могли считать себя счастливыми, такъ какъ прочіе были обращены въ рабство либо должны были принять христіанство. Всѣ они были лишены права носить оружіе, у нихъ были отобраны и сожжены ихъ книги, а мечети уничтожены,—и Инквизиція считала, что отнынѣ ей предоставляется уже возможность дѣйствовать съ необходимой энергіей въ «христіанской» Валенсіи. Супрема, однако, рекомендовала на первыхъ порахъ снисходительное отношеніе къ новообращеннымъ, такъ какъ они мало еще знали новую религію. Этимъ объясняется, почему въ 1525 и 1527 гг. валенсійскій трибуналъ никого не привлекъ къ отвѣтственности по обвиненію въ исламской ереси. Ли приводитъ число процессовъ этого трибунала за періодъ 1455—1592 гг.:

Годы.	Число.	Годы.	Число.	Годы.	Число.
1455	3	1515	34	1560	15
1461	7	1516	41	1563	62
1482	11	1517	25	1564	38
1485	19	1518	21	1565	66
1486	14	1519	22	1566	41
1487	15	1520	36	1567	54
1488	18	1521	31	1568	68
1489	20	1522	40	1570	16
1490	28	1523	37	1571	55
1491	51	1524	40	1572	34
1492	6	1526	47	1573	32
1493	4	1528	42	1574	16
1494	10	1529	44	1575	20
1495	10	1530	20	1576	16
1496	15	1531	58	1577	13
1497	24	1532	1	1578	15
1499	15	1533	61	1579	24
1500	35	1534	25	1580	37
1501	36	1535	2	1581	22
1502	9	1536	39	1583	8
1503	11	1537	69	1584	20
1505	31	1538	112	1576	64
1506	20	1539	79	1587	35
1507	7	1540	53	1588	21
1508	14	1544	79	1589	94
1509	26	1545	37	1590	49
1510	10	1546	49	1591	270
1511	12	1547	12	1592	117
1512	32	1548	15		
1513	41	1549	4		
1514	63	1558	2	Итого	8125 [1]

Въ національно-историческомъ архивѣ Валенсіи сохранились списки лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни за періодъ 1486—1593 гг. валенсійскимъ трибуналомъ. Списки эти неполные и доведены лишь до буквы N; Ли, на основаніи большого опыта, утверждаетъ, что для полученія всего числа жертвъ даннаго трибунала необходимо прибавить 25%,—такъ какъ до буквы N обычно входятъ 75%. Списки говорятъ о 515 сожженныхъ живьемъ и 383 in effigie (либо кости умершихъ, либо изображеніе бѣжавшихъ); дѣйствительное число приговоренныхъ къ смерти слѣдуетъ, такимъ образомъ, считать 644 и 479 [2]).

---

[1]) Lea, «History», III, 561—562.

[2]) Id., op. cit., III, 562—563.

PAR ANT.V.LEEST A.MAIN.DOR.
D. IOAN. AB AVSTRIA:
FR. PHILIPPI REGIS HISP. CATHOLICI.

Рекомендовавшаяся Супремой умѣренность вызывалась также необходимостью считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, порицавшимъ чрезмѣрную суровость Инквизиціи. Такъ, арагонскіе кортесы въ Монсонѣ въ 1528 г. обратились къ Карлу съ петиціей о прекращеніи инквизиціоннаго преслѣдованія новообращенныхъ до тѣхъ поръ, пока они не усвоятъ христіанской религіи; въ отвѣтъ на это Карлъ замѣтилъ, что онъ предоставилъ Валенсіи такую привилегію о нераспространеніи на нее Инквизиціи, какою пользовалась Гранада. Фактически, однако, Инквизиція не считалась ни съ какими королевскими обѣщаніями, и когда въ 1529 г. арагонскіе дворяне представили рядъ жалобъ на дѣйствія Инквизиціи королю и Великому инквизитору Манкире, послѣдній отвѣтилъ, что дѣло идетъ не о наказаніи виновныхъ, а о спасеніи ихъ, и что въ виду этого необходимо предоставить инквизиторамъ полную свободу. Вскорѣ папа Климентъ VII нашелъ даже, что маврамъ Валенсіи, Арагона и Каталоніи дѣлаются слишкомъ значительныя поблажки; онъ сталъ даже обвинять ихъ въ томъ, что они имѣютъ постоянныя сношенія съ маврами Африки, обращаютъ христіанъ въ мусульманскую вѣру и распространяютъ среди христіанъ опасные предразсудки. Въ виду этого Климентъ напомнилъ Великому инквизитору о необходимости заботиться о религіозномъ воспитаніи новообращенныхъ и о немедленномъ обращеніи въ христіанство всѣхъ мавровъ подъ угрозой изгнанія ихъ или поголовнаго обращенія въ рабовъ. Такъ, Инквизиція побѣдоносно шла впередъ, преодолѣвая препятствія, ставившіяся ей по пути кортесами, опиравшимися на старинныя вольности и привилегіи.

Одновременно съ дворянствомъ выступала въ Арагоніи противъ Инквизиціи въ защиту мавровъ и Церковь.

Дѣло въ томъ, что Церковь владѣла въ Арагоніи большимъ количествомъ земель, на которыхъ жили мориски на различныхъ условіяхъ, обычно въ качествѣ арендаторовъ, и практиковавшаяся въ значительныхъ размѣрахъ конфискація земель виновныхъ въ ереси морисковъ наносила Церкви существенный вредъ. На собраніяхъ кортесовъ очень часто выступали дворяне и духовенство противъ нарушенія одной изъ привилегій Арагоніи, гласившей, что имущество сидящаго на феодальной землѣ, въ случаѣ наказанія его, должно перейти къ собственнику земли, а не къ наказывающему его. Кортесы доказывали также, что Инквизиція можетъ физически и нравственно карать еретика, но не должна налагать на него денежныхъ штрафовъ, ни конфисковать имущества. Съ другой стороны, Инквизиція ссылалась на то, что ею расходуются большія суммы на дѣло религіознаго обученія новообращенныхъ, и что справедливо, въ виду этого, заботиться объ источникѣ средствъ для религіозной пропаганды. Этотъ споръ былъ переданъ на разсмотрѣніе особой комиссіи; но въ 1534 г. Карлъ принесъ торжественную присягу за себя и за своего сына Филиппа, что конфискуемое у еретика имущество должно принадлежать его законнымъ наслѣдникамъ-католикамъ, а въ случаѣ отсутствія таковыхъ распредѣляется согласно законамъ страны безъ ущерба для собственника земли, на которой сидѣлъ виновный еретикъ. Карлъ, повидимому, искренно намѣревался слѣдовать своему обѣщанію, такъ какъ не былъ заинтересованъ въ вопросѣ о конфискаціи,—Инквизиція, наоборотъ, всячески нарушала его, и кортесы 1537 г. жаловались на частыя конфискаціи инквизиторами земель—даже такихъ, которыя пріобрѣтались у морисковъ до обвиненія ихъ, что нарушало интересы новыхъ пріобрѣтателей земель. Инквизиція сначала отрицала подобные факты, но когда валенсійскій капитулъ выступилъ съ неопровержимыми доказательствами, Супрема заявила, что денежные штрафы и конфискація имущества являются лучшимъ средствомъ борьбы съ ересью, такъ какъ еретикъ часто, путемъ покаянія и примиренія съ Церковью, избѣгаетъ сожженія, и, слѣдовательно, преступленіе остается ненаказаннымъ. Кортесы, разумѣется, остались недовольны подобнымъ отвѣтомъ и добились отъ Карла распоряженія о томъ, чтобы королевскіе чиновники, подъ страхомъ штрафа въ тысячу флориновъ, слѣдили за передачей въ пользу землевладѣльцевъ конфискуемыхъ у ихъ морисковъ земель. Въ

1546 году папа Павелъ III пошелъ навстрѣчу желаніямъ кортесовъ и распорядился, чтобы въ теченіе десяти лѣтъ—а по усмотрѣнію Римской Куріи и позже—Инквизиція не конфисковывала и не налагала никакихъ денежныхъ штрафовъ на морисковъ. Но и папа оказался безсильнымъ, и кортесы 1547 г. ходатайствуютъ, чтобы Великій инквизиторъ разослалъ соотвѣтствующія инструкціи подчиненнымъ инквизиторамъ, не считающимся ни съ королевскими, ни съ папскими запрещеніями. Повидимому, переговоры съ Великимъ инквизиторомъ носили крайне затяжной характеръ, и кортесы 1552 г. жаловались, что они ничего не могли добиться отъ Великаго инквизитора; Филиппъ II успокаивалъ дворянъ и духовныхъ владѣтелей земель, обѣщая получить согласіе Инквизиціи на отказъ отъ конфискаціи. Насколько, однако, свѣтская власть была безпомощна въ своей борьбѣ съ Инквизиціей, видно изъ того, что какъ разъ въ это время Супрема отправила валенсійскимъ инквизиторамъ приказъ о конфискаціи имущества морисковъ, несмотря ни на какія привилегіи [1]).

Временами, однако, Инквизиція, желая успокоить общественное мнѣніе, пыталась отказаться отъ конфискаціи, замѣняя ее денежными штрафами. Кортесы 1547 г. энергично жаловались на этотъ маневръ Инквизиціи: послѣдняя, не захватывая имущества морисковъ, опредѣляла такіе громадные штрафы, что не только мориски были вынуждены продавать свое имущество, но и родственники виновнаго должны были вносить въ кассу Инквизиціи остатки штрафовъ, заплатить которые цѣликомъ не могъ почти ни одинъ еретикъ. Во избѣжаніе такихъ неимовѣрныхъ штрафовъ было предложено въ Валенсіи уплачивать ежегодно инквизиторамъ 400 дукатовъ, но Супрема нашла эту сумму совершенно недостаточной, а самое предложеніе—оскорбленіемъ Бога. Несмотря на рѣзкость отпора, на этой именно почвѣ велись переговоры, которые въ 1571 г. закончились соглашеніемъ, выработаннымъ Великимъ инквизиторомъ Эспиносой. Отнынѣ Инквизиція получала ежегодно 2500 дукатовъ, при чемъ за взносъ ихъ отвѣчала алхама. Соглашеніе это не было обязательнымъ для всѣхъ алхамъ, и ежегодный взносъ дѣлался лишь тѣми, которыя сразу примкнули къ соглашенію, остальныя алхамы стояли въ сторонѣ, и по отношенію къ нимъ Инквизиція была свободна. По обыкновенію Инквизиція стала нарушать ею же выработанное соглашеніе, и кортесы 1595 г. горько жаловались на это; кромѣ того, она злоупотребляла правомъ наказанія въ 10 дукатовъ, взыскивая ихъ за малѣйшія преступленія, обычно не наказуемыя штрафомъ.

•

Послѣ подавленія возстанія въ Гранадѣ наступило въ ней затишье, и въ теченіе свыше 20 лѣтъ инквизиціонный трибуналъ, который сюда былъ перенесенъ изъ Хаэна, ограничивался немногими жертвами, такъ что въ 1532 г. генералъ-губернаторъ, маркизъ Мондехаръ, обратился къ Карлу съ просьбой объ удаленіи трибунала въ виду отсутствія преступленій; Супрема съ негодованіемъ отвергла просьбу Мондехара, и единственнымъ результатомъ ея было усиленіе дѣятельности Инквизиціи, о чемъ свидѣтельствуютъ жалобы морисковъ въ 1537 г. и ходатайства ихъ о всеобщемъ прощеніи за старыя вины и о прекращеніи конфискацій и денежныхъ штрафовъ. Это ходатайство было лишь отчасти удовлетворено Супремой, отвѣтившей, что конфискація и денежные штрафы необходимы и требуются какъ каноническими, такъ и свѣтскими законами; что же касается общей амнистіи и прощенія, то Супрема готова назначить новый срокъ милости, и если виновные дѣйствительно хотятъ покаяться, то пусть приносятъ предъ инквизито-

---

[1]) Lea, «The Moriscos of Spain», 124.

рами въ письменномъ видѣ свои покаянія [1]). Энергичная дѣятельность Инквизиціи, между тѣмъ, продолжалась, и мориски, поддерживаемые маркизомъ Мондехаромъ, обратились къ Карлу съ просьбой объ общемъ прощеніи безъ необходимости предварительно исповѣдываться предъ Инквизиціей. Разсмотрѣніемъ этого ходатайства занялась хунта изъ прелатовъ, которая высказалась слѣдующимъ образомъ: гранадцамъ уже дважды давался актъ милости, его можно предоставить и въ третій разъ, и пусть въ теченіе дѣйствія его всѣ приносятъ покаяніе въ надлежащемъ видѣ: они будутъ прощены безъ конфискаціи имущества и санбенито, но вообще прощать или отказываться отъ конфискацій нельзя безъ нарушенія установленныхъ уже давно законовъ. Въ 1543 г. мориски обѣщали внести 26 или 27 тыс. дукатовъ, если только ихъ освободятъ отъ необходимости каяться во время дѣйствія акта о милости; но Великій инквизиторъ отвергъ это предложеніе, несмотря на то, что маркизъ Мондехаръ объяснилъ, почему мориски такъ боятся исповѣди: они опасаются, какъ бы она не поставила ихъ, при малѣйшей впослѣдствіи ошибкѣ, въ положеніе рецидивистовъ, которымъ постоянно угрожаетъ смерть. Твердость Великаго инквизитора побудила морисковъ обѣщать Карлу 120 тыс. дукатовъ, и 27 октября 1543 г. Карлъ благодарилъ гранадскаго генералъ-губернатора за его хлопоты о морискахъ и высказался за необходимость дарованія имъ прощенія безъ предварительнаго покаянія. Великій инквизиторъ и Супрема нашли, однако, сумму въ 120 тыс. дукатовъ достаточной для дарованія лишь такого прощенія, которое предполагаетъ исповѣдь въ установленной Инквизиціей формѣ; отказъ отъ права конфискаціи въ теченіе 25 или 30 лѣтъ, по мнѣнію Супремы и Великаго инквизитора, привелъ бы къ увеличенію преступленій; кромѣ того, онъ противорѣчитъ каноническимъ законамъ; Инквизиція можетъ пойти лишь на слѣдующую уступку: одна половина имущества виновныхъ подлежитъ конфискаціи, а другая отдается ихъ дѣтямъ, принявшимъ христіанство; послѣдніе будутъ, такимъ образомъ, хорошими католиками. Разногласія между Карломъ и Инквизиціей въ вопросѣ о конфискаціи давали морискамъ надежду добиться своего, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно посылались депутаціи то къ генералъ-губернатору Гранады, то къ императору Карлу съ просьбой за извѣстную сумму вступиться за права морисковъ. Свѣтская власть постоянно ихъ защищала предъ Инквизиціей, но послѣдняя часто мѣняла свои обѣщанія и не хотѣла отказаться отъ права конфискаціи, объявляя лишь по временамъ эдикты о милости, дававшіе Инквизиціи источникъ новыхъ доходовъ, а морискамъ—печальную перспективу очутиться въ положеніи рецидивистовъ, надъ которыми висѣлъ Дамокловъ мечъ смертной казни.

Послѣ отреченія Карла отъ трона мориски отправили къ Филиппу II, находившемуся въ то время во Фландріи, особую депутацію, которая жаловалась, что изъ всѣхъ данныхъ морискамъ обѣщаній ни одно не исполнено, и просила, чтобы ихъ имущество было гарантировано отъ конфискаціи, судопроизводство Инквизиціи не было покрыто тайной, имена свидѣтелей оглашались, а неосвѣдомленные въ религіи, вмѣсто наказанія, обучались догмамъ христіанства. За эти привилегіи мориски соглашались вносить ежегодно три тысячи дукатовъ на нужды Инквизиціи и дать единовременное пособіе въ размѣрѣ 100 тыс. дукатовъ. За этой петиціей послѣдовалъ рядъ аналогичныхъ, иногда, впрочемъ, со значительно сокращенными требованіями. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, морискамъ удалось подкупить нѣкоторыхъ совѣтниковъ Филиппа II, который, въ концѣ концовъ, благожелательно сталъ относиться къ ходатайствамъ мо-

[1]) Обычная исповѣдь дѣлалась священнику на ухо, Инквизиція же требовала письменной исповѣди въ присутствіи нотаріуса; первая является таинствомъ, вторая—судебнымъ актомъ. Это обстоятельство, въ связи съ обязательствомъ доносить на всѣхъ участниковъ преступленія и вообще на извѣстныхъ исповѣдующемуся преступниковъ, дѣлало ненавистнымъ исповѣдь предъ инквизиторами.

рисковъ. Супрема, однако, не только не давала своего согласія, но все суровѣе и суровѣе стала преслѣдовать въ Гранадѣ исламскую ересь, въ особенности съ возобновленіемъ въ 1565 г. стараго закона о лишеніи феодаловъ права давать убѣжище спасающимся отъ Инквизиціи и о трехдневномъ срокѣ скрыванія бѣглецовъ въ церквахъ. Жившіе на дворянскихъ земляхъ мориски подверглись со стороны Инквизиціи особому разслѣдованію, не являются ли они или ихъ предки бѣглыми еретиками и не подлежатъ ли они немедленной выдачѣ инквизиціонному правосудію; этотъ пересмотръ списковъ дворянскихъ морисковъ привелъ къ многочисленнымъ арестамъ подозрительныхъ, а также къ бѣгству большого числа ихъ въ горы, и во многихъ мѣстахъ Гранады началось серьезное броженіе среди морисковъ. Между тѣмъ, репрессивныя мѣры все болѣе и болѣе усиливались: законъ 1526 года объ одеждѣ, языкѣ и обычаяхъ мавровъ былъ возобновленъ, къ нему были даже прибавлены еще новыя ограниченія, и когда Филиппъ, чувствуя нѣкоторыя угрызенія совѣсти, сталъ разспрашивать епископа Отадуи, благоразумна ли и согласна ли съ волей Бога подобная политика, Отадуи отвѣтилъ ему, что въ противовѣсъ старой кастильской поговоркѣ: «чѣмъ больше мавровъ, тѣмъ больше выгоды»—существуетъ другая поговорка—«чѣмъ меньше враговъ, тѣмъ лучше»,—и что можно комбинировать обѣ поговорки въ одну: «чѣмъ больше мавровъ умереть, тѣмъ выгоднѣе, такъ какъ станетъ меньше враговъ». При такихъ принципахъ нѣтъ ничего удивительнаго, что члену Супремы, Педро де Деса, было поручено провести въ жизнь 1 января 1567 г. законъ, въ силу котораго запрещалось говорить, читать и писать по-арабски какъ публично, такъ и частнымъ образомъ, при чемъ всѣ документы на арабскомъ языкѣ теряли силу; въ теченіе трехъ лѣтъ всѣ мориски должны были научиться испанскому языку. Черезъ 30 дней послѣ опубликованія закона всѣ арабскія книги должны были быть выданы Десѣ, который по собственному усмотрѣнію могъ въ теченіе трехъ лѣтъ вернуть нѣкоторыя изъ нихъ обратно морискамъ; нельзя было носить никакой одежды, сшитой по арабской модѣ; имѣвшаяся шелковая или полушелковая одежда должна была быть изношена въ теченіе одного года, другія же платья въ теченіе двухъ лѣтъ, при чемъ женщинамъ запрещено было носить покрывало на лицѣ. Помолвки и свадьбы должны были совершаться согласно католическимъ обрядамъ, и двери домовъ, гдѣ происходили свадебныя, религіозныя или иныя церемоніи, должны были быть открыты; точно также въ пятницу мориски не имѣли права запирать дверей, а праздничныя пѣнія и пляски—zambra и leila—запрещались по пятницамъ и праздникамъ. Не разрѣшались никакія арабскія имена или прозвища, и всѣ бани, публичныя или частныя, были уничтожены и впредь нельзя было строить ни одной бани; безъ разрѣшенія Десы морискъ не имѣлъ права владѣть негромъ-рабомъ, мавровъ же, въ качествѣ рабовъ, имъ абсолютно было запрещено имѣть; наконецъ, имъ запрещалось мазаться лавзоніей и т. д.

1 января 1567 г., по приказанію Десы, началось разрушеніе бань, и мориски [illegible] убѣдиться въ томъ, что законъ этотъ не останется на одной лишь бумагѣ. [illegible] конференціи виднѣйшихъ дѣятелей королевства Гранады и было постановлено въ случаѣ отказа правительства отмѣнить законъ 1567 г. организовать всеобщее возстаніе. Рѣшеніе это не могло не стать извѣстнымъ Десѣ, который, повидимому, опасался чрезмѣрныхъ безпорядковъ и стремился постепенно вводить отдѣльные пункты закона 1567 г. Этимъ ему удалось нѣсколько успокоить броженіе; но когда, 1 января 1568 г., онъ распорядился, чтобы всѣ дѣти отъ 3 до 15 лѣтъ были отданы въ школы для обученія испанскому языку и христіанской религіи, волненіе снова охватило морисковъ, которые стали готовиться къ возстанію, разсчитывая выставить до 100 тыс. человѣкъ, способныхъ носить оружіе; къ нимъ на помощь, кромѣ того, должны были явиться, по ихъ предположенію, арабы изъ Африки и отчасти мориски изъ Валенсіи. 15 апрѣля 1568 г. мориски должны были открыто поднять знамя возстанія, но еще до этого времени дарикальскій свя-

щенникъ Франсиско де Торихосъ, говорившій по-арабски и имѣвшій друзей среди морисковъ, донесъ о готовящемся возстаніи гранадскому архіепископу и маркизу Мондехару; въ то же время было перехвачено и письмо повстанцевъ къ марокканскому султану съ просьбой о помощи противъ Испаніи. Открытіе заговора побудило руководителей его обратиться къ Десѣ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ Филиппу и съ предложеніемъ выдать ему до 300 заложниковъ; этимъ они отчасти усыпили бдительность Десы и втихомолку подготовляли грозное возстаніе. 23 декабря поднялись мориски, жившіе въ горныхъ цѣпяхъ; въ теченіе нѣсколькихъ дней въ ихъ руки перешло 182 селенія, при чемъ почти вездѣ ими были разрушены церкви, много христіанъ подверглось пыткамъ и было убито, а женщинъ намѣревались продать въ Африку, въ качествѣ рабынь, за военные и съѣстные припасы. Взять приступомъ Гранаду повстанцы, однако, не рѣшались, такъ какъ ея жители не совѣтовали имъ вступить въ бой съ испанской арміей, правда, немногочисленной, но въ сравненіи съ горцами хорошо дисциплинированной. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль маркизу Мондехару удалось почти повсюду подавить возстаніе, и 18 января морискамъ было объявлено, что прощеніе будетъ даровано тѣмъ, которые сложатъ оружіе и добровольно подчинятся власти христіанской Испаніи. Эта примирительная политика встрѣтила противника въ лицѣ Десы, который жаловался Филиппу на неудачныя дѣйствія маркиза Мондехара и подстрекалъ отдѣльныхъ командировъ не считаться съ обѣщаніями, данными маркизомъ повстанцамъ. Послѣдніе, часто обманываемые солдатами, стали также нарушать заключенный съ Мондехаромъ договоръ, и въ февралѣ возстаніе снова приняло значительные размѣры. Король рѣшилъ повести болѣе твердую политику по отношенію къ морискамъ и назначилъ главнокомандующимъ своего побочнаго брата, Донъ-Жуана Австрійскаго. Новый военачальникъ далъ солдатамъ полную свободу грабить и убивать морисковъ; къ солдатамъ присоединились низы общества, и началась вакханалія убійствъ и грабежей, приведшая морисковъ въ отчаяніе и заставившая ихъ поголовно взяться за оружіе, такъ что пламя возстанія охватило не только невадскія и алпухарскія горы, но и другія части Гранады. Расширеніе возстанія вызвало со стороны Испаніи такія неслыханныя жестокости, что война, по выраженію Ли, превратилась въ охоту на людей, при чемъ мужчины безжалостно истреблялись, а женщины и дѣти тысячами продавались съ молотка [1]). Только къ началу 1571 г. прекратилась эта жестокая погоня за виновными морисками, стоившая Испаніи неимовѣрнаго количества людей и денегъ. Одновременно съ войной шло умиротвореніе покоренныхъ земель: Деса предложилъ переселить въ сѣверную Испанію всѣхъ южныхъ морисковъ, не дѣлая различія между виновными и невинными. Опытъ такого переселенія начался съ Албайсина: мужчинъ заковывали въ цѣпи, партіями запирали въ тюрьмы, ихъ женамъ давали время продать имущество, а затѣмъ всѣхъ вмѣстѣ, какъ стадо овецъ, гнали на далекій сѣверъ. Отъ 7 до 8 тысячъ человѣкъ [2]) было отправлено такимъ образомъ, при чемъ многіе по дорогѣ умерли съ голоду, нѣкоторые были убиты сопровождавшими переселенцевъ стражниками; немало также было продано въ рабство жадными гонщиками стада, такъ что даже лѣтописцы не могутъ безъ слезъ говорить объ этомъ трагическомъ событіи.

Послѣ Албайсина наступила очередь за другими городами, при чемъ ужасы невольнаго переселенія казались побѣдителямъ недостаточно суровымъ наказаніемъ, и мориски подверглись болѣе тяжелымъ испытаніямъ. Такъ, въ Галерѣ были перебиты всѣ мужчины; женщинъ же и дѣтей раздѣлили на двѣ категоріи: меньшая въ 400 человѣкъ была уничтожена, а большая въ $4^1/_2$ тысячи была продана въ рабство. Даже мѣстности, остававшіяся совершенно въ сторонѣ отъ возстанія, не избѣгли общей участи и должны были

---

[1]) «History», III, 338.

[2]) Мужчинъ—3500, женщинъ—гораздо больше; Lea, «The Moriscos of Spain», 251.

выдать всѣхъ морисковъ для отправки въ далекія провинціи. Преслѣдуя мирныхъ жителей, Донъ-Жуанъ Австрійскій тѣмъ самымъ расширялъ кадры повстанцевъ, и 28 октября 1570 г. Филиппъ отдалъ приказъ сослать всѣхъ безъ различія морисковъ, при чемъ жители Гранады и ея низменностей, долины Лекрина и Малаги должны были быть распредѣлены по Эстремадурѣ и Галисіи; Гуадикса, Басы и рѣки Алмансоры по Леону и Старой Кастиліи, другіе были отправлены въ мѣста, гдѣ никогда не жили мавры, ни одинъ не былъ сосланъ въ Мурсію, Валенсію и Андалузію, гдѣ постоянно было такъ много мавровъ. Обыкновенно отправлялись партіи въ 1500 чел., которыхъ сопровождали 200 пѣхотинцевъ и 20 кавалеристовъ. Оставшіяся земли и дома, если они только не принадлежали феодаламъ, поступали въ собственность казны, и правительство тщетно пыталось возродить жизнь въ этой, недавно столь цвѣтущей, странѣ. Для переселенцевъ же на новыхъ мѣстахъ началась эра новыхъ страданій и мученій: они были разсѣяны среди христіанъ, поставлены въ положеніе поземельныхъ рабовъ, безъ королевскаго разрѣшенія не могли мѣнять мѣстожительства и даже для проведенія ночи внѣ своего дома нуждались въ разрѣшеніи администраціи, которая въ своихъ дѣйствіяхъ руководилась особымъ законодательствомъ о высланныхъ морискахъ, изданнымъ 6 октября 1572 г. и состоявшимъ изъ 33 пунктовъ. О характерѣ послѣднихъ можно судить по слѣдующему: морискъ, старше 16 лѣтъ, приближающійся къ Гранадѣ на разстояніе 10 и менѣе миль, подлежитъ смертной казни, мальчикъ отъ $10^1/_2$ лѣтъ или дѣвушка старше 9 лѣтъ за это же преступленіе обращаются въ рабовъ, дѣти же моложе указаннаго возраста отдаются до 12-тилѣтняго возраста христіанамъ на воспитаніе. Такія же наказанія налагаются за приближеніе къ границамъ Валенсіи, Арагона и Наварры съ той лишь разницей, что смертная казнь замѣняется пожизненной каторгой. Схваченный гдѣ-либо, внѣ предѣловъ отведеннаго ему жительства, морискъ наказывается 100 ударами розогъ и 4 годами каторжныхъ работъ, женщина же отдается въ услуженіе на 4 года; объ отлученіи мориска изъ дому на одинъ день семья или друзья его, подъ страхомъ тяжелыхъ наказаній, должны довести до свѣдѣнія начальства; оказавшіе ему убѣжище подлежатъ карѣ, а доставившіе его получаютъ отъ мѣстной администраціи вознагражденіе въ размѣрѣ 8 дукатовъ.

Несмотря на жестокія притѣсненія, мориски благодаря своему трудолюбію, трезвости и выдающимся способностямъ вскорѣ стали завоевывать положеніе въ христіанскомъ обществѣ, для котораго явились опасными конкурентами на поприщѣ торговли и промышленности. Уже въ 1573 г. кортесы ходатайствовали предъ Филиппомъ II, чтобы морискамъ не давали права быть архитекторами и строителями и чтобы ихъ не принимали ни на какія судебныя и общественныя должности. Въ 1582 г. въ оффиціальномъ докладѣ о положеніи переселенцевъ говорится, что число морисковъ неимовѣрно быстро растетъ ко вреду коренного населенія; ростъ этотъ объясняется тѣмъ, что они не принимаютъ участія въ войнахъ и не вступаютъ въ духовное званіе, съ которымъ связанъ обѣтъ безбрачія; при такомъ положеніи, продолжаетъ оффиціальный отчетъ, мориски представляютъ опасность, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ уже богаты, и черезъ какихъ-нибудь 20 лѣтъ коренное населеніе будетъ находиться у нихъ въ порабощеніи. Въ 1587 г. Мартинъ Сальватіера, епископъ Сегорбе, жаловался, что среди новыхъ морисковъ имѣются сборщики королевскихъ податей, что въ Пастранѣ, Гуадалахарѣ, Саламанкѣ и другихъ мѣстахъ встрѣчаются среди морисковъ богачи, имущество которыхъ превышаетъ 100 тыс. дукатовъ, и если король не придумаетъ какого-либо средства противъ нихъ, то они скоро окажутся и многочисленнѣе, и богаче старыхъ христіанъ. Тѣ же жалобы раздавались и въ кортесахъ 1592 г., которые, однако, не могли указать надлежащаго средства для борьбы съ все растущимъ зломъ. Въ 1602 году архіепископъ Рибера констатировалъ то же явленіе и говорилъ, что мориски готовы работать за самую ничтожную плату и благодаря этому вытѣсняютъ изъ многихъ отраслей труда настоящихъ испанцевъ. Рибера, между

прочимъ, доказывалъ, что невозможно лишить морисковъ всѣхъ ихъ новорожденныхъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ пришлось бы ежегодно распредѣлять между христіанами до 40 тыс. дѣтей, на содержаніе которыхъ не хватитъ денегъ; если же заставлять морисковъ содержать у христіанъ насильно отнятыхъ дѣтей на средства самихъ же морисковъ, то Испаніи придется снова переживать страшные дни междуусобной войны. Повидимому, на рѣшительныя мѣры правительство не соглашалось, хотя нѣкоторые предлагали устроить Сицилійскую вечерню, отдать всѣхъ морисковъ какъ подозрительныхъ во власть Инквизиціи или даже кастрировать всѣхъ мальчиковъ [1]. Особенно ревностнымъ въ дѣлѣ изобрѣтенія средствъ, какъ избавиться отъ морисковъ, былъ бр. Бледа, который въ своемъ «Defensio Fidei» на основаніи авторитетовъ Церкви доказывалъ, что можно убить всѣхъ морисковъ въ одинъ день или приговорить всѣхъ взрослыхъ мужчинъ къ смерти, а остальныхъ обратить въ рабство или отправить на каторжныя работы. Бледа предпочиталъ убійство изгнанію, такъ какъ первое болѣе благочестивое предпріятіе и можетъ служить болѣе вѣрнымъ средствомъ для предупрежденія новыхъ еретиковъ; кромѣ того, Бледа считалъ убійство и болѣе гуманнымъ способомъ наказанія, ибо изгнанники могли принести съ собою въ Африку страшную эпидемію. Книга Бледы была одобрена испанскимъ духовенствомъ, напечатана на счетъ казны и, по совѣту папскаго духовника, кардинала Бароніуса, съ особеннымъ удовольствіемъ была прочитана Климентомъ VII [2]. При такихъ обстоятельствахъ вопросъ объ изгнаніи морисковъ самъ собою напрашивался, и неоднократно совѣтники короля предлагали ему прибѣгнуть къ этому рѣшительному средству. Медлительный Филиппъ, однако, все откадывалъ и откладывалъ, тѣмъ болѣе, что дворяне, опасаясь лишиться своихъ людей, противились изгнанію и допускали лишь репрессіи по отношенію къ вновь прибывшимъ морискамъ.

Начиная съ 80-хъ гг., Инквизиція особенно сильно стала безпокоиться о неимовѣрно быстромъ ростѣ морисковъ въ Кастиліи, и Великій инквизиторъ Кирога разослалъ въ 1590 г. инквизиціоннымъ трибуналамъ циркулярное письмо съ просьбой высказаться, слѣдуетъ ли разрѣшить морискамъ пребываніе въ Испаніи, или ихъ необходимо изгнать немедленно, причемъ то и другое мнѣніе должно было быть обосновано, а сторонники изгнанія приглашались указать, какимъ путемъ можно осуществить самое изгнаніе [3]. Однако, дѣло затягивалось, мориски находили защитниковъ въ лицѣ приближенныхъ короля, и когда Филиппъ II умеръ 13 сентября 1598 г., положеніе оставалось неопредѣленнымъ, хотя восшествіе на престолъ молодого Филиппа III, находившагося подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, предсказывало скорый конецъ. Разногласія по вопросу о томъ, какую мѣру употребить по отношенію къ морискамъ, способствовали тому, что неопредѣленность положенія при Филиппѣ III нисколько не измѣнилась, и лишь въ 1608 г., когда Испаніи угрожало нашествіе марокканскаго султана Мулея Сидана, былъ созванъ государственный совѣтъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о морискахъ. Большинство совѣта высказывалось въ томъ смыслѣ, что нельзя откладывать проблемы, такъ какъ съ каждымъ годомъ мориски все болѣе и болѣе увеличиваются и вскорѣ могутъ представлять собою большинство населенія Испаніи. Возможны слѣдующіе выходы: поголовное избіеніе; обращеніе въ рабство; отправка на каторгу; разрѣшеніе эмигрировать и изгнаніе. Послѣднее встрѣтило больше всего сочувствія среди членовъ совѣта, хотя оно могло вызвать недовольство дворянъ, которыхъ предполагалось успокоить дарованіемъ земельныхъ и иныхъ владѣній изгнанныхъ морисковъ. Архіепископъ Рибера указывалъ на опасность изгнанія съ точки зрѣнія интересовъ Инквизиціи: удаляя изъ страны такое множество возможныхъ преступниковъ, свѣтская власть суживаетъ

[1] Lea, «The Moriscos of Spain», 296—297.

[2] Id., op. cit., 298.

[3] Текстъ этого циркулярнаго письма помѣщенъ въ «The Moriscos of Spain» Генри-Чарльса Ли, стр. 437.

поле дѣятельности Инквизиціи и не даетъ ей возможности налагать на морисковъ духовныя наказанія; для отвращенія этого неудобства изгнаніе должно было быть представлено въ качествѣ мѣры, принятой одной лишь свѣтской властью по отношенію къ измѣнникамъ-морискамъ, замышляющимъ съ помощью султана Сидана нанести ударъ Испаніи. Изгнаніе должно было начаться съ Валенсіи, гдѣ мориски были и наиболѣе многочисленны, и первые начали вести опасные переговоры съ Сиданомъ. Особую трудность представлялъ вопросъ о дѣтяхъ: они были крещены, не были ни въ чемъ обвинены и должны были теперь быть отданы невѣрнымъ на воспитаніе. Совѣтъ всячески обсуждалъ этотъ вопросъ и не пришелъ къ твердому рѣшенію, потребовавъ лишь, чтобы дѣло оставалось въ глубокой тайнѣ, и чтобы никто не зналъ о предстоящемъ изгнаніи. Однако, неопредѣленные слухи проникли въ общество, даже въ морискую среду, тѣмъ болѣе, что проходили мѣсяцы, а правительство не предпринимало никакихъ мѣръ. Въ октябрѣ 1608 г. сарагосскій архіепископъ Томасъ де Борха извѣстилъ государственный совѣтъ, что мориски массами эмигрируютъ во Францію, и что среди нихъ замѣчается какое-то тревожное настроеніе. Въ апрѣлѣ 1609 г. государственный совѣтъ представилъ, наконецъ, Филиппу III свое окончательное мнѣніе: долгъ короля отвратить отъ Испаніи, являющейся оплотомъ христіанства, гнѣвъ Божій; мориски должны быть изгнаны: существуетъ серьезная опасность со стороны мавровъ и султана Мулея Сидана, срокъ изгнанія — ближайшая осень, а пока необходимо принять военныя мѣры, призвать солдатъ изъ Италіи, охранять береговую границу и приготовить суда для изгнанниковъ. Согласно этимъ постановленіямъ и начались военныя приготовленія. Снова волненіе охватило земельную аристократію, опасавшуюся за свое богатство, и Estamento militar, т.-е. дворянская камера кортесовъ, обратилась къ королю съ воззваніемъ, предъявленнымъ ему особой комиссіей. Въ воззваніи были нарисованы въ крайне мрачныхъ краскахъ послѣдствія изгнанія морисковъ: церкви, монастыри, аристократы, мелкіе дворяне и горожане понесутъ огромныя потери, такъ какъ мориски платятъ, въ качествѣ земельныхъ арендаторовъ, до 11 мил. дукатовъ; пострадаетъ также королевская казна, и у нея не будетъ средствъ охранять береговую границу, страна будетъ переживать тяжелые дни возстанія, и вражда простого народа къ дворянамъ, тлѣющая со времени крестьянскаго бунта Germania, вспыхнетъ съ новой силой. Но когда депутація явилась въ Мадридъ, ей было заявлено, что она пришла слишкомъ поздно, и что эдиктъ объ изгнаніи уже опубликованъ въ Валенсіи [1]).

21 сентября въ кортесахъ было прочитано королевское письмо, гласившее, что мориски неоднократно обращались за помощью противъ Испаніи къ Турціи, Мулею Сидану, протестантамъ и другимъ врагамъ монархіи, что они являются опаснымъ элементомъ для страны, и что изгнаніе ихъ будетъ богоугоднымъ дѣломъ, такъ какъ этимъ будетъ положенъ конецъ ереси и ренегатству этой скверной расы; въ заключеніе говорилось, что убытки, понесенные отъ изгнанія морисковъ христіанами, будутъ возмѣщены, и что всѣ должны оказывать помощь организатору изгнанія Августину Мехіи. 22-го сентября былъ опубликованъ и декретъ объ изгнаніи. Послѣ обычнаго обвиненія морисковъ въ измѣнническихъ планахъ и заявленія о благочестивомъ характерѣ самаго акта говорилось, что послѣ тщетныхъ попытокъ обратить ихъ въ настоящихъ христіанъ рѣшено заставить всѣхъ морисковъ безъ различія возраста и пола покинуть Испанію въ теченіе трехъ дней, съ каковой цѣлью они должны оставаться на своемъ постоянномъ пребываніи до того времени, пока не будутъ отправлены спеціальными комиссарами къ опредѣленнымъ портамъ. Послѣ указаннаго срока всякій можетъ безпрепятственно грабить попавшагося ему мориска и долженъ передать его въ руки магистрата,—а въ случаѣ сопротивленія убить его. Изгнанники могутъ взять съ собою всю движимость, они найдутъ въ указанныхъ портахъ снаря-

[1]) M. Danvila y Collado, «La expulsión de los Moriscos Españoles», стр. 292.

женныя суда [1]), на которыхъ будутъ переправлены въ Африку. Король предоставляетъ во власть дворянства всю недвижимость морисковъ, и если кто-либо предъ уходомъ подожжетъ свой домъ, уничтожитъ свое поле или спрячетъ нѣкоторые предметы, то всѣ жители общины, членомъ которой онъ состоялъ, подвергнутся смерти. На каждую сотню изгнанниковъ, по усмотрѣнію дворянъ или вице-короля, остается по шесть человѣкъ для охраны домовъ, рисовыхъ полей, ирригаціонныхъ каналовъ, машинъ для выжиманія сахарнаго тростника и т. д.; оставшіеся должны научить христіанъ, какъ пользоваться маврскими орудіями производства. Дѣти моложе 4-хъ лѣтъ съ согласія родителей или опекуновъ могутъ остаться; дѣти моложе шести лѣтъ, отецъ которыхъ былъ настоящимъ христіаниномъ, остаются вмѣстѣ съ матерью-мориской. Если же отецъ морискъ, а мать — настоящая христіанка, то отецъ долженъ уйти, а ребенокъ моложе шести лѣтъ остается въ Испаніи вмѣстѣ съ матерью. Могутъ остаться и тѣ, кто въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ жилъ среди христіанъ и не посѣщалъ сходокъ алхамы, равно какъ допущенные священникомъ къ причастію. Оказывать убѣжище или скрывать изгнанника запрещалось подъ угрозой шести лѣтъ каторжныхъ работъ, но никто до срока изгнанія не смѣлъ причинять морискамъ оскорбленія словомъ или дѣйствіемъ; изъ первой и изъ послѣдующихъ партій, переправленныхъ въ Африку, могутъ обратно вернуться 10 человѣкъ, чтобы разсказать оставшимся, что съ ними поступаютъ справедливо, что ихъ высаживаютъ въ Африкѣ, и что никто ихъ не оскорбляетъ [2]).

Сейчасъ послѣ опубликованія эдикта мориски пытались путемъ обѣщанія большой суммы денегъ побудить короля отмѣнить ужасную мѣру, но когда ихъ денежное предложеніе было отвергнуто, они стали заботиться о пріобрѣтеніи необходимаго оружія и силой хотѣли отвѣтить на силу. Мориски, вѣроятно, надѣялись и на поддержку дворянъ, экономическіе интересы которыхъ сильно страдали отъ ухода столь многочисленныхъ, мирно жившихъ и трудомъ добывавшихъ свой хлѣбъ работниковъ; вмѣстѣ съ дворянами мориски дѣйствительно представляли бы грозную силу, и правительству пришлось бы серьезно считаться съ ней. Но, какъ свидѣтельствуетъ Хуанъ Риполъ, случилось чудо: дворяне сразу отказались отъ сопротивленія эдикту 1609 г. и даже всячески способствовали проведенію его въ жизнь. Нужно полагать, что здѣсь дѣйствовало не столько чудо, сколько боязнь предъ крестьянствомъ, которое вдвойнѣ привѣтствовало эдиктъ объ изгнаніи морисковъ, такъ какъ видѣло въ немъ, во-первыхъ, избавленіе отъ ненавистныхъ безбожниковъ, а во-вторыхъ, наказаніе эксплуатирующаго его дворянства. Лишеніе дворянской помощи заставило морисковъ отказаться отъ мысли о сопротивленіи эдикту 1609 г. и побудило ихъ постановить, чтобы всѣ мориски поголовно, не исключая и тѣхъ шести процентовъ, которымъ позволено было остаться, покинули Испанію, при чемъ оставшіеся были заклеймены апостатами. Это постановленіе настолько свято исполнялось морисками, что тѣ самыя лица, которыя раньше предлагали дворянамъ большія деньги за внесеніе ихъ въ 6%-ную норму, теперь ни за что не соглашались оставаться, и дворяне мѣстами лишались всѣхъ своихъ рабочихъ и арендаторовъ. Чтобы сдѣлать положеніе морисковъ болѣе тяжелымъ, имъ запрещено было продавать не только недвижимое имущество, но и большую часть движимаго, подъ тѣмъ предлогомъ, что предметы, стоющіе 100 дукатовъ, продаются ими за два, чѣмъ наносится громадный ущербъ казнѣ и дворянамъ. Запрещеніе это было, однако, вскорѣ отмѣнено, такъ какъ власти опасались взрыва негодованія и отчаянія со стороны изгнанниковъ [3]).

---

[1]) Впослѣдствіи были опредѣлены: Тортоса, Винаросъ, Денія, Валенсія и Аликанте.

[2]) Эдиктъ этотъ помѣщенъ въ «Condición social de los Moriscos de España» Ханера стр. 299—302. — См. также Danvila y Collado, «La expulsión de los Moriscos Españoles», стр. 297—300 (примѣч.).

[3]) Текстъ запрещенія приведенъ у Ханера, «Condición social de los Moriscos de España», стр. 303—304.

Бодро, съ вѣрой въ лучшее будущее, безъ особенной боли о покинутой странѣ, шли мориски къ указаннымъ имъ портамъ въ сопровожденіи солдатъ, охранявшихъ ихъ отъ грабившихъ и нападавшихъ христіанъ. Нигдѣ не слышно было крика отчаянія, плача о разлукѣ; вездѣ гремѣла музыка, громко воспѣвалась слава Аллаха, ведущаго свой народъ въ родную страну, и густыя черныя тѣни ложились на жалкую политику Испаніи, въ теченіе свыше столѣтія тщетно бившейся надъ разрѣшеніемъ мориской проблеммы, когда въ дѣйствительности стоило лишь дать морискамъ возможность эмигрировать, и они добровольно оставили бы мачеху-родину. Первая партія отправилась изъ Деніи 2 октября, она размѣстилась на 17 судахъ по 200 человѣкъ въ каждомъ, и хотя правительство обѣщало на свой счетъ переправить всѣхъ въ Африку, тѣмъ не менѣе, многіе предпочитали частныя платныя суда; да и само правительство, нарушая свое слово, стало взимать съ изгнанниковъ плату за переѣздъ. Кромѣ Деніи, въ тотъ же день ушли суда и изъ другихъ портовъ,—въ общемъ въ первую очередь переправилось 28 тыс. человѣкъ. Переправа продолжалась три мѣсяца и состояла изъ трехъ очередей, при чемъ, согласно даннымъ валенсійскаго инквизиціоннаго трибунала, отправилось изъ порта

(Грао) Валенсіи	17.766	чел.
Аликанте	32.000	»
Деніи	30.000	»
Винароса	15.200	»
(Монкофара) Тортосы	5.690	»
Всего	100.656	чел. [1]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мориски подняли возстаніе, вызванное отчасти недовѣріемъ къ правительственному обѣщанію о переправѣ всѣхъ въ Африку, а отчасти придирками мѣстной администраціи или дворянства, не разрѣшавшихъ морискамъ брать съ собою даже такіе предметы, которые въ силу эдикта они свободно могли вывозить изъ Испаніи. Возстаніе сконцентрировалось въ двухъ мѣстахъ: на горѣ Валь дель Агуаръ, гдѣ собралось свыше 20 тыс. повстанцевъ, и на Муэла де Кортесъ, куда прибыло до 9 тыс. человѣкъ. Въ ноябрѣ противъ непокорныхъ морисковъ были двинуты солдаты; первымъ былъ атакованъ Валь дель Агуаръ: три тысячи морисковъ было убито, остальные были взяты въ плѣнъ и подверглись неимовѣрнымъ мученіямъ и истязаніямъ, много женщинъ и дѣтей было увезено солдатами и продано въ рабство, и лишь незначительное число плѣнниковъ благополучно добралось до береговъ Африки. Повстанцы съ Муэла де Кортесъ сдались подъ условіемъ, что имъ будутъ сохранены жизнь и имущество, и что они будутъ переправлены въ Африку. Солдаты, однако, мало считались съ обѣщаніями, даваемыми начальниками, и жестоко стали грабить сдавшихся въ плѣнъ; лишь три тысячи человѣкъ прибыли въ портовые города, остальные разбѣжались въ горы, откуда въ теченіе болѣе года совершали набѣги на близлежащія селенія; кромѣ того, большое число плѣнныхъ, защищаясь отъ солдатъ, были послѣдними перерѣзаны.

Легкая расправа съ валенсійскими морисками придала Филиппу III смѣлость не останавливаться предъ изгнаніемъ невѣрныхъ изъ Арагона и Каталоніи, хотя въ этихъ провинціяхъ мориски гораздо сильнѣе были привязаны къ христіанству, и не было основанія къ преслѣдованію ихъ. 29 мая 1610 года въ Сарагоссѣ и Барселонѣ былъ опубликованъ эдиктъ объ изгнаніи; мориски завѣряли, что они настоящіе христіане, любятъ свою родину и взывали къ жалости,— ничто не помогло: изъ Арагона было выслано

[1]) Эти цифры содержатся въ приведенномъ Ли («The Moriscos of Spain», 439—444) отчетномъ письмѣ Инквизиціи; обычно считаютъ эту цифру недостаточной и полагаютъ, что изъ Валенсіи въ 1609 г было изгнано свыше 150 тыс. человѣкъ. См. Lea, «History of the Inquisition of Spain», III, 397.

74 тыс. человѣкъ, а изъ Каталоніи—50 тыс. Условія переправы, совершенно закончившейся 18 сентября, были тѣ же, что и въ Валенсіи, за исключеніемъ, однако, пункта о безплатномъ отправленіи морисковъ: на этотъ разъ они вынуждены были платить высокую перевозную плату и добавочную за съѣстные и питьевые припасы; кромѣ того, дѣти моложе семи лѣтъ должны были быть отобраны у родителей и остаться въ Испаніи, что вызвало сильную эмиграцію морисковъ во Францію,—по опредѣленію нѣкоторыхъ, до 25 тыс. человѣкъ. Франція ихъ встрѣтила недружелюбно, и горькія испытанія выпали на долю несчастныхъ странниковъ, которые въ большинствѣ случаевъ вынуждены были, въ концѣ концовъ, искать пристанища въ Африкѣ.

Еще до изгнанія морисковъ изъ Арагона и Каталоніи правительство позаботилось объ очищеніи Гранады и Андалузіи. Начавшіяся выселенія морисковъ изъ Валенсіи вызывали опасеніе, какъ бы и другія части Испаніи не подверглись той же участи, и магистратъ города Мурсіи обратился къ королю съ докладомъ въ защиту морисковъ. Докладъ указывалъ, что въ Мурсіи 978 морискихъ семействъ; всѣ они истинные христіане; въ теченіе многихъ лѣтъ никто изъ нихъ не подвергался преслѣдованію со стороны Инквизиціи; они сочли бы себя глубоко оскорбленными, если бы кто-либо приравнилъ ихъ къ прочимъ новохристіанамъ; принимая все это во вниманіе, магистратъ просилъ не примѣнять къ нимъ валенсійскаго эдикта 1609 г. Но вслѣдъ за этимъ докладомъ кармелитскій монахъ 20 октября 1609 г. отправилъ другой докладъ, прося короля не вѣрить магистрату: въ Мурсіи на 10.500 жителей—5.500 морисковъ, всѣ они измѣнники, недавно поселились въ береговой полосѣ, чтобы легче сообщаться съ африканскими маврами [1]). Доносъ монаха не увѣнчался успѣхомъ: къ мурсійскимъ морискамъ временно не былъ примѣненъ эдиктъ объ изгнаніи; они подпали подъ его дѣйствіе лишь въ 1614 г. Менѣе счастливыми оказались мориски Гранады и Андалузіи. Здѣсь эдиктъ объ изгнаніи былъ опубликованъ 12 января 1610 г.; подъ страхомъ смерти и конфискаціи имущества они должны были покинуть въ теченіе 30 дней [2]) страну, имъ было разрѣшено продать движимость и за вырученныя деньги купить товаръ, изготовленный въ Испаніи испанскими подданными; вывозъ монеты, золота въ слиткахъ, драгоцѣнныхъ камней и векселей разрѣшался лишь въ размѣрѣ, необходимомъ для нуждъ путешествія. Количество изгнанныхъ опредѣляется въ 80—100 тыс.

Аналогична была судьба морисковъ Кастиліи. 28 декабря 1609 г. былъ опубликованъ законъ объ оставленіи Испаніи морисками въ теченіе 30 дней; черезъ Бискайю должны были они идти во Францію и до 1 мая 1610 г. черезъ этапный пунктъ Бургосъ прошло 16713 человѣкъ. Когда Франція воспротивилась пропуску столь многочисленной толпы, переселенческая волна направилась къ Картагенѣ, откуда отплыло 10642 человѣка—оффиціально въ христіанскія страны, такъ какъ лишь въ такомъ случаѣ имъ разрѣшалось брать съ собой малолѣтнихъ дѣтей, въ дѣйствительности же въ Африку, гдѣ они встрѣчали лучшій, нежели въ Европѣ, пріемъ.—Манію изгнанія вскорѣ замѣнила столь же гибельная манія преслѣдованія какъ скрывшихся отъ изгнанія морисковъ, такъ и вернувшихся обратно. Послѣдніе въ силу эдикта 29 сентября 1612 г. подлежали ссылкѣ на каторжныя работы; несмотря на это, многіе тайкомъ возвращались, и въ Алмагро графъ Салосаръ нашелъ 800 вернувшихся морисковъ. Большинство ихъ было отправлено въ рудники, остальные высланы изъ предѣловъ Испаніи на средства магистрата, который, помимо того, понесъ соотвѣтствующее наказаніе за то, что допустилъ въ предѣлы города людей, которые не имѣли въ немъ права пребыванія. Однако, вопросъ о преслѣдованіи скры-

---

[1]) Кармелитскій монахъ явно клеветалъ: мориски Мурсіи происходили отъ жившихъ здѣсь съ XIII в. мудехаровъ.

[2]) Впослѣдствіи срокъ этотъ былъ уменьшенъ до 20 дней.

вавшихся и даже вернувшихся вскорѣ осложнился, такъ какъ многіе изъ морисковъ доказывали, что на нихъ не распространяется дѣйствіе эдикта объ изгнаніи, ибо они принадлежатъ къ группѣ старыхъ мудехаровъ, въ ихъ жилахъ течетъ въ теченіе многихъ поколѣній лишь христіанская кровь, и приняли они христіанство не подъ давленіемъ внѣшнихъ преслѣдованій, а добровольно, убѣдясь въ превосходствѣ его ученія и т. д. Чтобы положить конецъ безконечнымъ спорамъ о границахъ компентенціи эдиктовъ объ изгнаніи, король объявилъ 26 октября 1613 г., что всѣ мориски, безъ различія, въ теченіе 15 дней должны покинуть Испанію, и оказывающіе имъ убѣжище подвергаются конфискаціи имущества, куда входятъ даже королевскіе дары, замки, вассалы и т. д., доносящій же на нихъ получаетъ 10 дукатовъ вознагражденія. При такихъ обстоятельствахъ понятно, что Испанія превратилась въ охотничье поле за морисками, и что оплачиваемое доносительство захватило въ свои сѣти людей, въ крови которыхъ даже лучшія химическія лабораторіи не нашли бы и капли «не-чистой» примѣси.

Благодаря этимъ мѣрамъ мориски лишь въ очень небольшомъ количествѣ оставались въ Испаніи,—въ большинствѣ случаевъ въ качествѣ рабовъ, такъ какъ, щадя интересы дворянства, правительство не изгоняло рабовъ и даже разрѣшало вернуться тѣмъ изъ морисковъ, которые добровольно переходили въ рабство. За морисками-рабами съ большимъ усердіемъ наблюдала Инквизиція. Въ ауто-да-фе 1613 г. изъ 26 обвиняемыхъ морисковъ было 25 рабовъ. Въ 1615 г. Инквизиція стала жаловаться, что взятые въ плѣнъ морскіе разбойники или потерпѣвшіе у береговъ Испаніи крушеніе мавры считаютъ себя маврами, когда они въ дѣйствительности изгнанные изъ Испаніи мориски и, въ качествѣ таковыхъ, подлежатъ юрисдикціи Инквизиціи. Въ виду этой жалобы Филиппъ отдалъ приказъ 12 февраля 1615 года, чтобы власти не ставили препятствій дѣятельности Инквизиціи по отношенію къ рабамъ или плѣннымъ морискамъ; когда же послѣдніе будутъ освобождены Инквизиціей, они должны быть, въ силу закона о возвращающихся морискахъ, отправлены на каторжныя работы. Число рабовъ, однако, быстро сокращалось, и Инквизиціи мало приходилось работать надъ cosas de Moros. По временамъ бывали лишь отдѣльные случаи преслѣдованій,—то были, вѣроятно, дѣти изгнанныхъ морисковъ. Такъ, въ 1638 г. въ Сарагоссѣ былъ сожженъ за упорный исламизмъ Геронимо Буэнавентура; въ 1649 г. валенсійскій трибуналъ привлекъ къ отвѣтственности нѣсколькихъ рабовъ, пытавшихся бѣжать въ Африку; на ауто-да-фе 2 декабря 1625 г. въ Кордовѣ на 68 іудействующихъ былъ одинъ мавръ, Франсиско Луке, плѣнный морской разбойникъ, которому Инквизиція назначила 200 розогъ, 4 года каторжныхъ работъ и вѣчное заточеніе съ ношеніемъ санбенито. Въ Барселонѣ 21 іюня 1627 г. было три мавра, при чемъ старшій изъ нихъ былъ приговоренъ къ сожженію; однако, онъ до сожженія былъ задушенъ, что свидѣтельствовало о его отреченіи отъ ереси. Въ 1655 г. въ кордовскомъ ауто-да-фе изъ 87 обвиненныхъ была лишь одна рабыня Тальфа, маврскаго происхожденія. На большомъ ауто-да-фе въ Мадридѣ 30 іюня 1680 г., куда были согнаны еретики изъ различныхъ частей Испаніи, былъ лишь мавръ Мустава, пойманный въ качествѣ морского разбойника и приговоренный Инквизиціей къ сожженію живьемъ. На ауто-да-фе 7 апрѣля 1669 г. въ Толедо былъ присужденъ къ 100 ударамъ плетью мавръ Солиманъ, бѣжавшій изъ рудниковъ Алмадена рабъ. Отчетъ Инквизиціи въ Вальядолидѣ за періодъ отъ 1622 г. до 1662 г. говоритъ лишь объ одномъ магометанинѣ, а въ Толедо съ 1648 г. по 1794 г. было пять случаевъ преслѣдованія мавровъ. Въ Мадридѣ съ 1703 г. по 1820 г. былъ лишь одинъ еретикъ, обвиненный въ магометанствѣ. Однако, въ Гранадѣ въ 1727 г. было найдено цѣлое гнѣздо мусульманскихъ еретиковъ, изъ которыхъ 45 были осуждены на ауто-да-фе 9 мая 1728 г., а 28 человѣкъ 10 октября того же года; осужденные, повидимому, были очень богаты, такъ какъ Инквизиція давала изъ конфискованнаго богатства главному доносчику Діэго Діасу ежегодную пенсію въ 100 дука-

товъ, а послѣ смерти Діаса пенсія выдавалась его семьѣ; въ 1769 г. дочери Діаса обратились къ Супремѣ съ просьбой о выдачѣ приданаго, и Супрема ассигновала извѣстную сумму. Въ 1769 г. Инквизиція донесла королю Карлу III о нахожденіи въ Картагенѣ мечети, содержимой новохристіанами. Въ подробномъ отчетѣ объ инквизиціонныхъ трибуналахъ Испаніи за періодъ 1780—1820 гг. нѣтъ ни одного упоминанія о морискахъ и только въ одномъ случаѣ говорится о преслѣдованіи мавра.

Точно опредѣлить число изгнанныхъ морисковъ, за неимѣніемъ полнаго статистическаго матеріала, весьма трудно: приходится ограничиваться приведеніемъ самыхъ разнообразныхъ данныхъ. Современникъ этой эпохи, каноникъ Фернандесъ Наварете, въ своемъ «Conservación de Monarquia» говоритъ, что «главнѣйшей причиной уменьшенія населенія Испаніи были частыя и многочисленныя изгнанія мавровъ и евреевъ, враговъ нашей святой католической вѣры, такъ какъ первые были изгнаны въ количествѣ трехъ милліоновъ, а вторые—двухъ» [1]). Другой современникъ, Родриго Мендесъ де Сильва, въ своемъ «Catálogo real y genealogico de España» считаетъ, что при Филиппѣ III было изгнано 900 тыс.; ту же цифру указываютъ Пеньяранда въ «Sistema politico y económico» и Альфонсо Санчесъ въ «De rebus Hispan. Anacephaleosis». Въ 600 тыс. опредѣляютъ лѣтописцы Гаспаръ Эсколано, Маркосъ де Гуадалахара, Соріа и Аснаръ де Кардона. Меньшую цифру—а именно: 340.672—даетъ бр. Бледа въ „Хроникѣ мавровъ Испаніи", Пеньялоса въ «Cinco excelencias» уменьшаетъ ее до 310 тыс. Новѣйшіе писатели такъ же разнорѣчивы, какъ и лѣтописцы: извѣстный противникъ Инквизиціи, Антоніо Льоренте, выдвигаетъ цифру милліонъ, Флоренсіа Ханеръ говоритъ о 900 тыс., Висенте де ла Фуэнте низводитъ ее до 120 тыс., а Данвила-и-Кольядо, съ которымъ соглашается Боронатъ-и-Баррачина, опредѣляетъ ее въ 500 тыс.; Ли считаетъ ее нѣсколько ниже дѣйствительной цифры и, опираясь на показанія современника этой грустной эпохи, итальянскаго посла Себастіана Джили, говоритъ о 600 тыс. Наиболѣе детальныя свѣдѣнія о количествѣ изгнанныхъ морисковъ даетъ Данвила-и-Кольядо; по его вычисленію, основывающемуся на документальныхъ данныхъ, ушло:

Изъ Валенсіи свыше	150 тыс.	Изъ Каталоніи	50 —
» Андалузіи	80 »	» Кампо де Калатравы	6 —
» Кастиліи, Манчи и Эстремадуры	64 »	» Мурсіи	15 —
» Арагона	64 »	» долины Рикоте	2,500
		всего	467,500 [2])

«1609-ый годъ,—говоритъ Конрадъ Геблеръ,—положилъ конецъ испанской промышленности; лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ селились иностранные рабочіе, надѣявшіеся на высокую заработную плату, продолжали работать отдѣльныя фабрики; но такъ какъ иностранцы не долго оставались въ Испаніи, то фактически благосостояніе ея было въ конецъ надорвано» [3]). „Начало паденія нашей промышленности,—говоритъ П. Р. Кампоманесъ;—должно быть отнесено къ моменту изгнанія морисковъ; съ этого момента также начинаются безконечныя жалобы нашей націи, и хотя наши политики приписываютъ происхожденіе бѣдствій начала XVII вѣка другимъ причинамъ, которыхъ, впрочемъ, цѣликомъ отрицать также нельзя, ничто, однако, не нанесло такого удара нашей странѣ, какъ изгнаніе морисковъ» [4]). По словамъ Висенте де ла Фуэнте, „доходность церковныхъ и дворянскихъ земель въ Валенсіи, Сарагоссѣ и Тарасонѣ упала сразу на цѣлую половину, и никогда болѣе эти земли не достигли того уровня, на которомъ находились въ XVI вѣкѣ» [5])

[1]) Haebler, «Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im XVI Jahrhundert und ihr Verfall» Berlin, 1888.

[2]) Danvila y Collado, «La expulsión de los Moriscos Españoles», 337—339.

[3]) Haebler, op. cit., стр. 83—84.

[4]) «Discurso sobre la educacion popular de los artesanos y su fomento», Мадридъ, 1775.

[5]) «Historia eclesiastica de España», 1855.

Въ герцогствѣ Гандіа, гдѣ жило свыше 60 тыс. морисковъ, доходъ въ 1610 г. упалъ съ 53.153 ливровъ до 15.349: въ десяти деревняхъ этого герцогства въ годъ изгнанія пустовало 417 домовъ, 5 поселковъ было совершенно уничтожено, а въ четырехъ не оставалось почти ни одной живой души [1]). Такую же приблизительно картину представляли и нѣкоторые другіе города, какъ, напр., Сіудадъ-Реаль, Теролесъ, Берха, Сегорбе, Навахасъ, Корвера, Хатива и др. Погибли не только арабскія общины, но и христіанскія, и арендная плата сильно понизилась. Вмѣсто трети или даже половины стоимости всѣхъ продуктовъ, землевладѣльцы теперь стали взимать $^1/_6$, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ $^1/_9$. Благодаря такой уступкѣ удалось въ 1609 г. заселить три округа, въ 1610 г.—15, а въ 1611 г.—30. При этомъ, разумѣется, страдали интересы землевладѣльцевъ. Такъ, крупный землевладѣлецъ Геронимо Рамо потерялъ 20 тыс. дукатовъ въ своемъ имѣніи Алмуніи, въ Алсирѣ другой землевладѣлецъ пострадалъ на 6 тыс., и правительство поручило валенсійскому регенту Фонтанету изслѣдовать причины внезапнаго паденія доходности земли и средства помочь этому. Работа Фонтанета велась въ такомъ духѣ, что причины экономическаго кризиса не были настоящимъ образомъ вскрыты, а помочь злу можно было, по мнѣнію Фонтанета, путемъ ассигновокъ отдѣльнымъ дворянамъ—para alimentos: какъ будто имъ угрожала голодная смерть! Согласно заключенію доклада, графу Кастельяру было въ годъ ассигновано 2000 дукатовъ, Хуану Ротлѣ—400, Беатрисѣ де Борха—600, маркизу Кирѣ—600, графу дель Реалю—2000, герцогу Гандіи—8000, Пальясу—300 ливровъ и единовременное пособіе въ 4 тыс. дукатовъ и т. д. Въ Арагонѣ и Валенсіи было роздано въ 1613 г. выморочныхъ имѣній новымъ жителямъ на сумму въ 84949 ливровъ; Инквизиціи также было при этомъ выдано 49.188 ливровъ, такъ какъ она жаловалась, что съ изгнаніемъ морисковъ она въ одной лишь Валенсіи теряла ежегодно $2^1/_2$ тыс. дукатовъ, не считая штрафовъ въ 10 дукатовъ, дававшихъ ей также очень значительный доходъ. По ея словамъ, доходъ съ земель въ Валенсіи былъ раньше равенъ 17.679 ливровъ, а теперь уменьшился на половину; въ виду этого въ 1612 г. гранадскій и севильскій трибуналы вынуждены были дать валенсійскому по тысячѣ дукатовъ. Когда король посѣтилъ въ 1615 г. Валенсію, Инквизиція обратилась къ нему съ просьбой дать ей часть земель, конфискованныхъ послѣ изгнанія морисковъ въ пользу государства. Неизвѣстно, удовлетворена ли была эта просьба,—во всякомъ случаѣ, денежное состояніе валенсійской Инквизиціи продолжало оставаться въ критическомъ положеніи: она не только перестала субсидировать майоркскій трибуналъ, но и въ 1617 г. не имѣла, чѣмъ заплатить служащимъ Инквизиціи, которые вынуждены были довольствоваться частичнымъ жалованіемъ. Не лучше обстояло дѣло съ барселонскимъ трибуналомъ, которому кастильская Инквизиція, въ виду своего ухудившагося положенія, отказала въ матеріальной помощи. Сарагосскій трибуналъ добился отъ короля въ 1617 г. нѣкоторой поддержки, такъ какъ за него вступилась Супрема. Послѣдняя въ 1619 г. жаловалась королю, что ея общіе расходы превышаютъ доходы, и что ежегодно растетъ дефицитъ, а потому король долженъ идти ей навстрѣчу, она обѣщала даже — обѣщаніе осталось, впрочемъ, невыполненнымъ—уволить трехъ инквизиторовъ, 16 секретарей и трехъ сверхштатныхъ членовъ Супремы. Призывъ этотъ, повидимому, не имѣлъ никакихъ послѣдствій,—и въ 1619 г. Супрема снова вступается за сарагосскую Инквизицію, доходъ которой уменьшился на 19 тыс. реалей, что принуждаетъ ее прекратить выдачу жалованія служителямъ трибунала [2]).

Казна также мало воспользовалась имуществомъ изгнанныхъ морисковъ. Правда, на первыхъ порахъ она инкассировала значительныя суммы отъ продажи земель, и финансовый совѣтъ въ октябрѣ 1610 г. свидѣтельствуетъ, что въ Оканѣ и Мадридѣ, гдѣ продажа шла наиболѣе бойко, выручено 200 тыс. дукатовъ. Но мы уже видѣли, что правительство

[1]) Lea, «The Moriscos of Spain», 1901.

[2]) Lea, «History», III, 410.

часто давало ассигновки изъ этихъ поступленій обѣднѣвшимъ дворянамъ, а также Инквизиціи; кромѣ того, королевскими фаворитами, какъ свидѣтельствуетъ англійскій посолъ, сэръ Фрэнсисъ Коттингэмъ, была расхищена очень значительная сумма. Такъ, Лерма получилъ 250 тыс. дукатовъ, его сынъ, герцогъ Уседа, 100 тыс., его дочь, графиня Лемосъ, 50 тыс., ея мужъ 100 тыс.[1]). Въ 1614 г. былъ награжденъ Фольгъ де Кардона различными имѣніями, покинутыми морисками въ Ондѣ и Вильяреалѣ, вице-канцлеръ Роигъ получилъ бойни Тосаля, Фереръ земельные участи въ Кортельѣ, военный орденъ Сантъяго въ Вальяхойосѣ, Вильяроса въ Албалашѣ и Сегартѣ, Мендоса въ Хативѣ, Кастельонѣ и Алсирѣ, Вальтерра въ Сагунтѣ, Каванильесъ въ Лиріи и т. д. [2]) Впрочемъ, одновременно съ этимъ правительство тратило деньги и на полезныя предріятія: оно пыталось заселить тѣ мѣстности, которыя особенно сильно пострадали отъ эдиктовъ 1609 и 1610 гг. 3 ноября 1609 г. герцогъ Лерма выступилъ съ проектомъ переселить съ Азорскихъ острововъ часть населенія въ покинутыя морисками мѣстности, принадлежавшія крупнымъ валенсійскимъ землевладѣльцамъ. Послѣдніе, однако, повидимому, требовали высокую арендную плату, и проектъ Лермы ни къ чему не привелъ; вскорѣ правительство стало принимать мѣры противъ чрезмѣрныхъ требованій сеньеральныхъ владѣльцевъ и издало рядъ постановленій о размѣрахъ тѣхъ или иныхъ натуральныхъ повинностей. Этимъ объясняется успѣхъ его иммиграціонной политики: изъ пиренейскихъ областей поселилось въ Валенсіи около 8 тыс. человѣкъ, изъ Каталоніи около 7 тыс.; прибыло также много иностранцевъ, въ особенности ремесленниковъ и торговцевъ, недостатокъ въ которыхъ особенно сильно чувствовался съ изгнаніемъ морисковъ. Въ срединѣ XVII вѣка въ одномъ лишь Мадридѣ было свыше 40 тыс. иностранцевъ, въ рукахъ которыхъ были сосредоточены почти всѣ ремесла [3]). Въ 1623 г. было издано нѣсколько законовъ, имѣвшихъ въ виду увеличить населеніе Испаніи. Такъ, вступающихъ въ бракъ освобождали отъ налоговъ въ теченіе двухъ лѣтъ, а въ теченіе еще четырехъ лѣтъ они не платили общинныхъ повинностей; затѣмъ былъ опубликованъ строгій законъ объ эмиграціи, и во всѣхъ крупныхъ центрахъ была введена строгая запись эмигрантовъ. Такъ какъ населеніе Мадрида, Гранады и Севильи считалось вполнѣ достаточнымъ, то никто безъ спеціальнаго разрѣшенія не могъ селиться въ нихъ, чтобы не уменьшать числа людей въ другихъ мѣстахъ государства, гдѣ такое уменьшеніе было нежелательно; не разрѣшалось даже долгое пребываніе при королевскомъ дворцѣ, если таковое не вызывалось спеціальными мотивами; въ этомъ отношеніи не дѣлалось исключенія даже для самыхъ могущественныхъ грандовъ и сеньеровъ, уходъ которыхъ въ столицу подрывалъ благосостояніе провинціи. Были приняты также мѣры противъ нищенства и бродяжничества; ограничено было число прислуги у грандовъ, и болѣе 18 человѣкъ никто не могъ имѣть въ своемъ распоряженіи. Разумѣется, всѣ эти мѣры мало вліяли на поднятіе народонаселенія, и изгнаніе морисковъ продолжало чувствоваться въ теченіе не только XVII-го, но и XVIII вѣка, тѣмъ болѣе, что тяжелыя и безконечныя войны, которыя вела Испанія, начиная съ царствованія императора Карла, и сильная эмиграція въ заокеанскія колоніи, вызывавшаяся желаніемъ легкой и быстрой наживы, дѣйствовали въ направленіи уменьшенія народонаселенія Испаніи; къ этимъ причинамъ слѣдуетъ еще прибавить и необыкновенный ростъ монашества и духовенства, задерживающій естественный приростъ населенія.

Приведемъ нѣсколько цифръ о населеніи Испаніи.

Въ концѣ XVI вѣка (перепись 1594 г.) общее населеніе Испаніи было равно

---

[1]) Lea, «History», II, 436—437; idem, «The Moriscos of Spain», 375—377.

[2]) Boronat y Barrachina, «Los moriscos Españoles y su expulsión», II, 337.

[3]) Haebler, «Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im XVI Jahrhundert und ihr Verfall», стр. 170.

8.401.972 [1]); въ сравнении съ числомъ жителей въ срединѣ XVI вѣка эта цифра составляла увеличение почти на $2^1/_2$ миллиона; другими словами, ежегодный приростъ за вторую половину XVI вѣка равнялся 42.480. Для первой половины XVII вѣка нѣтъ точныхъ данныхъ, но Геблеръ, опираясь на многочисленныя свѣдѣния современниковъ, а также на цифры населения отдѣльныхъ испанскихъ городовъ, пришелъ къ выводу, что почти всѣ города потеряли половину своего населения, нѣкоторые даже $^2/_3$ по сравнению съ 1594 г. Это падение числа жителей уменьшается во вторую половину XVII вѣка. Мурсия, Картагена и Кордова въ 1700 г. все еще насчитываютъ меньше жителей, нежели въ 1594 г., но Бургосъ, Куэнка и другие сдѣлались теперь гораздо населеннѣе. Статистическия данныя отъ 1723 г. показываютъ, что изъ 18 кастильскихъ округовъ 15 уменьшились въ количественномъ отношении въ сравнении съ XVI вѣкомъ, и лишь три, куда, между прочимъ, входитъ и Мадридъ, нѣсколько увеличились. Въ 1723 г. Кастилия насчитывала 4.203.160 душъ населения, т.-е. меньше въ сравнении съ 1594 г. на 2.498.440, т.-е. ежегодное падение въ $19.367^1/_2$; даже въ срединѣ XVI-го вѣка Кастилия была многолюднѣе, насчитывая 4.449.900 человѣкъ. Въ Валенсии въ 1609 г. было 485.860 душъ населения, а въ 1714 г.—318.850; въ баскийскихъ провинцияхъ въ соотвѣтствующие годы было: 201.515 и 179.935. Въ общемъ Испания имѣла въ 1723 г. 5.777.900 душъ населения, т.-е. почти на три миллиона меньше, чѣмъ въ 1594 г., и на одинъ миллионъ меньше, нежели въ 1541 г.

Приведемъ слѣдующую таблицу населения Кастилии, заимствованную у Геблера.

	1541 г.	1594 г.	1723 г.
Бургосъ	63 684	96 166	49 282
Сория	32 763	38 234	18 068
Вальядолидъ	43 787	55 605	26 939
Леонъ	59 360	97 110	59 080
Самора	86 278	146 021	120 016
Торо	41 230	51 352	20 106
Саламанка	133 120	176 708	79 737
Авила	31 153	37 756	10 061
Сеговия	33 795	41 413	16 687
Гуадалахара	26 257	37 901	16 974
Мадридъ	13 312	31 932	37 680
Толедо	80 957	147 749	42 987
Мурсия	19 260	28 470	30 494
Куэнка	33 341	65 368	40 603
Севилья	80 357	114 738	81 844
Кордова	34 379	46 209	39 202
Хаэнъ	35 167	55 684	30 175
Гранада	41 800	71 904	78 728
Итого	4 449 900	6 701 600	4 203 160

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Протестантизмъ.

18 февраля 1521 г. папский нунций Алеандеръ изъ Вормса извѣстилъ папу, что въ Нидерландахъ печатаются испанские переводы сочинений М. Лютера, и что было бы желательно принять мѣры противъ допущения въ Испанию подобныхъ книгъ. 21 марта того же года папа Левъ X передалъ правителю Испании содержание письма Алеандера, присово-

[1]) Manuel Colmeiro въ «Historia de la economía política» (1863) приводитъ цифру 8,118,520.

Philippus II. Caroli V. filius. Hispaniarum, Indiarum, Neapolis, Siciliæ, Hierosolymæ, etc. rex catholicus.
Mediolani, Brabantiæ, Geldriæ, etc. dux. Flandriæ, Hollandiæ, Hannoniæ, etc. comes. Aetatis suæ 59.
1586

купивъ требованіе о тщательномъ наблюденіи за преступными книгами, а Великій инквизиторъ, кардиналъ Адріанъ, отдалъ 7 апрѣля приказъ конфисковать вредныя книги и всячески подавлять лютеранскую ересь. Вскорѣ и государственный совѣтъ обратился къ Карлу V съ тою же просьбой; однако, всѣ эти распоряженія носили характеръ предварительныхъ мѣръ, такъ какъ фактически въ Испаніи еще не было протестантовъ, и лишь въ 1523 г. впервые предсталъ въ Испаніи предъ майоркскимъ трибуналомъ лютеранинъ Гонсальва, который былъ присужденъ къ смертной казни. И этотъ случай лютеранства, вѣроятно, находитъ свое объясненіе въ желаніи инквизиторовъ наказать, наконецъ, хоть одного протестанта, такъ какъ сомнительно, чтобы въ 1523 г. на островѣ Майоркѣ могъ быть настоящій лютеранинъ, когда въ самой Испаніи еще никто не былъ обвиненъ въ этомъ ученіи. Первыми жертвами протестантизма на испанской почвѣ, за исключеніемъ названнаго Гонсальва, были иностранцы: въ 1524 г. валенсійскій трибуналъ осудилъ за лютеранскую ересь нѣмца Эстеве, а въ 1528 г. Корнелиса изъ Гента. Въ этомъ же году предъ толедскимъ трибуналомъ предсталъ и первый испанецъ лютеранинъ, Діэго де Уседа изъ Кордовы. На первой аудіенціи 27 февраля 1528 г. онъ заявилъ, что не знаетъ причины своего ареста, но затѣмъ сознался, что одинъ разъ говорилъ о еретикѣ Leuterio, а въ другой разъ высказался противъ исповѣданія на ухо, но защищалъ всѣ католическія догмы. Свидѣтельскія показанія были въ пользу Діэго де Уседа, и онъ 11 ноября подвергся пыткѣ, во время которой заявилъ, что отрицалъ исповѣданіе на ухо. Послѣ пытки онъ взялъ обратно свое показаніе и 12 февраля 1529 г. былъ приговоренъ къ ауто-да-фе съ abjuratio de vehementi; кромѣ того, къ нѣкоторымъ наказаніямъ духовнаго характера [1]). Въ 1529 г. въ Валенсіи судился по обвиненію въ протестантизмѣ Мельхоръ изъ Вюртемберга: онъ говорилъ во всеуслышаніе, что міръ черезъ три года потонетъ въ крови, такъ какъ на свѣтѣ нѣтъ ни одного истиннаго христіанина. На судѣ Мельхоръ заявилъ, что посѣтилъ Мартина Лютера съ цѣлью изучить, какая лютеранская секта наиболѣе правильна. По всей вѣроятности, Мельхоръ былъ анабаптистомъ [2]); его показанія были представлены Супремѣ, которая отвѣтила, что обвиняемаго слѣдуетъ наказать согласно требованію законовъ, если онъ дѣйствительно исповѣдуетъ лютеранскую ересь, въ противномъ случаѣ можно ограничиться 100 розгами. Съ этого времени, однако, протестантизмъ сталъ мало-по-малу проникать въ страну, и 27 апрѣля 1531 г. Супрема отправила carta acordada всѣмъ трибуналамъ, предлагая имъ опубликовать вѣроисповѣдный эдиктъ, въ силу котораго всѣ, знающіе что-либо о лютеранской ереси, должны были сдѣлать надлежащія донесенія. Повидимому, какъ полагаетъ Ли, кое-гдѣ возникали сомнѣнія, насколько въ сферу дѣятельности Инквизиціи входитъ преслѣдованіе протестантовъ, и какими именно средствами должна она бороться съ ними, такъ что потребовалось даже вмѣшательство папы для устраненія этихъ сомнѣній [3]). 15 іюля 1531 г. Климентъ VII писалъ Великому инквизитору Манрике, чтобы онъ преслѣдовалъ приверженцевъ Мартина Лютера и всѣхъ пособниковъ его ученія; упорствующіе еретики должны были быть выданы свѣтской власти, по отношенію къ другимъ слѣдовало поступать снисходительно; папа уполномочилъ Манкире возбуждать преслѣдованіе даже противъ архіепископовъ и епископовъ, съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что они не могутъ быть арестованы и посажены въ тюрьму.

Судя по имѣющимся даннымъ, за протестантскую ересь все еще преслѣдовались одни лишь иностранцы. Такъ, 30 апрѣля 1531 г. пріоръ монастыря въ Консуэгрѣ донесъ на иностраннаго монаха, что у него имѣется сочиненіе еретика Leutereo. 13 мая 1531 г.

---

[1]) Schäfer, «Beiträge zur Geschichte des spanischen Protestantismus», II, 114—115.

[2]) Lea, «History», III, 421—22.

[3]) Lea, op. cit., III, 422.

обвиняемый монахъ Угональдо предсталъ предъ толедскимъ трибуналомъ, заявилъ, что на толкучемъ рынкѣ пріобрѣлъ за $^1/_2$ реаля книгу Лютера на испанскомъ языкѣ, хотѣлъ узнать, проповѣдуетъ ли онъ хорошее или дурное, но съ первой же страницы убѣдился въ дурныхъ намѣреніяхъ автора, книги дальше не читалъ и бросилъ ее въ печь. Судъ вынесъ Угональдо порицаніе и епитемію [1]). Въ томъ же 1531 году былъ обвиненъ въ протестантизмѣ Гаспаръ де Торральва, опять-таки иностранецъ изъ Байонны; его вина была совершенно незначительна, и во всякомъ случаѣ ничто не доказывало его лютеранства, такъ какъ въ гнѣвѣ произнесенныя слова «reniego de Dios» (отрицаю Бога) и несоблюденіе поста въ виду слабости здоровья обвиняемаго не свидѣтельствовали о спеціально лютеранской ереси. Гораздо болѣе громкій процессъ возникъ въ 1534 г. противъ Маріи де Касальи, настоящей испанки. Противъ нея было выставлено 34 обвинительныхъ пункта: она отрицала необходимость исповѣданія, называла «papamisas» людей, посѣщавшихъ мессы, восторгалась Лютеромъ, называла св. Ѳому послѣдователемъ Аристотеля, говорила, что Эразмъ долженъ быть канонизированъ, отрицала свободу воли, насмѣхалась надъ папскими буллами и надъ индульгенціями, покупателей послѣднихъ называла животными и т. д.; наряду съ этими пунктами было много такихъ, которые свидѣтельствовали, что Марія де Касалья была скорѣе иллюминаткой, нежели протестанткой, и ее лишь съ большой натяжкой относятъ къ первымъ представителямъ протестантизма въ Испаніи. Одновременно съ Маріей Касальей судился за лютеранство Гуго де Цельзо, родомъ изъ Бургундіи, ученый юристъ, авторъ «Repertorio de las Leyes». Онъ предсталъ впервые предъ толедскимъ трибуналомъ 1 марта 1532 г. по обвиненію въ лютеранствѣ: несмотря на свое духовное званіе, онъ женился; 14 марта 1535 года былъ онъ приговоренъ къ лишенію сана, къ вѣчному заточенію и къ конфискаціи имущества. Черезъ нѣкоторое время, Цельзо былъ освобожденъ, но потомъ снова привлеченъ и въ 1551 г. былъ сожженъ [2]). Той же участи въ 1540 г. подвергся Франсиско де Санъ Романъ изъ Бургоса, который можетъ считаться первымъ испанцемъ, погибшимъ за дѣло протестантизма. Богатый купецъ, не обладая спеціально теологическимъ образованіемъ, Санъ Романъ жилъ въ Антверпенѣ и для взысканія долговъ отправился однажды въ Бременъ. Здѣсь изъ любопытства онъ пошелъ въ церковь, чтобы послушать пастора Якова Пробста; проповѣдь произвела на Санъ Романа сильное впечатлѣніе, онъ сталъ посѣщать на дому Пробста, читать теологическія книги и вскорѣ сдѣлался страстнымъ протестантомъ. Онъ отправилъ императору Карлу письмо съ проклятіями за его преступное отношеніе къ лютеранству и рвался всей душой въ Испанію, чтобы тамъ бороться за свою новую вѣру. Мнимые друзья посовѣтовали Санъ Роману отправиться къ Карлу, и по дорогѣ онъ былъ арестованъ и посаженъ въ лувенскую тюрьму. Освобожденный изъ нея, онъ встрѣтился съ Франсиско де Энсинасомъ, который доказывалъ ему, что не слѣдуетъ человѣку, не получившему теологическаго образованія, проповѣдывать новаго ученія и что онъ будетъ кричать, словно «какой-либо дуракъ» [3]). Энсинасъ, однако, мало повліялъ на Санъ Романа, который отправился въ Регенсбургъ, чтобы обратить Карла въ протестантизмъ. Здѣсь увлекавшійся неофитъ былъ арестованъ, закованъ въ цѣпи и отправленъ въ Вальядолидъ, гдѣ и былъ сожженъ [4]). Какъ ни серьезенъ былъ этотъ случай, свидѣтельствовавшій, что и настоящіе испанцы не гарантированы отъ лютеранской ереси, Инквизиція, тѣмъ не менѣе, утѣшала себя тѣмъ, что Санъ Романъ заразился вреднымъ ученіемъ за границей и для Испаніи не представлялъ непосредственной опасности, такъ какъ явился въ эту страну въ цѣпяхъ и на ауто-да-фе былъ заколотъ толпой шпагами въ тотъ моментъ, когда въ послѣдній разъ ему было предложено отречься отъ своихъ грѣховныхъ взглядовъ.

[1]) Schäfer, II, 115—116.
[2]) По Шеферу (т. II, стр. 118—119) онъ былъ сожженъ въ 1539 г. in effigie.
[3]) Wilkens, «Geschichte des spanischen Protestantismus». Гютерсло, 1888, стр. 61.
[4]) Wilkens, op. cit., 62.

Случай съ Хуаномъ Гилемъ (Gil) или, какъ чаще его называютъ, съ докторомъ Эгидіемъ (Egidio) не представлялъ, наоборотъ ничего утѣшительнаго для Инквизиціи, такъ какъ Эгидій постоянно жилъ въ Испаніи и не могъ нигдѣ, помимо Испаніи, ознакомиться съ ложными ученіями; Эгидій можетъ быть названъ родоначальникомъ лютеранской ереси, свившей себѣ гнѣздо въ Севильѣ и отсюда распространившейся по нѣкоторымъ другимъ испанскимъ городамъ. Эгидій былъ родомъ изъ Ольверы, учился въ Алкала, былъ каноникомъ въ Севильѣ и пользовался большой популярностью во многихъ церковныхъ приходахъ за свое краснорѣчіе и ученость. Гдѣ усвоилъ онъ протестанскія идеи, сказать трудно, но Льоренте полагаетъ, что около 1540 г. Эгидій былъ уже лютераниномъ [1]), что подтверждается показаніями монахини Леоноры де Санъ Кристобалъ изъ монастыря Santa Paula, прочитанными монахомъ Діэго де Вадильо на инквизиціонномъ судѣ 11 сентября 1559 г. [2]). Какъ бы то ни было, но о его еретическихъ взглядахъ не было извѣстно Карлу, который въ 1550 г. назначилъ его епископомъ Тортосы; ему, однако, не удалось занять епископской каѳедры, такъ какъ немедленно послѣ этого назначенія Инквизиція была поставлена въ извѣстность относительно еретическихъ взглядовъ новаго тортосскаго епископа, который 21 августа 1552 г. на судѣ въ Севильѣ отрекся (abjuratio de vehementi) отъ 10 своихъ положеній, которыя онъ призналъ еретическими, другія восемь положеній онъ назвалъ невѣрными и ошибочными, а остальныя семь были истолкованы въ католическомъ духѣ. Послѣ этого онъ былъ приговоренъ къ году тюремнаго заключенію, къ десятилѣтнему отрѣшенію отъ обязанностей проповѣдника, къ запрещенію оставить предѣлы Испаніи и къ епитеміи. Эгидій умеръ въ 1556 г., и смерть спасла его отъ суроваго наказанія, такъ какъ выяснился рядъ другихъ его преступленій, и въ 1560 г. были сожжены его кости (Post mortem combusta sunt eius ossa tamquam haeretica sicut ossa Constantini, ambo heresiarchae: послѣ смерти его еретическія кости были сожжены, какъ и кости еретика Константина; оба были ересіархами) [3]). Константинъ, о которомъ здѣсь упоминается, былъ товарищемъ Эгидія и, подобно ему, каноникомъ въ Севильѣ. Онъ родился въ 1500 г. въ Санъ Клементе, и полное имя его было: Константинъ Понсе де ла Фуэнте (Constantino Ponce de la Fuente). Онъ написалъ рядъ выдающихся работъ, которыя въ 1557 г. обратили на себя вниманіе Инквизиціи, изъявшей ихъ изъ употребленія [4]); онъ въ Нидерландахъ состоялъ при Карлѣ и былъ придворнымъ капелланомъ Филиппа II, ассигновавшаго ему въ 1552 г. ежегодную пенсію въ 700 дукатовъ. 16 августа 1558 г. Понсе былъ арестованъ, и имущество его секвестровано. На большомъ севильскомъ ауто-да-фе 22 декабря 1560 г. кости его были сожжены. Дѣло Константина Понсе возникло въ 1558 г., явившемся знаменательнымъ годомъ въ исторіи испанскаго протестантизма: до этого года случаевъ лютеранской ереси было крайне немного, и лишь съ 1558 г. можно серьезно говорить объ испанскомъ протестантизмѣ, хотя, слѣдуетъ замѣтить, что боль-

---

[1]) «Histoire critique de l'Inquisition», III, 211. По Вилькенсу, «Geschichte des spanischen Protestantismus», Эгидій лишь въ 1557 г. сдѣлался каноникомъ въ Севильѣ, стр. 103.

[2]) Schäfer, «Beiträge zur Geschichte des spanischen Protestantismus», II, 378.

[3]) Schäfer, II, 353.

[4]) Подробная и удачная характеристика Понсе де ла Фуэнте сдѣлана Бенитесомъ де Луго въ «Revista de España», 1885 (t. 104).—Въ письмѣ инквизитора Карпіо 26 февраля 1557 г. на имя Супремы говорится, что многія книги Константина задержаны, и съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивается. Письмо Карпіо полностью помѣщено у Шефера, II, 354.—Задержаны были Инквизиціей слѣдующія книги Константина: 1) «Exposición del psalmo Beatus vir», Севилья 1546 и 1551; третье изданіе «Exposición del primer Psalmo de David, cuyo principio es beatus vir, dividida en seis Sermones par el Doctor Constantino» было выпущено Бемеромъ (Böhmer) въ 1881 г. 2) «Cathecismo christiano», Антверпенъ 1546 и Савилья 1547; 3) «Confesion de un pecador delante Jhesu Christo», Севилья 1547. Талантливая характеристика Понсе де ла Фуэнте сдѣлана также Вилькенсомъ въ «Geschichte des spanischen Protestantismus», 104 и сл.

шихъ размѣровъ онъ никогда здѣсь не достигалъ, и отдѣльныя проявленія его въ Севильѣ и Вальядолидѣ умышленно раздувались Инквизиціей съ цѣлью усиленія репрессій противъ всякаго рода еретиковъ.

Историкъ Эрнстъ Шеферъ, книга котораго содержитъ богатый архивный матеріалъ по исторіи испанскаго протестантизма, нашелъ до 1558 г. всего 105 процессовъ, возникшихъ по обвиненію въ лютеранствѣ, при чемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ обвиняемые были иностраннаго происхожденія. Правда, Шеферъ допускаетъ, что имъ найдена лишь $^1/_5$ всѣхъ судебно-инквизиціонныхъ протоколовъ, и что $^4/_5$ пропали безслѣдно; но, съ другой, во многихъ процессахъ противъ лютеранъ такъ мало было специфически лютеранскаго, что ихъ лишь потому относили къ этому ученію, что инквизиторамъ угодно было видѣть въ каждомъ уклоненіи отъ традиціоннаго католицизма слѣды протестантизма. Данныя Шефера представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Трибуналы.	Испанцы.	Иностранцы.
Барселона	—	8
Логроньо	18	30
Валенсія	—	2
Сарагосса	5	6
Куэнка	5	3
Гранада	—	3
Льерена	1	—
Толедо	8	14
Севилья	2	—
Всего	39	66

Хотя цифры эти неточны и далеко неполны (отсутствуютъ, напримѣръ, трибуналы Кордовы, Мурсіи и Майорки), тѣмъ не менѣе, онѣ свидѣтельствуютъ, что протестантизмъ въ Испаніи до 1558 г. былъ совершенно въ зачаточномъ состояніи, и Испанія далеко отставала отъ сосѣдней съ ней Франціи. Лишь въ Севильѣ, благодаря докторамъ Эгидію и Константину, существовала небольшая протестантская организація, на которую и посыпались удары со стороны Инквизиціи.

Еще въ 1557 г. севильская Инквизиція заподозрила рядъ лицъ, преимущественно духовнаго званія, въ сочувствіи протестантизму и отдала приказъ снарядить слѣдствіе по этому поводу. Изъ монастыря San Isidoro (extra muros Севильи) бѣжало тогда 11 монаховъ еретиковъ за границу; это обстоятельство усилило надзоръ надъ Севильей, куда, какъ стало извѣстно Инквизиціи, прибылъ изъ Германіи лютеранинъ Юліанъ Эрнандесъ (родомъ изъ Вальверде), который привезъ массу еретическихъ книгъ на латинскомъ и испанскомъ языкахъ, а также письма отъ Хуана Переса де Пинеды къ выдающимся лицамъ Севильи. Хотя Юліанъ Эрнандесъ дѣйствовалъ очень осторожно, во-время бѣжалъ изъ Севильи, но по дорогѣ, въ 30 миляхъ отъ Севильи, былъ пойманъ и 7 октября 1557 г. заключенъ въ инквизиціонную тюрьму; въ тотъ же день былъ посаженъ въ ту же тюрьму пойманный 4 октября въ Эсихѣ Хуанъ Понсе де Леонъ, помогавшій Эрнандесу разсылать по городу привезенныя послѣднимъ книги и письма. Почти одновременно съ Ю. Эрнандесомъ изъ Севильи бѣжали золотыхъ дѣлъ мастеръ Педро де Соса, жена котораго Каталина де Вильябосъ была арестована, Гаспаръ Саната съ женой своей Изабеллой Тристанъ, которая была поймана въ Барселонѣ, Франсиско де Карденасъ, его жена Анна Майрено и родственникъ ихъ Мельхоръ Діасъ. Инквизиція поняла, что держитъ въ рукахъ «нить отъ большого узла»; начались аресты—сначала среди еретиковъ монастыря San Isidoro: пять монаховъ были посажены въ тюрьму, вскорѣ туда же были отправлены священникъ Хуанъ Гонсалесъ, его мать и три сестры, старшій хранитель севильской церкви Кантильяна со всей семьей, въ томъ числѣ и зять его Христобалъ Косада, извѣст-

ный врачъ. Кромѣ нихъ, были арестованы Франсиско де Сафра и отецъ его, и хотя ихъ хорошо охраняли, Франсиско де Сафрѣ въ ночь на 1-ое ноября 1557 г. удалось бѣжать, какъ говорили, съ помощью дьявола, ибо, несмотря на всѣ старанія Инквизиціи, посылавшей въ догоню за нимъ своихъ лучшихъ развѣдчиковъ, мѣстопребываніе его осталось неизвѣстнымъ, и это было тѣмъ печальнѣе для Инквизиціи, что именно отъ Сафры она надѣялась узнать наиболѣе интересныя детали о севильской протестантской общинѣ. Въ началѣ 1558 г. были задержаны еще шесть монаховъ San Isidoro, и въ то же время началось тайное слѣдствіе о Гарсіи Аріасъ, извѣстномъ подъ названіемъ—докторъ Бланко, и о знакомомъ намъ Константинѣ Понсе де ла Фуэнте, о которомъ мы говорили въ связи съ сожженіемъ костей его учителя, доктора Эгидія. Бланко былъ арестованъ 12 августа, а Константинъ—16-го. На этомъ аресты не прекратились; они продолжались въ теченіе цѣлаго года; число ихъ точно не установлено; указанная Монтанусомъ [1]) цифра въ нѣсколько сотъ должна быть признана преувеличенной, хотя, правда, тюрьмы были настолько переполнены, что нарушался законъ объ одиночномъ заключеніи, а 6 іюня 1559 г. трибуналъ ходатайствовалъ о предоставленіи ему возможности отвести частные дома подъ тюрьмы. Аресты нѣкоторыхъ подозрительныхъ лицъ были отложены въ виду недостатка мѣста въ тюрьмахъ, и чтобы освободить одиночныя камеры, спѣшно готовили ауто-да-фе, и на помощь севильскому трибуналу былъ присланы изъ Тарасоны инквизиторъ Мунебрега, который предложилъ пустить въ ходъ костеръ для всѣхъ преступниковъ. Съ нимъ, однако, не соглашались Карпіо и Гаска, инквизиторы севильскаго трибунала, и Супремѣ было отправлено дѣлопроизводство о лютеранахъ 1558 г. Первая партія преступниковъ, преданная ауто-да-фе, насчитывала 73 человѣка (по другимъ даннымъ 78 и 80); половина ихъ обвинялась, однако, не въ лютеранской ереси, а въ другихъ преступленіяхъ.

24 сентября 1559 г. на площади св. Франциска въ Севильѣ было устроено торжественное ауто-да-фе. Первымъ былъ вызванъ Хуанъ Понсе де Леонъ, закоренѣлый лютеранинъ, отрицавшій существованіе ада, утверждавшій, что инквизиторы — Антихристы, а папа — обманщикъ. Свои еретическіе взгляды онъ проводилъ въ жизнь, давалъ своимъ знакомымъ читать присланныя изъ Германіи преступныя книги, купилъ домъ для устройства собраній послѣдователей Лютера и превратилъ этотъ домъ въ мечеть; онъ ѣлъ также мясо въ постъ и молился о распространеніи ереси по всей Испаніи. Хотя Понсе де Леонъ на уто-да-фе отрекся отъ своихъ преступныхъ взглядовъ, готовъ былъ и другихъ убѣждать въ святости католической вѣры и въ грѣховности ученія еретиковъ и заявилъ, что онъ потому медлилъ покаяніемъ, что разсчитывалъ на помощь своихъ родственниковъ,— герцога Аркоса, герцогини Бехаръ и герцогини Байленъ,—тѣмъ не менѣе, онъ былъ приговоренъ къ сожженію, имущество его было конфисковано, и потомство его было лишено права занимать государственную, общественную или церковную службу. Послѣ Понсе де Леона былъ вызванъ къ ауто-да-фе священникъ и проповѣдникъ Хуанъ Гонсалесъ, который раздѣлялъ грѣховные взгляды Понсе де Леона и, кромѣ того, исповѣдывалъ магометанскую ересь, за которую на него была наложена епитемія, когда ему было отъ роду 12 лѣтъ. Гонсалесъ былъ упорствующимъ магометаниномъ, исповѣдывающимъ и лютеранскую ересь. Не боясь Бога и не имѣя стыда, онъ тутъ же заговорилъ съ своими двумя сестрами Каталиной и Маріей на языкѣ лютеранъ, и инквизиторы вложили ему въ ротъ кляпъ, несмотря на его протесты и гнѣвъ. Хуанъ Гонсалесъ не хотѣлъ ни въ чемъ покаяться и говорилъ, что не выдастъ сообщниковъ, такъ какъ, самъ страдая невинно, онъ не хочетъ, чтобы другіе подвергались напраснымъ преслѣдованіямъ. Онъ былъ сожженъ, какъ и сестры его, Каталина и Марія. Затѣмъ была вызвана Марія де Бооркесъ, которая заявила,

[1]) Montanus, «Inquisitions Hispanicae artes», имѣется испан. пер. въ V т. «Reformistas antiguos españoles». Montanus—псевдонимъ жертвы севильской Инквизиціи.

что она хорошая христіанка и вѣритъ въ Бога; кающагося Хуана Понсе де Леона она назвала болтуномъ и сама выказала необыкновенную твердость; она была сожжена, какъ и другіе еретики, явившіеся на ауто-да-фе послѣ нея. Въ общемъ было сожжено: заживо 18 человѣкъ (нѣкоторые предварительно задушены) и in effigie бенефиціатъ церкви San Vicente въ Севильѣ, спасшій бѣгствомъ изъ тюрьмы, Франсиско де Сафра. Изъ остальныхъ еретиковъ, привлеченныхъ въ связи съ арестами 1557—58 гг., большинство было наказано продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ и 100 или 200 розогъ; меньшинство отдѣлалось отреченіемъ de vehementi или de levi. Домъ Изабеллы де Баэны, гдѣ собирались еретики, былъ разрушенъ, и на его мѣстѣ былъ воздвигнутъ позорный столбъ [1]).

Послѣ ауто-да-фе 24 сентября, очистившаго тюрьму отъ 73 узниковъ, начались новые аресты, и инквизиторы стали подготовлять матеріалъ для слѣдующаго огненнаго апоѳеоза въ честь католической вѣры. Въ іюлѣ 1560 г. были уже закончены 20 процессовъ, въ августѣ—33, но инквизиторъ Гарсіа откладывалъ ауто-да-фе, желая возвести на костеръ и доктора Бланко, который изъ всѣхъ участниковъ второй партіи представлялъ для Инквизиціи наибольшій интересъ, и окончаніемъ процесса котораго имѣли тѣмъ болѣе основанія спѣшить, что опасались, какъ бы и Бланко не умеръ въ тюрьмѣ, какъ это случилось съ другимъ выдающимся представителемъ этой группы обвиняемыхъ, Константиномъ Понсе де ла Фуэнте. Однако, слѣдствіе по дѣлу Бланко затягивалось, и второе севильское ауто-да-фе, устроенное 22 декабря 1560 г., не видѣло среди приговоренныхъ къ смерти доктора Бланко. Виднѣйшимъ лицомъ на этомъ ауто-да-фе былъ Юліанъ Эрнандесъ, о которомъ мы говорили въ связи съ возникновеніемъ преслѣдованія севильской протестантской общины. Онъ былъ сожженъ, какъ еще 13 человѣкъ, привлеченныхъ по этому же дѣлу; изъ этихъ 14 жертвъ было три иностранца, временно жившихъ въ Севильѣ: англичане Брукъ (Bruq или Brooks), Бертоунъ (Bertoun или Burton или Britton) и французъ Фабрео. In effigie были сожжены доктора Эгидій и Константинъ. Противъ перваго, уже послѣ его смерти, возникъ, въ связи съ показаніями Каталины Гонсалесъ и Юліана Эрнандеса, рядъ новыхъ тяжкихъ обвиненій, и кости его вслѣдствіе этого были извлечены изъ могилы и преданы сожженію. Третьимъ in effigie былъ сожженъ Хуанъ Пересъ де Пинеда, котораго не удалось арестовать. Кромѣ того, 12 испанцевъ были примирены съ Церковью, подвергшись конфискаціи имущества и продолжительному тюремному наказанію; та же кара постигла и трехъ иностранцевъ: генуэзца - еремита Франкиса, англичанина Фрэнтона и фламандца Оланду; наконецъ, 8 человѣкъ были присуждены къ отреченію (de vehementi и de levi), а одна—Хуана де Бооркесъ, сестра заживо сожженной въ 1559 г. Маріи де Бооркесъ, была признана невиновной, но приговоръ этотъ былъ произнесенъ надъ ея statua, такъ какъ Хуана умерла въ тюрьмѣ, какъ утверждаетъ Льоренте, не будучи въ состояніи перенести страшной пытки: ей было поставлено въ вину, что она не протестовала противъ еретическихъ рѣчей своей сестры; въ тюрьмѣ она родила, но черезъ 8 дней у нея отняли ребенка и ее подвергли пыткѣ, во время которой у нея горломъ хлынула кровь, и она черезъ нѣсколько дней скончалась: провозгласивъ ее на ауто-да-фе 22 декабря 1560 г. невинной, инквизиторы какъ бы искупили совершенное надъ ней злодѣяніе въ камерѣ пытокъ [2]).

Прошло нѣсколько дней послѣ декабрьскаго ауто-да-фе, какъ въ Севильѣ, къ ужасу Инквизиціи, сталъ идти по рукамъ памфлетъ, въ которомъ восхвалялась протестантская и высмѣивалась католическая вѣра; все указывало, что виновникомъ этого былъ тотъ самый преступникъ, который въ Толедо совершилъ въ 1559 году подобный же актъ. Севильскіе инквизиторы энергично взялись за розыски преступника и арестовали массу

---

[1]) Ли говоритъ о двухъ разрушенныхъ домахъ, «History», III, 445.
[2]) «Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne», t. II, 293—295.

невинныхъ людей. Въ февралѣ 1561 года была заключена въ тюрьму Діэго де Бальтанасъ, которую Инквизиція считала составительницей памфлета, но послѣ ареста ея появились новыя еретическія воззванія, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ стали снова по городу распространяться печатные памфлеты. Теперь Инквизиція не сомнѣвалась болѣе, что Бальтанасъ невиновна въ этомъ тяжкомъ преступленіи, и напрягла всѣ усилія, чтобы найти истиннаго виновника. Благодаря донесенію Хуана Фернандеса Барбосы, получившаго за свой доносъ 200 дукатовъ вознагражденія, 1 февраля 1562 г. былъ, наконецъ, арестованъ Себастіанъ Мартинесъ, у котораго были найдены всѣ инструменты для печатанія, а также большое количество не розданныхъ еще памфлетовъ; не было сомнѣнія, что Мартинесъ былъ авторомъ ихъ, и онъ былъ подвергнутъ пыткѣ съ цѣлью добиться отъ него выдачи другихъ преступниковъ,—онъ переносилъ, такимъ образомъ, tormentum in caput alienum. Во время пытки Мартинесъ назвалъ своимъ сообщникомъ проповѣдника Геронимо Эрреру, который будто бы изъ мести за своего друга Константина де ла Фуэнте стремился причинить Инквизиціи какъ можно больше вреда. Послѣ пытки Мартинесъ призналъ, что Эррера совершенно невиновенъ, свидѣтельскія показанія также были благопріятны для Эрреры, тѣмъ не менѣе, онъ былъ арестованъ, о судьбѣ его возникли разногласія въ севильскомъ трибуналѣ, и по распоряженію Супремы онъ былъ выпущенъ на свободу. Мартинесъ же предсталъ предъ ауто-да-фе 26 апрѣля 1562 г.

Это ауто-да-фе, явившееся третьимъ севильскимъ торжественнымъ сожженіемъ протестантовъ, насчитывало значительное количество жертвъ: были сожжены живьемъ или предварительно задушены, кромѣ Мартинеса, 8 человѣкъ, изъ нихъ три французскихъ моряка; in effigie были сожжены 15, изъ коихъ 10 было еремитовъ, бѣжавшихъ изъ монастыря San Isidoro, которыхъ Инквизиція, повидимому, не разсчитывала уже снова поймать. Кромѣ того, кости умершаго Гаспара Баптисты также подверглись сожженію. Съ Церковью были примирены, съ наложеніемъ тяжкихъ наказаній, 11 человѣкъ, изъ коихъ 8 было иностранцевъ; болѣе мягкимъ наказаніямъ подверглось еще 14 человѣкъ, изъ которыхъ 7 иностранцевъ. Это изобиліе иностранцевъ свидѣтельствовало, что протестантизмъ даже въ Севильѣ, считавшейся на ряду съ Вальядолидомъ, центромъ лютеранской ереси, былъ очень слабъ среди коренныхъ испанцевъ и питался, главнымъ образомъ, постояннымъ притокомъ иностранцевъ,—лютеранъ, гугенотовъ и кальвинистовъ, которыхъ Инквизиція объединяла подъ общимъ названіемъ лютеранскихъ еретиковъ.

Несмотря на значительные размѣры третьяго ауто-да-фе, прошло всего полгода, какъ потребовался новый апоѳеозъ католической религіи на кострѣ, такъ какъ къ этому времени севильскій трибуналъ закончилъ дѣло доктора Бланко, пріора еремитскаго монастыря San Isidoro, въ которомъ было такъ много еретическихъ монаховъ [1]). Это ауто-да-фе, по счету четвертое, происходило 28 октября 1562 г., собрало на площадь св. Франциска многочисленную толпу народа и носило высокоторжественный характеръ. Къ смерти было приговорено 9 человѣкъ, изъ которыхъ трое было иностранцевъ; кромѣ того, были сожжены три человѣка in statua, изъ которыхъ одинъ, Адріанъ Фукаръ, былъ иностраннаго происхожденія. Къ примиренію съ Церковью, съ продолжительнымъ арестомъ и конфискаціей

[1]) Гарси Аріасъ получилъ названіе Бланко (Бѣлаго) за свои длинные бѣлые волосы. До заключенія въ тюрьму онъ страшно боялся преслѣдованій со стороны Инквизиціи и нерѣдко даже преслѣдовалъ тѣхъ самыхъ протестантовъ, взгляды и убѣжденія которыхъ онъ искренне раздѣлялъ. Въ тюрьмѣ—изъ чувства ли отчаянія, или вслѣдствіе угрызеній совѣсти—онъ совершенно преобразился и сдѣлался однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и стойкихъ послѣдователей протестантизма. Являвшимся къ нему въ камеру патерамъ онъ рѣзкимъ образомъ отвѣчалъ, что всѣ ихъ попытки вернуть его въ лоно католицизма ни къ чему никогда не приведутъ. См. Adolfo de Castro, «Geschichte der spanischen Protestanten» (перев. съ испанскаго), Франкфуртъ на Майнѣ. 1866, стр. 192—193

имущества, были присуждены 7 иностранцевъ, а испанецъ Діэго Гильенъ, убитый въ тюрьмѣ въ концѣ 1560 г., и умершій французъ Санчесъ были примирены съ Церковью in statua,—рѣдкій случай въ исторіи испанскаго протестантизма примиренія in statua мертвыхъ грѣшниковъ. Къ легкимъ наказаніямъ были приговорены 15 испанцевъ и 4 иностранца. Этими четырьмя ауто-да-фе была уничтожена протестантская община Севильи, и съ ноября 1562 г. прекратилась здѣсь дѣятельность Инквизиціи въ смыслѣ массоваго преслѣдованія протестантовъ; вмѣсто торжественныхъ сжиганій многочисленныхъ жертвъ отнынѣ происходили лишь изолированные случаи преслѣдованія еретиковъ, то арестованныхъ еще до 1562 г., то пойманныхъ послѣ этого года. Такъ, 11 іюля 1563 г. за лютеранскую ересь и за привозъ изъ Фландріи еретическихъ книгъ былъ подвергнутъ епитеміи на ауто-да-фе доминиканскій монахъ Доминго де Гусманъ изъ монастыря San Pablo въ Севильѣ, арестованный еще въ 1558 г.; привезенныя имъ книги были публично сожжены на площади св. Франциска. Кромѣ Гусмана, на этомъ же ауто-да-фе были присуждены къ тюремному заключенію и епитеміи и другія лица, но никто не былъ сожженъ, хотя Эрнанъ Руисъ Кабеса де Вака былъ серьезнымъ преступникомъ и былъ сосланъ въ Оранъ на пожизненную солдатскую службу. Ему ставилось въ вину убійство въ тюрьмѣ Діэго Гильена, который успѣлъ предъ смертью исповѣдаться и сдѣлаться добрымъ католикомъ, и трибуналъ просилъ Супрему обратиться въ Римъ за разрѣшеніемъ выдать Эрнана Руиса свѣтской власти, т.-е. приговорить къ смертной казни. Къ просьбѣ трибунала Супрема сдѣлала замѣтку: «въ Римъ уже послано за надлежащимъ бреве», тѣмъ не менѣе, смертнаго приговора, какъ мы упомянули, не послѣдовало [1]). Наоборотъ, 19 апрѣля 1564 г. были сожжены 6 человѣкъ, всѣ они были фламандцами и считались рецидивистами, такъ какъ однажды были уже осуждены на примиреніе съ Церковью. Кромѣ этихъ шести человѣкъ, была сожжена in statua Изабелла Гонсалесъ, новохристіанка маврскаго происхожденія, мать осужденнаго въ 1559 г. Хуана Гонсалеса, однажды уже судившаяся за лютеранскую ересь. 19 апрѣля 1564 г. были приговорены къ менѣе суровому наказанію англичанинъ Томасъ Николай и португалецъ Перо Рамосъ, который былъ вынужденъ брать уроки религіи у іезуитовъ. 13 мая 1565 г. бѣжавшіе четыре иностранныхъ протестанта были приговорены къ сожженію in effigie; той же участи подверглись и два испанца, но всѣ эти еретики были рецидивистами, и Инквизиція, такимъ образомъ, работала надъ старымъ матеріаломъ, такъ какъ новаго становилось все меньше и меньше, и лишь время отъ времени ей удавалось среди иностранцевъ открыть какого-либо еретика. Отъ 13 мая 1565 г. до 8 мая 1569 г. въ Севильѣ не было ни одного протестантскаго ауто-да-фе, а 8 мая на ауто предстали, если считать лишь серьезныхъ преступниковъ, исключительно иностранцы. Затѣмъ слѣдуетъ снова продолжительный перерывъ до 14 ноября 1574 г., когда опять еретиками являются одни лишь иностранцы. Въ послѣдующихъ преслѣдованіяхъ попрежнему нѣтъ испанцевъ среди являвшихся на ауто-да-фе; по крайней мѣрѣ, въ категоріи серьезныхъ преступниковъ они отсутствуютъ. Мало того, начинается рядъ помилованій уже давно томящихся въ тюрьмахъ, такъ какъ Инквизиція убѣждается, что всѣ они не только своевременно покаялись, но и дѣйствительно сдѣлались добрыми католиками. Среди севильскихъ испанцевъ нѣтъ уже и слѣда протестантизма, и на послѣднемъ ауто-да-фе, происходившемъ въ Севильѣ за лютеранскую ересь, подлежали наказаніямъ: фламандецъ де ла Иглезія, англичанинъ Хеди, фламандецъ Гильермо и антверпенецъ Арнольдо Лемеръ; изъ нихъ лишь послѣдній былъ сожженъ и противъ обыкновенія характеризуется какъ кальвинистъ.

Такая же участь постигла и вторую, размѣромъ нѣсколько меньшую, протестант-

---

[1]) См. просьбу севильской Инквизиціи отъ 22 января 1561 г. къ Супремѣ вмѣстѣ съ замѣткой послѣдней у Шефера, op. cit., II, 384 и 385, а также 395—396.

скую общину въ Испаніи—вальядолидскую. Основателемъ ея былъ донъ Карлосъ де Сесо. Онъ былъ родомъ изъ Вероны, сыномъ, какъ говорили, какого-то епископа и въ Италіи же сталъ увлекаться еретическими идеями, выдавая себя за вѣрнаго ученика умершаго въ 1541 г. Хуана де Вальдеса. Годомъ своего обращенія въ лютеранство онъ считалъ 1550-ый и, сгорая отъ нетерпѣнія распространять свою вѣру по Испаніи, направился туда съ массой книгъ и рукописей. Поселившись въ Логроньо, онъ около 1554 г. благодаря ходатайству его жены, Изабеллы де Кастильи, происходившей изъ королевскаго рода, былъ назначенъ корегидоромъ (судьей) въ Торо, каковой постъ занималъ въ теченіе трехъ лѣтъ, когда, въ виду желанія пропагандировать свое ученіе, часто сталъ мѣнять мѣстопребываніе и сдѣлался своего рода странствующимъ агитаторомъ. Ему удалось вовлечь въ свою ересь: юриста Антоніо де Эресуэло, родившагося въ 1513 г. и жившаго въ Торо, гдѣ онъ пользовался большой популярностью; Леонору де Сиснеросъ, вышедшую въ 1551 г. замужъ за Эресуэло; красивую и прекрасно владѣвшую латинскимъ языкомъ Анну Энрикесъ, родившуюся въ 1535 г. и вышедшую замужъ за Хуана Алонсо де Фонсека въ Торо; Хуана де Ильса Перейру, пріора ордена св. Іоанна, и нѣкоторыхъ другихъ видныхъ дѣятелей Торо. Не было сомнѣнія, что въ бытность донъ Карлоса де Сесо торскимъ корегидоромъ онъ не столько занимался обязанностями корегидора,—сколько распространеніемъ своихъ воззрѣній. И въ другихъ городахъ онъ пріобрѣлъ приверженцевъ; такъ, въ Педросѣ, расположенномъ между Торо и Вальядолидомъ, его адептами стали: священникъ церкви Santa Cruz Педро де Касалья, его бывшій помощникъ Хуанъ Санчесъ, родители котораго будто были евреями, и нѣкоторые другіе менѣе видные члены педросской общины, преимущественно женщины. Въ 1557 г. Хуанъ Санчесъ отправился въ Вальядолидъ, гдѣ поступилъ на службу къ Каталинѣ де Ортега, которую обратилъ въ лютеранство. Вмѣстѣ съ Каталиной религію эту приняла Беатриса де Виверо, сестра Касальи; благодаря ей въ лютеранство перешли и семь монахинь цистерціанскаго монастыря Nuestra Señora de Belen. Но самымъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ для лютеранства было обращеніе въ эту вѣру доктора Августина Касальи.

Августинъ Касалья (Casalla) [1]) былъ сыномъ королевскаго контадора (чиновника финансоваго вѣдомства) Педро Касальи, женатаго на Леонорѣ де Виверо (Vibero или Vivero) [2]); онъ родился въ Вальядолидѣ въ 1510 г.; его дѣдъ съ отцовской стороны и бабушка съ материнской были еврейскаго происхожденія и въ свое время были приговорены Инквизиціей къ епитеміи и примиренію съ Церковью. Августинъ учился теологіи въ знаменитомъ университетѣ въ Алкала де Энаресъ, и Карлъ V, убѣдившись въ его учености и краснорѣчіи, назначилъ его въ 1542 г. королевскимъ проповѣдникомъ; въ качествѣ таковаго Августинъ сопровождалъ его въ Германію и Нидерланды, гдѣ онъ до 1552 г. работалъ надъ искорененіемъ лютеранской ереси. Хотя онъ и искусно опровергалъ доводы лютеранъ, тѣмъ не менѣе, папа далъ ему viva voce разрѣшеніе ознакомиться съ протестантскими книгами, чтобы выступать противъ еретиковъ во всеоружіи; возможно, что это изученіе лютеранскихъ книгъ и сдѣлало Августина протестантомъ. Онъ не скоро,

---

[1]) C. A. Wilkens, «Geschichte des spanischen Protestantismus», Gütersloh, 1888, стр. 80 и слѣд. A. de Castro, «Geschichte der spanischen Protestanten» (переводъ съ испанскаго Генриха Герца), Франкфуртъ на М., 1866, стр. 100 и слѣд.; E. Schäfer, «Beiträge zur Geschichte des spanischen Protestantismus», 3 тт., passim; Lea, «History of the Inquisition of Spain», III, 431 и сл. M'Crie, «History of the Reformation in Spain», Эдинбургъ и Лондонъ, 1829, passim; Llorente, «Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne» (перев. съ испанскаго), Парижъ, 1816; Menéndez y Pelayo, «Heterodoxos Españoles», II, 314 и слѣд.

[2]) Послѣ ея смерти Инквизиціи стало извѣстно, что въ домѣ Леоноры де Виверо собирались еретики; ея кости были торжественно сожжены, имущество конфисковано, домъ разрушенъ, и поставленъ былъ позорный столбъ съ надписью. Въ 1809 г. наполеоновскій генералъ приказалъ уничтожить «этотъ памятникъ человѣческихъ жестокостей и суевѣрій». Castro, op. cit., стр. 101.

однако, воспринялъ это ученіе, и братъ его Педро, который рано подружился съ Карлосомъ де Сесо и велъ съ нимъ долгіе споры на теологическія темы, немало работалъ надъ тѣмъ, чтобы убѣдить Августина въ истинности протестантизма.

Неправильно поэтому считать Августина основателемъ вальядолидской лютеранской общины; вѣрно лишь, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ, ревностныхъ и дѣятельныхъ ея членовъ. Въ Саламанкѣ, гдѣ онъ состоялъ каѳедральнымъ каноникомъ, въ Торо и въ Вальядолидѣ онъ велъ энергичную пропаганду въ пользу протестантскихъ идей и очень скоро сдѣлался общепризнаннымъ главою протестантизма въ Кастиліи. Выдающійся ораторъ, прекрасный организаторъ, Касалья не обладалъ высокими душевными качествами, и когда Инквизиція наложила на него свою властную руку, онъ сталъ умолять о пощадѣ и не только въ тюрьмѣ покаялся въ своихъ грѣхахъ и просилъ о принятіи въ лоно католицизма, но и на ауто-да-фе обратился съ мольбой къ инквизиторамъ о пощадѣ и къ приверженцамъ своимъ съ воззваніемъ вернуться къ истинной религіи, къ святой католической вѣрѣ. Съ чувствомъ презрѣнія смотрѣли на своего даровитаго учителя ученики его, подобно ему, приговоренные къ смерти. Подъ вліяніемъ презрительнаго къ нему отношенія недавно преданныхъ друзей и учениковъ Касалья становился все безсердечнѣе къ своему прошлому, клеймилъ его самыми позорными словами и унижался предъ своими преслѣдователями, желая путемъ публичной клеветы на лютеранство спастись отъ смерти. Съ зеленой свѣчой въ рукѣ, въ санбенито на тѣлѣ, въ смѣшномъ колпакѣ на головѣ, бормоталъ онъ слова пощады и проклятія,—и смилостивилась Инквизиція: Касалья не заживо былъ сожженъ, а предварительно задушенъ, и пламя костра сожрало уже бездыханное тѣло его.

На этомъ же ауто-да-фе присутствовалъ въ качествѣ еретика и братъ Августина, Франсиско де Виверо Касалья, въ тюрьмѣ покаявшійся въ грѣхахъ и умолявшій тюремщиковъ о принятіи въ лоно католической Церкви. Онъ былъ простымъ священникомъ, считалъ своего брата геніемъ и устыдился его предсмертныхъ рѣчей. Прійдя на ауто-да-фе, чтобы вторично покаяться, онъ нравственно пережилъ столь сильныя муки при видѣ паденія Августина, что тутъ-же высмѣялъ свое вчерашнее покаяніе и съ радостнымъ, гордымъ чувствомъ встрѣтилъ смерть. Не обнаружилъ высокихъ душевныхъ свойствъ и другой выдающійся протестантъ, ученикъ Августина, монахъ Доминго де Рохасъ, сынъ маркиза, родившійся въ 1522 г. Онъ получилъ теологическое образованіе въ Саламанкѣ и сдѣлался членомъ доминиканскаго монастыря Santesteban; онъ слушалъ также лекціи толедскаго епископа Карансы (Carranza), который взялъ его съ собой на Тридентскій соборъ, такъ какъ считалъ его однимъ изъ лучшихъ своихъ учениковъ. На соборѣ онъ встрѣчался съ протестантами съ тѣмъ, чтобы изобличать ихъ во лжи, но, повидимому, путь изобличенія оказался опаснымъ, и по возвращеніи въ Испанію его влекло въ Вальядолидъ,—неизвѣстно, чтобы изобличать или быть изобличеннымъ. Коварная игра привела его въ инквизиціонную тюрьму, и здѣсь онъ не только каялся, возвращался въ лоно старой вѣры, но и выдавалъ своихъ товарищей, разоблачалъ имена соучастниковъ и вовлекъ въ сѣти Инквизиціи Карансу, который, несмотря на свое архіепископское званіе, оказался не въ силахъ бороться противъ всемогущества Инквизиціи.

Высоко интеллигентный составъ вальядолидской протестантской общины долгое время вводилъ историковъ въ заблужденіе и заставлялъ ихъ думать, что община эта была многочисленна: говорили о 400—500 ея членовъ. На самомъ дѣлѣ, какъ показали чрезвычайно тщательныя изслѣдованія Шефера, ихъ было всего 55 человѣкъ [1]), изъ коихъ 10 принадлежали къ семьѣ Леоноры де Виверо: четыре сына — Августинъ и Педро Касальи, Франсиско и Хуанъ Виверо,—двѣ дочери—Беатриса и Констанца — погибли отъ Инкви-

[1]) «Beiträge», I, 261.

зиціи, а остальные четыре члена во время бѣжали отъ нея. При энергіи Инквизиціи нѣтъ ничего удивительнаго, что вальядолидская община подверглась той же участи, что и севильская. Уже въ 1556 г., когда Донъ Карлосъ де Сесо былъ еще корегидоромъ въ Торо, маркизъ де Алканьисесъ и Діэго де Рохасъ рѣшили донести на него Инквизиціи, такъ какъ находили лютеранскими его рѣчи. Объ этомъ намѣреніи узналъ какъ-то Педро Касалья, который уговорилъ де Сесо успокоить общественное мнѣніе Торо, чтобы не навлечь бѣды на всѣхъ протестантовъ Кастиліи. Сесо внялъ совѣту Педро Касальи. Но вскорѣ въ Саморѣ стали открыто говорить, что служитель маркизы де Алканьисесъ, Христобалъ Падилья, исповѣдуетъ лютеранскую ересь, и когда на Пасхѣ 1558 г. въ Саморѣ былъ провозглашенъ вѣроисповѣдный эдиктъ, то на Падилью былъ сдѣланъ доносъ, и онъ попалъ въ инквизиціонную тюрьму. Въ то же время подруга Беатрисы де Виверо донесла вальядолидскому трибуналу на брата Беатрисы, Франсиско де Виверо, который открыто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорилъ въ пользу протестантизма. Наконецъ, подруга той же Беатрисы, Хуана Фонсека, замѣчая въ домѣ Виверо «что-то въ родѣ севильской ереси», разсказала объ этомъ на исповѣди іезуитскому патеру Кастильо, который до отпущенія грѣховъ потребовалъ отъ нея узнать подробно, что происходитъ въ семьѣ Виверо; такъ какъ Хуана Фонсека чувствовала, что «играетъ роль Іуды», то отправилась опять къ своему исповѣднику, чтобы онъ разсѣялъ ея недоразумѣніе, и лишь послѣ этого она встрѣтилась съ Франсиско де Виверо въ церкви Santa Catalina и узнала отъ него имена всѣхъ членовъ вальядолидской общины. Нѣкоторое время Хуана Фонсека играла двойную роль: доносчицы и подруги Беатрисы де Виверо, но вскорѣ ея игра обнаружилась, и Франсиско де Виверо бѣжалъ въ Валенсію, чтобы не попасть въ руки Инквизиціи. Но неудачно. Счастливѣе былъ монахъ Доминго де Рохасъ, который въ Логроньо встрѣтился съ Карлосомъ де Сесо, чтобы вмѣстѣ съ нимъ скрыться за границу. Въ Памплонѣ имъ удалось получить отъ наваррскаго вице-короля заграничные паспорта, но вскорѣ агенты Инквизиціи настигли ихъ, и они были доставлены въ Вальядолидъ. Остальные члены общины либо безропотно, ничего не предпринимая, ждали своей судьбы, либо добровольно отдавали себя въ руки Инквизиціи, являясь къ ней съ покаяніемъ. Лишь Хуанъ Санчесъ бѣжалъ во Фландрію, гдѣ пробылъ годъ, но и онъ, въ концѣ концовъ, долженъ былъ раздѣлить участь своихъ товарищей, такъ какъ Инквизиція перехватила его письма, адресованныя на имя находившейся въ тюрьмѣ Каталины де Ортеги. Онъ былъ арестованъ въ Турлигенѣ въ маѣ 1559 г., когда онъ собирался ѣхать въ Англію. Расходы по задержанію его обошлись Супремѣ, какъ мы упомянули [1]), въ 1000 дукатовъ.

За исключеніемъ Хуана Санчеса, всѣ члены вальядолидской общины попали въ тюрьму весною 1558 г., и процессъ только потому затягивался, что инквизиторы надѣялись напасть на какіе-либо новые слѣды, при чемъ дѣйствительно были арестованы совершенно невинныя лица, которыя, впрочемъ, вскорѣ были освобождены. Къ Троицѣ 1559 г. были уже закончены всѣ процессуальныя формальности, и въ Вальядолидѣ и его окрестностяхъ торжественно было объявлено о предстоящемъ большомъ ауто-да-фе. Инквизиціонная тюрьма охранялась сотней вооруженныхъ людей, которые никого не допускали къ тюрьмѣ, такъ такъ Касальи были очень популярны въ Вальядолидѣ, и Инквизиція опасалась, какъ бы кто-либо не помогъ имъ бѣжать изъ тюрьмы. Дорога отъ тюрьмы къ ауто-да-фе также охранялась, и обвиняемые шли къ нему, огражденные отъ многотысячной толпы, скопившейся въ Вальядолидѣ для присутствованія на торжествѣ. Ауто-да-фе состоялось 21 мая 1559 г., оно носило удивительно грандіозный характеръ, и въ числѣ почетныхъ гостей были сестра Филиппа II, принцесса-правительница донья Хуана, молодой Донъ Карлосъ и многіе виднѣйшіе сановники. Въ первомъ ряду обви-

---

[1]) Стр. 80.

няемыхъ вслѣдъ за изображеніемъ Леоноры де Виверо шелъ докторъ Августинъ Касалья, за нимъ его братья и сестры: Франсиско, Беатриса, Констанца и Хуанъ; здѣсь же была и жена его, Хауна де Сильва; всего участвовало въ процессіи 30 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ англичанинъ и португальскій еврей Гонсало Ваэзъ, обвинявшійся въ іудейской ереси,— остальные были лютеране. Послѣ проповѣди, произнесенной монахомъ Кано, Великій инквизиторъ Вальдесъ привелъ къ присягѣ принцессу Хуану и принца Донъ Карлоса, затѣмъ началось чтеніе приговоровъ, прерванное обрядомъ лишенія духовнаго званія Касальи, Франсиско де Виверо и магистра Алонсо Переса. Кромѣ этихъ трехъ, къ смерти были приговорены еще 11 человѣкъ, равно какъ и останки Леоноры де Виверо. Остальные 16 человѣкъ были присуждены къ менѣе суровымъ наказаніямъ; всѣ обвиняемые, за исключеніемъ торскаго юриста Эресуэло, каялись въ грѣхахъ и умоляли о пощадѣ, такъ что всѣ они, кромѣ Эресуэло, были предварительно задушены и лишь потомъ возведены на костеръ; заживо былъ преданъ огню лишь Эресуэло, который упорно отрицалъ значеніе папы и утверждалъ, что папа дѣйствуетъ лишь въ своихъ личныхъ интересахъ; онъ распространялъ и другія еретическія мысли и предъ самымъ сожженіемъ говорилъ, что его вѣра есть единственно правильная вѣра [1]). Не менѣе трагически была судьба и жены Эресуэло, Леоноры де Сиснеросъ. Молодая и жизнерадостная, она еще въ тюрьмѣ покаялась въ грѣхахъ, чтобы спасти свою жизнь, и Инквизиція приговорила ее къ вѣчному заточенію. Но въ одиночной камерѣ ей вѣчно грезился образъ живьемъ сожженнаго мужа и ей хотѣлось вписать и свое имя въ мартирологъ испанскаго протестантизма. Она заявила Инквизиціи о своихъ еретическихъ взглядахъ и въ 1567 г. предстала снова предъ вальядолидскимъ трибуналомъ—на этотъ разъ въ качествѣ рецидивистки. Лишь смерть могла искупить ея грѣхъ, но инквизиторы совѣтовали ей еще разъ покаяться, чтобы быть задушенной, а не живьемъ сожженной. Леонора де Сиснеросъ оставалась непоколебима до послѣдняго момента, желая искупить обнаруженную ею 10 лѣтъ тому назадъ слабость: 28 сентября 1568 года она была живьемъ сожжена.

На ауто-да-фе 21 мая 1559 г. были наказаны не всѣ вальядолидскіе протестанты, и для оставшихся потребовалось 8 октября 1559 г. новое ауто-да-фе. Оно было столь же торжественнымъ, какъ и предыдущее; на немъ присутствовалъ даже король, и очевидцы утверждаютъ, что до 200 тысячъ человѣкъ явилось на это торжество. Среди обвиняемыхъ были: Карлосъ де Сесо, монахъ Доминго де Рохасъ, Педро Касалья, Хуанъ Санчесъ, Ефросина Мендоса, Марина Гевара и др.; всѣ они, въ числѣ 12 человѣкъ, были приговорены къ смерти; кромѣ того, покончившая съ собой въ тюрьмѣ Хуана Санчесъ была сожжена in statua. 13 еретиковъ были приговорены къ примиренію съ Церковью, подвергшись различнымъ наказаніямъ и епитеміи. Всѣ эти 25 человѣкъ были обвинены въ протестантизмѣ. Вмѣстѣ съ ними на ауто-да-фе 8 октября былъ еще сожженъ одинъ магометанинъ, примиренъ съ Церковью одинъ еврей, и наложена была епитемія на двухъ еретиковъ, обвинявшихся въ другихъ преступленіяхъ; въ общемъ, такимъ образомъ, помимо сожженной in statua, предстали на ауто-да-фе, извѣстномъ подъ именемъ второго вальядолидскаго ауто-да-фе, 29 человѣкъ. Наиболѣе геройски перенесъ смерть донъ Карлосъ де Сесо; насколько его пытали въ тюрьмѣ, видно изъ того, что онъ при произнесеніи приговора не могъ стоять на ногахъ, и его держали двое служителей Инквизиціи [2]). Хуанъ Санчесъ также отказывался покаяться, но когда огонь костра сталъ его жечь, онъ рванулся въ сторону и началъ произносить слова покаянія, но въ этотъ моментъ онъ встрѣтился глазами съ Сесо, и духъ его снова ожилъ: желаніе каяться прошло, и служителя толкнули его въ огонь. Остальные еретики просили пощады и до сожженія были, въ видѣ обычной милости, задушены. Съ ними

[1]) Schäfer, op. cit., III, 29 (отчетъ объ ауто-да-фе 21 мая 1559 г.).
[2]) Lea, «History», III, 144.

исчезли послѣдніе представители вальядолидской протестантской общины. Многочисленные случаи сожженія въ Вальядолидѣ такихъ еретиковъ, которые, въ силу законовъ Инквизиціи, и не заслуживали смерти, такъ какъ чистосердечно каялись и молили о помилованіи, объясняются тѣмъ, что Великій инквизиторъ Вальдесъ использовалъ вальядолидскую общину для усиленія инквизиціонныхъ наказаній, рисуя предъ папой страшную картину проникновенія протестантовъ въ высшіе слои общества и зараженія всего государства духомъ невѣрія. 9 сентября 1559 г. Вальдесъ писалъ папѣ Павлу IV, что было бы желательно, если бы онъ особымъ бреве приказалъ инквизиторамъ и консульторамъ, чтобы они, не боясь нарушенія какихъ-либо формальностей или другихъ какихъ-нибудь причинъ, выдавали свѣтской власти такихъ преступниковъ, о которыхъ можно опасаться или которыхъ можно подозрѣвать, что они, вѣроятно, явятся нарушителями христіанскаго общественнаго спокойствія и мира въ государствѣ, а также такихъ, которые считаются учителями этихъ ересей и представляютъ собою главныхъ виновниковъ, и по отношенію къ которымъ инквизиторы находятъ цѣлесообразнымъ примѣнять мѣру устрашающей справедливости,—все равно, къ какому бы званію духовному или свѣтскому, къ какому бы ордену, къ какому бы сословію и къ какой бы религіи они ни принадлежали; когда такія лица подвергаются суду, находятся въ тюрьмѣ, и надъ ними произносится приговоръ, то инквизиторамъ и консульторамъ должны даваться полная власть и полномочіе пустить въ ходъ строгость, какая требуется обстоятельствами дѣла, временемъ и страхомъ, какой внушаетъ будущее при развитіи этой опасности, при чемъ инквизиторы могутъ въ этихъ случаяхъ переходить и за границы общаго права [1]).

Павелъ IV принадлежалъ къ тѣмъ фанатикамъ на папскомъ престолѣ, который ставилъ задачу преслѣдованія еретиковъ выше остальныхъ обязанностей главы Церкви, и, какъ слѣдовало ожидать, отнесся весьма благосклонно къ просьбѣ Вальдеса. Еще въ 1555 г., желая показать, что и онъ, подобно Кальвину, сжегшему въ 1553 г. на кострѣ Сервета за отрицаніе Троицы, будетъ присуждать къ смерти виновныхъ въ еретическихъ ученіяхъ преступниковъ, издалъ буллу Cum quorundam, въ силу которой отрицающіе Троицу, божественность Христа, не раздѣляющіе установленнаго ученія о Св. Духѣ, о Дѣвственности Св. Маріи и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не отрекающіеся предъ инквизиторами отъ своихъ грѣховъ должны разсматриваться какъ упорствующіе еретики или рецидивисты и выдаваться свѣтской власти. Расширивъ до такихъ предѣловъ группу еретиковъ, подлежащихъ смертной казни, Павелъ IV не могъ не идти навстрѣчу просьбѣ Вальдеса, и 4 января 1559 г. Великому инквизитору и Супремѣ было дано право считать всѣхъ ересіарховъ и другихъ еретиковъ рецидивистами, подлежащими смерти и въ томъ случаѣ, если они выражаютъ желаніе покаяться, но ихъ каяніе можетъ считаться неискреннимъ, вызваннымъ стремленіемъ избѣжать наказанія. Въ видѣ дополненія къ этому письму появилось 7 января 1559 г. новое бреве Павла IV, адресованное на имя Великаго инквизитора Вальдеса; въ бреве говорилось о томъ, что въ виду существованія въ Испаніи нѣ-

---

[1]) Въ виду важности этого письма Вальдеса приводимъ доподлинно соотвѣтствующій отрывокъ его письма: mandase por un breve a los Inquisidores apostolicos y consultores que sin temor ni escrupulo de yrregularidad ni de otra cosa pudiesen rrelaxar y rrelaxasen al braço seglar ansi a las personas culpadas de quien verisimilmente se pudiese temer o sospechar alteracion en la republica christiana o perturbacion de la paz y quietud del reyno como a los domagtitas destas herexias y a los que principalmente fueren culpados en quien a los jueces pareciere conviniente usar de la execucion de la justicia exemplar aunque fuesen personas constituidas en qualquier dignidad seglar o pontifical y eclesiastica y de qualquier orden habito y rreligion y estado que sean conociendo de sus causas y procediendo contra ellos a cautura y execucion de sus sentencias dando a los dichos Inquisidores y consultores libre poder y alvedrio para usar del rrigor que la calidad de los negocios y tiempos y del temor de lo contrario dellos para lo fucturo lo rrequiere y que se puedan estender etiam ultra terminos juris communis.

которыхъ прелатовъ, заподозрѣнныхъ въ лютеранской ереси, онъ уполномочиваетъ его на двухлѣтній срокъ начать противъ нихъ, съ вѣдома Супремы, слѣдствіе и арестовать тѣхъ, о комъ имѣется достаточно основанія думать, что онъ намѣренъ бѣжать; папа проситъ, въ то же время, чтобы по возможности Римская Курія была освѣдомлена о процессахъ противъ этихъ лицъ, и чтобы арестованный отсылался въ Римъ вмѣстѣ со всѣми бумагами и обвинительными документами. Хотя Павелъ IV, какъ это видно изъ этихъ двухъ бреве, не полностью удовлетворилъ просьбу Вальдеса, однако, послѣдній, ссылаясь на бреве, не только могъ произносить жестокіе приговоры, но и расправляться съ тѣми представителями духовенства, которые почему-либо были ненавистны Великому инквизитору, — въ частности Вальдесу удалось погубить толедскаго архіепископа Карансу.

Послѣ уничтоженія севильской и вальядолидской общинъ въ Испаніи почти уже не было болѣе протестантовъ, и лишь время отъ времени попадался то одинъ, то другой еретикъ, обвиняемый въ лютеранствѣ, при чемъ подъ послѣднимъ нерѣдко разумѣли самое невинное отступленіе отъ традиціоннаго католицизма. Изъ отдѣльныхъ случаевъ преслѣдованія отмѣтимъ сожженіе 17 сентября 1564 г. въ Валенсіи Гаспара Сентельяса. Сентельясъ былъ образованный человѣкъ, происходившій изъ знатной семьи; онъ былъ заподозрѣнъ въ лютеранской ереси, но на судѣ ему удалось опровергнуть всѣ пункты обвиненія. Послѣ засѣданія суда его защитникъ написалъ для него заявленіе о томъ, что онъ считаетъ католическую Церковь и папу Божьей Церковью, въ которой онъ хочетъ жить и умереть. Сентельясъ отказался подписать это заявленіе и не хотѣлъ идти ни на какіе компромиссы, вслѣдствіе чего онъ былъ признанъ упорствующимъ еретикомъ, подлежащимъ смерти [1]). Съ Гаспаромъ Сентельясомъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ докторъ Сигизмундъ Аркеръ, итальянецъ, принявшій испанское подданство [2]). Толедскій трибуналъ разсматривалъ его дѣло въ теченіе девяти лѣтъ; Аркеръ дважды пытался бѣжать изъ тюрьмы, подвергался пыткѣ и до конца оставался непоколебимъ въ своей ереси. На ауто-да-фе 4 іюня 1571 г. онъ долженъ былъ быть до сожженія задушенъ, но толпа, собравшаяся на ауто-да-фе, находила задушеніе чрезмѣрно мягкимъ наказаніемъ и требовала сожженія его живьемъ. Вскорѣ на Аркера посыпались со всѣхъ сторонъ удары, кто-то кольнулъ его кинжаломъ, и онъ, еле живой, съ кровоточащими ранами, былъ возведенъ на костеръ. Съ 1571 г. до 1585 г. ни одинъ испанецъ не подвергся смертной казни за лютеранскую ересь; если кое-гдѣ кто-либо обвинялся въ этой ереси, то ему обыкновенно выносили менѣе тяжелый вердиктъ. Въ Сарагоссѣ въ 1585 г. былъ выданъ свѣтской власти студентъ Педро Мантилья, который придерживался аріанства въ своихъ воззрѣніяхъ на Троицу и лютеранства въ своихъ взглядахъ на папу. Изъ опубликованныхъ Шеферомъ документовъ явствуетъ, что Мантилья былъ послѣднимъ испанцемъ, приговореннымъ за лютеранскую ересь къ смерти. Вообще число испанцевъ, пострадавшихъ за протестантскія идеи, было сравнительно съ иностранцами, проживавшими въ Испаніи и подвергавшимися здѣсь преслѣдованіямъ, очень незначительно. Шеферъ, на основаніи документовъ и вычисленій, даетъ слѣдующія цифры. За періодъ 1550 г. до 1600 г. тринадцать испанскихъ трибуналовъ представили Супремѣ 650 годовыхъ отчетовъ, изъ которыхъ Шеферу извѣстны 250, т.-е. $^2/_5$; другими словами, изъ 50 отчетовъ каждаго трибунала въ среднемъ сохранилось 20. Изъ 250 сохранившихся отчетовъ явствуетъ, что въ общемъ 50 испанцевъ были либо совершенно оправданы, либо приговорены къ наказанію, не требовавшему публичнаго ауто-да-фе; такъ какъ 250 отчетовъ составляютъ $^2/_5$ всѣхъ отчетовъ, то можно съ большой вѣроятностью допустить, что 125 испанцевъ, привлеченныхъ къ инквизиціонному суду, отдѣлались въ теченіе 50 лѣтъ столь мягкимъ наказаніемъ.

[1]) Lea, «History», III, 453; Schäfer, «Beiträge», II, 234, 243 и слѣд.

[2]) Дѣло его подробно изложено Шеферомъ. II. 187—271.

которое не нуждалось въ ауто-да-фе,—другими словами: каждый изъ 13 трибуналовъ вынесъ испанцамъ въ среднемъ за 50 лѣтъ девять незначительныхъ по строгости вердиктовъ.

Труднѣе, разумѣется, установить число ауто-да-фе за разсматриваемое пятидесятилѣтіе, такъ какъ они не носили столь періодическій характеръ, какъ ежегодные отчеты. О числѣ ауто-да-фе Шеферъ даетъ лишь проблематическія цифры; на основаніи найденнаго имъ архивнаго матеріала онъ полагаетъ, что за періодъ отъ 1550 г. до 1600 г. каждый трибуналъ въ среднемъ устраивалъ 30 лютеранскихъ ауто-да-фе, и во всей Испаніи за это время было около 400, точнѣе 390 (13 трибуналовъ по 30 ауто). Сохранилось 216 отчетовъ объ ауто-да-фе, т.-е. нѣсколько больше половины. Если исключить Севилью и Вальядолидъ, то испанцевъ, обвиненныхъ въ протестантизмѣ, было на этихъ ауто-да-фе 110, нѣсколько меньше было на тѣхъ ауто, о которыхъ не сохранилось отчета,—въ общемъ пострадало 200 испанцевъ (опять-таки, не считая Севильи и Вальядолида). Если мы къ этимъ 200 прибавимъ тѣхъ испанцевъ, въ числѣ 125 человѣкъ, которымъ были вынесены мягкіе приговоры, то получимъ, что во всей Испаніи за пятидесятилѣтіе, когда лютеранство было въ апогеѣ, привлечено было къ инквизиціоннымъ трибуналамъ 325 человѣкъ,—цифра, совершенно ничтожная при населеніи въ 8—9 милліоновъ. Приходится поэтому согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что Инквизиція сознательно и умышленно, преслѣдуя свои корыстныя цѣли, раздувала протестантскую опасность и вводила страну въ заблужденіе, отлично сознавая, что ни о какой опасности не могло быть и рѣчи.

Гораздо чаще привлекались къ отвѣтственности по обвиненію въ лютеранствѣ иностранцы, временно или подолгу проживавшіе въ Испаніи. Въ документахъ, изученныхъ Шеферомъ, фигурируютъ (круглымъ числомъ) 1200 лютеранъ, цифра внушительная—въ особенности, если принять во вниманіе, что она получилась отъ изученія лишь сохранившихся отчетовъ объ ауто-да-фе, которыхъ на самомъ дѣлѣ было въ два раза болѣе. Характерно, что изъ 2100 человѣкъ было приговорено къ сожженію 340 человѣкъ, т.-е. свыше 16%, при чемъ 220 человѣкъ было дѣйствительно сожжено, а 120 лишь in statua.

Это изобиліе иностранцевъ-еретиковъ побудило Инквизицію принять мѣры предосторожности противъ нихъ. Въ 1572 г. Супрема отдала распоряженіе трибуналамъ Арагона, Каталоніи и Валенсіи слѣдить, чтобы французы нигдѣ не занимали учительскихъ должностей, такъ какъ опытъ показалъ, что отъ педагогической дѣятельности французовъ часто происходитъ большой вредъ. Инквизиція наблюдала также, чтобы иностранные купцы не занимались еретической пропагандой, и конфисковала торговыя суда, прибывавшія въ испанскіе порты, на томъ основаніи, что экипажъ ихъ состоитъ изъ еретиковъ. Такъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ 1593 г. на Канарскихъ островахъ были задержаны 13 нѣмцевъ съ корабля „Св. Петра“, 17 фламандцевъ съ корабля „Розы“, 15 фламандцевъ съ „Леона Колорадо“ и 12 англичанъ съ корабля, названіе котораго не указано [1]). Такое отношеніе Инквизиціи къ морской торговлѣ въ корень подрывало экономическое благосостояніе Испаніи, и сама Супрема въ 1597 г. вынуждена была идти на уступки и сдѣлала исключеніе для Ганзейскихъ городовъ: прибывавшія на кораблѣ изъ этихъ городовъ лица не подвергались допросамъ о своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ и подлежали аресту лишь въ томъ случаѣ, если они въ испанскомъ порту или на испанской территоріи позволяли себѣ какое-либо оскорбленіе по адресу католической вѣры, при чемъ производилась конфискація не всего товара, а лишь принадлежащей обвиняемому части его. Однако, всякое судно должно было быть обыскано, не найдется ли на немъ еретическихъ книгъ, подлежащихъ сожженію. Придирки, испытываемыя иностранными купцами отъ Испанской Инквизиціи, заставили

---

[1]) Lea, «History», III, 462.

англійское правительство при заключеніи въ 1604 г. мирнаго договора съ Испаніей внести особый пунктъ о томъ, чтобы англійскіе купцы не подвергались въ Испаніи инквизиціоннымъ преслѣдованіямъ: никто не имѣлъ права принуждать ихъ къ посѣщенію церкви, судно не могло быть конфисковано и т. д. Хотя Супрема, вслѣдствіе трактата 1604 г., вынуждена была извѣстить трибуналы, что отнынѣ англичане пользуются тѣми же правами, что и Ганзейскіе города, однако, архіепископъ Валенсіи Рибера продолжалъ настаивать на преслѣдованіи англичанъ и доказывать, что съ врагами религіи нельзя не только заключать договоровъ, но и вообще какой-либо миръ. Представленіе Риберы королю было разсмотрѣно государственнымъ совѣтомъ, который, въ согласіи съ волей короля, просилъ Великаго инквизитора напомнить трибуналамъ объ обязанности слѣдить за иностранцами, не допускать, чтобы они заражали ересью страну, и чтобы испанскія женщины встрѣчались съ англичанами [1]). Однако, внѣшнія политическія условія, въ которыхъ жила тогда Испанія, были сильнѣе требованій Инквизиціи, и когда въ 1609 г. было заключено перемиріе на 12 лѣтъ съ Нидерландскими Соединенными Штатами, то Испанія вынуждена была предоставить этому еретическому государству тѣ же права, что и англійскимъ и ганзейскимъ купцамъ. Если Инквизиція и не была въ силахъ открыто нарушать международные договоры, то она фактически не разъ пыталась извращать ихъ истинный смыслъ. Такъ, въ 1612 г. Супрема извѣстила провинціальные трибуналы, что предоставленныя голландцамъ привилегіи относятся лишь къ тѣмъ, которые проѣздомъ находятся въ Испаніи, а тѣ, которые постоянно живутъ въ Испаніи или пріобрѣтаютъ домъ, не могутъ пользоваться никакими привилегіями: за ними, согласно старому распоряженію отъ 1581 г., долженъ быть установленъ особый надзоръ, и трибуналы должны знать все, что эти иностранцы дѣлаютъ и говорятъ. Въ 1620 г. Супрема возобновила также старое распоряженіе 1581 года о томъ, что иностранцы не имѣютъ права содержать въ портовыхъ городахъ гостиницы или постоялые дворы. Когда кончилось 12-тилѣтнее перемиріе съ Нидерландами, то Инквизиція поспѣшила объявить, что голландскіе купцы лишились привилегіи 1609 г., а когда началась въ 1624 г. война съ Англіей, Великій инквизиторъ Пачеко извѣстилъ короля, что въ предѣлахъ Испаніи не должно быть мѣста такимъ еретикамъ, какъ англичане и шотландцы, и потому онъ рѣшилъ издать распоряженіе, чтобы всѣ великобританскіе подданные, не исповѣдывающіе католической религіи, оставили въ теченіе 20 дней владѣнія испанскаго короля. Такъ какъ подобное распоряженіе являлось весьма серьезнымъ актомъ, то онъ, инквизиторъ Пачеко, считалъ своею обязанностью предварительно поставить объ этомъ въ извѣстность короля. Можно предположить, что Филиппъ IV не былъ доволенъ этой узурпацией власти со стороны инквизитора, такъ какъ лишь 22 апрѣля 1626 г., т.-е. болѣе чѣмъ черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ распоряженія Пачеко объ изгнаніи англичанъ изъ Испаніи, появилась королевская прокламація о запрещеніи торговыхъ сношеній съ Англіей и о конфискаціи англійскихъ товаровъ. Однако, тотъ же Филиппъ, при вступленіи въ переговоры съ Кромвелемъ о заключеніи договора 1655 г., отправилъ Супремѣ на пересмотръ пунктъ о религіозныхъ привилегіяхъ англійскимъ купцамъ въ Испаніи, прибавивъ, что онъ готовъ скорѣе лишиться всѣхъ своихъ владѣній, чѣмъ совершить нѣчто такое, что могло бы вредить интересамъ религіи. Супрема возгордилась обращеніемъ къ ней Филиппа и заявила, что слова короля должны быть вырѣзаны на бронзѣ для свѣдѣнія настоящему и будущему поколѣніямъ. По существу Супрема отнеслась отрицательно къ проектируемому договору, ссылаясь на распоряженіе папы Григорія XV (1621—1623) о томъ, чтобы короли изгнали изъ своихъ владѣній еретиковъ, а также на то, что всѣ каноническія постановленія требуютъ, чтобы знающій о существо-

---

[1]) Рѣшеніе государственнаго совѣта отъ 15 марта 1608 г. приведено у Бороната-и-Баррачины, «Los Moriscos Españoles y su expulsión», Валенсія, 1901, 2 т., II, 120—123.

Сцена изъ эпохи преслѣдованій протестантовъ въ Нидерландахъ.

(Паувельсъ).

ваніи еретиковъ доносилъ о нихъ властямъ, и чтобы ни одинъ католикъ не былъ въ услуженіи у еретика. Филиппъ IV, согласно рѣшенію Супремы, отказался отъ заключенія договора съ Кромвелемъ. При такомъ подчиненіи свѣтской власти Инквизиціи не удивительно, что Испанія вела все болѣе и болѣе изолированную жизнь и стояла въ сторонѣ отъ тѣхъ умственныхъ движеній, которыя волновали въ XVIII вѣкѣ западно-европейскій міръ. Французская Революція вызвала появленіе эдикта 1791 г., въ силу котораго всѣ иностранцы, проживавшіе въ Испаніи, должны были быть особо зарегистрированы: тѣ, которые желали натурализоваться, обязаны были принять католическую вѣру и дать присягу вѣрности, временно же пребывавшіе въ странѣ должны были дать точныя свѣдѣнія о своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, не имѣли права заниматься рядомъ отраслей труда и искусства, быть торговыми посредниками, мелкими продавцами или прислугой у настоящаго испанца; въ теченіе двухъ мѣсяцевъ лица эти обязаны были покинуть Испанію. Опубликованный Ли документъ [1]) свидѣтельствуетъ, что эдиктъ 1791 г. имѣлъ силу еще въ 1801 г.; мало того, еще въ 1819 г. Супрема требовала отъ трибуналовъ, чтобы они въ портовыхъ городахъ устраивали visitas de navios, т.-е. осматривали всѣ прибывающія суда, такъ какъ правила 1605 года о сожженіи еретическихъ книгъ и о поведеніи иностранцевъ на территоріи Испаніи сохранялись еще въ полной силѣ. Во что Испаніи обошелся этотъ надзоръ надъ иностранцами и надъ ихъ книгами,—распространяться не приходится: міровая держава, государь которой справедливо могъ гордиться, что въ его владѣніяхъ никогда не заходитъ солнце, низошла до третьестепеннаго государства, одинаково бѣднаго какъ умственно, такъ и матеріально.

Лишь въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка, благодаря энергіи нѣмецкаго пастора Фрица Флиднера, протестантизмъ снова ожилъ въ Испаніи, и вскорѣ въ нѣкоторыхъ городахъ ея появились отдѣльные протестанты. Въ 1899 г. разсѣянные по всей странѣ протестанты объединились въ «Iglesia Evangélica Española», насчитывающую около 40 маленькихъ общинъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи до 25 пасторовъ. Послѣдніе избираютъ синодъ, во главѣ котораго теперь стоитъ Теодоръ Флиднеръ, сынъ Фрица Флиднера. Рядомъ съ «Iglesia Evangélica Española» функціонируетъ «Iglesia Roformada Española», являющаяся представительницей не столько англиканской церкви, не желающей имѣть паствы внѣ Великобританіи, сколько пресвитеріанства. Во главѣ этой организаціи, размѣрами не уступающей своей сопернице, находится бывшій католическій священникъ Кабрера. Число испанскихъ протестантовъ трудно опредѣлить болѣе или менѣе точно, такъ какъ офиціальная статистика считаетъ всѣхъ испанцевъ католиками, и при народныхъ переписяхъ одни лишь иностранцы въ графѣ «религія» отмѣчаютъ свою вѣру,—испанцы же заносятся исключительно въ качествѣ католиковъ.—Протестанты утверждаютъ, что число ихъ доходитъ до 20 тыс. и составляетъ 0,1% всего населенія. Однако, утвержденіе это страдаетъ отсутствіемъ доказательствъ и въ лучшемъ случаѣ основано на томъ, что приблизительно такое именно число посѣщаетъ протестантскія проповѣди или посылаетъ своихъ дѣтей въ протестантскія школы. Забываютъ при этомъ совершенно, что многіе католики предпочитаютъ протестантскія школы католическимъ, оставаясь католиками и не пріобщая своихъ дѣтей къ протестантской церкви. То же можно сказать и о посѣщеніи лютеранскихъ проповѣдей, тѣмъ болѣе, что въ Испаніи протестантизмъ, имѣя характеръ миссіонерства, не требуетъ никакихъ формальностей и допускаетъ въ свою среду даже остающихся вѣрными,—разумѣется лишь съ внѣшней стороны,—католицизму.

Несмотря на свою малочисленность, протестанты играютъ въ послѣдніе годы важную роль въ политической и духовной жизни Испаніи. Имъ преимущественно обязанъ своимъ проведеніемъ законъ о фасадахъ, принятый парламентомъ въ 1910 г. въ правленіе либе-

---

[1]) «History of the Inquisition of Spain», III, 473—474.

ральнаго и трагически погибшаго министра Каналехаса. Въ силу этого закона не-католикамъ отнынѣ разрѣшается имѣть молитвенные дома, и съ внѣшней стороны напоминающіе церковныя зданія. Какъ ни ничтоженъ самъ по себѣ этотъ законъ для страны, давно имѣющей либеральную конституцію, онъ, однако, дался ей не безъ труда. Поводомъ къ движенію въ пользу фасаднаго закона послужило слѣдующее обстоятельство. Англійская колонія въ Барселонѣ выстроила въ 1905 г. кирху, на которой былъ помѣщенъ крестъ. Клерикалы увидѣли въ этомъ публичное посрамленіе католицизма и послѣ ряда враждебныхъ по адресу протестантовъ манифестацій кардиналъ Касанья обратился къ королю съ жалобой на дѣйствія барселонскихъ англичанъ. Молодой Альфонсъ XIII отвѣтилъ, что «его сильно огорчило новое покушеніе на вѣру отцовъ», и что онъ все сдѣлаетъ, чтобы отмѣнить «противорѣчащее законамъ и единодушной волѣ народа злоупотребленіе». Вмѣшательство англійскаго посла охладило пылъ молодого монарха, и послѣ долгихъ переговоровъ крестъ съ лютеранской церкви былъ снятъ, но англичанамъ разрѣшено было продолжать въ ней богослуженіе. Испанскіе протестанты использовали этотъ инцидентъ для поднятія въ странѣ агитаціи за свободу совѣсти; агитація эта имѣла тѣмъ большій успѣхъ, что общественное мнѣніе Западной Европы рѣзко осуждало поведеніе испанскаго правительства и Альфонса XIII, обнаружившихъ въ XX вѣкѣ средневѣковое представленіе о сущности религіи. Широкая агитація привела къ подачѣ петиціи королю. Такъ какъ испанскіе протестанты во время агитаціи держали себя въ рамкахъ закона и опирались на конституцію, провозглашавшую свободу совѣсти, то Вильяверде, умѣренный консерваторъ, исполнявшій тогда обязанности премьера, благосклонно отнесся къ протестантской петиціи и черезъ нѣкоторое время распорядился открыть главную дверь одной мадридской протестантской церкви, которая до того была закрыта полиціей, такъ какъ она придавала церкви и съ внѣшней стороны видъ молитвеннаго дома. Политика Вильяверде встрѣтила оппозицію въ средѣ клерикаловъ, но либералы одобрили ее, и одновременно былъ устроенъ въ странѣ рядъ митинговъ и манифестацій, на которыхъ подвергался нападкамъ и Альфонсъ, такъ легкомысленно говорившій о единодушной волѣ испанскаго народа. Вскорѣ агитація принесла желанные плоды: солдатъ-протестантъ Пабло Эрнандесъ (Hernandez) отказался стать на колѣни въ церкви, такъ какъ явился въ католическій костелъ, по его словамъ, не ради молитвы, а въ видахъ сохраненія военной дисциплины. Привлеченный къ суду, онъ былъ оправданъ при энергичномъ протестѣ прокурора; хотя вторично онъ былъ осужденъ за оскорбленіе религіи, тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе шумно поддерживало «смѣлаго мученика», и король вынужденъ былъ помиловать Эрнандеса. Вслѣдъ за солдатомъ героемъ дня сталъ морской офицеръ Лабрадоръ, отказавшійся присутствовать на обязательной мессѣ до открытія суда. Инцидентъ этотъ привелъ къ отмѣнѣ обязательной мессы. Наиболѣе яркой демонстраціей въ пользу свободы совѣсти, демонстраціей, иниціаторами которой являлись протестанты, была поданная 1 декабря 1910 г. предсѣдателю палаты депутатовъ, графу Романонесу, петиція о свободѣ совѣсти въ государственныхъ школахъ и объ облегченіи формальностей при заключеніи гражданскаго брака; петиція была подписана 150 тысячами лицъ. Помимо демонстративнаго характера, петиція имѣла и практическое значеніе [1]).

---

[1]) «Frankfurter Zeitung», 1913, 27 Juli, «Der Protestantismus in Spanien». Характерные факты объ испанскомъ религіозномъ фанатизмѣ можно найти въ книгѣ «Das heutige Spanien unter dem Joch des Papsttums» бывшаго мадридскаго католическаго священника José Ferrandiz (нѣм. перев. Ibero), Франкфуртъ на М., 1909.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мараны и Португальская Инквизиція.

Инквизиція была введена въ Испаніи, главнымъ образомъ, съ цѣлью искоренить іудейскую ересь, которая питалась преимущественно маранами, массами переходившими съ конца XIV вѣка въ христіанство. Естественно, что въ теченіе первыхъ десятилѣтій дѣятельности Инквизиціи жертвами ея являлись почти исключительно новохристіане, которые обвинялись то въ лицемѣрномъ принятіи христіанства, то въ тайномъ соблюденіи религіозныхъ обычаевъ и церемоній старой, еврейской религіи, то въ стремленіи склонить на сторону іудаизма настоящихъ христіанъ, то, наконецъ, въ совершенномъ возвратѣ къ іудейству. Когда Амадоръ-де-лосъ-Ріосъ приводитъ страшныя цифры жертвъ Инквизиціи до смерти перваго Великаго инквизитора Томаса Торквемады, опредѣляя ихъ въ 114.400 человѣкъ (10.220 заживо сожженныхъ, 6.870 in effigie и 97.320 приговоренныхъ къ другимъ наказаніямъ), то онъ относитъ всѣхъ пострадавшихъ за счетъ новохристіанъ [1]). Точно также Сурита, утверждая, что въ архіепископствѣ Севильѣ за время отъ 1480 до 1500 года были приговорены инквизиціоннымъ трибуналомъ свыше 100 тыс. человѣкъ къ различнымъ наказаніямъ, заявляетъ, что преступленіе ихъ заключалось въ томъ, что они іудействовали, judaizaban [2]). Въ находившихся на исторической выставкѣ въ Мадридѣ въ 1893 г. отчетахъ о сіудадъ-реальскихъ процессахъ противъ еретиковъ за время отъ 9 октября 1483 г. до начала 1486 года говорится, что всѣ обвиняемые и приговоренные къ сожженію принадлежали къ новообращеннымъ или къ іудействующимъ. Говоря о 455 пострадавшихъ въ Сіудадъ-Реалѣ, Мерчанъ замѣчаетъ: видимо, въ этой части ла Манчи іудаизмъ пустилъ глубокіе корни, и Святая Инквизиція не безъ основанія избрала именно этотъ городъ для первыхъ дѣйствій [3]). Правда, и старые христіане могли впадать въ подобный грѣхъ; однако, огромное большинство принадлежало все-таки къ новообращеннымъ. Наиболѣе упорно, почти открыто іудействовавшіе, являвшіеся ренегатами по отношенію къ христіанской религіи, сами называвшіе себя евреями либо относимые къ таковымъ трибуналами Инквизиціи и позднѣйшими ея историками, составляли среди общей категоріи judaizantes незначительное меньшинство; остальные виновные—reos—обвинялись въ частичныхъ, подчасъ совершенно ничтожныхъ, уклоненіяхъ отъ предписаній католической вѣры. Элканъ Натанъ Адлеръ составилъ на основаніи книги Родриго «Historia verdadera de la Inquisicion» перечень «евреевъ», пострадавшихъ отъ Инквизиціи въ XV вѣкѣ; количество ихъ равно 1388 [4]). Къ этой цифрѣ слѣдуетъ прибавить еще 185; это—тѣ «евреи», которые въ тѣ же годы были приговорены къ различнымъ наказаніямъ на ауто-да-фе, не упомянутыхъ Родриго въ его книгѣ; Адлеръ нашелъ упоминаніе объ этихъ ауто-да-фе въ различныхъ мѣстахъ извѣстной книги Исторіи Испанской Инквизиціи Генри-Чарльса-Ли [5]).

Что мараны должны были дать очень значительное число жертвъ, ясно само собою, такъ какъ духовенство, а за нимъ вскорѣ и Инквизиція, стало относиться къ нимъ съ

[1]) «Historia social, politica y religiosa de los Judios de España y Portugal», III, 491—492.
[2]) Modesto Lafuente, «Historia general de España», t. VII, стр. 98, Барселона, 1888.
[3]) Luis Delgado Merchan, «Historia documentada de Ciudad Real», 2-ое изд., 1907, стр. 216.
[4]) «Auto de fé and Jew», 1908, Оксфордъ (таблицы).
[5]) «History of the Inquisition of Spain», passim; Elkan Nathan Adler, op. cit. (таблицы).

большой подозрительностью еще съ средины XV вѣка. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 42) мы уже упомянули, что епископу Альфонсу де Санта Марiа удалось въ 1434 г. убѣдить Базельскій соборъ включить въ одно изъ своихъ постановленій особую статью, касавшуюся новохристіанъ. Точно также въ 1449 г. епископъ Лопе де Баріентосъ добился изданія Sentencia Estatuto, въ силу которой были устранены отъ различныхъ должностей въ Толедо 13 марановъ; кромѣ того, въ этомъ соглашеніи говорилось о новообращенныхъ въ крайне враждебномъ духѣ, и они были объявлены лишенными права занимать какія-либо должности и давать показанія противъ настоящихъ христіанъ, при чемъ состоявшіе уже на службѣ мараны должны были быть немедленно удалены. Правда, рѣшенія Sentencia Estatuto не встрѣтили сочувствія папы Николая V, который въ особой буллѣ 25 сен. 1449 г. призналъ ихъ даже «нехристіанскими» и требовалъ не дѣлать различія между христіанами, но духовенство неохотно подчинялось этой буллѣ и признавало истинными заявленія францисканца Альфонсо де Эспины о томъ, что тайные евреи—judios ocultos—заслуживаютъ тѣхъ же наказаній, что и явные евреи—judios publicos; духовенство зачитывалось его знаменитымъ памфлетомъ «Fortalitium fidei» (1459), явившимся самымъ рѣзкимъ выступленіемъ противъ марановъ, обратившимъ на себя тѣмъ больше вниманія, что Эспина былъ королевскимъ духовникомъ и пользовался среди францисканцевъ значительной популярностью. Этимъ, вѣроятно, объясняется образованіе въ Кордовѣ въ 1473 г. канониками, во главѣ съ архидіакономъ, особаго союза, подъ именемъ Cardidad, доступъ въ который былъ запрещенъ новохристіанамъ [1]). Въ томъ же году Хуанъ II отмѣнилъ статуты двухъ аналогичныхъ союзовъ и приказалъ, чтобы мараны принимались во всѣ духовно-монашескіе союзы на тѣхъ же правахъ, что и настоящіе христіане [2]). Гораздо болѣе серьезныя послѣдствія для марановъ должно было имѣть папское бреве отъ 25 мая 1483 года: Сикстъ IV требовалъ отъ всѣхъ испанскихъ архіепископовъ, чтобы они поставили въ извѣстность викарныхъ епископовъ о томъ, что епископы еврейскаго происхожденія не могутъ принимать участія въ инквизиціонныхъ трибуналахъ и вообще не должны имѣть никакого касательства къ дѣламъ Инквизиціи [3]). Въ томъ же году временно пребывавшая въ еронитскомъ монастырѣ Гваделупе Инквизиція нашла среди монаховъ одного еврея, который не былъ крещенъ, хотя состоялъ монахомъ уже около 40 лѣтъ; она распорядилась о немедленномъ торжественномъ его сожженіи и побудила генеральный капитуть издать распоряженіе о недопущеніи ни въ одинъ еронитскій монастырь евреевъ и лицъ еврейскаго происхожденія. Такъ какъ послѣднія слова имѣли въ виду новохристіанъ, которые были, такимъ образомъ, поставлены въ низшее сравнительно съ другими христіанами положеніе, то распоряженіе 1483 г. было многими найдено нарушеніемъ папской буллы отъ 1449 г., обязательной и для генеральнаго капитула. Вокругъ этого вопроса возникли вскорѣ горячіе споры: нѣкоторые монастыри не желали подчиняться распоряженію 1483 года. Фердинандъ и Изабелла обратились за помощью къ папѣ Иннокентію VIII; онъ не принялъ по этому поводу опредѣленнаго рѣшенія и буллою Decet Romanam (25 сен-

[1]) Amador de los Rios, op. cit., III, стр. 152—153.

[2]) Lea, op. cit., II, 285.

[3]) Характерно, что папа относится съ большимъ недовѣріемъ къ тѣмъ крещенымъ, предки которыхъ уже давно приняли христіанство: онъ исключаетъ изъ инквизиціонныхъ дѣлъ тѣхъ, qui de genere eorum christianorum qui ex Ebreis provenere originem trahant. И въ дальнѣйшемъ еще сильнѣе отмѣчаетъ необходимость исключенія подозрительныхъ по своему происхожденію духовныхъ лицъ и обращенія за помощью лишь къ лицу, который не только ни въ какомъ отношеніи самъ не можетъ быть ни въ чемъ заподозрѣнъ, но предки котораго точно такимъ же образомъ не могутъ вызывать никакихъ сомнѣній: qui de dicto genere etiam ab antiquo nulla ex parte originem trahat et aliquibus de eo genere consanguinitate vel affinitate conjuctus. Бреве это впервые было опубликовано ученымъ іезуитомъ Фиделемъ Фитой, «Boletin de la Real Academia de la Historia», t. XV, 475—76.

тября 1486 г.) предоставилъ архіепископу севильскому и епископамъ Кордовы и Леона право рѣшать, по собственному усмотрѣнію, вытекавшіе изъ еронитскаго распоряженія вопросы. Отвѣтъ Иннокентія VIII былъ истолкованъ въ смыслѣ одобренія запрещенія новохристіанамъ вступать въ монастырь, и Святая Дѣва стала проявлять свою радость по этому поводу въ чудесахъ, которыя намѣревался перечислить бр. Франсиско Санчо де ла Фуэнте, но они оказались столь многочисленными, что его усердіе было исчерпано, и онъ не окончилъ богочестиваго дѣла [1]).

Однимъ изъ сильнѣйшихъ противниковъ крещеныхъ евреевъ, занимавшихъ духовныя мѣста, былъ Великій инквизиторъ Торквемада. Онъ относился съ сомнѣніемъ къ искренности католическихъ чувствъ епископа Сеговіи Давилы, предки котораго были евреями. Давила состоялъ епископомъ Сеговіи съ 1461 г., и родственниками его были члены самыхъ аристократическихъ фамилій Испаніи. Онъ обнаружилъ удивительную преданность дѣлу религіи, когда въ 1468 г. въ Сепульведѣ были обвинены раввинъ Соломонъ Пико и виднѣйшіе члены еврейской общины въ убійствѣ христіанскаго мальчика съ ритуальной цѣлью. Давила энергично повелъ слѣдствіе противъ подозрѣваемыхъ въ убійствѣ евреевъ: семь человѣкъ предалъ онъ сожженію, а остальныхъ повѣсилъ, за исключеніемъ одного мальчика, умолявшаго принять его въ лоно католицизма. Мало того, Давила далъ возможность черни грабить евреевъ Сепульведы и изгнать ихъ совершенно изъ этого города. Однако, когда Инквизиція была введена въ Сеговіи, Давила, по словамъ Торквемады, сталъ исподтишка интриговать и даже заставилъ инквизиторовъ покинуть Сеговію. Давила хотѣлъ закрѣпить за собою эту побѣду и вступилъ въ переписку съ королемъ, желая уговорить его не впускать никогда инквизиціонной власти въ предѣлы епископіи. Когда Давила убѣдился, что его старанія ни къ чему не приведутъ, онъ темной ночью выкопалъ изъ земли кости своихъ предковъ съ тѣмъ, чтобы скрыть слѣды своего еврейскаго происхожденія. Торквемада настаивалъ на строгомъ наказаніи этого преступнаго еврейскаго епископа, и въ 1490 г. папа отправилъ спеціальнаго нунція, чтобы онъ сообща съ Торквемадой обсудилъ это дѣло. 80-тилѣтній Давила отправился для оправданія въ Римъ. Здѣсь онъ понравился папѣ Александру VI, и возведенное противъ епископа подозрѣніе не получило надлежащаго хода. Давила умеръ въ Римѣ въ 1497 г.

Нѣсколько позже Торквемада намѣтилъ новую жертву. То былъ епископъ Калаоры Педро де Аранда, отецъ котораго Гонсало Алонсо принялъ христіанство вмѣстѣ съ Пабло де Санта Марія. Аранда въ 1482 г. былъ назначенъ на высокій и отвѣтственный постъ предсѣдателя совѣта Кастиліи; противъ памяти отца его вальядолидскій трибуналъ возбудилъ обвиненіе, но при голосованіи оказалась discordia, и Аранда, воспользовавшись этимъ, поспѣшилъ въ Римъ и получилъ отъ папы письмо, коимъ дѣло противъ памяти его отца было передано для рѣшенія кордовскому епископу и бенедиктинскому пріору въ Вальядолидѣ. Самъ Аранда былъ въ 1494 г. назначенъ папскимъ представителемъ въ Венеціи, а затѣмъ начальникомъ папскаго дворца. Торквемада собралъ противъ Аранды большой обвинительный матеріалъ и 21 апрѣля 1498 г. приказалъ посадить его подъ домашній арестъ во дворцѣ. 26-го того же мѣсяца Аранда предсталъ предъ папой, былъ переведенъ въ другіе покои и содержался подъ охраной до сентября. Александръ VI, между тѣмъ, конфисковалъ его имущество и передалъ дѣло о немъ тремъ епископамъ Куріи. Свыше 100 свидѣтелей было вызвано въ судъ; всѣ они давали показанія не въ пользу Аранды. Послѣдній будто бы утверждалъ, что законъ Моисея, зиждущійся на одномъ началѣ, выше закона Христа, что Filio et Spiritui Sancto должно быть опущено въ молитвѣ, что разрѣшается употреблять всякую пищу въ постные дни, что индульгенціи изобрѣтены въ матеріальныхъ интересахъ духовенства, что ада нѣтъ и многое другое, столь же про-

[1]) Lea, op. cit., II, 286.

тивное религіи и здравому смыслу. Судьи передали показанія свидѣтелей папѣ, и Арандъ былъ отрѣшенъ и заключенъ въ крѣпость, гдѣ онъ и умеръ около 1500 года [1]).

Въ 1496 г. Торквемадѣ удалось убѣдить Фердинанда издать законъ, въ силу котораго новохристіанамъ запрещалось въ теченіе трехъ лѣтъ быть королевскими откупщиками податей; запрещеніе мотивировалось необходимостью для марановъ посвящать много времени изученію и изслѣдованію (bien adoctrinados é instruidos) святой католической вѣры, чему будутъ препятствовать занятія по собиранію податей [2]). Въ томъ же году Томасъ Торквемада, основавъ въ Авилѣ монастырь св. Ѳомы Аквината, добился отъ папы Александра VI запрещенія доступа въ него лицамъ, прямо или косвенно происходящимъ отъ евреевъ, при чемъ пріоръ монастыря или всякое другое лицо, нарушившее это запрещеніе, ipso facto отлучалось отъ Церкви. Папское бреве 12 ноября 1496 г. было впервые опубликовано ученымъ іезуитомъ Фиделемъ Фитой въ «Boletin de la Real Academia de la Historia» въ 1887 г. (т. XI, часть V, стр. 429—430). Соотвѣтствующее мѣсто гласитъ: Cum persona tua neophitis christianis, descendentibus ex genere Judaeorum, praetextu dictae Inquisitionis plurimum est exosa, virisimiliter times ne, si forte homines illius generis in dicto Monasterio admitterentur, processu temporis ex... odio in pernitiem et destructionem Monasterii eiusdem molirentur... Nos igitur... nullum unquam neophitum ex huiusmodi Judaeorum genere, mediate vel immediate descendentem, admittendum perpetuis futuris temporibus... mandamus; inhibentes... priori et conventui ac singularibus personis... in vim Sanctae obediencіae et sub poena excomunicationis, quam contravenientes ipso facto incurrant, ne... aliquem de praedicto genere... in Monasterio... admittant... (Такъ какъ твоя личность вслѣдствіе названной Инквизиціи очень ненавистна христіанскимъ неофитамъ, происходящимъ отъ еврейскаго рода, ты, вѣроятно, боишься, какъ бы они, если будутъ допущены въ монастырь многіе изъ этого племени, не принесли вреда и не разрушили этого монастыря изъ ненависти къ Инквизиціи... то мы приказываемъ, чтобы никогда никто изъ еврейскихъ неофитовъ, прямо или косвенно происходящихъ отъ евреевъ, во вѣки вѣчныя не допускался; мы запрещаемъ пріору, капитулу и отдѣльнымъ лицамъ... въ силу священнаго повиновенія и подъ угрозой отлученія, которое ipso facto постигнетъ ихъ, чтобы никто изъ названнаго рода не допускался въ монастырь). Преемникъ Торквемады, Великій инквизиторъ Діэго Деса, съ согласія Супремы, издалъ 16 августа 1499 г. законъ, установившій различіе между маранами, принявшими христіанство до 1492 г. и послѣ 1492 г.: первые должны были жить среди настоящихъ христіанъ и за ними не должно было быть установлено спеціальнаго надзора, вторые—вызывали подозрѣніе въ своей искренности и должны были жить вдали отъ бывшихъ раввиновъ, принявшихъ христіанство, и должны были укрѣплять въ себѣ католическую вѣру, съ каковой цѣлью обязаны были въ воскресные и праздничные дни посѣщать церкви и слушать проповѣди.—Если самый фактъ принятія христіанства послѣ опубликованія декрета объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи являлся достаточнымъ поводомъ, чтобы навлечь подозрѣніе на цѣлую категорію марановъ, то тѣмъ болѣе было основанія считать виновными тѣхъ марановъ, которые позволяли себѣ малѣйшее отступленіе отъ католицизма, вызывавшее подозрѣніе о желаніи ихъ вернуться въ лоно еврейской религіи. Если уклоненіе отъ христіанства нисколько не носило характера возврата къ іудейству и ни въ какомъ случаѣ не могло быть истолковано въ такомъ именно смыслѣ, оно, тѣмъ не менѣе, побуждало Инквизицію считать уклоняющагося отъ католическихъ догмъ марана іудействующимъ и, слѣдовательно, подлежащимъ тяжкому наказанію. Не только соблюденіе одного изъ 37 пунктовъ, свидѣтельствовавшихъ о принадлежности преступника къ іудействующимъ (перечень этихъ пунктовъ данъ на стр. 51—53),

[1]) «Boletin de la Real Academia de la Historia», XV, 578 и слѣд.

[2]) Amador de los Rios, op. cit., III. 381 и слѣд.

влекло марана къ гибели или, въ лучшемъ случаѣ, къ конфискаціи имущества съ тюремнымъ заключеніемъ и епитеміей, но даже простое бѣгство изъ инквизиціоннаго округа въ мѣсто, гдѣ трибуналъ Святой Инквизиціи не открылъ еще своихъ дѣйствій, имѣло для марана самыя печальныя послѣдствія, какъ мы это видѣли, когда въ связи съ «Первыми шагами Новой Инквизиціи» упомянули о выдачѣ севильскому трибуналу до 8 тыс., по опредѣленію Кайзерлинга [1]), марановъ, скрывавшихся во владѣніяхъ маркиза Кадикса. Мало того, простой переходъ изъ одной провинціи въ другую вызывалъ иногда подозрѣніе противъ марана; такъ, около 1540 г. льеренскій трибуналъ арестовалъ 21 марана за попытку переѣхать въ Португалію; трибуналъ обратился ко всѣмъ испанскимъ и португальскимъ инквизиторамъ съ просьбой доставить ему свѣдѣнія о личности арестованныхъ марановъ. Эта неимовѣрная строгость по отношенію къ маранамъ находила свое объясненіе въ томъ, что новохристіане, вступая въ лоно католической Церкви, имѣли, словно обреченные, не только душу грѣшника, но и тѣло, ибо не удовлетворяли условію о чистотѣ крови, той limpieza, которая, какъ Дамокловъ мечъ, постоянно угрожала жизни и имуществу марановъ.

Каноническій законъ о томъ, что дѣти и внуки упорствующихъ еретиковъ въ качествѣ нечестивцевъ не могутъ пользоваться извѣстными правами, сталъ иногда находить свое примѣненіе и къ маранамъ и вообще къ новохристіанамъ. Такъ, 20 ноября 1522 г. Супрема извѣстила толедскій, саламанкскій и вальядолидскій университеты о запрещеніи выдачи ученыхъ степеней крещенымъ евреямъ и ихъ дѣтямъ, а также внукамъ осужденныхъ Инквизиціей еретиковъ, такъ какъ всѣ они должны быть отнесены къ группѣ лицъ, имѣющихъ въ своихъ жилахъ нечистую кровь. Въ 1525 г. обсервантины-францисканцы получили отъ Климента VII бреве, въ силу котораго происходившіе отъ евреевъ или отъ приговоренныхъ Инквизиціей еретиковъ не могли занимать въ орденѣ никакихъ должностей, а въ будущемъ не должны были вообще приниматься въ члены его. Среди доминиканцевъ, однако, возникли разногласія о правильности уподобленія новообращенныхъ потомству еретиковъ, и кардиналъ Кайетано заявилъ, что еврейское происхожденіе не есть какой-либо грѣхъ, ибо Іисусъ Христосъ и апостолы происходили отъ евреевъ, и было бы безразсудно ставить имъ препятствія ко вступленію въ доминиканскій орденъ. Павелъ III (1534—1549) былъ того же мнѣнія и въ motu proprio отъ 1535 года запретилъ доминиканскому провинціалу не допускать новообращенныхъ въ орденъ, а когда узналъ, что бреве это не измѣнило установившейся уже въ орденѣ практики, то въ 1538 г. сталъ угрожать наказаніями за неповиновеніе папскимъ распоряженіямъ. Однако, Павелъ III не былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи, и когда кордовскій монастырь San Pablo обратился къ нему въ 1538 г. съ просьбой предоставить ему право исключенія всѣхъ членовъ, происходившихъ отъ новообращенныхъ, — право, которымъ пользовались почти всѣ монастыри этого ордена, то папа, вопреки своему же бреве motu proprio, далъ на это согласіе и извѣстилъ инквизиторовъ и декана Кордовы объ оказаніи помощи въ этомъ смыслѣ монастырю. Мало того, въ 1542 г., на основаніи инструкціи Павла III, кардиналъ Хуанъ де Толедо, бургосскій епископъ, запретилъ доминиканцамъ Арагоніи принимать въ члены ордена лицъ еврейскаго и еретическаго происхожденія вплоть до четвертаго поколѣнія, и это запрещеніе, очевидно, не ограничилось одной Арагоніей, ибо въ 1543 г. Супрема обратилась къ генералу и дефиниторамъ ордена съ напоминаніемъ не принимать въ орденъ крещеныхъ и ихъ ближнее потомство. Запретный для новохристіанъ кругъ все болѣе и болѣе расширялся; вскорѣ изъ всѣхъ трехъ военно-духовныхъ орденовъ были исключены лица еврейскаго и маврскаго происхожденія; точно также имъ былъ запрещенъ доступъ во всѣ высшія учебныя заведенія. Въ 1546 г. толедскій архіепископъ Силицео [2]), бывшій профессоръ

[1]) «Geschichte der Juden in Spanien und Portugal», Berlin, 1867.

[2]) Хуанъ Мартинесъ Муньосъ Силицео или, какъ испанцы часто его называютъ, Гинхаро—род. въ 1475 г., ум. въ 1557 г., съ 1546 г. былъ архіепископомъ Толедо.

въ Саламанкѣ и воспитатель Филиппа II, выработалъ проектъ, въ силу котораго каѳедральными служителями могли быть лишь тѣ, въ жилахъ которыхъ нѣтъ постороннихъ примѣсей. По проекту Силицео впредь всякій кандидатъ на каѳедральную службу долженъ былъ представить свою генеалогію и внести опредѣленную сумму денегъ для генеалогическихъ разслѣдованій въ Depositario de los pretendientes, который нанималъ спеціальныхъ людей для всесторонняго изученія генеалогіи кандидатовъ. Проектъ Силицео долженъ былъ разсматриваться капитуломъ Толедо, но архіепископу Силицео удалось предварительно заручиться согласіемъ нѣкоторыхъ членовъ его, и проектъ былъ принятъ капитуломъ, съ нарушеніемъ правилъ о голосованіи, при протестахъ меньшинства. Противъ этого рѣшенія подняли въ городѣ голосъ очень вліятельныя лица, и королевскій совѣтъ отправилъ къ принцу Филиппу особаго депутата, который долженъ былъ заявить ему, что въ случаѣ осуществленія проекта Силицео въ городѣ возможны крупные безпорядки. Принцъ Филиппъ передалъ, что рѣшеніе капитула будетъ представлено королю Карлу, и дѣло перешло какъ къ нему, такъ и къ папѣ. Въ 1547 г. Силицео выпустилъ свой проектъ въ болѣе обработанномъ видѣ подъ названіемъ «Estatuto de limpieza» (Статутъ о чистотѣ крови); въ немъ Силицео, преслѣдуя опредѣленную цѣль — вызвать вражду къ маранамъ, сознательно лгалъ, когда утверждалъ, будто «очень недавно» еретики еврейскаго происхожденія убили христіанскаго мальчика въ ла Гуардіи. Силицео было очень хорошо, разумѣется, извѣстно, что процессъ въ ла Гуардіи имѣлъ мѣсто не «очень недавно», а цѣлыхъ 55 лѣтъ до изданія «Estatuto de limpieza».

Римская Курія высказалась противъ Силицео, и Павелъ III подписалъ составленное въ этомъ смыслѣ бреве, но представитель толедскаго архіепископа Силицео, краснорѣчивый Діэго де Гусманъ, убѣдилъ папу въ необходимости отмѣнить бреве и одобрить законопроектъ Силицео. Послѣдній, между тѣмъ, обратился съ докладной запиской къ Карлу, въ которой доказывалъ, что все зло происходитъ отъ евреевъ, и что даже нѣмецкіе лютеране принадлежатъ къ еврейскому племени. Когда онъ, Силицео, сдѣлался толедскимъ архіепископомъ, то могъ убѣдиться, что всѣ бенефиціи находятся въ рукахъ евреевъ, и что евреямъ предоставляется почти повсюду право отпущенія грѣховъ; можно опасаться, что евреи совершенно овладѣютъ Церковью, такъ какъ въ Римѣ, гдѣ продаются бенефиціи, имѣются 500—600 испанцевъ, преимущественно новохристіанъ, которые и скупаютъ ихъ. То же происходитъ и въ другихъ профессіяхъ: судьи, адвокаты, нотаріусы, откупщики, врачи, аптекаря состоятъ почти исключительно изъ лицъ еврейскаго происхожденія, несмотря на то, что Инквизиція сожгла уже и продолжаетъ сжигать ихъ на кострѣ. Еврейскіе отпрыски потому выбираютъ врачебную профессію, что желаютъ погубить, какъ можно больше, христіанъ и лишь на-дняхъ на одномъ толедскомъ ауто-да-фе предсталъ врачъ, сыпавшій въ раны христіанамъ ядовитый порошокъ; если Карлъ не утвердитъ принятаго капитуломъ рѣшенія, то толедская церковь всецѣло будетъ принадлежать евреямъ. Докладъ Силицео произвелъ желанное впечатлѣніе, и Карлъ, по примѣру Павла III, высказался въ пользу толедскаго архіепископа.

Изъ опубликованной Родриго де лосъ Ріосъ въ «Revista de España» (XVIII, t. 105 и 106) книги секретаря Инквизиціи Хуана де Анчисы «El libro verde de Aragon» видно, что успѣху Силицео въ Римѣ много способствовали найденныя имъ въ толедскомъ архивѣ письма испанскихъ евреевъ къ константинопольскимъ. Когда Павелъ III, относившійся благосклонно къ евреямъ и маранамъ и разрѣшившій послѣднимъ свободно проживать въ Анконѣ и даже почти открыто исповѣдывать іудейскую религію, ознакомился съ найденной Силицео перепиской, то сразу перешелъ на сторону толедскаго архіепископа, и помощь, оказанная послѣднему Гусманомъ, хотя и была существенна, но не столь важна, какъ эта пресловутая переписка между евреями Испаніи и еврейской общиной Константинополя. Переписка эта состояла изъ двухъ писемъ: изъ письма, подписаннаго началь-

никомъ («принцемъ») испанскихъ евреевъ Чаморро и адресованнаго къ константинопольскимъ евреямъ, и отвѣта на него, посланнаго отъ имени константинопольской общины «принцемъ» Юсуфомъ (Ussuff, Іосифъ). Первое письмо гласило:

Judios honrrados, salud y gracia. Sepades que el Rey d'Espanna por pregon publico nos haze voluer Christianos, y nos quittan las haziendas y quittan las vidas, y nos destruyen nuestras Sinagogas, y nos hazen otras vexationes las quales nos tienen confusos, y inciertos de lo que debemos de hazer. Por la Lei de Moisen os rogamos, y suplicamos tengais en bien de hazer ayuntamiento, y imbiarno con toda breuedad la deliberation que en elle huuieredes fecho.

Chamorra Principe de los Judios d'Espanna.

(Уважаемые евреи, привѣтъ и милость. Вы знаете, что король Испаніи публичнымъ объявленіемъ заставляетъ насъ сдѣлаться христіанами, у насъ отнимаютъ наше имущество, а также нашу жизнь, у насъ разрушаютъ наши синагоги и причиняютъ намъ другія мученія, и мы растерялись и не знаемъ, что намъ дѣлать. Именемъ Закона Моисея мы просимъ и умоляемъ васъ совѣщаться объ этомъ и, какъ можно скорѣе, увѣдомить насъ о рѣшеніи, которое вы вынесете.

Чаморра, начальникъ евреевъ Испаніи).

Константинопольскій отвѣтъ былъ таковъ:

Amados hermanos en Moisen. Vuestra carta recibimos, en la qual nos significais lo trabajos, y infortunios que padesceies de los quales el sentimiento nos a cabido tanta parte como a vos atros. El parescer de los grandes Satrapas y Rabi es lo sigiuente.

A lo que dezis qu'el Rey d'Espanna os haze voluer Christianos, que lo hagais, pues no podeis hazer otro. A lo que dezis que os mandan quitar vuestras haziendas, hazed vuestros hijos mercadores, para que poco à poco les quiten las suyas. A lo que dezis que os quitan las vidas, hazed vuestras hijos medicos y apotecarios, para que les quiten las suyas. A lo que dezis que os destruyen vuestras Sinagogas, hazed vuestros hijos clerigos y theologos, para que les destruyan sus templos. I a lo que dezis que os hazen otras vexationes, procurad que vuestros hijos sean abogados, procuradores, notarios y consejeros y que siempre entendian en negotios de Republicas, para que sujetandolos ganeis tierra, y os podais vengar d'ellos, y no salgais d'esta orden que os damos, porque por experientia vereis que de abatidos, verneis a ser tenidos en algo.

Ussuff. Principe de los Judios de Constantinopla.

(Дорогіе братья во Моисеевомъ Законѣ. Мы получили ваше письмо, въ которомъ вы извѣщаете насъ о мукахъ и горѣ, которыя вы переносите и которыя насъ заставляютъ такъ же страдать, какъ и васъ. Мнѣніе великихъ сатраповъ и раввиновъ таково.

Относительно того, что вы говорите, что король Испаніи заставляетъ васъ сдѣлаться христіанами, сдѣлайтесь таковыми, ибо вы не можете иначе поступить. Относительно того, что вы говорите, что васъ заставляютъ покинуть ваше имущество, сдѣлайте вашихъ сыновей купцами для того, чтобы вы у нихъ (испанцевъ) мало-по-малу отняли ихъ имущество. Относительно того, что вы говорите, что у васъ отнимаютъ вашу жизнь, сдѣлайте вашихъ сыновей врачами и аптекарями и вы отнимете у нихъ ихъ жизнь. Относительно того, что вы говорите, что они разрушаютъ ваши синагоги, сдѣлайте вашихъ дѣтей священниками и теологами и вы разрушите ихъ церкви. Относительно того, что вы говорите, что они причиняютъ вамъ другія мученія, старайтесь, чтобы ваши сыновья были адвокатами, прокурорами, нотаріусами и совѣтниками и чтобы они постоянно занимались государственными дѣлами для того, чтобы, унижая ихъ, вы захватили эту страну и вы

сумѣете отомстить имъ за себя. И не нарушайте совѣта, который мы вамъ даемъ, чтобы вы путемъ опыта увидѣли, какъ вы изъ презираемыхъ станете такими, съ которыми считаются.

Юсуфъ. Глава евреевъ Константинополя) [1]).

Если предположить, что переписка эта дѣйствительно имѣла мѣсто между указанными еврейскими представителями Испаніи и Константинополя, то она должна быть отнесена къ моменту отъ опубликованія эдикта объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи до приведенія его въ исполненіе, т.-е. къ началу лѣта 1492 года. Лишь въ этотъ знаменательный для евреевъ моментъ предъ ними была поставлена дилемма: поголовное крещеніе либо поголовное же изгнаніе; никогда раньше евреи *всей* Испаніи не находились подъ тяжестью подобнаго гнета. Но тутъ возникаетъ цѣлый рядъ недоумѣній.

Евреи жалуются, что ихъ одновременно крестятъ и убиваютъ, что у нихъ отнимаютъ имущество, обращаютъ синагоги въ церкви и подвергаютъ другимъ мученіямъ. Но разъ ихъ крестятъ, то ихъ не убиваютъ; а если убиваютъ, то ихъ не крестятъ. У убитыхъ естественно отнимаютъ имущество, синагоги крещеныхъ столь же естественно обращаются въ церкви, и по меньшей мѣрѣ странно жаловаться на это. Крещенные или убитые, какимъ еще мученіямъ могутъ они подвергаться? Далѣе, кто такой еврейскій начальникъ Чаморра? Какой испанскій еврей подпишется однимъ именемъ безъ фамиліи или одной фамиліей безъ имени? Кѣмъ и когда былъ назначенъ этотъ начальникъ евреевъ всей Испаніи, когда самаго термина «Испанія» еще не существовало, и евреи могли имѣть лишь «принца» арагонскихъ, кастильскихъ или наваррскихъ евреевъ? Могли ли испанскіе евреи, справедливо считавшіе себя цвѣтомъ и гордостью избраннаго народа, обращаться за совѣтомъ въ столь важномъ вопросѣ къ константинопольскимъ евреямъ, не пользовавшимся никакимъ авторитетомъ въ еврействѣ и не имѣвшимъ понятія о положеніи западно-европейскихъ евреевъ.

Не менѣе странное впечатлѣніе производитъ и отвѣтъ константинопольской общины. Главнымъ турецкимъ раввиномъ во время опубликованія эдикта объ изгнаніи испанскихъ евреевъ былъ Моисей бенъ Илія Капсали [2]), но почему-то не его именемъ подписанъ отвѣтъ, а подъ нимъ значится какой-то Юсуфъ (Іосифъ), хотя никода турецкій раввинъ не станетъ подписывать своего имени безъ прибавленія имени отца своего. Какъ могла константинопольская община отвѣтить Чаморрѣ по-испански, когда до 1492 г. не было спаньоловъ въ Турціи, и турецкіе евреи не понимали по-испански? Могли ли оффиціальные представители еврейства отвѣтить на столь мучительный вопросъ, какимъ является вопросъ о правѣ креститься подъ давленіемъ гнета и страданій, въ полушутливомъ и, во всякомъ случаѣ, легкомъ тонѣ, когда дѣло касалось 200 тысячъ человѣкъ? Согласилась ли бы малочисленная [3]) константинопольская еврейская община взять на себя столь тяжелую миссію и могла ли она знать столь подробно положеніе дѣлъ въ Испаніи, чтобы совѣтовать крещенымъ евреямъ дѣлаться чиновниками и министрами, а также вступать въ ряды духовенства и захватить въ свои руки всю власть и торговлю? Эти странности

---

[1]) Впервые письма были напечатаны въ 1583 г. въ Парижѣ въ «La silva curiosa de Julian de Medrano, caballero navarro, en que se tratan diversas cosas sutilisimas y curiosas muy convenientes para damas y caballeros en toda conversacion virtuosa y honesta» (Nicolas Chesneau, in 8°). Первое письмо этого сборника было озаглавлено: «Carta de los Judios de España à los de Constantinopla». Мы пользуемся, кажется, послѣднимъ изданіемъ этихъ писемъ, сдѣланнымъ Хосе Марія Сбарби въ «Refranero general español», т. 10, Мадридъ, 1878. По словамъ Ис. Леба, изданіе Сбарби нѣсколько разнится отъ изданія 1583 г.

[2]) О М. Капсали, см. «Еврейск. Энциклоп.», IX, 261—263.

[3]) Испанскихъ и португальскихъ евреевъ лишь въ XVI была поселилось въ Константинополѣ до 10 тыс. чел.

обоихъ писемъ заставили еще Адольфа Кастро [1]) высказаться въ пользу того, что переписка эта сфабрикована врагомъ марановъ, такъ какъ она могла скомпрометировать лишь послѣднихъ, доказывая, что мараны приняли христіанскую вѣру исключительно съ цѣлью отомстить Испаніи за тѣ обиды и страданія, которыя она причинила евреямъ. Кастро приписалъ авторство этихъ писемъ Силицео, не приводя, однако, достаточныхъ доказательствъ для подтвержденія своего мнѣнія. Впослѣдствіи на письма эти стали смотрѣть, какъ на болѣе или менѣе остроумную шутку, которая должна была служить страшнымъ орудіемъ въ рукахъ противниковъ евреевъ и марановъ. Шутливымъ настроеніемъ автора этой переписки объясняли подпись Chamorra,—что должно было означать «оселъ», еврейское חמר. Появленіе этихъ писемъ въ «La silva curiosa» какъ бы подтверждало, что здѣсь дѣло идетъ скорѣе о несерьезныхъ вещахъ «для дамъ и кавалеровъ» (para damas y caballeros), чѣмъ о подлинныхъ документахъ, устанавливающихъ извѣстныя отношенія между испанскими и турецкими евреями. Однако, съ опубликованіемъ книги Хуана де Анчисы, о которой мы говорили выше, отпадаетъ мнѣніе о шутливыхъ намѣреніяхъ автора сфабрикованной переписки, такъ какъ Силицео не сталъ бы заниматься шутками: онъ повелъ очень серьезную борьбу противъ марановъ, и найденныя, т.-е. сфабрикованныя, имъ письма въ толедскомъ архивѣ сослужили ему огромную службу. Что онъ ихъ тамъ не нашелъ, ясно само собою: зачѣмъ маранамъ было оставлять въ архивѣ столь убійственное доказательство своихъ преступныхъ, злодѣйскихъ намѣреній при переходѣ въ христіанство?

Если Силицео дѣйствительно былъ авторомъ этихъ писемъ, то понятны всѣ курьезы этой переписки, преслѣдовавшей опредѣленную цѣль. Какъ христіанинъ, онъ многаго не зналъ и бывшую въ его время большую сефардскую общину Константинополя считалъ авторитетной и въ XV вѣкѣ. Фамилія Chomorro не есть въ такомъ случаѣ шутка и не происходитъ отъ еврейскаго слова חמר (chamar, оселъ); такая фамилія, дѣйствительно, существовала. Въ знаменитой книгѣ «El Tizon de la nobleza española» кардинала Мендосы-и-Бавидилья мы читаемъ: «Se hallan en esta corte nietos de Filipe Clemente, que fue hijo de Mosen Chamorro, el qual se convertio de judio [2]) (въ этомъ дворѣ находились внуки Филиппа Клементе, который былъ сыномъ Моисея Чаморо, который перешелъ изъ іудейской вѣры). Клементе была извѣстной семьей въ Сарагоссѣ и непосредственно, между прочимъ, противъ нея была направлена эта ядовитая стрѣла епископа Силицео [3]).

Около этого времени и Инквизиція ввела въ свою организацію принципъ чистоты крови и не принимала болѣе на службу лицъ еврейскаго или маврскаго происхожденія. Такъ, когда 16 апрѣля 1546 г. Великій инквизиторъ назначилъ Франсиско Ромео нотаріусомъ конфискацій въ Сарагоссѣ, Супрема, контрасигнуя это назначеніе, приписала слѣдующее: «послѣ того, какъ арагонскіе инквизиторы убѣдятся въ чистотѣ крови названнаго Ромео» [4]). 10 октября того же года Супрема издала общее распоряженіе о томъ, что служителями инквизиціонныхъ трибуналовъ могутъ быть лишь старые, настоящіе христіане, а не новообращенные. Однако, сама Супрема вскорѣ стала отступать отъ этого правила, и кортесы 1547 г. въ Монсонѣ жаловались на непослѣдовательность инквизиціонной политики. 23 декабря 1560 года Супрема снова напоминаетъ трибуналамъ, что ихъ служители должны быть лица—женатые и удовлетворяющіе требованію о limpieza. Жены инквизиціонныхъ служителей также должны были быть limpias, иначе мужья ихъ теряютъ право на занятіе должности при Инквизиціи. Странно, однако, что отъ Великаго инкви-

[1]) «Historia de los Judios en España», стр. 142. Кадиксъ, 1847; англійскій переводъ Кэмбриджъ, 1851.

[2]) Стр. 100, барселонское изданіе Biblioteca de orbas varas, 1880,

[3]) См. статьи Деранбурга, Морель-Фатіо, Ис. Леба и Греца въ «Revue des Etudes Juives», tt. I, XV и XIX.

[4]) Lea, «History», II, 294.

зитора не требовали доказательствъ чистоты его крови: онъ былъ поставленъ въ этомъ отношеніи въ болѣе привилегированное положеніе, чѣмъ самый мелкій инквизиціонный служащій. Это тѣмъ болѣе удивительно, что о Діэго Десѣ, бывшемъ Великимъ инквизиторомъ отъ 1498 г. до 1507 г., съ опредѣленностью говорили, что онъ еврейскаго происхожденія.

Преслѣдованіе іудейской ереси, сопровождавшееся жестокими послѣдствіями не только для прямыхъ носителей ея, но и для всего ихъ потомства, мало-по-малу стало приносить желанные плоды, и по мѣрѣ удаленія отъ момента введенія Инквизиціи замѣчается постепенное паденіе числа лицъ, обвиняемыхъ въ іудаизмѣ. Валенсія, представлявшая собою значительный новохристіанскій центръ и дававшая въ теченіе первой четверти XVI вѣка ежегодно отъ 30 до 40 еретическихъ дѣлъ, съ 1540 года стала праздновать лишь изрѣдка торжественныя осужденія еретиковъ, а въ теченіе трехъ лѣтъ—съ 1541 г. по 1544 г. — въ ней не было ни одного преслѣдованія за ересь. Съ 1550 г. по 1560 г. въ Валенсіи было лишь два случая суда надъ еретиками. Въ толедскомъ инквизиціонномъ округѣ, въ который входилъ и Мадридъ, за время отъ 1575 г. до 1590 г. было всего 23 еретическихъ случая. На севильскомъ ауто-да-фе 1565 г., когда были наказаны 74 человѣка, не было ни одного преступника, обвинявшагося въ іудаизмѣ; то же можно было наблюдать въ 1585 г. въ Куэнкѣ, когда обвинялось свыше 20 еретиковъ. Вѣроятно, въ связи съ этимъ уменьшеніемъ преступныхъ марановъ и іудействующихъ находится и смягченіе наказанія для этой именно категоріи преступниковъ. Въ 1567 г. папа Пій V, по просьбѣ Филиппа II, предоставилъ Великому инквизитору Эспиносѣ право въ теченіе трехъ лѣтъ отпускать грѣхи іудействующимъ маранамъ Мурсіи и Алкараса, при чемъ Эспиноса не долженъ былъ подвергать ихъ ни денежному штрафу, ни епитиміи. Въ 1573 г. Григорій XIII предоставилъ эту же привилегію, правда, на одинъ только годъ, іудействующимъ льеоренскаго округа, а въ 1597 г. іудействующіе Эсихи и ея окрестностей добились привилегіи, въ силу которой имъ отпускали грѣхи не только на условіяхъ мурсійскихъ и алкарасскихъ іудействующихъ, но и всѣ находившіеся уже подъ судомъ по обвиненію въ этой ереси получали прощеніе, и ихъ потомки не подлежали никакимъ правовымъ ограниченіямъ. Что мараны перестали служить предметомъ особенныхъ подозрѣній и опасеній, всего лучше видно изъ оффиціальнаго доклада, представленнаго въ 1595 г. Супремѣ выдающимся епископомъ Хуаномъ Баутистой Пересомъ. Онъ категорически утверждалъ, что Инквизиція справилась съ своей задачей, что оставшіеся послѣ эдикта 1492 г. въ Испаніи евреи сдѣлались добрыми христіанами и что, за рѣдкимъ исключеніемъ, вездѣ совершенно уже забытъ Моисеевъ законъ. Если Хуанъ Баутиста Пересъ и добивался особой благодарности Инквизиціи за ея неусыпные труды по искорененію іудейской ереси, то, съ другой стороны, онъ выступалъ также за смягченіе надзора надъ маранами въ дальнѣйшемъ, такъ какъ имѣвшійся, если можно такъ выразиться, запасъ въ Испаніи іудейской ереси пришелъ уже къ концу, и за три поколѣнія, протекшія отъ момента изгнанія евреевъ, люди успѣли проникнуться христіанскими мыслями и чувствами.

Разсужденія благочестиваго епископа касались одной лишь Испаніи—къ Португаліи они не имѣли отношенія, между тѣмъ съ 1580 г. Португалія входила въ составъ владѣній Филиппа II, и если связь между этими обоими государствами ограничилась, правда, одной лишь династической уніей, то, съ другой стороны, сравнительная свобода передвиженія изъ одной страны въ другую должна была тѣмъ болѣе отразиться на дальнѣйшей дѣятельности Инквизиціи, что въ Португаліи жило огромное множество новохристіанъ, не успѣвшихъ пройти еще, подобно своимъ братьямъ изъ Испаніи, черезъ очистительное горнило инквизиціонныхъ трибуналовъ и потому гораздо болѣе преданныхъ своей старой вѣрѣ, отъ которой они насильственно были оторваны всего нѣсколько десятковъ

BB
PROGENIES·DIVVM·QVINTVS·SIC·CAROLVS·ILLE
IMPERII·CAESAR·LVMINA·ET·ORA·TVLIT
AET · SVAE · XXXI
ANN · M · D · XXXI

лѣтъ. Притокъ португальскихъ марановъ въ Испанію измѣнилъ начавшуюся примирительную политику Инквизиціи, далъ ей новую обильную пищу и оправдалъ утвержденія тѣхъ, которые не допускали и мысли объ ослабленіи дѣятельности Инквизиціи, такъ какъ ересь по существу своему отличается вѣчнымъ упорствомъ и подается дѣйствію лишь меча и огня. Португальскіе мараны будутъ отнынѣ составлять главный предметъ заботы Инквизиціи, на нихъ сосредоточитъ она свое вниманіе, и ихъ именами будутъ пестрѣть монотонно печальныя страницы многочисленныхъ relación (или по-португальски: relaçao) инквизиціонныхъ трибуналовъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ исторіи португальскихъ марановъ, остановимся нѣсколько на неудачной попыткѣ испанскихъ марановъ использовать политическую смутухъ въ видахъ преобразованія Инквизиціи.

Карлъ V былъ встрѣченъ, при своемъ вступленіи на престолъ, крайне враждебно. Страна жаловалась на наплывъ иностранцевъ, ставшихъ у кормила правленія, на нарушенія старинныхъ ея привилегій, на злоупотребленія Инквизиціи; въ городахъ подготовлялось возстаніе, вылившееся въ движеніе Comuneros. Положеніе осложнялось недовольствомъ крестьянъ, принявшихъ форму возстанія, извѣстнаго подъ именемъ Germania. Сверхъ того, папа Левъ X относился враждебно къ Карлу и считалъ его избраніе въ императоры Священной Римской Имперіи равносильнымъ нанесенію прямого удара Куріи. При такихъ обстоятельствахъ мараны могли надѣяться добиться успѣха въ дѣлѣ борьбы съ Инквизиціей.

Во главѣ возставшихъ коммунъ находился старый городъ Толедо, въ которомъ руководящую роль игралъ Хуанъ де Падилья (Padilla), мать котораго была дочерью марана Хуана Пачеко. О Падильѣ говорили, что онъ проникнутъ ненавистью къ Инквизиціи, и къ нему обратился богатый маранъ Альфонсо Гутіересъ съ предложеніемъ денегъ, если въ числѣ требованій, выставленныхъ возставшими городами, будутъ и направленныя противъ Инквизиціи. На первыхъ порахъ Гутіересъ выдалъ Падильѣ тысячу дукатовъ, а затѣмъ сталъ устраивать тайныя собранія марановъ съ цѣлью поддержать возстаніе городовъ. По словамъ его жены Маріи, Гутіересъ израсходовалъ на это дѣло до 12 тыс. дукатовъ, при чемъ другіе богатые мараны мало вѣрили въ успѣхъ Гутіереса и не давали ему денегъ. Основнымъ требованіемъ Гутіереса было превращеніе тайнаго судопроизводства Инквизиціи въ открытое и инквизиціонныхъ тюремъ въ обыкновенныя государственныя. Не связывая, однако, всецѣло судьбы своего плана съ успѣхомъ Падильи и возставшихъ городовъ, Гутіересъ отправилъ спеціальныхъ людей въ Римъ, чтобы добиться отъ Льва X обѣщанія реорганизовать на новыхъ началахъ всю Инквизицію. Во главѣ отправленной имъ депутаціи находился его племянникъ Луисъ Хуанъ Гутіересъ, который долженъ былъ вступить въ переговоры съ Діэго де ласъ Касасомъ, родители и братья котораго содержались въ инквизиціонной тюрьмѣ, а также съ Бернальдино Діэсомъ, сожженнымъ Инквизиціей in effigie, и съ нѣкоторыми другими вліятельными лицами, враждебно относившимися къ дѣятельности Инквизиціи. Въ Римѣ Гутіересъ имѣлъ огромный успѣхъ, и дѣло его должно было блестяще окончиться для марановъ. Утверждали даже, что Левъ X не только приготовилъ необходимую буллу, имѣвшую цѣлью реорганизовать Инквизицію, но и отправилъ ее уже въ Испанію для того, чтобы она была опубликована и немедленно проведена въ жизнь. О необыкновенномъ успѣхѣ Гутіереса узналъ, однако, во-время Карлъ и, подъ вліяніемъ Великаго инквизитора кардинала Адріана, спѣшно отправилъ въ Римъ Лопеса Уртадо де Мендосу, который долженъ былъ разрушить достигнутое маранами и представить папѣ особую докладную записку отъ имени короля, гдѣ были приведены мотивы, заставившіе Карла принять такую мѣру, какъ посылка Мендосы въ Римъ.

Докладная записка эта, являвшаяся апологіей дѣятельности Инквизиціи, въ частности Великаго инквизитора Адріана, и опроверженіемъ ложныхъ о ней слуховъ, распро-

страняемыхъ маранами, впервые была цѣликомъ опубликована Фиделемъ Фитой въ «Boletin de la Real Academia de la Historia», въ статьѣ, «Los judaizantes españoles en los cinco primeros años del reinado de Carlos I» [1]).

Въ этоой докладной запискѣ, между прочимъ, говорилось:

Нѣсколько дней тому назадъ (pocos días ha) находящіяся въ Римѣ лица письмомъ извѣстили короля, что его святѣйшество намѣренъ изготовить буллу о дѣлахъ Святой Инквизиціи и уничтожить всѣ привилегіи, а также общія и частныя граматы, данныя въ пользу Инквизиціи; отозвать сразу всѣхъ инквизиторовъ, которые нынѣ занимаются истребленіемъ ереси, и оставить одного лишь Великаго инквизитора; создать новый порядокъ назначенія инквизиторовъ, основанный на представленіи Великому инквизитору двухъ кандидатовъ отъ имени прелатовъ и капитуловъ, при чемъ Великій инквизиторъ, съ своей стороны, долженъ передавать имена угодныхъ ему кандидатовъ его святѣйшеству для утвержденія на двухлѣтній срокъ. Королю извѣстно также, что папа рѣшилъ ввести въ дѣлопроизводство Инквизиціи обычныя формы суда, равно какъ и тѣ начала, которыя предписываются каноническими законами, которые его святѣйшество считаетъ священными и прекрасными... Когда мы недавно вернулись въ наши испанскія владѣнія, то къ намъ поступила масса жалобъ и упрековъ по адресу Инквизиціи; желая убѣдиться, насколько основательно недовольство жалобщиковъ, мы въ сотрудничествѣ съ Великимъ инквизиторомъ созвали прелатовъ, дворянъ и ученыхъ, извѣстныхъ своей честностью и безпристрастіемъ, и поручили имъ подробно и внимательно ознакомиться съ дѣятельностью Инквизиціи. Эти безпристрастные и правдивые люди, досконально изучивъ порученное имъ дѣло, заявили намъ, что всѣ находящіеся въ распоряженіи Великаго инквизитора служители— люди честные, добросовѣстные, образованные, хорошаго поведенія, боятся Бога, любятъ правду и справедливость, и нельзя даже допустить, чтобы они могли сдѣлать что-либо такое, что противорѣчитъ закону и праву; если и были какія-либо злоупотребленія, то виновники давно наказаны, и такъ, конечно, дѣло будетъ вестись и впредь. Несмотря на то, что законъ и не даетъ права апелляціи, во многихъ случаяхъ Великій инквизиторъ охотно разсматриваетъ всякія жалобы и принимаетъ у себя всѣхъ жалобщиковъ, такъ какъ онъ склоненъ больше къ благочестію, чѣмъ къ строгости (se yncline más á piedad que no á rigor), и желаетъ, чтобы и его подчиненные были въ этомъ отношеніи похожи на него. Кромѣ того, Великій инквизиторъ устраиваетъ періодическія ревизіи, дающія ему возможность провѣрять дѣятельность всѣхъ трибуналовъ и знать поведеніе и способности каждаго служителя Инквизиціи. Мало того, два мѣсяца тому назадъ Великій инквизиторъ назначилъ двухъ серьезныхъ авторитетныхъ и не находящихся на инквизиціонной службѣ людей въ качествѣ генеральныхъ инспекторовъ, которые дали очень лестный для Инквизиціи отзывъ. Изъ этого ясно вытекаетъ, что распространяющіе дурное объ Инквизиціи — люди злые, лгуны, заинтересованные въ уничтоженіи Инквизиціи, не останавливающіеся ни предъ какой клеветой... Если его святѣйшество отзоветъ сразу всѣхъ инквизиторовъ, не дѣлая различія между безпорочными, учеными, добросовѣстными, честнѣйшими и людьми, заслуживающими наказанія и уклоняющимися отъ исполненія долга, то этимъ будетъ брошена тѣнь подозрѣнія на всю дѣятельность Инквизиціи, будетъ засвидѣтельствовано особое довѣріе къ злымъ клеветникамъ. Никто не станетъ одобрять этого: ибо — подобно тому, какъ справедливо, чтобы виновные и нерадивые были наказаны, точно такъ же необходимо, чтобы праведники и честные люди были вознаграждены, не терпѣли никакихъ обидъ, и чтобы ихъ честь и имя оставались незапятнанными; въ противномъ случаѣ это послужитъ сквернымъ примѣромъ и отразится крайне печально на сознаніи людей. Обновленіе всего состава Инквизиціи вызоветъ въ народѣ представленіе, что распространяемые злые

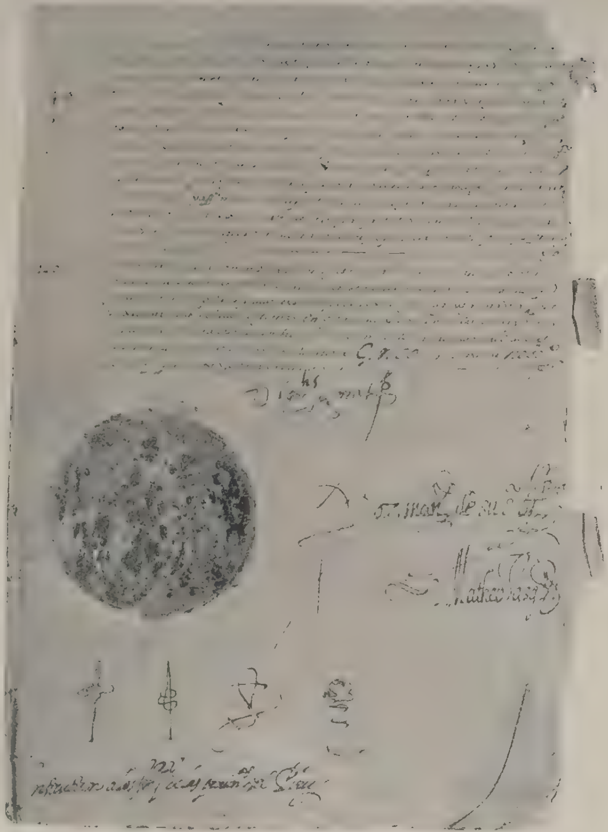
[1]) XXXIII (1898), стр. 307–348.

слухи дѣйствительно основательны, и что правы тѣ новохристіане, которые умышленно клевещутъ, утверждая, будто инквизиторы осуждаютъ невинныхъ людей съ цѣлью воспользоваться ихъ имуществомъ и состояніемъ, чего лжецы никогда не могли доказать, ибо это противорѣчитъ фактамъ; въ инквизиціонныхъ тюрьмахъ нынѣ масса еретиковъ; почти всѣ они—бѣдняки, многихъ приходится даже кормить на счетъ казны и нанимать для нихъ защитниковъ; въ тюрьмѣ не дѣлается никакого различія между бѣднымъ и богатымъ, если только тождественна ихъ вина, а тѣ, невиновность которыхъ устанавливается слѣдствіемъ, выпускаются на свободу, обладай они даже очень значительнымъ имуществомъ... Отозваніе всѣхъ инквизиторовъ явится также оскорбленіемъ памяти католическихъ королей Фердинанда и Изабеллы, въ правленіе которыхъ были назначены почти всѣ нынѣшніе служители Инквизиціи; короли эти, своими глазами видѣвшіе, какъ іудействуютъ и какъ легкомысленно говорятъ въ пользу закона Моисея (por sus propias personas vieron jadaizar á algunos y hablar sueltamente cosas en favor de la ley de mossem [sic!]), назначали для борьбы съ этимъ зломъ лишь самыхъ добросовѣстныхъ и подходящихъ людей, отказъ отъ услугъ которыхъ былъ бы равносиленъ подрыву всей основы Инквизиціи. Одновременное смѣщеніе всѣхъ инквизиторовъ вызоветъ также разстройство въ дѣлахъ, такъ какъ новые люди, мало освѣдомленные, не будутъ въ состояніи сразу оріентироваться въ сложныхъ и подчасъ крайне запутанныхъ процессахъ о ереси, а также въ генеалогіи обвиняемыхъ. Масса времени будетъ совершенно потеряна, и многіе невинные будутъ понапрасну томиться въ тюрьмахъ; наоборотъ, многіе новые преступники вслѣдствіе того, что инквизиторы будутъ всецѣло поглощены изученіемъ стараго матеріала, не будутъ во-время арестованы, и Инквизиція, такимъ образомъ, фактически въ теченіе опредѣленнаго времени не будетъ функціонировать, т.-е. осуществится то, къ чему стремятся враги святой католической вѣры. Если честные и добросовѣстные инквизиторы будутъ безъ всякаго основанія смѣщены, то отнынѣ ни одинъ честный, образованный и авторитетный человѣкъ не захочетъ принять постъ инквизитора—въ особенности на два года, какъ предлагается въ папской буллѣ: вѣдь для новаго инквизитора потребуется срокъ приблизительно въ два года, чтобы ознакомиться со старымъ матеріаломъ и свыкнуться съ новой должностью. И какъ только онъ станетъ чувствовать себя на своемъ мѣстѣ, онъ долженъ будетъ уйти и искать новаго примѣненія своихъ знаній, чего онъ не найдетъ, такъ какъ пріобрѣтенныя имъ знанія годятся лишь для Инквизиціи.

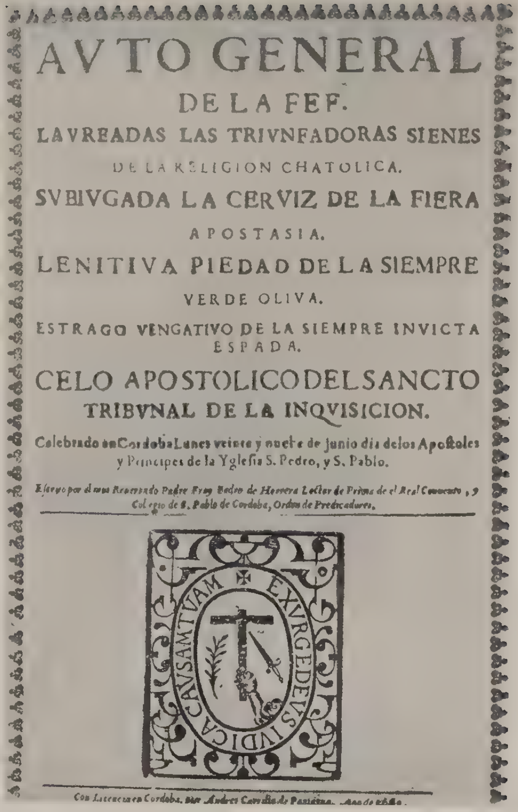
Избраніе инквизиторовъ капитулами и епископами представляется дѣломъ крайне неудобнымъ, такъ какъ имъ трудно будетъ придти къ какому-либо единодушію, и имя общаго кандидата вызоветъ среди нихъ большія разногласія и тренія; кромѣ того, среди канониковъ имѣется много новообращенныхъ, которые путемъ просьбъ и денегъ постараются избирать тѣхъ, кого будутъ считать наиболѣе сочувствующими ихъ роду (en cabildos hay muchos conversos que con ruegos y con dinero procuraran de hazer elegir aquellos que toviesen por mas favorables á su sangre); избранные такимъ путемъ инквизиторы естественно будутъ стремиться угождать своимъ избирателямъ. Затѣмъ, разъ инквизиторы будутъ утверждаться его святѣйшествомъ, то косвеннымъ образомъ Великій инквизиторъ будетъ лишенъ права смѣщать ихъ даже въ томъ случаѣ, если кто-либо изъ инквизиторовъ не оправдаетъ довѣрія святого престола. Не имѣя надъ собою непосредственнаго контроля, властнаго карать виновника, инквизиторы будутъ позволять себѣ большую свободу, и зло не такъ быстро, какъ нынѣ, будетъ подавляться. Кромѣ того, отъ момента избранія инквизитора до утвержденія его въ Римѣ пройдетъ много времени, въ теченіе котораго трибуналъ будетъ бездѣйствовать. Такое нерадѣніе не можетъ не отразиться вредно; нѣкоторыя свидѣтельскія показанія будутъ потеряны вслѣдствіе смерти или отъѣзда свидѣтелей; арестованные по ошибкѣ понапрасну будутъ находиться подъ стражей и т. д. Вслѣдствіе этихъ и многихъ другихъ соображеній король считаетъ папскую буллу безплодной и крайне

вредной для Святой Инквизиціи; она вселитъ чувства смущенія и возмущенія истиннымъ католикамъ и послужитъ причиной многихъ другихъ несчастій. Между тѣмъ, вѣдь и нынѣ ересь еще очень сильна, и когда мы пріѣхали въ Арагонію, то нашли двѣ синагоги, которыя въ теченіе долгаго времени вели тайное существованіе: въ нихъ нѣкоторые представители этого рода собирались для іудействованія съ раввиномъ, который обучалъ ихъ закону Моисея (dos Sinogas (sic!) que mucho tiempo han estado ocultas, donde algunos desta generación se juntavan a juydazar con un Rabi que los instruya en la ley de Moysen). Кромѣ того, много другихъ еретиковъ было примирено недавно съ Церковью, и, чтобы вырвать зло сразу съ корнемъ, необходимо дать Инквизиціи новыя орудія борьбы, а не отнимать у нихъ тѣхъ привилегій и правъ, коими она пользуется уже нѣсколько десятковъ лѣтъ. Новообращенные всегда добивались путемъ лжи и клеветы лишить Инквизицію ея привилегій; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они оказывали ей, при учрежденіи ея, вооруженное сопротивленіе, а въ Сарагоссѣ они убили инквизитора въ стѣнахъ самой церкви, за что подверглись тяжелому наказанію со стороны католическихъ королей. Убѣдившись, что силой они ничего не добьются, они лицемѣрно стали жаловаться на чрезвычайную суровость наказаній Инквизиціи, что вызвало со стороны королей неоднократную провѣрку ея дѣйствій. Когда открылась ихъ ложь, короли перестали имъ вѣрить; новообращенные стали дѣлать подарки, предлагая большія суммы денегъ католическимъ королямъ и другимъ лицамъ (grandes sumas dineros á los dichos Reyes catòlicos é á otras personas), чтобы избавиться отъ Инквизиціи. Новый неуспѣхъ побудилъ ихъ отправиться въ Римъ; здѣсь они стали распространять злостную клевету на дѣятелей Инквизиціи и предлагали большія деньги, добиваясь нѣкоторыхъ реформъ въ постановкѣ дѣла Инквизиціи. Когда они и въ этомъ ничего не успѣли, то свыше 1.200 человѣкъ этого рода (desta progenie), уйдя изъ Испаніи, открыто и въ присутствіи папы Александра заявили, что они евреи и что дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы уничтожить Инквизицію. Многіе изъ нихъ переѣхали въ землю невѣрныхъ и сдѣлались евреями; живущіе нынѣ продолжаютъ исповѣдывать законъ Моисея. Нынѣ извѣстно о двухъ, сынѣ и отцѣ, которые изъ Севильи переплыли въ Фецъ, гдѣ обратились въ іудейство [1]). Когда умерли католическіе короли, и мы вступили на престолъ, новообращенные отправили къ намъ во Фландрію депутацію, которая горько жаловалась (muy grandes quexas) на Инквизицію и говорила много лживаго о ея дѣятельности, предлагая также много денегъ (nos ofrecieron mucho dinero), чтобы мы согласились уничтожить Инквизицію или, по крайней мѣрѣ, чтобы публиковались свидѣтели, а также другія прерогативы (ó à lo menos se diese la publicaciòn de testigos é otras prevogativas). Они разсчитывали на нашу малую освѣдомленность въ дѣлахъ Инквизиціи, но мы ничего не приняли во исполненіе ихъ желаній и по прибытіи въ Испанію стали изучать и провѣрять все, что они намъ говорили, и убѣдились, что они умышленно лгали и клеветали. Когда они замѣтили, что ихъ слова, которыя они распространяли противъ Инквизиціи сначала въ Кастиліи, а затѣмъ въ арагонскихъ кортесахъ, привели къ тому, что въ цвѣтъ ихъ жалобъ окрасилась та фальшивая бумага, которую они отправили отсюда въ Римъ, чтобы тамъ подумали, будто вся Арагонія сочувствуетъ имъ и одобряетъ ихъ поведеніе, то они обратились съ этими же жалобами къ его святѣйшеству и имъ ловкимъ путемъ удалось получить даже отъ насъ благопріятныя письма (y ahun favoreciéndose de letras nuestras sobrepticiamente ympetradas). Пусть папа, однако, знаетъ, что эти люди, преступленіе которыхъ заставляетъ ихъ бѣжать, лгутъ и составляютъ фальшивые документы, на которые не слѣдуетъ обращать вниманія; папа не долженъ также вѣрить нѣкоторымъ прелатамъ

[1]) По словамъ Ф. Фиты, здѣсь намекается на Альвара Переса де Росалеса и его сына Жака Валера. Во время движенія Comuneros они вернулись изъ Феца въ Испанію и въ Севильѣ были сожжены наканунѣ Вербнаго воскресенья, 23 марта 1521 г.



Факсимиле инструкцій Великаго инквизитора Дієго Спиносы инквизиторамъ Перу (Дано 5 февраля 1569 г., первая подпись: D. Carlis Seguntae, т. е. Дієго, кардиналъ Сегуэнсы).



AVTO GENERAL
DE LA FEF.
LAVREADAS LAS TRIVNFADORAS SIENES
DE LA RELIGION CHATOLICA.
SVBIVGADA LA CERVIZ DE LA FIERA
APOSTASIA.
LENITIVA PIEDAD DE LA SIEMPRE
VERDE OLIVA.
ESTRAGO VENGATIVO DE LA SIEMPRE INVICTA
ESPADA.
CELO APOSTOLICO DEL SANCTO
TRIBVNAL DE LA INQVISICION.

Celebrado en Cordoba Lunes veinte y nueve de junio dia de los Apostoles y Principes de la Yglesia S. Pedro, y S. Pablo.

Escrito por el muy Reverendo Padre Fray Pedro de Herrera Lector de Prima de el Real Convento, y Colegio de S. Pablo de Cordoba, Orden de Predicadores.

EXVRGE DEVS IVDICA CAVSAM TVAM

Con Licencia en Cordoba, por Andres Carrillo de Paniagua. Año de 1665.

Заглавный листъ отчета объ ауто-да-фе 29 іюня 1665 года въ Кордовѣ.

этого государства, которые либо плохо освѣдомлены, либо были введены въ заблужденіе злыми людьми, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ заявленія представителей всѣхъ церквей нашего государства. Они являются значительнымъ большинствомъ, и имъ, а не тѣмъ немногимъ, утверждающимъ противное, слѣдуетъ вѣрить. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній и многихъ другихъ, о которыхъ мы ради краткости не упомянули, мы умоляемъ папу отозвать эту буллу и не позволять дѣлать никакихъ измѣненій и новшествъ въ дѣлахъ, касающихся Инквизиціи; а если папа не согласится съ нами и будетъ настаивать на посылкѣ и опубликованіи этой буллы, то мы рѣшили не допустить и не дать мѣста ни опубликованію, ни осуществленію этой буллы въ нашемъ государствѣ (estamos determinados à no consentir ni dar lugar que tal forma de bula se publique ni execute en nuestros Reynos). Мы, впрочемъ, болѣе, чѣмъ увѣрены (por màs cierto tenemos), что папа согласится съ нами и не дастъ хода этой опасной буллѣ, и мы извѣщаемъ его, что въ Римѣ у него скрываются нѣкоторые мараны, бѣглецы, которыхъ страхъ передъ Инквизиціей побудилъ оставить Испанію. Бѣглецы эти—Діэго де ласъ Касасъ, Хуанъ (Луисъ) Гутіересъ, Бернальдино Діэсъ, который, будучи арестованъ за ересь, убилъ старика христіанина, добраго, богатаго и честнаго человѣка, за что и былъ сожженъ in statua. Всѣ эти лица и ихъ сообщники вслѣдствіе незнанія истины были папой прощены, и ихъ грѣхи были отпущены in utroque foro съ явнымъ ущербомъ для нашего королевскаго суда. Мы умоляемъ папу выслать ихъ изъ Рима, отнять у нихъ дарованныя имъ граматы и выдать ихъ судьямъ, чтобы они могли подвергнуть ихъ должному наказанію; мы просимъ также отозвать теперь всѣ граматы и привилегіи, данныя различнымъ представителямъ этого рода. Эти ходатаи путемъ денегъ и съ помощью распространенія лжи и клеветы давали католическому королю 300 тысячъ дукатовъ, чтобы добиться права не вывѣшивать въ церквахъ платья и одежды еретиковъ и примирившихся. Но это имъ не удалось, и папа не станетъ теперь этого нарушать, тѣмъ болѣе, что въ прошломъ году, когда съ могилы убитаго ими инквизитора Арбуэса комиссаръ снялъ одежду одного изъ убійцъ, онъ черезъ короткое время умеръ отъ тяжкой болѣзни, и народъ увидѣлъ въ этомъ справедливое наказаніе, посланное Богомъ. Если теперь удалятъ изъ церквей одежды этихъ людей, то народъ начнетъ волноваться и поднимется противъ этого проклятаго рода, какъ это неоднократно происходило раньше во многихъ мѣстахъ государства; этимъ возстаніямъ положила конецъ дѣятельность Инквизиціи.

Повидимому, это обращеніе произвело на Льва X сильное впечатлѣніе. Его готовность идти навстрѣчу маранамъ сразу пала, и всѣ старанія ихъ ни къ чему не привели. Впрочемъ, обстоятельства складывались крайне неблагопріятно для марановъ. Карлъ подавилъ возстаніе Comuneros, и Падилья сложилъ голову на плаху за свою смѣлую попытку. Вскорѣ умеръ и Левъ X, и разговоры о реформѣ Инквизиціи на время совершенно заглохли.

Въ главѣ «Изгнаніе евреевъ» было указано, какой пріемъ оказалъ испанскимъ изгнанникамъ португальскій король Іоаннъ II, который изъ-за матеріальной выгоды сначала открылъ евреямъ границы своего государства, а затѣмъ сталъ подвергать ихъ такимъ жестокимъ преслѣдованіямъ, какихъ имъ не приходилось испытать даже въ Испаніи. Однако, репрессіи эти касались однихъ лишь испанскихъ выходцевъ, на португальскихъ же евреевъ онѣ не распространялись, и лишь въ 1495 г., когда Іоаннъ II уже страдалъ неизлѣчимой психической болѣзнью, онъ въ припадкѣ сумасшествія рѣшилъ сразу принудить всѣхъ евреевъ Португаліи принять христіанство. Миссіонеромъ въ этомъ дѣлѣ долженъ былъ быть «мудрый еврей», семидесятилѣтній Іосифъ бенъ Давидъ ибнъ Яхья, который своимъ публичнымъ и торжественнымъ крещеніемъ подалъ бы примѣръ остальнымъ евреямъ. Іоаннъ пригласилъ къ себѣ старца, обѣщалъ ему въ случаѣ крещенія городъ Браганцу

и за отказъ отъ повиновенія королю угрожалъ смертью. Но Іосифъ вмѣстѣ съ тремя сыновьями во-время бѣжалъ изъ Лиссабона, миссіонерская же задача ни на кого не была, за его бѣгствомъ, возложена, такъ какъ Іоаннъ II вскорѣ (25 октября 1495 года) скончался, и положеніе евреевъ со вступленіемъ на престолъ Мануэля снова улучшилось. Мануэль не отказался отъ плана своего сумасшедшаго предшественника, но предоставилъ евреямъ рядъ привилегій и отмѣнилъ какъ обязательное посѣщеніе ими христіанскихъ проповѣдниковъ, такъ и всѣ спеціально еврейскіе налоги. Одной изъ наиболѣе благодѣтельныхъ мѣръ Мануэля по отношенію къ испанскимъ евреямъ было освобожденіе многихъ изъ нихъ изъ рабства, въ которое они были обращены Іоанномъ II, когда не покинули въ срокъ предѣловъ Португаліи. Освобожденіе рабовъ нанесло многимъ португальцамъ значительный матеріальный вредъ, что не могло не отразиться на отношеніи ихъ къ евреямъ [1]). Эти распоряженія Мануэля вызвали радость среди евреевъ, въ особенности среди испанскихъ, и послѣдніе, какъ передаетъ епископъ Озорій, собирались приподнести ему большую сумму денегъ, но король великодушно отказывался отъ всякихъ подарковъ (hoc illi beneficio permoti, ei magnum argenti pondus obtulere, quod accipere noluit [2]). Вскорѣ, однако, отношеніе Мануэля, назначившаго на постъ придворнаго астролога и лѣтописца еврея Авраама Закуто, игравшаго крупную роль при рѣшеніи вопроса объ экспедиціи Васко да Гама, рѣзко измѣнилось, и изъ друга евреевъ онъ сталъ ихъ злѣйшимъ врагомъ. Перемѣна эта была вызвана семейно-политическими соображеніями. Дѣло въ томъ, что Мануэль, желая возложить на себя корону и Испаніи, собирался вступить въ бракъ съ дочерью Фердинанда и Изабеллы, недавно овдовѣвшей Изабеллой. Фердинандъ соглашался на этотъ бракъ подъ условіемъ заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Франціи и изгнанія изъ предѣловъ Португаліи какъ испанскихъ, такъ и португальскихъ евреевъ. На послѣднемъ особенно энергично настаивали обѣ Изабеллы, мать и дочь, которая, по словамъ Маріаны, не желала выходить замужъ за человѣка, оказывавшаго милости и приближавшаго къ себѣ такихъ плохихъ людей, какими были, въ ея глазахъ, евреи [3]). Непоколебимая воля молодой Изабеллы и рѣшила участь евреевъ, хотя самъ Мануэль, видимо, сильно колебался и передалъ испанскія условія на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, гдѣ возникли чрезвычайно горячіе дебаты по еврейскому вопросу, и гдѣ сторонники евреевъ ни по силѣ аргументовъ, ни по количеству голосовъ не уступали своимъ противникамъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело на членовъ государственнаго совѣта заявленіе одного изъ нихъ о томъ, что при вступленіи на престолъ король Мануэль торжественно обѣщалъ евреямъ всякія милости и благодѣянія, а потому задуманныя королемъ репрессіи явились бы столь явнымъ нарушеніемъ королевскаго слова, что страна увидала бы въ нихъ навязанныя королю извнѣ требованія. Этимъ былъ бы нанесенъ непоправимый ударъ авторитету короля [4]). Практическаго значенія обсужденіе государственнымъ совѣтомъ брачныхъ условій не имѣло, и 4 декабря 1496 г. [5]) король

[1]) A. Herculano, «Historia da origem e estabelecimento da Inquisição em Portugal», 1902, 6 изд., стр. 118.

[2]) Osorius, «De rebus Emanuelis» по Кайзерлингу, «Geschichte der Juden in Portugal». стр. 120. Португальскіе евреи поддерживали мысль испанскихъ о подаркѣ королю (um grande serviçio de dinheiro), но и ихъ попытка преподнести денежный подарокъ закончилась такъ же неудачно, какъ и старанія испанскихъ евреевъ.—Ср. «Memorias de la Real Academia de Ciencias de Lisboa», t. VIII, часть II, стр. 4 и слѣд.

[3]) Mariana, «Historia general de España», кн. 26, гл. 13 (есть французскій переводъ). Heine. «Beiträge zur Geschichte im Zeitalter der Reformation», въ «Allgemeine Zeitung für Geschichte», 1848. B. IX, 139—180.

[4]) «Memorias de la Real Academia de Ciencias de Lisboa», t. VIII, часть II, стр. 5. См. также A. Herculano, op. cit., кн. II, стр. 87—178.

[5]) Эту дату даетъ Кайзерлингъ въ «Jewish Encyclopedia», s. v. «Portugal», X, 139; въ

Мануэль издалъ въ Муже [1]) (Muge), близъ Сантарема, слѣдующій указъ объ оставленіи евреями предѣловъ Португаліи.

CARTA PATENTE.

POR QUE OS JUDEUS DE PORTUGAL SE SAYAM DESTES REGNOS E NOM MOREM NEM ESTEEN NELLES.

(Código Manuelino; — Archivo de la Cámara Municipal de Lisboa.)

Porque todo fiel xpão sobre todas as cousas he obrigado fazer aquellas que som seruiço de Nosso Senhor: acreçentamento de sua santa fee catolica: e a estas nom somente deuem pospoer todos os guanhos: e perdas deste mũdo: mas ainda as propias vidas: ho que os Reys muyto mais inteiramente fazer deuem e som obrigados: por que per Jesu Xpo. Nosso Senhor om: e regem: e delle reçebem neste mũdo majores merçees que outra algũa pessoa. Pello. qual sendo Nos muy çerto que os judeus obstinados no odio da nossa santa fee catholica de Xpo. Nosso Senhor, que por sua morte nos remió: tem commetido: e continuadamente cõtra ella commetem grãdes males: e blasfemias: em estes nossos regnos: as qẽs nom tam somente á elles: que som filhos de maldiçam: em quanto na dureza de seus coraçoẽs esteuerem: som causa de mais cõdenaçã: mais ainda a muytos xpãns fazẽ apartar da verdadeira carreira, que he a santa fee catholica. Por estas: e outras muy grãdes e neçessarias razoẽs: q. se a esto mouẽ: q. a todo xpão som notorias: e manifestas. Auida madura deliberaçam: cõ os do nosso cõselho: e leterados: Determinam.s e mãdam.s q. da pubricaçã desta nossa ley: e determinaçã: atee per todo ho mes doctubro: do ãno do naçimẽto de Nosso Senhor de mil: e quatroçẽtos: e nouẽta: e sete: todos os judeus e judias q. en nosos regnos ouuer, de qualquer hydades q. sejam: se sayan fora delles: sob pena de morte natural: e perderẽ as fazẽdas pa quẽ os acusar. E qualquer pessoa q. passado o dito tpo., tiuer escõdido algun judeu: per este mesmo feito queremos q. perça toda sua fazẽda: e beẽs: pera quẽ he acusar. E rogamos e encomendamos e mãdamos per nossa bençã: e sob pena de maldiçã aos reys nossos soçessores, q. nunca em tempo algum leixẽ morar: nem estar: em estes nossos regnos: e senhorios delles: nenhum judeu per nenhuã cousa: nẽ razam q. seja. Os quaes judeus leixaremos hyr liuremente cõ todas suas fazẽdas: e lhe mãdaremos pagar quaesq̃r dineres q. lhe em nossos regnos forẽ qdeuidos: e assy para sua hyda lhe daremos todo auiamẽto: e despacho: q. comprir. E pe uãto todas as rendas: e direitos das judarias: temos dadas: mãdamos aas pessoas quantasr de Nos tem: q. nos venham requerer sobre ello: por que a Nos praz de lhe mãdar dar outro tãto quãto as ditas Judarias rendẽ. E per q. se possa pera semp. saber como esto foy ansy per ley geeral per Nos determinado: a ql. foy p̃. todos cõprida: e excutada: e nos tẽpos viindoiros semp. seja guardada a mãdamos neste segundo liuro encorporar.

своей Geschichte der Juden in Portugal» тотъ же Кайзерлингъ пишетъ: «24 декабря, въ воскресенье, въ еврейскій праздникъ Ханукка, 29-го мѣсяца кислевъ». Кайзерлингъ ссылается при этомъ на Авраама Закуто, который въ своей «Книгѣ генеалогіи» (Sefer Iuchasin, 227) пишетъ: כ"ד לדיזימברי יום ראשון בכ"ט לכסליו בחנוכה גזר הגזירת בפורטוגאל עד י"א חדשים—24 декабря, первый день недѣли, 29 кислева, въ Ханукка изданъ указъ объ изгнаніи изъ Португаліи черезъ 11 мѣсяцевъ. Амадоръ де Лосъ Ріосъ пишетъ 5 декабря («Historia», III, 352); у Herculano (op. cit, I, 122) не указанъ день, говорится лишь: «въ декабрѣ 1496 года» (въ цитируемомъ нами 6-мъ изданіи ошибочно сказано: *1696* года). Исидоръ Лебъ доказалъ, что 24 декабря не было воскресеньемъ и не совпадало съ 29 кислева; по его мнѣнію, слѣдуетъ читать у Закуто не כד (24) а בד (въ 4-ый). Дѣйствительно 4-ое декабря было воскресеньемъ и 29-мъ кислева. — См. «Revue des Etudes Juives», III.

[1]) По Закуто не въ Муже. а въ Пресмонѣ, פריומונה. Muga, Muja или Muge и Muic — нынѣшняя деревня близъ Сантарема. Указаніе Закуто на Пресмону—פריזמונה—вызывало недоразумѣніе, которое Лебъ разрѣшилъ слѣдующимъ образомъ: слово это нужно читать פריזמוגה, при чемъ здѣсь по ошибкѣ слились два слова פריז מוגה. Слово פריז или פרז означаетъ «деревня», и Закутовскія два слова, слившіяся ошибочно, означаютъ не что иное, какъ «деревня Муга», т.-е. общее у всѣхъ названіе Муже или Муха.—«Revue des Etudes Juives», III.

ГРАМАТА

для того, чтобы португальскіе евреи вышли изъ сихъ королевствъ, и не жили, и не прибывали въ нихъ.

(Кодексъ Мануэля. Архивъ Муниципальнаго Лиссабонскаго совѣта).

Въ виду того, что каждый правовѣрный испанецъ обязанъ прежде всего заботиться о служеніи Богу и о процвѣтаніи католической вѣры и не только подчинить сей цѣли всѣ выгоды и невзгоды сего міра, но даже жертвовать своею жизнью, мы полагаемъ, что короли обязаны исполнять это въ гораздо бо́льшей степени, такъ какъ они поставлены Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ во главѣ государствъ и получаютъ отъ Него въ этомъ мірѣ больше милостей, чѣмъ кто-либо иной. Въ виду сего, имѣя увѣренность въ томъ, что евреи упорствуютъ въ ненависти къ святой католической вѣрѣ Господа нашего Іисуса Христа, избавившаго насъ отъ грѣха Своею смертью, и совершали и постоянно совершаютъ преступленія противъ вѣры и святотатство въ нашихъ королевствахъ, причемъ это не столько вредитъ имъ, потому что они сыны проклятія и закоренѣли въ жестокосердіи, сколько приноситъ еще бо́льшій вредъ: они совращаютъ многихъ христіанъ съ пути истиннаго, т.-е. отвращаютъ отъ святой католической вѣры. Посему, а также по болѣе важнымъ и настоятельнымъ причинамъ, находящимся въ связи съ этимъ и извѣстнымъ каждому христіанину, мы, послѣ зрѣлаго размышленія и обсужденія съ членами нашего совѣта и литераторами, порѣшили и повелѣли опубликовать сей нашъ законъ и рѣшеніе о томъ чтобы до конца октября мѣсяца, въ годъ отъ рожденія Господа нашего тысяча четыреста девяноста седьмой всѣ евреи и еврейки, проживающіе въ нашемъ королевствѣ, какого бы они ни были возраста, покинули его подъ страхомъ смерти и утраты имущества въ пользу того, кто ихъ обвинитъ. И если кто, по истеченіи указаннаго срока, скроетъ какого-нибудь еврея, мы приказываемъ, чтобы онъ за это лишился всего своего состоянія и имущества въ пользу того, кто обвинитъ его. И мы просимъ, и приказываемъ, и требумъ въ силу нашего благословенія и подъ угрозою проклятія королямъ, нашимъ преемникамъ, чтобы они никогда не позволяли жить или пребывать въ нашемъ королевствѣ и владѣніяхъ ни одному еврею по какой бы то ни было причинѣ. А симъ евреямъ предоставляется право свободнаго выѣзда со всѣмъ имуществомъ; и мы прикажемъ уплатить имъ всѣ деньги, которыя имъ должны въ нашемъ королевствѣ, и также оказать имъ всякую помощь для отъѣзда. И въ отношеніе доходовъ и правъ еврейскихъ общинъ, данныхъ нами, мы приказываемъ людямъ, получившимъ ихъ отъ насъ, чтобы пришли получить за нихъ, потому что намъ угодно приказать, чтобы имъ дали въ другомъ видѣ столько, сколько вышеназванныя еврейскія общины давали имъ дохода. И чтобы всегда было извѣстно, какъ это повелѣніе было издано нами въ видѣ закона, и чтобы оно исполнялось всѣми въ будущія времена, мы приказываемъ вписать его въ сію вторую книгу.

Этотъ эдиктъ объ изгнаніи свидѣтельствовалъ, что Мануэль совершенно не задавался мыслью глумиться надъ евреями: онъ предоставлялъ имъ возможность свободно продавать или брать съ собою свое богатство, приказалъ христіанскимъ должникамъ платить евреямъ долги и обѣщалъ оказать имъ всяческую помощь при ихъ невольномъ путешествіи. По словамъ Кайзерлинга и Греца, сравнительно милостивое отношеніе Мануэля — предоставленіе евреямъ трехъ портовъ (Лиссабонъ, Опорто и Сетубалъ) и продолжительный срокъ до начала выхода изъ страны — было вызвано желаніемъ Мануэля, чтобы евреи, принявъ христіанство, остались въ странѣ и не вывезли изъ нея своихъ богатствъ [1]). Однако, разсчеты короля оказались ложны, и онъ въ февралѣ 1497 года внесъ въ государственный совѣтъ предложеніе о томъ, чтобы всѣ евреи были немедленно насильно окрещены. Въ государственномъ совѣтѣ мнѣнія по этому поводу раздѣлились, и

[1]) Kayserling, «Geschichte der Juden in Portugal», 129—130; Graetz, «Geschichte der Juden», VIII, 379—380.

епископъ Фернандо Котинью (Coutinho) протестовалъ противъ принудительнаго крещенія. «Никакія преслѣдованія и принудительныя мѣры, писалъ онъ, не сдѣлаютъ ни одного еврея вѣрующимъ христіаниномъ. Всѣ ученые и я, менѣе другихъ претендующій на ученость, доказали съ помощью многихъ ссылокъ на авторитеты, что нельзя принуждать еврея принять религію, которая, подобно нашей христіанской, желаетъ и требуетъ свободы, а не принужденія» [1]). Король, однако, не хотѣлъ уступить и заявилъ, что ему нѣтъ дѣла до права (não me importa o direito), что онъ дѣйствуетъ въ силу своего благочестія и поступитъ такъ, какъ подсказываетъ ему его воля (tenho devoção de assim o fazer, e ha-de cumpir-se a minha vontade). Несмотря на «благочестивую волю» короля, немедленное насильственное крещеніе не могло осуществиться, и по совѣту крещенаго еврея Леви бенъ Шемъ Тоба, какъ говоритъ историкъ Авраамъ бенъ Соломонъ изъ Торутіэля (род. около 1480 года), король немного спустя послѣ внесенія своего предложенія распорядился закрыть всѣ синагоги и еврейскія школы для того, чтобы никто не могъ молиться, при чемъ строгое наказаніе должно было постигнуть того, кто, ослушавшись короля, тайно гдѣ-либо молился [2]). Когда и эта мѣра не могла заставить евреевъ массами перейти въ христіанство, король Мануэль, по совѣту того же Леви бенъ Шемъ Тоба, издалъ въ мартѣ 1497 г. тайный приказъ о томъ, чтобы въ опредѣленный день у всѣхъ евреевъ насильно были отняты дѣти отъ четырехлѣтняго возраста до двадцатилѣтняго [3]), были обращены въ христіанство и отданы за счетъ короля на воспитаніе въ христіанскіе дома, при чемъ отнятыя дѣти должны были быть распредѣлены по различнымъ городамъ. Рѣшеніе это Мануэль принялъ противъ воли государственнаго совѣта, который, во главѣ съ епископомъ Котинью, протестовалъ противъ такого насилія надъ малолѣтними и такой жестокости по отношенію къ матерямъ и отцамъ. Хотя засѣданія по этому поводу въ Эстремозѣ, равно какъ и самый

---

[1]) Possunt habere characterem sed non rem sacramenti. Omnes literati, et ego, insapientior omnibus, monstravi per plurimas auctoritates et jura quod non poterant cogi ad suscipiendam christanitatem quae vult et petit libertatem et non violentiam, et licet ista non fuerit precisa. По Herculano, op. cit., I, 127—128, изъ «Symmicta Lusitana», т. 31, fol. 70. Два письма Котинью помѣщены у Гейне, въ видѣ приложенія къ его статьѣ «Beiträge zur Geschichte im Zeitalter der Reformation» («Allgemeine Zeitschrift für Geschichte», V Jahr, IX Band, 1848, Берлинъ). Письма эти посвящены защитѣ евреевъ; второе письмо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отлично отъ того, которое мы цитируемъ по Эркулано. Очевидно, послѣдній, сдѣлавъ одну цитату изъ перваго письма, сталъ затѣмъ цитировать второе письмо.

[2]) Авраамъ бенъ Соломонъ изъ Торутіэля, бѣжавшій изъ Испаніи въ Фецъ, написалъ приложеніе къ историческому сочиненію Авраама ибнъ Дауда «Sefer ha-Kabaiah», обнимающее между прочимъ исторію испанскихъ евреевъ отъ смерти ибнъ Дауда (1180 г.) до 1525 г. Рукопись сочиненія Авраама бенъ Соломона была привезена съ Востока библіотекаремъ С.-Петербургской Публичной библіотеки, оріенталистомъ Авр. Як. Гаркави, и находится въ Бодлеянской библіотекѣ въ Оксфордѣ; она была напечатана Адольфомъ Нейбауэромъ въ «Mediaeval Jewish Chronicles and Chronological notes», 1887, стр. 101 и слѣд.; вторично она была издана А. Я. Гаркави съ критическими примѣчаніями въ еврейскомъ переводѣ Греца, сдѣланномъ Саулъ-Пинхасомъ Рабиновичемъ («Chadaschim gam Jeschanim», 1890—99).

[3]) Амадоръ де лосъ Ріосъ и многіе другіе говорятъ о дѣтяхъ моложе 14 лѣтъ («Historia social, politica y religiosa de los Judios de España y Portugal», III, 355). Указаніе относительно 4-хлѣтняго возраста де Ріосъ считаетъ ошибкой, допуская, съ другой стороны, предѣльный возрастъ въ 20 лѣтъ. То же Эркулано, op. cit. Кайзерлингъ въ своей «Geschichte der Juden in Portugal» говоритъ о дѣтяхъ моложе 14 лѣтъ, но въ «Jewish Encyclop. (s. v. «Portugal») указываетъ отъ 4 до 20 лѣтъ. Противорѣчивы также данныя о днѣ тайнаго приказа; обычное представленіе о томъ, что оно было принято въ началѣ апрѣля не соотвѣтствуетъ дальнѣйшему и должно быть исправлено: вмѣсто апрѣля слѣдуетъ читать—марта. Гейне, ссылаясь на Damião de Goes, также говоритъ о дѣтяхъ моложе 14 лѣтъ. По его словамъ, это рѣшеніе должно было быть проведено въ жизнь въ первый день Пасхи; но такъ какъ евреи узнали объ этомъ, то король рѣшилъ немедленно осуществить свой замыселъ,—op. cit., стр. 149; но и это трудно согласуется съ дальнѣйшимъ.

приказъ носили тайный характеръ, евреи Эворы, какъ и другихъ городовъ узнали о готовившемся несчастіи довольно скоро,—приблизительно черезъ двѣ недѣли послѣ принятія этого рѣшенія: по словамъ Кайзерлинга, 17 марта, въ пятницу. И до Мануэля быстро дошла вѣсть о томъ, что евреи освѣдомлены о его планахъ, и опасаясь, какъ бы они не спрятали гдѣ-либо или не отправили за предѣлы Португаліи своихъ дѣтей, онъ 19 марта, въ первый день праздника Пасхи, приказалъ привести въ исполненіе распоряженіе объ отнятіи у евреевъ ихъ дѣтей. Мѣстныя власти не считались съ точнымъ указаніемъ возраста подлежащихъ отнятію дѣтей и молодыхъ людей и, по словамъ Ускве, захватывали даже 25-тилѣтнихъ женщинъ и мужчинъ. Происходившія при этомъ сцены не поддаются описанію: отцы и матери бросали дѣтей въ колодцы и рѣки, убивали ихъ и себя, чтобы не отдавать дѣтей въ руки враговъ; многіе въ послѣднемъ прощальномъ объятіи умерщвляли невинныхъ младенцевъ; крики и стоны остававшихся на мѣстѣ и уводимыхъ въ невѣдомыя мѣстности наполняли города ужасомъ, и христіане изъ состраданія къ несчастнымъ евреямъ скрывали многихъ у себя, не желая, чтобы малолѣтніе насильно лишались отцовъ и матерей. Упомянутый нами епископъ Фернандо Котиніу, который столь энергично боролся противъ мѣръ Мануэля, въ слѣдующихъ словахъ описываетъ сцену въ одномъ еврейскомъ домѣ: «Я собственными глазами видѣлъ, какъ многихъ таскали за волосы къ источнику крещенія, я видѣлъ, какъ отецъ съ плачемъ и рыданіемъ провожалъ своего сына къ источнику крещенія и призывалъ Бога въ свидѣтели того, что они вмѣстѣ желали умереть въ вѣрѣ Моисея»,—multos vidi per capillos ductos ad pilam, et patrem filium adducentem in signum maximae tristitiae et doloris ad pilam baptismatis protestando, et Deum in testem recipiendo quod volebant mori in lege Moysi [1]).

При такихъ обстоятельствахъ евреи, въ большинствѣ случаевъ принявшіе въ эти грустные дни христіанство, рѣшили обратиться за помощью къ Римской Куріи. Папой въ это время былъ пресловутый Александръ VI, который менѣе всего могъ бы внять голосу права и справедливости; но этотъ представитель семьи Борджіа былъ крайне чувствителенъ къ деньгамъ, и евреи хотѣли купить у него для себя защиту, — тѣмъ болѣе, что папа изъ всего готовъ былъ дѣлать предметъ купли и продажи.

Vendit Alexander Claves, Altaria, Christus;
Emerat ispe prius, vendere jure potest [2]).

Однако, отправленная въ Римъ депутація встрѣтила отпоръ со стороны испанскаго представителя при папскомъ дворѣ; на папу вліяли съ разныхъ сторонъ, и депутація не могла добиться ничего существеннаго; вскорѣ прибывшіе въ Римъ депутаты были даже арестованы какъ еретики [3]). Но ихъ жалобы на горькое положеніе евреевъ не оста-

---

[1]) И далѣе: «Sed rex Emmanuel hoc voluit dicendo, et sua voluntas devotionem habebat, et sua voluntas satis fuit praecisa et violenta ad subditos suos aut servos corporales (Но король Мануэль это хотѣлъ, говоря, что считаетъ это благочестіемъ, и его воля была достаточно ясна и навязчива для его подданныхъ или физическихъ рабовъ). Quando ad meas aureas devenit aliquid hebraicae sectae Judaeos et non haereticos reputo. (Когда до ушей моихъ доходило что-либо о еврейской ереси, то я считаю ихъ евреями, а не еретиками)... Quia tanta multitudo istorum est apud turchas et in partibus Africae et sicut Judaei vivunt, et quod pejus est contra aliquos fuit in Papae consistorio determinatum, quod viverent sicut Judaei et aliqui Venetiis et Florentiae vixerunt. (Ихъ большое множество въ Турціи и въ частяхъ Африки, гдѣ живутъ въ качествѣ евреевъ, и—что хуже — о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ папскомъ совѣтѣ было рѣшено, чтобъ они жили какъ евреи, и жили нѣкоторые въ Венеціи и Флоренціи). G. Heine, op. cit., 178—179.

[2]) Александръ продаетъ ключи отъ неба, алтарь и Христа; онъ по праву можетъ ихъ продавать, такъ какъ самъ ихъ раньше купилъ.

[3]) Проявленная въ данномъ случаѣ энергія испанскаго правительства была совершенно исключительна; была даже отправлена депутація къ англійскому королю съ извѣщеніемъ объ «эксцессахъ и безпорядкахъ» (excesas y desordenes), царившихъ при дворѣ Александра VI, и съ просьбой «во имя спасенія религіи» настоять предъ папой на отказѣ принятія «денегъ отъ

лись безъ послѣдствій, и 30 мая 1497 г. Мануэль издалъ законъ, въ силу котораго крещенымъ евреямъ или новообращеннымъ (Christãos novos) была гарантирована спокойная жизнь въ теченіе 20 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ власти не имѣли права привлекать ихъ по обвиненію въ ереси; по истеченіи этого срока обвиняемый въ іудаизмѣ крещеный еврей можетъ быть преданъ лишь гражданскому суду, при чемъ обвиненіе должно происходить въ теченіе двадцати дней послѣ установленія преступленія. Если судъ выноситъ обвинительный приговоръ, влекущій за собою конфискацію имущества еретика, то послѣднее поступаетъ не въ королевскую кассу, а въ пользу христіанскихъ наслѣдниковъ еретика; крещенымъ врачамъ и хирургамъ, не владѣвшимъ латинскимъ языкомъ, разрѣшалось читать еврейскія медицинскія книги; наконецъ, законъ 30 мая говорилъ еще о предстоящей амнистіи для всѣхъ крещеныхъ или тайныхъ евреевъ и обѣщалъ, что по отношенію къ нимъ никогда не будутъ издаваться какія-либо распоряженія, какъ объ особомъ народѣ. Эти мягкія мѣры Мануэля по отношенію къ новохристіанамъ вызывались желаніемъ короля удержать въ Португаліи, какъ можно больше, евреевъ, составлявшихъ ядро мирнаго торгово-промышленнаго класса. Если такое желаніе вело въ одномъ случаѣ къ примирительнымъ мѣропріятіямъ, то въ другомъ оно побуждало короля дѣйствовать самымъ жестокимъ образомъ.

Мануэль откладывалъ день отъѣзда евреевъ, и когда послѣдніе, въ виду наступленія осени, отправились къ нему и стали просить его приготовить для нихъ въ обѣщанныхъ трехъ портахъ нужное количество судовъ, король послѣ долгихъ колебаній заявилъ, что онъ рѣшилъ переправить всѣхъ евреевъ изъ одного лишь Лиссабона, куда они должны немедленно всѣ собраться. «Несчастные евреи, говоритъ Амадоръ де лосъ Ріосъ, не могли даже подозрѣвать, что подъ новымъ королевскимъ предложеніемъ скрывается самое ужасное вѣроломство, а между тѣмъ домъ Мануэль такъ распорядился, что въ Лиссабонѣ не только не было достаточнаго количества судовъ, но не хватало и запасовъ первой необходимости. Когда евреи должны были, въ силу эдикта объ изгнаніи, покинуть португальскую землю, этотъ недостатокъ въ судахъ послужилъ причиною объявленія всѣхъ евреевъ королевскими рабами» [1]). Обычно количество евреевъ, очутившихся въ Лиссабонѣ, опредѣляютъ въ 20 тыс. Не успѣвшіе уѣхать изъ Лиссабона были загнаны, точно овцы, въ обширный дворецъ Estáos, гдѣ ихъ, вмѣсто хлѣба и воды, кормили проповѣдями двухъ крещеныхъ евреевъ Николаонъ; запертымъ евреямъ были обѣщаны золотыя горы, если они примутъ, хотя бы лишь внѣшнимъ образомъ, христіанскую вѣру. Когда эти мѣры убѣжденія не привели къ желаннымъ результатамъ, король отдалъ приказъ дѣйствовать силою: полицейскіе чины должны были загнать въ церковь всѣхъ евреевъ, и надъ ними долженъ былъ совершиться обрядъ общаго крещенія—general conversion. Страшная сцена этого общаго массоваго крещенія описана Самуиломъ Ускве въ его «Consolaçam as tribulaçoes de Ysrael» и Авраамомъ бенъ Соломономъ изъ Торутіэля въ приложеніи къ «Sefer ha-Kabbalah», откуда мы узнаемъ, что многіе скорѣе готовы были покончить жизнь самоубійствомъ, нежели принять навязанную имъ чужую религію. За исключеніемъ этихъ несчастныхъ, вся остальная масса была обращена въ христіанство; лишь 7—8 человѣкъ, по словамъ Эркулано, оказали героическое сопротивленіе на-

новообращенныхъ». Послѣ долгихъ интригъ представителю Фердинанда Католика Гарсиласо удалось повліять на папу, о чемъ онъ радостно извѣщаетъ своего короля; ему помогъ случай съ кардиналомъ Калаоры, котораго Александръ хотѣлъ арестовать, «побуждаемый къ этому не столько религіозными интересами, сколько корыстолюбивыми». «Я (Гарсиласъ) замѣтилъ: чтобы никто не думалъ, что его святѣйшество дѣйствуетъ изъ желанія воспользоваться имуществомъ кардинала Калаоры, необходимо въ то же время арестовать и богатую депутацію португальскихъ евреевъ».—См. Heine, op. cit., 152—154.

[1]) «Historia», III, 356—357.

силію и остались вѣрны своей религіи. Тотъ же Эркулано говоритъ, что время изгладило изъ памяти людей имена этихъ героевъ [1]). Утвержденіе это отчасти лишь вѣрно, такъ какъ изъ числа 7—8 героевъ сохранилась память о нѣкоторыхъ геройскихъ мученикахъ. Имена ихъ таковы: Авраамъ Саба, Авраамъ Закуто, Исаакъ Іосифъ бенъ Каро [2]), Шемъ Тобъ Лерма, Яковъ Луалъ и главный раввинъ Португаліи (Rabi mor) Симонъ Майми.

Массовое крещеніе наводнило Португалію новохристіанами, которые въ силу закона 30 мая 1497 г. пользовались большими привилегіями и могли сравнительно открыто исповѣдывать іудейскую ересь; къ насильно крещенымъ въ Лиссабонѣ слѣдуетъ прибавить еще многихъ другихъ евреевъ, крестившихся въ мартѣ 1497 г., когда во время перваго дня Пасхи произошло нападеніе на еврейскихъ дѣтей, которыхъ слѣдовало отдать на воспитаніе въ христіанскія семьи, а также тѣхъ евреевъ, которые принимали христіанство въ теченіе всего 1497 года, вплоть до наступленія срока объ оставленіи евреями Португаліи. Въ эдиктѣ объ изгнаніи 4 декабря 1496 г. говорилось также и о маврахъ, которые должны были покинуть страну въ тотъ же срокъ, что и евреи; но по отношеніи къ нимъ король Мануэль не примѣнялъ никакихъ принудительныхъ мѣръ крещенія и далъ имъ полную возможность эмигрировать въ Африку. Различіе въ отношеніи къ обѣимъ категоріямъ еретиковъ объясняется исторіографомъ Мануэля Даміаномъ де Гоэсомъ опасеніемъ короля, какъ бы мусульмане въ Африкѣ не отомстили христіанамъ за причиненныя ими обиды португальскимъ маврамъ; за евреевъ же никто не могъ мстить Мануэлю, и съ ними поэтому онъ не считалъ нужнымъ поступать согласно имъ же изданному декрету [3]). Цѣль Мануэля состояла лишь въ томъ, чтобы, удовлетворивъ желаніе Изабеллы объ удаленіи изъ Португаліи евреевъ, заставить ихъ, подъ именемъ Christãos novos, жить въ этой странѣ и обогащать ее своимъ трудомъ и капиталами. Этимъ объясняется, почему всѣ новообращенные состояли почти исключительно изъ евреевъ, и если самъ Мануэль былъ доволенъ этимъ результатомъ, то страна совершенно не раздѣляла его радости и съ большимъ недовѣріемъ относилась къ маранамъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе, подъ эгидой закона 30 мая 1497 г., позволяли себѣ открыто выражать вражду къ новой религіи и привязанность къ старой. Общественное мнѣніе требовало поэтому репрессій по отношенію къ поставленнымъ въ привилегированное положеніе маранамъ, которые въ виду этого и стали сильно эмигрировать въ Италію, Турцію и Африку. По настоянію корте-

---

[1]) Op. cit., I, 134—135.

[2]) Біографіи этихъ трехъ лицъ имѣются въ «Еврейск. Энциклоп.» подъ соотвѣтствующими словами. Эркулано говоритъ о 7—8 герояхъ, опираясь на рукопись (Memor. Mss. da Ajuda, fol. 220), гдѣ сказано: «Somente 7 ou 8 cafres contumasses a que el Rei mandou dar ambarcaçam para os lugares dalem».—осталось 7 или 8 упорныхъ, которыхъ король приказалъ отправить далеко куда-либо (Op. cit., стр. 135, прим.). Въ «Likkutim Schanim» Капсали говорится (стр. 88, изд. Латтеса, имѣется въ Азіатскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ) ולא נשאר חיים זולת שבעה אנשים... ומיתו ג׳ מהם ובכללם החסיד ר׳ שמען מימי (и осталось въ живыхъ 7 человѣкъ... И умерло трое изъ нихъ, въ томъ числѣ благочестивый раввинъ Симонъ Майми). Авраамъ бенъ Соломонъ изъ Торутіэля говоритъ, что остались евреями: Шемъ Тобъ Лерма, Яковъ Луалъ, Авраамъ Саба, а Симонъ Майми, который съ остальными членами своей семьи, выказалъ удивительную стойкость въ эти тяжелыя для евреевъ минуты, умеръ въ страшныхъ мученіяхъ въ тюрьмѣ. Грецъ пытается примирить нѣсколько противорѣчивыя данныя Кайзерлинга, Эркулано, Капсали и Авраама бенъ Соломона. См. подробности «Geschichte der Juden» Греца, VIII, 4-е изд., 484—87.

[3]) Гейне утверждаетъ, что папа Юлій извѣстилъ Мануэля о томъ, будто султанъ жаловался ему на отношеніе Испаніи и Португаліи къ маврамъ. Въ отвѣтъ на это заявленіе Юлія Мануэль писалъ 12 іюня 1505 г., что во время переговоровъ о женитьбѣ на Изабеллѣ, дочери Фердинанда, Мануэль извѣстилъ своего будущаго тестя, что для него было бы лучшимъ приданымъ, если бы въ Кастиліи не только мечети были разрушены, но и всѣ маврскія дѣти насильно окрещены и воспитаны въ христіанскомъ духѣ. Op. cit., 146—147.

совъ 1498 г. Мануэль издалъ законъ, наказывавшій денежнымъ штрафомъ крещеныхъ врачей, писавшихъ рецепты не на португальскомъ или мѣстномъ языкѣ; еще строже наказывался аптекарь, изготовлявшій лѣкарства по написанному на еврейскомъ языкѣ рецепту. 21 и 22 апрѣля 1499 г. Мануэль издалъ два ордонанса, коими христіанину, родившемуся въ Португаліи или проживавшему въ ней лишь временно, запрещалось совершать извѣстныя торговыя сдѣлки съ новохристіанами, а послѣднимъ безъ спеціальнаго королевскаго позволенія нельзя было покупать землю и выѣзжать за предѣлы Португаліи, въ особенности въ страны, находившіяся подъ господствомъ мавровъ. «Такимъ образомъ,— пишетъ Кайзерлингъ,—мараны были вынуждены оставаться въ странѣ, гдѣ фанатическое духовенство безпрерывно натравливало на нихъ чернь, ненавидѣвшую и презиравшую ихъ» [1]). Это было явнымъ нарушеніемъ торжественнаго слова короля, обѣщавшаго новохристіанамъ 30 мая 1497 г., что они не будутъ подвергаться какимъ-либо исключительнымъ законамъ и не будутъ разсматриваться какъ особая національность, отличная отъ коренного португальскаго народа. Репрессивныя мѣры Мануэля по отношенію къ маранамъ побудили Фердинанда Католика ходатайствовать объ изданіи закона, коимъ всѣ испанскіе новообращенные, бѣжавшіе отъ преслѣдованія Инквизиціи въ Португалію, были бы выданы для суда инквизиціоннымъ трибуналамъ. Мотивируя свое ходатайство, Фердинандъ указывалъ на буллу Иннокентія VIII [2]) отъ 1487 г., въ силу коей всѣмъ католическимъ монахамъ предписывалось выдавать Великому инквизитору Торквемадѣ находящихся въ ихъ владѣніяхъ еретиковъ. Мануэль, однако, не соглашался идти на такія сдѣлки съ Фердинандомъ и обѣщалъ лишь, что отнынѣ отъ всякаго пріѣзжаго испанца потребуется свидѣтельство о томъ, что онъ не является бѣглецомъ-еретикомъ; кромѣ того, Испанской Инквизиціи будетъ предоставлено право имѣть въ Португаліи своихъ агентовъ, которые могутъ доносить португальскимъ властямъ на впадающихъ въ ересь преступниковъ, и послѣдніе будутъ судиться согласно португальскимъ законамъ о ереси.

Путь репрессій, на который вступилъ Мануэль, оказался для марановъ роковымъ, такъ какъ вслѣдъ за королемъ на новохристіанъ стала нападать и чернь. Въ 1504 и 1505 годахъ въ Лиссабонѣ и Эворѣ происходили безпорядки, направленные противъ марановъ, при чемъ въ обоихъ случаяхъ руководителями толпы являлись доминиканцы. Сами по себѣ безпорядки были совершенно незначительны, но они свидѣтельствовали о ростѣ непріязненныхъ чувствъ къ маранамъ,—чувствъ, которыя легко могли принять страшныя формы при первомъ удобномъ случаѣ. Во время Пасхи 1506 г. и представился такой случай: народъ былъ озлобленъ вслѣдствіе свирѣпствованія чумы и, узнавъ, что у нѣкоторыхъ марановъ были найдены овцы и птицы, рѣзанныя по еврейскому закону, а также прѣсный хлѣбъ и горькія травы, согласно пасхальнымъ предписаніямъ, требовалъ жестокой расправы съ виновными маранами, являвшимися въ глазахъ толпы причиной ниспосланія Богомъ чумы, а также вздорожанія предметовъ первой необходимости. Толпа горько разочаровалась, такъ какъ арестованные мараны на слѣдующій день

---

[1]) «Евр. Энц.», XII, 760.

[2]) Иннокентій VIII (1484—1492) принадлежалъ къ самымъ жаднымъ и развратнымъ намѣстникамъ св. Петра. Инфессура разсказываетъ («Diarium romanae urbis»), что его вицекамерленго (завѣдывающій папскою казной) на вопросъ, почему въ Римѣ безнаказанно совершается среди бѣла дня такъ много злодѣяній и грабежей, отвѣтилъ, что Господь вовсе не желаетъ смерти виновнаго: пусть онъ живетъ и платитъ. Самъ Иннокентій былъ отцомъ многочисленной семьи; въ его дворцѣ происходили роскошныя пиршества по поводу бракосочетанія того или иного папскаго сына. Недаромъ о немъ сложилась поговорка: «Octo Nocens pueros genuit, totidemque puellas, hunc merito poterit dicere Roma patrem». (Иннокентій VIII произвелъ на свѣтъ мальчиковъ и столько же дѣвочекъ, слѣдовательно Римъ по заслугамъ будетъ въ состояніи называть его отцомъ). Ср. «Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche», s. v. «Innocenz».

были выпущены на свободу, и когда собравшіеся въ церкви стали обсуждать этотъ инцидентъ, снабжая его жестокими комментаріями по адресу марановъ, вниманіе христіанъ вдругъ было привлечено находившимся въ одной изъ боковыхъ часовенъ распятіемъ, испускавшимъ необыкновенно яркій свѣтъ. Христіане усмотрѣли въ этомъ чудо, но одинъ маранъ, не желая, подобно впрочемъ и нѣкоторымъ христіанамъ [1]), вѣрить въ это чудо, спросилъ вслухъ: какъ можетъ сухое дерево совершать чудо? [2]). Толпа, и безъ того озлобленная противъ марановъ, набросилась на дерзкаго смѣльчака, убила его и сожгла его трупъ [3]). Два доминиканскихъ монаха стали ходить по улицамъ Лиссабона съ распятіемъ въ рукахъ, восклицая «heresia! heresia!» и призывая народъ къ истребленію еретиковъ. Началась ужасная рѣзнь: въ первый же день было убито 500 человѣкъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города на кострахъ сразу горѣло по 15—20 чел.,—e as vezes, n'um e n'outro logar, ardiam a um tempo grupos de 15 ou 20 individuos. На одной лишь площади Rocio было сожжено 300 человѣкъ (queimados no Resyo [Rocio?] CCC pessoas). На слѣдующій день звѣрства возобновились съ новой силой, при чемъ въ Лиссабонъ стеклись изъ окрестныхъ мѣстъ подонки общества, увлеченные перспективой безнаказанныхъ грабежей и убійствъ. По словамъ Эркулано, во второй день было убито свыше 1000 человѣкъ; но и этимъ разъяренная и жадная толпа не хотѣла ограничиться, и убійства марановъ продолжались на третій день, такъ что въ общемъ за три дня погибло около 2-хъ тысячъ чел. [4]), а по опредѣленію нѣкоторыхъ—свыше 4000.

Когда Мануэль, находившійся въ то время внѣ столицы, узналъ о лиссабонскихъ событіяхъ, онъ немедленно отправилъ въ Лиссабонъ Діого де Алменду, пріора Крато, и барона Алвита, давъ имъ широкія полномочія и потребовавъ отъ нихъ строгаго наказанія виновныхъ. Главные зачинщики погрома въ числѣ 46—47 человѣкъ были повѣшены, другихъ—четвертовали, третьихъ—обезглавили; оба доминиканскихъ монаха, подавшіе сигналъ къ убійствамъ, были задушены и тѣла ихъ были сожжены; тѣ изъ лиссабонскихъ жителей, которые были признаны виновными въ участіи въ грабежахъ и убійствахъ, были подвергнуты тѣлесному наказанію, а имущество ихъ конфисковано; у не исполнявшихъ своихъ обязанностей по защитѣ евреевъ во время погрома была конфискована $^1/_5$ имущества; городъ Лиссабонъ, пользовавшійся привилегіями и особымъ титуломъ, былъ лишенъ на три года всего этого [5]), у него было также отнято право самоуправленія

[1]) «Ou a imaginação dos devotos se afigurou que lhe pareceo verem fogoeo lado do crucifixo» (Memor. Mss. da Ajuda, fol. 219). Herculano, op. cit., I, 153; Kayserling, op. cit., 148.

[2]) Какъ утверждаетъ епископъ Озорій, маранъ этотъ сказалъ: «nec enim esse verisimile, ut aridum lignum miraculum aderet». Тѣ же слова приводятся въ Mem. Mss. da Ajuda: «como havia um pau secco de fazer milagres?» Очевидецъ этихъ событій, жившій въ Лиссабонѣ нѣмецъ, вкладываетъ этому марану въ уста почти тѣ же слова: «Was möchte ein dürres Holz für Wunderzeichen thun? Nehmet Wasser und benetzt es, so soll es alsbald erlöschen». Этотъ же нѣмецъ считалъ это чудо «Buberey»; онъ пишетъ: Ich bin auch do gewest, hab aber keyn scheyn gesehen, auch keyn liechtlein, aber ich hab es wol von 200 Personen gehört.. habe sie auch gafragt, ob sie nicht meinen, das es gemacht Ding von den munchen oder andern were etc». Показанія этого нѣмца-очевидца представляютъ собою небольшую брошюру въ 6 страничекъ, хранящуюся въ лиссабонской библіотекѣ. Ни время, ни мѣсто печатанія ея не указаны; она озаглавлена «Von dem christlichen Stryt, kürtzlich geschen zu Lissbona, ein Haubstatt in Portugall, zwüschen den Christen und Neüwen Christen oder Jüden, von wegen des Gekreutzigten Gottes». Мы цитируемъ ее по перепечатанному Гейне тексту, помѣщенному въ видѣ приложенія къ его статьѣ «Beiträge znr Geschichte im Zeitalter der Reformation».

[3]) Нѣмецъ-очевидецъ и ибнъ Верга въ «Schebet Jehuda» утверждаютъ, что былъ убитъ и братъ неосторожнаго марана: und wollten sie danach alle beide auf dem Platze verbrennen.

[4]) Нѣмецъ-очевидецъ говоритъ: 1930 (man sagt dass in Lissabon und seiner nächsten Umgebung von den Juden und neuen Christen 1930 fehlen sollen, Jung und Alt, Weib und Kind).

[5]) Que ho titulo natural de noble e sempre leal lhe tirou e fez perder.

и онъ былъ уравненъ съ прочими городами [1]). Мало того, король издалъ 1 марта 1507 г. декретъ, въ силу котораго маранамъ было предоставлено право въ любое время оставлять предѣлы Португаліи, отправлять за границу свое имущество, даже реализованное въ деньгахъ; кромѣ того, Мануэль этимъ декретомъ отмѣнилъ всѣ ограничительныя мѣры по отношенію къ маранамъ и во всемъ уравнилъ ихъ съ старыми христіанами. 13 марта того же года король возобновилъ данную маранамъ привилегію 30 мая 1497 г. и обѣщалъ имъ, что въ теченіе еще 20 лѣтъ ихъ не будутъ привлекать къ суду по обвиненію въ ереси. Это столь драгоцѣнное для марановъ обѣщаніе было королемъ подтверждено 21 апрѣля 1521 г., при чемъ 20-тилѣтняя свобода отъ преслѣдованія за религіозныя преступленія должна была считаться со дня послѣдняго обѣщанія, т.-е. фактически къ предыдущимъ двадцати годамъ были прибавлены новыя 20 лѣтъ. Справедливо поэтому будетъ утверждать, что Мануэль искупилъ предъ маранами страшныя преступленія своихъ подданныхъ, совершенныя 19, 20 и 21 марта 1506 года. Однако, энергичная защита короля правъ новохристіанъ вызывала крайнее раздраженіе черни и духовенства; Мануэль вынужденъ былъ даже въ 1512 г. распорядиться о прекращеніи преслѣдованій противъ участниковъ лиссабонскаго погрома [2]), а въ 1521 г., не задолго до смерти, принялъ нѣкоторыя репрессивныя мѣры противъ марановъ, снова запретивъ имъ, подъ угрозой конфискаціи имущества, покидать Португалію. Однако, до вступленія на престолъ его сына и преемника Іоанна III (1521—1557) положеніе марановъ въ общемъ было благопріятнымъ, и Португалія считалась убѣжищемъ для новохристіанъ.

Іоаннъ III былъ невѣжественнымъ фанатикомъ, всецѣло находившимся подъ вліяніемъ духовенства; большое огорченіе причиняли ему постоянныя жалобы на то, что мараны лишь внѣшнимъ образомъ приняли христіанство, но что въ душѣ они остались евреями и даже тайкомъ соблюдаютъ всѣ еврейскіе религіозные обряды. Чтобы провѣрить эти слухи и въ соотвѣтствіи съ этимъ принять тѣ или иныя мѣры противъ марановъ, Іоаннъ III поручилъ нѣкоему Георгу Темудо произвести тайное слѣдствіе о религіозной жизни марановъ; крещеный еврей Энрике Нунесъ, получившій за свой католицизмъ прозвище Фирме Фе, долженъ былъ, притворяясь преданнымъ интересамъ еврейской религіи, войти въ близкія сношенія съ наиболѣе видными маранскими семьями, чтобы убѣдиться, насколько мараны искренне исповѣдываютъ христіанскую вѣру. Оба названныхъ слѣдователя должны были представить затѣмъ королю подробный и всесторонній докладъ о португальскихъ маранахъ. Какъ Темудо, такъ и Нунесъ пришли къ одинаковому выводу: мараны лишь по формѣ христіане, по существу же они—настоящіе евреи, а потому съ ними слѣ-

[1]) Какъ видно изъ словъ очевидца этихъ событій, подавленіе ихъ далось правительству съ большимъ трудомъ. Когда губернаторъ обратился къ толпѣ съ угрозой по поводу ея безчинства, ему отвѣтили: Herr, wir wollen dem König getreu sein und ihm mit allen beistehen, was ihm Noth thut und Recht ist, wir wollen aber, dass die Ungläubigen und Juden nicht wider Unsern Herrn Jesum Christum und wider das Kreuz thun dürfen; wir wollen dem König getreu sein und für das Kreuz sterben und wider die Ungläubingen streiten und fechten und sie tödten. Когда губернаторъ убѣдился, что никакія угрозы не помогутъ, онъ пустился на хитрость: онъ запретилъ грабить имущество евреевъ, надѣясь, что этимъ самымъ и убійства прекратятся: So gehet hin und tödtet die Juden, aber stehlet und raubet nicht, denn das Gold und Gut gehöret dem König. Auf diese Art gab er den Leuten gute Worte. Когда и это не помогло, губернаторъ сталъ угрожать монахамъ, которые немедленно созвали людей для борьбы съ губернаторомъ: Alle, die gute Christen sind, stehen heut und alle Zeit dem Kreuz bei, wir wollen uns mit dem Gouverneur schlagen, wenn er uns etwas thun will. Губернаторъ испугался воинственнаго настроенія монаховъ и тайкомъ отправился въ монастырь св. Доминика и умолялъ прекратить избіеніе новохристіанъ. Очевидецъ не знаетъ, какой отвѣтъ монахи дали губернатору, но безчинства продолжались, пока не былъ сожженъ Mastarenus: solches währte bis man Meister Johann Roderich Mastarenus verbrannt hatte. Da liessen sie nach.

[2]) Heine, op. cit., стр. 159.

дуетъ поступать такъ, какъ поступаютъ съ еретиками. Нунесъ еще до начала слѣдствія надъ маранами исполнялъ на Канарскихъ островахъ обязанности инквизитора и въ своихъ отчетахъ отстаивалъ теперь необходимость введенія Инквизиціи. Такъ какъ отчеты Нунеса содержали въ себѣ самыя злостныя нападки на марановъ и давали поименный списокъ всѣхъ тайныхъ евреевъ, не исключая и родного брата Нунеса, то мараны рѣшили отомстить ему, тѣмъ болѣе, что онъ, подъ видомъ еврея, дѣйствовалъ на самомъ дѣлѣ какъ шпіонъ. Два марана Діого Васъ и Андреасъ Діасъ, переодѣвшись въ монашеское платье, въ іюлѣ 1524 года убили Нунеса, за что въ ноябрѣ того же года были преданы казни. Это убійство вызвало гнѣвъ Іоанна; въ странѣ также стали раздаваться голоса за репрессивную по отношенію къ маранамъ политику, а духовенство, пользуясь насильственнымъ освобожденіемъ маранами нѣсколькихъ женщинъ, заключенныхъ въ Бадахосѣ инквизиціоннымъ трибуналомъ въ тюрьму, заговорило о томъ, что мараны хотятъ искоренить христіанство и провозгласить повсемѣстное господство іудейской вѣры. Поводомъ къ этимъ жалобамъ послужило появленіе въ Португаліи представителя мнимаго еврейскаго царя, авантюриста Давида Реубени [1]), который увлекъ многихъ марановъ на путь открытаго исповѣданія іудейской религіи и окрылилъ ихъ надеждой на возсоединеніе съ существующимъ будто большимъ еврейскимъ государствомъ [2]). Однако, если прибытіе Реубени было использовано врагами марановъ для возбужденія противъ нихъ обвиненія въ преданности іудаизму, то, съ другой стороны, оно на время пріостановило затѣянныя королемъ Іоанномъ III жестокія мѣры по отношенію къ маранамъ, такъ какъ Іоаннъ думалъ съ помощью еврейскаго царя нанести ударъ завоевавшему въ 1521 г. Египетъ турецкому султану Сулейману II. Когда удивительная авантюра Реубени была совершенно обнаружена, а народное озлобленіе противъ марановъ въ связи съ слухомъ объ оскверненіи ими христіанской святыни въ Говеа (Gouvea) и въ виду обвиненія ихъ въ томъ, что они были причиною страшнаго землетрясенія начала 1531 года, стало принимать все болѣе и болѣе грозные размѣры, король обратился къ своему представителю въ Римѣ Брасу Нето съ требованіемъ вступить въ переговоры съ папой Климентомъ VII о введеніи въ Португаліи Инквизиціи для искорененія въ ней іудейской ереси по примѣру Испаніи. Полученіе папскаго разрѣшенія было обставлено съ большой таинственностью, такъ какъ Іоаннъ III опасался, что мараны покинутъ Португалію, разъ имъ станетъ извѣстно, что въ ней будетъ функціонировать Святой Трибуналъ. Въ самомъ началѣ переговоровъ Нето наткнулся на оппозицію: вліятельный при папской Куріи кардиналъ Лоренцо Пуччи заявилъ, что королемъ руководитъ не желаніе очистить Португалію отъ еретиковъ, а стремленіе къ богатству,—злой умыселъ воспользоваться имуществомъ марановъ. Такихъ корыстныхъ цѣлей Курія, по мнѣнію Пуччи, не должна поддерживать, и Іоанну не слѣдуетъ дать разрѣшенія на введеніе Инквизиціи. Трудно согласиться съ Кайзерлингомъ, что Пуччи дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ исключительно подъ вліяніемъ подкупа; если онъ и былъ подкупленъ, то, съ другой стороны, и интересы Куріи требовали, чтобы папа не уступалъ Іоанну III и не предоставлялъ ему тѣхъ привилегій, какія были дарованы Фердинанду и Изабеллѣ, а настаивалъ на введеніи Инквизиціи стараго образца, когда выгоды отъ преслѣдованія еретиковъ всецѣло принадлежали Куріи. Словомъ, въ 1531 г. Климентъ VII такъ же спорилъ съ Іоанномъ III, какъ въ 1478 году Сикстъ IV съ Фердинандомъ Католикомъ.

После долгихъ пререканій, свидѣтельствовавшихъ о нежеланіи ни той, ни другой

[1]) Подробно разсказываетъ о немъ Грецъ, «Geschichte der Juden», IX; см. также Кайзерлингъ, «Geschichte der Juden in Portugal», 175—166, и «Евр. Энциклоп.», s. v. «Реубени».

[2]) По словамъ бадахоскаго инквизитора, сторонники этого Мессіи явились вооруженными изъ Campo Mayor въ Бадахосъ, гдѣ и освободили инквизиціонныхъ узницъ. 13 мая 1528 г. испанская королева писала въ Португалію о томъ же. См. Heine. op. cit., 160—61.

стороны отказаться отъ предстоящей богатой добычи, было, наконецъ, 17 декабря 1531 г. подписано бреве, коимъ назначался главнымъ инквизиторомъ Португаліи исповѣдникъ короля, францисканецъ Діого да Сильва. За этимъ бреве послѣдовало 13 января 1532 года новое, приказывавшее да Сильва занять постъ инквизитора. Оба эти бреве сохранялись втайнѣ, въ особенности отъ марановъ, по отношенію къ которымъ вырабатывался законъ о запрещеніи выѣзда изъ Португаліи, продажи недвижимаго имущества и сдѣлокъ съ денежными бумагами. 14 іюня 1532 г. и былъ опубликованъ соотвѣтствующій законъ: онъ носилъ крайне суровый характеръ и смертью угрожалъ даже капитану корабля, перевозившему марана не только въ иностранныя государства, но и на Азорскіе острова или въ какую-нибудь португальскую колонію. Законъ этотъ былъ изданъ на три года. Для марановъ законъ этотъ означалъ, въ связи съ введеніемъ въ странѣ Инквизиціи, неизбѣжную гибель; повсюду говорили лишь о томъ, кто воспользуется богатствомъ новохристіанъ, и гдѣ будутъ ихъ сжигать. «Старые христіане,—горько жалуется Самуилъ Ускве,—радовались, что мои соплеменники будутъ горѣть на кострахъ, и всякій старался запастись связкой дровъ для будущихъ костровъ»[1]). При такихъ обстоятельствахъ маранамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ съ рискомъ для жизни обратиться за помощью къ Римской Куріи въ надеждѣ, не отмѣнитъ ли она изданную ею буллу о введеніи Инквизиціи. Они разсчитывали въ данномъ случаѣ на помощь да Паза. Новохристіанинъ Дуарте да Пазъ, умный, ловкій и энергичный дипломатъ, неоднократно исполнялъ въ Римѣ щекотливыя порученія португальскаго короля. Подъ видомъ преданнаго своему государю слуги Пазъ въ дѣйствительности велъ искусную интригу въ защиту марановъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ имъ стала угрожать опасность со стороны Инквизиціи. Епископъ Марко делла Ровере, назначенный папскимъ нунціемъ въ Лиссабонѣ для защиты интересовъ Рима при Инквизиціи, былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ да Пазомъ, черезъ котораго получалъ отъ марановъ деньги, и естественно всячески препятствовалъ организаціи Святого Трибунала; съ другой стороны, и новый Великій инквизиторъ Діого да Сильва подпалъ подъ вліяніе того же Паза, сталъ брать отъ него взятки и, въ концѣ концовъ, отказался отъ вступленія въ должность Главнаго инквизитора. Вскорѣ Пазу удалось вовлечь въ сѣть интригъ и папу Климента VII, который съ самаго начала крайне неохотно соглашался на введеніе Инквизиціи и теперь, въ виду отказа да Сильва и отрицательнаго отзыва о необходимости Инквизиціи въ Португаліи своего нунція Марко делла Ровере, сожалѣлъ объ изданномъ 17 декабря 1531 г. бреве и 17 октября 1532 г. отмѣнилъ его и запретилъ не только да Сильва, но и всѣмъ вообще епископамъ открыть инквизиціонную дѣятельность противъ марановъ Португаліи.

Король Іоаннъ открыто выражалъ свое возмущеніе буллой 17 октября 1532 г. и обвинялъ папу въ корыстолюбивыхъ замыслахъ, но Климентъ (1523—1534) не желалъ идти ни на какія уступки и 7 апрѣля 1533 г. издалъ буллу Sempiterno Regi, извѣстную подъ названіемъ прощенія (perdão), въ которой народно объявлялось, что изданное имъ 17 декабря 1531 г. бреве о введеніи въ Португаліи Инквизиціи явилось плодомъ недоразумѣнія, тайнаго вліянія на него (subrepção), и что онъ теперь motu proprio заявляетъ, какъ основной и священный принципъ, что тѣ, которые приняли христіанскую вѣру подъ вліяніемъ насилія, не должны считаться членами католической Церкви. Они не могутъ въ силу этого подлежать преслѣдованію за нарушеніе вѣры; тѣ же, которые добровольно приняли христіанство или были крещены въ ранней молодости, но были воспитаны въ духѣ іудаизма, не должны быть сурово наказаны, къ нимъ слѣдуетъ относиться милостиво и съ состраданіемъ въ духѣ истиннаго Евангелія — com a brandura e commiseração proprias do esprito evangelico. Исходя изъ этого, папа Климентъ VII отмѣнилъ всѣ репрес-

[1]) «Consolaçam as tribulaçoem de Ysrael», Феррара, 1553, по Кайзерлингу.

сивныя мѣры, принятыя противъ марановъ, возвратилъ мнимымъ преступникамъ конфискованныя земли и требовалъ присылки къ себѣ всѣхъ дѣлъ о ереси, находящіяся на разсмотрѣніи трибуналовъ, каковы бы они ни были, считая ихъ пока недѣйствительными. Прощеніе получили не только мараны, но и христіане, обвинявшіеся въ ереси, святотатствѣ и богохульствѣ, при чемъ находившіеся въ тюрьмѣ должны были быть выпущены на свободу, а скрывавшіеся за границей могли безпрепятственно вернуться въ Португалію. Одновременно съ подписаніемъ этой буллы Климентъ извѣстилъ своего нунція въ Лиссабонѣ Марко делла Рувере, чтобы она была торжественно объявлена во всѣхъ португальскихъ церквахъ, и чтобы виновнымъ въ ереси лицамъ было предоставлено 3 или 4 мѣсяца для покаянія въ грѣхахъ и полученія помилованія. Имена всѣхъ помилованныхъ должны были быть занесены въ особыя книги, и воспользовавшіеся милостью могли занимать любую должность какъ духовную, такъ и гражданскую. По истеченіи 3 или 4 мѣсяцевъ являющіеся для просьбы о помилованіи должны предстать предъ судомъ Куріи, и начатыя противъ обвиняемыхъ въ религіозныхъ преступленіяхъ дѣла должны быть отсрочены на годъ [1]). Но еще до опубликованія этой буллы Іоаннъ III экстренно приказалъ архіепископу Мартиніо, являвшемуся послѣ отъѣзда Нето единственнымъ представителемъ Португаліи въ Римѣ, всячески препятствовать осуществленію буллы всепрощенія и требовать отъ папы ея немедленной отмѣны. Когда ходатайство Мартиніо не привело къ цѣли, и булла въ іюлѣ мѣсяцѣ получилась въ Португаліи, и всѣмъ препятствующимъ ея проведенію угрожало отлученіе отъ Церкви, Іоаннъ III, убѣжденный, что папа дѣйствуетъ не въ интересахъ Куріи, а подъ вліяніемъ денегъ [2]), отправилъ въ Марсель, гдѣ тогда находился Климентъ, спеціальнаго посланника Энкире де Менезеса, который отъ имени монарха долженъ былъ выразить удивленіе по поводу образа дѣйствій папской Куріи; въ то же время было поручено Мартиніо безусловно добиться скорой отмѣны буллы 7 апрѣля 1533 года. Между папой и представителями Іоанна произошелъ рѣзкій конфликтъ: Климента обвиняли въ томъ, что онъ унижаетъ таинство св. крещенія, забываетъ, что соборъ въ Толедо одобрялъ насильственное крещеніе королемъ Сисебутомъ, и позоритъ католическій міръ, такъ какъ въ Португаліи никто не сомнѣвается, что онъ уступаетъ силѣ денегъ, а не внутреннихъ убѣжденій. Въ отвѣтъ на эти обвиненія папа пригрозилъ отреченіемъ Іоанна отъ Церкви и категорически заявилъ, что ни въ коемъ случаѣ не допуститъ, чтобы ставились какія-либо помѣхи осуществленію изданной имъ motu proprio буллѣ. «Такъ,—говоритъ Кайзерлингъ,—дѣло человѣчности или, какъ говорили въ Португаліи, деньги тайныхъ евреевъ одержали на время побѣду надъ фанатизмомъ» [3]). Чувствуя приближеніе смерти, Климентъ VII еще разъ (26 іюля 1534 г.) напомнилъ своему представителю въ Лиссабонѣ по дѣламъ Инквизиціи, епископу Марко делла Рувере, о необходимости дать маранамъ отпущеніе грѣховъ, о недопущеніи противъ

---

[1]) Амадоръ де лосъ Ріосъ справедливо указываетъ на противорѣчія этой буллы: признавъ, что насильственно крещеные не могутъ считаться христіанами, она, тѣмъ не менѣе, въ своихъ выводахъ приравниваетъ ихъ къ христіанамъ и издаетъ по отношенію къ нимъ рядъ мѣръ, проникнутыхъ, правда, чувствомъ милости и всепрощенія. «Historia», III, 464. Основываясь на словахъ этой буллы Климента, многіе могли открыто заявлять, что мараны не принадлежатъ къ христіанской Церкви, разъ они насильно были крещены. Эту мысль высказалъ, между прочимъ, и знаменитый Менассе бенъ Израиль, который въ своемъ «Esperanza de Israël» (מקוה ישראל) заявлялъ, что новохристіане и нынѣ (средина XVII вѣка) соблюдаютъ еврейскую религію que por fuerza y no por volundat dejaron (которую они оставили, уступая силѣ, а не добровольно). (Цитируемъ по имѣющемуся въ С.-Петербургскомъ Азіатскомъ музеѣ экземпляру, изд. 1650 г., въ Амстердамѣ).

[2]) «Rex... credens ut dicebant Clementem de hujus modi negotiis non informatum, pecunia tantum motum, veniam praedictam concessisse»... Herculano, op. cit., II, 25 (изд. 5-ое, 1897 г.).

[3]) «Geschichte der Juden in Portugal», стр. 196.

нихъ инквизиціонныхъ преслѣдованій и о наложеніи наказаній на тѣхъ, кто мѣшаетъ дѣятельности всепрощенія въ духѣ буллы 7 апрѣля. Эта твердость Климента, обнаруженная имъ за два мѣсяца до смерти, объяснялась, какъ говорилъ впослѣдствіи кардиналъ Антоніо Пуччи (или Сантикуатро) папѣ Павлу III, тѣмъ, что духовникъ Климента сказалъ, что разъ Климентъ получилъ отъ марановъ деньги, онъ долженъ ихъ непремѣнно защищать [1]).

Было бы, однако, ошибочно утверждать, что нежеланіе папы разрѣшить введеніе Инквизиціи дѣйствительно дѣлало невозможнымъ проведеніе ея въ жизнь. Фактически мараны подвергались преслѣдованіямъ, такъ какъ низшіе представители духовной іерархіи повиновались папѣ лишь постольку, поскольку его буллы и распоряженія совпадали съ ихъ интересами и желаніями. Опираясь на сочувствіе короля и симпатіи широкихъ круговъ населенія, трибуналы судили преступныхъ марановъ и налагали на нихъ крайне тяжелые штрафы.

25 сентября 1534 г. умеръ Климентъ VII, и на папскій престолъ вступилъ Александръ Фарнезе, принявшій имя папы Павла III. Павелъ и не былъ связанъ по отношенію къ маранамъ никакимъ обѣщаніемъ, и гораздо менѣе сочувственно относился къ нимъ; вотъ почему вопросъ о послѣднихъ былъ имъ немедленно по вступленіи во власть переданъ на разсмотрѣніе особой комиссіи. Рѣшеніе послѣдней было въ пользу марановъ: всеобщее прощеніе должно было оставаться въ силѣ, согласно булламъ Климента, Инквизиція могла продолжать дѣйствовать, но была ограничена правомъ осужденныхъ апеллировать къ Риму. Такъ какъ Павелъ, на котораго вліяли и Карлъ V, и Іоаннъ III, былъ противъ марановъ, то на постановленіе комиссіи слѣдуетъ смотрѣть какъ на блестящую побѣду марановъ. Іоаннъ это хорошо понялъ и отказался санкціонировать постановленіе комиссіи. Самъ Павелъ, однако, вскорѣ перешелъ на сторону марановъ, такъ какъ между послѣдними и папскимъ нунціемъ Рувере было заключено 24 апрѣля 1535 г. соглашеніе, въ силу котораго мараны обязались дать Римской Куріи 30 тыс. дукатовъ, если Инквизиція будетъ отмѣнена, а право преслѣдованія еретиковъ будетъ предоставлено епископамъ, которые будутъ придерживаться въ своихъ дѣйствіяхъ обычнаго судопроизводства. Курія, по выраженію Ли, старалась честно заработать свои деньги [2]) и представила Іоанну рядъ предложеній въ пользу марановъ, но португальскій король упорно отказывался ихъ одобрить. Въ отвѣтъ на это Павелъ III опубликовалъ 2 ноября 1535 года буллу, которой даровалось прощеніе всѣмъ маранамъ, начатые противъ нихъ вѣроисповѣдные процессы должны были быть прекращены, конфискованное имущество возвращено, а всѣ находящіеся въ тюрьмѣ должны были быть немедленно выпущены на свободу; бѣжавшіе изъ Португаліи могли вернуться, дѣти осужденныхъ и бѣжавшихъ марановъ были возстановлены въ правахъ, и всякое нарушеніе этой буллы наказывалось отлученіемъ отъ Церкви. Павелъ исполнилъ, какъ онъ говорилъ, свой долгъ по отношенію къ маранамъ. Послѣдніе не сдержали своего слова, и вмѣсто 30 тысячъ дукатовъ Марко делла Рувере доставилъ отъ ихъ имени въ Курію всего 5 тыс. Папа не могъ простить португальскимъ маранамъ этого вѣроломства, а Іоаннъ III все настаивалъ на отмѣнѣ опасной буллы 2 ноября. Мало того, португальскій посолъ при Куріи получилъ анонимное донесеніе, что готовятся новыя льготы для всесильныхъ марановъ. Донесеніе это гласило:

Excellens et mi Domine. Sunt in expeditione capitula infrascripta contra S. Officium Inquisitionis in regno Portugalliae ad instantiam conversorum illius regni, scilicet:

Primum, quod bona Hereticorum non ad fiscum regium, sed ad ipsorum haeredes transeant perpetue;

[1]) Lea, «History», III, 240.
[2]) «History», III, 241.

Secundo, quod carceres sint aperti;

Tertio, quod dicta testium indistincte publicentur;

Quarto, quod appelletur in crimen Heraeseos etiam indifferentur a deffinitiva;

Quinto, quod non procedatur contra jam mortuos... et alia multa petunt capitula.

(Высокопревосходительство и милостивый государь. Подготовляются нижеслѣдующіе пункты противъ Святой Инквизиціи въ Португаліи по настоянію марановъ этой страны, а именно:

Во-первыхъ, чтобы имущество еретиковъ поступало не въ королевскую казну, а въ вѣчную собственность наслѣдниковъ еретиковъ;

Во-вторыхъ, чтобы тюрьмы оставались открыты;

Въ-третьихъ, чтобы показанія свидѣтелей, каковы бы они не были, не носили характера тайны;

Въ-четвертыхъ, чтобы на дѣла противъ еретиковъ подавалась апелляція въ Римъ и имъ окончательно рѣшались;

Въ-пятыхъ, чтобы противъ мертвыхъ не возбуждались никакія дѣла.., и многаго другого требуютъ эти пункты).

Въ это время въ Римъ вступилъ, окруженный ореоломъ побѣды надъ африканскимъ мусульманиномъ, императоръ Карлъ. Въ его лицѣ Іоаннъ III нашелъ энергичнаго защитника, которому тѣмъ менѣе пришлось настаивать предъ Павломъ о введеніи Инквизиціи, что самъ Павелъ, какъ мы уже упомянули, отвернулся отъ марановъ и намѣревался отомстить имъ за то, что они не внесли въ его кассу обѣщанной суммы. 23 мая 1536 г. было издано бреве, коимъ была введена въ Португаліи Инквизиція по образцу Испанской, съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ ея судопроизводство должно было вестись согласно существующему въ Португаліи законодательству, а въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ конфискованное у еретиковъ имущество поступало въ пользу ближайшихъ ихъ наслѣдниковъ, а не казны. Бреве 23 мая отмѣняло изданныя ранѣе въ интересахъ марановъ буллы, бреве и иныя папскія распоряженія. Великимъ инквизиторомъ былъ назначенъ Діого да Сильва, при чемъ королю было предоставлено право назначенія помощника Великаго инквизитора. Мараны поняли свою ошибку и болѣе не жалѣли уже денегъ. Они отправили также въ Римъ меморіалъ, который былъ переданъ папѣ, и въ которомъ впервые они заговорили угрожающимъ голосомъ потерявшаго надежду на спасеніе человѣка. «Мы заявляемъ открыто и торжественно предъ всѣмъ міромъ: такъ какъ мы нигдѣ не находимъ мѣста, гдѣ насъ принимаютъ въ христіанское общество, такъ какъ насъ вездѣ преслѣдуютъ, отнимаютъ у насъ нашу честь, нашихъ дѣтей, нашу кровь и жизнь, хотя мы отказались и отказываемся отъ еврейства, — мы рѣшили сдѣлать то, о чемъ никто изъ насъ раньше и не думалъ: мы возвращаемся въ еврейскую вѣру и отказываемся отъ христіанства, въ которое насильно насъ заставили перейти (voltemos a religião de Moyses, renegando o christi anismo que violentamente nos obrigaram a acceiptar)... Мы оставляемъ также нашу родину и будемъ искать убѣжища у менѣе жестокихъ народовъ (abandonando a patria buscaremos abrigo entre povos menos crueis)».

Подъ вліяніемъ ли денегъ или вслѣдствіе этой торжественной угрозы,—но въ судьбѣ марановъ въ началѣ 1537 года снова наступило улучшеніе: папа извѣстилъ своего недавно назначеннаго въ Лиссабонѣ нунція Джироламо Реканати Каподиферро о томъ, что право апелляціи на рѣшеніе инквизиціонныхъ трибуналовъ всецѣло должно принадлежать ему; кромѣ того, маранамъ разрѣшалось свободно оставлять Португалію, и подъ угрозой отлученія отъ Церкви было запрещено королю или кому бы то ни было препятствовать маранамъ приносить жалобы Риму на отношеніе къ нимъ инквизиторовъ. Въ то же время Римъ присвоилъ себѣ право прощенія и отпущенія грѣховъ, что служило неизсякаемымъ источникомъ доходовъ; впрочемъ, такъ какъ такое отпущеніе могло даваться и лиссабон-

скимъ нунціемъ Каподиферро, то маранамъ не приходилось ѣздить въ Римъ, и Лиссабонъ превратился въ оживленный центръ купли-продажи отпущенія грѣховъ. На это горько жаловался Іоаннъ III въ письмѣ отъ 4 августа 1539 г.; онъ говорилъ, что іудействующіе грѣшатъ не только тайно, но и открыто, бросая всѣмъ вызовъ, такъ какъ они увѣрены, что имъ удастся купить прощеніе за содѣянное. Въ письмѣ этомъ король проситъ папу назначить вторымъ Генеральнымъ инквизиторомъ брата Іоанна III, молодого принца Энрике, архіепископа Браги.

Каподиферро увидѣлъ въ этомъ назначеніи личное оскорбленіе, пытался уговорить Павла не санкціонировать назначенія Энрике, которому было всего 27 лѣтъ, но папа склонился на сторону Іоанна, и Каподифферо долженъ былъ 1 ноября покинуть Португалію. Дѣйствія Павла не отличались особой послѣдовательностью: уступивъ королю въ вопросѣ о смѣщеніи Каподиферро и назначеніи новаго Великаго инквизитора, онъ въ то же время рѣшилъ ограничить права Инквизиціи: такъ какъ истекалъ трехлѣтній срокъ, въ теченіе котораго, согласно буллѣ 23 мая 1536 года, инквизиціонные трибуналы должны были придерживаться обычнаго гражданскаго судопроизводства, то папа издалъ 11 октября 1539 г. особую буллу Pastoris aeterni, въ силу которой право апелляціи въ Римъ было расширено, имена свидѣтелей должны были держаться въ тайнѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, а сфера дѣятельности Инквизиціи была сужена. Булла эта никогда не была опубликована, такъ какъ мараны, какъ утверждалъ португальскій посланникъ въ Римѣ Маскареніасъ, не дали достаточно большой суммы денегъ. Іоаннъ III былъ очень доволенъ, что Павелъ III покинулъ, наконецъ, марановъ на произволъ судьбы, и что въ Португаліи Инквизиція можетъ функціонировать такъ же свободно, какъ и въ Испаніи.

20 сентября 1540 г. произошло въ Лиссабонѣ первое торжественное ауто-да-фе, въ которомъ участвовали 24 присоединенныхъ къ Церкви. За этимъ ауто-да-фе вскорѣ послѣдовали другія не только въ Лиссабонѣ, но и въ Эворѣ и Коимбрѣ. 23 октября 1541 года инквизиторъ Іоаннъ де Мелло предалъ огню пять марановъ, въ числѣ которыхъ былъ Гонсало Каннесъ Бандара, сапожникъ, выдававшій себя за пророка. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ были сожжены въ Эворѣ 4 марана, въ томъ числѣ и мнимый пророкъ Луисъ Діасъ, у котораго было много приверженцевъ даже среди аристократическихъ круговъ. Тогда же въ огнѣ погибъ и Давидъ Реубени, авантюристъ, о которомъ уже было упомянуто: онъ томился въ теченіе 8 лѣтъ въ льеренской инквизиціонной тюрьмѣ и теперь публично былъ сожженъ въ Эворѣ. Дѣятельность португальскихъ трибуналовъ навела страхъ на марановъ, которые поспѣшили снова заключить денежную сдѣлку съ Павломъ III, какъ это явствуетъ изъ донесенія отъ 2 декабря 1541 года португальскаго посла въ Римѣ Христобана де Сусы, который обвиняетъ Курію въ томъ, что она ведетъ какіе-то переговоры съ маранами относительно установленія опредѣленнаго modus vivendi: папа долженъ былъ будто получить 8—10 тыс. крузадо, а новый нунцій былъ бы у марановъ на постоянномъ жалованіи въ 250 крузадо въ мѣсяцъ. Іоаннъ III въ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ папу за его отношеніе къ маранамъ, и Павелъ, уличенный въ коррупціи, рѣшилъ отомстить Іоанну назначеніемъ на постъ кардинала въ Лиссабонѣ личнаго врага короля: скрывавшійся въ Италіи отъ преслѣдованія Іоанна III Мигель да Сильва, епископъ Висеу, получилъ неожиданно для всѣхъ, а въ особенности для короля, кардинальскую шапку. Въ отвѣтъ на это назначеніе Іоаннъ объявилъ да Сильву стоящимъ внѣ закона и лишеннымъ гражданскихъ правъ, въ то же время португальскій посланникъ въ Римѣ Суса получилъ приказъ покинуть Римъ. Казалось, что Португалія окончательно порываетъ съ папой. Для марановъ это было равносильно предоставленію ихъ въ полную власть Инквизиціи. И дѣйствительно, Великій инквизиторъ принцъ Энрике сталъ теперь самостоятельнѣе въ своихъ рѣшеніяхъ, учредилъ трибуналы, помимо Лиссабона, Эворы и Коимбры, еще въ Ламего, Опорто и Томарѣ и началъ въ болѣе широ-

кихъ размѣрахъ производить конфискаціи и аресты среди марановъ. Павлу было невыгодно доводить конфликтъ до крайности, и онъ назначилъ на постъ нунція Луиджи Липпомано, бергамскаго епископа-коадъютора. Перехваченныя письма римскаго агента марановъ свидѣтельствовали, что Липпомано вступилъ въ денежныя сдѣлки съ маранами, которые надѣялись при его посредствѣ получить отъ папы общее прощеніе, а также индивидуальныя индульгенціи; кромѣ Липпомано, письма агента компрометировали и нѣкоторыхъ другихъ приближенныхъ папы, не исключая также и самого папы. Іоаннъ III воспользовался этимъ, чтобы заявить протестъ противъ пріѣзда Липпомано въ качествѣ португальскаго нунція. Однако, Липпомано отправился на свое новое мѣсто назначенія, и ему навстрѣчу былъ отправленъ въ Арагонію португальскій казначей, чтобы вернуть его обратно. Липпомано отрицалъ, что велъ когда-либо переговоры съ представителемъ марановъ, и заявилъ, что перехваченныя письма свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что кардиналъ Сильва получалъ 250 крузадо въ мѣсяцъ отъ марановъ, интересы которыхъ онъ всегда защищалъ. Липпомано удалось убѣдить казначея въ томъ, что онъ стоитъ въ сторонѣ отъ денежныхъ интригъ, и казначей выступилъ даже предъ королемъ въ пользу Липпомано, который продолжалъ свой путь въ Португалію. Но Іоаннъ былъ неумолимъ и потребовалъ, чтобы Липпомано не перешелъ португальской границы. Онъ написалъ папѣ рѣзкое письмо, въ которомъ настаивалъ на отозваніи изъ Португаліи нунція, вмѣшивающагося въ дѣла Инквизиціи. Правда, Липпомано въ своей бесѣдѣ съ португальскимъ казначеемъ отрицалъ, что онъ отправленъ въ Лиссабонъ съ цѣлью вмѣшиваться въ Инквизицію; онъ говорилъ, что его задачей является лишь надзоръ надъ дѣятельностью инквизиторовъ, состоявшій въ томъ, чтобы извѣщать папу о тѣхъ трибуналахъ, которые не дѣйствуютъ въ духѣ справедливости и правды. На самомъ дѣлѣ, однако, Липпомано были даны изъ Рима тайныя инструкціи, въ которыхъ говорилось, чтобы онъ, соблюдая внѣшнія формы приличія, энергично отстаивалъ интересы Римской Куріи, такъ какъ Португалія слабое государство, которому угрожаетъ скорое банкротство. Король Іоаннъ III, говорилось далѣе въ инструкціяхъ, человѣкъ слабый и бѣдный, кругомъ въ долгахъ, ненавидимъ народомъ, находится всецѣло въ рукахъ монаховъ и враждуетъ съ Франціей и императоромъ. Если Липпомано не сможетъ удалить инфанта Энрике съ занимаемой имъ должности Главнаго инквизитора, онъ долженъ стараться, подъ предлогомъ молодости его, фактически устранить его отъ дѣлъ, отмѣнить всѣ постановленія трибуналовъ и амнистировать старыя преступленія. Лучше всего было бы уничтожить самую Инквизицію и передать религіозныя дѣла вѣдѣнію епископовъ. Нунцій долженъ былъ въ этомъ отношеніи дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, при чемъ не опубликованная булла 1539 г. должна была теперь, безъ предварительнаго увѣдомленія короля, получить осуществленіе, и Великій инквизиторъ Энрике долженъ былъ руководиться ея предначертаніями. Если бы онъ вздумалъ протестовать, то ему слѣдуетъ указать, что такова воля папы, и что съ жалобами можно обращаться лишь въ Римъ. Желательно, впрочемъ, дѣйствовать не особенно круто, но если мягкія мѣры не могутъ вести къ цѣли, то Липпомано долженъ помнить, что ему предоставлена власть совершенно отмѣнить Инквизицію.

Эти широкія полномочія были даны нунцію Липпомано не безъ вѣдома новохристіанъ, какъ это видно изъ письма къ ихъ римскому представителю. Новохристіане высылаютъ въ Римъ двѣ тысячи крузадо, вмѣстѣ съ тѣмъ они указываютъ, что ждутъ скорѣйшаго прибытія нунція, такъ какъ видятъ въ немъ свое спасеніе. Пока, до его прихода, Инквизиція продолжала свирѣпствовать, и 14 октября 1542 г. въ Лиссабонѣ произошло ауто-да-фе, на которомъ участвовало свыше 100 преступниковъ, причемъ 20 были выданы свѣтской власти для совершенія надъ ними смертной казни. Хотя Іоаннъ III и не зналъ о тайныхъ инструкціяхъ Липпомано, онъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ настаивать на томъ, чтобы ему былъ запрещенъ въѣздъ въ Португалію, ожидая

въ то же время отвѣта на свое письмо къ папѣ по поводу назначенія Липпомано нунціемъ въ Лиссабонѣ. Послѣ долгаго времени папа увѣдомилъ, наконецъ, Іоанна, что миссія Липпомано заключается лишь въ томъ, чтобы поставить оффиціально короля въ извѣстность о предстоящемъ Тридентскомъ соборѣ, и что Липпомано безъ разрѣшенія короля ничего не станетъ предпринимать въ Португаліи. На этотъ разъ Павелъ III говорилъ правду, и Липпомано дѣйствительно воздерживался отъ какихъ-либо активныхъ выступленій въ Португаліи, въ особенности не согласныхъ съ волей Іоанна III.

Павелъ, видимо, желалъ вступить въ болѣе дружескія сношенія съ Іоанномъ, такъ какъ примѣръ Англіи, отпавшей совершенно отъ Рима, пугалъ его, и онъ черезъ бургосскаго кардинала въ 1543 г. началъ вести съ нимъ переговоры относительно дѣлежа богатства, конфискуемаго у марановъ. Папа предложилъ португальскому королю разрѣшить устройство Инквизиціи на подобіе Испанской съ тѣмъ, чтобы въ теченіе опредѣленнаго времени дѣлить поровну между Куріей и Государствомъ конфискуемое имущество. Іоаннъ отвѣтилъ на это предложеніе, что онъ никогда не руководился въ своихъ дѣйствіяхъ матеріальными выгодами и что онъ можетъ уступить папѣ лишь $^{1}/_{4}$ конфискуемаго у еретиковъ богатства и на срокъ не болѣе трехъ лѣтъ. Желая удовлетворить Іоанна, папа предложилъ инфанту Энрике кардинальскую шапку; вмѣсто благодарности Іоаннъ иронически отнесся къ этой уступкѣ Куріи и заявилъ, что папа даетъ кардинальскую шапку тогда, когда объ этомъ его не просятъ, и, наоборотъ, отказываетъ въ ней, когда въ этомъ нуждаются. Энрике согласился, несмотря на это ироническое заявленіе короля, возложить на себя кардинальскую шапку. Однако, ему не удалось инсценировать въ большомъ размѣрѣ ауто-да-фе, о которыхъ онъ мечталъ, такъ какъ папа назначилъ вмѣсто Липпомано новаго нунція для Португаліи въ лицѣ Джованни Риччи да Монтепульчіано, до прибытія котораго Липпомано, согласно папскому бреве отъ 22 сентября 1544 года, распорядился, чтобы инквизиторы и духовные судьи не предпринимали никакихъ процессовъ противъ новохристіанъ. «Каково будетъ дальнѣйшее направленіе дѣятельности Инквизиціи, всецѣло зависитъ отъ инструкцій, имѣющихся у Монтепульчіано, который не замедлитъ ихъ опубликовать, какъ только фактически займетъ постъ нунція въ Португаліи». Распоряженіе Липпомано не осталось на одной лишь бумагѣ, и Инквизиція воздерживалась отъ рѣшительныхъ дѣйствій до прибытія новаго нунція: со второй половины 1544 года до 1548 г. не было въ Португаліи ни одного ауто-да-фе.

Между папой Павломъ и Іоанномъ произошелъ еще рядъ столкновеній: ни тотъ, ни другой не хотѣли итти на уступки, пока, наконецъ, король не прибѣгъ къ обычному въ сношеніяхъ съ Куріей средству: онъ предложилъ кардиналу Фарнезе, любимому внуку Павла III, имѣвшему на папу большое вліяніе, епископство Визеу со всѣми его доходами. Фарнезе вслѣдствіе этого сразу перешелъ на сторону Іоанна III и безъ труда убѣдилъ Павла III вступить въ болѣе дружественныя сношенія съ португальскимъ королемъ. Между Римской Куріей и Лиссабономъ начались безконечно долгіе переговоры, во время которыхъ каждая сторона старалась извлечь для себя больше выгодъ: папа, столько разъ пользовавшійся деньгами марановъ, не желалъ выдать послѣднихъ въ руки Инквизиціи, король же настаивалъ на введеніи въ Португаліи такой же самостоятельной и независимой Инквизиціи, какая существовала въ Испаніи. Лѣтомъ 1547 г. обѣ стороны пришли, наконецъ, къ соглашенію. 11 мая появилось папское бреве, коимъ даровалось полное прощеніе маранамъ за прошлые грѣхи, всѣ арестованные должны были быть выпущены на свободу, конфискованное имущество должно было быть имъ возвращено, дѣти ихъ не подлежали никакимъ правовымъ ограниченіямъ, а впавшіе вторично въ грѣхъ не должны были считаться рецидивистами; ихъ слѣдовало разсматривать какъ обычныхъ еретиковъ, которыхъ покаяніе могло спасти отъ костра. За этимъ бреве послѣдовало 1 іюля второе на имя кардинала Энрике; папа извѣщалъ португальскаго Великаго инквизитора, что отнынѣ ему

предоставлена полная свобода дѣйствій по отношенію къ привлекаемымъ за ересь лицамъ, и что со стороны Рима онъ не будетъ болѣе встрѣчать никакихъ препятствій. 5 іюля папа извѣстилъ Іоанна III, что спеціальный папскій комиссаръ, Джованни Уголино, доставитъ ему буллу объ учрежденіи Инквизиціи, а также бреве о прощеніи за прошлыя преступленія, совершенныя маранами. Чувствуя, однако, что онъ поступилъ вѣроломно по отношенію къ маранамъ, предоставленнымъ на будущее время въ полную власть Инквизиціи, Павелъ просилъ короля дѣйствовать умѣренно и слѣдить, чтобы инквизиторы не поступали съ грѣшниками слишкомъ сурово. Уголино долженъ былъ до прибытія Фарнезе сдѣлаться администраторомъ епископства Визеу и собирать въ пользу Фарнезе всѣ доходы и недоимки какъ этого епископства, такъ и другихъ бенефицій, раньше принадлежавшихъ кардиналу да Сильва. Такъ какъ король все еще чувствовалъ себя побѣжденнымъ въ спорѣ съ папой, то послѣдній 15 іюля того же 1547 года издалъ бреве, въ силу котораго были признаны недѣйствительными всѣ индивидуальныя охранныя граматы, купленныя отдѣльными маранами у Куріи съ цѣлью освободить себя отъ преслѣдованій Инквизиціи; отнынѣ эти индульгенціи подлежали отсылкѣ въ Римъ и не могли быть предъявлены инквизитору въ качествѣ защиты отъ ареста. Булла Meditatio cordis отъ 16 іюля учредила, наконецъ, Инквизицію и провозглашала отмѣненными всѣ предыдущія ограниченія ея, изданныя какъ Павломъ III, такъ и его предшественниками. Португальская Инквизиція ни въ какомъ отношеніи не должна была отличаться отъ Испанской. Папа лишь счелъ своимъ долгомъ еще разъ напомнить королю о необходимости мягкаго отношенія къ маранамъ, которые въ виду сравнительно недавняго перехода въ христіанство не могли еще быть особенно крѣпки въ новой вѣрѣ. Папа пытался также отмѣнить запрещеніе о выѣздѣ марановъ изъ Португаліи и предоставить имъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе одного года возможность покинуть страну Іоанна; но король былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи, откладывалъ свое окончательное согласіе на пріѣздъ Уголино, такъ что всѣ указанныя выше буллы вступили въ силу лишь лѣтомъ 1548 года.

10 іюля этого года и состоялось въ Лиссабонѣ торжественное ауто-да-фе; за нимъ послѣдовало два другихъ въ Эворѣ [1]), видѣвшей въ своихъ стѣнахъ въ теченіе ближайшихъ 15 лѣтъ наибольшее число ауто-да-фе. Вскорѣ, однако, дѣятельности Инквизиціи опять была поставлена преграда. Дѣло въ томъ, что папа Павелъ III, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти (1549). предоставилъ маранамъ привилегію, сводившуюся къ тому, чтобы въ процессахъ противъ нихъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ не публиковались имена свидѣтелей. Исключительнымъ случаемъ считалось, напр., когда обвиняемые были феодалы, у которыхъ было много вассаловъ, либо чиновники, у которыхъ въ подчиненіи находились низшіе служащіе. 13 августа 1550 г. Іоаннъ III отправилъ на имя папы Юлія III энергичный протестъ противъ этой привилегіи, заявляя, что она не только подрываетъ авторитетъ Инквизиціи, но фактически низводитъ ея дѣятельность до ничтожныхъ размѣровъ. Въ Римѣ начались долгія совѣщанія по вопросу объ отмѣнѣ привилегіи 1549 года; представители марановъ всячески работали въ пользу ея сохраненія, и лишь въ 1560 г. папа Пій IV отмѣнилъ бреве, данное маранамъ Павломъ III. Въ связи съ этимъ и находится сравнительно незначительное количество ауто-да-фе, равно какъ и число жертвъ Инквизиціи, въ теченіе перваго десятилѣтія ея функціонированія въ Португаліи. Сохранившіеся отчеты объ ауто-да-фе въ Португаліи до времени ея присоединенія (1580 г.) къ Испаніи даютъ слѣдующую картину:

	сожжены in effigie.	сожжены живьемъ.	подвергнуты др. наказ.
Лиссабонъ	37	2	270
Эвора	87	12	1023
Коимбра	45	37	705
Итого . . .	169	51	1998

[1]) Adler, «Auto de fé and Jew», стр. 139 и 147.

Цифры эти, разумѣется, не могутъ считаться точными; онѣ ниже дѣйствительныхъ, какъ это видно изъ заявленія одного современника, который писалъ въ 1564 г., что въ Португаліи ежегодно сжигается отъ 20 до 40 человѣкъ, а подвергается различнымъ наказаніямъ около 200 человѣкъ [1]). Незначительное количество сожженныхъ до 1580 г. in effigie объясняется тѣмъ, что въ Португаліи, въ виду отсутствія права конфискаціи имущества еретиковъ въ пользу Инквизиціи, трибуналы не вели никакихъ разслѣдованій объ умершихъ преступникахъ и не подвергали также бѣжавшихъ особымъ наказаніямъ. Какъ извѣстно, папа Павелъ III оставилъ въ рукахъ короля конфискацію имущества еретиковъ, что представляло для бѣдной Португаліи значительное подспорье, и чтобы придать суммѣ поступленій отъ конфискацій болѣе постоянный характеръ, Іоаннъ III за опредѣленную плату освобождалъ на 10 лѣтъ марановъ отъ опасности подвергать свое имущество конфискаціи. Сдѣлки эти между казной и маранами повторялись каждыя 10 лѣтъ и практиковались даже послѣ смерти Іоанна въ 1557 г. Судя по письму Пія V отъ 10 іюля 1568 г., мараны въ 1568 году не желали болѣе возобновлять своей сдѣлки съ казной; папа указываетъ на то, что до сихъ поръ вопросъ этотъ не выясненъ, хотя 10 іюня истекъ срокъ дѣйствія стараго договора; онъ намекаетъ на то, что молодой король Себастіанъ не сочувствуетъ возобновленію сдѣлки, которая побуждаетъ марановъ къ совершенію преступленій, и заявляетъ, что по просьбѣ короля онъ лишитъ марановъ тѣхъ привилегій, которыми они пользуются понынѣ. Письмо папы, повидимому, возымѣло свое дѣйствіе, такъ какъ мараны вскорѣ послѣ этого заключили съ казной свою обычную сдѣлку срокомъ на 10 лѣтъ. Въ 1578 г., по истеченіи срока договора, Себастіанъ началъ вести переговоры съ маранами о новомъ соглашеніи, такъ какъ нуждался въ деньгахъ для продолженія своей экспедиціи въ Африку, во время которой онъ вскорѣ и погибъ. Его наслѣдникъ Великій инквизиторъ Энрике, сдѣлавшійся королемъ и считавшій привилегію освобожденія отъ конфискаціи оскорбленіемъ религіи и поводомъ къ преступленіямъ, обратился въ 1579 г. къ папѣ Григорію XIII съ просьбой отмѣнить данную Себастіаномъ маранамъ грамату и поставить послѣднихъ въ такое же положеніе, какъ и другихъ еретиковъ. Папа исполнилъ желаніе Энрике. Черезъ годъ Португалія вошла въ составъ испанскихъ владѣній, и вопросъ объ освобожденіи отъ конфискаціи маранскаго имущества болѣе не поднимался.

Когда Филиппъ присоединилъ къ Испаніи владѣнія Энрике, онъ обратился съ просьбой къ папѣ Григорію XIII, чтобы Португалія подпала подъ власть испанскаго Генеральнаго инквизитора и чтобы она въ инквизиціонномъ отношеніи составляла одно цѣлое съ Испаніей. Папа, однако, не далъ на это своего согласія, и Инквизиція осталась въ Португаліи, подъ руководствомъ лиссабонскаго архіепископа, независимымъ отъ Испаніи учрежденіемъ. Но Филиппу удалось получить отъ папы право назначенія португальскаго Великаго инквизитора, и послѣ смерти въ 1586 г. лиссабонскаго архіепископа, Генеральнаго инквизитора Жоржа Алменда, на его мѣсто былъ назначенъ испанскимъ королемъ эрцгерцогъ-кардиналъ Альбрехтъ Австрійскій, который въ то же время былъ и губернаторомъ Португаліи. Съ его прибытіемъ въ Лиссабонъ дѣятельность Инквизиціи замѣтнымъ образомъ усилилась, и за 20 лѣтъ, отъ 1581 г. до 1600 г., три португальскихъ трибунала устроили, согласно Ли [2]), 50 ауто-да-фе, а по словамъ Адлера [3]), 58. Сохранилось 45 отчетовъ объ этихъ ауто-да-фе: отчеты эти даютъ слѣдующую картину.

---

1) Lea, «History», III, 259—260.
2) Ibid., 265.
3) «The Auto de fé and Jew», табл., см. выше, стр. 91.

	Сожжены. заживо.	Сожжены. in effigie.	Другія наказанія.
Лиссабонъ	29	6	559
Эвора	98	16	1.384
Коимбра	35	37	1.036
Итого	162	59	2.979

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Испаніи за разсматриваемый періодъ въ 20 лѣтъ, согласно тому же Адлеру, состоялось лишь 35 ауто-да-фе, хотя населеніе Португаліи было значительно меньше испанскаго, и потому на ней естественно гораздо тяжелѣе должно было отражаться усердіе инквизиціонныхъ трибуналовъ [1]). Послѣдніе въ виду интенсивной своей дѣятельности поглощали также много денегъ, и получавшіяся отъ конфискаціи богатыхъ марановъ средства были недостаточны для покрытія всѣхъ расходовъ. Въ 1583 г. Филиппъ жаловался Григорію III, что на нужды Португальской Инквизиціи требуется не менѣе 14 тыс. крузадо, доходы же ея не превышаютъ 10 тыс. Чтобы покрыть дефицитъ, Филиппъ просилъ папу предоставить Инквизиціи доходъ главнѣйшихъ церквей Португаліи. Папа лишь частью удовлетворилъ просьбу Филиппа: Инквизиціи была предоставлена половина доходовъ церквей Лиссабона, Эворы и Коимбры и треть другихъ епископствъ. При такомъ развитіи Инквизиціи ничего нѣтъ удивительнаго, что уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ присоединенія Португаліи къ Испаніи первая стала переживать продолжительный экономическій кризисъ, отъ котораго ей никогда не удалось оправиться. Въ 1595 г. венеціанскій посолъ при лиссабонскомъ дворѣ Франческо Вендрамини констатировалъ, что недавно богатый Лиссабонъ представляетъ нынѣ бѣдную мѣстность, мало обитаемый городъ; изъ принадлежавшихъ ему 700 судовъ у него осталось всего 200. Короля Филиппа, говоритъ онъ, это обстоятельство мало безпокоитъ, такъ какъ онъ желаетъ, чтобы португальцы были бѣдны, ибо они непослушные подданные [2]). Бѣдность страны побуждала марановъ массами переселяться въ Испанію, тѣмъ болѣе, что въ ней, въ качествѣ homines novi, генеалогія которыхъ легко могла быть не извѣстной Испанской Инквизиціи, они разсчитывали найти возможность спокойно жить. Усиленная иммиграція не могла, однако, остаться незамѣченной Инквизиціей, и послѣдняя, по мѣрѣ роста иммиграціи, усиливала свою бдительность, и трибуналы, одно время ослабившіе свою дѣятельность по отношенію къ маранамъ и іудействующимъ, начали снова развивать неимовѣрную энергію въ дѣлѣ ихъ преслѣдованія. «Португальцами» стали пестрѣть отчеты всѣхъ испанскихъ инквизиціонныхъ трибуналовъ. Въ 1593 г. толедскій трибуналъ привлекъ къ отвѣтственности 7 португальцевъ по обвиненію въ іудейской ереси. Ихъ пытали, но они упорно отрицали свою вину; такъ какъ противъ нихъ было лишь одно свидѣтельское показаніе, то виновность ихъ не могла быть установлена, и они были оправданы. Въ 1594 г. въ томъ же Толедо были сожжены на ауто-да-фе пять португальцевъ заживо, а 9 in effigie. Въ 1595 г. подверглись въ Севильѣ наказанію 89 евреевъ, помимо трехъ, сожженныхъ in effigie, а нѣсколько позже въ Куэнкѣ были открыты 30 іудействующихъ: упорствующіе еретики были заживо сожжены, остальные были присоединены къ Церкви. Всѣ эти евреи были «португальцами».

[1]) См. таблицы въ книгѣ «Auto de fé and Jew» Адлера, 1908.

[2]) Lea, „History", III, 266—267.—Филиппъ вообще легко жертвовалъ жизнью своихъ подданныхъ, если они не были вѣрными католиками. „Я предпочитаю вовсе не имѣть подданныхъ, чѣмъ имѣть еретиковъ"—таковъ былъ девизъ Филиппа, какимъ онъ напутствовалъ отправлявшагося въ Нидерланды герцога Альбу.—С. Г. Лозинскій „Исторія Бельгіи и Голландіи въ новое время", стр. 25—«Я готовъ потерять всѣ мои владѣнія и сто лѣтъ жизни, если бы столько мнѣ было дано, лишь бы не быть королемъ еретиковъ (perderé todos mis estados y cien vidas que tuviese, porque no pienso ni quiero ser señor de herejes)»—писалъ онъ Пію V.—Paul Förster, «Der Einfluss der Inquisition auf das geistige Leben und die Litteratur der Spanier», стр. 17.

Богатые мараны, какъ оставшіеся въ Португаліи, такъ и эмигрировавшіе въ Испанію, начали вести съ Филиппомъ III въ 1602 г. переговоры относительно всеобщаго прощенія какъ за старые грѣхи, такъ и за тѣ, которые въ настоящій моментъ уже разсматривались инквизиціонными трибуналами. Архіепископы Лиссабона, Браги и Эворы узнали какъ-то объ этихъ тайныхъ переговорахъ и поспѣшили въ Вальядолидъ, гдѣ тогда находился Филиппъ, чтобы протестовать противъ сдѣлокъ, являющихся оскорбленіемъ католической религіи. Однако, предлагаемая сумма была слишкомъ велика, и королевская казна была слишкомъ пуста, чтобы Филиппъ III и его любимый министръ Лерма могли легко пожертвовать маранскими деньгами: королю было обѣщано дать 1860 тыс. крузадо, Лерма долженъ былъ получить 50 тыс., а 100 тыс. крузадо должны были быть даны двумъ членамъ и секретарю Супремы. Когда мараны потребовали предоставленія имъ 8 лѣтъ для сбора такой громадной суммы, то король пригрозилъ перерывомъ переговоровъ и полнымъ ихъ прекращеніемъ. Мараны вынуждены были согласиться на всѣ условія, и 23 августа 1604 года папское бреве о всепрощеніи было уже подписано. Мараны сравнительно легко перенесли этотъ внѣочередной налогъ: ихъ богатство оцѣнивалось тогда въ 75—80 мил. крузадо, и когда Хуанъ Нуньесъ Корреа производилъ распредѣленіе налога между отдѣльными маранами, то въ основу своихъ операцій положилъ цифру 75 милліоновъ крузадо. Въ силу декрета о всепрощеніи всѣ португальскіе новохристіане, гдѣ бы они ни жили, были примирены съ Церковью, и Великій инквизиторъ и лиссабонскій архіепископъ могли налагать на нихъ лишь духовныя наказанія; амнистія простиралась и на тѣхъ, которые были привлечены къ отвѣтственности, но дѣло которыхъ еще не было разсмотрѣно. Все конфискованное у еретиковъ имущество, если только оно не было продано и не поступило въ королевскую казну, подлежало возврату владѣльцамъ; живущіе за предѣлами Португаліи мараны въ теченіе года должны были явиться и представить отчетъ о размѣрахъ своего имущества, для живущихъ же внѣ Европы марановъ срокъ этотъ былъ равенъ двумъ годамъ. Папское бреве съ этими указаніями получилось въ Вальядолидѣ 1 октября 1604 года; въ Лиссабонѣ оно было опубликовано лишь 16 января 1605 года.

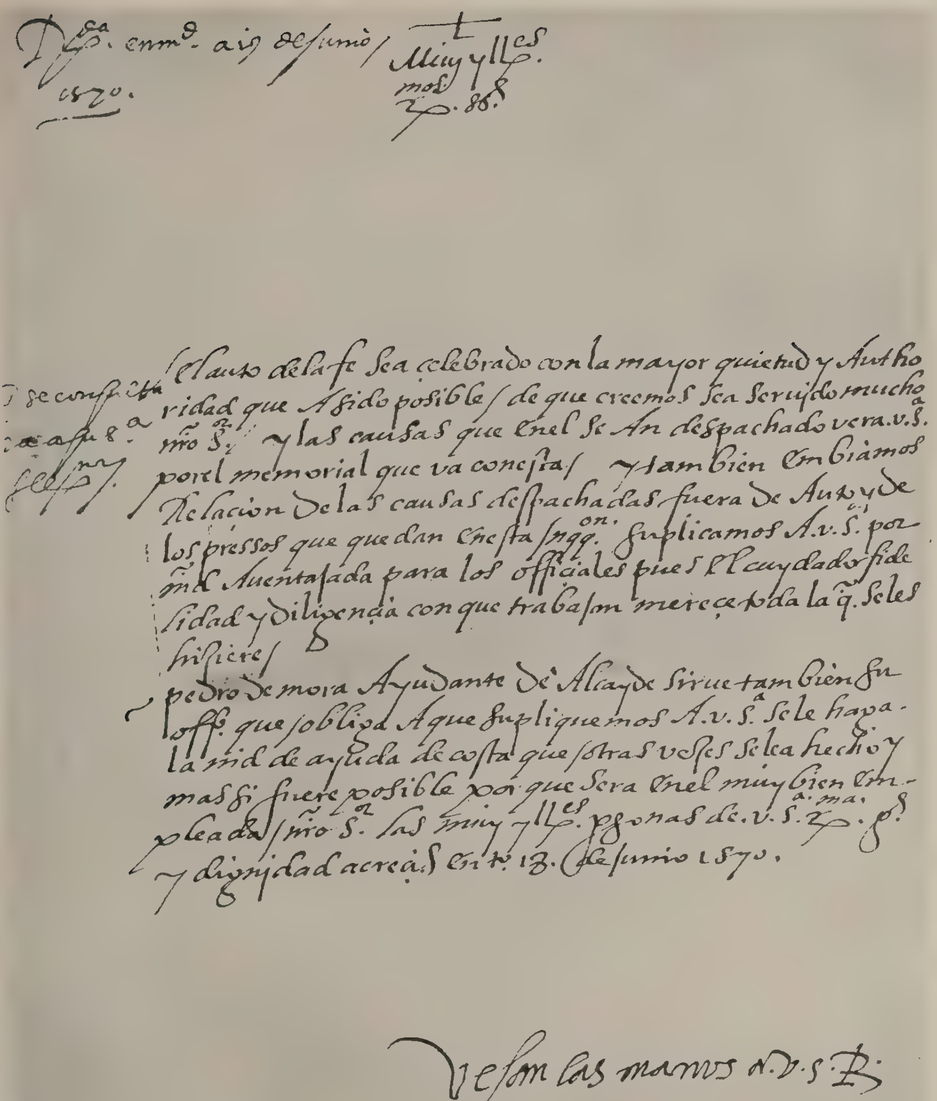
Однако, до опубликованія его появилось королевское распоряженіе о томъ, что португальскіе и испанскіе трибуналы не должны произносить временно, пока не послѣдуетъ отмѣны этого распоряженія, никакихъ приговоровъ надъ маранами и не приводить въ исполненіе уже произнесенные приговоры. Согласно волѣ короля, и было отмѣнено большое ауто-да-фе, назначенное было въ Севильѣ на 7-ое ноября 1604 года, а 16 января 1605 г. три португальскихъ трибунала выпустили на свободу 410 марановъ, и нѣтъ также сомнѣнія, что въ теченіе года, когда продолжала дѣйствовать амнистія, огромное большинство марановъ воспользовалось всепрощеніемъ, купленнымъ столь дорогой цѣною. Инквизиція иногда старалась игнорировать эдиктъ о прощеніи, какъ это видно изъ слѣдующаго факта. Антоніо Фернандесъ Паредесъ, привлеченный въ 1605 г. къ толедскому трибуналу по обвиненію въ еврействѣ, ссылался на амнистію и указывалъ, что его жена была въ силу этой амнистіи освобождена въ Коимбрѣ, но судьи не хотѣли вѣрить ему и передали дѣло Паредеса на разсмотрѣніе Супремы, которая и распорядилась объ освобожденіи виновнаго. Съ другой стороны, шесть португальскихъ марановъ были въ томъ же году приговорены къ различнымъ наказаніямъ, несмотря на ссылку на амнистію: трибуналъ игнорировалъ ихъ заявленіе и не обращался за указаніями къ Супремѣ. Но это были скорѣе отдѣльные эпизоды, такъ какъ открыто нарушать папскія постановленія было все-таки небезопасно. Но какъ только истекъ годъ милости, дѣятельность Инквизиціи должна была снова начаться съ прежней энергіей. 15 и 20 апрѣля 1606 г. Супрема напоминаетъ всѣмъ трибуналамъ, что съ 20 января дѣйствуютъ старые законы о еретикахъ, и что слѣдуетъ изучить всѣ имѣющіеся о маранахъ документы съ тѣмъ, чтобы

установить, кто изъ новохристіанъ воспользовался амнистіей, а кто пренебрегъ ею; кромѣ того, необходимо теперь узнать, не совершили ли мараны новыя преступленія, не покрывающіяся амнистіей.

Еще до покупки амнистіи мараны добились отъ Филиппа III свободы выѣзжать, въ любое время, изъ Португаліи и Испаніи. Съ введеніемъ въ Португаліи Инквизиціи усилилась эмиграція марановъ въ Нидерланды и Францію. Такъ какъ Нидерланды находились въ войнѣ съ Испаніей, то послѣдняя не желала увеличивать силы своего соперника выходцами изъ Португаліи, и еще въ 1567 г., въ правленіе Себастіана, были возобновлены старые запретительные законы о выѣздѣ изъ страны, о пребываніи марановъ въ колоніяхъ и о продажѣ безъ спеціальнаго разрѣшенія короля недвижимаго имущества. Когда Себастіанъ незадолго до смерти началъ вести переговоры съ маранами о компенсаціи казны за право конфискаціи имущества еретиковъ, онъ отмѣнилъ подтвержденные имъ въ 1567 г. законы. Филиппъ II, не заключавшій никакихъ компромиссовъ съ еретиками, возстановилъ въ 1587 г. всѣ ограничительные законы, несмотря на то, что они подрывали благосостояніе Иберійскаго полуострова. Въ 1601 г. мараны купили у Филиппа III за 200 тыс. дукатовъ право пребыванія въ колоніяхъ, принадлежавшихъ Испаніи и Португаліи, а также продажи недвижимаго имущества. Вскорѣ, однако, Филиппъ III сталъ жалѣть, что предоставилъ такую выгодную привилегію за сравнительно небольшую сумму денегъ и со свойственнымъ ему непостоянствомъ сталъ отмѣнять то, что самъ же постановилъ. Въ 1611 и 1612 годахъ Супрема извѣстила вице-короля принадлежавшаго тогда Португаліи приморскаго города Гоа, что король требуетъ изгнанія изъ колоній всѣхъ лицъ еврейскаго происхожденія. Вице-король не согласился, однако, провести въ жизнь эту мѣру, заявивъ, что она повлечетъ за собою неизбѣжную гибель колоніи, такъ какъ вся ея торговля находится въ рукахъ марановъ [1]). Легче было осуществить запрещеніе о выѣздѣ изъ страны, но такъ какъ многіе мараны уѣзжали за границу не прямо изъ Португаліи, а черезъ Испанію, то Филипъ III обратилъ 20 апрѣля 1619 г. вниманіе Великаго инквизитора на это неудобство, и Супрема предписала, чтобы во всѣхъ испанскихъ портахъ былъ установленъ тщательный надзоръ надъ уѣзжающими, и чтобы нарушающіе запретъ о выѣздѣ подвергались немедленному задержанію, а ихъ имущество конфисковывалось въ пользу государства. Инквизиція начала свирѣпствовать съ возрастающей энергіей и за пять лѣтъ—отъ 1620 г. до 1625 года—устроила въ Португаліи, по опредѣленію Адлера, 25 ауто-да-фе противъ 8 въ Испаніи. Въ 1623 г. предъ трибуналомъ въ Эворѣ предстали 100 марановъ изъ маленькаго города Монтеморъ. 5 мая 1624 г. живьемъ былъ сожженъ діаконъ и профессоръ каноническаго права Антоніо Гомемъ (Homem). 60-тилѣтній старецъ былъ обвиненъ въ іудейской ереси, его домъ былъ уничтоженъ и на его мѣстѣ былъ воздвигнутъ позорный столбъ съ надписью: «Praeceptor infelix». Гомемъ происходилъ изъ новохристіанской семьи, его мать была внучкой Нуньеса Кардоса и вмѣстѣ съ молокомъ своимъ передала Антоніо Гомему любовь къ іудаизму. Докторъ теологіи, профессоръ каноническаго права и почетный членъ ряда духовныхъ учрежденій, Гомемъ таилъ въ душѣ сомнѣніе въ истинности того, что проповѣдывалъ съ университетской и церковной каѳедръ, и 1 февраля 1611 г. впервые предсталъ предъ инквизиціоннымъ трибуналомъ въ Коимбрѣ. Его теологическія познанія, которыя онъ обнаружилъ въ цѣломъ рядѣ ученыхъ работъ, на которыя онъ теперь ссылался какъ на доказательство своей ортодоксіи, спасли его отъ наказанія. Прошло нѣсколько

---

[1]) Многочисленныя данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что евреи сильно способствовали развитію колоніальной торговли Испаніи и Португаліи. Такъ, евреи появились на островѣ св. Ѳомы въ 1492 г. и начали здѣсь вести въ крупныхъ размѣрахъ плантаторское хозяйство; въ 1550 г. сахарная промышленность была уже на этомъ островѣ въ полномъ расцвѣтѣ: 60 плантацій, снабженныхъ сахарными мельницами и котлами, производили ежегодно 150 тыс. аробовъ сахару (по 25 фунтовъ въ каждомъ).—Зомбартъ, «Евреи и хозяйственная жизнь», Спб., 1912.



D.ca en md a 13 de junio
1570.

Muy Illes
mos
Sp. 86.

El auto de la fe se a celebrado con la mayor quietud y autho-
ridad que a sido posible, de que creemos sea servido mucho
nro S.r y las causas que en el se an despachado vera v.S.a
por el memorial que va con esta, y tambien embiamos
relacion de las causas despachadas fuera de auto y de
los pressos que quedan en esta Inqq.on Suplicamos a v.S. por
md aventajada para los officiales pues el cuydado, fide-
lidad y diligencia con que trabajan merece toda la q. se les
hiziere.
Pedro de mora ayudante de alcayde sirve tambien su
off.o que obliga a que supliquemos a v.S.a se le haga
la md de ayuda de costa que otras vezes se le a hecho y
mas si fuere posible porque sera en el muy bien em-
pleada. nro S.or las muy Illes personas de v.S.a g.de
y dignidad acreciente. En Tol.o 13 de junio 1570.

Besan las manos de v.S.

Ldo [illegible] velarde — Ldo [illegible]

Отчетъ Толедской Инквизиціи Супремѣ объ ауто-да-фе 13 іюня 1570 года.

лѣтъ. Гомемъ велъ уединенный образъ жизни, желая изгладить свое имя изъ памяти инквизиторовъ. Случайно, однако, въ глухой мѣстности Коимбры, далеко за городской стѣной, была открыта молельня, куда тайкомъ собирались мараны. Вскорѣ обнаружилось, что Гомемъ читалъ проповѣди въ этой молельнѣ: отнынѣ его судьба была уже предрѣшена [1]). 16 августа 1626 г. состоялось въ Коимбрѣ ауто-да-фе, на которомъ было 247 присоединившихся и сожженныхъ; на ауто-да-фе 6 мая 1629 г. явилось для понесенія наказанія 218 человѣкъ, а 17 августа 1631 г. были приговорены на ауто-да-фе 247 человѣкъ. Нѣтъ точныхъ данныхъ о числѣ жертвъ отъ 1620 г. до 1640 г., такъ какъ отчеты объ этихъ ауто-да-фе въ 10 случаяхъ не указываютъ числа преступниковъ, но картина, тѣмъ не менѣе, получается очень неотрадная.

Города.	Сожжены живьемъ.	Сожжены in effigie.	Приговорены къ другому наказанію.
Лиссабонъ	75	51	1231
Эвора	73	56	1891
Коимбра	82	54	1873
Итого	230	161	4995 [2]).

Быть можетъ, усиленное преслѣдованіе мaрановъ находилось въ связи съ распространившимся въ 1629 г. слухомъ о совершеніи лиссабонскими маранами ужаснаго святотатства. Мараны умоляютъ королевскаго духовника, бр. Антоніо де Сотомайора, доложить королю слѣдующее. Они готовы дать очень значительную сумму (hazer un servicio a su Mg. muy considerable), если будутъ удовлетворены ихъ законныя требованія, сводящіяся къ тому, чтобы дѣйствительные виновники ужаснаго святотатства были наказаны, а невинные, томящіеся нынѣ въ большомъ числѣ въ тюрьмахъ, были выпущены на свободу. Такъ какъ преслѣдованіе марановъ вызывается стремленіемъ португальскихъ инквизиторовъ воспользоваться ихъ имуществомъ, то мараны готовы дать опредѣленную сумму въ видѣ жалованія инквизиторамъ, а остатокъ пусть идетъ въ королевскую казну; они просятъ короля передать объ этомъ Великому инквизитору, который — они въ томъ убѣждены—не увидитъ ничего оскорбительнаго для религіи въ такомъ предложеніи. Въ прекращеніи преслѣдованія марановъ заинтересована вся страна, такъ какъ благодаря португальской эмиграціи богатѣютъ враги Филиппа IV; если эмигранты вернутся, то расцвѣтетъ экономическая жизнь на Пиренейскомъ полуостровѣ, а Голландія лишится своихъ трудолюбивыхъ и обогащающихъ ее подданныхъ [3]). Въ это время португальскіе мараны, какъ это видно изъ другого документа, опубликованнаго одновременно съ предыдущимъ тѣмъ же Адлеромъ, могли свободно эмигрировать изъ Португаліи. Въ документѣ этомъ, представляющемъ собою обращенную маранами просьбу къ Филиппу IV, говорится, что съ тѣхъ поръ, какъ они получили возможность оставить страну и продавать свое имущество, чернь многихъ городовъ, раздраженная подобной привилегіей, всячески преслѣдуетъ ихъ, пользуясь тѣмъ же слухомъ объ оскорбленіи лиссабонскими маранами остіи. Хотя мараны въ своихъ обоихъ ходатайствахъ не говорили о полной амнистіи и просили лишь о недопущеніи несправедливыхъ арестовъ изъ-за остіи и о запрещеніи буйствъ черни, Римская Курія, до которой дошли свѣдѣнія объ обращеніи марановъ къ Филиппу, поспѣшила протестовать противъ предполагаемаго новаго общаго прошенія, указывая на то, что дарованныя папами Климентомъ VII, Павломъ III и Климентомъ VIII не имѣли никакахъ положительныхъ результатовъ, а скорѣе способствовали развитію іудейской секты (los per-

¹) Kayserling, «Geschichte der Juden in Portugal», 291—293. Дѣло Гомема дало поводъ къ изданію закона, запрещавшаго новохристіанамъ занимать каѳедры въ португальскихъ университетахъ.

²) «Auto da fé and Jew», (табл.).

³) Документъ этотъ опубликованъ Э. Н. Адлеромъ въ «Revue des Etudes Juives», XLIX

dones generales... ha mostrado no ser de algun fruto, antes servir á la propagación de la Secta Judaica). Если же король дѣйствительно хочетъ обсудить вопросъ о всепрощеніи, онъ во всякомъ случаѣ долженъ передать его на разсмотрѣніе папы, какъ дѣлали до сихъ поръ всѣ предшественники Филиппа IV. Съ цѣлью, вѣроятно, повліять на рѣшеніе короля посылались къ королю анонимныя донесенія, въ которыхъ не только доказывался вредъ отъ дарованія маранамъ амнистіи, но и проводилась мысль о томъ, что іудействующіе являются причиною всѣхъ несчастій, постигшихъ за послѣднее время Испанію и Португалію. Э. Адлеръ опубликовалъ два такихъ донесенія и полагаетъ, что авторомъ одного изъ нихъ былъ португальскій Великій инквизиторъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ донесеніи не говорится о необходимости изгнанія марановъ изъ Португаліи; но въ это время, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ засѣданіе португальской Супремы отъ 5 сентября 1622 г., мысль эта уже носилась въ воздухѣ и встрѣчала сочувствіе среди наиболѣе ревностныхъ сторонниковъ чистоты католической Церкви.

Первымъ по времени поборникомъ изгнанія марановъ былъ авторъ памфлета «Breve Discurso contra a heretica perfidia do Judaismo», написаннаго въ 1621 г. Висенте да Костой Маттосомъ. По своей рѣзкости памфлетъ этотъ превосходилъ все, написанное до него по еврейскому вопросу, при чемъ Коста Маттосъ не дѣлаетъ никакого различія между евреемъ и мараномъ: оба они одинаковыхъ еретика, да и вообще всѣ еретики еврейскаго происхожденія: вѣдь Кальвинъ называлъ себя отцомъ евреевъ. Но если между евреями и маранами нѣтъ различія, то не должны ли послѣдніе подвергнуться той же участи, что и евреи, т.-е. не должны ли они быть изгнаны изъ предѣловъ Пиренейскаго полуострова? На этотъ вопросъ долженъ былъ дать отвѣтъ Высшій совѣтъ Инквизиціи; попутно онъ долженъ былъ рѣшить вопросъ и объ амнистіи марановъ, которая стояла на очереди въ виду упомянутыхъ уже нами двухъ ихъ ходатайствъ. Совѣтъ высказался противъ изгнанія марановъ изъ Португаліи, мотивируя свое мнѣніе слѣдующими соображеніями.

Если Португалія будетъ очищена отъ еретиковъ, то это не уменьшитъ общаго числа ихъ, такъ какъ сосѣднія государства наполнятся еретиками. Мало того, еретики, очутившись въ Голландіи, открыто примутъ іудейскую вѣру и болѣе не будутъ находиться подъ контролемъ Инквизиціи [1]). Въ Португаліи не будетъ также лицъ, которыя бу-

[1]) 13-ая статья Утрехтской Уніи (Unie van Utrecht) провозглашала религіозную свободу, и съ этого времени (1581) евреи могли свободно проживать въ Нидерландскихъ Штатахъ. Сюда и стали направляться мараны изъ Испаніи и Португаліи. Излюбленнымъ ихъ мѣстомъ вскорѣ сдѣлался Амстердамъ, куда въ 1593 г. прибыли Мануэль Лопесъ Перейра, Марія Нуньесъ, Мигуэль Лопесъ и др. Раввинъ города Эмдена, Моисей Ури Леви, вернулъ этихъ марановъ въ лоно іудейства. Въ 1596 г. въ Амстердамѣ насчитывалось 60 португальскихъ евреевъ, которые въ Судный день 5357 года (2 октября 1596 г.) собрались для общей молитвы въ домѣ дона Payache, марокканскаго посланника при Нидерландскихъ Штатахъ.—См. «Еврейская Энцикл.», s. v. Амстердамъ, а также «Jewish Encyclopedia», s. v. «Netherlands».—Гораздо позже испано-португальскіе мараны могли открыто исповѣдывать іудейскую религію во Франціи, собственно въ Бордо и въ Байоннѣ, куда они по преимуществу стали переселяться въ XVII вѣкѣ. «Португальцы», по словамъ Сиро (Cirot, «Recherches sur les juifs espagnols et portugais à Bordeaux», première partie, Bordeaux, изд. Feret et fils, 1909), разсматривались какъ католики, и ихъ брачныя церемоніи происходили въ церкви, такъ что только имена брачущихся свидѣтельствовали объ ихъ «португальскомъ» происхожденіи. Приведемъ одно брачное свидѣтельство, выданное мадридскимъ поселенцамъ въ Бордо. «23 doctobre de lannee 1668 iay imparti la benediction nuptiale apres auoir observé les ordres de leglise et les reglements du diocese au sieur anthoine lopes du pas bourgeois et marchand de bourdeaux natif de la ville de Madrid capitale du royaume des Espagnes faisant profession de la relligion chatolique (sic!) apostolique et romaine... et damoiselle claire gomes fille naturelle et legitime de diego lopes crespo et ysabeau gomes ses pere et mere natifue de la dicte ville de Madrid dans les espagnes faisant aussi profession de la relligion chatolique (Reg., 566, acte

дутъ доносить на соучастниковъ ереси: до сихъ поръ мараны часто выдавали другихъ грѣшниковъ и Инквизиція могла успѣшно благодаря этому бороться съ ересью. Совѣтъ полагаетъ, что самый проектъ изгнанія марановъ изъ Португаліи исходитъ отъ нихъ же, такъ какъ они этимъ путемъ думаютъ избавиться отъ Инквизиціи; отъ нихъ же исходитъ и просьба о всеобщемъ прощеніи и о публикаціи именъ свидѣтелей, сопровождаемая ходатайствомъ о присужденіи къ смертной казни тѣхъ, которые сознаются въ своихъ грѣхахъ: мараны хотятъ, чтобы никто не сознавался, и чтобы Инквизиція при видѣ такого упорства прибѣгла къ изгнанію ихъ изъ Португаліи. Евреи даютъ милліонъ золота за амнистію, они дадутъ два милліона за эдиктъ объ изгнаніи для того, чтобы стать явными евреями за предѣлами Португаліи. Принимая все это во вниманіе, совѣтъ полагаетъ, что изгнаніе евреевъ нанесетъ ударъ интересамъ Инквизиціи, а равно отразится печальнымъ образомъ на дѣлѣ спасенія евреевъ отъ ереси; тотъ, кто издаетъ подобнаго рода эдиктъ, не можетъ не подпасть подъ статью, карающую опредѣленнымъ образомъ людей, способствующихъ спасенію еретиковъ отъ преслѣдованія Инквизиціи. Помимо всего, Церковь также не одобритъ изгнанія марановъ, такъ какъ общее изгнаніе одинаково наказываетъ какъ виновныхъ, такъ и невинныхъ, т.-е. тѣхъ, которые хотятъ искренно исповѣдывать христіанскую вѣру. Отклоняя предложеніе объ изгнаніи, совѣтъ вмѣсто этого высказывается за строгое наказаніе тѣхъ, которые впадаютъ въ грѣхъ, считая, что наиболѣе подходящей карой является присужденіе къ каторжнымъ работамъ на срокъ сообразно съ характеромъ преступленія по усмотрѣнію инквизиторовъ. Одновременно съ этимъ на виновныхъ и на ихъ потомство должны быть распространены тѣ правовыя ограниченія, которыя обычно постигаютъ еретиковъ и дѣтей и внуковъ еретиковъ. Совѣтъ отнесся, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицательно къ проекту объ амнистіи марановъ и о свободномъ выѣздѣ ихъ за предѣлы Иберійскаго полуострова; по его мнѣнію, надъ ними долженъ быть установленъ строгій надзоръ въ Испаніи и Португаліи, гдѣ Инквизиція одна лишь можетъ искоренить еретическую язву.

72, Cirot, op. cit., 154). По словамъ Мальвезена («Histoire des Juifs á Bordeaux», Бордо, 1875, стр. 150), съ 1686 г. новохристіане перестали устраивать свадебныя церемоніи по христіанскому обряду, а также крестины для своихъ новорожденныхъ. Въ спискахъ объ умершихъ и похороненныхъ въ приходскомъ или монастырскомъ кладбищѣ въ Бордо впервые упоминается, вмѣсто «португалецъ» или «испанецъ», слово «еврей», лишь въ 1722 г. Документъ этотъ гласитъ: An 1722 lundy 19 octobre a esté inhumé le corps d'une petite fille agee denuiron (бѣлое мѣсто) ans appartenante au sieur (бѣлое мѣсто) j u i f p o r t u g a i s, decédee le jour precedent dans le couuent (монастырь) des dames religieuses etc. Въ 1725 г. было уже устроено кладбище, гдѣ «Messieurs les Juifs» хоронили своихъ покойниковъ; до этого времени, приблизительно съ 1710 г., «Messieurs les Portugais» также хоронили отдѣльно отъ христіанъ своихъ умершихъ. Въ началѣ 18-го вѣка португальскіе и испанскіе мараны стали подвергать себя обряду обрѣзанія, какъ это видно изъ Thezoro (запись обрѣзаній), который велъ mohel (операторъ, производящій обрядъ обрѣзанія) Jacob de Mezas. Въ этомъ Thezoro читаемъ: 1 ноября 1706 г. «Isaak rodrigues viniendo de portugal de edad de 28 años». 21 апрѣля 1707 г. «Abraham de Simon de andrada de edad de 20 años viniendo despagna». 17 апрѣля 1712 г. «Isak desa vindo de Portugal de edad de 65 anos». Съ 27 марта по 10 августа 1718 г. Яковъ де Мезасъ обрѣзалъ 8 человѣкъ, изъ которыхъ лишь одинъ былъ новорожденный; остальные имѣли 30, 50, 17, 40, 37, 50 и 24 года. Иногда обряду обрѣзанія мараны подвергались цѣлыми партіями. «Il y a environ quatre mois qu'il arriva trois familles venant d'Espagne: tous ont été circoncis et remariés par les Rabbins» (Отчетъ Puddefer'a отъ 1733 г., по Мальвезену, op. cit., стр. 183). Иные подвергались обряду вторично, такъ какъ въ Испаніи или Португаліи религіозный обрядъ былъ сдѣланъ неудачно, не въ согласіи съ предписаніями Моисеева закона. Moshe lopes peña viniendo de espagna circunsidade per la s e g u n d a v e s de edad 36 años el qual auia sido circunsidado en espagna por un moso de liorna (Ливорно). Тѣ, которые не рѣшались подвергнуть себя столь болѣзненной операціи, подлежали ей послѣ смерти; вѣроятно, непосредственно передъ опущеніемъ въ могилу. Въ Thezoro Якова де Мезаса можно читать: Herson Fernandez de edad de sesenta anos circunsidado m o r t o s o b r e l a s e p u l t u r a (28 avril 1706).

Филиппъ, однако, относился къ Португальской Инквизиціи и къ ея Главному совѣту съ нескрываемымъ недовѣріемъ и часто поступалъ вопреки ихъ постановленіямъ. И на этотъ разъ король за 240 тыс. дукатовъ далъ евреямъ право эмигрировать вмѣстѣ съ имуществомъ, а также продавать свое недвижимое имущество. Однако, власти неоднократно ставили евреямъ различнаго рода препятствія и фактически не допускали эмигрировать за предѣлы Португаліи, а въ апрѣлѣ 1630 года министръ финансовъ Луисъ де Сильва даже издалъ формальное запрещеніе о выѣздѣ марановъ изъ страны. Но король опять пришелъ на помощь маранамъ, и когда послѣдніе принесли ему жалобу на дѣйствія администраціи и на распоряженіе Луиса де Сильва, Филиппъ въ 1630 г. снова передалъ на разсмотрѣніе особой комиссіи вопросъ объ изгнаніи марановъ изъ Португаліи, а также о тѣхъ мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять для урегулированія положенія марановъ. Хунта высказалась противъ поголовнаго ихъ изгнанія и совѣтовала лишь энергично искоренять ересь, но король по обыкновенію свелъ вопросъ къ денежной сдѣлкѣ и въ 1632 г. обѣщалъ маранамъ полную амнистію. Изъ представленныхъ за періодъ отъ 1621 г. до 1632 г. ходатайствъ марановъ видно, что Инквизиція за это время энергично боролась съ ересью, и что многіе города, какъ, наприм., Коимбра, Опорто, Ламего, Браганца, Эвора, Бежа, Транкосо, Аверо, Виллафлоръ, Ново-Сантаремъ и другіе, совершенно лишились марановъ и превратились въ жалкія мѣстечки, не имѣющія никакого торговаго значенія. Эмиграція въ Испанію была Инквизиціей сильно затруднена, такъ какъ португальскіе трибуналы обращались къ испанскимъ съ просьбой о выдачѣ бѣжавшихъ еретиковъ; послѣдніе, главнымъ образомъ, скрывались въ Голландію, гдѣ могли свободно исповѣдывать еврейскую религію. Мараны обогащали ведущую войну съ Испаніей Голландію, и это обстоятельство особенно озлобляло Инквизицію, которая постоянно указывала Филиппу, какой огромный вредъ мараны приносятъ иностранной, въ частности заморской, торговлѣ Португаліи и Испаніи. Въ 1634 г. капитанъ Эстебанъ де Аресъ Фонсека представилъ Супремѣ докладъ, въ которомъ обвинялъ марановъ въ томъ, что они всячески помогаютъ врагамъ Испаніи, сражаются въ рядахъ голландской арміи и находятся въ перепискѣ съ шпіонами, живущими въ Испаніи подъ видомъ купцовъ. Голландская Вестъ-Индская компанія находится почти всецѣло въ рукахъ евреевъ; главный доходъ компаніи даетъ грабежъ колоній, въ особенности Бразиліи, гдѣ много новохристіанъ, состоящихъ въ перепискѣ съ врагами Испаніи и Португаліи. Вѣдь извѣстно, что голландцы въ 1625 г. овладѣли Багіей въ виду оказанныхъ имъ услугъ двумя багійскими евреями, Нуньо Альваресомъ Франко и Мануэлемъ Фернандесомъ Драго; нынѣ, по словамъ капитана Фонсека, Франко живетъ какъ шпіонъ въ Лиссабонѣ и находится на службѣ у голландскаго правительства, а Драго, живущій въ Багіи, извѣстенъ въ качествѣ раввина и учителя и въ прошломъ году оказалъ большія услуги Голландіи въ качествѣ шпіона. Пернамбуко очутилось въ рукахъ нидерландцевъ благодаря амстердамскимъ евреямъ, выходцамъ изъ Португаліи; руководитель этихъ евреевъ Антоніо Ваэсъ Энрикесъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Когенъ, устроилъ голландскую экспедицію въ Пернамбуко; теперь онъ живетъ въ Севильѣ. Въ прошломъ году онъ прибылъ въ Амстердамъ съ выработаннымъ планомъ, какъ захватить Гавану, гдѣ у него корреспондентъ по имени Мануэль де Торресъ. Нынѣ готовъ флотъ изъ 18 судовъ подъ командой еврея Давида Пейксото, намѣревающагося напасть на Коимбру, уничтожить въ ней Инквизицію и освободить всѣхъ арестованныхъ. Амстердамскій еврей Франсиско де Кампосъ захватилъ островъ Фернандо де Норонья; въ Санъ Себастіанѣ живетъ еврей Аврамъ Геръ, получающій деньги отъ Нидерландовъ; онъ работаетъ надъ тѣмъ, чтобы причинить какъ можно больше зла Испаніи, и у него въ услуженіи находится нѣкто Рафаэль Мендесъ, разъѣзжающій туда и назадъ [1]).

[1]) Lea, «History», III, 279—280.

Такія же донесенія на марановъ поступали и съ другихъ сторонъ. Такъ въ 1640 г. инквизиціонные трибуналы Лимы и Картагены де ласъ Индіасъ пишутъ Супремѣ, что среди еретиковъ они нашли много іудействующихъ марановъ, которые состоятъ въ перепискѣ съ еврейскими общинами Голландіи и Востока, помогая нидерландцамъ и туркамъ деньгами и всякими другими средствами. Быть можетъ, въ связи съ этимъ и находились бывшія ауто-да-фе въ Лиссабонѣ въ 40-хъ годахъ. На ауто-да-фе 6 апрѣля 1642 г. были сожжены заживо 6 человѣкъ, in effigie 4 и 75 были приговорены къ различнымъ другимъ наказаніямъ; 25 іюня 1645 г. были сожжены 11 человѣкъ, 2 in effigie и 61 приговорены къ различнымъ наказаніямъ; на ауто-да-фе 15 декабря 1647 г. было 69 еретиковъ. Остановимся на нѣкоторыхъ деталяхъ послѣдняго ауто-да-фе. Въ іудаизмѣ обвинялась, между прочимъ, донья Маріанна де Маседо или сестра Маріанна де Анхосъ, монахиня изъ Сантарема. Ея дѣдъ и отецъ были вліятельными при дворѣ вельможами; отецъ ея женился на новообращенной Беатрисѣ Гомесъ Раэсъ, дочери капитана инфантеріи Фернандо Гомеса. 11 декабря 1639 г. на Маріанну поступилъ доносъ отъ двухъ служанокъ монастыря: онѣ утверждали, что въ ихъ присутствіи Маріанна объявляла себя еврейкой. На допросѣ мать Маріанны созналась, что она когда-то іудействовала съ своими дочерьми Маріанной и Месіей; послѣдняя была прогнана своимъ мужемъ, старымъ христіаниномъ Альмендой, и исчезла. Маріанна отрицала свое іудейство, и 20 свидѣтелей показали въ ея пользу. Въ 1645 г. одна изъ прислугъ, донесшая на нее, отказалась на смертномъ одрѣ отъ своего обвиненія, тѣмъ не менѣе, Маріанна продолжала томиться въ тюрьмѣ, гдѣ она и умерла 33 лѣтъ отъ роду. Она была признана еретичкой, кости ея были извлечены изъ земли и сожжены согласно постановленію лиссабонскаго трибунала. Такая же участь постигла и Віоланте Нуньесъ. Въ 1640 г. она была арестована по подозрѣнію въ еврейской ереси. Нуньесъ упорно отрицала свою вину; въ 1642 г. она, сидя въ тюрьмѣ, сошла съ ума, въ 1643 году она умерла въ тюрьмѣ отъ «старости и лихорадки». Въ 1647 г. кости ея были извлечены и сожжены, какъ того требовала Инквизиція. Заживо былъ сожженъ Антоніо Роисъ (Родригесъ) Кастелло, купецъ 61 года. Онъ имѣлъ пять дочерей и одного сына, всѣ они были Инквизиціей привлечены къ суду. Кастелло отрицалъ св. Троицу и Св. Дѣву, но считалъ себя христіаниномъ и даже католикомъ; однако, онъ обучалъ дѣтей еврейскимъ обрядамъ. Онъ былъ арестованъ въ 1646 г.; въ слѣдующемъ году тюремное начальство донесло, что онъ постится въ тюрьмѣ, и онъ былъ сожженъ на кострѣ. Наиболѣе замѣчательнымъ еретикомъ ауто-да-фе 15 декабря 1647 г. былъ Исаакъ Кастро изъ Тартаса.

Менассе бенъ Израиль [1]) зналъ его въ Голландіи; онъ говоритъ, что онъ былъ образованный человѣкъ, знавшій латинскій и греческій языки (harto inteligente en las letras Griegas y Latinas), и недоумѣваетъ, какъ онъ попалъ въ Бразилію. Кастро родился въ 1626 г. въ небольшомъ французскомъ городѣ Тартасъ и до открытаго перехода въ іудейство назывался Томасъ Луи. Въ 1640 г. онъ переѣхалъ въ Амстердамъ, подвергся обряду обрѣзанія и былъ названъ Исаакомъ; тогда же былъ обрѣзанъ и отецъ его, получившій имя Авраамъ, мать стала называться Бенвенидой. Исаакъ Кастро учился въ лейденскомъ университетѣ и на дуэли убилъ одного дворянина. Отъ суда онъ бѣжалъ въ Пернамбуко, занятое голландцами; вскорѣ, однако, долженъ былъ скрыться въ португальскія владѣнія. Здѣсь онъ жилъ подъ именемъ Іосифа Лицъ, но, боясь выдачи, явился къ прелату и заявилъ о своемъ еврействѣ. Услышавъ это, прелатъ думалъ, что «предъ нимъ дьяволъ», и сталъ кричать и креститься. Кастро заявилъ, что хочетъ креститься; но въ 1645 г. у него были найдены филактеріи и онъ былъ отправленъ въ Лиссабонъ. Здѣсь онъ объявилъ, что никогда не былъ крещенъ, и что мать, вмѣсто него, крестила какого-то крестьянскаго

[1]) «Esperanza de Israel», passim.

мальчика. Посаженный въ тюрьму, онъ заявилъ, что откажется отъ еврейства лишь въ томъ случаѣ, если ему докажутъ ошибочность этого ученія. Къ нему въ камеру были отправлены два доминиканца и іезуитъ, но они не сумѣли переубѣдить Кастро. Когда былъ поднятъ вопросъ о сожженіи его, то инквизиторы стали сомнѣваться, можно ли его приговорить къ такому наказанію, разъ нѣтъ увѣренности, что онъ былъ крещенъ. Супрема разрѣшила это сомнѣніе, и Кастро, не ѣвшій въ тюрьмѣ мяса изъ-за опасенія, что оно не cacher, и не зажигавшій лампы въ субботній день, погибъ въ огнѣ съ молитвой «Schema Israel» (Слушай Израиль) на устахъ [1]).

Общая картина дѣятельности Инквизиціи за 40-ые годы въ Португаліи была, согласно «Historia dos principaes Actos», такова:

	Сожжены живьемъ.	in effigie.	Приговорены къ другому наказанію.
Лиссабонъ	37	14	341
Эвора	5	9	632
Коимбра	8	36	143
Итого . .	50	59	1116

Въ сравненіи съ 20-ми и 30-ми годами 40-ые годы представляли гораздо болѣе утѣшительную картину какъ по числу жертвъ, такъ и по количеству ауто-да-фе. Несомнѣнно, паденіе дѣятельности Инквизиціи стояло въ связи съ отпаденіемъ въ 1640 г. Португаліи отъ Испаніи и съ провозглашеніемъ первой, въ лицѣ Іоанна IV, самостоятельнымъ королевствомъ. Іоаннъ менѣе испанскихъ королей сочувствовалъ Инквизиціи, и про него испанцы говорили, что онъ въ душѣ безбожникъ, стремящійся уничтожить Инквизицію. Разумѣется, такое мнѣніе не соотвѣтствовало истинѣ, и Іоаннъ лично присутствовалъ даже на нѣкоторыхъ ауто-да-фе, выказывая такимъ образомъ открыто свое сочувствіе сжиганію еретиковъ на кострѣ. Но, съ другой стороны, онъ дѣйствительно противился конфискаціи имущества заподозрѣнныхъ лицъ, находя, что подобный образъ дѣйствій сильно подрываетъ экономическіе интересы страны, которыми онъ гораздо менѣе пренебрегалъ, нежели его предшественники, занимавшіе одновременно испанскій и португальскій троны. Несмотря на это, новохристіане не сочувствовали самостоятельному существованію Португаліи и принимали участіе въ тайныхъ заговорахъ противъ Іоанна IV съ цѣлью объединенія Португаліи съ Испаніей. Крупный коммерсантъ маранъ Педро Баэса былъ казненъ въ 1641 г. за участіе въ одномъ такомъ заговорѣ. Въ связи съ этимъ былъ изданъ рядъ ограничительныхъ законовъ противъ новохристіанъ; имъ, между прочимъ, было запрещено заниматься медициной и аптекарскимъ дѣломъ [2]).

Папа также не признавалъ Іоанна IV королемъ и всецѣло находился на сторонѣ Испаніи, такъ что португальскій король не могъ обратиться къ нему съ просьбой отмѣнить право конфискаціи, которое, согласно каноническимъ законамъ, могло быть уничтожено только Римской Куріей. Іоаннъ нашелъ слѣдующій выходъ изъ этого положенія: заявивъ, что онъ не вмѣшивается въ отправленіе правосудія Инквизиціи, онъ, въ то же время, предоставлялъ обвиняемымъ полную свободу распоряженія конфискованнымъ у нихъ имуществомъ, если только арестованные были католиками. Кромѣ того, онъ запретилъ секвестрацію имущества при арестѣ обвиняемаго до открытія противъ него слѣдствія. Эта милость не была просто дарована Іоанномъ IV: воспользовавшіяся ею лица должны были взять на себя организацію компаніи для веденія торговли съ колоніями въ видахъ обо-

[1]) Cardozo de Bethecourt въ «Revue des Etudes Juives», XLIX; M. Kayserling, «Geschichte der Juden in Portugal», стр. 308—309.

[2]) Kayserling, «Geschichte der Juden in Portugal», 307—308.

гащенія Португаліи, а также построить на свой счетъ 36 военныхъ судовъ для охраны торговаго флота, шедшаго изъ заморскихъ колоній въ Португалію и обратно. Инквизиція увидѣла въ этой мѣрѣ Іоанна IV нарушеніе своихъ привилегій и стала угрожать отлученіемъ отъ Церкви тѣхъ, кто посовѣтовалъ королю издать этотъ законъ; папа Иннокентій X сталъ на сторону Инквизиціи и въ бреве отъ 25 октября 1650 г. высказалъ ей свое сочувствіе. Тѣмъ не менѣе, торговая компанія (Companhia da Bolsa) организовалась и энергично поддерживала торговлю Португаліи съ отдаленными колоніями, оказавъ также помощь португальцамъ въ отвоеваніи у голландцевъ Пернамбуко. Но въ 1656 г. умеръ Іоаннъ IV, и регентша Люсія де Гусманъ, во время малолѣтства Альфонса VI, не только отмѣнила распоряженіе Іоанна IV, но потребовала предоставленія Инквизиціи слѣдуемыхъ ей суммъ съ 1649 г., со времени вступленія въ силу уничтоженія конфискаціи имущества обвиняемыхъ.

Послѣ смерти Іоанна IV число жертвъ Инквизиціи замѣтно увеличивается. «Historia dos principaes Actos» даетъ для 1651—1673 гг. слѣдующую картину.

	Сожжены живьемъ.	in effigie.	Приговорены къ другому наказанію.
Лиссабонъ	68	18	868
Эвора	54	41	2201
Коимбра . . .	62	—	1724
Итого . .	184	59	4793

Въ 1652 г. былъ задушенъ и сожженъ въ Лиссабонѣ Мануэль Фернандесъ де Вилья-Реаль, бывшій въ теченіе многихъ лѣтъ португальскимъ генеральнымъ консуломъ въ Парижѣ. Здѣсь опубликовалъ онъ политическое разсужденіе, въ которомъ превозносилъ герцога Ришелье, между прочимъ, и за то, что онъ, въ противовѣсъ Филиппу II, всегда относился толерантно къ представителямъ иныхъ религіозныхъ взглядовъ. Коммерческія дѣла побудили Вилью-Реаля пріѣхать въ Лиссабонъ. Здѣсь онъ былъ схваченъ Инквизиціей, томился нѣкоторое время въ тюрьмѣ и 1 декабря 1562 г. былъ сожженъ. Кайзерлингъ считаетъ за это время наиболѣе крупными ауто-да-фе 15 декабря 1658 г., когда въ Опорто были привлечены къ отвѣтственности 90 марановъ, и 25 октября 1660 г. въ Коимбрѣ, когда на ауто-да-фе предстало 237 человѣкъ [1]).

Съ послѣдней четверти XVII вѣка начинаются наиболѣе значительныя по количеству обвиняемыхъ ауто-да-фе, изъ которыхъ нѣкоторыя продолжались два дня, а въ Коимбрѣ въ февралѣ 1677 года ауто заняло цѣлыхъ три дня: къ сожженію были приговорены 9 человѣкъ, а къ другимъ наказаніямъ 264 [2]). Самое большое ауто-да-фе въ Португаліи происходило 10 мая 1682 г. [3]). Матеріалъ для обвиненія былъ въ изобиліи, такъ какъ всѣ лица, въ жилахъ которыхъ даже въ самой отдаленной степени текла еврейская кровь, признавались новообращенными, въ глубинѣ души преданными еврейству. Хотя между маранами и настоящими христіанами часто происходили браки, но это нисколько не служило къ уменьшенію степени еврейскаго происхожденія марановъ: наоборотъ, это вовлекало въ кругъ преступниковъ все новые и новые элементы, такъ что вскорѣ почти вся Португалія была въ подозрѣніи у Инквизиціи, а въ глазахъ иностранцевъ, какъ утверждалъ Віэйра, всѣ португальцы были евреями [4]). Въ 1673 г. новохристіане вступили съ правительствомъ въ переговоры по поводу изданія амнистіи и измѣненія правилъ инквизиціоннаго судопроизводства; они предлагали за это дать въ

[1]) Op. cit., 313.
[2]) Lea, «History», III, 283.
[3]) Kayserling, «The Jewish Quarterly Review», 1902.
[4]) Lea, «History», III, 283.

распоряженіе правительства въ теченіе года четыре тысячи солдатъ для Индіи и обѣщали ежегодно также 1200 воиновъ, а въ годъ войны 1500; они, кромѣ того, обязывались платить ежегодный налогъ въ 20 тыс. крузадо, помимо разныхъ другихъ повинностей и платежей. Предложеніе это было очень заманчиво, и португальское правительство серьезно стало его обсуждать, тѣмъ болѣе, что среди іезуитовъ, профессоровъ университета въ Коимбрѣ и другихъ вліятельныхъ лицъ нашлось немало людей, поддерживавшихъ ходатайство марановъ. Инквизиція, однако, энергично протестовала противъ этого проекта, заявивъ, что опытъ доказалъ, будто амнистія лишь увеличиваетъ ересь, и что только строгія мѣры въ состояніи искоренить зло. Регенту стали угрожать народнымъ бунтомъ въ случаѣ удовлетворенія желанія марановъ; указывалось также и на то, что папа не допуститъ такого умаленія авторитета Инквизиціи, и что ему должно быть предоставлено послѣднее слово въ этомъ вопросѣ.

Въ 1674 г. Римской Куріи было предложено высказаться по поводу ходатайства марановъ. Защитники послѣднихъ, ссылаясь на показанія священниковъ, присутствующихъ при послѣднихъ минутахъ осужденныхъ, доказывали, что Португальская Инквизиція часто приговариваетъ къ смерти настоящихъ католиковъ, являющихся жертвами злыхъ и преступныхъ доносчиковъ, образовавшихъ цѣлые союзы съ цѣлью вымогательства и готовыхъ за отказъ отъ денегъ посылать на эшафотъ даже близкихъ людей. Такъ, въ 1673 г. въ Эворѣ были приговорены къ сожженію двѣ монахини; изъ нихъ одна въ теченіе 40 лѣтъ жила въ монастырѣ и отличалась благочестіемъ и религіозностью; она въ тюрьмѣ и предъ самымъ ауто-да-фе повторяла, что не знаетъ за собою никакой вины, и ея духовникъ былъ тронутъ ея набожностью и искренностью ея заявленій. Во время процессіи къ мѣсту ауто-да-фе она замѣтила среди обвиняемыхъ свою родную сестру и племянницъ: онѣ спасли свою жизнь цѣною доноса на монахиню. Умирая, святая монахиня простила доносчицъ и испустила духъ, оставаясь вѣрной Христу и Его любви къ людямъ. Можно было бы привести, по словамъ защитниковъ марановъ, множество подобнаго рода примѣровъ: враги Инквизиціи особенно подробно останавливались на вредѣ отъ секвестраціи имущества подозрѣваемыхъ въ ереси и конфискаціи осужденныхъ. Эта сторона дѣятельности Инквизиціи подрываетъ, по ихъ словамъ, окончательно иностранную торговлю, такъ какъ заграничные купцы постоянно рискуютъ, что ихъ товаръ или ихъ должники очутятся въ рукахъ Инквизиціи, и они потеряютъ возможность получить слѣдуемыя имъ деньги. Доводы эти сильно повліяли на Римскую Курію, и 3 октября 1674 года Климентъ X опубликовалъ бреве, въ силу котораго всѣ дѣла о еретикахъ должны были быть отправлены въ Римъ, и отнынѣ ни одинъ инквизиторъ, не исключая и Великаго инквизитора, не имѣлъ права, подъ страхомъ устраненія отъ должности и другихъ наказаній, преслѣдовать еретиковъ въ Португаліи и привлекать ихъ къ отвѣтственности предъ инквизиціонными трибуналами. Инквизиція Коимбры истолковала бреве какъ амнистію, и 18 ноября 1674 г. освободила изъ тюремъ всѣхъ арестованныхъ; это было неправильнымъ примѣненіемъ бреве, и въ 1676 г. папа Иннокентій XI разъяснилъ, что начатые процессы могутъ быть доведены до конца, но что инквизиторы не должны выносить ни смертныхъ приговоровъ, ни конфискаціи имущества, ни вѣчныхъ каторжныхъ работъ. Инквизиція протестовала противъ этого отношенія Куріи къ маранамъ, устроивъ своего рода бойкотъ: она воздерживалась отъ публичныхъ ауто-да-фе, и въ «Historia dos principaes Actos» мы за періодъ отъ 1674 г. до 1682 г. находимъ лишь частныя ауто-да-фе, на которыхъ обычно было по одному лишь обвиняемому.

Находившіеся въ Римѣ агенты Инквизиціи отрицали предъявленныя послѣдней обвиненія и старались показать, что она никогда не произносила несправедливыхъ приговоровъ. Чтобы убѣдиться, какая изъ сторонъ права, папа Иннокентій потребовалъ изъ Лиссабона присылки нѣкоторыхъ процессовъ, закончившихся смертнымъ приговоромъ

negativos, т.-е. еретикамъ, отрицающимъ свою вину. Великій инквизиторъ Вериссимо де Ленкастре, архіепископъ Браги, отказывался, однако, привести въ исполненіе требованіе Рима на томъ основаніи, что судопроизводство Инквизиціи является тайной, нарушенія которой онъ не можетъ взять на свою совѣсть. Папа нашелъ отвѣтъ Великаго инквизитора неудовлетворительнымъ и пригрозилъ ему наказаніемъ, если онъ немедленно не пришлетъ требуемаго матеріала. Въ виду упорства Вериссимо де Ленкастре папа, послѣ повторныхъ напоминаній, опубликовалъ 24 декабря 1678 г. бреве, коимъ приказывалось въ теченіе 10 дней представить лиссабонскому нунцію Марчелло 4-5 дѣлъ о еретикахъ; въ случаѣ неповиновенія Великій инквизиторъ, равно какъ и всѣ его подчиненные, будутъ считаться устраненными отъ своихъ должностей. Если же они будутъ продолжать исполнять свои обязанности, то Великому инквизитору будетъ воспрещенъ входъ въ Церковь, а на другихъ инквизиторовъ будетъ наложена анаѳема, снять которую можетъ только одна Римская Курія. Обыкновенные епископы займутъ мѣста инквизиторовъ и будутъ судить еретиковъ, пользуясь тѣми же полномочіями, какими раньше пользовались служители Инквизиціи. Повидимому, и это бреве не сломило упорства Вериссимо де Ленкастре, такъ какъ папа вынужденъ былъ 27 мая 1679 года еще разъ напомнить своему нунцію о рѣшеніи Куріи устранить Великаго инквизитора, начать противъ него слѣдствіе и не допускать нарушенія воли Римскаго престола. При такой рѣшительности со стороны папы Великій инквизиторъ долженъ былъ уступить: онъ отправилъ на имя португальскаго посла въ Римъ два процесса о еретикахъ. Но папа считалъ это недостаточнымъ, и временное устраненіе Вериссимо было отмѣнено лишь въ 1681 году—и то подъ условіемъ, если будутъ сдѣланы извѣстныя измѣненія въ инквизиціонномъ судопроизводствѣ, хотя и не въ такомъ размѣрѣ, какъ было желательно маранамъ. Такъ, впервые за многія десятилѣтія Инквизиція должна была склониться предъ волей Рима, выступившаго въ защиту болѣе мягкаго отношенія къ еретикамъ-маранамъ. Пораженіе Инквизиціи ослабило ея дѣятельность; и хотя въ началѣ 1682 г. были устроены грандіозныя празднества по поводу прекращенія конфликта съ Римомъ и возможности вновь начать торжественныя сожженія во славу чистоты католической вѣры, тѣмъ не менѣе, Инквизиція не забыла этого удара и послѣдніе годы XVII вѣка, какъ это видно изъ «Historia dos principaes Actos», давали меньшее число жертвъ. Однако, 1682 и 1683 годы представляли въ этомъ отношеніи печальное исключеніе: въ 1682 г. состоялось въ Лиссабонѣ самое большое ауто-да-фе, какое когда-либо имѣло мѣсто въ Португаліи, а въ 1683 г. изданъ былъ законъ, въ силу котораго «евреи», подъ страхомъ смерти и потери имущества, должны были покинуть Португалію и ея колоніи; дѣти моложе 7 лѣтъ должны были остаться въ странѣ для полученія истинно католическаго образованія [1]).

Картина дѣятельности Инквизиціи за 1681—1700 годы такова:

	Сожжены живьемъ.	in effigie.	Приговорены къ другому наказанію.
Лиссабонъ	12	12	422
Эвора	8	18	366
Коимбра	39	31	563
Итого . .	59	61	1351

Для Испанской Инквизиціи почти столѣтнее объединеніе подъ скипетромъ одного короля Испаніи и Португаліи было источникомъ необыкновенно обильной дѣятельности, направленной противъ марановъ, сильно уменьшившихся въ теченіе второй половины

[1]) Кайзерлингъ приводитъ текстъ этого закона, op. cit., 355—356.

XVI вѣка въ Испаніи. Теперь португальскіе мараны стали пополнять значительно порѣдѣвшіе ряды преступныхъ еретиковъ, и Инквизиція устроила тщательный надзоръ надъ поселявшимися въ Испаніи португальскими новообращенными; особенно энергично выслѣживала она такъ называемыя португальско-еврейскія общины, т.-е. группы іудействующихъ, эмигрировавшихъ изъ Португаліи и жившихъ въ Испаніи общей жизнью, общими интересами. Въ 1651 г. въ Толедо было устроено ауто-да-фе, участниками котораго были члены подобной общины: было сожжено 32 человѣка живьемъ и 30 in effigie. На большомъ ауто-да-фе 1660 г. въ Севильѣ было 37 человѣкъ изъ общины Осуны и 8 изъ Утреры. Въ 1679 г. Симонъ Муньосъ изъ Пастраны заявилъ толедскому трибуналу, что въ Пастранѣ имѣется община изъ 29 іудействующихъ португальцевъ; почти всѣ они предстали 21 декабря 1680 г. на ауто-да-фе. Повидимому, община эта долго просуществовала, такъ какъ Марія Энрикесъ, 60 лѣтъ отъ роду, заявила, что она прибыла изъ Лиссабона въ Испанію совершенно молодой вмѣстѣ со своими родственниками и все время прожила въ этой общинѣ [1]). Подобная община была открыта въ небольшомъ городкѣ Беринъ (въ Оренсе); трибуналъ въ Сантъ-Яго привлекалъ къ суду между 1676 г. и 1678 г. членовъ этой общины; двое изъ нихъ, Балтасаръ Лопесъ Кардосо и его двоюродный братъ Феликсъ Лопесъ, были живьемъ сожжены въ 1680 г. на мадридскомъ ауто-да-фе. И беринская община просуществовала долгое время: одинъ изъ обвиняемыхъ въ 1677 г. Антоніо Лопесъ говорилъ, что онъ родился уже въ Беринѣ и имѣлъ отъ роду 32 года, когда былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Въ 1656 г. трибуналу въ Куэнкѣ удалось арестовать 13 человѣкъ, входившихъ въ составъ португальско-еврейской общины небольшого городка Баэсъ (провинція Хаэнъ); показаніями арестованныхъ были скомпрометированы еще девять человѣкъ. Въ апрѣлѣ 1656 г. трибуналъ Куэнки распорядился объ ихъ арестѣ, но оказалось, что они еще въ февралѣ бѣжали изъ Баэса, оставивъ свое имущество на произволъ судьбы. За ними была устроена погоня, не приведшая ни къ какимъ результатамъ, и на ауто-да-фе 1660 г. въ Севильѣ они были сожжены in effigie. Въ 1671 г. нѣкоторые изъ бѣжавшихъ поселились въ Испаніи, гдѣ жили подъ чужимъ именемъ, но въ 1677 г. инквизиторы напали на ихъ слѣдъ, и они были арестованы—черезъ 17 лѣтъ послѣ того, какъ были сожжены in effigie въ Севильѣ. Въ 1679 г. они были приговорены къ вѣчному тюремному заключенію и ношенію санбенито; Анна Энрикесъ не могла переносить мучительной жизни тюрьмы и вскорѣ впала въ меланхолію, отъ которой не могла излѣчиться. Еще печальнѣе была участь жены Франсиско Палоса, Изабеллы изъ Сіудадъ-Родриго. Она была въ 1698 г. привлечена въ Вальядолидѣ къ инквизиціонному суду, но вина ея не была обнаружена, и Изабелла была освобождена. Въ 1621 г. и въ 1626 г. она была арестована въ Льеренѣ 1653 г. и 1655 г. въ Куэнкѣ, а въ 1665 г. въ Толедо; здѣсь она трижды подвергалась пыткѣ и въ 1670 г., будучи 84 лѣтъ отъ роду, скончалась въ тюрьмѣ, проведши въ разныхъ инквизиціонныхъ тюрьмахъ около 18 лѣтъ. Она была сожжена въ Толедо in effigie [2]).

Городъ Сіудадъ-Родриго, откуда была родомъ Изабелла, причинилъ Инквизиціи много хлопотъ. Въ 1647 г. нѣкто Хуанъ дель Серро изъ Сіудадъ-Родриго былъ арестованъ и заключенъ въ королевскую тюрьму въ Вальядолидѣ. Движимый желаніемъ скорѣе освободиться, онъ донесъ Инквизиціи, будто въ Сіудадъ-Родриго имѣется небольшая еврейско-португальская община, собирающаяся каждую пятницу въ домѣ предсѣдателя общины Пабло де Эррера, состоящаго казначеемъ арміи, расположенной на португальской границѣ; въ его домѣ евреи будто совершаютъ еженедѣльно различнаго рода святотатства, а на Святой сожигаютъ образъ Христа и Святой Дѣвы. Подъ вліяніемъ этого доноса Инквизи-

[1]) Lea, «History», III, 299—300.

[2]) «Catálogo de las causas seguidasas ante el Tribunal de Toledo», Мадридъ, стр. 212.

ція произвела въ Сіудадъ-Родриго рядъ арестовъ, и до 1651 г. тянулся судъ надъ виновниками мнимаго святотатства. Арестованные подвергались пыткѣ. Отцы, дѣти, братья и сестры показывали другъ противъ друга, получилась масса противорѣчивыхъ и ложныхъ данныхъ; повидимому, никто, однако, не попалъ въ категорію упорствующихъ еретиковъ: поэтому не было ни одного смертнаго приговора. Показанія Хуана дель Серро оказались ни на чемъ неоснованными, трибуналъ не обнаружилъ никакихъ святотатственныхъ дѣйствій и ограничился штрафомъ общины въ размѣрѣ 3700 дукатовъ. Самъ Хуанъ дель Серро ничего не выигралъ отъ своего доноса: если онъ и не былъ наказанъ за ложныя показанія, то, съ другой стороны, онъ въ 1651 г. былъ обратно отправленъ въ Вальядолидъ, гдѣ долженъ былъ предстать предъ свѣтскимъ судомъ по обвиненію въ преступленіи, за которое былъ арестованъ въ 1647 году.

Отъ арестованныхъ, повидимому, часто исходили доносы. Такъ, въ 1642 году какой-то арестантъ въ Галисіи выдалъ галисійскому трибуналу іудействующаго Антоніо Лопеса изъ Мансанеды де Трибесъ. Трибуналъ немедленно извѣстилъ вальядолидскую Инквизицію объ этомъ показаніи, прося ареста виновнаго іудея. Въ Вальядолидѣ дѣйствительно нашелся какой-то Антоніо Лопесъ, который и былъ арестованъ. Онъ отрицалъ свою вину и заявлялъ, что никогда не сочувствовалъ іудаизму; судъ тянулся около 20 мѣсяцевъ и закончился голосованіемъ in discordia, т.-е. отсутствіемъ единогласнаго постановленія. Дѣло было отправлено Супремѣ, которая распорядилась о производствѣ дополнительнаго слѣдствія, во время котораго выяснилось, что названный Антоніо Лопесъ никогда не жилъ въ Мансанедѣ де Трибесъ. Былъ назначенъ новый судъ, голосованіе котораго опять носило тотъ же характеръ discordia. Супремѣ пришлось вторично приказать устроить новое слѣдствіе и новый судъ; но и въ третій разъ трибуналъ не вынесъ окончательнаго рѣшенія, и Супрема потребовала ареста другого Антоніо Лопеса, художника, жившаго въ Санабріи. Въ декабрѣ 1645 г. онъ былъ арестованъ, но безъ труда доказалъ, что онъ настоящій католикъ, въ жилахъ котораго нѣтъ ни капли еврейской крови, и что онъ постоянно соблюдалъ обряды католической религіи. И по отношенію къ этому Антоніо Лопесу трибуналъ не могъ прійти къ единогласному рѣшенію, и онъ былъ подвергнутъ пыткѣ по приказанію Супремы. Пытка не дала никакихъ результатовъ, и 14 іюля 1646 г. Супрема распорядилась примирить обоихъ Лопесовъ съ Церковью послѣ того, какъ одинъ просидѣлъ въ тюрьмѣ 4 года, а другой навсегда остался изувѣченнымъ отъ перенесенной въ тюрьмѣ пытки. Оба они пострадали за то, что имѣли несчастіе называться Антоніо Лопесъ—именемъ, которымъ арестованный, желая освободиться изъ тюрьмы, назвалъ, быть можетъ, не существующаго іудействующаго еретика. Такого рода ошибки происходили, повидимому, далеко не рѣдко, и Ли нашелъ въ анналахъ той же вальядолидской Инквизиціи около этого же времени подобный вышеописанному эпизоду случай. По приказу трибунала Куэнки 4 октября 1648 года вальядолидскій инквизиціонный судъ арестовалъ нѣкоего Гаспара Родригеса; черезъ годъ выяснилось, что Родригесъ не есть тотъ преступникъ, котораго имѣлъ въ виду арестовать куэнкскій трибуналъ [1]). Ошибки были тѣмъ болѣе неизбѣжны, что Инквизиція арестовывала португальскихъ выходцевъ по самому вздорному подозрѣнію или доносу. Такъ, въ Овіедо двѣ женщины передали инквизитору Педро Муньосу, пріѣхавшему въ 1619 г. на ревизію въ Овіедо, что въ Бенавенте живетъ нѣкая Люсія Нуньесъ, родомъ изъ Португаліи, одѣвающая по субботамъ чистое бѣлье. Вальядолидская Инквизиція занялась вслѣдствіе этого дѣломъ Люсіи Нуньесъ, но не рѣшалась возбудить противъ нея процесса; 17 августа 1621 г. Супрема приказала арестовать ее и секвестровать ея имущество. 30 октября Люсія была заключена въ вальядолидскую тюрьму. Во время допроса выяснилось, что она нѣсколько разъ въ недѣлю мѣ-

[1]) «History», III, 296.

няетъ бѣлье, а когда кормила грудью ребенка, то мѣняла даже ежедневно свое бѣлье. Она постоянно считала себя и продолжаетъ себя считать вѣрной католичкой и изъ всѣхъ обвинительныхъ пунктовъ она признаетъ правдой лишь то, что она родилась въ Португаліи, хотя мать и отецъ ея были испанцами и не имѣли ни капли еврейской крови въ своихъ жилахъ. Показанія эти судъ призналъ не достаточными, и Люсія Нуньесъ продолжала сидѣть въ тюрьмѣ до 15 марта 1622 года, когда трибуналъ постановилъ освободить ее изъ заключенія и вернуть ей секвестрованное имущество.

При такихъ преслѣдованіяхъ со стороны Инквизиціи мараны, естественно, должны были принимать крайнія мѣры предосторожности, чтобы какъ-нибудь не выдать себя или, вѣрнѣе, своего сочувствія іудаизму. Нѣкто Гаспаръ де Кампосъ, одинъ изъ группы открытыхъ въ Пастранѣ іудеевъ, въ связи съ упомянутымъ уже нами арестомъ Симона Муньоса, описываетъ жизнь португальскихъ новообращенныхъ, составлявшихъ тайную общину Пастраны. По его словамъ, женщины умышленно сидѣли долго по субботнимъ днямъ за столомъ, притворяясь, что онѣ занимаются пряжей и тканьемъ; въ постъ христіанская прислуга получала отпускъ и посылалась къ своимъ друзьямъ; въ ея отсутствіи въ посуду бросали разныя крошки, а ложки вымазывались жиромъ; когда возвращалась прислуга, хозяева говорили, что приглашены куда-то къ ужину и потому не могутъ ужинать дома. Въ разговорѣ соблюдалась строжайшая осторожность; дѣти ничего не знали о іудействѣ и не были посвящены въ интересы своихъ родителей; ихъ обычно отдавали на воспитаніе католикамъ, и мараны стремились, чтобы посторонніе лица внушили имъ первыя понятія о іудаизмѣ. Такъ, Педро Нуньесъ Маркесъ, судившійся къ 1679 г. въ Мадридѣ, показалъ на судѣ, что первымъ учителемъ его въ іудействѣ была Марія Пинто въ Виллафлорѣ (Португалія); когда онъ вернулся къ своимъ родителямъ, то въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ скрывалъ, что онъ еврей, а когда, наконецъ, рѣшился сказать объ этомъ своей матери, то узналъ, что она и отецъ его—евреи. У нихъ было 8 дѣтей; онъ показалъ, что всѣ они евреи, но ничего опредѣленнаго не можетъ сказать о нихъ, такъ какъ всѣ они, за исключеніемъ трехъ сестеръ, крайне осторожны, ведутъ замкнутый образъ жизни и не вступаютъ съ нимъ въ разговоръ. Съ другой стороны, мараны точно соблюдали всѣ католическіе обряды: посѣщали мессу, исповѣдывались, причащались и т. д., ограничивая еврейскіе обряды минимумомъ. У нихъ не было ни раввиновъ, которые разрѣшали бы спорные вопросы, ни рѣзниковъ (шохатимъ), которые рѣзали бы скотъ и дичь по еврейскому обряду, ни моэлимъ, которые совершали бы актъ обрѣзанія надъ новорожденными мальчиками; лишь наиболѣе ревностные изъ марановъ, полагающіе, что безъ обрѣзанія они не могутъ считаться евреями, отправлялись въ южную Францію или Италію, чтобы подвергнуться тамъ этому обряду [1]). Въ видахъ избѣжанія преслѣдованія они ѣли свинину, не соблюдали еврейскихъ предписаній о пищѣ и рѣдко постились. Въ концѣ концовъ, ихъ іудаизмъ сводился къ тому, что они моютъ руки предъ обѣдомъ, тихо молятся Богу и зажигаютъ свѣчи въ пятницу вечеромъ,—но обыкновенно лишь одну свѣчу, которой они не тушатъ. Они стремятся также соблюдать субботній отдыхъ, но это имъ не всегда удается. На судѣ 1679 г. въ Мадридѣ Ангела Нуньесъ Маркесъ заявила, что Анна де Ніебесъ и Марія де Мурсія учили, будто Моисеева религія требуетъ лишь соблюденія субботняго отдыха и поста въ теченіе 24 часовъ, когда нельзя ничего не только ѣсть, но и пить; Ангела Нуньесъ Маркесъ глубоко вѣрила своимъ учительницамъ, но изъ страха предъ Инквизиціей она въ теченіе 20 лѣтъ, проведенныхъ ею въ Пастранѣ, соблюдала субботу лишь 15 разъ. Представшая на ауто-да-фе 1680 г. въ Мадридѣ вмѣстѣ съ Анге-

---

[1]) Мы выше (стр. 251) видѣли, что нерѣдко такое обрѣзаніе совершалось не совсѣмъ правильно и тамъ, гдѣ открыто исповѣдывалась еврейская религія, этотъ обрядъ не признавался, и евреи подвергали себя вторичному обрѣзанію.

лой преступница Изабелла Мендесъ Корреа созналась, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, серьезно заболѣвъ, она дала обѣтъ соблюдать по выздоровленіи субботній отдыхъ и зажигать въ пятницу свѣчи. Обѣтъ этотъ былъ вызванъ тѣмъ, что она считала причиною своей болѣзни нарушеніе этихъ двухъ обрядовъ, составлявшихъ сущность іудаизма. Такимъ образомъ,—говоритъ Ли,—іудаизмъ въ Испаніи и Португаліи, повидимому, выродился лишь въ соблюденіе субботняго отдыха и нѣкоторыхъ случайныхъ постовъ, въ надежду, что спасеніе заключается въ законахъ Моисея, а также въ отрицаніе Христа и Его ученія [1]). Что суббота дѣйствительно соблюдалась многими маранами, видно и изъ отчета ауто-да-фе 1610 г. въ Логроньо [2]). Изъ шести новохристіанъ подвергшихся ауто-да-фе четверо обвинялись въ томъ, что соблюдали субботу, мѣняли въ этотъ день рубаху и воротникъ и одѣвали лучшее верхнее платье (guardában los sabados y en ellos se ponian comizas y cuellos limpios y mejores vestidos y hacian otras ceremonias de la ley de Moisen); другіе два новохристіанина пострадали за то, что одинъ пѣлъ святотатственную пѣсню, что Мессія не пришелъ, а другой 25 лѣтъ тому назадъ былъ іудействующимъ евреемъ (Judio judaizante).

Несмотря на то, что португальскіе мараны всячески скрывали свое сочувствіе іудаизму, они во всѣхъ ауто-да-фе XVII вѣка составляли очень значительный процентъ. Такъ, на ауто-да-фе 2 декабря 1625 г. въ Кордовѣ заживо были сожжены: Леонора де Авила, упорствующая въ іудаизмѣ, родомъ изъ Эсихи; она одна родилась въ Испаніи, остальные четыре сожженныхъ были португальцами: Антоніо Лопесъ и его жена Грасіа Гарсіа были упорствующими іудеями, учителями ереси и рецидивистами; въ томъ же была обвинена и Гіомаръ Лопесъ, а Мануэль Лопесъ, сынъ Антоніо и Грасіи, соблюдалъ всѣ еврейскіе обряды и церемоніи, отрицалъ христіанство и утверждалъ, что существуетъ лишь Богъ Авраама, Исаака и Іакова; когда ему было предложено отречься отъ своихъ ошибокъ, онъ отвѣтилъ, что идетъ по пути истины, и что всѣ остальные люди идутъ по ошибочному пути. Онъ былъ настолько испорченъ, и діаволъ такъ овладѣлъ его душой, что онъ отказывался сознаться въ ереси даже въ тотъ моментъ, когда его ногъ коснулось уже пламя: онъ не былъ мученикомъ ложнаго закона, а сатаны [3]). На томъ же ауто-да-фе въ Кордовѣ были примирены съ Церковью in statua 17 человѣкъ, обвинявшихся въ іудейской ереси; о 12 изъ нихъ говорится, что они были родомъ изъ Португаліи. Изъ явившихся на это же ауто-да-фе 52 человѣкъ 47 обвинялись въ іудаизмѣ, при чемъ почти о всѣхъ упоминается, что они родомъ изъ Португаліи [4]). На ауто-да-фе 21 декабря 1627 г. въ Кордовѣ было также много португальскихъ марановъ: свыше 50 человѣкъ были приговорены къ различнымъ срокамъ тюремнаго заключенія, изъ 13 преступниковъ, сожженныхъ in effigie и statua, большинство было португальцами, а изъ приговоренныхъ къ сожженію живьемъ четырехъ человѣкъ двое были родомъ изъ Португаліи [5]). Въ Кордовѣ отъ 1655 г. до 1700 г. на публичныхъ ауто-да-фе были приговоро-

---

[1]) «History», III, 302.

[2]) Relación del auto de fe que se hizo en la ciudad de Logroño en 1610 (MS. penes me, помѣщаемъ иллюстрацію).

[3]) Gaspar Matute i Luquin (псевдонимъ), «Coleccion de los autos generales i particulares de Fé celebrados por el Tribunal de la Inquisicion de Córdoba», безъ даты (читай—1839); Кордова.

[4]) Gaspar Matute i Luquin, op. cit.

[5]) Живьемъ были сожжены: Антоніо Гутіересъ и его жена Марія Нунесъ, Франсиска Лопесъ и Марія де Лосъ Санктосъ; обѣ послѣднія были изъ Португаліи. О всѣхъ сожженныхъ говорилось, что они евреи, соблюдающіе законъ Моисея съ его церемоніями (todos estos eran Judios obseruantes de la Ley de Moysen con sus ceremonias): они закутываютъ своихъ покойниковъ въ новый саванъ, постятся въ еврейскіе посты, въ частности въ судный день (Ayunto del dia grande), соблюдаютъ субботу, въ пятницу вечеромъ одѣваютъ чистое платье и

рены къ сожженію (заживо и in effigie) 399 человѣкъ, изъ нихъ за іудаизмъ 324,—и огромное большинство послѣднихъ принадлежало къ португальскимъ выходцамъ, такъ какъ въ Испаніи, какъ мы уже упомянули, іудаизмъ почти совершенно заглохъ и не давалъ болѣе пищи Инквизиціи. Въ Толедо за періодъ отъ 1651 г. до 1700 г. были приговорены на публичныхъ ауто-да-фе къ различнымъ наказаніямъ 855 человѣкъ, изъ нихъ 556 за іудейскую ересь. Въ Севильѣ 14 декабря 1622 г. на ауто-да-фе явилось 140 человѣкъ; 11 апрѣля 1660 г. 80 евреевъ тамъ же были приговорены къ различнымъ наказаніямъ, причемъ 7 были сожжены живьемъ, а 30 in effigie. Изъ 47 преступниковъ, явившихся на севильское ауто-да-фе 30 ноября 1722 г., 42 было іудействующихъ, причемъ 4 были живьемъ сожжены. 31 января 1723 г. въ той же Севильѣ было сожжено живьемъ 12 евреевъ; всего было приведено на ауто-да-фе 114 человѣкъ, изъ которыхъ 54 обвинялись въ принадлежности къ іудейству. Много жертвъ, и опять такъ преимущество изъ среды іудействующихъ, давала Гранада. Такъ, 30 ноября 1721 г. были привлечены за «еврейскую ересь» (hereges judaizantes) 118 человѣкъ, изъ нихъ Нуньо Альвареeъ 71 года, его жена Беатриса Фонеска 69 лѣтъ, ихъ сынъ Педро Альваресъ Перейра 42 лѣтъ; родственница ихъ Энрика Альваресъ Нуньесъ 69 лѣтъ, Матео де ла Роса, контадоръ табачнаго производства 60 лѣтъ, Анна Нуньесъ 67 лѣтъ и еще 2 человѣка были сожжены in effigie. Живьемъ были сожжены, какъ іудействующіе рецидивисты, Изабелла Альбукерке 47 лѣтъ, Габріелла де Торресъ 70 лѣтъ, ея сестра Анна Галарса 66 лѣтъ, Марія Александра Родригесъ 90 лѣтъ и еще 8 человѣкъ. Остальные подвергались менѣе тяжелымъ наказаніямъ [1]). Изъ мадридскихъ ауто-да-фе слѣдуетъ упомянуть большое, торжественное ауто-да-фе 1680 г., устроенное по случаю пріѣзда въ Мадридъ жены Карла II, французской принцессы. На ауто-да-фе предстало 86 обвиняемыхъ; кромѣ того, были доставлены 34 преступника in effigie. Іудействующихъ было 54 человѣка; кромѣ того, всѣ 34 in effigie были іудействующіе. Живьемъ должны были быть сожжены 21 человѣкъ, но въ послѣдній моментъ двое изъ подлежащихъ смерти умоляли о пощадѣ и каялись; смертная казнь была замѣнена вѣчнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Сожжено было 18 іудействующихъ и одинъ мавръ [2]). Среди іудействующихъ было четыре француза: родомъ изъ Португаліи, они бѣжали отъ Инквизиціи въ Бордо, а затѣмъ по нѣкоторымъ дѣламъ отправились въ Мадридъ и были схвачены Инквизиціей. То были: Мануэль Діасъ Сардо изъ Эстремоса (Португалія); Хуанъ Ибанесъ изъ Пейрегорада (Франція), родители котораго были португальцами; Самуилъ Родригесъ Пенамакоръ, пріѣхавшій въ Мадридъ изъ Бидаша (Франція), и Луисъ Сарабіа, родившійся въ Бордо. Изъ нихъ огню былъ преданъ Луисъ Сарабіа [3]).

Къ этому времени относится также поголовное привлеченіе къ инквизиціонному трибуналу новохристіанъ острова Майорки. Португальскіе мараны не селились на Майоркѣ, и пострадавшіе принадлежали исключительно къ мѣстнымъ новообращеннымъ. До 1678 г. на островѣ господствовала сравнительная вѣротерпимость, и Инквизиція послѣ усиленной дѣятельности въ концѣ XV вѣка (отъ 1488 г. до 1491 г. она примирила съ Церковью около 600 чел.) и не менѣе энергичнаго преслѣдованія іудействующихъ приблизительно

зажигаютъ свѣчи, ѣдятъ лишь обезкровленное мясо, избѣгаютъ ветчины, заячьяго мяса и рыбы безъ чешуи и исполняютъ другія предписанія Моисеева закона. Объ этомъ ауто-да-фе имѣются подробности у М. Шваба, «Revue des Etudes Juives», XXX, 94—100.

[1]) Архивный матеріалъ изъ барселонскаго архива короны Арагоніи: «Autos particulares de fé».

[2]) Это ауто-да-фе подробно описано Фридолиномъ Гоффманомъ въ «Geschichte der Inquisition», Bonn, 1878, I, 427—470.

[3]) T. Malvezin, «Histoire des Juifs à Bordeaux», 1875, 139—145.

до 1535 года (за это время были присоединены къ Церкви 164 человѣка, сожжены заживо 99 и in effigie 460) мало-по-малу стала оставлять островъ въ покоѣ и перестала интересоваться его судьбой, такъ что въ 1549 г. въ трибуналѣ оставались вакантными мѣста фискала и пріемщика конфискацій. Мараны пользовались бездѣятельностью Инквизиціи и стали болѣе открыто соблюдать многіе изъ еврейскихъ религіозныхъ обрядовъ [1]). Въ 1678 г. до Инквизиціи дошло, что мараны Майорки устроили за городомъ синагогу; тайное слѣдствіе подтвердило это обвиненіе, и въ 1679 г. 219 человѣкъ было присоединено къ Церкви на ауто-да-фе; майоркскіе мараны не отличались, видимо, готовностью мученически страдать за свои убѣжденія, всѣ они сознались въ своихъ преступленіяхъ и умоляли о пощадѣ. Никто изъ нихъ не былъ сожженъ, но все имущество общины было конфисковано Инквизиціей, представившей королю отчетъ о размѣрѣ конфискованнаго въ суммѣ 1496276 пезо, что, вѣроятно, было гораздо ниже дѣйствительной стоимости, такъ какъ Инквизиція обыкновенно представляла свѣтской власти фиктивныя цифры. Этимъ не ограничились страданія майоркскихъ марановъ. За попытку нѣкоторыхъ изъ нихъ бѣжать въ Англію начались новые аресты, закончившіеся 4 публичными ауто-да-фе въ 1691 г. Въ общемъ 37 человѣкъ были приговорены къ сожженію (34 раньше были задушены, а потомъ сожжены), 8 были сожжены in effigie (4 бѣжали, а 4 умерли въ тюрьмѣ), 15 были примирены съ Церковью, 3 in effigie примирены, а 24 отдѣлались лишь денежными штрафами и abjuratio de levi.

Къ концу XVII вѣка стало замѣчаться нѣкоторое уменьшеніе числа преступныхъ евреевъ; явилось ли такое уменьшеніе результатомъ энергичной дѣятельности Инквизиціи въ теченіе цѣлаго столѣтія, способствовавшей тому, что іудаизмъ, получившій въ 1580 г. новый притокъ силъ изъ Португаліи, сталъ въ Испаніи вторично изсякать, какъ это случилось съ нимъ въ срединѣ XVI-го вѣка, или, быть можетъ, Инквизиція ослабила къ этому времени надзоръ надъ маранами, считая ихъ не столь опасными, какъ ранѣе,— сказать тѣмъ болѣе трудно, что мѣстами вдругъ вспыхивали преслѣдованія марановъ съ необыкновенной силой, и «евреи» снова занимали преобладающее мѣсто среди приговоренныхъ. Такъ, на вальядолидскомъ ауто-да-фе 8 іюля 1699 г. изъ 85 преступниковъ было 78 іудействующихъ. Слѣдуетъ замѣтить, что главнымъ полемъ дѣятельности Инквизиціи въ преслѣдованіи марановъ была Кастилія: въ Арагоніи число привлекавшихся къ суду марановъ было сравнительно ничтожно. Повидимому, португальскіе выходцы, охотно избирая Кастилію своимъ мѣстопребываніемъ, рѣдко селились въ Арагоніи. Когда въ 1668 г. Испанія должна была признать независимость Португаліи, то четвертая статья заключеннаго тогда между обоими государствами договора гласила, что португальцы въ Испаніи и испанцы въ Португаліи пользуются тѣми же правами и преимуществами, какія предоставлены на территоріяхъ обоихъ государствъ англійскимъ подданнымъ въ силу договоровъ 1630 г. и 1667 года. Этимъ до извѣстной степени давалась религіозная свобода, если она

---

[1]) На островѣ Майоркѣ потомки евреевъ носили названіе чуэтъ (chuetas). Слово чуэта происходитъ отъ chuga (свинья); ихъ могли называть этимъ именемъ въ виду того, что евреи не употребляютъ въ пищу свинины и относятся къ ней съ большимъ отвращеніемъ. Другіе объясняютъ происхожденіе этого слова тѣмъ, что майоркскіе мараны на виду у всѣхъ употребляли въ пищу свинину, чтобы ихъ не подозрѣвали въ іудаизмѣ (см. «Еврейская Энциклопедія», s. v. «Чуэтасъ», XV, 893). Въ той же «Евр. Энцикл.» въ статьѣ «Балеарскіе острова» (III, 710) приводится другое объясненіе слова чуэта,—отъ испанскаго chucho или французскаго chuette—выраженіе, употребляющееся для призыва собакъ. Король Карлъ III (1759—1788) запретилъ въ 1782, 1785 и 1788 гг. называть марановъ Майорки чуэтами (ихъ было тогда 300 семействъ), предоставилъ имъ право пребыванія не только въ Пальмѣ, но и въ другихъ частяхъ острова, уничтожилъ чуэтскій кварталъ, сталъ принимать ихъ въ военную и морскую службу и допустилъ къ государственнымъ и общественнымъ должностямъ. Тѣмъ не менѣе, въ народѣ осталась къ нимъ сильная вражда, и ихъ называли «людьми квартала» (hijos de la calle).

не приводила къ публичному нарушенію интересовъ католицизма. На дѣлѣ, однако. Инквизиція игнорировала эту статью договора, и нигдѣ въ анналахъ Инквизиціи нѣтъ указанія на нее, равно какъ и нѣтъ жалобъ со стороны свѣтскихъ властей на нарушеніе тѣмъ или инымъ инквизиціоннымъ трибуналомъ договора 1668 г. На основаніи этого можно утверждать, что фактически статья 4-ая никогда не проводилась въ жизнь.

Подобно маранамъ острова Майорки, и мадридскіе мараны въ началѣ 18-го вѣка пользовались большой свободой; съ 1707 г. они собирались даже на общую молитву въ синагогу, а въ 1714 г. избрали даже раввина и послали въ Италію для утвержденія его въ этой должности. Вскорѣ, однако, объ этомъ стало извѣстно Инквизиціи, и 7 апрѣля 1720 г. состоялось въ Мадридѣ ауто-да-фе, на которомъ были сожжены пять евреевъ. Открытіе синагоги въ Мадридѣ усилило во всей Испаніи надзоръ надъ маранами, которые въ первые годы XVIII вѣка нѣсколько свободнѣе могли дышать. Съ 20-хъ годовъ мы снова имѣемъ рядъ ауто-да-фе, на которыхъ преобладаютъ мараны. На 64 ауто-да-фе, происходившихъ между 1721 г. и 1727 годомъ, изъ 867 различныхъ дѣлъ 820 касались іудействующихъ; на этихъ ауто были заживо сожжены 75, а in effigie 74 человѣка. Попрежнему Арагонія давала небольшое количество іудействующихъ преступниковъ. Ауто-да-фе съ іудействующими распредѣлялись по трибуналамъ слѣдующимъ образомъ: 20 въ валенсійскомъ судѣ, 5 въ барселонскомъ, одно въ сарагосскомъ; всего, такимъ образомъ, въ Арагоніи было 26 ауто-да-фе, при чемъ майоркскій трибуналъ за это время никого не привлекъ за іудейство. Въ Кастиліи наибольшую дѣятельность проявилъ въ это время гранадскій трибуналъ, осудившій 220 человѣкъ, севильскій—167, кордовскій—78; въ Логроньо за эти 7 лѣтъ не было ни одного ауто-да-фе. Осужденные за еврейство 820 человѣкъ распредѣлялись по годамъ слѣдующимъ образомъ:

1721 г.	57 чел.	1725 г.	89 чел.
1722 »	252 »	1726 »	24 »
1723 »	224 »	1727 »	17 »
1724 »	157 »		

Эти цифры показываютъ, что 2—3 лѣтъ усиленной дѣятельности Инквизиціи, возобновленной послѣ нѣкотораго затишья вслѣдствіе открытія въ Мадридѣ синагогальныхъ сборищъ, было достаточно, чтобы снова подавить въ Испаніи еврейскую ересь и вернуться въ то состояніе, которое, повидимому, существовало съ конца XVII вѣка до 20-хъ годовъ XVIII-го, когда Инквизиція считала десятками, а не сотнями свои жертвы, навлекавшія на себя гнѣвъ инквизиціонныхъ трибуналовъ своей преданностью іудаизму. Въ сравненіи съ Испаніей Португалія за первыя два десятилѣтія 18 вѣка дала большее число жертвъ, хотя и здѣсь огромное большинство обвиненныхъ отдѣлывалось сравнительно мягкимъ наказаніемъ. Въ «Historia dos principaes actos» дается слѣдующая картина для 1700—1720 годовъ.

	Сожжены живьемъ.	In effigie.	Приговорены къ разнымъ наказаніямъ.
Лиссабонъ	26	14	961
Эвора	—	2	458
Коимбра	11	10	707
Итого . . .	37	26	2126

Дальнѣйшая дѣятельность Испанской Инквизиціи по отношенію къ маранамъ выражается въ постепенномъ паденіи числа привлекаемыхъ къ суду и осуждаемыхъ имъ. Въ Кордовѣ, гдѣ, какъ мы видѣли раньше, евреи составляли такое значительное число жертвъ, съ 1727 года они сильно уменьшились и за періодъ времени отъ 1728 до 1731 года было всего 26 іудействующихъ еретиковъ; въ теченіе слѣдующихъ 14 лѣтъ

SALVE

ни одинъ еврей не участвовалъ въ Кордовѣ на ауто-да-фе, и лишь въ 1745 г. было два еврейскихъ еретика [1]). Въ Толедо отъ 1727 г. и до 1738 г. не было ни одного случая осужденія еврея; правда, въ 1738 г. было сразу осуждено 14 человѣкъ. Позднѣйшіе отчеты объ ауто-да-фе въ Толедо, доходящіе до 1794 года, упоминаютъ лишь объ одномъ маранѣ, осужденномъ въ 1756 году. Въ Мадридѣ въ 1732 г. было нѣсколько случаевъ смертнаго приговора евреямъ, обвинявшимся въ святотатствѣ. 13 іюня 1745 г. были въ Вальядолидѣ приговорены къ смерти одинъ еврей, а къ примиренію съ Церковью—четыре [2]). Эти отдѣльныя свѣдѣнія о преслѣдованіи марановъ носятъ случайный характеръ, и если они не могутъ претендовать на то, чтобы дать точную картину дѣятельности Инквизиціи по отношенію къ маранамъ, они, тѣмъ не менѣе, свидѣтельствуютъ о сильно уменьшившихся случаяхъ привлеченія къ инквизиціонному суду марановъ или, правильнѣе, лицъ, виновныхъ въ сочувствіи іудаизму. Еще меньше случаевъ преслѣдованія за еврейскую ересь было въ послѣдующее время. Въ общемъ отчетѣ о дѣятельности инквизиціонныхъ трибуналовъ Испаніи за періодъ отъ 1780 г. до 1820 г. говорится болѣе, чѣмъ о пяти тысячахъ случаевъ привлеченія къ суду, и изъ нихъ лишь 16 имѣли отношеніе къ еврейской ереси. Мало того, изъ этихъ 16 было десять евреевъ, прибывшихъ изъ-за границы и жившихъ въ Испаніи при явномъ нарушеніи эдикта объ изгнаніи 1492 г. Послѣдній случай привлеченія за іудаизмъ, по словамъ Ли, произошелъ въ Кордовѣ въ 1818 г., когда былъ обвиненъ Мануэль Сантьяго Виваръ [3]).

Журналъ «Paris» отъ 1 августа 1882 г. со словъ очевидца передаетъ, что въ Валенсіи имѣло мѣсто 1 августа 1826 г. сожженіе одного «несчастнаго еврея». Его вели среди длиннаго ряда монаховъ, распѣвавшихъ псалмы Давида; онъ былъ одѣтъ въ санбенито, на которомъ были изображены діаволы внизъ головой; на евреѣ былъ большой колпакъ съ изображеніемъ пламени. Справа и слѣва шли рядомъ съ преступникомъ доминиканцы, которые называли его несчастнымъ братомъ, обѣщали ему, въ видѣ искупленія за предстоящія муки, всѣ блаженства того міра. Когда процессія, впереди которой развѣвались знамена св. Доминика и св. Лойолы, подошла къ костру, доминиканцы обняли еврея, а одинъ произнесъ длинную рѣчь. Наиболѣе благочестивые изъ присутствовавшихъ на торжествѣ старались протолкаться впередъ, чтобы принести горючій матеріалъ для костра. Какъ только доминиканецъ окончилъ рѣчь, всѣ наперерывъ стали бросать разные предметы, годные для костра. Вокругъ преступника образовалась цѣлая куча; самъ онъ былъ крѣпко привязанъ къ шесту, находившемуся по срединѣ костра. Въ ротъ ему положенъ былъ кляпъ, чтобы онъ не могъ кричать: мѣра эта, однако, была найдена, безъ сомнѣнія, недостаточной, и какъ только пламя поднялось и охватило его, монахи громко запѣли гимнъ, а толпа вторила имъ съ такой силой, что никакіе крики отдѣльнаго человѣка не могли быть услышаны. Громкое пѣніе прекратилось лишь тогда, когда отъ несчастнаго еврея остались одни лишь уголья [4]).

Помимо марановъ и лицъ, сочувствовавшихъ іудаизму, Инквизиція преслѣдовала также и тѣхъ иностранныхъ евреевъ, которые, вопреки эдикту объ изгнаніи, временно пріѣзжали въ Испанію по торговымъ или инымъ дѣламъ. Чтобы не впускать евреевъ въ предѣлы Испаніи, устраивались такъ назыв. visitas de navios, т.-е. осмотры прибывавшихъ кораблей, при чемъ инквизиторы искали, наравнѣ съ запрещенными книгами, еретиковъ, лютеранъ и евреевъ. Для послѣднихъ Испанія представляла, повидимому, значительный притягательный центръ, и салоникскіе евреи въ 1634 г. вступили въ тайные переговоры съ

[1]) Gaspar Matute i Luquin, «Coleccion de los autos generales i particulares de fé celebrados por el Tribunal de la Inquisicion de Córdoba», Córdoba.

[2]) Lea, «History», III, 309—310.

[3]) Ibid., 311.

[4]) «Revue des Etudes Juives», V, стр. 55.

министромъ Оливаресомъ, фаворитомъ Филиппа IV, чтобы добиться отъ него права пребыванія въ Испаніи за извѣстное вознагражденіе. Оливаресъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, горячо отстаивалъ въ государственномъ совѣтѣ интересы евреевъ, которымъ онъ обѣщалъ отвести въ окрестностяхъ Мадрида особый кварталъ, гдѣ должна была быть выстроена и синагога. Не только большинство государственнаго совѣта, но и многіе теологи и даже нѣкоторые инквизиторы перешли на его сторону; однако, Генеральный инквизиторъ самымъ энергичнымъ образомъ протестовалъ противъ плана Оливареса, доказывая, что онъ нарушаетъ не только королевскіе законы, но и божескіе. Оливаресъ повелъ противъ Сотомайора, бывшаго тогда Главнымъ инквизиторомъ, рядъ интригъ; временами казалось, что смѣлый министръ побѣдитъ, но вскорѣ стали говорить, что Оливаресъ намѣренъ уничтожить Инквизицію (el intento de quitar la Inquisicion de España), и Филиппъ IV испугался. Оливаресу была дана отставка, въ Мадридѣ появились воззванія подъ заголовкомъ: «Да здравствуетъ законъ Моисея, смерть закону Христа (Viva la ley de Moysés, y muera la de Cristo)», въ которыхъ евреи обвинялись въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ [1]). Въ воззваніяхъ евреи изображались какъ виновники многихъ бѣдствій; нужно полагать, что нѣкоторые евреи дѣйствительно благодаря Оливаресу поселились возлѣ Мадрида. Въ 1645 г. два еврея, Соломонъ Сапортасъ и Бале Сапортасъ, явились въ Валенсію и представили разрѣшеніе на жительство, выданное имъ въ 1634 г. Инквизиціонный трибуналъ былъ въ большомъ затрудненіи и не зналъ, слѣдуетъ ли арестовать названныхъ евреевъ, или дать имъ возможность проживать въ Валенсіи. Супрема указала королю на опасность, которая неизбѣжно должна была возникнуть при нарушеніи министрами королевскаго эдикта о вѣчномъ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи, и оба названные еврея были отправлены въ Оранъ, откуда были родомъ. Въ 1656 г. предъ инквизиціоннымъ трибуналомъ Мурсіи предсталъ Энрике Перейра, еврей, пріѣхавшій изъ Лукки по торговымъ дѣламъ въ Беасъ; процессъ Перейры показалъ, что португальскіе мараны, жившіе въ Испаніи, имѣли сношенія съ итальянскими евреями, которые пріѣзжали время отъ времени въ Испанію; было выяснено также, что мараны часто ѣздятъ въ Ниццу, Италію или южную Францію для совершенія еврейскихъ обрядовъ. Въ 1679 г. былъ схваченъ еврей Самуилъ де Яковъ; несмотря на то, что онъ представилъ разрѣшеніе на жительство, онъ былъ арестованъ. Съ этого времени стали арестовывать, наказывать плетьми и ссылать на каторжныя работы съ конфискаціей имущества всѣхъ евреевъ, проживавшихъ въ Испаніи по выданному имъ разрѣшенію. Въ 1689 г. вышло особое распоряженіе, коимъ было отмѣнено выданное англійскимъ евреямъ право высадки въ испанскомъ порту. Около этого же времени евреи были изгнаны изъ Орана, а также изъ сѣверо-африканскихъ колоній Испаніи. Въ 1670 г. они изъ Ливорно, куда переселились послѣ изгнанія изъ Орана, подали жалобу испанскому правительству на дѣйствія генералъ-губернатора, давшаго имъ лишь 8-мидневный срокъ для выхода изъ страны и поступавшаго съ ними крайне сурово [2]).

Преслѣдованіе евреевъ носило такой систематическій характеръ, что даже проѣзжавшіе черезъ Испанію иностранные евреи подвергались наказанію. Такъ, въ 1697 г. въ Ледесмѣ былъ арестованъ французскій еврей Авраамъ Родригесъ, отправившійся, подъ именемъ Антоніо Маседо, изъ Франціи въ Португалію. Въ теченіе свыше двухъ лѣтъ вальядолидскій трибуналъ велъ противъ него процессъ, конецъ котораго неизвѣстенъ [3]). Мало того, боязнь испанскихъ властей предъ евреями и вообще иновѣрцами была такъ сильна, что даже въ международные договоры нерѣдко вносилась особая статья, ограничивавшая права иностранцевъ. Когда Гибралтаръ былъ уступленъ, по Утрехтскому миру 1713 г.,

[1]) Amador de los Rios, «Historia de los Judios de España», III, 546—547.

[2]) ibid., 518—519.

[3]) Lea, «History», III, 313.

Англіи, то Испанія поставила условіе, чтобы евреямъ и маврамъ было запрещено селиться въ Гибралтарѣ (no se permitiera en aquella plaza la permanencia de moros ni judios). Страхъ предъ евреями объяснялся Инквизиціею стремленіемъ послѣднихъ обратить въ еврейство не только отпавшихъ отъ него марановъ, но и настоящихъ католиковъ. Въ прозелитизмѣ обвиняли евреевъ всякій разъ, когда поднимался вопросъ о смягченіи запрещенія въѣзда въ Испанію иностранныхъ евреевъ. Однако, нигдѣ нѣтъ доказательствъ, что евреи дѣйствительно занимались обращеніемъ въ свою вѣру испанцевъ. Такой прозелитизмъ, вообще мало мирящійся съ сущностью іудаизма, менѣе всего былъ возможенъ въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ жили единичные евреи въ теченіе короткаго времени въ предѣлахъ Испаніи. Но если нельзя серьезно говорить объ активномъ прозелитизмѣ, то случаи добровольнаго перехода христіанъ въ іудейство, случаи, вызывавшіеся восхищеніемъ христіанъ геройской смертью отдѣльныхъ евреевъ, жертвовавшихъ жизнью за религію, попадаются сравнительно часто. Такъ, въ 1603 г. былъ сожженъ въ Лиссабонѣ монахъ Діого да Ассунсано, принявшій еврейство въ виду тѣхъ симпатій, какія ему были внушены мучениками этой религіи.

Ассунсано былъ францисканскимъ монахомъ, образованнымъ и начитаннымъ человѣкомъ; онъ рано проникся іудаизмомъ и не скрывалъ этого отъ своихъ товарищей по ордену. Когда онъ былъ арестованъ, инквизиторы всячески убѣждали его вернуться въ лоно католической Церкви, но онъ упорно отказывался, заявляя, что нѣтъ истины внѣ закона Моисея. Мало того, по его мнѣнію, многіе францисканцы раздѣляютъ его убѣжденія и только изъ страха предъ Инквизиціей скрываютъ это. Два года провелъ Ассунсано въ тюрьмѣ и 3 августа 1603 г. былъ сожженъ вмѣстѣ съ шестью другими лицами, среди которыхъ была іудействующая Тамара Барокасъ. Смерть францисканскаго монаха произвела глубокое впечатлѣніе какъ на христіанъ, такъ и на марановъ. Астрологъ-поэтъ Руи Лопесъ Роза, переселившійся въ Амстердамъ и принявшій тамъ имя Іезекіила, воспѣлъ въ стихахъ мученическую смерть «этого позора для монастыря, славы для іудейства» [1]).

Аналогичный случай произошелъ съ Лопе-де-Вера-и-Аларконъ. Лопе-де-Вера былъ сыномъ дворянина, не имѣвшаго въ жилахъ ни капли «не-чистой» крови. 19-ти лѣтъ онъ былъ студентомъ университета въ Саламанкѣ, гдѣ спеціально изучалъ еврейскій и арабскій языки. Въ 1638 г. онъ занялъ каѳедру еврейскаго языка и, углубляясь въ еврейскія науки, сталъ сочувствовать еврейской религіи и сдѣлался тайнымъ іудеемъ. Однажды Лопе-де-Вера пытался обратить одного студента въ еврейство; студентъ донесъ объ этомъ Инквизиціи [2]). Судъ, собравшійся въ Вальядолидѣ, не могъ прійти къ единогласному рѣшенію относительно его ареста, и Супрема въ 1639 г. отдала приказъ арестовать де Вера. Показанія арестованнаго были противорѣчивы и запутаны: онъ то говорилъ о своей искренней преданности католицизму, то отрицалъ его догматы и выражалъ сочувствіе іудаизму. 8 августа 1641 г. начальникъ тюрьмы донесъ, что де Вера совершилъ надъ собою обрядъ обрѣзанія съ помощью острой кости; Инквизиція отправила въ камеру Вера врача, который подтвердилъ донесеніе тюремщика и отъ имени арестованнаго заявилъ Инквизиціи, что онъ желаетъ живьемъ сгорѣть на кострѣ, ибо стремится къ мученической смерти. 27 января 1643 г. трибуналъ приговорилъ его къ выдачѣ свѣтской власти съ конфискаціей имущества, но Супрема, желая, чтобы этотъ глубокій знатокъ іудаизма, для вящшей славы католицизма, покаялся въ грѣхахъ, не утвердила приговора. Лопе-де-Вера-и-Аларконъ оставался въ тюрьмѣ шесть лѣтъ, принялъ имя Juda el Creyente (Іуда Вѣрующій) и на всѣ убѣжденія инквизиторовъ отвѣчалъ: «Viva le

---

[1]) Kayserling, «Geschichte der Juden in Portugal»; Menasse ben Israel, «Speranza de Ysrael»; «Евр. Энцикл.», s. v. «Лопесъ-Роза».

[2]) Согласно «Евр. Энцикл.» (s. v. «Вера и Аларконъ», V, 500) доносъ былъ сдѣланъ роднымъ братомъ.

ley de Moisen». 25 іюня 1644 г. онъ былъ живьемъ сожженъ [1]). Послѣдними словами его были: «Въ Твою руку предаю духъ мой, Господи» (Псалмы). Мужество его вызвало всеобщее восхищеніе, и инквизиторъ Москосо писалъ герцогинѣ Монрей: «никогда не была проявлена такая стойкость, какъ этимъ молодымъ человѣкомъ. Онъ былъ человѣкъ благовоспитанный, ученый и во всѣхъ отношеніяхъ безупречный».

Съ именемъ Лопе Вера-и-Аларконъ связано воспоминаніе о «еврейскомъ Кальдеронѣ», Энрике Энрикесъ де Пасъ изъ Сеговіи. Онъ родился въ 1600 г. и рано поступилъ на морскую службу и получилъ чинъ капитана. Повидимому, служба не поглощала у него слишкомъ много времени, и въ дни досуга онъ писалъ, подъ именемъ Антоніо Энрикесъ де Гомесъ, сатиры и комедіи, давшія ему большую популярность во всей Испаніи. «Но ни Марсъ, ни муза не спасли его отъ Инквизиціи» [2]). Онъ долженъ былъ бѣжать и нашелъ убѣжище во Франціи, гдѣ воспѣвалъ «короля-солнце» и оплакивалъ свою несчастную родину. Но слава поэта и золото за оды—amontoné tesoros á millares—не давали ему счастія, и когда Лопе де Вера былъ сожженъ въ Вальядолидѣ, Энрикесъ де Пасъ, сбросивъ съ себя маску христіанина, сталъ воспѣвать его мученическую смерть, не скрывая своего еврейскаго происхожденія. «Romance al Divin Martyr Juda Creyente» обнаруживаетъ въ авторѣ горячую любовь къ еврейству. Но разъ маска была снята, то Энрикесу оставалось бѣжать въ Амстердамъ. Въ 1660 г. онъ былъ сожженъ in effigie въ Севильѣ, на томъ самомъ ауто-да-фе, на которомъ огню были преданы 7 марановъ [3]). Около этого же времени въ еврейскую вѣру перешелъ монахъ Висенте де Рокамора. Въ его жилахъ текла еврейская кровь, но онъ получилъ церковное воспитаніе и сталъ доминиканцемъ. Широко образованный человѣкъ, прекрасный проповѣдникъ, Рокамора былъ духовникомъ инфанты Маріи, ставшей впослѣдствіи австрійской императрицей. Углубляясь въ теологію, тайно читая еврейскія книги, Рокамора, ко всеобщему удивленію, неожиданно скрылся за границу; вскорѣ стало извѣстно, что онъ въ Амстердамѣ изучаетъ медицину и называетъ себя евреемъ, переименовавъ себя въ Исаака Рокамора. Почти 50 лѣтъ отъ роду, Исаакъ сдѣлался врачемъ, женился на еврейкѣ и сталъ во главѣ еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій. Бывшій доминиканецъ, теперешній парнесъ (общинный представитель), былъ лишенъ литературнаго таланта, и, помимо мелкихъ латинскихъ и испанскихъ стиховъ, ничего не сохранилось отъ Висенте-Исаака де Рокамора.

Во второй половинѣ XVIII вѣка стало замѣчаться нѣкоторое смягченіе запретительныхъ законовъ о въѣздѣ евреевъ въ Испанію. Въ 1756 г. іерусалимскій еврей Авраамъ Салусоксъ прибылъ въ Валенсію, чтобы продать здѣсь льва; капитанъ корабля донесъ Инквизиціи о пріѣздѣ еврея, и къ послѣднему былъ прикомандированъ служитель трибунала, на обязанности котораго лежала забота слѣдить за каждымъ движеніемъ еврея, которому запрещено было вступать въ разговоры съ испанцами. Когда Салусоксъ продалъ графу де Алменара своего льва, еврею разрѣшено было провести въ домѣ графа нѣсколько дней, пока не была приготовлена клѣтка для льва. Послѣ этого Салусоксъ долженъ былъ вернуться въ Іерусалимъ. Въ 1759 г. другой еврейскій купецъ прибылъ въ Валенсію изъ

[1]) Amador de los Rios, «Historia»: III, 520—521 (примѣч.): Lea, «History», III, 294—295. Castro, «Historia de los Judios en España», Грецъ, «Geschichte der Juden».

[2]) Грецъ, «Geschichte der Juden», X, 178, Лейпц., 1897.

[3]) «Евр. Энциклоп.» (VI, 668—669) совершаетъ непростительную ошибку, когда говоритъ, что Энрикесъ Гомесъ былъ сожженъ въ 1660 г. въ Севильѣ, хотя въ «Jewish Encyclopedia» ясно сказано: burned in effigy in Seville; согласно своей версіи «Евр. Энц.» и исправляетъ (!) годъ смерти Энрикесъ Гомеса и, вмѣсто указаннаго въ «Jew. Encycl.» 1662 года, пишетъ 1660-ый.—О Гомесѣ наиболѣе полныя свѣдѣнія можно найти въ «Relacion de los poetas y escriptores españoles de la nacion judayca» Мигуэля Барріоса (Даніилъ Леви де Барріосъ). Самъ Барріосъ представляетъ также большой интересъ и является своеобразной жертвой Испанской Инквизиціи. См. «Евр. Энцикл.», III, 811—812.

Гибралтара; его повсюду сопровождалъ служитель Инквизиціи, всѣ его книги и записи тщательно были разсмотрѣны, и самъ онъ вынужденъ былъ покинуть предѣлы Испаніи, какъ только товаръ его былъ проданъ. Въ 1761 и 1762 гг. подобнаго рода случаи съ евреями повторились еще разъ. Въ 1795 г. одному марокканскому еврею было разрѣшено безпрепятственно проживать 8—10 дней въ Испаніи, при чемъ королевскій указъ объ этомъ былъ направленъ въ Супрему, которая, такимъ образомъ, была во-время объ этомъ извѣщена. Тайно и безъ особаго разрѣшенія являвшимся евреямъ попрежнему нельзя было ни одного дня жить въ Испаніи. Въ 1781 г. прибылъ подъ чужимъ именемъ въ Кадиксъ Яковъ Перейра, скрывавшій свою религію; онъ былъ, однако, пойманъ и предсталъ предъ севильскимъ инквизиціоннымъ трибуналомъ. Неизвѣстно, чѣмъ окончилось его дѣло [1]).

Значительнымъ шагомъ по пути къ вѣротерпимости слѣдуетъ считать законъ 10 декабря 1782 г., въ силу котораго новообращенные острова Майорки, извѣстные подъ названіемъ chuetas, получили всѣ права гражданства. Поводомъ къ изданію этого закона послужила поданная Карлу III жалоба марановъ на то, что они, несмотря на свою преданность католической религіи, подвергаются различнымъ преслѣдованіямъ, вынуждены жить въ опредѣленномъ кварталѣ и не могутъ занимать никакихъ государственныхъ и общественныхъ должностей. Король запретилъ называть ихъ отнынѣ враждебными или презрительными именами, а тѣмъ болѣе—евреями, іудеями и чуэта (ni llamarlos con voces odiosas y de menosprecio y mucho menos judios ó hebreos y Chuetas) [2]) Расширеніемъ правъ евреевъ явилось также распоряженіе 25 апрѣля 1786 г., гласившее, что еврей, обладающій королевскимъ разрѣшеніемъ на временное пребываніе въ Испаніи, можетъ свободно въ ней жить; правда, подобныя разрѣшенія давались крайне рѣдко, но все-таки это представляло собою шагъ впередъ въ сравненіи съ тѣмъ, что практиковалось по отношенію къ евреямъ до этого времени. Въ 1797 г. министръ финансовъ Педро де Варела, въ виду финансовыхъ затрудненій, переживаемыхъ Испаніей, предложилъ Карлу IV разрѣшить еврейской націи поселиться въ Испаніи (admision de la nacion hebrea en España). На засѣданіи государственнаго совѣта Педро де Варела доказывалъ, что по общему мнѣнію еврейская нація обладаетъ самыми большими богатствами Европы (posee esta nacion las mayores riquezas de Europa), и что одни лишь евреи сумѣютъ поднять торговлю и промышленность Испаніи до такой высоты, на которой можно будетъ конкурировать съ иностранцами. Старые предразсудки и взгляды должны быть оставлены, примѣръ другихъ европейскихъ народовъ долженъ насъ учить, какъ относиться къ евреямъ. Впрочемъ, и правильно понятое ученіе Церкви должно убѣдить и наиболѣе упорствующихъ теологовъ, что разрѣшеніе евреямъ селиться въ Испаніи гораздо болѣе соотвѣтствуетъ духу христіанства, чѣмъ ихъ изгнаніе изъ страны въ 1492 г. [3]). Варела для начала предложилъ вступить въ переговоры съ главнѣйшими еврейскими фирмами въ Голландіи и другихъ государствахъ и разрѣшить имъ открыть отдѣленія въ Кадиксѣ и иныхъ испанскихъ портовыхъ городахъ. Въ представленномъ Варелой меморіалѣ указано было, что вслѣдъ за нѣсколькими крупными фирмами и другіе евреи отправятся въ Испанію, такъ какъ они никогда не забыли тѣхъ выгодъ и удобствъ, какими они пользовались въ Испаніи,—á la admision de algunas casas de comercio podria seguirse la de toda la nacion hebrea, la cual

---

[1]) Lea, «History», III, 313.

[2]) Амадоръ де лосъ Ріосъ опубликовалъ цѣликомъ законъ 10 декабря 1782 г. въ «Historia», III, 638.

[3]) Испанскій журналъ «El Eco de las Aduanas» въ 1897 г. опубликовалъ докладъ Варелы, представленный Карлу IV въ 1797 г.; онъ былъ перепечатанъ въ сокращенномъ видѣ въ «Jüdische Presse» и «D-r. Bloch's Oesterreichische Wochenschrift»; мы цитируемъ по послѣдней газетѣ, 1897, № 50.

nunca ha perdido de vista las ventajas y comodidades que de antiquo gozó en España. Хотя предложеніе министра и было отвергнуто государственнымъ совѣтомъ, оно тѣмъ не менѣе сдѣлалось предметомъ обсужденія Инквизиціи, и въ 1800 г. Супрема потребовала отъ всѣхъ трибуналовъ, чтобы они высказали свое мнѣніе по поводу разрѣшенія евреямъ вернуться въ Испанію. Еще до этого рѣшенія Карлъ, повидимому, подъ вліяніемъ меморіала Варелы предоставилъ купцамъ, фабрикантамъ и ремесленникамъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій право пребыванія въ Испаніи, запретивъ Инквизиціи преслѣдовать ихъ за религіозныя ихъ убѣжденія, если только они публично не нарушали уваженія къ католической вѣрѣ. По отношенію къ евреямъ Карлъ не рѣшался ничего предпринимать и ждалъ окончательнаго слова Супремы, которая, разумѣется, могла высказаться въ этомъ вопросѣ лишь отрицательно. 8 іюня 1802 г., послѣ полученія отвѣтовъ отъ трибуналовъ, появилась королевская грамата; она оставила въ силѣ всѣ ограничительные, репрессивные законы о евреяхъ и точное исполненіе ихъ объявлялось долгомъ каждаго испанца, а уклоненіе отъ оказанія помощи въ этомъ Инквизиціи наказывалось строжайшимъ образомъ. Законъ этотъ оставался въ силѣ вплоть до появленія въ Испаніи наполеоновскихъ солдатъ, когда въ виду войны и возстанія вниманіе правительства было обращено болѣе на вопросы національной защиты, чѣмъ на религіозные и расовые вопросы.

Когда Наполеонъ палъ, и Реставрація восторжествовала во всей Европѣ, то и Испанія вернулась къ своей старой политикѣ: 16 августа 1816 г. Фердинандъ VII напомнилъ всѣмъ представителямъ администраціи, что они должны руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ закономъ 1802 г., и что лишь тѣ евреи могутъ проживать въ Испаніи, которые получили спеціальное на то разрѣшеніе. Однако, евреи продолжали время отъ времени появляться въ Испаніи, и 12 іюня 1819 г. севильскій прибуналъ извѣстилъ Супрему, что въ Кадиксѣ, Севильѣ и Алгесирасѣ живутъ евреи, которые предстали предъ трибуналомъ съ просьбой обратить ихъ въ христіанство. 10 іюля Великій инквизиторъ, послѣдній испанскій инквизиторъ Геронимо Кастельонъ-де-Саласъ, епископъ Тарасоны, отдалъ приказъ всѣмъ трибуналамъ въ точности исполнять предписаніе 1802 г. и слѣдить за тѣмъ, чтобы представители свѣтской власти помогали Инквизиціи въ дѣлѣ преслѣдованія пріѣзжающихъ въ Испанію евреевъ. Особенно тщательно надзоръ долженъ былъ вестись въ портовыхъ городахъ, при чемъ попрежнему должны были производиться visitas de navios, такъ какъ городъ Аликанте жаловался, что евреи стали имигрировать въ Мурсію съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь перестали практиковать visitas de navios. Положеніе измѣнилось лишь въ 1848 г., когда евреи стали пользоваться правомъ въѣзда и торговли въ Испаніи, хотя ограничительные и запретительные законы формально и не были отмѣнены. Мало того, когда Учредительные кортесы 1854 г. собрались для выработки конституціи, и въ Мадридъ былъ отправленъ нѣмецкими евреями раввинъ Людвигъ Филиппсонъ, извѣстный общественный дѣятель и писатель, съ цѣлью добиться отмѣны запрета о въѣздѣ евреевъ въ Испанію, миссія Филиппсона не имѣла успѣха, и въ силѣ осталось старое законодательство о евреяхъ [1]). Лишь послѣ революціи 1868/9 гг., когда Изабелла покинула Испанію, революціонные кортесы приняли 21 статью конституціи, гарантировавшую свободу вѣроисповѣданія всѣмъ иностранцамъ, живущимъ въ Испаніи; подобная же свобода дарована была и

[1]) Въ поданной Собранію петиціи говорилось: «мы не пришли требовать ни землю, которая была отнята у нашихъ отцовъ, ни богатое имущество, которое было здѣсь нами оставлено; мы не желаемъ получить обратно храмы, которые мы здѣсь нѣкогда освящали и куполы которыхъ мы видимъ еще здѣсь. Мы пришли лишь за тѣмъ, чтобы положить конецъ оскорбленію, нанесенному намъ изгнаніемъ, и добиться права въѣзда въ Испанію для тѣхъ изъ нашихъ братьевъ, которые захотятъ воспользоваться этимъ правомъ». Amador de los Rios, «Historia social etc.», III, 559—561.

испанцамъ, исповѣдывающимъ другую, помимо католической, религію. Эдиктъ 1492 года не былъ отмѣненъ, но еще до провозглашенія 21-ой статьи конституціи президентъ временнаго правительства, герцогъ де ла Торре, на вопросъ отдѣленія «Alliance Israélite Universelle» въ Бордо относительно существованія запрещенія евреямъ въѣзжать въ предѣлы Испаніи, отвѣтилъ, что сентябрьская революція, провозгласивъ свободу религіи, тѣмъ самымъ отмѣнила и эдиктъ 1492 г. [1]).

Нынѣ дѣйствующая испанская конституція 1876 г. также представляетъ всѣмъ свободу религіи. Статья 11-ая гласитъ:

La religion católica apostólica romana es la del Estado. La nación se obliga à mantener el culto y sos ministros.

Nadie será molestado en territorio español por sus opiniones religiosas, ni por el ejercicio de su respectivo culto, salvo el respeto debido á la moral christiana. No se permitirán, sin embargo, otras ceremonias ni manifestaciones públicas que las de la religion del Estado.

Римско-католическая и апостолическая религія признается государственной религіей. Нація беретъ на себя обязанность поддерживать культъ и его служителей.

Никто не можетъ подвергнуться какимъ-либо преслѣдованіямъ на территоріи Испаніи за свои религіозныя убѣжденія или за отправленіе обрядностей своей религіи, если только при этомъ не нарушается уваженіе къ христіанской морали. Однако, не разрѣшаются публичныя манифестаціи и процессіи всѣхъ вѣроисповѣданій, за исключеніемъ государственнаго.

Съ этого времени евреи свободно живутъ въ Испаніи. Въ 1881 г. многіе русскіе евреи обратились къ петербургскому и константинопольскому испанскимъ посланникамъ съ просьбой запросить мадридское правительство, разрѣшитъ ли оно селиться въ Испаніи евреямъ, выходцамъ изъ Россіи. 15 іюня 1881 г. министръ иностранныхъ дѣлъ Вега де Армихо телеграфировалъ въ С.-Петербургъ испанскому посланнику, что правительство держитъ для евреевъ изъ Россіи открытыми двери ихъ стараго отечества. Заявленіе это было напечатано во многихъ газетахъ и вызвало чувство благодарности со стороны евреевъ. Когда положеніе русскихъ евреевъ въ началѣ 90-хъ годовъ снова ухудшилось, и многіе евреи опять стали обращаться къ испанскому посланнику съ вопросомъ объ отношеніи Мадрида къ поселенію евреевъ въ Испаніи, послѣдовалъ 27 января 1892 г. отвѣтъ министра иностранныхъ дѣлъ на имя посланника въ С.-Петербургѣ. Министръ писалъ, что «законы Испанскаго государства ни въ какой степени не мѣшаютъ иностранцамъ селиться на всемъ протяженіи Испаніи и гарантируютъ лицамъ, и не исповѣдующимъ католической религіи, полнѣйшую и абсолютную свободу совѣсти; слѣдовательно, евреи и не должны просить о специальномъ разрѣшеніи для въѣзда въ страну; но наше финансовое положеніе таково, что мѣшаетъ намъ взять на себя расходъ по доставленію евреевъ въ Испанію».

---

[1]) Въ декабрѣ 1868 г. амстердамская община отъ имени голландскихъ евревъ отправила картесамъ благодарственный адресъ, текстъ котораго былъ помѣщенъ въ «Gaceta de Madrid» отъ 5 февраля 1869 г. Голландскіе евреи, выражая благодарность за снятіе съ евреевъ позорнаго запрета, ничего не говорятъ о готовности евреевъ вернуться въ «старое отечество». И дѣйствительно, иммиграція евреевъ въ Испанію была крайне незначительна: съ 1869 г. по 1876 г. лишь 16 евреевъ приняли испанское подданство; кромѣ того, нѣсколько иностранныхъ евреевъ, преимущественно банкировъ и крупныхъ коммерсантовъ, поселилось въ Мадридѣ, Барселонѣ, Малагѣ, Кадиксѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Въ 1882 г. въ связи съ усиленной эмиграціей евреевъ изъ Россіи сдѣлана была попытка направить эмигрантовъ въ Испанію, но, какъ говоритъ Адлеръ, попытка эта потерпѣла полное фіаско («Auto de fé and Jew», 9—10). Въ настоящее время, по словамъ сенатора Пулидо, въ Испаніи около двухъ тысячъ евреевъ, при чемъ самая большая еврейская община находится въ Севильѣ, гдѣ имѣется раввинъ. Большинство севильскихъ евреевъ выходцы изъ Марокко, мелкіе торговцы и ремесленники. — См. Dr. Angel Pulido Fernández, «Españoles sin Patria», 1905.

Дважды проявленная на протяженіи 10 лѣтъ вѣротерпимость испанскаго правительства не имѣла, однако, практическаго значенія, такъ какъ евреи изъ Россіи не рѣшались селиться въ Испаніи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія сенаторъ Пулидо сталъ агитировать въ пользу признанія живущихъ на Балканскомъ полуостровѣ, Малой Азіи и Африкѣ эспаньоловъ испанцами. 13 ноября 1903 г. онъ интерпеллировалъ въ сенатѣ министра иностранныхъ дѣлъ по поводу бездѣятельности правительства по отношенію къ тѣмъ, которые на Востокѣ «говорятъ на нашемъ языкѣ» (practican nuestro idioma), «который они страшно любятъ» (le tienen grandisimo cariño), и «что мы оставляемъ безъ всякаго вниманія» (miramos con completo desdén)). Министръ Санъ Бернардо обѣщалъ позаботиться о томъ, чтобы были устроены испанскія школы тамъ, гдѣ сохранился «прекрасный кастильскій языкъ». 3 декабря 1904 г. Пулидо требовалъ, чтобы евреямъ безъ всякаго затрудненія давалась возможность становиться испанскими подданными. Правительство заявило готовность пойти навстрѣчу желанію Пулидо. На конференціи 1906 г. въ Алгесирасѣ по поводу Марокко оффиціальный представитель Испаніи, герцогъ Альмодоваръ, заявилъ, что Испанія болѣе всякой другой страны встрѣтитъ съ чувствомъ радости извѣстіе о религіозной терпимости въ Марокко, распространяющейся и на евреевъ, связанныхъ съ Испаніей узами происхожденія и общностью языка. Когда Каналехасъ провелъ такъ-называемый фасадный законъ (о немъ было упомянуто на стр. 209—210), евреи получили возможность свободно молиться въ спеціальныхъ молельняхъ, а въ томъ же 1910 г. въ парламентъ былъ избранъ отъ Мадрида, въ качествѣ либерала, еврейскій банкиръ Густавъ Бауэръ: онъ—первый еврей, засѣдающій въ испанскихъ кортесахъ. Правда, оффиціально и онъ не считается евреемъ, такъ какъ испанская статистика заноситъ въ рубрику «католическое вѣроисповѣданіе» всѣхъ безъ различія испанскихъ подданныхъ, оставляя лишь для иностранцевъ возможность считать себя представителями другихъ вѣроисповѣданій. Но отъ этого суть дѣла не мѣняется. Характерно, что въ 1912 г., когда былъ поднятъ вопросъ о раздѣлѣ Европейской Турціи, Испанія заявляла претензіи на Салоники на томъ основаніи, что большинство населенія этого города составляютъ эспаньолы, выходцы изъ Испаніи [1]).

Приведемъ изъ Толедскаго архива (тетрадь 154, померъ 360) документъ, въ которомъ умершій маранъ обвиняется въ іудействованіи.

Обвиненіе умершаго марана въ іудействованіи.

Muy Reverendos é virtuosos señores.—Yo ferrand rrodrigues del barco, capellán del Rey nuestro señor promotor fiscal de la santa ynquisiçión, acuso ante vuestra Reverençias á juan gonçales escogido é su muger defuntos; los quales, syn themor de dios é en oprobio é ynjuria é menosprecio dél é de nuestra santa fe católica, viviendo en posysyón é en nombre de christianos é asy se llamando é gosando de los privillejos exençiones é ynmunidades á las tales personas conçedidos, judayçaron hereticaron é apostataron guardando la ley de moysén é sus rritos é çirimonias en las cosas é casos siguientes, conviene a saber: leyendo oraciones judaycas a otras personas converasas, é ençendiendo é mandando ençender los candiles limpios el viernes temprano por honrra del sábado é guarda de la dicha ley, é guisando de comer el viernes para el sábado, é comiéndolo el sábado, é guardando los sábados É solepnisándolos con Ropas limpias é de fiesta, é matando carne con çirimonia judayca para sy é para otros muchos conversos, é

---

[1]) A. Pulido Fernandez, «Españoles sin Patria», 1905; idem, «Los Israelitas españoles», 1904; Bensasson, «España y sus hijos de Oriente», Аликанте 1905; «Jewish Chronicle», 1910, 10 іюня; «Die Welt» (оффиціальный органъ еврейскихъ націоналистовъ, составляющихъ сіонистскую партію), 1906, 6 апр. См. также нашу ст. «Новѣйшая исторія евреевъ въ Испаніи» (Евр. Энциклоп.», VIII, 415—417).

yngeriéndose á consolar é confesar á los enfermos en articulo de la muerte asy como judío, é quebrantando las fiestas é domingos que la madre santa iglesia manda guardar. Yten judayçaron hereticaron é apostataronen en otras cosas é casos los quales protesto de desyr é alegar en el proçeso desta mi acusaçión su tiempo é lugar sy nesçesario me fuere. Por que os pido é Requiero, Reverendos señores, que pues los dichos juan gonçales escogido é su muger notoriamente judayçaron hereticaron é apostataron en las cosas é casos por mí ya suso dichas y por tal notorio lo alego, por lo cual yncurrieron en confiscaçión y perdimiento de todos sus bienes é en sentençias dexcomunión mayor ó en todas las otras penas é çensuras por los sacros cánones y leyes contra las tales personas ynpuestas, que los declareys é pronunçieys por herejes mandándolos desenterrar á donde quiera que estuviesen sus cuerpos é quemar á ellos é á sus huesos, é aver yncurrido en la dicha confiscaçión y perdimiento de todos sus bienes desde el día que cometió la tal heregía é delito, y ser aplicados á la cámara é fisco de los Reyes nuestro señores; la dicha acusaçión propango en la mejor manera via é forma é modo que puedo é de derecho, con protestaçión que hago de añadir é amenguar é corregir en ella cada é quando bien visto me fuere; para en lo qual y en todo lo ne cesario y conplydero ynploro vuestro noble y Reverendo ofiçio y las costas pido é protesto; é sobre todo pido serme fecho conplymiento de justiçia.

É juro á las hórdenes que Reçibí que esta acusaçión que pongo contra los dichos juan gonçales é su muger, que non la pongo malyçiosamente, salvo porque en fecho de verdad pasó asy segund é como é en la manera é forma por mí susodicha; é protesto segund protestadó tengo que sy á otra justificaçión ó solepnidad ó declaraçión desta dicha mi acusaçión el derecho me obliga, que estoy presto y aparejado de la faser sy y en cuanto neçesario me sea y non más.

(Досточтимые и добродѣтельные сеньеры. —Я, Феранъ Родригесъ дель Барко, капелланъ короля, нашего господина, промоторъ-фискалъ Святой Инквизиціи, обвиняю предъ Вашими Преосвященствами умершихъ Хуана Гонсалеса Эскогидо и его жену: оба они, не боясь Бога, не почитая Его, обижая и оскорбляя нашу святую католическую вѣру, живя и нося имя христіанъ, называя себя таковыми и пользуясь привилегіями, неприкосновенностью и исключительными правами, данными христіанамъ, іудействовали и были еретиками и апостатами, соблюдая законъ Моисея, его предписанія и церемоніи въ слѣдующихъ отношеніяхъ, а именно: они читали еврейскія молитвы другимъ лицамъ, принявшимъ христіанство, они зажигали и приказывали зажигать свѣчи въ пятницу, когда начинаетъ темнѣть, въ честь субботы, соблюдая вышеназванный законъ; они въ пятницу приготовляли пищу для субботы, ѣли ее по субботамъ, соблюдали субботу, праздновали ее, одѣваясь въ чистыя и праздничныя одежды, они убивали скотъ какъ для себя, такъ и для многихъ крещеныхъ съ соблюденіемъ еврейскихъ церемоній, утѣшали больныхъ, а также причащали ихъ предъ смертью какъ евреевъ, нарушали праздники и воскресенье, которые наша мать святая Церковь приказываетъ соблюдать. Они іудействовали, были еретиками и апостатами и въ другихъ отношеніяхъ, о которыхъ я желаю говорить въ процессѣ, который будетъ изъ-за этого моего обвиненія, въ свое время и въ надлежащемъ мѣстѣ, если это нужно будетъ. Вотъ почему я прошу и умоляю васъ, досточтимые сеньеры,— такъ какъ вышеназванные Хуанъ Гонсалесъ Эскогидо и его жена открыто іудействовали, были еретиками и апостатами въ отношеніяхъ, о которыхъ я выше говорилъ, которыя я привожу какъ общеизвѣстное, за что они навлекаютъ на себя конфискацію и потерю всего ихъ имущества, большое отлученіе и другія наказанія и цензуры, налагаемыя на подобныхъ людей согласно предписаніямъ святыхъ каноническихъ законовъ,—чтобы вы объявили и провозгласили ихъ еретиками, приказали ихъ выкопать, гдѣ бы ни находились ихъ останки, и сжечь ихъ и ихъ кости, и объявить также, что они навлекли на себя конфискацію и потерю всего имущества съ того дня, какъ были совершены ересь и преступленіе, и передать имущество въ камеру и казну королей, нашихъ господъ; данное это обвиненіе я дѣлаю въ самой лучшей формѣ и манерѣ, способомъ и путемъ, какими я могу и имѣю право, съ заявленіемъ, что я могу прибавить, уменьшить или исправить, когда найду нужнымъ, и все то, что найду нужнымъ; для этого и для всего другого необходимаго я умоляю благородный и почтеннѣйшій трибуналъ сдѣлать надлежащее, а въ особенности прошу, чтобы мнѣ была сдѣлана полная справедливость.

Я клянусь саномъ, который я получилъ, что это обвиненіе, съ которымъ я выступаю противъ названныхъ Хуана Гонсалеса и его жены, я дѣлаю не по злости, но потому что въ дѣйствительности дѣлалось такъ, какъ и въ той формѣ и въ томъ видѣ, въ какихъ я выше разсказывалъ, и заявляю, какъ я уже заявилъ, что если это мое обвиненіе меня обяжетъ сдѣлать исправленіе, торжественное заявленіе или декларацію, то я это сдѣлаю немедленно и тотчасъ, если и насколько это нужно, но не больше).

Эта глава была уже сверстана, когда до насъ дошелъ документъ изъ архива городаココресъ де ла Фронтера, изъ котораго видно, что на марановъ сейчасъ послѣ изгнанія евреевъ смотрѣли какъ на особую группу и ихъ выдѣляли даже тогда, когда не было повода говорить о нихъ отдѣльно, какъ объ отличной категоріи людей. Документъ относится къ 4 января 1494 г. Глашатай Хуанъ де Аха объявляетъ, въ виду чумной эпидеміи, появившейся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ близъ Хересъ де ла Фронтера, чтобы «отъ сегодняшняго дня и впредь ни одинъ житель этого города, ни одинъ содержатель постоялаго двора не смѣлъ принимать въ своемъ домѣ и въ своемъ постояломъ дворѣ кого-нибудь изъ тѣхъ, которые были евреями, а теперь новохристіане (de los que fueron judios, que agora son cristianos nuevos), а также другихъ людей, приходящихъ изъ зачумленныхъ мѣстностей». Изъ этого документа явствуетъ также, что въ окрестностяхъ Хересъ де ла Фронтера нѣкоторые евреи, вслѣдствіе эдикта объ изгнаніи изъ Испаніи, приняли христіанство. О томъ же свидѣтельствуетъ и Гутіересъ, когда онъ въ своей книгѣ «Historia y Anales de Xerez de la Frontera» (Jerez, 1887) говоритъ, что въ церкви св. Діонисія висѣли санбенито евреевъ; вслѣдствіе изгнанія послѣднихъ санбенито были либо удалены, либо одѣты на іудействующихъ—«ensambenitados por judaizantes» [1]).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Разнообразная дѣятельность Инквизиціи.

Испанская Инквизиція не оставляла безъ вниманія и мистицизма.

Мистики учили, что созерцаніемъ, умственным молитвами [2]) и путемъ отвлеченія отъ всего матеріальнаго человѣкъ можетъ возвыситься до непосредственнаго соединенія съ Богомъ, отъ Котораго онъ получаетъ тогда прямыя указанія и внушенія [3]). Такое непосредственное соединеніе съ Богомъ освобождаетъ человѣка отъ соблюденія предписаній Церкви и побуждаетъ его смотрѣть на внѣшніе религіозные обряды—если не съ презрѣніемъ, то съ совершеннымъ равнодушіемъ: внутренній свѣтъ, заливающій, озаряющій его душу, исходитъ отъ Самого Бога, и люди, сіяющіе этимъ свѣтомъ—иллюминаты, aluminados, alumbrados,—не нуждаются ни въ какихъ человѣческихъ указаніяхъ и должны поступать такъ, какъ диктуетъ имъ ихъ внутренній, божественный свѣтъ. Санъ Хуанъ де ла Крусъ утверждалъ, что религіозные обряды, иконы и церкви нужны лишь для необразованныхъ людей, какъ нужны игрушки дѣтямъ; люди, поднявшіеся на должную высоту, должны обходиться безъ нихъ, такъ какъ все внѣшнее отвлекаетъ отъ внутренней, созерцательной жизни, отъ соединенія съ Богомъ. Иллюминизмъ велъ, такимъ образомъ, къ отрицанію всѣхъ обрядовъ. Но зло не ограничивалось подобнымъ отрицаніемъ, оно заключало въ себѣ и нѣчто, гораздо болѣе опасное: вѣдь внушенія, которыя, по утвержденію мистиковъ, исходили отъ Бога, могли во многихъ случаяхъ исходить отъ дьявола,—и кто могъ съ увѣренностью сказать, какой мистикъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ божественнаго указанія, а какой—по наущенію дьявола? Вопросъ этотъ принялъ еще болѣе острую форму, когда, одновременно съ иллюминатами, стали выступать квіетисты—dejados,—для которыхъ всѣ дѣйствія были одинаково хороши, такъ какъ они являлись эманаціей Бога. Отдавъ себя всецѣло Богу, квіетисты утверждали, что они безгрѣшны, что они не могутъ

[1]) «Boletin de la Real Academia de la Historia», XV, 313—347.

[2]) Франциско Осуна противопоставляетъ неугоднымъ Богу устнымъ молитвамъ умственныя, какъ единственно правильныя.

[3]) Объ этомъ говоритъ и Тертулліанъ въ «De Anima»: «Conversatur cum angelis, aliquando etiam cum Domino... et vidit et audit sacramenta»...

даже грѣшить, ибо не можетъ заключать въ себѣ грѣха то, что истекаетъ отъ Господа Бога. Но кто могъ утверждать, что квіетисты не дѣйствуютъ подъ вліяніемъ низменныхъ, плотскихъ страстей, и какъ можно было оставлять безъ наказанія поступки, которые по внѣшнему характеру своему мало отличались отъ самыхъ гнусныхъ преступленій и отвратительнѣйшихъ злодѣяній?

Первое упоминаніе о появленіи въ Испаніи иллюминатовъ относится къ 1498 г., когда Франсиско де Вильялобосъ жаловался на то, что многіе aluminados эмигрировали изъ Италіи въ Испанію; этихъ эмигрантовъ слѣдовало, по мнѣнію Вильялобоса, наказывать плетьми, тюремнымъ заключеніемъ, холодомъ и голодомъ. Мистическія ученія распространялись благодаря разнымъ beatas, т.-е. женщинамъ, ведшимъ святую жизнь, считавшимъ себя пророчицами и жившимъ одними лишь подаяніями. Первой такой женщиной въ Испаніи, пріобрѣвшей значительную извѣстность, была beata Piedrahita. Крестьянская дочь, она съ раннихъ лѣтъ прониклась мистическими идеями и стала говорить, что она невѣста Христа, часто ведетъ бесѣды съ Св. Дѣвой и т. д. По мѣрѣ того, какъ росла слава о ней, она все чаще и чаще выдавала себя за пророчицу, и на нее поступилъ доносъ къ Великому инквизитору Хименесу. Послѣдній, однако, вѣрилъ, что Piedrahita одарена божественной мудростью, и не рѣшался принять противъ нея никакихъ мѣръ. Король Фердинандъ посѣтилъ пророчицу и вѣрилъ въ ея сверхъестественныя способности. Въ 1510 г. дѣло о Piedrahita поступило на разсмотрѣніе Римской Куріи. Папа Юлій II назначилъ нунція Джованни Руфро и епископовъ Бургоса и Вича для разслѣдованія этого дѣла, предоставивъ имъ право «съ корнемъ вырвать этотъ скандалъ, если въ немъ заключается лишь одно женское легкомысліе». Подробности процесса не извѣстны, но то, что Piedrahita не была подвергнута никакому наказанію, свидѣтельствуетъ, что папскіе слѣдователи отнеслись къ ней приблизительно такъ же, какъ Хименесъ и Фердинандъ [1]). Нѣсколько позже къ Хименесу поступила новая жалоба на мистика, который говорилъ, что Богъ открылъ ему, будто отъ него родитъ святая женщина пророка, который исправитъ земной міръ. Въ своей наивности этотъ мистикъ написалъ письмо Хуанѣ де ла Крусъ, видимо, приглашая ее на доброе дѣло рожденія будущаго пророка, за что онъ былъ арестованъ монахомъ Антоніо де Пастрана, спрашивавшимъ Хименеса, какъ поступить ему съ одержимымъ сатаной смѣльчакомъ [2]).

Наиболѣе ранними центрами мистицизма были Гуадалахара и Пастрана, гдѣ одновременно выступило нѣсколько иллюминатовъ, обратившихъ на себя вниманіе Инквизиціи около 1521 г. Сначала главой этихъ мистиковъ была бѣлошвейка Изабелла де ла Крусъ, мѣсто которой вскорѣ заняла Франсиска Эрнандесъ. Обаятельная женщина, Франсиска насчитывала среди своихъ поклонниковъ нѣсколько выдающихся людей и создала цѣлую школу. Однако, Инквизиція не приняла противъ ея группы рѣзкихъ мѣръ и ограничилась лишь арестомъ наиболѣе скомпрометированныхъ мистиковъ. Виднѣйшимъ членомъ этой группы былъ Педро Руисъ де Алкарасъ, нѣкоторыя слова котораго были признаны святотатствомъ. Онъ былъ подвергнутъ пыткѣ въ 1529 г. и затѣмъ, когда покаялся и отрекся отъ своего ученія, былъ примиренъ съ Церковью, заключенъ въ тюрьму, лишенъ имущества и подвергнутъ розгамъ въ Толедо, Гуадалахарѣ, Эскалонѣ и Пастранѣ, гдѣ онъ проповѣдывалъ свои ложные взгляды. Очевидно, Инквизиція вскорѣ нашла наказаніе чрезмѣрно суровымъ, такъ какъ въ 1539 г. Алкарасъ былъ выпущенъ на свободу и на него были наложены лишь незначительныя духовныя наказанія [3]). Въ 1532 г. сама Франсиска также была арестована и содержалась вмѣстѣ съ своей прислугой въ Медина

[1]) Petrus Martyr Angler., «Epistolae», 428 и слѣд.
[2]) «Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos», 1903, январь.
[3]) «Revista de Archivos, Bibliotécas y Museos», январь, февраль, 1903 г.

дель Кампо; она выдала Инквизиціи имена многихъ своихъ поклонниковъ. Къ этому же времени относится и арестъ группы мистиковъ Толедо; ихъ главою была 25-тилѣтняя Петронила де Люсена, жившая съ роднымъ братомъ Хуаномъ Кастильо. И съ ними Инквизиція расправилась сравнительно мягко. Лишь ростъ мистическихъ идей, а также связь мистическихъ ученій съ протестантизмомъ побудили инквизиціонные трибуналы начать болѣе энергичную борьбу съ иллюминатами и квіетистами. Въ 1558 г. Супрема приказала инквизиторамъ учредить особый надзоръ надъ иллюминатами; отнынѣ всякій католикъ, знающій или слышавшій что-либо о alumbrados, долженъ былъ донести объ этомъ инквизиціонному трибуналу. Супрема дала длинный перечень тѣхъ ложныхъ взглядовъ, которые характеризуютъ эту опасную секту, и отнынѣ, на основаніи этого своеобразнаго катехизиса иллюминатства, инквизиторы могли болѣе опредѣленно формулировать свои обвиненія [1]). Въ знаменитомъ письмѣ (о немъ упомянуто на стр. 205) Великаго инквизитора Вальдеса Павлу IV отъ 9 сентября 1558 г. говорится, что лютеранская ересь ведетъ начало отъ тѣхъ, которыхъ называли иллюминатами и которые жили въ Гуадалахарѣ и другихъ мѣстахъ. 14 іюня 1579 г. было устроено въ Льеренѣ ауто-да-фе, на которомъ предстало 15 alumbrados,—10 мужчинъ и 5 женщинъ; за исключеніемъ сапожника Хуана Берналя, всѣ мужчины были духовнаго званія, которые обвинялись въ сношеніи съ своими духовными дочерьми. Они были приговорены къ лишенію должности, каторжнымъ работамъ, тюремному заключенію и денежному штрафу; главная преступница Сансъ должна была явиться на ауто-да-фе съ кляпомъ во рту и была приговорена къ вѣчному заточенію и получила 200 ударовъ плетьми въ Льеренѣ, гдѣ происходилъ судъ, и 200 въ ла Фуэнте дель Маэстре, гдѣ постоянно жила. Въ 1605 г. францисканецъ Хуанъ де ла Крусъ представилъ толедскому трибуналу записку, въ которой доказывалъ, что неблагопристойныя взаимныя ласки лицъ, стоящихъ на высокой ступени духовнаго развитія, возвышаютъ душу, если ласки эти не сопровождаются желаніемъ грѣшить. Трибуналъ немедленно привлекъ его за это къ отвѣтственности, и если Инквизиція относилась вообще мягко къ виновнымъ въ половыхъ излишествахъ, то къ доктринерамъ ихъ, учившимъ, что половая жизнь является богоугоднымъ дѣломъ, она не проявляла никакого снисхожденія: Хуанъ де ла Крусъ подвергся различнымъ униженіямъ, былъ лишенъ опредѣленныхъ правъ, получилъ удары плетьми и былъ заточенъ въ монастырь на шесть мѣсяцевъ.

Тотъ же толедскій трибуналъ судилъ въ 1616 г. другого мистика, священника Геронимо де ла Мадре де Діосъ. Онъ былъ доминиканцемъ, но за распутство изгнанъ около 1610 г. изъ ордена; въ 1613 г. онъ однажды услышалъ голосъ Бога, и Геронимо сталъ совершенно другимъ человѣкомъ: онъ оставилъ прежнюю жизнь и цѣликомъ посвятилъ себя уходу за больными въ мадридской больницѣ при церкви Св. Мартина. Его проповѣди создали ему вскорѣ необыкновенную популярность и онъ прослылъ святымъ. Въ 1615 г. на него поступилъ доносъ, будто душа можетъ достичь такой степени совершенства, при которой всякая мольба, обращенная къ Богу, является отрицаніемъ совершенства, по смыслу своему не могущаго ни въ чемъ нуждаться. Одновременно приблизительно съ доносомъ Инквизиціи стало извѣстно, что Геронимо написалъ сочиненіе «El Discipulo espiritual que trata de oracion mental y de espiritu», за разрѣшеніемъ о печатаніи котораго онъ обратился къ толедскому епископу. 20 октября 1615 г., въ виду неполученія отвѣта, Геронимо представилъ Супремѣ копію своей работы, прося ее высказаться по этому поводу. 28 мая 1616 г. Супрема отдала приказъ арестовать Геронимо и секвестровать его имущество. Работа была разсмотрѣна 15 теологами, нашедшими въ ней 186 ошибочныхъ

---

[1]) Льоренте («Histoire», II, 3—4) приводитъ тѣ признаки, по которымъ, по опредѣленію Супремы, можно узнать иллюмината.

утвержденій. Въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ Геронимо томился въ тюрьмѣ, а 2 сентября 1618 г. онъ явился на ауто-да-фе, былъ приговоренъ къ abjuratio de vehementi, былъ лишенъ права произносить проповѣди и писать на религіозныя темы, на годъ заточенъ въ монастырь и на пять лѣтъ былъ высланъ изъ Мадрида и Толедо; кромѣ того, онъ долженъ былъ выдать трибуналу всѣ свои рукописи и по прибытіи въ монастырь благодарить инквизиторовъ за мягкій приговоръ [1]). Характерно, что многія изъ 186 ошибочныхъ утвержденій, приведшихъ Геронимо къ ауто-да-фе, въ болѣе раннія времена считались Церковью выраженіемъ высшей религіозности и человѣколюбія и не только ею не преслѣдовались, но всячески пропагандировались, и люди, выступавшіе съ подобными идеями, обычно признавались ею святыми. И Инквизиція до конца XVI вѣка еще не преслѣдовала многихъ изъ ошибочныхъ утвержденій Геронимо и лишь позже стала въ нихъ видѣть отзвуки лютеранской ереси. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ осужденія Геронимо Инквизиція вынесла даже смертный приговоръ in effigie одному мистику. Въ 1620 г. священникъ Хуанъ де Габана и вдова Геронима Гонсалесъ были въ Вальядолидѣ арестованы по обвиненію въ мистицизмѣ. Хуанъ умеръ въ тюрьмѣ и въ 1622 г. былъ сожженъ in effigie; Геронима, выразившая готовность покаяться, была трибуналомъ приговорена къ примиренію съ Церковью, но Супрема отмѣнила приговоръ и потребовала подвергнуть Герониму пыткѣ. Смерть избавила ее отъ этого, и она была in effigie примирена съ Церковью.

Одновременно съ Геронимо появился въ Севильѣ мистикъ Фернандо Мендесъ, учившій, что человѣкъ можетъ непосредственно сливаться съ Богомъ; многочисленные поклонники считали его святымъ, обращались къ нему съ мольбой, чтобы онъ выпросилъ для нихъ у Бога различныя милости; платье Мендеса почиталось какъ реликвія; онъ былъ окруженъ святыми женщинами, beatas, которыя послѣ его проповѣдей сбрасывали съ себя платья и, опьяненныя любовью къ Богу, плясали неприличные танцы; самъ Мендесъ нерѣдко на исповѣди заставлялъ женщинъ подымать юбки и являться предъ нимъ въ неприличномъ видѣ. Къ нему стекались на исповѣдь и проповѣди не только простыя женщины, но и жены высокопоставленныхъ лицъ. Въ 1622 г. Великій инквизиторъ Пачеко распорядился о снаряженіи слѣдствія въ Севильѣ съ цѣлью установить виновныхъ въ распространеніи мистическихъ идей. 30 ноября 1624 года на ауто-да-фе въ Севильѣ явилось 11 иллюминатовъ, изъ которыхъ 8 сознались, что они простые обманщики. Остальные трое были: священникъ Фернандо Мендесъ, умершій до ауто-да-фе, раздавшій своимъ послѣдователямъ свое платье и нынѣ in effigie представшій на ауто-да-фе, рабъ Антоніо де ла Крусъ, приговоренный къ abjuratio de levi и къ епитиміи, и священникъ Франсиско дель Кастильо, отдѣлавшійся abjuratio de levi, четырьмя годами монастырскаго заточенія, изгнаніемъ изъ Севильи и лишеніемъ права исповѣдывать. Кругъ севильскихъ мистиковъ не былъ этимъ исчерпанъ, и въ февралѣ 1627 г. состоялось новое ауто-да-фе: священникъ Хуанъ де Вильяльпандо былъ на 4 года заточенъ въ монастырь и приговоренъ къ штрафу въ 200 дукатовъ, а кармелитка Каталина, имѣвшая, повидимому, непристойныя связи съ Вильяльпандо, была заключена на шесть лѣтъ въ лѣчебницу, гдѣ должна была добывать средства къ существованію трудомъ. Все это были сравнительно мягкія наказанія, но въ 1630 г. были сожжены 8 иллюминатовъ живьемъ и шесть in effigie; всѣ они, вѣроятно, были рецидивистами. На томъ же ауто-да-фе 56 человѣкъ были приговорены къ примиренію съ Церковью [2]). Однако, несмотря на попытки Великаго инквизитора Пачеко строжайшимъ образомъ наказывать мистиковъ, Инквизиція въ общемъ избѣгала примѣненія къ нимъ смертной казни и чаще всего относилась къ

---

[1]) Lea, «History», IV, 26—28.

[2]) Llorente, «Histoire critique», III, 464.

нимъ съ извѣстнымъ снисхожденіемъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ мистиковъ признавались святыми не только широкими слоями народа, но и Церковью, которая нерѣдко ихъ впослѣдствіи канонизировала. Особенно часто это стало практиковаться по отношенію къ такъ назыв. beatas revelandares, ставшимъ въ XVII вѣкѣ обычнымъ явленіемъ въ Испаніи и значительно усилившимъ въ ней религіозный фанатизмъ.

Съ конца XVII вѣка, вмѣсто иллюминатовъ, Инквизиція начала преслѣдовать приверженцевъ молинизма,—ученія, въ которомъ половая извращенность играла особенно сильную роль. Въ 1687 г. былъ арестованъ въ Севильѣ каноникъ Іосифъ Луисъ Наварро де Луна-и-Медина, переписывавшійся съ Молиносомъ и просившій у него указаній, какъ вести себя въ повседневной жизни. Въ 1689 г. былъ осужденъ въ Севильѣ монахъ Педро де Санъ Хосе, послѣдователь Молиноса, совершавшій непристойныя дѣйствія съ исповѣдывавшимися у него женщинами, утверждавшій, что онъ будетъ избранъ папою и что онъ сильно страдаетъ теперь въ виду пришествія Антихриста, находящагося уже въ Іерусалимѣ. Санъ Хосе былъ приговоренъ къ abjuratio de vehementi, къ 6 годамъ монастырскаго заточенія, былъ лишенъ званія проповѣдника и исповѣдника и т. д. 18 мая 1692 г. предстала на ауто-да-фе иллюминатка-молинистка Анна Рагуза, называвшая себя невѣстою Христа. Она утверждала, что свыше получаетъ откровенія, и что къ ней являются божественныя видѣнія; Рагуза отрицала за молитвой и постомъ всякое значеніе и обладала способностью обоняніемъ опредѣлять состояніе совѣсти каждаго человѣка. Она была приговорена къ двумъ годамъ заточенія и 6 годамъ изгнанія. Въ 1693 г. въ молинизмѣ былъ обвиненъ на ауто-да-фе въ Кордовѣ одинъ преступникъ [1]), а въ 1695 г. три въ Валенсіи [2]). Въ доминиканскомъ монастырѣ San Pablo въ Кордовѣ было раскрыто небольшое сообщество иллюминатовъ-молинистовъ, представшихъ 24 апрѣля 1718 г. на ауто-да-фе: 7 человѣкъ понесли различныя наказанія [3]). Въ 1779 г. севильскому трибуналу пришлось имѣть дѣло съ молинисткой Маріей де лосъ Долоресъ Лопесъ, пользовавшейся большой популярностью въ народѣ. 12-ти лѣтъ отъ роду она оставила отцовскій домъ, чтобы сдѣлаться любовницей своего исповѣдника. Слава о ея святости распространялась въ теченіе ряда лѣтъ: она утверждала, что имѣетъ непосредственныя сношенія съ Св. Дѣвой, вышла на небѣ замужъ за Христа въ присутствіи святыхъ Іосифа и Августина, освободила отъ мукъ ада милліоны душъ, что самыя скверныя дѣянія перестаютъ быть грѣховными, разъ совершеніе ихъ вызвано желаніемъ Бога, и т. д. Проповѣдывала Лопесъ свое ученіе въ теченіе 15-20 лѣтъ, но только въ 1779 г. Инквизиціи удалось ее арестовать. На судѣ она упорствовала въ своихъ грѣхахъ; къ ней въ тюрьму были отправлены наиболѣе выдающіеся теологи, чтобы уговорить ее отказаться отъ ложнаго ученія, но она заявила, что Богъ открылъ ей, будто она умретъ мученической смертью, и что черезъ три дня будетъ установлена ея невинность. 22 августа 1781 г. она была приговорена къ сожженію, но инквизиторы умышленно не выдавали ея свѣтской власти въ теченіе трехъ дней, когда будто должна была быть доказана ея невинность. По дорогѣ къ ауто-да-фе она держала во рту кляпъ, такъ какъ въ своемъ упорствѣ она готова была произносить самыя ужасныя святотатства. При видѣ, однако, костра она не выдержала, расплакалась и просила прислать ей духовника. Инкви-

[1]) Matute i Luquin, op. cit., стр. 211. На этомъ ауто-да-фе обвинялись 10 человѣкъ: два іудействующихъ, un hereje moliniste, одна святая, извѣстная обманщица (una beata embustera famoso), двѣ вѣдьмы, двое двоеженцевъ, одинъ женившійся на замужней женщинѣ и одинъ участникъ этого брака.

[2]) Lea, «History», IV, 70.

[3]) Matute i Luquin, op. cit., 215—226. О преступницѣ Изабеллѣ дель Кастильо говорилось, что она была hereje, luterana, calvinista, molinista, alumbrada, sacramentaria, agapete, donatista, blasfema, maestra inventora de nuevos errores. Остальные обвиняемые были духовными дѣтьми этой Изабеллы.

зиція приняла во вниманіе ея угрызенія совѣсти и милостиво распорядилась о томъ, чтобы Марія Лопесъ была предварительно задушена и лишь потомъ предана огню [1]). Большой популярностью пользовалась также Изабелла Марія Эррайсъ (Herraiz), извѣстная подъ кличкой святой изъ Куэнки, beata de Cuenca. Она утверждала, что для большаго сліянія съ Христомъ Его тѣло и кровь вошли въ ея тѣло и кровь; Эррайсъ имѣла большое число послѣдователей, въ особенности среди францисканцевъ и кармелитовъ; въ ея честь устраивались процессіи, зажигались свѣчи и т. д. Ея ученіе вызвало оживленную полемику среди ученыхъ теологовъ: одни утверждали, что ученіе Эррайсъ ложно, ибо она себя ставитъ выше Св. Дѣвы и противорѣчитъ сущности таинства причастія, строго различающаго между кровью и тѣломъ; другіе допускали возможность истины ученія Эррайсъ, но не видѣли достаточныхъ подтвержденій въ ея словахъ; третьи, наконецъ, считали ее добродѣтельнѣйшей и святой женщиной и принимали за истину всѣ ея слова. Слава Эррайсъ росла съ каждымъ днемъ, и Инквизиція 25 іюня 1801 г. арестовала ее вмѣстѣ съ ближайшими ея приверженцами. Она умерла въ тюрьмѣ и была сожжена in effigie; одинъ священникъ и двое монаха, арестованные вмѣстѣ съ Эррайсъ, были сосланы на Филиппинскіе острова, двое свѣтскихъ получили 200 ударовъ и были сосланы, а прислуга Эррайсъ была на 10 лѣтъ отдана въ женское исправительное отдѣленіе [2]). Инквизиція,—пишетъ Ли,—могла уничтожить іудаизмъ, разрушить протестантизмъ, сдѣлать необходимымъ изгнаніе морисковъ, но она оказалась не въ силахъ вырвать съ корнемъ злоупотребленія мистицизмомъ, который не только свидѣтельствовалъ о горячности испанской религіозности, но во многихъ случаяхъ такъ мало отличался отъ ученій, долго признаваемыхъ и распространяемыхъ Церковью [3]).

Solicitatio ad turpia или возбужденіе женщинъ духовникомъ во время исповѣди было частымъ явленіемъ, на которое Церковь обратила вниманіе уже въ XIII вѣкѣ, хотя, въ виду распространенности этого преступленія, наказывала виновныхъ въ немъ сравнительно мягко: часто лишь временнымъ увольненіемъ отъ должности. Въ 1559 г., вѣроятно, подъ вліяніемъ протестантизма, Павелъ IV предоставилъ въ Гранадѣ инквизиторамъ право преслѣдованія священниковъ по обвиненію въ solicitatio ad turpia, а въ 1561 г. Пій IV разрѣшилъ Великому инквизитору Вальдесу распространить это право на всю Испанію. Въ 1608 г. Павелъ V предоставилъ то же право Португальской Инквизиціи, а въ 1612 г. было установлено, что подъ solicitatio ad turpia, входящимъ въ компетенцію Инквизиціи, разумѣется возбужденіе не только женщинъ, но и мужчинъ. Инквизиція, боясь нанести моральный ударъ духовенству, стремилась не поднимать частыхъ исторій изъ-за solicitatio, при чемъ въ вѣроисповѣдныхъ актахъ, призывавшихъ всѣхъ жителей опредѣленной мѣстности къ донесенію трибуналу извѣстныхъ имъ преступленій, опускалась статья о необходимости доноса на духовниковъ-возбудителей. Около 1620 г. появилась даже теорія о томъ, что естественные законы выше писанныхъ, и что уваженіе къ духовенству является закономъ первой категоріи, а донесеніе на преступныхъ духовниковъ принадлежитъ ко второй категоріи законовъ. Правда, Григорій XV въ 1629 г. распорядился о томъ, чтобы всѣ инквизиціонные трибуналы наказывали духовниковъ, учившихъ, будто исповѣдывающіеся не должны доносить на виновныхъ въ solicitatio ad turpia. Наказанія, налагающіяся на solicitatores, зависѣли отъ степени вины и въ общемъ отличались большой снисходительностью; наиболѣе частымъ наказаніемъ было abjuratio de

[1]) Menendez y Pelayo, «Los heterodoxos españoles», III, 405; Lea, «History», IV, 89—90.

[2]) Llorente, «Histoire critique de l'Inquisition», IV, 123—125. Льоренте называетъ наказаніе Эррайсъ самымъ справедливымъ дѣломъ, какое совершила Инквизиція.

[3]) «History», IV, 94.

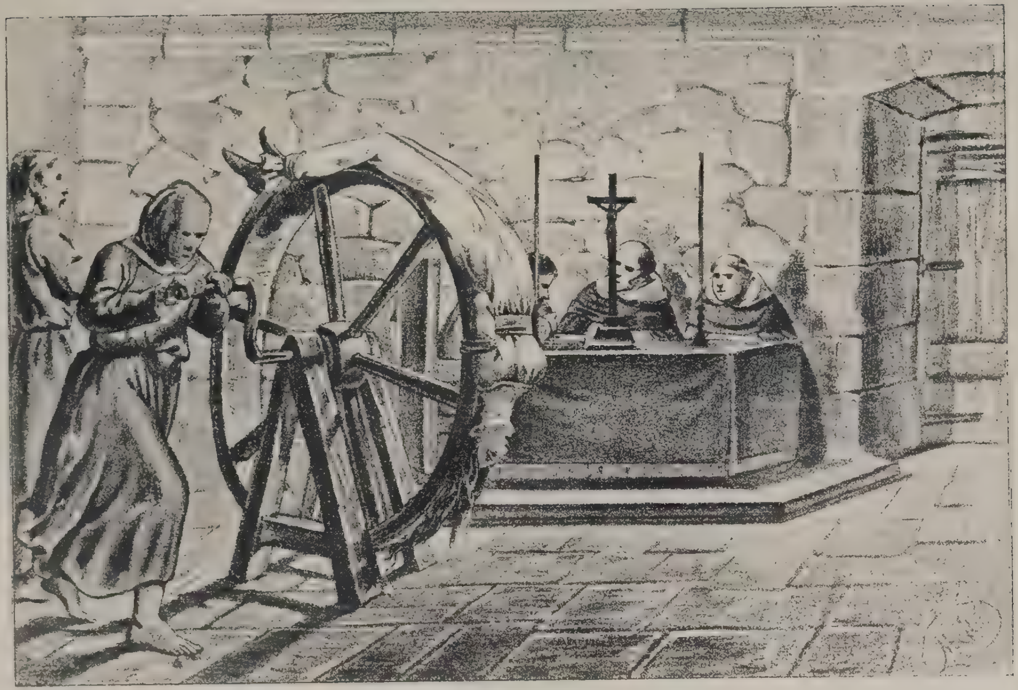
levi, лишеніе права исповѣдывать, заточеніе и епитимія. Въ 1578 г. на кармелита Августина де Сервера поступила жалоба отъ имени 10 женщинъ; онъ былъ лишенъ права исповѣдывать, на годъ заключенъ въ монастырь и долженъ былъ поститься по пятницамъ. На доминиканца Доминго де Ревисто было подано свыше 50 жалобъ; онъ былъ приговоренъ къ 10 годамъ монастырскаго заключенія, помимо другихъ обычныхъ наказаній для этой категоріи преступниковъ. Монахъ Хуанъ Ромеро обвинялся пятью женщинами; на судѣ онъ сознался, что дѣйствительно расточалъ имъ ласки; но, ссылаясь на свою импотенцію, ждалъ отъ суда оправдательнаго вердикта. Онъ, однако, былъ приговоренъ къ 10 годамъ заточенія, епитеміи и т. д. Въ 1600 г. Мигель Кальво, константируя мягкость наказанія, выступилъ съ требованіемъ наказывать строго тѣхъ, которые занимаются solicitatio мужчинъ [1]). Но въ 1611 г. Куніа (Cunha) требовалъ снисхожденія для solicitatio, что, въ свою очередь, опровергалъ де Суза, ссылаясь на строгія постановленія Григорія XV. Инквизиція склонялась на сторону снисходительности. Въ 1625 г. монахъ Хуанъ де Рамиресъ былъ обвиненъ пятью дѣвушками и одной замужней женщиной въ solicitatio ad turpia. По словамъ Ли, ему вынесли самое строгое наказаніе, какое только извѣстно Ли за этотъ періодъ: онъ былъ лишенъ рясы, заключенъ на десять лѣтъ, изгнанъ изъ Бургоса и подвергнутъ унизительному наказанію въ своемъ монастырѣ [2]). Ужасныя преступленія были совершены Эстеваномъ Рамонедой, представшимъ въ 1604 г. предъ барселонскимъ трибуналомъ. Нѣкоторое время Рамонеда отрицалъ свою вину, но затѣмъ сознался, что, поступивъ 15-тилѣтнимъ мальчикомъ въ монастырь, сталъ прибѣгать въ немъ къ самымъ отвратительнымъ и противоестественнымъ половымъ актамъ. Противъ него давали показанія лишь восемь женщинъ, но нѣкоторыя передавали столь отвратительныя подробности, что преступленіе Рамонеды приняло ужасный характеръ, тѣмъ болѣе, что оно совершалось въ церкви. Несмотря на это, судъ вынесъ ему мягкій приговоръ: 4-хлѣтнее заточеніе, лишеніе права исповѣдывать и унизительное наказаніе въ монастырѣ. Между тѣмъ, за оскверненіе церкви, согласно каноническимъ законамъ, налагалась тяжелая кара; чтобы избѣгать примѣненія послѣдней, инквизиціонные софисты толковали, что оскверненіе церкви бываетъ лишь тогда, когда половой актъ совершается публично: ex sola publica effusione seminis aut sanguinis humani ecclesia polluitur. Являвшіеся добровольно предъ инквизиціонными трибуналами съ покаяніемъ, такъ назыв. espontaneados, отдѣлывались меньшимъ наказаніемъ. Такъ, въ 1580 г. предъ толедскимъ трибуналомъ предсталъ францисканецъ Маркъ де Латансонъ, заявивъ, что въ Орче онъ грѣшилъ съ шестью дѣвушками и восемью замужними женщинами. На слѣдствіи выяснилось, что Маркъ исповѣдывалъ женщинъ въ особой комнатѣ, гдѣ стояла кровать; когда женщина вступала въ комнату, онъ запиралъ за ней дверь, начиналъ исповѣдь, но по срединѣ прерывалъ ее, бросался на женщину, предавался насиліямъ и отвратительнымъ актамъ, послѣ чего продолжалъ исповѣдь и давалъ отпущеніе грѣховъ. Маркъ де Латансонъ былъ приговоренъ къ 4 годамъ монастырскаго заточенія и лишенъ права исповѣдывать. Но и это наказаніе считалось чрезмѣрнымъ; мало-по-малу добровольно каявшіеся перестали совершенно наказываться, и когда Супрема, желая установить общее правило для espontaneados, обратилась въ 1780 г. съ вопросомъ къ инквизиціоннымъ трибуналамъ, заставляютъ ли они кающихся грѣшниковъ прибѣгать къ abjuratio de levi, или просто прекращаютъ противъ нихъ начатые процессы, валенсійскій трибуналъ отвѣтилъ, что установился обычай освобождать espontaneados безъ всякаго abjuratio, если только въ ихъ дѣйствіяхъ не было mala doctrina, т.-е. сквернаго ученія, оправдывавшаго ихъ поведеніе съ женщинами. Такое снисхожденіе, естественно, вело къ тому, что духовники, виновные въ solicitatio ad turpia,

---

1) Lea, «History», IV, 127.

2) Ibid., IV, 128.

ПЫТКА КОЛЕСОМЪ.



Su crimen la condenó. (Ея преступленіе осудило ее).

добровольно являлись предъ трибуналами и безпрепятственно продолжали осквернять то святое дѣло, служеніе которому являлось съ внѣшней стороны ихъ долгомъ. Въ Мадридѣ за періодъ отъ 1670 г. до 1772 г. на 108 грѣшныхъ священниковъ было 32 добровольно покаявшихся [1]).

Статистическихъ свѣдѣній о священникахъ и монахахъ, виновныхъ въ solicitatio ad turpia, нѣтъ, тѣмъ болѣе, что для установленія дѣйствительной виновности требовались двѣ свидѣтельницы, что являлось большимъ затрудненіемъ. Этимъ объясняется, почему въ дѣлахъ о solicitatio была значительная непропорціальность между количествомъ донесеній и состоявшимися процессами. За 1723—1820 гг. было возбуждено 3775 дѣлъ по обвиненію духовенства въ solicitatio; бѣлое духовенство было представлено 981 разъ, а черное 2794. Большое число виновныхъ, принадлежащихъ къ черному духовенству, объясняется тѣмъ, что къ нему исповѣдывающіяся охотнѣе обращались, чѣмъ къ бѣлому духовенству; возможно также, что причина болѣе частыхъ преступленій со стороны чернаго духовенства лежала въ томъ, что послѣднее менѣе легко удовлетворяло свои похоти въ повседневной жизни, а потому чаще прибѣгало къ оскверненію таинства причастія. Сколько человѣкъ изъ этихъ 3775 предстало предъ судомъ и кто изъ нихъ былъ приговоренъ къ наказанію,—сказать невозможно; но судя по другимъ цифрамъ, лишь немного случаевъ дошло до судебнаго разбирательства. Такъ, въ Толедо за періодъ отъ 1575 г. до 1610 г. на 1134 преступленія было лишь 52 случая solicitatio ad turpia. Характерно, что среди виновныхъ въ этомъ преступленіи число лицъ, принадлежавшихъ къ представителямъ высшаго духовенства, всегда было очень значительно.

Бигамія или двоеженство строго наказывалось въ Испаніи свѣтскими законами, и казалось, что компетенція Инквизиціи не должна была распространяться на эту область. Однако, въ виду того, что многократная расторжимость брака у евреевъ и многоженство у мавровъ допускались религіозными законами, Инквизиція стала смотрѣть на двоеженство христіанина какъ на іудейскую или мусульманскую ересь. Въ 1486 г. сарагосскій трибуналъ сжегъ in effigie нотаріуса Гинота, вступившаго во вторичный бракъ при жизни своей первой жены. На ауто-да-фе 10-го февр. 1488 г. были приговорены къ вѣчному тюремному заключенію два двоеженца; обычно бигамія, сверхъ того, влекла за собою и конфискацію имущества. 3 февраля 1503 г. въ Барселонѣ двоеженецъ Пере де Сентильяна былъ приговоренъ къ abjuratio, что свидѣтельствовало, что бигамія, въ глазахъ Инквизиціи, является ересью. Характерный случай преслѣдованія бигаміи произошелъ въ Сарагоссѣ въ 1513 г. Донъ Хорхе де Бардахи былъ помолвленъ въ 1477 г. съ Леонорой Ользиной; узнавъ, что она беременна или родила ребенка, Бардахи не хотѣлъ жениться на ней и жилъ отдѣльно отъ нея. Въ 1497 г., т.-е. черезъ 20 лѣтъ, Ользина вышла замужъ за Антоніо Ферера. Сарагосскій трибуналъ узналъ о старой помолвкѣ ея и въ 1513 г. привлекъ Ользину къ суду. Въ защиту свою Ользина указала на то, что Бардахи, сдѣлавшись въ 1577 г. ея женихомъ, былъ уже женатъ на Хуанѣ де Луна. Трибуналъ распорядился объ арестѣ Бардахи по обвиненію въ бигаміи. Но Бардахи, повидимому, имѣлъ большія связи, и за него вступился Фердинандъ. Дѣло перешло къ Великому инквизитору Меркардеру. Дальнѣйшій ходъ дѣла не извѣстенъ. — На севильскомъ ауто-да-фе 13 мая 1565 г. было наказано 14 двоеженцевъ: 9 изъ нихъ получили 1700 ударовъ плетьми, а 5 человѣкъ, кромѣ того, были сосланы на каторжныя работы срокомъ въ 29 лѣтъ (въ общей сложности). Нерѣдко, однако, свѣтскіе суды отрицали за Инквизиціей право преслѣдованія за двоеженство, и на этой почвѣ происходили конфликты между обѣими властями. Въ отче-

---

[1]) Ibid., IV, 133.

тахъ толедскаго трибунала за 1575-1610 годы имѣются 54 случая бигаміи, а за періодъ 1648-1794 гг.—62. Въ 64 ауто-да-фе, происходившихъ въ Испаніи въ 1721—27 гг., было 34 случая бигаміи; позднѣе, однако, число обвиненій въ бигаміи замѣтно пало, вѣроятно, потому, что свѣтскіе суды все болѣе и болѣе стали судить это преступленіе. Во всѣхъ трибуналахъ за время отъ 1780 г. до 1820 г. было 105 случаевъ бигаміи.

Въ коллекціи ауто-да-фе Кордовы, составленной Матуте-и-Лукинъ [1]) двоеженцы представлены сравнительно очень значительно. На ауто-да-фе 3 іюня 1655 г. Габріель де Ольмо, 55 лѣтъ отъ роду, предсталъ со знаками двоеженца на одеждѣ, былъ присужденъ къ abjuratio de levi, 200 ударамъ плетьми и къ изгнанію на 10 лѣтъ изъ Кордовы, Мадрида и мѣста рожденія Ольма, изъ города Бухаланса. Такому же наказанію подверглись на этомъ самомъ ауто-да-фе Марія Агиляръ и Хуанъ Гарсія Талавера. Въ 1723 г. Алонсо Мартинъ за бигамію былъ приговоренъ къ пяти годамъ каторжныхъ работъ; кромѣ того, къ изгнанію на 10 лѣтъ изъ опредѣленныхъ мѣстъ и къ 200 ударамъ плетьми. Аналогичное наказаніе постигло на этомъ же ауто-да-фе куплетиста и комедіанта Христобала Хименеса. Впервые въ Кордовѣ явился на ауто-да-фе преступникъ по обвиненію въ бигаміи въ 1627 г., и коллекціонеръ кордовскихъ ауто-да-фе замѣчаетъ по этому поводу: «по существу двоеженство не является отрицаніемъ какого-либо догмата вѣры». Въ 1767 г., въ царствованіе Карла III, кастильскій совѣтъ подъ вліяніемъ графовъ Аранды, Кампоманеса, Флоридабланки и Роды высказазался противъ того, что Инквизиціи вѣдаетъ дѣла бигаміи, и постановилъ, чтобы отнынѣ процессы, связанные съ вопросомъ о двоеженствѣ, разсматривались обыкновенными свѣтскими судами.

Реформація, отмѣнивъ обязательность безбрачія для духовенства, придала характеръ еретическаго акта вступленію священника или монаха въ бракъ. Въ 1529 г. толедскій трибуналъ приговорилъ сарагосскаго священника, вступившаго въ бракъ, къ слѣдующему наказанію: въ теченіе трехъ дней онъ долженъ былъ со связанными руками и съ кандалами на ногахъ стоять въ нижнемъ бѣльѣ у главныхъ воротъ церкви, а затѣмъ онъ былъ навсегда лишенъ духовнаго званія и высланъ за предѣлы провинціи. Своеобразный характеръ наказанія говоритъ за то, что это былъ первый случай осужденія Инквизиціей женатаго аббата. Въ 1596 г. прелатъ Хуанъ де Овандо извѣстилъ толедскій трибуналъ, что францисканецъ Хуанъ Корильо живетъ съ женщиной, о которой идутъ слухи, будто она его жена. Слѣдствіе доказало, однако, что это обыкновенный конкубинатъ, и дѣло было прекращено Инквизиціей, передавшей его на разсмотрѣніе прелатамъ францисканскаго ордена. Обычнымъ наказаніемъ для вступившаго въ бракъ духовнаго лица были ссылка на каторжныя работы срокомъ на 3—5 лѣтъ, высылка изъ опредѣленныхъ мѣстъ и лишеніе сана. Статистическія данныя свидѣтельствуютъ, что преступленіе это было мало распространено. Въ отчетахъ толедскаго трибунала за 1575-1610 гг. было лишь два случая наказанія лицъ духовнаго званія за нарушеніе безбрачія; за періодъ отъ 1648 г. до 1794 г. въ томъ же Толедо было 10 случаевъ этого преступленія. За 1780-1820 гг. во всей Испаніи указано 6 случаевъ нарушенія целибата. Если нарушеніе обѣта безбрачія наказывалось Инквизиціей, то на конкубинатъ, наоборотъ, она смотрѣла какъ на преступленіе, не касающееся ея. Когда служитель Инквизиціи Хаиме Бокка былъ наказанъ на 12 дукатовъ штрафа за то, что имѣлъ связь съ незамужней женщиной, Супрема сдѣлала выговоръ трибуналу, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло. Однако, противоестественныя связи считались подсудными и Инквизиціи, и въ анналахъ послѣдней встрѣчается

[1]) «Coleccion de los autos etc.», Кордова [1839], псевдонимъ Маріи Рамиреса де ласъ Касасъ Десы.—См. «Boletin de la Real Academia de la Historia», XXXVIII.

немалое количество приговоровъ за этотъ видъ преступленія. Въ 1506 г. севильскій трибуналъ сжегъ 12 человѣкъ за противоестественныя преступленія и осудилъ также многихъ лицъ, успѣвшихъ бѣжать отъ суда. Супрема увидѣла въ этомъ уклоненіе Инквизиціи отъ ея прямыхъ обязанностей, состоявшихъ въ искорененіи іудейской ереси, и 18 октября 1509 г. напомнила всѣмъ кастильскимъ трибуналамъ о необходимости воздерживаться отъ дѣлъ, къ нимъ не относящихся. Въ Арагоніи, однако, Инквизиція вѣдала эти преступленія; точно также Португальская Инквизиція, какъ это видно изъ инструкцій 1640 г., считала pecado mao обычнымъ видомъ ереси, наказуемымъ либо смертью, либо каторгой. На ауто-да-фе 1723 г. въ Лиссабонѣ былъ вынесенъ за pecado mao слѣдующій приговоръ: 10 лѣтъ каторжныхъ работъ и удары плетьми. Когда инквизиторъ Эредіа ревизовалъ въ 1597 г. трибуналы Барселоны, Вича и Ургеля, онъ нашелъ на 68 случаевъ 15 случаевъ, касавшихся обвиненія въ противоестественныхъ преступленіяхъ: впослѣдствіи дѣла о нихъ были, однако, прекращены. Въ Валенсіи на ауто-да-фе отъ января 1598 г. до декабря 1602 г. было 37 осужденныхъ за это преступленіе; изъ нихъ семь монаховъ. За періодъ 1780-1820 гг. было 100 случаевъ обвиненія въ противоестественныхъ половыхъ сношеніяхъ.

Для Инквизиціи является крайне характернымъ, что прелюбодѣяніе, solicitatio ad turpia, двоеженство, противоестественныя сношенія наказывались гораздо менѣе сурово, чѣмъ неосторожно сказанное слово, могущее быть истолковано въ еретическомъ смыслѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, случай съ Альваро де Монтальваномъ. Этотъ 70-тилѣтній старикъ совершилъ вмѣстѣ съ священникомъ Алонсо Руисомъ небольшую прогулку, во время которой священникъ говорилъ на тему о непріятностяхъ земной жизни и блаженствѣ загробной; въ отвѣтъ на это Альваро де Монтальванъ замѣтилъ, что мы ничего не можемъ знать о будущей жизни. Черезъ шесть мѣсяцевъ слова эти стали извѣстны Инквизиціи, и Альваро былъ арестованъ. Слѣдствіе доказало, что въ 1486 г., 41 годъ тому назадъ, во время срока милосердія Альваро добровольно сознался въ соблюденіи нѣкоторыхъ еврейскихъ обрядовъ; этого было достаточно, чтобы теперь, 18 октября 1525 г., онъ былъ приговоренъ къ примиренію съ Церковью, конфискаціи имущества и вѣчному тюремному заключенію; послѣднее вскорѣ было замѣнено домашнимъ арестомъ. Въ 1571 г. священникъ Лидуэньа де Озоріо былъ обвиненъ валенсійскимъ трибуналомъ въ томъ, что сказалъ, во-первыхъ, будто епископы Тридентскаго собора заслуживаютъ сожженія, такъ какъ взяли на себя роль папы, а во-вторыхъ, что святая Анна достойна большаго уваженія, чѣмъ св. Іоакимъ. Лидуэньа былъ приговоренъ къ abjuratio de vehementi, лишенію сана, 6-тилѣтнему заключенію и вѣчному изгнанію изъ Валенсіи. Въ 1582 г. адвокатъ Пабло Эрнандесъ добровольно явился въ судъ и заявилъ, что однажды въ пылу спора сказалъ, будто не всѣ канонизированные дѣйствительно святые. Онъ былъ приговоренъ къ abjuratio de levi, 6 тыс. мараведи, и во время мессы, въ его присутствіи, долженъ былъ быть прочитанъ этотъ приговоръ. Эрнандесъ принесъ жалобу Супремѣ, которая отмѣнила публичное чтеніе приговора въ церкви, но увеличила штрафъ до 20 тыс. мараведи. Въ 1604 г. Гиральдо Парисъ, нѣмецъ, проживавшій въ Мадридѣ и занимавшійся алхиміей, былъ обвиненъ, будто сказалъ, что Ветхій Завѣтъ является басней, св. Іовъ былъ алхимикомъ и что христіанская религія не представляетъ собою непреложной истины; обвиненіе, однако, оказалось мало обоснованнымъ; въ трибуналѣ по поводу приговора замѣчалась discordia. Когда Парисъ сознался въ своемъ преступленіи, онъ былъ приговоренъ къ abjuratio de vehementi, году заточенія въ монастырѣ, выдачѣ всѣхъ книгъ и бумагъ, имѣющихъ отношеніе къ алхиміи, и штрафу въ 3000 дукатовъ. Въ общемъ, однако, наказанія за еретическія выраженія или за могущія быть истолкованными въ такомъ духѣ—такъ назыв. proposiciones—были крайне разнообразны, такъ какъ самыя выраженія, служившія причиной обвиненія, представляли собою цѣлую градацію

преступленій, начиная съ простой ошибки и кончая обычной ересью. Преслѣдованіе за proposiciones крайне печально отражалось на духовной жизни Испаніи, такъ какъ во всѣхъ мысляхъ, словахъ, выступленіяхъ и сочиненіяхъ лучшей части испанскаго общества, въ особенности въ теологическихъ трудахъ, Инквизиція искала прежде всего, нѣтъ ли такихъ proposiciones, какія могли бы дать ей основаніе къ привлеченію авторовъ ихъ къ отвѣтственности. Къ той же группѣ преступленій принадлежало и богохульство. Хотя послѣднее подлежало вѣдѣнію свѣтскихъ и церковныхъ судовъ, Инквизиція, однако, вскорѣ стала требовать для себя права наказывать богохульниковъ, которыхъ она считала еретиками. Въ 1534 г. мадридскіе кортесы горько жаловались на то, что Инквизиція арестовываетъ людей, которые во время игры въ карты или вообще въ пылу гнѣва позволяютъ себѣ богохульственныя выраженія; арестъ Инквизиціи отражается крайне тяжело не только на непосредственномъ виновникѣ богохульства, но и на его потомствѣ, которое въ виду ареста одного члена семьи теряетъ «чистоту крови» въ нисходящемъ поколѣніи. Въ виду этого кортесы ходатайствовали предъ Карломъ V, чтобы богохульство строжайшимъ образомъ наказывалось свѣтскими судами, но отнюдь не Инквизиціей. Карлъ не далъ прямого отвѣта на ходатайство кортесовъ и ограничился заявленіемъ, что Инквизиція можетъ наказывать лишь за такое богохульство, въ которомъ имѣется наличность ереси; въ другихъ случаяхъ богохульство всецѣло входитъ въ сферу дѣятельности свѣтскихъ судовъ. Въ отчетахъ о толедскихъ ауто-да-фе за 1575-1610 гг. встрѣчается 46 случаевъ богохульства; за 1648-1794 гг. въ Толедо было 37 случаевъ, а за 1780-1820 гг. въ трибуналахъ Испаніи мы находимъ 147 осужденій за богохульство.

Когда Инквизиція была введена въ Кастиліи, преслѣдованіе гадателей и маговъ не входило въ компетенцію инквизиторовъ, которые должны были всецѣло посвятить свои силы искорененію іудейской ереси. Въ 1500 г. королевскій декретъ предписываетъ корегидорамъ и судейскимъ чинамъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ ихъ округахъ не было людей, занимающихся гаданіемъ о будущей жизни; буде таковые найдутся, они подлежатъ аресту,—свѣтскія лица должны наказываться свѣтскими судами, духовныя—духовными [1]). Однако, Инквизиція стремилась захватить власть надъ магами, и уже въ 1501 г. сарагосскій трибуналъ арестовалъ нѣсколько некромантовъ и обратился къ Супремѣ съ вопросомъ, какъ поступить съ имуществомъ арестованныхъ. Такъ какъ дѣло, повидимому, впервые разсматривалось Инквизиціей, то Великій инквизиторъ, высказавшись за конфискацію, отправилъ, однако, на утвержденіе короля свое постановленіе. Фердинандъ извѣстилъ архіепископа о необходимости рѣшить этотъ вопросъ на общемъ собраніи компетентныхъ лицъ. Собраніе высказалось, что имущество арестованныхъ принадлежитъ королю; 16 іюня 1511 г. арестованные Мартинъ де Соріа и Гарсіа де Горуаланъ были живьемъ сожжены какъ еретики-гадатели, а Мигель Санчесъ де Ромералъ подвергся сожженію in effigie [2]). Въ это приблизительно время инквизиторы въ Арагоніи стали преслѣдовать магію какъ обычную ересь, такъ что въ вѣроисповѣдныхъ эдиктахъ требовался доносъ Инквизиціи и на тѣхъ, которые занимаются гаданіемъ будущаго. Такое расширеніе сферы дѣятельности Инквизиціи вызвало народное недовольство, и для успокоенія его въ сицилійскихъ инструкціяхъ 1515 г. ясно было указано, что лишь тотъ видъ магіи подлежитъ вѣдѣнію Инквизиціи, который содержитъ въ себѣ еретическія начала [3]). Эта оговорка, очевидно, сильно отразилась на преслѣдованіи Инквизиціей маговъ, такъ какъ съ 1511 г. до 1574 г. въ

---

[1]) Nueva Recop., lib., VIII, tit. III, 17.

[2]) «Revista de España», t. 106.

[3]) Lea, «History», IV, 184.

Арагоніи было лишь 2—3 случая сожженія гадателей-еретиковъ [1]). То же имѣло мѣсто въ Кастиліи, въ Наваррѣ и другихъ мѣстахъ. Оговорки эти не могли, однако, надолго задержать стремленіе Инквизиціи къ захвату власти. Уже въ 1552 г. епископъ Симанкасъ подвергъ критикѣ раздѣленіе магіи на различные два вида и высказалъ предположеніе, что нечистая сила дѣйствуетъ въ каждомъ видѣ магіи; такъ какъ нельзя никогда съ увѣренностью сказать, въ какомъ проявленіи магіи находится элементъ ереси и въ какомъ онъ отсутствуетъ, то Инквизиція, по мнѣнію Симанкаса, должна распространять свою компетенцію на всѣ случаи магіи и не дѣлать между ними различія. Однако, Супрема не рѣшилась цѣликомъ примкнуть къ взглядамъ Симанкаса, и еще въ 1568 г. она вынесла осужденіе инквизитору барселонскаго трибунала за то, что онъ наложилъ наказаніе на Перебону Ната, гадавшаго одной больной женщинѣ: подобные преступники—говорила Супрема—не подлежатъ вѣдѣнію инквизиціонныхъ трибуналовъ, пусть ихъ судитъ обычный духовный трибуналъ.

Какъ всегда, отдѣльные трибуналы опередили Супрему, и въ 1567 г. сарагосскій трибуналъ приговорилъ 14-тилѣтняго мальчика Хуана де Матеба къ 50 розгамъ, шести годамъ монастырской жизни, а по окончаніи этого срока къ году изгнанію за то, что онъ выдавалъ себя за zahorie, т.-е. человѣка, обладающаго способностью видѣть предметы сквозь всякую поверхность (помимо синей) и, слѣдовательно, различающаго глубоко подъ землей все, что въ ней находится. Въ 1585 г. тотъ же трибуналъ осудилъ Грасію Мелеро за то, что она откусила палецъ у повѣшеннаго, утверждая, что палецъ этотъ принесетъ ей счастье. Въ 1585 г. толедскій трибуналъ разсматривалъ сложное дѣло Эльвиры де Сеспедесъ. Молодая рабыня, она вышла замужъ за Кристобала Ломбардо изъ Хаэна и родила отъ него здороваго ребенка. Вскорѣ Эльвира влюбилась въ свою госпожу, увлекла ее и жила не только съ ней, но и съ другими женщинами. Убѣгая отъ преслѣдованія, она одѣлась въ мужское платье и во время возстанія въ Гранадѣ служила солдатомъ въ отрядѣ Луиса Понсе. Въ Мадридѣ она служила въ госпиталѣ и получила званіе хирурга; въ теченіе короткаго времени она и занималась этой профессіей. Женившись въ Іепесѣ на молодой дѣвушкѣ, она своимъ видомъ и безплодіемъ брака вызвала сомнѣніе относительно своего пола; медицинскій осмотръ установилъ, что она—мужчина, и Церковь признала дѣйствительнымъ ея бракъ. Однако, вскорѣ снова возникло сомнѣніе, и магистратъ Оканьи передалъ Эльвиру Инквизиціи. Инквизиціонные врачи заявили, что она женщина, и что ея необыкновенная судьба можетъ быть объяснена лишь дѣйствіемъ демона. Объясненіе это заглушило всѣ сомнѣнія, и Эльвира должна была явиться на ауто-да-фе, была присуждена къ abjuratio de levi, 200 розгамъ и 10-тилѣтней безплатной службѣ въ больницѣ.

Мало-по-малу и Супрема стала расширять сферу своей дѣятельности, и вскорѣ гадатели, исцѣлители, маги и всевозможныя «мудрыя женщины» извѣстныя подъ названіемъ saludadores, ensalmadores, contadores, entendederas, adivinas, ajodadores, подпали подъ власть Инквизиціи. «Для изслѣдователя народныхъ повѣрій,—говоритъ Ли,—нѣтъ болѣе богатаго матеріала, чѣмъ данныя предъ инквизиціонными трибуналами показанія чародѣевъ и чародѣекъ объ ихъ искусствѣ, колдовствѣ, чарахъ и заговорахъ. Обязанностью Инквизиціи было подробно изучить всѣ народные предразсудки; быть можетъ, ей удалось бы скорѣе искоренить эти предразсудки, если бы она съ самаго начала отнеслась къ колдунамъ какъ къ лжецамъ и обманщикамъ. Къ сожалѣнію, юридическая точка зрѣнія Инквизиціи была такова, что колдуны дѣйствительно обладали демоническими способностями или, правильнѣе, заключали съ демонами извѣстные договоры, дававшіе имъ возможность въ опредѣленныхъ случаяхъ дѣйствовать въ качествѣ демоновъ. Преслѣ-

[1]) «Revista de España», t. 106.

дуя колдуновъ-демоновъ, Инквизиція укрѣпляла въ народѣ вѣру въ силу этихъ чародѣевъ, а читая на ауто-да-фе преступныя дѣянія этихъ лицъ, дѣянія, описанныя самими обвиняемыми съ большими подробностями и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, Инквизиція знакомила съ ними широкіе классы народа и распространяла вѣру въ демоновъ и оккультизмъ далеко за предѣлами той мѣстности, гдѣ имѣлъ случай привлеченія къ отвѣтственности какого-либо мага» [1]).

Какъ Церковь, такъ и свѣтскіе суды, признавая власть Инквизиціи въ еретической магіи, оспаривали, однако, исключительное право Инквизиціи преслѣдовать маговъ, и конфликты на почвѣ этой привилегіи продолжались еще въ XVII вѣкѣ, даже въ XVIII-мъ. Такъ, въ 1648 г. вальядолидскій инквизиціонный трибуналъ потребовалъ отъ свѣтскаго и епископскаго судовъ передачи Анны Андресъ въ руки Инквизиціи. Въ 1701 г. валенсійскій трибуналъ узналъ, что свѣтскій судъ привлекъ въ Тортосѣ къ отвѣтственности по обвиненію въ колдовствѣ Хусену Сориту, Франсиску Касетъ и одну дѣвочку. Подъ страхомъ отлученія отъ Церкви и 500 розогъ виновному судейскому чиновнику трибуналъ велѣлъ прекратить дѣло противъ названныхъ лицъ, а архидіаконъ былъ вынужденъ заявить, что будетъ считать виновныхъ отлученными, заключитъ ихъ въ королевскую тюрьму и будетъ содержать ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ распоряженія объ ихъ освобожденіи. Очевидно, судъ не тотчасъ повиновался Инквизиціи, которая 4 января 1702 г. повторила свое требованіе о прекращеніи дѣла; тогда только арестованные были переданы инквизиціонному трибуналу [2]).

Къ магамъ-еретикамъ Инквизиція съ конца XVI вѣка стала относить и астрологовъ, которые по звѣздамъ судили о судьбѣ человѣка. Такъ какъ занятіе астрологіей было очень распространено въ Испаніи, и ей отдавали свои досуги нерѣдко наиболѣе интеллигентныя силы страны, то Инквизиція особенно энергично преслѣдовала эту форму ереси и путемъ усиленной репрессіи надѣялась искоренить это зло. 7 октября 1663 г. въ Толедо былъ присужденъ за занятіе астрологіей священникъ Сакоме Прамосельясъ къ abjuratio de levi и вѣчному изгнанію изъ Испаніи послѣ того, какъ онъ три года провелъ на каторгѣ; кромѣ того, ему было запрещено впредь заниматься астрологіей и читать что-либо по этому предмету. Монахъ Лопесъ Камарена Монтесиносъ былъ въ 1667 г. приговоренъ къ abjuratio de levi, 4 годамъ поселенія въ Африкѣ, 6 годамъ изгнанія изъ Мадрида и Толедо, исключенію изъ ордена и лишенію доходовъ въ качествѣ лица духовнаго званія. Наказанія эти тѣмъ болѣе суровы, что Инквизиція вообще къ магамъ, заключавшимъ «мелкій и частный договоръ» съ демономъ, относилась снисходительно, какъ это видно изъ слѣдующаго, наприм., случая. Въ 1659 г. толедскій трибуналъ арестовалъ литовца изъ Вильны, Хуана Северино, который утверждалъ, что имѣющійся у него какой-то черепъ, изукрашенный имъ серебряными вещами, излѣчиваетъ людей отъ трехдневной лихорадки. Судъ вынесъ Северино строгій выговоръ, угрожая въ случаѣ рецидива сотней розогъ; черепъ былъ отнятъ у Северино и брошенъ въ яму, а серебро его пошло въ погашеніе суммы, которую онъ долженъ былъ внести трибуналу за свое тюремное заключеніе.

Инквизиція, считая маговъ еретиками, не соглашалась па реформу маркиза Помбаля, предложившаго въ 1774 г. объявить всѣхъ маговъ и вообще людей, считающихъ себя въ силѣ измѣнять «непреложные законы природы, установленные Богомъ», простыми обманщиками, сознательно вводящими другихъ въ заблужденіе; этихъ обманщиковъ Помбаль предлагалъ наказывать очень сурово, но въ приговорахъ не должны были перечисляться съ подробностями тѣ чудеса, кои они вызывали своими чарами для того, чтобы никто не допускалъ мысли, что трибуналы и всякіе суды серьезно счи-

---

[1]) «History», IV, 189.
[2]) Id., op. cit., IV, 191.

таются съ ихъ вымышленными показаніями. Мало того: если чародѣй до конца слѣдствія и суда продолжаетъ настаивать на истинности своихъ словъ, онъ попросту долженъ быть объявленъ ненормальнымъ человѣкомъ и отправленъ въ больницу для умалишенныхъ. Предложеніе Помбаля, безъ сомнѣнія, оказало бы очень существенную пользу дѣлу искорененія предразсудковъ въ простомъ народѣ, но оно косвенно бросало невыгодную тѣнь на прошлую дѣятельность Инквизиціи, считавшей кудесниковъ и маговъ серьезными еретиками, и не удивительно, что Инквизиція отвергла проектъ Помбаля и продолжала преслѣдовать—хотя и не сурово—маговъ и кудесниковъ. Еще въ 1818 г. Супрема предписала севильскому трибуналу арестовать Анну Барберо, вступившую во временное соглашеніе съ демономъ. 15 октября 1818 г. Анна Барберо была приговорена къ шести годамъ изгнанія, 200 ударамъ, abjuratio de levi и къ ряду болѣе легкихъ наказаній. 18 іюня 1819 г. другая женщина Франсиска Ромеро, занимавшаяся сверхъ-естественнымъ лѣченіемъ, должна была временно покинуть предѣлы Испаніи и была подвергнута 200 ударамъ, но Супрема, санкціонировавъ постановленіе трибунала объ изгнаніи, отмѣнила розги [1]).

Характерно, что преслѣдованіе маговъ было болѣе частымъ явленіемъ въ позднѣйшее время, нежели въ первые вѣка существованія Инквизиціи. Такъ, въ отчетахъ толедскаго трибунала за время отъ 1575 г. до 1610 г. на 1172 случая было 18 случаевъ преслѣдованія за магію, а съ 1648 г. по 1794 г. въ томъ же трибуналѣ на 1205 преслѣдованій было 100 за магію. На ауто-да-фе въ Валенсіи 1-го іюля 1725 г. изъ 18 преступниковъ было 15 маговъ; 5 декабря 1745 г. въ Кордовѣ были осуждены 8 человѣкъ, изъ которыхъ Педро Алонсо Хурадо обвинялся въ томъ, что съ помощью вѣдьмы проникъ въ шкафъ кордовскаго монастыря Santa Clara и вложилъ туда любовный порошокъ; у Хурадо былъ также заколдованный камень, который давалъ ему необыкновенное счастье въ карточной игрѣ. Кромѣ Хурадо, на томъ же ауто-да-фе были осуждены еще четыре человѣка по обвиненію въ магіи [2]). Всѣ они были приговорены къ болѣе или менѣе тяжелымъ наказаніямъ. Еще чаще происходили процессы противъ маговъ въ концѣ XVIII-го вѣка и въ началѣ XIX-го, такъ что не безъ основанія нѣкоторые изслѣдователи Инквизиціи утверждали, что кудесники и чародѣи замѣнили ей исчезнувшихъ евреевъ и мавровъ.

Въ противоложность магамъ, заключавшимъ лишь временное соглашеніе съ демономъ, вѣдьмы считались окончательно потерянными для христіанства, ибо всецѣло находились во власти сатаны, который ихъ избралъ своимъ орудіемъ для причиненія міру зла. Вѣра въ вѣдьму возникла позже вѣры въ магію, и демонологисты XV-го вѣка (Шпренгеръ, Бернардъ изъ Комо и др.) считали вѣдьмъ представительницами дотолѣ неизвѣстной секты, и лишь со второй половины XV-го вѣка папы начинаютъ энергично настаивать на необходимости преслѣдовать эту новую секту. Въ 1494 г. Repetorium Inquisitorum говоритъ о существованіи вѣдьмъ, которыхъ называетъ популярнымъ уже въ Испаніи именемъ xorguinae; вѣдьмы, по его словамъ, устраиваютъ въ полночь шабашъ, на который слетаются въ большомъ количествѣ и предаются самымъ отвратительнымъ преступленіямъ; если даже шабашъ и является продуктомъ больного воображенія, тѣмъ не менѣе, вѣра въ него хуже всякаго язычества и должна преслѣдоваться въ качествѣ ереси. Первый случай преслѣдованія вѣдьмы, по словамъ Ли [3]), произошелъ въ 1498 г., когда въ Сарагоссѣ была сожжена Грасія ла Валье. Въ той же Сарагоссѣ въ 1499 г. сожгли Марію, жену Гарсіи Біэсы, а въ 1500 г. трехъ женщинъ—Нанавину, Эстефабриту и Маріету. Затѣмъ сарагосскій трибуналъ въ теченіе 12 лѣтъ не сжигалъ вѣдьмъ, и лишь въ

---

[1]) Lea, «History», IV, 204.
[2]) G. Matute i Luquin, «Coleccion de los autos generales i particulares», стр. 378.
[3]) «History», IV, 210.

1512 г. были преданы огню за это преступленіе Мартина Гекъ и Марія де Арбуэсъ. Въ 1522 г. и въ 1535 г. Сарагосса снова видѣла пылающими на кострѣ двухъ вѣдьмъ. Болѣе активную дѣятельность, повидимому, обнаружилъ функціонировавшій въ Бискайѣ трибуналъ, гдѣ, по утвержденію Льоренте, ссылающагося на рукописный матеріалъ, были сожжены въ 1507 г. свыше 30 вѣдьмъ [1]). Ауто-да-фе 1507 г. вызвалъ интересъ къ вопросу о вѣдьмахъ, и въ 1517 г. появилось въ Парижѣ латинское изслѣдованіе «De superstitione» [2]) архидіакона Мартина Андосильи. Въ 1517 г. возникло еще большее преслѣдованіе вѣдьмъ въ Каталоніи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ распоряженіе барселонскихъ инквизиторовъ произвести строгое разслѣдованіе въ горныхъ округахъ, въ особенности въ Ургелѣ, опубликовать рядъ эдиктовъ противъ вѣдьмъ и принять необходимыя мѣры къ ихъ искорененію. Вскорѣ въ Логроньо были осуждены 150 вѣдьмъ.

Есть основаніе полагать, что въ это приблизительно время вѣра въ вѣдьмъ стала сильно распространяться по всей странѣ, и если бы Инквизиція примѣняла къ преступницамъ свои обычныя мѣропріятія, то нашла бы для себя здѣсь богатѣйшую пищу, но дала бы, вѣроятно, сильный толчекъ развитію этого зла въ Испаніи. Супрема сумѣла возвыситься на этотъ разъ надъ мимолетными интересами и стала на правильную точку зрѣнія: считая вѣру въ вѣдьмъ и въ колдовство скорѣе болѣзнью, чѣмъ преступленіемъ, она стала все болѣе и болѣе высказываться за умѣренныя наказанія и, вмѣсто обычной строгости, обнаружила духъ примиренія и снисхожденія. Въ 1522 г. вѣдьмамъ Хаки и Рибагорсы былъ дарованъ срокъ въ шесть мѣсяцевъ для того, чтобы онѣ могли безнаказанно покаяться въ своихъ грѣхахъ. Въ 1526 г. была собрана «конгрегація» въ Гранадѣ, которая должна была разсмотрѣть слѣдующіе шесть пунктовъ: 1) Совершаютъ ли дѣйствительно вѣдьмы тѣ преступленія, о которыхъ онѣ говорятъ, и не являются ли всѣ ихъ показанія плодомъ болѣзненной фантазіи? 2) Если вѣдьмы дѣйствительно совершаютъ подобныя преступленія, то должны ли онѣ быть выданы свѣтской власти для сожженія, или могутъ быть наказаны тюремнымъ заключеніемъ и примиреніемъ съ Церковью? 3) Если вѣдьмы ошибаются и на самомъ дѣлѣ вовсе не совершаютъ тѣхъ преступленій, о которыхъ говорятъ, то должны ли онѣ быть наказаны такъ, какъ будто онѣ совершили эти преступленія, или какъ-нибудь иначе? 4) Входятъ ли въ компетенцію Инквизиціи преступленія вѣдьмъ? 5) Подлежитъ ли обвиняемый наказанію на основаніи однихъ лишь своихъ показаній, или необходимы еще иныя доказательства его вины? 6) Какія мѣры подлежитъ принять для искорененія эпидеміи, выражающейся въ появленіи вѣдьмъ и вѣры въ нихъ?

Конгрегація, членомъ которой, между прочимъ, состоялъ и будущій Великій инквизиторъ Вальдесъ, очень внимательно и подолгу останавливалась на каждомъ вопросѣ. Шестью голосами противъ четырехъ она высказалась за реальность того, что показываютъ вѣдьмы на допросахъ инквизиціонныхъ трибуналовъ. Съ меньшинствомъ голосовалъ и Вальдесъ, который заявилъ, что желалъ бы, чтобы инквизиторы занялись провѣркой того, о чемъ обычно столь много распространяются вѣдьмы. Второй вопросъ представлялъ особенный интересъ въ виду того, что до сихъ поръ вѣдьмы постоянно приговаривались къ смертной казни, и рѣшеніе большинства «конгрегаціи», что отнынѣ онѣ могутъ подлежать примиренію и заключенію въ тюрьму, явилось значительнымъ улучшеніемъ въ процессахъ противъ вѣдьмъ, тѣмъ болѣе, что конгрегація подчеркнула, что убійства, совершаемыя вѣдьмами и о которыхъ онѣ такъ охотно распространяются, принадлежатъ къ области фантазіи, и вѣдьмъ вовсе не слѣдуетъ выдавать какъ убійцъ свѣтской власти.

---

[1]) «Histoire citique», III, 453—454.

[2]) Superstitio неправильно передается словомъ «предразсудокъ». Католическая Церковь подъ superstitio разумѣетъ перенесеніе долженствующихъ одному лишь Богу почестей на другое существо. См. Pruner, «Lehrbuch der katholischen Moraltheologie», 1875.

Если послѣдняя найдетъ, что та или иная вѣдьма дѣйствительно совершила убійство, то она можетъ начать противъ нея преслѣдованіе послѣ того, какъ вѣдьма понесла наказаніе отъ Инквизиціи. По третьему вопросу конгрегація не пришла ни къ какому рѣшенію; но постановленіе, вынесенное по предыдущему пункту и гласившее, что вѣдьмы не подлежатъ смертной казни, отняло у третьяго вопроса его остроту и освобождало членовъ конгрегаціи отъ необходимости вынести точное рѣшеніе. На четвертый вопросъ конгрегація отвѣтила утвердительно и придала лишь санкцію тому, что уже давно практиковалось Инквизиціей. Слѣдующій вопросъ не встрѣтилъ единодушія: пять членовъ комиссіи высказались за достаточность одного лишь признанія; Вальдесъ, однако, прибавилъ, что признаніе должно считаться достаточнымъ лишь тогда, когда приговоръ носитъ наиболѣе мягкій характеръ, при чемъ розги считались имъ среди мягкихъ наказаній. Послѣдній вопросъ, имѣвшій огромное принципіальное значеніе, вызвалъ самыя разнообразныя мнѣнія, и характерно, что лишь три голоса раздалось за усиленіе репрессій противъ вѣдьмъ и три за большую активность въ дѣлѣ разслѣдованія этого зла. Большинство склонялось въ пользу того, чтобы было обращено особенное вниманіе на распространеніе въ народѣ болѣе здравыхъ понятій и на духовную борьбу съ предразсудками. Одни предлагали даже, чтобы бѣднымъ дѣтямъ, впавшимъ въ эту несчастную ересь, была оказана матеріальная помощь для отвращенія ихъ отъ злого искушенія; предложено было также опубликовать эдиктъ о томъ, что имущество вѣдьмъ и вѣрующихъ въ нихъ не будетъ подлежать конфискаціи, если они явятся въ теченіе опредѣленнаго срока предъ Инквизиціей для покаянія. Вальдесъ предложилъ, чтобы инквизиторамъ былъ данъ рядъ новыхъ инструкцій относительно вѣдьмъ, при чемъ главнѣйшей изъ этихъ инструкцій нужно считать ту, которая отнынѣ не придавала никакой вѣры словамъ привлеченныхъ къ трибуналу вѣдьмъ въ отношеніи соучастниковъ ихъ преступленій.

Если принять во вниманіе, съ какой жестокостью во всей Европѣ преслѣдовались преступленія, связанныя съ колдовствомъ, волшебствомъ и чародѣйствомъ, то нужно признать, что попытка Супремы сознательно отнестись къ эпидеміи вѣдьмъ и къ сопровождающимъ ее явленіямъ и смягчить обычныя наказанія должна считаться знаменательнымъ событіемъ, тѣмъ болѣе важнымъ, что въ это именно время вспыхнули сплошныя эпидеміи суевѣрій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Испаніи. Особенно грозные размѣры приняла наваррская эпидемія. Здѣсь, впрочемъ, Супремѣ не удалось обнаружить своихъ примирительныхъ тенденцій, и Инквизиція такъ жестоко преслѣдовала несчастныхъ, преимущественно мнимыхъ, вѣдьмъ, что даже Карлъ V написалъ епископу Калабры, а также доминиканскому и францисканскому орденамъ, чтобы они обратили вниманіе на невѣжество народа и назначили по всей Наваррѣ спеціальныхъ проповѣдниковъ для борьбы съ эпидеміей суевѣрія. Но, къ сожалѣнію, почти никто изъ проповѣдниковъ не считалъ вѣру въ вѣдьмъ предразсудкомъ; всѣ они были убѣждены въ реальности того, о чемъ распространялись вѣдьмы, и считали, что приверженцевъ ихъ слѣдуетъ не вразумлять, а наказывать. Характеренъ въ этомъ отношеніи случай съ священникомъ деревни Барготы. Онъ заключилъ прочный союзъ съ демономъ, который давалъ ему возможность совершать въ теченіе нѣсколькихъ минутъ самыя длинныя путешествія, такъ что священникъ могъ присутствовать на многихъ сраженіяхъ Фердинанда и Карла V въ Италіи и о результатахъ ихъ немедленно сообщать жителямъ Наварры. Однажды онъ узналъ, что мужъ одной женщины, находящейся въ любовной связи съ папой, собирается убить намѣстника св. Петра. Объ этомъ нашему священнику стало извѣстно наканунѣ той ночи, когда должно было совершиться убійство. Онъ поспѣшилъ въ Римъ, передалъ объ этомъ папѣ и спасъ ему, такимъ образомъ, жизнь. Однако, священникъ Барготы не избѣгъ инквизиціоннаго суда за способность летать. Судъ вынесъ ему оправдательный приговоръ,—вѣроятно, потому, что священникъ спасъ папѣ жизнь [1]).

[1]) Llorente, «Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne», гл. XV.

Лишь въ 1530 г. Инквизиція могла практически начать осуществлять въ процессахъ противъ вѣдьмъ духъ умѣренности и снисхожденія. Въ carta acordada всѣмъ трибуналамъ она предписывала соблюдать особую осторожность въ дѣлахъ о вѣдьмахъ, мотивируя свое указаніе сложностью и деликатностью подобныхъ процессовъ. Поведеніе Супремы въ этомъ вопросѣ тѣмъ болѣе удивительно, что большинство теологовъ того времени стояло на точкѣ зрѣнія реальности того, что говорили вѣдьмы, и требовало въ виду этого строжайшихъ противъ нихъ мѣръ. Такъ, инквизиторъ Арнальдо Альбертино, заявившій въ 1521 г., что шабашъ является иллюзіей, галюцинаціей, писалъ въ 1535 г., что послѣ тщательнаго и всесторонняго размышленія онъ пришелъ къ выводу, что онъ раньше находился въ заблужденіи и что преступленія вѣдьмъ дѣйствительно совершаются ими. Другой авторитетъ теологіи того времени, Альфонсо де Кастро, принимаетъ за чистую монету существовавшія въ народѣ повѣрія и легенды о шабашѣ и вѣдьмахъ и оспариваетъ мнѣніе тѣхъ, которые, опираясь на canon Episcopi, утверждаютъ, что разсказы вѣдьмъ одни лишь видѣнія и мечты больного воображенія [1]). Епископъ Симанкасъ, который самъ исполнялъ обязанности инквизитора, былъ увѣренъ, что вѣдьмы слетаются на шабашъ; по его мнѣнію, одни лишь юристы считаютъ иллюзіей показанія вѣдьмъ о шабашѣ, теологи же вѣрятъ въ его существованіе [2]). Правда, прибавляетъ онъ, такая вѣра расхо-

---

[1]) Церковь еще въ IX вѣкѣ объявила, что вѣра, будто ночью порочныя женщины летаютъ по воздуху, исходитъ отъ дьявола, а потому признающій ихъ вѣритъ не въ Бога, а въ дьявола. Знаменитый болонскій монахъ Граціанъ, жившій въ XII вѣкѣ и положившій основаніе каноническому праву, внесъ въ свою «Concordantia discordantium canonum» это заявленіе Церкви. Впослѣдствіи это сочиненіе стало извѣстно подъ названіемъ «Decretum Gratiani», и на него ссылаются какъ на самый авторитетный источникъ. Самое постановленіе Церкви о вѣдьмахъ называется Canon Episcopi, такъ какъ оно начинается словомъ «Episcopi». Несмотря на авторитетъ, коимъ пользовался «Decretum Gratiani», вѣра въ дьявола и въ вѣдьму продолжала распространяться Церковью, старавшейся доказать, что «Canon Episcopi» не касался тѣхъ вѣдьмъ, о существованіи которыхъ стало извѣстно лишь въ XV вѣкѣ. Теологи, отстаивавшіе этотъ взглядъ, ссылались на буллу 5 декабря 1484 г., гдѣ Иннокентій VIII безъ обиняковъ признавалъ существованіе многихъ людей обоего пола, уклоняющихся отъ католической вѣры и съ дьяволами мужскаго и женского пола развратничающихъ: personae utriusque sexus, a fide catholica deviantes cum daemonibus incubis et succubis abuti... Иннокентій перечисляетъ даже, какія бѣдствія могутъ причинять эти люди: они лишаютъ женщинъ способности рожать, губятъ зародыши животныхъ, плоды полей, виноградниковъ и садовъ, даже взрослыхъ мужчинъ, женщинъ и т. д.: mulierum partus, animalium foetus, terrae fruges, vinearum uvas, arborum fructus, nec non homines, mulieres etc. Булла 5 декабря 1484 года имѣла огромное значеніе; она, между прочимъ, назначила авторовъ «Malleus maleficarum» инквизиторами въ западной части Германіи. Буллу эту, начинающуюся словами Summis desiderantes effectibus prout pastoralis sollicitudines cura requirit, мы цитируемъ по «Bullarium» Эйзеншмида, Neustadt a/O., 1831.

Характерно, что самъ Граціанъ, внесшій въ свою «Concordantia» канонъ Episcopi, также вѣрилъ въ maleficium, въ зло, причиняемое дьяволами, вѣдьмами и чародѣями. У него есть особый параграфъ объ импотенціи изъ-за maleficium. De his que maleficiis impediti coire non possunt. Далѣе говорится опредѣленно, что импотенція вызвана вѣдьмами: Si per sortiarias atque maleficas... concubitus non sequitur.

[2]) Неправильно Симанкасъ утверждаетъ, что юристы не вѣрятъ въ реальность вѣдьмъ. Юристъ де Ланкръ, королевскій совѣтникъ парламента въ Бордо, опубликовалъ въ 1595 г. «Tableau de l'incostance de mauvais anges et des démons», въ которомъ подробнѣйшимъ образомъ излагаетъ іерархію демонской арміи и родъ дѣятельности каждаго разряда. Извѣстный лотарингскій судья Ремигіусъ, сжегшій въ теченіе 15 лѣтъ своей практики свыше 900 вѣдьмъ, издалъ въ 1598 г. книгу подъ заглавіемъ «Daemonolatria», въ которой подробно разсказывается, въ какихъ случаяхъ дьяволъ принимаетъ видъ животныхъ, какія преступленія совершаютъ вѣдьмы, что происходитъ на собраніяхъ шабаша и т. д. Бенедиктъ Карпцовъ (ум. въ 1666 г.), отецъ германскихъ криминалистовъ, знаменитый профессоръ, научно доказывалъ существованіе вѣдьмъ и требовалъ сжигать ихъ, ибо «дьяволъ такъ упорно держитъ ихъ въ своихъ цѣпяхъ, что освобождаетъ ихъ не раньше, чѣмъ онѣ испускаютъ духъ на кострѣ. «Ср. Heppe-Soldan

дится съ тѣмъ, что сказано въ «Decretum Gratiani», но это происходитъ отъ того, что въ этомъ сводѣ апостольскихъ каноновъ, папскихъ и декреталей постановленій вселенскихъ соборовъ имѣются въ виду не тѣ вѣдьмы и не тотъ шабашъ, съ которымъ имѣютъ дѣло теологи XVI вѣка.

Несмотря на эти авторитетныя заявленія, Инквизиція продолжала настаивать на своемъ, и въ 1538 г. Супрема предписала инквизитору Вальдеолитасу, чтобы онъ дѣйствовалъ въ Наваррѣ, гдѣ такъ часто вспыхивали эпидеміи суевѣрія, съ особенной осторожностью и не уступалъ народнымъ требованіямъ въ вопросѣ о сожженіи вѣдьмъ. Ему было приказано объяснять наиболѣе интеллигентнымъ лицамъ, что урожай или неурожай зависятъ отъ погоды, а не отъ искусства вѣдьмъ, что плоды нерѣдко гніютъ и тамъ, гдѣ вѣдьмъ совсѣмъ и нѣтъ, и что не слѣдуетъ вѣрить тому, что говорится въ «Malleus maleficarum», авторъ котораго далеко не былъ безгрѣшенъ [1]). Супрема указывала также инквизитору, что не слѣдуетъ выдавать обвиняемыхъ свѣтской власти для наказанія, такъ какъ такая выдача противорѣчила бы постановленіямъ конгрегаціи 1526 г. Случай съ инквизиторомъ Вальдеолитасомъ не былъ исключительнымъ явленіемъ: Супрема часто вмѣшивалась въ теченіе XVI-го вѣка въ отправленіе правосудія по отношенію къ вѣдьмамъ, требуя присылки дѣлопроизводства и настаивая на снисхожденіи. Только вслѣдствіе такого отношенія Супремы къ процессамъ о вѣдьмахъ и колдуньяхъ можно объяснить, почему мурсійскій трибуналъ оправдалъ въ 1584 г. Анастасію Соріану, 28 лѣтъ отъ роду, явившуюся къ трибуналу съ заявленіемъ, будто она въ теченіе многихъ лѣтъ живетъ половой жизнью съ демономъ. Трибуналъ усмотрѣлъ въ словахъ Анастасіи самообманъ, не подлежащій наказанію. Когда та же Анастасія Соріана, черезъ 12 лѣтъ послѣ этого, донесла на себя толедскому трибуналу, продолжая обвинять себя въ томъ же грѣхѣ, она снова была оправдана, хотя въ Толедо ни для кого не было тайной, что Анастасія уже разъ судилась за это преступленіе. Въ 1602 г. предъ трибуналомъ Логроньо предстала молодая женщина Франсиска Буйтранъ, распространявшаяся о своихъ многочисленныхъ грѣшныхъ похожденіяхъ; трибу-

---

«Geschichte der Hexenprozesse», 1880; Hansen, «Zauberwahnn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter», 1901; Giraud, «Histoire de la folie», 1893; Я. Канторовичъ, «Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ», 1899.

[1]) Впервые «Malleus maleficarum» («Молотъ вѣдьмъ») вышелъ въ Страсбургѣ въ 1487 г., до 1520 г. выдержалъ 13 изданій, а въ 1669 г. вышелъ 29-мъ изданіемъ. На заглавномъ листѣ его не былъ указанъ авторъ, но изъ приложенныхъ документовъ явствовало, что «Malleus maleficarum» былъ написанъ германскими инквизиторами Яковомъ Шпренгеромъ и Генрихомъ Институторомъ. Первая половина этого сочиненія, состоявшаго изъ двухъ частей, посвящена тому, какія собственно бѣдствія причиняютъ вѣдьмы человѣчеству и чѣмъ онѣ вообще занимаются. Вторая часть книги говоритъ о томъ, какія слѣдуетъ принимать противъ нихъ мѣры и какъ ихъ наказывать. «Malleus maleficarum» пользовался большимъ авторитетомъ, и имъ пользовались какъ свѣтскіе, такъ и духовные и инквизиціонные судьи для установленія того, является ли данное лицо вѣдьмой, чародѣемъ или магомъ, и какое слѣдуетъ наложить на него наказаніе. Кто не вѣритъ въ существованіе вѣдьмъ, тотъ согласно Malleus maleficarum впадаетъ въ ересь,—errores hereticales. Наказаніемъ для вѣдьмъ должна быть смерть даже тогда когда онѣ каются и возвращаются въ лоно католицизма: quantumcunque paeniteant et ad fidem catholicam reverantur non debent sicut alii haeretici carceribus perpetuis manicipari, sed ultimo supplicio puniri. Всѣ вѣдьмы находятся въ половой связи съ дьяволомъ, и это всѣмъ извѣстно: hoc est commune omnium maleficarum spurcitias carnales cum daemonibus exercere. Вѣдьмы—всѣ женщины, такъ какъ женщина вообще олицетворяетъ собою невѣріе, безчестіе, развратъ и т. д. Самое слово «женщина» — femina — доказываетъ, что въ ней мало вѣры, вѣрности—fe (fides) minus. Мужчины умнѣе женщины, а потому они не такъ подаются дьявольскому наважденію: cum ex naturali rigore rationis quo viri mulieribus praeeminent talia plus abhorrent.— Если о женщинѣ говорится въ хорошемъ смыслѣ, то это только тогда, когда она «не ведетъ половой жизни и остается навсегда дѣвой». См. Hansen въ «Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst», XVII (1898), стр. 119 и слѣд.

налъ, находя ея разсказъ неправдоподобнымъ, вынесъ ей оправдательный приговоръ; свѣтская власть, однако, обратилась къ инквизиціонному трибуналу съ просьбой о преслѣдованіи Буйтранъ, но трибуналъ категорически отказывался преслѣдовать ее, и Буйтранъ была присуждена свѣтскимъ судомъ къ розгамъ за то, что обманывала и дурачила людей [1]).

Отступленіемъ отъ установившейся приблизительно въ 1530 г. политики умѣренности, а также отъ проводившагося Инквизиціей съ этого же времени взгляда, что приписываемыя вѣдьмамъ чудеса и злыя дѣянія—продуктъ больного воображенія, явился большой процессъ 1610 г. въ Логроньо, вызванный сильной вспышкой эпидеміи суевѣрія въ Наваррѣ.

На ауто-да-фе 7 ноября 1610 г. въ Логроньо явилось 53 обвиняемыхъ; изъ нихъ одиннадцать человѣкъ было приговорено къ смерти. Но изъ этой группы 5 человѣкъ умерли въ тюрьмѣ и были сожжены in effigie, остальные же—живьемъ. На это ауто-да-фе собралось много народу изъ всѣхъ концовъ Наварры, и въ процессіи участвовало до 1000 служителей Инквизиціи. Король Филиппъ III, обѣщавшій почтить ауто-да-фе своимъ присутствіемъ, не могъ почему-то прибыть. Чтеніе обвинительнаго акта продолжалось два дня и было окончено во второй день только потому, что стали дѣлать сокращенія при торжественномъ чтеніи. Не всѣ 53 обвиняемыхъ были вѣдьмы: было шесть новохристіанъ, изъ которыхъ четыре соблюдали ceremonias de la ley de Moisen, одинъ пѣлъ, что Мессія еще не пришелъ, а шестой былъ въ теченіе 25 лѣтъ Judio Judaizante. Былъ также одинъ мавръ и одинъ лютеранинъ, державшій рѣчи въ духѣ de la secta de Lutero. Нѣкоторые обвинялись въ святотатствѣ, и вѣдьмами были признаны лишь 29 человѣкъ. Марія Сосайя (Zozaia) каялась и была buen confitente, но она была «учительницей» и обратила въ вѣдьмъ «большое множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей обоего пола», а потому она была приговорена къ сожженію, какъ было объявлено, por haver sido tan famosa Maestra y Dogmatisora. Остальныя вѣдьмы обвинялись въ обычныхъ преступленіяхъ: онѣ устраивали шабашъ, имѣли неестественныя сношенія съ дьяволомъ, жили между собою, причиняли людямъ странныя несчастія, отрекались отъ истинной вѣры, признавали дьявола высшимъ существомъ и т. д. Необыкновеннымъ является описаніе того, какъ вѣдьмы устраивали пиршества изъ мяса умершихъ, при чемъ нерѣдко родитель съѣдалъ собственнаго сына или дочь: y entre otros refiere que desenterraron y comieron su proprio hijo. Изъ человѣческихъ костей изготовлялся ядъ,—не только одна капля котораго, но и одинъ видъ былъ достаточенъ, чтобъ умертвить человѣка. Марія Ирріашъ разсказываетъ, что убила 4 человѣкъ, изъ которыхъ сдѣлала другую смертоносную жидкость. Демонъ сталъ просить ее выпить одну каплю, но она не хотѣла, потому что знала о сильномъ дѣйствіи этого яда. Но демонъ приказалъ ей пить и самъ пилъ эту жидкость. Марія была, однако, непоколебима [2]).

Супрема вскорѣ, однако, вернулась къ прежней своей политикѣ снисхожденія къ вѣдьмамъ и подъ вліяніемъ инквизитора Саласара Фріаса, дѣйствовавшаго въ Наваррѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ ауто-да-фе 1610 г., выпустила рядъ инструкцій, коими предписывалась особая осторожность въ дѣлахъ о вѣдьмахъ и, между прочимъ, приказывалось удалить изъ церквей санбенито осужденныхъ въ 1610 г. и вернуть имъ или ихъ

---

[1]) Lea, «History», IV, 224—225.

[2]) Relacion del auto de fe (Ms. penes me). Менендесъ-и-Пелайо говоритъ, что отчетъ этотъ былъ перепечатанъ въ 1820 г. въ Кадиксѣ. Намъ не удалось и въ Испаніи найти печатный экземпляръ; мы случайно натолкнулись на рукопись съ изложеніемъ этого ауто-да-фе. Мы помѣщаемъ фотографическій снимокъ первой страницы этой рукописи. По утвержденію Менендесъ-и-Пелайо, отчетъ былъ выпущенъ Моратиномъ подъ псевдонимомъ Гинесъ де Посадилла съ примѣчаніями; отчетъ былъ напечатанъ и въ 1812 г. Menéndez-y-Pelayo, «Historia de los heterodoxos españoles», III, 287; Lea, «History», IV, 228.

RELACION

Del Auto de fee que se hizo en la
Ciudad de logroño por los inquisido-
res el Doctor Don Alonso Becer-
ra Olgin Cauallero del
Auito de Calatraua. Y
el Licenciado Juan del
Valle Aluarado. Y el
Licenciado Alonso
de Salazar In-
quisidores. Pu-
blicose en si-
ete del Mes
de Novi-
embre.

Anno Dni.

. 1610 .

Este auto de la fee es de las personas que sa-
lieron y de las cosas notables que se vieron por que

(Отчетъ объ ауто-да-фе 1610 г. въ Логроньо).

наслѣдникамъ конфискованное у нихъ имущество. Отнынѣ Супрема строго слѣдила за тѣмъ, чтобы провинціальные трибуналы провѣряли всѣ показанія обвиняемыхъ вѣдьмъ и не выносили легкомысленныхъ приговоровъ, а тѣмъ болѣе суровыхъ. Такъ какъ обычно нельзя было доказать реальности словъ вѣдьмъ, то фактически ихъ перестали преслѣдовать, и въ Вальядолидѣ, напр., съ 1622 г. по 1662 г. на 667 процессовъ было лишь 5 противъ вѣдьмъ, при чемъ послѣдній процессъ имѣлъ мѣсто въ 1641 г. Въ Толедо съ 1648 г. по 1794 г. не было ни одного суда надъ вѣдьмой. Точно также въ отчетахъ Испанской Инквизиціи о 962 процессахъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1721-27 гг. и закончившихся 64-мя ауто-да-фе, не было ни одного случая преслѣдованія вѣдьмы. Разумѣется, вѣра въ послѣднюю не исчезла въ Испаніи, но привлеченіе вѣдьмъ къ отвѣтственности становилось все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ, и отдѣльные случаи его почти всегда заканчивались оправдательнымъ приговоромъ. Во всей Испаніи отъ 1780 г. до 1820 г. было всего 4 случая обвиненія женщинъ въ томъ, что онѣ—вѣдьмы, убиваютъ дѣтей, уничтожаютъ хлѣбъ на полѣ и причиняютъ странѣ большія бѣдствія. Изъ этихъ 4 случаевъ одинъ произошелъ въ 1781 г., второй—въ 1791 г., а послѣдніе два въ 1815 году.

Въ 1726 г. образовалась въ Гибралтарѣ первая въ Испаніи франкмасонская ложа; за ней вскорѣ возникли ложи въ Мадридѣ и Кадиксѣ [1]). Вначалѣ членами франкмасонскихъ ложъ были англичане; однако, черезъ нѣкоторое время и испанцы стали вступать въ эти тайныя организаціи. 28 апрѣля 1738 г. папа Климентъ XII въ буллѣ In eminenti обратилъ вниманіе на то, что вступающіе во франкмасонскую ложу обязаны принести тайную присягу, что свидѣтельствуетъ о какихъ-то злыхъ планахъ этихъ организацій. Папа въ виду этого запретилъ, подъ угрозой отлученія отъ Церкви, записываться въ ложи и предписалъ епископамъ и инквизиторамъ начать преслѣдованіе противъ тѣхъ, которые уже состоятъ членами этихъ тайныхъ сообществъ, равно какъ и противъ тѣхъ, которые оказываютъ имъ какую-либо помощь. 11 октября 1738 г. Великій инквизиторъ Орбе-и-Ларреатеги опубликовалъ въ особомъ циркулярѣ папскую буллу, объявивъ, что Инквизиціи принадлежитъ исключительное право преслѣдованія франкмасонства. Великій инквизиторъ грозилъ строгими наказаніями ослушникамъ буллы и требовалъ, чтобы въ теченіе 6 дней, подъ угрозой отлученія отъ Церкви и штрафа въ 200 дукатовъ, были сдѣланы доносы отъ тѣхъ, кому что-либо извѣстно о франкмасонскихъ ложахъ. Циркуляръ Великаго инквизитора долженъ былъ читаться во всѣхъ церквахъ, а затѣмъ его слѣдовало прибить къ дверямъ церквей, и народъ, до того совершенно не имѣвшій понятія о франкмасонствѣ, узналъ о существованіи его, при чемъ сразу много подробностей, которыя и стали служить темой для позднѣйшихъ ложныхъ доносовъ.

Недолго, однако, Инквизиціи принадлежала исключительная юрисдикція въ дѣлѣ борьбы съ франкмасонствомъ: въ 1740 г. Филиппъ V опубликовалъ эдиктъ, коимъ свѣтской власти предоставлено было, наравнѣ съ Инквизиціей, налагать наказанія на франкмасоновъ, и хотя Супрема протестовала противъ нарушенія ея правъ, Фердинандъ VI въ 1751 г. повторилъ эдиктъ Филиппа V, настаивая на правѣ свѣтской власти преслѣдовать тѣхъ, которые организуются въ тайныя сообщества съ антигосударственной цѣлью. Агенты Филиппа открыли въ 1740 г. франкмасонскую ложу въ Мадридѣ; члены ея были

---

[1]) По словамъ Финделя, первая испанская ложа была открыта въ Гибралтарѣ въ 1727 г., а вторая—въ Мадридѣ въ 1728 г. Въ 1739 г. лордъ Ловелль, Великій мастеръ Англіи, назначилъ Якова Куммерфорда провинціальнымъ Великимъ мастеромъ Андалузіи.—Ср. Findel, «Geschichte der Freimaurerei von der Zeit ihres Entstehens bis zur Gegenwart», стр. 400, Лейпцигъ, 1866, 2-ое изд.

приговорены къ продолжительнымъ галернымъ работамъ [1]). Въ 1744 г. мадридскій инквизиціонный трибуналъ приговорилъ въ качествѣ франкмасона каноника Франсиско Ауріона де Роскобеля къ abjuratio de levi и изгнанію изъ Испаніи. Въ 1751 г. патеръ Торубія, стремясь получить епископское званіе, съ разрѣшенія папы лицемѣрно вступилъ въ члены франкмасонства и вскорѣ донесъ правительству и Инквизиціи имена всѣхъ франкмасоновъ. Начались многочисленные аресты и ссылки, которые почти совершенно уничтожили всѣ существовавшія ложи [2]). Въ 1756 г. тотъ же трибуналъ примирилъ съ Церковью Доминго Отаса, а въ 1757 г. французъ Турнонъ былъ заключенъ на годъ въ тюрьму и изгнанъ навсегда изъ Испаніи за попытку сдѣлать своихъ служащихъ франкмасонами [3]). Мѣры эти, повидимому, не оказали вліянія на ростъ франкмасонства, и въ 1760 г. организовалась «Gran Logia española», которая объявила себя независимой отъ лондонской ложи, и благодаря которой въ 1726 г. возникла первая испанская франкмасонская ложа въ Гибралтарѣ. Въ независимую ложу стали вступать высокопоставленныя лица, при чемъ нѣсколько министровъ Карла III считались ея членами. Эта ложа, превратившаяся вскорѣ въ «Великій Востокъ», встрѣтила соперницу въ лицѣ «Испанской ложи», основанной Каліостро, куда стали собираться революціонные элементы Испаніи [4]). Въ дни Наполеона франкмасоны революціонно-республиканской ложи принимали видное участіе въ общественно-политической жизни, но съ наступленіемъ реакціи Пій VII опубликовалъ 15 августа 1814 г. декретъ, въ которомъ горько жаловался, что буллы его предшественниковъ относительно франкмасоновъ совершенно забыты. Пій требовалъ строгихъ каръ для виновныхъ, настаивалъ на необходимости конфисковать имущество масоновъ и обѣщалъ щедрые подарки тѣмъ, которые будутъ доносить Инквизиціи объ извѣстныхъ имъ членахъ этихъ сообществъ. 2 января 1815 г. Инквизиція дала 15-тидневный срокъ, въ теченіе котораго кающіеся могли разсчитывать на полное прощеніе; по истеченіи же этого времени свѣтская и духовная власти должны были дѣйствовать по отношенію къ виновнымъ со всей строгостью законовъ. Срокъ милосердія былъ, впрочемъ, удлиненъ до 14 мая; но Фердинандъ VII, повидимому, вовсе не считался съ милостивыми обѣщаніями Инквизиціи и сталъ преслѣдовать виновныхъ франкмасоновъ не только до истеченія срока, но даже до опубликованія эдикта о милосердіи. Такъ, 25 сентября 1814 г. было арестовано 25 человѣкъ по обвиненію въ принадлежности къ масонской ложѣ. Свѣтская власть считала, что ей должны быть подсудны франкмасоны, а потому игнорировала всѣ распоряженія Инквизиціи, но послѣдняя не желала отказываться отъ своихъ правъ, и фактически франкмасоны подлежали двойной юрисдикціи. Французъ Жанъ Ростъ былъ въ 1817 г. приговоренъ гранадскимъ королевскимъ судомъ къ ссылкѣ въ Сеуту, а севильскій инквизиціонный трибуналъ, снова судивъ Роста, постановилъ заключить его въ сеутской тюрьмѣ. Насколько Инквизиція слѣдила за тѣмъ, чтобы изъ ея вѣдѣнія не ускользали виновные, видно изъ слѣдующаго факта, имѣвшаго мѣсто въ 1815 г. Священникъ Діэго Диликадо изъ Коруньи донесъ свѣтской власти, что въ его городѣ существуетъ франкмасонская ложа. Инквизиція сочла нужнымъ наказать Диликадо за то, что онъ донесъ объ этомъ свѣтской власти, а не инквизиціонному трибуналу.

---

[1]) Del Castillo y Magone, «El Tribunal de la Inquisicion llamado de la fe», Барселона, 1835, II, 154.

[2]) Findel op. cit.; Eybert, «Die Märtyrer der Freimaurerei Spaniens», Веймаръ, 1851.

[3]) Llorente, «Histoire critique», IV. 51—68. — Здѣсь подробно приводятся вопросы, задававшіеся инквизиторами Турнону, а также и отвѣты, свидѣтельствовавшіе, какъ ничтожны были всѣ пункты обвиненія Турнова въ франкмасонствѣ.

[4]) Объ авантюристѣ Каліостро (Cagliostro) появилось недавно новое изслѣдованіе. M. Haven, «Le Maître inconnu Cagliostro», Paris, 1913, 332, стр. (съ портретомъ К.). Настоящая его фамилія и имя были—Іосифъ Бальсамо. Какъ извѣстно, Каліостро одно время жилъ въ Россіи.

Франкмасонство никогда не принимало въ Испаніи большихъ размѣровъ. Съ 1780 г. до 1815 г. было всего 19 случаевъ преслѣдованія за принадлежность къ франкмасонскимъ ложамъ. Въ 1816 г. было 25 случаевъ, въ 1817 г.—14, въ 1818 г.—9, а въ 1819 г.—7 случаевъ [1]).

Въ 1820 г. кортесы возстановили закрытыя ложи и прекратили начатыя противъ масоновъ преслѣдованія. Но уже въ 1823 г. былъ арестованъ братъ Катеро, заподозрѣнный въ франкмасонствѣ, а 1 августа 1824 г. Фердинандъ снова объявилъ, что франкмасоны представляютъ опасность для государства и потому должны преслѣдоваться. Нѣкоторые франкмасоны были судимы гражданскими или военными судами и не попали въ руки Инквизиціи. Но такихъ случаевъ, вѣроятно, было не очень много, такъ какъ Инквизиція зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы всѣ преступники проходили черезъ горнило ея трибуналовъ. Такъ, въ 1817 г., узнавъ, что въ Сантъяго долженъ былъ судиться франкмасонъ Мануэль Льоренте, Супрема напоминаетъ трибуналу, что онъ долженъ немедленно послѣ королевскаго суда надъ Льоренте привлечь его снова къ отвѣтственности и судить согласно своимъ законамъ. Несмотря на свою слабость, франкмасоны въ 1820 г. причинили не мало заботъ правительству Фердинанда VII, такъ какъ имъ удалось привлечь на свою сторону часть офицеровъ и поднять знамя возстанія, закончившагося торжествомъ конституціоналистовъ. Но эти франкмасоны подлежали суду свѣтской власти, и Инквизиція не претендовала на этихъ преступниковъ, тѣмъ болѣе, что по отношенію къ нимъ спеціальные военные суды поступали съ необыкновенной жестокостью: 9 октября 1824 г. было издано распоряженіе, гласившее, что виновные франкмасоны будутъ казнены и имущество ихъ будетъ конфисковано, если они добровольно не явятся предъ военнымъ судомъ [2]). Въ 1825 г. въ Гранадѣ была приговорена къ смерти ложа, состоявшая изъ 7 мастеровъ, а поступившій въ ложу наканунѣ ареста ученикъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на пять лѣтъ [3]). Гренада на Антильскихъ островахъ послѣдовала примѣру Гранады и въ 1828 г. приговорила къ смерти Каврилано и Аловареса де Сотомайора. Даже въ 1853 г. Великій мастеръ Эйбертъ вмѣстѣ съ 12 членами ложи были приговорены къ 7 и 5 годамъ тюрьмы за приадлежность къ франкмасонству [4]).

Одновременно съ франкмасонскими идеями въ Испанію стали проникать тенденціи просвѣтительной эпохи, столь волновавшей въ то время передовые умы Франціи. Со вто-

---

[1]) Lea, «History», IV, 305.

[2]) Насколько вражда къ масонамъ сильна среди испанскаго духовенства даже въ наши дни, видно изъ книги іезуита Рикардо Каппа (Ricardo Cappa, «La Inquisición española», Мадридъ, 1888), написанной въ научномъ духѣ въ защиту Инквизиціи. Каппа серьезно утверждаетъ, что на франкмасонскихъ собраніяхъ часто предсѣдательствуетъ діаволъ въ образѣ человѣка. «Jourdan de la Passardière refiere haber conocido un sacerdito, oficial en otro tiempo y afiliado á la masoneria, el qual debiendo hacer en ella no sé que juramentos, vio al diabolo que en forma humana vino á presidir la ceremonia (Журданъ де ла Пассардьеръ передаетъ, что онъ зналъ священника, который когда-то служилъ; когда онъ записался членомъ франкмасонской ложи, то долженъ былъ принести какую-то присягу и увидѣлъ въ образѣ человѣка дьявола, явившагося для предсѣдательствованія на этой церемоніи). Докторъ Рекамье разсказываетъ: «La silla presidencial estaba vacia y sólo se esperaya al que debia ocuparla, el cual llegó de un modo misterioso. Recamier hizo la señal de la santo cruz, y al punto grito colérico el presidente: Nos han vendido, y desapareció. Предсѣдательское кресло пустовало. Ждали того, кто долженъ его занять; онъ явился таинственнымъ образомъ. Рекамье осѣнилъ себя святымъ крестомъ и тотчасъ предсѣдатель неистово закричалъ: насъ предали,—и исчезъ.

[3]) Гранада была центромъ франкмасонства.—См. «Memoires historiques sur Ferdinand VII» par Don ***, 1824 (переводъ съ испанскаго; есть и англійское изданіе).

[4]) Findel, op. cit; Eybert, «Die Märtyrer der Freimaurerei Spaniens», 1854.

рой половины XVIII вѣка Инквизиція стала привлекать къ отвѣтственности по обвиненію въ новой ереси, которую она обычно называла философствованіемъ или натурализмомъ. Ересь эта была сравнительно сильно распространена среди высшей аристократіи, и Инквизиція подозрѣвала, что нѣкоторые изъ министровъ Карла III, какъ Аранда, Флоридабланка и другіе, въ душѣ сочувствуютъ натурализму. Однако, привлечь ихъ къ отвѣтственности Инквизиція не рѣшалась. Въ 1776 г. она обвинила въ этой ереси портоваго чиновника въ Кадиксѣ, доктора Луиса Кастельяноса. Обвиненіе гласило, что Кастельяносъ считалъ себя агностикомъ и утверждалъ, что нельзя ничего опредѣленнаго знать о Богѣ и загробной жизни. На судѣ онъ сначала отрицалъ свою вину, но затѣмъ сознался и молилъ о пощадѣ. Онъ былъ приговоренъ севильскимъ трибуналомъ къ частному ауто-да-фе въ инквизиціонной тюрьмѣ Тріанѣ, къ abjuratio, конфискаціи имущества, къ ношенію sanbenito de dos aspas и къ служенію въ госпиталѣ въ теченіе 10 лѣтъ въ Оранѣ, являвшемся мѣстомъ ссылки. На ауто-да-фе присутствовали, по приглашенію Инквизиціи, очень многія высокопоставленныя лица, которыя могли убѣдиться, какія строгія наказанія ждутъ послѣдователей французскихъ просвѣтительныхъ идей. Около этого же времени начался процессъ и противъ адвоката Олавиде, занимавшаго высокій постъ при севильскомъ губернаторѣ и защищавшаго идею устройства иностранныхъ колоній внутри Испаніи, богатой пустопорожними землями. Когда Олавиде былъ назначенъ главнымъ интендантомъ колоніи у подошвы Сіерра Морена, у него произошло столкновеніе съ монахомъ Ромуальдомъ изъ Фрейбурга, который находился во главѣ прибывшихъ изъ Германіи колонистовъ. Ромуальдъ въ 1778 г. донесъ Инквизиціи, что Олавиде—матеріалистъ и атеистъ, состоитъ въ перепискѣ съ Вольтеромъ и Руссо, читаетъ запрещенныя книги, не вѣритъ въ чудеса и т. д. Инквизиція, однако, потеряла уже свою былую силу и не рѣшалась безъ королевскаго разрѣшенія начать преслѣдованіе противъ этого крупнаго чиновника. Къ концу 1775 г. Олавиде подъ ничтожнымъ предлогомъ былъ вызванъ ко двору, и хотя въ его пользу выступилъ министръ юстиціи Мануэль де Рода, онъ 14 ноября 1776 г. былъ все-таки арестованъ, и мадридскій трибуналъ началъ собирать противъ Олавиде «необходимыя обвинительныя данныя». Въ теченіе двухъ лѣтъ сидѣлъ Олавиде въ предварительномъ заключеніи; были допрошены 72 свидѣтеля, и собрано было 166 еретическихъ мыслей, высказанныхъ Олавиде.

Инквизиціи желала устроить надъ Олавиде публичное ауто-да-фе съ цѣлью вселить страхъ всѣмъ тайнымъ философамъ, раздѣлявшимъ мысли Олавиде и благодаря своему положенію отчасти гарантированнымъ отъ преслѣдованія. Однако, вина Олавиде была не настолько велика, чтобы можно было устроить торжественное ауто-да фе, и Супрема обратилась въ Римъ съ вопросомъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Изъ Рима получился отвѣтъ: устроить частное ауто-да-фе, но пригласить къ нему большое число высокопоставленныхъ и знатныхъ людей. 24 ноября 1778 г. Олавиде явился на ауто-да-фе, на которомъ присутствовали многочисленные друзья и защитники его, во главѣ съ министромъ Кампоманесомъ. Въ теченіе трехъ часовъ инквизиторъ читалъ предосудительныя мысли и слова виновнаго, отрицавшаго ихъ и называвшаго себя жертвой клеветы. Онъ былъ, однако, приговоренъ къ примиренію съ Церковью, конфискаціи имущества, къ изгнанію изъ мѣстъ, находящихся на разстояніи менѣе 40 миль отъ Мадрида и другихъ королевскихъ резиденцій, а также изъ Андалузіи, Лимы и колоніи у подошвы Сіерра Морена; кромѣ того, его заточили на 8 лѣтъ въ монастырь, и онъ былъ лишенъ, равно какъ его потомство до пятаго поколѣнія, опредѣленныхъ гражданскихъ правъ, какъ самый тяжкій еретикъ. Суровый приговоръ такъ потрясъ Олавиде, что онъ тутъ же, на виду у всѣхъ своихъ бывшихъ покровителей и друзей, упалъ въ обморокъ. Наказаніе, однако, не было смягчено, и онъ былъ отправленъ въ Герону, гдѣ просидѣлъ въ монастырѣ до 1780 г., когда вслѣдствіе разстроеннаго здоровья получилъ разрѣшеніе временно отправиться въ курортъ,

откуда бѣжалъ во Францію. Такъ какъ испанское правительство вскорѣ обратилось къ французскому съ просьбой о выдачѣ бѣглеца, то Олавиде скрылся въ Женеву, которую перемѣнилъ на Парижъ, когда во Франціи вспыхнула Великая революція. Живя жизнью эмигранта, испытывая нужду, Олавиде все болѣе и болѣе сталъ переходить на сторону защитниковъ трона и алтаря и еле спасся отъ гильотины. Въ 1798 г. онъ опубликовалъ въ Валенсіи брошюру «El Evangelio en triunfo, ó Historia de un filósofo disengañado», въ которой каялся въ своихъ грѣхахъ. Брошюра обратила на себя благосклонное вниманіе Великаго инквизитора Лоренсаны и получила значительное распространеніе въ Испаніи. Великій инквизиторъ разрѣшилъ ему вернуться на родину, гдѣ онъ и умеръ въ 1804 году [1]).

Приглашеніе высокопоставленныхъ лицъ на ауто-да-фе было прекраснымъ средствомъ внушить страхъ тѣмъ слабохарактернымъ «натуралистамъ», которые, увлекаясь модой, позволяли себѣ исповѣдывать просвѣтительныя идеи. Такъ, на слѣдующій день послѣ ауто-да-фе надъ Олавиде присутствовавшій на этомъ торжествѣ Филиппъ Саманіего, архидіаконъ и членъ государственнаго совѣта, явился предъ трибуналомъ и заявилъ, что онъ часто и усердно читаетъ запрещенныя книги. Саманіего представилъ даже длинный списокъ книгъ, прочитанныхъ имъ [2]); онъ прибавилъ, что книги эти вселили ему нѣкоторыя сомнѣнія относительно истинности тѣхъ или иныхъ религіозныхъ началъ, но послѣ нѣкотораго размышленія онъ, однако, вернулся въ лоно католицизма и проситъ помиловать его за это. Этимъ заявленіемъ инквизиторы воспользовались, чтобы скомпрометировать рядъ знатныхъ людей, такъ какъ отъ Саманіего потребовалось, чтобы онъ донесъ на тѣхъ, кто съ нимъ говорилъ и спорилъ на религіозныя темы, кто снабжалъ его книгами, кому онъ давалъ для чтенія предосудительныя произведенія и т. д. Въ связи съ показаніями Саманіего начались процессы противъ министровъ Аранды, Кампоманеса, Флоридабланки, О'Рейлли, Ласи, герцога Алмодовара и генераловъ Рикардоеса и Массонеса де Лима, парижскаго посланника, и другихъ. Такъ какъ противъ этихъ лицъ были показанія лишь одного свидѣтеля, то Инквизиція не рѣшалась привлечь ихъ къ отвѣтственности, тѣмъ болѣе, что всѣ они имѣли могущественныхъ покровителей и друзей при дворѣ и въ Римской Куріи [3]). Не такъ счастливы были тѣ, у которыхъ не было такихъ связей, какъ у бывшихъ министровъ и королевскихъ фаворитовъ. Докторъ Григорій де Висенте, профессоръ философіи въ Вальядолидскомъ университетѣ, былъ обвиненъ въ «натурализмѣ», такъ какъ въ его лекціяхъ были найдены 20 подозрительныхъ выраженій, а въ одной рѣчи онъ заявилъ, что сущность религіи состоитъ не въ обрядахъ, а въ добродѣтели. Въ теченіе 8 лѣтъ профессоръ содержался въ тюрьмѣ, пока его дядя, инквизиторъ въ Сантъяго, не добился отъ вальядолидскаго трибунала, чтобы онъ въ 1801 г. объявилъ де Висенте ненормальнымъ, а его слова—ересью. Къ несчастью для Висенте, онъ на свободѣ велъ себя такъ, что не могло быть сомнѣнія въ его нормальныхъ умственныхъ способностяхъ: трибуналъ привлекъ его поэтому къ суду и еще разъ держалъ его цѣлый годъ въ тюрьмѣ. Висенте публично покаялся и былъ приговоренъ къ нѣкоторымъ духовнымъ наказаніямъ [4]).

Одновременно съ Висенте подвергся преслѣдованію профессоръ словесности въ Саламанкскомъ университетѣ, выдающійся ученый Рамонъ де Саласъ. Въ 1796 г. онъ былъ арестованъ по обвиненію въ пропагандѣ идей Вольтера, Руссо и другихъ представителей французской философіи. Не отрицая своего знакомства съ произведеніями этихъ писателей,

---

[1]) Lea, «History», IV, 311; Llorente, «Histoire critique», II, 543—547.

[2]) Среди книгъ были сочиненія Монтескье, Руссо, Вольтера, Гоббеса, Спинозы, Мирабо, Д'Аламбера, Дидро и др.

[3]) Llorente, «Histoire», II, 549—550.

[4]) Llorente, op. cit., II, 479—480.

Рамонъ де Саласъ утверждалъ, однако, что не только не является ихъ поклонникомъ, но даже неоднократно публично и въ письменной формѣ выступалъ съ опроверженіями ихъ взглядовъ. Невиновность Саласа была очевидна, но у него были среди вліятельныхъ инквизиторовъ сильные враги, и доминиканецъ Поведа добился пересмотра его дѣла и передачи его въ руки новыхъ инквизиторовъ. Саласъ былъ вторично оправданъ; Супрема снова потребовала пересмотра его дѣла и назначила третій инквизиціонный судъ. Дѣло приняло характеръ открытой борьбы между различными группами лицъ, но Саласу настолько повезло, что въ судѣ оказались его приверженцы, и ему торжественно долженъ былъ быть объявленъ оправдательный приговоръ. Супрема отсрочила объявленіе приговора, держа Саласа въ тюрьмѣ и не разрѣшая ему перейти, несмотря на его заявленія о нездоровіи, въ мадридскую, болѣе удобную тюрьму. Наконецъ, Супрема рѣшила подвергнуть его abjuratio de levi и изгнанію изъ Мадрида. У него, однако, было много сторонниковъ, которые ознакомили короля со всѣмъ процессомъ, и Карлъ IV распорядился объ отмѣнѣ приговора. Великій инквизиторъ Лоренсана былъ возмущенъ вмѣшательствомъ короля въ инквизиціонное правосудіе; между нимъ и королевой Маріей-Луизой произошелъ крупный разговоръ, во время котораго королева бросила ему въ лицо упрекъ, что «люди, подобные ему, вызываютъ въ Европѣ революціи». Великій инквизиторъ былъ побѣжденъ: не только Саласъ остался на свободѣ, но министръ юстиціи Льягуно изготовилъ королевскій декретъ о томъ, чтобы впредь Инквизиція никого не арестовывала, не посовѣтовавшись предварительно съ королемъ. Эдиктъ этотъ не былъ подписанъ королемъ, заявившимъ, что предварительно онъ долженъ быть проредактированъ Годоемъ. Министръ Льягуно въ тотъ же день представилъ свой проектъ Годою, но тотъ оставилъ его у себя, и декретъ не былъ опубликованъ. Однако, самая мысль о немъ свидѣтельствовала, что былая сила Инквизиціи уже надломлена, и что отнынѣ королевскіе фавориты болѣе могущественны, чѣмъ Супрема или Великій инквизиторъ. И дѣйствительно, въ дни правленія Годоя за одни и тѣ же подозрительныя выраженія Инквизиціи то удавалось привлекать виновнаго къ отвѣтственности, то не удавалось—въ зависимости отъ прихоти министра-фаворита.

Однимъ изъ незамѣнимыхъ средствъ борьбы съ ересью и съ свободной мыслью была въ рукахъ Инквизиціи и цензура книгъ. Правда, послѣдняя вначалѣ не входила въ функціи Инквизиціи, и когда Фердинандъ и Изабелла издали въ 1502 г. законъ о книгахъ, то въ немъ ничего не говорилось объ Инквизиціи, и лишь архіепископы и епископы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и судебная власть были облечены властью цензоровъ, а также правомъ наказывать типографовъ, книгопродавцевъ и распространителей книгъ. Однако, еще до этого закона Инквизиція нерѣдко прибѣгала къ мѣрамъ, напоминающимъ полномочія цензоровъ: такъ, Хименесъ, какъ мы въ другомъ мѣстѣ упомянули, сжегъ огромное количество рукописей и книгъ, захваченныхъ имъ у мавровъ; точно также были сожжены въ 1490 г. около шести тысячъ еврейскихъ книгъ, среди которыхъ были и библіи на еврейскомъ языкѣ. Факты эти носили, однако, скорѣе характеръ беззаконія и потому тутъ нельзя собственно говорить о цензорской власти Инквизиціи. Въ Инструкціяхъ Торквемады и ближайшихъ его преемниковъ также ничего не говорилось о цензурѣ книгъ, и лишь въ руководствѣ для инквизиторовъ, напечатанномъ въ 1494 г. въ Валенсіи, съ ссылкой на каноническіе законы говорится, что обладатель еретическихъ книгъ обязанъ въ восьмидневный срокъ представить ихъ епископу или инквизитору. Даже точное выполненіе этого правила еще не означало, что цензура передана Инквизиціи.

Первымъ шагомъ въ смыслѣ предоставленія цензорскихъ полномочій Инквизиціи можно считать приказъ Римской Куріи, данный въ 1526 г. Испанской Инквизиціи, слѣдить за тѣмъ, чтобы лютеранскія книги не привозились въ Испанію и не получали въ ней распространенія. Великій инквизиторъ Адріанъ, какъ мы въ другомъ мѣстѣ упомянули, использовалъ этотъ приказъ въ такомъ духѣ, что фактически предоставилъ Инквизиціи

цензорскую власть. Отнынѣ, согласно распоряженію Адріана, инквизиторы должны были объявлять извѣстныя книги запрещенными и извѣщать объ этомъ всѣ инквизиціонные трибуналы, которымъ было приказано требовать, чтобы въ теченіе трехъ дней всѣ обладатели или продавцы этихъ книгъ выдали ихъ Инквизиціи для сожженія. Приказъ этотъ былъ немедленно всенародно прочитанъ и опубликованъ въ качествѣ вѣроисповѣднаго эдикта, который грозилъ жестокими карами и тѣмъ, которые не доносили Инквизиціи объ извѣстныхъ имъ книгопродавцахъ и книговладѣтеляхъ. За этимъ эдиктомъ послѣдовалъ рядъ другихъ, свидѣтельствовавшихъ, что Инквизиція считала цензуру очень серьезнымъ дѣломъ, заслуживавшимъ особаго вниманія. Трибуналы были поставлены въ извѣстность, что многіе еретики выпускаютъ предосудительныя произведенія подъ чужимъ именемъ, часто прибавляютъ опасные комментаріи къ дозволеннымъ книгамъ, ложно и въ еретическомъ духѣ толкуютъ съ внѣшней стороны самыя безобидныя выраженія и т. д. Инквизиція требовала поэтому отъ трибуналовъ, одновременно съ энергіей въ дѣлѣ розыска истинныхъ авторовъ зловредныхъ сочиненій, и ихъ внимательнаго прочтенія для того, чтобы ничто не ускользало отъ бдительности инквизиціонныхъ цензоровъ. Каждый трибуналъ долженъ былъ назначить особаго человѣка, на обязанности котораго было обыскать всѣ книжные магазины, не найдется ли тамъ лютеранскихъ книгъ, и когда вальядолидскій трибуналъ не сдѣлалъ этого, онъ въ 1535 г. послѣ замѣчанія Супремы долженъ былъ отправить спеціальнаго человѣка во всѣ магазины, чтобы конфисковать запрещенныя книги [1]). Цензура, такимъ образомъ, фактически стала принадлежать Инквизиціи, хотя открыто объ этомъ нигдѣ не говорилось. Лишь въ 1539 г., когда Великимъ инквизиторомъ былъ назначенъ Тавера, въ данныхъ ему полномочіяхъ говорилось о преслѣдованіи обладателей или читателей еретическихъ книгъ. Такъ, Инквизиція завоевала право изъятія изъ обращенія нежелательныхъ ей книгъ.

Этимъ, однако, не ограничилось ея право цензуры, и еще въ 1527 году она стала выдавать предварительное разрѣшеніе на печатаніе извѣстныхъ книгъ, когда къ ней обратился за этимъ Антоніо де Обрегонъ, желавшій перевести нѣкоторыя произведенія св. Бернара и Висенте Ферера. Вслѣдъ за этимъ отдѣльные инквизиторы вздумали выдавать, по собственному усмотрѣнію, разрѣшеніе на печатаніе книгъ, но Супрема въ 1530 г. строго запретила это и подчеркнула, что ей одной принадлежитъ это право. Однако, она пока не требовала, чтобы ей предоставлялись всѣ подлежащія печатанію рукописи, и о предварительной общей цензурѣ не было рѣчи въ ея инструкціяхъ и распоряженіяхъ до 1536 г., когда Супрема внезапно объявила, что ни одна книга не должна печататься безъ ея предварительнаго разрѣшенія. Испугалась ли Инквизиція слишкомъ большой отвѣтственности, или она отступила предъ возможностью конфликта съ духовной и свѣтской властями, сказать трудно,—но распоряженіе 1536 г. она сама же стала считать чрезчуръ смѣлымъ и въ 1550 г. формально заявила, что отнынѣ она не дастъ никакихъ разрѣшеній на печатаніе книгъ и не беретъ подъ свое покровительство ни одного печатнаго произведенія. Предварительная цензура была предоставлена исключительно королевскому совѣту: Инквизиція же могла изъять изъ обращенія тѣ книги, которыя она считала еретическими, несмотря на то, что онѣ предварительно были одобрены свѣтской цензурой. Изъятіе могло быть либо полнымъ, и всѣ экземпляры преступной книги торжественно сжигались, либо частичнымъ, donec corrigatur, пока не будутъ уничтожены тѣ мѣста книги, которыя Инквизиція считала еретическими. Изъятіе постановлялось Супремой, извѣщавшей объ этомъ всѣ трибуналы особымъ эдиктомъ, который читался въ церквахъ и прибивался къ дверямъ съ тѣмъ, чтобы никто не могъ оправдываться невѣдѣніемъ. Пока дѣло шло о двухъ или трехъ книгахъ, изъятыхъ Супремой изъ обраще-

---

[1]) Lea, «History», III, 482.

нія, можно было требовать знанія ихъ названій не только отъ трибуналовъ, но и отъ читателей и книгопродавцевъ, но когда число запрещеній увеличилось, потребовались особые каталоги и списки съ названіемъ недозволенныхъ книгъ: появился Index librorum prohibitorum или expurgandorum.

Впервые Index былъ напечатанъ въ 1546 г. лувенскимъ университетомъ. Копія его въ 1547 г. была отправлена Великому инквизитору Вальдесу въ Севильѣ, который передалъ ее Супремѣ. Она перепечатала Index съ особымъ приложеніемъ, въ которомъ перечислялись запрещенныя спеціально въ Испаніи книги; въ такомъ почти [1]) видѣ Index былъ разосланъ трибуналамъ 1 сентября 1547 г. Въ 1550 г. лувенскій университетъ составилъ второй Index, который въ 1551 г. съ нѣкоторыми дополненіями, сдѣланными Супремой, получилъ широкое распространеніе въ Испаніи. Съ 1559 г. Инквизиція получила право самостоятельно, не сносясь предварительно съ Римской Куріей, составлять Index'ы, сильно разросшіеся вслѣдствіе включенія въ нихъ множества протестантскихъ произведеній и разнообразныхъ изданій Библіи, которыя изъ-за комментаріевъ признавались еретическими. Отнынѣ всѣ еретическія книги подлежали полному или частичному уничтоженію; анонимныя произведенія, равно какъ и тѣ, которыя вышли безъ указанія типографіи или города, гдѣ печатались, должны были конфисковаться и отправляться Супремѣ для просмотра; такая же участь постигала и напечатанныя за границей съ 1559 года книги. Завѣдывающій составленіемъ каталога запрещенныхъ книгъ докторъ Франсиско Санчо предложилъ Супремѣ въ 1559 г. включить въ Index произведенія Платона, Аристотеля, Сенеки, Теофилакта, Тертулліана, Лактанція, Кайетана, Оригена, Дурандуса и многихъ другихъ, находя въ этихъ произведеніяхъ много еретическихъ мыслей. Но Супрема не рѣшилась взять на себя отвѣтственность за радикальное измѣненіе постановки высшаго образованія въ Испаніи и изъять изъ обращенія тѣ книги, которыя до того служили главнымъ предметомъ изученія въ университетахъ. Съ другой стороны, однако, она назначила спеціальныхъ ревизоровъ, которые должны были обойти всѣ монастыри, магазины, университеты и частныя библіотеки и конфисковать не только запрещенныя книги, но отправить Супремѣ всѣ подозрительныя произведенія и принудить, подъ страхомъ отлученія и штрафа въ 200 дукатовъ, всѣхъ собственниковъ ихъ прислать Супремѣ на просмотръ тѣ сочиненія, которыя могутъ заключать предосудительныя мысли.

Однимъ изъ первыхъ, подвергшихся гоненію со стороны инквизиціонной цензуры, былъ Эразмъ Роттердамскій, произведенія котораго еще въ 1527 г. энергично защищалъ кардиналъ Манрике, который въ качествѣ Великаго инквизитора черезъ 8 лѣтъ и запретилъ ихъ. Приблизительно до 1530 г. Эразмъ разсматривался въ Испаніи какъ столпъ католицизма, которымъ удобно можно пользоваться въ цѣляхъ низверженія еретическаго ученія Лютера. Вскорѣ были запрещены и составленные Меланхтономъ учебники латинской и греческой грамматики, получившіе всеобщее распространеніе въ 30-хъ гг. XVI столѣтія. Тогда же всѣ книги, напечатанныя въ Германіи послѣ 1519 г., были объявлены подъ подозрѣніемъ и подлежали пересмотру; переводы Өеофилакта и религіознаго реформатора Іоганна Гейсгена, извѣстнаго болѣе подъ именемъ Эколомпадія, были конфискованы; та же мѣра была распространена на нѣкоторыя произведенія Іоанна Златоуста, а также на многія католическія книги. Супрема вскорѣ потребовала также, чтобы всѣ университетскіе профессора теологіи выдали трибуналамъ имѣющіяся у нихъ библіи на еврейскомъ и греческомъ языкахъ, подъ угрозой отлученія отъ Церкви.

Свѣтская власть поддерживала во всемъ Инквизицію, и въ 1558 г. былъ изданъ законъ, каравшій смертью и конфискаціей имущества продававшаго или хранившаго

---

[1]) Во время печатанія Index'а были запрещены еще нѣкоторыя книги, названія которыхъ были приписаны къ печатному списку.

у себя осужденныя Инквизиціей книги; послѣднія немедленно подлежали публичному сожженію. Въ силу этого же закона во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, на виду у публики, долженъ былъ находиться Index, по которому покупатели обязаны были справляться при пріобрѣтеніи книгъ; на будущее время запрещался ввозъ въ Кастилію печатавшихся на испанскомъ языкѣ книгъ не только за границей, но даже въ Арагоніи; уже появившіяся за границей и не запрещенныя Инквизиціей книги должны были быть отправлены на просмотръ въ королевскій совѣтъ подъ угрозой самыхъ тяжкихъ наказаній. Одновременно съ инквизиціонными ревизорами были назначены и королевскіе, на обязанности которыхъ лежала забота о надзорѣ надъ ввозомъ иностранныхъ книгъ и контроль обращавшихся въ Испаніи книгъ. Подъ страхомъ смерти и конфискаціи имущества запрещалось отдавать рукописи для печати безъ предварительнаго разрѣшенія королевскаго совѣта, который дѣлалъ надпись на каждой страницѣ рукописи, съ которою онъ затѣмъ провѣрялъ напечатанную книгу. Распространеніе рукописи безъ предварительнаго разрѣшенія королевскаго совѣта также наказывалось смертью и конфискаціей имущества. Разумѣется, при такой строгости свѣтской и инквизиціонной цензуръ ничего нѣтъ удивительнаго, что Испанія должна была въ духовномъ отношеніи все болѣе и болѣе отставать отъ другихъ западно-европейскихъ государствъ, тѣмъ болѣе, что строгости цензуры оставались въ ней въ силѣ вплоть до средины XIX вѣка, и что, начиная съ первой четверти XVIII вѣка, стали запрещаться «излишнія книги», какъ объ этомъ говоритъ Мигель Сервера Лопесъ въ своемъ «Los desengaños de un casado».

Въ 1597 г. монахъ Эрнандо изъ Сантъяго издалъ въ Саламанкѣ, съ разрѣшенія цензуры, теологическое сочиненіе «Consideraciones sobre todos los Domingos y Fiestas de la Quaresma», на которое поступилъ въ Супрему доносъ о томъ, что оно содержитъ еретическія выраженія, а также ошибочныя и скандальныя мысли. Толедкій инквизиціонный трибуналъ, внимательно ознакомившись съ книгой, ограничился выговоромъ автору и требованіемъ въ будущемъ быть осторожнѣе въ выраженіяхъ. Супрема нашла постановленіе трибунала чрезчуръ снисходительнымъ и приказала уничтожить тѣ страницы книги, въ которыхъ имѣются подозрительныя мысли и выраженія. До 1602 г. между инквизиціонными цензорами происходили споры относительно того, что изъ «Consideraciones» подлежитъ уничтоженію, и когда, наконецъ, Супрема санкціонировала рѣшеніе отдѣльныхъ цензоровъ, Эрнандо былъ приговоренъ къ изгнанію изъ Кастиліи и къ лишенію въ теченіе трехъ лѣтъ поста проповѣдника; кромѣ того, ему было сдѣлано строгое внушеніе. Цензурованіе книгъ было дѣломъ очень сложнымъ: оно не только требовало вниманія и широкой эрудиціи, но часто цензору приходилось стать на ту или иную спорную точку зрѣнія, что вызывало недовольство школы, проповѣдывавшей иные взгляды. Въ 1596 г. мурсійскій трибуналъ предложилъ патеру Арсе и его брату цензуровать сочиненіе «Theatrum vitae humanae» Теодора Цвингера, вышедшее въ 1565 г. въ Базелѣ въ 8 огромныхъ томахъ. Арсе работалъ много лѣтъ надъ выполненіемъ своей задачи, какъ это видно изъ того, что въ 1610 г. трибуналъ распорядился выдать ему копію этой книги, запрещенныя мѣста которой въ Index'ѣ заняли 38 страницъ. Нерѣдко цензорамъ давали на просмотръ книги черезъ 30—40 лѣтъ послѣ ихъ выхода на свѣтъ, и любители чтенія иногда подвергались преслѣдованію, не зная, что книги, безнаказанно находившіяся въ ихъ библіотекѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, вдругъ почему-то попали въ Index и объявлялись запрещенными. Опубликованіе новаго Index'а влекло за собою продолжительные обыски во всѣхъ публичныхъ и частныхъ библіотекахъ, при чемъ не дѣлалось исключенія и для самыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Такъ, въ 1600 г. была провѣрена библіотека констебля Кастиліи, въ 1602 г. Супремѣ были отправлены книги духовника королевы. Не была пощажена даже королевская библіотека въ Эскуріалѣ, какъ это явствуетъ изъ заявленія, сдѣланнаго Супремѣ въ 1612 г. еронитскимъ пріоромъ San Lorento о томъ,

что король просилъ не удалять изъ его библіотеки вновь запрещенныхъ книгъ и не исключать отдѣльныхъ страницъ изъ подлежащихъ частичному уничтоженію книгъ. Въ отвѣтъ на это Великій инквизиторъ издалъ 12 ноября 1613 г. слѣдующій эдиктъ: не теологическія и не имѣющія отношенія къ религіи и Церкви книги, исходящія отъ авторовъ, произведенія которыхъ признаны еретическими, должны быть отдѣлены и отмѣчены, что авторъ ихъ осужденъ, при чемъ ихъ могутъ читать пріоръ, главный библіотекарь и профессора; теологическія произведенія, исторія Церкви и папъ должны быть помѣщены въ особую комнату и ихъ читать могутъ лишь пріоръ и главный библіотекарь съ особаго разрѣшенія Великаго инквизитора и Супремы; ключи отъ этой комнаты должны храниться у главнаго библіотекаря и Супремы, а списокъ этихъ книгъ въ комнатѣ и у Супремы. Раввинскія сочиненія и библіи на испанскомъ языкѣ должны находиться въ особомъ мѣстѣ и на нихъ должна быть отмѣтка, что они запрещены; ихъ, однако, могутъ читать пріоръ, главный библіотекарь и профессора; наконецъ, медицинскія сочиненія, написанныя авторами, книги которыхъ признаны запрещенными, могутъ читаться монахомъ, завѣдывавшимъ аптекой въ Эскуріалѣ. Такъ какъ безцензурное печатаніе въ Испаніи наказывалось смертью и конфискаціей, то легко понять, что опасность распространенія вредныхъ идей угрожала Испаніи гораздо менѣе отъ внутреннихъ еретиковъ, чѣмъ отъ внѣшнихъ, и на ввозъ книгъ изъ-за границы было обращено особое вниманіе Инквизиціи уже во второй половинѣ XVI-го вѣка, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо Супремы къ Карлу V отъ 12 мая 1558 года. Супрема извѣщаетъ императора, что въ портовыхъ городахъ и по всей французской границѣ приказано инквизиторамъ слѣдить съ особымъ рвеніемъ за ввозомъ литературы и конфисковать все, что имъ попадетъ въ руки. Несмотря на это, Супрема жалуется, что притокъ вредныхъ иностранныхъ идей не прекращается, и Испанія заражается ересью. Отчетъ севильскаго трибунала отъ 25 сентября 1558 г. даетъ представленіе о томъ, какъ инквизиторы боролись съ ввозмъ иностранныхъ книгъ.

Мы получили, говорится въ отчетѣ, отъ вашего преосвященства приказаніе о принятіи мѣръ противъ привоза книгъ на судахъ. Само собою разумѣется, что съ нашей стороны было сдѣлано все, что было возможно, и мы до прибытія и въ моментъ прибытія судовъ отдали распоряженіе обыскать суда, что было сдѣлано очень тщательно. Находящіеся на судахъ товары могутъ быть выгружены или открыты лишь послѣ того, какъ твердо установлено, что въ нихъ нѣтъ какъ-нибудь въ мѣшкахъ и не зашиты иностранныя или вообще запрещенныя книги. Найденныя нашими комиссарами въ различныхъ гаваняхъ книги отправлены инквизиціонному трибуналу, а товаръ, предназначенный въ Севилью, запечатанъ и можетъ быть распечатанъ лишь въ присутствіи инквизиціоннаго контролера, удостовѣряющаго, что нигдѣ нѣтъ никакихъ книгъ. Всѣ книги, которыя, какъ намъ кажется, прибыли въ Севилью водою или вообще доставлены сюда изъ другихъ городовъ, переданы трибуналу для просмотра, при чемъ найденныя имъ подозрительными или вредными задержаны, согласно вашимъ распоряженіямъ. До насъ не дошло свѣдѣній, будто въ Севильѣ имѣются книги, привезенныя извнѣ и ранѣе не просмотрѣнныя и не изученныя нашимъ трибуналомъ. Если кто-либо передалъ вашему преосвященству, что онъ знаетъ о томъ, будто въ Севильѣ циркулируютъ неизвѣстныя намъ книги, то обязанностью этого человѣка или этихъ людей было извѣстить предварительно объ этомъ насъ, такъ какъ всѣ могутъ удостовѣрить, что мы никогда не относились легкомысленно къ къ нашему святому долгу и что мы готовы принять самыя строгія мѣры къ искорененію ереси, распространяемой путемъ вреднаго чтенія. Но такъ какъ насъ предварительно объ этомъ не извѣщали, то мы просимъ указать намъ увѣдомившаго васъ человѣка (или людей) для того, чтобы мы могли получить нужныя дополнительныя свѣдѣнія [1]).

[1]) Schäfer, «Beiträge zur Geschichte des spanischen Protestantismus», II, 359.

Поспѣшность и невѣжество пограничныхъ инквизиціонныхъ ревизоровъ нерѣдко приводили къ курьезамъ. Такъ, въ 1666 г. была захвачена въ Барселонѣ фармакопея, напечатанная въ Ліонѣ, подъ названіемъ «Pharmacopaeia medico-chemica», авторомъ которой былъ франкфуртскій врачъ Іоаннъ Шодеріусъ; арестъ книги былъ вызванъ тѣмъ, что въ Index'ѣ 1640 г. инквизиторы нашли среди запрещенныхъ авторовъ нѣкоего Іоанна Шродеруса, значившагося какъ «философъ и теологъ, нѣмецкій лютеранинъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія». Книга была отправлена Супремѣ, передавшей ее спеціалистамъ-цензорамъ, продержавшимъ ея пять мѣсяцевъ. Въ концѣ концовъ, барселонскій трибуналъ былъ извѣщенъ о томъ, что книга можетъ быть возвращена ея собственнику. Въ 1665 г. мадридскій книготорговецъ, Антоніо Бонетъ, жаловался Супремѣ, что изъ данныхъ имъ на комиссію въ 1663 г. барселонскому книготорговцу Пайссо книгъ барселонскій трибуналъ конфисковалъ сочиненія Кеведо, напечатанныя въ Мадридѣ и свободно читавшіяся тамъ всѣми. Барселонскій трибуналъ объяснилъ свои дѣйствія тѣмъ, что при ввозѣ книгъ даже изъ Испаніи онѣ подлежатъ цензурѣ, которая, очевидно, должна быть самостоятельна въ своихъ дѣйствіяхъ; иначе самое существованіе ея было бы безсмысленно.

Подобно ввозу, и вывозъ книгъ нуждался въ особомъ разрѣшеніи и зависѣлъ отъ усмотрѣнія revisores de libros. Мало того, транспортъ книгъ подвергался особому контролю. Такъ, въ 1560 г. часть библіотеки кардинала Поле была отправлена черезъ Испанію въ Венецію и, по распоряженію Супремы, тщательно обыскана. Въ 1772 г. валенсійскій книгопродавецъ пріобрѣлъ «Essais de la Morale» Пьера Николя и представилъ эту книгу Супремѣ для полученія надлежащаго разрѣшенія. Черезъ 4 года валенсійскій продавецъ проситъ Супрему рѣшить, наконецъ, вопросъ о книгѣ Николя, а также о «Discours de Fleuri» и «Histoire de la Bible» Royaumont; онъ указываетъ на то, что прошло уже много лѣтъ, какъ онъ пріобрѣлъ эти книги, и если Супрема находитъ ихъ запрещенными, то онъ готовъ отослать ихъ обратно во Францію. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, что Супрема отвѣтила пострадавшему книгопродавцу [1]). Въ 1784 г. вышелъ законъ, требовавшій предварительнаго разрѣшенія на право продажи иностранной книги, предоставленія двухъ экземпляровъ королевской цензурѣ и уплаты опредѣленной таксы просматривавшему книгу цензору. И если книга благополучно проходила черезъ горнило свѣтской цензуры, она, тѣмъ не менѣе, постоянно могла быть задержана или изъята изъ обращенія по постановленію Супремы или отдѣльнаго инквизиціоннаго трибунала.

Въ цѣляхъ опроверженія еретическихъ книгъ отдѣльнымъ ученымъ, преимущественно духовнаго званія, выдавались особыя разрѣшенія для чтенія запрещенныхъ книгъ. Уже булла Павла III отъ 1536 г. Coena Domini, отлучавшая отъ Церкви тѣхъ, которые безъ папскаго разрѣшенія читаютъ произведенія Лютера, свидѣтельствовала, что Павелъ III не требовалъ абсолютнаго запрещенія и оставлялъ за собою право выдавать отдѣльнымъ лицамъ разрѣшеніе на чтеніе даже произведеній Лютера. Вскорѣ, однако, это право присвоили себѣ и инквизиторы, и licencias стали выдаваться какъ Куріей, такъ и отдѣльными трибуналами, безъ особыхъ затрудненій —разумѣется, за опредѣленную сумму.

Чтобы положить конецъ злоупотребленіямъ съ licencias, Супрема отобрала въ 1547 г. всѣ выданныя разрѣшенія и запретила трибуналамъ впредь выдавать ихъ; запрещеніе было ею повторено въ 1549 г. и 1551 г., что свидѣтельствовало о сильномъ распространеніи этого зла. 9 сентября 1558 г. Супрема обратилась съ жалобой къ Павлу IV на то, что многіе прелаты и монахи читаютъ запрещенныя книги и отказываются выдавать ихъ Инквизиціи на томъ основаніи, что у нихъ имѣются папскія licencias. Считая такое поведеніе опаснымъ для дѣла религіи, Супрема просила Павла IV лишить духовенство выданныхъ ему разрѣшеній. 21 декабря Павелъ исполнилъ это желаніе Супремы,

---

[1]) Lea, «History», III, 508.

а 4 января 1559 г. поручилъ Великому инквизитору Вальдесу провести въ жизнь распоряженіе 21 декабря, и Вальдесъ напечаталъ его въ своемъ Index'ѣ отъ 1559 г. Какъ скупо Инквизиція выдавала разрѣшенія на чтеніе книгъ, видно изъ слѣдующаго. Въ 1640 г. Филиппъ IV написалъ Великому инквизитору Сотомайору письмо, что онъ въ свободное время читаетъ исторію Гиччардини и только недавно узналъ, то она запрещена, а потому онъ проситъ о выдачѣ ему разрѣшенія на чтеніе какъ этой книги, такъ и другихъ запрещенныхъ книгъ, не имѣющихъ религіознаго характера: послѣднихъ онъ вообще не желаетъ читать. Характерное разрѣшеніе было выдано въ 1614 г. англійскому патеру Сабелю; ему было дозволено читать на англійскомъ языкѣ написанныя въ истинно католическомъ духѣ книги. Очевидно, говоритъ Ли, самый языкъ англійскій считался уже еретическимъ, и для чтенія англійскихъ книгъ необходимо было имѣть особое разрѣшеніе [1]. Выдача разрѣшеній, въ концѣ концовъ, стала зависѣть лишь отъ Великаго инквизитора, при чемъ нѣкоторые Великіе инквизиторы распоряжались ими довольно щедро; другіе, наоборотъ, крайне скупо. Въ 1747 г. Прадо-и-Куэста уничтожилъ всѣ выданныя licencias въ виду того, что многія изъ нихъ очутились въ рукахъ не ученыхъ и серьезныхъ людей, изучающихъ опредѣленные предметы съ цѣлью опровергнуть ложное толкованіе, а въ рукахъ фривольныхъ и любопытныхъ диллетантовъ, развлекающихся чтеніемъ недоступныхъ другимъ людямъ книгъ. Льоренте подробно распространяется о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми приходилось считаться въ концѣ XVIII вѣка тѣмъ, которые даже съ серьезной цѣлью желали ознакомиться съ запрещенными книгами [2]. Великій инквизиторъ наводилъ самыя тщательныя справки о личности ходатайствующаго, при чемъ посторонніе лица разспрашивались о его религіозныхъ убѣжденіяхъ. Самъ онъ долженъ былъ на бумагѣ точно изложить, что именно его болѣе всего интересуетъ въ запрещенныхъ книгахъ, которыя онъ желаетъ читать. Если отвѣтъ получался благопріятный, и выдавалось требуемое разрѣшеніе, то въ немъ обычно перечислялись тѣ книги, которыя подлежали временному свободному пользованію. Слѣдуетъ замѣтить, что Руссо, Вольтеръ, Монтескье, Дидро, Д'Аламберъ и итальянскій экономистъ и публицистъ Филанджіери были абсолютно запрещены и просьба о временномъ пользованіи ими ни разу не была удовлетворена Инквизиціей.

Особому гоненію подвергалась Библія на «вульгарномъ языкѣ». На чтеніе ея требовалось спеціальное разрѣшеніе. Такъ въ 1543 г. Великій инквизиторъ Тавера позволилъ герцогинѣ Сомѣ, женѣ адмирала Неаполя, держать у себя и читать библію на итальянскомъ языкѣ; разрѣшеніе это было дано всего на одинъ годъ. Въ Index'ѣ отъ 1551 г., какъ нѣчто само собою понятное, заключалось запрещеніе читать библію въ испанскомъ переводѣ, равно какъ и на другомъ «вульгарномъ языкѣ». Была сдѣлана попытка запретить переводъ даже молитвъ Pater Noster, Ave Maria и Salve Regina, и въ 1674 г. Инквизиція изъяла изъ обращенія книгу «Exercicios de Devocion» потому, что она содержала переводы молитвъ Miserere, Te Deum и др. Великій инквизиторъ Сотомайоръ дошелъ до того, что требовалъ въ вѣроисповѣдныхъ эдиктахъ доносить Инквизиціи имена тѣхъ, которые хранили у себя Коранъ, магометанскія книги и Библію въ переводѣ, не дѣлая никакого различія между ними. Одновременно съ переводной библіей запрещались сочиненія виднѣйшихъ и авторитетнѣйшихъ лицъ католической Церкви. Такъ, запретнымъ плодомъ считались книги Іеронимо Озоріо, Франсиско де Борха, Фишера изъ Рочестера, Хуана де Авила и др. Нерѣдко въ дѣло запрещенія той или иной книги Великій инквизиторъ вносилъ личный элементъ; особенно много запрещеній было сдѣлано Вальдесомъ, при чемъ многія изъ запрещенныхъ имъ книгъ не задолго до этого рекомендова-

---

[1] «History», III, 523.

[2] «Histoire critique», I, 492—493.

лись для чтенія Куріей или авторитетными представителями ортодоксальной теологіи. Въ число запрещенныхъ Вальдесомъ попали, между прочимъ, работы гранадскаго архіепископа Талаверы, печальная судьба котораго была нами описана выше (стр. 135 и слѣд.). Вальдесъ распорядился также объ изъятіи изъ обращенія Вильегара, Фр. Борджіа; онъ же началъ гоненіе на комментаріи къ христіанскому катехизису Карансы, изъ-за котораго возникъ громкій процессъ, извѣстный подъ названіемъ «Дѣло Карансы». Наконецъ, Вальдесъ былъ иниціаторомъ запрещенія «Guia de Pecadores» и внесъ въ Index почти всѣ другія произведенія Луиса де Гранады. Мельхоръ Кано нашелъ въ сочиненіяхъ послѣдняго всѣ признаки иллюминизма и лютеранства, хотя въ Римѣ Луисъ де Гранада считался авторитетнѣйшимъ и вполнѣ ортодоксальнымъ писателемъ, такъ что всѣ его произведенія читались совершенно безпрепятственно. Тотъ же Кано ходатайствовалъ о запрещеніи большинства іезуитскихъ произведеній, находя, что они проникнуты иллюминистическими идеями, и утверждая, что іезуиты совершатъ то, что начали гностики. Тридентскій соборъ въ 1562 г. призналъ, что Вальдесъ безъ достаточнаго основанія заносилъ въ индексъ почему-либо не нравившіяся ему книги. Великій инквизиторъ Кирога 1583 г. опубликовалъ новый Index librorum prohibitorum, въ который внесъ, какъ нѣчто запрещенное, составленный Вальдесомъ индексъ [1]).

Инквизиція объясняла такія запрещенія тѣмъ, что, во-первыхъ, часто этимъ лицамъ приписываются книги, авторомъ которыхъ является другое лицо, а во-вторыхъ, что неудобно въ большомъ количествѣ распространять произведенія, по существу предназначенныя лишь для немногихъ. Характерный случай произошелъ съ «Obras del Cristiano» Франсиско де Борха. Въ Index'ѣ 1559 г. сочиненіе это запрещалось безъ всякихъ оговорокъ; послѣ его смерти (онъ умеръ въ званіи генерала іезуитскаго ордена въ 1572 г.) Великій инквизиторъ Кирога въ Index'ѣ 1583 г. прибавилъ къ запрещенію «Obras del Cristiano» слова: «въ переводѣ на кастильскій и другой простонародный языкъ». Въ 1624 г. была провозглашена беатификація де Борха, но канонизація его была отсрочена въ виду того, что вышеназванное его сочиненіе значилось въ испанскомъ Index'ѣ. Въ 1662 г. отъ имени іезуитскаго ордена поступила просьба къ Инквизиціи о прощеніи де Борха; лишь въ 1671 г. ему, наконецъ, удалось попасть въ число святыхъ, такъ какъ Великій инквизиторъ снялъ съ его памяти позорное пятно—числиться среди запрещенныхъ авторовъ.

Нерѣдко Инквизиція уничтожала книги, не имѣющія никакого отношенія къ религіи. Такъ, въ 1627 г. университеты Саламанки, Вальядолида и Алкала выступили сообща съ рѣзкой критикой іезуитовъ; Великій инквизиторъ Сапата распорядился о конфискаціи университетскаго памфлета на томъ основаніи, что онъ анонимно и крайне рѣзко составленъ. Саламанкскій университетъ взялъ на себя авторство памфлета, и Инквизиція отмѣнила свое постановленіе, потребовавъ, однако, смягченія наиболѣе рѣзкихъ выраженій. Сочувствовавшій іезуитамъ Филиппъ IV былъ недоволенъ дѣйствіями Инквизиціи и запросилъ ее, почему предшественникъ Сапаты, Великій инквизиторъ Пачеко, считалъ себя въ 1623 г. въ правѣ вмѣшиваться въ подобнаго рода конфликты. По словамъ Филиппа, Пачеко не допустилъ бы подобнаго рода памфлета и не довольствовался бы смягченіемъ нѣкоторыхъ его мѣстъ. При Филиппѣ IV Инквизиція стала преслѣдовать такія книги, которыя содержали въ себѣ непочтительныя слова о королѣ или его ближайшихъ сотрудникахъ. Такимъ образомъ религіозная цензура Инквизиціи стала принимать политическій характеръ. Особенно ярко это проявилось въ защитѣ Испанскою Инквизиціей сочиненій, написанныхъ легистами или регалистами, отстаивавшими права короны противъ чрезмѣрныхъ притязаній Римской Куріи. Послѣдняя, естественно, стремилась включить

[1]) Llorente, «Histoire critique», I, 479.

подобныя сочиненія въ Index'ы, но противъ этихъ римскихъ индексовъ выступали испанскіе монархи, вовлекавшіе въ свою орбиту и Инквизицію. Первымъ подобнымъ столкновеніемъ между Римской Куріей и королевской властью, нашедшей защитницу въ лицѣ Инквизиціи, было дѣло Мельхора Кано, который еще въ 1555 г. выступилъ съ меморіаломъ, въ которомъ энергично отстаивалъ права короны, отрицая за Римомъ право отмѣнять дарованныя различными папскими буллами привилегіи [1]). Меморіалъ Кано былъ написанъ очень рѣзко и въ виду важности конфликта, грозившаго разрывомъ между Карломъ V и Филиппомъ II и Римской Куріей, вызвалъ особенно сильное вниманіе къ себѣ. Папѣ было поэтому чрезвычайно важно запретить чтеніе его въ Испаніи, но Филиппъ II, несмотря на свою набожность и преданность Риму, на этотъ разъ не хотѣлъ уступить, и сочиненіе Мельхора Кано такъ-таки не попало въ Испанскій индексъ. При Филиппѣ IV расширилась самостоятельность Инквизиціи, она не признавала болѣе за Римской Куріей права запрещать въ Испаніи чтеніе какой-либо книги, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ случай съ Галилеемъ. Въ Римѣ нашли необходимымъ внести въ Index книгу «Dialogo di Galileo Galilei Linceo» (Fiorenzo, 1632), и папскій нунцій распорядился прибить къ дверямъ церкви эдиктъ о запретѣ этой книги, не испросивъ разрѣшенія Великаго инквизитора. Инквизиція обратилась за помощью къ Филиппу IV, доказывая ему, что она въ борьбѣ между королевской властью и абсолютистскими стремленіями Рима всегда становилась на сторону первой и не запрещала, несмотря на требованіе Римской Куріи, тѣхъ книгъ, которыя защищали прерогативы королевской власти; было бы поэтому справедливо, чтобы Филиппъ теперь принялъ сторону Инквизиціи и не допускалъ бы вмѣшательства Рима въ дѣло цензуры книгъ. Филиппъ внялъ просьбѣ Великаго инквизитора, и имя знаменитаго флорентинца дѣйствительно не фигурируетъ на страницахъ испанскихъ индексовъ.

Если въ отношеніи Галилея Римская Курія не настаивала на своемъ, то въ другихъ случаяхъ она не такъ легко отказывалась отъ того, что считала своимъ правомъ, и въ 1634 г. Филиппъ, раздраженный запрещеніемъ книгъ, выступавшихъ въ защиту королевскихъ прерогативъ, просилъ кардинала Борху извѣстить папу Урбана VIII, что онъ приметъ мѣры къ изъятію книгъ въ защиту папской власти, если Курія попрежнему будетъ преслѣдовать противоположные взгляды. Угрозы Филиппа не возымѣли, однако, вліянія: въ 1640 г. Курія запретила «Tractatus de supplicatione ad Sanctissimum» Сальгадо де Сомосы, въ 1642 г. «Disputationes de Indiarum jure» Солорсано, а въ 1649 г. еще нѣсколько другихъ книгъ [2]). Запрещеніе это носило тѣмъ болѣе вызывающій характеръ, что ни Инквизиція, ни король ни извѣщались объ этомъ, и духовенство совершенно самостоятельно вывѣшивало въ церквахъ запретительные эдикты. Въ октябрѣ 1646 г. Филиппъ обратился къ Супремѣ съ просьбой высказаться о дѣйствіяхъ Римской Куріи. Супрема самымъ рѣзкимъ образомъ осудила поведеніе Рима, указала, что запрещенныя книги написаны въ католическомъ духѣ, и что надзоръ надъ чтеніемъ книгъ въ Испаніи принадлежитъ не Куріи, а Инквизиціи. Въ ноябрѣ 1646 г. Филиппъ опубликовалъ декретъ, въ силу котораго папскія распоряженія о вышеназванныхъ книгахъ были признаны недѣйствительными; папскому нунцію было сдѣлано строгое внушеніе, а испанскому послу при Куріи было указано донести Куріи о недовольствѣ ею въ Мадридѣ и о твердомъ рѣшеніи послѣдняго стоять на стражѣ интересовъ свѣтской власти и Инквизиціи. Но и послѣ этого Римъ не сразу счелъ себя побѣжденнымъ, и Инквизиціи стоило не мало труда окончательно вытѣснить Курію изъ той области, которую Супрема считала принадлежащею

[1]) Меморіалъ былъ опубликованъ въ 1809 г. Льоренте въ его «Coleccion Diplomatica», стр. 10 и слѣд.

[2]) Lea, «History». III, 537.

исключительно ей. Хотя побѣда эта далась Инквизиціи съ помощью короны, послѣдняя нерѣдко, однако, чувствовала на себѣ тяжелую руку инквизиціонной цензуры. Такъ, въ 1637 г. между севильскимъ трибуналомъ и королевской аудіенціей происходилъ какой-то споръ, и когда въ защиту аудіенціи и королевской власти фискалъ Хуанъ Пересъ де Лара выпустилъ особую брошюру, то Супрема немедленно распорядилась объ ея изъятіи, хотя на сторону де Лара сталъ Кастильскій совѣтъ, возмущавшійся, что Инквизиція занимается цензурой книгъ, не заключающихъ въ себѣ никакихъ нападокъ на религію. Льоренте говоритъ о двухъ авторахъ, книги которыхъ были запрещены Инквизиціей потому, что онѣ защищали права свѣтской власти. Франсиско Рамосъ дель Мансано былъ воспитателемъ Карла II и предсѣдателемъ совѣта Обѣихъ Индій. Онъ былъ авторомъ нѣсколькихъ политическихъ сочиненій, въ которыхъ высказывался въ качествѣ регалиста. Если бы не заступничество Филиппа IV, Рамосъ дель Мансано, по мнѣнію Льоренте, окончилъ бы свои дни въ инквизиціонной тюрьмѣ и книги его были бы сожжены. Другой жертвой Инквизиціи былъ прокуроръ Сальседо, отрицавшій за инквизиціонными трибуналами право считать себя выше королевскихъ судовъ и требовавшій, чтобы Инквизиція въ послѣднемъ счетѣ подчинялась коронѣ. Филиппу удалось вычеркнуть имя Сальседо изъ индекса, но опальный прокуроръ былъ вынужденъ внести нѣкоторыя поправки въ свое изслѣдованіе по политикѣ [1]). Помимо этихъ писателей и дѣятелей XVII вѣка, можно привести рядъ именъ, павшихъ въ XVIII столѣтіи жертвами регализма, такъ какъ Инквизиція, защищая корону въ ея борьбѣ съ Римской Куріей, сама нерѣдко нападала на королевскую власть, когда ея поборники указывали, что не только Римская Курія, но и Испанская Инквизиція должны въ предѣлахъ Испаніи повиноваться голосу монарха. Принятыя въ 1763 г. министрами Флоридабланкой и Кампоманесомъ мѣры въ защиту правъ королевской власти были одинаковы направлены какъ противъ чрезмѣрныхъ притязаній Куріи, такъ и противъ цензорскихъ полномочій Инквизиціи, и понятно, что Курія и Инквизиція могли на этой почвѣ объединяться для борьбы съ Карломъ III. Особенно сильно раздражалъ Инквизицію и Курію тотъ параграфъ закона 6 іюня 1763 г., который запрещалъ задерживать книгу во время пересмотра ея цензурой и требовалъ обращенія Инквизиціи за объясненіями къ авторамъ запрещенныхъ книгъ. Авторы, согласно этому закону, могли лично или черезъ адвокатовъ выступать съ защитительными документами; Инквизиція, не будучи въ состояніи прямо бороться съ этимъ закономъ, запрещала печатать защитительные доклады: они могли быть представлены лишь въ цензуру и въ Супрему, но публика не должна была ихъ знать, и нарушающій это запрещеніе подвергался тяжкому наказанію.

Французская революція 1789 г. положила конецъ конфликтамъ между Инквизиціей и королевской властью на почвѣ преслѣдованія книгъ: когда Карлъ IV объявилъ, что революціонные принципы являются ересью, такъ какъ они противорѣчатъ ученію апостоловъ Петра и Павла, Инквизиція окончательно примирилась съ Государствомъ, и съ этого момента началась ихъ совмѣстная дѣятельность: Инквизиція сдѣлалась государственной, какъ объ этомъ заявлялось въ кортесахъ 1812 г. Оказанныя ею Государству услуги будутъ нами разсматриваться ниже, въ связи съ политической ролью Инквизиціи.

Такъ какъ въ XVIII вѣкѣ іезуиты пріобрѣли значительное вліяніе на Инквизицію, то послѣдняя стала преслѣдовать янсенистовъ. Такъ, въ 1723 г. было запрещено сочиненіе августинца Мансо, вышедшее въ 1721 г. на латинскомъ языкѣ въ Вальядолидѣ подъ названіемъ «S. Augustinus de virtutibus infidelium». Нападки же на эту книгу, сдѣланныя іезуитами, свободно обращались въ Испаніи. Въ 1747 г. іезуитамъ Казани и Караско было поручено составить новый индексъ; не имѣя никакихъ полномочій вносить въ него

[1]) «Histoire Critique», гл. XXVI.

новыя запрещенія, они, тѣмъ не менѣе, собственно властью вписали въ индексъ всѣ сочиненія, которыя, по ихъ мнѣнію, носили янсенистскій характеръ и были направлены противъ іезуитовъ, надѣясь найти въ этомъ отношеніи поддержку въ лицѣ духовника короля, іезуита Франсиско Рабаго. Такъ какъ поведеніе іезуитовъ, составителей индекса, вызывало ропотъ среди многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, то доминиканецъ Консина донесъ супремѣ на Казани и Караско, обвиняя ихъ въ превышеніи власти. Супрема не рѣшалась, однако, привлечь ихъ къ отвѣтственности и оставила безъ вниманія жалобу доминиканца. Но когда въ число запрещенныхъ авторовъ попалъ и кардиналъ Норисъ, выдающіяся сочиненія котораго «Historia pelagiana» и «Dissertatio» не пришлись по вкусу іезуитамъ, недовольство авторами индекса приняло такіе размѣры, что папа Бенедиктъ XIV предписалъ Великому инквизитору отмѣнить наложенный на сочиненія Нориса запретъ. Великимъ инквизиторомъ былъ тогда Прадо-и-Куэста, человѣкъ слабый, нерѣшительный и лицемѣрный; онъ отвѣтилъ папѣ, что при его вступленіи на постъ главы Инквизиціи индексъ былъ почти готовъ, и онъ хотѣлъ даже выпустить его безъ своего имени; онъ не зналъ также, что въ немъ числятся сочиненія Нориса, но теперь уже трудно измѣнить то, что сдѣлано. Хотя отвѣтъ Великаго инквизитора носилъ конфиденціальный характеръ, тѣмъ не менѣе о немъ вскорѣ узнали въ Мадридѣ, и янсенисты рѣзко стали критиковать дѣйствія Инквизиціи, находившейся подъ вліяніемъ іезуитовъ. Бенедиктъ XIV, съ своей стороны, продолжалъ настаивать на отмѣнѣ запрещенія Нориса и пожаловался даже королю на Великаго инквизитора. Но король Фердинандъ VI, находившійся подъ вліяніемъ своего духовника, іезуита Рабаго, игнорировалъ жалобу папы и поддерживалъ Инквизицію. Римъ отправилъ въ Испанію спеціальнаго человѣка, чтобы прійти къ какому-нибудь соглашенію, но Рабаго не допускалъ никакого компромисса и требовалъ, чтобы король далъ энергичный отпоръ стремленію Куріи вмѣшиваться въ дѣла Испанской Инквизиціи и короны. Когда Рабаго показалось, что Курія желаетъ настоять на своемъ, онъ заявилъ, что защита Бенедиктомъ XIV сочиненій Нориса является прекраснымъ аргументомъ противъ принципа непогрѣшимости папы и можетъ привести Бенедикта къ очень печальнымъ послѣдствіямъ: папа долженъ помнить, что нѣкогда папы Либерій и Гонорій за менѣе тяжелыя преступленія были отлучены соборомъ отъ Церкви, и что крайне опасно упорствовать въ своихъ ошибкахъ. Повидимому, Бенедиктъ испугался угрозъ Рабаго, и лишь въ 1755 г., когда Рабаго получилъ отставку, дѣло объ индексѣ снова всплыло. Въ 1757 г. Фердинандъ, наконецъ, уступилъ папѣ, и кардиналъ Норисъ не долженъ былъ фигурировать въ индексѣ Испанской Инквизиціи отъ 1790 года [1]).

Что Инквизиція должна была враждебно относиться къ янсенистамъ, понятно само собою, такъ какъ янсенисты требовали возвращенія отнятыхъ у епископовъ Римской Куріей и Инквизиціей правъ и стремились воспользоваться созданной Инквизиціей организаціей, чтобы по ея образцу сформировать духовенство, предоставивъ ему полную независимость отъ папы и инквизиторовъ. Понятно также, что среди духовенства должно было быть немало сторонниковъ янсенизма, и между барселонскимъ епископомъ Іосифомъ Климентомъ и Инквизиціей на этой почвѣ имѣлъ мѣсто рядъ конфликтовъ. Такъ какъ іезуиты были ультрамонтанами и всячески усиливали власть Куріи внутри каждаго государства, то естественно, что они шли рука объ руку съ Инквизиціей въ ея борьбѣ съ янсенистами. Въ 1793 г. сарагосскому трибуналу было сдѣлано донесеніе, что барбастрскій епископъ, Августинъ Абадъ-ла-Сіерра, является сторонникомъ янсенизма и ведетъ съ французскими епископами, принявшими гражданскій уставъ о духовенствѣ 12 іюля 1790 г., дружескія бесѣды. Противъ Абадъ-ла-Сіерры возникло формальное дѣло; но какъ разъ въ это время братъ его, Мануэль Абадъ-ла-Сіерра, былъ назначенъ Великимъ инквизиторомъ

[1]) Llorente, «Histoire», I, 480; Lea, «History», IV, 290—291.

СОЖЖЕНІЕ ЕРЕТИЧЕСКИХЪ КНИГЪ. (П. Беругете).

и трибуналъ опасался продолжать начатый процессъ. Когда Мануэль подалъ въ отставку, не только его братъ снова возбудилъ противъ себя подозрѣніе въ янсенизмѣ, но и онъ самъ, бывшій Великій инквизиторъ, былъ обвиненъ какимъ-то фанатикомъ-монахомъ въ янсенизмѣ. За неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ дѣло противъ братьевъ Абадъ-ла-Сіерра было прекращено [1]).

Помимо книгъ, Инквизиція занималась цензурой картинъ, эстамповъ, медалей и т. д. На первыхъ порахъ въ ея компетенцію входили лишь такія картины и прочія вещи, содержаніе которыхъ касалось религіи, но Льоренте приводитъ факты, что впослѣдствіи она стала слѣдить и за тѣмъ, чтобы не изображались голыя женщины и вообще сюжеты, могущіе плохо влiять на общественную нравственность. Севильская Инквизиція въ 1576 г. извѣстила Супрему, что до ея слуха дошло, будто во Франціи обращается медаль, на одной сторонѣ которой въ видѣ дьявола изображенъ папа, а подъ нимъ надпись: mali corni masculi ovium, а на другой сторонѣ смѣшной католическій кардиналъ съ надписью: stulti aliquando sapite. Супрема приказала принять строжайшія мѣры къ изслѣдованію обстоятельствъ, вызвавшихъ появленіе этой медали, подлежащей конфискаціи. Въ связи съ этимъ былъ отданъ приказъ провѣрить надписи на табакеркахъ, ящикахъ, вѣерахъ, мебели и на разныхъ мелочахъ, служащихъ украшеніемъ комнатъ [2]).

Несмотря на прямое участіе короля при назначеніи Великаго инквизитора и на денежную зависимость всей Инквизиціи отъ королевской казны, Инквизиція не была политическимъ учрежденіемъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ тайныя инструкціи, данныя 7 мая 1595 г. Филиппомъ новому Великому инквизитору Геронимо Манрике де Лара. Однако, свѣтская власть иногда старалась пользоваться Инквизиціей для политическихъ цѣлей. Такъ, въ 1507 г., когда Цезарь Борджіа бѣжалъ въ Наварру, гдѣ сталъ во главѣ войска Жана д'Альбре, на сестрѣ котораго онъ женился, Фердинандъ пытался уничтожить своего врага путемъ убѣжденія Инквизиціи, что Цезарь Борджіа является святотатомъ, атеистомъ и матеріалистомъ [3]). Когда Фердинандъ умеръ въ 1516 г. и Жанъ д'Альбре намѣревался силой вернуть себѣ Наварру, испанское правительство съ помощью Инквизиціи задумало произвести слѣдствіе, кто изъ жителей Наварры сочувствуетъ Жану д'Альбре. Инквизиція тѣмъ охотнѣе оказывала эту услугу Испаніи, что опасалась побѣды Жана д'Альбре, считавшагося противникомъ чрезмѣрнаго вліянія Инквизиціи. 21 апрѣля 1516 г. вышло распоряженіе о томъ, чтобы инквизиціонные трибуналы всѣми доступными имъ средствами установили имена лицъ, участвовавшихъ или сочувствовавшихъ планамъ д'Альбре, и приняли противъ нихъ надлежащія мѣры. Когда французы, поддерживавшіе Жана д'Альбре, были вытѣснены изъ Наварры, кардиналъ Адріанъ снова напомнилъ о необходимости наказать враговъ испанскаго правительства, а въ 1523 г. Супрема побуждала трибуналы къ принятію болѣе энергичныхъ мѣръ противъ бывшихъ сторонниковъ Жана д'Альбре. Нѣсколько ранѣе была сдѣлана попытка привлечь Инквизицію и въ другое политическое событіе,—въ возстаніе крестьянъ въ Валенсіи, извѣстное подъ именемъ Germania: 11 октября 1520 г. папа Левъ X предоставилъ кардиналу Адріану, занимавшему въ то время постъ Великаго инквизитора, право преслѣдовать нарушителей общественнаго порядка; это было на руку свѣтской власти, но Инквизиція, повидимому, крайне неохотно исполняла роль политическаго агента и лишь въ 1522 г., когда «пророкъ el Encubierto», въ качествѣ посланца свыше, явился, чтобы отомстить за смерть вожака Agermanados, Инквизиція выступила

---

[1]) Llorente «Histoire critique», III, 91—93; IV, 115; Lea, «History», IV, 293—294.

[2]) Llorente, op. cit., I, 486 и слѣд.

[3]) Llorente, op. cit., III, стр. 3.

съ обвиненіемъ «пророка» и его сторонниковъ въ ереси. Убитаго el Encubierto валенсійскій трибуналъ приговорилъ къ сожженію, а Хуанъ Мартинъ, правая рука самозваннаго «пророка», былъ арестованъ. Однако, вмѣшательство Инквизиціи въ возстаніе не имѣло вліянія на дальнѣйшій ходъ его и ограничилось лишь наказаніемъ тѣхъ, которые выступали «отъ имени Бога». Нерѣдко также свѣтская власть обращалась за помощью Инквизиціи, когда дѣло шло о наказаніи духовныхъ лицъ, не подлежащихъ обычному королевскому суду. Такъ, по волѣ герцога Лермы, при поддержкѣ Инквизиціи, пострадалъ извѣстный историкъ, іезуитъ Хуанъ Маріана. Въ 1609 г. имъ была въ Кельнѣ выпущена книга «Tratado y Discurso sobre la moneda de vellon», въ которой, среди разсужденій объ испанской монетной системѣ, заключалось не мало рѣзкихъ выпадовъ по адресу правительства, въ частности противъ Лермы. Такъ какъ Маріана занималъ, въ качествѣ іезуита, видное положеніе, то правительство не рѣшалось возбудить дѣло противъ него, и Филиппъ обратился за помощью къ папскому нунцію, который, съ своей стороны, побудилъ толедскій трибуналъ принять противъ Маріаны необходимыя мѣры. Маріана былъ арестованъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ въ теченіе года, и самъ папа, съ нарушеніемъ формальностей, долженъ былъ рѣшить дѣло Маріаны. Оно окончилось, однако, благополучно, и Маріана былъ освобожденъ. Если помощь Инквизиціи въ этомъ дѣлѣ оказалась не совсѣмъ цѣнной, то намѣреніе ея, во всякомъ случаѣ, было безусловно искреннимъ, и случай съ Маріаной былъ далеко не единственнымъ примѣромъ желанія Инквизиціи оказать свѣтской власти возможную услугу. Такъ, въ 1632 г., во время конфликта между барселонскимъ инквизиціоннымъ трибуналомъ и кортесами Каталоніи, Филиппу IV былъ представленъ меморандумъ отъ имени трибунала, перечислявшаго услуги, оказанныя имъ королю въ смыслѣ ареста вліятельныхъ лицъ. Меморандумъ категорически заявляетъ, что нѣкоторые аресты были бы немыслимы безъ помощи барселонской Инквизиціи. Впрочемъ, и безъ такого заявленія легко понять, что свѣтская власть не могла обходиться въ полицейскихъ дѣлахъ безъ помощи прекрасно организованной и распоряжавшейся безчисленными шпіонами Инквизиціи. Почти во всѣхъ партійныхъ интригахъ, носившихъ либо дворцовый, либо политическій характеръ, можно найти тонко сплетенную сѣть инквизиціонныхъ махинацій, и Льоренте не безъ основанія приписываетъ паденіе фаворитовъ Родриго Кальдерона и Оливареса часто тайному, но всегда могущественному, вліянію Инквизиціи [1]).

Кальдеронъ былъ секретаремъ Филиппа III и въ теченіе многихъ лѣтъ игралъ крупную роль при дворѣ, гдѣ у него были и сильные враги. Инквизиторы выдвинули противъ него обвиненіе, будто онъ прибѣгаетъ къ чародѣямъ, чтобы завоевать симпатіи Филиппа. Когда Кальдеронъ былъ привлеченъ королевскимъ судомъ къ отвѣтственности, въ обвинительномъ актѣ имѣлся пунктъ объ его сверхъестественномъ вліяніи на короля. Въ 1621 г. Кальдеронъ былъ приговоренъ къ смерти свѣтскими судьями.—Графъ Оливаресъ былъ любимымъ и первымъ министромъ Филиппа IV. Въ 1634 г. онъ вступилъ въ переговоры съ евреями Африки и Леванта, желая побудить ихъ, путемъ разрѣшенія евреямъ временнаго пребыванія въ Испаніи, завязать съ послѣдней торговыя сношенія и поднять въ ней влачившія столь жалкое существованіе торговлю и промышленность. Этого было достаточно, чтобы Инквизиція принимала участіе въ направленныхъ противъ него интригахъ. Но Великій инквизиторъ Арсо-и-Рейносо, получившій благодаря Оливаресу епископіи Авилы и Паленсіи, вступился за него, и Оливаресъ былъ спасенъ, хотя и долженъ былъ въ 1643 г. подать въ отставку. Отъ упавшаго дерева, говоритъ испанская пословица, охотно рвутъ вѣтви, и на Оливареса стали поступать обвиненія въ различныхъ преступленіяхъ, вплоть до намѣренія отравить папу Урбана VIII. Во время начатаго противъ него слѣдствія онъ умеръ, и Инквизиція прекратила дѣло, оставивъ его память не запятнанной.

[1]) «Histoire critique», III, 462—497.

Особенно ярко проявилась политическая роль Инквизиціи въ знаменитомъ дѣлѣ Антоніо Переса.

Блестящій и даровитый Антоніо Пересъ былъ любимцемъ Филиппа II; сдѣлавшись въ 1571 г. наслѣдникомъ своего покровителя Рюи Гомеса, принца Эболи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ унаслѣдовалъ и безграничное довѣріе короля къ своему предшественнику и сталъ такимъ образомъ могущественнѣйшей фигурой въ Испаніи. Съ благородствомъ и изяществомъ манеръ въ немъ соединялись практическій опытъ и замѣчательныя способности, сулившія ему въ близкомъ будущемъ завидное положеніе перваго министра; въ то же время онъ охотно предавался свѣтскимъ удовольствіямъ, приводя въ изумленіе окружающихъ роскошью и великолѣпіемъ своей повседневной жизни. Но свою судьбу Пересъ связалъ съ вдовой своего покровителя, принцессой Эболи. Это была гордая, мстительная и страстная женщина, неумолимая въ своихъ желаніяхъ и не останавливавшаяся ни передъ какими средствами. Домогался ли Филиппъ ея любви, были ли его домогательства приняты благосклонно или отвергнуты — это вопросъ спорный; важно лишь отмѣтить, что Пересъ, имѣвшій въ лицѣ Хуаны Коэльо преданную и нѣжную жену, былъ совершенно плѣненъ чарами этой перезрѣлой красавицы и сдѣлался покорнымъ рабомъ ея властной воли.

Жуанъ Австрійскій, посланный въ Нидерланды для умиротворенія страны, очутился на мѣстѣ безъ всякихъ средствъ. Поэтому въ 1577 г. онъ послалъ въ Мадридъ Хуана Эскобедо, человѣка честнаго, но нѣсколько грубоватаго и неотесаннаго, который своими настойчивыми просьбами о доставленіи необходимыхъ средствъ довелъ короля до крайней степени раздраженія. Между тѣмъ въ теченіе нѣкотораго времени Пересъ тайно настраивалъ Филиппа противъ своего единокровнаго брата, стараясь выставить его въ глазахъ короля заговорщикомъ, а прибывшаго въ Мадридъ Эскобедо эмиссаромъ дона Жуана, явившимся для завершенія мятежныхъ плановъ его и, между прочимъ, плана высадки въ Сантандерѣ и возстанія въ Кастиліи. Слѣпо довѣряя своему любимцу, Филиппъ поручилъ ему покончить съ Эскобедо. Пересъ безъ колебаній принялъ на себя это порученіе; если бы при этомъ въ немъ и заговорила совѣсть, то голосъ ея долженъ былъ умолкнуть передъ опасностью, грозившей ему со стороны Эскобедо. Послѣдній хорошо зналъ объ его интимныхъ отношеніяхъ съ принцессой и готовъ былъ сообщить объ этомъ фактѣ королю. Поэтому смерть Эскобедо была для Переса дѣломъ рѣшеннымъ; послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ къ отравленію Эскобедо былъ убитъ на улицѣ съ помощью наемныхъ убійцъ въ ночь на 31 марта 1578 г.

Подозрѣніе въ убійствѣ Эскобедо пало на Переса, о чемъ до свѣдѣнія короля довелъ товарищъ Переса по министерству и его непримиримый врагъ, Матео Васкесъ. Возмущенная доносомъ, принцесса Эболи грозила Васкесу участью Эскобедо; дворъ раздѣлился на двѣ партіи, которыя Филиппъ тщетно пытался примирить. Защиту Переса, бывшаго въ его рукахъ лишь орудіемъ убійства, онъ считалъ дѣломъ своей чести и неоднократно увѣрялъ его въ полной личной безопасности. Но потому ли, что онъ понялъ, что былъ введенъ въ заблужденіе, или потому, что въ немъ заговорило чувство ревности, когда онъ узналъ о любовной связи, существовавшей между Пересомъ и принцессой, Филиппъ, наконецъ, рѣшилъ пожертвовать своимъ министромъ, видя въ этомъ единственный исходъ изъ создавшагося положенія, ставшаго невыносимымъ. Король рѣшилъ замѣнить своего бывшаго любимца кардиналомъ Гранвеллой, который и прибылъ въ Эскуріалъ изъ своего римскаго уединенія 29 іюля 1579 г., а ночью, наканунѣ этого дня, Пересъ и принцесса были арестованы въ Мадридѣ. Послѣ двухлѣтняго заключенія въ тюрьмѣ принцесса была освобождена, дѣло же ея было передано судебной комиссіи, которая затянула его до самой смерти ея, послѣдовавшей 2 февраля 1592 г.

Тѣмъ временемъ Пересъ подвергался всякимъ болѣе или менѣе тяжкимъ мытар-

ствамъ тюремнаго заключенія. Произведенная, по распоряженію Филиппа, ревизія тѣхъ частей управленія, которыя находились въ вѣдѣніи его бывшаго любимца, обнаружила цѣлый рядъ злоупотребленій. На этомъ основаніи Пересъ былъ приговоренъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію, къ десятилѣтнему удаленію отъ двора и къ уплатѣ 12,224,739 мараведи, изъ которыхъ 7,371,098 шли въ пользу фиска и въ возмѣщеніе наслѣдниковъ Рюи Гомеса за подарки, полученные имъ отъ принцессы. Семья убитаго Эскобедо напрасно взывала о правосудіи. Филиппъ очень боялся скомпрометировать себя въ этомъ дѣлѣ, но если бы теперь, когда Пересъ былъ уже окончательно дискредитированъ, удалось захватить документы, въ которыхъ имѣлись доказательства причастности его, короля, къ убійству Эскобедо, то Переса можно было бы безъ всякаго опасенія отдать въ жертву правосудію. Съ этой цѣлью была арестована его жена, Хуана Коэльо; подъ угрозой смерти отъ голода ее хотѣли принудить къ выдачѣ бумагъ мужа; но самоотверженная женщина отказывалась исполнить требованіе своихъ тюремщиковъ до тѣхъ поръ, пока Пересъ въ посланной запискѣ, которую, какъ онъ говорилъ, писалъ своей кровью, не разрѣшилъ ей выдать требуемыя бумаги, изъ которыхъ онъ предусмотрительно изъялъ всѣ документы, необходимые, по его мнѣнію, для его оправданія.

Лѣтомъ 1585 г. Филиппъ разрѣшилъ родственникамъ Эскобедо начать судебное преслѣдованіе Переса, но въ 1589 г. сынъ жертвы, Педро Эскобедо, за 20,000 дукатовъ простилъ убійцу своего отца и отказался отъ продолженія процесса. Охваченный чувствомъ неутолимой злобы, король велѣлъ дать дѣлу дальнѣйшій ходъ. 22 февраля 1590 г. Пересъ былъ подвергнутъ пыткѣ, послѣ которой онъ, наконецъ, сознался, что преступленіе имъ совершено по приказу короля, объяснивъ при этомъ мотивы, побуждавшіе короля желать смерти Эскобедо. Вскорѣ Пересъ заболѣлъ и 20 апрѣля, съ помощью допущенной къ нему жены, бѣжалъ въ Арагонію. Здѣсь, какъ арагонецъ по происхожденію, онъ очутился подъ покровительствомъ мѣстныхъ законовъ и судебныхъ привилегій.

Арагонія въ это время чутко стояла на стражѣ своей мѣстной автономіи; важнѣйшей ея привилегіей было замѣщеніе поста вице-короля исключительно лицами арагонскаго происхожденія. Оспаривавшій эту привилегію Филиппъ послалъ въ Арагонію графа Алменара, чтобы передать этотъ вопросъ на разсмотрѣніе мѣстнаго верховнаго судьи. Своею заносчивостью и пренебрежительнымъ отношеніемъ къ мѣстнымъ узаконеніямъ Алменара возбудилъ противъ себя всеобщее недовольство и тѣмъ самымъ создалъ въ странѣ очень благопріятную атмосферу для Переса, явившагося въ Арагонію искать подъ сѣнью ея законовъ защиты отъ преслѣдованій короля.

Филиппъ пришелъ въ страшную ярость и прежде всего выместилъ свою злобу на беззащитныхъ дѣтяхъ и женѣ Переса; они были брошены въ тюрьму, гдѣ имъ суждено было провести цѣлыхъ девять лѣтъ до смерти мучителя; вмѣстѣ съ тѣмъ отданъ былъ приказъ схватить бѣглеца живымъ или мертвымъ. Въ погоню за Пересомъ были посланы особые агенты въ Калатаюду; спасаясь отъ преслѣдованія, онъ нашелъ убѣжище въ доминиканскомъ монастырѣ; ближайшій же другъ его, Жилъ де Меза, поспѣшилъ въ Сарагоссу, чтобы исхлопотать ему грамату, гарантирующую ему подсудность арагонскому хустисіи; въ силу этой граматы помощникъ губернатора, захватившій было уже Переса, долженъ былъ его выдать представителю мѣстной судебной власти. Освобожденнаго такимъ образомъ Переса съ торжествомъ отправили въ Сарагоссу, гдѣ народъ оказалъ ему чуть ли не королевскія почести. Тогда развернулось любопытное зрѣлище безпощаднаго поединка между опальнымъ бѣглецомъ и величайшимъ монархомъ христіанскаго міра; и въ этомъ поединкѣ монархъ оказывался безсильнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не призвалъ къ себѣ на помощь Инквизицію, прикрывъ свою жажду ненасытной мести интересами религіи.

Къ этой помощи Филиппъ прибѣгъ лишь послѣ того, какъ цѣлый рядъ обвине-

ній, выставленныхъ имъ противъ Переса, закончился оправдательными приговорами, вынесенными обвиняемому хустисіей. Чтобы доставить поводъ ко вмѣшательству Инквизиціи, Пересу было приписано мнимое намѣреніе бѣжать къ еретикамъ Беарна. Затѣмъ, по совѣту Алменары, было придумано болѣе серьезное обвиненіе. Старый слуга Діэго Бустаменте и учитель по имени Хуанъ де Басанте, пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ Переса, подкупленные Алменарой, тономъ глубокаго негодованія заявили, что Пересъ позволилъ себѣ выраженія, свидѣтельствующія о его невѣріи и о кощунственномъ неповиновеніи волѣ Божіей.

Инквизиторъ Медрано, облекши этотъ доносъ въ надлежащую форму, представилъ его Супремѣ. Монахъ Діэго де Чавесъ, ознакомившись по приказу Филиппа съ этимъ доносомъ, призналъ выраженія Переса еретическими. На этомъ основаніи Супрема 21 мая 1591 г. отдала приказъ арестовать Переса и заключить его въ секретную тюрьму для допроса. Этотъ приказъ экстренно былъ отправленъ въ Сарагоссу, гдѣ онъ былъ полученъ 23 мая, а 24-го инквизиторы Медрано, Мендоса и Морехонъ послали мѣстнымъ властямъ предписаніе объ арестѣ Переса; однако, этому распоряженію отказались подчиниться. Тогда трибуналъ Инквизиціи послалъ товарищамъ верховнаго судьи приказъ о выдачѣ обвиняемаго, ссылаясь на то, что въ дѣлахъ вѣры мѣстныя привилегіи теряютъ свою силу. На этотъ разъ уклониться отъ исполненія приказа было невозможно, и чиновники верховнаго судьи получили порученіе отправиться въ тюрьму, гдѣ содержался Пересъ, и выдать его алгуасилу трибунала. Пересъ былъ посаженъ въ карету и увезенъ по направленію къ Алхаферіи, мѣстопребыванію Инквизиціи.

Какъ только распространилась вѣсть объ арестѣ Переса Инквизиціей, Діэго Эредіа и другія лица собрали своихъ друзей и бросились на улицы съ крикомъ: «Да здравствуетъ свобода! На помощь свободѣ». На соборной колокольнѣ ударили въ набатъ и подняли на ноги весь городъ. Подъ предводительствомъ аристократовъ и дворянъ часть толпы бросилась къ дому ненавистнаго Алменары, насильно ворвалась въ его помѣщеніе и потащила его въ тюрьму; по дорогѣ его подвергли тяжкимъ побоямъ, отъ которыхъ онъ черезъ двѣ недѣли скончался.

Другая часть толпы поспѣшила въ Алхаферію и потребовала выдачи Переса и его друга Франсиско Махорини, также привлеченнаго къ дѣлу. Говорили, что Педро де Сесе привезъ огромное количество дровъ, угрожая сжечь замокъ, если требованіе не будетъ исполнено. Дѣло принимало крайне опасный оборотъ. Вице-король, епископъ Теруэльскій, умолялъ инквизиторовъ уступить. Архіепископъ Бобадилья прислалъ три записки, одну отчаяннѣе другой, съ сообщеніемъ, что его дворецъ и дворецъ хустисіи будутъ сожжены сегодня ночью, если Пересъ не будетъ освобожденъ. Въ теченіе пяти часовъ сопротивлялись инквизиторы требованію толпы, но, наконецъ, вынуждены были уступить. Пересъ былъ увезенъ обратно въ свою прежнюю тюрьму, при чемъ толпа потребовала, чтобы заключенный трижды въ день появлялся у окна своей тюрьмы для доказательства того, что ихъ мѣстные законы и вольности соблюдаются ненарушимо.

Возстаніе въ Арагоніи явилось для Филиппа очень удобнымъ поводомъ для того, чтобы покончить съ ея вольностями, ограничивавшими королевскую власть. Съ другой стороны, и для Инквизиціи оно открыло достаточный просторъ для расширенія дѣятельности. Въ Мадридѣ началась энергичная работа въ томъ и другомъ направленіи. Антонъ де Алмуніа, свидѣтельствовавшій противъ Переса, прибылъ въ испанскую столицу и повѣдалъ, что отъ него угрозами требовали отказа отъ данныхъ имъ показаній. Въ Мадридѣ это было признано преступленіемъ противъ Инквизиціи, и Педро Пачеко поручено было произвести по этому поводу дознаніе. Рамки слѣдственнаго производства все болѣе и болѣе раздвигались. Выслушивались свидѣтельскія показанія всѣхъ лицъ, бѣжавшихъ изъ Арагоніи, всѣхъ враговъ Переса, утверждавшихъ, что зачинщики мятежа имѣли въ виду

присоединеніе Арагоніи къ Франціи или основаніе республики. Для подготовленія почвы, благопріятной начинающейся борьбѣ, сарагосскій трибуналъ, по распоряженію изъ Мадрида, опубликовалъ 29 іюня во всѣхъ церквахъ эдиктъ, заключавшій въ себѣ свирѣпую буллу Пія V, направленную противъ лицъ, мѣшавшихъ дѣйствіямъ Инквизиціи; всѣ приглашались содѣйствовать Инквизиціи не только въ дѣлѣ Переса, но и во всѣхъ другихъ дѣлахъ. Высокомѣрныя притязанія Инквизиціи вызвали сильное возбужденіе въ широкихъ слояхъ мѣстнаго населенія. Собравшаяся на соборной площади вооруженная толпа обсуждала вопросъ, не является ли папская булла угрозой для Арагоніи, и какія мѣры должны быть приняты для сохраненія мѣстныхъ вольностей.

Съ своей стороны Пересъ и его друзья старались еще усилить всеобщее недовольство и съ этой цѣлью распространяли летучіе листки и памфлеты, въ которыхъ въ стихахъ и въ прозѣ клеймили своихъ противниковъ и громко призывали гражданъ къ борьбѣ за свои вольности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пересъ просилъ Салмениду разслѣдовать методы, съ помощью которыхъ Алманера и Медрано собирали противъ него доказательства, и заявилъ, что добытыя путемъ подкупа, угрозъ и обѣщаній желательныя имъ показанія оказали большое вліяніе на общественное мнѣніе.

Филиппъ не желалъ считаться ни съ какими доводами. Онъ рѣшительно настаивалъ на выдачѣ Переса Инквизиціи до возбужденія и обсужденія какихъ бы то ни было другихъ вопросовъ. Судъ Инквизиціи распространяется на всѣхъ людей, но сама она не подлежитъ человѣческому суду. Инквизиція священна, и всякая попытка, направленная къ провѣркѣ ея методовъ, есть преступленіе.

Когда возбужденіе нѣсколько улеглось, болѣе хладнокровные граждане находили необходимымъ для устраненія конфликта создать какой-нибудь компромиссъ. На совѣщаніяхъ съ юристами позиція, занятая друзьями Переса, была признана крайне шаткой; собраніе пришло къ заключенію, что Пересъ долженъ быть выданъ судьямъ-инквизиторамъ, съ которыми и было заключено въ этомъ смыслѣ извѣстное соглашеніе. Однако, общее настроеніе попрежнему оставалось угрожающимъ. Филиппъ не возражалъ противъ отсрочки окончательнаго рѣшенія вопроса, дававшей ему возможность сосредоточить свои силы въ Агредѣ, на границѣ Кастиліи, и торжественная церемонія выдачи Переса была назначена на 24 сентября. Пересъ, живо представлявшій себѣ грозившую ему опасность, рѣшилъ бѣжать. Ему тайно былъ доставленъ напилокъ, которымъ онъ въ теченіе трехъ ночей работалъ надъ рѣшеткой своего окна. Еще нѣсколько часовъ работы, и онъ открылъ бы себѣ путь къ свободѣ; но тутъ онъ былъ преданъ своимъ мнимымъ другомъ, Хуаномъ Басанте, который пользовался его безусловнымъ довѣріемъ и долженъ былъ принять участіе въ его побѣгѣ. Пересъ послѣ этого былъ переведенъ въ болѣе строгую тюрьму, гдѣ онъ былъ лишенъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и отданъ подъ бдительный надзоръ вооруженныхъ стрѣлковъ, неусыпно сторожившихъ его день и ночь.

22 сентября скончался хустисія Хуанъ де Лануса, и должность его была унаслѣдована его 27-милѣтнимъ сыномъ, своей добротой снискавшимъ всеобщую любовь, но неопытнымъ и не пользовавшимся почти никакимъ авторитетомъ. Къ моменту выдачи Переса Инквизиціи дѣлались очень широкія приготовленія. Городскія ворота были заперты; улицы, ведущія отъ тюрьмы къ Алхаферіи, охранялись конными патрулями; смертью грозили за малѣйшее нарушеніе порядка. Врученіе верховному судьѣ секретаремъ трибунала Лансеманомъ де Сола приказа о выдачѣ Переса и Махорини сопровождалось весьма сложными формальностями. Конвоируемый стрѣлками кортежъ изъ духовныхъ судей и прелатовъ медленно направился къ рыночной площади. Когда процессія прибыла къ тюрьмѣ, нѣсколько чиновниковъ вошли въ нее; имъ были предъявлены Пересъ и Махорини, которые были тутъ же закованы въ цѣпи и торжественно переданы Лансеману де Сола; въ то время, какъ арестованные спускались по лѣстницѣ изъ тюрьмы, направляясь въ при-

готовленныя для нихъ кареты, гулъ въ собравшейся вокругъ тюрьмы толпѣ на минуту затихъ.

Но друзья Переса не дремали. Дворяне, все еще стоявшіе на его сторонѣ, привели съ собою въ городъ своихъ подвластныхъ крестьянъ и слугъ; пропаганда велась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; даже большинство стрѣлковъ выражали готовность защищать мѣстныя вольности до послѣдней капли крови. Улицы были запружены шумной толпою. Уже во время торжественнаго шествія процессіи изъ толпы летали камни; теперь же подъ предводительствомъ Діэго Эредіа и Жиль де Меза, рыночная площадь подверглась нападенію съ разныхъ сторонъ. Одни изъ конвойныхъ были убиты, другіе бѣжали, третьи присоединились къ нападавшимъ. Площадь оказалась усѣянной тридцатью трупами и множествомъ раненыхъ; подъ губернаторомъ была убита лошадь, самъ онъ скрылся въ ближайшій домъ, который сейчасъ же былъ сожженъ. Вошедшіе въ тюрьму чиновники должны были спасаться черезъ крышу; не тронули только верховнаго судью, который для успокоенія толпы заставилъ Переса показаться у окна. Оглушительный крикъ радости пронесся въ толпѣ при видѣ заключеннаго; она уже начала ломиться въ тюрьму, когда Пересъ былъ выведенъ къ ней черезъ потайную дверь. Въ тріумфальномъ шествіи повели его къ дому Діэго Эредіа; потомъ вспомнили о Махорини; когда посланные за нимъ явились въ тюрьму, они не встрѣтили около нея никакой стражи и безпрепятственно освободили заключеннаго.

Пересъ вскочилъ на коня и, въ сопровожденіи Жиль де Меза, Франсиско Аербе и двухъ слугъ, бѣжалъ въ горы и на слѣдующій день прибылъ въ Таусте, гдѣ въ теченіе пяти дней прожилъ въ домѣ Аербе. Инквизиція гналась за нимъ по пятамъ. Убѣдившись, что граница Франціи, черезъ которую онъ хотѣлъ бѣжать, находится подъ сильной охраной, Пересъ тайно вернулся въ Сарагоссу и скрывался въ домѣ Мартина де Лануса. Между тѣмъ внушительная армія Филиппа, собранная подъ предлогомъ предпринимаемаго похода во Францію, продолжала стоять у Агреды подъ начальствомъ даровитаго полковника Алонсо Варгасъ, составляя серьезную угрозу для безпокойныхъ автономныхъ провинцій. Полный хаосъ въ Сарагоссѣ и крайне осторожное отношеніе самой Арагоніи къ возможному столкновенію съ арміей Филиппа привели къ путанницѣ и крупнымъ разногласіямъ между защитниками мѣстныхъ вольностей отъ притязаній короля и Инквизиціи. При такихъ условіяхъ Варгасу съ его почти 15-титысячной арміей не трудно было сдѣлаться хозяиномъ положенія. И дѣйствительно, 12 ноября онъ, къ великой радости инквизиторовъ, безпрепятственно дошелъ до Алхаферіи. Навстрѣчу ему вышли вице-король и мѣстные чины, въ сопровожденіи которыхъ онъ торжественно вступилъ въ городъ. На соборной площади были разставлены сильные военные посты и поставлена пушка, господствовавшая надъ всѣми улицами; солдаты же были расквартированы по домамъ гражданъ; рабочіе слои покинули городъ, и благодаря этому освободилось болѣе 15000 домовъ.

Между тѣмъ Пересъ, мало озабоченный теперь всѣмъ происходившимъ, думалъ только о своемъ собственномъ спасеніи. За два дня до прибытія Варгаса Мартинъ Лануса проводилъ его до городскихъ воротъ; отсюда Пересъ направилъ свой путь въ Саллентъ, расположенный на границѣ Франціи. На слѣдующій день Мартинъ предложилъ своимъ согражданамъ умереть за родной городъ, если они намѣрены его защищать. Но не встрѣтивъ сочувствія, онъ предложилъ желающимъ удалиться черезъ открытыя имъ ворота. Вслѣдъ за другими онъ и самъ удалился въ горы, чтобы спасти Переса.

Послѣ этого всякое сопротивленіе прекратилось. Къ тому же и самъ Варгасъ велъ себя съ большимъ искусствомъ и ловкостью. Очень милостиво принимая различныя депутаціи, онъ приглашалъ всѣхъ удалившихся вернуться на свои мѣста, гарантируя имъ безусловное уваженіе къ мѣстнымъ законамъ. 28 ноября прибылъ маркизъ Ломбаи,

въ качествѣ спеціальнаго королевскаго комиссара, съ письмами, въ которыхъ подтверждалось, что мѣстные законы будутъ сохранены и виновнымъ будетъ оказана милость. Комиссаръ былъ принятъ съ великимъ почетомъ и привѣтствованъ, какъ ангелъ мира. Казалось, что все кончилось къ общему благополучію, и бѣглецы вернулись домой. Варгасъ и Ломбаи убѣждали Филиппа даровать всеобщее помилованіе, ограничить компетенцію Инквизиціи исключительно дѣлами, подлежащими ея спеціальному вѣдѣнію, созвать кортесы подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ и даже совѣтовали назначить Аранду новымъ вице-королемъ.

Но совершенно неожиданно эта мечта о всеобщемъ умиротвореніи разсѣялась, какъ дымъ. Не говоря никому ни слова о принятомъ рѣшеніи, Филиппъ, черезъ тайнаго своего агента, послалъ собственноручный никѣмъ не контрасигнированный приказъ объ арестѣ верховнаго судьи, прибавивъ къ этому, чтобы вмѣстѣ съ арестомъ ему одновременно донесли и о казни арестованнаго. Верховный судья, по предписанію Филиппа, долженъ былъ быть обезглавленъ, имущество его конфисковано, а замки и строенія сравнены съ землей. Предписывалось арестовать также Вильяэрмосу и Аранду и отправить ихъ въ Кастилію.

Варгасъ вполнѣ сознавалъ то тяжелое положеніе, въ которое его ставилъ приказъ короля, но, какъ солдатъ, счелъ себя вынужденнымъ повиноваться. На слѣдующее же утро, 19 декабря, были арестованы верховный судья Лануса и его товарищъ. Вильяэрмоса и Аранда подъ благовиднымъ предлогомъ были приглашены въ квартиру Варгаса, задержавшаго ихъ въ дружеской бесѣдѣ до тѣхъ поръ, пока ему не донесли объ арестѣ Ланусы. Послѣ этого Варгасъ отпустилъ своихъ собесѣдниковъ, но какъ только они отъ него вышли, они тотчасъ же были арестованы и подъ усиленнымъ конвоемъ развезены по тюрьмамъ, гдѣ оба и кончили свои дни.

Лишь забрезжило утро слѣдующаго дня, передъ изумленными взорами населенія на рыночной площади развернулось необычайно мрачное зрѣлище: на площади былъ воздвигнутъ черный эшафотъ, всѣ прилегающія улицы были заняты вооруженными отрядами и охранялись пушками. Впрочемъ, объятые ужасомъ граждане сами спѣшили затвориться въ своихъ домахъ. При казни присутствовали одни солдаты. Палачъ снесъ Ланусѣ голову въ тотъ моментъ, какъ онъ возносилъ молитву св. Дѣвѣ. Обезглавленнаго похоронили съ большимъ почетомъ въ семейномъ склепѣ; гробъ несли на плечахъ высшіе офицеры кастильской арміи.

Этотъ неожиданный ударъ навелъ неописуемый ужасъ на всю Арагонію. Не скрывая больше своихъ истинныхъ намѣреній, король приказалъ образовать при губернаторѣ особую комиссію для наказанія всѣхъ провинившихся лицъ, не считаясь съ мѣстными законами. Послѣдовалъ цѣлый рядъ арестовъ и казней скомпрометированныхъ лицъ, особенно тѣхъ, которыя такъ или иначе были прикосновены къ убійству Алменары. Казнили часто людей совершенно невинныхъ, и потому никто изъ гражданъ не чувствовалъ себя въ безопасности. Разрушенные дома и замки казненныхъ служили для гражданъ какъ бы символомъ уничтоженія ихъ мѣстныхъ вольностей.

Съ своей стороны и Инквизиція не отставала въ своей мстительной ярости за свое оскорбленное достоинство. Составъ трибунала былъ измѣненъ, и теперь въ немъ засѣдали Педро Самора, Веларде-де-ла-Конча и Хуанъ Морисъ-де-Саласаръ, блестяще оправдавшіе возлагавшіяся на нихъ надежды. Они переполнили тюрьмы людьми всякаго ранга, оказывавшими сопротивленіе дѣйствіямъ Святой Инквизиціи.

Убѣдившись, наконецъ, что на мятежниковъ было уже произведено надлежащее впечатлѣніе, Филиппъ обратился къ мѣрамъ успокоенія. Образованную при арагонскомъ губернаторѣ судебную комиссію онъ распустилъ и обѣщалъ обвиняемымъ нормальный судъ безпристрастнаго арагонскаго судьи. Затѣмъ 17 января 1592 г. въ Сарагоссѣ была тор-

жественно объявлена всеобщая амнистія, въ которой онъ говорилъ о своей любви къ Арагоніи, о своемъ милосердіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ напоминалъ о своей обязанности поддержать правосудіе и авторитетъ Инквизиціи. Число лицъ, которыя могли разсчитывать на амнистію, достигло 196; обѣщанный безпристрастный судья былъ назначенъ въ лицѣ доктора Мигуэля Ланса—человѣка, извѣстнаго своимъ невѣжествомъ и жестокостью.

Въ намѣренія Филиппа входило, чтобы и Инквизиція, съ своей стороны, одновременно издала указъ объ амнистіи. Поэтому, выпуская свой указъ, Филиппъ совѣтовалъ Супремѣ послѣдовать его примѣру, но встрѣтилъ сопротивленіе со стороны послѣдней. У Инквизиціи были свои разсчеты. Она хотѣла не только отомстить за нанесенныя ей обиды, но воспользоваться благопріятнымъ моментомъ для того, чтобы сломить сопротивленіе Арагоніи ея произвольнымъ дѣйствіямъ. Въ отвѣтъ на отказъ Инквизиціи Филиппъ указывалъ, что отсрочка амнистіи помѣшала бы возстановленію взаимнаго довѣрія, и что тамъ, гдѣ замѣшано такъ много лицъ, достаточно было бы наказать наиболѣе виновныхъ. Съ подобнаго рода соображеніями Инквизиція не хотѣла считаться. Между тѣмъ, ея молчаніе возбуждало въ населеніи понятную тревогу; поэтому Филиппъ въ еще болѣе настойчивой формѣ снова повторилъ Супремѣ свое предложеніе. Супрема подъ разными предлогами продолжала отсрочивать время обнародованія указа объ амнистіи и въ отвѣтъ на повторныя требованія короля представила ему 29 апрѣля докладъ о своей дѣятельности, согласно которому сарагосскій трибуналъ недавно постановилъ арестовать 176 лицъ; кромѣ того, въ ея тюрьмахъ содержится уже 74 лица, и предполагается судебное преслѣдованіе еще противъ трехсотъ лицъ. Таковы причины, оправдывающія необходимость отсрочки всеобщей амнистіи. 20 октября Инквизиція торжественно предала ауто-да-фе 80 осужденныхъ, изъ которыхъ всѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ морисковъ и одного двоеженца, были противниками ея самовластія. Это торжество ауто-да-фе завершено было сожженіемъ изображенія Переса, сопровождавшимся чтеніемъ приговора, въ которомъ перечислялись многочисленныя преступленія осужденнаго, какъ кощунственная хула противъ Бога, должностныя злоупотребленія, содомскій грѣхъ, бѣгство во Францію, сношенія съ гугенотами и даже происхожденіе отъ еврейской семьи.

Въ день этого торжественнаго ауто-да-фе Филиппъ находился въ Ріоха, по пути въ Тарасону, гдѣ заканчивали свою работу созванные тамъ кортесы. Такъ какъ Инквизиція все еще не обнародовала своей амнистіи, то Филиппъ снова потребовалъ изданія соотвѣтствующаго акта. Медлительная и все еще не утолившая своей жажды мести Инквизиція послала въ отвѣтъ королю еще одиннадцать именъ лицъ, которыхъ она считала главными виновниками безпорядковъ, и испрашивала его распоряженій относительно нихъ. Король отвѣчалъ, что разсмотритъ дѣло по прибытіи въ Тарасону. Нѣсколько дней спустя онъ сдѣлалъ запросъ Инквизиціи о формѣ и содержаніи предполагаемаго указа ея объ амнистіи. Въ отвѣтъ на это Супрема послала королю проектъ амнистіи, сопроводивъ его нѣкоторыми возраженіями. Амнистію, обставленную даже различными оговорками, Супрема считала слишкомъ большой уступкой, и на слѣдующій же день послала королю извѣщеніе о томъ, что ею полученъ отъ сарагосскаго трибунала новый списокъ лицъ, сильно скомпрометированныхъ; и такъ какъ противъ нихъ начатъ уже былъ судебный процессъ, то они должны быть исключены изъ амнистіи. Но Филиппъ не обратилъ вниманія на послѣднее усиліе Инквизиціи удержать въ своемъ распоряженіи тѣхъ, кого она считала своими оскорбителями. Не вступая въ дальнѣйшую переписку, король послалъ указъ объ амнистіи въ Сарагоссу съ предписаніемъ обнародовать его. Это и было сдѣлано съ большой торжественностью, 23 ноября, и болѣе пятисотъ человѣкъ были освобождены отъ преслѣдованія.

Тѣмъ временемъ кортесы, идя навстрѣчу желаніямъ короля, занимались реформированіемъ мѣстныхъ учрежденій Арагоніи, сводившимся къ полному уничтоженію тѣхъ вольностей, которыя были предметомъ ея гордости. Такъ, хустисія и его судъ, если

не номинально, то фактически—превратился въ королевскій судъ; представители народа, исполнявшие его волю, лишены были своихъ важнѣйшихъ функцій; всѣ гарантіи, установленныя противъ проявленій произвола власти, были отмѣнены; при этомъ всѣ указанныя реформы проводились такимъ образомъ, что онѣ являлись какъ бы дѣломъ свободной иниціативы самихъ народныхъ представителей.

Всѣмъ этимъ актамъ Филиппъ далъ свою королевскую санкцію, за которой послѣдовала общая амнистія для всѣхъ тѣхъ, противъ которыхъ возбуждено было судебное преслѣдованіе Лансой, за исключеніемъ юристовъ и помощниковъ верховнаго судьи, поддерживавшихъ сопротивленіе и осужденныхъ на изгнаніе. Было еще одно исключеніе. По своей непримиримой ненависти къ Пересу Филиппъ все еще держалъ въ тюрьмѣ его жену, Хуану Коэльо, и его семерыхъ дѣтей, изъ которыхъ самое младшее родилось въ темницѣ. Только со вступленіемъ на престолъ Филиппа III, ознаменовавшаго начало своего царствованія амнистіей, Хуана была освобождена. Друзья Переса пытались также и для него добиться помилованія, но имъ отвѣтили, что преступленіе его подлежитъ суду Инквизиціи, въ дѣла которой король не могъ вмѣшиваться.

Прежде чѣмъ вывести свои войска изъ Арагоніи, Филиппъ укрѣпилъ Алхаферію и оставилъ въ ней гарнизонъ въ двѣсти человѣкъ, чтобы постоянно держать подъ угрозой этотъ мятежный городъ. Противъ этого протестовали инквизиторы подъ тѣмъ предлогомъ, что пребываніе гарнизона въ Алхаферіи умаляетъ престижъ Инквизиціи; поэтому они просили перевести его въ другое мѣсто. Долгое время эти домогательства Инквизиціи не имѣли никакого успѣха, и только Филиппъ IV внялъ ея ходатайствамъ и въ 1626 г. перевелъ гарнизонъ въ Хаку.

Пересъ и его друзья успѣли пробраться въ Беарнъ и милостиво были приняты правительницей Екатериной, сестрой Генриха IV. Вообразивъ, что съ помощью незначительной арміи можно было бы поднять арагонцевъ на защиту ихъ вольностей, они убѣдили Генриха сдѣлать опытъ и попытаться отторгнуть отъ Испаніи Арагонъ, Каталонію и Валенсію и образовать изъ нихъ самостоятельную республику подъ протекторатомъ Франціи. Въ февралѣ 1592 г. около 2.000 человѣкъ беарнцевъ, подъ предводительствомъ Мартина Ланусы, Жиль де Мезы, Мануэля дона Лопе и Діэго Эредіа, пытались вторгнуться въ предѣлы Арагоніи; однако, населеніе ея оказало имъ сопротивленіе. Попавъ въ крайне затруднительное положеніе среди глубокихъ горныхъ снѣговъ, они пытались отступить, но подверглись стремительной атакѣ со стороны испанскихъ войскъ; большинство изъ нихъ было взято въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ оказались Діонисіо Пересъ, Франсиско Аербе и Діэго Эредіа. Варгасъ отпустилъ беарнцевъ, бѣглецовъ же отправилъ въ Сарагоссу, гдѣ они искупили свою измѣну смертью на эшафотѣ.

Несмотря на эту неудачу, Генрихъ тепло отнесся къ Пересу и назначилъ ему пенсію, какъ выдающемуся человѣку, видному государственному дѣятелю, искушенному во всѣхъ тайнахъ испанской дипломатіи. Впрочемъ, послѣ мира, заключеннаго съ Испаніей въ 1598 г., Пересъ утратилъ всякое значеніе. Долголѣтнія скитанія и болѣзни подкосили его здоровье и 3 ноября 1611 г. онъ скончался. Послѣ его смерти его жена и дѣти начали, для реабилитированія его памяти, хлопотать о назначеніи суда. Но лишь 22 января 1613 года Супрема сдѣлала Филиппу III представленіе, въ которомъ высказалась за удовлетвореніе ходатайства вдовы и ея дѣтей. Однако, и послѣ смерти Переса трибуналъ Инквизиціи остался неумолимъ и вынесъ Пересу обвинительный приговоръ. Супрема отказалась утвердить его, и только послѣ упорнаго сопротивленія трибунала былъ вынесенъ приговоръ, возстановившій честь и доброе имя Антоніо Переса и освободившій его потомковъ отъ обычныхъ послѣдствій, которыя влекло за собою осужденіе Инквизиціей [1]).

[1]) Lea, «History», IV, 242—272; Llorente, «Histoire critique», главы 35—36; Mignet, «Antonio Pérez et Philippe II», 1854; Philippson, «Ein Ministerium unter Philipp II», 1895.

Когда королевская власть перешла къ Бурбонамъ, считавшимъ, что Церковь должна быть вспомогательнымъ орудіемъ для Государства, понимаемаго ими въ чисто полицейскомъ смыслѣ, то роль Инквизиціи въ качествѣ политическаго агента, приняла вполнѣ опредѣленный характеръ. Уже во время войны за Испанское наслѣдство Супрема потребовала отъ инквизиторовъ вѣрности Филиппу V, превративъ трибуналы въ своего рода политическія конторы и придавъ оттѣнокъ ереси политическимъ взглядамъ противниковъ Бурбонской династіи. Когда около 1706 г. начались усиленныя преслѣдованія по обвиненію въ государственной измѣнѣ, Инквизиція взяла на себя обязанность привлекать къ суду виновныхъ духовныхъ, которые фактически были гарантированы отъ преслѣдованія военныхъ и свѣтскихъ судовъ. Валенсійскій инквизиторъ Исидро де Балмаседа подписался даже однажды въ 1707 г. «Inquisidor y juez apostólico contra los eclesiasticos difidentes». Впослѣдствіи стали подвергаться преслѣдованію со стороны Инквизиціи и лица не духовнаго званія, и, по словамъ писателя средины XVIII вѣка, Филиппъ V удачно пользовался услугами инквизиціонныхъ трибуналовъ при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ»[1]). Особенно полезной оказалась Инквизиція въ дѣлѣ преслѣдованія устной и письменной пропаганды французскихъ идей второй половины XVIII вѣка. Въ этомъ отношеніи королевская власть широко пользовалась въ своихъ интересахъ цензорскимъ всемогуществомъ Инквизиціи: послѣдняя съ энергіей, рѣдко проявляемой даже инквизиціонными трибуналами, подавляла всякое живое слово, всякую идею, носившую въ себѣ не только явные слѣды французскаго просвѣщенія, но даже лишь косвенно могущую быть истолкованной въ просвѣтительномъ смыслѣ. Литературная цензура Инквизиціи дополнялась словесной. Въ 1790 г. французъ Жакъ Жорда былъ привлеченъ барселонскимъ трибуналомъ за то, что непочтительно говорилъ о духовныхъ и свѣтскихъ авторитетахъ. Въ 1794 г. главнокомандующій арміей подъ Русильономъ, донъ Антоніо Рикардо, долженъ былъ предстать предъ мадридскимъ трибуналомъ по обвиненію «въ изъявленіи симпатіи происходящимъ во Франціи событіямъ». Въ томъ же году возникло въ Логроньо дѣло противъ секретаря главнокомандующаго, дона Іосифа дель Борке. «При такихъ обстоятельствахъ,—замѣчаетъ Ли,—война не могла не окончиться пораженіемъ Испаніи[2]).

Во время Реставраціи Инквизиція продолжала служить политическимъ орудіемъ въ рукахъ Фердинанда VII, который въ 1814 г. отправилъ трибуналамъ копію договора съ Людовикомъ XVIII для того, чтобы они просмотрѣли тѣ статьи договора, которыя имѣли отношеніе къ нимъ. При извѣстіи объ оставленіи Наполеономъ острова Эльбы Фердинандъ предписалъ инквизиціоннымъ трибуналамъ слѣдить за тѣми, кто сочувствуетъ низложенному французскому императору. Участники заговоровъ, въ частности сторонники генерала Порлье, подвергались надзору со стороны Инквизиціи, и когда генералъ Реновалесъ и полковникъ Пеонъ бѣжали въ Португалію, трибуналъ Сантъяго вступилъ въ переговоры съ администраціей Коимбры о выдачѣ бѣглецовъ въ руки правосудія, т.-е. Инквизиціи. Въ 1818 г. трибуналъ Логроньо извѣстилъ Супрему, что въ Эрнани, по словамъ служителя трибунала, кто-то утверждалъ, что нація является во всемъ суверенной, la nacion es soberana. Супрема отвѣтила, что дѣло это очень серьезно и требуетъ тщательнаго разслѣдованія. Неудивительно поэтому, что во время революціи 1820 г., когда народъ уничтожилъ инквизиціонную тюрьму въ Севильѣ, въ тюрьмѣ оказались одни только политическіе преступники[3]).

---

[1]) Lea, «History», IV, 276.

[2]) Ibid., 277.

[3]) Op. cit., IV, 277—278; «Relacion historica de la Juderia de Sevilla». 1849; Ascargota, «Geschichte von Spanien», Лейпцигъ, 1851.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Римская Курія и Инквизиція.

Съ перваго дня своего основанія Инквизиція стремилась къ полной независимости отъ Римской Куріи, и королевская власть обычно самымъ энергичнымъ образомъ поддерживала это стремленіе Инквизиціи. Уже въ 1482 г. Изабелла обратилась съ просьбой къ папѣ Сиксту IV предоставить инквизиторамъ право окончательнаго рѣшенія всякихъ судебныхъ дѣлъ и не назначать никакихъ апелляціонныхъ судей и палатъ. 23 февраля Сикстъ отвѣтилъ королевѣ, что вопросъ столь большой важности надлежитъ рѣшить на собраніи кардиналовъ послѣ всесторонняго обсужденія [1]). 25 мая того же года севильскій архіепископъ Иньиго Манрике былъ назначенъ апелляціоннымъ судьей всѣхъ инквизиціонныхъ процессовъ въ испанскихъ владѣніяхъ [2]). Должность эта, повидимому, была очень прибыльна, и послѣ смерти Манрике въ 1485 г. самъ вице-канцлеръ папской канцеляріи Родриго Борджіа, болѣе извѣстный подъ именемъ папы Александра VI, добивался этой должности; однако—безуспѣшно, такъ какъ Фердинандъ воспротивился назначенію на такой постъ жаднаго кардинала, и Борджіа долженъ былъ снять свою кандидатуру въ пользу кардинала Уртадо де Мендосы, епископа Паленсіи. Не всегда, однако, апелляціонный судья, получая деньги отъ тѣхъ, которые искали у него помощи, дѣйствительно оказывалъ имъ таковую: въ большинствѣ случаевъ инквизиціонные трибуналы не желали считаться съ нимъ и выносили окончательные приговоры, не подлежащіе никакой апелляціи. Жалобы на подобныя дѣйствія трибуналовъ поступали въ Римскую Курію въ очень значительномъ числѣ, но Сикстъ IV, то признавая право апелляціи, то отрицая его, не имѣлъ достаточно авторитета, чтобы подчинить Инквизицію своей волѣ, и тѣ, которые имѣли основаніе апеллировать на постановленія инквизиціонныхъ трибуналовъ, находили, что имъ не всегда стоитъ итти въ Севилью и просить архіепископа пересмотрѣть не приведенныя еще въ исполненіе рѣшенія низшихъ судовъ [3]).

Если назначеніемъ апелляціоннаго судьи Римской Куріи не удалось добиться значительныхъ практическихъ результатовъ, то право выдачи индульгенцій, отпускавшихъ не только прошлые грѣхи, но и будущіе, явилось могущественнымъ источникомъ обогащенія Куріи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя, представляя собою при Сикстѣ IV обыкновенное торжище, съ большой легкостью выдавала требуемыя индульгенціи завѣдомымъ преступникамъ и еретикамъ, лишь бы они были въ состояніи удовлетворить аппетиты алчныхъ служителей католической Церкви. Фактически индульгенціи отмѣняли постановленія инквизиціонныхъ трибуналовъ, такъ какъ осужденные немедленно ссылались на свои охранительныя граматы, освобождавшія ихъ отъ всякаго наказанія, и не удивительно, что Инквизиція была возмущена присвоенной Куріей привилегіей и настаивала на отмѣнѣ уже выданныхъ индульгенцій и на прекращеніи дальнѣйшей ихъ выдачи. Королевская

[1]) Соотвѣтствующее мѣсто папскаго бреве гласитъ: Quod vero de inquisitoribus petis, quoniam res est magni momenti, ut maturius tuo desiderio in hac parte satisficiamus, adhibebimus aliquos ex venerabilibus fratribus nostris Sanctae Romanae ecclesie Cardinalibus quibus negotium hoc examinandum committimus.—Сикстъ успокаиваетъ Изабеллу, обнадеживая ее: filia carissima, sis bono animo... tibi persuade nichil nos celsitudine tue denegaturos quod a nobis honeste prestari possit.—«Boletin», XV, 468—471. Llorente, «Histoire», приложеніе.

[2]) te solum ex omnibus eligentes Judicem appellationum in causis predictis Unicum in eisdem regnis deputavimus. «Boletin de la Real Academia», XV, 472; Llorente, «Histoire critique», прилож. III.

[3]) Lea, «History», II, 108.

власть и въ этомъ отношеніи не могла не поддерживать политики Инквизиціи, такъ какъ Римская Курія претендовала на право отпущенія не только грѣховъ, но и самыхъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій и не только освобождала «совѣсть» виновнаго, но и его «тѣло» или, другими словами, отмѣняла наказанія не только духовнаго свойства или наложенныя духовными судами, но и физическаго характера или постановленныя свѣтскими судами. 9 мая 1484 г. Сикстъ IV въ особой буллѣ назвалъ святотатственнымъ мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, будто папскія индульгенціи касаются лишь епитеміи и не освобождаютъ отъ обычныхъ каръ. Этимъ самымъ подрывались основы правосудія, такъ какъ всякій уплатившій Римской Куріи опредѣленную сумму денегъ за индульгенцію могъ безнаказанно совершать какія угодно преступленія. Эту опасность Инквизиція и королевская власть думали устранить путемъ подкупа Куріи, которая стала брать деньги отъ обѣихъ сторонъ, обманывая и покупавшихъ индульгенціи, и добивавшихся отмѣны ихъ. Еще 8 марта 1483 г. Сикстъ издалъ буллу, въ силу которой исповѣдники не должны были отпускать грѣховъ тѣмъ, которые владѣли индульгенціями; за эту уступку Инквизиціи Риму была обѣщана наличными одна треть конфискуемаго у еретиковъ имущества. Но когда мараны, убѣдясь въ измѣнѣ папы, предложили ему новый подкупъ, индульгенціи были снова возстановлены, и Инквизиція была ограничена въ своей дѣятельности. 12 августа 1484 г. умеръ папа Сикстъ IV, игравшій столь искусно двойственную роль, и Инквизиція рѣшила дѣйствовать болѣе энергично по отношенію къ новому папѣ. 6 декабря 1484 г. Торквемада отправилъ спеціальнаго человѣка въ Римъ и далъ ему рядъ точныхъ инструкцій: прежде всего, указано было, что поведеніе покойнаго Сикста, раздававшаго индульгенціи всякому встрѣчному, было беззаконно и не можетъ продолжаться при новомъ папѣ, при Иннокентіи VIII; затѣмъ говорилось, что король и королева рѣшили отмѣнить дѣйствіе индульгенцій и просрочить эту мѣру до тѣхъ поръ, пока не выяснится, будетъ ли новый папа продолжать вредную политику своего предшественника. Очевидно, Иннокентій VIII не думалъ отказываться отъ прибыльныхъ статей Сикста IV, такъ какъ 15 декабря того же 1484 года Фердинандъ опубликовалъ крайне рѣзкую ноту, угрожая смертью и конфискаціей имущества тѣмъ, кто будетъ пользоваться индульгенціей, выданной папой или его ближайшими совѣтниками безъ королевскаго консула; нотаріусы и всякіе писцы, удостовѣрившіе подобныя индульгенціи или снявшіе съ нихъ копіи, будутъ лишены своихъ должностей.

Эта энергія Торквемады и Фердинанда мало, однако, испугали Иннокентія VIII, который былъ силенъ тѣмъ, что въ немъ нуждались для утвержденія Торквемады въ званіи Великаго инквизитора. Никакія угрозы и просьбы Инквизиціи и королевской власти о смягченіи злоупотребленій Куріи не могли повліять на Иннокентія, столь же мало щепетильнаго въ денежныхъ дѣлахъ, какъ и его предшественникъ Сикстъ IV. Зависимое положеніе Торквемады отъ Куріи заставило его на время устраниться, и на сцену выступила, въ лицѣ королевской четы, королевская власть. 29 іюля 1485 г. было выпущено ко всѣмъ высшимъ представителямъ духовенства циркулярное письмо, въ которомъ указывалось, что, ко вреду религіи и въ ущербъ королевской казнѣ и авторитету высшей свѣтской власти, нѣкоторыя лица и группы людей получаютъ буллы, рескрипты, предварительныя соглашенія и исповѣдныя граматы отъ Сикста IV и Иннокентія VIII, защищающія ихъ отъ преслѣдованія и гарантирующія имъ безнаказанность. Такъ какъ нельзя допустить, что папы сознательно выдавали и выдаютъ подобнаго рода бумаги, то послѣднія отнынѣ должны считаться недѣйствительными до тѣхъ поръ, пока не будетъ установлено, какова въ самомъ дѣлѣ воля папы, которой должно повиноваться; добытыя же какимъ-то путемъ индульгенціи должны быть представлены королю для утвержденія. Повидимому, Иннокентій не рѣшался идти противъ объединенной воли Инквизиціи и Фердинанда, и готовъ былъ на нѣкоторыя уступки, такъ какъ въ возобновленіи инквизиторскихъ пол-

номочій Торквемады отъ 24 апрѣля 1486 г. говорилось, что апелляціонная власть всецѣло принадлежитъ Великому инквизитору, а не Римской Куріи; вопросъ же объ индульгенціяхъ оставался открытымъ, и молчаливое игнорированіе папы энергичнаго циркуляра Фердинанда могло быть истолковано въ смыслѣ побѣды послѣдняго. Однако, Фердинандъ не желалъ ограничиться этимъ и вырвалъ у папы 10 ноября 1487 г. новую буллу, объявлявшую недѣйствительными всѣ выданныя индульгенціи и приказывавшую всѣмъ ихъ обладателямъ вернуть ихъ инквизиторамъ, которые могли начать судебное преслѣдованіе противъ виновныхъ [1]). Вскорѣ, однако, Иннокентій испугался собственной своей уступчивости, и 27 ноября того же года была опубликована новая булла, въ силу которой индульгенціи или копіи ихъ должны быть, вмѣстѣ съ дѣлопроизводствомъ преслѣдуемыхъ обладателей ихъ, отправлены въ Римъ, и до его рѣшенія всѣ дѣла о нихъ должны быть пріостановлены [2]). Въ отвѣтъ на это Фердинандъ запретилъ инквизиторамъ принимать во вниманіе какія бы то ни было индульгенціи и считаться съ охранительными граматами. Власть Иннокентія была, однако, очень сильна, и инквизиторы не могли его игнорировать: не только старыя индульгенціи продолжали сохранять значеніе, но выдавались даже новыя, а въ 1488 г. папа, нарушая свое торжественное обѣщаніе, назначилъ майоркскаго епископа апелляціоннымъ судьей для Арагоніи; епископъ этотъ исполнялъ свои обязанности контролера Инквизиціи въ теченіе приблизительно шести мѣсяцевъ.

Смерть Иннокентія VIII въ 1492 г. измѣнила положеніе дѣла въ пользу Фердинанда, и новый папа Александръ VI не только подтвердилъ въ 1494 г., что высшая апелляціонная власть принадлежитъ не Римской Куріи, а Великому инквизитору, но и назначилъ одного изъ Генеральныхъ инквизиторовъ, Франсиско де ла Фуэнте, апелляціоннымъ судьей для всѣхъ инквизиціонныхъ дѣлъ. Не желая отказываться отъ прибыльной статьи продажи индульгенцій, Александръ VI всячески обходилъ этотъ вопросъ, пока, наконецъ, подъ давленіемъ Фердинанда, не опубликовалъ 29 августа 1497 г. буллу, въ которой онъ съ мнимымъ возмущеніемъ говорилъ о томъ, что сожженные in effigie еретики получали иногда отъ Куріи индульгенціи, освобождавшія ихъ отъ всякихъ наказаній; считая такое положеніе крайне вреднымъ для Церкви и религіи, онъ объявляетъ потерявшими значеніе выданныя индульгенціи; впредь онѣ будутъ облегчать лишь совѣсть преступника, а не освобождать его отъ инквизиціоннаго, свѣтскаго или иного суда [3]). Этимъ, однако, Инквизиція еще не была удовлетворена. 8 января и 12 февраля 1498 г. Супрема издала декретъ, въ силу котораго въ теченіе извѣстнаго срока всѣ индульгенціи и предварительныя съ Куріей соглашенія должны были быть доставлены инквизиторамъ для передачи Великому инквизитору, который долженъ былъ пересмотрѣть ихъ и дать имъ надлежащую оцѣнку. Съ другой стороны, и Александръ VI извѣстилъ 17 сентября 1498 г. всѣхъ инквизиторовъ, что они могутъ преслѣдовать еретиковъ, не считаясь съ имѣющимися у послѣднихъ индульгенціями, такъ какъ всѣ индульгенціи добыты еретиками не по

---

[1]) Boletin de la Academia», XV, 579—581. Булла начинается словами: Quia, sicut asseritur, dubitatis qualiter procedere debeatis cum eis, qui heresim secreto...

[2]) «Boletin», XV, 581—582. Соотвѣтствующее мѣсто гласитъ: Quod si contingat aliquem vel aliquos de predictis per litteras apostolicas velle se tueri, hujusmodi litteras vel earum copiam, in forma auctentica redactam, ad nos transmittatis et... supersedeatur donec ad vos duxerimus rescribendum.

[3]) «Boletin», XV, 572—573. Соотвѣтствующее мѣсто гласитъ: multi ex hiis qui heretici declarati et ut tales condemnati et quorum etiam statue combuste fuerunt, quorum nonnulli extra Regna et dominia hujusmodi aufugerunt... dispensationes ac rehabilitationes et a dilectorum filiorum heretice pravitatis Inquisitorum iurisdictione exemptiones a nobis obtinuisse dicuntur, quarum pretexto in dies ad priora dilabuntur non sine pernitioso exemplo et scandolo plurimorum... quas quoad forum conscientie duntaxat et non alias in suis robore et efficacia permanere volumus.

заслугамъ [1]). Этой уступчивостью Куріи должно объяснить усиленную эмиграцію марановъ въ 1498 г. изъ Испаніи; большинство эмигрантовъ направилось въ Римъ, зная, что папа Александръ VI преслѣдуетъ ихъ въ Испаніи не изъ ненависти къ еретикамъ, а изъ необходимости подчиниться волѣ Инквизиціи и Фердинанда. Надежда марановъ найти въ Римѣ въ лицѣ Александра VI защитника, хотя и не безкорыстнаго, оправдалась: заподозрѣннымъ въ ереси эмигрантамъ былъ данъ опредѣленный срокъ милости, въ теченіе котораго они могли каяться въ грѣхахъ съ разсчетомъ на снисхожденіе. Въ присутствіи самого папы было устроено ауто-да-фе, въ которомъ участвовало 230 кающихся; наказаніе ихъ носило характеръ денежныхъ штрафовъ, что вызвало крайнее недовольство Фердинанда, запретившаго имъ, подъ угрозой рецидивизма, вернуться въ Испанію безъ разрѣшенія короля. Мало того, былъ изданъ особый эдиктъ, въ силу котораго бѣжавшіе отъ преслѣдованія Инквизиціи за границу, въ случаѣ возвращенія въ Испанію, подлежали, безъ всякаго суда, немедленной казни, треть имущества ихъ отдавалась тому, кто укажетъ Инквизиціи ихъ мѣстопребываніе, а у скрывавшихъ ихъ, равно какъ у чиновниковъ, не выполнявшихъ этого эдикта, конфисковалось имущество [2]).

Римская Курія слишкомъ дорожила своими правами, дававшими ей значительный доходъ, чтобы совершенно отказаться отъ продажи индульгенцій, не компенсируя себя чѣмъ-либо. И дѣйствительно, едва Александръ VI согласился съ Инквизиціей и королемъ признать недѣйствительность выданныхъ индульгенцій, какъ во многихъ случаяхъ онъ сталъ назначать особыя комиссіи для рѣшенія вопроса о ереси даннаго лица. Комиссіи эти часто считались съ особыми привилегіями привлеченныхъ лицъ и нерѣдко выносили приговоры, мало напоминающіе обычныя постановленія инквизиціонныхъ трибуналовъ. Въ 1502 г. Фердинандъ и Изабелла жаловались, что этимъ наносится страшный ударъ религіи, и Александръ VI немедленно распорядился о прекращеніи полномочій всѣхъ комиссій и передалъ всѣ находившіяся у нихъ дѣла Великому инквизитору Десѣ, который лично или съ помощью асессоровъ долженъ былъ ихъ рѣшать. Фердинандъ остался недоволенъ этимъ распоряженіемъ и указывалъ на неудобства странствующаго судилища Десы; Александръ VI, со свойственной ему приспособляемостью, измѣнилъ свое распоряженіе въ томъ смыслѣ, что Великому инквизитору было дано право назначенія спеціальныхъ судей, являвшихся представителями его воли. Это распоряженіе папы было извращено Десой, который разослалъ всѣ дѣла, перешедшія къ нему отъ комиссій, обыкновеннымъ инквизиціоннымъ трибуналамъ, сдѣлавъ ихъ «представителями воли» Великаго инквизитора и предписавъ имъ не считаться ни съ какими папскими привилегіями или обѣщаніями.

Избранный папой 1 ноября 1503 г. Юлій II не былъ такъ податливъ, какъ его предшественникъ и время отъ времени выдавалъ индульгенціи, подтверждалъ право апелляціи Римской Куріи и назначалъ особыя комиссіи для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ еретическихъ дѣлъ. Въ 1505 г. Фердинандъ въ особомъ обращеніи къ Юлію жаловался на существованіе вредныхъ для интересовъ религіи комиссій и утверждалъ, что одна лишь Инквизиція, при условіи предоставленія ей полной свободы, спасетъ Испанію отъ ереси, худшей аріанства. Тѣмъ не менѣе, Юлій продолжалъ поступать попрежнему, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ данныя имъ въ 1507 г. инструкціи Великимъ инквизиторамъ Хименесу и Энгерѣ. Столь же продажный, какъ его предшественники Сикстъ IV, Иннокентій VIII и Александръ VI, Юлій мѣнялъ свои рѣшенія въ зависимости отъ того, что считалъ для себя матеріально болѣе выгоднымъ, нисколько не принимая во вниманіе не-

[1]) Соотвѣтствующее мѣсто гласитъ: litteras predictas prefatis declaratis et declarandis, hactenus forsan per nos et Sedem predictam inadvernter concessas et concedendas... Vosque contra eos procedere posse in omnibus et per omnia perinde ac si littere predicte non emanassent et in futurum non emanerent—«Boletin», XV, 597—598.

[2]) Llorente, «Histoire critique», I, 372—376; прил. VII.

давно данныя за опредѣленную сумму торжественныя обѣщанія. Въ томъ самомъ году, когда имъ были изданы инструкціи Великимъ инквизиторамъ и проданы многія граматы отдѣльнымъ маранамъ, онъ выпустилъ декретъ, въ которомъ жаловался на причиняемое Инквизиціи отъ права апелляціи къ Куріи зло и заявлялъ, что не только отнынѣ всѣ дѣла должны находить окончательное рѣшеніе въ Испаніи, но что инквизиторы не должны считаться съ постановленіями, измѣняемыми Куріей въ качествѣ апелляціонной камеры. Отъ права же продажи индульгенцій Юлій не отказывался, и между нимъ и Фердинандомъ, постоянно поддерживаемымъ въ этомъ вопросѣ Инквизиціей, происходилъ рядъ конфликтовъ, закончившихся соглашеніемъ 31 августа 1509 года. Находившіяся въ обращеніи индульгенціи разсматривались какъ полученныя либо справедливо и по заслугамъ, либо обманнымъ путемъ; Супрема должна была собрать всѣ индульгенціи, разсортировать ихъ и отослать въ Римъ; пользующіеся обманными индульгенціями подлежатъ строгому наказанію, справедливыя же индульгенціи снабжаются подписью консула, безъ которой отнынѣ не можетъ находиться въ обращеніи ни одна индульгенція. Если кто въ будущемъ представитъ не одобренную консуломъ индульгенцію, съ нимъ должно поступить согласно закону 15 декабря 1484 года, т.-е. онъ подлежитъ смерти и конфискаціи, а нотаріусы лишаются своихъ должностей; кромѣ того, свѣтскіе чины за неисполненіе этого наказываются штрафомъ въ 5 тыс. флориновъ, а духовные лишеніемъ доходовъ и вѣчнымъ изгнаніемъ. Эта уступка Куріи считалась, повидимому, Испаніей недостаточной, и въ инструкціяхъ, данныхъ испанскимъ представителямъ на Латеранскомъ соборѣ въ 1512 году, говорилось, чтобы Римъ въ будущемъ не бралъ на себя защиты апостоловъ еврейскаго происхожденія, которыхъ in effigie сжигаютъ въ Испаніи въ тотъ моментъ, когда они въ Римѣ за деньги получаютъ граматы, отпускающія имъ грѣхи и освобождающія ихъ отъ наказанія. Это было обвиненіе, правда, заслуженное, но брошенное Риму со столь необыкновенной рѣзкостью, что Курія не могла не почувствовать глубокаго оскорбленія. Вслѣдъ за первымъ обвиненіемъ Рима въ продажности раздалось и второе. 30 апрѣля 1519 г. Карлъ V писалъ своему послу, Луису Каросу, что онъ считаетъ индульгенціи, полученныя маранами въ дни Фердинанда отъ папы, лишенными значенія, такъ какъ всѣ онѣ добыты путемъ денегъ, путемъ очень высокаго обложенія желавшихъ избѣжать справедливаго суда [1]).

Несмотря на это, новый папа Левъ X продолжалъ и выдачу индульгенцій, и пріемъ апелляцій на рѣшенія инквизиціонныхъ трибуналовъ, въ особенности послѣ того, какъ 23 января 1516 года умеръ Фердинандъ, столь энергично и стойко защищавшій права Инквизиціи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Фердинанда къ папѣ обратился за помощью Мигель Верденья, заподозрѣнный въ участіи въ убійствѣ инквизиціоннаго служителя Бернардо Кастелли и заключенный за это въ барселонскую тюрьму. Супрема поручила своему римскому представителю принять мѣры противъ допущенія жалобы Верденьи, но Левъ X передалъ его дѣло епископу города Асколи, который приказалъ барселонскому трибуналу освободить Верденью, если онъ отдастъ себя въ руки римской тюремной власти. Инквизиторы, однако, не обратили вниманія на приказъ епископа и не освободили узника; епископъ распорядился тогда о преслѣдованіи виновныхъ инквизиторовъ. Супрема взяла подъ свою защиту виновныхъ инквизиторовъ, которые были отлучены отъ Церкви и просили Льва X о помощи. 5 мая 1517 г. папа писалъ кардиналу Адріану, бывшему въ то время Великимъ инквизиторомъ, что онъ передаетъ ему дѣло Верденьи, его дорогого сына, жертву несправедливости; папа разсчитываетъ, что безпристрастіе кардинала поможетъ ему разобраться въ этомъ дѣлѣ, и что Верденья, виновность котораго весьма сомнительна и во всякомъ случаѣ достаточно искуплена, будетъ скорѣе оправданъ, нежели обвиненъ, и если Адріанъ не раздѣляетъ мнѣнія папы

[1]) Lea, «History», II, 118.

то пусть онъ пришлетъ для окончательнаго рѣшенія все дѣло въ Римъ [1]). Подобное же вмѣшательство Римской Куріи имѣло мѣсто въ дѣлѣ Хуана Энрикеса де Медины, кости котораго должны были быть извлечены изъ могилы и преданы сожженію по постановленію куэнкскаго трибунала. Наслѣдники Энрикеса остановили рѣшеніе трибунала и подали заявленіе Великому инквизитору Хименесу о пересмотрѣ дѣла; Хименесъ передалъ его особой комиссіи, которая отказывалась ознакомить наслѣдниковъ Энрикеса съ подробностями процесса, безъ чего имъ, однако, нельзя было доказать невиновность Энрикеса. Въ виду этого отказа наслѣдники Энрикеса обратились къ Льву X, который не только назначилъ новую комиссію, но и приказалъ ей предоставить жалобщикамъ доступъ къ дѣлопроизводству, подъ тѣмъ условіемъ, что они не будутъ мстить свидѣтелямъ обвиненія. Однако, въ 1518 г., когда кардиналъ Адріанъ сдѣлался Великимъ инквизиторомъ Арагоніи и Кастиліи, Левъ X торжественно отказался отъ права принятія апелляціи, предоставивъ это право исключительно Великому инквизитору. Точно такимъ же образомъ поступилъ въ 1523 г. Адріанъ, когда онъ занялъ папскій престолъ и назначилъ Великимъ инквизиторомъ Манрике.

Вѣроломная и продажная, Римская Курія и при Львѣ X продолжала нарушать свои торжественныя обѣщанія и вмѣшивалась нерѣдко въ самыя мелкія дѣла Инквизиціи. Въ 1518 г. нѣкто Бернардино Діасъ былъ привлеченъ толедскимъ трибуналомъ къ суду и вскорѣ оправданъ; полагая, что виновникомъ привлеченія былъ его знакомый Бартоломе Мартинесъ, Діасъ въ сердцахъ убилъ его и бѣжалъ въ Римъ просить помощи. Между тѣмъ, инквизиціонный трибуналъ приговорилъ его къ сожженію in effigie и арестовалъ его жену и нѣсколькихъ друзей, которыхъ подозрѣвалъ въ участіи въ убійствѣ Бартоломе Мартинеса. Въ Римѣ же Діасу удалось оправдать себя и получить отпущеніе грѣха, если только онъ дастъ извѣстное удовлетвореніе родственникамъ Мартинеса. Карлъ V, узнавъ о постановленіи Куріи, выразилъ самый энергичный протестъ, тѣмъ болѣе, что арестованная жена и друзья Діаса также должны были быть выпущены на свободу. Опираясь на сочувствіе Карла, Инквизиція отказалась освободить арестованныхъ, а когда исполнители воли Римской Куріи потребовали возвращенія конфискованнаго у Діаса и его друзей имущества, то были арестованы толедскимъ трибуналомъ. Римская Курія возмутилась смѣлостью Инквизиціи и въ рѣшительной формѣ потребовала либо немедленно исполнить приказаніе папы, либо явиться для оправданія въ Римъ. Инквизиторы оставили безъ вниманія требованіе Куріи и были отлучены отъ Церкви, что вызвало крайнее недовольство императора Карла. Повидимому, дѣло это затянулось на нѣсколько лѣтъ и окончилось освобожденіемъ изъ толедской тюрьмы жены и друзей Діаса.

Другимъ примѣромъ вмѣшательства папы въ отправленіе правосудія Инквизиціей можетъ служить дѣло Діэго де ласъ Касаса изъ Севильи, о которомъ мы говорили въ связи съ попыткой марановъ использовать въ своихъ интересахъ движеніе Comuneros [2]).

Ласъ Касасъ состоялъ посредникомъ между Римской Куріей и богатыми еретиками, покупавшими отъ папы всевозможнаго рода привилегированныя граматы. Инквизиція считала его вреднымъ человѣкомъ и не только заочно осудила его, но арестовала и двухъ его братьевъ съ семействами. Ласъ Касасъ получилъ отъ папы спеціальную привилегію, въ силу которой арестованные должны были поступить въ исключительное вѣдѣніе кардинала Адріана и епископа Арсе и могли избрать защитниковъ по собственному усмотрѣнію. Королевскій совѣтъ протестовалъ противъ этого распоряженія Рима и не допустилъ его осуществленія. 30 апрѣля 1519 г. Карлъ писалъ папѣ Льву X, что подобныя дѣйствія Куріи являются публичнымъ скандаломъ и подрываютъ авторитетъ Инквизиціи;

---

[1]) Lea, «History», II, 120.
[2]) См. стр. 221 и слѣд.

въ то же время онъ просилъ своихъ римскихъ агентовъ хлопотать передъ папой объ отмѣнѣ данной ласъ Касасу привилегіи, а все испанское духовенство произвести давленіе на Льва X въ смыслѣ отказа отъ вмѣшательства въ инквизиціонное судопроизводство. Старанія Карла V окончились, однако, ничѣмъ, и императоръ отправилъ въ Римъ Лопе Уртадо де Мендосу, чтобы убѣдить папу, какъ опасно для религіи предоставлять въ Римѣ убѣжище дѣтямъ и внукамъ еретиковъ, погибшихъ въ огнѣ, не говоря уже о самихъ еретикахъ, какими являются ласъ Касасъ и Хуанъ Гутіерресъ; Мендоса долженъ былъ просить папу о высылкѣ изъ Рима всѣхъ испанскихъ еретиковъ и отмѣнѣ изданныхъ въ пользу марановъ привилегій и граматъ. Искусный дипломатъ, Мендоса уговорилъ Льва X издать 13 іюля 1520 г. буллу, въ которой право принятія апелляціи Римомъ было признано ущербомъ для интересовъ религіи и Инквизиціи, и послѣдней былъ предоставленъ окончательный голосъ въ дѣлахъ о ереси. Булла эта явилась крупнымъ успѣхомъ миссіи Мендосы; но, съ другой стороны, папа не только не согласился выдать Діэго ласъ Касаса Инквизиціи, но взялъ подъ особую свою защиту Хуана Гутіереса, Фердинандо де Арагонъ и его жену, а также умершаго Хуана Коварубіаса. Мало того, передавъ право принятія апелляціи Великому инквизитору , папа подчеркнулъ, что онъ разсчитываетъ на его справедливое и безпристрастное отношеніе къ обвиняемымъ и что онъ не даетъ никакихъ обѣщаній относительно будущаго, ограничиваясь лишь настоящимъ. Желая обезпечить своимъ протеже безопасное существованіе и впослѣдствіи, Левъ X выдалъ имъ грамату, охранявшую ихъ имущество и потомство до четвертаго поколѣнія отъ всякаго посягательства со стороны Инквизиціи, вручивъ копіи этой граматы сарагосскому архіепископу и многимъ выдающимся представителямъ духовенства. 20 января 1521 г. Левъ X, однако, отказался дольше защищать своихъ протеже, отъ которыхъ въ свое время получилъ не мало денегъ: теперь они ему не могли ничего дать, и ласъ Касасъ, Гутіерресъ и другіе легко могли попасть въ руки Инквизиціи.

Вѣроломство папы не останавливало все-таки марановъ отъ обращенія къ Римской Куріи. Какъ утопающіе, хватались они за послѣднюю надежду, и Римъ дѣйствительно на нѣкоторое время—разумѣется, не безкорыстно—даровалъ имъ свободу. 25 марта 1525 г. Карлъ въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ жаловался папѣ Клименту VII на злоупотребленія Куріи, требовалъ уничтоженія выданной Луису Колону охранительной граматы и называлъ скандаломъ присвоенное папскими чиновниками право продажи индульгенцій. 16 іюня 1525 г. Климентъ VII пошелъ навстрѣчу всѣмъ желаніямъ Инквизиціи и императора и подтвердилъ, что Великій инквизиторъ является высшимъ и единственнымъ судьей въ апелляціонномъ отношеніи и что онъ можетъ не считаться съ пріобрѣтенными разными лицами привилегіями. Втихомолку, однако, Курія продолжала свою старую корыстолюбивую политику, и еще въ 1537 г. Карлъ предупреждаетъ мурсійскаго корегидора, чтобы онъ не публиковалъ никакихъ частныхъ папскихъ привилегій, а тѣ лица, которыя явятся съ подобными документами, должны быть арестованы и переданы въ руки Инквизиціи.

Особыя опасенія за вмѣшательство Рима въ дѣла Инквизиціи возникли въ Испаніи въ 1542 г., когда папа Павелъ III реорганизовалъ постановку папскаго инквизиціоннаго контроля и учредилъ такъ называемую Римскую Конгрегацію, представлявшую собою своего рода генеральное инквизиторство для всего христіанскаго міра. Для успокоенія общественнаго мнѣнія папа выпустилъ въ 1548 году спеціальное посланіе, въ которомъ объявлялось, что Конгрегація нисколько не будетъ нарушать независимости и высокаго авторитета Испанской Инквизиціи, и что тѣ пункты декрета объ учрежденіи Конгрегаціи, которые могутъ быть истолкованы въ неблагопріятномъ для Инквизиціи смыслѣ, будутъ измѣнены или отмѣнены. Это посланіе папы нерѣдко служило могучимъ орудіемъ въ рукахъ Инквизиціи для отраженія тѣхъ, которые пытались поставить Римъ выше Мадрида. Тѣмъ не менѣе, Курія не считала свое дѣло проиграннымъ, и тотъ же Павелъ III въ

1549 г. въ знаменитой буллѣ in Coena Domini снова говорилъ о гегемоніи папы въ инквизиціонныхъ дѣлахъ и о правѣ продажи индульгенцій. Мало того, онъ и вслѣдъ за нимъ Юлій III категорически заявили, что папскія охранительныя граматы освобождают не только совѣсть, но и тѣло преступника, а потому никакіе духовные или свѣтскіе суды не могутъ привлечь къ отвѣтственности того, кто владѣетъ индульгенціей.

Въ царствованіе Филиппа II конфликтъ между Куріей и Инквизиціей продолжался съ той же остротой. Въ 1568 году Филиппъ жаловался своему послу Хуану Суньигѣ на то, что въ Римъ подаются апелляціи не только на дѣла, касающіяся вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, но и на другія дѣла; король просилъ Суньигу повліять на папу въ смыслѣ запрещенія обращаться въ Курію, но Суньига ничего не добился, какъ не сдѣлалъ ничего существеннаго аббатъ Брисеньо, отправленный въ 1580 г. къ Григорію XIII съ просьбой не давать въ Римѣ убѣжища скрывавшимся отъ Инквизиціи еретикамъ [1]). Курія, повидимому, цѣпко держалась за право принятія апелляцій и даже продолжала выдачу индульгенцій. Но Инквизиція почти совершенно перестала съ послѣдними считаться, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ случай съ 24 іудействующими изъ Алкасара. Инквизиторъ Алава открылъ іудействующее гнѣздо, и въ 1591 г. въ Толедо было устроено ауто-да-фе, на которомъ предстало 24 человѣка, изъ которыхъ Франсиско де Вега владѣлъ охранной граматой, выданной ему, матери и сестрѣ его. Онъ считалъ себя внѣ опасности, но Инквизиція игнорировала его привилегію, и онъ былъ наказанъ не менѣе сурово, чѣмъ другіе участники ауто-да-фе. Этимъ игнорированіемъ папскихъ привилегій Инквизиція нанесла страшный ударъ доходамъ Римской Куріи и вышла побѣдительницей въ спорѣ, который продолжался болѣе столѣтія. Однако, пораженіе Куріи было непродолжительно, и въ XVII-мъ вѣкѣ снова еретики начинаютъ обращаться за помощью къ папѣ, который нерѣдко оказывалъ имъ таковую. Въ 1637 г. въ Римъ призывался для оправданія самъ Великій инквизиторъ Сотомайоръ. Произошло это по слѣдующему поводу.

Сотомайоръ получилъ въ 1637 г. пенсію въ 900 дукатовъ отъ архидіаконства въ Хативѣ и 340 дукатовъ пребенды въ виду смерти каноника. Капитулъ отказывался выдавать Сотомайору такую сумму, и Великій инквизиторъ привлекъ капитулъ къ отвѣтственности. Трибуналъ высказался въ пользу Сотомайора; тогда капитулъ въ отместку перестал посылать канониковъ навстрѣчу инквизиторамъ при опубликованіи ими эдиктовъ. Это продолжалось два года, а однажды къ моменту появленія инквизиторовъ для прибитія къ дверямъ церкви эдикта оказалось даже, что двери ея были заперты. Инквизиторы сочли это для себя оскорбленіемъ и привлекли капитулъ къ суду. Капитулъ обратился въ Римъ и получилъ отъ него привилегію, въ силу коей дѣло это должно было быть передано особой комиссіи, а на капитулъ не могло быть наложено отлученіе отъ Церкви, и Сотомайоръ былъ призванъ въ Римъ. Дѣло сразу приняло серьезный характеръ, и Супрема 30 ноября 1637 г. представила Филиппу IV протестъ противъ образа дѣйствій Римской Куріи. Филиппъ приказалъ арагонскому совѣту передать капитулу, что король выражаетъ ему свое крайнее недовольство и что онъ приметъ противъ него самыя строгія мѣры. Отъ каноника Оньяте была отнята папская привилегія, и арагонскій совѣтъ передалъ ее Сотомайору. Въ качествѣ трофея она вскорѣ перешла въ архивъ Супремы [2]).

Наиболѣе характернымъ, интереснымъ и продолжительнымъ столкновеніемъ между Римомъ и Мадридомъ по поводу апелляціи слѣдуетъ считать дѣло Вильянуэвы.

Геронимо Вильянуэва принадлежалъ къ древней арагонской семьѣ. Въ качествѣ

---

[1]) Lea, «History», II, 129.

[2]) Lea, op. cit., II, 133.

протонотарія онъ такъ сумѣлъ расположить къ себѣ Оливареса и Филиппа, что при ихъ покровительствѣ занялъ рядъ многочисленныхъ должностей и, въ концѣ концовъ, сталъ однимъ изъ виднѣйшихъ сановниковъ государства. Въ 1623 г. на средства Вильянуэвы и семьи Терезы де Сильвіа въ Мадридѣ былъ основанъ монастырь Санъ-Пласидо, поставившій себѣ задачей возстановленіе ослабѣвшей дисциплины Бенедиктинскаго ордена. Выговоривъ себѣ право назначенія духовныхъ руководителей монастыря, Вильянуэва назначилъ на должность такого руководителя Кальдерона. Не прошло послѣ этого и года, какъ одна изъ монахинь оказалась одержимой бѣсомъ. Болѣзнь быстро распространилась среди другихъ обитательницъ монастыря; въ числѣ двадцати двухъ одержимыхъ была и сама Тереза. Кальдеронъ считался искуснымъ заклинателемъ бѣсовъ, но на этотъ разъ заклинанія его не произвели никакого дѣйствія. Дикіе выкрики одержимыхъ были записаны, ибо существовало повѣріе, что демоны часто вынуждаемы были Богомъ возвѣщать истины, скрытыя отъ людей. Такихъ записей собрано было до 600 страницъ. Редакція ихъ была такова, что ихъ свободно принимали за предсказанія, возвѣщавшія, будто монастырь долженъ стать очагомъ реформы не только ордена, но всей Церкви; будто 11 монахинь должны сдѣлаться апостолами Новаго Завѣта, при чемъ на одной изъ нихъ почилъ духъ св. Петра, на другой—духъ св. Павла и т. д.; Кальдеронъ же представлялъ Самого Христа. Всѣ они, возвѣщалось далѣе, должны выступить на подвигъ спасенія міра; Урбану VIII долженъ былъ наслѣдовать кардиналъ Борджіа, намѣревавшійся пожаловать Кальдерону кардинальскую шляпу; впослѣдствіи Кальдеронъ долженъ былъ вступить на папскій престолъ и занимать его въ теченіе 33-хъ лѣтъ; во всемъ этомъ долженъ былъ принять участіе Вильянуэва, которому также предназначено было стать кардиналомъ.

Такъ обстояло дѣло въ теченіе трехъ лѣтъ.

Въ 1628 г. монахъ Алонсо де Леонъ донесъ обо всемъ Инквизиціи. Послѣдствіемъ этого доноса былъ судебный процессъ, возбужденный противъ Кальдерона. Страшась суровой кары, онъ бѣжалъ во Францію; перехваченный на дорогѣ, онъ былъ привезенъ для допроса въ Толедо. Монахини были размѣщены по секретнымъ тюрьмамъ, гдѣ у нихъ нетрудно было вынудить желательныя показанія. Кальдеронъ, трижды подвергнутый мучительнымъ пыткамъ, ни въ чемъ не сознавался; тѣмъ не менѣе, онъ былъ осужденъ за проповѣдь ученія о безгрѣховности и другихъ ересей, приписываемыхъ иллюминизму. 27 апрѣля 1630 г. онъ былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію въ монастырѣ; Тереза была сослана въ какой-то монастырь на 4 года, остальныя монахини были разсѣяны по разнымъ обителямъ.

Помимо обвиненія въ иллюминизмѣ, противъ осужденныхъ были выставлены такіе обвинительные пункты, какъ общеніе съ демонами и пророчество, возвѣщавшее обновленіе Церкви черезъ новое апостольство. Во всемъ этомъ былъ скомпрометированъ и Вильянуэва. Домъ его непосредственно примыкалъ къ монастырю, и часто, особенно по ночамъ, его видѣли въ монастырѣ. Это, несомнѣнно, вредно отражалось на монастырской дисциплинѣ; иные свидѣтели показывали, что видѣли его сидящимъ на колѣняхъ у Терезы въ то время, какъ она искала паразитовъ у него въ головѣ. Онъ сильно интересовался предсказаніями демоновъ и тѣми изъ нихъ, которые пророчили ему возвышеніе въ церковной іерархіи.

На основаніи этихъ данныхъ судьи составили докладъ далеко не въ пользу Вильянуэвы: онъ былъ признанъ—если не прямымъ соучастникомъ, то, по меньшей мѣрѣ, покровителемъ ереси. Такъ какъ очевидно было, что у судей не хватало смѣлости преслѣдовать столь вліятельнаго человѣка, пользовавшагося поддержкой Оливареса, то Инквизиція и не дала дѣлу дальнѣйшаго хода. Несомнѣнно, однако, что Вильянуэва ясно сознавалъ опасность своего положенія и предвидѣлъ, что собранными противъ него показаніями могли въ одинъ прекрасный день воспользоваться, какъ матеріаломъ для враж-

дебной ему дворцовой интриги. Въ виду этого онъ, послѣ долгихъ колебаній, 7 января 1630 г. явился къ королевскому духовнику, члену Супремы, монаху Антоніо де Сотомайору, и принесъ ему повинную. Сославшись на свою излишнюю довѣрчивость къ Кальдерону и Антоніо де Леону и всячески стараясь смягчить свою вину, Вильянуэва заявилъ, что не считаетъ себя достаточно компетентнымъ судьей для оцѣнки всѣхъ изложенныхъ имъ фактовъ и разоблачаетъ ихъ только для того, чтобы противъ нихъ были своевременно приняты надлежащія мѣры. Лишь полгода спустя послѣ этого состоялся рядъ совѣщаній, гдѣ большинствомъ голосовъ было постановлено не возбуждать противъ Вильянуэвы никакого судебнаго преслѣдованія, и 22 ноября Супрема выдала ему соотвѣтствующее письменное рѣшеніе.

Вильянуэва могъ поздравить себя съ такимъ благополучнымъ исходомъ дѣла и сосредоточить все свое вниманіе на реабилитаціи несчастныхъ монахинь. Усилія его въ этомъ направленіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Все дѣло было пересмотрѣно въ комиссіи изъ девяти судей, признавшихъ полную невиновность монахинь, ибо онѣ повиновались только своему духовному руководителю. На этомъ основаніи Супрема постановила: тюремное заключеніе и вынесенные имъ судебные приговоры не должны опорачивать чести и добраго имени ни самихъ монахинь, ни ихъ родственниковъ, ни ихъ монастыря или ордена. Такимъ образомъ, монахини были вполнѣ реабилитированы, монастырь былъ реорганизованъ, и чтобы совершенно изгладить всякое воспоминаніе о происшедшемъ, въ ноябрѣ издано было распоряженіе о возвращеніи, подъ страхомъ суровыхъ наказаній, всѣхъ документовъ съ копіями съ нихъ, содержащихъ въ себѣ первоначальный судебный приговоръ.

Вильянуэва попрежнему пользовался благоволеніемъ короля. Въ 1639 г. Филиппъ назначилъ его членомъ военнаго совѣта, въ 1640 г. онъ осыпалъ его новыми милостями въ награду за услуги, оказанныя Арагоніи. Даже паденіе его неизмѣннаго покровителя Оливареса въ 1643 г. нисколько не поколебало прочности его положенія. Однако, это паденіе фаворита короля открыло просторъ для разныхъ дворцовыхъ интригъ, которыя, въ концѣ концовъ, привели и къ паденію Вильянуэвы. Трудно сказать, чего собственно искали въ гибели Вильянуэвы. Можно, однако, догадываться, что, помимо чисто-корыстныхъ вожделѣній, здѣсь огромную роль сыграло желаніе овладѣть его бумагами, въ которыхъ надѣялись найти матеріалъ, способный еще болѣе скомпрометировать Оливареса.

Первая атака была умышленно поведена не прямо противъ Вильянуэвы, а противъ монастыря Санъ-Пласидо. Великій инквизиторъ Сотомайоръ долженъ былъ въ это время покинуть свой постъ, который, однако, онъ номинально продолжалъ занимать до Арсе-и-Рейносо. 20 іюня 1643 г. король извѣстилъ послѣдняго, что Сотомайоръ передастъ ему на разсмотрѣніе нѣкоторыя дѣла. Въ числѣ ихъ находилось и дѣло монастыря Санъ-Пласидо, которое, по словамъ Филиппа, задѣвало существенные интересы католической религіи и потому никогда не переставало тревожить его. Истина, до сихъ поръ не раскрытая въ этомъ дѣлѣ, должна быть выяснена путемъ безпристрастнаго разслѣдованія. Арсе и было предложено направить въ эту сторону свои усилія и доставить такимъ образомъ удовлетвореніе общественной совѣсти. Вслѣдъ за этимъ немедленно же были арестованы не только монахини, но и всѣ другія лица, духовныя и свѣтскія, такъ или иначе прикосновенныя къ дѣлу.

Письмо это, очевидно, было написано самимъ Арсе и лишь подписано королемъ, служившимъ только орудіемъ въ рукахъ интригановъ. Что кампанія, начатая противъ монахинь, служила лишь простой ширмой, видно хотя бы изъ того, что онѣ не потерпѣли отъ нея никакого умаленія своихъ правъ; за нею, несомнѣнно, скрывалось нападеніе на Вильянуэву, заранѣе и тайно подготовлявшееся Арсе. Письмомъ отъ 24 іюля

король предоставлялъ ему полную свободу дѣйствій, а два дня спустя Арсе писалъ уже въ отвѣтъ королю, что дѣло одного изъ соучастниковъ вполнѣ подготовлено для постановленія опредѣленнаго приговора, но такъ какъ признаніе или отрицаніе факта виновности зависитъ отъ Супремы, то онъ и не рѣшается принять на себя отвѣтственность. На это король, въ свою очередь, отвѣтилъ Арсе, подтвердивъ, что довѣряетъ рѣшеніе дѣла цѣликомъ ему самому. Тогда Арсе началъ дѣйствовать со стремительной быстротой. Несмотря на необъятную груду собранныхъ документовъ, обвинительный актъ былъ уже готовъ 27 іюля. Вильянуэвѣ снова были предъявлены всѣ прежнія обвиненія, переданныя на обсужденіе новымъ судьямъ, избраннымъ изъ среды выдающихся ученыхъ теологовъ. Вниманію ихъ былъ предложенъ страшный списокъ преступленій, перечисленныхъ въ 21 пунктѣ. Вильянуэвѣ вмѣнялось въ вину не только общеніе съ демонами Санъ-Пласидо, но и занятіе астрологическими наблюденіями, по которымъ онъ могъ предсказывать исходъ военныхъ кампаній. Все это заставило судей признать его, съ точки зрѣнія вѣры, человѣкомъ крайне подозрительнымъ, и нѣкоторые судьи предлагали даже возбудить судебное преслѣдованіе противъ лицъ, оправдавшихъ его въ 1632 г. Слѣдствіе это было окружено такой непроницаемой тайной, что о ходѣ его ничего не было извѣстно ни королю, ни намѣченной жертвѣ. 31 августа было, наконецъ, принято рѣшеніе арестовать Вильянуэву. Арестованнаго увезли въ Толедо. Здѣсь его заперли въ тѣсную тюремную келью и совершенно изолировали отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Извѣщенный объ арестѣ, Филиппъ въ первую минуту выразилъ изумленіе по этому поводу, но потомъ примирился съ совершившимся фактомъ, предложивъ Супремѣ продолжать разъ начатое во славу Божію и святой католической вѣры.

Арестъ Вильянуэвы вызвалъ въ Испаніи всеобщее и глубокое волненіе. Государственный совѣтъ и другія учрежденія, членомъ которыхъ онъ состоялъ, обратились съ ходатайствами за него къ королю. Но король остался глухъ ко всѣмъ ходатайствамъ и не принялъ рѣшительно никакихъ мѣръ противъ излишней жестокости, допущенной по отношенію къ Вильянуэвѣ, оставшемуся въ своей кельѣ отрѣзаннымъ отъ всего міра. Только въ сентябрѣ, когда онъ серьезно занемогъ, ему разрѣшили держать при себѣ одного изъ своихъ любимыхъ слугъ. Судебному процессу данъ былъ обычный ходъ. Въ своей защитѣ Вильянуэва прежде всего ссылался на свой первый оправдательный приговоръ. На этой почвѣ между его адвокатомъ и прокуроромъ возникъ ученый диспутъ по вопросу о примѣнимости къ данному случаю буллы Inter multiplices, въ силу которой въ дѣлахъ о ересяхъ приговоры, постановляемые въ пользу обвиняемыхъ, никогда не могутъ почитаться окончательными. По прошествіи 18 мѣсяцевъ созванные въ 1646 г. кортесы обратились къ королю съ петиціей, въ которой, выражая свое глубокое убѣжденіе въ невиновности Вильянуэвы, настаивали на необходимости положить конецъ жестокой судебной волокитѣ. Но Вильянуэвѣ пришлось провести въ тюрьмѣ два ужасныхъ года, прежде чѣмъ приступлено было къ окончательной ликвидаціи его дѣла. Вслѣдствіе разногласія между судьями дѣло его пришлось перенести на разсмотрѣніе Супремы, и только 7 февраля 1647 г. произнесенъ былъ приговоръ, которымъ Вильянуэва присуждался къ строгому выговору, предостереженію и abjuratio de levi; кромѣ того, ему было запрещено общеніе съ монахинями, проживаніе въ домѣ, примыкающемъ къ монастырю, на три года онъ былъ также изгнанъ изъ Толедо, Мадрида и ихъ окрестностей.

Нельзя сказать, чтобы это былъ особенно суровый приговоръ; но принимая во вниманіе, что приговоры Инквизиціи и abjuratio накладывали клеймо вѣчнаго безчестія на родственниковъ осужденнаго и на его потомковъ, нельзя было не признать его довольно тяжкимъ. Подобные приговоры лишали испанца возможности когда-либо добиться своей реабилитаціи.

На этотъ приговоръ братъ и сестра Вильянуэвы, Августинъ и Анна, и его повѣ-

ренный Луисъ де Торресъ подали апелляціонную жалобу папѣ. Но апелляторамъ было объявлено, что жалобѣ ихъ не будетъ дано хода, такъ какъ въ дѣлахъ о ересяхъ никакія объясненія со стороны родственниковъ обвиняемаго не допускаются.

23 марта Вильянуэва былъ доставленъ въ судъ для выслушанія приговора. Но осужденный находился въ такомъ возбужденномъ состояніи и такъ кричалъ, что предсѣдатель суда, пріостановивъ всю процедуру, велѣлъ увести его обратно въ тюрьму. Новая попытка, 29 марта, заставить Вильянуэву подчиниться рѣшенію суда также не имѣла успѣха; онъ категорически отказывался произнести отреченіе. Нѣсколько разъ еще повторялись эти попытки, сопровождавшіяся угрозами по адресу осужденнаго отлученіемъ отъ Церкви въ случаѣ дальнѣйшаго его упорства. Наконецъ, въ іюнѣ Вильянуэва изъявилъ согласіе подчиниться судебному приговору, но подъ условіемъ, что одновременно съ этимъ отъ него будетъ принятъ письменный протестъ съ заявленіемъ, что онъ произноситъ свое отреченіе лишь подъ страхомъ церковнаго отлученія, при чемъ оно не должно анулировать его права обращенія къ апелляціи и другимъ способамъ защиты, которыми онъ сочтетъ нужнымъ воспользоваться. Громко прочитавъ свой протестъ, Вильянуэва произнесъ отреченіе. Но и послѣ совершенія этой процедуры Вильянуэву, подъ предлогомъ его буйнаго поведенія, не освободили, а перевели изъ секретной тюрьмы въ францисканскій монастырь. Это было признано неумѣстной снисходительностью по отношенію къ осужденному и по распоряженію Супремы его перевели обратно въ тюрьму и подчинили самому строгому режиму. Наконецъ, 18 іюля Вильянуэва былъ освобожденъ.

Между тѣмъ, братъ его Августинъ не дремалъ. При встрѣчахъ съ королемъ онъ обращался къ нему съ многочисленными ходатайствами. Передавая ихъ Арсе, Филиппъ просилъ его быть справедливымъ, не причиняя, однако, ущерба строгости и авторитету Инквизиціи. Но утративъ взякую надежду добиться справедливости съ этой стороны, Августинъ апеллировалъ къ Риму, какъ къ послѣднему убѣжищу. Туда былъ командированъ одинъ изъ горячихъ приверженцевъ Вильяпуэвы Наварро, снабженный, конечно, достаточными средствами, съ цѣлью добиться отъ папы письма, необходимаго для пересмотра дѣла. Когда вѣсть объ этой миссіи дошла до Филиппа, онъ немедленно предписалъ своему послу Оньяте всѣми мѣрами помѣшать ея успѣху; одновременно съ этимъ онъ послалъ собственноручное письмо папѣ, гдѣ указывалъ на непоправимый вредъ, который былъ бы причиненъ святой католической вѣрѣ и престижу Инквизиціи въ случаѣ допущенія апелляціи на ея приговоры.

Однако, Наварро успѣлъ прибыть въ Римъ и добиться нужнаго письма раньше, чѣмъ письма короля дошли по назначенію. Тѣмъ временемъ Вильянуэва, очевидно, освѣдомленный о предпринятомъ шагѣ, прибылъ 31 августа, послѣ трехлѣтняго заключенія, въ Сарагоссу. 2 сентября онъ самъ явился въ тюрьму, куда затѣмъ былъ внесенъ за него залогъ сыновьями его брата Августина и графа Фуэнтесъ, именемъ котораго онъ хотѣлъ прикрыться отъ преслѣдованій, возможныхъ во время апелляціоннаго разбирательства его дѣла. Епископъ малагскій, сообщая представителю короля, что пріѣздъ Вильянуэвы не вызвалъ въ городѣ никакихъ волненій, вмѣстѣ съ тѣмъ переслалъ письмо послѣдняго къ королю, гдѣ тотъ заявлялъ, что во время его тюремнаго заключенія ходатаи его, невѣдомо для него самого, апеллировали къ папѣ, который выдалъ имъ письмо, уполномочивающее епископовъ Куэнки, Сеговіи и Калаоры разсмотрѣть апелляціонную жалобу и постановить приговоръ въ окончательной формѣ; что лично онъ самъ, какъ бы страстно ни желалъ добиться справедливости, отказался бы отъ апелляціи, если бы такова была воля короля; что онъ увѣренъ, что самое письмо не могло бы быть вручено ни одному изъ прелатовъ, если бы на это не послѣдовало соизволенія короля.

Извѣщенный обо всемъ этомъ, Арсе тотчасъ принялъ мѣры, чтобы парализовать дѣйствіе папскаго письма. Епископу Калаоры онъ послалъ приказъ не принимать письма.

Тотъ сейчасъ же отвѣтилъ, что письмо ему не было доставлено, а если бы и было доставлено, то не принялъ бы его, такъ какъ его могла бы за это постигнуть жестокая кара. Ему извѣстно, что Инквизиція произнесла свой приговоръ по дѣлу Вильянуэвы, и допущеніе на него апелляціи грозило бы печальными послѣдствіями для католической религіи.

Хунта, созванная для обсужденія создавшагося положенія, высказалась въ томъ смыслѣ, что Вильянуэва имѣлъ право обжаловать въ Супрему приговоръ толедскаго трибунала, но, арестованный за поданные имъ протестъ и апелляцію, онъ тѣмъ самымъ былъ лишенъ всякихъ средствъ защиты; это и вынудило его апеллировать къ папѣ, обладающему верховной юрисдикціей и являющемуся высшей инстанціей для всѣхъ инквизиторовъ. Великій инквизиторъ не долженъ былъ отдавать распоряженія о его арестѣ, такъ какъ никто не можетъ быть лишенъ средствъ къ защитѣ.

Хотя это мнѣніе хунты и помѣшало новому аресту и возобновленію судебнаго преслѣдованія Вильянуэвы, но Филиппъ, всецѣло подчинившійся вліянію Арсе-и-Рейносо, готовъ былъ слѣпо ринуться въ борьбу съ Римомъ. Ни новое письменное ходатайство Августина, ни доводы, подсказанные требованіями справедливости и интересами государства, не произвели на короля никакого дѣйствія. Въ то же время Оньяте сообщалъ, что Наварро энергично домогается отъ папы новаго письма; что всю вину за смуту, поднятую вокругъ дѣла Вильянуэвы, Курія приписываетъ Арсе, и что за отсрочку апелляціоннаго разбирательства, которая произвела дурное впечатлѣніе, серьезно предлагали подвергнуть Арсе дисциплинарному наказанію. Король отвѣтилъ на это Оньяте безсвязнымъ письмомъ, полнымъ брани за постигшую его неудачу, настойчиво требуя отъ него новыхъ энергичныхъ шаговъ; письмо же папы онъ считалъ недѣйствительнымъ, какъ добытое обманнымъ путемъ. Наварро было приказано вернуться на родину и Оньяте предписано наблюсти за немедленнымъ выѣздомъ его изъ Рима. Наряду съ этимъ посланы были составленныя Супремой и подписанныя Филиппомъ письма папѣ и дружественнымъ Испаніи кардиналамъ.

Иннокентій былъ, дѣйствительно, глубоко возмущенъ оппозиціей, вызванной его письмомъ: черезъ своего нунція онъ передалъ Арсе новое письмо, гдѣ подъ страхомъ лишенія его должности Великаго инквизитора и другихъ каръ запрещалъ дальнѣйшее сопротивленіе своимъ распоряженіямъ. На это Арсе отвѣчалъ, что дѣло было пріостановлено лишь въ ожиданіи папскаго рѣшенія и, сознательно обманывая, утверждалъ, что за послѣднія 150 лѣтъ папы отказывались принимать апелляціонныя жалобы на приговоры Инквизиціи. Указывая далѣе, что поддержаніе авторитета Инквизиціи въ виду широкаго распространенія іудаизма и ереси въ настоящее время необходимо болѣе, чѣмъ когда-либо, и что съ Вильянуэвой обошлись чрезвычайно мягко и снисходительно, Арсе просилъ снова вернуть дѣло ему и Супремѣ.

Папа настаивалъ на исполненіи своего рѣшенія. Цѣлый рядъ епископовъ уклонялись отъ этой опасной миссіи, и только епископъ Авила, подъ сильнымъ давленіемъ нунція, согласился, наконецъ, принять ее на себя. Для обсужденія создавшагося серьезнаго положенія созваны были хунты 14 іюля и 27 августа. Послѣдняя, засѣдавшая подъ предсѣдательствомъ самого Арсе, пришла къ заключенію, что король не долженъ подчиняться папской Куріи въ дѣлѣ, въ которомъ затрагивались интересы католической религіи. 5 ноября Филиппъ командировалъ Педро Минербе съ порученіемъ захватить письмо папы. Минербе успѣшно выполнилъ свою миссію. Но время, когда Фердинандъ и Карлъ V такъ непочтительно обращались съ папскими посланіями, миновало. Филиппъ былъ государемъ совершенно иного калибра, и его колеблющаяся политика внушала къ себѣ мало уваженія. Арсе чувствовалъ опасность своего положенія. Взрывъ негодованія со стороны папы былъ неизбѣженъ. Обезопасить себя отъ папскихъ угрозъ онъ пытался двойной игрой.

19 января 1649 г. онъ представилъ королю докладъ, въ которомъ перечислялъ случаи возобновленія дѣлъ по иниціативѣ папы; къ такимъ случаямъ, по его мнѣнію, должно было быть отнесено и дѣло Вильянуэвы. Признавъ такимъ образомъ авторитетъ папы, Арсе, съ другой стороны, продолжалъ увѣрять короля въ необходимости непоколебимо стоять на занятой позиціи, такъ какъ вмѣшательство папы въ это дѣло является безпримѣрнымъ.

Чтобы склонить папу къ уступкѣ, Супрема отправила для переговоровъ своего прокурора въ Римъ. Но тутъ какъ разъ до Иннокентія дошла вѣсть о захватѣ его письма. Негодованію его не было границъ. Борьба за самостоятельность, съ одной стороны, и за право верховнаго надзора—съ другой разгорѣлась съ необыкновенной силой. Компромиссъ былъ немыслимъ, тѣмъ болѣе, что всѣ выгоды положенія были на сторонѣ Куріи, не сомнѣвавшейся въ своей побѣдѣ. Инквизиціи и епископамъ предписано было представить въ Римъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ всѣ документы по дѣлу Вильянуэвы, а также всѣ буллы, начиная съ буллъ папы Александра VI, касающіяся случаевъ отказа въ апелляціи.

Супрема сумѣла доказать Филиппу исключительно серьезный характеръ этого письма, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдила его поступить по излюбленной въ Испаніи формулѣ: т.-е. повиноваться, но не исполнять. Прежде всего обратились къ папѣ съ просьбой взять письмо обратно. Затѣмъ, чтобы выиграть время, сослались на невозможность подвергать оригиналы документовъ риску пересылки; изготовленіе же копій съ нихъ потребуетъ больше предоставленнаго трехмѣсячнымъ срокомъ времени.

Первую просьбу папа, разумѣется, оставилъ безъ послѣдствій, а явная затяжка дѣла только обострила его раздраженіе. Поэтому не могла разсчитывать на успѣхъ и повторная попытка воздѣйствовать на него черезъ посредство новаго испанскаго посла въ Римѣ, герцога дель Инфантадо. Между тѣмъ послѣдняя отсрочка пересылки документовъ по дѣлу Вильянуэвы въ Римъ истекала въ апрѣлѣ 1650 г. Терпѣніе папы истощалось; черезъ своего нунція онъ предупреждалъ, что онъ приведетъ въ исполненіе свои угрозы и лишитъ Арсе и Супрему всѣхъ ихъ должностныхъ функцій, если документы не будутъ присланы къ 5-му апрѣля. Въ виду этого консульта сдѣлала представленіе Филиппу, что дальнѣйшее упорство съ его стороны можетъ повести къ возникновенію церковной схизмы. И дѣйствительно, дѣло принимало настольно серьезный оборотъ, что въ перспективѣ вырисовывалась возможность отпаденія Испаніи онъ единой католической Церкви.

8 апрѣля папскій нунцій обратился къ королю съ формальнымъ требованіемъ передачи ему документовъ. Но въ Мадридѣ попрежнему держались политики отсрочекъ, и только 2 мая Арсе сообщилъ, что копіи уже изготовлены, но въ интересахъ ихъ сохранности слѣдуетъ выждать указаній папы относительно способа ихъ пересылки. Въ дѣйствительности въ Мадридѣ не думали серьезно объ отправкѣ документовъ въ Римъ. Король послалъ даже новыя инструкціи герцогу дель Инфантадо; но тотъ опять отвѣтилъ, что на уступчивость папы нѣтъ ни малѣйшей надежды. Тогда былъ инсценированъ новый актъ этой безконечной комедіи. 14 сентября было издано формальное распоряженіе о передачѣ документовъ, и 16-го они дѣйствительно были переданы нотаріусу барселонскаго трибунала Даміану де Фонольсдѣ, въ пяти фоліантахъ, заключавшихъ въ себѣ 4600 страницъ. Между тѣмъ созванная на 24 сентября хунта постановила, что документы не должны быть вывезены за предѣлы королевства, и предложила окончательно разрѣшить этотъ вопросъ тремъ епископамъ въ Супремѣ безъ участія Арсе и членовъ Инквизиціи. Папа, разумѣется, отвергъ это предложеніе, и тогда Фонольедѣ предписано было отправиться въ Римъ и вручить папѣ спорные документы. Но вскорѣ Фонольедѣ предписано было не выѣзжать изъ Валенсіи.

Отношеніе между Мадридомъ и Римомъ достигли крайней степени напряженія. 18 февраля нунцій заявилъ Арсе, что отнынѣ онъ и Супрема подвергаются наказаніямъ, перечисленнымъ въ письмѣ папы; что они не будутъ освобождены отъ нихъ до тѣхъ

поръ, пока въ Римъ не будутъ доставлены требуемые документы, что противъ нихъ будутъ приняты еще болѣе суровыя мѣры, и что папа уничтожитъ даже Инквизицію. Докладывая королю о своей бесѣдѣ съ нунціемъ. Арсе сообщилъ, что фактически онъ подвергнутъ уже тяжкой карѣ; формальное же обнародованіе приговора было бы скандаломъ и повело бы къ паденію престижа Инквизиціи. Поэтому Арсе умолялъ короля не откладывать дальше отъѣзда Фонольеды въ Римъ.

Филиппъ и самъ ужъ началъ колебаться и 2 марта предложилъ государственному совѣту обсудить вопросъ, насколько притязанія папы совмѣстимы съ правами и привилегіями Инквизиціи. Поворотъ въ настроеніи короля такъ напугалъ Арсе, что онъ представилъ ему докладную записку, въ которой настойчиво отговаривалъ отъ уступокъ папѣ. При этомъ онъ снова сослался на ложное утвержденіе, будто въ теченіе послѣднихъ 150-ти лѣтъ не было примѣра, чтобы папа воспротивился желаніямъ короля, и напомнилъ Филиппу его собственное заявленіе, что скорѣе откажется отъ короны, чѣмъ согласится на передачу дѣла въ Римъ. Теперь же онъ узналъ, что король, въ согласіи съ мнѣніемъ своего государственнаго совѣта, рѣшилъ отправить документы въ Римъ герцогу Инфантадо съ предписаніемъ не выпускать ихъ изъ своихъ рукъ.

Вопреки предостереженіямъ Арсе, Филиппъ остался въ согласіи съ мнѣніемъ членовъ государственнаго совѣта. 11 апрѣля 1651 г. онъ извѣстилъ герцога Инфантадо о выѣздѣ Фонольеды въ Римъ для передачи ему документовъ; но при этомъ онъ убѣждалъ своего посла использовать всю силу своей аргументаціи, чтобы показать папѣ, какъ глубоко огорчаетъ короля вынужденное подчиненіе новшеству, столь безпримѣрному и столь гибельному для Инквизиціи. Если этотъ доводъ не подѣйствуетъ на папу, то слѣдуетъ просить его возвратить документы не распечатанными, если Инквизиція выразитъ желаніе пересмотрѣть дѣло. Если и это ходатайство не будетъ уважено, то предложить передать дѣло на обсужденіе трехъ епископовъ. Если же и послѣднее предложеніе не будетъ имѣть успѣха, то сложить документы къ стопамъ папы и просить его, прежде чѣмъ онъ ихъ распечатаетъ, подумать о томъ униженіи, которому подвергнется личность короля и Испанское королевство въ глазахъ всего христіанскаго міра.

Наконецъ, 17 сентября Инфантадо сообщилъ о передачѣ документовъ папѣ, выразивъ надежду на скорое ихъ возвращеніе въ нераспечатанномъ видѣ; если же они и прочтутся, то не болѣе какъ однимъ изъ министровъ папы. Кампанія въ пользу возвращенія документовъ началась немедленно же. Уже 31 декабря Инфантадо извѣщаетъ о своихъ неудачныхъ попыткахъ въ этомъ направленіи. Между тѣмъ Иннокентій, получивъ документы, поручилъ ихъ разсмотрѣть кардиналамъ Луго и Альбини, но въ іюнѣ онъ заявилъ тогдашнему представителю Испаніи, кардиналу Тривульсіо, что потратилъ много труда на ознакомленіе съ дѣломъ, отмѣтилъ въ немъ цѣлый рядъ противорѣчій и пришелъ къ убѣжденію, что оно не что иное, какъ актъ мести. Возвратить документы папа отказался. Впрочемъ, онъ не обнаруживалъ намѣренія лично заняться этимъ дѣломъ, считая его результатомъ простой интриги, и хотѣлъ лишь отстоять право своей высшей юрисдикціи. Добившись, такимъ образомъ, принципіальной побѣды и не заинтересованный въ дѣлѣ по существу, Иннокентій кончилъ тѣмъ, что черезъ своего нунція сообщилъ, что рѣшилъ передать дѣло Вильянуэвы въ руки короля, а документы возвратить Тривульсіо въ Римѣ.

Хотѣлъ ли Иннокентій злорадствовать, или же онъ велъ дипломатическую игру, но Кабрера въ письмахъ своихъ конца 1652 г. и первой половины 1653 г. говоритъ о постоянныхъ увертахъ папы: онъ постоянно обѣщаетъ выдать документы, но свои обѣщанія всегда нарушаетъ. Очевидно, для папы Вильянуэва былъ просто пѣшкой въ его дипломатической игрѣ съ Мадридомъ.

Вильянуэва скончался въ Сарагоссѣ 21 іюля 1653 г. Инквизиція воспользовалась

его смертью какъ поводомъ къ возобновленію его процесса, несомнѣнно, съ цѣлью подтвердить право своей юрисдикціи и путемъ конфискаціи воспользоваться его имуществомъ. Однако, папа Александръ VII усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ Инквизиціи вторженіе въ область его юрисдикціи и въ 1651 г. запретилъ это надругательство надъ прахомъ покойнаго.

Позднѣе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ возобновлялись попытки добиться новаго пересмотра дѣла въ Мадридѣ или, по крайней мѣрѣ, возврата документовъ. Дѣйствуя въ этомъ направленіи по внушенію Филиппа, посолъ его Гаспаръ де Собремонте имѣлъ съ Александромъ VII бурное объясненіе, во время котораго папа заявилъ, что дѣло никогда не обсуждалось въ конгрегаціи Инквизиціи, и что король долженъ удовлетвориться письмомъ отъ 12 октября 1652 г. 29 марта 1660 г. Александръ, измученный безпрерывными и надоѣдливыми просьбами, положилъ всему этому конецъ, заявивъ въ письмѣ къ королю, что дѣло было окончательно рѣшено папою Иннокентіемъ X, какъ это видно изъ его письма отъ 12 октября 1652 г.

Таковъ былъ финалъ дѣла, тянувшагося 32 года [1]).

Когда на испанскій престолъ сѣли, въ лицѣ Филиппа V, Бурбоны, то Инквизиція, лучше знающая положеніе дѣлъ въ Испаніи, легче приспособилась къ новымъ порядкамъ, чѣмъ Римская Курія. Инквизиція, хотя и съ болью въ сердцѣ, примирилась съ регалистами, стараясь дѣйствовать противъ нихъ путемъ лишь интригъ, а не открыто; папа долго еще боролся за свою гегемонію и лишь медленно, шагъ за шагомъ, уступалъ, не рѣшаясь бороться одновременно и съ Инквизиціей, и съ королевской властью. Законъ 1705 г., въ силу котораго запрещалось публиковать, безъ разрѣшенія короля, какія бы то ни было папскія постановленія и буллы и не допускать никакой апелляціи въ Римъ, нанесъ ужасный ударъ упорнымъ стремленіямъ Куріи играть первенствующую роль въ государствѣ и имѣть ближайшій надзоръ надъ дѣятельностью Испанской Инквизиціи.

Особенно часто происходили столкновенія между Римской Куріей съ одной стороны и Инквизиціей и королевской властью съ другой стороны по поводу запрещенія той или иной книги, защищавшей взглядъ, что король сувереренъ въ своемъ государствѣ и не долженъ подчиняться римскимъ приказаніямъ. Книга «Apologio de juribus principalibus defendendis» Хуана де Роа была посвящена королю и одобрена инквизиторомъ, но Курія нашла ее настолько вредной, что немедленно занесла ее въ число запрещенныхъ книгъ и сожгла ее. Точно также, когда Римъ потребовалъ запрещенія книги Геронимо Севальоса «Tractatus de cognitione per viam violentiae», Инквизиція долго медлила и, наконецъ, распорядилась о частичномъ измѣненіи ея, т.-е. предложила автору смягчить нѣкоторыя мѣста въ этомъ произведеніи. Какъ неудачно защищалъ Бенедиктъ XIV кардинала Нориса, автора «Historia pelagiana», мы уже знаемъ; характерно, что испанскій іезуитъ, чувствуя за собою симпатіи короля и Великаго инквизитора, могъ угрожать папѣ отлученіемъ отъ Церкви и не побоялся напомнить ему случаи изъ церковной исторіи, когда соборы выступали противъ папъ. Эти угрозы были переданы Бенедикту XIV испанскимъ посломъ въ Римѣ Портокареро, который перевелъ ихъ даже на итальянскій языкъ для того, чтобы папа въ точности понялъ слова іезуита Рабаго, столь дерзко нападавшаго на главу католической Церкви.

---

[1]) Lea, «History», II, 133—157.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Государство и Инквизиція.

Какъ сторонникъ абсолютизма, Фердинандъ Католикъ не могъ, разумѣется, сочувствовать усиленію въ Испаніи власти папы и однажды даже запретилъ пребываніе въ своей странѣ папскому нунцію и легатамъ [1]). На Инквизицію онъ смотрѣлъ не какъ на средство увеличенія авторитета католической Церкви, а какъ на способъ усиленія собственной власти, которой отнынѣ долженъ былъ принадлежать рѣшающій голосъ не только въ свѣтскихъ дѣлахъ, но и въ духовныхъ. Этимъ объясняется, почему дальновидный король такъ настойчиво требовалъ для себя права указанія кандидатовъ въ Великіе инквизиторы и въ члены Супремы: правда, первоначально предполагалось, что этимъ ограничится вмѣшательство Фердинанда въ дѣла Инквизиціи, и папа, предоставляя Великому инквизитору право назначенія и смѣщенія инквизиторовъ и служителей трибуналовъ, дѣлалъ Великаго инквизитора какъ бы отвѣтственнымъ за дѣянія Инквизиціи и не допускалъ мысли о постороннемъ давленіи на него. Но Фердинандъ толковалъ свое право контроля дѣятельности Инквизиціи въ болѣе широкомъ смыслѣ и сталъ принимать участіе въ назначеніи и смѣщеніи и низшихъ служителей Инквизиціи, такъ что и Торквемада вынужденъ былъ даже оффиціально признать за королемъ это право, издалъ свои знаменитыя Инструкціи по приказанію короля и подчеркнулъ въ нихъ значительность той роли, какая предоставлена королю во всѣхъ дѣлахъ Инквизиціи. Но разъ Великій инквизиторъ мирился съ правомъ вмѣшательства Фердинанда въ инквизиціонныя дѣла, то кортесы естественно, стали обращаться къ нему съ различными ходатайствами объ измѣненіи нѣкоторыхъ суровыхъ мѣръ Инквизиціи и вообще о преобразованіи ея. На послѣднее Фердинандъ, однако, не рѣшался, и когда въ 1512 г. была заключена такъ называемая Конкордія, онъ считалъ необходимымъ, чтобы и Великій инквизиторъ Энгера далъ на нее согласіе. Вообще король собственной властью не предпринималъ никакихъ принципіальныхъ шаговъ. Лишь рѣдко онъ, безъ предварительнаго согласія Великаго инквизитора или Супремы, смѣщалъ или назначалъ служителей Инквизиціи: такъ, въ 1485 г. Фердинандъ назначилъ инквизиторовъ въ Гуаделупе, гдѣ въ то время было много еретиковъ и неблагонадежныхъ съ точки зрѣнія Инквизиціи людей; въ 1498 г. онъ предписалъ сарагосскому инквизитору, удалившему одного служителя въ Калатаюдѣ, принять его обратно, такъ какъ онъ всегда

[1]) Столкновеніе между Фердинандомъ и Куріей произошло въ 1482 г., когда папа Сикстъ IV назначилъ на освободившееся въ Куэнкѣ мѣсто епископа своего генуэзскаго племянника. Фердинандъ протестовалъ противъ этого назначенія, заявивъ, что одни лишь испанцы могутъ занимать въ Испаніи епископскія каѳедры, и что онъ не допуститъ иностранцевъ въ качествѣ епископовъ. Сикстъ отвѣтилъ на это, что всѣ бенефиціи принадлежатъ папѣ, права котораго въ этомъ отношеніи неограниченны, такъ какъ они даны Самимъ Богомъ. Фердинандъ не соглашался идти ни на какія уступки и сталъ угрожать созывомъ вселенскаго собора, приказавъ въ то же время проживавшимъ при папскомъ дворѣ испанцамъ немедленно вернуться на родину. При такихъ обстоятельствахъ папа рѣшилъ послать въ Испанію нунція для веденія переговоровъ съ неуступчивымъ королемъ, котораго, между прочимъ, во всемъ поддерживала и Изабелла Католическая. Нунцій, однако, не былъ принятъ королемъ, и кардиналъ Гонсалесъ де Мендоса добился отъ папы отказа отъ чрезмѣрныхъ претензій, такъ какъ Испанія, гдѣ короли несли столько жертвъ во время борьбы съ маврами, должна находиться на особомъ положеніи. Насколько Фердинандъ тщательно охранялъ свои права, видно также изъ того, что національный синодъ въ Севильѣ въ 1478 г. обсуждалъ вопросъ о томъ, какъ можно защищать страну отъ папскихъ легатовъ и нунціевъ, которые не только вывозятъ деньги за границу, но и угрожаютъ сувереннымъ правамъ короля.

EFFIGIES · ILL · AC · R̃ᴹ D · ANTONII · PERRENOT EP̃I ATREBATENSIS ·
IMP CAROLI V · PRIMI · CONSILIARII ET SIGILLORVM CVSTODIS

отличался примѣрнымъ поведеніемъ и готовъ былъ пожертвовать жизнью ради религіи. Примѣры подобнаго игнорированія власти Великаго инквизитора и присвоенія себѣ столь широкихъ полномочій были крайне рѣдки,—обычно Фердинандъ дѣлалъ все совмѣстно съ Великимъ инквизиторомъ, но зато онъ вмѣшивался во всѣ мелочи сложной инквизиціонной жизни и не оставлялъ безъ вниманія ни одного инцидента, который даже косвенно могъ нарушать въ той или иной степени интересы королевской власти. Съ особеннымъ усердіемъ относился онъ къ финансовой сторонѣ Инквизиціи, и безъ его согласія послѣдняя не могла производить никакихъ расходовъ или даже выдавать кому-либо жалованіе. Но, съ другой стороны, онъ совершенно не касался духовныхъ дѣлъ Инквизиціи и никогда не высказывался по поводу наложенной трибуналами на еретиковъ епитеміи или провозглашенія того или иного обвиняемаго еретикомъ или апостатомъ. Въ 1485 г., желая оказать покровительство 50 лицамъ, имѣвшимъ въ своихъ жилахъ еврейскую кровь, онъ обратился къ папѣ Иннокентію VIII съ просьбой приказать инквизиторамъ примирить съ Церковью виновныхъ не публично, а тайно; въ 1486, 87 и 89 гг. Фердинандъ неоднократно просилъ папу о томъ же, и Иннокентій безъ труда выдавалъ разрѣшенія на подобныя примиренія съ Церковью. Мало того, аналогичныя привилегированныя письма стали посылаться папой непосредственно королю безъ указанія имени виновныхъ, но съ опредѣленіемъ ихъ числа, и Фердинандъ впослѣдствіи могъ вписывать фамиліи тѣхъ, кого хотѣлъ спасти отъ публичнаго примиренія и нѣкоторыхъ другихъ наказаній.

Въ другомъ мѣстѣ нами было указано, что Фердинандъ часто искоренялъ злоупотребленія, совершаемыя отдѣльными трибуналами, въ особенности въ смыслѣ смягченія чрезмѣрно строгихъ наказаній. Теперь напомнимъ о его письмахъ къ папѣ Юлію II, въ которыхъ онъ указываетъ, что съ 1492 г. много евреевъ и мавровъ приняло христіанство и было бы несправедливо обращаться съ ними крайне строго, такъ какъ они еще не достаточно крѣпки въ новой вѣрѣ. Король предлагаетъ обучать новообращенныхъ христіанской религіи и опубликовать эдиктъ милости для того, чтобы грѣшившіе могли каяться; король прибавляетъ при этомъ, что главнѣйшей цѣлью должно быть освобожденіе кающихся отъ наказанія конфискаціей имущества и публичныхъ abjuratio, ложащагося столь тяжелымъ бременемъ на ближайшихъ родственниковъ обвиняемаго. Характерно, что Фердинандъ неоднократно намекаетъ Юлію II, что не слѣдуетъ, чтобы инквизиторы черезчуръ усердствовали въ своей дѣятельности: умѣренность часто полезнѣе строгости. Въ 1508 г. онъ запретилъ насильно обращать мавровъ въ христіанство и приказалъ освободить изъ тюрьмы тѣхъ, которые арестованы трибуналами за нежеланіе принять христіанство; въ будущемъ трибуналы безъ разрѣшенія Великаго инквизитора не имѣли права арестовать мавра, не желавшаго креститься. Въ 1510 г. Фердинандъ даже приказалъ инквизиторамъ разрѣшить маврамъ, принявшимъ христіанство, снова перейти въ мусульманскую вѣру. Однако, когда въ томъ же году кортесы въ Монсонѣ жаловались ему на многочисленныя злоупотребленія Инквизиціи, Фердинандъ не принялъ противъ Инквизиціи никакихъ мѣръ и даже выразилъ несочувствіе кортесамъ. Правда, уже въ 1512 г. онъ вынужденъ былъ уступить кортесамъ въ Монсонѣ и принялъ такъ называемую монсонскую Конкордію; но и теперь онъ допустилъ, чтобы на каждый пунктъ этой Конкордіи было выражено спеціальное согласіе Великаго инквизитора Энгеры, plau a su Reverendissima senyoria. Несмотря на то, что Фердинандъ клялся, что будетъ въ точности слѣдить за исполненіемъ пунктовъ Конкордіи, онъ уже въ 1513 г. получилъ отъ папы Льва X освобожденіе отъ клятвы; то же было дано тогда же и Великому инквизитору. Вскорѣ, однако, Фердинандъ объявилъ, что намѣренъ свято соблюдать монсонскую Конкордію, требуя того же отъ трибуналовъ и обѣщая добиться отъ папы соотвѣтствующей буллы. Поводомъ къ этому послужилъ инцидентъ, происшедшій въ 1515 г. въ Сарагоссѣ. По арагонскому обычаю, человѣкъ, отказавшійся отъ должности хустисіи, вычеркивался

изъ списка людей, имѣющихъ право занимать общественную должность. Въ 1515 г. нѣкто Мисеръ Мануэль отказался отъ поста хустисіи, и когда магистратъ хотѣлъ занести его имя въ списокъ лишенныхъ права государственной службы людей, онъ обратился за помощью къ сарагосскому трибуналу, который подъ страхомъ отлученія отъ Церкви запретилъ магистрату поступить по закону съ Мануэлемъ. Городъ пожаловался Фердинаду, который сдѣлалъ строгое внушеніе инквизиторамъ, запретилъ имъ вмѣшиваться не въ свое дѣло и напомнилъ, что объ этомъ говорилось и въ монсонской Конкордіи.

Со смертью Фердинанда, при номинальномъ правленіи больной Хуаны Безумной и въ несовершеннолѣтіе Карла V, когда во главѣ государства находился Хименесъ, исполнявшій въ то же время и обязанности Великаго инквизитора въ Кастиліи, контроль свѣтской власти надъ дѣятельностью Инквизиціи замѣтно уменьшился, и послѣдняя пріобрѣла гораздо большую независимость. Не только служители трибуналовъ, но и пріемщики конфискацій, считавшіеся свѣтскими чиновниками и обязанные отчетностью королю, стали назначаться исключительно Великимъ инквизиторомъ либо Супремой. Такъ, 11 марта 1517 г. Хименесъ написалъ толедскому пріемщику конфискацій, чтобы онъ въ виду большого количества работы нашелъ помощника и отправилъ его къ Супремѣ, которая утвердила бы его въ этомъ званіи [1]). Когда Карлъ, будучи въ Нидерландахъ, собирался въ путь, чтобы занять испанскій престолъ, онъ намѣренъ былъ реорганизовать Инквизицію, о которой его совѣтники, нерѣдко новообращенные, отзывались въ крайне отрицательномъ духѣ. Когда Хименесъ узналъ о намѣреніи Карла, онъ заставилъ совѣтъ Кастиліи написать королю, что миръ и спокойствіе страны, а также прочность королевской власти могутъ быть гарантированы лишь въ томъ случаѣ, если онъ, Карлъ V, будетъ во всемъ поддерживать Инквизицію. На Карла, повидимому, это произвело сильное впечатлѣніе, и онъ заявилъ, что готовъ исключить изъ своей свиты всѣхъ тѣхъ, въ жилахъ которыхъ течетъ еврейская кровь. Желая доказать, что его слова серьезны, онъ отправилъ Супремѣ шифрованныя фамиліи всѣхъ своихъ приближенныхъ съ просьбой сдѣлать надлежащее разслѣдованіе объ ихъ происхожденіи. 26 октября 1516 г. Супрема горячо благодарила Карла за присылку ей этихъ фамилій и обѣщала исполнить волю короля. Вскорѣ, однако, до Хименеса снова дошли тревожныя вѣсти: Карлъ собирался будто отмѣнить требованіе Инквизиціи о томъ, что имена свидѣтелей должны держаться въ строгой тайнѣ. Хименесъ отправилъ къ Карлу делегата разъяснить ему, что такой шагъ явится опаснымъ новшествомъ; вскорѣ онъ написалъ ему и письмо, угрожая, что имя короля будетъ навѣки опозорено, если онъ въ корень подорветъ Инквизицію: послѣдняя фактически должна будетъ прекратить существованіе, если имена свидѣтелей будутъ публиковаться. Фердинандъ и Изабелла, писалъ Хименесъ, отвергли сдѣланное имъ предложеніе въ 1.200.000 дукатовъ за публикацію свидѣтельскихъ именъ, и Карлъ не долженъ быть иниціаторомъ такой мѣры. Карлъ былъ настолько остороженъ, что не рѣшался ничего предпринимать во Фландріи противъ Инквизиціи, но когда онъ прибылъ въ Испанію, и вальядолидскіе кортесы 1518 г. стали жаловаться ему на несправедливость и жестокость инквизиціонныхъ трибуналовъ, онъ созвалъ ученыхъ людей и теологовъ, которые должны были установить, насколько правильны жалобы на Инквизицію. Комиссія собрала огромный матеріалъ, въ общемъ крайне неблагопріятный для Инквизиціи, и послѣдняя должна была подвергнуться значительнымъ измѣненіямъ. Въ послѣдній моментъ, однако, Карлъ сталъ колебаться и отложилъ вопросъ о реформѣ Инквизиціи на неопредѣленное время. На кортесахъ въ Сарагоссѣ Карлъ, желая получить значительную «субсидію» для своихъ фламандскихъ совѣтниковъ, поклялся реорганизовать Инквизицію на началахъ, выработанныхъ вышеуказанной комиссіей. Но клятва эта была совершенно

[1]) Lea, «History», I, 298.

неискренней, такъ какъ недолго спустя онъ поручилъ своему посланнику въ Римѣ, графу Сифуэнтесъ, получить отъ папы разрѣшеніе на несоблюденіе клятвы. Во всякомъ случаѣ онъ настоялъ, чтобы при всѣхъ назначеніяхъ испрашивали предварительно согласія короля, и только въ отсутствіе послѣдняго Великій инквизиторъ, какъ объ этомъ опредѣленно говоритъ императоръ въ своихъ письмахъ къ Адріану [1]), могъ самъ или черезъ Супрему назначать инквизиторовъ и другихъ членовъ инквизиціонныхъ трибуналовъ. Впослѣдствіи установился слѣдующій модусъ назначенія инквизиторовъ и ихъ подчиненныхъ: трибуналъ указывалъ на желательнаго ему кандидата Великому инквизитору, а послѣдній назначалъ его, при чемъ указъ о назначеніи почти всегда контрасигновался членами Супремы.

Въ 1523 г. Карлъ опубликовалъ эдиктъ, коимъ запретилъ муниципалитетамъ и другимъ государственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ издавать какія-либо распоряженія или законы, ограничивающіе въ какой-нибудь мѣрѣ привилегіи и вольности Инквизиціи; если таковые законы уже изданы, то Карлъ объявилъ ихъ не существующими и не имѣющими силы. Подъ охраной этого эдикта Инквизиція успѣшно боролась со многими законами и не подчинялась даже простымъ полицейско-санитарнымъ распоряженіямъ. Въ томъ же 1523 г. Карлъ выступилъ въ защиту инквизиторовъ, порицая установившійся обычай не избирать ихъ на общественныя должности. Послѣднія часто доставались тому или иному лицу по жребію, и обычно въ жеребьевкѣ—insaculacion—инквизиторы не участвовали, такъ какъ народъ не безъ основанія опасался чрезмѣрныхъ злоупотребленій со стороны тѣхъ, которые благодаря своимъ инквизиціоннымъ fuero находились внѣ власти обычнаго суда. Уже Фердинандъ порицалъ устраненіе инквизиторовъ, но его выступленіе не принесло имъ пользы, и лишь Карлъ V добился для нихъ практическихъ результатовъ. Карлу же были обязаны своими fuero и слуги инквизиціонныхъ трибуналовъ. До него вопросъ о неподсудности обыкновенному суду платныхъ и даровыхъ служителей Инквизиціи не представлялъ сомнѣнія, и лишь слугамъ членовъ трибуналовъ отказывали въ fuero,—Карлъ въ 1518 г. выступилъ въ защиту инквизиціонной прислуги и распространилъ привилегію неподсудности на людей, къ трибуналамъ собственно не имѣющимъ никакого отношенія.

Данныя 8 мая 1595 г. Филиппомъ II инструкціи Великому инквизитору Геронимо Манрике свидѣтельствуютъ о томъ, что король совершенно не вмѣшивался въ дѣло назначенія членовъ инквизиціонныхъ трибуналовъ, предоставляя при этомъ полную свободу Великому инквизитору, которому, однако, онъ совѣтовалъ предварительно сообщать о назначеніяхъ Супремѣ, какъ это дѣлали всѣ другіе Великіе инквизиторы. Преемникъ Филиппа II не слѣдовалъ въ этомъ отношеніи примѣру религіознаго короля, и Великій инквизиторъ Гевара, не довольный дѣйствіями многихъ инквизиторовъ, представилъ ему 21 іюня 1600 г. докладъ, въ которомъ просилъ разрѣшить ему перемѣстить инквизиторовъ изъ одного трибунала въ другой такъ, чтобы лучшіе занимали должности въ болѣе выгодныхъ и обширныхъ инквизиціонныхъ округахъ. Хотя наказаніе это и не носило суроваго характера, Филиппъ III нашелъ его, однако, вреднымъ для авторитета Инквизиціи и предложилъ, чтобы подлежащіе перемѣщенію инквизиторы сами просили объ этомъ, и выразилъ желаніе, чтобы ему были указаны имена виновныхъ инквизиторовъ, а также ихъ проступки, такъ какъ онъ долженъ быть освѣдомленъ обо всемъ, что дѣлаетъ Великій инквизиторъ. Мало того, въ 1603 г. король самъ назначилъ нѣсколькихъ инквизиторовъ, фискаловъ и даже мелкихъ инквизиціонныхъ чиновниковъ. Словомъ, Филиппъ III хотѣлъ вернуться ко времени Фердинанда и, видимо, порицалъ недостаточный надзоръ надъ дѣятельностью Инквизиціи проводившаго свое время большей частью за границею импера-

---

[1]) Gachard, «Correspondance de Charles Quint avec Adrian», 236.

тора Карла и занимавшагося другими дѣлами Филиппа II. Прибывъ въ Толедо на ауто-да-фе 10 мая 1615 г., Филиппъ потребовалъ къ себѣ дѣло Хуана Коте, обвинявшагося въ протестантизмѣ, и сдѣлалъ въ приговорѣ нѣсколько измѣненій, прибавивъ 200 ударовъ розогъ и увеличивъ число лѣтъ тюремнаго заключенія. По существу это было вмѣшательствомъ въ духовную сторону Инквизиціи, на что, какъ мы упомянули, никогда не рѣшался даже Фердинандъ, и толедскій трибуналъ въ большомъ смущеніи извѣщалъ объ этомъ Супрему, прося ее высказаться по этому поводу. Супрема одобрила дѣйствія короля, такъ какъ въ измѣненіи наказанія принималъ участіе и Великій инквизиторъ. На слѣдующій день послѣ ауто-да-фе Коте былъ, однако, извѣщенъ, что розги отмѣнены по великодушному желанію Супремы [1]). Но слабый и нерѣшительный Филиппъ III проводилъ свою политику вмѣшательства въ дѣла Инквизиціи съ большой непослѣдовательностью, и рядомъ съ толедскимъ инцидентомъ 1615 г. можно указать не мало такихъ случаевъ, когда самъ король утверждалъ, что полнота власти въ инквизиціонныхъ дѣлахъ принадлежитъ исключительно Великому инквизитору. Когда Сандовалъ-и-Рохасъ былъ назначенъ въ 1608 г. Великимъ инквизиторомъ, Филиппъ III далъ ему инструкціи, вполнѣ совпадающія съ инструкціями 1595 г., данныя Филиппомъ II Геронимо Манрике; онъ прибавилъ лишь, что въ случаѣ перемѣщенія инквизиторовъ слѣдуетъ сообщать объ этомъ Супремѣ.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что Филиппъ III, несмотря на многочисленныя просьбы Инквизиціи, отказывался изгнать марановъ изъ Португаліи; мало того, онъ даровалъ имъ, разумѣется, за значительныя суммы денегъ, различныя привилегіи, между прочимъ, право выѣзда изъ страны и всепрощеніе за совершенныя еретическія преступленія. Тотъ же Филиппъ III заключилъ съ Англіей договоръ, вызвавшій недовольство Инквизиціи, не допускавшей мысли, чтобы на истинно католическую территорію Испаніи могъ вступить еретикъ—англичанинъ или голландецъ. Съ другой стороны, Филиппъ былъ неумолимъ по отношенію къ морискамъ, которыхъ онъ изгналъ изъ своей страны къ великому для нея ущербу. Онъ усилилъ также требованіе о limpieza для поступающихъ въ военный орденъ: до Филиппа III «чистокровнымъ» считался тотъ, чьи предки не были осуждены Инквизиціей; съ 1611 г. требовалось отъ «чистокровнаго» кандидата, чтобы никто изъ его предковъ не привлекался даже къ инквизиціонному трибуналу; если послѣдній и выносилъ подозрѣваемому въ ереси оправдательный приговоръ, онъ, тѣмъ не менѣе, согласно Филиппу III, ложился пятномъ на все поколѣніе привлеченнаго къ суду, и оно не могло болѣе претендовать на limpieza. Онъ подчинилъ также военные ордена юрисдикціи Инквизиціи, и когда одинъ рыцарь военнаго ордена рѣшилъ оказать вооруженное сопротивленіе инквизиціонному трибуналу, Филиппъ послѣ долгихъ колебаній вступился за трибуналъ и расширилъ такимъ образомъ привилегіи Инквизиціи.

Хотя Филиппъ IV находился въ подчиненіи у Инквизиціи и часто слѣпо повиновался ея совѣтамъ, въ его царствованіе, однако, въ виду конфликта между Супремой и Великимъ инквизиторомъ изъ-за одного назначенія въ 1643 г., было выработано соглашеніе о назначеніи и смѣщеніи служителей Инквизиціи, которое усилило власть и значеніе короля: отнынѣ Супрема и Великій инквизиторъ должны были представлять королю листъ съ именами трехъ кандидатовъ, и король могъ избрать любого изъ нихъ на новую должность. Супрема охотно дала свое согласіе на этотъ проектъ, но Великій инквизиторъ, вынужденный, въ концѣ концовъ, уступить, выпустилъ предварительно рѣзкій протестъ, въ которомъ въ крайне мрачномъ видѣ была охарактеризована дѣятельность Инквизиціи въ Испаніи. Послѣ смерти Филиппа IV, когда вслѣдъ за непродолжительнымъ регентствомъ на престолъ вступилъ мало способный и несамостоятельный Карлъ II, Инквизиція стала

[1]) Lea, «History», I, 300.

совершенно игнорировать права короны, и инструкціи 1695 г., данныя Великому инквизитору Рокаберти, повторяли безъ всякихъ измѣненій формулы 1608 года. Мало того, вліяніе Супремы на назначеніе новыхъ инквизиціонныхъ служителей было, въ силу особаго распоряженія Климента XI, сильно уменьшено, и когда Видалъ Маринъ былъ назначенъ въ 1705 г. Великимъ инквизиторомъ, ему было предоставлено исключительное право смѣщенія и назначенія инквизиціонныхъ чиновъ, и это право осталось за нимъ до конца существованія Инквизиціи.

Послѣ смерти Фердинанда возникъ также вопросъ о томъ, кому принадлежитъ право назначенія Великаго инквизитора. Адріанъ VI утверждалъ, что предоставленная Фердинанду привилегія въ дѣлѣ назначенія Великаго инквизитора носила индивидуальный характеръ и должна считаться со смертью Фердинанда погашенной. Карлъ V не соглашался уступить въ такомъ серьезномъ вопросѣ и настаивалъ на правѣ короля назначать съ согласія папы Великихъ инквизиторовъ. Въ 1522 г. онъ отправилъ въ Римъ спеціальнаго представителя Лашо (Lachaulx), который долженъ былъ добиться отъ папы подтвержденія королевской привилегіи. Послѣ долгихъ переговоровъ [1]) кандидатъ Карла V Альфонсо Манрике, епископъ Кордовы, былъ назначенъ 10 сентября 1523 г. Великимъ инквизиторомъ и севильскимъ архіепископомъ. Императоръ торжествовалъ побѣду, но побѣда не носила принципіальнаго характера, такъ какъ Адріанъ не только не связалъ себя на будущее никакими обѣщаніями, но ясно далъ понять императору, что соглашается съ императоромъ лишь въ данномъ случаѣ, находя Альфонсо Манрике наиболѣе подходящимъ кандидатомъ на постъ Великаго инквизитора. Повидимому, Карлъ не протестовалъ противъ этого заявленія папы, и право послѣдняго въ вопросѣ о назначеніи Великаго инквизитора впослѣдствіи никѣмъ не оспаривалось. Папы открыто говорили во всѣхъ эдиктахъ о назначеніи Великихъ инквизиторовъ, что оно происходитъ motu proprio, т.-е. по собственной иниціативѣ. Впервые это право Рима подвергъ сомнѣнію Карлъ III.

Въ 1774 г. сложилъ съ себя полномочіе Великій инквизиторъ Мануэль Кинтано Бонифасъ. Король отправилъ папѣ просьбу о назначеніи на его мѣсто саламанкскаго епископа Фелипе Бертрана, но ухитрился составить просьбу такъ, что въ ней собственно говорилось не о согласіи папы предоставить Бертрану генеральное инквизиторство, а о необходимости освободить его отъ епископскаго мѣста въ Саламанкѣ въ виду назначенія его на постъ Великаго инквизитора. Письмо Карла получилось въ Куріи въ тяжелую для папства минуту, когда послѣ смерти 22 сентября 1774 г. Климента XIV папскій престолъ былъ свободенъ до 15 февраля 1775 г. Новый папа Пій VI, которому избраніе далось съ такимъ трудомъ, не могъ тотчасъ же начать борьбу съ Карломъ III и 27 февраля исполнилъ желаніе испанскаго короля. Отвѣтъ папы вмѣстѣ съ инструкціями на имя новаго Великаго инквизитора былъ отосланъ Карломъ государственному совѣту, который нашелъ, что сдѣланное Піемъ VI назначеніе аналогично назначенію въ 1755 г. Великимъ инквизиторомъ Бонифаса и что въ немъ не отмѣчено иниціативы въ этомъ дѣлѣ королевской власти, а по обыкновенію говорится о motu proprio папы. Были указаны и другія мѣста папскаго отвѣта, по мнѣнію государственнаго совѣта противорѣчившія королевскимъ прерогативамъ; съ этими оговорками былъ принятъ королемъ отвѣтъ Пія VI и переданъ Великому инквизитору Бертрану. Практически оговорки эти не имѣли значенія, и при назначеніи въ 1784 г. Рубина де Севальоса Великимъ инквизиторомъ Римская Курія повторила въ тѣхъ же выраженіяхъ данныя въ 1775 г. инструкціи.

Вопросъ о томъ, можетъ ли король смѣстить Великаго инквизитора, юридически не былъ оформленъ, но столкновеніе свѣтской власти съ Манрике ясно показываетъ, что фактически король могъ ставить Великаго инквизитора въ положеніе, мало чѣмъ отли-

---

[1]) Gachard, «Correspondance de Charles-Quint avec Adrian VI», 38 и слѣд.

чающееся отъ вынужденной отставки. Альфонсо Манрике былъ назначенъ Великимъ инквизиторомъ 10 сентября 1523 г. и считался фаворитомъ императорской четы. Въ 1529 г. Карлъ V, передъ отъѣздомъ въ Италію, назначилъ императрицу опекуншей надъ малолѣтней графиней Луизой де Акунья, руки которой добивались самые аристократическіе женихи, между прочимъ, и племянникъ Великаго инквизитора, графъ Тревиньо. Императрица отдала опекаемую невѣсту въ монастырь, и Манрике, пользуясь своей громадной властью, устроилъ въ монастырѣ свадьбу Луизы съ графомъ Тревиньо. Императрица была внѣ себя отъ ужаса, удалила Манрике изъ королевскаго дворца и приказала ему жить въ его севильской епархіи до тѣхъ поръ, пока Карлъ вернется изъ Италіи. Всѣ увѣщеванія и угрозы Инквизиціи не могли измѣнить рѣшенія императрицы, и лишь въ 1533 г., когда Карлъ возвратился въ Испанію, Манрике могъ снова свободно исполнять обязанности Великаго инквизитора, — но не долго: черезъ годъ между нимъ и Карломъ произошелъ новый конфликтъ, и Манрике вынужденъ былъ опять жить у себя въ епархіи. Номинально, однако, онъ остался Великимъ инквизиторомъ, и всѣ документы до 1537 г. носятъ его имя. Другой случай столкновенія между королевской властью и Великимъ инквизиторомъ произошелъ въ 1598 г., когда Филиппъ III, подъ вліяніемъ герцога Лермы, сталъ вести интриги противъ Великаго инквизитора Портокареро и обратился къ папѣ Клименту VIII съ просьбой издать буллу, принуждающую епископовъ жить въ соотвѣтствующихъ епархіяхъ. Какъ епископъ Куэнки, Портокареро долженъ былъ покинуть Мадридъ и переѣхать въ Куэнку; несмотря на ходатайство объ освобожденіи его отъ куэнкскаго епископства, Великій инквизиторъ вынужденъ былъ подать въ отставку и переѣхать въ Куэнку. Изъ-за этой же буллы долженъ былъ подать въ отставку и слѣдующій за Портокареро Великій инквизиторъ, кардиналъ Ниньо де Гевара. Его преемникъ Хуанъ де Суньига, епископъ Картагены, обошелъ буллу Климента VIII, предоставивъ папѣ управленіе картагенской епископіей на время своего генеральнаго инквизиторства; но вмѣстѣ съ 30-титысячнымъ доходомъ отъ своей епархіи Суньига потерялъ и здоровье. Сѣверный климатъ оказался вреднымъ южанину, и онъ умеръ въ томъ же 1602 г., когда и былъ назначенъ.

Когда Филиппъ IV вступилъ въ 1621 г. на престолъ и подпалъ подъ вліяніе Оливареса, между послѣднимъ и Великимъ инквизиторомъ Аліагой, являвшимся сначала вмѣстѣ съ герцогомъ Лермой, а затѣмъ съ герцогомъ Уседой наиболѣе могущественнымъ лицомъ при дворѣ Филиппа III, неизбѣжно долженъ былъ произойти конфликтъ, такъ какъ перемѣна трона, въ глазахъ Оливареса, означала, прежде всего, разрывъ съ политикой Филиппа III или, вѣрнѣе, Великаго инквизитора Аліаги и всесильнаго Уседы. Но удалить Аліагу въ его епархію, согласно буллѣ 1598 года, было невозможно, такъ какъ доминиканецъ Аліага не былъ епископомъ и, слѣдовательно, не имѣлъ своей епархіи. Свѣтская власть была поставлена въ большое затрудненіе и столкнулась лицомъ къ лицу съ независимымъ положеніемъ Великаго инквизитора. Въ теченіе нѣкотораго времени собирались хунты и комиссіи для рѣшенія вопроса: какъ избавиться отъ Аліаги? Наконецъ, Филиппъ IV приказалъ ему покинуть королевскую резиденцію въ теченіе 24 часовъ и отправиться въ доминиканскій монастырь въ Уэте, гдѣ настоятель дастъ ему дальнѣйшія указанія. Хотя Аліага исполнилъ приказаніе короля, вопросъ о немъ не могъ считаться окончательно рѣшеннымъ, такъ какъ онъ отказывался отъ епископіи, и потребовалось вмѣшательство папы Григорія XV, чтобы вынудить его подать въ отставку. Вскорѣ мадридскій трибуналъ обвинилъ Аліагу въ лютеранствѣ и матеріализмѣ; но до суда дѣло его не дошло, такъ какъ Аліага умеръ въ 1626 г., когда слѣдствіе еще не было закончено. Вѣроятно, говоритъ Льоренте, ему удалось бы доказать, что онъ палъ жертвой интригъ [1].

[1] Llorente, «Histoire critique», III, 475.

Въ 1669 г. Великій инквизитоторъ Нитардъ, іезуитъ нѣмецкаго происхожденія, долженъ былъ уступить требованію сына Филиппа IV, донъ Хуана, котораго поддерживали и общественное мнѣніе Испаніи, и народная толпа, и сложить съ себя званіе Генеральнаго инквизитора. Побѣда эта далась донъ Хуану съ большимъ трудомъ, но онъ напрягъ всѣ свои силы къ достиженію ея, такъ какъ Нитардъ обвинялъ донъ Хуана въ лютеранствѣ и стремился погубить его съ помощью приписаннаго ему письма, въ которомъ не трудно было установить рядъ ошибочныхъ и еретическихъ мыслей. Нитардъ имѣлъ въ виду обвинить одновременно съ Хуаномъ и королеву, жену Филиппа IV.

Во время войны за Испанское наслѣдство отношенія между Римомъ и Мадридомъ крайне обострились, такъ какъ Климентъ XI поддерживалъ Габсбурга и не признавалъ Филиппа V. Въ 1709 г. Филиппъ выслалъ нунція, закрылъ трибуналъ нунціатуры и запретилъ отправку денегъ въ Римъ. Курія стала готовить репрессивныя мѣры противъ дерзновеннаго короля, но Филиппъ въ 1713 г. поручилъ государственному совѣту выработать законъ, который дѣлалъ бы обязательнымъ сопротивленіе юрисдикціи Рима. Когда до Куріи дошелъ слухъ о готовившемся законѣ, она особымъ декретомъ осудила его; согласно испанскимъ законамъ декретъ этотъ не могъ быть опубликованъ безъ предварительнаго разрѣшенія короля, но Курія уговаривала Великаго инквизитора Джудиче (испанцы называли его Гудисе) не считаться съ этимъ закономъ. Находившійся въ то время въ Парижѣ Джудиче долго колебался, но, въ концѣ концовъ, подписалъ декретъ и отправилъ его 30 іюля 1714 г. Супремѣ для публикаціи. Четыре члена Супремы немедленно согласились опубликовать декретъ папы; въ отвѣтъ на это Филиппъ V, посовѣтовавшись съ выдающимися теологами и государственными дѣятелями, рѣшилъ выслать изъ предѣловъ Испаніи Великаго инквизитора, а отъ Супремы потребовалъ отмѣны декрета. Супрема тотчасъ извинилась передъ королемъ, заявивъ, будто не знала, что Великій инквизиторъ не испросилъ предварительнаго разрѣшенія короля на печатаніе декрета. Филиппъ V остался, однако, неудовлетвореннымъ объясненіемъ Супремы и потребовалъ отставки трехъ ея членовъ. Супрема отказывалась выдать своихъ членовъ, и Филиппъ созвалъ государственный совѣтъ для принятія мѣръ противъ непокорной Инквизиціи. Считая въ высокой степени важнымъ обуздать ее, король потребовалъ поименнаго голосованія отъ членовъ государственнаго совѣта: 7 высказались за высылку Великаго инквизитора и смѣщеніе членовъ Супремы, а четверо стали на сторону Инквизиціи. Между тѣмъ, Филиппъ потребовалъ отъ Джудиче, чтобы онъ вернулся немедленно въ Мадридъ, и извѣстилъ французскаго короля Людовика XIV обо всемъ происходящемъ. Людовикъ одобрилъ поведеніе испанскаго короля, отказался принять въ аудіенціи Джудиче и передалъ ему, что онъ самъ накажетъ его, если Филиппъ этого не сдѣлаетъ. Великій инквизиторъ отправился въ Испанію, но въ Байоннѣ ему отъ имени Филиппа было заявлено, что пріѣздъ въ страну ему разрѣшается лишь въ томъ случаѣ, если онъ отмѣнитъ декретъ объ осужденіи политики испанскаго короля. Джудиче вынужденъ былъ повиноваться и сложить съ себя званіе Великаго инквизитора. Черезъ мѣсяцъ, однако, когда король подпалъ подъ вліяніе Альберони, Джудиче былъ снова призванъ занять постъ Генеральнаго инквизитора, при чемъ Филиппъ V извинился передъ нимъ въ унизительной формѣ, заявивъ, что онъ ранѣе былъ введенъ въ заблужденіе злыми совѣтниками. Дружба Альберони съ Джудиче была непродолжительна, и послѣдній вскорѣ былъ удаленъ изъ королевской резиденціи и подалъ въ отставку.

Члены Супремы на первыхъ порахъ назначались королемъ, и Фердинандъ, безъ ордера котораго ни одинъ членъ Супремы не могъ получать жалованія, мало считался съ независимостью этого учрежденія и заставилъ однажды членовъ его принять, въ качествѣ коллеги, нѣкоего Агире, хотя противъ него были единодушно всѣ руководители Супремы. Послѣ смерти Фердинанда независимость Супремы быстро стала расти, а въ 1546 г. назна-

ченіе члена Супремы дѣлалось однимъ Великимъ инквизиторомъ безъ вмѣшательства короля. Впослѣдствіи, однако, установился обычай, въ силу котораго Великій инквизиторъ предлагалъ королю листъ съ именами трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ король и выбиралъ одного въ качествѣ члена Супремы. Въ 1614 г. Филиппъ III потребовалъ, чтобы его духовнику, монаху Аліагѣ, будущему Великому инквизитору, такъ жестоко пострадавшему при Филиппѣ IV, было дано мѣсто въ Супремѣ, при чемъ онъ долженъ былъ считаться старшимъ членомъ Супремы и получать 1.500 дукатовъ вознагражденія въ годъ. Мало того, Филиппъ настаивалъ, чтобы отнынѣ королевскій духовникъ, разъ только онъ доминиканецъ, постоянно состоялъ и членомъ Супремы. Требованіе Филиппа III вызвало недовольство Супремы: соглашаясь на назначеніе Аліаги, она была противъ другихъ пунктовъ королевскаго требованія; въ концѣ-концовъ, она уступила и должна была обѣщать, что одно мѣсто Супремы будетъ принадлежать доминиканцу даже въ томъ случаѣ, если духовникъ короля не будетъ доминиканцемъ. Филиппъ V заставилъ Супрему уступить одно постоянное мѣсто іезуиту; послѣ изгнанія іезуитовъ Карлъ III въ 1778 г. опредѣлилъ, чтобы въ Супремѣ засѣдалъ обязательно одинъ представитель монашескихъ орденовъ.

Въ 1640 г. между Филиппомъ IV и Супремой произошло рѣзкое столкновеніе изъ-за назначенія Антоніо де Арагонъ, второго сына герцога Кардоны, членомъ Супремы. Предвидя сильное сопротивленіе со стороны Супремы этому назначенію, Филиппъ исподтишка все подготовилъ и отдалъ приказъ Антоніо де Арагонъ явиться на засѣданіе Супремы уже въ качествѣ ея члена. Супрема представила протестъ, въ которомъ указывалось, что Великій инквизиторъ не принималъ участія въ этомъ назначеніи, и что Антоніо менѣе 30 лѣтъ, хотя члены Супремы, въ качествѣ инквизиторовъ, должны быть не менѣе 40 лѣтъ отъ роду. Филиппъ отвѣтилъ, что во вниманіе къ способностямъ Антоніо и къ великимъ услугамъ, которыя онъ окажетъ государству, будучи членомъ Супремы, это назначеніе должно состояться даже съ нарушеніемъ формальностей закона. Энергія короля вызвала недовольство Супремы, которую поддерживали инквизиторы и отдѣльные представители духовенства. Дѣло приняло серьезный характеръ, и даже мать Антоніо стала умолять его отказаться отъ этой чести, но король хотѣлъ доказать, что онъ имѣетъ право назначать членовъ Супремы, и Антоніо де Арагонъ принялъ свою новую должность. Въ 1642-43 гг. Филиппъ IV назначилъ, не совѣтуясь ни съ Супремой, ни съ Великимъ инквизиторомъ, четырехъ членовъ Супремы. На этотъ разъ, однако, Инквизиція увидѣла опредѣленную систему въ поведеніи короля и выразила столь рѣзкій протестъ, что 2 іюля 1643 г. Филиппъ издалъ декретъ, въ силу котораго былъ возстановленъ старый обычай представленія королю списка трехъ кандидатовъ. Это означало побѣду Инквизиціи, не менѣе крупную, чѣмъ окончательное торжество принципа сношенія королевской власти съ трибуналами черезъ посредство Супремы.

Фердинандъ, обращаясь къ трибуналамъ, обычно давалъ Супремѣ для подписи свои письма, но онъ не считалъ этого для себя обязательнымъ, такъ что королевскія письма, не снабженныя подписью Супремы или одного ея члена, считались столь же дѣйствительными, какъ и прошедшія черезъ Супрему. Когда Супрема въ 1512 г. потребовала отъ Фердинанда, чтобы онъ обязался сноситься съ трибуналами исключительно черезъ ея посредство даже въ вопросахъ, не касающихся религіи, то Фердинандъ призналъ не заслуживающимъ вниманія подобное требованіе и наотрѣзъ отказался отъ какихъ бы то ни было обѣщаній. Послѣ смерти Фердинанда дѣло приняло другой оборотъ, и уже 27 іюля 1528 г. Супрема отдала приказъ трибуналамъ считаться лишь съ тѣми королевскими распоряженіями, которыя снабжены подписью члена Супремы, такъ какъ сами короли требуютъ повиновенія лишь засвидѣтельствованнымъ письмамъ [1]). Какихъ королей разумѣла здѣсь

[1]) Lea. «History», I, 325—326.

Испанскій король
ФИЛИППЪ IV.

Испанскій король
КАРЛЪ II.

Испанскій король
ФИЛИППЪ V.

Испанскій король
ФЕРДИНАНДЪ VI.

Испанскій король
КАРЛЪ III.

Супрема, сказать трудно, но, опираясь на эту волю «королей», Супрема сдѣлалась вполнѣ автономнымъ учрежденіемъ и 12 мая 1562 г. разослала всѣмъ трибуналамъ carta acordada, въ которой говорилось, что доставляемыя имъ королевскія бумаги, снабженныя подписями свѣтскихъ чиновниковъ или прошедшія черезъ государственный или иной совѣтъ, не должны ими приниматься: трибуналы должны настаивать на подписи Великаго инквизитора или члена Супремы. Значеніе этого постановленія было очень велико, такъ какъ отнынѣ всѣ обращенныя къ королю жалобы кортесовъ на общія или частныя злоупотребленія Инквизиціи или отдѣльныхъ инквизиціонныхъ трибуналовъ могли имѣть практическое значеніе лишь въ томъ случаѣ, если Великій инквизиторъ или Супрема соглашались принять ихъ во вниманіе или поставить ихъ на видъ тому или иному трибуналу. Такъ, въ 1599 г. барселонскіе кортесы обратились къ Филиппу III съ рядомъ ходатайствъ, которыя король обѣщалъ удовлетворить; нѣкоторыя ходатайства касались Инквизиціи: кортесы желали, чтобы число служащихъ при трибуналахъ было уменьшено, чтобы всѣ, помимо инквизиторовъ, были каталонцами и т. п. Великій инквизиторъ оставилъ просьбу Филиппа безъ отвѣта, и король вторично въ 1603 г. отправилъ Великому инквизитору напоминаніе объ удовлетвореніи ходатайства кортесовъ. Великій инквизиторъ долженъ былъ лишь приложить къ королевскому посланію свою подпись, но, не желая вступать съ нимъ въ прямой конфликтъ, онъ отложилъ бумагу въ сторону и не далъ ей дальнѣйшаго движенія. Это былъ, впрочемъ, обычный пріемъ Инквизиціи: obedecer y no cumplir—повиноваться, но не исполнять.

Большое значеніе въ смыслѣ развитія независимости Инквизиціи имѣло то обстоятельство, что послѣ смерти Фердинанда контроль надъ финансовой стороной Инквизиціи перешелъ изъ рукъ короля въ руки Великаго инквизитора или Супремы. Чиновники, завѣдывающіе конфискаціей и сборомъ штрафовъ, стали отвѣтственны предъ Инквизиціей, а не Государствомъ, и въ 1544 г. Супрема, напримѣръ, отдала распоряженіе сдѣлать полный и подробный балансъ всѣхъ инквизиціонныхъ трибуналовъ. Правда, въ теоріи деньги, находившіяся въ распоряженіи трибуналовъ, все еще принадлежали королевской казнѣ, и денежные ордеры писались отъ имени короля, но фактически Инквизиція свободно могла по собственному усмотрѣнію распоряжаться ими. Попытка Государства снова захватить власть надъ деньгами трибуналовъ окончилась неуспѣшно, такъ какъ Инквизиція представляла королю неправильныя свѣдѣнія о поступавшихъ деньгахъ, и въ инструкціяхъ 1561 г. говорилось о необходимости держать короля въ невѣдѣніи относительно доходовъ и расходовъ инквизиціонныхъ трибуналовъ. Графъ Фригиліана на консульта въ 1696 г. заявилъ, что въ свою бытность вице-королемъ Валенсіи онъ всячески домогался получить свѣдѣнія о доходности трибунала, но его старанія не увѣнчались успѣхомъ, и онъ просилъ короля сказать, дана ли Инквизиціи привилегія не представлять королевскимъ чиновникамъ отчетности о доходахъ отдѣльныхъ трибуналовъ. Во время войны за Испанское наслѣдство, когда финансы Супремы сильно пошатнулись, и послѣдняя обратилась за поддержкой къ королю, Филиппъ V удовлетворилъ ея ходатайство, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, установилъ въ 1703 г. болѣе или менѣе тщательный надзоръ надъ финансами Инквизиціи. Надзоръ этотъ въ главныхъ чертахъ, по крайней мѣрѣ теоретически, продержался въ теченіе всего XVIII вѣка, а также позднѣе до конца существованія Инквизиціи.

Инквизиція, согласно даннымъ ей при учрежденіи привилегіямъ, не была отвѣтственна ни предъ какимъ государственнымъ учрежденіемъ и не была подсудна никакому свѣтскому суду. Все, что имѣло какое-либо касательство къ Инквизиціи, могло разсматриваться исключительно инквизиціонными трибуналами, дѣятельность которыхъ, все болѣе и болѣе расширяясь, неизбѣжно приходила въ столкновеніе съ обычными свѣтскими судами. На рѣшеніе инквизиціонныхъ трибуналовъ возможна была апелляція лишь къ Супремѣ или Великому инквизитору, и это дѣлало Инквизицію страшной и совершенно независимой

силой. Правда, при Фердинандѣ и Изабеллѣ, отчасти также при Карлѣ V, недовольные трибуналами обращались за помощью къ королю, но такое обращеніе, во-первыхъ, рѣдко приводило къ существеннымъ результатамъ, а во-вторыхъ, считалось ненормальнымъ явленіемъ, котораго не хотѣлъ одобрять даже самъ Фердинандъ Католикъ. Привилегія безотвѣтственности и безапелляціонности считалась Инквизиціей вѣчной, такъ какъ данная королевской властью привилегія кому-либо, не являющемуся подданнымъ короля — а Инквизиція не была подданнымъ, — не могла быть отнята королемъ ни подъ какимъ предлогомъ. Привилегія эта, по ученію Инквизиціи, не была даже дарована: она явилась результатомъ соглашенія между королемъ и Великимъ инквизиторомъ и связывала одинаково обѣ заключившія договоръ стороны. Вначалѣ предполагалось, что привилегія эта касается лишь духовныхъ дѣлъ, вопросовъ религіи и ереси; но вскорѣ Инквизиція стала толковать ее въ смыслѣ распространенія безотвѣтственности и безапеляціонности постановленій трибуналовъ и на свѣтскія дѣла и присвоила себѣ самыя широкія права во всѣхъ уголовныхъ и гражданскихъ процессахъ, въ которыхъ были замѣшаны представители Инквизиціи въ той или иной степени. Въ началѣ XVII вѣка Великій инквизиторъ Портокареро выступилъ въ защиту слѣдующаго положенія: судебная власть Инквизиція предоставлена ей Богомъ, а не королемъ; послѣдній можетъ отмѣнять всѣ постановленія свѣтскихъ судовъ, такъ какъ они дѣйствуютъ отъ имени короля и имъ облечены властью; рѣшенія же инквизиціонныхъ трибуналовъ, касающіяся даже свѣтскихъ вопросовъ, выходятъ за предѣлы компетенціи короля и подлежатъ контролю лишь со стороны духовной власти, т.-е. Супремы, Великаго инквизитора или папы. 31 марта 1646 г. Супрема представила Филиппу IV докладную записку, въ которой заявлялось, что гражданская и политическая юрисдикція ниже духовной, которая въ видахъ своего сохраненія можетъ предпринимать какіе угодно шаги, при чемъ король ни въ чемъ не можетъ ей перечить. Королевскія прерогативы ведутъ свое происхожденіе отъ человѣческаго закона, Инквизиція же получила свою власть отъ Святого Престола, ея сила божественнаго происхожденія и, какъ таковая, она не можетъ подлежать ограниченіямъ со стороны человѣческихъ законовъ. Если король, подъ предлогомъ того, что онъ глава судебнаго вѣдомства, будетъ нарушать эти принципы, то онъ навлечетъ на себя и на всю страну большія бѣдствія, которыя лягутъ тяжелымъ бременемъ на его совѣсть [1]). Чрезмѣрныя претензіи Инквизиціи встрѣчали иногда отпоръ отъ короля, не всегда, однако, приводившій къ какимъ-либо результатамъ. 15 октября 1633 г. Филиппъ IV отправилъ Супремѣ декретъ, въ которомъ горько жаловался на то, что Государству наносится страшный ударъ оставленіемъ трибуналами безъ вниманія королевскихъ распоряженій. Какъ король, которому свыше дана миссія стоять на стражѣ интересовъ Государства, онъ не можетъ долѣе переносить безропотно подобное извращеніе государственныхъ понятій и проситъ Супрему выработать схему наказаній для тѣхъ, которые повинны въ неповиновеніи королевскому слову.

Декретъ Филиппа былъ слишкомъ наивенъ, чтобы отъ него можно было ждать какихъ-либо улучшеній: король обращался къ Супремѣ, виновницѣ всѣхъ золъ, за выработкой наказаній, которыя должны были постигать либо ее самое, либо ея подчиненныхъ — членовъ инквизиціонныхъ трибуналовъ. Неудивительно, что Супрема отвѣтила королю будто при всемъ стараніи она не находитъ въ дѣйствіяхъ Инквизиціи какого-либо нарушенія интересовъ монархіи, такъ какъ и Инквизиція, подобно королю, печется о благосостояніи Государства. Что же касается того, будто королевскія распоряженія остаются безъ вниманія, то вѣдь это можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если короли плохо освѣдомлены о положеніи дѣлъ и отдаютъ приказанія, противорѣчащія справедливости

[1]) Записка эта или консульта приведена въ сокращенномъ видѣ въ «History of the Inquisition of Spain» Ли (Документы, XV), I, 614—616.

и правдѣ, и на обязанности инквизиторовъ ждать того времени, когда короли будутъ правильно освѣдомлены и отмѣнятъ легкомысленно изданныя распоряженія. Вотъ почему Супрема проситъ короля впредь совѣщаться съ нею наканунѣ опубликованія закона для того, чтобы онъ не могъ противорѣчить истиннымъ требованіямъ справедливости и права. Филиппъ долженъ былъ склониться передъ твердой волей Инквизиціи и лишь въ XVIII вѣкѣ, со вступленіемъ Бурбонской династіи на испанскій тронъ, власть короля получила надлежащую силу, и былъ положенъ конецъ смѣлой теоріи о преимуществѣ инквизиціонной юрисдикціи надъ королевской и о запрещеніи королю вмѣшиваться въ отправленіе правосудія Инквизиціей, являющейся будто даже въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ представительницей божественнаго права. Насколько Инквизиція считала себя независимой и охраняла свою самостоятельность, видно изъ слѣдующаго факта. Въ Валенсіи изъ гигіеническихъ соображеній долженъ былъ быть снесенъ рядъ построекъ, выходившихъ фасадомъ на городскую площадь. Наиболѣе гнилой домъ принадлежалъ инквизиціонному трибуналу, который, ссылаясь на привилегіи Инквизиціи, отказывался исполнить распоряженіе полиціи. На помощь послѣдней пришелъ генералъ-губернаторъ и въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ между трибуналомъ и высшимъ представителемъ королевской администраціи происходилъ споръ изъ-за полицейской мѣры. Въ 1783 г. Карлъ III издалъ спеціальный законъ, въ силу котораго привилегія Инквизиціи, освобождающая ее отъ подчиненія свѣтскимъ законамъ, не должна была болѣе распространяться на полицейскія правила о гигіенѣ, и въ виду этого трибуналъ Валенсіи далъ въ 1791 г. согласіе на снесеніе своей постройки. Очевидно, Супрема была недовольна уступчивостью трибунала, который считалъ нужнымъ оправдываться предъ ней, заявивъ, что послѣ закона 1783 г. онъ не чувствовалъ больше себя въ силахъ сопротивляться.

Не только члены инквизиціонныхъ трибуналовъ, но даже простые слуги ихъ пользовались разнообразными привилегіями, между прочимъ, и личной неприкосновенностью. Около 1540 г. мурсійскій корегидоръ обидѣлъ прислугу курьера трибунала; онъ былъ за это приговоренъ къ слушанію въ церкви мессы въ качествѣ кающагося грѣшника [1]). Въ 1564 г. докторъ Сурита собиралъ обвинительный матеріалъ противъ Михаила Бонета, побившаго лакея, хозяинъ котораго занималъ какой-то постъ при Инквизиціи. Бонетъ долженъ былъ предстать предъ барселонскимъ трибуналомъ, и Инквизиція считала это дѣло достаточно серьезнымъ, чтобы не остановиться предъ инсценировкой суда надъ Бонетомъ. Въ Мурсіи служащій инквизитора поссорился съ мясникомъ Себастіаномъ Гальего; ссора перешла въ драку, и полиція арестовала обоихъ. Трибуналъ потребовалъ выдачи виновныхъ, подлежащихъ суду Инквизиціи, и Гальего былъ изгнанъ изъ Мурсіи. Въ 1568 г. за ссору съ служащимъ при членѣ трибунала Сапата и Ургель были задержаны, оштрафованы на нѣсколько десятковъ дукатовъ и изгнаны изъ Барселоны на 6 и 3 мѣсяца. Если такъ страдали лица, обижавшія прислугу или рабовъ, принадлежавшихъ членамъ трибуналовъ, то легко понять, какія кары постигали тѣхъ, которые имѣли какое-либо столкновеніе съ инквизиторами или членами трибунала. Приведемъ характерный эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ 1569 г. Іезуиты собирались устроить въ церкви спектакль, и на генеральную репетицію были приглашены высшіе чиновники и знать города. Въ числѣ приглашенныхъ былъ и инквизиторъ Бисера, который, прійдя въ церковь, нашелъ дверь ея запертой; онъ постучалъ въ дверь, не сказавъ, однако, кто онъ такой, и не былъ допущенъ на представленіе. Когда іезуиты узнали объ этомъ, то поспѣшили къ Бисерѣ извиняться: продержавъ ректора и старѣйшихъ іезуитовъ въ передней нѣсколько часовъ, инквизиторъ, въ концѣ концовъ, отказался ихъ принять, и когда черезъ нѣсколько дней долженъ былъ состояться спектакль, то до начала его, когда собралась масса народу, по-

---

[1]) Lea, «History», I, 369.

явился курьеръ Бисеры и подъ страхомъ отлученія отъ Церкви потребовалъ предъявленія пьесы Бисерѣ для цензуры. Спектакль не могъ состояться; черезъ 2—3 дня пьеса была возвращена, такъ какъ цензура не нашла въ ней ничего предосудительнаго, и тѣ немногія замѣчанія, которыя она сдѣлала, свидѣтельствовали не столько о строгости цензурныхъ правилъ Бисеры, сколько о его желаніи отомстить іезуитамъ, вся вина которыхъ заключалась въ томъ, что церковный сторожъ по ошибкѣ не впустилъ на театральное представленіе инквизитора Бисеры. Невинному оскорбленію соотвѣтствовала въ данномъ случаѣ и невинная месть, но иногда мнимое оскорбленіе Инквизиціи оканчивалось очень печально для виновниковъ этого оскорбленія, при чемъ наиболѣе частыя столкновенія Инквизиція имѣла съ представителями свѣтскихъ судовъ, дѣйствія которыхъ она нерѣдко объясняла желаніемъ умалить ея собственное достоинство или съузить сферу ея компетенціи. Свѣтскіе суды въ виду этого, по правильному замѣчанію Льоренте [1]), часто воздерживались отъ преслѣдованія преступниковъ, увеличивая косвеннымъ образомъ за счетъ Инквизиціи число безнаказанныхъ преступленій.

Инквизиція никогда не прощала нанесеннаго ей оскорбленія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ случай съ францисканцемъ Ортисомъ. Франсиско Ортисъ былъ выдающимся проповѣдникомъ, извѣстнымъ францисканцемъ. Въ 1523 г. онъ познакомился съ Франсиской Эрнандесъ, главой мистической группы, ведшей свое начало отъ Изабеллы де ла Крусъ. Ортисъ сталъ увлекаться Франсиской и вскорѣ сдѣлался ея горячимъ послѣдователемъ и поклонникомъ. Такъ какъ францисканскій орденъ не хотѣлъ лишиться такого члена, какимъ былъ Ортисъ, то онъ обратился къ Инквизиціи съ просьбой арестовать Франсиску Эрнандесъ, чтобы положить конецъ увлеченію Ортиса Франсиской. Ортисъ понялъ маневръ Инквизиціи и 7 апрѣля 1529 г. выступилъ съ рѣзкой рѣчью противъ ареста Эрнандесъ. Инквизиція заключила тогда въ тюрьму Ортиса и держала его въ заточеніи, несмотря на то, что императрица Изабелла дважды просила объ освобожденіи его. Мало того, 1 іюля 1531 г. папа Климентъ VII обратился къ кардиналу Манрике съ письмомъ, въ которомъ выразилъ желаніе видѣть Ортиса на свободѣ, если дѣйствительно вся вина его заключается въ томъ, что онъ рѣзко отозвался объ Инквизиціи въ связи съ арестомъ Франсиски Эрнандесъ. Лишь въ 1532 г., когда Ортисъ согласился покаяться и сознать свою ошибку, Инквизиція вынесла ему приговоръ: онъ былъ подвергнутъ abjuratio de vehementi, двухлѣтнему заточенію въ монастырѣ, удаленію со службы на пять лѣтъ и не имѣлъ права встрѣчатся съ Фр. Эрнандесъ [2]).

Особенно сильно Инквизиція преслѣдовала чиновниковъ, не оказывавшихъ ей должной помощи: въ этомъ случаѣ она опиралась на королевскія граматы, требовавшія отъ всѣхъ чиновниковъ безусловнаго повиновенія приказамъ Инквизиціи. Ряду униженій были подвергнуты ею за нарушеніе этихъ граматъ вице-король Валенсіи въ 1488 г., вице-король Сардиніи въ 1498 г., губернаторъ Бенанкасара и кордовскій судья въ 1500 г., кордовскій корегидоръ въ 1503 г., маркизъ Пріэго и графъ Кабра въ 1506 г., корегидоръ Логроньо въ 1516 г., майоркскій королевскій намѣстникъ въ 1531 г., вице-короли Сициліи и Каталоніи въ 40-хъ годахъ XVI столѣтія, главный алкадъ Арнедо въ 1553 г., гражданскій губернаторъ Барселоны въ 1569 г., арагонскіе депутаты въ 1571 г. и т. д. Обычно Инквизиція прибѣгала къ духовной карѣ, но если это не помогало, то слѣдовало отлученіе отъ Церкви, а затѣмъ и заключеніе въ тюрьму. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ инквизиторы платились за свою смѣлость. Во время похоронъ Филиппа II въ 1598 г. была устроена въ Севильѣ процессія въ главную церковь; во главѣ процессіи шли члены высшаго коро-

[1]) «Histoire critique», t. II, 491.

[2]) Lea, «History», IV, 11—12; Ed. Böhmer. «Franzisca Hernandez und Franzisco Ortis», Лейпцигъ, 1865.

левскаго суда; инквизиторы нашли это обиднымъ для себя и требовали для себя перваго мѣста. Судьи отказывались уступить и въ церкви тутъ же они были инквизиторами отлучены. Прокуроръ протестовалъ противъ этого и дважды просилъ инквизиторовъ снять съ судей отлученіе, но инквизиторы стояли на своемъ. Въ дѣло вмѣшался Филиппъ III: онъ приказалъ снять анаѳему и призвалъ инквизиторовъ въ Мадридъ, который сдѣлался для нихъ своего рода мѣстомъ ссылки. 22 декабря король издалъ приказъ, въ силу котораго инквизиторы могли требовать для себя наиболѣе почетнаго мѣста лишь въ процессіяхъ на ауто-да-фе. Въ 1622 г. городъ Лорка, входящій въ округъ Мурсіи, назначилъ служащаго инквизиціоннаго трибунала на постъ мелкаго таможеннаго чиновника противъ его воли; инквизиторы вступились за него, отлучили отъ Церкви судью Лорки и постановили арестовать его, потребовавъ отъ мурсійскаго корегидора Тореса приведенія въ исполненіе этого рѣшенія. Торесъ отказался отъ повиновенія. Инквизиторы отлучили отъ Церкви не только его, но и весь городъ, такъ что въ Мурсіи нельзя было болѣе совершать богослуженія. Возмущенные и огорченные жители Мурсіи обратились за помощью къ епископу Трехо, который немедленно вступился за нихъ и заявилъ инквизиторамъ, что они безъ вѣдома епископа не имѣютъ права налагать интердиктъ на городъ. Инквизиторы отвергли жалобу Трехо, и онъ публично выступилъ съ заявленіемъ, что мурсійцы не должны подчиняться интердикту, и что cessatio a divinis не примѣнима къ Мурсіи. Когда Великій инквизиторъ Пачеко узналъ объ этомъ протестѣ Трехо, то осудилъ его и приказалъ читать во всѣхъ церквахъ осужденіе дѣйствій епископа, на котораго наложилъ штрафъ въ размѣрѣ 8.000 дукатовъ. Мало того, Трехо въ теченіе 20 дней, подъ страхомъ новаго штрафа, долженъ былъ явиться въ Мадридъ, чтобы оправдать свое поведеніе. Видя, какой оборотъ приняло дѣло, Трехо обратился за помощью къ капитулу, который отправилъ въ Мадридъ делегацію съ цѣлью защиты епископа. Великій инквизиторъ отказался принять депутацію и отлучилъ ее отъ Церкви. Между тѣмъ, мурсійскіе инквизиторы арестовали священника, отказавшагося подчиниться интердикту на томъ основаніи, что епископъ ничего ему не говорилъ о немъ, и въ Мурсіи стали сильно волноваться по этому поводу. Потребовалось вмѣшательство короля, который взялъ подъ свою защиту епископа Трехо и мирно разрѣшилъ этотъ инцидентъ. — Въ 1630 г. вальядолидскій епископъ собирался устроить по какому-то поводу особенно торжественное богослуженіе въ главной церкви, и каноникъ Миланъ съ пѣвчимъ Нигно занялись убранствомъ церкви къ этому дню. Инквизиція Вальядолида рѣшила въ этотъ же день провозгласить вѣроисповѣдный эдиктъ и не допустить торжественной мессы. Миланъ и Нигно стали сопротивляться мѣрамъ служителей Инквизиціи и изъ церкви были отведены въ инквизиціонную тюрьму. Духовенство Вальядолида возмутилось дерзостью служителей Инквизиціи, и совѣтъ Кастиліи вступился за епископа, тѣмъ болѣе, что онъ занималъ одновременно и постъ предсѣдателя королевской канцеляріи. Въ поданной королю жалобѣ совѣтъ энергично протестовалъ противъ «безнаказанности, которою пользуются злоупотребленія властью, которыя позволяетъ себѣ Инквизиція». Жалоба эта произвела на Филиппа IV сильное впечатлѣніе, и Инквизиція вынуждена была согласиться на такъ называемую Конкордію Сапаты, въ силу которой было ограничено право инквизиторовъ отлучать отъ Церкви неугодныхъ имъ людей. Конкордія эта оставалась лишь на бумагѣ, и въ 1634 г. кастильскій совѣтъ снова горько жалуется на дѣйствія Инквизиціи. «Многія злоупотребленія,—говорится въ жалобѣ,—исчезли бы, если бы ваше величество соизволило запретить Инквизиціи путемъ отлученія пользоваться властью, предоставленной лишь королевской юрисдикціи... Мы просимъ держать инквизиторовъ въ предѣлахъ дѣйствительно данной имъ власти; это принесетъ громадную пользу и положитъ конецъ тому нестерпимому состоянію, въ которомъ находятся подданные вашего величества. Они перестанутъ тогда бояться отлученія, которое лишаетъ ихъ энергіи въ дѣлѣ защиты интересовъ короны и которое нерѣдко продолжаетъ

лежать на нихъ даже послѣ того, какъ ваше величество формально приказываетъ снять его» [1]). Въ 1639 г. инквизиторы Льерены отлучили отъ Церкви кастильскаго совѣтника Антонія Вальдеса, отправленнаго въ Эстремадуру для сбора спеціальнаго налога; онъ слегка обложилъ и трибуналъ, и инквизиторы съ нимъ за это расправились. Потребовалось снова вмѣшательство короля, чтобы напомнить Инквизиціи о подчиненіи Конкордіи и о снятіи отлученія, сдѣланнаго вопреки частымъ разъясненіямъ короля.

Вмѣшательство Инквизиціи въ отправленіе свѣтскаго и духовнаго правосудія основывалось на особой привилегіи, предоставленной впервые въ 1507 г. Великимъ инквизиторамъ Хименесу и Энгерѣ: они могли въ любой моментъ пріостановить процессъ и вытребовать къ себѣ дѣлопроизводство. Привилегія эта была подтверждена въ 1513 г., затѣмъ она исчезла изъ даваемыхъ Великому инквизитору инструкцій при назначеніи его на этотъ постъ, но съ 1595 г. она снова стала возобновляться и каждый разъ подтверждалась папой. Обжаловать дѣйствіе инквизиціоннаго трибунала, пріостанавливающаго теченіе судебнаго процесса, можно было только Супремѣ, которая, такимъ образомъ, явно ставилась выше всѣхъ другихъ апелляціонныхъ судовъ. Впрочемъ, король являлся послѣдней инстанціей и въ этомъ случаѣ, и практика установила особый обычай, въ силу котораго всѣ спорные вопросы между инквизиціонными и прочими трибуналами переходили въ особую комиссію, такъ называемую competencia,—сложный судебный аппаратъ, дававшій Инквизиціи возможность безконечно затягивать поступавшія на нее жалобы. Рѣшенія competencia могли быть обжалованы королю.

Инквизиторы всѣми мѣрами избѣгали competencia; если же имъ приходилось обращаться къ ней, то пользовались случаемъ, чтобы унизить королевскихъ судей и дать имъ почувствовать свое превосходство. Самое постановленіе о competencia дѣлалось Инквизиціей въ вызывающемъ тонѣ. Обыкновенно издавался сначала приказъ судьѣ воздержаться отъ всякихъ дѣйствій и въ 24 часа передать дѣло инквизиціонному суду. При этомъ прибавлялось, что заключенный, если виновный былъ взятъ подъ стражу, долженъ быть отданъ на поруки, а его имущество, если оно было секвестровано, освобождено отъ ареста. Если судья считалъ нужнымъ сдѣлать возраженія по поводу полученнаго имъ приказа, то ему, подъ страхомъ отлученія и штрафа, предписывалось лично предстать передъ инквизиціоннымъ судомъ. Если судья предлагалъ тогда competencia, ему посылалось новое распоряженіе, подтверждавшее предыдущія и категорически требовавшее воздержанія отъ всякихъ процессуальныхъ дѣйствій и доставленія всѣхъ бумагъ инквизиціонному суду. Все это излагалось въ самомъ повелительномъ тонѣ, приличествующемъ только начальнику въ отношеніи къ своему подчиненному. Надо при этомъ замѣтить, что во всякой стадіи разбирательства инквизиторы пользовались своимъ правомъ налагать на непокорныхъ судей отлученіе, подвергать ихъ анаѳемѣ и вообще примѣнять противъ нихъ церковныя мѣры воздѣйствія.

Инквизиторы имѣли еще одну возможность парализовать желаніе противодѣйствовать ихъ посягательствамъ. Если оскорбленіемъ достоинства судей они не могли добиться желательнаго имъ результата, они были въ состояніи утомить безконечными преюдиціальными вопросами, которые отодвигали совершенно на задній планъ вопросъ, дѣйствительно подлежавшій разрѣшенію. Это надменное поведеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока Карлъ III закономъ 1775 г. не указалъ на то, что судебная власть, отправляемая Инквизиціей, является по существу властью того же порядка, что и власть королевскаго суда. Этимъ закономъ устанавливалось безусловное равенство инквизиціонныхъ и королевскихъ судовъ. Онъ запрещалъ инквизиціоннымъ судамъ, въ силу высказаннаго имъ принципа, отлучать отъ Церкви непокорныхъ Инквизиціи королевскихъ судей и налагать на нихъ штрафы.

---

[1]) Llorente, «Histoire», II, 513—514.

Инквизиціоннымъ судамъ было, однако, трудно отказаться отъ поведенія, льстившаго ихъ самолюбію. Въ 1783 г. понадобился новый указъ, подкрѣпившій силу перваго.

Одно обстоятельство особенно препятствовало соглашенію между инквизиціонными и королевскими судами. Инквизиторы часто отказывались допустить competencia на томъ основаніи, что ихъ права были достаточно ясны, чтобы не подлежать спору и разбирательству. Они, напримѣръ, утверждали, что ихъ представители, какъ должностные, такъ и наемные, вмѣстѣ съ ихъ семействами и слугами, по самому своему положенію не могутъ подлежать свѣтской судебной власти; это они считали настолько очевиднымъ, что споры по этому поводу казались имъ недопустимыми. Напрасно Филиппъ III противился этому указомъ 1615 г. Такимъ же безполезнымъ оказался и указъ, изданный Филиппомъ IV въ 1630 г., подъ страхомъ наказанія въ 500 дукатовъ требовавшій участія инквизиторовъ въ спорѣ, какимъ бы яснымъ вопросъ имъ ни казался. Но Супрема прекрасно понимала, что у короля не хватитъ мужества дѣйствительно взыскать наложенный штрафъ, и поэтому указъ настолько мало возымѣлъ силы, что, отчаявшись въ возможности успѣха въ борьбѣ, Филиппъ рѣшеніями 1645 и 1658 гг. уступилъ притязаніямъ инквизиторовъ и призналъ, что competencia не допускается, когда дѣло касается должностныхъ и наемныхъ представителей Инквизиціи. Но тотъ же Филиппъ уже въ 1664 г. былъ вынужденъ поведеніемъ инквизиторовъ къ дѣйствіямъ, противнымъ его же указамъ. На принципіальную почву вопросъ былъ поставленъ, однако, только въ 1679 г., когда для борьбы съ злоупотребленіями, выражавшимися въ отказѣ признавать competencia, была составлена хунта изъ Супремы, Государственнаго совѣта и нѣсколькихъ теологовъ. Она допустила, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, competencia не можетъ имѣть мѣста въ отношеніи наемныхъ лицъ Инквизиціи, но въ то же время установила право Государственнаго совѣта, въ случаѣ отказа Супремы признать competencia, апеллировать къ королю для назначенія хунты и разрѣшенія этого второго вопроса. Супремѣ давалось ограниченное время для представленія объясненій своего отказа, обвиняемый же освобождался на поруки. Это постановленіе уничтожило нѣкоторыя тренія; Супрема пыталась, правда, отказаться отъ участія въ хунтахъ съ королевскими совѣтниками, но указъ Карла II положилъ этому конецъ.

Но дурныя стороны установившейся системы были слишкомъ очевидны. Въ лучшемъ случаѣ ее можно было признать только грубымъ компромиссомъ. Врядъ ли, однако, возможно было измыслить способъ примиренія такихъ соперниковъ, какъ инквизиціонные и королевскіе суды. Самымъ большимъ бѣдствіемъ была медлительность судопроизводства. Обѣ стороны упорствовали на общихъ засѣданіяхъ, такъ какъ, будучи соперниками, не желали выслушивать взаимныхъ доводовъ. Виновные умирали бы въ тюрьмахъ, не дождавшись суда, если бы упомянутымъ указомъ 1679 г. не освобождались на поруки при передачѣ дѣла competencia. По свидѣтельству Флоридабланки, только съ установленіемъ Junta de Estado при Карлѣ III удалось до нѣкоторой степени ускорить разсмотрѣніе дѣлъ при competencia.

Такъ какъ частое вмѣшательство трибуналовъ въ уголовные и гражданскіе процессы увеличивало авторитетъ Инквизиціи и дѣлало послѣднюю болѣе могущественнымъ и вліятельнымъ органомъ общественной жизни, то легко понять, что Инквизиція подчасъ безъ всякаго основанія требовала предоставить ей участіе въ томъ или иномъ процессѣ. Вскорѣ посторонніе дѣла настолько стали отвлекать вниманіе Инквизиціи, что послышались жалобы на ея бездѣйствіе въ области преслѣдованія ереси. Ревизоръ Сервантесъ, контролируя барселонскій трибуналъ, писалъ Супремѣ, что все вниманіе трибунала сосредоточено на свѣтскихъ дѣлахъ, и что онъ совершенно не занимается своимъ дѣломъ. Въ 1567 г. Франсиско Сото Саласаръ жалуется на то же явленіе.

Въ барселонскомъ муниципальномъ архивѣ (fol. 153 diversorum privilegiorum et aliarum rerum memorabilium civitatis Barcinonae) сохранился данный Сото Саласару приказъ о

производствѣ ревизіи, а также указанія каталонскимъ инквизиторамъ, какъ слѣдуетъ поставить дѣло Инквизиціи. Въ этомъ документѣ мы читаемъ: «Вы хорошо знаете, какъ по нашему порученію и согласно съ королевскимъ совѣтомъ Генеральной Инквизиціи я испросилъ мнѣнія его величества, и лиценціатъ Франсиско Сото Саласаръ, членъ вышеназваннаго Совѣта, отправился разслѣдовать дѣла этой Инквизиціи. Сіе было сдѣлано въ виду того, что на собраніи кортесовъ въ Монсонѣ было выражено недовольство и принесены жалобы со стороны всѣхъ трехъ сословій этого княжества на Святую Инквизицію и ея служащихъ, при чемъ было сказано, что въ отношеніи гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, не касающихся ереси, были допущены нѣкоторыя злоупотребленія въ пользу служащихъ Инквизиціи; эти послѣдніе были переданы во власть посланнаго лица, чтобы по пріѣздѣ туда онъ разузналъ всю правду, разобралъ всѣ жалобы и обсудилъ, въ случаѣ надобности, все необходимое съ замѣстителемъ его величества и другими королевскими чиновниками и судьями. Вмѣстѣ съ королевскимъ совѣтомъ Генеральной Инквизиціи мы рѣшили, чтобы по дѣлу Инквизиціи въ княжествѣ Каталонскомъ и въ прилежащемъ округѣ были введены и соблюдались слѣдующіе декреты и постановленія: во-первыхъ, чтобы въ Барселонѣ инквизиторы собрали всѣхъ служащихъ Инквизиціи сего города и округа и назначили изъ ихъ числа сто пятьдесятъ человѣкъ, а именно: отъ города Барселоны и прочихъ городовъ съ населеніемъ не менѣе 1000 человѣкъ по восемь человѣкъ представителей, отъ городовъ съ населеніемъ отъ 200 до 400 человѣкъ—по четыре представителя, а отъ городовъ съ населеніемъ менѣе 200 человѣкъ по одному или два представителя, исключая приморскіе и пограничные города, гдѣ могутъ быть назначены по два лишнихъ представителя противъ полагающагося числа. Прежде, чѣмъ вручать имъ полномочія, слѣдуетъ навести справки письменно относительно нравственности этихъ служащихъ Инквизиціи, ихъ женъ и близкихъ и узнать, спокойные ли они, мирные ли, простые ли и не властные ли они люди, монахи ли или священники, не убійцы ли, не преступники ли и не были ли они подъ судомъ. И жители Барселоны не должны быть подъ надзоромъ служащихъ Инквизиціи родомъ изъ другихъ городовъ, а если таковые проживаютъ въ Барселонѣ, то должны покинуть ее немедленно. Слѣдуетъ также, чтобы въ дѣлахъ, не касающихся вѣры, и въ дѣлахъ, касающихся по закону и обычаю правъ Церкви, инквизиторы не назначали служащими Инквизиціи преступниковъ и прочихъ недостойныхъ людей, которые будутъ предлагать свои услуги. Далѣе, чтобы внѣ города Барселоны свѣтскія власти вѣдали всѣ гражданскія дѣла служащихъ Инквизиціи на сумму до 12 фунтовъ. Далѣе, чтобы въ случаѣ причастности служащихъ Инквизиціи къ какимъ-либо кражамъ или преступленіямъ относительно вѣса и мѣръ, они были подсудны свѣтскимъ судьямъ, но не инквизиторамъ. Далѣе, чтобы въ городѣ Барселонѣ никто изъ членовъ совѣта или служащихъ не пользовался особыми привилегіями и чтобы вышеназванные инквизиторы относились впредь съ большимъ уваженіемъ и предупредительностью къ королевскимъ алгуасиламъ и не арестовывали ихъ иначе, какъ въ случаѣ очень тяжелыхъ преступленій, особенно по отношенію къ Святой Инквизиціи. Далѣе, чтобы впредь инквизиторы не касались вовсе брачныхъ дѣлъ даже среди служащихъ Инквизиціи и чтобы, за исключеніемъ преступленій въ ереси, инквизиторы не препятствовали королевскимъ судьямъ въ исполненіи ихъ обязанностей, при чемъ инквизиторы должны засвидѣтельствовать, что совершенныя подсудимыми преступленія не принадлежатъ къ числу преступленій въ ереси, а затѣмъ предоставить свѣтскимъ судьямъ свободно совершать правосудіе. Далѣе, чтобы въ случаяхъ, гдѣ совершенное преступленіе не есть преступленіе въ ереси, инквизиторы не предавали преступниковъ ауто-да-фе. И чтобы инквизиторы не защищали въ вышеназванномъ округѣ и не давали убѣжища служащимъ Инквизиціи, которые будутъ собирать зерно, пшеницу, кормъ для скота и прочіе запасы вопреки постановленіямъ вышеназваннаго княжества, и особенно, чтобы во время чумы не давали убѣжища вышеназваннымъ служащимъ Инквизи-

ціи во избѣжаніе распространенія заразы и позаботились о томъ, чтобы платье и прочее добро этихъ служащихъ были извѣстны всѣмъ. Далѣе инквизиторы должны быть осторожны и внушать это своимъ подчиненнымъ, чтобы не издавалось никакихъ эдиктовъ съ осужденіемъ за ограбленіе, долги и прочія преступленія противъ членовъ совѣта и служащихъ Св. Инквизиціи, а только за преступленія въ ереси. Запрещается инквизиторамъ помѣщать людей, арестованныхъ за преступленія въ ереси, въ тайныя тюремныя камеры, а непремѣнно въ общественныя тюрьмы, гдѣ они могли бы обсуждать свои дѣла съ защитниками. Далѣе, если какой-нибудь торговецъ или другое лицо окажется некредитоспособнымъ, то инквизиторы не должны вмѣшиваться и разбирать причины этого, а предоставить это дѣло свѣтскимъ судьямъ. Инквизиторы не должны преслѣдовать судомъ пріоровъ коллегій королевскихъ нотаріусовъ въ вышеназванномъ княжествѣ, когда эти пріоры привлекутъ къ суду какого-нибудь нотаріуса, служащаго дѣлу Св. Инквизиціи, въ силу нѣкоторыхъ правъ этихъ коллегій, и не должны освобождать ихъ отъ уплаты налоговъ, которые уплачиваются прочими жителями городовъ и мѣстечекъ, гдѣ живутъ служащіе Инквизиціи. Далѣе инквизиторы не должны защищать или давать убѣжища служащимъ Инквизиціи, такъ какъ въ этомъ случаѣ не будетъ мѣста другимъ лицамъ, которымъ полагается по установленію, дѣйствующему въ Каталонскомъ княжествѣ, получать квартиру у инквизиторовъ. Служащіе Инквизиціи въ Барселонѣ и въ округѣ не должны арестовывать никого и не совершать иныхъ актовъ правосудія безъ особаго приказа инквизиторовъ. Далѣе инквизиторы впредь не должны обвинять служащихъ Св. Инквизиціи въ преступленіяхъ, совершенныхъ ими до поступленія на эту службу. Во избѣжаніе всякихъ споровъ и разногласій между инквизиторами съ одной стороны и замѣстителемъ его величества, судьями совѣта, членами королевскаго суда и прочими свѣтскими учрежденіями и лицами съ другой стороны относительно гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, касающихся служащихъ Инквизиціи, но не причастныхъ къ ереси, мы повелѣваемъ, въ случаѣ подобнаго разногласія, чтобы предсѣдатель королевскаго суда въ княжествѣ Каталонія обсудилъ вопросъ со старшимъ инквизиторомъ и постарался прійти съ нимъ къ соглашенію; а если соглашеніе не состоится, то вопросъ долженъ быть перенесенъ въ Главный совѣтъ Инквизиціи и къ предсѣдателю совѣта Арагонскаго. Тогда его величество прикажетъ сдѣлать распоряженіе, чтобы это разногласіе было разсмотрѣно competencia, и чтобы стороны были приведены къ соглашенію. Посему повелѣваемъ вамъ, инквизиторамъ, чтобы вы прочитали вышеизложенныя постановленія и декреты и соблюдали ихъ впредь. Дано въ городѣ Мадридѣ 10-го іюля 1568 г. Великій инквизиторъ Спиноса. Контрасигновано Главнымъ совѣтомъ Инквизиціи. Для исполненія нашей воли, изложенной въ данной граматѣ, мы просимъ, напоминаемъ и повелѣваемъ подъ страхомъ нашего гнѣва или штрафа въ 1000 флориновъ Арагонскаго золота въ пользу королевской казны, чтобы сія грамата была приведена въ исполненіе и соблюдалась во всемъ.

Дано въ Мадридѣ 17 іюля 1568 года.

Я, король.

Въ 1623 г. въ Супрему былъ внесенъ проектъ реорганизаціи Инквизиціи въ томъ смыслѣ, чтобы разъ въ четыре мѣсяца во всѣ трибуналы посылались спеціальные ревизоры, на обязанности которыхъ лежала бы забота о томъ, чтобы дѣла арестованныхъ еретиковъ не откладывались слишкомъ долго и разсматривались въ опредѣленный срокъ. Однако, всѣ старанія Супремы ни къ чему не привели, и инквизиціонные трибуналы упорно посвящали главное свое вниманіе постороннимъ дѣламъ. Мадридскіе кортесы 1607 г. указывали, что всѣ жалобы предыдущихъ кортесовъ остались безъ всякаго результата, несмотря на то, что короли неоднократно обѣщали принять мѣры противъ чрезмѣрнаго вмѣшательства Инквизиціи въ свѣтскіе суды; особенно тяжело отражается на

судьбѣ содержащихся въ инквизиціонныхъ тюрьмахъ преступниковъ то обстоятельство, что народъ не дѣлаетъ различія между ними и еретиками и считаетъ ихъ, а также ихъ потомство лишенными извѣстныхъ гражданскихъ правъ, такъ что съ ними никто не желаетъ вступать въ бракъ. Хотя Филиппъ III далъ торжественное слово покончить съ этимъ зломъ, кортесы 1611 г. снова повторяютъ свои старыя жалобы на Инквизицію. Совѣтъ Кастиліи въ 1631 г. съ печалью констатируетъ, что на корегидоровъ и другихъ судейскихъ чиновниковъ попрежнему сыплются отлученія со стороны Инквизиціи, и что перенось дѣла въ competencia разоряетъ жалобщика и представляетъ страшную волокиту. Совѣтъ проситъ, чтобы въ виду этого было дано право апелляціи por via de fuerza; просьба эта была повторена въ 1634, 1669 и 1682 гг.

Характерна жалоба, поданная королю въ 1648 г. однимъ изъ членовъ кастильскаго совѣта. Въ ней говорится, что жалобщикъ уже не разъ въ устной и письменной формѣ обращался къ королю съ указаніемъ на злоупотребленіе Инквизиціи правомъ рѣшать дѣла, не имѣющія отношенія къ ереси; если свѣтскій судъ иногда и протестуетъ противъ этого, то дѣло, какъ извѣстно, переходитъ въ competencia, которая фактически означаетъ побѣду инквизиціонныхъ трибуналовъ, умѣющихъ до безконечности затягивать неугодныя имъ рѣшенія. Почти всегда трибуналы, беря подъ свою защиту нѣкоторыхъ преступниковъ, гарантируютъ имъ безнаказанность, что увеличиваетъ число преступленій. Сдѣлалось обычнымъ явленіемъ, что люди, не имѣющіе отношенія къ Инквизиціи, формально числятся служителями ея для того, чтобы быть подсудны лишь ей одной; къ этому стремятся и наиболѣе опасные элементы общества, и наиболѣе богатые люди: за безнаказанность либо платятъ громадныя деньги, либо предлагаютъ свои услуги для совершенія самыхъ отвратительныхъ злодѣяній. Пріемъ служителей сдѣлался для Инквизиціи прибыльной статьей; въ связи съ этимъ падаютъ доходы государства и вводятся запрещенныя вещи, при чемъ корегидоръ или алкадъ не имѣютъ возможности протестовать, опасаясь отлученія отъ Церкви или интердикта на цѣлый городъ. Въ странѣ нѣтъ собственно болѣе суда, и самоуправство, слѣпая месть и кулачное право замѣняютъ правосудіе: никто не ждетъ ниоткуда защиты, и всякій надѣется лишь на собственныя силы. Нѣтъ алгуасила, рѣшающаго арестовать преступника; нѣтъ писца, готоваго составить протоколъ; многіе уже пали жертвой своего судебнаго долга; убить алгуасила представляется теперь пустякомъ; на чиновника нынѣ смотрятъ какъ на врага во время войны. Если бы король возстановилъ свѣтскій судъ въ его правахъ и положилъ бы конецъ праву отлученія отъ Церкви, благодаря которому Инквизиція держитъ въ своихъ рукахъ все правосудіе и покрываетъ амнистіей самыя скверныя преступленія, то наступилъ бы миръ въ странѣ, и восторжествовало бы правосудіе, безъ кототораго ни одно христіанское общество не можетъ существовать. Король и государственные совѣты не теряли бы понапрасну дорогое время на разборъ того, правъ ли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ инквизиціонный или свѣтскій судъ, и прекратились бы бѣдствія, кои Богъ послалъ на нашу несчастную страну за господствующіе въ ней зло, произволъ и развратъ [1]).

Филиппъ IV не рѣшался, однако, вступить въ борьбу съ Инквизиціей, и лишь при Карлѣ II (1665—1700), несмотря на то, что самъ король находился подъ сильнымъ вліяніемъ Инквизиціи и мало сочувствовалъ реформамъ, стали серьезно обсуждаться мѣры для обузданія чрезмѣрнаго вмѣшательства трибуналовъ въ свѣтскія дѣла. Въ 1677 г. Карлъ издалъ законъ, въ силу котораго отлученіе отъ Церкви въ дѣлахъ исключительно свѣтскихъ считалось недѣйствительнымъ, а въ 1678 г. онъ извѣстилъ Супрему о необходимости проведенія въ жизнь закона 1677 г. Однако, всѣ напоминанія короля не имѣли практическаго значенія, и въ 1691 г. Карлъ снова приказалъ Инквизиціи воздерживаться

[1]) Lea, «History», I, 510—511.

отъ отлученія въ свѣтскихъ дѣлахъ. Упорство трибуналовъ побудило короля созвать въ 1696 г. Великую Хунту, состоявшую изъ двухъ членовъ кастильскаго, арагонскаго, итальянскаго, индійскаго совѣтовъ, а также двухъ представителей военнаго и финансоваго вѣдомствъ, королевскаго секретаря и управляющаго канцеляріей государства Сѣвера. Хунта была снабжена всѣми необходимыми матеріалами и въ теченіе недѣли добросовѣстно надъ ними работала. Она представила 21 мая 1696 г. королю докладъ, извѣстный подъ названіемъ Consulta Magna и составленный членомъ совѣта Кастиліи докторомъ де Ледесмой.

Въ докладѣ этомъ, между прочимъ, говорилось (по Льоренте) [1].

Ознакомившись съ представленными ей въ распоряженіе документами, Великая Хунта узнала, что во всѣхъ владѣніяхъ вашего величества, въ которыхъ учреждена Инквизиція, давно и широко укоренился безпорядокъ, царящій въ различныхъ судебныхъ мѣстахъ вслѣдствіе неутомимаго усердія инквизиторовъ распространять свою власть съ такимъ произволомъ и такъ неограниченно, не взирая на обстоятельства и лица, что нормальной судебной власти не осталось почти никакихъ дѣлъ, и призванные управлять лишились власти. Нѣтъ ни одного рода дѣлъ (какъ бы они ни были чужды задачамъ и вѣдѣнію инквизиторовъ), разрѣшеніе которыхъ они, подъ тѣмъ или инымъ болѣе или менѣе мнимымъ предлогомъ, не присвоили бы; нѣтъ ни одного человѣка, какимъ бы независимымъ отъ ихъ власти ни считали его, съ которымъ бы они не обращались какъ со своимъ непосредственнымъ подданнымъ, заставляя его повиноваться ихъ указамъ, налагая на него духовныя наказанія, штрафы и тюремное заключеніе и—что еще пагубнѣе—безчестя его имя, такъ какъ безчестье, т.-е. лишеніе извѣстныхъ гражданскихъ правъ, сопровождаетъ всѣ эти наказанія.

Самая легкая обида, ничтожнѣйшая вина въ отношеніи къ ихъ прислугѣ вызываютъ съ ихъ стороны месть, и они караютъ нарушителя, не соблюдая ни мѣры, ни законовъ, точно содѣянное является преступленіемъ противъ вѣры. Они распространяютъ свою власть не только на своихъ близкихъ и на людей, зависящихъ отъ нихъ, но съ равнымъ рвеніемъ и на дѣла, относящіяся къ ихъ рабамъ. Они довольствуются тѣмъ, что освобождаютъ отъ всякой повинности и налога людей и имущество своихъ слугъ, какъ бы ни были велики привилегіи, даруемыя тѣмъ и другимъ; они претендуютъ и на то, чтобы ихъ дома пользовались правомъ убѣжища, такъ что ни одинъ преступникъ не можетъ быть захваченъ въ нихъ, даже по судебному предписанію; если же, несмотря на ихъ притязанія, свѣтская власть желаетъ воспользоваться своимъ правомъ и задерживаетъ тамъ виновныхъ, они осмѣливаются приносить жалобы на святотатство. Они обнаруживаютъ во всемъ веденіи дѣлъ и въ самомъ стилѣ своихъ оффиціальныхъ писемъ намѣреніе ослабить въ сознаніи народовъ чувство уваженія къ королевскимъ судьямъ и даже вызвать презрѣніе къ высшимъ властямъ. Они достойны порицанія не только въ отношеніи спорныхъ и вообще касающихся правосудія дѣлъ; нѣкоторыя своеобразныя вольности они обнаруживаютъ и въ отношеніи управленія народнаго хозяйства, что приводитъ ихъ къ пренебреженію правами короля.

Результатомъ столькихъ злоупотребленій были жалобы со стороны подданныхъ, раздоры среди управителей, упадокъ духа въ судахъ и необходимость мучительныхъ заботъ, которыя неоднократно брало на себя ваше величество, чтобы разобраться во взаимныхъ недоразумѣніяхъ и притязаніяхъ. Ихъ поведеніе съ самаго начала оказалось настолько невыносимымъ, что его величество императоръ Карлъ V въ 1535 г. счелъ необходимымъ пріостановить отправленіе ими свѣтскаго суда, которое даровалъ инквизиторамъ его дѣдъ, король Фердинандъ Католикъ. Такое положеніе длилось десять лѣтъ въ королевствахъ Испаніи и Сициліи до того момента, когда принцъ Филиппъ, который управлялъ монар-

[1] «Histoire critique», IV, 12—22.

хіей въ отсутствіи своего отца, возстановилъ Инквизицію на прежнихъ правахъ, но съ ограниченіями и стѣсненіями, которыя, однако, съ тѣхъ поръ слишкомъ мало соблюдались; крайняя сдержанность, которую проявляли въ отношеніи къ инквизиторамъ, внушила имъ смѣлость и предпріимчивость; они злоупотребляли этой терпимостью и, забывъ, что всѣ льготы они получили благодаря набожной щедрости нашихъ королей, увѣряютъ и съ невѣроятной настойчивостью осмѣливаются поддерживать положеніе, что судебная власть, которую они отправляютъ по отношенію къ дѣламъ и лицамъ, имѣющимъ то или иное отношеніе къ Инквизиціи и являющимся служителями трибуналовъ, соотвѣтствуетъ апостольскому преданію, задачамъ Церкви и независима отъ свѣтской власти, какъ бы ни была она могущественна. На это-то положеніе инквизиціонные суды и опираются, чтобы распространять свои привилегіи и свою власть на лица, дѣла и вопросы, которые по существу не могли бы отъ нихъ зависѣть, чтобы примѣнять духовную юрисдикцію къ дѣламъ, не имѣющимъ отношенія къ церковной дисциплинѣ, и чтобы обходить королевскія рѣшенія, законы и распоряженія.

Но, государь, вся судебная власть, отправляемая инквизиціонными судами надъ свѣтскими лицами по дѣламъ, не касающимся ни нашей священной католической вѣры, ни христіанской религіи вообще, принадлежитъ вашему величеству и является только временнымъ дарованіемъ съ вашей стороны, подчиненнымъ тѣмъ ограниченіямъ и условіямъ, которыя ваше величество въ силу независимой и суверенной воли благоволитъ предусмотрѣть и которое вы вправѣ и отмѣнить. Эта истина допускаетъ такое ясное и очевидное доказательство, что можетъ показаться темной только тому, кто закрываетъ глаза, чтобы не видѣть свѣта. Они неблагодарно забываютъ исключительную милость, которую получили въ этой области; они отрицаютъ свою зависимость отъ вашего величества, отъ которой они могутъ быть освобождены единственно вашей же волей; и, отказываясь подчиниться каноническимъ законамъ, которые имъ извѣстны, папскимъ булламъ, которыя видѣли, и королевскимъ указамъ, которые имѣются въ ихъ архивахъ, они выдумываютъ мнимые, лишенные всякаго основанія доводы и предлоги, чтобы оправдать свою предпріимчивость и свои посягательства.

Хунта, принявъ во вниманіе, насколько примѣненныя до сихъ поръ мѣры были безполезны... не задумалась бы ни на минуту предложить какъ крайнее средство отмѣну права, которое Инквизиція получила отъ предшественниковъ вашего величества. Но, останавливаясь на томъ, что ближе къ ея намѣреніямъ... она предлагаетъ, чтобы ваше величество прежде всего благоволило предписать, что въ вопросахъ и дѣлахъ, не имѣющихъ своимъ предметомъ вѣру, и которыя не являются ни догматическими, ни церковными... инквизиторы не должны имѣть права примѣнять отлученія и епитеміи, но должны слѣдовать порядку и пользоваться средствами, извѣстными и соблюдаемыми королевскими судами... когда же отправленіе свѣтской судебной власти Инквизиціей будетъ подчинено правиламъ, будетъ существенно важно предписать, чтобы всякое лицо, задержанное по предписанію Инквизиціи (по причинамъ, чуждымъ вѣры и связаннымъ съ ней вопросамъ), было помѣщаемо въ королевскихъ тюрьмахъ, но записано въ тюремную роспись какъ арестованный Инквизиціей и подвергнуто тому обхожденію, которое будетъ нормировано инквизиторами, соотвѣтственно природѣ дѣлъ и обстоятельствамъ; такимъ способомъ ваши подданные избѣгнутъ того непоправимаго зла, которое причиняется имъ, когда по гражданскому или уголовному, не имѣющему отношенія къ религіи, дѣлу ихъ заключаютъ въ тюрьмы Инквизиціи; потому что слухи о задержаніи по приказанію Инквизиціи и о помѣщеніи въ ея тюрьмахъ распространяются очень быстро, но не даютъ возможности уяснить себѣ ни причины задержанія, ни того, является ли оно тайнымъ или нѣтъ; послѣдствія этого для задержаннаго и его семейства выражаются въ томъ, что они терпятъ уронъ въ общественномъ довѣріи и встрѣчаютъ затрудненія, когда желаютъ добиться положенія и почестей.

Ужасъ, который внушаетъ всѣмъ самая идея тюремъ Инквизиціи, такъ великъ, что когда въ 1682 г. уполномоченные Инквизиціи отправились къ одной женщинѣ въ Гранадѣ съ цѣлью арестовать ее за то, что она невинно злословила съ женой секретаря Инквизиціи, ея испугъ былъ такъ великъ, что она выбросилась изъ окна и сломала себѣ обѣ ноги, чтобы не быть задержанной; слѣдовательно, смерть казалась ей менѣе ужасной, чѣмъ несчастіе попасть въ руки Инквизиціи. Если и правда, что по нѣкоторымъ указамъ Инквизиція обязывается содержать два рода тюремъ, одинъ для задержанія по обвиненію въ ереси, другой для преступниковъ всѣхъ другихъ категорій, то нѣтъ, однако, сомнѣнія, что Инквизиція нисколько не подчинялась тому, что ей было предписано, что инквизиторы вмѣсто того, чтобы считаться съ родомъ дѣлъ, не слѣдовали до сихъ поръ никакому принципу, а дѣйствовали единственно согласно своему злопамятству и своему чувству личной мести; они часто бросали въ самыя глубокія подземныя помѣщенія своихъ тюремъ людей не повинныхъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ обидѣ членовъ ихъ семействъ или въ обнаруженіи достаточнаго къ нимъ уваженія.

Всѣ лица, задержанныя по предписанію совѣтовъ вашего величества, вашего Государственнаго совѣта или по непосредственно отъ васъ исходящему приказанію, помѣщаются въ королевскія тюрьмы; нѣтъ никакого основанія подчинять иному обращенію людей, задержанныхъ инквизиторами по чисто-гражданскимъ дѣламъ, и терпѣть чрезвычайно неблагопріятныя послѣдствія, проистекающія изъ этого для многихъ почтенныхъ семействъ. Противоположное поведеніе инквизиторовъ не имѣетъ другого основанія, кромѣ желанія поддержать даже въ такомъ случаѣ абсолютную независимость, проявляемую ими во всѣхъ дѣлахъ. Во-вторыхъ, не менѣе существеннымъ... является то, чтобы ваше величество благоволило предписать, что во всѣхъ случаяхъ, когда инквизиторы примѣнятъ цензуры, заинтересованныя лица въ правѣ приносить жалобы на злоупотребленіе... что по настоянію прокурора вашего величества королевскіе суды должны разсматривать эти апелляціи и выносить рѣшенія соотвѣтственно обычаямъ и правиламъ, соблюдаемымъ при отзывѣ противъ рѣшеній церковныхъ судей, превысившихъ свои полномочія... и поручить судамъ вашего величества разсмотрѣніе жалобъ на злоупотребленіе не только въ тѣхъ случаяхъ, которые предлагаетъ сегодня Хунта, когда дѣло касается превышенія власти со стороны инквизиторовъ, выражающемся въ примѣненіи цензуры въ чисто-гражданскихъ дѣлахъ, но и во всѣхъ случаяхъ, когда эта мѣра будетъ примѣняться къ церковнымъ судьямъ; Кастильскій совѣтъ, проникнутый важностью этой мѣры, неоднократно уже разсматривалъ подобныя дѣла.

Третья необходимая мѣра для предупрежденія постоянныхъ препирательствъ между инквизиторами и судами вашего величества и уничтоженія укоренившагося безпорядка заключается въ точномъ установленіи, какимъ именно лицамъ предоставляются преимущества Инквизиціи, и какъ должны они пользоваться ими. Въ этомъ отношеніи было бы важно установить три разряда лицъ: первый, состоящій изъ родственниковъ, слугъ и застольниковъ инквизиторовъ; второй—изъ близкихъ Святой Инквизиціи; третій—изъ слугъ, должностныхъ управителей и наемныхъ лицъ суда.

Въ отношенія перваго разряда лицъ Хунта должна замѣтить вашему величеству, что на основаніи бумагъ, которыя до нея дошли, наиболѣе частыя и оживленныя распри между инквизиціонными и королевскими судами возникали по поводу состоящихъ при инквизиторахъ лицъ, которыя безъ всякаго основанія убѣждены въ томъ, что должны пользоваться наравнѣ съ инквизиторами всѣми активными и пассивными преимуществами Инквизиціи. Бываетъ, что если кто-нибудь по какому-либо поводу позволитъ себѣ нанести самую легкую обиду курьеру или лакею инквизитора, или если посыльному или прислугѣ инквизитора при покупкѣ того, что публично продается, не дадутъ самаго лучшаго товара или если заставятъ ихъ обождать, либо обратятся къ нимъ менѣе сдержанно, инквизиторы

приказываютъ немедленно задержать и заключить въ тюрьму виновника или налагаютъ на него духовное наказаніе. Такъ какъ суды вашего величества не могутъ ни отказаться отъ своихъ правъ, ни терпѣть, чтобы права вашихъ подданныхъ подвергались притѣсненіямъ, или разсмотрѣніе ихъ передавалось другимъ судамъ, то возникали частые раздоры, порождавшіе крупнѣйшія неурядицы во владѣніяхъ вашего величества.

Это преимущество не можетъ имѣть никакого существеннаго значенія для авторитета Инквизиціи или сдѣлать ея управленіе болѣе выгоднымъ. Оно было и есть по сю пору причина крайне печальныхъ явленій, когда инквизиторы позволяли себѣ дѣйствія весьма отдаленныя отъ той осторожности, которую должны бы соблюдать, и даже отъ приличія, котораго не должны бы забывать. Поэтому было бы разумно устранить опасность, которой они подвергаютъ себя и которая такъ часто порочитъ ихъ имя; было бы цѣлесообразно уничтожить во владѣніяхъ вашего величества злоупотребленіе, въ силу котораго ливрея слуги инквизитора сообщаетъ носителю ея особыя качества и даруетъ ему преимущества, освобождающія его отъ страха и уваженія передъ судами вашего величества; слѣдовало бы уничтожить эту неизвѣстную законамъ связь, порождающую нескончаемыя распри между различными судебными мѣстами и создающую столько неурядицъ въ судебномъ управленіи.

Государь! Хунта убѣждена, что посягательства, которыя позволяютъ себѣ инквизиціонные суды, требуютъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ отпора. Ваше величество помнитъ доклады, которые уже давно были представлены ему; ему извѣстны и ежедневно доходящія до него свѣдѣнія о новшествахъ, которыя инквизиторы пытаются ввести, которыя они дѣйствительно устанавливаютъ во владѣніяхъ вашей монархіи, и той мучительной тревогѣ, въ которую они подвергаютъ представителей вашей власти. Какія несчастія могли бы произойти отъ того, что случилось въ Картагенѣ Индійскомъ, въ Мексикѣ, Пуэблѣ и въ окрестностяхъ Барселоны и Сарагоссы, если бы неутомимое вниманіе вашего величества не устранило ихъ самыми рѣшительными мѣрами! И однако, инквизиторы не менѣе прежняго упорствуютъ въ проведеніи своей системы: они уже такъ привыкли все позволять себѣ, что ни во что не ставятъ повиновеніе.

Судамъ, свидѣтелямъ этихъ безпорядковъ, надлежитъ обратить ваше вниманіе на то, что болѣе всего содѣйствовало бы правильному отправленію ихъ обязанностей. Хунта же въ отношеніи предмета, предложеннаго на ея разсмотрѣніе вашимъ величествомъ, полагаетъ удовлетворить возложенной на нее обязанности, предложивъ слѣдующія четыре положенія: 1) чтобы Инквизиція въ гражданскихъ дѣлахъ не имѣла права примѣнять цензуръ, 2) чтобы въ случаѣ ихъ примѣненія суды вашего величества обязаны были противодѣйствовать этому всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи мѣрами, 3) чтобы преимущества инквизиціоннаго суда были поставлены въ болѣе тѣсныя границы въ отношеніи какъ слугъ и близкихъ Инквизиціи, такъ и родственниковъ инквизиторовъ, 4) чтобы были установлены мѣры для быстраго разрѣшенія вопросовъ компетенціи и взаимныхъ притязаній.

Государственный совѣтникъ, графъ де Фригиліана, прибавилъ, что слѣдовало бы обязать инквизиторовъ представить отчетъ объ имуществахъ, которыми пользовалась Инквизиція, потому что, получивъ вице-королевскую власть въ королевствѣ Валенсіи и пожелавъ примѣнить эту мѣру по отношенію къ инквизиторамъ этой страны, онъ никогда не могъ ничего отъ нихъ добиться: какъ будто имущества, которыя они захватили, не принадлежатъ королю на томъ же основаніи, какъ и тѣ, которыя были присоединены къ фиску по рѣшеніямъ, постановленнымъ другими судами.

Эти замѣчанія и проектъ, представленный Великой Хунтой, остались безъ результата, такъ какъ Генеральный инквизиторъ Рокаберти съ помощью исповѣдника короля Фройлана Діаса, который былъ ему подчиненъ по ордену, путемъ интригъ добился измѣненія благо-

пріятныхъ разрѣшенію даннаго вопроса намѣреній короля [1]). Какъ передаетъ Ли, Филиппъ V пожелалъ въ 1701 г. ознакомиться съ постановленіями Великой Хунты, но ни въ одномъ архивѣ не осталось слѣда о нихъ [2]). Это, однако, не остановило короля въ дальнѣйшей его дѣятельности, направленной сначала противъ чрезмѣрныхъ притязаній Инквизиціи. Вообще съ вступленіемъ на престолъ Испаніи, въ лицѣ Филиппа V, Бурбонской династіи Инквизиція начала умѣрять свой пылъ и явно отступать предъ угрозами свѣтской власти. Филиппъ V былъ ставленникомъ Франціи, гдѣ прерогативы короны ставились очень высоко; онъ самъ окружилъ себя французскими юристами, проникнутыми идеей о полномъ подчиненіи духовенства государству, и въ декретѣ 1705 г. характеризовалъ свою власть какъ «dominio absoluto». 27 іюня 1705 г. валенсійскій трибуналъ получилъ выговоръ отъ Супремы за незаконную защиту правъ вдовы служителя Инквизиціи; Супрема съ печалью констатируетъ, что на низшихъ служителей трибуналовъ поступаетъ много справедливыхъ жалобъ, и требуетъ отъ инквизиторовъ, чтобы они впредь не допускали никакихъ злоупотребленій со стороны этихъ служителей. Иллюстраціей паденія былого всемогущества Инквизиціи можетъ служить инцидентъ, произошедшій въ 1720 г. въ Толедо съ контадоромъ Педро Паніагуа.

Несмотря на свою инквизиціонную дѣятельность, Паніагуа торговалъ и какао и получилъ для продажи 20 мѣшковъ какао, доставленныхъ изъ Марселя. Власти требовали таможенной платы за какао; кромѣ того, ими указывалось, что въ Марселѣ эпидемія и что необходимо подвергнуть карантину полученное Паніагуа какао. Такъ какъ инквизиціонный служитель отказывался отъ какихъ бы то ни было объясненій, то корегидоръ распорядился секвестровать какао. Тогда Паніагуа арестовалъ поставленную у его магазина стражу и сталъ продавать свое какао. Корегидоръ заключилъ въ тюрьму Паніагуа, а трибуналъ наложилъ на корегидора и алкалда большую цензуру, за которой вскорѣ послѣдовали интердиктъ и cessatio a divinis. Городъ заволновался, и изъ Мадрида получился приказъ снять интердиктъ, освободить отъ цензуры алкалда и корегидора и выпустить стражу на свободу. Супрема горько жаловалась Филиппу V, что толедская администрація нарушала права трибунала и оскорбляла его честь, хотя онъ ничего плохого не сдѣлалъ представителямъ мѣстной власти; по мнѣнію Супремы, на скамьѣ подсудимыхъ должна сидѣть толедская администрація, а не Паніагуа и трибуналъ. Чѣмъ кончился этотъ инцидентъ, неизвѣстно, но черезъ два мѣсяца Супрема снова умоляла короля вернуть какао Паніагуа, а послѣднему дать свободу. Видимо, Филиппъ V не соглашался съ Супремой, будто въ данномъ случаѣ провинилась администрація, а не Паніагуа [3]).

Отношеніе Филиппа къ Инквизиціи отличалось крайней непослѣдовательностью: подпадая подъ вліяніе разныхъ приближенныхъ, онъ отражалъ на себѣ отношеніе къ Инквизиціи каждаго изъ нихъ. Въ своемъ письмѣ къ сыну и предполагавшемуся преемнику Луису отъ 14 января 1724 г. онъ писалъ, что необходимо всячески защищать Инквизицію, являющуюся единственнымъ надежнымъ оплотомъ религіи; если судьба охраняетъ Испанію отъ тѣхъ бѣдствій, которыя вслѣдствіе распущенности въ религіозномъ отношеніи такъ сильно обрушились на сосѣднія государства, то это объясняется существованіемъ въ Испаніи Инквизиціи. — Если Филиппъ и отказался присутствовать на ауто-да-фе 1701 г., устроенномъ въ честь его вступленія на испанскій престолъ, то, съ другой стороны, онъ нисколько не препятствовалъ росту ауто-да-фе: отъ 1721 г. до 1728 г. было устроено 64 ауто-да-фе, на которыхъ было сожжено 151 человѣкъ изъ 962 обвинявшихся инквизиціонными трибуналами [4]). По словамъ Льоренте, въ царствованіе Филиппа V

[1]) Llorente, «Histoire critique», IV, 22.
[2]) «History», I, 513.
[3]) Lea, «History», I, 514—515.
[4]) Lea, «History», IV, 386.

(1700—1746) было устроено 782 ауто-да-фе [1]). Изъ таблицъ Адлера явствуетъ, что наиболѣе крупными ауто-да-фе при Филиппѣ V были слѣдующія:

Гранада,	30 ноября 1721 г.	60 преступниковъ,	58 «hereges judaizantes».	
Севилья,	14 декабря 1722 »	80 »	38 іудействующихъ.	
Толедо,	15 марта 1721 »	64 »	32 »	
Мурсія,	17 мая 1722 »	74 »	36 »	
Севилья,	5 іюля 1722 »	91 »	43 »	
»	30 ноября 1722 »	89 »	42 »	
Гранада,	31 января 1723 »	114 »	54 »	
Севилья,	31 января 1723 »	114 »	54 »	12 сожжены живьемъ.
»	6 іюня 1723 »	65 »	31 »	
»	11 іюня 1724 »	68 »	33 »	
Гранада,	25 іюня 1724 »	79 »	39 »	

Насколько Филиппъ V иногда подпадалъ подъ власть Инквизиціи, видно изъ его отношенія къ историку францисканцу Николаю Беландо. Послѣдній написалъ «Historia civil de España desde 1700 hasta 1733»; до напечатанія книга была представлена въ кастильскій совѣтъ, а когда Беландо выразилъ желаніе посвятить книгу Филиппу V и его супругѣ, то она была вторично разсмотрѣна и измѣнена надлежащимъ образомъ. Несмотря на это, Инквизиція въ 1744 г. запретила эту книгу, такъ какъ въ ней будто заключались оскорбительныя слова по адресу Римской Куріи. Беландо выразилъ желаніе оправдаться предъ Инквизиціей и, въ случаѣ необходимости, исправить инкриминируемыя мѣста. Казалось, что посвященная королевской семьѣ книга такого уступчиваго монаха могла разсчитывать на снисхожденіе; но вмѣсто этого, Инквизиція распорядилась объ арестѣ «дерзкаго» Беландо; изъ тюрьмы онъ перешелъ въ монастырь, гдѣ оставался всю жизнь и гдѣ ему было запрещено заниматься литературной дѣятельностью [2]). Въ защиту Беландо выступилъ, между прочимъ, Маканасъ, одинъ изъ наиболѣе образованныхъ испанцевъ XVIII вѣка.

Мельхоръ де Маканасъ былъ убѣжденнымъ защитникомъ абсолютизма и въ Арагоніи проводилъ идеи централизаціи государства. Филиппъ V питалъ къ нему особое довѣріе и назначилъ его генеральнымъ фискаломъ государственнаго совѣта. Во время конфликта Филиппа V съ папой Климентомъ XI, конфликта, принявшаго грозные размѣры и приведшаго къ разрыву Мадрида съ Римомъ, Маканасъ, въ качествѣ генеральнаго фискала, представилъ государственному совѣту меморіалъ изъ 55 пунктовъ, въ которомъ въ систематическомъ видѣ была изложена теорія о всемогуществѣ королевской власти; 2 января 1714 г. Маканасъ дополнилъ свой меморіалъ 35 тезисами. Когда членъ совѣта Луисъ Куріель донесъ Инквизиціи на Маканаса и ознакомилъ ее съ тайнымъ меморіаломъ, то на Маканаса была наложена цензура, и 15 августа 1714 г. во всѣхъ церквахъ Испаніи долженъ былъ читаться эдиктъ Великаго инквизитора Джудиче противъ Маканаса, котораго даже не допрашивали и котораго осудили на томъ основаніи, что меморіалъ его составленъ въ духѣ преступныхъ защитниковъ суверенитета свѣтской власти. Но Маканасъ, помимо короля, встрѣтилъ сочувствіе со стороны вліятельной въ Мадридѣ принцессы Юрсенъ (des Ursins), враждебно относившейся къ Великому инквизитору; эдиктъ противъ Маканаса не только былъ отмѣненъ, но Куріель былъ наказанъ, и Маканасъ могъ праздновать побѣду. Къ несчастью, вступленіе Филиппа V въ бракъ, послѣ первой жены Маріи-Луизы Савойской, съ Изабеллой Фарнезе печально отразилось на Маканасѣ, потерявшемъ свою защитницу Юрсенъ, которая, какъ приближенная бывшей королевы, удалилась съ пріѣздомъ новой королевы. Филиппъ униженно долженъ былъ просить пощады у Великаго инквизи-

---

[1]) «Histoire critique de l'Inquisition», IV, 31.

[2]) Llorente, «Histoire critique», II, 428—429.

D. PHILIPPO IV AVSTRIO HISPANIARVM INDIARVMQ REGI CATHOLICO
SVPRA OMNES PRINCIPES POTENTISSIMO

тора и заявить, что все, сдѣланное имъ въ первыя 15 лѣтъ правленія, было ему внушено недобросовѣстными министрами. За два дня до этого униженія Маканасъ удалился во Францію и избѣгъ, такимъ образомъ, преслѣдованія со стороны Инквизиціи. Послѣдняя отлучила его отъ Церкви, конфисковала его имущество, бумаги и книги. Филиппъ, вѣрный своей слабости, продолжалъ въ душѣ любить и уважать Маканаса: въ теченіе 30 лѣтъ, до конца своей жизни, король переписывался съ отлученнымъ и часто съ гораздо большимъ вниманіемъ прислушивался къ его совѣтамъ, чѣмъ къ совѣтамъ министровъ и членовъ государственнаго совѣта. Самъ Маканасъ прожилъ въ изгнаніи свыше 45 лѣтъ, въ теченіе которыхъ написалъ цѣлый рядъ выдающихся работъ, посвященныхъ государственнымъ вопросамъ. Будучи представителемъ просвѣщеннаго абсолютизма и сторонникомъ нѣкоторыхъ религіозныхъ реформъ, онъ, въ то же время, былъ глубоко благочестивымъ католикомъ и отстаивалъ необходимость Инквизиціи, не допуская возможности управлять государствомъ безъ ея помощи. Этому изгнаннику Испанія обязана рядомъ крупныхъ финансовыхъ, экономическихъ и административныхъ мѣръ, напоминавшихъ собою политику великихъ французскихъ министровъ XVII-го вѣка [1]).

5 октября 1747 г. Фердинандъ VI издалъ декретъ, въ силу котораго впредь низшіе служители Инквизиціи были подсудны кастильскому совѣту. Хотя Великій инквизиторъ энергично протестовалъ противъ этого декрета и требовалъ его отмѣны безъ сохраненія даже копіи въ архивѣ, Фердинандъ продолжалъ настаивать на своемъ, и Инквизиція должна была молча ему покориться. Она, правда, путемъ сложныхъ интригъ неоднократно захватывала въ свои руки дѣла, подвѣдомственныя другимъ судамъ, но эти захваты становились все труднѣе и труднѣе, тѣмъ болѣе, что наслѣдовавшій Фердинанду VI его братъ, Карлъ III, еще энергичнѣе отстаивалъ права свѣтскаго суда.

Карлъ III (1759—1788) былъ съ 1735 г. неаполитанскимъ королемъ и не одинъ разъ доказалъ, что является энергичнымъ представителемъ теоріи о всемогуществѣ короны и о необходимости подчиненія ей Церкви. По прибытіи въ Испанію онъ окружилъ себя такими лицами, какъ Рода, Кампоманесъ, Аранда и Флоридабланка, о которыхъ не безъ основанія говорили, что они сочувствуютъ философіи XVIII вѣка, тайными сторонниками которой они будто являются. При нихъ, по словамъ Льоренте, на 100 начатыхъ процессовъ лишь 5 доводились до конца; остальные за ненахожденіемъ состава преступленія прекращались до суда [2]). При Карлѣ III была также введена audiencia de cargos, заключавшаяся въ слѣдующемъ. Лицо, на которое былъ сдѣланъ доносъ, приглашалось подъ болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ въ инквизиціонный трибуналъ, и здѣсь его знакомили съ доносомъ и результатами предварительнаго слѣдствія. Затѣмъ его отпускали домой, получивъ отъ него слово являться въ трибуналъ по первому зову. Часто также обвиняемаго тутъ-же подвергали тайному покаянію, не сопровождавшемуся никакимъ ограниченіемъ правъ.

Первое столкновеніе между Карломъ III и Римской Куріей, поддерживаемой Инквизиціей, произошло изъ-за бреве 14 іюня 1761 г., которымъ была осуждена книга французскаго теолога Мезенги «Exposition de la doctrine chrétienne», хотя Карлъ III считалъ ее настолько полезной, что положилъ ее въ основу религіознаго воспитанія своего сына, будущаго короля Карла IV. Не желая отказываться отъ своихъ убѣжденій, Карлъ III запретилъ Великому инквизитору Бонифасу опубликовать папское бреве противъ книги Мезенги, и когда инквизиторъ сталъ протестовать противъ захвата королемъ правъ, не при-

---

[1]) Altamira y Crevea, «Historia de España y de la civilizacion española», 1911, IV, стр. 219, 249; Baumgarten, «Geschichte Spaniens vom Ausbruch der französischen Revolution bis auf unsere Tage», 1861, I, 35 и слѣд.

[2]) «Histoire critique», IV, 80.

надлежащихъ свѣтской власти, Карлъ пригрозилъ ему изгнаніемъ. Впервые Великому инквизитору приходилось встрѣчать такую энергію со стороны короля: со слезами на глазахъ сталъ онъ просить о пощадѣ. Желая засвидѣтельствовать, что кающимся нужно даровать прощеніе, Карлъ помиловалъ Бонифаса, но 8 сентября 1761 г. извѣстилъ инквизиторовъ, что «вкусъ его гнѣва» (damego de su enojo) постигнетъ непокорныхъ. Мало того, 27 ноября 1761 г. онъ предложилъ государственному совѣту выработать законопроектъ, имѣющій задачей защищать свѣтскую власть отъ посягательства Куріи, а также ограничить цензорскія полномочія Инквизиціи. Въ согласіи съ этимъ и былъ опубликованъ 18 января 1762 г. законъ, извѣстный подъ именемъ Pragmática del Exequátur, въ силу котораго всякія папскія буллы, бреве, письма и распоряженія, какого бы они ни были содержанія (cualquiera que fuese la materia que tratasen), отправленныя трибуналу, хунтѣ, прелату или судьѣ, должны быть до опубликованія представлены предварительно нунціемъ королю; распоряженія же папѣ, касающіяся одного какого-либо лица, имѣютъ быть отосланы на разсмотрѣніе государственному совѣту; Великій инквизиторъ публикуетъ лишь то, что получаетъ непосредственно отъ короля или государственнаго совѣта, и имѣетъ право осудить книгу лишь послѣ того, какъ авторъ ея былъ выслушанъ инквизиціоннымъ судомъ. Прагматика эта, какъ говорилъ Карлъ, должна была защищать права короны и не допускать злоупотребленій со стороны Инквизиціи по отношенію къ отдѣльнымъ подданнымъ короля, на обязанности котораго лежитъ забота объ охранѣ ихъ спокойствія и благополучія.

Разумѣется, законъ 18 января вызвалъ сильное безпокойство Инквизиціи, убѣдившейся, что Карлъ ведетъ опредѣленную политику борьбы съ Церковью и Инквизиціей, хотя въ дѣйствительности онъ былъ религіозенъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его поведеніе въ Неаполѣ, гдѣ онъ съ большой энергіей преслѣдовалъ франкмасоновъ и сектантовъ liberi muratori. Для Карла III религія не отождествлялась съ стремленіемъ Церкви и Инквизиціи къ захвату власти и къ исключительному господству въ государствѣ. Ученикъ и поклонникъ Тануччи, онъ съ помощью духовенства же хотѣлъ бороться съ чрезмѣрными притязаніями духовенства и въ своихъ мѣрахъ о реорганизаціи Инквизиціи опирался на авторитетъ будущаго Великаго инквизитора Абадъ-и-ла-Сіерра. Хотя все это и было извѣстно Инквизиціи, она, тѣмъ не менѣе, вела жестокую войну противъ «безбожныхъ мѣръ безбожнаго короля», въ частности противъ Pragmática del Exequátur, и ей удалось, благодаря поддержкѣ матери Карла III, вдовствующей королевы Изабеллы Фарнезе, отмѣнить въ 1763 г. ненавистный ей законъ [1]). Отмѣна эта была, однако, лишь эфемерна, такъ какъ 16 іюня 1768 г. законъ 1762 г. былъ снова возстановленъ. Поводомъ къ возобновленію прагматики послужило наложеніе цензуры на герцога Пармскаго за опубликованіе книги «Letras Apostólicas» (Monitorio de Parma), въ которой защищались права короны отъ притязаній Рима. Въ хунтѣ, созванной для обсужденія этого вопроса, графы Флоридабланка и Кампоманесъ рѣзко выступили противъ цензорской власти Рима и настаивали, чтобы у Инквизиціи было отнято право изъятія книги, написанной католикомъ съ незапятнанной репутаціей, безъ предварительнаго выслушанія его; если же авторъ иностранецъ или умеръ, то предъ постановленіемъ объ изъятіи книги долженъ быть назначенъ спеціальный адвокатъ, защищающій интересы писателя.

Въ 1770 г. Карлъ III выступилъ съ рядомъ ограниченій юрисдикціи Инквизиціи и изъялъ изъ ея компетенціи такія дѣла, которыя лишь съ значительными натяжками Инквизиція могла считать входящими въ сферу инквизиціонной дѣятельности. За этими

[1]) Altamira y Cervea, op. cit., IV, 220. По словамъ Льоренте (IV, 84 и 85) и Ли («History», III, 540), на Карла III въ данномъ случаѣ болѣе всего вліялъ его духовникъ патеръ Элета, ссылавшійся на потерю Гаванны, какъ на доказательство гнѣва Божіяго на Испанію за антирелигіозную политику ея королей.

мѣрами послѣдовалъ въ 1784 г. законъ, требовавшій отъ инквизиторовъ представленія королю дѣлопроизводства процессовъ, начатыхъ противъ грандовъ, министровъ и вообще королевскихъ чиновниковъ. Особенное значеніе могъ имѣть законъ Карла III 1770 г. о томъ, чтобы Инквизиція лишь въ томъ случаѣ производила арестъ еретика, если у нея въ рукахъ будутъ достаточныя данныя, свидѣтельствующія о ереси обвиняемаго. Законъ этотъ, однако, какъ утверждаетъ Льоренте, оставался лишь на бумагѣ и никогда не проводился въ жизнь [1]). Разумѣется, всѣми этими реформами Испанія была обязана не Карлу, лишенному какихъ-либо особыхъ талантовъ, а его выдающимся министрамъ. Графъ Аранда, проведшій въ 1767 г. законъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ Испаніи и въ одну ночь арестовавшій до 5000 іезуитовъ, мечталъ о рѣшительной борьбѣ съ Инквизиціей и предложилъ отнять у нея право конфискаціи имущества арестованныхъ. Проектъ этотъ былъ слишкомъ смѣлъ, и Аранда предложилъ, вмѣсто права конфискаціи, выдавать ежегодно Инквизиціи 2 мил. реалей. Но Инквизиція рѣшительно отвергла это предложеніе, и Аранда въ 1773 г. былъ устраненъ отъ дѣлъ внутренней политики и отправленъ посломъ въ Парижъ. Въ теченіе короткаго времени Аранда въ 1792 г., т.-е. уже при Карлѣ IV, стоялъ во главѣ управленія, но въ 1793 г. былъ отправленъ въ ссылку. Четыре раза Инквизиція начинала противъ него слѣдствіе, но ни разу не доводила дѣла до конца и не привлекла его къ трибуналу [2]).

Одновременно почти съ проектомъ Аранды о реорганизаціи Инквизиціи былъ выдвинутъ другой, иниціаторомъ котораго былъ французскій священникъ Клеманъ (Clémant), поселившійся въ 1768 г. въ Мадридѣ. По его плану епископы должны были стать во главѣ Инквизиціи, которая, такимъ образомъ, потеряла бы свой специфическій характеръ и не отличалась бы ничѣмъ отъ обыкновенныхъ церковныхъ судовъ; епископамъ были бы даны широкія полномочія, и они были бы поставлены внѣ зависимости даже отъ Римской Куріи. Клеманъ подѣлился своими мыслями съ Арандой, Родой, Кампоманесомъ, Флоридабланкой и другими вліятельными и просвѣщенными министрами Карла III, и хотя всѣ они сочувствовали Клеману, тѣмъ не менѣе никто не рѣшался практически приступить къ осуществленію его проекта. Несмотря на тайну, которою послѣдній былъ окруженъ, Инквизиція узнала о намѣреніяхъ Клемана, котораго стали обвинять въ лютеранствѣ, кальвинизмѣ и въ ненависти къ монашескимъ орденамъ. Арестовать его Инквизиція, однако, не осмѣлилась, такъ какъ онъ былъ при дворѣ persona grata и его поддерживали наиболѣе могущественные министры. Въ концѣ концовъ, Инквизиція добилась, чтобы начальство Клемана отозвало его обратно во Францію: съ его отъѣздомъ отпалъ и его проектъ реорганизаціи Инквизиціи.

14 декабря 1788 г. умеръ Карлъ III, и съ нимъ прекратилось время реформъ въ Испаніи, такъ какъ новый монархъ, его сынъ Карлъ IV, былъ безвольнымъ, безпечнымъ и невѣжественнымъ человѣкомъ. «Ему недоставало многихъ душевныхъ качествъ, которыя такъ привлекали сердца къ его покойному отцу. Его воспитаніемъ до того пренебрегали, что нельзя даже надѣяться, чтобы съ теченіемъ времени онъ пріобрѣлъ большія познанія. Лишенный талантовъ, обученія и характера, онъ вѣчно будетъ жить въ зависимости отъ другихъ» [3]). Больше всего власти имѣла надъ нимъ его жена Марія-Луиза Пармская, капризная, легкомысленная, тщеславная и избалованная женщина, не лишенная, впрочемъ, воли и ума. Ненавидя своего тестя, она ненавидѣла также и его систему управленія, и со вступленіемъ Карла IV на престолъ все должно было, по плану Маріи-Луизы, измѣниться: въ отставку подали почти всѣ виднѣйшіе дѣятели прошлаго царствованія,

---

[1]) «Histoire critique», IV, 92.

[2]) Llorente, op. cit., II, 532—534.

[3]) Отзывъ русскаго посланника при мадридскомъ дворѣ Зиновьева,—см. Трачевскій, «Испанія 19-го вѣка», стр. 23.

остался лишь одинъ Флоридабланка: «королева охотно отдѣлалась бы отъ него, но, кажется, ее останавливаетъ опасеніе, что такой человѣкъ, какъ графъ Флоридабланка, пожалуй, найдетъ средство отомстить ей» [1]). Въ 1792 г., когда любимцемъ королевы открыто уже сдѣлался Мануэль Годой, Флоридабланка долженъ былъ уйти, и послѣ кратковременнаго правленія Аранды, Годой съ 1793 г. до конца царствованія Карла IV (съ небольшимъ перерывомъ отъ 1798 г. до 1800 г.) находился во главѣ Испаніи, управляя ею въ духѣ религіозно-политической реакціи. Годой былъ типичнымъ авантюристомъ: красивый, веселый, искусный музыкантъ, онъ безъ труда добился любви Маріи-Луизы, всячески въ то же время льстя королю, единственному испанцу, не знавшему, что Годой въ любовной связи съ королевой. Годой, попавшій изъ гвардейскаго полка въ первые министры за свои голубые глаза и веселый характеръ, былъ круглымъ невѣждой и поклонникомъ Инквизиціи и Римской Куріи [2]). Неудивительно поэтому, что царствованіе Карла IV, которое фактически было правленіемъ Маріи-Луизы и Годоя, явилось временемъ усиленія въ Испаніи власти Инквизиціи; этому, впрочемъ, способствовала также Великая французская революція, которая навела ужасъ даже на такихъ либеральныхъ людей, какимъ былъ графъ Флоридабланка, выступившій въ защиту «праваго дѣла», т.-е. французскаго короля Людовика XVI.

Въ 1789 г. Карлъ IV издалъ эдиктъ, коимъ революціонныя идеи объявлялись ересью, подлежащей вѣдѣнію Инквизиціи: отнынѣ всякая политическая мысль, не согласующаяся съ установленными въ Испаніи началами, свидѣтельствовала о еретическомъ образѣ мыслей ея носителя, который уклонялся отъ ученія апостоловъ Петра и Павла. Такъ какъ распространительницей политико-еретическихъ идей была Франція, то Инквизиція должна была слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одна французская книга политическаго содержанія, ни одна газета не были перевезены за Пиренеи, чтобы люди воздерживались говорить о положеніи Франціи, и чтобы цензура удвоила свою полезную дѣятельность, особливо по отношенію къ французскимъ книгамъ. Мѣсяцъ спустя былъ опубликованъ указъ о высылкѣ изъ Мадрида всякаго, кто не имѣетъ опредѣленныхъ занятій; предлогомъ была выставлена дороговизна хлѣба, но главной цѣлью указа было, по выраженію русскаго дипломата Зиновьева, «выслать пристойнымъ образомъ довольное число находящихся въ Мадридѣ французовъ, безстыдныхъ вралей и болтуновъ» [3]). Въ 1791 г. Карлъ IV распорядился о томъ, чтобы проживающіе въ Испаніи иностранцы немедленно присягнули испанскому королю и католической религіи и отреклись отъ всѣхъ своихъ привилегій, а также отъ сношеній съ своимъ отечествомъ и отъ покровительства своихъ консуловъ. Въ случаѣ сопротивленія указъ грозилъ галерами и тюрьмой или изгнаніемъ изъ страны и конфискаціей имущества. Временно пребывающимъ въ Испаніи иностранцамъ дозволялось проживать лишь опредѣленное время, обычно—2 мѣсяца, по особому разрѣшенію и съ запрещеніемъ заниматься какимъ-либо ремесломъ или торговлей. Всѣ эти мѣры, проведеніе въ жизнь коихъ поручалось Инквизиціи, превращали послѣднюю въ политическое орудіе, въ средство борьбы съ Великой революціей. Замѣчая, что идея вѣротерпимости въ религіозныхъ вопросахъ дѣлаетъ съ каждымъ днемъ все большіе и большіе успѣхи, что среди всѣхъ классовъ населенія укрѣпляется мысль о безразсудности религіозныхъ гоненій, что отдѣльные инквизиторы склоняются къ необходимости ослабленія надзора надъ религіознымъ міровоззрѣніемъ народа, и, наконецъ, что нашелся даже Великій инквизиторъ Абадъ-и-ла-Сіерра, который съ

[1]) Слова Зиновьева у Трачевскаго, op. cit., 28.

[2]) О невѣжествѣ Годоя лордъ Голландъ разсказываетъ въ своихъ «Foreign reminiscences» (стр. 135) слѣдующее: Уже будучи нѣкоторое время министромъ, Годой впервые понялъ различіе Россіи отъ Пруссіи и называлъ Ганзейскіе города Азіатскими островами,—Isladas Asiaticas вмѣсто Villas Hanseaticas. А. Трачевскій, op. cit., 35.

[3]) А. Трачевскій, op. cit., 44.

помощью своего секретаря Льоренте, будущаго извѣстнаго историка Испанской Инквизиціи, замышлялъ серьезную реформу въ общемъ направленіи Инквизиціи,—замѣчая все это, Инквизиція охотно стала приспособляться къ новымъ требованіямъ и съ большой готовностью начала играть роль политическаго агента въ рукахъ реакціи, руководимой мадридскимъ дворомъ. Эта роль была, быть можетъ, унизительной, но она спасла Инквизицію отъ старческаго маразма, отъ вынужденнаго бездѣлія. Характеризуя дѣятельность Инквизиціи въ царствованіе Карла IV, депутатъ кортесовъ Капмани говорилъ: «Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ Инквизиція стала служить не святому дѣлу (oficio no santo), она сдѣлалась государственной Инквизиціей, дворцовой и свѣтской. Изъ активнаго учрежденія она превратилась въ пассивное, созерцательное; изъ страшнаго въ трусливое; ея былое усердіе превратилось въ боязливую заботу о своемъ существованіи. Чѣмъ другимъ, въ самомъ дѣлѣ, можно объяснить, что она ничего не предпринимала при видѣ скандаловъ, происходившихъ въ безнравственномъ королевскомъ дворцѣ, откуда были изгнаны религія и честность? О, какъ дрожали отъ страха представители святого трибунала при видѣ отвратительнаго фаворита, когда они находились въ толпѣ льстецовъ и карьеристовъ, добивавшихся милости отъ него! Почему Инквизиція не проявляла своего могущества и своей апостольской строгости, когда Годой святотатствовалъ и оскорблялъ религіозныя чувства всего народа?» [1]).

Политическое орудіе, раболѣпствуя предъ сильнымъ, выливая злобу на слабомъ, Инквизиція принимала участіе въ многочисленныхъ интригахъ царствованія Карла IV и строила козни противъ того самаго Годоя, милостивой улыбки котораго она такъ добивалась въ оффиціальныхъ отношеніяхъ. Когда противъ Годоя былъ составленъ заговоръ, три монаха донесли на него Инквизиціи, обвиняя его, что онъ въ теченіе 8 лѣтъ совершенно не молится и не исповѣдуется и грѣшитъ противъ нравственности, находясь въ любовной связи съ нѣсколькими женщинами. Севильскій архіепископъ Деспуигъ и авильскій епископъ Мускисъ, державшіе въ рукахъ главныя нити заговора, всячески убѣждали Великаго инквизитора Лоренсану начать слѣдствіе противъ Годоя, увѣряя, что дѣло окончится успѣхомъ для Инквизиціи. Но Лоренсана не рѣшался на это безъ формальнаго приказа папы Пія VI. На послѣдняго долженъ былъ вліять кардиналъ Винченти, другъ Деспуига. Папа согласился написать Великому инквизитору, что ему не слѣдуетъ оставаться равнодушнымъ при видѣ скандальнаго поведенія Годоя. Письмо папы вмѣстѣ съ припиской кардинала Винченти случайно было перехвачено Наполеономъ въ Генуѣ и отослано Годою, дружбою котораго Наполеонъ въ то время еще интересовался. Разумѣется, положеніе Годоя сразу упрочилось, и онъ своеобразно отомстилъ заговорщикамъ: когда французы заняли папскія земли, Годой отправилъ Лоренсану, Деспуига и Мускиса къ Пію для выраженія ему соболѣзнованія въ связи съ поведеніемъ Франціи. Годой, впрочемъ, не представлялъ никакой опасности для Инквизиціи, которая и не горевала по поводу этой неудачи: противъ воли Великаго инквизитора Инквизиція вмѣшалась въ это дѣло и теперь она утѣшала себя, что Годой ей мстить не будетъ.

Совершенно иначе обстояло дѣло съ Гаспаромъ Мельхоромъ де Ховельяносомъ. Ховельяносъ былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ людей своего времени. Занимая высокій административный постъ, онъ часы досуга посвящалъ наукѣ и поэзіи; сочинялъ оды и сатиры, трагедіи и комедіи, изъ которыхъ «Delincuente honrado» проложила путь новой, французской школѣ въ испанской драмѣ. Ховельяносъ разрабатывалъ также исторію родной страны, собиралъ документы и надписи и такъ основательно изучилъ политическую экономію, что вскорѣ пріобрѣлъ славу одного изъ лучшихъ испанскихъ экономистовъ. Не-

[1]) «Discusion del proyecto de decreto sobre el tribunal de la inquisicion», Кадиксъ, 1813, рѣчь Капмани, 464—476.

смотря на свой католическій образъ мыслей, онъ былъ въ подозрѣніи у Инквизиціи, и когда Карлъ III умеръ, Ховельяносъ въ 1790 г. долженъ былъ отправиться въ ссылку и жить въ Гихонѣ. Здѣсь онъ основалъ Астурійскій Институтъ и, желая устроить при немъ библіотеку, обратился въ 1795 г. къ Великому инквизитору Лоренсанѣ съ просьбой разрѣшить ему выписать изъ-за границы необходимыя книги. Лоренсана отвѣтилъ, что въ Испаніи имѣется достаточно хорошихъ писателей, и что иностранныя книги и безъ того испортили немало профессоровъ и студентовъ, а потому онъ не можетъ исполнить желаніе Ховельяноса, хотя послѣдній хлопоталъ о такихъ книгахъ, какъ изслѣдованіе по минералогіи, руководство по физикѣ. Мало того, одно уже ходатайство сдѣлало Ховельяноса подозрительнымъ, и инквизиторъ Лопесъ Гиль сталъ слѣдить за тѣмъ, какія именно книги читаетъ Ховельяносъ. Однажды инквизиторъ забрался даже къ нему на квартиру въ то время, когда Ховельяноса не было дома, и послѣдній засталъ у себя этого непрошеннаго гостя за чтеніемъ Локка. Донесъ ли инквизиторъ послѣ этого столкновенія на Ховельяноса, или вмѣсто него это сдѣлалъ кто-либо другой, сказать трудно: во всякомъ случаѣ, Ховельяносъ былъ арестованъ. Но въ 1797 г. Карлъ IV назначилъ его министромъ юстиціи, и онъ сталъ систематически бороться съ Инквизиціей. Ему, между прочимъ, принадлежитъ проектъ реорганизаціи Инквизиціи на началахъ, выработанныхъ еще Арандой, а именно: единственными судьями ереси и всѣхъ другихъ духовныхъ преступленій отнынѣ должны были быть одни лишь епископы, а инквизиторы, вызванные къ жизни исключительными условіями, должны были перестать функціонировать. Инквизиція естественно испугалась реформаторскихъ тенденцій политики Ховельяноса и обратилась за помощью къ тому самому Годою, котораго она недавно хотѣла погубить. Годой и самъ былъ недоволенъ вліяніемъ Ховельяноса на Карла IV и охотно сталъ поддерживать Инквизицію въ ея стремленіи къ низверженію Ховельяноса: онъ былъ объявленъ атеистомъ и еретикомъ и въ августѣ 1798 г. былъ удаленъ съ министерскаго поста. Отставка Ховельяноса сопровождалась королевской carta orden, въ которой заявлялось, что Инквизиція вѣчно будетъ пользоваться данными ей прерогативами и въ ея организаціи не будутъ сдѣланы никакія измѣненія. Ховельяносъ снова долженъ былъ поселиться въ Гихонѣ. Но и здѣсь Инквизиція не оставила его въ покоѣ. На него былъ сдѣланъ Карлу доносъ, будто онъ стремится уничтожить католическую вѣру и монархическую власть въ Испаніи. Онъ былъ арестованъ и заключенъ «на неопредѣленное время» въ картезіанскій монастырь на островѣ Майоркѣ. Вскорѣ его перевели въ крѣпость Пальмы, главнаго города острова, гдѣ онъ пробылъ 7 лѣтъ и откуда былъ освобожденъ благодаря событіямъ 1808 г., когда лишился трона Карлъ IV и одновременно съ нимъ палъ Годой. Въ тюрьмѣ Ховельяносомъ были написаны многія изъ лучшихъ его поэтическихъ произведеній. Его оды читались нарасхватъ. Приведемъ для образца отрывокъ изъ одной его оды, въ которой онъ характеризуетъ положеніе Испаніи.

«Храбрые герои, нѣкогда разносившіе по міру славу нашего имени, вы не живете даже въ воспоминаніи! Развалины Сагунта, такъ долго служившія нашей гордостью, свидѣтельствуютъ нынѣ о нашемъ позорѣ. Кортецъ и Пизарро возвѣщаютъ изъ своихъ могилъ о нашемъ поношеніи. Да, было время, когда наше имя такъ прекрасно звучало, а теперь Испанія погружена въ жалкое безсиліе. Всѣми презираемая, она не въ состояніи ни схватиться за мечъ, предъ которымъ нѣкогда трепеталъ весь міръ, ни двинуть ногой, ни поднять потупленные взоры. Подлѣ нея стоятъ блѣдный страхъ, малодушная нищета, тупая лѣнь и наглое невѣжество, которое тычетъ пальцемъ въ горсть мудрецовъ и съ дикимъ хохотомъ смыкаетъ имъ уста. Религія, которую охраняли наши предки, не щадя потоковъ своей крови, нынѣ въ презрѣніи. Служители правосудія, какъ святотатцы, вторгаются въ его храмъ, съ неслыханнымъ безстыдствомъ разрываютъ покровы богини и склоняютъ вѣсы въ пользу насилія и порока. У Бетиса свирѣпствуетъ моровая язва; наши суда съ сокро-

вищами Индіи становятся добычей британца; безславная война покрываетъ насъ кровью» [1]).

Жертвой Инквизиціи сдѣлался и преемникъ Ховельяноса, по министерству юстиціи, Маріано Луисъ де Уркихо.

Уркихо былъ подозрителенъ въ глазахъ Инквизиціи, такъ какъ о немъ шла молва, будто онъ сочувствуетъ французскому просвѣщенію, что онъ доказалъ переводомъ на испанскій языкъ «Mort de César» Вольтера. Противъ Уркихо начато было Инквизиціей даже тайное слѣдствіе, во время котораго въ 1792 г. онъ, по настоянію графа Аранды, былъ назначенъ виднымъ чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Такъ какъ съ высокопоставленными лицами Инквизиція въ XVIII вѣкѣ обращалась съ большой осторожностью, то начатое противъ Уркихо дѣло закончилось сравнительно благополучно для Уркихо: онъ частнымъ образомъ подвергся выговору, тайному отпущенію грѣховъ; его книги и переводы были изъяты изъ обращенія, но имя его не было названо въ эдиктѣ о запрещеніи ихъ. Вскорѣ Уркихо сильно упрочился въ министерствѣ и сталъ даже во главѣ управленія. Будучи премьеромъ, онъ выступилъ противъ ультрамонтановъ и въ 1799 г. предоставилъ епископамъ нѣкоторыя изъ тѣхъ празъ, которыя у нихъ были отняты Римской Куріей, по мнѣнію Уркихо, вопреки каноническимъ законамъ. Въ томъ же году онъ рѣзко отозвался о дѣятельности Инквизиціи, позволившей себѣ обыскать квартиру умершаго батавскаго консула Шука, и запретилъ впредь нарушать законы международнаго права, такъ какъ такое постоянное нарушеніе «поддерживаетъ и увѣковѣчиваетъ отвращеніе къ Инквизиціи въ этой странѣ и плохую ея репутацію за-границей» [2]). Желая использовать нашумѣвшую ошибку Инквизиціи въ дѣлѣ батавскаго консула и убѣдившись въ успѣхѣ своего рѣзкаго порицанія ея дѣйствій, Уркихо черезъ нѣсколько времени предложилъ Карлу IV совершенно отмѣнить Инквизицію и употребить ея богатство на благотворительныя и общеполезныя учрежденія. Карлъ испугался смѣлости Уркихо, и послѣдній сдѣлался мишенью для нападокъ Инквизиціи, поддерживаемой Годоемъ, видѣвшимъ въ Уркихо соперника по вліянію на короля. Уркихо былъ обвиненъ тремя инквизиторами въ томъ, что раздѣляетъ идеи философіи XVIII вѣка, и въ 1801 г. онъ палъ и былъ сосланъ въ Памплону, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ. Здѣсь онъ былъ подвергнутъ особенно строгому режиму: ему не давали ни книгъ, ни бумаги; его камера не отоплялась и не освѣщалась. Послѣ паденія Карла IV Уркихо сдѣлался виднымъ членомъ французской партіи, afrancesado, и умеръ въ Парижѣ въ 1817 г., гдѣ жилъ въ изгнаніи съ 1813 года [3]).

Всѣ эти неудачныя попытки борьбы съ Инквизиціей свидѣтельствовали, что подготовлялась почва для рѣшительнаго на нее нападенія. Однако, потребовалась революція, чтобы свалить окончательно этотъ колоссъ, устои котораго начали уже гнить со вступленія на престолъ въ 1700 г. Бурбонской династіи.

Дѣло въ томъ, что даже Филиппъ V, несмотря на свое непостоянство, никогда не забывалъ, согласно совѣту Людовика XIV, что, будучи испанскимъ королемъ, онъ по рожденію все-таки французъ и долженъ поэтому олицетворять собою въ Испаніи французскую культуру. Онъ привезъ съ собою не только политическій идеалъ тогдашней Франціи — стройную систему административной централизаціи, подчиненіе органовъ провинціальной

[1]) H. Baumgarten въ «Historische Zeitschrift», 1863; А. Трачевскій, «Испанія XIX-го вѣка», Москва. 1872; Somoza de Montsoriu, «Las amarguras de Jovellanos», 1889; Menèndez y Pelayo, «Historia de los heterodoxos españoles , 3 тома, вторымъ изданіемъ сталъ выходить въ 1911 г., вышелъ I-ый томъ; Lea, «History», IV; Lafuente, «Historia general de España», 1866, 15 томовъ; Llorente, «Histoire critique», IV, 122.

[2]) Llorente, «Histoire critique», IV, 133.

[3]) Llorente op, cit,, IV, 105 и слѣд.; Lea, «Histosy», IV, 396.

администраціи контролю центральнаго правительства, разграниченіе функцій послѣдняго между специальными министерствами, всеобъемлющую роль государства въ формѣ абсолютной монархіи,—но и представленіе о томъ, что государь является покровителемъ науки и искусства, и что высшая цѣль короля управлять просвѣщеннымъ народомъ въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Благодаря этому Филиппъ V и сталъ заботиться о пробужденіи испанскаго народа изъ того глубокаго сна, которымъ онъ спалъ въ царствованіе послѣднихъ представителей Габсбургскаго дома. Первый Бурбонъ основалъ въ Испаніи академіи словесности, исторіи и медицины, учредилъ особую дворянскую семинарію, вызвалъ къ жизни Національную библіотеку и новый университетъ. Несмотря на строгости инквизиціонной и государственной цензуры, книга получила большую свободу, и испанцы стали знакомиться съ французскими идеями: запрещенный плодъ манилъ ихъ съ необыкновенной силой, и историки того времени передаютъ, что въ университетахъ и въ высшихъ даже сферахъ зачитывались «философскими книгами». Мало-по-малу испанская мысль стала освобождаться отъ двойного ига—отъ Инквизиціи и реакціоннаго Государства—и принимать болѣе современный характеръ. Появились «Cartas eruditas» Фейхоо, безпощадно высмѣивавшія схоластику, гнѣздившуюся въ университетахъ, и безсмысленную спѣсь гидальго и нищаго; въ то же время Испанію стали знакомить съ результатами англійской и французской науки; наконецъ, политико-экономы приводили въ примѣръ испанцамъ, какъ образцы здраваго народнаго хозяйства, еретическія государства, Англію и Голландію. Если къ этому прибавить рядъ благодѣтельныхъ реформъ, проведенныхъ въ царствованіе Филиппа V въ экономической, политической и общественной жизни, то легко понять, что Испанія за продолжительное правленіе перваго Бурбона сдѣлала значительный шагъ впередъ по пути прогресса: вмѣстѣ съ ея благосостояніемъ росла необходимость и въ свободѣ, и въ вѣротерпимости. Инквизиція стала дѣйствовать въ совершенно непривычной обстановкѣ,—окруженная ненавистью и глубокимъ презрѣніемъ. Сами инквизиторы заражались этими чувствами, и около 1740 г. слышатся отъ Супремы жалобы, что служители трибуналовъ индифферентны, беззаботны и усердствуютъ лишь относительно своего жалованія. Нравственный и умственный уровень служителей страшно понизился, тѣмъ болѣе, что плата осталась прежней, а жизнь вздорожала, и интеллигентный человѣкъ ищетъ болѣе прибыльнаго и уважаемаго занятія. Несмотря на страсть испанцевъ къ теплымъ мѣстечкамъ (empleomania) и на привилегіи, даваемыя Инквизиціей, недостатокъ въ людяхъ сталъ очень сильно чувствоваться, и въ 1719 г. барселонскіе инквизиторы спрашиваютъ Супрему, что имъ дѣлать въ виду общаго нежеланія поступать на инквизиціонную службу. Въ 1737 г. толедскій трибуналъ не могъ найти для Гуадалахары ни комиссіонера, ни нотаріуса, хотя городъ этотъ насчитывалъ свыше 100 тысячъ населенія [1]).

Въ дальнѣйшемъ, въ царствованіе Фердинанда VI и Карла III, Инквизиція должна была потерять еще больше свой былой авторитетъ, такъ какъ оба эти монарха, въ особенности Карлъ III, послѣдовательно шли по пути реформъ въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма. У Фердинанда было столкновеніе съ Инквизиціей по поводу запрещенія послѣднею распространенія брошюры, знакомившей испанцевъ съ антиіезуитской дѣятельностью португальскаго министра Помбаля. Въ 1751 г. Фердинандъ VI лишилъ инквизиторовъ въ Перу ихъ фуэро, заявивъ, что какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ имъ предоставлено лишь пассивное, а не активное фуэро [2]).

Еще ранѣе, когда въ Льеренѣ изъ-за обложенія инквизитора произошли недоразумѣнія между трибуналомъ и королевскими чиновниками, Фердинандъ издалъ декретъ, въ силу котораго кастильскому совѣту предоставлена была власть надъ инквизиціонными служите-

[1]) Lea, «History», IV, 388.

[2]) Lea, «Inquisition in the Spanish Dependencies», 1908, 288.

лями, не получавшими жалованія. Декретъ этотъ наносилъ такой тяжелый ударъ привилегіямъ Инквизиціи, что Великій инквизиторъ Прадо-и-Куэста энергично протестовалъ противъ него и просилъ короля немедленно отмѣнить его и не оставлять нигдѣ даже копіи его, такъ какъ подобное распоряженіе не достойно имени короля и христіанской вѣры. Не хорошо также, писалъ Великій инквизиторъ, чтобы міръ, въ годъ вступленія вашего на престолъ, увидѣлъ, что вы такъ оскорбляете Святую Инквизицію. Правда, Фердинандъ считалъ Инквизицію полезной для сохраненія чистоты вѣры (para conservar la pureza de la fè), но онъ полагалъ, что ее слѣдуетъ поддерживать и защищать до тѣхъ лишь поръ, пока она дѣйствуетъ въ отведенныхъ ей предѣлахъ (se mantuviese en los limites de su institucion) [1]. Въ согласіи съ этимъ, когда Супрема требовала, чтобы на всѣхъ государственныхъ торжествахъ инквизиторамъ уступали первое мѣсто, такъ какъ Инквизиція считается важнѣйшимъ трибуналомъ не только въ Испаніи, но и во всемъ мірѣ, служа основой всѣхъ христіанскихъ королевствъ и республикъ, Фердинандъ отвѣтилъ, что намѣстникъ короля, олицетворяющій высшую волю Государства, не можетъ уступать первенства инквизиторамъ, и послѣдніе, подъ страхомъ наказанія, должны ему подчиняться въ вопросахъ этикета. При Карлѣ III Инквизиція должна была уступать не только въ вопросахъ этикета, но и въ очень принципіальныхъ, часто вызывавшихъ продолжительные споры, дѣлахъ, и казалось, что дни Инквизиціи уже сочтены, если не въ смыслѣ окончательной ея отмѣны, то, во всякомъ случаѣ, какъ самостоятельнаго, независимаго, ставящаго себя надъ законами учрежденія. Къ счастью для Инквизиціи, Карлъ IV мало походилъ на предшествовавшихъ ему Бурбоновъ и скорѣе напоминалъ Габсбурга, чѣмъ проникнутаго ученіемъ «короля-солнца» отпрыска Бурбонской династіи. Кромѣ того, ужасъ предъ революціей и печальная судьба старшаго Бурбона навели естественный страхъ на испанскаго короля и заставили его броситься въ объятія Инквизиціи. Тѣмъ не менѣе, и онъ часто не оправдывалъ ея довѣрія и предпринималъ шаги, напоминающіе его «безбожнаго» отца. Въ видѣ иллюстраціи приведемъ слѣдующій случай. Въ 1801 г. духовникъ королевы Маріи-Луизы Мускисъ донесъ Инквизиціи на авильскаго архидіакона Антоніо Куэсту и его брата Геронима, обвиняя ихъ въ янсенизмѣ. Началось слѣдствіе, которое продолжалось нѣсколько лѣтъ; наконецъ, въ апрѣлѣ 1804 г. Геронимъ, проведшій все время въ тюрьмѣ, былъ признанъ невиновнымъ; Антоніо же не судился, такъ какъ онъ скрылся за границу до суда. Супрема, однако, отказывалась выпустить изъ тюрьмы Геронима Куэсту; кто-то поставилъ объ этомъ въ извѣстность короля, и Карлъ IV потребовалъ къ себѣ дѣло братьевъ Куэста. Въ 1806 г. онъ объявилъ, что Супрема не имѣла права держать въ тюрьмѣ Геронима и что не только необходимо его немедленно освободить, но и возстановить его во всѣхъ правахъ. Карлъ распорядился устроить въ присутствіи епископа и инквизиторовъ торжественное искупленіе причиненныхъ Куэстѣ золъ и строго наказалъ какъ тѣхъ, которые ложно донесли Инквизиціи на братьевъ, такъ и нѣкоторыхъ членовъ трибунала, виновныхъ въ предосудительныхъ противъ Геронима мѣрахъ. На зачинщиковъ процесса былъ наложенъ штрафъ въ размѣрѣ 11455 дукатовъ, а для Мускиса, центральной фигуры всего этого дѣла, оно имѣло и дальнѣйшія печальныя послѣдствія. Объявленный клеветникомъ, онъ сталъ защищаться и въ свою очередь обвинилъ вальядолидскаго инквизитора и Великаго инквизитора Арсе-и-Рейносо въ пристрастіи къ Куэстамъ и въ партійности. За такое оскорбленіе Великаго инквизитора при исполненіи обязанностей архіепископъ Мускисъ подпалъ подъ дѣйствіе буллы Si de protegendis. Онъ не могъ быть арестованъ, такъ какъ его защищалъ санъ архіепископа: онъ долженъ былъ лишь уплатить 8 тыс. дукатовъ въ видѣ штрафа [2]). Мало того, образованное общество и большинство министровъ и при Карлѣ IV

[1]) Altamira y Crevea, op. cit., 219.

[2]) Altamira y Crevea, «Historia de España y de la civilizacion española», Барселона, IV, 221 и слѣд.; Lea, «History», IV, 296; Llorente, «Histoire critique», IV, 117—118.

продолжало враждебно относиться къ дѣятельности Инквизиціи, и смѣлые планы о реорганизаціи и даже отмѣнѣ ея возникали чаще всего именно при королѣ, гораздо менѣе своихъ предшественниковъ готовомъ бороться съ Инквизиціей.

Брошенное Бурбонами сѣмя падало на благодарную почву; если революціонный вѣтеръ, дувшій изъ Франціи, и не всегда дастъ плодамъ созрѣть и подчасъ будетъ пожинать бурю, то, съ другой стороны, и Инквизиція не найдетъ «въ бурѣ покоя».

Революціонная и контръ-революціонная полоса, въ которую вступила Испанія въ началѣ XIX-го вѣка, будетъ тревожнымъ и печальнымъ временемъ не только для просвѣщенной мысли, но и для ея антипода, для Инквизиціи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Отдѣльные эпизоды изъ жизни Инквизиціи.

Несмотря на то, что Фердинандъ, какъ учредитель Инквизиціи, пользовался большимъ вліяніемъ на нее, онъ, тѣмъ не менѣе, не могъ спасти изъ ея когтей тѣхъ изъ своихъ фаворитовъ, которые почему-либо навлекали на себя гнѣвъ Инквизиціи. Алонсо де Кабальерія, арагонскій вице-канцлеръ, былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ Фердинандомъ, который особенно благоволилъ къ нему, о чемъ всѣмъ арагонцамъ было хорошо извѣстно. Но въ жилахъ Алонсо текла еврейская кровь. Во второй половинѣ XIII вѣка жилъ въ Арагоніи еврей Іуда де Кабальерія, котораго Сурита въ своихъ «Арагонскихъ анналахъ» называетъ вліятельнѣйшимъ королевскимъ финансовымъ чиновникомъ; онъ завѣдывалъ королевскими финансами, соорудилъ флотъ и снабдилъ провіантомъ арагонскую армію во время войны съ Мурсіей. Онъ былъ родоначальникомъ богатой арагонской семьи Кабальерія, у одного изъ членовъ которой, Соломона ибнъ Лаби Кабальерія, крестилось восемь сыновей, занявшихъ видное положеніе въ государствѣ. Самуилъ-Педро Кабальерія былъ епископомъ и принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ о заключеніи брака Фердинанда съ Изабеллой; Ахабъ-Филиппъ Кабальерія былъ лидеромъ въ кортесахъ и краснорѣчиво поддерживалъ въ нихъ правительственныя предложенія; Исаакъ-Фернандо былъ кураторомъ сарагосскаго университета, а Луисъ состоялъ главнымъ казначеемъ (tesorero mayor) Хуана Наваррскаго. Но наибольшей извѣстности достигъ старшій сынъ Соломона ибнъ Лаби Кабальерія, Бонафосъ или, послѣ крещенія, Мисеръ Педро. Уже будучи христіаниномъ, онъ усердно изучалъ еврейскую литературу и считался однимъ изъ авторитетныхъ ученыхъ того времени. Онъ развелся съ своей женой, дочерью Луиса Сентангела, не желавшей принять христіанства, и женился на новохристіанкѣ Віоланте Рунесъ. Желая доказать, что онъ вѣрой и правдой служилъ своей новой религіи, онъ написалъ крайне рѣзкій памфлетъ противъ евреевъ и мавровъ подъ названіемъ «Zelus Christi contra Judaeos et Sarracenos», въ которомъ повторялъ обычныя противъ евреевъ обвиненія, заявляя, что «на развалинахъ евреевъ воздвигается и строится настоящая и католическая надежда христіанъ» (ex ruina eorum [judaeorum] constituitur et construitur vera et catholica spes christiana). Въ 1464 г. Мисеръ Педро Кабальерія былъ убитъ, по слухамъ, маранами, которые будто не могли простить ему измѣны по отношенію къ своимъ бывшимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ. У Педро было три сына: Алонсо, о которомъ мы упомянули выше, Луисъ, интимный другъ короля Хуана, и Хаиме, сопровождавшій Фердинанда Католика въ Неаполь и исполнявшій конфиденціальныя порученія короля. Противъ этой-то семьи, любимой королемъ и окруженной ореоломъ мученичества за новую вѣру, и выступила Инквизиція противъ явнаго нежеланія Фердинанда.

По обыкновенію Инквизиція начала съ менѣе вліятельныхъ членовъ этой семьи. Въ 1488 г. были публично сожжены кости Хуана де Кабальерія; вскорѣ публичному покаянію подверглись Луисъ, его сынъ Хаиме и нѣкоторые другіе представители семьи Кабальерія. Наконецъ, Инквизиція выступила съ обвиненіемъ Алонсо, арагонскаго вице-канцлера, въ участіи въ убійствѣ Арбуэса. Алонсо искалъ помощи у своего покровителя Фердинанда, но онъ оказался безпомощнымъ въ этомъ дѣлѣ, и Алонсо обратился въ Римъ. Личное вмѣшательство папы спасло Алонсо, который продолжалъ пользоваться расположеніемъ Фердинанда, съ которымъ даже породнился: младшій сынъ Алонсо, Франсиско де-Кабальерія, женился на внучкѣ короля Хуанѣ, кузинѣ императора Карла V. Неудача Инквизиціи не помѣшала ей, однако, продолжать интриги противъ семьи Кабальерія, и въ 1502 г. сарагосскій трибуналъ арестовалъ брата Алонсо, Хаиме Кабальерія. Въ отчаяніи и, повидимому, опасаясь за собственную свою судьбу, Алонсо обратился къ Фердинанду, умоляя его вступиться за Хаиме и, въ случаѣ несчастья, за самого Алонсо. Фердинандъ успокоилъ своего любимца, пожелалъ счастливаго исхода дѣла, но существенной помощи оказать, очевидно, не могъ. Онъ обѣщалъ, впрочемъ, поручить самому Великому инквизитору разсмотрѣть это дѣло, если, кромѣ Хаиме Кабальерія, будетъ арестованъ и Алонсо. Послѣдній вторично обратился съ письмомъ къ королю, а 3 января 1503 г. Фердинандъ извѣстилъ своего фаворита, что готовъ ему помочь, ускорить процессъ брата, о чемъ онъ писалъ сарагосскимъ инквизиторамъ. Что Фердинандъ дѣйствительно хотѣлъ прійти на помощь семьѣ Кабальерія, видно изъ того, что онъ въ данномъ случаѣ не лгалъ и въ самомъ дѣлѣ просилъ трибуналъ стоять на стражѣ интересовъ справедливости и не совершать ничего несправедливаго: если трибуналъ будетъ дѣйствовать въ духѣ справедливости, у короля не будетъ повода ко вмѣшательству въ инквизиціонныя дѣла. Инквизиція, однако, игнорировала всѣ королевскія обращенія, и 25 марта 1504 г. Хаиме Кабальерія былъ подвергнутъ въ Сарагоссѣ публичному ауто-да-фе. Мало того, въ 1525 г. старшій сынъ Алонсо, Санче де Кабальерія, былъ привлеченъ сарагосскимъ трибуналомъ по обвиненію въ содомскомъ грѣхѣ: неимовѣрное богатство Санче спасло его отъ наказанія [1]). Деньги сдѣлали то, что было недоступно могущественному Фердинанду.

Насколько Инквизиція пренебрегала совѣтами и указаніями короля, даже въ самыхъ мелкихъ дѣлахъ, видно изъ слѣдующаго эпизода.

Въ 1645 г. Алонсо Муньосъ, корегидоръ въ Куэнкѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитель трибунала, подослалъ банду убійцъ къ одной женщинѣ, съ которой онъ находился въ интимной связи; убійцы покончили съ нею, а также со священникомъ, жившимъ съ этой женщиной. Дѣло это вызвало въ Куэнкѣ большой шумъ: городъ былъ возмущенъ и требовалъ ареста Муньоса. Но когда королевскій судъ взялъ въ свои руки это дѣло, трибуналъ выступилъ съ протестомъ и отлучилъ отъ Церкви тѣхъ, которые хотятъ присвоить себѣ власть надъ инквизиціонными служителями. Городъ обратился съ жалобой къ Филиппу IV, который черезъ спеціальныхъ слѣдователей установилъ, что дѣйствительно женщина и священникъ были убиты наемными убійцами, подосланными Муньосомъ. Король потребовалъ отъ Супремы, чтобы отлученіе было снято съ судей, а самое дѣло было передано кастильскому совѣту. Въ отвѣтъ на это Великій инквизиторъ Арсе-и-Рейносо 4 мая 1645 г. заявилъ, что распоряженіе короля является оскорбленіемъ Святой Инквизиціи и должно считаться какъ бы не существующимъ. Великій инквизиторъ отрицалъ также фактъ убійства женщины и обѣщалъ наказать Муньоса, если онъ дѣйствительно настолько преступенъ, какъ объ этомъ, со словъ толпы, говоритъ король. Филиппъ возмутился отвѣтомъ Арсе-и-Рейносо, повторилъ въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ

[1]) Llorente, «Histoire critique», I, 250, II, 17; «Revista de España», 105, 572 и слѣд.; Lea, «History», I, 115 и 295; Amador de los Rios, «Historia de los Judios», III, 107; Jew. Encyclop.», III.

свое требованіе; но Великій инквизиторъ настаивалъ на своемъ, доказывалъ, что свѣтская власть Инквизиціи, т.-е. право судить уголовныя и гражданскія дѣла, предоставлена ей папой безъ всякихъ ограниченій, и король, который не можетъ претендовать на то, чтобы стоять выше папы, не можетъ также отмѣнять дарованныя папой привилегіи. Въ утвержденіи Арсе-и-Рейносо былъ явный софизмъ, такъ какъ никогда и нигдѣ папа не давалъ Инквизиціи исключительнаго права судить гражданскія и уголовныя дѣла, въ которыхъ замѣшаны члены инквизиціонныхъ трибуналовъ, но на Филиппа, во всякомъ случаѣ, аргументъ Великаго инквизитора, повидимому, сильно повліялъ: въ 1648 г. членъ кастильскаго совѣта горько жаловался на то, что въ дѣлѣ Муньоса всѣ инструкціи короля оставляются Инквизиціей безъ вниманія, и что самъ преступникъ до сихъ поръ еще не наказанъ. Это заставляетъ думать, говоритъ названный членъ кастильскаго совѣта, что Инквизиція вовсе не заботится о томъ, чтобы виновные наказывались; она стремится лишь къ тому, чтобы убѣдить всѣхъ въ своемъ могуществѣ и доказать, что преступные члены трибуналовъ не подлежатъ наказанію, хотя бы противъ нихъ были самыя ужасныя улики, и всѣ свѣтскіе и королевскіе суды требовали бы преслѣдованія виновныхъ [1]).

Одновременно съ дѣломъ Муньоса Супрема и въ другомъ случаѣ показала Филиппу, что она мало считается съ его волей, какъ бы законна она ни была. Въ 1649 г., во время народныхъ волненій въ Валенсіи, король потребовалъ, чтобы участвующіе въ грабежахъ и волненіяхъ члены инквизиціонныхъ трибуналовъ были лишены своихъ привилегій и привлекались къ отвѣтственности обыкновенными судами. Когда Супрема получила этотъ королевскій циркуляръ, она была въ смущеніи и, вмѣсто того, чтобы немедленно поставить въ извѣстность всѣ трибуналы о волѣ Филиппа, отправила циркуляръ обратно въ королевскую канцелярію подъ предлогомъ, что подобное распоряженіе свидѣтельствуетъ о плохомъ знаніи короля дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Валенсіи. Желая смягчить нанесенную Филиппу обиду, Супрема вскорѣ отправила на его имя особый докладъ, въ которомъ указывалось, какъ вредно отразится на религіи лишеніе Инквизиціи ея привилегій и льготъ, тѣмъ болѣе, что такое лишеніе неизбѣжно приметъ продолжительный характеръ, такъ какъ въ Валенсіи постоянно происходятъ безпорядки, угрожающіе мирнымъ жителямъ жизнью, и невозможно требовать отъ инквизиторовъ и служителей трибуналовъ, чтобы они безучастно относились къ этимъ безпорядкамъ и на насилія не отвѣчали насиліемъ. Въ заключеніе Супрема повторила свое заявленіе, что король, видимо, былъ введенъ своими совѣтниками въ заблужденіе при изданіи своего распоряженія, а потому было бы желательно, чтобы впредь безъ предварительнаго совѣщанія съ Супремой не издавались никакіе циркуляры, могущіе имѣть какое-либо отношеніе къ дѣламъ Инквизиціи.

Что служащіе Инквизиціи были далеко не такъ невинны, какъ утверждала Супрема, видно изъ доклада арагонскаго вице-короля, маркиза Велеса, представленнаго Филиппу IV еще въ 1632 г. Велесъ открыто заявлялъ, что онъ только въ томъ случаѣ надѣется возстановить спокойствіе въ Валенсіи, если будутъ приняты энергичныя мѣры противъ служителей Инквизиціи, являющихся главными вдохновителями, иниціаторами и руководителями разбойничьихъ шаекъ и грабительскихъ бандъ. Служителя Инквизиціи, говоритъ Велесъ, знаютъ, что они ничѣмъ не рискуютъ и потому открыто принимаютъ участіе въ самыхъ преступныхъ дѣяніяхъ; мало того, обыкновенные злодѣи и разбойники разсчитываютъ, что благодаря Инквизиціи и имъ удастся избѣгнуть королевскаго суда, и гораздо легче рѣшаются на злодѣянія, разъ въ нихъ замѣшаны лица, пользующіяся особыми привилегіями, гарантирующія имъ безнаказанность. Не желая быть голословнымъ, Велесъ приводитъ рядъ именъ: во главѣ грабителей въ Валенсіи находятся Педро Ревартъ, Сіурана и Адель, всѣ они служатъ въ трибуналѣ; въ Вильяреалѣ вожакъ разбойничьей шайки — Хаиме Блау, членъ трибунала; въ Бенигнаминѣ руководятъ вооруженными бандами Граціанъ Эспанья,

[1]) Lea, «History», I, 489—490.

Барсела и другіе служители трибунала. Нѣтъ почти ни одного крупнаго убійства, въ которомъ не былъ бы замѣшанъ служитель Инквизиціи, и бѣда заключается въ томъ, что противъ инквизиціонныхъ служителей никто не рѣшается дурно показывать, такъ какъ свидѣтель очень многимъ при этомъ рискуетъ. Инквизиціонный служитель, осужденіе котораго почти немыслимо, всегда можетъ отомстить свидѣтелю, и нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что валенсійскіе безпорядки не подаются усмиренію, несмотря на проявляемую королевскими слугами энергію. По мнѣнію Велеса, необходимо, прежде всего, распустить теперешній штатъ инквизиціонныхъ служащихъ и предать обычному суду всѣхъ виновныхъ. Такъ слѣдуетъ, между прочимъ, поступить и съ убійцами Мартина Сантиса.—Мартинъ Сантисъ былъ въ 1632 г. убитъ въ Валенсіи, и королевскій судъ заподозрилъ въ убійствѣ четырехъ служителей Инквизиціи, извѣстныхъ своими нападеніями на мирныхъ жителей и пользующихся плохой репутаціей далеко за предѣлами города. Когда Инквизиція узнала объ арестѣ ихъ, она немедленно потребовала выдачи арестованныхъ валенсійскому трибуналу. Королевскій судъ предоставилъ это дѣло competencia, и началась обычная волокита, завершившаяся, однако, побѣдой Инквизиціи. Въ конечномъ счетѣ дѣло досталось ей. Изъ четырехъ обвиняемыхъ она признала виновнымъ лишь одного Хаиме Блау, котораго приговорила къ изгнанію и штрафу въ 300 дукатовъ. Даже самый снисходительный судъ—а Инквизиція никогда не претендовала на снисходительность—вынесъ бы болѣе суровый приговоръ.

Насколько свѣтская власть боялась подвергнуть какому-либо наказанію инквизитора, явствуетъ изъ заявленія, сдѣланнаго каталонскими депутатами Карлу II въ 1695 году. Испанія находилась въ то время въ войнѣ съ Франціей, и генералъ-губернаторъ, маркизъ Гастаньяра, арестовалъ по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ француза Баля, держа его incomunicado и отдавъ приказъ никого не допускать къ арестованному. Инквизиторъ Антоніо Сансъ-и-Муньосъ вмѣшался въ это дѣло и сталъ утверждать, что Баль долженъ быть выданъ Инквизиціи, такъ какъ противъ него имѣется подозрѣніе и въ ереси. Такъ какъ свѣтская власть протестовала противъ требованія Санса-и-Муньоса, то послѣдній сталъ угрожать отлученіемъ отъ Церкви. Вскорѣ онъ привелъ въ исполненіе свою угрозу противъ помощника генералъ-губернатора въ виду отсутствія послѣдняго. Между тѣмъ, маркизъ Гастаньяра снесся съ Мадридомъ и ждалъ точныхъ указаній, какъ поступить съ дерзкимъ инквизиторомъ. Королевскій отвѣтъ прибылъ съ спеціальнымъ курьеромъ, и генералъ-губернаторъ Гастаньяра вызвалъ къ себѣ инквизитора подъ предлогомъ, что хочетъ передать ему одно порученіе отъ короля. Когда Сансъ-и-Муньосъ явился къ Гастаньярѣ, онъ до чтенія королевскаго письма заявилъ, что подчинится ему и будетъ его исполнять въ точности. Письмо говорило объ изгнаніи виновнаго инквизитора изъ Барселоны. Генералъ-губернаторъ далъ Сансу-и-Муньосу деньги на дорогу, предоставилъ въ его распоряженіе карету, стражу, мушкатеровъ и отправилъ его въ портъ, гдѣ было уже снаряжено особое судно для него. Инквизиторъ протестовалъ противъ этого «почетнаго» изгнанія, выразивъ сожалѣніе, что не можетъ наложить интердикта на городъ. Но по существу генералъ-губернаторъ побѣдилъ, хотя побѣда эта была куплена хитростью и униженіемъ. Она свидѣтельствовала, какъ слаба была свѣтская власть по отношенію къ Инквизиціи: въ военное время генералъ-губернаторъ, арестовавшій подданнаго страны, съ которой Испанія находилась въ войнѣ, могъ избавиться отъ вмѣшательства Инквизиціи лишь путемъ хитрости, и то получивъ заранѣе прямое указаніе короля. Когда Великій инквизиторъ узналъ о причиненномъ Сансу-и-Муньосу оскорбленіи, онъ назначилъ его членомъ одного изъ наиболѣе вліятельныхъ инквизиціонныхъ трибуналовъ [1]).

Не всегда, однако, свѣтской власти удавалось даже путемъ хитрости преодолѣть

[1]) Lea, «History», I, 482—483.

ставящіяся ей по пути препятствія со стороны Инквизиціи. Въ 1623 г. въ Гранадѣ былъ приговоренъ алкалдомъ нѣкто Паломино, обыкновенный преступникъ, къ 200 ударамъ и шести годамъ галерныхъ работъ; вердиктъ этотъ былъ утвержденъ слѣдующей судебной инстанціей и долженъ былъ немедленно вступить въ силу. Но Инквизиція потребовала выдачи преступника, а также всего его дѣлопроизводства. Въ отвѣтъ на это алкалдъ заявилъ, что готовъ передать дѣло въ competencia, но гранадскій трибуналъ отправилъ въ тюрьму человѣка за арестантомъ, который, безъ вѣдома судей, былъ выданъ начальникомъ тюрьмы трибуналу, приговорившему Паломино къ слушанію мессы. Такъ какъ выдача Паломино была совершена путемъ подкупа со стороны служителей трибунала, то королевскій судъ арестовалъ виновныхъ въ подкупѣ, а также начальника тюрьмы и алкалда, дѣйствовавшихъ безъ согласія суда. Въ отвѣтъ на это инквизиціонный трибуналъ, подъ угрозой отлученія отъ Церкви, потребовалъ освобожденія въ теченіе трехъ часовъ арестованныхъ служителей Инквизиціи. Судъ настаивалъ на competencia, и дѣло стало принимать благопріятный оборотъ: арестованные служащіе Инквизиціи должны были быть выпущены на свободу, а съ королевскихъ судей должно было быть снято отлученіе. Но неожиданно для обѣихъ сторонъ въ споръ вмѣшался Великій инквизиторъ Пачеко: не дождавшись окончательнаго рѣшенія competencia, онъ вытребовалъ къ себѣ дѣлопроизводство и приказалъ въ теченіе двухъ недѣль явиться обѣимъ сторонамъ къ нему. Когда королевскіе судьи запротестовали противъ этого требованія, они не только были отлучены отъ Церкви, но и преданы анаѳемѣ. Пострадавшіе обратились за помощью къ королю; на него старался вліять также въ этомъ дѣлѣ кастильскій совѣтъ, возмущавшійся, что Пачеко грубо разрывалъ рѣшенія competencia. Повидимому, Оливаресъ былъ на сторонѣ свѣтской власти, жаловавшейся, что послѣ такого оскорбленія ей невозможно будетъ исполнять свои обязанности въ Гранадѣ, но Филиппъ IV не желалъ идти противъ Великаго инквизитора, и Пачеко вышелъ побѣдителемъ въ этомъ спорѣ.

Нерѣдко обыкновенный трибуналъ вступалъ въ борьбу съ высшими представителями духовенства и прибѣгалъ по отношенію къ нимъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Въ 1609 г. кордовскій провизоръ, исполнявшій обязанности отсутствовавшаго епископа, арестовалъ священника города Кабры, въ теченіе 8 лѣтъ не служившаго ни одной мессы и вообще отличавшагося большой распущенностью. Священникъ сослался на свои инквизиціонныя фуэро, дѣлавшія его неподсуднымъ епископскому суду; тогда провизоръ, бывшій въ хорошихъ отношеніяхъ съ инквизиторами, сталъ просить ихъ не вмѣшиваться въ это дѣло. Инквизиторамъ, однако, путемъ обмана удалось получить дѣлопроизводство священника и они приказали прекратить начатое противъ него провизоромъ слѣдствіе. Послѣдній обратился къ Супремѣ съ жалобой на дѣйствія инквизиторовъ, за что и былъ ими отлученъ отъ Церкви. Супрема, однако, приняла сторону провизора и четыре раза приказывала инквизиторамъ отдать дѣло священника по назначенію и снять съ провизора отлученіе, но кордовскій трибуналъ не считался съ требованіями Супремы и скрывалъ у себя виновнаго священника. Мало того, инквизиціонные служители ворвались въ епископскій дворецъ, чтобы арестовать тамъ провизора, но когда онъ, ссылаясь на каноническій законъ, воспротивился аресту, они заявили, что онъ обвиняется въ ереси, и просили корегидора и муниципальныя власти помочь имъ въ дѣлѣ ареста виновнаго провизора. Онъ былъ заключенъ въ инквизиціонную тюрьму, гдѣ содержался два мѣсяца, и былъ приговоренъ къ лишенію должности, четыремъ годамъ изгнанія и къ нѣкоторымъ духовнымъ наказаніямъ. Епископъ, естественно, сталъ на сторону пострадавшаго провизора и угрожалъ отлучить отъ Церкви членовъ кордовскаго трибунала, но послѣдній началъ преслѣдованіе противъ нѣкоторыхъ каноиковъ, обвиняя ихъ въ заговорѣ противъ Инквизиціи, и было ясно, что трибуналъ черезъ ихъ головы мѣтитъ въ епископа. Однако, послѣдній былъ недосягаемъ для обыкновеннаго инквизиціоннаго трибунала. Въ дѣло вмѣшалась не только

Супрема, но и король и Римская Курія: провизоръ былъ спасенъ, но и кордовскій трибуналъ ничѣмъ не поплатился за свою дерзость [1]).

Столкновенія между трибуналами и епископами приводили къ взаимному отлученію отъ Церкви и часто принимали такой ожесточенный характеръ, что причиняли немало вреда, прежде всего, религіи. Въ 1667 г. на островѣ Майоркѣ произошелъ слѣдующій случай. Служитель трибунала Дамето въ церкви св. Франциска убилъ своего шурина Вальехо, также служителя трибунала. Инквизиція арестовала Дамето; такъ какъ оскверненіе Церкви подлежало вѣдѣнію епископскаго суда, то майоркскій епископъ Манхаре требовалъ выдачи арестованнаго Дамето. Между трибуналомъ и епископомъ возникъ рѣзкій споръ, закончившійся отлученіемъ отъ Церкви какъ инквизитора, такъ и епископа. Такъ какъ инквизиторъ продолжалъ настаивать на своемъ и игнорировалъ епископское отлученіе, то Манхаре обратился за помощью къ Риму, извѣстивъ одновременно о всемъ происходящемъ и арагонскій совѣтъ. Великій инквизиторъ Нитардъ принялъ сторону трибунала и потребовалъ, чтобы Манхаре немедленно явился къ нему для объясненій; но епископъ отказался исполнить приказаніе, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что Инквизиція не имѣетъ права судить епископовъ. Опираясь на сочувствіе королевы, Нитардъ уговорилъ ее написать арагонскому совѣту, чтобы онъ предписалъ епископу повиноваться Великому инквизитору и отдалъ приказъ вице-королю оказать должную помощь трибуналу въ его борьбѣ съ епископомъ; епископу слѣдовало запретить апеллировать въ Римъ, а если жалоба уже отправлена туда, то ее необходимо перехватить и представить въ руки Нитарда или совѣта. Однако, арагонскій совѣтъ не исполнилъ приказа королевы и 21 января 1668 г. представилъ ей консульту, въ которой подробно остановился на тѣхъ печальныхъ слѣдствіяхъ, которыя неизбѣжно наступятъ, разъ свѣтская власть будетъ поддерживать Инквизицію въ ея конфликтахъ съ епископами, опирающимися въ данномъ случаѣ на безспорный фактъ, на предоставленныя имъ папой льготы и привилегіи. Нитардъ, однако, не считался съ постановленіями соборовъ, и Супрема возбудила преслѣдованіе противъ епископа Манхаре. Это вызвало въ странѣ сильное возбужденіе, и высшіе представители свѣтской власти стали доказывать королевѣ, что Инквизиція злоупотребляетъ своими правами, и что никогда Великому инквизитору не предоставлялась привилегія судить епископа, въ особенности въ уголовныхъ дѣлахъ, безъ спеціальнаго разрѣшенія папы. Такъ какъ поведеніе Нитарда стало вскорѣ извѣстно и въ Римѣ, то Курія извѣстила королеву, что считаетъ недѣйствительнымъ отлученіе отъ Церкви епископа Манхаре, а римская Инквизиціонная Конгрегація открыто выразила недовольство поведеніемъ Испанской Инквизиціи. Нитардъ представилъ королевѣ спеціальный докладъ по этому поводу, доказывая, что папа дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ безъ достаточнаго знанія дѣла, Конгрегація же, по его мнѣнію, не имѣетъ права вмѣшиваться въ испанскія дѣла. Очевидно, Нитардъ готовъ былъ идти на полный разрывъ съ Римомъ и надѣялся встрѣтить въ лицѣ королевы рѣшительную поддержку. Но онъ ошибся, такъ какъ вліяніе Великаго инквизитора на королеву не было безграничнымъ. Нитардъ долженъ былъ подать въ отставку. Но характерно, что преслѣдованіе противъ епископа Манхаре не было прекращено: лишь смерть Манхаре въ 1670 г. положила конецъ этому дѣлу, гдѣ беззаконіе и всемогущество инквизиціонныхъ трибуналовъ проявили себя съ одинаковой силой.

Жертвами Инквизиціи было немало высокопоставленныхъ лицъ. Одной изъ первыхъ такихъ жертвъ былъ принцъ Хаиме, инфантъ Наварры или, какъ чаще его называютъ, инфантъ Туделы. Хаиме былъ незаконорожденнымъ сыномъ Карлоса Наваррскаго, принца Віаны и Гироны, брата Фердинанда Католика; Хаиме, такимъ образомъ, былъ племянникомъ короля, учредившаго Инквизицію. Хаиме жилъ въ Туделѣ, куда въ 1485 г., послѣ

[1]) Lea, «History», I, 495—496.

убійства инквизитора Арбуэса, бѣжало нѣсколько сарагосцевъ, преслѣдуемыхъ Инквизиціей. Хаиме далъ въ своемъ домѣ убѣжище одному изъ такихъ бѣглецовъ, который, пробывъ въ домѣ принца нѣсколько дней, потомъ благополучно скрылся во Францію. Слухъ объ этомъ дошелъ до Инквизиціи, которая въ 1487 г. и арестовала принца Хаиме по обвиненію въ сочувствіи ереси. Правда, наложенное на него наказаніе было незначительно: Хаиме въ присутствіи большого стеченія народа долженъ былъ прослушать мессу въ качествѣ кающагося. Упорно, однако, утверждали, что онъ предварительно получилъ отъ двухъ служителей Инквизиціи удары кнутомъ. Въ 1563 г. на ауто-да-фе въ Мурсіи предсталъ принцъ Филиппъ де Арагонъ, сынъ императора Феца и Марокко. Филиппъ совсѣмъ молодымъ пріѣхалъ изъ Африки въ Испанію, гдѣ принялъ христіанство; его крестнымъ отцомъ былъ старшій сынъ неаполитанскаго короля Фридриха III, валенсійскій вице-король Фердинандъ де Арагонъ. Нѣкоторое время Филиппъ не возбуждалъ подозрѣній Инквизиціи, считавшей его истиннымъ католикомъ, окончательно забывшимъ свою старую религію. Но въ годы высшаго развитія въ Испаніи протестантизма противъ Филиппа было выдвинуто обвиненіе и въ ереси, и въ черной магіи. 20 мая 1563 г. онъ въ санбенито, съ колпакомъ на головѣ, былъ примиренъ на ауто-да-фе съ Церковью, приговоренъ къ тремъ годамъ заточенія въ монастырѣ и навсегда изгнанъ изъ Эльче, постояннаго мѣстожительства, и изъ Валенсіи, Арагона, Мурсіи и Гранады. Инквизиторы объяснили толпѣ мягкость наказанія тѣмъ, что Филиппъ самъ отдался въ руки правосудія, хотя легко могъ бѣжать за границу [1]).

Въ 1668 г. Великій инквизиторъ Нитардъ началъ процессъ противъ Донъ Жуана Австрійскаго, брата короля Карла II. Инквизиція обвиняла принца въ сочувствіи лютеранству, и одно время казалось, что Нитардъ достигнетъ своей цѣли. Но вскорѣ онъ потерялъ довѣріе королевы и вынужденъ былъ, въ связи также съ вышеописаннымъ случаемъ съ епископомъ Манхаре, подать въ отставку. Новый Великій инквизиторъ прекратилъ начатое противъ Донъ Жуана слѣдствіе. Въ концѣ XVI вѣка отъ Инквизиціи благополучно спасся Педро Луисъ Борджіа, послѣдній великій мастеръ военнаго ордена Монтеса. Борджіа принадлежалъ къ одному изъ самыхъ аристократическихъ родовъ: папа Александръ VI, Марія Энрикесъ, сестра арагонской королевы Хуаны, матери Фердинанда Католика, были въ числѣ его родственниковъ. У Педро Луиса Борджіа было нѣсколько братьевъ и всѣ они занимали выдающееся положеніе: Франсиско былъ генераломъ іезуитскаго ордена, Генрихъ былъ кардиналомъ, Томасъ — сарагосскимъ архіепископомъ, Филиппъ — оранскимъ губернаторомъ и т. д. Валенсійскій трибуналъ, видимо, не боялся гнѣва всѣхъ этихъ высокопоставленныхъ лицъ и арестовалъ Педро Луиса по обвиненію въ содомскомъ грѣхѣ. Сначала Борджіа обратился за помощью къ папѣ, утверждая, что, какъ великій мастеръ ордена, онъ подлежитъ суду лишь одного папы; но Римъ отвергъ его ходатайство со ссылкой на буллы Климента VII отъ 1524 и 1530 годовъ. Родовитому обвиняемому угрожала серьезная кара; опасались даже смертнаго приговора. Въ ходъ были пущены разныя средства для его спасенія: прежде всего, инквизиторовъ стали убѣждать, что содомскій грѣхъ не имѣетъ отношенія къ религіи и Инквизиція собственно не должна преслѣдовать виновныхъ въ этомъ преступленіи. Разумѣется, валенсійскій трибуналъ чувствовалъ всю слабость этихъ доводовъ, но, зная вліяніе при дворѣ родственниковъ Борджіа, надѣялся, что снисходительность въ данномъ случаѣ будетъ ему поставлена въ особую заслугу, за которой послѣдуетъ награда въ видѣ назначенія отдѣльныхъ инквизиторовъ членами Супремы и т. д. Педро Луисъ Борджіа былъ признанъ невиновнымъ, и его незаконорожденный сынъ получилъ даже званіе кардинала. Братъ Педро Луиса, генералъ іезуитскаго ордена Франсиско Борджіа, не былъ такъ счастливъ и былъ признанъ

[1]) Llorente, «Histoire critique», II, 341—42.

вальядолидскимъ трибуналомъ виновнымъ въ лютеранской ереси. Въ атеизмѣ обвинялся, наконецъ, третій членъ семьи Борджіа, знаменитый Цезарь Борджіа, сынъ папы Александра VI. Онъ былъ женатъ на сестрѣ наваррскаго короля, Жанѣ Альбре. Логроньскій трибуналъ долженъ былъ начать противъ него процессъ, но въ виду смерти Цезаря Борджіа, погибшаго въ битвѣ недалеко отъ Логроньо, дѣло было прекращено.

Въ 1543 г. Инквизиція привлекла къ отвѣтственности генеральнаго капитана и военнаго губернатора Барселоны, члена одной изъ наиболѣе аристократическихъ семей Испаніи, Педро Кардону. Онъ обвинялся въ нарушеніи привилегій барселонскаго трибунала и былъ приговоренъ къ частному ауто-дафе въ каѳедральной церкви Барселоны: со свѣчей въ рукѣ, безъ оружія и орденовъ, Кардона, стоя съ поникшей головой, выслушивалъ молитвы, читавшіяся инквизиторами для отпущенія грѣха, совершеннаго высшимъ представителемъ королевской власти въ Барселонѣ [1]). Около этого же времени за аналогичный проступокъ, т.-е. за нарушеніе фуэро трибунала Инквизиціи, былъ приговоренъ къ частному ауто-дафе въ церкви и къ небольшому денежному штрафу маркизъ Терранова, неаполитанскій адмиралъ, испанскій грандъ перваго класса, родственникъ Карла V, вице-король и генералъ-губернаторъ Сициліи. Въ той же Сициліи въ 1606 г. Инквизиція наложила кару на герцога де Фріасъ, кастильскаго коннетабля, вице-короля и генералъ-губернатора этого острова. Особенно часто стали преслѣдоваться Инквизиціей высшіе представители свѣтской власти и члены аристократическихъ семей въ XVIII вѣкѣ, когда авторство и чтеніе запрещенныхъ Инквизиціей книгъ сдѣлалось модой въ лучшемъ обществѣ, и когда идеи французскаго просвѣщенія дѣйствительно охватили наиболѣе интеллигентную часть испанскаго общества. Частая смѣна королевскихъ фаворитовъ и министровъ, вызывавшаяся и затруднительнымъ внутреннимъ состояніемъ испанской монархіи, и внезапно надвинувшейся опасностью со стороны революціонной Франціи, немало способствовала тому, что Инквизиція дерзала посягать на находившихся наверху славы и могущества государственныхъ людей, надѣясь, что часъ ихъ власти скоро пробьетъ, и что они, такимъ образомъ, очутятся въ ея сѣтяхъ. Процессы противъ многихъ министровъ Карла III, Фердинанда VI и Карла IV свидѣтельствовали, что Инквизиція не ошибалась въ своихъ разсчетахъ, а многочисленныя преслѣдованія книгъ, то рекомендовавшихся для чтенія, то попадавшихъ въ индексы, часто одновременно встрѣчавшихъ одобреніе одной власти и порицаніе другой, лишь подогрѣвали энергію и смѣлость инквизиторовъ и побуждали ихъ не останавливаться ни предъ какими трудностями, не считаться съ положеніемъ своей жертвы, какъ высоко оно ни было.

И высшіе представители духовной власти нерѣдко попадали въ ея когти.

Лучшей иллюстраціей этого можетъ служить дѣло Карансы.

Бартоломе де Каранса-и-Миранда родился въ 1503 г. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ университетъ въ Алкала; восемнадцати—въ монахи Доминиканскаго ордена, въ 1534 г. онъ былъ назначенъ старшимъ профессоромъ богословія и членомъ вальядолидскаго суда. Командированный въ 1540 г. въ качествѣ представителя своего ордена на общее собраніе монашескихъ орденовъ въ Римѣ, Каранса благодаря своимъ выдающимся способностямъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, былъ удостоенъ степени доктора и получилъ отъ папы Павла III разрѣшеніе на чтеніе запрещенныхъ еретическихъ книгъ. Когда онъ возвратился въ Испанію, имя его уже было окружено ореоломъ національной славы. При созывѣ Тридентскаго собора въ 1545 г. Карлъ V назначилъ его однимъ изъ делегатовъ, и во время своего трехлѣтняго пребыванія на этомъ соборѣ Каранса пріобрѣлъ

---

[1]) Llorente, «Histoire critique», II, 82—84.

широкую популярность во всемъ христіанскомъ мірѣ. Выдающуюся роль онъ игралъ послѣ Тридентскаго собора, когда былъ назначенъ для исполненія должности цензора еретическихъ сочиненій. Въ 1553 г., по возвращеніи въ Вальядолидъ, онъ возобновилъ чтеніе своихъ лекцій; въ 1554 г., когда Филиппъ отправился въ Англію съ цѣлью жениться на королевѣ Маріи и такимъ образомъ возсоединить британскій островъ съ католической Церковью, онъ взялъ съ собою Карансу какъ человѣка, наиболѣе способнаго содѣйствовать успѣху задуманнаго имъ дѣла.

Самъ Каранса впослѣдствіи гордился тѣмъ, что за трехлѣтнее пребываніе въ Англіи сжегъ, обратилъ на путь истины, изгналъ изъ страны 30 тысячъ еретиковъ и вернулъ Церкви два милліона душъ. Въ 1555 г., когда Филиппъ долженъ былъ уѣхать во Фландрію къ своему отцу, онъ оставилъ при Маріи Карансу въ качествѣ совѣтника по религіознымъ вопросамъ. Въ этой должности онъ оставался до 1557 г., и за это время его жизнь не разъ подвергалась опасности со стороны еретиковъ, видѣвшихъ въ немъ главнаго виновника своихъ страданій.

Насколько велико было уваженіе и довѣріе со стороны Филиппа къ Карансѣ, показываетъ тотъ фактъ, что послѣ смерти толедскаго архіепископа Силицео, онъ назначилъ его въ качествѣ преемника послѣдняго на освободившуюся архіепископскую каѳедру. Каранса отказывался отъ этого блестящаго предложенія, рекомендуя Филиппу трехъ кандидатовъ, болѣе достойныхъ, по его мнѣнію, занять этотъ высокій постъ. Но Филиппъ настаивалъ на своемъ, и такъ какъ всѣ попытки уклониться отъ этого рокового назначенія оказались безуспѣшными, то Каранса, въ концѣ концовъ, вынужденъ былъ подчиниться. Какъ высока была репутація Карансы, видно изъ того, что представленіе о его назначеніи, посланное въ Римъ, было утверждено немедленно, безъ соблюденія обычныхъ формальностей.

Это возвышеніе простого монаха на высшую ступень церковной іерархіи въ Испаніи было ударомъ для многочисленныхъ честолюбцевъ, не сумѣвшихъ даже скрыть поднявшейся въ нихъ завистливой вражды. Говорили, что Вальдесъ самъ мечталъ объ архіепископской каѳедрѣ и потому не могъ не испытывать горькаго разочарованія послѣ назначенія Карансы. Такую же мечту лелѣялъ и Педро де Кастро, епископъ Куэнки, преисполнившійся чувствомъ мести за обманутыя надежды. Помимо того, Каранса вообще не пользовался симпатіями среди духовенства; на него смотрѣли, какъ на реформатора въ Церкви, и хотя каждый признавалъ необходимость реформы, но никто не относился доброжелательно къ реформатору, нападавшему на выгодныя для Церкви злоупотребленія.

Каранса имѣлъ особенно опаснаго врага въ лицѣ доминиканскаго монаха Мельхора Кано, котораго можно назвать лидеромъ испанскихъ теологовъ въ то время, когда испанская теологія получила преобладающее положеніе въ Церкви. Между ними давно уже существовала взаимная непріязнь, и быстрое возвышеніе Карансы могло вызвать въ душѣ Кано лишь чувство горькой зависти. При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ Каранса представлялъ изъ себя очень удобную мишень для нападокъ со стороны тѣхъ, кто по тѣмъ или инымъ мотивамъ желалъ его гибели. Судя по писаніямъ Карансы, онъ отличался рѣзкостью и невоздержностью въ выраженіяхъ. Онъ былъ одушевленъ серьезнымъ стремленіемъ къ возрожденію Церкви въ ея первобытной чистотѣ и безпощадно клеймилъ ея недостатки и продажность. Эти рѣзкости языка Карансы можно объяснить его усерднымъ чтеніемъ еретическихъ книгъ по обязанности цензора, изъ которыхъ онъ незамѣтно усвоилъ не только иныя изъ проповѣдуемыхъ въ нихъ доктринъ, но и особый методъ ихъ изложенія. Онъ былъ нѣсколько сумбурный мыслитель, и употребляемыя имъ рѣзкія выраженія могли придавать его идеямъ такой смыслъ, какого онъ и самъ не предполагалъ въ нихъ. Уже въ 1530 г. монахъ Хуанъ де Вильямартинъ обличалъ его передъ Инквизиціей въ сочувствіи Эразму; во время же пребыванія въ Англіи онъ своими

рѣчами не разъ подавалъ поводъ къ неблагопріятнымъ для него комментаріямъ. Установлено было также, что когда Каранса обратился въ 1539 г. въ Римъ къ Хуану Вальдесу съ просьбой указать ему, какихъ авторовъ слѣдуетъ ему изучать для лучшаго пониманія Св. Писанія, то полученное имъ отвѣтное письмо онъ пустилъ въ обращеніе среди студентовъ въ Вальядолидѣ. Это была большая неосторожность съ его стороны: хотя въ это время Хуанъ де Вальдесъ не былъ еще признанъ еретикомъ, однако въ упомянутомъ письмѣ онъ высказывалъ рядъ еретическихъ мыслей. Разумѣется, при подобныхъ условіяхъ такой сумбурный мыслитель, какимъ былъ Каранса, становился особенно удобнымъ объектомъ для нападокъ.

Каранса, несомнѣнно, находился въ болѣе или менѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ тѣми выдающимися лицами, арестъ которыхъ весною 1558 г. за принадлежность къ лютеранству вызвалъ въ обществѣ огромную сенсацію. Весьма возможно, что во время допросовъ арестованные пытались найти себѣ защиту въ его громкомъ имени, но приведенные ими въ своихъ показаніяхъ отрывки изъ бесѣдъ съ Карансой, если они даже и правильно ихъ передавали, совершенно теряютъ всякое значеніе наряду съ торжественнымъ свидѣтельствомъ монаха де Рохасъ, который, желая очистить свою совѣсть за нѣсколько часовъ передъ казнью, заявилъ, что въ Карансѣ онъ никогда не замѣчалъ ничего противнаго ни католической религіи, ни римской Церкви, ни ея соборамъ.

Имѣли ли показанія, вынужденныя пыткою у лютеранъ важное, значеніе или нѣтъ, Великій инквизиторъ Вальдесъ поспѣшилъ воспользоваться собранными данными для дискредитированія Карансы въ глазахъ монарховъ. 12 мая 1588 г. въ докладѣ, представленномъ Карлу V, къ нему обращались съ просьбой оказать содѣйствіе аресту одного весьма важнаго бѣглеца, искавшаго убѣжища у Карансы. Истиннымъ мотивомъ этого ходатайства было, конечно, желаніе поссорить Карансу съ Карломъ. Враги его каждый малѣйшій обвинительный намекъ, добытый отъ арестованныхъ, торопились доводить до свѣдѣнія монарха, безцеремонно превращая намеки въ безспорные факты. При такихъ критическихъ для Карансы обстоятельствахъ на-лицо оказался и весьма важный фактъ, прямо отдававшій его въ руки враговъ. Во время своего пребыванія въ Англіи онъ написалъ книгу, которая должна была служить руководствомъ къ познанію незыблемыхъ истинъ католической религіи и охранять народъ отъ предательскаго яда еретическихъ ученій. Къ исполненію такой задачи Каранса былъ совершенно неспособенъ. Не только мысль его была сумбурна и непослѣдовательна, но и способъ его изложенія страдалъ неточностью, расплывчатостью и неясностью. Кромѣ того, Каранса былъ горячимъ сторонникомъ реформъ церковнаго строя и, смѣло разоблачая злоупотребленія, господствовавшія въ Церкви, заявлялъ въ предисловіи къ своей книгѣ, что его цѣлью было возрожденіе первоначальной чистоты и силы Церкви; а къ этому именно и стремились еретики; высшая же церковная іерархія этого больше всего и боялась. Книгу свою Каранса издалъ въ формѣ комментаріевъ къ катехизису. На протяженіи 900 страницъ онъ высказываетъ цѣлый рядъ очень рѣзкихъ сужденій; каждое въ отдѣльности могло быть съ извѣстными натяжками признано опаснымъ; въ контекстѣ они встрѣчаютъ многочисленныя ограниченія и даже прямыя опроверженія.

Каждый безпристрастный изслѣдователь этихъ комментаріевъ, несомнѣнно, долженъ былъ бы прійти къ заключенію, что ихъ авторъ искренній и ревностный католикъ. При этомъ правовѣріе его было не только академическимъ. Онъ принадлежалъ къ воинствующей Церкви, ненавидѣлъ еретиковъ и ожесточенно преслѣдовалъ ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Еретическіе аргументы, по мнѣнію Карансы, не заслуживали опроверженія; достаточно сказать, что ученіе ихъ осуждено Церковью и потому представляетъ изъ себя ересь. Первый долгъ короля—сохраненіе его государства въ преданности истинной религіи и наказаніе всѣхъ, нарушающихъ ея правила. Если бы еретики совершали

даже чудеса, то и тогда ихъ безпорядочная и безнравственная жизнь служила бы достаточнымъ основаніемъ необходимости огражденія народа отъ ихъ губительнаго вліянія. Если еретики не сознаются въ своихъ заблужденіяхъ, то ихъ слѣдуетъ предавать смерти. Такова истинная теологія вѣрующаго христіанина.

Несмотря на такую опредѣленность религіозныхъ воззрѣній Карансы, его врагамъ нетрудно было указаніемъ на отдѣльныя мѣста, извлеченныя изъ его книги, выставить его человѣкомъ, зараженнымъ ересью, заслуживающимъ судебнаго преслѣдованія. И дѣйствительно, какъ только экземпляръ книги Карансы дошелъ до Педро де Кастро, епископа Куэнки, послѣдній тотчасъ же написалъ Вальдесу письмо, изобличающее ея автора въ еретическихъ мысляхъ. Вальдесъ не преминулъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ и поручилъ заклятому врагу Карансы, упомянутому уже Кано, заняться изслѣдованіемъ его книги. Кано безъ затрудненія насчиталъ сто одну страницу, гдѣ имѣлись еретическія мысли. Такимъ образомъ почва для судебнаго слѣдствія была подготовлена.

Несмотря на глубокую тайну, которой старались окружить эти подготовительные шаги Инквизиціи, Каранса, находившійся въ это время во Фландріи, былъ предупрежденъ о нихъ друзьями, убѣждавшими его не возвращаться въ Испанію и бѣжать въ Римъ подъ покровительство папы. Однако, Каранса отказался послѣдовать этому совѣту, такъ какъ понималъ, что бѣгство въ Римъ неизбѣжно привело бы къ потерѣ покровительства Филиппа, который попрежнему питалъ къ нему безграничное довѣріе. Энергія Вальдеса теперь и была направлена къ тому, чтобы подорвать довѣріе монарха къ Карансѣ. Когда послѣдній долженъ былъ отправиться, по порученію Филиппа, къ императору Карлу, Вальдесъ рѣшилъ помѣшать этому свиданію. 8 августа принцесса Хуана послала Карлу собственноручное письмо, въ которомъ она, по просьбѣ Вальдеса, просила быть осторожнымъ въ сношеніяхъ съ Карансой, такъ какъ онъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ арестованныхъ лютеранъ, и самъ долженъ былъ быть арестованъ. Это извѣстіе усилило лишь нетерпѣніе Карла, желавшаго возможно скорѣе увидѣть Карансу, и потому замедленіе его пріѣзда, несмотря на настойчивые вызовы, создавало для него очень зловѣщую атмосферу; къ тому же Карлъ былъ сильно боленъ и находился при смерти. Со смертью Карла Каранса потерялъ человѣка, который, вѣроятно, сумѣлъ бы оградить его отъ постигшей его судьбы.

Планъ Вальдеса настолько уже былъ подготовленъ, что для преслѣдованія Карансы оставалось лишь добиться спеціальнаго разрѣшенія папы. Для этого прибѣгли къ чрезвычайно коварному пріему. 9 сентября Супрема представила Павлу IV докладъ о своей дѣятельности въ преслѣдованіи лютеранскихъ еретиковъ. Составители доклада, конечно, старались значительно преувеличить опасность, грозившую Церкви, чтобы получить отъ папы возможно широкія полномочія. По словамъ доклада, необходимы были чрезвычайныя мѣры борьбы съ еретиками, такъ какъ иные изъ нихъ встрѣчаютъ поддержку даже со стороны служителей Инквизиціи; поэтому Супремѣ необходимо предоставить право арестовывать всѣхъ подозрительныхъ и виновныхъ лицъ независимо отъ того, облечены ли они какимъ-либо духовнымъ саномъ или занимаютъ какую-либо свѣтскую должность. Такъ какъ Инквизиція пользовалась правомъ юрисдикціи надъ всѣми, за исключеніемъ епископовъ, то очевидно, что, получивъ требуемыя полномочія отъ папы и пользуясь неопредѣленнымъ выраженіемъ: «лица духовнаго сана», Супрема могла бы арестовать Карансу, лишивъ его такимъ образомъ права судиться папскимъ судомъ.

Тѣмъ временемъ Каранса, собираясь отвѣчать на обвиненія своихъ цензоровъ, тщетно пытался достать экземпляръ своей книги съ цензурными помѣтками. Обратившись за помощью къ своимъ друзьямъ при дворѣ и въ Римѣ, Каранса вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ слѣдовать политикѣ повиновенія. Въ день смерти Карла онъ написалъ Санчо Лопесу де Отадора, члену Супремы, что онъ согласенъ на запрещеніе своей книги, если только оно ограничится предѣлами Испаніи и не будетъ упомянуто имя автора. Вскорѣ онъ

писалъ Вальдесу, Супремѣ и другимъ вліятельнымъ лицамъ, что готовъ всему подчиниться. Онъ предлагалъ Супремѣ запретить книгу его въ Испаніи, вернуть ее ему для исправленія и для переложенія на латинскій языкъ. Эта покорность Карансы не имѣла для него никакихъ результатовъ и лишь поощряла его враговъ, дававшихъ ему неопредѣленные отвѣты и ожидавшихъ успѣшнаго завершенія шаговъ, сдѣланныхъ въ Римѣ для полученія отъ папы чрезвычайныхъ полномочій.

Между тѣмъ Каранса прибылъ въ Толедо и ревностно принялся за исполненіе своихъ обязанностей. Онъ со строгой аккуратностью исполнялъ божественную службу, посѣщалъ тюрьмы и монастыри, вводилъ различныя мѣстныя реформы, принуждалъ священниковъ жить въ назначенныхъ для нихъ приходахъ,—словомъ, проявлялъ широкую и многостороннюю дѣятельность. Благотворительность его была безгранична; онъ обыкновенно говорилъ, что онъ самъ нуждается лишь въ одномъ—въ монашескомъ одѣяніи; все же остальное, данное ему Богомъ, было предназначено для бѣдныхъ. За 10 мѣсяцевъ своего пребыванія въ приходѣ онъ истратилъ болѣе 8 тысячъ дукатовъ на свадьбы сиротъ, на выкупъ плѣнныхъ, на помощь вдовамъ, на поѣздки студентовъ въ университеты, на пожертвованія въ больницы. Въ то же время онъ собиралъ благопріятные отзывы о своей книгѣ. Въ качествѣ образчика этихъ отзывовъ можно привести отзывъ архіепископа гранадскаго Педро Гуэреро, по словамъ котораго книга Карансы свободна отъ заблужденій и заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. Но Вальдесъ немедленно принялъ мѣры противъ появленія благопріятныхъ автору Комментаріевъ сужденій. Послѣ того какъ ректоръ университета, канцлеръ и два доктора единодушно высказались въ пользу Комментаріевъ Карансы, Вальдесъ разослалъ циркулярное письмо всѣмъ ученымъ корпораціямъ, запрещающее имъ подъ страхомъ отлученія и штрафа высказывать о какой-нибудь книгѣ мнѣніе прежде, чѣмъ она не будетъ разсмотрѣна Супремой. Не довольствуясь этой общей мѣрой, Вальдесъ привлекъ къ суду ректора университета Діэго Себаньоса и другихъ выдающихся теологовъ, высказавшихся въ пользу книги Карансы. Большинство изъ нихъ вынуждено было отречься отъ своихъ мнѣній.

Между тѣмъ, деканъ Вальдесъ изъ Овіедо, которому было поручено исходатайствовать въ Римѣ исключительныя полномочія для Испанской Инквизиціи, удачно справился со своей миссіей и добился папскаго письма отъ 7-го января 1559 г., о которомъ мы говорили въ главѣ «Протестантизмъ» [1]). Вмѣсто того, чтобы согласно этому письму отправить Карансу въ Римъ, противъ него тайно повели формальное слѣдствіе. 6 мая прокуроръ потребовалъ ареста Карансы и наложенія секвестра на его имущество вслѣдствіе обвиненія его въ устной и письменной проповѣди нѣкоторыхъ заблужденій Лютера. Такъ какъ дѣло было слишкомъ серьезно, то иниціаторы его не рѣшались приступить къ его практическому осуществленію, не заручившись предварительно согласіемъ короля, который все еще находился во Фландріи. Къ тому же, еще недавно, 4 апрѣля, онъ написалъ преслѣдуемому прелату милостивое отвѣтное письмо, гдѣ онъ сообщалъ, что имъ сдѣлано все необходимое по его дѣлу, горячо убѣждалъ всецѣло положиться на него и не прибѣгать къ какому-либо посторонне̌му вмѣшательству, ибо подобный шагъ былъ бы ему крайне непріятенъ. Очевидно, Филиппъ полагалъ, что дѣло шло исключительно о книгѣ Карансы, а не о личной безопасности ея автора.

Между тѣмъ, Каранса самъ подалъ своимъ врагамъ удобный поводъ восторжествовать надъ нимъ. Въ апрѣлѣ 1559 г. собрался доминиканскій капитулъ, и здѣсь между Карансой и Кано, который распускалъ о немъ слухъ какъ о еретикѣ, болѣе опасномъ, чѣмъ самъ Лютеръ, произошло рѣзкое столкновеніе. Каранса потребовалъ наказанія клеветника и пытался помѣшать его кандидатурѣ на должность провинціала. Однако, попытка его не

---

[1]) стр. 205.

имѣла успѣха. Приведенная Кано въ свое оправданіе ссылка на то, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе, была признана вполнѣ достаточной, и избраніе его на должность провинціала не встрѣтило никакихъ возраженій. По этому поводу Каранса имѣлъ неосторожность обратиться съ жалобой въ Римъ. Папа Павелъ IV отнесся къ ней сочувственно. Но Филиппъ не могъ не поддержать человѣка, провинившагося въ глазахъ папы защитой королевской прерогативы, и потому онъ самымъ энергичнымъ образомъ высказался за утвержденіе Кано въ должности, на которую онъ былъ избранъ.

Враги Карансы очень ловко воспользовались этимъ инцидентомъ, чтобы возстановить противъ него Филиппа. Въ цѣломъ рядѣ писемъ къ королевскому духовнику Кано выставлялъ себя жертвой суровыхъ преслѣдованій; по его словамъ, онъ былъ другомъ Карансы, семь мѣсяцевъ сидѣлъ надъ цензурою его Комментаріевъ, вынужденный къ тому только угрозой отлученія,—и вотъ въ благодарность за все это Каранса систематически интригуетъ противъ него въ Римѣ. Онъ рѣшилъ терпѣть молча; но если король еще не скоро вернется въ Испанію, то онъ вынужденъ будетъ искать убѣжища во Фландріи.— Въ такомъ же тонѣ писали Филиппу Супрема и Вальдесъ; и они говорили, что энергія Кано во всемъ этомъ дѣлѣ достойна величайшей похвалы, что король не допуститъ преслѣдованія человѣка, у котораго столько заслугъ передъ Богомъ и его величествомъ. Нѣтъ никакого основанія опасаться какой-либо несправедливости по отношенію къ Карансѣ, ибо слѣдствіе по его дѣлу велось съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ.

26 іюня король отвѣтилъ Кано изъявленіемъ своего удовольствія и увѣреніемъ въ поддержкѣ; одновременно съ этимъ онъ отвѣтилъ и Супремѣ одобреніемъ всѣхъ ея дѣйствій относительно Комментаріевъ и выраженіемъ полнаго довѣрія къ ней. Санкціонируя такимъ образомъ преслѣдованія, начатыя противъ Карансы, Филиппъ, однако, совѣтовалъ щадить его епископскій санъ и во избѣжаніе скандала и для отвлеченія общественнаго вниманія отъ производившагося слѣдствія предложилъ принцессѣ Хуанѣ пригласить Карансу въ Вальядолидъ подъ предлогомъ совѣщанія о важныхъ дѣлахъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній принцесса послала приглашеніе. Каранса въ это время находился въ Алкала, откуда подъ предлогомъ опубликованія вѣроисповѣднаго эдикта выѣхалъ въ Вальядолидъ и толедскій инквизиторъ Римаресъ. Каранса, подозрѣвавшій здѣсь какую-то ловушку, старался оттянуть свою поѣздку въ Вальядолидъ до возвращенія въ Испанію Филиппа, въ расположеніе котораго къ себѣ онъ все еще вѣрилъ.

Вальдесъ, угадывая намѣренія Карансы, стремился предпринять рѣшительный шагъ до возвращенія короля, чтобы послѣднему пришлось уже считаться съ совершившимся фактомъ. Оставлять Карансу на свободѣ во время производства слѣдствія по обвиненію его въ ереси, какъ это предполагалъ Филиппъ, значило бы оставить открытой дверь для вмѣшательства короля или папы; если же арестовать его и заключить въ тюрьму, то Филиппу ничего болѣе не оставалось бы, какъ санкціонировать логическія послѣдствія этого шага. Въ виду этого, на основаніи папскаго письма отъ 7 января 1559 г., Супрема поручила инквизиторамъ принять дѣло къ своему производству. Вальдесъ, исполняя указаніе судебной власти, распорядился объ арестѣ Карансы и отправленіи его въ тюрьму. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было наложить арестъ на все его движимое и недвижимое имущество и на всѣ документы и рукописи.

Веденіе дѣла Карансы было спеціально поручено одному изъ вальядолидскихъ инквизиторовъ Діэго Гонсалесу. Въ длинной и безсвязной запискѣ, представленной Супремѣ, Каранса жалуется, что Гонсалесъ относится къ нему безъ всякаго почтенія, третируетъ самымъ оскорбительнымъ образомъ, мѣшаетъ его сношеніямъ съ Супремой, фабрикуетъ за него отвѣты, всячески препятствуетъ его защитѣ и съ адской изобрѣтательностью старается еще болѣе отягчить ужасъ его положенія. Хотя упомянутое выше письмо папы уполномочивало Супрему лишь на собираніе доказательствъ и на пересылку ихъ вмѣстѣ

съ обвиняемымъ въ Римъ, тѣмъ не менѣе, Инквизиція дѣйствовала такъ, какъ будто она была облечена всѣми судебными полномочіями. Свои судебныя дѣйствія она открыла 14 сентября; такъ какъ Каранса не могъ быть доставленъ въ Инквизицію, то Вальдесъ и Супрема прибыли въ мѣсто его заключенія и по обычаю сдѣлали ему духовное увѣщаніе, предложивъ ему присягнуть и для облегченія совѣсти добровольно покаяться. Каранса на это отвѣтилъ отводомъ противъ Вальдеса и двухъ другихъ судей, какъ лицъ, питающихъ къ нему вражду. Предъявленіе отвода вызвало сильный споръ, который рѣшено было передать на разсмотрѣніе третейскаго суда. 23 февраля 1560 г. этимъ судомъ было вынесено рѣшеніе въ пользу Карансы. Такимъ образомъ, возникла необходимость въ новомъ составѣ суда. Друзья Карансы и доминиканцы энергично добивались передачи его дѣла въ Римъ. Но для папы Пія IV воля Филиппа была закономъ, и 14 мая отъ него было получено письмо, уполномочивающее короля назначить для слушанія дѣла и для постановленія соотвѣтствующаго приговора одного или болѣе епископовъ или иныхъ лицъ духовнаго званія по его собственному выбору. Филиппъ не торопился съ назначеніемъ новыхъ судей и отложилъ это дѣло на цѣлый годъ. Наконецъ, 13 марта 1561 г. онъ назначилъ судьей Карансы Гаспара Суньигу, архіепископа Сантъяго, который поручилъ веденіе дѣла епископамъ Валтодано и Симанкасу, членамъ Супремы, враждебно настроеннымъ противъ обвиняемаго. Разумѣется, и противъ этихъ судей Каранса предъявилъ отводъ. Но Филиппъ заявилъ, что по такимъ основаніямъ отвода ни одинъ судья не могъ бы судить обвиняемаго, арестованнаго по его приказу. Въ іюнѣ Карансѣ было предоставлено, въ видѣ исключенія, право избрать себѣ защитника, каковымъ онъ выбралъ Мартина де-Аспилкуэта, извѣстнаго подъ именемъ доктора Наварро. Послѣдній честно исполнилъ долгъ, но поплатился за это своей карьерой въ Испаніи.

Послѣ почти двухлѣтняго заключенія Карансы начался формальный процессъ, протекавшій съ чрезвычайной медленностью. Наконецъ, прокуроръ представилъ обвинительный актъ, заключавшій въ себѣ 31 пунктъ, на которые обвиняемый немедленно долженъ былъ дать отвѣты. Просьба обвиняемаго открыть ему доступъ къ документамъ по его дѣлу была оставлена безъ удовлетворенія, ибо не въ обычаѣ Инквизиціи было доставлять обвиняемымъ средства къ защитѣ. Обвинительные пункты были формулированы на основаніи матеріала, извлеченнаго не только изъ его Комментаріевъ, но и изъ признаній еретиковъ-лютеранъ, изъ старательно собранныхъ сплетенъ и слуховъ и изъ груды бумагъ, захваченныхъ у Карансы во время его ареста. Многія изъ рукописей, авторство которыхъ вмѣнялось ему въ вину, на самомъ дѣлѣ представляли изъ себя выписки изъ различныхъ еретическихъ сочиненій, сдѣланныя съ цѣлью опроверженія ихъ; въ качествѣ обвинительнаго матеріала использованы были даже случайныя записи и замѣтки, составленныя имъ еще въ пору его юности, лѣтъ сорокъ тому назадъ.

Прошелъ цѣлый годъ, и 5 іюня 1562 г. прокуроръ представилъ новый обвинительный актъ, основанный, главнымъ образомъ, на сплетняхъ и на неопредѣленныхъ слухахъ. Каранса, представляя свою защитительную рѣчь, составленную, вѣроятно, его защитникомъ, просилъ о вызовѣ и допросѣ цѣлаго ряда свидѣтелей, въ числѣ которыхъ были названы Филиппъ II и принцесса Хуана. Прокуроръ, обойдя молчаніемъ царственныхъ свидѣтелей, возражалъ противъ вызова остальныхъ на томъ основаніи, что всѣ они принадлежали къ числу друзей Карансы. 31 августа 1562 г. Каранса обратился съ горячимъ призывомъ къ Филиппу, напомнивъ ему о письмѣ, гдѣ король писалъ, чтобы онъ вѣрилъ только ему одному. Между тѣмъ, вотъ уже три года, какъ онъ томится въ тюрьмѣ, а процессъ его только начался и обѣщаетъ затянуться до безконечности. Нигдѣ въ мірѣ, писалъ онъ, правосудіе не отправлялось въ такихъ формахъ, и въ порывѣ отчаянія онъ молилъ короля ускорить движеніе дѣла или разрѣшить ему апеллировать къ папѣ. Достигъ-ли до короля голосъ заключеннаго изъ глубины темницы, — неизвѣстно, но это обращеніе не имѣло послѣдствій

Въ это время дѣло Карансы пріобрѣло уже характеръ европейскаго скандала. Это ярко отразилось и на настроеніи епископовъ, собравшихся на третій Тридентскій соборъ; епископы смотрѣли на дѣло Карансы какъ на оскорбленіе Церкви и нарушеніе привилегій ихъ корпораціи. Это настроеніе встревожило Филиппа и въ письмахъ отъ 30 октября и 15 декабря 1562 г. онъ предписывалъ своему представителю на Тридентскомъ соборѣ и своему римскому послу предупредить возможность обсужденія дѣла Карансы и просить папу о томъ, чтобы онъ запретилъ собору касаться дѣйствій Испанской Инквизиціи. Съ большимъ трудомъ удалось удержать членовъ собора отъ вмѣшательства въ дѣло Карансы, на перенесеніи котораго въ Римъ они горячо настаивали. Папа успокоилъ прелатовъ увѣреніемъ, что не позволитъ затянуть дѣло далѣе апрѣля 1564 г. и что онъ самъ постановитъ справедливый приговоръ. Не будучи въ состояніи помочь своему плѣнному брату, епископы, по крайней мѣрѣ, позаботились о своей собственной безопасности, принявъ постановленіе, которымъ категорически подверждалась установленная съ 1551 г. исключительная подсудность епископовъ папскому суду. Мало того, епископы добились отъ Римской Конгрегаціи, составлявшей индексъ запрещенныхъ книгъ, чтобы Комментаріи Карансы были признаны благонамѣренной католической книгой, достойной вниманія всѣхъ благочестивыхъ людей, а 23 іюня 1563 г. получено было отъ Пія разрѣшеніе на печатаніе ея. Представителю Филиппа на соборѣ только послѣ упорныхъ усилій удалось добиться отмѣны одобренія сочиненія Карансы.

Между тѣмъ, судебный процессъ подвигался крайне медленно; одинъ за другимъ формулировались все новые и новые пункты обвиненія, такъ что въ концѣ концовъ ихъ накопилось болѣе 400. Каждое новое обвиненіе служило поводомъ къ новой проволочкѣ. Эти проволочки нужны были Филиппу, вѣроятно, для того, чтобы продлить время пользованія доходами съ секвестрованнаго имущества обвиняемаго. Пій IV не разъ напоминалъ о слишкомъ медленномъ движеніи дѣла Карансы и неоднократно назначалъ сроки для пересылки документовъ въ Римъ. Но съ наступленіемъ назначенныхъ сроковъ давалъ новыя отсрочки. Поощренный этой очевидной слабостью папы, Филиппъ послалъ 24 ноября 1564 г. въ Римъ Родриго де Кастро съ спеціальной миссіей добиться отъ папы согласія на то, чтобы участь Карансы была предоставлена суду Инквизиціи. Для достиженія этой цѣли король предписывалъ своему делегату не останавливаться ни передъ какими средствами, даже передъ самымъ широкимъ подкупомъ. Эта миссія кончилась полной неудачей. Терпѣніе папы истощилось; онъ рѣшительно заявилъ послу Филиппа, что дѣло должно быть направлено къ нему, и что онъ поступитъ по своему усмотрѣнію.

Пій IV ничего не успѣлъ добиться. Его преемникъ Пій V былъ человѣкъ совсѣмъ иного закала. Испанскимъ агентамъ вскорѣ пришлось убѣдиться, что новый папа въ дѣлѣ Карансы былъ неподкупенъ и неумолимъ. Сейчасъ же послѣ вступленія на папскій престолъ онъ предъявилъ Испаніи требованіе о выдачѣ Карансы и о присылкѣ всѣхъ документовъ по его дѣлу. Привыкшій къ высокомѣрному обращенію съ папами, Филиппъ, отвѣчая Пію, назвалъ его требованіе оскорбительнымъ и противнымъ королевской прерогативѣ, посягающимъ на порядокъ вещей, освященный святымъ престоломъ. Это требованіе, писалъ Филиппъ, не можетъ быть удовлетворено; папа могъ назначить для разсмотрѣнія дѣла лицъ по своему собственному выбору, лишь бы лица эти были испанцами; если же Карансѣ суждено томиться въ тюрьмѣ до конца дней своихъ, то отвѣтственность за это должна пасть, во всякомъ случаѣ, не на тѣхъ, кто предлагалъ возможный выходъ изъ создавшагося положенія. Этотъ дерзкій отвѣтъ лишь укрѣпилъ Пія въ принятомъ имъ рѣшеніи. Онъ вызвалъ къ себѣ испанскаго посла Суньигу и велѣлъ передать королю, что послѣдній подвергаетъ себя всѣмъ опасностямъ гнѣва святого престола, ибо папа рѣшилъ довести начатое дѣло до конца.

Подчеркнувъ несправедливое и скандальное отношеніе къ Карансѣ, папа лишалъ

судейскихъ функцій Вальдеса, Супрему и всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Подъ страхомъ отлученія и лишенія должностей, онъ приказалъ выпустить Карансу на свободу и, по назначеніи ему замѣстителя на толедскую каѳедру, немедленно отправить его въ Римъ. Подъ страхомъ гнѣва Божія, апостоловъ Петра и Павла и церковнаго отлученія, всѣ документы по его дѣлу должны были быть доставлены въ Римъ въ трехмѣсячный срокъ.

Изъ страха передъ послѣдствіями обострившагося конфликта Филиппъ подчинился требованіямъ Пія V. Въ сопровожденіи ненавистнаго ему инквизитора Діэго Гонсалеса и подъ конвоемъ военнаго отряда, Каранса былъ отправленъ изъ Вальядолида въ Римъ, куда прибылъ 28 мая 1567 г. Здѣсь онъ былъ заключенъ въ замокъ Сантъ-Анджело, гдѣ ему суждено было пробыть девять лѣтъ, хотя и при менѣе суровой обстановкѣ, чѣмъ въ Испаніи.

Но оказалось, что и въ Римѣ процессъ Карансы обѣщалъ затянуться до безконечности. Забота Пія о всестороннемъ разслѣдованіи дѣла создавала безпрерывныя проволочки, которыми очень ловко пользовались агенты Инквизиціи. На доставку документовъ, накопившихся въ чудовищномъ количествѣ и прибывавшихъ въ Римъ въ страшномъ безпорядкѣ, потребовалось не менѣе года. Въ своей щепетильности Пій доходилъ до того, что требовалъ доставленія не только всѣхъ замѣтокъ самого Карансы, но даже записокъ, составлявшихся студентами по его лекціямъ. Судебная комиссія была образована изъ 17-ти лицъ, включая четырехъ испанцевъ. Когда всѣ подготовительныя дѣйствія были закончены, комиссія начала собираться еженедѣльно подъ предсѣдательствомъ папы, на личномъ присутствіи котораго особенно настаивали испанцы; но такъ какъ папа часто отвлекался отъ комиссіи своими другими обязанностями, то дѣло подвигалось впередъ черепашьимъ шагомъ. Испанская тактика проволочекъ имѣла успѣхъ. Пій V скончался, не успѣвъ опубликовать приговора. Есть основаніе предполагать, что Пій убѣдился въ невинности Карансы и склонялся къ оправдательному приговору. Онъ разрѣшилъ открыто продавать Комментаріи въ Римѣ, и когда прокуроръ настойчиво ходатайствовалъ передъ нимъ о запрещеніи инкриминируемой книги, то Пій замѣтилъ, что подобныя просьбы могутъ заставить его лишь выступить съ формальнымъ одобреніемъ сочиненія Карансы.

Со вступленіемъ на папскій престолъ преемника Пія V, Григорія XIII, который желалъ поддерживать дружественныя отношенія съ Филиппомъ, дѣло Карансы снова получило неблагопріятный оборотъ. Вмѣсто того, чтобы дать ему дальнѣйшій ходъ съ момента, на которомъ оно остановилось послѣ смерти Пія, Григорій заявилъ, что желаетъ лично ознакомиться съ дѣломъ во всемъ его объемѣ, и такъ какъ онъ могъ посвящать ему только незначительную долю своего вниманія, то окончаніе процесса опять затягивалось на нѣсколько лѣтъ. Этимъ временемъ Филиппъ воспользовался, чтобы собрать свѣжій обвинительный матеріалъ противъ Карансы. На дружественныхъ обвиняемому епископовъ, давшихъ благопріятный отзывъ о его сочиненіи, было произведено надлежащее воздѣйствіе, подъ давленіемъ котораго они теперь отказывались отъ своихъ прежнихъ мнѣній. Стараясь очистить себя отъ всякаго подозрѣнія въ сочувствіи Карансѣ, они теперь цѣлыми сотнями осуждали тѣ самые тезисы изъ его сочиненій, которые раньше находили вполнѣ согласными съ духомъ католической религіи.

Такъ какъ процессъ все же приходилось закончить, то съ приближеніемъ заключительнаго момента усиливалась тревога въ душѣ Филиппа, опасавшагося возможнаго оправданія обвиняемаго. 16 февраля 1575 г. онъ обратился къ папѣ съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ настойчиво просилъ поспѣшить съ осужденіемъ Карансы и увѣдомить его о содержаніи приговора до его оглашенія. Григорій отказался исполнить просьбу Филиппа, и король написалъ крайне рѣзкое письмо своему послу Суньигѣ, изумляясь нарушенію папой даннаго слова. Что же касается Карансы, то онъ такъ глубоко убѣжденъ

въ его виновности, что, согласно правиламъ Инквизиціи, его слѣдовало бы сжечь или заставить покаяться послѣ публичнаго отреченія отъ своихъ еретическихъ заблужденій. Но допустить Карансу къ отреченію и затѣмъ позволить ему возвратиться на его прежній постъ въ Толедо—значило бы вызвать смуту и соблазнъ, къ которымъ нельзя было бы отнестись равнодушно. Папа долженъ понять, какими опасностями чреватъ подобный исходъ процесса. Письмо Филиппа запоздало. Приговоръ былъ произнесенъ 14 апрѣля 1576 г., за шесть дней до полученія письма. Содержаніе приговора въ сообщеніи, сдѣланномъ о немъ Филиппу, состояло изъ слѣдующихъ пунктовъ:

1) Архіепископъ толедскій объявлялся въ сильномъ подозрѣніи какъ человѣкъ, зараженный еретическими заблужденіями, отъ которыхъ онъ долженъ былъ отречься.

2) Приговаривался къ отрѣшенію отъ должности и отъ управленія своей церковью на пятилѣтній срокъ, который можетъ быть продленъ по усмотрѣнію папы и святого престола.

3) Въ теченіе указаннаго срока онъ будетъ оставленъ въ монастырѣ и лишенъ права выѣзда безъ спеціальнаго разрѣшенія папы и святого престола.

4) Для управленія толедской церковью папой будетъ назначено особое лицо съ правомъ распоряжаться доходами съ секвестрованнаго имущества, которые будутъ обращены въ пользу Церкви и другихъ религіозныхъ учрежденій.

5) На содержаніе архіепископа будетъ назначена ежемѣсячная пенсія въ 100 золотыхъ кронъ.

Кромѣ того, на осужденнаго налагалась спасательная епитемія; Комментаріи его воспрещалось не только печатать, читать, но и хранить въ числѣ другихъ книгъ.

Приписываемыхъ ему заблужденій насчитывали шестнадцать и всѣ они были извлечены изъ его собственныхъ писаній. Списокъ ихъ былъ доставленъ Карансѣ въ замокъ Сантъ-Анджело, гдѣ осужденный и подписалъ свое отреченіе отъ нихъ.

Оглашеніе приговора совершено было при торжественной обстановкѣ, приличествующей заключительному акту по дѣлу, занимавшему вниманіе христіанскаго міра въ теченіе 17 лѣтъ. 14 апрѣля Каранса былъ представленъ изъ своей тюрьмы въ Константиновскій залъ, гдѣ на папскомъ тронѣ подъ балдахиномъ возсѣдалъ папа, на скамьяхъ сидѣли кардиналы, а вокругъ стояло около сотни зрителей. Послѣ исполненія необходимыхъ формальностей папа протянулъ свитокъ съ приговоромъ секретарю суда, который громко прочиталъ его. По окончаніи чтенія приговора Каранса безстрастнымъ голосомъ прочиталъ свое отреченіе, а затѣмъ его подвели къ стопамъ папы, который распространился о милости, ему оказанной, и заявилъ, что онъ могъ бы разсчитывать еще на большее, если бы велъ жизнь, приличествующую его сану. Послѣ этого Каранса былъ переданъ въ распоряженіе начальника гвардіи, который долженъ былъ доставить его въ доминиканскій монастырь Санта-Марія.

Въ силу наложенной на него епитеміи Каранса обязанъ былъ посѣтить въ субботу Пасхальной недѣли семь церквей. Слухъ о предстоящемъ выходѣ Карансы распространился въ народѣ, и на улицѣ собрались громадныя толпы людей, пожелавшихъ выразить свое сочувствіе осужденному архіепископу. Чтобы помѣшать демонстраціи, папа перенесъ день выхода Карансы въ церковь съ субботы на воскресенье. Но это не помогло. Огромныя массы народа все-таки собрались къ моменту выхода Карансы, и его шествіе по церквамъ, назначенное ему въ наказаніе, превратилось въ настоящій тріумфъ. Въ церквахъ его встрѣчали со всевозможными почестями, въ Латеранскомъ соборѣ онъ даже служилъ мессу. Но въ концѣ этого дня (23 апрѣля) съ нимъ случился болѣзненный припадокъ. Вернувшись въ монастырь, Каранса слегъ въ постель, чтобы уже не вставать болѣе. Болѣзнь быстро прогрессировала, 30 апрѣля папа прислалъ больному свое апостолическое благословеніе и отпущеніе вины и наказанія. Въ тотъ же день Каранса сдѣлалъ передъ своими секрета-

рями торжественно заявленіе, которымъ подтвердилъ свою неизмѣнную преданность католической религіи; затѣмъ онъ съ жаромъ принялъ послѣднее предсмертное напутствіе и 2 мая скончался. Онъ вступилъ въ тюрьму цвѣтущимъ человѣкомъ 56-ти лѣтъ и покинулъ ее, со смертью, надломленнымъ, дряхлымъ старикомъ 73 лѣтъ.

Тѣло Карансы было подвергнуто вскрытію. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что существовали сомнѣнія въ естественности его смерти. Если принять во вниманіе, что въ тотъ жестокій вѣкъ устраненіе неудобныхъ почему-либо лицъ считалось однимъ изъ главныхъ орудій государственнаго управленія, что Филиппъ сильно опасался возможнаго возвращенія осужденнаго архіепископа, что подобный фактъ былъ бы страшнымъ ударомъ авторитету Инквизиціи и униженіемъ королевскаго достоинства, и что Каранса могъ служить въ рукахъ папы опаснымъ орудіемъ противъ Испаніи,—то можно допустить, что внезапная смерть Карансы была дѣломъ рукъ агентовъ испанскаго короля. Подобное предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего обиднаго для такого монарха, какимъ былъ Филиппъ, запятнанный кровью цѣлаго ряда тайныхъ убійствъ. Тѣмъ не менѣе, вѣсть о внезапной смерти Карансы Филиппъ принялъ съ благочестивымъ смиреніемъ, какъ актъ высшей справедливости Провидѣнія.

Въ одномъ отношеніи Инквизиція торжествовала побѣду. Комментаріи Карансы, которые были одобрены Тридентскимъ соборомъ и папами Піемъ IV и Піемъ V, подверглись осужденію и запрещенію. Это сочиненіе вносилось послѣдовательно во всѣ выпуски испанскаго индекса до 1747 г. и, наконецъ, было вычеркнуто изъ него въ 1790 г. Римъ оказался болѣе послѣдовательнымъ: онъ удержалъ въ индексѣ Комментаріи до 1899 г., и только въ 1900 г. эта книга вмѣстѣ съ другимъ устарѣвшимъ хламомъ была исключена оттуда.

Процессъ и осужденіе Карансы почти не отразились на репутаціи его какъ правовѣрнаго борца за интересы католической Церкви. Кардиналъ Кирога, Великій инквизиторъ, замѣнившій его на толедской каѳедрѣ въ 1577 г., велѣлъ помѣстить его портретъ среди портретовъ остальныхъ своихъ предшественниковъ и соорудилъ ему памятникъ. Всѣ безпристрастные историки утверждаютъ, что противъ Карансы нельзя было выставить ни одного серьезнаго обвиненія, и что на одрѣ смерти онъ далъ яркое доказательство своей непоколебимой вѣры и исключительнаго благочестія.

Какъ легко было заставить Инквизицію начать слѣдствіе даже противъ очень выдающихся людей, видно изъ случая съ докторомъ Хуаномъ Вергарой.

Хуанъ де Вергара считался однимъ изъ образованнѣйшихъ людей Испаніи. Когда Хименесъ былъ толедскимъ архіепископомъ, онъ пригласилъ къ себѣ Вергару въ качествѣ секретаря, и эти обязанности Вергара исполнялъ и тогда, когда толедскимъ архіепископомъ сдѣлался Фонсека. Вергара состоялъ также профессоромъ философіи въ Алкала, писалъ на латинскомъ языкѣ стихи, переводилъ Аристотеля и считался творцомъ исторической критики. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые защищали Эразма Роттердамскаго тогда, когда за него заступился Великій инквизиторъ Альфонсо Манрике, который уважалъ Вергару. Когда иллюминатка Франсиска Эрнандесъ, о которой мы упомянули въ другомъ мѣстѣ, была привлечена къ отвѣтственности, она, желая себя спасти и отомстить ненавистному ей Вергарѣ, заявила на судѣ, что Вергара исповѣдуетъ лютеранскія идеи и держитъ у себя произведенія Мартина Лютера. Ученикъ и товарищъ Франсиски Эрнандесъ, монахъ Франсиско Ортисъ, подтвердилъ слова своей учительницы и заявилъ, что Вергара открыто порицалъ Парижскій университетъ за то, что онъ нашелъ еретическія мысли въ сочиненіяхъ Эразма, хотя таковыхъ, по мнѣнію Вергара, въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Такъ какъ показанія обоихъ этихъ лицъ были заподозрѣны въ лживости, то трибуналъ медлилъ арестомъ Вергары; къ несчастью для него, въ 1533 г. стало извѣстно, что онъ,

подкупивъ стражу, переписывается со своимъ арестованнымъ братомъ Бернардино Товаръ, противъ котораго имѣлись улики, что онъ послѣдователь Эразма Роттердамскаго. Вергара былъ арестованъ по обвиненію въ ереси и подкупѣ служителей трибунала. Его арестъ вызвалъ среди духовенства настоящую сенсацію, и толедскій архіепископъ Фонсека хлопоталъ предъ трибуналомъ, прося выпустить Вергару на поруки за 50 тыс. дукатовъ; когда ходатайство это было отклонено, Фонсека предложилъ перевести Вергару въ частную квартиру и тамъ охранять его, но всѣ эти хлопоты привели лишь къ тому, что въ камерѣ Вергары были заколочены окна, и онъ содержался при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. На судѣ Вергара обнаружилъ большую энергію и дѣловитость и доказалъ, что онъ никогда и нигдѣ не высказывался въ еретическомъ духѣ и что всегда былъ истиннымъ католикомъ. Однако, Инквизиція, натолкнувшись на препятствіе, не сдалась и выдвинула противъ него обвиненіе въ дружбѣ съ Эразмомъ Роттердамскимъ. Трибуналъ указалъ на одно письмо Вергары къ Эразму, въ которомъ говорилось о назначеніи Эразму пенсіи; Вергара заявилъ, что письмо это было имъ написано по порученію архіепископа Фонсеки, который одно время хотѣлъ матеріально поддержать Эразма, котораго онъ считалъ полезнымъ членомъ католической Церкви. Вергара прибавилъ, что на Эразма такъ смотрѣлъ даже Хименесъ, предлагавшій ему когда-то каѳедру въ университетѣ въ Алкала. Переписка съ Эразмомъ тѣмъ менѣе могла быть поставлена ему, Вергарѣ, въ вину, что съ Эразмомъ вели дѣятельную переписку очень многія высокопоставленныя лица, и самъ императоръ Карлъ V просилъ его написать опроверженіе ученія Лютера. Казалось, что Вергара избѣжитъ наказанія, тѣмъ болѣе, что за него вступилась императрица; но трибуналъ, получивъ доносъ Алонсо Вируэса, будто лично слышавшаго отъ Вергары еретическія мысли, 21 декабря 1535 г. постановилъ устроить для Вергары ауто-да-фе, на которомъ онъ былъ приговоренъ къ abjuratio de vehementi, къ году заключенія въ монастырь и къ штрафу въ 1.500 дукатовъ.

Вируэсъ, столь повредившій Вергарѣ, былъ также жертвой Инквизиціи. Характерно, что старанія Карла спасти его не привели ни къ чему, такъ какъ трибуналъ отвергалъ всякаго рода хлопоты о спасеніи Вируэса. Бенедиктинецъ Алонсо де Вируэсъ былъ ученымъ оріенталистомъ, любимымъ проповѣдникомъ Карла V, взявшаго его съ собою въ Германію. Вѣроятно, эта императорская милость и погубила Вируэса, недруги котораго донесли на него Инквизиціи. Въ 1533 г. онъ былъ арестованъ по обвиненію въ сочувствіи Эразму Роттердамскому и содержался въ тюрьмѣ четыре года, несмотря на старанія Карла оказать ему помощь и на заявленія всѣхъ теологовъ, что сочувствіе Вируэса Эразму относится къ тому времени, когда Роттердамскій считался еще оплотомъ католицизма и къ нему прибѣгали за поддержкой для борьбы съ Лютеромъ. Видя свою ошибку, Инквизиція отказалась обвинять его въ эразмизмѣ и выдвинула противъ него подозрѣніе въ протестантизмѣ. Въ 1537 г. Вируэсъ былъ приговоренъ къ abjuratio, двумъ годамъ монастырскаго заключенія и четыремъ годамъ запрещенія произносить проповѣди. Карлъ V былъ возмущенъ этимъ приговоромъ и добился отъ папы Павла III особаго бреве, коимъ фактически былъ отмѣненъ вердиктъ трибунала: въ 1542 г. Вируэсъ былъ даже назначенъ епископомъ на Канарскихъ островахъ [1]).

Иногда отдѣльный провинціальный трибуналъ протестовалъ противъ принятаго рѣшенія кортесовъ, одобреннаго королемъ и принятаго во вниманіе Супремой или Великимъ инквизиторомъ, обѣщавшими его исполнять. Такъ, на собраніи кортесовъ въ 1528 г. въ Монсонѣ со стороны депутатовъ раздалось много жалобъ на инквизиціонные трибуналы; указывалось, что они вмѣшиваются въ совершенно ихъ не касающіяся дѣла, арестовываютъ невинныхъ людей безъ всякаго основанія, лишаютъ гражданскихъ правъ потомство

[1]) Lea, «History», III, 417 и слѣд.; Llorente, «Histoire critique», II, 7 и слѣд.

Заглавный листъ книги „Зерцало испанской тираніи“.

(Первое изданіе въ 1596 г., 2-ое—въ 1620 г., 3-ье (настоящее)—въ 1638 г.).

тѣхъ, которые даже ими признаются невиновными, назначаютъ на служебныя должности при трибуналѣ подозрительныхъ и даже преступныхъ людей и т. д. Великій инквизиторъ Манрике, присутствовавшій на собраніи кортесовъ, старался, разумѣется, смягчить обвинительный актъ противъ Инквизиціи, но въ присутствіи императора Карла V, обѣщавшаго кортесамъ всякую поддержку, вынужденъ былъ согласиться на введеніе ряда улучшеній. Обѣщаніе, однако, не было исполнено, и кортесы 1533 г. въ Монсонѣ горько жаловались на это и послѣ страстныхъ дебатовъ, въ которыхъ всесторонне была обрисована дѣятельность инквизиціонныхъ трибуналовъ, приняли рядъ статей объ устраненіи нѣкоторыхъ злоупотребленій Инквизиціи. Статьи эти были предъявлены Великому инквизитору Манрике и Супремѣ для того, чтобы они ихъ приняли во вниманіе и, соотвѣтственно съ этимъ, сдѣлали извѣстныя распоряженія. Въ отвѣтъ на это членъ леридскаго трибунала, фискалъ Мигель Галбе, обратился къ Манрике съ настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ четырехъ членовъ кортесовъ, выступавшихъ наиболѣе энергично въ пользу реформъ. Галбе доказывалъ, что пренія въ кортесахъ подрываютъ авторитетъ Инквизиціи и наносятъ ей крайній ущербъ. По его мнѣнію, слѣдовало привлечь къ отвѣтственности парламентскихъ ораторовъ по обвиненію въ сочувствіи ереси и въ распространеніи ея; во всякомъ случаѣ, они принадлежатъ, по его словамъ, къ категоріи тѣхъ людей, которыхъ Инквизиція преслѣдуетъ въ качествѣ ставящихъ помѣхи ея свободной дѣятельности. Самыя статьи должны быть торжественно сожжены какъ святотатственныя и оскорбительныя для добраго имени Инквизиціи. Эта жалоба Галбе, очевидно, возымѣла на Инквизицію должное вліяніе: Супрема предписала, чтобы впредь на собраніяхъ кортесовъ не присутствовали болѣе инквизиторы, и сама она не явилась въ 1537 г. въ монсонскіе кортесы. Мало того, всѣ принятыя рѣшенія народныхъ представителей, даже одобренныя императоромъ, она стала оставлять безъ вниманія, ссылаясь на свое отсутствіе при обсужденіи ихъ. Такая заносчивость не вызвала, повидимому, никакого протеста, и когда въ 1547 г. кортесы снова собрались въ Монсонѣ и констатировали старыя злоупотребленія инквизиціонныхъ трибуналовъ, то просьба объ устраненіи ихъ была обращена не къ императору, оказавшемуся ранѣе столь безсильнымъ, а къ Великому инквизитору, самолюбію котораго не могло не льстить такое предпочтеніе духовной власти свѣтскому авторитету. Однако, по существу дѣло отъ этого нисколько не измѣнилось, и кортесы 1563 г. снова жалуются на старыя злоупотребленія Инквизиціи, утверждая, что зло нисколько не уменьшилось, несмотря ни на какія старанія цѣлаго ряда кортесовъ. Оно продолжалось и въ теченіе почти всей первой половины XVII вѣка, и только война съ Франціей и народное броженіе, грозившее Испаніи военной катастрофой, заставили Филиппа IV въ 1645 году внимательно отнестись къ жалобамъ кортесовъ; но характерно, что Супрема за нѣкоторое время до созыва кортесовъ предупредила короля ничего не предпринимать безъ предварительнаго обсужденія съ Инквизиціей. И дѣйствительно, когда народные представители потребовали, чтобы отнынѣ трибуналы вѣдали лишь дѣла о ереси, выступали судьями въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ лишь тогда, когда обѣ стороны состоятъ инквизиціонными служителями, и чтобы бигамія, неестественныя преступленія, магія, чародѣйство, solicitatio ad turpia, цензура не были подсудны исключительно инквизиціоннымъ трибуналамъ,—требованія эти были предъявлены заранѣе Супремѣ, которая 31 марта 1646 г. отвѣтила на нихъ. Супрема недоумѣвала по поводу жалобъ арагонскихъ депутатовъ; Инквизиція уже потому никогда не нарушала никакихъ законовъ, что она ими не связана и для нея они совершенно не писаны. Король долженъ помнить, что нѣтъ ничего дороже спасенія души, и если Испаніи суждено потерять часть своей территоріи, то это, несомнѣнно, несчастье, но оно все-таки не столь велико, какъ совершеніе неугоднаго Богу и вреднаго Инквизиціи дѣла. Мало того, Супрема потребовала устраненія правъ хустисіи въ дѣлахъ, касающихся инквизиціонныхъ трибуналовъ. На этотъ разъ, однако, кор-

тесы не согласились играть свою обычную пассивную роль; опираясь на народныя волненія и сознавая серьезность историческаго момента, они подвергли жестокой критикѣ отвѣтъ Супремы и потребовали удовлетворенія—если не всѣхъ претензій, то, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ. Кортесы заявили, что опредѣленныя ихъ желанія должны стать закономъ, желаетъ ли это Великій инквизиторъ или нѣтъ. Упорство кортесовъ, поддержанныхъ Филиппомъ IV, сдѣлали свое дѣло, Инквизиція уступила: отнынѣ исчезли нѣкорыя привилегіи служителей трибуналовъ, ускорено было ихъ судопроизводство, ограничено право пытки, уменьшено число служителей трибуналовъ и т. д. По обыкновенію Инквизиція вскорѣ стала нарушать принятыя на себя обязательства.

Когда Супремѣ не были по вкусу какія-либо распоряженія, исходящія отъ короля или Римской Куріи, она, внѣшне повинуясь имъ, оставляла ихъ на самомъ дѣлѣ безъ вниманія. Случай съ Бланкиной Діасъ показываетъ, что она иногда попросту уничтожала даваемые ей приказы. Бланкина Діасъ, 80-лѣтняя старуха изъ Валенсіи, была въ 1517 г. заподозрѣна, на основаніи доноса, въ іудейской ереси и заключена въ инквизиціонную тюрьму. Бланкинѣ удалось заинтересовать своимъ дѣломъ папу Льва X, и онъ велѣлъ Супремѣ выпустить старуху подъ залогъ и быстро разсмотрѣть ея дѣло. Но Супрема уничтожила папскій приказъ и продолжала держать взаперти Бланкину Діасъ. 4 марта 1518 г. Левъ X получилъ извѣстіе, что трибуналъ не былъ освѣдомленъ о папскомъ распоряженіи, вызвалъ къ себѣ все дѣло, запретилъ Великому инквизитору Адріану вмѣшиваться въ него и потребовалъ помѣщенія старухи въ монастырь. Но, повидимому, до полученія папскаго распоряженія Бланкина Діасъ была приговорена къ вѣчному заключенію и конфискаціи имущества. На папское же распоряженіе, по настоянію Адріана, долженъ былъ отвѣтить Карлъ V. По его словамъ, вмѣшательство Льва въ дѣло Бланкины его потрясло сильнѣе, чѣмъ самая опасная война: Инквизиціи нанесенъ страшный ударъ, и если папа не откажется отъ своихъ словъ, то дѣло искорененія въ Испаніи ереси будетъ въ корнѣ подорвано; ересь расцвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ и всякій будетъ искать спасенія въ Римѣ, не боясь инквизиціонныхъ трибуналовъ. Слезы Карла V не помогли, такъ какъ папа былъ возмущенъ тѣмъ, что первое его распоряженіе не дошло даже до трибунала и было задержано или уничтожено Супремой. Онъ настаивалъ, чтобы съ Бланкины Діасъ было снято санбенито и чтобы сама она, подъ залогъ, была выпущена изъ тюрьмы и помѣщена въ частномъ домѣ, такъ какъ вся вина ея, если дѣйствительно таковая имѣется, относится къ давно прошедшему времени. Въ заключеніе, однако, папа сдѣлалъ уступку и согласился, чтобы Адріанъ пересмотрѣлъ снова дѣло Бланкины. Уступка эта была, впрочемъ, эфемерной, такъ какъ на слѣдующій день папа снова написалъ Адріану, при чемъ подчеркнулъ, что онъ смотритъ на него въ данномъ случаѣ какъ на посредника: пусть онъ отошлетъ все дѣло въ Римъ и онъ оттуда получитъ рѣшеніе, подлежащее осуществленію. Левъ X отмѣнилъ приговоръ валенсійскаго трибунала, освободилъ Бланкину Діасъ изъ заключенія, снялъ конфискацію, ограничивъ наказаніе легкимъ выговоромъ.

Процессъ епископа Фройлана Діаса, духовника Карла II, послѣдняго представителя Габсбургскаго дома въ Испаніи, вызвалъ въ обществѣ большой шумъ и дѣйствительно заслуживаетъ спеціальнаго вниманія.

Карлъ II, человѣкъ умственно и физически хилый, сильно страдалъ отъ сознанія, что не оставляетъ наслѣдника престола. Когда умерла его первая жена Марія-Луиза Орлеанская, онъ поспѣшилъ вторично жениться, надѣясь имѣть сына отъ новой жены, Маріи-Анны Нейбургской. Вскорѣ его постигло разочарованіе и онъ обратился къ своему духовнику Фройлану Діасу, къ Великому инквизитору Рокаберти и къ кардиналу Портокареро съ вопросомъ, что ему дѣлать для того, чтобы Богъ наградилъ его потомствомъ. Какъ Великій инквизиторъ, такъ и духовникъ и кардиналъ заявили, что причиной бездѣтности Карла является maleficium, которое слѣдуетъ изгнать путемъ соотвѣтствующихъ

заклинаній. Объясненіе это было найдено вполнѣ естественнымъ, и со всѣхъ сторонъ посыпались предложенія о готовности лѣчить короля. Духовникъ Діасъ нашелъ наиболѣе подходящимъ для этого доминиканскаго монаха изъ Кангаса Антоніо Альвареса Аргуэльеса, который излѣчилъ нѣсколько монахинь, одержимыхъ бѣсомъ. Діасъ добился отъ демона признанія, что король въ 14 лѣтъ былъ околдованъ и тогда же сталъ импотентенъ и лишенъ возможности управлять государствомъ; Аргуэльесъ готовъ былъ излѣчить его отъ этого, но Рокаберти и Діасъ настаивали, чтобы онъ узналъ отъ демона болѣе подробныя свѣдѣнія о королѣ. Демонъ заявилъ, что 3 апрѣля 1675 г. Карлу II была дана королевой-матерью чашка шоколаду, въ которой заключались чары: порошокъ изъ костей умершаго. Какъ ни лѣчили короля, сколько ни обмывали и не мазали его, излѣчить его не удалось: королевская канцелярія переписывалась въ теченіе года съ монахомъ Аргуэльесомъ, требуя дополнительныхъ свѣдѣній о болѣзни короля. Демонъ давалъ самыя противорѣчивыя показанія: на Аргуэльеса сыпались со всѣхъ сторонъ жалобы, а бѣдный король изнемогалъ отъ лѣченія. О болѣзни короля говорила не только вся Испанія, ею интересовались и за границей, и императоръ Леопольдъ рекомендовалъ какую-то чародѣйку изъ Вѣны. Ея, однако, не удалось нигдѣ разыскать, и другой иностранный чародѣй тайкомъ лѣчилъ Карла. Но опять-таки безуспѣшно, и молва съ ссылкой на демоновъ стала приписывать женѣ короля вину въ болѣзненномъ состояніи Карла, утверждая, что она приготовляла для него напитки съ чарами. Опасаясь за свою жизнь, королева Марія-Анна рѣшила удалить изъ дворца Фройлана Діаса, иниціатора всей этой исторіи съ демонами. Для устраненія Діаса слѣдовало, по мнѣнію королевы, воспользоваться услугами Инквизиціи. Моментъ былъ для этого тѣмъ болѣе подходящій, что какъ разъ въ это время умеръ Великій инквизиторъ Рокаберти, дѣйствовавшій въ согласіи съ Діасомъ, и Инквизиція, выступая противъ послѣдняго, не рисковала болѣе встрѣтить противъ себя, въ лицѣ Великаго инквизитора, сильнѣйшаго врага. Мало того, королева уговорила Карла назначить Великимъ инквизиторомъ епископа Сеговіи Балтасара де Мендосу, который за обѣщаніе получить кардинальскую шляпу готовъ былъ поддержать королеву въ ея сложныхъ интригахъ противъ Діаса. Въ январѣ 1700 г. былъ арестованъ австрійскій чародѣй Тенда, неудачно лѣчившій короля; онъ былъ приговоренъ къ abjuratio de levi и изгнанію изъ Испаніи, но, разумѣется, не его имѣла въ виду Инквизиція: она мѣтила въ Діаса, котораго дѣйствительно вовлекъ въ свой процессъ австріецъ Тенда. Инквизиція вызвала къ себѣ Діаса. Онъ отказался безъ спеціальнаго разрѣшенія короля давать какія-либо показанія. Тогда доминиканскій провинціалъ приказалъ монаху Аргуэльесу выдать ему письма Діаса по поводу лѣченія короля. На основаніи этихъ писемъ Діасъ былъ обвиненъ въ подстрекательствѣ къ обращенію за помощью къ дьяволу. Діасъ сослался, что онъ дѣйствовалъ по приказанію Великаго инквизитора Рокаберти, и Мендоса, поддерживаемый королевой, обратился къ Карлу съ просьбой удалить Діаса и назначить на его мѣсто другого духовника. Безвольный король, любившій Діаса и убѣжденный въ его безкорыстной службѣ своему государю, не могъ долго сопротивляться энергичнымъ настояніямъ интригановъ и пожертвовалъ своимъ фаворитомъ. Діасъ бѣжалъ въ Римъ, но испанскій посланникъ при Куріи, герцогъ Уседа, предварительно былъ извѣщенъ объ этомъ королемъ, который требовалъ, чтобы бывшій духовникъ былъ по прибытіи немедленно арестованъ, такъ какъ онъ находится подъ слѣдствіемъ и не имѣетъ права апеллировать къ Риму на дѣйствія Инквизиціи. Уседа въ точности исполнилъ порученіе короля: Діасъ былъ доставленъ въ Картагену и заточенъ мурсійскимъ трибуналомъ въ тюрьму. Однако, Великій инквизиторъ Мендоса натолкнулся на совершенно непридвидѣнныя затрудненія: члены Супремы не нашли въ дѣяніяхъ Діаса никакой ереси и не соглашались, несмотря на однократныя просьбы Великаго инквизитора, подписать распоряженіе о держаніи Діаса подъ замкомъ. Дѣло стало принимать характеръ скандала для Мендосы. Онъ потерялъ

самообладаніе и посадилъ подъ домашній арестъ членовъ Супремы, отказавшихся быть слѣпымъ орудіемъ въ его рукахъ, и приказалъ мадридскому трибуналу начать преслѣдованіе противъ секретаря Супремы. Вскорѣ члены Супремы были подвергнуты денежному штрафу, а секретарь изгнанъ изъ Испаніи. Совѣтъ Кастиліи увидѣлъ въ этомъ нарушеніе закона и обжаловалъ дѣйствія Великаго инквизитора королю Карлу. Между тѣмъ, мурсійскій трибуналъ оправдалъ Діаса, и Великій инквизиторъ Мендоса потребовалъ къ себѣ дѣлопроизводство и передалъ его мадридскому трибуналу, вслѣдствіе чего и самъ Фройланъ Діасъ былъ переведенъ въ другую тюрьму, гдѣ господствовалъ гораздо болѣе строгій режимъ. 1 ноября 1700 г. умеръ Карлъ II, и вліяніе Мендосы, сторонника австрійскаго эрцгерцога Карла, неизбѣжно должно было при мадридскомъ дворѣ пасть, когда кандидатура Филиппа, внука французскаго короля Людовика XIV, получила перевѣсъ надъ другими претендентами. Вскорѣ Мендоса долженъ былъ даже оставить Мадридъ, но это не принесло облегченія Діасу, за котораго, тѣмъ не менѣе, хлопотали выдающіеся доминиканцы, считавшіе его жертвой интригъ. Опасаясь, какъ бы освобожденіе Діаса не нанесло окончательнаго удара его былому величію, Мендоса обратился къ папѣ, познакомивъ его въ общихъ чертахъ съ процессомъ бывшаго королевскаго духовника и прося осудить его, т.-е. санкціонировать дѣйствія Мендосы. Папа Климентъ XI радъ былъ случаю показать, что Римъ имѣетъ возможность вмѣшиваться въ дѣла Испанской Инквизиціи, и Римская Конгрегація потребовала прислать ей дѣлопроизводство процесса Діаса, но Мендоса, вмѣсто этого, отправилъ въ Римъ составленный преданнымъ ему фискаломъ Супремы, Фернандо де Фріасъ, докладъ, въ которомъ доказывалось, будто Супрема поддерживаетъ еретическія ученія и распространяетъ опасные взгляды. Государственный совѣтъ и тѣ члены Супремы, которые подверглись наказанію со стороны Мендосы, возмущались передачей Римской Куріи дѣла Діаса и доказывали необходимость вмѣшательства Филиппа V и наказанія Мендосы. Но король медлилъ, опасаясь, какъ бы необдуманный шагъ не вызвалъ слишкомъ большихъ затрудненій; подъ вліяніемъ, однако, Кардоны, наиболѣе виднаго члена Супремы, онъ, наконецъ, рѣшился начать дѣйствовать энергично противъ Мендосы: всѣ члены Супремы были въ 1704 г. возстановлены въ правахъ, имъ было возвращено отнятое у нихъ жалованіе, точно также было заявлено, что они пользуются во всѣхъ вопросахъ правомъ рѣшающаго голоса, а Мендосѣ, подъ страхомъ изгнанія изъ Испаніи и лишенія доходовъ, было приказано въ четырехдневный срокъ доставить въ Супрему дѣло Діаса. 17 ноября 1704 г. Супрема единогласно объявила, что Діасъ не виновенъ; онъ былъ призванъ засѣдать въ Супремѣ и ему было возвращено отнятое у него имущество, а также жалованіе за все время заключенія въ тюрьмѣ. Трибуналы были торжественно извѣщены объ этомъ постановленіи.

Бѣгство раба было для Инквизиціи равносильно ереси. На ауто-да-фе 24 іюня 1576 г. на Канарскихъ островахъ Сайасъ Фуньесъ предалъ сожженію 16 человѣкъ in effigie, изъ которыхъ восемь было рабовъ: семь негровъ и одинъ мавръ. Преступленіе этихъ рабовъ, какъ видно изъ обвинительнаго приговора, состояло въ слѣдующемъ. Каталина Куэвасъ пріобрѣла 8 крещеныхъ рабовъ, которые должны были обрабатывать ея сахарныя плантаціи; этимъ рабамъ удалось ночью бѣжать въ Оротаву, гдѣ они сѣли на судно, увезшее ихъ въ Марокко. Теперь они были in effigie сожжены. Сомнительно, замѣчаетъ не безъ основанія по этому поводу Мильяресъ, чтобы такое наказаніе могло удержать другихъ рабовъ отъ попытки бѣжать въ Африку [1]). Въ 1581 г. былъ сожженъ in effigie 31 человѣкъ. Поводомъ къ этому ауто-да-фе послужило бѣгство Хуана Фелипе въ 1569 г. въ Марокко въ виду дошедшаго до него слуха о предстоящемъ его арестѣ

---

[1]) Augustin Millares, «Historia de la Inquisicion en las Islas Canarias», 1884, 4 т., II, 43 и слѣд.

Инквизиціей. Въ теченіе 10 лѣтъ она ждала случая, какъ бы поймать Фелипе, и когда окончательно разочаровалась въ этомъ, она устроила ауто-да-фе, на которомъ были сожжены in effigie 15 рабовъ Фелипе, преимущественно негры. На тѣхъ же Канарскихъ островахъ въ 1587 г. произошло сожженіе живьемъ англичанина Джорджа Гаспара по слѣдующему поводу. Гаспаръ содержался въ королевской тюрьмѣ въ Тенерифѣ по обвиненію въ совершеніи какого-то преступленія, не имѣющаго отношенія къ Инквизиціи. Въ тюрьмѣ замѣтили, что Гаспаръ во время молитвы стоитъ спиной къ иконѣ. Его немедленно спросили, что означаетъ подобнаго рода поступокъ, и Гаспаръ отвѣтилъ, что молится Богу, а не иконѣ. За этотъ отвѣтъ онъ перешелъ въ вѣдѣніе Инквизиціи. Инквизиція обвинила его въ протестантизмѣ; во время пытки Гаспаръ заявилъ, что онъ дѣйствительно протестантъ; когда въ ночь наканунѣ ауто-да-фе къ нему въ одиночную камеру явился духовникъ, Гаспаръ просилъ оставить его камеру и дать ему возможность оставаться наединѣ. Духовникъ вышелъ на часъ-другой, и когда вернулся, то англичанинъ лежалъ весь въ крови, такъ какъ онъ ножомъ пытался покончить съ собою. Оффиціальный отчетъ объ этомъ событіи говоритъ: «Богу въ Его безконечной милости угодно было, чтобы грѣшникъ пережилъ эту рану и могъ быть къ утру доставленъ на ауто-да-фе». Такъ сожженъ былъ Гаспаръ живьемъ, а не in effigie [1]). На Канарскихъ островахъ былъ сожженъ живьемъ голландецъ Классенсъ, рѣшившійся явиться сюда, несмотря на то, что однажды подвергся преслѣдованію Инквизиціи. Дѣло Классенса заключалось въ слѣдующемъ. На ауто-да-фе 1597 г. Классенсъ долженъ былъ каяться въ грѣхахъ, но такъ какъ вина его была незначительна, то онъ благополучно избѣгъ когтей Инквизиціи: просидѣлъ годъ въ тюрьмѣ и долженъ былъ покинуть островъ. Въ 1611 г., разсчитывая, что память о немъ исчезла, онъ явился туда въ качествѣ капитана торговаго судна. Онъ былъ арестованъ и 27 января 1612 г. приговоренъ къ сожженію. Повидимому, за него усиленно хлопотали, такъ какъ лишь 22 февраля 1614 г. губернаторъ Руа отдалъ приказъ о приведеніи въ исполненіе рѣшенія трибунала. Къ мѣсту сожженія Классенсъ шелъ подъ сильнымъ конвоемъ, такъ какъ опасались, что его соотечественники примутъ мѣры къ спасенію его [2]).

На Канарскихъ островахъ, повидимому, жило мало евреевъ, такъ какъ среди жертвъ Инквизиціи іудействующіе встрѣчаются сравнительно мало. Въ 1653 г. Франсиско Висенте изъ Вестъ-Индіи сопровождалъ своего хозяина Діэго Родриго Аріаса изъ Гаванны въ Лондонъ, а оттуда на Канарскіе острова, где и донесъ Инквизиціи, что его хозяинъ каждую ночь снималъ крестъ съ груди и въ теченіе получаса подвергалъ его розгамъ. Діэго Родриго Аріасъ былъ поэтому обвиненъ въ іудействованіи. За плохое и дерзкое поведеніе во время одной религіозной процессіи былъ заподозрѣнъ въ 1638 г. лиценціатъ Артеага въ принадлежности къ casta de Judio. 80-тилѣтній Мардохео, жившій постоянно въ Тенерифѣ, былъ въ 1636 г. обвиненъ въ томъ, что онъ говорилъ съ арестантомъ въ іудейскомъ духѣ. Въ 1662 г. Гаспаръ Перейра былъ заподозрѣнъ въ іудействѣ и отправленъ въ севильскую тюрьму. Его бабушка была когда-то сожжена, а онъ по дѣламъ часто бывалъ въ Лиссабонѣ, Мадридѣ, Антверпенѣ, Амстердамѣ и Миддельбургѣ, гдѣ знакомился съ еврейскими эмигрантами, что и привело его на вѣчныя времена въ тюрьму. Іудействующій почти постоянно былъ еврейскаго происхожденія, и отъ него требовали выдачи всѣхъ новохристіанъ, которые жили въ данной мѣстности и имѣли въ своихъ жилахъ еврейскую кровь. На Канарскихъ островахъ и число іудействующихъ, и количество марановъ было незначительно, и отдѣльныя преслѣдованія не вовлекали большого числа жертвъ. Но, напримѣръ, въ Мексикѣ, находившейся подъ властью Испаніи, дѣло обстояло иначе: въ іюлѣ 1642 г. былъ арестованъ 13-тилѣтній мальчикъ Габріэль де Гранада: изъ-за его показаній на-

---

[1]) Millares, op. cit., III, 10 и слѣд.

[2]) Lea, «The Inquisition in the Spanish Dependencies», 153.

чался процессъ противъ 108 іудействующихъ, среди которыхъ были и ближайшіе родственники мальчика. Этимъ объясняется большое количество іудействующихъ, подвергающихся одновременно наказанію: такъ, въ 1646 г. на одномъ ауто-да-фе въ Мексикѣ предстало сразу 38 іудействующихъ преступниковъ, въ 1647 г.—21, въ 1648 г.—59, а въ 1649 г.—107. Изъ нихъ 13 были приговорены къ сожженію. Впрочемъ, 12 были ранѣе задушены, и сожженъ былъ живьемъ лишь Томасъ Тревиньо. Мать его родилась въ Вальядолидѣ, и почти всѣ ея сыновья пали жертвой Инквизиціи. Томасъ въ 1625 г. былъ въ Испаніи примиренъ съ Церковью и въ Мексикѣ предсталъ уже въ качествѣ рецидивиста: онъ не могъ спастись отъ смерти, хотя одно время и каялся въ своихъ грѣхахъ. Тревиньо провелъ въ тюрьмѣ пять лѣтъ; все это время онъ утверждалъ, что ни въ чемъ не виновенъ, но въ ночь накапунѣ ауто-да-фе заявилъ, что онъ еврей и хочетъ умереть въ законѣ Моисея. Великій инквизиторъ Арсе-и-Рейносо горячо поздравлялъ по этому поводу Филиппа IV, заявляя, что за послѣдніе 2—3 года въ Мексикѣ было наказано 207 человѣкъ, изъ которыхъ 190 было іудействующихъ; всѣ португальскаго происхожденія. Приговоренные къ изгнанію изъ Мексики должны были быть отправлены въ Испанію, и Филиппъ IV неоднократно говорилъ, что ихъ слѣдуетъ даромъ доставить на Пиренейскій полуостровъ. Но капитаны судовъ отказывались возить безплатно такихъ пассажировъ, между тѣмъ у нихъ Инквизиціей было конфисковано все имущество, и они не могли никакъ получить денегъ, необходимыхъ для уплаты за проѣздъ. Вотъ почему они вынуждены были остаться въ Вера Крусѣ и разбрелись потомъ по всей Мексикѣ, сбросивъ съ себя санбенито и сѣявъ всюду сѣмена ереси и вражды къ Инквизиціи [1]). Многіе изъ нихъ впослѣдствіи пострадали за то, что не покинули страны, откуда за недостаткомъ средствъ не могли выѣхать. Такъ, на ауто-да-фе 1659 г. въ качествѣ обвиняемыхъ были двое іудействующихъ, не покинувшихъ во-время Мексики. Въ 1652 г. былъ арестованъ португальскій іудей Мануэль Мендесъ; онъ пробылъ до 1651 г. въ тюрьмѣ и умеръ въ ней, не дождавшись торжественнаго ауто-да-фе, на которомъ былъ in statua оправданъ. Менѣе счастливъ былъ его товарищъ Діэго Діасъ, который былъ приговоренъ къ сожженію живьемъ. По ошибкѣ палачъ началъ его душить, и когда алгуасилъ замѣтилъ это нарушеніе приговора, то приказалъ немедленно зажечь костеръ, такъ что Діэго Діасъ одновременно подвергся обоимъ видамъ наказанія. Точно также Франсиско Ботельо, арестованный въ 1642 г. и приговоренный въ 1649 г. къ 200 розгамъ и къ изгнанію, былъ въ 1650 г. арестованъ за неоставленіе Мексики и въ 1656 г. преданъ сожженію; впрочемъ, онъ былъ предварительно задушенъ. Итакъ, нарушеніе приговора объ изгнаніи наказывалось смертью, хотя оно вызывалось нежеланіемъ капитана судна даромъ переправлять евреевъ въ Испанію, какъ того неоднократно требовалъ король. Инквизиція, которая конфисковала имущество обвиняемыхъ, не желала давать имъ небольшую толику ихъ богатства для спасенія ихъ во исполненіе королевскихъ распоряженій.

На ауто-да-фе 1656 г. предсталъ интересный обвиняемый, ирландецъ Лампортъ. Онъ былъ арестованъ въ 1642 г.; на него поступилъ доносъ, будто онъ стремится оторвать Мексику отъ Испаніи и провозгласить себя независимымъ мексиканскимъ правителемъ. Онъ утверждалъ, что является братомъ Филиппа IV, такъ какъ Филиппъ III жилъ съ его матерью, ирландкой по происхожденію. Все это носило характеръ сумасбродства, и во всякомъ случаѣ Лампортъ подлежалъ королевскому суду, который могъ бы обвинять его въ государственномъ преступленіи. Но Инквизиція захватила въ свои руки этого ирландца, мотивируя арестъ тѣмъ, что Лампортъ совѣщался съ астрологами и гадателями объ успѣхѣ своего плана. Лампортъ былъ образованнымъ человѣкомъ и въ совершенствѣ

[1]) Lea, «The Inquisition in the Spanish Dependencies», 1908; Medina, «Historia dela Inquisicion en Mexico», 1905; idem, «Historia de la Inquisicion de Lima», 2 т., 1887,

владѣлъ многими языками. Онъ родился въ Англіи, откуда долженъ былъ бѣжать, такъ какъ выпустилъ памфлетъ «Defensio Fidei», оскорбительный для англійскаго короля. Прибывъ въ Испанію, Лампортъ оказалъ ей большія услуги, за которыя получилъ благодарность отъ Оливареса и даже Филиппа IV, отправившаго его во Фландрію, гдѣ онъ принесъ значительную пользу испанской арміи. Онъ получилъ титулъ маркиза Кропани и былъ назначенъ вице-королемъ Мексики: тогда-то онъ и рѣшилъ провозгласить себя ея королемъ. Инквизиція держала его въ тюрьмѣ около 15 лѣтъ до ауто-да-фе, но у него, повидимому, были вліятельные друзья, такъ какъ въ 1650 г. Супрема писала трибуналу, чтобы онъ не причинялъ напрасныхъ страданій Лампорту и относился къ нему болѣе внимательно, чѣмъ къ обычнымъ преступникамъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ приговоренъ къ смерти, о чемъ 7 іюля 1660 г. была извѣщена Супрема, которая возмутилась этимъ приговоромъ и запросила трибуналъ о причинѣ неповиновенія указаніямъ Супремы. Вина Лампорта, въ глазахъ Инквизиціи, была очень велика. Сидя въ тюрьмѣ, онъ съ помощью товарища по тюрьмѣ, Діэго Пинто, бѣжалъ изъ заключенія, но не скрылся куда-либо подальше тайкомъ, а сталъ прибивать къ домамъ высокопоставленныхъ лицъ особыя прокламаціи, а одну изъ нихъ передалъ даже вице-королю, прося его немедленно арестовать инквизиторовъ какъ измѣнниковъ. Покончивъ съ прокламаціями, Лампортъ забрался въ частную квартиру въ ожиданіи результата ихъ; но видъ и поведеніе его вызвали подозрѣніе со стороны домохозяина, и когда инквизиціонный трибуналъ, въ отвѣтъ на прокламаціи, потребовалъ немедленнаго ареста Лампорта, описавъ его наружность, домохозяинъ выдалъ его Инквизиціи, которая, заковавъ его въ цѣпи, посадила его въ самую узкую и темную камеру своей тюрьмы. Режимъ этотъ, повидимому, черезъ нѣкоторое время былъ смягченъ, и въ 1654 г. Лампортъ сталъ въ тюрьмѣ писать латинскую книгу объ Инквизиціи, при чемъ за недостаткомъ бумаги исписалъ все свое одѣяло; работа эта очевидно, подорвала окончательно его физическія и духовныя силы. Инквизиціонный трибуналъ пересталъ его допрашивать и приговорилъ къ смерти за гаданіе и предразсудки, свидѣтельствующіе о заключеніи договора съ демономъ; кромѣ того, онъ былъ признанъ членомъ секты Кальвина, Гуса, Лютера, Пелагія и другихъ ересеарховъ. Его преступленіе носило тѣмъ болѣе тяжелый характеръ, что въ ночь наканунѣ ауто-да-фе, когда за спасеніемъ его души въ камеру явился духовникъ, онъ осыпалъ его оскорбленіями, заявивъ, что вмѣстѣ съ нимъ въ камеру вошли сотни легіоновъ дьяволовъ [1]).

Характерный случай произошелъ въ Пуэблѣ съ епископомъ Хуаномъ Палафосомъ, который считался протекторомъ индѣйцевъ и былъ ненавистенъ Инквизиціи. Защищая права епископовъ, Палафосъ встрѣтился съ оппозиціей іезуитовъ, стремившихся захватить въ свои руки всю власть, и Палафосъ сдѣлался предметомъ нападокъ со стороны какъ Инквизиціи, такъ и іезуитовъ. Послѣдніе, защищаясь отъ Палафоса, создали особую организацію jueces conservadores, на обязанности которыхъ лежала забота объ устраненіи вліянія епископа-протектора. Хотя конфликтъ между іезуитами и Палафосомъ не касался совершенно Инквизиціи, послѣдняя, тѣмъ не менѣе, отдала приказъ уничтожить распоряженія епископа, направленныя противъ іезуитовъ, и запретила вмѣшательство въ организацію jueces conservadores. Мало того, вскорѣ въ Пуэблу явился представитель инквизиціоннаго трибунала, арестовалъ наиболѣе видныхъ сторонниковъ Палафоса, заковалъ ихъ въ цѣпи и въ такомъ видѣ конвоировалъ ихъ по всему городу; затѣмъ они были отправлены въ Мексику и заключены въ инквизиціонную тюрьму. Хотя индѣйцы не были подсудны суду Инквизиціи, тѣмъ не менѣе инквизиціонный комиссіонеръ избилъ до смерти одного мексиканца, изорвавшаго эдиктъ іезуитскихъ jueces conservadores. До епископа Палафоса

---

[1]) José Toribio Medina, «Historia de la Inquisicion en Meixco», 1905; Lea, «The Inquisition in the Spanish Dependencies», 1908.

дошелъ слухъ, будто отданъ приказъ объ его арестѣ, и онъ заблаговременно бѣжалъ въ горы, гдѣ скрывался въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ 1647 г. Палафосъ обратился за помощью къ Супремѣ, которая поручила епископу Оахаки изучить это дѣло, но Инквизиція ставила епископу всевозможныя препятствія, и онъ фактически былъ лишенъ сдѣлать что-либо въ интересахъ бѣжавшаго епископа. Палафосъ просилъ Супрему разрѣшить ему въѣздъ въ Испанію, но трибуналъ воспротивился этому, и лишь позже Палафасъ добился возможности пріѣхать въ Римъ, гдѣ безрезультатно доказывалъ, какъ несправедливо и противозаконно поступала съ нимъ въ теченіе ряда лѣтъ Испано-мексиканская Инквизиція.

Сервантесъ въ своемъ «Донъ-Кихотѣ» говоритъ о лиценціатѣ Торальба, который леталъ по воздуху и въ 12 час. прилетѣлъ изъ Мадрида въ Римъ, откуда на слѣдующій день прибылъ снова въ Мадридъ, чтобы разсказать все видѣнное имъ въ папской столицѣ. Докторъ Евгеній Торальба былъ родомъ изъ Куэнки, окончилъ въ Римѣ около 1501 г. медицинскій факультетъ и сталъ, подъ вліяніемъ частыхъ споровъ съ товарищами по университету о безсмертіи души, колебаться въ своихъ религіозныхъ взглядахъ. Знакомство съ Альфонсомъ изъ Рима имѣло рѣшающее вліяніе на развитіе Торальба: Альфонсъ изъ еврейства перешелъ въ магометанство, которое вскорѣ оставилъ ради христіанства; но и христіанство мало удовлетворяло его, и онъ сдѣлался сторонникомъ ученія, объясняющаго естественными законами природы самыя сложныя событія и отрицающаго все сверхъестественное, между прочимъ, и нѣкоторые догматы религіи. Вскорѣ Торальба познакомился съ ангеломъ Іезекіиломъ, выразившимъ готовность оказывать ему разнаго рода услуги. Іезекіилъ не говорилъ никогда съ Торальба въ антикатолическомъ духѣ и всегда вмѣстѣ съ нимъ посѣщалъ церковь, стараясь укрѣпить его въ христіанской вѣрѣ и внушать ему однѣ лишь благочестивыя мысли, такъ что Торальба считалъ его добрымъ ангеломъ. Торальба одновременно съ врачебной дѣятельностью занимался хиромантіей, и въ этомъ отношеніи, равно какъ въ указаніяхъ относительно цѣлебныхъ средствъ многихъ травъ, Іезекіилъ оказалъ ему неоцѣнимыя услуги: Торальба пользовался славой необыкновенно счастливаго врача. Его частыя воздушныя ночныя путешествія верхомъ на палкѣ изъ Испаніи въ Италію еще болѣе заставляли о немъ говорить, и въ 1528 г. онъ былъ Инквизиціей арестованъ въ Куэнкѣ. Онъ провелъ въ тюрьмѣ свыше трехъ лѣтъ и 6 марта 1531 г. предсталъ на ауто-да-фе. Инквизиторы вѣрили въ реальность того, о чемъ подробно разсказывалъ Торальба, и когда они спросили его, предвидѣлъ ли Іезекіилъ, что Торальба будетъ въ Куэнкѣ арестованъ инквизиціоннымъ трибуналомъ, узникъ заявилъ, что его добрый ангелъ неоднократно предупреждалъ его не ѣздить въ Куэнку, гдѣ его ждетъ бѣда. Торальба отрицалъ, что между нимъ и Іезекіиломъ существовалъ какой-либо договоръ, и утверждалъ, что ангелъ добровольно оказывалъ ему всевозможныя услуги. Куэнкскіе судьи задали обвиняемому вопросъ, какъ Іезекіилъ смотрѣлъ на ученіе Лютера и Эразма Роттердамскаго, и Торальба заявилъ, что онъ осуждалъ ихъ обоихъ, при чемъ Лютера считалъ очень сквернымъ ересеархомъ. Трибуналъ остался очень доволенъ отвѣтами Торальба, и при рѣшеніи вопроса о виновности получилась discordia, вслѣдствіе чего дѣло перешло къ Супремѣ, которая начала слѣдствіе о старыхъ дискуссіяхъ Торальба съ товарищами-врачами о безсмертіи души. Онъ былъ приговоренъ къ abjuratio, тюремному заключенію и ношенію санбенито на неопредѣленный срокъ,—по усмотрѣнію Великаго инквизитора; кромѣ того, осужденный долженъ былъ торжественно поклясться, что онъ никогда болѣе не будетъ прислушиваться къ словамъ и предложеніямъ Іезекіила, съ которымъ долженъ окончательно порвать. Великій инквизиторъ Альфонсо Манрике отнесся снисходительно къ Торальба, который вскорѣ и получилъ свободу. Болѣе всего, по правильному замѣчанію Льоренте, поражаетъ въ этомъ процессѣ удивительное невѣжество инквизиторовъ, принимавшихъ фантастическіе разсказы Торальба за чистую монету; удивительна также твер-

дость обвиняемаго, который въ теченіе 4 лѣтъ, проведенныхъ имъ въ тюрьмѣ, упорно утверждалъ, что дѣйствительно ангелъ Іезекіилъ руководилъ имъ въ повседневной жизни и леталъ съ нимъ то изъ Испаніи въ Италію, то изъ Италіи въ Испанію [1]).

Процессъ Франсиско Гильена, купца еврейскаго происхожденія, показываетъ, къ какимъ пріемамъ прибѣгала Инквизиція, чтобы вырвать у жертвы доносы на извѣстныхъ ей участниковъ преступленія. Въ мурсійскій трибуналъ поступилъ доносъ на купца Франсиско Гильена, участвовавшаго въ 1551 г. на какомъ-то собраніи тайныхъ евреевъ. Вина Гильена усугублялась тѣмъ, что онъ и позднѣе являлся на подобныя собранія, и трибуналъ въ 1561 г. высказался за преданіе Франсиско сожженію. Въ виду нарушенія нѣкоторыхъ формальностей дѣло это перешло къ Супремѣ, которая распорядилась снова разслѣдовать преступленіе Гильена, такъ какъ противъ него имѣлись неизвѣстныя раньше свидѣтельскія показанія. Въ 1561 г. онъ вторично былъ приговоренъ къ смерти, но такъ какъ въ тюрьмѣ Гильенъ по слабости своей сталъ выдавать участниковъ еврейскихъ собраній, то казнь его откладывалась, и ему было обѣщано замѣнить смерть вѣчнымъ заточеніемъ. Обѣщаніе это инквизиторы рѣшили дѣйствительно исполнить, но, собравшись на совѣщаніе въ ночь наканунѣ ауто-да-фе, они постановили одѣть Фр. Гильена въ санбенито приговоренныхъ къ смерти, такъ какъ боязнь смерти могла заставить несчастнаго выдать и тѣхъ преступниковъ, имена которыхъ имъ не были названы во время тюремнаго заключенія. Шествуя среди приговоренныхъ къ смерти, одѣтый подобно имъ, Франсиско Гильенъ умолялъ о пощадѣ, обѣщая сказать все, что знаетъ,—и Инквизиція лицемѣрно помиловала Гильена: инквизиторъ Манрике на ауто-да-фе снялъ съ него санбенито сжигаемыхъ и надѣлъ санбенито примиряемыхъ съ Церковью; Гильенъ былъ отвезенъ въ тюрьму, гдѣ выдалъ еще девять человѣкъ, заявивъ, что въ прошлый разъ онъ забылъ имена этихъ участниковъ еврейскихъ собраній. Великій инквизиторъ, узнавъ объ этихъ пріемахъ мурсійскаго трибунала, сдѣлалъ ему внушеніе: приговореннаго къ примиренію съ Церковью не имѣли права заставлять ходить на ауто-да-фе въ костюмѣ, принадлежащемъ приговоренному къ смерти; трибуналъ оправдывался тѣмъ, что ему удалось благодаря этому открыть новыхъ преступниковъ, и что выше этой цѣли у Инквизиціи ничего и быть не можетъ. Въ тюрьмѣ Гильенъ кому-то сказалъ, что онъ донесъ Инквизиціи на людей, которые на самомъ дѣлѣ ни въ чемъ невиновны, такъ какъ у него не было другого средства спасти себя. На судѣ обнаружилось, что Гильенъ не совсѣмъ нормаленъ и даетъ противорѣчивыя показанія. 19 января 1564 г. онъ вторично предсталъ на ауто-да-фе съ кляпомъ во рту, получилъ 200 ударовъ плетью и былъ заключенъ на 3 года въ тюрьму. Въ 1565 г. въ камеру Гильена явился ревизоръ Инквизиціи для его допроса въ связи съ дѣланнымъ Гильеномъ доносомъ на умершую Каталину Пересъ. Гильенъ заявилъ ревизору, что всѣ его доносы ни на чемъ не основаны, и мурсійскій трибуналъ возбудилъ новое дѣло противъ Гильена, обвиняя его въ лжесвидѣтельствѣ. 9 декабря 1565 г. несчастный въ третій разъ явился на ауто-да-фе и былъ приговоренъ къ 300 розгамъ и пожизненному тюремному заключенію; вскорѣ заключеніе въ тюрьмѣ было замѣнено каторгой на неопредѣленный срокъ,—пока у Гильена будутъ силы, чтобы исполнять каторжныя работы [2]).

Случай съ Гильеномъ не представлялъ ничего исключительнаго: съ Мельхоромъ Эрнандесомъ, на котораго Инквизиціи донесъ Гильенъ, было поступлено точно такимъ же образомъ. Мельхоръ Эрнандесъ имѣлъ въ жилахъ своихъ еврейскую кровь, и мурсійскій трибуналъ, арестовавшій его въ 1564 г., обвинялъ Эрнандеса въ томъ, что онъ съ 1551 г. по 1557 г. посѣщалъ собранія, на которыхъ произносились рѣчи во славу закона Моисея.

---

[1]) «Histoire critique», II, 61—76.

[2]) Llorente, ibid., II, 347—353.

Эрнандесъ упорно отрицалъ свою вину и сдѣлалъ отводъ противъ всѣхъ своихъ свидѣтелей, доказавъ, что они руководятся въ своихъ показаніяхъ личной къ нему ненавистью. Въ январѣ 1565 г. Эрнандесъ тяжко заболѣлъ и на исповѣди заявилъ, что въ 1553 г. дѣйствительно неоднократно посѣщалъ какой-то домъ, гдѣ собирались люди, говорившіе о законѣ Моисея, но что онъ приходилъ туда по своимъ торговымъ дѣламъ и не вмѣшивался въ эти разговоры. Трибуналъ намѣревался использовать это заявленіе Эрнандеса, чтобы арестовать тѣхъ, имена которыхъ будутъ названы Эрнандесомъ, но послѣдній не только не соглашался поименно перечислять посѣщавшихъ подозрительный домъ, но и заявилъ, что въ немъ вообще не говорили серьезно о еврейской религіи, ограничиваясь скорѣе какими-то шутками. Трибуналъ остался недоволенъ этими словами обвиняемаго, и онъ былъ подвергнутъ пыткѣ in caput alienum, т.-е. для выдачи соучастниковъ преступленія. Пытка не привела ни къ какому результату, и 18 октября 1565 г. Эрнандесъ, въ качествѣ іудействующаго, отказывающагося давать показанія, былъ приговоренъ къ смертной казни. Но теперь съ нимъ стали поступать такъ, какъ съ Гильеномъ: желая вырвать какой-либо доносъ, Инквизиція отложила приведеніе въ исполненіе этого приговора, и Эрнандесъ, предъ угрозой завтрашняго ауто-да-фе, ежедневно подвергался допросу, и, наконецъ, дѣйствительно сталъ выдавать тѣхъ, кого ему называлъ трибуналъ, заявивъ также, что и многіе другіе собирались въ пресловутый домъ, гдѣ говорили о законѣ Моисея. Но и потерявъ свою прежнюю твердость, Эрнандесъ продолжалъ утверждать, что онъ лично, несмотря на частыя посѣщенія еврейскаго дома, никогда не принималъ участія въ разговорахъ о законѣ Моисея. Когда на него было накинуто санбенито, и онъ былъ увѣренъ, что единственнымъ якоремъ спасенія является доносъ на новыхъ виновниковъ, онъ заявилъ, что можетъ дать новыя показанія, слѣдствіемъ которыхъ было привлеченіе къ суду еще 12 человѣкъ. Когда онъ увидѣлъ, что и это не помогло, и что ему угрожаетъ смертная казнь, онъ совершенно растерялся и заявилъ, что и самъ въ теченіе нѣкотораго времени исповѣдывалъ Моисеевъ законъ, хотя никогда не отказывался отъ католицизма и не былъ настоящимъ іудействующимъ. Съ нѣкоторыми незначительными оговорками Мельхоръ Эрнандесъ повторялъ эти показанія на рядѣ послѣдовательныхъ допросовъ, что побудило нѣкоторыхъ инквизиціонныхъ судей требовать для него не смертной казни, а примиренія съ Церковью, но Супрема высказалась 15 мая 1567 г. за необходимость выдачи Мельхора Эрнандеса свѣтскимъ властямъ, т.-е. за немедленное приведеніе въ исполненіе смертной казни. Вопреки этому категорическому указанію Супремы и съ нарушеніемъ закона и традиціи, трибуналъ медлилъ сожженіемъ и вырывалъ у Эрнандеса все новые и новые доносы; въ отчаяніи несчастный выдавалъ случайно приходившія на умъ имена лицъ, говорилъ о многихъ домахъ, гдѣ разсуждали о законѣ Моисея, и все болѣе и болѣе запутывался въ своихъ показаніяхъ. Трибуналъ сталъ колебаться относительно характера наказанія, тѣмъ болѣе, что Эрнандесъ, одновременно съ доносами, каялся самъ въ грѣхахъ, свидѣтельствуя, что они очень незначительны. Послѣ долгихъ перипетій, въ которыхъ руководящую роль играла Супрема, Эрнандесъ былъ въ іюнѣ 1568 г. приговоренъ къ сожженію; впрочемъ, онъ былъ предварительно задушенъ.

Въ другомъ мѣстѣ мы упомянули уже, что маранамъ и вообще новохристіанамъ запрещалось жить въ испанскихъ колоніяхъ; запрещеніе это, вышедшее въ 1543 г., было внесено въ «Recopilacion» и, повидимому, не оставалось на одной лишь бумагѣ. Такъ, Перу, которое было завоевано Испаніей въ 1524 г., не знало марановъ преступниковъ до 1592 г., когда въ виду присоединенія Португаліи въ 1580 г. къ испанской коронѣ многіе португальцы, которыхъ за границей считали іудействующими, стали эмигрировать въ Перу. На ауто-да-фе 17 декабря 1595 г. въ Лимѣ были примирены съ Церковью пять португальцевъ; кромѣ того, Эрманъ Хорхе умеръ во время суда, а четверо были либо заживо сожжены, либо предварительно задушены, а потомъ сожжены. Хорхе Нуньесъ долго отри-

цалъ свою вину; его подвергли жестокой пыткѣ, во время которой сознался, что онъ іудействующій, но не соглашался принять христіанство. Уже на ауто-да-фе, предъ самымъ сожженіемъ, онъ дрогнулъ и молилъ о пощадѣ, каясь въ грѣхахъ. Инквизиція смилостивилась и распорядилась задушить Хорхе Нуньеса и лишь потомъ сжечь его трупъ. Франсиско Родригесъ мужественно переносилъ пытку; когда ему стали угрожать повтореніемъ пытки, онъ заявилъ, что покончитъ съ собою и живымъ не предстанетъ на ауто-да-фе. Угрозу свою онъ не исполнилъ, и Инквизиція подвергла его пыткѣ in caput alienum: и ей дѣйствительно удалось вырвать нѣсколько доносовъ. Франсиско Родригесъ былъ сожженъ живымъ какъ упорствующій еретикъ. Той же участи подверглись Хуанъ Фернандесъ, ненормальный человѣкъ, вызвавшій со стороны Супремы сомнѣніе объ отвѣтственности за свои преступленія. Наконецъ, Педро Контрерасъ подвергался дважды пыткѣ, разъ in caput alienum; онъ былъ сожженъ въ качествѣ negativo, хотя есть основаніе думать, что онъ въ дѣйствительности былъ вѣрующимъ христіаниномъ [1]. 10 декабря 1600 г. на ауто-да-фе тамъ же явилось 14 іудействующихъ португальцевъ; изъ нихъ 12 были примирены съ Церковью послѣ того, какъ у нихъ было конфисковано имущество и они подверглись другимъ наказаніямъ, а двое были сожжены живьемъ. На ауто-да-фе 13 марта 1605 г. 16 іудействующихъ были примирены съ Церковью, 6 сожжены in effigie, одинъ примиренъ in effigie, а трое сожжены живьемъ; кромѣ того, Антоніо Корреа былъ заключенъ въ тюрьму на три года, а затѣмъ отправленъ въ монастырь въ Испаніи, гдѣ пріобрѣлъ славу святого человѣка и умеръ въ Осунѣ въ 1622 г., окруженный ореоломъ мученичества и святости. На ауто-да-фе 1 іюня 1608 г. былъ одинъ іудействующій. Его звали Доминго Лопесъ; на его долю выпало рѣдкое счастье: онъ былъ оправданъ, вѣроятно, потому, что на него распространялось общее всепрощеніе, купленное въ 1604 г. португальскими маранами и ставшее извѣстнымъ въ испанскихъ колоніяхъ лишь позже, быть можетъ, только черезъ два года. Послѣ этого наступило затишье, и лишь 21 декабря 1625 г. было устроено новое ауто-да-фе, на которомъ примирили съ Церковью 10 іудействующихъ, трехъ сожгли заживо, а одного in effigie. Въ слѣдующемъ году начались новыя преслѣдованія іудействующихъ, и былъ арестованъ, между прочимъ, Франсиско Мальдонадо де Сильва. Онъ былъ португальскаго происхожденія, хотя самъ уже родился въ Перу. Его отецъ, Діэго Нуньесъ де Сильва, и его братъ, Діэго де Сильва, были на ауто-да-фе 1605 г. примирены съ Церковью. Франсиско былъ крещенъ при рожденіи и до 18 лѣтъ аккуратно посѣщалъ мессы и былъ искреннимъ католикомъ. Въ 1611 г. онъ случайно натолкнулся на извѣстное сочиненіе «Scrutinium Scripturarum» бургосскаго епископа Пабло де Санта Маріи, который до перехода въ христіанство назывался рабби Соломонъ Леви. Хотя книга преслѣдовала истинно католическія цѣли, она вызвала, тѣмъ не менѣе, въ душѣ молодого Сильвы рядъ сомнѣній, которыми онъ подѣлился со своимъ отцомъ. Отецъ тогда открылъ сыну, что онъ самъ іудействующій, и посовѣтовалъ ему читать Библію и заняться изученіемъ Моисеева закона. Вскорѣ даровитый Франсиско сдѣлался ярымъ іудеемъ, скрывая это отъ матери, двухъ сестеръ своихъ и отъ жены. Тайкомъ отъ послѣдней, во время ея отъѣзда на продолжительное время, Франсиско совершилъ надъ собою обрядъ обрѣзанія; однако, онъ продолжалъ соблюдать всѣ католическіе обряды, опасаясь, въ противномъ случаѣ, навлечь на себя подозрѣніе Инквизиціи. Любя свою сестру Изабеллу и желая ее обратить въ истинную религію, Франсиско Мальдонадо де Сильва рѣшился сказать ей, что онъ еврей, и сталъ убѣждать ее принять еврейскую вѣру. Какъ ни доказывалъ онъ ей преимущества іудаизма, она оставалась вѣрной христіанству и не желала измѣнять ему. Между тѣмъ, она стала переживать тяжелую душевную драму: вѣрная католичка, она знала, что должна на исповѣди назвать

---

[1] I. T. Medina, «Historia de la Inquisicion de Lima», 2 т., 1887, I, 297.

имена извѣстныхъ ей еретиковъ, но горячая любовь къ брату, его искренность въ разговорахъ съ ней не позволяли Изабеллѣ поступить предательски по отношенію къ нему, и она внутренне долго терзалась, пока религіозное чувство не побѣдило родственнаго чувства. Она донесла на брата, и 12 декабря 1621 г. инквизиціонный трибуналъ отдалъ распоряженіе арестовать Сильву. Въ тюрьмѣ его посѣщали монахи и образованные теологи, стремившіеся вернуть его въ лоно католицизма, но всѣ старанія ихъ ни къ чему не привели. Франсиско утверждалъ, что онъ еврей и хочетъ умереть евреемъ. Онъ заявилъ, что до сихъ поръ онъ никого не обращалъ въ іудейскую вѣру, за исключеніемъ родной сестры, которая и выдала его; но теперь онъ хочетъ, чтобы весь міръ зналъ, что онъ еврей: «пусть сожгутъ меня; не умираютъ тѣ, которые умираютъ такой смертью; съ радостью я заявлю это на кострѣ». Въ тюрьмѣ онъ соблюдалъ субботній отдыхъ, всѣ еврейскіе праздники и посты, изучалъ Библію и комментаріи къ ней, еврейскіе и латинскіе. Врачъ по профессіи, онъ въ тюрьмѣ сдѣлался ученымъ теологомъ и написалъ для сестры, выдавшей его Инквизиціи, спеціальный комментарій къ Библіи на испанскомъ языкѣ. 26 января 1633 г. трибуналъ единогласно приговорилъ его къ смертной казни.

Тяжкая болѣзнь, вызванная продолжительнымъ постомъ, побудила отложить исполненіе приговора на нѣкоторое время. Когда онъ оправился, онъ свилъ веревку изъ маисовыхъ стеблей, которые ему давали вмѣсто хлѣба, и спустился по ней въ другія камеры, гдѣ содержались нѣсколько іудействующихъ, недавно арестованныхъ въ Лимѣ. Онъ сталъ убѣждать ихъ твердо защищать свою вѣру и смѣло идти ради нея въ огонь. На судѣ онъ подтвердилъ, что дѣйствительно въ тюрьмѣ занимался пропагандой іудаизма и показалъ, что имъ написано два трактата на испанскомъ и латинскомъ языкахъ для усвленія въ іудействующихъ истинной религіи, каковой, по его мнѣнію, является религія Моисея. Трактаты эти были написаны чернилами, изготовленными имъ въ тюрьмѣ изъ угля, а перомъ ему служила куриная кость. Одинъ изъ этихъ трактатовъ состоялъ изъ 100 листовъ, другой изъ 103. Судъ убѣдился, что никакія убѣжденія не приведутъ Сильву къ покаянію, и рѣшилъ сжечь его на большомъ ауто-да-фе, подготовляемомъ для многихъ новохристіанъ 23 января 1639 г. Дѣло въ томъ, что Инквизиція въ 1634 г. напала на слѣдъ большой іудействующей группы очень богатыхъ марановъ и арестовала 81 человѣка; она замышляла теперь устроить такое ауто-да-фе, какого еще никогда не видѣла Америка, и это ауто-да-фе долженъ былъ украшать своимъ присутствіемъ въ санбенито и Франсиско Сильва. Кромѣ него, были сожжены еще 10 человѣкъ живьемъ, остальные были приговорены къ примиренію, тюремному заключенію и ударамъ плетью; семь человѣкъ были оправданы. Старая женщина, Мурсія де Луна, умерла во время пытки; 21 человѣкъ вмѣстѣ были приговорены къ 4000 ударовъ и 106 годамъ тюремнаго заключенія. Среди сожженныхъ живьемъ находился Мануэль Баутиста Пересъ, вождь португальской группы, извѣстный подъ названіемъ capitan grande. Это былъ крупный богачъ, состояніе котораго оцѣнивалось въ полмилліона пезетъ; въ его домѣ собирались для теологическихъ дискуссій различные іудействующіе; онъ самъ соблюдалъ католическіе религіозные обряды и дѣти его были крещены. До ареста духовенство оказывало ему всяческія почести, и не одна теологическая книга, написанная въ духѣ строжайшей ортодоксіи, была посвящена этому еретику, жертвовавшему большія суммы на благотворительныя дѣла и жившему въ лучшемъ домѣ въ Лимѣ, прозванномъ впослѣдствіи casa de Pilatos. Пересъ былъ владѣтелемъ плантацій и серебряныхъ рудниковъ; онъ, очевидно, хотѣлъ подкупить инквизиціонную стражу, чтобы бѣжать куда-либо за границу: старый тюремный начальникъ, Бартоломе Прадеда, былъ уволенъ за какія-то сношенія съ арестованнымъ; такой же участи подверглись и его преемники Іосифъ Фрейле, Діэго Варгасъ и Бенито Родригесъ, а Франсиско Уртадо де Вальсасаръ предсталъ даже на ауто-да-фе за то, что поддался вліянію денегъ. Вѣроятно, послѣ этихъ неудачъ Мануэль Баутиста Пересъ и пытался въ тюрьмѣ

покончить съ собою, но и самоубійство не удалось ему. На ауто-да-фе онъ держался въ высокой степени мужественно, съ улыбкой выслушалъ приговоръ и спокойно бесѣдовалъ съ палачомъ.

Это ауто-да-фе сильно увеличило средства перуанскаго трибунала, ставшаго сразу однимъ изъ наиболѣе богатыхъ среди провинціальныхъ трибуналовъ Испанской Инквизиціи. Богатство ли, или отсутствіе уликъ противъ новыхъ иммигрантовъ,—но послѣ 1639 г. дѣятельность Инквизиціи сильно понизилась и въ теченіе цѣлаго десятилѣтія она проявила себя лишь въ двухъ небольшихъ ауто-да-фе, на которыхъ не было сожженныхъ живьемъ. Въ 1646 г., въ виду провозглашенія Португаліи независимой отъ Испаніи и португальцевъ свободными отъ подчиненія испанскому королю, перуанскій вице-король, маркизъ Мансера, подъ вліяніемъ инквизиціоннаго трибунала, рѣшилъ изгнать изъ Перу всѣхъ португальцевъ, число которыхъ было опредѣлено въ 6000 человѣкъ. За деньги португальцы откупились, и Мансера, которому это было въ Мадридѣ поставлено въ вину, разрѣшилъ имъ остаться въ Перу. Быть-можетъ, уплаченныя разъ деньги способствовали тому, что португальцевъ перестали преслѣдовать: по крайней мѣрѣ, въ теченіе 20 лѣтъ почти никто изъ нихъ не страдалъ. Въ 1666 г. былъ приговоренъ къ abjuratio Леонъ Сиснеросъ за то, что въ пятницу не покупалъ безчешуйной рыбы и въ субботу не посылалъ въ училище своихъ дѣтей, что свидѣтельствовало о его іудейской вѣрѣ. Послѣ этого наступилъ опять очень продолжительный перерывъ, и лишь въ 1720 г. въ тюрьмѣ содержался и умеръ въ ней іудействующій Альваро Родригесъ. Эти рѣдкіе случаи преслѣдованія іудействующихъ тѣмъ болѣе удивительны, что за принадлежность къ этой ереси арестовывали по самому малѣйшему поводу, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ случай съ Хуаномъ Лойолой. Хуанъ Лойола, родственникъ Игнатія Лойолы, основателя іезуитскаго ордена, занималъ въ Лимѣ высокое положеніе и въ 1743 г. былъ арестованъ по доносу негра-раба, обвинявшаго его въ іудаизмѣ. Трибуналъ сталъ собирать всевозможныя справки объ арестованномъ, и инквизиціонный комиссіонеръ установилъ, что доносъ явился результатомъ заговора, составленнаго неграми-рабами противъ Лойолы, какъ это опредѣленно заявила одна негритянка предъ смертью. Трибуналъ, однако, продолжалъ держать его въ заточеніи, хотя и арестовалъ четырехъ ложныхъ свидѣтелей. Заболѣвъ въ тюрьмѣ, Лойола былъ перевезенъ въ монастырь, гдѣ и умеръ 27 декабря 1745 г. Очевидно, семья его не знала о его смерти, и только на ауто-да-фе 19 октября 1749 г., когда были наказаны ложные свидѣтели, и память Лойолы была оправдана, вѣсть о его гибели въ тюрьмѣ стала общеизвѣстнымъ фактомъ, и его родственники потребовали, чтобы онъ былъ похороненъ такъ, какъ подобаетъ истинному католику, невинно томившемуся въ инквизиціонной тюрьмѣ. Трибуналъ далъ на это свое согласіе, и на бѣлой лошади, подъ звуки музыки и съ большой торжественностью, возили по улицамъ города изображеніе Хуана Лойолы, при чемъ родственникамъ его были выданы особыя граматы о томъ, что на нихъ не распространяется правило о лишеніи извѣстныхъ правъ потомства осужденнаго Инквизиціей. Супрема нашла подобное искупленіе ошибки трибунала совершенно излишнимъ и сдѣлала ему выговоръ, прося впредь поступать осторожнѣе и не выходить за предѣлы обычнаго права и традиціонныхъ пріемовъ.

Не только родственникъ Игнатія Лойолы, но и самъ Лойола былъ жертвой Инквизиціи.

Въ 1526 г. въ университетъ Алкала де Энаресъ пріѣхалъ Игнатій Лойола въ сопровожденіи четырехъ товарищей для изученія теологіи. Слава о его проповѣдяхъ быстро распространилась по Испаніи, и многіе стекались къ нему, чтобы изъ его устъ услышать слово Божіе. Это показалось подозрительнымъ Инквизиціи, и она распорядилась произвести слѣдствіе о личности Лойолы и о его дѣятельности. Былъ выслушанъ рядъ свидѣтелей, и генеральный викарій Хуанъ Родригесъ потребовалъ, чтобы Лойола и его товарищи сняли съ себя свои специфическіе костюмы и одѣлись въ обыкновенное платье.

Но на слушателей Лойолы это, повидимому, не произвело никакого дѣйствія, и попрежнему къ нему стекались со всѣхъ сторонъ Испаніи. Съ одной женщиной во время рѣчи Лойолы произошелъ какой-то припадокъ, и этого было достаточно, чтобы обвинить Лойолу въ иллюминатствѣ, и въ 1527 г., по приказанію генеральнаго викарія, онъ былъ заключенъ въ тюрьму. Ему было запрещено устраивать въ теченіе трехъ лѣтъ собранія, а послѣ этого срока ему разрѣшалось выступать съ рѣчью лишь по особому позволенію епископа. Это наказаніе и заставило Лойолу покинуть Испанію и переѣхать въ Парижъ [1]).

Нельзя сказать, что инцидентъ съ Лойолой былъ вызванъ лишь недоразумѣніемъ: какъ ни странно, но и впослѣдствіи Инквизиція находила умственныя упражненія, требовавшіяся Лойолой (этимъ именемъ и названо главное сочиненіе Лойолы «Exercitia Spiritualia»), опасными и составляющими какъ бы первую ступень къ ученію мистиковъ о созерцаніи. Не даромъ Мельхоръ Кано отказывался дѣлать различіе между іезуитами и иллюминатами и утверждалъ, что ученики Лойолы сдѣлаютъ то, что начали гностики, а инквизиціонный фискалъ Монтойя, изслѣдовавшій въ 1575 г. иллюминатское движеніе въ льеренскомъ округѣ и представившій Супремѣ докладъ о результатахъ своей ревизіи, опредѣленно говорилъ, что іезуиты и иллюминаты проповѣдуютъ одно и то же и одинаково достойны наказанія. Товарищъ Монтойи по ревизіи іезуитско-иллюминатскаго движенія, доминиканецъ Алонсо де ла Фуэнте, вздумалъ преслѣдовать и португальскихъ іезуитовъ и съ этой цѣлью отправилъ духовной власти Португаліи обширный меморіалъ, въ которомъ указывалъ, что іезуиты такіе же еретики, какъ иллюминаты, и что необходимо принять энергичныя мѣры какъ противъ первыхъ, такъ и противъ вторыхъ. Но въ Португаліи въ это время іезуиты находились у власти, и кардиналъ Энрике, Великій португальскій инквизиторъ, отослалъ меморіалъ монаха Алонсо Испанской Инквизиціи, требуя наложенія строгой кары на дерзкаго монаха. Хотя въ словахъ Алонсо де ла Фуэнте, обращенныхъ къ Португаліи, не было ничего новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ неоднократно говорилъ Супремѣ, тѣмъ не менѣе, послѣдняя, щадя самолюбіе португальскаго Великаго инквизитора, добрымъ расположеніемъ котораго она въ виду предстоящаго въ близкомъ будущемъ присоединенія Португаліи къ Испаніи имѣла достаточно основанія дорожить, сдѣлала выговоръ монаху Алонсо и отправила его даже въ монастырь. Повидимому, Энрике не былъ удовлетворенъ этимъ и требовалъ либо выдачи ему Алонсо де ла Фуэнте, либо пересмотра этого дѣла Римской Куріей. Смерть монаха положила конецъ этому недоразумѣнію между Португальской и Испанской Инквизиціями.

Инквизиція имѣла особую причину преслѣдовать іезуитовъ. Дѣло въ томъ, что компендій ихъ привилегій утверждалъ, будто Григорій XIII въ 1584 г. vivae vocis oraculo даровалъ генералу ордена право отпускать грѣхи всѣмъ своимъ подчиненнымъ, при чемъ это право распространялось даже на еретиковъ-рецидивистовъ; мало того, члены ордена, зная про ересь товарища по ордену, должны были доносить объ этомъ не Инквизиціи, а іезуитскому начальству, такъ какъ іезуиты подсудны лишь спеціальному суду, а не обыкновенному церковному или инквизиціонному. Разумѣется, Инквизиція отрицала за орденомъ подобнаго рода привилегіи и распорядилась объ арестѣ компендіума, опирающагося на папскія слова 1584 года. Это поведеніе Инквизиціи вызвало обширную переписку съ Римомъ: обѣ стороны — инквизиторы и іезуиты — энергично отстаивали свои права, и Римская Курія долго колебалась, не зная, что ей дѣлать, и мѣняла свое мнѣніе въ зависимости отъ краснорѣчія того или иного представителя борющихся сторонъ. Наконецъ, 3 декабря 1592 г. Климентъ VIII высказался окончательно въ пользу Инквизиціи: ей было предоставлено исключительное право въ дѣлахъ о ереси, и члены іезуитскаго ордена могли лишь

[1]) Кромѣ Ли и Льоренте, см. «Boletin de la Real Academia de la Historia» (XXXIII, 431 и слѣд.), гдѣ Фидель Фита приводитъ документы, касающіеся дѣла Лойолы.

ИГНАТІЙ ЛОЙОЛА.

и одной доносить объ извѣстныхъ имъ именахъ еретиковъ, которые подлежали суду Инквизиціи. Частнымъ образомъ, однако, папа просилъ Супрему относиться снисходительно къ іезуитамъ и помнить, что частыя преслѣдованія ихъ могутъ подорвать въ обществѣ тотъ авторитетъ, коимъ орденъ пользуется ко благу религіи. Повидимому, іезуиты долго не могли примириться съ своимъ пораженіемъ, и даже въ 1660 г. Александръ VII рѣзко осудилъ распространяемый многими іезуитами взглядъ, будто не слѣдуетъ на товарищей по ордену доносить Инквизиціи, и что вмѣсто этого виновныхъ въ ереси должно дружески убѣждать отказаться отъ неправильныхъ и ошибочныхъ мнѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ папа предписалъ ордену всячески слѣдить за тѣмъ, чтобы іезуиты подчинялись закону, нарушеніе котораго должно было строго наказываться, и чтобы ежегодно торжественно читалось это распоряженіе папы въ цѣляхъ широкаго ознакомленія съ нимъ какъ членовъ ордена, такъ и инквизиціонныхъ служителей. Съ своей стороны Инквизиція распорядилась, чтобы въ іезуитскихъ книгахъ, выступающихъ въ защиту положенія о доносѣ на товарищей генералу ордена, рядомъ съ этимъ на поляхъ печатались слѣдующія слова: «Это мнѣніе осуждено святымъ отцомъ Александромъ VII, какъ пагубное и безразсудное».

Громкое дѣло, въ которомъ былъ замѣшанъ іезуитъ, имѣло мѣсто въ Лимѣ въ 70-хъ годахъ XVI вѣка. Патеръ Луисъ Лопесъ, раздѣлявшій многія воззрѣнія мистиковъ и спасшійся отъ преслѣдованія Инквизиціей благодаря своему высокому положенію, рѣзко отозвался объ ауто-да-фе, на которомъ предстали его друзья мистики, говоря, что онъ не хотѣлъ бы обладать совѣстью того инквизитора, который возвелъ на костеръ людей, умственно не совсѣмъ нормальныхъ. Слова эти дошли до Инквизиціи, которая начала слѣдствіе противъ Лопеса и установила, что онъ былъ вдохновителемъ нѣкоторыхъ мистиковъ, развращалъ женщинъ во время исповѣди, занимался гнусными дѣлами и отрицалъ права Филиппа II на Перу. Собранный противъ Луиса Лопеса обвинительный матеріалъ былъ, вѣроятно, сильно разукрашенъ, такъ какъ Инквизиція хорошо знала, что онъ имѣетъ большія связи и пользуется значительнымъ авторитетомъ въ высшихъ сферахъ, и что поэтому успѣшно привлечь его къ отвѣтственности можно будетъ лишь тогда, когда его преступленіе будетъ дѣйствительно ужасно. На судѣ Лопесъ не отрицалъ, что занимался solicitatio ad turpia, но доказывалъ, что, собственно говоря, это не имѣло мѣста in actu confessionis; Лопесъ долженъ былъ сознаться также и въ рядѣ другихъ преступленій. Несмотря на все это, трибуналъ не устроилъ для Лопеса публичнаго ауто-да-фе; виновному іезуиту былъ прочитанъ приговоръ инквизиціоннаго трибунала лишь въ присутствіи восьми іезуитовъ, товарищей Лопеса. Приговоръ сводился къ тому, что съ первымъ отходящимъ въ Испанію судномъ Лопесъ долженъ отправиться въ метрополію, а до этого времени содержаться incomunicado въ іезуитской коллегіи; въ Испаніи его слѣдовало на два года заключить въ іезуитскій домъ, послѣ чего выслать на четыре года въ опредѣленную мѣстность; кромѣ того, онъ былъ навсегда лишенъ права исповѣдывать женщинъ, а на два года и мужчинъ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ мы подробно говорили о финансовой сторонѣ Инквизиціи; здѣсь вкратцѣ охарактеризуемъ ея денежную жадность и корыстолюбіе.

Когда былъ организованъ въ Новой Гранадѣ инквизиціонный трибуналъ, Филиппъ III въ 1610 г. обѣщалъ ему субсидію въ 8.400 дукатовъ или 11.500 пезетъ до тѣхъ поръ, пока конфискаціи и штрафы дадутъ ему возможность жить собственными средствами; пріемщикъ долженъ былъ ежегодно, при заявленіи о высылкѣ субсидіи, представлять казнѣ собранную въ теченіе года трибуналомъ сумму отъ конфискацій и штрафовъ для того, чтобы казна высылала въ Новую Гранаду на имя трибунала недостающую часть денегъ. Это обѣщаніе Филиппа было вполнѣ опредѣленно и не могло подавать повода къ недо-

[1]) J. T. Medina, «Historia de la Inquisicion de Lima», I, 57 и слѣд.

разумѣніямъ; между тѣмъ, трибуналъ совершенно произвольно толковалъ его и никогда не представлялъ отчета о собранныхъ имъ суммахъ, получая всегда полностью изъ государственной казны всѣ 8.400 дукатовъ. И это несмотря на то, что въ одномъ лишь 1621 г. съ одного іудействующаго, нѣкоего Франсиска Гомеса, трибуналъ получилъ сразу 149 тыс. пезетъ, а съ 1636 г. такія поступленія, въ виду открытія цѣлыхъ гнѣздъ іудействующихъ, сдѣлались почти нормальнымъ явленіемъ. Такъ, съ Хуана Родригеса Месы было получено 65 тыс. пезетъ, съ Пасъ Пинто—50 тыс., съ Родригеса Пинто—40 тыс. Въ одной лишь Гаваннѣ было собрано въ 1638 г. до 150 тыс. пезетъ. Неудивительно поэтому, что въ сентябрѣ 1650 г. въ кассѣ новогранадской Инквизиціи накопилось 187 тыс. пезетъ, а въ 1652 г. даже 430.414; кромѣ того, она владѣла многими роскошными домами, земельными участками и цѣнными бумагами. Въ 1659 г. рента отъ вложеннаго въ дома, земли и бумаги капитала достигала 4 тыс. пезетъ; тѣмъ не менѣе, трибуналъ просилъ короля не отказать ему въ присылкѣ субсидіи въ размѣрѣ 11.500 пезетъ.

Какъ разнообразны были источники доходовъ Инквизиціи и какъ энергично она ихъ отстаивала, видно изъ слѣдующаго факта. Севильѣ было предоставлено право торговли съ испанскими колоніями въ Америкѣ, но Канарскіе острова въ теченіе многихъ лѣтъ вывозили туда вино, и въ 1654 г. севильская торговая палата рѣшила положить конецъ нарушенію привилегіи Севильи. Канарскій инквизиціонный трибуналъ отправилъ тогда Филиппу IV докладную записку, въ которой доказывалъ необходимость предоставленія островамъ заморской торговли. Заявляя, что ежегодный вывозъ вина въ Америку равенъ 16 тыс. бочекъ, Инквизиція упоминаетъ о томъ, что и она арендуетъ на островахъ виноградники и платитъ ежегодно свыше 22 тыс. реалей, которые, разумѣется, даютъ ей значительную прибыль, и если король теперь лишитъ острова права торговать съ Индіей, казнѣ придется посылать ежегодно большія суммы денегъ Инквизиціи въ видѣ субсидіи, такъ какъ другихъ источниковъ дохода на Канарскихъ островахъ почти нѣтъ. Инквизиція убѣждена, что король не захочетъ погубить преданное ему канарское населеніе и подорвать благосостояніе трибунала этой страны. Король пришелъ на помощь Инквизиціи и выработалъ компромиссъ: отнынѣ Канарскіе острова имѣли право ежегодно вывозить въ Америку не болѣе тысячи тоннъ вина. Это, очевидно, не поколебало доходовъ трибунала, какъ видно изъ того, что въ 1660 г. онъ ассигновалъ 1.942 реаля на возобновленіе 212 санбенито, висѣвшихъ въ церкви и пришедшихъ въ негодность отъ времени; деньги эти составляли часть суммы, полученной отъ продажи земли, конфискованной у сожженнаго in effigie въ 1658 г. Дуарте Энрикеса.

На жалобы казны о плохомъ состояніи финансовъ Испаніи Инквизиція постоянно отвѣчала, что правительство путемъ репрессій можетъ добыть нужныя ему средства, и что Инквизиція можетъ успѣшно развивать свое богоугодное дѣло лишь при увѣренности, что ея труды будутъ по заслугамъ оцѣнены и вознаграждены. Когда Филиппъ IV рѣшилъ однажды провѣрить состояніе кассы трибунала Лимы и отправилъ въ Перу спеціальнаго человѣка въ лицѣ доктора Реаля, послѣдній не могъ ничего добиться и долженъ былъ вернуться въ Испанію безъ всякаго результата. Повидимому, король прибѣгалъ иногда къ беззаконнымъ мѣрамъ для полученія денегъ отъ трибуналовъ. Такъ, въ 1644 г. Супрема жалуется, что въ Севильѣ конфисковано 2-3 ящика, присланныхъ ей перуанской Инквизиціей для удовлетворенія претензій кредиторовъ. Въ 1809 г. правительство конфисковало 60.131$^1/_2$ пезетъ, присланныхъ мексиканской Инквизиціей на имя Супремы; послѣ Реставраціи Супрема требовала возвращенія этихъ денегъ, но, повидимому, просьбы ея не привели ни къ чему. Правительство въ данномъ случаѣ мстило мексиканскому трибуналу, не желавшему въ серединѣ XVII вѣка, во время матеріальнаго расцвѣта трибунала, благодаря аресту цѣлыхъ группъ португальцевъ, прійти на помощь нуждавшемуся въ деньгахъ Филиппу IV. Въ 1649 г. мексиканская Инквизиція собрала 234 тыс. пезетъ, а въ 1649 г.

даже три милліона, не отказываясь, тѣмъ не менѣе, отъ ежегодной субсидіи въ 10 тыс. пезетъ. Въ 1668 г. совѣтъ Индіи высказался въ обращеніи къ королю, что, по его мнѣнію, не слѣдуетъ болѣе ежегодно посылать изъ казны субсидію мексиканскому трибуналу, такъ какъ онъ и безъ того очень богатъ и, подобно испанскимъ трибуналамъ, можетъ отлично существовать на собственныя средства. Въ 1675 г. совѣтъ повторяетъ свое мнѣніе, что свидѣтельствуетъ о томъ, что Испанское правительство не приняло во вниманіе его заявленія отъ 1668 г.; совѣтъ настаиваетъ, чтобы король провелъ это въ жизнь, не испросивши предварительно мнѣнія Супремы, которая, разумѣется, всячески будетъ поддерживать трибуналъ. По обыкновенію, Карлъ II не желалъ идти противъ воли Супремы и въ 1676 г. просилъ ее высказаться по поводу предложенія совѣта Индіи. Хотя отвѣтъ Супремы врядъ ли былъ благопріятенъ, тѣмъ не менѣе, съ 1677 г. субсидія была прекращена, на что въ 1683 г. горько жалуется мѣстный трибуналъ, тѣмъ болѣе, что ему пришлось выслать въ Испанію 8.000 пезетъ въ фондъ для канонизаціи инквизитора Педро Арбуэса, для производства разслѣдованія о limpieza кандидатовъ въ инквизиціонную службу и на многое другое. Жалобы на бѣдность были лицемѣрны: въ 1771 г. трибуналъ далъ мексиканскому вице-королю взаймы для веденія войны съ Англіей 60 тыс. пезетъ; въ 1795 г. онъ вторично выдалъ ему ссуду въ 40 тыс. пезетъ.

Какъ смѣло Инквизиція защищала свои матеріальные интересы, видно, напримѣръ, изъ случая, имѣвшаго мѣсто въ 1642 г. въ Кордовѣ.

Кордовскій инквизиторъ Хуанъ Рибера велъ переговоры о наймѣ какого-то дома, но, не договорившись до чего-либо опредѣленнаго, уѣхалъ въ Мурсію, и во время его отсутствія домъ этотъ снялъ городской совѣтникъ Карденасъ. Вернувшись въ Кордову, инквизиторъ вызвалъ къ себѣ Карденаса и спросилъ его, зналъ ли онъ, что домъ этотъ желалъ снять самъ инквизиторъ; Карденасъ отвѣтилъ, что объ этомъ не имѣлъ понятія, прибавивъ, что и теперь не сталъ бы переѣзжать въ этотъ домъ, если бы его семья уже не устроилась въ немъ и не находила бы для себя чрезвычайно затруднительнымъ снова заняться подысканіемъ квартиры и переѣздомъ въ новый домъ. Хуанъ Рибера остался недоволенъ этимъ отвѣтомъ и приказалъ Карденасу немедленно очистить квартиру, и когда онъ отказался исполнить приказъ инквизитора, то трибуналъ вмѣшался въ это дѣло, поддерживая своего начальника. Карденасъ, однако, упорствовалъ, и трибуналъ прибѣгъ къ вооруженной силѣ. Но и у Карденаса было немало друзей, которые стали охранять его домъ и заявили, что на силу отвѣтятъ силой. Корегидоръ обратился съ просьбой къ трибуналу не обострять этого дѣла и не обагрять кровью гражданъ улицъ города; солдаты, говорилъ онъ, будутъ встрѣчены дворянами и многими уважаемыми городскими дѣятелями самымъ воинственнымъ образомъ, и съ обѣихъ сторонъ можетъ оказаться немало раненыхъ и убитыхъ. Совѣтъ Кастиліи, считая дѣйствія Карденаса вполнѣ правильными, поддерживалъ его, объясняя, что домъ долженъ остаться за тѣмъ, кто фактически его снялъ и уже живетъ въ немъ; Супрема, наоборотъ, возмущалась неповиновеніемъ приказу инквизитора и, находя, что въ данномъ случаѣ задѣты честь и доброе имя Инквизиціи, совѣтовала ни въ чемъ не уступать и до конца бороться за права Хуана Риберы. Чѣмъ окончилось это дѣло, не извѣстно: оно ясно свидѣтельствуетъ, что Инквизиція всѣми доступными ей средствами защищала правое и неправое дѣло, подъ ширмой оскорбленной чести преслѣдуя нерѣдко самые грубые матеріальные интересы [1]).

Со стороны дворянъ раздавались жалобы на Инквизицію, что она принятіемъ крестьянъ на инквизиціонную службу освобождаетъ ихъ отъ феодальной зависимости и лишаетъ сеньеровъ права судить ихъ. Въ 1549 г. графиня Ніэвы жаловалась Великому инквизитору Вальдесу, что въ принадлежащемъ графу мѣстечкѣ Арнедо, находящемся недалеко отъ

---

[1]) Lea, «History», I, 528.

Калаоры, инквизиторъ послѣдней назначилъ нѣсколько крестьянъ служителями трибунала и освободилъ ихъ отъ юрисдикціи графа Ніэвы; это, по словамъ графини, тѣмъ болѣе несправедливо, что ея мужъ находится теперь на службѣ короля, жертвуя на полѣ сраженія своею жизнью; какъ можно въ такой моментъ, восклицаетъ она, лишать графа его слугъ. Назначенные членами трибунала крестьяне, по мнѣнію графини, скоро возгордятся и начнутъ безчинствовать, а положить конецъ ихъ безчинствамъ будетъ, въ виду ихъ службы Инквизиціи, очень трудно. Въ 1577 г. сеньеръ Санта Коломы, донъ Кераль, принесъ въ барселонскій трибуналъ жалобу на двухъ своихъ вассаловъ, Хуана и Висенте Реквезенсъ, поступившихъ въ члены Инквизиція. Оба они открыто призываютъ крестьянъ къ бунту, насмѣхаются надъ сеньеромъ, уничтожаютъ его плантаціи, разрушаютъ его богатство, издѣваются надъ его приказами и, чувствуя себя подъ ширмой Инквизиціи внѣ опасности, не признаютъ надъ собою никакой власти. Трибуналъ, повидимому, не хотѣлъ считаться съ заявленіемъ сеньера Кераля, и послѣ смерти его, вдова Кераль, продолжаетъ изливать свое горе предъ барселонскимъ трибуналомъ, но такъ же безуспѣшно, какъ и ея мужъ, и только въ 1608 г. владѣтельницѣ Санта Коломы удалось убѣдить трибуналъ въ необходимости обуздать этихъ крестьянъ, числившихся на службѣ у Инквизиціи; они получили выговоръ и должны были уплатить $115^1/_2$ реалей владѣтельницѣ Санта Коломы.

Число отдѣльныхъ эпизодовъ, въ томъ или иномъ отношеніи характерныхъ для дѣятельности Инквизиціи, можно было бы во много разъ увеличить; но кажется, что достаточно уже приведенныхъ, чтобы вынести опредѣленное представленіе о сущности и характерѣ Инквизиціи. Мы поэтому воздержимся отъ дальнѣйшихъ иллюстрацій и, вмѣсто нихъ, дадимъ значительно сокращенный перечень въ той или иной степени выдающихся испанцевъ, пострадавшихъ отъ Инквизиціи.

1) Хаиме Наваррскій, инфантъ Туделы, принцъ Віаны, сынъ Донъ Карлоса.
2) Каранса, толедскій архіепископъ.
3) Цезарь Борджіа, сынъ папы Александра VI.
4) Педро Луисъ Борджіа, послѣдній великій мастеръ военнаго ордена Монтеса.
5) Антоніо Пересъ, первый министръ Филиппа II.
6) Лопесъ Гонсало, епископъ Мурсіи.
7) Франсиско Бланко, епископъ Малаги.
8) Антоніо Дельгадо, епископъ Леона.
9) Андрей Куэста, епископъ Мона.
10) Педро Фраго, епископъ Хаки.
11) Антоніо Вальдесъ, членъ совѣта Кастиліи.
12) Лайнесъ, второй генералъ іезуитскаго ордена.
13) Игн. Лойола, основатель іезуитскаго ордена.
14) Педро Сото, духовникъ императора Карла V.
15) Діэго Собаньосъ, ректоръ университета Алкала де Энарссъ.
16) Кабальеріа, арагонскій канцлеръ.
17) Кальдеронъ, секретарь Филиппа III.
18) Августинъ Абадъ-и-ла-Сіерра, епископъ Барбастро.
19) Мануэль Абадъ-и-ла-Сіерра, братъ предыдущаго, Великій инквизиторъ.
20) Фернандо Талавера, первый архіепископъ Гранады.
21) Хуанъ Авила, извѣстный подъ именемъ «Апостолъ Андалузіи».
22) Палафосъ-и-Мендоса, вице-король и архіепископъ Мексики.
23) Антоніо Палафосъ, епископъ Куэнки.
24) Луисъ де Гранада, доминиканецъ, выдающійся писатель.
25) Фил. Арагонъ, сынъ императора Марокко.

26) Герцогъ Алмодоваръ, посланникъ Испаніи въ Вѣнѣ, писатель.
27) Графъ Аранда, первый министръ, испанскій грандъ 1-го класса.
28) Мануэль Годой, герцогъ Алкудія, принцъ Мира, вліятельнѣйшій первый министръ Карла IV.
29) Олавиде, судья, губернаторъ Севильи.
30) Ховельяносъ, министръ юстиціи при Карлѣ IV.
31) Луисъ Кадена, канцлеръ университета Алкала де Энаресъ.
32) X. Маріана, іезуитъ, извѣстный историкъ.
33) Кампоманесъ, графъ, писатель, выдающійся министръ.
34) Маканасъ, фискалъ при кастильскомъ совѣтѣ, посланникъ при Фердинандѣ VI.
35) Уркихо, министръ Карла IV.
36) Оливаресъ, графъ и герцогъ, первый министръ.
37) Флоридабланка, графъ, первый министръ при Карлѣ III и Карлѣ IV.
38) Пратъ, секретарь арагонскихъ кортесовъ.
39) Хуанъ Регла, духовникъ Карла V и Филиппа II.
40) Сальседо, королевскій прокуроръ при кастильскомъ совѣтѣ.
41) Саманіего, генеральный секретарь и совѣтникъ короля.
42) Ник. Беландо, историкъ царствованія Бурбоновъ въ Испаніи.
43) Мануэль Сантосъ Борекоса, авторъ «Ensayo del teatro de Roma».
44) Франсиско Санчесъ де ласъ Баосасъ, прозванный «Mercurio y Apolo de las Españas».
45) Томасъ Иріарте, писатель, оффиціальный переводчикъ министерства иностранныхъ дѣлъ.
46) Сеспедесъ, поэтъ, живописецъ и скульпторъ.
47) Клавихо-и-Фихардо, директоръ естественно-историческаго музея въ Мадридѣ, другъ Вольтера.
48) Гиль Гонсалесъ, іезуитъ, собиравшійся перевести на латинскій языкъ «Комментаріи» Карансы.
49) Педро де Лерма, профессоръ теологіи, канцлеръ университета.
50) Монтихо, графиня, обвиненная въ перепискѣ съ французскимъ аббатомъ Грегуаромъ.
51) Геронимо Рипальда, іезуитъ, авторъ ряда теологическихъ работъ.
52) Рамонъ де Саласъ, профессоръ университета въ Саламанкѣ.
53) Геронимо Себальосъ, профессоръ въ Саламанкѣ, извѣстный юристъ и писатель.
54) Сесе, президентъ арагонской апелляціонной палаты.
55) Солорсано, членъ высшаго совѣта Индіи.
56) Терранова, сицилійскій вице-король, коннетабль и адмиралъ.
57) Сентельясъ, монахъ, написавшій рядъ выдающихся работъ.
58) Руисъ де Сарате, старшій алкаидъ и судья въ Кордовѣ.
59) Авалосъ, корегидоръ Кордовы.
60) Чумасеро, графъ, президентъ совѣта Кастиліи, посолъ въ Римѣ.
61) Муръ, президентъ апелляціоннаго суда на островѣ Майоркѣ.
62) Мората, графъ де Луна, вице-король Арагоніи.
63) Фейхоо, извѣстный писатель, авторъ «Критическаго театра» и «Ученыхъ писемъ».
64) Фріасъ, герцогъ, вице-король Сициліи.
65) Понсе де ла Фуэнте, каноникъ севильскій, главный священникъ Карла V.
66) Фройланъ Діасъ, духовникъ Карла II.
67) Кардона, военный губернаторъ Каталоніи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Девятнадцатый вѣкъ.

Сохранился алфавитный листъ съ именами лицъ, на которыя поступили доносы въ различные испанскіе инквизиціонные трибуналы за годы 1780—1820. Списокъ этотъ, заключающій въ себѣ свыше 5 тысячъ именъ, свидѣтельствуетъ, что въ это время ни іудаизмъ, ни протестантизмъ, ни магометанство не привлекали къ себѣ вниманія Инквизиціи, сосредоточившей свою главную дѣятельность на преслѣдованіи виновныхъ въ произнесеніи или писаніи опасныхъ и вредныхъ «положеній», при чемъ послѣднія чаще носили политическій характеръ, нежели религіозный. Инквизиція мало-по-малу стала посвящать свои силы новому служенію, и преступленія въ ереси становились все болѣе и болѣе рѣдки, хотя, нѣтъ сомнѣнія, религіозность народа, главнымъ образомъ, разумѣется, высшаго и интеллигентнаго классовъ, сильно понизилась за время дѣятельности Инквизиціи. Инквизиція переросла свою первоначальную цѣль и, обладая удивительной жизнеспособностью, быстро приспособлялась къ новымъ условіямъ жизни, когда съ гораздо большимъ успѣхомъ можно было преслѣдовать опасныхъ для Инквизиціи политическихъ враговъ, чѣмъ скептически относящихся къ нѣкоторымъ католическимъ догмамъ обыкновенныхъ обывателей или усердно занимающихся теологовъ. Она прежде всего поняла, что ея вѣроисповѣдные эдикты, являвшіеся подстрекательствомъ къ доносу, и эдикты о милости, служившіе ловушкой для простодушныхъ людей, должны быть оставлены, несмотря на то, что они давали ежегодно трибуналамъ очень обильные плоды. Теперь, въ вѣкъ сравнительнаго просвѣщенія, они естественно могли бы вызвать раздраженіе среди тѣхъ, которые критически стали слѣдить за каждымъ шагомъ Инквизиціи, и въ 1784 г. Супрема опрашиваетъ трибуналы Испаніи, прибѣгаютъ ли они къ ежегоднымъ эдиктамъ, при чемъ Супрема воздерживается отъ выраженія сочувствія или порицанія за оставленіе этого, нѣкогда столь обязательнаго и торжественнаго, обычая. Въ 1806 г. она снова обращается къ трибуналамъ съ вопросомъ, какъ давно перестали они публиковать вѣроисповѣдные эдикты. И публичность наказанія также становилась болѣе рѣдкимъ явленіемъ. Въ генеральное инквизиторство Мануэля Абадъ-и-ла-Сіерра, продолжавшееся съ мая 1793 г. по сентябрь 1794 г., было лишь 16 случаевъ публичнаго осужденія, и самъ Великій инквизиторъ, въ сотрудничествѣ съ своимъ секретаремъ Льоренте, авторомъ четырехтомной исторіи Инквизиціи, пытался ввести въ инквизиціонное судопроизводство принципы, уже восторжествовавшіе въ гражданскомъ и уголовномъ процессахъ; въ этомъ отношеніи Великому инквизитору оказалъ услугу Льоренте, преданный идеѣ о реформированіи трибуналовъ. Но, какъ ни приспособлялась Инквизиція къ новымъ условіямъ жизни, духъ ея попрежнему оставался строго консервативнымъ, и она выступила рѣзко противъ плана Великаго инквизитора. Абадъ-и-ла-Сіерра, заподозрѣнный въ янсенизмѣ, долженъ былъ печально окончить свои дни въ бенедиктинскомъ монастырѣ, а Льоренте, выступившій въ 1797 г. съ работотой «Discursos sobre el órden de procesar del Santo Oficio», подвергся преслѣдованію Инквизиціи.

Къ этому приблизительно времени относится и попытка французскаго аббата Грегуара повліять на Великаго инквизитора Арсе-и-Рейносо въ смыслѣ отмѣны Испанской Инквизиціи. Конституціонный епископъ города Блуа, столь энергично выступавшій въ защиту вѣротерпимости, за эмансипацію евреевъ и освобожденіе негровъ, но съ не меньшей

энергіей отстаивавшій въ дни террора христіанство и категорически отказывавшійся слѣдовать примѣру многихъ французскихъ епископовъ и отречься отъ своего духовнаго званія, обратился въ 1798 г. къ Великому инквизитору съ письмомъ, доказывая, что уничтоженіе Инквизиціи послужитъ ко благу Испаніи, явится началомъ ея возрожденія и сдѣлаетъ ее однимъ изъ наиболѣе счастливыхъ и сильныхъ государствъ Европы. Письмо это получило широкое распространеніе въ Испаніи и вызвало, одновременно съ значительнымъ количествомъ тайныхъ поклонниковъ Грегуара, многочисленныя возраженія, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны брошюры Луиса Бланко, Ріеско и Вильянуэвы [1]). Послѣдній рѣзче другихъ нападалъ на просвѣтительныя идеи, на французскую революцію и на декларацію правъ человѣка и гражданина: «послѣ первороднаго грѣха на какія права смѣетъ еще претендовать человѣкъ? его удѣлъ — рабство, гибель и жестокія наказанія». Ученіе о суверенитетѣ народа является, по мнѣнію Вильянуэвы, сумасбродствомъ, о которомъ серьезно даже не приходится говорить. Правда, Инквизиція не лишена нѣкоторыхъ недостатковъ, но ихъ должны исправлять люди благочестивые, понимающіе значеніе борьбы съ безбожниками, преданные интересамъ религіи и не мечтающіе объ отмѣнѣ христіанства и о провозглашеніи атеизма основой государства.

Вернувшіеся въ 1798 г. въ Испанію іезуиты энергично стали поддерживать Инквизицію, которая благодаря имъ возбудила въ это время сравнительно значительное количество процессовъ противъ лицъ, занимающихъ видное общественное положеніе. Обычнымъ обвиненіемъ служило сочувствіе идеямъ, проповѣдуемымъ янсенистами, которыхъ іезуиты ненавидѣли и потому побуждали Инквизицію особенно усердно ихъ преслѣдовать. Въ янсенизмѣ были обвинены графиня Мантихо, епископы Саламанки, Куэнки и Мурсіи, каноники мадридскіе Родригальваресъ и Посадасъ. Однако, налагаемыя Инквизиціей наказанія не носили прежняго суроваго характера, и лишь изрѣдка можно встрѣтить въ это время жестокіе приговоры, сопровождавшіеся публичными ауто-да-фе, при чемъ сожженія какъ живыхъ людей, такъ и изображеній ихъ не практиковались болѣе съ середины 80-хъ годовъ XVIII вѣка. Недовольство охватило слишкомъ широкіе круги общества, чтобы можно было безъ риска для собственнаго существованія привлекать къ отвѣтственности и подвергать строгимъ наказаніямъ виновныхъ въ политической и религіозной ереси.

Уже во время войны съ Франціей, начатой изъ-за казни Людовика XVI, народъ открыто выражалъ свой протестъ противъ любимца короля Годоя, получившаго титулъ маркиза Альвареса и герцога Алкудіи, обвиняя его въ неумѣломъ веденіи государственныхъ дѣлъ и въ излишнихъ расходахъ, благодаря которымъ дефицитъ во время войны увеличился на 1.270 мил. пезетъ. Правда, Годою удалось въ 1795 г. заключить съ Франціей миръ на сравнительно выгодныхъ условіяхъ, за что недавно возведенный въ герцогское званіе Годой получилъ титулъ принца Мира; но миръ съ Франціей имѣлъ своимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ несчастную войну съ Англіей, такъ какъ принцъ Мира не ограничился Базельскимъ договоромъ 1795 г., а подписалъ 19 августа 1796 г. въ Санъ-Ильдефонсо дополнительный, въ силу котораго Испанія обѣщала Франціи нейтралитетъ при веденіи ею войны со всѣми государствами, за исключеніемъ Англіи, противъ которой Испанія обязывалась оказывать помощь Франціи. Эта навязанная Испаніи извнѣ война подняла бурю негодованія въ испанскомъ обществѣ; поэтъ Кинтано, воспѣвая движеніе со-

[1]) Въ письмѣ аббата Грегуара, между прочимъ, говорилось: «la supresion del Santo Oficio sera una medida preliminar... reorganizando nuevas sociedades politicas, el Ebro y el Tajo veràn sus riberas cultivadas por manos libres, siendo el despertar de una nación generosa, la época de su entrada en el universo para elevarse à sus destinos sublimes (отмѣна святой Инквизиціи будетъ предварительной мѣрой... Этимъ будутъ реорганизованы новыя политическія общества, Эбро и Тахо увидятъ свои берега, обрабатываемые свободными руками; это будетъ пробужденіемъ благородной націи, началомъ ея вступленія въ міръ, чтобы подняться до своихъ высшихъ судебъ).

muneros 1521 г., звалъ народъ къ возстанію, а кастильскій совѣтъ рѣзко порицалъ короля, ставшаго слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ недостойнаго царедворца. «Совѣтъ очень хорошо знаетъ,—заявили однажды представители высшаго правительственнаго учрежденія,—какое презрѣнное перо написало или продиктовало такой указъ, злоупотребляя священнымъ именемъ вашего величества. Онъ со скорбью предвидитъ достойное проклятія паденіе трона; возстаньте, ваше величество, отъ глубокой летаргіи, въ которую вы уже такъ давно погрузились! Пора уже вамъ свергнуть съ себя иго ничтожныхъ развратниковъ!»

Король вынужденъ былъ въ 1798 г. дать отставку Годою, и его мѣсто занялъ Сааверда, а министромъ юстиціи былъ назначенъ Ховельяносъ, призванный въ Мадридъ изъ своего полуизгнанія. Однако, устраненіе принца Мира было со стороны двора актомъ лицемѣрія, и тайно Годой, женившійся на племянницѣ короля, все еще руководилъ внѣшней и внутренней политикой, а въ 1800 г. былъ даже назначенъ генералиссимусомъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Испаніи, когда послѣдняя была вовлечена, опять-таки изъза дружбы съ Франціей, въ войну съ Португаліей. На этотъ разъ война закончилась побѣдой Испаніи, получившей по Бадахосскому миру 1801 г. часть португальской территоріи. Осѣненный новыми лаврами, Годой опять сталъ во главѣ правленія. Но Наполеонъ менѣе всего стремился къ предоставленію Испаніи спокойствія, а Годою—лавровъ государственнаго мужа: уже разъ онъ вовлекъ Испанію въ войну съ Англіей и съ Португаліей,—теперь онъ вторично толкалъ ее къ этому, и какъ только Англія, по миру 1802 г., уступила обратно Менорку Испаніи, Наполеонъ заключилъ съ нею 19 апрѣля 1803 г. договоръ, возлагавшій на нее самыя тяжелыя обязательства. Испанія должна была ежемѣсячно платить Франціи 6 мил. франковъ, держать въ полномъ вооруженіи французскій флотъ въ своихъ военныхъ портахъ, смѣстить тѣхъ морскихъ префектовъ, которые относились враждебно къ Франціи, и не печатать въ своихъ газетахъ ничего дурного о Франціи, а также англійскихъ парламентскихъ отчетовъ. Когда французскія суда стали снаряжаться въ Ферролѣ, Англія потребовала, чтобы и ей была предоставлена та же привилегія, и чтобы Испанія гарантировала безопасность Португаліи со стороны Франціи. Такъ какъ Годой не могъ дать этихъ обѣщаній, шедшихъ въ разрѣзъ съ договоромъ 1803 г., то Англія, гдѣ въ маѣ 1804 г. во главѣ сталъ энергичный и дѣятельный врагъ революціонной Франціи Вильямъ Питтъ, рѣшила фактически начать войну съ Испаніей.

Англичане захватили четыре испанскихъ фрегата, шедшихъ изъ Ла Платы съ 12 милліонами пезетъ въ Испанію, а предъ Барселоной появился флотъ Нельсона. Испанское правительство не рѣшалось, однако, на войну съ Англіей, но Франція всячески побуждала ее «не прощать Англіи нанесенной ей обиды». 18 фримера XIII года Таллейранъ писалъ французскому посланнику въ Мадридѣ Бэрнонвилю, увѣрявшему Наполеона, что Карлъ IV готовъ объявить войну Англіи: «vos dernières depêches annoncent des résolutions, Sa Majesté désire voir des mesures exécutées». Черезъ нѣкоторое время Наполеонъ писалъ Карлу, что онъ глубоко презиралъ бы (J'eusse conçu un souverain mépris) такой испанскій кабинетъ, который пошелъ бы на позорную сдѣлку съ Англіей послѣ того, какъ она нанесла такое оскорбленіе; онъ можетъ только оплакивать низость тѣхъ, которые совѣтуютъ королю сдѣлать подобный шагъ. Наполеонъ не скрываетъ отъ себя, что Испанія для веденія войны нуждается въ деньгахъ, и совѣтуетъ королю найти нужныя средства: «Вы присоединили къ своей коронѣ Мальтійскій орденъ; продайте его имущество; потребуйте денегъ отъ духовенства и отъ государственныхъ чиновъ; пусть собираютъ также патріотическія пожертвованія» [1]). При такихъ обстоятельствахъ Карлу ничего не оставалось дѣлать какъ объявить формальную войну Англіи. 21 октября 1805 г. Нельсонъ уничтожилъ при Трафальгарѣ

[1]) Geoffroy de Grandmaison, «L'Espagne et Napoléon» (1804—1809), Парижъ, 1908, стр. 5 и слѣд.

франко-испанскій флотъ, и Испанія, сухопутныя силы которой были незначительны, потеряла и свою морскую мощь и отнынѣ была вычеркнута изъ списка первоклассныхъ государствъ. Она сдѣлалась еще болѣе гибкимъ орудіемъ въ рукахъ Наполеона. Вскорѣ онъ потребовалъ отъ Годоя присылки 10 тыс. пѣхоты, 4 тыс. кавалеріи и 25 орудій; эти войска должны были быть отправлены въ Ганноверъ противъ англичанъ. Въ видѣ компенсаціи Наполеонъ обѣщалъ прислать въ Испанію 10 тыс. плѣнныхъ пруссаковъ, съ которыми самъ не зналъ, что дѣлать; онъ готовъ былъ вскорѣ отправить въ Испанію еще 15 тыс.; «on les placera dans les garnisons de l'intérieur», но Карлъ IV благоразумно отказался отъ этого «дара». Между тѣмъ, въ народѣ шло броженіе: безуміе Годоя, погубившаго флотъ и посылающаго на помощь Наполеону испанскихъ солдатъ въ отдаленный Ганноверъ, возмущало патріотовъ, начавшихъ группироваться вокругъ наслѣднаго принца Фердинанда и желавшихъ при его посредствѣ избавить страну отъ всесильнаго королевскаго фаворита. Для Годоя это не могло оставаться тайной, и онъ сталъ обнаруживать нѣкоторую независимость отъ Франціи и опубликовалъ даже подозрительную прокламацію; хотя онъ и разсыпался передъ французскимъ посломъ въ любезностяхъ и на словахъ давалъ всяческія обѣщанія, послѣдній писалъ Таллейрану: «j'aurais désiré moins de mots et plus de preuves». Наполеону Годой нуженъ былъ для войны съ Португаліей или, правильнѣе, для принужденія ея присоединиться къ континентальной системѣ.

Регентъ Іоаннъ находился во главѣ Португаліи съ 1792 г., когда его мать, королева Марія, сошла съ ума; Карлъ IV долженъ былъ заставить регента закрыть англійскимъ судамъ доступъ въ португальскія гавани. Такъ какъ Іоаннъ добровольно на это не соглашался, то Наполеонъ хотѣлъ добиться отъ Испаніи разрѣшенія провести черезъ испанскую территорію французскую армію въ Лиссабонъ. Такъ какъ враждебное Португаліи дѣйствіе со стороны Испаніи угрожало послѣдней усиленіемъ возмущенія Англіи, то Испанія медлила отвѣтомъ Наполеону, тѣмъ болѣе, что онъ требовалъ, чтобы къ французской арміи, направлявшейся въ Лиссабонъ, были присоединены и испанскія силы въ количествѣ 28 тыс. человѣкъ. Чтобы вырвать согласіе Испаніи, Наполеонъ заключилъ съ Годоемъ тайный договоръ въ Фонтенбло: отнынѣ Браганцская династія не должна была болѣе царствовать въ Португаліи; послѣдняя дѣлилась на три части: на южную, которая подъ названіемъ Алгарбіи, становилась королевствомъ, при чемъ королемъ долженъ былъ быть Годой, на сѣверную часть, долженствовавшую перейти подъ названіемъ сѣверной Лузитаніи къ бывшему этрурскому королю подъ суверенитетомъ Испаніи, и на среднюю часть, самую большую и богатую, которую Наполеонъ держалъ въ запасѣ до полнаго прекращенія войны. Кромѣ того, португальскія колоніи должны были быть раздѣлены между Испаніей и Франціей, и Карлъ IV могъ принять титулъ императора Обѣихъ Америкъ. Таково было содержаніе договора 1807 г. въ Фонтенбло, заканчивавшагося—in cauda venenum—тайной статьей, гласившей, что испано-французская армія приблизительно въ 50 тыс. человѣкъ, подъ командой француза, осуществитъ полностью договоръ, французскій король займетъ среднюю часть Португаліи, а въ Байоннѣ, на франко-испанской границѣ, будетъ сосредоточена французская армія въ 40 тыс. человѣкъ на случай осложненій. Португалія не оказала сопротивленія испано-французской арміи, и Браганцская династія вмѣстѣ съ 15 тыс. португальскихъ патріотовъ поспѣшила въ Южную Америку. При такихъ обстоятельствахъ, казалось, не должно было быть мѣста «для дѣйствій на случай осложненія»,—между тѣмъ, одна французская армія за другой стала наводнять Испанію, куда вскорѣ былъ отправленъ шуринъ Наполеона Іоахимъ Мюратъ, который, впрочемъ, не зналъ, зачѣмъ его посылаютъ въ Мадридъ («Si je ne vous dis rien, c'est que vous ne devez rien savoir»,—такъ отвѣчалъ Наполеонъ на вопросы Мюрата о его миссіи въ Испаніи). Испанское же общество инстинктивно чувствовало въ этомъ плохое знаменіе и сильно волновалось, тѣмъ болѣе, что арестъ наслѣднаго принца Фердинанда, на котораго страна смотрѣла какъ на своего избавителя, ставился въ вину королю

и Годою, являвшимся теперь, въ глазахъ народа, государственными измѣнниками. При такихъ обстоятельствахъ король, королева и Годой рѣшили бѣжать въ Америку. Вѣсть объ этомъ намѣреніи, прежде всего, достигла Аранхуэса, гдѣ тогда гостила королевская семья, и толпа съ крикомъ: «долой любовника, долой измѣнника!» ворвалась во дворецъ Годоя, желая ему отомстить за причиненное государству зло. Годою удалось спастись, но король вынужденъ былъ дать ему отставку. Такъ какъ народное броженіе и послѣ этого не улеглось, то Карлъ IV объявилъ 19 марта 1808 г., что онъ отказывается отъ короны въ пользу своего старшаго сына Фердинанда. Отреченіе стараго и крайне непопулярнаго короля укрѣпляло внутреннее положеніе Испаніи, такъ какъ новый монархъ пользовался большимъ авторитетомъ и могъ въ случаѣ нужды сопротивляться чрезмѣрнымъ требованіямъ парижскаго кабинета. Неудивительно поэтому, что послѣдній мало сочувствовалъ событіямъ 16—19 марта, и хотя Мюратъ и не былъ посвященъ въ тайны Наполеоновской политики, онъ, тѣмъ не менѣе, чувствовалъ, что ему слѣдуетъ дѣйствовать заодно съ павшей партіей, и сталъ поддерживать ея планы объ отказѣ короля отъ своего отреченія. 21 марта появился королевскій протестъ противъ того, что было совершено въ Аранхуэсѣ 19 марта; въ протестѣ этомъ говорилось, что король отрекся отъ короны во избѣжаніе большихъ бѣдствій и пролитія крови любезныхъ подданныхъ. «Актъ 19 марта въ виду этого долженъ считаться недѣйствительнымъ». Черезъ нѣсколько дней Карлъ обратился съ письмомъ къ Наполеону, извѣщая его, что 19 марта ему пришлось выбирать между жизнью и смертью и что теперь, вѣря въ великодушіе и геній великаго человѣка, выказывавшаго ему постоянно дружбу, онъ рѣшилъ передать все, что касается его судьбы, а также судьбы королевы и принца Мира, въ руки французскаго императора, протестуя въ то же время противъ событій Аранхуэса и противъ вынужденнаго отреченія отъ престола [1]).

Наполеонъ, такимъ образомъ, долженъ былъ рѣшить, который изъ двухъ испанскихъ королей является настоящимъ. Такъ какъ и тотъ, и другой могли себя чувствовать прочными на тронѣ лишь въ томъ случаѣ, если французская оккупаціонная армія будетъ ихъ поддерживать, то и Фердинандъ VII, вслѣдъ за обращеніемъ къ Наполеону Карла IV, также сталъ заискивать предъ всемогущимъ императоромъ, которому было на-руку такое униженіе обоихъ королей; вскорѣ Наполеонъ выразилъ готовность разобрать этотъ семейный споръ и разрѣшить его въ интересахъ страны и Бурбонской династіи. Такъ, путемъ интригъ Наполеону удалось завлечь обоихъ королей въ Байонну, гдѣ въ то время находился французскій императоръ; сюда же прибылъ Годой и много сторонниковъ какъ стараго, такъ и молодого короля. Въ Байоннѣ Фердинандъ и Карлъ очень скоро поняли, зачѣмъ Наполеонъ звалъ ихъ на французскую территорію, но едва разнесся слухъ о скоромъ прекращеніи династіи Бурбоновъ въ Испаніи, какъ въ Мадридѣ 2-го мая возникъ бунтъ противъ Мюрата. Бунтъ этотъ былъ очень кстати для «дѣла мира», и Мюратъ энергично подавилъ его: въ теченіе нѣсколькихъ часовъ было убито 185 человѣкъ [2]). Въ Байоннѣ на бунтъ

---

[1]) Въ «Revista de Archivos, Bibliotécas y Museos» (1908, t. XVIII) П. Агадо Блейе помѣстилъ неопубликованный до сихъ поръ дневникъ современника съ описаніемъ этихъ событій подъ названіемъ «Memorias de la guerra de la Independencia y de los sucesos politicos posteriores»; авторъ дневника, Хуанъ Габріель дель Мораль, сторонникъ Фердинанда VII, ярый врагъ Іосифа Бонапарта и кортесовъ въ Кадиксѣ.—Изъ другихъ новѣйшихъ данныхъ о событіяхъ 1808—1814 гг. отмѣтимъ: Ramirez de Villa Urrutia, «El Rey José Napoleón» Revista de Archivos etc., 1911, t. XXIV); Salillas, «En las cortes de Cadiz», Мадридъ, 1910; Gómez Imaz, «Los periodicos durante la guerra de la Independencia», 1910; Mendez Bejarano, «Historia politica de los afrancesados» (Revista de Archivos etc., 1911, t. XXIV); Geoffroy de Grandmaison, «Correspondance du comte La Forest, ambassadeur de France en Espagne», 1909.

[2]) Обычно число жертвъ событій 2-го мая (dos de mayo) сильно преувеличиваютъ и говорятъ о тысячахъ погибшихъ; однако, фактически со стороны испанцевъ погибло 185 человѣкъ, среди которыхъ было: 26 рабочихъ, 16 прислугъ, 7 представителей свободныхъ профессій

смотрѣли какъ на счастливую возможность объявить Фердинанда VII мятежникомъ въ случаѣ его упорства и нежеланія отказаться отъ королевской короны, принятой имъ изъ рукъ отца своего въ Аранхуэсѣ. Наполеонъ потребовалъ, чтобы Карлъ призналъ не состоявшимся свое первое отреченіе и нынѣ, въ силу особаго договора, уступилъ всѣ свои королевскія права французскому императору «какъ единственному государю, который способенъ при теперешнихъ условіяхъ возстановить порядокъ». Карлъ съ супругой былъ отправленъ въ Компьенъ, а Фердинандъ и его братъ Карлосъ въ Валансэ; Наполеонъ же выпустилъ воззваніе къ испанскому народу о томъ, что «послѣ долгой агоніи для Испаніи наступаетъ время исцѣленія; я видѣлъ, испанцы, ваши страданія, я излѣчу ихъ. Я хочу пріобрѣсти вашу любовь и благодарность будущихъ поколѣній. Ваша монархія стара, моя миссія омолодить ее. Вашу славную корону я возложу на голову d'un autre moi-même». Покончивъ съ Бурбонской династіей и назначивъ временнымъ правителемъ Испаніи Мюрата, Наполеонъ задумалъ облагодѣтельствовать страну новой конституціей на подобіе французской и новымъ монархомъ изъ семьи Бонапартовъ. Испанскимъ королемъ долженъ былъ быть братъ Наполеона, посаженный имъ недавно на неаполитанскій тронъ, Іосифъ, которому онъ писалъ: «Испанія—тебѣ не Неаполь: 19 мил. жителей, да болѣе 150 мил. дохода». Конституцію же должно было выработать особое Собраніе изъ 150 нотаблей, избранныхъ 25 группами избирателей, раздѣленныхъ на 3 класса. Собраніе должно было засѣдать въ Байоннѣ и дѣйствовать подъ руководствомъ Наполеона. Фактически члены этого Собранія были назначены, за исключеніемъ 20 человѣкъ, Мюратомъ и его сподвижниками; многіе крайне неохотно отправлялись въ Байонну, понимая, какую тяжелую миссію поручаютъ имъ [1]). Одновременно съ конституціей Собраніе должно было изъ рукъ Наполеона добровольно принять и короля въ лицѣ Іосифа Бонапарта. Собраніе имѣло 11 засѣданій; оно безъ всякихъ возраженій принимало все, что ей диктовали приближенные Наполеона [2]).

Хотя Наполеонъ былъ революціоннымъ и безбожнымъ правителемъ, но на его сторонѣ была сила, и этого было достаточно, чтобы Инквизиція одобряла всѣ его дѣйствія и подавляла народное недовольство. Супрема выступила съ рѣзкимъ протестомъ противъ событій 2-го мая, когда «чернь (bajo Pueblo) произвела скандальный бунтъ.... противъ офицеровъ и солдатъ дружественной націи, которые никого не обижали и до сихъ поръ давали прекрасныя доказательства порядка и дисциплины». Супрема считаетъ, что инквизиціонные трибуналы должны взять на себя обязанность всячески помогать установленію въ странѣ спокойствія и порядка, а потому она обращается съ просьбой ко всѣмъ трибуналамъ стоять на стражѣ интересовъ страны и не допускать никакихъ нарушеній общественнаго мира. Этотъ циркуляръ Супремы былъ разосланъ по всей странѣ, и если отдѣльные члены инквизиціонныхъ трибуналовъ въ душѣ и не всегда сочувствовали французамъ, оффиціально Инквизиція, тѣмъ не менѣе, была afrancesada, т.-е. сторонницей Франціи, и старшій членъ Супремы, Раймундо Этенардъ-и-Салинасъ, явился въ Байонну въ качествѣ члена Собранія. Въ Байоннѣ будущій испанскій король Іосифъ принялъ его очень милостиво и подчеркнулъ, что Испанія тѣмъ, между прочимъ, особенно хороша, что въ ней «единственно истинная религія всегда почиталась и практиковалась». И даже Наполеонъ

---

8 женщинъ, 4 военныхъ, 9 чиновниковъ, одинъ священникъ. Со стороны французовъ 2-го мая пало 145 человѣкъ. Цифры эти взяты Жофруа Грапмэзономъ изъ оффиціальныхъ отчетовъ, хранящихся въ архивѣ. См. «l'Espagne et Napoléon», 1908.

[1]) Отказались, между прочимъ, поѣхать въ Байонну епископъ Педро Кеведо изъ Оренсе, знаменитый поэтъ Кинтано, изложившій мотивы своего отказа въ надѣлавшемъ большой шумъ посланіи на имя министра юстиціи, и судья Антоніо Вальдесъ.

[2]) Въ общемъ число участниковъ Собранія не превышало 90 человѣкъ. Предсѣдателемъ его былъ Хосе Асанса, бывшій посланникъ въ С.-Петербургѣ и Берлинѣ, назначенный въ мартѣ 1808 г. Фердинандомъ VII министромъ финансовъ.

тогда не былъ враждебно настроенъ по отношенію къ Инквизиціи: онъ считалъ опаснымъ превратить ее въ противницу, такъ какъ 8 мая 1808 г. барселонскій агентъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ писалъ, что «90 испанцевъ изъ 100 будутъ возмущены, если отмѣнятъ инквизиціонные трибуналы» [1]). Этимъ объясняется, что въ выработанномъ Наполеономъ проектѣ конституціи для Испаніи католическая религія была объявлена государственной религіей, а объ Инквизиціи ничего не упоминалось, и она должна была сохранить свои старыя привилегіи. Попытка двухъ членовъ Собранія, Пабло Арибаса и Гомеса Эрмосильи, побудить его высказаться отрицательно о дѣятельности Инквизиціи окончилась ничѣмъ, такъ какъ Этенардъ-и-Салинасъ выступилъ съ горячей защитительной рѣчью и былъ поддержанъ другими членами Инквизиціи. Ставъ afrancesada, Инквизиція тѣмъ самымъ сдѣлалась подчиненнымъ государству учрежденіемъ и потеряла свою прежнюю независимость. Еще до пріѣзда въ Испанію Іосифа Инквизиція легко въ этомъ убѣдилась, когда вздумала преслѣдовать аббата Марчену, бѣжавшаго въ началѣ Великой французской революціи во Францію отъ преслѣдованія Инквизиціи и вернувшагося, въ качествѣ секретаря Мюрата, въ 1808 г. въ Мадридъ. Едва онъ былъ арестованъ инквизиціоннымъ трибуналомъ, какъ Мюратъ отдалъ приказъ насильно освободить его [2]).

Въ то время какъ Инквизиція и нѣкоторые другіе правительственные органы становились на сторону Франціи, народъ поднялъ знамя возстанія противъ чужеземнаго ига и изъ Астуріи былъ данъ сигналъ къ поголовному мятежу. 19 іюля 1808 г. было нанесено французамъ при Байленѣ тяжкое пораженіе, и король Іосифъ вмѣстѣ со своими приверженцами 30 іюля покинулъ Мадридъ, куда на нѣкоторое время перенесла свои засѣданія Центральная Хунта, во главѣ которой очень недолго находился графъ Флорида—бланка [3]). Вскорѣ на помощь повстанцамъ прибыли англичане подъ начальствомъ Уэллингтона, и Наполеонъ рѣшилъ лично явиться въ Испанію, чтобы положить конецъ печальному для французовъ обороту дѣлъ. 10 и 23 ноября Наполеонъ разбилъ при Эминосѣ и Туделѣ испанцевъ, а 4 декабря ему сдался Мадридъ. «Нынѣшнее поколѣніе,—заявилъ онъ жителямъ Мадрида,—можетъ питать различныя убѣжденія, но внуки ваши будутъ праздновать день, въ который я явился среди васъ, и назовутъ его эрой счастія Испаніи». И Наполеонъ «массой указовъ сталъ сваливать старый порядокъ вещей» [4]): объявивъ, что, помимо католической религіи, ни одна религія не будетъ признаваться на территоріи испанскаго государства, Наполеонъ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнилъ въ тотъ же день, 4 декабря, Инквизицію и въ декретѣ объ этомъ назвалъ ее «противорѣчащимъ суверенитету и свѣтской власти учрежденіемъ», вслѣдствіе чего ея имущество должно быть конфисковано въ пользу казны. Еще до этой отмѣны Инквизиціи положеніе послѣдней было ненормально: Великій инквизиторъ Арсе-и-Рейносо еще въ мартѣ 1808 г. сложилъ съ себя обязанности—не въ видѣ протеста противъ выясняющейся уже тогда политики Наполеона, которой Великій инквизиторъ всегда сочувствовалъ и которой оставался вѣренъ до конца своей жизни, а изъ боязни подвергнуться участи Годоя, скрывавшагося отъ народнаго гнѣва 16 марта на чердакѣ своего дворца, подъ кучей рогожъ, въ теченіе болѣе 36 часовъ. Такъ какъ Римъ въ это время былъ уже занятъ французскими войсками и сообщеніе съ папой Піемъ VII было невозможно, то на мѣсто Арсе-и-Рейносо никто не былъ

---

[1]) Жоффруа Гранмэзонъ, op. cit., 257.

[2]) Latour, «Espagne», Пар., 1866.

[3]) Центральная Хунта образовалась изъ депутатовъ отъ отдѣльныхъ хунтъ, возникшихъ для борьбы съ Наполеономъ во многихъ городахъ. Провинціальныя хунты долго не соглашались на введеніе Центральной Хунты, авторитетъ которой, впрочемъ, никогда не стоялъ особенно высоко. Кастильскій совѣтъ также былъ противъ Центральной Хунты. Она недолго засѣдала въ Мадридѣ, дольше всего она просуществовала въ Аранхуэсѣ и въ Севильѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ движенія французовъ къ югу, мѣняла свое мѣстопребываніе и, наконецъ, перешла въ Кадиксъ.

[4]) Трачевскій, «Испанія 19 вѣка», Москва, 1872.

назначенъ, и Инквизиція оставалась безъ Великаго инквизитора. Никто также въ виду трудныхъ обстоятельствъ, переживаемыхъ страной, не хотѣлъ даже временно занять постъ Генеральнаго инквизитора, и Наполеонъ, такимъ образомъ, лишь довершилъ начавшійся до него процессъ распаденія Инквизиціи. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Центральная Хунта сочувствовала дѣятельности Инквизиціи и всячески хлопотала о замѣщеніи свободнаго поста Великаго инквизитора, предлагая его, между прочимъ, Кеведо, епископу города Оренсе, пользовавшемуся тогда популярностью въ виду своего смѣлаго отказа, посланнаго Наполеону, приглашавшему его въ Байонну въ качествѣ члена Asamblea de Notables.

Чѣмъ былъ вызванъ эдиктъ объ отмѣнѣ Инквизиціи 4 декабря 1808 года? На этотъ вопросъ пытался дать отвѣтъ бывшій инквизиторъ, депутатъ кортесовъ Франсиско Ріеско, на засѣданіи 9 января 1813 года. По его словамъ, Супрема заявила Наполеону при взятіи Мадрида, что она можетъ дать присягу вѣрности лишь такому монарху, который будетъ избранъ націей на законномъ основаніи и при соблюденіи требуемыхъ закономъ формальностей. Это «столь справедливое и столь патріотическое» заявленіе привело въ ужасъ Наполеона, который немедленно приказалъ арестовать инквизиторовъ и отвести ихъ въ тюрьму въ Байонну, а также секвестровать всѣ бумаги, документы и архивы Инквизиціи. Но едва инквизиторы очутились въ Байоннѣ, какъ имъ удалось бѣжать обратно въ Испанію и найти убѣжище у патріотовъ, пока они были призваны отечествомъ къ продолженію своей миссіи [1]). Эти слова депутата противорѣчатъ тому, что, какъ мы видѣли, фактически дѣлалъ и говорилъ инквизиторъ Этенардъ-и-Салинасъ въ Байоннѣ, а также циркулярному распоряженію Супремы отъ 8 мая по поводу событій «dos de mayo» въ Мадридѣ. Ли отказывается поэтому вѣрить показаніямъ Франсиско Ріеско и полагаетъ, что въ дѣйствительности дѣло обстояло не такъ [2]); однако, вѣроятно, что Ріеско на собраніи кортесовъ передавалъ болѣе или менѣе точно событія, которыя имѣли мѣсто лишь четыре года до того и свидѣтелями которыхъ могли быть многіе изъ членовъ кортесовъ. Перемѣна поведенія Супремы со времени перваго вступленія французовъ въ Мадридъ подъ начальствомъ Мюрата и второго послѣ капитуляціи предъ Наполеономъ испанской столицы была вызвана, повидимому, патріотическимъ возстаніемъ народа, разъ изгнавшаго французовъ изъ Мадрида и заставившаго и Инквизицію вѣрить въ правоту народнаго дѣла и въ возможность его окончательной побѣды. Когда Іосифъ Бонапартъ 30 іюля покинулъ Мадридъ, то Инквизиція, преклоняющаяся предъ правомъ силы, естественно, покинула Іосифа и въ теченіе почти четырехъ мѣсяцевъ находилась въ рядахъ борцовъ за національную независимость. Это въ достаточной степени объясняетъ принятую Наполеономъ противъ нея мѣру. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что 4 декабря 1808 г. Инквизиція была отмѣнена не на всемъ протяженіи испанскаго королевства, а только въ тѣхъ областяхъ, которыя были заняты французами; Центральная же Хунта, засѣдавшая въ серединѣ декабря въ Севильѣ и считавшаяся правительствомъ незавоеванныхъ еще непріятелемъ земель, попрежнему продолжала признавать существованіе Инквизиціи, и во многихъ городахъ дѣйствительно функціонировали инквизиціонные трибуналы. Когда французы овладѣли 1 февраля 1810 г. Севильей, то нашли въ ней правильно организованный и дѣйствовавшій попрежнему инквизиціонный трибуналъ, который и поспѣшили отмѣнить. Въ Валенсіи дѣятельность инквизиціоннаго трибунала прекратилась лишь въ 1811 г., когда въ городъ вступилъ генералъ Сюше; въ это же приблизительно время барселонскій трибуналъ перенесъ свой центръ въ Тарагону, которой не угрожала пока столь непосредственная опасность со стороны французовъ. Послѣдними жертвами толедскаго трибунала

---

[1]) «Discusion del proyecto de decreto sobre el Tribunal de la Inquisicion», стр. 148—149, Кадиксъ, 1813.

[2]) «History», IV, 401.

были: служащій на пароходѣ Антоній Алонсо, державшій при себѣ сочиненія Вольтера и возбудившій противъ себя слѣдствіе въ 1806 г.; Ангелъ Кабесонъ, читавшій «Histoire Philosophique de la Revolution de France» Фантенъ-Дозодоарда и подвергшійся преслѣдованію въ 1807 г.; священникъ Сансъ-и-Эльвира, дѣло котораго возникло въ 1808 г.; противъ діакона Ортеги и адвоката Діасадель Кастильо процессъ начался въ 1808 г., но въ виду наступившихъ осложненій былъ прерванъ и законченъ лишь въ 1818 г., т. е. послѣ возвращенія Фердинанда VII [1]).

Само собою разумѣется, что въ эти дни величайшаго кризиса, когда на карту былъ поставленъ вопросъ о самомъ существованіи Испаніи, Инквизиція не могла проявлять особой энергіи въ преслѣдованіи еретиковъ, и число жертвъ ея должно было быть тѣмъ меньше, чѣмъ больше подвигались къ югу французы, на пути своемъ отмѣняя «противорѣчащій суверенитету и свѣтской власти институтъ». Въ 1808 г., согласно валенсійскому отчету о дѣятельности Инквизиціи, испанскіе трибуналы разсмотрѣли 67 дѣлъ, въ 1809 г.—22, въ 1810 г.—17, въ 1811 г.—25, въ 1812 г.—1 и въ 1813 г.—6 дѣлъ. Новые принципы, провозглашаемые оккупаціонной арміей, способствовали немало смягченію инквизиціонныхъ репрессій, такъ какъ трибуналы опасались чрезмѣрной суровостью вызвать противъ Инквизиціи народное недовольство, и безъ того питавшееся многочисленными злобными нападками на нее, зачастую исходившими отъ французовъ. Всегда мстительная, Инквизиція старалась теперь подавить въ себѣ это чувство, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ происшедшій въ Сантъяго въ 1809 г. случай. Когда французы овладѣли въ 1809 г. Сантъяго, профессоръ мѣстнаго университета Фелипе Собрино Табоада былъ назначенъ начальникомъ полиціи и издалъ декретъ, въ которомъ народу предлагалось сложить оружіе, и восхвалялась столь спасительная мѣра, какъ отмѣна Инквизиціи. Съ уходомъ изъ Сантъяго французовъ университетъ отказался допустить Табоаду къ продолженію чтенія лекцій, а Инквизиція арестовала его и продержала въ тюрьмѣ въ теченіе пяти мѣсяцевъ. Послѣ этого онъ былъ подвергнутъ домашнему аресту и впослѣдствіи ему было запрещено выѣзжать за предѣлы Галисіи; онъ обязался также не занимать болѣе государственной или общественной службы [2]).

Между тѣмъ, Центральная Хунта, засѣдавшая въ Кадиксѣ послѣ занятія французами Андалузіи, уступила 31 января 1810 г. мѣсто регентству, которое должно было созвать кортесы для выработки новой конституціи и для спасенія Испаніи отъ той опасности, въ которой она очутилась благодаря правленію Годоя и королевы. Когда регентство, проникнутое реакціоннымъ духомъ и враждебно относившееся къ идеѣ суверенаго собранія въ лицѣ кортесовъ, стало возстанавливать старыя учрежденія государства, сметенныя бурей послѣдняго десятилѣтія, Этенардъ-и-Салинасъ, старшій членъ Супремы, обратился къ регентству, предсѣдателемъ котораго былъ епископъ Кеведо, съ просьбой распорядиться о созывѣ членовъ Супремы на засѣданіе, т.-е. о возобновленіи функціонированія Супремы, фактически прекратившей свое существованіе въ послѣдніе годы. 1 августа того же года регентство исполнило желаніе Супремы, но разсѣянные по всей странѣ члены Супремы не откликнулись на призывъ регентства, и до созыва кортесовъ, 24 сентября 1810 г., дѣятельность Супремы не возобновлялась. Члены кортесовъ при вступленіи въ свои обязанности должны были дать присягу, что будутъ охранять католицизмъ въ качествѣ исключительной въ Испаніи религіи и будутъ вѣрны своему любимому и почитаемому королю Фердинанду VII. Эта религіозно-монархическая клятва, придавшая на первыхъ порахъ сторонникамъ старины надежду на устройство Испаніи въ желательномъ имъ

---

[1]) «Catálogo de las causas contra la fe seguidas ante el Tribunal del Santo Oficio». 1903, 235—239.

[2]) Lea, op. cit., IV, 402.

духѣ, вскорѣ должна была ихъ разочаровать: большинствомъ 68 голосовъ противъ 32-хъ была принята 18 октября резолюція о свободѣ печати, по крайней мѣрѣ, въ политическихъ вопросахъ; по отношенію же книгъ религіознаго характера за духовенствомъ было сохранено право цензуры (ст. 131). Это считалось началомъ борьбы не только съ старымъ режимомъ, но непосредственно съ Инквизиціей. Желая притупить направленное противъ послѣдней остріе, инквизиторъ Ріеско, засѣдавшій въ кортесахъ, предложилъ Національному собранію выразить сочувствіе дѣятельности Инквизиціи и засвидѣтельствовать, такимъ образомъ, предъ страной, что принятая резолюція о свободѣ печати нисколько не направлена противъ Инквизиціи, вѣдавшей до сихъ поръ цензурой книгъ. Предложеніе Ріеско большинствомъ собранія было отклонено, и этотъ вотумъ какъ бы подчеркнулъ враждебное отношеніе кортесовъ къ дѣятельности Инквизиціи. Реакціонное регентство подало 28 октября въ отставку и было замѣнено другимъ, готовымъ идти заодно съ Національнымъ собраніемъ. 18 декабря того же года Этенардъ-и-Салинасъ, къ которому на этотъ разъ явился на помощь другой членъ Супремы Амарильясъ, обратился съ просьбой къ новому регентству о возобновленіи дѣятельности Супремы: Этенардъ-и-Салинасъ предложилъ, чтобы фискалъ Наварро былъ назначенъ третьимъ членомъ Супремы, а мѣсто фискала занялъ мадридскій инквизиторъ Галарса: этимъ, по мнѣнію Этенарда-и-Салинаса, составъ Супремы былъ бы приведенъ до необходимаго для функціонированія минимума. Но новое регентство оставило безъ отвѣта просьбу старѣйшаго члена Супремы, и Этенардъ-и-Салинасъ вызвалъ въ Кадиксъ бывшаго члена Супремы Алехо Хименеса де Кастро, высланнаго Годоемъ въ Мурсію, и имъ пополнилъ кворумъ членовъ Супремы. Фактически, однако, Супрема продолжала бездѣйствовать, какъ это видно изъ слѣдующаго случая, имѣвшаго мѣсто въ январѣ 1811 г.

Провозглашенная кортесами свобода печати внушила Мануэлю Алсаибару мысль издавать свободомыслящій органъ «La Triple Alianza», во второмъ номерѣ котораго была помѣщена крайне рѣзкая статья, высмѣивавшая, между прочимъ, вопросъ о безсмертіи души. Кортесы сочли нужнымъ поднять вопросъ объ этомъ свободомыслящемъ органѣ и, несмотря на протестъ меньшинства, рѣшили потребовать отъ Алсаибара, чтобы онъ до выпуска журнала представлялъ его предварительно Инквизиціи, фактически, такимъ образомъ, сдѣлавшейся снова цензурнымъ учрежденіемъ [1]). Алсаибаръ обратился къ кортесамъ съ просьбой отмѣнить распоряженіе о предварительной цензурѣ «La Triple Alianza», и въ кортесахъ возникли по этому поводу горячіе дебаты, продолжавшіеся три засѣданія. Нѣкоторые депутаты рѣзко нападали на Инквизицію, называли ее жестокимъ, оскорбляющимъ человѣческое достоинство учрежденіемъ; тогда же она была охарактеризована какъ антирелигіозный институтъ, и впервые раздалось слово о необходимости ея отмѣны. Со стороны многихъ депутатовъ было указано на то, что фактически Супрема не функціонируетъ и что Инквизиція не можетъ считаться правильно организованной, такъ какъ нѣтъ Великаго инквизитора, безъ котораго зданіе считается незаконченнымъ. Если даже допустить возможность временнаго отсутствія Великаго инквизитора, то тогда, по крайней мѣрѣ, Супрема должна быть въ полномъ сборѣ, а этого вѣдь въ настоящее время нѣтъ, и передача ей цензуры свелась бы въ дѣйствительности къ предоставленію такой серьезной и важной привилегіи отдѣльному трибуналу, состоящему изъ незначительныхъ и мало просвѣщенныхъ людей. Это заявленіе было, однако, опровергнуто ссылкой на опредѣленные факты: было установлено, что въ Кадиксѣ находятся три члена Супремы, что считается достаточнымъ для ея функціонированія, и что севильскій трибуналъ перенесъ свою дѣятельность въ Сеуту. Однако, это констатированіе фактовъ не удовлетворило кортесовъ, находившихъ

[1]) Формально Алсаибаръ дѣйствительно долженъ былъ подлежать цензурѣ, такъ какъ его газета затрагивала религіозные вопросы, и 6-я статья главы о свободѣ печати гласила: «Todos los escritos sobre materias de religion quedaban sujetos á la previa censura de los ordinarios eclesiásticos». Но цензурою должна была вѣдать не Инквизиція, а епископская власть.

далеко не полной существующую организацію Инквизиціи и требовавшихъ передачи пятичленной комиссіи вопроса о возстановленіи дѣятельности Инквизиціи въ ея прежнемъ видѣ. Однимъ изъ аргументовъ противъ немедленнаго возстановленія Инквизиціи до дальнѣйшаго рѣшенія комиссіи служило указаніе на то, что нельзя до смерти Великаго инквизитора Арсе-и-Рейносо, находившагося на сторонѣ короля Іосифа, назначить другого Великаго инквизитора, такъ какъ при этомъ можетъ получиться такой абсурдъ, какъ одновременное существованіе двухъ Великихъ инквизиторовъ. Вѣдь добровольная отставка въ 1808 г. Арсе-и-Рейносо, быть можетъ, не была принята папой, такъ какъ желаніе послѣдняго по этому вопросу никому неизвѣстно.

Большинство комиссіи было настроено скорѣе враждебно Инквизиціи, чѣмъ сочувственно, но докладъ комиссіи удалось настолько отсрочить, что оффиціально она не имѣла въ теченіе года возможности высказаться по этому поводу. Желавшіе возстановленія Инквизиціи члены комиссіи, Ант. Іоак. Пересъ, Вальента и Гутіересъ, изготовили докладъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, но докладъ не обсуждался даже въ комиссіи, такъ какъ остальные два члена, Муньосъ Тореро и майоркскій епископъ, всячески тормазили чтеніе доклада и дали сигналъ кортесамъ прибѣгнуть къ той же тактикѣ.

16 мая 1811 г. три члена Супремы, жившіе въ Кадиксѣ, обратились къ регентству съ заявленіемъ, что готовы вступить въ свои обязанности и начать фактически свою старую дѣятельность; однако, министръ юстиціи высказался противъ этого заявленія Супремы, находя неудобнымъ, чтобы Супрема функціонировала въ качествѣ высшаго трибунала Инквизиціи, когда кортесы еще не выяснили своего отношенія къ этому вопросу. Въ заключеніе министръ потребовалъ, чтобы члены Супремы не собирались на совѣщаніе безъ спеціальнаго разрѣшенія правительства. Противъ этого министерскаго рѣшенія въ стѣнахъ кортесовъ раздался протестъ инквизитора Ріеско, требовавшаго, чтобы Инквизиціи, наконецъ, дана была возможность начать свою старую дѣятельность. Повидимому, кортесы были очень нерѣшительны въ вопросѣ объ Инквизиціи и, желая выиграть время, вѣроятно, съ цѣлью убѣдиться въ отношеніи страны къ Инквизиціи, передавали всякія предложенія, такъ или иначе касавшіяся реорганизаціи или возстановленія Супремы, въ спеціальную комиссію, которая не спѣшила высказаться по этому жгучему вопросу.

Между тѣмъ, конституціонная комиссія изъ 15 человѣкъ вырабатывала конституцію, которую должны были принять кортесы. 12-ая статья этой конституціи гласила, что религіей испанскаго народа является и всегда будетъ католическая, апостолическая, римская, единственно истинная религія, которую нація обязуется защищать съ помощью мудрыхъ и справедливыхъ законовъ, запрещая исповѣданіе всякой иной религіи. Статья эта была восторженно принята кортесами, хотя многіе впослѣдствіи видѣли въ ней ловушку, устроенную сторонниками всемогущества Церкви, такъ какъ свѣтской власти было предоставлено, въ силу этой статьи, право изданія такихъ законовъ, которые она считала «мудрыми и справедливыми» въ интересахъ религіи, что не всегда могло, разумѣется, совпадать со взглядами Церкви по этому вопросу [1]). Объ Инквизиціи эта статья совершенно не говорила, и лишь въ апрѣлѣ 1812 г., т.-е. уже послѣ торжественнаго провозглашенія новой конституціи, въ кортесахъ сталъ обсуждаться вопросъ объ Инквизиціи. Поводомъ къ этому обсужденію послужилъ памфлетъ библіотекаря кортесовъ, Бартоломе Гальярдо, «Diccionario crítico-burlesco», въ которомъ высмѣивался рядъ религіозныхъ традицій и обрядовъ. Книжка вызвала въ Кадиксѣ большой шумъ, и инквизиторъ-депутатъ Ріеско поднялъ въ кортесахъ вопросъ о преслѣдованіи Гальярдо и сталъ возмущаться по поводу того, что парламент-

[1]) «Clausala que se enderezaba à impedir el retablecimiento de la inquisiciòn» (статья которая была пригодна для того, чтобы препятствовать возстановленію Инквизиціи)» — говоритъ Торено, «Historia del levantamiento, guerra y revolucion de España», III, 481.

ская комиссія объ Инквизиціи до сихъ поръ не представила своего доклада по этому вопросу, хотя она была избрана еще въ 1810 г., а въ іюлѣ 1811 г. уже приняла опредѣленное рѣшеніе по вопросу объ Инквизиціи [1]). Эта комиссія, какъ мы упомянули, склонялась въ пользу Инквизиціи, и кортесы, гдѣ либералы были представлены очень значительно, всячески откладывали обсужденіе резолюціи этой пятичленной комиссіи, опасаясь, что вслѣдъ за комиссіей и большинство кортесовъ выскажется въ пользу сохраненія инквизиціонныхъ трибуналовъ. Отсрочка преній по докладу и резолюціи комиссіи давалась либераламъ путемъ особаго парламентскаго пріема; не довольствуясь, однако, одной лишь отсрочкой, не сочувствовавшіе дѣятельности Инквизиціи депутаты старались сдѣлать невозможнымъ благопріятный Инквизиціи вотумъ и съ этой цѣлью побудили кортесы постановить 25 марта, при обсужденіи вопроса объ организаціи судебныхъ учрежденій, отмѣну всѣхъ тѣхъ трибуналовъ, которые носятъ названіе «высшихъ»; кортесы имѣли при этомъ въ виду Супрему, которая отнынѣ, слѣдовательно, не должна была болѣе пользоваться именемъ, говорящимъ о ея высшей судебной власти; во всякомъ случаѣ она отнынѣ нуждалась до начала вступленія въ исполненіе своихъ обязанностей въ особомъ законѣ, который либо далъ бы ей спеціальное названіе, либо опредѣленно заявлялъ, что постановленіе 25 марта не относится къ Инквизиціи.

Еще болѣе важное значеніе въ смыслѣ невозможности проведенія благопріятнаго Инквизиціи голосованія имѣло постановленіе кортесовъ отъ 13 декабря 1811 г. Въ силу этого постановленія, отнынѣ всякаго рода предложенія, въ той или иной степени касавшіяся основныхъ, конституціонныхъ законовъ, должны были передаваться, до обсужденія ихъ кортесами, въ конституціонную комиссію для разсмотрѣнія, нѣтъ ли во внесенныхъ предложеніяхъ какого-либо несоотвѣтствія съ основными законами государства. Такъ какъ инквизиціонное судопроизводство противорѣчило установленному конституціей уголовному судопроизводству, гарантировавшему обвиняемому опредѣленныя права, отрицавшіяся Инквизиціей, то кортесы считали предварительнымъ условіемъ обсужденія доклада и резолюціи инквизиціонной комиссіи передачу ихъ конституціонной комиссіи, большинство которой было въ пользу широкихъ либеральныхъ реформъ и противъ Инквизиціи и инквизиціоннаго судопроизводства. Такое толкованіе закона 13 декабря 1811 г. отрицалось, правда, консервативными депутатами, въ особенности сторонниками Инквизиціи, руководимыми Ріеско, доказывавшимъ, что самый фактъ существованія инквизиціонной парламентской комиссіи свидѣтельствуетъ о томъ, что докладъ ея не нуждается въ предварительной цензурѣ со стороны конституціонной комиссіи; однако, кортесы отказывались обсуждать докладъ спеціальной комиссіи до передачи его на разсмотрѣніе конституціонной комиссіи, которая, между тѣмъ, провела черезъ парламентъ свой проектъ конституціи, принятый послѣ 7-мимѣсячнаго обсужденія кортесами и провозглашенный, подъ названіемъ конституціи 1812 г., въ Кадиксѣ, при торжественной обстановкѣ и въ присутствіи португальскаго и англійскаго посланниковъ, 19 марта 1812 года послѣ того, какъ наканунѣ 184 депутата подписали и присягнули конституціи [2]). Когда два депутата отказались дать подъ ней свою подпись, была принята дополнительная статья, гласившая, что депутатъ, не соглашающійся подписать конституцію и присягнуть ей, становится недостойнымъ имени испанца, теряетъ всѣ почести и должности и въ 24 часа долженъ покинуть испанскую территорію [3]). Изъ другихъ статей конституціи отмѣтимъ 303-ью, запрещавшую отнынѣ всякую пытку, и 304-ую, положившую конецъ столь широко практиковавшейся въ Испаніи конфискаціи

---

[1]) Toreno, «Historia del levantamiento, guerra y revolucion de España», IV, 5.

[2]) 20 человѣкъ по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ отсутствовали въ тотъ день. Toreno, op. cit. III, 552.

[3]) А. Трачевскій, «Испанія XIX вѣка».

имущества осужденныхъ. Обѣ эти статьи косвенно были направлены противъ Инквизиціи, имени которой, однако, онѣ не упоминали.

Разумѣется, при существованіи стольких ограниченій, инквизитору-депутату Ріеско трудно было въ апрѣлѣ 1812 года, при обсужденіи вопроса объ упомянутой нами книгѣ «Diccionario critico-burlesco» Гальярдо, побудить кортесы принять резолюцію въ пользу Инквизиціи, какъ этого добивались ея сторонники, получившіе названіе раболѣпствующихъ (serviles). Кортесы, согласно закону 13 декабря 1811 г., считали необходимымъ, чтобы объ Инквизиціи или, правильнѣе, по вопросу о томъ, противорѣчитъ ли существованіе Инквизиціи основнымъ законамъ государства, высказалась конституціонная комиссія, большинство которой состояло изъ преданныхъ защитниковъ ею же выработанной конституціи 1812 года. Комиссія эта, въ вѣдѣніе которой перешелъ вопросъ объ Инквизиціи, не спѣшила своимъ отвѣтомъ: послѣдній, впрочемъ, напередъ былъ, по словамъ архіепископа Валеса, извѣстенъ, такъ какъ либералы, составлявшіе большинство въ кортесахъ и въ комиссіи, имѣли основаніе опасаться за собственную жизнь, если бы Инквизиція не была отмѣнена. Какъ только истекъ бы срокъ депутатскихъ полномочій либераловъ, они немедленно подпали бы подъ дѣйствіе инквизиціонныхъ законовъ и были бы привлечены къ отвѣтственности за произнесенныя ими въ кортесахъ рѣчи. Защищая себя, говоритъ Валесъ, кортесы вынуждены были принять враждебное Инквизиціи положеніе. Во избѣжаніе подобнаго вотума, раболѣпствующіе стали настаивать на томъ, чтобы «безсмертные чрезвычайные кортесы» разошлись и уступили мѣсто собранію обыкновенныхъ кортесовъ; это требованіе раболѣпствующіе защищали ссылкой на то, что конституція уже выработана, и что, слѣдовательно, нѣтъ нужды въ учредительныхъ кортесахъ, а необходимо начать законодательствовать путемъ обычныхъ кортесовъ. Либералы, однако, не соглашались на подобное самоубійство, медлили роспускомъ учредительнаго собранія и постановили до созыва обыкновенныхъ кортесовъ рѣшить вопросъ объ Инквизиціи. Конституціонная комиссія приступила къ изученію огромнаго матеріала, собраннаго ею, и 8 декабря 1812 г. представила кортесамъ докладъ, всесторонне освѣщавшій вопросъ о томъ, противорѣчитъ ли Инквизиція конституціоннымъ законамъ государства.

Этотъ замѣчательный докладъ, принятый комиссіей не единогласно, но значительнымъ большинствомъ голосовъ, гласилъ слѣдующимъ образомъ [2]).

Конституціонная комиссія разсмотрѣла съ величайшимъ вниманіемъ предложенный ей вопросъ первой важности и гласящій: «соотвѣтствуетъ ли учрежденіе Инквизиціи политической конституціи государства?» Желая добросовѣстно исполнить возложенную на нее обязанность, комиссія просила правительство предоставить въ ея распоряженіе весь необходимый матеріалъ, воспользовалась помощью и совѣтомъ нѣсколькихъ ученыхъ и изучила произведенія испанскихъ писателей, въ которыхъ говорится объ Инквизиціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что нація жаждетъ сохраненія въ чистотѣ католической вѣры, т.-е. охраненія ея мудрыми и справедливыми законами и запрещенія въ государствѣ отправленія всякаго другого богослуженія. Подтвержденіемъ этого служитъ восторженное отношеніе націи ко вновь провозглашенной конституціи вообще, къ параграфу 12-му въ частности. Было бы неразумно допускать свободу другихъ вѣроисповѣданій въ государствѣ, гдѣ существуетъ одна, и при томъ самая святая и единственно истинная религія, такъ какъ хорошо извѣстно, что нововведенія этого рода приводили всюду только къ безпорядкамъ, волненіямъ и кровопролитію. Таковы мысли и желанія какъ тѣхъ лицъ, которыя защищаютъ передъ вами проектъ возстановленія Инквизиціи, такъ и тѣхъ, которыя усиленно настаиваютъ на окончательной отмѣнѣ ея.

Никто не можетъ отрицать необходимости религіи для охраненія общественнаго по-

[1]) Мы дѣлаемъ въ немъ значительныя сокращенія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ВЪ ТЮРЬМУ.

Por toda una eternidad. — (На вѣчныя времена).

рядка, добрыхъ нравовъ и неприкосновенности законовъ. Несомнѣнно, не найдется ни одного испанца, который не былъ бы проникнутъ этимъ убѣжденіемъ и не признавалъ бы идей, положенныхъ въ основаніе мудраго и справедливаго параграфа 12-го. Вопросомъ является поэтому не обсужденіе принциповъ, санкціонированныхъ основными законами, а средствъ для охраненія ихъ гражданскою властью. Сіи средства должны быть мудры и справедливы, а поэтому согласованы съ конституціей. Изъ этого слѣдуетъ, что надо разсмотрѣть, могутъ ли законы Инквизиціи, преобразованные свѣтскою властью въ гражданскіе, служить средствомъ для охраненія чистоты религіи и отвѣчать при этомъ новой конституціи.

Слѣдуетъ помнить прежде всего, что миръ и правосудіе поддерживаются въ странѣ не религіей, а свѣтскими властями, которыя караютъ также новаторовъ тѣлесными наказаніями. Религія относится къ грѣшникамъ всегда съ величайшимъ милосердіемъ и употребляетъ только духовныя наказанія, направленныя къ исправленію заблудшихъ. Если даже она исключаетъ иногда изъ своей среды закоренѣлыхъ грѣшниковъ, упорно отстаивающихъ свои заблужденія, то дѣлаетъ это только для того, чтобы эти люди не заражали своими заблужденіями ближнихъ и, будучи лишены утѣшеній религіи, сосредоточились въ самихъ себѣ и покаялись въ грѣхахъ. Эти положенія необходимо имѣть въ виду вслѣдствіе нападокъ на параграфъ 12-ый конституціи иностранныхъ ученыхъ, старающихся доказать, что католическая религія страдаетъ нетерпимостью и не согласна поэтому съ общественною жизнью. Но католическая религія приспособляется и процвѣтаетъ во всѣхъ государствахъ и при всякихъ образахъ правленія; она есть каѳолическая, т.-е. всемірная, и учреждена для всѣхъ людей, поэтому не можетъ быть терпимою или нетерпимою. Только гражданское законодательство можетъ допустить или не допустить въ государствѣ свободу вѣроисповѣданій, потому что каждый народъ можетъ и долженъ судить самъ о томъ, что подходитъ ему больше всего, т.-е. выбрать государственную религію и охранять ее, допуская или не допуская у себя существованіе другихъ вѣроисповѣданій.

Испанскій народъ пользовался всегда этимъ правомъ, и со времени третьяго Толедскаго собора, когда испанскіе короли отказались отъ аріанизма, католическая религія была всегда, въ силу основныхъ законовъ, государственною религіею и только пользовалась, въ зависимости отъ времени и обстоятельствъ, различными средствами для обузданія сектантовъ и охраненія государства отъ религіозныхъ войнъ, часто позорившихъ и разорявшихъ другія страны.

Желая исполнить возложенную на нее обязанность, какъ можно добросовѣстнѣе, комиссія рѣшила изложить здѣсь въ историческомъ порядкѣ законодательство по этому вопросу, т.-е. изложить причины, приведшія къ измѣненію законодательства, указать на обстоятельства, въ силу которыхъ Инквизиція была введена въ Испаніи, и освѣтить этимъ путемъ вопросъ яснѣе, чѣмъ обсужденіемъ всѣхъ доводовъ, приводимыхъ обыкновенно за или противъ Инквизиціи.

Какъ только римскіе императоры, властвовавшіе въ то время въ Испаніи, приняли католичество, они немедленно запретили введеніе новыхъ сектъ, преслѣдуя и карая еретиковъ, нарушавшихъ общественный порядокъ. Вторженіе готовъ принесло съ новыми правителями и новую религію, но только для короля и его приближенныхъ, потому что народъ остался вѣренъ религіи своихъ предковъ. Послѣ неоднократныхъ гоненій на религіозное постоянство подданныхъ со стороны ихъ правителей, насталъ, наконецъ, великій день для испанскаго народа, когда правители отреклись отъ аріанизма и приняли религію своего народа. И не только ревностныя дѣйствія новыхъ католическихъ королей, но и законы, изданные кортесами, доказываютъ, что гражданскія власти въ Испаніи всегда заботились о сохраненіи въ чистотѣ католической вѣры.

Эти законы находятся въ «Siete Partidas» и были заимствованы изъ предыдущихъ кодексовъ. Въ нихъ говорится, что еретикомъ считается тотъ, кто укло-

няется отъ христіанской католической вѣры, но такъ какъ уклоненіе можетъ быть различное, то законъ разсматриваетъ, главнымъ образомъ, два важнѣйшихъ вида: 1) частичное уклоненіе отъ религіи и 2) полное отрицаніе вѣры, равняющее людей съ животными. Слѣдуетъ отмѣтить, что законъ считаетъ ересью частичное или полное уклоненіе отъ вѣрованій Церкви, а не отъ какихъ-либо частныхъ воззрѣній, потому что воззрѣнія могутъ быть различны въ разныхъ странахъ, а вѣра едина, и Церковь едина по всему свѣту. Поэтому предметомъ вѣры служитъ то, чему Церковь учитъ вѣрить, и ересь есть именно уклоненіе отъ ученія Церкви.

Въ томъ же сводѣ законовъ изложенъ способъ дѣйствія противъ еретиковъ: какія власти имѣютъ съ ними дѣло, какія лица могутъ обвинять ихъ, какова классификація преступленій и соотвѣтственныхъ наказаній, и кому подсудны эти преступленія, однимъ словомъ, весь судебный порядокъ. Еретики (говорится въ законѣ) могутъ быть обвинены каждымъ мѣстнымъ жителемъ передъ лицомъ епископа или замѣняющаго его викарія, и сіи лица обязаны испытать ихъ вѣрованія и религіозныя воззрѣнія. Если окажется, что обвиненныя лица уклоняются отъ чего-нибудь, во что римская Церковь повелѣваетъ вѣрить, епископы или викаріи должны приложить всѣ старанія къ обращенію ихъ на путь истины мудрыми доводами и мягкими увѣщеваніями, и если старанія ихъ увѣнчаются успѣхомъ, грѣшники получаютъ отпущеніе грѣховъ. Такимъ образомъ, Церковь поступаетъ съ грѣшниками мягко и человѣчно, отнюдь не стараясь отягощать ихъ преступленій и терзать ихъ придирками къ каждому слову, что только позоритъ судей и чиновниковъ. Если же грѣшники упираются въ своихъ заблужденіяхъ, духовные судьи объявляютъ ихъ еретиками и передаютъ свѣтскимъ властямъ, которыя «должны подвергнуть ихъ наказанію» и принять соотвѣтственныя мѣры для охраненія религіи и поддержанія порядка въ странѣ.

Смертная казнь примѣнялась въ то время только для проповѣдниковъ и неисправимыхъ еретиковъ, за присутствованіе на отвратительныхъ сектантскихъ жертвоприношеніяхъ. Вѣрующихъ, но увлекшихся ересью людей высылали изъ государства и держали въ тюрьмѣ, пока не раскаются. Людей, чуть тронутыхъ ересью, постигали исправительныя наказанія, но имущество виновныхъ не конфисковывалось ни въ какомъ случаѣ. Преступленіе носило въ то время чисто личный характеръ, и наказаніе отнюдь не распространялось на семью преступника. Дѣти и родственники наслѣдовали его имущество, а если наслѣдниковъ не оказывалось, имущество переходило къ королю (если грѣшникъ былъ свѣтскимъ лицомъ) или къ Церкви (если покойный былъ духовнаго званія, и Церковь заявляла о своемъ правѣ въ теченіе года); если же Церковь опаздывала съ заявленіемъ своихъ правъ, имущество тоже переходило къ королю. Это доказываетъ безкорыстіе Церкви, не стремившейся завладѣть имуществомъ лицъ, оскорбившихъ ее и наказанныхъ за это оскорбленіе свѣтскими властями.

Въ законѣ изложены еще наказанія для людей, укрывающихъ еретиковъ тѣмъ или инымъ способомъ.

Но если законы того времени были строги по отношенію къ упорствующимъ въ своихъ заблужденіяхъ, то они были не только снисходительны, но даже мудры и великодушны къ лицамъ, возвращавшимся къ католической вѣрѣ. Эти лица могли занимать государственныя должности, родниться со знатными домами, а если они были еврейскаго или мавркаго происхожденія, то сохраняли всѣ свои національныя и классовыя права, пользуясь въ то же время правами христіанъ. Законъ строго запрещалъ оскорблять или обижать словомъ или дѣломъ евреевъ, обратившихся въ христіанство, или вообще лицъ, исповѣдывавшихъ прежде другую религію. Какое ужасное впечатлѣніе производитъ законодательство послѣднихъ вѣковъ въ сравненіи съ такими мудрыми, справедливыми и истинно-христіанскими положеніями, и можно ли удивляться тому, что съ введеніемъ Инквизиціи такъ сократи-

лось число обращеній въ католическую вѣру, и религія потеряла многихъ приверженцевъ вмѣсто того, чтобы все распространяться, какъ въ предыдущіе вѣка! Въ тѣ времена даже короли отдавали своихъ ближайшихъ родственницъ замужъ за обратившихся въ католичество евреевъ и мавровъ, и отъ этихъ браковъ произошли многіе знаменитые роды испанской монархіи.

Таково законодательство нашихъ старинныхъ кодексовъ по отношенію къ еретикамъ. Это законодательство сохранило въ чистотѣ католическую религію и подавило сѣмена ереси. Стоитъ только изучить исторію до XV вѣка, когда была введена Инквизиція, чтобы убѣдиться въ процвѣтаніи католической вѣры и въ подавленіи новаторскаго духа справедливою мудростью гражданскихъ законовъ.

Разсмотримъ теперь причины, приведшія къ измѣненію законодательства и къ введенію Инквизиціи.

Въ XII вѣкѣ появилась манихейская ересь, а въ XIII и XIV вѣкахъ она распространилась подъ различными названіями въ пограничныхъ государствахъ Испаніи. Приверженцы новаго ученія были противниками брака, публичнаго богослуженія и совершенія Св. Таинствъ и, подъ предлогомъ несовершенства нравовъ духовенства, не повиновались пастырямъ Церкви, а также были вообще горды и непокорны. Немудрено, что эти люди считались вредными для Церкви и государства, и что противъ нихъ возстали духовныя и свѣтскія власти. Въ результатѣ было принято рѣшеніе посылать во всѣ провинціи особыхъ лицъ духовнаго званія для обнаруженія соблазнителей и соблазненныхъ и для передачи ихъ духовнымъ и гражданскимъ судьямъ. Эти лица стали называться инквизиторами. Иннокентій III выразилъ одобреніе этому нововведенію въ 1204 году. Оно распространилось въ ближайшіе годы по Италіи, Германіи и Франціи, а въ 1232 году проникло и въ Арагонское королевство. Уполномоченныя лица дѣйствовали различно: одни прибѣгали только къ моральному воздѣйствію, къ молитвѣ и къ терпѣнію, другія употребляли крутыя мѣры и вызывали своимъ поведеніемъ возстанія и безпорядки. Въ концѣ концовъ, все вернулось къ прежнему, и власть инквизиторовъ уменьшилась. Въ XV вѣкѣ епископы были уже единственными судьями по вопросамъ вѣры, и свѣтскіе судьи налагали на подсудимыхъ наказанія соотвѣтственно закону даже въ тѣхъ испанскихъ провинціяхъ, гдѣ былъ введенъ этотъ видъ Инквизиціи.

Инквизиція существовала уже почти во всей Европѣ въ теченіе 250 лѣтъ, но была совершенно неизвѣстна въ королевствахъ Кастилія и Леонъ. Правда, отдѣльные сектанты проникли въ нѣкоторые города этихъ королевствъ, но ересь была скоро искоренена бдительными епископами и справедливыми монархами. Причины, приведшія поэтому къ введенію здѣсь Инквизиціи, были совсѣмъ иныя.

Евреи и мавры пользовались по закону свободою религіи и нѣкоторыми особыми правами, имѣли своихъ судей и жили подъ покровительствомъ законовъ. Тѣ изъ нихъ, которые переходили въ католичество, роднились съ лучшими испанскими домами и занимали самыя видныя должности. Но даже, если они оставались евреями, имъ поручали сборъ государственныхъ налоговъ, и короли относились къ нимъ очень милостиво и награждали орденами. Съ другой стороны, согласно законамъ того же свода короля Альфонса христіанамъ запрещалось служить въ домахъ у евреевъ, ходить къ нимъ въ гости или звать къ себѣ, пить или ѣсть съ ними, купаться въ ваннѣ, въ которой купаются евреи, и принимать лѣкарства, приготовленныя ими. Естественно, что эти предписанія воздвигали непреодолимую преграду между людьми, жившими въ одномъ государствѣ и подъ верховнымъ управленіемъ одного короля. Это были два народа, раздѣленные закономъ и обычаями, а въ то же время предполагалось, что это одинъ народъ. Само собою разумѣется, что сліяніе было невозможно при такихъ обстоятельствахъ. Добавьте къ этому, что на обязанности евреевъ лежалъ сборъ повинностей, и это одновременно возста-

новляло противъ нихъ народъ и внушало къ нимъ уваженіе со стороны королей, которые нуждались въ нихъ для пополненія государственной казны и своихъ личныхъ средствъ. Раздраженіе по отношенію къ евреямъ возрастало съ каждымъ днемъ, и кортесы неоднократно просили королей удалить отъ себя евреевъ и взять изъ ихъ рукъ сборъ податей. Короли не внимали просьбамъ кортесовъ, объясняя свое поведеніе государственною необходимостью и примѣромъ предковъ. Въ концѣ концовъ, раздраженіе противъ евреевъ такъ усилилось, что въ 1391 году народъ возсталъ противъ нихъ, и произошла ужасная рѣзня. Это такъ подѣйствовало на евреевъ и мавровъ, что многіе изъ нихъ поспѣшили креститься для умиротворенія испанцевъ. Но въ виду того, что обращеніе въ католичество было вызвано не искреннимъ убѣжденіемъ, а страхомъ, они продолжали держаться втайнѣ своей вѣры, и ни Церковь, ни государство ничего не выиграли отъ этой перемѣны, а евреи прикрывались только личиною лицемѣрія. Къ этому печальному обстоятельству прибавилась еще слабохарактерность королей Хуана II и Генриховъ, которою воспользовались окружавшіе ихъ гранды. Они стали привлекать на свою сторону недовольныхъ для усиленія своихъ партій, и это привело къ окончательному развращенію нравовъ и возникновенію въ Испаніи ереси іудействующихъ.

Такъ обстояли дѣла до воцаренія Фердинанда Арагонскаго и Изабеллы Кастильской. Положеніе ихъ было очень тяжелое. Они могли дѣйствовать двоякимъ образомъ: либо мягко, путемъ увѣщеванія, либо сурово, налагая на преступниковъ примѣрныя наказанія. Но послѣдняя мѣра могла повести къ нарушенію общественнаго порядка въ виду огромнаго количества еретиковъ и, главное, не устраняла зла въ корнѣ, такъ какъ не приводила къ покаянію еретиковъ, а только внушала имъ страхъ.

Таковы были два способа для борьбы съ ересью. Королева, съ ея мягкостью и великодушіемъ, склонялась къ мягкимъ мѣрамъ и не соглашалась со своимъ суровымъ и непреклоннымъ мужемъ, настаивавшимъ на введеніи Инквизиціи въ подвластныхъ ей земляхъ (Въ земляхъ же короля Инквизиція была уже введена). Въ результатѣ королева поручила архіепископу севильскому организовать пропаганду католичества черезъ монаховъ и прочихъ духовныхъ лицъ, но эта мѣра примѣнялась въ теченіе двухъ лѣтъ и не увѣнчалась успѣхомъ. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что два года были слишкомъ короткимъ срокомъ для борьбы съ столь глубоко укоренившимся зломъ. Король воспользовался этой неудачею, постоянно напоминая королевѣ о жалобахъ на обращенныхъ, и многія другія лица, съ виду святые люди, неустанно убѣждали королеву въ необходимости принять болѣе крутыя мѣры, разсказывая объ ужасныхъ дѣяніяхъ и святотатствахъ еретиковъ. Мягкая душа королевы не устояла противъ настойчивыхъ убѣжденій, и королю удалось побороть ея сопротивленіе. Въ ноябрѣ 1478 года папа Securities Сикстъ IV издалъ буллу о введеніи Инквизиціи.

Таковы были несчастныя обстоятельства, приведшія въ то время къ учрежденію Инквизиціи, но не существующія, къ счастью, въ наше время.

Вышеназванная папская булла давала Фердинаду и Изабеллѣ право назначать инквизиторовъ и смѣнять, по желанію, духовныхъ судей, назначая на ихъ мѣсто другихъ. Эта мѣра нанесла рѣшительный ударъ епископской власти и дала королямъ огромную силу, что вполнѣ соотвѣтствовало политическимъ стремленіямъ Фердинанда, но не интересамъ и правамъ націи.

Инквизиція начала свою дѣятельность въ Севильѣ и сразу приняла такія жестокія мѣры, что обращенные стали спасаться бѣгствомъ. Нѣкоторые даже обратились съ жалобами къ папѣ, и тотъ издалъ 29 января 1482 г. буллу съ осужденіемъ жестокаго образа дѣйствія инквизиторовъ, т.-е. заключенія въ тюрьму, пытанія и ложнаго обвиненія въ ереси; кромѣ того, этою буллою уничтожалось право короля назначать инквизиторовъ. За этою буллою послѣдовало еще нѣсколько въ томъ же духѣ. Фердинандъ увидѣлъ, что его поли-

тическіе планы не удались, и обратился къ папѣ съ просьбою облечь Инквизицію въ болѣе удобную для него форму. 29 мая 1483 г. папа издалъ новую буллу, назначавшую Иньиго Манрике единственнымъ апелляціоннымъ судьею, но этотъ послѣдній занималъ сію должность очень недолго, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Генеральнымъ инквизиторомъ былъ назначенъ духовникъ короля Томасъ де Торквемада.

Генеральный инквизиторъ получилъ право назначать и смѣнять подчиненныхъ ему инквизиторовъ, а король, по словамъ знаменитаго Маканаса, назначалъ Генеральнаго и давалъ согласіе на назначеніе подчиненныхъ ему инквизиторовъ.

Получивъ въ свои руки огромную власть, Торквемада прежде всего измѣнилъ составъ судовъ Инквизиціи, призвавъ къ дѣлу наиболѣе подходящихъ, по его мнѣнію, людей. Затѣмъ были приняты слѣдующія мѣры: были введены пытки и конфискація имущества (исключеніе въ отношеніи конфискаціи имущества дѣлалось только для лицъ, каявшихся въ своихъ заблужденіяхъ въ теченіе опредѣленнаго срока), стали приниматься доносы отъ отцовъ на дѣтей и отъ дѣтей на отцовъ, стали скрываться имена свидѣтелей и была принята форма судопроизводства, несвойственная никакому суду. Предлогомъ ко всѣмъ этимъ нововведеніямъ служило огромное число еретиковъ въ Кастиліи и Арагоніи. Это было въ полномъ смыслѣ государство въ государствѣ.

Съ цѣлью усовершенствованія новой системы Инквизиціи, Торквемада убѣдилъ монарха образовать высшій королевскій совѣтъ Инквизиціи, такъ какъ онъ былъ самъ теологомъ, не зналъ гражданской и канонической юриспруденціи и нуждался въ хорошихъ совѣтникахъ. Въ 1484 г. уже были назначены три королевскихъ совѣтника, но Торквемада не ограничился ихъ помощью, а сталъ пользоваться совѣтами и другихъ свѣдущихъ лицъ, тоже не имѣвшихъ почти никакой власти, кромѣ совѣщательной.

Такимъ образомъ, Инквизиція была учреждена противъ еретиковъ, т.-е., главнымъ образомъ, мавровъ и евреевъ; но въ дополненіе къ ней былъ еще изданъ декретъ, въ силу котораго мавры и евреи должны были жить въ особыхъ кварталахъ, отдѣльно отъ христіанъ. Что касается впечатлѣнія, произведеннаго этими крутыми мѣрами на населеніе, то слѣдуетъ сказать, что Инквизиція была введена въ Испаніи вопреки желанію народа и кортесовъ.

Когда новые законы или учрежденія соотвѣтствуютъ интересамъ націи, провинціи спѣшатъ выразить свое одобреніе, осыпая похвалами своихъ благодѣтелей. Такъ было и при объявленіи настоящей конституціи, обезпечивавшей народу справедливость, свободу и святую религію предковъ. Но съ Инквизиціей случилось иначе. Народъ сразу понялъ, что это нововведеніе противорѣчитъ его правамъ и свободѣ, такъ какъ при инквизиціонномъ судопроизводствѣ подсудимые являлись беззащитными, и для клеветы открывалось широкое поле. Въ Арагонскомъ королевствѣ, Валенсіи, Каталоніи, Сардиніи, на островѣ Майоркѣ, въ Сициліи и Наваррѣ народъ возсталъ противъ этихъ судовъ, возмущаясь частыми конфискаціями имущества и скрываніемъ именъ лицъ, свидѣтельствовавшихъ противъ подсудимыхъ. Вслѣдствіе этого было устроено нѣсколько собраній въ домахъ лицъ еврейскаго происхожденія, которыхъ народъ считалъ своими покровителями благодаря ихъ учености и участію въ дѣлахъ правленія, и въ домахъ еще нѣсколькихъ лицъ, пользовавшихся всеобщимъ расположеніемъ. Послѣ собраній были отправлены къ королю делегаты, среди которыхъ находились одно духовное лицо по имени Педро Мигель и одинъ спеціалистъ по гражданскому праву Педро де Луна. Дѣйствительно, какъ могла Инквизиція внушать евреямъ и маврамъ любовь къ католической вѣрѣ? Если они не принимали католичества, то подвергались гоненіямъ и даже смерти; если же принимали, то подвергались самымъ тяжелымъ испытаніямъ, и ихъ честь, религія и жизнь находились въ распоряженіи враговъ. Ихъ богатство и занимаемыя ими почетныя должности возбуждали зависть враговъ и приводили къ ихъ гибели. Но не только они, но и все католическое населеніе этихъ мѣстностей увидѣло, что права его попираются новымъ учрежденіемъ.

Такого же мнѣнія держалось и населеніе Кастиліи и Леона, особенно возмущаясь отвѣтственностью дѣтей за вину родителей и скрываніемъ именъ обвинителей и свидѣтелей, что противорѣчило пріемамъ судопроизводства, къ которому привыкло до сихъ поръ населеніе. Кромѣ того, допуская справедливость наказанія за преступленія въ ереси, населеніе этихъ двухъ государствъ не могло примириться со смертною казнью, которая была введена за эти преступленія. Но такъ какъ Инквизиція была новостью въ Кастиліи и Леонѣ, и населеніе ихъ не могло еще судить правильно обо всемъ вредѣ этого учрежденія, то оно молча взирало вначалѣ на введеніе Инквизиціи, ожидая, пока время выяснитъ ея достоинства и недостатки. Ждать пришлось недолго. Судъ Инквизиціи въ Кордовѣ съ инквизиторомъ Люсеро во главѣ возбудилъ жалобы андалузской знати, духовенства и городскихъ совѣтовъ. Образъ дѣйствія сего инквизитора былъ дѣйствительно такъ ужасенъ, что онъ привлекъ къ суду наиболѣе знатныхъ и выдающихся лицъ этой мѣстности, какъ, напримѣръ, совѣтника Ильескаса и архіепископа гранадскаго, бывшаго духовника королевы. Генеральный инквизиторъ отвѣтилъ на жалобы несчастныхъ, чтобы они доказали свою правоту, и тогда онъ привлечетъ Люсеро къ суду. Но какъ можно было доказать правоту, когда всѣ процессы велись тайно, и имена свидѣтелей были неизвѣстны? Поэтому Люсеро продолжалъ «порочить славу духовныхъ лицъ, монахинь, знати и другихъ добрыхъ христіанъ, приказывая разрушать многіе дома подъ предлогомъ, что это—синагоги». Населеніе обѣихъ Кастилій и Андалузіи обратилось тогда съ жалобою къ королю и добилось назначенія **католической конгрегаціи**, которая объявила многіе процессы инквизиціоннаго суда неправильными и приказала снова выстроить дома, разрушенные по ложному навѣту. Но если это средство помогло въ данномъ случаѣ, то оно не могло измѣнить самой системы Инквизиціи: судопроизводство осталось попрежнему тайнымъ, подсудимые несли всю тяжесть обвиненія, не зная, откуда оно идетъ; все зависѣло отъ воли и прихоти инквизиторовъ, которые добивались пытками какихъ угодно признаній; гадкіе клеветники не знали предѣловъ своимъ преступнымъ замысламъ. Нельзя удивляться тому, что провинціи всего государства возстали противъ учрежденія, которое пускало въ ходъ самыя ужасныя мѣры для достиженія своей цѣли. Такого же мнѣнія держались и представители народа, выразившіе протестъ противъ Инквизиціи при первой возможности.

Явившись изъ Германіи въ Испанію, Карлъ собралъ кортесы въ Вальядолидѣ отъ обѣихъ Кастилій, Леона и Гранады въ 1518 году, а отъ Арагоніи въ Сарагоссѣ въ началѣ слѣдующаго года. Въ архивѣ кортесовъ сохранилась петиція, поданная королю кортесами въ Вальядолидѣ. Въ ней излагается желаніе, чтобы Инквизиція дѣйствовала справедливо, наказуя виновныхъ, но не заставляя страдать невинныхъ. Впервые представители народа выражали тогда свое мнѣніе объ Инквизиціи, введенной въ странѣ безъ ихъ согласія. Въ словахъ этой петиціи ясно выражается обычная ревностная приверженность испанцевъ къ католической вѣрѣ и къ справедливости и желаніе, чтобы судъ Инквизиціи былъ замѣненъ прежнимъ справедливымъ судомъ вѣры.

Король внялъ просьбамъ кортесовъ и обѣщалъ посовѣтоваться съ учеными и добродѣтельными людьми. Но въ виду того, что не было принято въ ближайшемъ времени никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, кортесы въ Вальядолидѣ повторили свою петицію въ 1523 году въ прежнихъ выраженіяхъ. И король Карлъ несомнѣнно внялъ бы ихъ просьбамъ, если бы на должность Генеральнаго инквизитора не былъ назначенъ его духовникъ Адріанъ.

Населеніе Арагонскаго королевства тоже обратилось въ это время къ королю Карлу съ просьбою примѣрно такого же содержанія, какъ кастильцы. Карлъ отвѣтилъ, по наущенію Адріана, въ самыхъ двусмысленныхъ выраженіяхъ, что сдѣлаетъ все возможное, и что Инквизиція будетъ дѣйствовать впредь соотвѣтственно канонамъ святой Церкви и указамъ и декретамъ папы. Арагонцы остались очень довольны этимъ отвѣтомъ и убѣдили папу Льва X издать три указа въ іюлѣ 1519 года, ограничивавшихъ власть инквизито

ровъ и укрѣплявшихъ за папой право назначать двухъ каноникові и санкціонировать выборъ третьяго каноника для контроля инквизиторовъ.

Когда король узналъ объ этомъ, онъ воспротивился волѣ папы. Въ виду того, что король Карлъ I былъ также римскимъ императоромъ, въ Римѣ сочли неудобнымъ отказать ему, и въ 1520 году папа издалъ буллу, подтверждавшую двусмысленный отвѣтъ Карла арагонскимъ кортесамъ. Въ результатѣ Инквизиція осталась въ Испаніи въ прежнемъ видѣ.

Въ виду протеста противъ Инквизиціи испанскаго народа и кортесовъ разсмотримъ теперь незаконность этого учрежденія.

Вамъ извѣстно, что для выработки законовъ какъ въ Кастиліи, такъ и въ Арагоніи необходима совмѣстная работа кортесовъ и короля. Таковъ одинъ изъ основныхъ законовъ испанской монархіи, соблюдавшійся во всѣ времена, когда права народа были поистинѣ неприкосновенны и не подвергались нарушенію со стороны деспотичныхъ правителей. Вамъ извѣстна также формула для изданія законовъ въ Арагоніи: «По волѣ кортесовъ король приказываетъ и повелѣваетъ». Въ Кастиліи не существовало такой формулы, но тамъ король тоже не имѣлъ права издавать законовъ безъ согласія кортесовъ. Но Инквизиція была учреждена въ Испаніи помимо воли представителей народа, и въ этомъ легко убѣдиться, если прочитать всѣ отчеты о засѣданіяхъ кортесовъ. На собраніи кортесовъ въ Толедо въ 1480 году депутаты, правда, постановили, чтобы евреи и мавры поселились отдѣльно отъ христіанъ въ особыхъ кварталахъ, но чувство справедливости заставило ихъ постановить также, чтобы въ этихъ кварталахъ было воздвигнуто столько же мечетей и синагогъ, сколько у нихъ было раньше. Что же касается учрежденія Инквизиціи, то кортесы не только не дали на нее своего согласія, но даже энергично возстали противъ нея, впрочемъ, какъ и населеніе всѣхъ провинцій. Всеобщій протестъ и возмущеніе были такъ сильны, что король Карлъ счелъ необходимымъ прекратить дѣятельность Инквизиціи въ 1535 году. Это продолжалось, пока Филиппъ II, правившій государствомъ въ отсутствіи отца, не возстановилъ ея въ 1545 году. Такимъ образомъ, учрежденіе суда Инквизиціи является въ полномъ смыслѣ незаконнымъ, такъ какъ оно было произведено безъ необходимаго согласія кортесовъ.

Испанскій народъ неоднократно выражалъ королю свое недовольство Инквизиціей во времена деспотизма, и Инквизиціи постоянно приходилось бороться съ епископами, собраніями и совѣтами, выражавшими волю народа. Испанское духовенство не могло быть совсѣмъ отстранено отъ дѣлъ вѣры, но власть его была сильно сокращена въ виду зависимости отъ инквизиторовъ, и это приводило, естественно, къ недовольству нарушеніемъ правъ. Дѣйствительно, епископы и прочее духовенство знали свою паству лучше инквизиторовъ, назначаемыхъ извнѣ, и могли лучше бороться съ еретиками и невѣрующими людьми, чѣмъ инквизиторы, которые узнавали про всякую ересь тайнымъ путемъ и черезъ ненадежныхъ свидѣтелей. Такъ же возмущены были гражданскія власти, выражавшія свое недовольство на собраніяхъ и совѣтахъ, и при томъ въ такую эпоху, когда въ Испаніи не существовало свободы слова. Наши предки держались католической вѣры не меньше насъ, но не считали Инквизицію необходимою для сохраненія вѣры въ чистотѣ. Католичество было сильно въ Испаніи и до введенія Инквизиціи. Политическія причины, побудившія Фердинанда и Изабеллу къ введенію ея въ странѣ, не существуютъ теперь. Кортесы не давали согласія и возставали противъ нея, народъ возмущался и терпѣлъ Инквизицію только подъ гнетомъ насилія, духовенство требовало возстановленія своихъ законныхъ правъ, суды и совѣты считали себя оскорбленными въ своихъ правахъ. Неужели вы считаете послѣ всего этого Инквизицію необходимою и пригодною для сохраненія въ чистотѣ католической вѣры? Развѣ нѣтъ другихъ средствъ для охраны католичества, не нарушающихъ основныхъ законовъ испанской конституціи? Намъ остается еще изложить вамъ два пункта: несоотвѣтствіе Инквизиціи съ испанской конституціей и вытекающія изъ этого мѣры.

Инквизиція несовмѣстима съ конституціей, потому что противорѣчитъ независимости и гражданской свободѣ испанцевъ, обезпеченной основными законами. Во первыхъ, суды Инквизиціи безапелляціонны, потому что надъ ихъ рѣшеніями не властны ни епископы, ни архіепископы, ни даже самъ папа, потому что испанскіе монархи настаивали всегда на окончаніи процессовъ въ предѣлахъ своего государства, между прочимъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто папы подтвердили право инквизиторовъ быть единственными и безапелляціонными судьями. Во вторыхъ, суды Инквизиціи не имѣютъ себѣ подобныхъ и дѣйствуютъ самовластно, безъ одобренія кортесовъ, короля или папы. По составленіи протокола о преступленіи инквизиторы могутъ немедленно арестовать преступника и обращаются при этомъ къ верховному совѣту Инквизиціи только въ случаѣ разногласія между ними, discordia. Арестъ сопровождается всегда секвестраціей имущества и скудное пропитаніе дается женѣ и дѣтямъ, если они не могутъ работать или если это не соотвѣтствуетъ ихъ положенію въ обществѣ. Подсудимые подвергаются одиночному заключенію и лишены свиданій съ родителями, женою, дѣтьми, родными и друзьями. Защитникъ и духовникъ допускаются къ нимъ только по особому разрѣшенію суда Инквизиціи, при чемъ первый изъ нихъ можетъ являться только въ сопровожденіи инквизитора. Допросъ производится очень тщательно, при чемъ отъ подсудимыхъ усиленно скрывается причина ихъ ареста. Далѣе, несмотря на то, что инквизиторы обвиняютъ людей, главнымъ образомъ, въ ереси, они стараются усугубить положеніе несчастныхъ обвиненіями въ другихъ преступленіяхъ. Пытки пускаются въ ходъ постоянно. Свидѣтели остаются неизвѣстными обвиняемому; если подсудимый даже раскаивается въ своемъ преступленіи или заблужденіи, то его покрываютъ позоромъ, напримѣръ, лишаютъ права занимать духовныя и гражданскія должности, при чемъ это наказаніе распространяется и на всю его семью.

Таковъ судъ Инквизиціи. Онъ вполнѣ независимъ въ своей дѣятельности и выноситъ безапелляціонные приговоры, отрываетъ людей отъ семьи, подвергаетъ ихъ несправедливости, дѣлаетъ беззащитными, конфискуетъ имущество и позоритъ людей. Неужели же такое учрежденіе соотвѣтствуетъ конституціи, внесшей въ страну порядокъ и защищающей народъ отъ деспотизма и своеволія?

Прежде всего, Инквизиція несовмѣстима съ верховенствомъ и независимостью націи. Гражданскія власти не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на выносимые ею приговоры. Инквизиторъ пользуется суверенными правами, т.-е. диктуетъ законы, примѣняетъ ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и смотритъ за исполненіемъ ихъ. Три вида власти, урегулированныхъ мудрою конституціею для блага испанскаго народа, соединяются въ лицѣ Генеральнаго инквизитора и создаютъ безграничную власть, совершенно несовмѣстимую съ идеей о главенствѣ и независимости народа.

Кортесы строго слѣдятъ за исполненіемъ законовъ въ странѣ. Но какъ могутъ они слѣдить за инквизиторами, если тѣ окружаютъ свою работу глубокою тайною? Развѣ не можетъ случиться поэтому, чтобы инквизиторы нарушили конституцію? Для обезпеченія самостоятельности и политической свободы націи кортесы установили такую систему отвѣтственности и гармоніи власти, что всѣ виды власти контролируютъ другъ друга и несутъ отвѣтственность за свои поступки. Только священная особа короля не считается отвѣтственною, но зато ни одинъ королевскій приказъ не считается дѣйствительнымъ, если онъ не скрѣпленъ подписью отвѣтственнаго секретаря. А передъ кѣмъ отвѣтственны инквизиторы? Жалобы въ Римъ запрещены, общественное мнѣніе не можетъ судить правильно, потому что дѣйствія инквизиторовъ покрыты тайною, и каждое лицо, осуждающее Святую Инквизицію, объявляется отлученнымъ отъ Церкви. Такимъ образомъ, создается слѣдующее положеніе: въ Испаніи существуютъ суды, которые держатъ въ своихъ рукахъ свободу, честь и имущественное положеніе гражданъ, дѣйствуя при этомъ скрытымъ путемъ, и не отвѣтственны ни передъ какою властью; эти судьи издаютъ по своему усмотрѣнію законы, не

только не соотвѣтствующіе, но даже противорѣчащіе законамъ Государства. Развѣ можно считать свободнымъ и независимымъ народъ, подвластный подобнымъ судьямъ?

Кажется невѣроятнымъ, чтобы короли могли держаться учрежденія, чуть ли не превышавшаго ихъ собственную власть. Извѣстно, что Филиппъ II, наиболѣе деспотичный изъ испанскихъ монарховъ, довелъ Инквизицію до ея высшаго развитія. Но Инквизиція вполнѣ соотвѣтствовала его тонкой политикѣ, такъ какъ вся тяжесть ея лежала на народѣ, а вовсе не на монархахъ; она держала народъ въ подчиненіи и оправдывала себя въ глазахъ народа тѣмъ, что дѣйствуетъ во имя Божіе и на благо вѣры. Наполеонъ охотно послѣдовалъ бы примѣру Филиппа II, если бы рѣшилъ, что Инквизиція можетъ помочь ему въ осуществленіи преступныхъ плановъ. Вѣдь онъ наполнилъ Францію тюрьмами, въ которыхъ томятся тысячи несчастныхъ и попираетъ постоянно свободу своихъ подданныхъ. Такова же была бы судьба испанской свободы, если бы у насъ была возстановлена Инквизиція. Ни одинъ депутатъ не могъ бы говорить свободно про монарха или видное лицо, изъ опасенія сгнить въ тюрьмахъ Инквизиціи. Конституція не можетъ существовать наряду съ Инквизиціей, которая несовмѣстима съ народнымъ представительствомъ, главенствомъ и независимостью народа.

Суды Инквизиціи несовмѣстимы также съ индивидуальной свободой, обезпеченной конституціей. По параграфу 290 конституціи арестованный долженъ быть допрошенъ въ теченіе 24 часовъ; по параграфу 300 арестованному должны сообщить въ тотъ же срокъ причину его ареста и, по возможности, имя обвинителя; по параграфу 301 ему должны прочитать полностью всѣ документы обвиненія и показанія свидѣтелей со всѣми именами, а если свидѣтели не извѣстны ему, то онъ имѣетъ право требовать справокъ и свѣдѣній относительно нихъ; по параграфу 302 процессъ долженъ производиться при открытыхъ дверяхъ и согласно закону. Всѣ эти постановленія направлены къ обезпеченію гражданской свободы испанцевъ, т.-е. не для оставленія преступленій безнаказанными, а для обезпеченія невиннымъ оправданія, а виновнымъ справедливаго наказанія. А каковы права и свобода испанцевъ передъ судами Инквизиціи? Ихъ сажаютъ въ одиночное заключеніе, не позволяютъ ни съ кѣмъ сообщаться, допрашиваютъ, когда и какъ заблагоразсудится инквизиторамъ, скрываютъ имена обвинителя и свидѣтелей, и въ судѣ вѣры, гдѣ должна царить полная правда, царятъ ложь и клевета. Процессъ никогда не ведется при открытыхъ дверяхъ, и защита не можетъ быть поставлена разумно, когда виновный не знаетъ противъ кого и чего защищаться. Далѣе, согласно статьѣ 294 конституціи, на имущество виновнаго налагается арестъ только въ случаѣ, если его преступленіе ведетъ за собою денежную отвѣтственность, а согласно статьѣ 303-ьей запрещены пытки и всякое насиліе. При Инквизиціи же тюремное заключеніе сопровождается всегда конфискацией имущества и пытками, при чемъ степень достаточности пытокъ зависитъ исключительно отъ инквизиторовъ. Итакъ, духовныя лица, служители Бога и носители милосердія, наблюдаютъ за пытками и спокойно выслушиваютъ крики несчастныхъ! Трудно представить себѣ, господа, до чего можетъ дойти ложное усердіе людей! Судъ Инквизиціи противорѣчитъ конституціи испанской монархіи еще во многихъ другихъ пунктахъ; напримѣръ, по статьѣ 305-ой полагается, чтобы вина преступника ни въ какомъ случаѣ не переходила на его семью, тогда какъ по кодексу Инквизиціи дѣти страдаютъ за вину родителей. Это тѣмъ болѣе несправедливо, что родители многихъ святыхъ, почитаемыхъ католическою Церковью, были язычниками и евреями.

Слѣдуетъ добавить еще, что невѣжественные инквизиторы не умѣли часто разбираться въ вопросахъ философіи, естественной исторіи и географіи и обвиняли ученыхъ людей въ ереси и невѣріи. Въ Испаніи перестали писать съ тѣхъ поръ, какъ была введена Инквизиція. Теперь вамъ ясно, что судъ Инквизиціи несовмѣстимъ со свободою народа, провозглашенною конституціею.

Въ виду того, что Инквизиція несовмѣстима съ конституціей испанскаго королевства, и что конституція возстановила прежніе основные законы государства, она должна возстановить также гражданскіе законы, защищающіе религію. Дѣла вѣры находились всегда до Инквизиціи въ вѣдѣніи епископовъ, и такъ оно должно быть и теперь. Необходимо немедленно возстановить законъ кодекса «Siete Partidas», по которому еретики наказуются свѣтскими судьями. Какъ вамъ извѣстно, этихъ средствъ было достаточно для сохраненія въ чистотѣ католической вѣры въ теченіе пятнадцати вѣковъ, пока короли не учредили Инквизиціи для своихъ политическихъ цѣлей. Конечно, всегда могутъ найтись въ государствѣ отдѣльныя лица, которыя впадаютъ въ заблужденіе и даже стараются распространять свои заблужденія. Но подобныя преступленія носятъ личный, а не массовый характеръ, и гражданскія власти вполнѣ могутъ справиться съ ними.

Кортесы обѣщали защищать религію мудрыми и справедливыми законами и обязаны сдержать свое обѣщаніе. Инквизиція вызвала столько жалобъ, что король Сициліи Фердинандъ IV внялъ голосу своего народа и отмѣнилъ ее въ своихъ владѣніяхъ въ 1782 году, вернувъ епископамъ прежнюю власть. И чистота католической вѣры ничуть не пострадала отъ этой мѣры, а порядокъ въ государствѣ ни разу не нарушался съ тѣхъ поръ. Точно такъ же будетъ и въ Испаніи, потому что испанцы твердо убѣждены въ истинности своей вѣры и не нуждаются въ тюрьмахъ и пыткахъ для сохраненія ея въ чистотѣ. И развѣ національная гордость не возмутилась бы при мысли, что народъ нуждается въ такихъ мѣрахъ для искренняго поклоненія Богу? Нѣтъ сомнѣній, что мудрое законодательство, охранявшее католическую вѣру въ теченіе стольких вѣковъ, окажется вполнѣ достаточнымъ и теперь. Комиссія убѣждена въ томъ, что епископы и мѣстное духовенство, знающее свою паству лучше, чѣмъ инквизиторы, будутъ также лучше освѣдомлены о возникновеніи всякой ереси среди этой паствы и примутъ немедленно самыя цѣлесообразныя мѣры для борьбы съ ересью или невѣріемъ.

Съ другой стороны, нѣтъ никакой возможности, чтобы Инквизиція отказалась отъ своихъ прежнихъ пріемовъ. Въ основу ея положено правило: ненарушимая тайна есть душа сего учрежденія, и это рѣшаетъ вопросъ о ея существованіи.

Въ виду всего вышеизложеннаго въ данное время остается только возстановить духовную дисциплину, существовавшую въ Испаніи до XV вѣка, т.-е. до царствованія Фердинанда Католика. Устройство прежнихъ судовъ и взаимныя отношенія духовныхъ и гражданскихъ судей состоятъ въ слѣдующемъ: и тѣ, и другіе судьи дѣйствуютъ согласно законамъ конституціи, а первые, кромѣ того, согласно священнымъ канонамъ; епископы дѣйствовали всегда сообща со священниками, и по окончаніи процесса приговоренный передавался въ руки свѣтскихъ властей для понесенія наказанія согласно законамъ. Въ довершеніе всего сказаннаго слѣдуетъ добавить, что духовенство имѣетъ право и въ то же время обязано налагать запрещеніе на книги и писанія, не соотвѣтствующія ученію вѣры, но обязанность препятствовать обращенію подобныхъ книгъ и писаній въ государствѣ лежитъ на свѣтской власти.

Такимъ образомъ, комиссія предлагаетъ кортесамъ разсмотрѣть, прежде всего, слѣдующія предложенія: во первыхъ, католическая, апостольская, римская вѣра должна находиться подъ защитою законовъ, соотвѣтствующихъ конституціи; во вторыхъ, судъ Инквизиціи несовмѣстимъ съ конституціей. Если эти два положенія будутъ приняты кортесами, комиссія предлагаетъ, во исполненіе статьи 12 принятой нами конституціи, слѣдующій проектъ декрета въ увѣренности, что онъ окажется болѣе цѣлесообразнымъ для охраненія чистоты католической вѣры, чѣмъ суды Инквизиціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ст. 1. Возстанавливается въ своемъ первоначальномъ значенiи законъ кодекса «Siete Partidas» короля Альфонса X о томъ, что епископы и викарiи вѣдаютъ дѣла о вѣрѣ согласно святымъ каноническимъ правиламъ и общему праву, и что свѣтскiе судьи объявляютъ и приводятъ въ исполненiе наказанiе, указываемое закономъ. Духовные и свѣтскiе судьи дѣйствуютъ, каждый въ своей области, въ согласiи съ конституцiей и съ законами.

Ст. 2. Каждый испанецъ имѣетъ право обвинять предъ духовнымъ судомъ кого-либо въ ереси; имѣется ли частный обвинитель, или нѣтъ, обвинительный актъ произносится духовнымъ фискаломъ.

Ст. 3. Чтобы духовные суды дѣйствовали съ необходимой осторожностью и осмотрительностью, четыре пребендарiя каѳедральнаго собора (въ случаѣ отсутствiя ихъ замѣняютъ каноники), имѣющiе дипломъ теологiи или каноническаго права, избранные епископомъ и утвержденные королемъ, входятъ, въ качествѣ совѣтниковъ, въ духовный судъ и являются экспертами подлежащихъ вѣдѣнiю суда книгъ, словъ или дѣянiй даннаго лица.

Ст. 4. Эти совѣтники, не препятствуя правильному теченiю правосудiя, помогаютъ духовному судьѣ во всемъ, начиная съ слѣдственнаго акта и кончая приговоромъ, подъ которымъ они расписываются въ своемъ согласiи или несогласiи.

Ст. 5. Когда слѣдствiе закончено и въ немъ имѣется достаточно данныхъ для возбужденiя дѣла противъ обвинителя, духовный судья вызываетъ обвиняемаго и въ присутствiи совѣтниковъ передаетъ ему объ этомъ въ предписанной закономъ формѣ.

Ст. 6. Если обвиненiе относится къ преступленiю, караемому физическимъ наказанiемъ, и обвиняемый принадлежитъ къ свѣтскому сословiю, то духовный судья передаетъ содержанiе слѣдственнаго матерiала свѣтскому судьѣ для ареста виновнаго; свѣтскiй судья держитъ въ распоряженiи духовнаго судьи обвиняемаго до конца суда. Съ военными поступаютъ точно такимъ же образомъ, а если обвиняемымъ является духовное лицо, то арестъ его производится духовнымъ судьей.

Ст. 7. По окончанiи духовнаго суда съ дѣлопроизводствомъ знакомится свѣтскiй судья, въ вѣдѣнiе котораго передается виновный, который наказывается согласно требованiю закона.

Ст. 8—10. Апелляцiонныя жалобы дѣлаются въ обычномъ порядкѣ, и апелляцiонные суды должны точно соблюдать то, что сказано въ вышеприведенныхъ статьяхъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ст. 1. Король приметъ необходимыя мѣры, чтобы сухопутнымъ и морскимъ путемъ не ввозились въ предѣлы государства враждебныя религiи или запрещенныя книги и рукописи; по отношенiю же къ находящимся въ обращенiи книгамъ будетъ поступлено въ согласiи съ закономъ о свободѣ печати и съ слѣдующими постановленiями.

Ст. 2. Епископъ или викарiй, въ согласiи съ рѣшенiемъ четырехъ пребендарiевъ, запрещаетъ или разрѣшаетъ печатанiе религiозныхъ книгъ; онъ запретитъ тѣ сочиненiя, которыя враждебны религiи послѣ того, какъ выслушаетъ заинтересованныхъ лицъ и назначитъ имъ защитника, если таковой у нихъ не имѣется. Свѣтскiе судьи конфискуютъ запрещенныя епископомъ книги, равно какъ и тѣ книги, которыя были напечатаны безъ его разрѣшенiя. Со стороны духовной власти будетъ злоупотребленiемъ, если она будетъ запрещать такiя религiозныя книги, въ которыхъ выражается мнѣнiе, свободно распространяющееся внутри Церкви.

Ст. 3. Писатели, считающіе, что епископы несправедливо поступили по отношенію къ нимъ, не выдавъ имъ разрѣшенія на печатаніе книгъ или запретивъ обращеніе въ странѣ уже напечатаныхъ, могутъ принести жалобу на это постановленіе въ соотвѣтствующій духовный судъ.

Ст. 4. Духовные судьи представляютъ въ правительственныя учрежденія перечень запрещенныхъ ими книгъ, который отсылается въ государственный совѣтъ для окончательнаго рѣшенія; государственный совѣтъ выслушиваетъ по этому поводу до своего рѣшенія мнѣніе спеціальной ученой комиссіи изъ лицъ, ежегодно избираемыхъ изъ находящихся при дворѣ; помимо этой комиссіи, государственный совѣтъ можетъ обращаться и къ другимъ лицамъ, когда онъ находитъ это полезнымъ.

Ст. 5. Король, послѣ рѣшенія государственнаго совѣта и съ одобренія кортесовъ, приказываетъ опубликовать названія запрещенныхъ книгъ; отнынѣ онѣ считаются запрещенными на всемъ протяженіи государства, и таковое запрещеніе носитъ характеръ закона, нарушеніе котораго карается установленнымъ закономъ наказаніемъ.

Докладъ комиссіи, равно какъ и ея резолюція произвели на кортесы огромное впечатлѣніе; либералы считали свое дѣло выиграннымъ и спѣшили съ обсужденіемъ вопроса объ Инквизиціи. Раболѣпствующіе, наоборотъ, теперь стремились выиграть время и всячески затягивали дебаты по докладу конституціонной комиссіи. Но еще до начала преній членъ комиссіи Антоніо Іоакинъ Пересъ, бывшій мексиканскій инквизиторъ, голосовавшій противъ внесенной резолюціи и оставшійся въ комиссіи въ меньшинствѣ, предложилъ кортесамъ одновременно съ докладомъ большинства обсуждать и его собственную резолюцію, сводившуюся къ тому, что «за пороки, совершаемые отдѣльными инквизиторами не можетъ считаться отвѣтственной Инквизиція, которая по своей сущности нисколько не противорѣчитъ конституціи». Это предложеніе Переса не могло задержать хода преній, въ кортесахъ, такъ какъ самъ авторъ требовалъ для него одновременнаго обсужденія съ резолюціей большинства комиссіи: оно являлось, такимъ образомъ, частнымъ мнѣніемъ одного члена кортесовъ, высказывавшагося въ пользу Инквизиціи, съ голосомъ котораго кортесы могли считаться или не считаться безъ отношенія къ тому, что Антоніо Пересъ состоялъ членомъ конституціонной комиссіи и внесъ свое предложеніе въ видѣ готовой резолюціи. Кортесы, изъ уваженія къ «меньшинству» комиссіи, постановили отпечатать резолюцію Переса наравнѣ съ докладомъ и резолюціей большинства комиссіи, предсѣдателемъ которой былъ Діэго Муньосъ Тореро. Такъ какъ маневръ Переса съ самаго начала оказался негоднымъ орудіемъ для борьбы со спѣшностью обсужденія вопроса объ отмѣнѣ Инквизиціи, то сторонники старины, такъ называемые раболѣпствующіе, вскорѣ прибѣгли къ новому средству. 29 декабря 1812 г. депутатъ Санчесъ Оканья, отъ своего и отъ имени еще двухъ членовъ собранія, внесъ предложеніе о томъ, чтобы дебаты по вопросу объ Инквизиціи были отложены до тѣхъ поръ, пока о немъ предварительно не будутъ собраны мнѣнія всѣхъ епископовъ и капитуловъ Испаніи и ея острововъ. Оканья доказывалъ, что отсрочка дискуссіи не повлечетъ за собою никакой бѣды, спѣшное же обсужденіе, наоборотъ, можетъ вызвать большія бѣдствія: жители испанскихъ городовъ, привыкшіе узнавать отъ священниковъ о реформахъ, касающихся религіозной жизни, будутъ крайне смущены, если мнѣніе духовенства о столь важномъ вопросѣ не будетъ оффиціально извѣстно; возможны изъ-за этого сильные безпорядки и волненія, отъ которыхъ пострадаетъ все или часть государства, а вѣдь къ отвращенію подобныхъ фактовъ должны быть направлены всѣ усилія кортесовъ. Въ защиту предложенія Оканьи выступило съ краткими замѣчаніями нѣсколько депутатовъ, не имѣвшихъ успѣха; большинство относилось явно враждебно къ нему, и послѣ непродолжительныхъ преній, не занявшихъ даже цѣликомъ одного засѣданія,

предложеніе объ отсрочкѣ обсужденія доклада комиссіи было отклонено и, согласно заявленію предсѣдателя кортесовъ, рѣшено было приступить 4 января 1813 года къ преніямъ объ отмѣнѣ Инквизиціи.

Не надѣясь на свои силы въ стѣнахъ парламента, раболѣпствующіе повели въ странѣ энергичную кампанію въ пользу Инквизиціи, и когда кортесы должны были приняться за обсужденіе этого сложнаго вопроса, они были завалены многочисленными петиціями, докладными записками, протестами, меморіалами и прошеніями о сохраненіи въ Испаніи благодѣтельной Инквизиціи. Среди протестовавшихъ противъ предполагаемой отмѣны были два архіепископа, 24 епископа, совѣты провинцій Галисіи и Алавы, нѣсколькихъ городовъ, многихъ мѣстечекъ, а также отдѣльныя лица, преимущественно представители высшей знати и нѣкоторые армейскіе и морскіе офицеры. Чтобы ослабить впечатлѣніе отъ этихъ протестовъ, Муньосъ Тореро и графъ Торено стали ссылаться на существованіе многочисленныхъ благодарственныхъ адресовъ по поводу рѣшенія конституціонной комиссіи и доказывать, что подписи подъ протестами вырываются у простого народа заинтересованными въ сохраненіи Инквизиціи лицами. «Епископъ Гаванны, заявилъ Торено, поздравлялъ кортесы за выработку конституціи, вернувшей епископамъ принадлежавшія имъ съ давнихъ поръ права; вспомните отвѣтъ архіепископа толедскаго и севильскаго капитулу этого діоцеза на просьбу о сохраненіи Инквизиціи. Архіепископъ писалъ, что капитулу не слѣдовало бы говорить объ этомъ безъ его разрѣшенія и что было бы гораздо лучше и соотвѣтствовало бы болѣе духу евангелія, если бы капитулъ молчалъ и исполнялъ постановленія кортесовъ. Онъ порицалъ также отдѣльныхъ представителей духовенства, которые въ своемъ излишнемъ рвеніи своими неосторожными словами и поступками возбуждали и разжигали страсти народа». Ссылки на настроеніе страны, принимавшія въ устахъ раболѣпствующихъ демагогическій характеръ, были кортесами устранены; либералы утверждали, что нѣтъ возможности убѣдиться въ истинномъ отношеніи народа къ вопросу объ Инквизиціи; мало того, въ этомъ, по мнѣнію либераловъ, и не было никакой надобности. Вѣдь конституція была принята безъ предварительнаго опроса всего народа, такъ какъ кортесы правильно исходили изъ того, что они во всемъ представляютъ истинныя желанія народа, и ихъ воля совершенно точно отражаетъ волю испанскаго народа. Это убѣжденіе должно руководить кортесами и въ вопросѣ о сохраненіи или отмѣнѣ Инквизиціи. Наконецъ, заявляли многіе либеральные депутаты, кратковременная отсрочка дебатовъ и невозможна, такъ какъ испанскія владѣнія не ограничиваются частью Пиренейскаго полуострова; Испаніи принадлежатъ Филиппинскіе острова, громадныя земли въ Америкѣ, и жители этихъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей, на которыя распространяются также постановленія кортесовъ, имѣютъ такое же право высказываться по поводу отмѣны или сохраненія Инквизиціи, какъ и жители Кадикса и другихъ городовъ Пиренейскаго полуострова. Если же допустить такое положеніе — а логически необходимо его допустить,—то предлагаемая отсрочка превратится фактически въ сохраненіе Инквизиціи въ теченіе неопредѣленнаго, но во всякомъ случаѣ очень продолжительнаго, времени. Естественно, что либералы настаивали поэтому на немедленномъ обсужденіи доклада и резолюціи конституціонной комиссіи.

Раболѣпствующимъ ничего другого не оставалось, какъ приступить къ обсужденію доклада конституціонной комиссіи. Но и теперь, воспользовавшись историческимъ характеромъ доклада, они повели обструкціонную тактику, выражавшуюся, помимо безконечно длинныхъ рѣчей, не касавшихся конкретнаго вопроса о соотвѣтствіи Инквизиціи конституціи, между прочимъ въ томъ, что предварительно требовался отъ кортесовъ отвѣтъ на вопросъ: имѣютъ ли они право вмѣшиваться въ духовную юрисдикцію, въ сферу чисто церковныхъ дѣлъ? Вопросъ былъ поставленъ не безъ коварства и вызвалъ со стороны либераловъ большое напряженіе энергіи, направленной въ сторону чисто теоретическихъ во-

просовъ и страшно тормазившей ходъ преній по существу. Допуская даже возможность несоотвѣтствія Инквизиціи принятой недавно конституціи, консервативные депутаты отрицали, однако, за кортесами право измѣнять «національное учрежденіе, вызванное къ жизни двумя сторонами, королемъ и св. отцомъ», доказывая, что для этого необходимо согласіе и Римской Куріи. Чтобы выиграть время и еще болѣе запутать пренія, они стали выдвигать совершенно не относившіеся къ дѣлу вопросы о томъ, можетъ ли одна сторона нарушать заключенный двумя сторонами договоръ. Либералы вскорѣ, однако, убѣдились въ безплодности подобныхъ преній, и 16 января 1813 г. большинствомъ 100 противъ 49 постановлено было перейти къ кардинальному вопросу, гласившему: совмѣстимо ли существованіе Инквизиціи съ конституціей?

Пренія носили страстный характеръ. Съ обѣихъ сторонъ выступали выдающіеся ораторы. «Причиненный Инквизиціей, — говорилъ либеральный депутатъ духовнаго званія Руисъ Падронъ, — Государству и Церкви вредъ не поддается опредѣленію. Инквизиція не улучшила народныхъ обычаевъ, не заботилась о просвѣщеніи народа, не распространяла среди него истинныхъ началъ религіи; наоборотъ, она стремилась лишь къ ухудшенію его положенія, къ умственному и нравственному его порабощенію. Она преслѣдовала печать, сѣяла предразсудки, распространяла тьму и ложь; вотъ почему философія, разумъ, справедливость и народное право, объединенныя мучительно длиннымъ періодомъ ужасныхъ преслѣдованій, обращаются къ трону законовъ съ мольбой принять ихъ подъ свою высокую руку. Съ другой стороны, кровь многочисленныхъ невинныхъ людей, сдѣлавшихся жертвами клеветы, вѣроломства, фанатизма и корысти, вопитъ о мести, какъ нѣкогда ея требовала кровь Авеля. Изъ глубины гробовъ невинныхъ поднимается величественный и властный голосъ, требуя отъ васъ справедливости и протестуя противъ трибунала, несовмѣстимаго съ правами человѣка. И если Инквизиція по существу своему является кровавымъ учрежденіемъ, то я осмѣлюсь сказать, что и матерь Церковь требуетъ ея полнаго и окончательнаго уничтоженія. Вѣдь если Давиду, дѣйствовавшему въ согласіи съ повелѣніями Бога, не было дано построить храмъ Іерусалима, потому что этотъ царь защищалъ народъ Божій съ мечемъ въ рукахъ, то какъ можетъ въ лонѣ Церкви существовать Инквизиція, посылающая людей на костеръ?» Руководителями партіи раболѣпствующихъ были Ингуансо и инквизиторъ Ріеско; оба они выступали почти ежедневно и шагъ за шагомъ боролись съ каждымъ предложеніемъ либераловъ. Ріеско произнесъ диѳирамбъ Инквизиціи, продолжавшійся почти два засѣданія. Изъ другихъ консервативныхъ депутатовъ, говорившихъ по этому основному пункту, болѣе всего отличались Боруль и Алкайна. 22 января, по требованію Лухана, предсѣдатель кортесовъ поставилъ на голосованіе предложеніе о прекращеніи дальнѣйшихъ дебатовъ въ виду того, что собраніе выяснило уже сущность вопроса; въ тотъ же день, по предложенію того же Лухана, было произведено поименное голосованіе, и кортесы 90 голосами противъ 60 высказались за несовмѣстимость Инквизиціи съ конституціей 1812 года.

Принятіе перваго положенія въ духѣ, благопріятномъ либераламъ, не обезоружило раболѣпствующихъ, которые съ удивительной энергіей боролись противъ каждой статьи резолюціи конституціонной комиссіи, затягивая пренія, возбуждая въ странѣ народныя страсти и готовясь къ рѣшительнымъ мѣрамъ на случай одобренія собраніемъ статей резолюціи. Съ 23 января по 5 февраля постепенно обсуждались и принимались съ незначительными измѣненіями предложенныя конституціонной комиссіей статьи резолюціи, которая въ окончательномъ видѣ сопровождалась особымъ манифестомъ, въ которомъ излагались мотивы декрета. «Ужасъ Инквизиціи, говорилось въ манифестѣ, заключается не въ ея темныхъ и сырыхъ тюрьмахъ и не въ ея страшныхъ кострахъ. Къ этимъ средствамъ нѣкогда прибѣгали во многихъ государствахъ, и Англія, Германія и Франція также жгли и преслѣдовали еретиковъ. Ужасъ Испанской Инквизиціи въ томъ,

что она составляетъ единое, прекрасно организованное, хорошо дисциплинированное, всемогущее и ничему неповинующееся учрежденіе, дѣйствующее путемъ отлученія отъ Церкви и пытокъ тамъ, гдѣ оно это находитъ необходимымъ. Ужасъ Инквизиціи въ томъ, что она своими неизмѣнными принципами заглушаетъ всякую мысль, всякое движеніе впередъ, подавляетъ свободную фантазію человѣка, убиваетъ всякое проявленіе творчества, порабощаетъ общество и низводитъ человѣка на степень животнаго. Она—вѣчно неизмѣнная — вступила въ страшное единоборство съ всегда мятущимся, ищущимъ все новаго и новаго и никогда не удовлетворяющимся человѣческимъ духомъ».

Какъ декретъ, такъ и манифестъ должны были три воскресенія подрядъ читаться въ церквахъ и муниципалитетахъ для того, чтобы народъ усвоилъ тѣ начала, коими кортесы руководились въ своей политикѣ по отношенію къ Инквизиціи. Кромѣ того, изъ всѣхъ церквей должны были быть удалены санбенито осужденныхъ еретиковъ, а также всякаго рода изображенія, связанныя съ дѣятельностью Инквизиціи. Удаленіе санбенито манифестъ объяснялъ необходимостью положить конецъ причиняемымъ потомству еретиковъ оскорбленіямъ и правовымъ ограниченіямъ, такъ какъ подобныя наказанія являются нарушеніемъ конституціи, провозгласившей, что никакое наказаніе не переносится на родныхъ того, кто почему-либо разъ подвергся наказанію. Изготовленіе манифеста отняло у кортесовъ свыше двухъ недѣль, и лишь 22 февраля онъ былъ опубликованъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ декретомъ объ учрежденіи трибуналовъ, защищающихъ религію. Манифестъ былъ составленъ въ глубоко религіозномъ, но рѣзко анти-инквизиціонномъ духѣ.

Либералы праздновали побѣду. Инквизиція была отмѣнена, и спеціальные трибуналы, защищавшіе религію, были введены для доказательства преданности кортесовъ интересамъ католицизма; о томъ же свидѣтельствовала и 12-я статья конституціи, провозгласившая, по словамъ манифеста 22 февраля 1813 г., что отнынѣ лишь тотъ имѣетъ право называть себя испанцемъ, кто исповѣдуетъ римскую, апостолическую и католическую вѣру. Однако, всѣ эти торжественныя проявленія католическихъ чувствъ депутатовъ мало помогли кортесамъ, противъ которыхъ Инквизиція повела ожесточенную кампанію, опираясь, главнымъ образомъ, на духовенство, ставшее въ рѣзкую оппозицію къ кортесамъ. Дѣло въ томъ, что послѣдніе приняли рядъ мѣръ, затронувшихъ матеріальные интересы духовенства и вызвавшихъ естественно его недовольство. Духовенство было всегда очень сильно въ Испаніи. Въ 1788 г. оно насчитывало въ своихъ рядахъ 199.512 человѣкъ, имѣло свыше двухъ тысячъ мужскихъ монастырей и 1075 женскихъ. По вычисленіямъ министра финансовъ Кабаруса, сдѣланнымъ на основаніи кадастра и другихъ точныхъ данныхъ, принадлежавшая духовенству въ 1809 г. земля представляла стоимость, равную 3125 мил. пезетъ, составляя четвертую часть стоимости всей испанской земли, оцѣниваемой министромъ въ 11.500 милл. Ежегодная рента съ земли давала духовенству 125 мил.; къ этой суммѣ слѣдуетъ прибавить доходъ съ домовъ, скота, жалованіе, опредѣляемые министромъ въ 25 мил., что составляло въ общемъ ежегодную ренту въ 150 мил. Этимъ, однако, далеко не исчерпались источники доходовъ духовенства. Дима давала въ 1817 г. 700 мил. реалей; мессы — 43.800 тыс. реалей; проповѣди — 8.200 тыс.; благочестивые сборы — 34 мил., другія поступленія—32 мил. Въ общемъ ежегодный доходъ духовенства равнялся (въ круглыхъ цифрахъ) 260 мил. пезетъ [1]).

При тяжеломъ, критическомъ положеніи испанскихъ финансовъ во время войны за освобожденіе отъ наполеоновскаго ига кортесы считали справедливымъ привлечь и духовенство, обладавшее указанными выше богатствами, къ несенію государственныхъ тягостей.

---

[1]) Méndez Bejarano, «Historia politica de los afrancesados» въ «Revista de Archivos etc.», 1911, XXIV, 503 и слѣд.

17 іюня 1812 г. парламентъ принялъ декретъ, направленный противъ монастырей. Хотя декретъ былъ крайне неясно проредактированъ, однако, по мнѣнію кортесовъ, его слѣдовало толковать въ томъ смыслѣ, что уничтоженные Наполеономъ и Іосифомъ Бонапартомъ монастыри не подлежатъ болѣе возстановленію, и ихъ имущество поступаетъ въ пользу государства. Едва регентство стало проводить въ жизнь этотъ декретъ, какъ раздались протесты со стороны заинтересованныхъ лицъ, встрѣтившихъ поддержку въ лицѣ Вильямиля, одного изъ членовъ регентства. Благодаря ему въ законъ фактически была внесена поправка о томъ, чтобы конфискація монастырскаго имущества совершалась въ интересахъ государства и чернаго духовенства. Этимъ нарушалась цѣль закона, и кортесы вынуждены были снова заняться вопросомъ о монастыряхъ; регентство, между тѣмъ, давало черному духовенству возможность снова завладѣть тѣми монастырями, изъ которыхъ оно было изгнано французами. Тѣмъ не менѣе, въ 1812 г. продали въ пользу казны часть принадлежавшихъ черному духовенству земель на сумму въ 51.200 тыс. пезетъ. Неопредѣленное положеніе монастырскаго вопроса побудило кортесы 18 февраля 1813 г. издать законъ, въ силу котораго не подлежали возстановленію монастыри, либо насчитывающіе менѣе 12 членовъ, либо разрушенные до тла оккупаціонной арміей Наполеона; кромѣ того, въ одномъ округѣ не должно было быть болѣе одного монастыря, а устройство новыхъ монастырей совершенно запрещалось. Наконецъ, кортесы распорядились конфисковать часть димы, которая должна была быть употреблена на веденіе войны съ французами. Желая облегчить бремя налоговъ, падавшихъ преимущественно на земледѣльцевъ, кортесы отмѣнили спеціальную подать—voto de Santiago,—платившуюся земледѣльцами нѣкоторыхъ мѣстностей въ пользу духовенства. Всѣ эти законодательныя мѣры раздражали духовенство, не рѣшавшееся, однако, изъ-за чисто матеріальныхъ мотивовъ открыто поднять въ народѣ движеніе противъ кортесовъ. Теперь, послѣ ряда парламентскихъ рѣчей, обнаруживших «безбожный» образъ мыслей либеральныхъ депутатовъ, духовенство съ бóльшимъ нравственнымъ правомъ могло критиковать, звать къ сопротивленію и нападать на кортесы, возбудившіе противъ себя и ненависть со стороны Инквизиціи. Такъ на почвѣ борьбы съ кортесами Инквизиція и духовенство заключили тѣсный союзъ и совмѣстно, дружно стали выступать не только противъ затронувшихъ матеріальные интересы духовенства постановленій или противъ закона объ отмѣнѣ Инквизиціи, но и противъ всей конституціи, выработанной лишенными будто бы религіозныхъ чувствъ людьми и проникнутой яко-бы антикатолическими тенденціями.

Сопротивленіе духовенства законамъ кортесовъ подготовлялось въ тиши и раньше, и еще въ 1812 г. епископы Лериды, Барселоны, Памплоны, Теруэля, Тортосы и Ургеля, бѣжавъ на островъ Майорку, изготовили манифестъ, который въ рѣзкой формѣ нападалъ на большинство кортесовъ, задавшееся будто бы цѣлью преслѣдовать представителей католическаго духовенства и организовать въ Испаніи Церковь согласно идеалу янсенистовъ [1]). Манифестъ этихъ шести епископовъ получилъ широкое распространеніе, и народъ свято вѣрилъ, что кортесы готовятъ противъ Церкви что-то весьма противное религіи. Дебаты объ отмѣнѣ Инквизиціи, принимавшіе по временамъ крайне враждебный инквизиціоннымъ трибуналамъ характеръ, какъ бы подтверждали правильность мнѣнія тѣхъ, которые называли большинство кортесовъ злѣйшими врагами католицизма.

Едва произошло 5 февраля 1813 г. голосованіе кортесовъ въ духѣ доклада конституціонной комиссіи съ принятіемъ предложенія Терана объ опубликованіи, одновременно съ декретомъ объ отмѣнѣ Инквизиціи, особаго торжественнаго манифеста, какъ капитулъ Кадикса, лишеннаго въ тотъ моментъ епископа, сталъ готовиться дать отпоръ либеральному

[1]) Манифестъ назывался «Instruccion pastoral... al clero y pueblo de sus diócesis» и былъ напечатанъ въ Пальмѣ на Майоркѣ.

рѣшенію кортесовъ. Капитулъ избралъ комитетъ изъ трехъ лицъ, которымъ поручилъ вступить въ тайные переговоры съ шестью епископами, выпустившими на Майоркѣ антиконституціонный манифестъ, и подготовить сообща—а если возможно, то въ сотрудничествѣ съ другими представителями испанскаго духовенства—демонстрацію противъ кортесовъ, способную повліять на ихъ дальнѣйшую дѣятельность и поднять противъ нихъ народныя массы. Инціатива Кадикса встрѣтила полное сочувствіе шести епископовъ, благодаря которымъ вѣсть о ней дошла до нѣкоторыхъ капитуловъ, считавшихся способными оказывать сопротивленіе декрету объ отмѣнѣ Инквизиціи. Первымъ на предложеніе Кадикса откликнулся севильскій капитулъ, обѣщавшій, что онъ будетъ дѣйствовать по примѣру кадикскаго капитула и откажется читать въ церкви манифестъ и декретъ кортесовъ. Помимо Севильи, никто не примкнулъ всецѣло къ предложенію Кадикса, а капитулы Малаги, Хаэна и Кордовы указали иниціаторамъ борьбы съ кортесами на тѣ опасности, которыми угрожаетъ Церкви путь насилія. Тѣмъ не менѣе, кадикскій капитулъ продолжалъ разъ начатую борьбу, и 23 февраля, на слѣдующій день послѣ принятія кортесами манифеста, состоялось въ Кадиксѣ большое собраніе представителей мѣстнаго духовенства, которые заявили капитулу, что они не могутъ взять на себя столь тяжкій грѣхъ, какъ чтеніе въ церкви декрета и манифеста правительства. Папа создалъ Инквизицію, и пока онъ ея не отмѣнитъ, она должна считаться существующей, несмотря ни на какія постановленія свѣтской власти. Духовенство Кадикса готово на всякія преслѣдованія, лишь бы не нарушать воли Римской Куріи: для него нѣтъ такого закона, который могъ бы его заставить идти противъ намѣстника св. Петра. Это заявленіе духовенства было передано кадикскимъ капитуломъ нѣкоторымъ прелатамъ съ прибавленіемъ, что оно вполнѣ отражаетъ волю и убѣжденія самого капитула. Епископы, однако, не рѣшались взять на себя отвѣтственность за столь энергичную политику и отвѣтили капитулу, что лучше всего передавать всякія пожеланія и требованія тому правительству, которое провело вызвавшій недовольство духовенства законъ: быть можетъ, правительство во вниманіе къ народной волѣ отмѣнитъ его.

Между тѣмъ, приближалось время—7 марта—публичнаго чтенія декрета и манифеста. За нѣсколько дней до этого духовенство собралось на спеціальное собраніе, на которомъ было постановлено, подчиняясь закону государства, извѣстить правительство о рѣшеніи отсрочить приведеніе въ исполненіе этого закона до тѣхъ поръ, пока не будетъ принято опредѣленное по этому поводу рѣшеніе. Непосредственно послѣ этого папскій нунцій, архіепископъ Педро Гравина, отправилъ на имя регентства рѣзкій протестъ, въ которомъ заявилъ, что отмѣна Инквизиціи свѣтской властью противорѣчитъ примату св. Престола [1]), а потому регентство должно побудить кортесы отсрочить опубликованіе и приведеніе въ исполненіе этого декрета, пока папа или Національный соборъ добровольно не выскажутся за желательность отмѣны Инквизиціи. Въ то же время Педро Гравина конфиденціальнымъ образомъ писалъ епископу Хаэна и капитуламъ Гранады и Малаги о необходимости примкнуть къ кадикскому капитулу, дѣйствовать съ нимъ заодно и всячески бороться противъ нечестивыхъ законовъ, издаваемыхъ кортесами. 6 марта капитулъ Кадикса отправилъ на имя регентства принятое мѣстнымъ духовенствомъ постановленіе съ заявленіемъ, въ которомъ онъ не только подробно излагалъ мотивы, побуждающіе капитулъ временно воздержаться отъ проведенія въ жизнь закона 5 и 22-го февраля, но и энергично настаивалъ на необходимости свѣтской власти защищать Церковь и освободить капитулъ отъ такихъ поступковъ, которые противорѣчатъ чести и святости духовенства. Въ заключеніе капитулъ говорилъ, что его ни въ какомъ случаѣ нельзя обвинить въ непо-

[1]) «ofendia à los derechos y primacía del Romano Pontífice, que la habia establecido como necesaria y muy útil al bien de la Iglesia y de los fieles».

виновеніи, такъ какъ онъ отстаиваетъ необходимость точнаго исполненія духовныхъ законовъ, болѣе обязательныхъ, чѣмъ свѣтскіе законы. Повидимому, всѣ эти протесты совершались не безъ предварительнаго согласія регентства, мало сочувствовавшаго дѣятельности кортесовъ и находившагося на сторонѣ защитниковъ Инквизиціи [1]).

Еще до рѣшительныхъ дѣйствій духовенства кортесы подозрѣвали регентовъ въ тайныхъ замыслахъ противъ конституціи, и между исполнительной и законодательной властью не только не существовало единства, но замѣчалось явное разногласіе. Когда кортесы подняли вопросъ о сокращеніи монастырей, регентство всячески противилось проведенію въ жизнь репрессивныхъ по отношенію къ монастырямъ мѣръ, и парламентъ поручилъ изслѣдовать поведеніе регентства въ нѣкоторыхъ вопросахъ особой комиссіи, давшей въ общемъ отрицательный отзывъ о регентахъ. Парламентъ съ тѣхъ поръ подозрительно относился къ каждому шагу исполнительной власти, и когда 6 марта, въ моментъ высшаго напряженія кризиса, когда на слѣдующій день должно было начаться чтеніе манифеста и декрета объ отмѣнѣ Инквизиціи, стало извѣстно, что губернаторъ Кадикса, либерально настроенный Кайетано Вальдесъ, замѣненъ ставленникомъ регентства Алосомъ, губернаторомъ Сеуты, таинственно прибывшимъ въ Кадиксъ и ведшимъ переговоры съ регентами, то кортесы рѣшили, что правительство сообща съ духовенствомъ подготовляетъ государственный переворотъ. Чувствуя себя захваченными врасплохъ, кортесы не настаивали, чтобы 7 марта въ церкви читались декретъ и манифестъ 22-го февраля, и день прошелъ спокойно, при явномъ, однако, нарушеніи столь торжественно объявленной воли кортесовъ. 8 марта министръ юстиціи отправилъ кортесамъ представленное регентству за нѣсколько дней до этого заявленіе капитула Кадикса о невозможности для духовенства подчиняться идущему въ разрѣзъ съ требованіями св. Престола декрету. Посылка этого документа въ кортесы означала, что къ нему присоединяется и регентство, и парламентъ истолковалъ этотъ актъ какъ начало государственнаго переворота [2]). Немедленно было объявлено, что кортесы будутъ засѣдать перманентно, и что старое регентство должно быть тотчасъ устранено и замѣнено новымъ. Инціаторомъ этого предложенія былъ депутатъ Теранъ, который возмущался, что духовенство считаетъ профанаціей Церкви чтеніе въ ней декрета объ отмѣнѣ Инквизиціи. «Когда позорный портретъ Годоя, приведшаго страну къ гибели, висѣлъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ Церкви, духовенство не видѣло въ этомъ никакой профанаціи и не думало протестовать противъ распоряженія правительства о помѣщеніи его тамъ,—теперь оно вдругъ стало настолько щепетильнымъ, что возмущается нашимъ декретомъ!» Въ составъ новаго регентства вошли толедскій архіепископъ Луисъ де Бурбонъ, Педро Агаръ и Габріель Сискаръ. Новые регенты присягнули конституціи, а старые, не оказавъ никакого сопротивленія, подали въ отставку. Отнынѣ были возстановлены нормальныя отношенія между законодательной и исполнительной властью.

Регентство обѣщало провести въ жизнь декретъ объ отмѣнѣ Инквизиціи и потребовало, чтобы на слѣдующій онъ читался вмѣстѣ съ манифестомъ во всѣхъ церквахъ Кадикса; кромѣ того, то же должно было имѣть мѣсто въ теченіе двухъ подрядъ воскресеній. Убѣдившись, что исполнительная власть на сторонѣ кортесовъ, духовенство отказалось отъ мысли о сопротивленіи и согласилось въ точности исполнить волю свѣтской власти. Но регентство не удовлетворилось этимъ запоздалымъ повиновеніемъ и подвергло тщательному изслѣдованію прошлое поведеніе капитула. Слѣдствіе установило виновность многихъ лицъ: былъ сдѣланъ строгій выговоръ севильскому капитулу, а 24-го апрѣля было возбуждено преслѣдованіе противъ кадикскаго викарія и трехъ членовъ избраннаго капитуломъ комитета. Всѣ они были обвинены въ участіи въ измѣнническомъ заговорѣ, были посажены

[1]) Lea, «History», IV. 416; Toreno, «Historia del levantamiento, guerra y revolucion de España», IV, 187 и слѣд.

[2]) Во главѣ антипарламентской дѣятельности регентства находился Вильямиль.

на 6 недѣль въ тюрьму, а имущество ихъ было конфисковано. Слѣдствіе скомпрометировало также папскаго нунція, архіепископа Гравину, котораго правительство не рѣшалось, однако, преслѣдовать, и 22 апрѣля министръ юстиціи написалъ ему энергичное письмо, выражая отъ имени регентства увѣренность, что отнынѣ нунцій не будетъ принимать участія въ направленныхъ противъ законовъ страны тайныхъ козняхъ; если же нунцій, писалъ министръ, попрежнему будетъ возбуждать народныя страсти и организовывать сопротивленіе властямъ, то правительство вынуждено будетъ принять противъ него самыя энергичныя мѣры. На эти угрозы Гравина отвѣтилъ въ вызывающемъ тонѣ, свидѣтельствовавшемъ о нежеланіи Куріи подчиняться свѣтской власти. Гравина писалъ, что въ случаѣ рѣшенія кортесами какихъ-либо религіозныхъ вопросовъ, затрагивающихъ интересы Римской Куріи, онъ постоянно будетъ руководиться тѣми принципами, которымъ онъ слѣдовалъ до сихъ поръ, не считаясь съ тѣмъ, какъ къ этому относится регентство. Министръ юстиціи не остался въ долгу и на дерзость отвѣтилъ дерзостью: послѣдовалъ обмѣнъ рѣзкихъ писемъ, приведшихъ къ тому, что нунцію были возвращены 7-го іюля его довѣрительныя граматы, и ему было предложено отправиться на приготовленномъ для него суднѣ куда-либо за предѣлы Испаніи; имущество же его было конфисковано. Гравина отказался сѣсть на судно и выбралъ мѣстомъ жительства Тавиру, небольшой городокъ на испано-португальской границѣ. Отсюда онъ продолжалъ нападать на конституцію и на кортесы.

Репрессивныя мѣры правительства вызывали естественный протестъ со стороны духовенства, отдѣльные члены котораго изъ чувства солидарности съ нунціемъ отказывались читать въ церкви декретъ и манифестъ кортесовъ. Энергія правительства, арестовавшаго непокорныхъ представителей духовенства, между прочимъ епископа Овіедо, преодолѣла поставленныя ему на пути препятствія, но побѣда эта далась либераламъ дорогой цѣною: кортесы и регентство отнынѣ стали олицетвореніемъ насилія по отношенію къ представителямъ духовенства, которое, въ свою очередь, сдѣлалось въ глазахъ народа мученикомъ за вѣру, жертвой антирелигіознаго фанатизма либераловъ.

Въ этой обстановкѣ всеобщаго возбужденія состоялись выборы членовъ обыкновенныхъ кортесовъ, которые 26 сентября 1813 г. должны были занять мѣсто «безсмертныхъ чрезвычайныхъ кортесовъ», срокъ полномочій которыхъ уже истекъ [1]). Результаты выборовъ, прошедшихъ подъ вліяніемъ духовенства, были для либераловъ гораздо менѣе благопріятны, нежели выборы 1810 года, и если сторонники конституціи 1812 г. и въ новыхъ кортесахъ были въ большинствѣ, то это объясняется тѣмъ, что отъ многихъ мѣстъ депутаты не прибыли въ Кадиксъ либо потому, что тамъ не успѣли произвести выборовъ, либо потому, что депутаты не соглашались отправиться въ охваченную эпидеміей мѣстность, либо, наконецъ, изъ желанія протестовать противъ кортесовъ и мѣста ихъ засѣданій. Представителями этихъ округовъ считались бывшіе депутаты чрезвычайныхъ кортесовъ, причемъ и въ 1810 г. собственно не было выборовъ, такъ какъ кандидаты избирались изъ проживавшихъ въ Кадиксѣ коренныхъ жителей округовъ, не приславшихъ депутатовъ въ чрезвычайные кортесы. По мѣрѣ возможности кандидаты постепенно замѣнялись депутатами, что отразилось печально на либералахъ, все болѣе и болѣе численно уступавшихъ раболѣпствующимъ. Одновременно съ появленіемъ новыхъ депутатовъ отъ мѣстностей, освобожденныхъ отъ оккупаціонной французской арміи, выдвигалось требованіе и о перенесеніи кортесовъ изъ Кадикса на сѣверъ; вскорѣ стали указывать на Мадридъ, какъ на естественную резиденцію представителей сувереннаго народа. Либералы неохотно

[1]) Послѣдніе дни кортесовъ были омрачены вслѣдствіе эпидеміи, принявшей въ Кадиксѣ грозные размѣры. Умерло, между прочимъ, 20 депутатовъ; среди нихъ былъ Мехіа, видный дѣятель либеральной партіи. Toreno, op. cit., IV, 329.

разставались съ Кадиксомъ, центромъ просвѣщенія и либерализма, и не безъ основанія боялись старой Кастиліи, оплота консерватизма. Однако, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и сознавая правильность требованія о перенесеніи засѣданій парламента въ столицу, кортесы постановили переселиться 15 января 1814 г. въ Мадридъ, куда еще 5 января переѣхало регентство. Въ это приблизительно время Испанія стала очищаться отъ французовъ, и недоставало лишь короля, находившагося въ плѣну въ Валансэ, чтобы свободная страна управлялась свободнымъ королемъ на основаніи свободной конституціи.

Пріѣздъ Фердинанда ожидался со дня на день. Дѣло въ томъ, что послѣ Лейпцигской битвы Наполеонъ хотѣлъ поскорѣе закончить непріятныя испанскія дѣла и 11 декабря 1813 г. заключилъ въ Валансэ съ Фердинандомъ договоръ, устанавливавшій мирныя отношенія между Франціей и Испаніей [1]). Въ силу этого договора французскія и англійскія войска должны были очистить испанскую территорію, и сторонники короля Іосифа и Франціи, извѣстные подъ именемъ afrancesados и скрывавшіеся во Франціи отъ преслѣдованія испанскаго правительства, могли вернуться на родину и имъ слѣдовало возвратить конфискованное у нихъ имущество, а также должности, которыя они раньше занимали. Кромѣ того, Фердинандъ обязался ежегодно выдавать своему отцу и матери 30 мил. реалей. Когда договоръ этотъ сталъ извѣстенъ въ Испаніи [2]), онъ вызвалъ всеобщій протестъ, и кортесы нашли, что онъ идетъ въ разрѣзъ съ парламентскимъ рѣшеніемъ отъ 1-го января 1811 года, въ силу котораго «не свободный» король не можетъ заключать никакихъ договоровъ съ иностранными государями, свободнымъ же онъ можетъ быть названъ лишь тогда, когда, находясь среди своихъ вѣрноподданныхъ, онъ въ кортесахъ приноситъ присягу вѣрности конституціи. Ссылаясь на этотъ законъ, кортесы рѣшили 2 февраля 1814 г. извѣстить Фердинанда, что они не могутъ признавать заключеннаго съ Наполеономъ въ Валансэ договора, и что повиновеніе королю обязательно для испанцевъ лишь съ того момента, когда король въ кортесахъ приноситъ присягу конституціи. Это постановленіе должно было быть вручено Фердинанду на границѣ вмѣстѣ съ текстомъ конституціи; королю былъ также указанъ путь для слѣдованія въ Мадридъ, при чемъ онъ тотчасъ по прибытіи въ столицу долженъ былъ отправиться въ кортесы и дать немедленную присягу. «Предсѣдатель регентства представитъ его величеству экземпляръ политической конституціи монархіи для того, чтобы его величество, изучивъ конституцію, могло дать требуемую ею присягу вполнѣ обдуманно, взвѣсивъ всесторонне всѣ обстоятельства». Кортесы какъ бы чувствовали неувѣренность въ конституціонныхъ намѣреніяхъ короля и выпустили особый манифестъ къ «испанской націи», въ которомъ излагали мотивы своего рѣшенія отъ 2 февраля [3]). Пограничнымъ генераламъ было приказано немедленно поставить въ извѣстность правительство о количествѣ войскъ, идущихъ съ Фердинандомъ въ Испанію, и о другихъ обстоятельствахъ, которыя, по ихъ мнѣнію, имѣютъ отношеніе къ столь серьезному дѣлу (que puedan averiguar concernientes à tan grave asunto). Вмѣстѣ съ королемъ не имѣла права вступить въ предѣлы Испаніи никакая вооруженная сила; ея попытка вторгнуться въ страну должна быть отбита

---

[1]) Договоръ этотъ, извѣстный подъ названіемъ Traite de Valençay, былъ подписанъ графомъ La Forest отъ имени Наполеона и герцогомъ San Carlos отъ имени Фердинанда.

[2]) Наполеонъ не придавалъ большого значенія подписи Фердинанда и требовалъ, чтобы онъ поставилъ регентство въ извѣстность о заключеніи договора въ Валансэ. Фердинандъ отправилъ герцога Санъ Карлоса въ Мадридъ въ цѣляхъ добиться отмѣны декрета 1 января 1811 г. и принятія договора 11 декабря 1813 г.—G. Hubbard, «Histoire contemporaine de l'Espagne», Пар., 1869, t. I, 251 и слѣд.

[3]) Текстъ декрета 2 февраля и манифеста помѣщенъ, между прочимъ, у Торено, «Historia del levantamiento, guerra y revolucion de España», Мадридъ, 1848, IV, 30—38 (документы). См. также Miraflores, «Apuntes historico-criticos para escribir la Revolucion de España de 1820 à 1823», Лондонъ, 1834, (документы, стр. 23 и слѣд.).

ФЕРДИНАНДЪ VII.

по законамъ военнаго времени. Если короля будутъ сопровождать одни лишь испанскія войска, то пограничные генералы, не нарушая инструкцій правительства, должны поступать по отношенію къ нимъ мягко, помня, какія страданія испанскіе офицеры перенесли въ плѣну, но не забывая также интересовъ государственной защиты и охраны границъ. Главнокомандующій пограничной арміей самъ представитъ въ распоряженіе короля необходимую военную свиту. Ни одинъ иностранецъ не долженъ быть въ свитѣ короля, даже въ качествѣ слуги. Точно также среди вступающихъ въ Испанію вмѣстѣ съ королемъ не должно быть ни одного испанца, получившаго отъ Наполеона или Іосифа какое-либо вознагражденіе или службу или оставившаго родину вмѣстѣ съ французами.

Чувства кортесовъ не обманули ихъ. Фердинандъ дѣйствительно ненавидѣлъ конституцію и мечталъ объ абсолютизмѣ. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ относился къ рѣчамъ раболѣпствующихъ, прислушиваясь къ ихъ реакціоннымъ совѣтамъ; либераловъ онъ, наоборотъ, принималъ очень холодно, и когда президентъ регентства, во главѣ депутаціи отъ правительства и кортесовъ, представился королю, послѣдній повернулся къ нему спиной и такъ далъ ему поцѣловать руку. Между тѣмъ, раболѣпствующіе устраивали повсюду королю шумныя манифестаціи, въ которыхъ одновременно съ радостью по поводу пріѣзда въ Испанію Фердинанда выражались пожеланія реакціоннаго характера: Фердинандъ долженъ былъ вырвать изъ исторіи Испаніи грязные годы, протекшіе со времени бунта въ Аранхуэсѣ до вступленія короля на территорію своего государства. Эти пожеланія, сначала выражавшіяся неопредѣленно, какъ бы отъ имени манифестирующаго народа, вскорѣ приняли вполнѣ конкретный характеръ, и когда Фердинандъ, нарушая указанія кортесовъ относительно пути, по которому онъ долженъ былъ идти въ Мадридъ, прибылъ въ Валенсію, то командовавшій мѣстными войсками генералъ Эліо, представляя ихъ Фердинанду, обратился къ нимъ съ вопросомъ: «клянетесь ли вы защищать полноту власти короля?» [1]). Войска отвѣтили утвердительно на этотъ вопросъ, явившійся прямымъ нарушеніемъ декрета кортесовъ, гласившаго, что король вступаетъ во власть только въ тотъ моментъ, когда онъ въ кортесахъ приноситъ присягу вѣрности конституціи. Поведеніе генерала Эліо послужило сигналомъ къ другимъ антиконституціоннымъ мѣрамъ. Отъ имени раболѣпствующихъ депутатъ кортесовъ, Бернардо Мосо Росалесъ, представилъ королю адресъ, въ которомъ описывались тѣ бѣдствія, которыя переживаетъ Испанія съ 1808 г. Отвѣтственными за нихъ являются, по мнѣнію раболѣпствующихъ, либералы, которые самымъ гнуснымъ образомъ измѣняютъ священнымъ правамъ короля и пламеннымъ желаніямъ націи; всѣ постановленія кортесовъ должны быть немедленно объявлены недѣйствительными и не имѣющими никакой силы, такъ какъ затаенной мыслью либераловъ было лишеніе короля его правъ, униженіе королевской власти и уничтоженіе всякаго порядка. Либеральные депутаты кортесовъ заимствовали свою конституцію у Наполеона и являются, такимъ образомъ, пособниками иностраннаго деспотизма. Испанію можетъ спасти отъ всѣхъ бѣдствій одна лишь абсолютная монархія, которая должна быть немедленно провозглашена. Въ основаніи прочнаго государства должна лежать религія, сохраненію которой всегда способствовала Инквизиція, введеніе которой особенно важно. Со времени вестготовъ закономъ испанской монархіи было строгое соблюденіе религіи и запрещеніе исповѣдывать другую, помимо католической, религію. Король не можетъ присягать конституціи, которая разрушаетъ всѣ основы христіанскаго государства; должны быть созваны новые кортесы по примѣру тѣхъ, которые нѣкогда созывались испанскими королями. Этотъ адресъ, собравшій 69 подписей различныхъ депутатовъ, получилъ названіе адреса **персовъ**, такъ какъ онъ начинался словами: «Era costumbre entre los antiguos persos»,—У древнихъ персовъ былъ обычай [2]).

[1]) «Juran ustedes sostener al Rey en la plenitud de sus derechos?».

[2]) Toreno, op. cit., IV, 450. Полное заглавіе адреса «персовъ» было таково: J (Jesus) M. (Maria) I. (Jose) Representacion y manifesto que algunos diputados ó las Cortes ordinarias fir-

Бѣдственное положеніе страны, вызванное тяжелой и продолжительной войной, не мало способствовало росту приверженцевъ Фердинанда: въ немъ видѣли спасителя отъ народнаго бѣдствія, человѣка, присланнаго Провидѣніемъ, чтобы положить конецъ тѣмъ страданіямъ, за которыя дѣлали отвѣтственнымъ кортесы только потому, что народъ постоянно привыкъ обвинять въ своемъ горѣ находящееся у кормила правленія правительство. Разъ кортесы составляли правительство, то они и виновны въ народныхъ несчастіяхъ, принявшихъ дѣйствительно огромные размѣры въ годы борьбы противъ Наполеона. Въ началѣ 1814 г. двухфунтовый хлѣбъ стоилъ въ Мадридѣ 8—9 реалей, а въ мартѣ даже 12—13; всѣ предметы первой необходимости поднялись въ 5—8 разъ выше обычной своей стоимости; улицы главнѣйшихъ городовъ были полны голодными и нищими, среди которыхъ немало было чиновниковъ, лицъ свободныхъ профессій и безработныхъ всѣхъ видовъ и состояній. На улицахъ дѣти и женщины въ изнеможеніи умирали голодной смертью, и въ Мадридѣ съ сентября 1811 г. до іюня 1812 г. умерло 20 тыс. человѣкъ, чрезвычайная смертность, превышавшая обыкновенную болѣе, чѣмъ вдвое. Между тѣмъ, налоги, въ виду военнаго времени, все болѣе и болѣе росли, и изъ народа высасывали послѣдніе его соки. При всемъ желаніи прійти на помощь народному бѣдствію кортесы ничего не могли сдѣлать, и голодъ сталъ свирѣпствовать съ конца 1811 года съ страшной силой, а народъ ждалъ чуда, не вѣря кортесамъ и ихъ конституціи. Сторонники Фердинанда ловко использовали въ своихъ интересахъ это настроеніе народа, и заговоръ противъ кортесовъ принималъ все болѣе и болѣе интенсивный характеръ, такъ что Фердинандъ могъ смѣло взяться за исполненіе своихъ намѣреній, тѣмъ болѣе, что въ Мадридъ были отправлены войска, во главѣ которыхъ находились заговорщики, готовые по первому сигналу дѣйствовать противъ приверженцевъ конституціи 1812 г. и кортесовъ, засѣдавшихъ, какъ мы уже упомянули, съ января мѣсяца въ Мадридѣ. Въ ночь на 10 мая, когда Фердинандъ находился уже у самаго Мадрида, генералъ Эгіа, принимавшій дѣятельное участіе въ тайныхъ совѣщаніяхъ короля и его приближенныхъ, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Новой Кастиліи и немедленно вступилъ въ переговоры съ предсѣдателемъ кортесовъ Антоніо Іоакиномъ Пересомъ, который склонялся болѣе на сторону короля, нежели того учрежденія, достоинство котораго онъ ex officio долженъ былъ охранять [1]). Переговоры закончились согласіемъ Переса разрѣшить солдатамъ занять зданіе кортесовъ, не впускать туда болѣе депутатовъ и конфисковать архивъ и всѣ прочіе документы, находившіеся въ вѣдѣніи предсѣдателя кортесовъ. Въ ту же ночь были арестованы два члена регентства, Педро Агаръ и Габріель Сискаръ, два министра, Хуанъ Альваресъ Герра и Мануэль Гарсіа Эрреросъ, и 34 депутата какъ чрезвычайныхъ кортесовъ, такъ и засѣдавшихъ послѣ нихъ обыкновенныхъ кортесовъ. Среди арестованныхъ находились виднѣйшіе дѣятели либеральной партіи, какъ Муньосъ Тореро, оба Аргуэльеса, Калатрава, Мартинесъ де ла Роса, Теранъ, Сорракинъ, Сеперо, Антоніо Ларасабалъ и т. д.; изъ другихъ лицъ были отвезены въ тюрьму извѣстный поэтъ Кинтана, братья графы Ноблехасъ, актеры Майкесъ и Гиль и нѣкоторые журналисты, издававшіе либеральныя газеты, игравшія значительную политическую

---

maron en los mayores apuros de su opresion en Madrid, para que la Magestad del Señor don Fernando VII, á la entrada en España de vuelta de su cautividad, se penetrase del estado de la nacion, del deseo de sus provincias, y del remedio que creian oportuno: todo fue presentado á S. M. en Valencia por uno de dichos diputados y se imprime en cumplimiento de real orden.— Madrid, imp. de Ibarra, 1814. Неудачное начало, давшее особое прозвище составителямъ этого адреса, гласило: «У древнихъ персовъ былъ обычай послѣ смерти короля оставлять страну въ полной анархіи въ теченіе цѣлыхъ пяти дней для того, чтобы убійства, кражи и другія преступленія, совершенныя въ эти дни, принудили персовъ быть еще болѣе вѣрными подданными новаго монарха. Чтобы быть вѣрной вашему величеству, Испанія совершенно не нуждалась въ теченіе шести лѣтъ вашего плѣненія въ подобномъ опытѣ».

[1]) Toreno, op. cit., IV, 457.

роль, между прочимъ, Бартоломе Гальярдо, изъ-за котораго возникли такія горячія пренія въ учредительныхъ кортесахъ. Аресты не ограничились однимъ лишь Мадридомъ, и въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней производились подобные же аресты въ провинціи, такъ что на свободѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ бѣжавшихъ за границу, не осталось ни одного виднаго дѣятеля либеральной партіи [1]).

Утромъ 11 мая на улицахъ Мадрида начался рядъ враждебныхъ кортесамъ манифестацій: конституція подвергалась грубому издѣвательству, по адресу либеральныхъ депутатовъ раздавались угрозы смерти, толпа бросалась въ тюрьмы, чтобы отомстить дѣятелямъ революціи, и воздухъ оглашался кликами въ честь короля и абсолютизма. Въ то же время на улицахъ стали расклеивать манифестъ, подписанный королемъ еще 4 мая въ Валенсіи и контрасигнованный Педро Маканасомъ [2]). Въ манифестѣ заключались рѣзкіе отзывы о кортесахъ, начавшихъ свою дѣятельность «покушеніемъ на прерогативы принца, злоупотреблявшихъ именемъ націи и принявшихъ основные законы противъ воли многихъ депутатовъ, иногда противъ воли даже большинства». Конституціи, выработанной при подобныхъ обстоятельствахъ, король не можетъ присягать, онъ будетъ управлять народомъ не какъ деспотъ и тиранъ, а какъ король и отецъ своихъ подданныхъ (no un déspota, ni un tirano, sino un Rey y un patre de sus vasallos), но пока онъ объявляетъ конституцію и всѣ декреты кортесовъ потерявшими силу и значеніе, какъ будто бы они никогда не были провозглашены и приняты; никто никогда и ни при какихъ условіяхъ не долженъ имъ повиноваться и исполнять ихъ, а если кто-либо станетъ нарушать эту королевскую декларацію и будетъ подчиняться конституціи и декретамъ кортесовъ либо путемъ печати и устнаго слова будетъ побуждать другихъ подчиняться имъ, то онъ будетъ объявленъ виновнымъ въ оскорбленіи величества и подлежитъ смертной казни. Король презираетъ и ненавидитъ деспотизмъ, его не переносятъ также ни свѣтъ, ни культура европейскихъ народовъ; въ Испаніи никогда не было деспотическихъ королей; ея добрые законы и конституціи никогда не допускали существованія въ ней деспотизма. Король обѣщаетъ, какъ можно скорѣе, созвать кортесы на добрыхъ старыхъ началахъ и при содѣйствіи кортесовъ приметъ всѣ тѣ мѣры, которыя необходимы для благополучія, прочности и счастія испанскаго государства [3]).

Обѣщанія короля остались невыполненными, и въ Испаніи 11 мая восторжествовалъ абсолютизмъ въ самой неприглядной формѣ [4]). Арестованные въ день государственнаго пере-

---

[1]) Среди бѣжавшихъ былъ, между прочимъ, графъ Торено, авторъ «Historia del levantamiento etc.». Списокъ подлежащихъ аресту въ ночь на 11 мая, переданный по распоряженію короля Педро Маканасомъ генералъ-губернатору Новой Костиліи, ген. Эгіи, приведенъ полностью Hubbard, «Histoire contemporaine de l'Espagne», I, 411—412 (документы). Особенно свирѣпствовалъ бѣлый терроръ въ Кадиксѣ, гдѣ вновь назначенный губернаторъ прежде всего распорядился устроить на главной площади висѣлицу.

[2]) Манифестъ этотъ обычно называется манифестомъ 4 мая, а не 10 или 11 мая.

[3]) Декретъ приведенъ въ «Historia de España» (edicion economica, XIII, 529—534) Лафуэнте и въ «Apuntes historico-criticos para escribir la Revolucion de España» Мирафлореса.

[4]) Предполагавшіяся казни многихъ дѣятелей революціи удалось устранить благодаря вмѣшательству Уэллингтона, потребовавшаго отъ Фердинанда отъ имени Англіи, чтобы никто не былъ казненъ за службу королю Іосифу или кортесамъ. Когда президентъ революціоннаго клуба въ Кадиксѣ Флоренцо Эстрада и посѣщавшій ежедневно засѣданія кадикскихъ кортесовъ Родригесъ были приговорены къ смерти, Уэллингтонъ энергично протестовалъ и спасъ имъ жизнь. Но, съ другой стороны, король 30 мая издалъ декретъ, въ силу котораго были изгнаны изъ Испаніи всѣ Josefinos, т.-е. занимавшіе при королѣ Іосифѣ какую-либо государственную или общественную должность; декретъ щадилъ лишь полицейскихъ, капраловъ, солдатъ и моряковъ, которые совершили преступленіе скорѣе потому, что были вовлечены другими, чѣмъ по собственной своей винѣ. Этой категоріи преступниковъ разрѣшалось проживать въ Испаніи, но они должны были предъ своимъ начальствомъ покаяться и дать обѣщаніе вѣрой и правдой служить новому монарху. Столь же реакціоннымъ характеромъ отличались первыя назначенія

ворота политическіе дѣятели томились въ тюрьмѣ въ количествѣ 52 человѣкъ болѣе полутора лѣтъ, а когда они предстали предъ судомъ, то трибуналъ не нашелъ въ ихъ дѣяніяхъ ничего преступнаго, если не считать ихъ голосованія и выступленія въ пользу конституціи 1812 г. Но такое обвиненіе могло быть предъявлено почти всѣмъ депутатамъ кортесовъ, даже многимъ изъ тѣхъ, которые нынѣ принимали ближайшее участіе въ дѣяніяхъ Фердинанда VII. Въ виду этого трибуналъ вынесъ оправдательный приговоръ всѣмъ заключеннымъ, но король собственной властью распорядился 17 декабря 1815 г. разослать всѣхъ оправданныхъ судомъ въ отдаленныя тюрьмы, на каторгу и въ монастыри; не менѣе сильно должны были пострадать депутаты кортесовъ духовнаго званія, такъ какъ въ ихъ поведеніи, помимо политическаго преступленія, заключалось и церковное [1]). Епископъ Муньосъ Тореро умеръ мученической смертью въ 1829 г. послѣ жестокой пытки. Іоакинъ Лоренсо Вильянуэва провелъ въ салседскомъ монастырѣ шесть лѣтъ. Руисъ Падронъ, не попавшій въ число арестованныхъ (онъ не былъ избранъ въ кортесы 1813 г. и не жилъ въ 1814 году въ Мадридѣ), былъ 2 ноября 1815 г. приговоренъ асторскимъ епископомъ къ вѣчному заключенію въ монастырѣ, при чемъ среди предъявленныхъ ему обвиненій фигурировало и произнесеніе имъ рѣчи противъ Инквизиціи въ чрезвычайныхъ кортесахъ. Во избѣжаніе апелляціи на этотъ приговоръ епископъ передалъ дѣло Руиса Падрона въ вальядолидскій инквизиціонный трибуналъ, и лишь черезъ четыре года Руису, дряхлому и больному старцу, удалось, наконецъ, получить свободу. Изъ другихъ представителей духовенства, пострадавшихъ за участіе въ кортесахъ, отмѣтимъ: Оливероса, Гальего, Рамоса, Ариспе, Лопеса Сеперо, Ларасабала и Барнабе.

Еще до вступленія Фердинанда въ Мадридъ Инквизиція считала, что возвращеніе короля изъ плѣна равносильно возстановленію ея прежней дѣятельности, и какъ только стало извѣстно, что задуманный государственный переворотъ не встрѣтитъ особенныхъ препятствій къ своему выполненію, Инквизиція стала устраивать народныя манифестаціи съ требованіемъ о возстановленіи инквизиціонныхъ трибуналовъ. Первой такой манифестаціей была севильская, когда бывшій служитель трибунала Хуанъ Гарсіа де Негра, сохранившій старое знамя Инквизиціи, водрузилъ его 7 мая 1814 г. на замкѣ Тріаны послѣ торжественной процессіи къ этому замку и богослуженія, совершеннаго во многихъ церквахъ, богато изукрашенныхъ по поводу начала дѣятельности Инквизиціи. Примѣръ севильскаго трибунала оказался заразительнымъ, и многіе другіе инквизиціонные трибуналы стали готовиться къ возобновленію своей дѣятельности, но тутъ-то выяснилось, что фактически это было невозможно, такъ какъ въ этотъ моментъ не существовало ни Супремы, ни Великаго инквизитора, которые могли бы организовать отдѣльные трибуналы и назначить недостающихъ служителей Инквизиціи. Валенсійскій капитулъ, а за нимъ отдѣльные епископы, бывшіе инквизиторы, монахи, городскіе и сельскіе совѣты обратились къ Фердинанду съ просьбой ввести снова Инквизицію, безъ которой религіи угрожаетъ тѣмъ большая опасность, что безбожные люди уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ господствуютъ въ несчастной странѣ [2]).

Фердинанда на высшіе государственные посты. Министромъ юстиціи былъ назначенъ П. Маканасъ, авторъ манифеста 4 мая; военнымъ министромъ—генералъ Эгіа; министромъ иностранныхъ дѣлъ Санъ Карлосъ; ближайшимъ совѣтникомъ короля сдѣлался кардиналъ Гравина, высланный въ 1813 г. изъ Испаніи. Reynald, «Histoire de l'Espagne», 1873, 94 и слѣд.; Hubbard, «Histoire contemporaine de l'Espagne», 1869 (декретъ 30 мая, I, докум. 413—41); Heinrich Brück, «Die geheimen Gesellschaften in Spanien», Майнцъ, 1881, стр. 41 и слѣд.; Diercks, «Geschichte Spaniens», 1896, 2 тома. Дирксъ неправильно утверждаетъ, что въ первые дни правленія Фердинанда «hunderte auf den Schafotten starben» (II, 543).

[1]) Англійское и французское правительства выразили Фердинанду недовольство по поводу его чрезмѣрно жестокой политики.

[2]) Lea, «Histsoy», IV, 424.

Хотя Фердинандъ безъ Римской Куріи, по смыслу закона, не могъ взять на себя такой отвѣтственности, тѣмъ не менѣе, онъ издалъ 21 іюля 1814 г. декретъ о возстановленіи Инквизиціи. «Изъ всѣхъ христіанскихъ королей, говорилъ декретъ о возстановленіи Инквизиціи, одни лишь испанскіе монархи носятъ славный титулъ «католическихъ королей», потому что они никогда не допускали въ своемъ государствѣ иной религіи, помимо католической, апостолической, римской; этотъ великій титулъ служитъ для меня особымъ стимуломъ, побуждавшимъ меня употребить всѣ средства, данныя мнѣ Господомъ Богомъ, чтобы заслуженно носить званіе католическаго короля. Недавніе безпорядки, шестилѣтняя война, истощившая всѣ мои провинціи, столь же продолжительное пребываніе въ нихъ иностранныхъ солдатъ, принадлежавшихъ къ различнымъ сектамъ и почти поголовно относившихся враждебно къ католической религіи, безпорядокъ, являющійся неизбѣжнымъ результатомъ подобныхъ несчастій, безучастное отношеніе къ религіи въ теченіе всего этого времени,—все это въ сильной степени способствовало разнузданности страстей, дало возможность сквернымъ людямъ жить такъ, какъ имъ хотѣлось, и вызвало появленіе въ Испаніи испорченныхъ и отвратительныхъ взглядовъ, которые распространены въ другихъ государствахъ. Желая избавить мою страну отъ этихъ ужасныхъ золъ и сохранить для нея въ чистотѣ святую религію Іисуса Христа, которую такъ любитъ мой народъ, и которая давала ему столь счастливую жизнь; желая также исполнить долгъ, который основные законы государства возлагаютъ на монарха и которому я поклялся служить вѣрно, и понимая, что сохраненіе религіи есть лучшее средство спасти народъ отъ междоусобныхъ неурядицъ и обезпечить ему миръ и спокойствіе, я рѣшилъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ крайне важно возстановить святой трибуналъ и дать ему возможность дѣйствовать въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ дѣйствовалъ ранѣе. Въ этомъ смыслѣ мною было получено много адресовъ отъ ученыхъ и добродѣтельныхъ прелатовъ, отъ корпорацій и частныхъ лицъ, занимающихъ высокое положеніе какъ въ духовномъ мірѣ, такъ и въ не духовномъ; всѣ они безъ исключенія заявляютъ, что Испанія обязана инквизиціонному трибуналу тѣмъ, что въ XVI вѣкѣ не была заражена тѣмъ зломъ, которое причинило столько несчастій другимъ европейскимъ государствамъ. Инквизиціи Испанія, по мнѣнію названныхъ лицъ, также обязана славной плеядой великихъ писателей и ученыхъ, тѣмъ блескомъ, которымъ озаренъ путь святости и добродѣтели. Всѣ согласны также съ тѣмъ, что главнѣйшимъ средствомъ, къ которому прибѣгъ притѣснитель Европы, чтобы сѣять сѣмена продажности, испорченности и безпорядка, было разрушеніе этого трибунала подъ лживымъ предлогомъ, будто прогрессъ и культура не совмѣстимы съ его дальнѣйшей дѣятельностью. Такъ называемые общіе и чрезвычайные кортесы руководились тѣми же мотивами, что и чужеземный притѣснитель, когда они отмѣнили этотъ трибуналъ, безпорядочно прибѣгнувъ къ голосованію конституціи къ крайнему огорченію народа. Вотъ почему меня усиленно и неустанно просятъ о скорѣйшемъ возстановленіи Инквизиціи...». Уступая волѣ и желанію народа, который изъ любви къ вѣрѣ своихъ отцовъ самъ возстановилъ нѣкоторые трибуналы, король рѣшилъ возстановить Супрему и желаетъ, чтобы она организовалась въ томъ видѣ, къ какомъ она существовала въ 1808 г. На очереди безусловно стоятъ различныя реформы, и для этого необходимо, чтобы Супрема, какъ только соберется, избрала изъ своей среды двухъ членовъ, которые вмѣстѣ съ двумя членами государственнаго совѣта составятъ хунту для разсмотрѣнія вопроса о томъ, каковы въ настоящее время методы и принципы цензурнаго отдѣла Инквизиціи; если хунта найдетъ, что въ этомъ отношеніи нужны какія-либо реформы, то пусть доложитъ объ этомъ королю.

Хунта эта дѣйствительно состоялась, но она, повидимому, не нашла необходимымъ ввести какія-либо реформы: по крайней мѣрѣ, имѣются указанія, что она функціонировала еще въ 1816 г., не представивъ никакихъ докладовъ королю. Еще до избранія этой

хунты Инквизиція организовалась въ своей старой формѣ. Въ августѣ 1814 г. епископъ Алмеріи, Міэръ-и-Кампильо, былъ назначенъ Великимъ инквизиторомъ, и въ то же время были заняты вакантныя мѣста въ Супремѣ, и она свободно могла начать функціонировать.

8 августа Супрема разослала всѣмъ трибуналамъ королевскій декретъ отъ 21 іюля съ извѣщеніемъ о томъ, что она въ тотъ же день вступила въ отправленіе своихъ обязанностей въ томъ самомъ объемѣ, въ какомъ она дѣйствовала до нашествія французовъ и образованія «такъ называемыхъ» кортесовъ. Подобно Супремѣ, и всѣ инквизиціонные трибуналы должны немедленно начать свою дѣятельность; одной изъ первыхъ ихъ задачъ должно быть сформированіе трибуналовъ. Списки съ именами служителей необходимо представить Супремѣ, при чемъ о каждомъ служителѣ слѣдуетъ дать подробныя свѣдѣнія для того, чтобы Супрема могла знать, какъ держались эти служители во время господства французовъ и кортесовъ; особенный интересъ для Супремы представляетъ вопросъ о томъ, выступали ли отдѣльныя лица, принадлежавшія къ трибуналамъ, съ политическими рѣчами въ духѣ либеральной партіи и не нападали ли они на прежнюю дѣятельность Инквизиціи. Скомпрометированные революціонными событіями служители трибуналовъ немедленно должны быть удалены, такъ какъ они внесутъ духъ безвѣрія и безчестія въ дальнѣйшую свою дѣятельность. Трибуналы въ точности стали исполнять распоряженіе Супремы, которая и уволила нѣкоторыхъ служителей, найдя ихъ въ политическомъ отношеніи неблагонадежными. 7 апрѣля 1815 г. Супрема издала новый циркуляръ, въ силу котораго въ категорію подлежащихъ увольненію попали и тѣ инквизиціонные служители, которые поздравляли кортесы съ окончаніемъ конституціи, такъ какъ такое поздравленіе свидѣтельствовало о либеральномъ образѣ мыслей. Въ 1815 г. служитель мадридскаго трибунала Паломино-и-Лосано долженъ былъ быть отстраненъ отъ мѣста за посланное имъ въ 1812 г. привѣтствіе кортесамъ; виновный сталъ доказывать, что онъ сдѣлалъ это по принужденію и изъ боязни прослыть врагомъ конституціи. Видимо, Супрема удовлетворилась этимъ отвѣтомъ: Паломино-и-Лосано остался на службѣ. 7 апрѣля 1815 г., въ день изданія циркуляра объ увольненіи заподозрѣнныхъ въ либерализмѣ служителей Инквизиціи, Супрема отправила въ лимскій трибуналъ распоряженіе о томъ, чтобы разслѣдовать, кто подписалъ представленный университетомъ Лимы благодарственный адресъ кортесамъ. Среди подписавшихъ оказался монахъ Рекалде, служившій при инквизиціонномъ трибуналѣ. Въ оправданіе Рекалде заявилъ, что ему принесли адресъ съ требованіемъ подписать его, объясняя такое требованіе, какъ нѣчто обязательное, изданное кортесами. Будучи занятъ, онъ не читалъ адреса и подписалъ его, не зная, что въ немъ сказано, какъ онъ это часто дѣлалъ, когда ему приходилось подписывать большое число бумагъ. 13 декабря лимскій трибуналъ отправилъ Супремѣ дѣло объ инквизиторѣ Рекалде. Не извѣстно, былъ ли онъ удаленъ съ своего мѣста, или онъ остался на службѣ [1]).

Само собою разумѣется, что для дѣйствительнаго функціонированія трибуналовъ недостаточно было одного декрета 21 іюля 1814 г., коимъ была возстановлена Инквизиція. Нужно было, кромѣ того, позаботиться еще и о матеріальной сторонѣ, безъ которой дѣятельность Инквизиціи не могла быть плодотворной въ томъ смыслѣ, въ какомъ она была до революціи и собранія кортесовъ. Вѣдь декретъ 5 февраля 1813 г. объ отмѣнѣ Инквизиціи предполагалъ переходъ въ собственность Государства всего инквизиціоннаго имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго, и теперь трибуналы благодаря совершенной въ широкихъ размѣрахъ конфискаціи были лишены всего и должны были не только строить новыя тюрьмы, но и нанимать дома, въ которыхъ можно было бы засѣдать и производить судъ. Между тѣмъ, необходимыхъ для этого средствъ у трибуналовъ не было; правда,

---

[1]) Lea, «The Inquisition in the Spanish Dependencies», 449.

кортесы при отмѣнѣ Инквизиціи приняли рядъ мѣръ, обезпечивавшихъ имущество отдѣльныхъ инквизиторовъ, и постановили продолжать во многихъ случаяхъ выдачу имъ жалованія, назначивъ также субсидіи многимъ изъ старыхъ служителей; но всѣ эти благодѣянія кортесовъ, поскольку они даже проводились въ жизнь, нисколько не касались имущества трибуналовъ, какъ инквизиціоннаго учрежденія, подлежащаго конфискаціи въ пользу казны. И неудивительно, что тотчасъ послѣ возстановленія Инквизиціи къ Фердинанду стали обращаться съ просьбой вернутъ трибуналамъ отнятое у нихъ имущество 18 августа 1814 г. былъ изданъ королевскій декретъ, въ силу котораго вся недвижимость, перешедшая отъ Инквизиціи къ государству, снова должна была перейти къ трибуналамъ, при чемъ послѣдніе становились законными ея владѣльцами со дня возстановленія Инквизиціи, т.-е. съ 21 іюля, а потому имъ за это время причитались проценты съ суммы этой недвижимости. Этимъ, однако, Инквизиція не была удовлетворена, и 3 сентября Фердинандъ VII издалъ новый декретъ, коимъ трибуналамъ возвращалась всякаго рода собственность, поступившая въ дни конфискаціи въ королевскую Caja de Consolidacion. Въ этомъ декретѣ [1]) говорилось, между прочимъ, что Супрема въ свое время указала королю на печальное состояніе, въ которомъ находятся зданія трибуналовъ, ихъ архивы и имущество, и что въ виду этого король распорядился немедленно и безъ всякой отсрочки вернуть фискаламъ инквизиціонныхъ трибуналовъ todas las fincas y efectos de qualquiera clase que sean (закладныя и всякаго рода цѣнныя бумаги и предметы) и считать днемъ вступленія трибуналовъ въ обладаніе этимъ имуществомъ—20-ое іюля сего года. Повидимому, декретъ короля не получилъ настоящаго осуществленія и встрѣтилъ недовольство въ министерствѣ финансовъ. Супрема неоднократно жаловалась на недостаточное поступленіе отнятыхъ у Инквизиціи денегъ и, въ концѣ концовъ, обратилась къ королю съ просьбой о выдачѣ ей ежемѣсячной платы въ размѣрѣ 8 тыс. реалей. Фердинандъ съ болью въ сердцѣ долженъ былъ отклонить просьбу Супремы. Онъ заявилъ ей, что не можетъ вернуть имущества, отнятаго у нея въ свое время, въ виду чрезвычайно критическаго положенія государственныхъ финансовъ; эта же причина не дастъ ему возможности выдавать Инквизиціи ежемѣсячную субсидію; но король, утѣшалъ Супрему Фердинандъ, приложитъ всѣ старанія къ тому, чтобы государство отнынѣ было крайне осмотрительно въ своихъ расходахъ; онъ надѣется, что оно въ виду этого будетъ въ состояніи оказывать Инквизиціи необходимую финансовую помощь, по крайней мѣрѣ, въ вопросахъ первостепенной важности.

Былъ ли король искреннеъ или нѣтъ, но финансовое положеніе Испаніи было таково, что серьезно нельзя было говорить объ излишкахъ казны, предназначенныхъ для инквизиціонныхъ трибуналовъ, и Супрема тщетно добивалась поддержки со стороны казначейства. Однако, въ январѣ 1815 г. послѣднее пошло ей навстрѣчу и отдало приказъ, чтобы чиновники финансоваго вѣдомства, собирающіе арендную плату съ конфискованныхъ въ пользу государства земель, прекратили свои сборы, которые отнынѣ будутъ производить трибуналы съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы казначейству представлялся подробный отчетъ о поступающихъ деньгахъ, и чтобы недоимки, числящіяся за арендаторами еще до 21 іюля 1814 года, принадлежали казнѣ, а не Инквизиціи [2]). Но и эта уступка, повидимому, была сдѣлана лишь на короткій срокъ, и Инквизиція вскорѣ опять жаловалась, что королевскія распоряженія не исполняются министерствомъ, и что она не можетъ удовлетворять своихъ насущныхъ потребностей. Особенно несправедливо, по мнѣнію Супремы, поступаютъ по отношенію къ тѣмъ служителямъ, которые въ годы господства кортесовъ не получали жалованія за то, что обнаруживали преданность Церкви и Инквизиціи и

[1]) Текстъ декрета 3 сентября 1814 г. приведенъ въ «History» Ли, IV, appendix, 540—541.

[2]) Lea, «History», IV, 427.

теперь не вознаграждаются за понесенные убытки. Правительство, вѣроятно, считало эти жалобы справедливыми и готовилось удовлетворить ихъ. Былъ выработанъ подробный проектъ оказанія помощи пострадавшимъ служителямъ Инквизиціи, но ничего, за отсутствіемъ средствъ, не было осуществлено, и Супрема продолжала жаловаться, что ее обманываютъ даже лучшіе ея друзья. 3 іюля 1815 года она заявляетъ, что, несмотря на взимаемыя въ ея пользу подати съ отдѣльныхъ трибуналовъ, у нея нѣтъ средствъ, чтобы платить служителямъ, находящимся при Супремѣ; точно также она не въ состояніи оплачивать оффиціальной корреспонденціи и вынуждена поэтому просить льготныхъ условій для своихъ писемъ; но этого она, повидимому, не можетъ добиться, такъ какъ и безъ того, согласно особому декрету отъ 1799 г., она пользуется уже извѣстными льготами, и письма, напримѣръ, къ Великому инквизитору уже давно не оплачиваются никакимъ сборомъ.

Хосе Торибіо Медина въ своей «Historia de la inquisicion en Mexico» приводитъ [1]) оффиціальный отчетъ, какъ происходила въ Мексикѣ конфискація инквизиціоннаго имущества согласно декрету кортесовъ объ отмѣнѣ Инквизиціи, полученному въ Мексикѣ 8 іюня 1813 г. [2]). Отчетъ этотъ былъ составленъ алкаидомъ тюрьмы 20 декабря 1814 г., т.-е. уже послѣ воцаренія Фердинанда VII. Въ Мексикѣ, пишетъ алкаидъ, предвидѣли заранѣе голосованіе кортесовъ по вопросу объ Инквизиціи, и мѣстные инквизиторы за нѣсколько дней до полученія оффиціальнаго извѣщенія объ отмѣнѣ Инквизиціи перевели изъ инквизиціонной тюрьмы тѣхъ немногихъ политическихъ узниковъ, которые въ ней томились, въ различные монастыри. Какъ только вице-король Кальеха узналъ о парламентскомъ декретѣ, онъ призвалъ къ себѣ старшаго инквизитора и объявилъ ему, что онъ долженъ прекратить свою дѣятельность. На слѣдующій день правительственные комиссары приступили къ описи имущества трибунала; зданіе его наполнилось тотчасъ же людьми всякаго возраста и положенія, которые пришли съ спеціальной цѣлью безобразничать тамъ, гдѣ раньше было такъ страшно и опасно. Найденныя въ шкафахъ деньги были переданы архіепископу, а всѣ прочія бумаги правительственному интенданту. Главное зданіе Инквизиціи было отдано подъ лоттерею, а второстепенныя пристройки были частью превращены въ лавки и бараки, а частью въ квартиры для бывшихъ служителей трибунала. Конфискованная сумма доходила до 1.775.657 пезетъ и составилась изъ найденнаго наличія въ 66.566 пезетъ, изъ цѣнныхъ бумагъ въ 1.394.629 пезетъ, изъ обязательствъ арендаторовъ на 306 тыс.; кромѣ того, распродажа имущества, имѣвшая мѣсто 19 іюля 1813 г., дала 8 тыс. Трибуналъ Мексики, по словамъ алкаида, былъ прекрасно организованъ и, помимо инквизиторовъ и фискала, состоялъ изъ 7 секретарей, казначея, помощника казначея, курьера тюремнаго смотрителя, алкаида и помощника, нотаріуса конфискаціи, двухъ тайныхъ агентовъ, адвоката фиска и адвоката обвиняемыхъ. Ежегодное жалованіе, выдававшееся трибуналомъ служителямъ, было равно 33 тыс. пезетъ; кромѣ того, въ Супрему посылалось 10 тыс.; на различныя нужды, какъ содержаніе арестантовъ, ремонтъ зданій и т. д., уходило около 15 тыс.; такъ что общая сумма расходовъ была приблизительно въ 60 тыс. пезетъ; доходъ же вмѣстѣ съ пребендами равнялся около 117 тыс., т.-е. въ два раза превышалъ расходъ. Въ теченіе трехъ воскресеній подрядъ въ церквахъ читался декретъ кортесовъ объ отмѣнѣ Инквизиціи вмѣстѣ съ манифестомъ; санбенито были отовсюду удалены, при чемъ на матерію этихъ санбенито предъявилъ претензіи содержатель лѣчебницы для умалишенныхъ, но вице-король распорядился передать ее въ военное вѣдомство для солдатскаго платья. Архіепископъ забралъ всѣ запрещенныя книги, занявшія въ архіепископскомъ дворцѣ четыре комнаты. Старшіе два инквизитора уѣхали

---

[1]) Стр. 458 и слѣд.

[2]) Въ Испаніи, какъ извѣстно, онъ былъ опубликованъ 22 февраля.

въ Испанію, младшій Мануэль Флоресъ остался въ Мексикѣ, считая, что отмѣна Инквизиціи продержится лишь короткое время; остальные служители трибунала продолжали получать жалованіе, согласно постановленію кадикскихъ кортесовъ. Когда Инквизиція была возстановлена, трибуналу вернули его недвижимость и всякія обязательства; наличными же ему было дано всего 773 пезеты вмѣсто 66.566, отнятыхъ у него за нѣсколько мѣсяцевъ до этого; вице-король распорядился также, чтобы отнынѣ пребенды снова выдавались трибуналамъ, равно какъ арендныя суммы и всякаго рода проценты. Проданныя съ аукціона вещи должны были быть возвращены трибуналу за купленную цѣну, но нелегко было найти всю распроданную утварь, да и у трибунала не было необходимыхъ для этого денегъ [1]). Зданіе передано было трибуналу, но правительство отказывалось сдѣлать надлежащій ремонтъ, что возбуждало сильное недовольство Инквизиціи.

Тотъ же Хосе Торибіо Медина передаетъ, что черезъ день послѣ опубликованія въ Мексикѣ декрета объ отмѣнѣ Инквизиціи архіепископъ Бергоса-и-Хорданъ, самъ бывшій инквизиторъ, вступилъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей, возложенныхъ на него декретомъ кортесовъ отъ 22 февраля 1813 г., требовавшимъ, чтобы епископы отнынѣ вѣдали дѣла о ереси. 10 іюня онъ опубликовалъ воззваніе, приглашавшее вѣрныхъ сыновъ Церкви доносить ему на тѣхъ, кого они подозрѣваютъ въ ереси; черезъ нѣкоторое время архіепископъ потребовалъ выдачи всѣхъ находившихся въ обращеніи запрещенныхъ книгъ, угрожая строгими карами за нарушеніе этого требованія. Повидимому, такое усердіе, во исполненіе декрета объ отмѣнѣ Инквизиціи, было исключительнымъ явленіемъ, такъ какъ короткій срокъ, протекшій со дня отмѣны Инквизиціи до ея возстановленія, не далъ возможности епископамъ развернуть свою дѣятельность; точно также общее состояніе Испаніи менѣе всего могло благопріятствовать проявленію энергіи со стороны тѣхъ, судъ которыхъ долженъ былъ замѣнить собою осужденные и отвергнутые за жестокость и несправедливость инквизиціонные трибуналы. Ли полагаетъ, что отсутствіе арестовъ въ дни господства епископскихъ судовъ объясняется тѣмъ, что никто не хотѣлъ дѣлать доносовъ, такъ какъ декретъ 22 февраля уничтожилъ тайный характеръ свидѣтельскихъ показаній [2]). Однако, нѣкоторые процессы были все-таки возбуждены; такъ въ Севильѣ началось дѣло противъ Антонія де ла Торе и священника Іоакима Рамиреса, повидимому, не доведенное до конца.

Возстановленная Инквизиція не отличалась на первыхъ порахъ большой строгостью, быть можетъ, потому, что свѣтская власть, въ лицѣ короля и его министровъ, съ удивительной энергіей взялась за искорененіе политической ереси и преслѣдованіе враговъ абсолютизма или сторонниковъ Іосифа Бонапарта. Молча Инквизиція одобряла дѣятельность правительства, держась по тактическимъ соображеніямъ въ сторонѣ отъ жестокой политики Фердинанда VII, и даже опубликовала общее прощеніе, распространявшееся на тѣхъ, которые въ революціонные дни произносили по адресу Инквизиціи «нечестивыя и скандальныя» рѣчи. Несмотря на это, Инквизиція съ октября 1814 г. мало-по-малу стала возвращаться къ своей старой дѣятельности и возбуждать дѣла противъ виновныхъ въ томъ или иномъ преступленіи. Такъ, за послѣдніе мѣсяцы 1814 года были привлечены: въ Севильѣ подполковникъ дель-Кастильо за еретическія выраженія, священникъ Пинтадо въ Сарагоссѣ, монахъ Вальтеа въ Валенсіи, генералъ де Сайасъ въ Мурсіи, герцогъ Сотомайоръ въ Мадридѣ, епископъ Абатъ-и-Кеипо въ Мексикѣ и нѣкоторые другіе. Высмѣянная, оплеванная во время господства Наполеона и кортесовъ многочисленной революціонной прессой и либеральными депутатами, Инквизиція шла неувѣренно по пути преслѣдованій, часто

---

[1]) Гюббаръ утверждаетъ, что купившихъ инквизиціонное имущество заставляли безъ всякаго вознагражденія все возвращать Инквизиціи. То же утверждаетъ и Рейнальдъ. См. op. cit. Hubbard и Reynald «Histoire de l'Espagne», 1873.

[2]) «History», IV, 412.

спотыкаясь и проявляя совершенно необычную для ея страшной славы мягкость. До Супремы дошло, что въ Лимѣ англичанинъ Джонъ Робинсонъ проповѣдуетъ еретическія идеи; она немедленно извѣщаетъ объ этомъ трибуналъ, совѣтуя ему пригласить къ себѣ названнаго англичанина и заявить ему, что онъ можетъ проживать въ Лимѣ лишь подъ тѣмъ условіемъ, если онъ не будетъ нападать на католическую религію и проповѣдывать еретическія ученія. Въ то же время трибуналъ, по мнѣнію Супремы, долженъ обратиться съ просьбой къ перуанскому вице-королю, чтобы онъ обуздалъ болтливаго англичанина и оказалъ въ этомъ дѣлѣ необходимую помощь трибуналу. Разумѣется, до революціи Супрема давала бы лимскому трибуналу совершенно иные совѣты!

Чтобы придать Инквизиціи большій вѣсъ, Фердинандъ въ началѣ 1815 г. лично явился предсѣдательствовать на засѣданіи Супремы и выразилъ полное удовлетвореніе по поводу ея дѣятельности. Супрема торжественно отдала королю визитъ и поставила въ извѣстность всѣ трибуналы о королевской милости, которая должна была послужить сигналомъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ Инквизиціи. Съ 1815 г. преслѣдованія стали учащаться. Трое канарскихъ поэтовъ, воспѣвшихъ въ стихахъ декретъ объ отмѣнѣ Инквизиціи, подверглись преслѣдованію; точно также былъ обвиненъ генералъ Кастрильо за отданный войскамъ приказъ о повиновеніи кортесамъ. Предъ Толедскимъ, напрім., трибуналомъ предстало въ этомъ году сравнительно значительное число обвиняемыхъ: офицеръ Мануэль Лопесъ и писатель Мануэль Саламанга были обвинены въ богохульствѣ, Маргарита Борха и Андреа Торесъ въ колдовствѣ, профессоръ Альфонсо въ чтеніи запрещенныхъ книгъ, Х. Мартинъ и С. Сабатеръ въ произнесеніи оскорбительныхъ для религіи словъ и рѣчей, священникъ Бустаменте въ solicitatio ad turpia, а Льяве въ франкмасонствѣ [2]). Послѣднее сдѣлалось наиболѣе распространеннымъ видомъ преступленія въ эти годы, и подъ предлогомъ принадлежности къ франкмасонскимъ ложамъ нерѣдко преслѣдовались лица, никогда не числившіяся въ рядахъ франкмасонства, но явно или тайно выражавшія несочувствіе дѣятельности реставрированнаго короля. Всѣ тайныя общества, носившія либо революціонный характеръ, либо умѣренно-конституціонный, были окрещены франкмасонскимъ именемъ и жестоко преслѣдовались правительствомъ Фердинанда, поддерживаемымъ въ данномъ случаѣ Инквизиціей.

Въ другомъ мѣстѣ мы упомянули, что еще въ 1814 г. папа Пій VII рѣзко выступилъ противъ франкмасоновъ, требуя конфискаціи ихъ имущества и наложенія на нихъ тяжелыхъ наказаній. Во исполненіе этого требованія Инквизиція издала 2 января 1815 г. декретъ, предоставившій франкмасонамъ опредѣленный срокъ, въ теченіе котораго они могли безнаказанно каяться въ грѣхахъ, а затѣмъ трибуналы должны были начать свирѣпствовать противъ виновныхъ. Строгость правительства по отношенію къ франкмасонамъ освобождала инквизиціонные трибуналы отъ чезмѣрной работы въ этой области: часто инквизиторы являлись уже послѣ того, какъ свѣтская власть обнаружила преступника и подвергла его наказанію. Не желая отказываться отъ своихъ прерогативъ, Инквизиція выносила приговоръ уже разъ осужденному франкмасону, какъ это имѣло мѣсто съ французомъ Жанъ Ростомъ. Тѣмъ не менѣе, ей удалось въ началѣ 1817 года арестовать фанъ Галена, одного изъ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей франкмасонства [2]). Фанъ Галенъ руководилъ ложей въ Мурсіи, гдѣ былъ арестованъ и заключенъ въ инквизиціонную тюрьму. На допросѣ онъ заявилъ, что одному лишь королю онъ скажетъ правду, и онъ былъ отправленъ въ Мадридъ. Фердинандъ заинтересовался арестованнымъ и лично допрашивалъ его; фанъ Галенъ объяснилъ ему, что франкмасоны не стремятся къ цареубійству, не

[1]) «Catálogo de las causas seguidas devant le Tribunal», подъ соотвѣтствующими именами.

[2]) «Memorias del Coronel J. van Halen», 2 т., 1828; есть французское изданіе 1827 г. и испанское 1827 г., оба эти изданія не столь подробны, какъ изданіе 1828 г.

хотятъ ни въ чемъ умалить королевскихъ прерогативъ и думаютъ лишь объ укрѣпленіи основъ государства. Франкмасоны, по заявленію фанъ Галена, настолько сильны въ Испаніи, что ихъ нельзя устранить никакими репрессіями и что преслѣдованія приведутъ лишь къ худшему, а потому король самъ долженъ стать во главѣ франкмасоновъ и съ ихъ помощью провести необходимыя реформы. Быть-можетъ, это заявленіе фанъ Галена повліяло успокоительнымъ образомъ на Фердинанда, который послѣ этого уменьшилъ бдительный надзоръ свѣтской власти надъ франкмасонами и тѣмъ самымъ предоставилъ большую свободу дѣйствій Инквизиціи.

Фанъ Галену удалось, однако, бѣжать изъ мадридской инквизиціонной тюрьмы, но его арестъ повлекъ рядъ другихъ арестовъ. Въ Аликанте былъ схваченъ генералъ Торихосъ, выдающійся военный дѣятель, достигшій въ 26 лѣтъ генеральскаго чина; въ Картагенѣ былъ задержанъ Лопесъ Пинто, который въ франкмасонскихъ ложахъ былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ Нумы. Обоимъ имъ, по увѣренію фанъ Галена, жилось очень хорошо въ инквизиціонной тюрьмѣ, такъ какъ тюремное начальство готово было за деньги давать арестованнымъ всевозможнаго рода льготы. Брюкъ утверждаетъ даже, что многіе члены инквизиціонныхъ трибуналовъ сочувствовали франкмасонамъ, а нѣкоторые состояли даже членами различныхъ ложъ. Онъ опредѣленно называетъ инквизиціоннаго служащаго, генерала Морильо изъ Кадикса, которому одна ложа предлагала милліонъ піастъ, если онъ согласится принять участіе въ подготовлявшейся революціи [1]). Мягкость наказанія служитъ для Брюка доказательствомъ сочувствія Инквизиціи франкмасонству; однако, врядъ ли такое утвержденіе правильно. Инквизиція дѣйствительно въ первыя шесть лѣтъ реставраціи, т. е. съ 1814 г. до революціи 1820 года, относилась безъ особенной жестокости къ своимъ жертвамъ, но причина этого явленія заключалась не въ сочувствіи идеямъ и дѣятельности франкмасоновъ и другихъ еретиковъ, а въ правильной оцѣнкѣ недавно пережитыхъ тревожныхъ дней, въ пониманіи, что отмѣненное разъ учрежденіе лишь постепенно и съ большими предосторожностями должно стремиться занять старое положеніе, и что всякая поспѣшность въ этомъ отношеніи можетъ лишь скомпрометировать дѣятельность того правосудія, которое публично и съ большимъ шумомъ было подвергнуто униженіямъ и оскорбленіямъ. Не только франкмасоны, но и другіе преступники не наказывались особенно сурово, и когда мадридскій трибуналъ вынесъ въ 1819 г. Теодору Бачильеру за еретическія слова строгій приговоръ, Супрема распорядилась во многомъ смягчить его. Точно также, когда льеренскій трибуналъ возбудилъ преслѣдованіе противъ одного служителя почты за то, что онъ похоронилъ собаку съ соблюденіемъ религіозныхъ церемоній,—Супрема отправила дѣлопроизводство свѣтскимъ и духовнымъ судамъ, выразивъ надежду, что подобныя вещи не будутъ повторяться.

Въ противоположность Инквизиціи, правительство Фердинанда держалось политики жестокихъ преслѣдованій; но чѣмъ сильнѣе были послѣднія, тѣмъ больше вызывали они недовольство, и тѣмъ чаще возникали бунты въ отдѣльныхъ частяхъ государства. Почти вездѣ во главѣ возстаній и бунтовъ находились офицеры, познакомившіеся черезъ Францію съ принципами Великой революціи и стремившіеся теперь къ провозглашенію конституціи 1812 года. Въ крови тонули эти неудачныя попытки возстановленія либеральнаго режима, и правительство собиралось отправить въ Америку экспедиціонный корпусъ для подавленія въ своихъ далекихъ колоніяхъ постоянныхъ волненій. Мѣстомъ отправленія долженъ былъ быть Кадиксъ, куда съ конца 1819 г. стали стекаться солдаты, матросы, армейскіе и морскіе офицеры. Праздные солдаты, въ лохмотьяхъ и безъ сапогъ, голодные, больные и забитые, собирались и подолгу толковали о предстоящемъ походѣ за океанъ. У собесѣдниковъ волосы становились дыбомъ отъ страшныхъ разсказовъ объ уча-

---

[1]) Brück, «Die geheimen Gesellschaften», 59.

сти, постигающей воиновъ въ борьбѣ съ свирѣпыми колонистами и съ непобѣдимой природой. Сюда же, точно искры въ порохъ, попадали возмутительныя извѣстія изъ полковъ, разставленныхъ въ глубинѣ страны, о томъ, какъ желтая лихорадка сотнями валитъ солдатъ, и какъ народъ, боясь заразы, гонитъ ихъ отъ своихъ дверей, а купцы отказываются продавать имъ хлѣбъ и иные предметы. Заговорщики-офицеры разжигали это недовольство, и все войско, до послѣдняго рядового, было охвачено чувствомъ ненависти къ правительству [1]). Душой этой революціонной пропаганды былъ полковникъ Рафаель Ріего, прославившійся во время войны за независимость. Оттертый интригами отъ генеральнаго штаба, Ріего стоялъ со своими солдатами въ мѣстечкѣ Кабесасъ-де-Санъ-Хуанъ, гдѣ онъ 1 января 1820 г. торжественно провозгласилъ конституцію 1812 г. и откуда двинулся со своимъ батальономъ въ Аркосъ, въ которомъ помѣщалась главная квартира королевскихъ войскъ съ своимъ дряхлымъ командиромъ, графомъ Кальдерономъ, который поджидалъ денегъ изъ Мадрида для прокормленія своей голодной арміи. 2-го января Кальдеронъ и его ближайшіе совѣтники, не сочувствовавшіе предпріятію Ріего, считались уже военноплѣнными, и Ріего съ 4 батальонами направился къ Хересу. Въ это время другой заговорщикъ, полковникъ Кирога, овладѣвъ Львинымъ островомъ и арестовавъ морского министра Сиснероса, двинулся къ Кадиксу, который долженъ былъ взять приступомъ. Онъ надѣялся на сочувствіе горожанъ и смотрѣлъ на свой походъ, какъ на военную прогулку. Надежды его не сбылись; онъ былъ отбитъ и вынужденъ былъ вернуться на Львиный островъ, гдѣ опубликовалъ нѣсколько прокламацій съ жалобами на народъ, добровольно переносящій ярмо деспотизма. «Если вслѣдствіе вашего малодушія,—говорилось въ одной прокламаціи,—сокрушится наше благородное предпріятіе, то за нами останется хоть слава его почина. Какова бы ни была наша участь, ей позавидуютъ даже тѣ, которыхъ обезсилило тлетворное дыханіе разврата, но которые среди своего позора не избѣгнутъ мученій нечистой совѣсти».

Съ другой стороны, и епископъ Кадикса, Сіэнфуэгосъ-и-Ховельяносъ, взывалъ къ народу, доказывая, что Ріего и его сподвижники совершенно не думаютъ «объ истинныхъ интересахъ народа» и стремятся къ другой цѣли: имъ нужны «почести и деньги», они хотятъ избѣгнуть «заслуженнаго наказанія за преступленіе» и низвергнуть «законное правительство». Помимо политической цѣли, они преслѣдуютъ и антирелигіозную, ненавидя религію, которая «не допускаетъ никакихъ возстаній» и требуетъ повиновенія королю и его министрамъ. Въ заключеніе епископъ утверждалъ, что повстанцы—отвратительные клятвопреступники (los rebeldes... son unos perjuros abominables), которые подъ видомъ освобожденія народа отъ цѣпей зовутъ его къ совершенію святотатства (sacrilega), стремясь къ власти, тиранніи и къ обогащенію себя плодами этой тиранніи (mandar y enriquecerse con los frutos de su tirania). Повиновеніе королю обязательно,—заканчиваетъ епископскій манифестъ,—кто за повстанцевъ, тотъ «не достоинъ имени христіанина и испанца». Пастырскія посланія производили, повидимому, болѣе сильное впечатлѣніе, нежели обличительныя прокламаціи возставшихъ офицеровъ, и дѣло Ріего казалось потеряннымъ, тѣмъ болѣе, что генералъ Фреире перешелъ въ наступленіе и разбилъ повстанцевъ. Однако, подавленное на югѣ движеніе нашло живой откликъ въ Коруньѣ, гдѣ 21 февраля полковники Асеведа и Эспиносо вмѣстѣ съ нѣсколькими членами франкмасонской ложи провозгласили конституцію 1812 г., предварительно арестовавъ губернатора провинціи, генерала Венегаса. Къ Коруньѣ немедленно примкнули Фероль и другіе галисійскіе города, такъ что главнокомандующій войсками Галисіи въ страхѣ покинулъ провинцію, гдѣ повсемѣстно была провозглашена конституція 1812 г. и избрана народная хунта. Изъ Галисіи революція перешла въ Астурію, и въ Сарагоссѣ образовалась хунта Арагонскаго королевства, предсѣдателемъ

[1]) Трачевскій, «Испанія XIX-го вѣка», 300 и слѣд.

которой былъ генералъ-капитанъ Ласанъ. Вскорѣ къ движенію примкнули Оканья, Барселона, островъ Майорка, Герона, Тарагона и нѣкоторые другіе города. Одновременно съ провозглашеніемъ конституціи 1812 г. въ Барселонѣ и на Майоркѣ произошли враждебныя Инквизиціи манифестаціи: толпы народа врывались въ зданіе трибунала, уничтожали документы и архивы Инквизиціи, выпускали изъ тюремъ арестованныхъ и объявляли Инквизицію не существующей болѣе въ виду несовмѣстимости ея съ провозглашенной вновь конституціей. Особенное озлобленіе народа вызывали къ себѣ орудія пытки, которыя ломались на мелкіе куски и разбрасывались по пути шествія манифестирующей толпы.

Когда королевскій дворъ получилъ подробныя свѣдѣнія о конституціонномъ движеніи, поднятомъ арміей и охватившемъ цѣлыя провинціи, онъ пришелъ въ ужасъ и сталъ готовиться къ различнымъ уступкамъ. 2 марта Фердинандъ создалъ, подъ предсѣдательствомъ своего брата донъ Карлоса, особую хунту съ чрезвычайными полномочіями. Хунта должна была возстановить порядокъ въ странѣ. Однако, на слѣдующій день король отмѣнилъ свое распоряженіе и приказалъ государственному совѣту выработать проектъ реформъ, способныхъ успокоить взволнованное общественное мнѣніе. Но и это рѣшеніе вскорѣ было имъ измѣнено, и 6 марта былъ опубликованъ декретъ, коимъ немедленно созывались кортесы на старыхъ началахъ, при чемъ король обѣщалъ исполнить все, что въ интересахъ народа, давшаго ему столько доказательствъ преданности и лойяльности. Однако, и эта уступка оказалась запоздавшей: среди высшихъ представителей мадридскаго гарнизона шло сильное броженіе, а народъ болѣе не вѣрилъ королевскому слову и готовился къ враждебной по адресу Фердинанда манифестаціи. Для устраненія ея король извѣстилъ 7 марта своихъ министровъ, что онъ, въ согласіи съ волей народа, рѣшилъ принести присягу въ вѣрности конституціи, «опубликованной въ 1812 г. общими и чрезвычайными кортесами». Но уже 9 марта народъ «потерялъ терпѣніе» и сталъ устраивать демонстраціи на дворцовой площади, закончившіяся предъявленіемъ королю петиціи изъ трехъ пунктовъ. Народъ требовалъ: 1) созванія мадридскаго муниципалитета въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ дни конституціи 1812 г., и принесенія ему королевской присяги; 2) назначенія временной хунты до созыва кортесовъ и 3) отмѣны Инквизиціи. Но еще до отвѣта короля толпа бросилась къ зданію инквизиціоннаго трибунала, уничтожила всѣ его документы и архивы и выпустила на свободу находившихся въ тюрьмѣ трехъ узниковъ, обвинявшихся въ политическихъ преступленіяхъ. Въ тотъ же день появились декреты Фердинанда объ удовлетвореніи имъ желаній народа. Отмѣна Инквизиціи была формулирована слѣдующимъ образомъ.

«Принимая во вниманіе, что трибуналъ Инквизиціи несовмѣстимъ съ конституціей испанской монархіи, выработанной въ 1812 г. въ Кадиксѣ, вслѣдствіе чего онъ и былъ отмѣненъ послѣ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія общими и чрезвычайными кортесами, согласно декрету 22 февраля 1813 года; принимая также во вниманіе постановленіе хунты, которую призвалъ къ жизни сегодня изданный мною декретъ, и въ согласіи съ мнѣніемъ этой хунты, я приказалъ, чтобы отъ сегодняшняго дня названный выше трибуналъ считался упраздненнымъ на всемъ протяженіи монархіи, а вмѣстѣ съ нимъ должна исчезнуть также и Супрема; я распорядился также, чтобы немедленно были выпущены на свободу всѣ лица, томящіяся въ инквизиціонныхъ тюрьмахъ по обвиненію въ политическихъ и религіозныхъ преступленіяхъ, и чтобы всѣ дѣла относительно религіи поступили въ вѣдѣніе епископовъ, были распредѣлены по соотвѣтствующимъ епархіямъ, разсмотрѣны и рѣшены епископами въ согласіи съ декретомъ чрезвычайныхъ кортесовъ». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого торжественнаго декрета послѣдовало королевское распоряженіе объ описи всего инквизиціоннаго имущества и о конфискаціи его согласно постановленію кадикскихъ кортесовъ. Бывшимъ инквизиторамъ слѣдовало продолжать выдачу жалованья въ томъ видѣ, какъ и раньше, конфискованное же имущество должно было

быть употреблено на цѣли, которыя будутъ впослѣдствіи указаны кортесами, открытіе которыхъ предстояло въ іюлѣ мѣсяцѣ. Декретомъ 9 августа кортесы постановили, что инквизиціонное имущество вмѣстѣ съ другими выморочными землями подлежитъ продажѣ съ молотка въ пользу государства.

Во главѣ временной хунты сталъ кардиналъ Лупсъ де Бурбонъ, бывшій предсѣдатель послѣдняго регентства; хунта перемѣнила весь личный составъ высшаго управленія, и изъ ссылки, тюрьмы и монастырей были вызваны дѣятели 1812 года; этимъ, по выраженію Фердинанда, каторжникамъ (presidiarios) были даны министерскіе портфели. Агустинъ Аргуэльесъ, лучшій ораторъ кадикскихъ кортесовъ и выдающійся мыслитель, былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; его братъ, Канга Аргуэльесъ, сталъ во главѣ министерства финансовъ; Гарсіа Эрреросъ, арестованный въ качествѣ министра въ ночь на 11 мая 1814 г., былъ теперь назначенъ министромъ юстиціи. Пострадавшіе въ ту же ночь два члена регентства, Агаръ и Сискаръ, были призваны засѣдать въ государственномъ совѣтѣ, а Ріего и Кирога, иниціаторы революціи 1820 г., были возведены въ санъ фельдмаршаловъ. Лишь военное и морское министерства остались въ рукахъ дѣятелей реставраціи, что вызвало сильное недовольство со стороны наиболѣе революціонныхъ элементовъ, начавшихъ организовываться въ клубы и получившихъ названіе восторженныхъ, exaltados. «Каторжное» министерство не издавало особыхъ репрессивныхъ мѣръ противъ нарушителей конституціи 1812 г.; лишь «персы», т.-е. депутаты, обратившіеся въ 1814 г. въ Валенсіи къ Фердинанду съ пресловутымъ адресомъ, были сосланы въ монастырь, и кортесы должны были высказаться объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ. И эта примирительная политика сдѣлалась предметомъ ожесточенной критики клубовъ и франкмасонскихъ ложъ, настаивавшихъ на рѣшительныхъ мѣрахъ противъ враговъ свободы и прогресса.

Временная хунта потребовала, однако, чтобы духовенство принесло присягу въ вѣрности конституціи, и чтобы въ церквахъ въ праздничные и воскресные дни священники призывали народъ къ повиновенію конституціи, разъясняли ему тѣ выгоды, которыя она даетъ всѣмъ классамъ государства, и опровергали тѣ клеветническія нападки, которыя дискредитировали ее въ глазахъ народа. Основываясь на заявленіи кардинала Кеведо отъ 1812 г., духовенство заявляло, что оно готово повиноваться конституціи, «пока послѣдняя является закономъ государства», но что оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, не признаетъ «заключающихся въ ней доктринерскихъ принциповъ» и не беретъ на себя обязательства «заботиться объ ихъ сохраненіи». Что же касается разъясненій въ церкви значенія конституціи, то духовенство отказывается «превращать храмъ Божій въ политическую школу» и считаетъ это требованіе «чудовищнымъ и неслыханнымъ», на которое оно не можетъ, не совершивъ преступленія, откликнуться. Подобнаго рода требованіе, по мнѣнію духовенства, находится, во-первыхъ, въ противорѣчіи съ выраженнымъ желаніемъ самого правительства, торжественно запретившаго епископамъ заниматься политическими преніями въ священныхъ мѣстахъ, а во-вторыхъ, не соотвѣтствуетъ интересамъ правительства, такъ какъ въ отдѣльныхъ церквахъ священники могутъ такъ истолковать конституцію, что ея истинный смыслъ будетъ совершенно извращенъ и, во всякомъ случаѣ, неправильно понятъ народомъ. Принимая все это во вниманіе, духовенство не можетъ подчиниться предписанію временнаго правительства. Не ожидая отвѣта послѣдняго, епископы дали своимъ подчиненнымъ приказъ не считаться ни съ какими требованіями свѣтской власти и помнить, что церковь не мѣсто для политическихъ проповѣдей. Валенсійскій архіепископъ предоставилъ священникамъ право касаться лишь тѣхъ статей конституціи, которыя имѣютъ отношеніе къ «Декалогу и Евангелію»; въ то же время народу слѣдуетъ объяснять, что «истинная политическая свобода неразрывно связана съ христіанской». Нѣкоторые епископы вовсе не откликнулись на требованіе правительства, игнорируя его и не считая нужнымъ упомянуть о немъ въ своихъ циркулярахъ по епархіи. Въ вызывающемъ

тонѣ по адресу правительства отвѣтилъ епископъ города Оріуэла, находившій «дерзкимъ» всякое вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла Церкви. По его мнѣнію, Церковь всегда была независимымъ учрежденіемъ, и ея совершенно не касаются вопросы о формѣ государственнаго правленія. Все, что Церковь дѣлаетъ, исходитъ изъ повиновенія Богу, а не правительству, и послѣднее не должно брать на себя того, что ему не принадлежитъ по Божьему праву...

Открывшіеся 9 іюля 1820 г. кортесы рѣшили заставить духовенство подчиниться распоряженію временной хунты и стали преслѣдовать непокорныхъ епископовъ [1]). Однимъ изъ первыхъ пострадалъ епископъ города Оріуэла, который 4 августа былъ высланъ изъ предѣловъ Испаніи, несмотря на то, что папскій нунцій протестовалъ противъ этого насилія надъ личностью служителя Церкви и просилъ правительство разрѣшить опальному епископу вернуться въ свою епархію. Одновременно съ преслѣдованіемъ отдѣльныхъ представителей духовенства кортесы стали издавать и общія мѣры, затрагивавшія его интересы. Особенное раздраженіе вызвалъ новый законъ о національной милиціи, обязывавшій служить какъ студентовъ и кандидатовъ теологіи, такъ и монастырскихъ послушниковъ. Папскій нунцій считалъ этотъ законъ «дерзкимъ нарушеніемъ старинныхъ льготъ Церкви» и жаловался, что отнынѣ теологи и монахи «будутъ отрываться отъ своихъ святыхъ обязанностей ради проливанія братской крови». Однако, протестъ его не возымѣлъ вліянія на кортесы. Точно также ни къ чему не привело недовольство духовенства, вызванное отмѣной личной неприкосновенности и подчиненіемъ духовенства обычнымъ судамъ за преступленія, караемыя смертной казнью, каторжными и галерными работами, вѣчнымъ изгнаніемъ и ударами плетью. Отнынѣ при вынесеніи подобнаго рода приговора епископъ извѣщался судомъ, который требовалъ отъ него предварительнаго снятія съ осужденнаго духовнаго сана, при чемъ епископъ не имѣлъ права вмѣшиваться въ отправленіе правосудія: если въ теченіе 20 дней виновный не подвергся лишенію рясы, то свѣтской власти предоставлялось право не считаться болѣе съ «прошлымъ званіемъ» осужденнаго и смотрѣть на него какъ на обыкновеннаго преступника. Далѣе кортесы постановили, что ни одно духовное лицо не имѣетъ права владѣть болѣе, нежели однимъ церковнымъ бенефиціемъ, и пользующееся нѣсколькими бенефиціями должно отдать въ пользу Государства всѣ, помимо одного; кортесы лишили также Церковь права пріобрѣтенія новыхъ земель, уничтожили 225 монастырей, а оставшіеся подчинили епископамъ, при чемъ Государство не признавало болѣе ни генерала ордена, ни провинціальнаго викарія. Отнынѣ запрещалось также учрежденіе новыхъ монастырей; въ опредѣленной мѣстности не могло быть болѣе одного монастыря даннаго ордена, пріемъ послушниковъ былъ ограниченъ, и монастыри, насчитывавшіе менѣе 12 членовъ, должны были прекратить существованіе [2]).

Когда Фердинандъ отказался санкціонировать нѣкоторые изъ этихъ репрессивныхъ законовъ, то 25 октября 1820 г. была устроена враждебная королю демонстрація, протекшая, по словамъ Мирафлореса, при молчаливомъ одобреніи правительства [3]). Испугавшійся король

[1]) Большинство кортесовъ было умѣренно-либеральное. «La majorité de l'assemblée manifesta la moderation de ses principes par le choix de son président, don Iose Espiga, archevêque de Seville».—Marliani, «Histoire politique de l'Espagne moderne», I, 259.

[2]) V. de la Fuente, «Historia eclesiástica de España», Мадридъ, 1873–1876. 6 тт., VI, 196; Brück, «Die geheimen Gesellschaften in Spanien», 170—171.

[3]) Мирафлоресъ замѣчаетъ по поводу этой демонстраціи: «Los ministros buscaron un apoyo indiscreto en medios siempre funestos y arriesgados por los gobiernos, conservandose frios y aun contentos expectadores de una asonada ó motin, que acabó por intimidar al Rey y arrancarle la Sancion» (Apuntes, I, 70). [Министры стремились найти спасеніе въ средствахъ, всегда гибельныхъ и рискованныхъ для правителей; они оставались безучастными и даже довольными зрителями шумныхъ демонстрацій или бунта, который закончился устрашеніемъ короля и полученіемъ его санкціи].

далъ требовавшуюся отъ него санкцію, а кортесы приняли рядъ новыхъ законовъ, направленныхъ противъ старыхъ привилегій какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства. Къ народной демонстраціи, какъ къ средству вліянія на короля, прибѣгло также духовенство, но безуспѣшно: правительству не только удалось разсѣять манифестантовъ, но оно потребовало отъ епископовъ строгаго наказанія тѣхъ представителей духовнаго званія, которые руководили демонстраціей, а въ восьмидневный срокъ должно было быть опубликовано также пастырское посланіе, въ которомъ вѣрные христіане призывались къ повиновенію законамъ страны. Пораженіе клерикальной или, какъ обычно выражаются, апостолической партіи послужило поводомъ къ изданію новыхъ репрессивныхъ мѣръ: духовенство вынуждено было уплатить 30 милл. реалей въ видѣ особаго налога, дима была наполовину уменьшена, но не, какъ можно было ожидать, въ пользу платившихъ диму земледѣльцевъ, а въ пользу государства, сильно нуждавшагося въ средствахъ; наконецъ, правительство присвоило себѣ право смѣщенія и перемѣщенія священниковъ и другихъ представителей клира. Враждебная духовенству политика кортесовъ объяснялась тѣмъ, что послѣдніе не безъ основанія смотрѣли на духовенство, какъ на политическую организацію, ставшую въ рѣзкую оппозицію къ конституціи, и считали своимъ политическимъ долгомъ заставить непокорный клиръ подчиниться требованіямъ закона. Между Церковью и Государствомъ велась политическая борьба, во время которой пускались въ ходъ обычныя для такой борьбы средства.

Идеологъ клерикальной партіи, валенсійскій архіепископъ Веремундо Аріасъ, выступавшій въ защиту независимости Церкви отъ Государства, былъ высланъ изъ предѣловъ Испаніи; заявившіе себя солидарными съ Аріасомъ шесть епископовъ подверглись той же участи. Изъ своего изгнанія они поручили капитуламъ избрать замѣстителей епископской власти (gobernadores de mitra), которые являлись бы въ соотвѣтствующихъ епархіяхъ генеральными викаріями. Но правительство потребовало, чтобы gobernadores de mitra принесли присягу вѣрности конституціи и были избираемы изъ среды людей, преданныхъ новымъ учрежденіямъ и давшихъ доказательство своей преданности (de ser adictos á las nuevas instituciones, y haber dado pruebas de ello). На этой почвѣ произошелъ между правительствомъ и капитулами рядъ столкновеній, въ результатѣ которыхъ возникли новыя преслѣдованія противъ различныхъ представителей духовенства [1]). Въ нѣкоторыхъ епископскихъ городахъ и въ сельскихъ округахъ прекратилось богослуженіе въ виду изгнанія правительствомъ всѣхъ священнослужителей; во многихъ мѣстахъ должности послѣднихъ стали занимать секуляризованные монахи, къ которымъ католическое населеніе относилось крайне враждебно. Каѳедральный соборъ въ Оріуэлѣ совершенно пустовалъ; священникамъ приходилось скрываться подальше отъ глазъ правительственнаго чиновника или отправляться въ тюрьму и томиться въ ней до тѣхъ поръ, пока случай положитъ конецъ ихъ произвольному аресту [2]). Папа не могъ, разумѣется, оставаться безучастнымъ къ преслѣдованіямъ духовенства и неоднократно протестовалъ противъ нихъ, но правительство не обращало вниманія на его протесты, что дѣлало отношенія между Римской Куріей и Мадридомъ крайне натянутыми. Когда же кортесы въ 1821 г. отмѣнили различные доходы и сборы въ пользу Куріи, а въ 1822 г. назначили испанскимъ посломъ въ Римѣ Іоакина Лоренсо Вильянуэву, выступавшаго въ учредительныхъ кортесахъ противъ Инквизиціи и нѣкоторыхъ злоупотребленій духовенства, то отъ имени папы было заявлено, что

---

[1]) Какъ происходили выборы генеральныхъ викаріевъ и какъ вліяло на ходъ выборовъ правительство, заинтересованное въ результатахъ ихъ,—см. Brück, «Die geheimen Gesellschaften in Spanien», 189 и слѣд. Книга написана съ католической точки зрѣнія и является не безъ подъема написаннымъ памфлетомъ противъ кортесовъ 1812 и 1820 гг.

[2]) Brück, op. cit., 243.

новый посолъ не будетъ принятъ Куріей, и между Мадридомъ и Римомъ произошелъ окончательный разрывъ, сопровождавшійся высылкой папскаго нунція изъ Испаніи.

При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, что духовенство задалось цѣлью, во что бы то ни стало, вернуть страну къ абсолютизму и свергнуть правленіе кортесовъ. Оно встрѣчало въ этомъ отношеніи поддержку въ лицѣ землевладѣльческой аристократіи, недовольной отмѣной майоратовъ, патронатовъ, заповѣдныхъ и т. п. имуществъ, а также въ лицѣ крестьянской массы, вѣрившей монахамъ и священникамъ, будто кортесы намѣрены уничтожить католическую религію въ странѣ и распространить въ ней франкмасонскую ложь [1]). Эта контръ-революціонная партія въ числѣ своихъ союзниковъ, естественно, считала и Фердинанда, превратившаго королевскій дворецъ въ заговорческій притонъ, куда стекались всѣ враги новаго режима, готовые съ оружіемъ въ рукахъ подняться на защиту абсолютизма. Первая попытка насильственнаго сверженія конституціоннаго правительства исходила отъ секуляризованныхъ монаховъ, образовавшихъ въ Галисіи апостолическую хунту (Junta Apostólica), членами которой, помимо представителей духовенства, были преимущественно крестьяне, которыхъ гналъ въ лагерь заговорщиковъ призракъ близкаго исчезновенія католицизма. Хунта была подавлена съ большой жестокостью; такая же участь постигла и бургосскую группу заговорщиковъ, которою руководили монахи и одинъ генералъ. Правительство выходило побѣдителемъ при столкновеніи съ различными повстанцами, но гидра конспираціи все расширялась и расширялась, и вскорѣ страна покрылась сѣтью тайныхъ обществъ «арміи спасенія вѣры». 21 іюня 1822 г. пять тысячъ человѣкъ этой арміи захватили Сео де Ургель, который сдѣлали своей главной квартирой. 15 августа здѣсь было провозглашено королевское регентство изъ трехъ лицъ, протестовавшее противъ того, что революціонные кортесы захватили короля, заявившее, что оно будетъ управлять страною согласно истинной волѣ Фердинанда, и вступившее въ переговоры, при посредничествѣ папы Пія VII, съ Австріей и Россіей относительно оказанія контръ-революціи помощи взамѣнъ уступки части испанской территоріи. Конституціонное правительство нѣкоторое время было безсильно бороться съ засѣвшими въ Сео де Ургель реакціонерами, нашедшими приверженцевъ во всей странѣ, и стало жестоко мстить тѣмъ изъ своихъ враговъ, которые были слишкомъ слабы, чтобы дать ему отпоръ. Такъ возникла въ странѣ всеобщая анархія, поддерживаемая двумя правительствами, одинаково считавшими себя законной властью, при чемъ король оффиціально былъ заодно съ конституціоннымъ правительствомъ, а фактически инспирировалъ дѣйствія контръ-революціоннаго, антиконституціоннаго правительства, сначала засѣдавшаго въ Сео де Ургель, а затѣмъ перекочевавшаго во Францію, гдѣ оно пользовалось неприкосновенностью и было неуязвимо для генерала Мины, почти единственнаго военнаго начальника, храбро и вѣрно служившаго конституціонной власти.

Открывшійся въ Веронѣ конгрессъ государствъ Священнаго Союза совпалъ съ моментомъ высшаго разгара анархіи въ Испаніи. Засѣдавшее въ Сео де Ургель регентство отправило на конгрессъ своего представителя, которому поручило ходатайствовать предъ государями Священнаго Союза о возвращеніи Испаніи къ тому порядку, который въ ней господствовалъ до 1820 г. Конституціонное правительство, разсчитывая на поддержку

[1]) «Le nouvel ordre de choses fut reçu avec enthousiasme par les grandes villes, le commerce, l'industrie, les professions liberales, l'armée et les prolétaires... le clergé et les moines virent ce changement avec douleur, les paysans avec inquiétude». M. Martignac, «L'Espagne et ses Révolutions», 1833, стр. 213. Это настроеніе мало-по-малу становилось болѣе опаснымъ для кортесовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Марліани. «Il se trouva des moines pour prêcher au nom de Dieu de paix, et pour des motifs purement materiels, la rébellion contre la liberté; il y eut aussi des fanatiques pour entendre leurs provocations, et là, où la séduction était impuissante, l'or des absolutistes et de l'étranger servit á entraîner un certain nombre de paysans».—Marliani, «Histoire politique de l'Espagne moderne», Paris-Londres, 1840, I, 258.

Англіи, не отправило делегата въ Верону, надѣясь, что державы Священнаго Союза ничего не предпримутъ противъ воли Англіи. Надежда эта, однако, не оправдалась, и 22 ноября Священный Союзъ поручилъ Франціи возстановить въ Испаніи старый порядокъ, предварительно подписавъ тайный договоръ, въ которомъ рѣзко осуждался принципъ народнаго суверенитета и свободы печати и подчеркнута была необходимость покровительства духовенству, являющемуся лучшимъ орудіемъ сдержанія народа въ рамкахъ повиновенія высшей власти и правительству [1]). Хотя конституціонная Испанія, раздираемая междоусобной войной, безъ твердой власти и безъ настоящей опоры въ народѣ, ничего не могла противопоставить Священному Союзу, отъ имени котораго долженъ былъ вступить въ предѣлы Испаніи герцогъ Ангулемскій со стотысячной арміей, тѣмъ не менѣе, кортесы отвергли предложеніе о добровольной отмѣнѣ всѣхъ законовъ, изданныхъ съ марта 1820 г., и рѣшили силой отвѣтить «на дерзкое вмѣшательство чужестранцевъ». Какъ и можно было ожидать, французы безъ особаго труда брали одну крѣпость за другой [2]), и кортесы стали бѣжать на югъ, таща повсюду за собою Фердинанда. Изъ Мадрида они перекочевали въ Севилью, а затѣмъ въ Кадиксъ. Враги конституціи восторженно, съ криками: «да здравствуетъ абсолютный король! да здравствуютъ религія и Инквизиція!», встрѣчали по всему пути французскихъ солдатъ, и «армія спасенія религіи» присоединилась къ чужестраннымъ солдатамъ въ очень значительномъ количествѣ. Еще до своего вступленія въ Испанію герцогъ Ангулемскій рѣшилъ создать въ своемъ лагерѣ временное испанское правительство, пока король Фердинандъ VII не будетъ освобожденъ изъ «якобинскаго плѣна», въ которомъ его держали кортесы. Члены этого временнаго правительства могли быть взяты либо изъ бывшаго регентства, образовавшагося въ Сео де Ургель и нынѣ находившагося въ Тулузѣ, куда оно бѣжало отъ побѣдившаго его генерала Мины, либо изъ засѣдавшей въ Байоннѣ хунты, которая, подъ руководствомъ генерала Эгіа, вырабатывала планъ реставраціи Фердинанда на исконныхъ испанскихъ началахъ. Бѣглецы изъ Сео де Ургеля казались герцогу Ангулемскому чрезмѣрно ослѣпленными ненавистью къ сторонникамъ конституціи и онъ остановилъ свой выборъ на байонской хунтѣ, которая послѣ первыхъ же побѣдъ французовъ въ Испаніи была провозглашена временнымъ правительствомъ. Однако, надежда герцога Ангулемскаго, что Эгіа и его два товарища будутъ умѣрены въ своихъ дѣйствіяхъ, не оправдалась, и первымъ оффиціальнымъ актомъ временнаго правительства была отмѣна всѣхъ законовъ, изданныхъ послѣ 7 марта 1820 г. Затѣмъ начались жестокія и многочисленныя преслѣдованія конституціоналистовъ, такъ что герцогъ Ангулемскій, сейчасъ по вступленіи въ Мадридъ, поспѣшилъ замѣнить правительство регентствомъ, во главѣ котораго сталъ герцогъ Инфантадо. Но регентство продолжало политику бывшаго временнаго правительства: конфискованное монастырское и церковное имущество было отнято у тѣхъ, кто его купилъ, іезуитамъ было разрѣшено вернуться, были удалены всѣ назначенные послѣ 7 марта 1820 г. чиновники, имущество членовъ кортесовъ подверглось секвестраціи, была создана армія изъ королевскихъ волонтеровъ, на обязанности которыхъ было арестовать всѣхъ, кого подозрѣвали въ сочувствіи дѣятелямъ 1820-1822 гг. Однимъ изъ наиболѣе жестокихъ законовъ слѣдуетъ считать тотъ, которымъ были приговорены къ смерти какъ члены кортесовъ, голосовавшіе за переѣздъ Фердинанда VII изъ Севильи въ Кадиксъ, такъ и министры и военные, сопровождавшіе короля въ этомъ путешествіи. Смертная казнь должна была быть примѣнена

---

[1]) Марліани утверждаетъ, что Франціей руководило въ этомъ дѣлѣ не столько желаніе возстановить въ Испаніи старый режимъ, сколько стремленіе занять въ ней господствующее положеніе. «L'intérêt que la Restauration affecta de témoigner à Ferdinand VII ne fut que le prétexte de cette invasion: le véritable but fut d'y rétablir la domination française, chimere que tous les gouvernements de la France sont condamnes à poursuivre». Op. cit., II, 234.

[2]) Испанскіе гранды приподнесли адресъ герцогу Ангулемскому.

«безъ всякихъ формальностей и суда, на основаніи лишь установленія личности». Такая строгость объяснялась тѣмъ, что Фердинандъ не желалъ оставить Севильи, когда ей стала угрожать опасность со стороны французской арміи, стремясь поскорѣе освободиться изъ-подъ ферулы кортесовъ и предаться въ руки герцога Ангулемскаго. Кортесы, однако, настаивали на переѣздѣ въ Кадиксъ и, по предложенію Галіано, приняли чрезвычайную мѣру: король былъ объявленъ въ такомъ состояніи, когда онъ вслѣдствіе физической и духовной причины не можетъ управлять государствомъ, и во власть вступило регентство изъ трехъ лицъ, которое и постановило перенести засѣданія кортесовъ въ Кадиксъ. На слѣдующій день, однако, король рѣшилъ послѣдовать за кортесами, которые объявили его уже «здоровымъ», и регентство сложило свои полномочія 13 іюня, т.-е. черезъ 48 часовъ послѣ своего назначенія.

Въ странѣ начался страшный бѣлый терроръ, и когда герцогъ Ангулемскій воспретилъ производить аресты безъ разрѣшенія военныхъ властей, то королевскіе волонтеры стали протестовать противъ вмѣшательства Франціи во внутреннія дѣла Испаніи, а генералъ Эгіа вмѣстѣ со многими представителями духовенства и арміи передали ему 23 августа заявленіе, въ которомъ характеризовали умѣренность герцога Ангулемскаго какъ божіе оскорбленіе и требовали введенія Инквизиціи. Такъ какъ герцогъ Ангулемскій формально долженъ былъ лишь освободить изъ рукъ конституціоналистовъ плѣннаго короля, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла, то онъ отмѣнилъ свое распоряженіе, и бѣлый терроръ могъ безпрепятственно свирѣпствовать во всей странѣ.

Между тѣмъ, французы осаждали Кадиксъ, гдѣ положеніе конституціоннаго правительства и кортесовъ становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже; сдача города была неминуема, и кортесы рѣшили, чтобы Фердинандъ «свободнымъ» явился во французскій лагерь, предварительно подписавъ, однако, подъ вліяніемъ требованій кадикскаго населенія и членовъ кортесовъ и правительства, манифестъ, въ которомъ заявилъ, что дѣйствуетъ безъ всякаго принужденія, даетъ честное слово короля управлять страной ко благу народа, гарантируетъ личную и имущественную безопасность испанцевъ и прощаетъ всѣмъ все прошлое.

Но на слѣдующій день, очутившись за стѣнами Кадикса въ присутствіи герцога Инфантадо, Фердинандъ забылъ свое торжественное слово и издалъ 1 октября 1823 г. декретъ, коимъ открылась эра самой мрачной реакціи въ Испаніи. Одновременно съ отмѣной всѣхъ распоряженій и законовъ, изданныхъ со дня революціи, 7 марта 1820 г., король подтвердилъ всѣ постановленія какъ временнаго правительства, такъ и регентства, во главѣ котораго находился герцогъ Инфантадо. Подчиняясь вліянію послѣдняго, а также своего бывшаго исповѣдника Виктора Саэса, котораго онъ назначилъ министромъ, Фердинандъ сталъ съ неслыханной жестокостью преслѣдовать тѣхъ, кого подозрѣвалъ въ сочувствіи дѣятельности кортесовъ, и лишь благодаря вмѣшательству французскихъ генераловъ, отправившихъ во Францію виднѣйшихъ представителей либеральной и радикальной партіи, смертныя казни ограничились простыми рядовыми, и лишь немногіе популярные вожаки, какъ, напр., Ріего, пали жертвой гнѣва озлобленнаго монарха. Подъ предсѣдательствомъ одного бывшаго инквизитора была создана Junta de Estado, состоявшая почти исключительно изъ духовныхъ лицъ, на обязанности которой было собрать свѣдѣнія о всѣхъ жителяхъ Испаніи и разослать затѣмъ вѣдомости о нихъ полиціи, которая должна была арестовать тѣхъ изъ нихъ, кого Junta de Estado отмѣтила въ качествѣ ненадежныхъ. Со всѣхъ сторонъ доставлялись въ хунту доносы на либераловъ, при чемъ часто совершенно лживые, такъ какъ ложный доносъ не только не наказывался, но даже поощрялся. Самъ Фердинандъ шелъ во главѣ доносчиковъ и передалъ Junta de Estado списокъ лицъ, извѣстный подъ названіемъ Libro Verde, который онъ велъ въ дни революціи, занося туда всѣхъ, кого намѣревался въ будущемъ, при паденіи революціонной

волны, наказать: теперь онъ могъ свободно осуществить свою мечту. Когда Испанія была раскассирована по вѣдомостямъ, и каждый испанецъ получилъ политико-религіозную наклейку, были созданы спеціальныя военныя комиссіи, которыя должны были судить виновныхъ въ участіи въ революціи или въ сочувствіи ей. Судопроизводство этихъ комиссій напоминало Инквизицію, а приговоры ихъ были гораздо болѣе суровы. Съ 24 августа по 12 октября 1824 г., согласно «Gaceta de Madrid», было повѣшено и разстрѣляно 112 человѣкъ. Неосторожно сказанное слово влекло за собою смерть. Маріано и Хосе Молина были приговорены къ смерти за храненіе прокламаціи о свободѣ. Симонъ Альфасо былъ повѣшенъ за крикъ: «да здравствуетъ конституція!». Въ Гранадѣ были казнены 7 франкмасоновъ за то, что собрались на тайное засѣданіе; въ Кастиліи былъ повѣшенъ Антоніо Эреса, котораго считали франкмасономъ; преслѣдовали всякаго, у кого находили иностранную или изданную въ 1820-23 гг. книгу; за храненіе портрета Ріего ссылали на каторжныя работы; студенты должны были присягать, что не признаютъ народнаго самодержавія и не войдутъ ни въ одно тайное общество [1]). Эта военная юстиція, безапелляціонная, произвольная и не гласная, продолжалась почти два года. Время ея функціонированія получило кличку «эпохи Чаперона» (Epoca de Chaperon), по имени предсѣдателя мадридской военной комиссіи, отличавшагося особой жестокостью и кровожадностью. Если по истеченіи двухъ лѣтъ и наступило нѣкоторое смягченіе, то все-таки дальнѣйшее царствованіе Фердинанда отличалось крайне реакціоннымъ характеромъ, и «эпоха Каломарде», продолжавшаяся до смерти короля, лишь немногимъ менѣе мрачна своей предшественницы, «эпохи Чаперона».

Когда французы, побѣждая конституціонную испанскую армію, двигались къ югу для освобожденія Фердинанда изъ «якобинскаго плѣна», торжествующая реакція требовала отъ герцога Ангулемскаго возстановленія Инквизиціи, отмѣненной въ 1820 г. и теперь, въ виду общаго возвращенія къ старому, подлежащей, по ихъ мнѣнію, возстановленію въ прежнемъ видѣ. Несмотря на свою слабохарактерность, герцогъ рѣшительно отказывался дать согласіе на введеніе Инквизиціи, заявляя, что онъ не имѣетъ на то никакихъ полномочій; но когда Фердинандъ очутился «на свободѣ» и издалъ свой декретъ отъ 1 октября 1823 г., въ которомъ однимъ росчеркомъ пера отмѣнялись всѣ распоряженія «такъ называемаго конституціоннаго правительства», друзья Инквизиціи считали свое дѣло выиграннымъ, тѣмъ болѣе, что король 4 октября предписалъ совершить во всей Испаніи торжественное богослуженіе въ искупленіе оскорбленій, нанесенныхъ Святымъ Дарамъ, и повелѣлъ епископамъ сослать подъ строжайшій надзоръ въ монастырь священниковъ, дѣйствовавшихъ въ качествѣ агентовъ нечестивой партіи [2]). Однако, и Фердинандъ давалъ уклончивый отвѣтъ тѣмъ, кто настаивалъ предъ нимъ на введеніи Инквизиціи, такъ какъ зналъ, что французское правительство, точнѣе самъ Людовикъ XVIII, не сочувствовалъ этому. Кромѣ того, Фердинандъ не ждалъ никакой существенной пользы отъ Инквизиціи: онъ считалъ Церковь такимъ же полицейскимъ орудіемъ, назначеннымъ для охраны интересовъ самодержавія, какъ и судъ, администрацію, печать, армію, флотъ и другія государственныя учрежденія. Все должно было служить одной цѣли: укрѣпленію абсолютизма въ Испаніи, и, по его мнѣнію, военные суды и прочія административныя мѣры вели

[1]) Hubbard. «Histoire contemporaine de l'Espagne», II, 294; Ш. Сеньобосъ, «Политическая исторія современной Европы», стр. 289, изд. Павленкова, 1901.

[2]) Предисловіе къ этому распоряженію очень характерно. Оно гласитъ. «Моя душа угнетена ужасающимъ зрѣлищемъ святотатственныхъ преступленій, которыя нечестіе осмѣлилось совершить противъ Верховнаго Творца вселенной. Служители Христа подвергались преслѣдованію и были принесены въ жертву; почтенный намѣстникъ св. Петра подвергся поруганію, храмы осквернены и разрушены; святое Евангеліе въ пренебреженіи; безцѣнный Завѣтъ, данный намъ Іисусомъ Христомъ на Его послѣдней вечери для обезпеченія нашего вѣчнаго блаженства,— Святые Дары - попраны ногами» и т. д.

скорѣе къ этой цѣли, чѣмъ Инквизиція, опиравшаяся на волю не абсолютнаго короля, а римскаго намѣстника св. Петра и пытавшаяся иногда занимать и въ полицейскомъ государствѣ положеніе полунезависимаго учрежденія. Въ глубинѣ души онъ потому считалъ Инквизицію не только безполезной, но и вредной и мечталъ о томъ, чтобы ея функціи исполняла другая власть, безъ традицій о былой независимости и самостоятельности [1]). Этимъ объясняется законъ 1 января 1824 г., въ силу котораго дѣла по управленію имуществомъ Инквизиціи были перенесены къ Colector general de Espolios, который долженъ былъ платить пенсію инквизиціоннымъ служителямъ. Поведеніе Фердинанда въ этомъ вопросѣ вызывало недовольство инквизиціонно-клерикальной партіи, которая, слѣдуя принципу «Der König absolut, wenn er unsern Willen thut», стала въ явную оппозицію къ королю, группируясь вокругъ донъ Карлоса, брата Фердинанда, и образуя Апостолическую Хунту или общество Ангела Истребителя. Въ 1827 г. эти крайніе реакціонеры, которыхъ называютъ то апостолической, то инквизиціонной, то, наконецъ, карлистской партіей, подняли нѣсколько разъ знамя возстанія, на которомъ красовались слова: «да здравствуетъ Инквизиція! долой конституцію! смерть полиціи!» [2]). Въ Каталоніи карлисты были очень сильны, и пришлось прибѣгнуть къ жестокимъ мѣрамъ, чтобы здѣсь подавить реакціонное движеніе [3]). Король потребовалъ отъ епископовъ, чтобы они въ церквахъ призывали народъ къ повиновенію властямъ для того, чтобы бунты болѣе не возобновлялись, но епископъ Коркуэра-и-Касерта наотрѣзъ отказался быть «соучастникомъ враговъ Бога» и заявилъ, что Фердинандъ виновенъ во многихъ преступленіяхъ, такъ какъ онъ не возстановилъ Инквизиціи, даетъ возможность свободно обращаться въ странѣ вреднымъ книгамъ и недостаточно ревниво охраняетъ интересы религіи.

Повидимому, нѣкоторые инквизиціонные трибуналы не теряли надежды на возстановленіе Инквизиціи, и въ Валенсіи, напримѣръ, трибуналъ функціонировалъ въ теченіе 1824 г. подъ названіемъ духовнаго трибунала. Нѣкто Валеро Андреу былъ приговоренъ къ наказанію за святотатственныя выраженія: гражданскій судъ оффиціально признавалъ существованіе инквизиціоннаго и направлялъ къ нему всѣ дѣла, кои въ прежнее время подлежали инквизиціонной юрисдикціи. На островѣ Майоркѣ трибуналъ функціонировалъ даже въ 1830 г. [4]) Главной задачей его были всевозможные сборы въ пользу Инквизиціи, при чемъ члены его перестали даже называться инквизиторами и стали именовать себя казначеями, кассирами и нотаріусами. Во главѣ Инквизиціи, какъ бы замѣняя старую Супрему или даже Великаго инквизитора, находился Генеральный смотритель принадлежащаго Инквизиціи имущества, исполняя опять-таки не религіозныя функціи, а административныя, заботясь не о чистотѣ религіи и нравственности или о политическихъ воззрѣніяхъ католическихъ подданныхъ испанскаго короля, а объ имуществѣ Инквизиціи, о сборѣ слѣдуемыхъ ей арендныхъ и иныхъ суммъ, равно какъ о выдачѣ жалованья всѣмъ служителямъ трибуналовъ, не исключая и бывшихъ членовъ Супремы и послѣдняго Великаго инквизитора Кастельона-и-Саласа, получившаго этотъ постъ въ 1818 г. Генеральнымъ смотрителемъ имущества Инквизиціи былъ въ 1830 г. Валентинъ Сорилья, бывшій инквизиторъ; его помощникомъ, въ званіи фискала, состоялъ опять-таки бывшій

---

[1]) Lea, «History», IV, 454—456.

[2]) Первый призывъ къ возстанію относится къ 1825 г.; руководитель этого неудавшагося возстанія Бессьеръ былъ арестованъ и вскорѣ разстрѣлянъ. — См. M. Marliani, «Histoire etc.», I, 353.

[3]) Городъ Манреса былъ захваченъ карлистами, провозгласившими тамъ временное правительство, въ составѣ котораго были три члена чернаго духовенства. Манифестъ этого правительства говоритъ, что Фердинандъ находится въ рукахъ франкмасоновъ, не дающихъ ему возможности возстановить Инквизицію, и что необходимо отчистить территорію Испаніи отъ либераловъ, Hubbard, «Histoire contemporaine etc.», II, 322—23.

[4]) Lea, op. cit., IV, 458—59.

инквизиторъ, Алонсо де Вердехо. Такъ какъ они не исполняли первоначальной миссіи Инквизиціи и преслѣдовали по преимуществу денежныя цѣли, то рядомъ съ Генеральнымъ смотрительствомъ начали функціонировать и религіозные суды, такъ называемыя Juntas de fé, отличавшіеся отъ старыхъ инквизиціонныхъ трибуналовъ лишь въ томъ отношеніи, что предсѣдателями ихъ обыкновенно являлись епископы, назначавшіе на прочія должности при трибуналахъ бывшихъ инквизиторовъ, прибѣгавшихъ къ тѣмъ же формамъ судопроизводства и слѣдствія, какія были обычны во время расцвѣта Инквизиціи.

О дѣятельности этихъ Juntas de fé сохранилось мало данныхъ. Наиболѣе громкимъ процессомъ въ дни ихъ господства былъ процессъ «несчастнаго еврея», закончившійся смертной казнью, о которой мы подробно говорили въ другомъ мѣстѣ (стр. 265). Разумѣется, называть евреемъ бѣднаго и скромнаго учителя Кайетано Риполя, утверждавшаго что суть религіи заключается въ изреченіи: «не дѣлай другому того, что не желаешь, чтобы дѣлали тебѣ», можно было лишь съ помощью той искусственной, дѣлавшейся съ большими натяжками, классификаціи преступниковъ, съ которой мы знакомились на протяженіи всего изложеннаго въ настоящей книгѣ. Какъ бы то ни было, Риполь былъ арестованъ 29 сентября 1824 г. по обвиненію въ іудействованіи и въ теченіе двухъ лѣтъ томился въ валенсійской тюрьмѣ, пока не искупилъ смертью своего преступленія на торжественномъ ауто-да-фе. Его сожженіе вызвало взрывъ негодованія въ Европѣ, увеличивавшагося по мѣрѣ того, какъ карлисты или королевская вольная дружина стали шумно праздновать начало дѣйствительнаго возстановленія Инквизиціи и требовать отнынѣ непреклоннаго ея функціонированія по примѣру прошлаго времени, когда Инквизиція не должна была скрывать своего лица подъ маской Juntas de fé. Однако, Фердинандъ не только не пошелъ навстрѣчу этому требованію, но открыто выразилъ свое недовольство по поводу незаконнаго возстановленія Инквизиціи подъ инымъ названіемъ. Мало того, папа Пій VIII откликнулся на «чрезмѣрныя страданія» жертвъ религіозныхъ трибуналовъ и 5 октября 1829 г. постановилъ, чтобы отнынѣ могла подаваться папскому нунцію апелляція на рѣшенія религіозныхъ судовъ, лишившихся, такимъ образомъ, одного изъ важнѣйшихъ аттрибутовъ Инквизиціи,—независимости отъ Римской Куріи или ея представителя. Это вмѣшательство папы въ отправленіе инквизиціоннаго правосудія было санкціонировано Фердинандомъ, придавшимъ 6 февраля 1830 г. характеръ государственнаго закона постановленію Пія VIII. Этимъ, однако, Инквизиція была лишь подвергнута контролю Рима, но не отмѣнена: подъ маской религіозныхъ хунтъ она просуществовала еще нѣкоторое время, играя, впрочемъ, въ жизни испанскаго народа едва замѣтную роль.

Въ 1833 г. умеръ Фердинандъ VII. Королевой была провозглашена его двухлѣтняя дочь Изабелла; до ея совершеннолѣтія регентшей должна была быть ея мать Марія-Христина, четвертая жена Фердинанда VII. Провозглашеніе Изабеллы королевой Испаніи разрушило надежды сторонниковъ донъ Карлоса, разсчитывавшихъ, что къ нему, послѣ смерти Фердинанда, перейдетъ королевскій тронъ, и что онъ, котораго они уже называли Карломъ V, возстановитъ абсолютизмъ въ крайней формѣ и «энергично будетъ защищать» католическую религію, т.-е. введетъ Инквизицію по старому образцу. Карлисты не хотѣли безропотно отказаться отъ своихъ иллюзій и подняли знамя возстанія противъ «незаконной королевы», опираясь на законъ 1713 г. (auto acordado), коимъ отмѣнялся старинный кастильскій порядокъ престолонаслѣдія, предоставлявшій и женщинамъ право на престолъ. Возстаніе очень скоро стало принимать грозный характеръ, и для подавленія его регентша Марія-Христина нуждалась въ либеральныхъ элементахъ общества. Послѣдніе, естественно, могли оказать ей помощь лишь при условіи введенія извѣстныхъ реформъ въ духѣ умѣреннаго либерализма. Этимъ и объясняются первые шаги правленія Маріи-Христины, отличавшіеся сравнительной вѣротерпимостью. Въ новый уголовный кодексъ должны были быть включены статьи, карающія виновныхъ въ нападкахъ на религію. Епископамъ

и архіепископамъ снова вернули духовную цензуру, на которую претендовали инквизиціонные трибуналы, называвшіе себя религіозными хунтами. Наконецъ, 9 іюля 1834 г., въ связи съ безпорядками, направленными противъ монаховъ, которыхъ молва обвиняла въ распространеніи свирѣпствовавшей тогда въ Испаніи холерной эпидеміи, регентство стало обсуждать декретъ объ отмѣнѣ Инквизиціи, который и былъ опубликованъ 15 іюля. Почти одновременно съ этимъ были вновь изгнаны іезуиты, и были закрыты монастыри, насчитывавшіе менѣе 12 монаховъ. Въ введеніи къ декрету объ отмѣнѣ Инквизиціи говорилось, что «мой августѣйшій покойный мужъ считалъ достаточнымъ для упроченія религіи естественный и неотъемлемый авторитетъ архіепископовъ и епископовъ и изданные въ соотвѣтствіи съ этимъ авторитетомъ законы страны», что королева-регентша передала 4 января цензуру книгъ, имѣющихъ касательство къ религіи, морали и церковному благочинію, въ руки епископовъ, что уголовное уложеніе выработало рядъ наказаній для оскорбителей религіи, и что духовная хунта разсматриваетъ для внесенія въ видѣ предложеній все, что считаетъ нужнымъ, — въ виду всего этого, отъ имени Изабеллы II, послѣ выслушанія членовъ регентства и министровъ, провозглашаются слѣдующія постановленія: «1) Трибуналъ Инквизиціи объявляется окончательно упраздненнымъ. 2) Всѣ помѣстья, дома, арендныя и иныя имущества, которыми монаршее благочестіе надѣлило Инквизицію, или которыя были ею пріобрѣтены путемъ изданныхъ съ цѣлью ей покровительствовать законовъ, поступаютъ въ кассу погашенія государственнаго долга. 3) Доходы со ста одного каноника, причисленныхъ къ Инквизиціи, поступаютъ въ ту же кассу, согласно королевскому декрету отъ 9 марта, въ сроки, указанные папскими буллами, изданными на сей предметъ. 4) Должностныя лица названнаго Трибунала и его отдѣленій, владѣющія духовными пребендами или получающія жалованье по какому-либо разряду гражданскихъ должностей, не будутъ имѣть права получать изъ фондовъ вышеуказаннаго Трибунала вознагражденіе, соотвѣтственное тому, какое имъ причиталось, когда они состояли на службѣ у Инквизиціи. 5) Всѣ остальные служащіе Трибунала Инквизиціи имѣютъ право получать изъ кассы погашенія государственнаго долга, пока имъ не будутъ доставлены другія должности, точно такое жалованье, какое имъ причитается, смотря по разряду, къ которому ихъ причислитъ спеціально созданная для этой цѣли хунта».

На этотъ разъ отмѣна Инквизиціи была, дѣйствительно, окончательной, и даже религіозныя хунты, стремившіяся замѣнить собою Инквизицію, стали подвергаться гоненію, а 1 іюля 1835 г. имъ было приказано немедленно прекратить свою дѣятельность, такъ какъ въ религіозно-нравственныхъ вопросахъ не должно быть мѣста другимъ судамъ, помимо обыкновенныхъ епископскихъ судовъ, предусмотрѣнныхъ еще законодательствомъ Альфонса X «Siete Partidas».

Что дала Испаніи Инквизиція, просуществовавшая цѣлыхъ 350 лѣтъ? По-истинѣ страшенъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Единство религіи было лозунгомъ Инквизиціи. Во имя этого принципа ею были изгнаны евреи, мавры и мориски, искоренялись іудействующіе и протестанты, преслѣдовались мараны и мистики, подвергались наказаніямъ вольнодумцы и франкмасоны, подавлялись свобода мысли и свобода слова, изгонялись купцы, коммерсанты и чужестранцы, и всячески культивировались католическій фанатизмъ и монашеское благочиніе. Во имя единства религіи Фердинандъ подрывалъ благосостояніе своей страны, а Карлъ велъ безсмысленную имперскую политику, ложившуюся непосильнымъ бременемъ на совершенно не заинтересованную въ планахъ короля-императора монархію. Во имя единства религіи Филиппъ II давилъ и терзалъ Нидерланды, а Филиппъ III вынужденъ былъ отказаться навсегда отъ этой жемчужины испанской короны. Во имя единства религіи Филиппъ IV

рвалъ выгодные для Испанiи международные договоры, а Карлъ II заключалъ столь же тяжелые для нея трактаты. Во имя единства религiи Габсбургская династiя въ теченiе 200 лѣтъ политически, экономически и духовно порабощала доставшуюся ей отъ Католической царственной четы монархiю, и когда вмѣстѣ съ нравственно и физически ничтожнымъ Карломъ II погасла эта роковая для Испанiи династiя, и вакантный тронъ заняли Бурбоны, то Испанiя, по словамъ современниковъ, представляла собою скорѣе церковь, чѣмъ государство.

Превратить эту церковь-Бастилiю въ свѣтское государство на подобiе сосѣдней Францiи—такова была историческая задача Бурбонской династiи.

Безпечные, лѣнивые, мало послѣдовательные и поверхностные Бурбоны далеко не всегда стояли на высотѣ этой задачи, а когда, при Карлѣ IV, страной стали управлять капризная и безнравственная женщина и невѣжественный, корыстолюбивый бонвиванъ, то дни Испанiи, казалось, были сочтены, и великiй корсиканецъ «голыми руками» собирался захватить это небольшое государство. Къ изумленiю всего мiра, «забытый народъ» обнаружилъ необычайную силу сопротивленiя и свергъ иго титана,—чтобы возложить на себя гораздо болѣе тяжелое ярмо ничтожнѣйшаго Фердинанда. Но буря революцiи не безслѣдно пронеслась надъ ветхимъ зданiемъ, и въ монашескую обитель ворвался духъ свободы и мало-по-малу превратилъ ее въ свободное, культурное и вѣротерпимое государство.

Инквизицiя не достигла своей цѣли. Въ Испанiи нѣтъ единства религiи, и оффицiальное обозначенiе всѣхъ жителей Испанiи католиками, несмотря на существованiе въ ней представителей различныхъ вѣроисповѣданiй, является жалкимъ памятникомъ умершему принципу единства религiи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Булла Иннокентія IV противъ обвиненія евреевъ въ употребленіи крови, возобновленная Григоріемъ X.

Gregorius episcopus servus servorum dei. Universis christi fidelibus presentes litteras inspecturis salutem et apostolicam benedictionem. Tenorem litterarum, quas felicis recordationis Innocentius papa quartus precessor noster venerabilibus fratribus nostris Archiepiscopis et Episcopis per Alamaniam constitutis in Judeorum Alamanie favorem direxit, pro eo quod incipiebant nimia vetustate consumi, de verbo ad verbum fecimus presentibus annotari, qui talis est.

Innocentius episcopus servus servorum dei. Venerabilibus fratribus Archiepiscopis et Episcopis per Alemanniam constitutis, salutem et apostolicam benedictionem. Lacrimabilem Judeorum Alemannie recepimus questionem, quod nonnuli tam ecclesiastici quam seculares principes ac alii Nobiles et potentes vestrarum civitatum et diocesum, ut eorum bona iniuste diripiant et usurpent, adversus ipsos impia consilia cogitantes ac fingentes occasiones varias et diversas, non considerato prudenter, quod quasi ex archivis eorum christiane fidei testimonia prodierunt, scriptura divina inter alia mandata legis dicente: «non occides», ac prohibente illos in sollempnitate paschali quicquam morticinum non contingere, falso imponunt eisdem, quod in ipsa sollempnitate se corde pueri communicant interfecti, credendo id ipsam legem precipere, cum sit legi contrarium manifeste, ac eis malitiose obitiunt hominis cadaver mortui, si contigenit illud alicubi reperiri, et per hoc et alia quamplura figimenta sevientes in ipsos, eos super hiis non accusatos, non confessos nec convictos contra privilegia illis ab apostolica sede clementer indulta spoliant contra deum et iustitiam omnibus bonis suis et inedia, carceribus ac tot molestiis tantisque gravaminibus premunt ipsos, diversis penarum affligendo generibus et morte turpissima eorum quamplurimos condempnando, quod iidem Judei, quasi existentes sub predictorum principum, Nobilium et potentum dominio deterioris conditionis, quam eorum patres sub pharaone fuerunt in egypto, coguntur de locis, inhabitatis ab eis et suis antecessoribus a tempore, cuius non extat memoria, miserabiliter exulare, unde suum exterminium metuentes, duxerunt ad apostolice sedis providentiam recurrendum. Nolentes igitur prefatos Judeos iniuste vexari, quorum conversationem dominus miseratus expectat, cum testante propheta crendantur reliquie salve fieri eorundem, fraternitati vestre per apostolica scripta mandamus, quatinus eis vos exhibentes favorabiles et benignos, quicquid super premissis contra eosdem Judeos per predictos prelatos, Nobiles et potentes inveneritis temere attemptatum, in statum debitum legitime revocato, non permittatis ipsos decetero super hiis vel similibus ab aliquibus indebite molestari, molestatores huiusmodi per censuram ecclesiasticam appellatione postposita compescendo. Datum Lugduni III non. Julii, pontificatus nostri anno quinto.

Datum Lugduni non. Julii, pontificatus nostri anno tertio.

(Переводъ латинскаго текста):

Григорій, епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, шлетъ всѣмъ вѣрнымъ христіанамъ, которые увидятъ настоящее посланіе, поклонъ и апостольское благословеніе. Мы сочли нужнымъ напомнить содержаніе посланія, которое отправилъ нашъ предшественникъ славной памяти, папа Иннокентій Четвертый, уважаемымъ нашимъ братьямъ архіепископамъ и епископамъ Германіи въ защиту евреевъ Германіи. Мы повторяемъ это посланіе слово

въ слово, потому что отъ времени оно начало уже приходить въ негодное состояніе; содержаніе этого посланія таково:

Иннокентій, епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, шлетъ уважаемымъ братьямъ архіепископамъ и епископамъ Германіи поклонъ и апостольское благословеніе. До насъ дошла горькая жалоба германскихъ евреевъ, что нѣкоторые духовные и свѣтскіе князья и другіе дворяне и власть имущіе въ вашихъ городахъ и епархіяхъ, желая несправедливымъ образомъ воспользоваться и присвоить себѣ имущество евреевъ, выдумываютъ противъ нихъ безбожныя обвиненія и сочиняютъ разнообразные поводы, не подумавъ хорошенько о томъ, что изъ писаній евреевъ вышли доказательства христіанской религіи. Несмотря на то, что священное писаніе среди другихъ законовъ говоритъ «не убій» и запрещаетъ имъ въ праздникъ Пасхи даже дотрагиваться до умершаго, ихъ ложно обвиняютъ, что именно на Пасху они дѣлятъ между собою сердце убитаго мальчика, и ложно утверждаютъ, что это имъ предписано самимъ закономъ въ то время, какъ это очевиднымъ образомъ противорѣчитъ закону. И стоитъ лишь гдѣ-либо открыть мертвое тѣло, какъ это немедленно злостнымъ образомъ приписывается евреямъ, и такими и многими подобными выдумками стремятся ихъ погубить безъ обвиненія, безъ признанія, безъ уликъ, съ нарушеніемъ привилегій, предоставляемыхъ имъ милостью святого престола, лишаютъ ихъ, вопреки Богу и справедливости, всего ихъ состоянія, мучаютъ ихъ голодомъ, тюрьмой и многими другими пытками, подвергаютъ ихъ всевозможнымъ карамъ, возможно большее количество ихъ предаютъ самой лютой смерти такъ, что подъ господствомъ вышеупомянутыхъ князей, дворянъ и власть имущихъ евреи терпятъ еще болѣе ужасную судьбу, чѣмъ ихъ предки подъ игомъ фараоновъ въ Египтѣ, и вынуждены жалкимъ образомъ покинуть тѣ мѣста, гдѣ они и ихъ предки живутъ съ незапамятныхъ временъ. Подъ страхомъ полной гибели они прибѣгли къ защитѣ премудраго святого престола. Такъ какъ мы не желаемъ, чтобы вышеназванные евреи несправедливо подвергались преслѣдованію, такъ какъ остатки евреевъ, по свидѣтельству пророковъ, будутъ обращены въ истинную вѣру, что ждетъ Великій Богъ въ Своемъ милосердіи, то мы повелѣваемъ вамъ быть по отношенію къ нимъ милостивыми и добродѣтельными, каждый разъ, когда вы найдете несправедливость, причиненную имъ прелатами, дворянами и власть имущими, вы должны все привести въ порядокъ и не допускать, чтобы евреевъ кто-либо несправедливо преслѣдовалъ такими или подобными обвиненіями, а всякаго, кто будетъ это нарушать, подвергать церковному наказанію безъ права апелляціи. Дано въ Лугдунѣ (Ліонъ), за три дня до нонъ мѣсяца Іюля, въ пятый годъ нашего понтификата (4 іюля 1247 г.).

Дано въ Лугдунѣ (Ліонъ), ноны мѣсяца Іюля, въ третій годъ нашего понтификата (7 іюля 1273 г.).

Булла Иннокентія IV, въ своемъ возобновленномъ Григоріемъ X видѣ, находится въ Кельнскомъ городскомъ архивѣ. Она снабжена свинцовой печатью, висящей на ниткѣ. На одной сторонѣ печати надпись: Gregorius XPP, на другой изображены головы апостоловъ Павла и Петра, между ними епископскій посохъ и сверху надпись: SPASPE (St. Paulus, St. Petrus). Какимъ образомъ булла эта очутилась въ Кельнѣ, сказать трудно; вѣроятно, папа непосредственно адресовалъ ее кельнскому магистрату. Григорій X возобновилъ «слово въ слово» буллу Иннокентія потому, что она «отъ времени начала приходить въ негодное состояніе». Принимая, однако, во вниманіе, что со времени первоначальнаго опубликованія буллы (1247 г.) до вторичнаго (въ 1273 г.) прошло всего 26 лѣтъ, можно думать, что слова Григорія X слѣдуетъ толковать въ томъ смыслѣ, что содержаніе буллы Иннокентія не исполняется, какъ будто она рухнула отъ чрезмѣрной ветоши (nimia vetustate). Съ другой стороны, заявленіе Григорія, что онъ передаетъ «слово въ слово» буллу своего предшественника, необходимо понимать въ прямомъ смыслѣ, такъ какъ кельнскій текстъ въ точности совпадаетъ съ текстомъ буллы Иннокентія IV, опубликованнымъ въ «Monumenta Germaniae historica», Epist. saec. XIII, ed. Rodenberg, t. II, стр. 297, № 409; въ «Registres d'Innocent IV», стр. 463, № 3077, Elie Berger'a. Факсимиле буллы было помѣщено въ «Kölnische Zeitung» отъ 3 августа 1834 г. и въ «Ost und West», 1913, Heft 12. На буллу Иннокентія IV ссылался въ своемъ обширномъ докладѣ, представленномъ кардиналомъ Ганганелли (будущій папа Климентъ XIV) римской конгрегаціи въ связи съ обвиненіемъ евреевъ въ убійствѣ христіанскаго мальчика въ 1756 г. въ Ямполѣ. Говоря объ обвиненіи евреевъ въ употребленіи христіанской крови, Лоренцо Ганганелли замѣчаетъ: «Чтобы дать правильное представленіе объ этомъ обвиненіи, я прибѣгну къ

судьбѣ, безпристрастность котораго никѣмъ не можетъ быть заподозрѣна. Пострадавшіе вслѣдствіе упомянутаго обвиненія имуществомъ и жизнью евреи обратились съ соотвѣтствующей просьбой къ папѣ Иннокентію IV. Посмотримъ же, какъ отнесся къ этому вопросу знаменитый папа». Ганганелли передаетъ затѣмъ почти цѣликомъ буллу 1247 г. Слѣдовательно,—заключаетъ будущій папа Климентъ XIV, — Иннокентій IV не вѣрилъ, что евреи совершаютъ это преступленіе. Между тѣмъ въ Польшѣ оно имъ приписывается еще и въ настоящее время». — Итальянскій оригиналъ законченнаго въ 1759 г. доклада Ганганелли былъ опубликованъ раввиномъ Ис. Лебомъ «Un mémoire de Laurent Ganganelli sur la calomnie du meurtre rituel», въ «Revue des Etudes juives», XVIII, 185—211; на нѣмецкомъ языкѣ онъ былъ напечатанъ Берлинеромъ подъ названіемъ: «Gutachten Ganganelli's — Clemens XIV» въ «Angelegenheit der Blutbeschuldigung der Juden», 1888 г. Русскій переводъ см. «Папскія буллы о кровавомъ навѣтѣ», Кіевъ, 1912 г. Нѣмецкій оригиналъ этой книги принадлежитъ М. Штерну, автору «Urkundliche Beiträge über die Stellung der Päpste zu den Juden. Mit Benutzung des päpstlichen Geheimarchivs in Rom», 2 т., 1893, 1900. Въ своемъ сочиненіи Морицъ Штернъ помѣщаетъ латинскіе и итальянскіе подлинники вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ. Лучшее изданіе доклада Ганганелли безспорно принадлежитъ Штерну, воспроизведшему его по найденнымъ имъ копіямъ въ архивахъ еврейскихъ общинъ римской и мантуйской и въ архивахъ Реджіо д'Эмилія и Модены. Кромѣ того, М. Штернъ нашелъ въ Веронѣ неизвѣстное до того времени приложеніе къ этому докладу Ганганелли и имъ впервые опубликованное.

II.

Форма примиренія съ Церковью.

(Archivo de la Corona de Aragón въ Барселонѣ, fol. IV. Reg. 3684).

Форма, которой подобаетъ держаться, можно или должно держаться при примиреніи, слѣдующая:

Чтобы каждый изъ клеветниковъ и подозрѣваемыхъ въ ереси сознался въ своей винѣ и заблужденіяхъ, въ которыя впалъ, и чтобы особенно сказалъ и сознался передъ инквизиторами втайнѣ безъ нотаріуса и свидѣтелей во всѣхъ вещахъ, сдѣланныхъ и совершенныхъ противъ нашей святой вѣры; и инквизиторы, выслушавъ его исповѣдь, если признаютъ, что эти люди дѣйствительно пришли примириться съ Господомъ Богомъ и нашей святой вѣрой, должны принять ихъ и наложить на нихъ покаяніе, по своему усмотрѣнію, либо публичное, либо тайное, какъ увидятъ и рѣшатъ лучше, смотря по виду преступленія и положенію лица; а также инквизиторы могутъ не назначать публичнаго покаянія, если увидятъ и рѣшатъ, что это замедлитъ приходъ виновнаго для примиренія. Когда это будетъ сдѣлано, каждый изъ этихъ людей долженъ, чтобы быть принятымъ, отречься отъ ереси, говоря, что, признавая истинную католическую вѣру, предаетъ анаѳемѣ всякую ересь и особенно ту, которую распространялъ, и что объявляетъ, какую именно ересь онъ распространялъ, и что возвращается къ святой матери Церкви и признаетъ сердцемъ и словомъ то, что святая мать Церковь считаетъ правымъ, и торжественно клянется и говоритъ впередъ, что всѣ, идущіе противъ нашей святой вѣры въ ея догматахъ, обрядахъ и церемоніяхъ, должны быть отлучены отъ Церкви. И если онъ что-либо почувствуетъ или будетъ проповѣдывать, или сдѣлаетъ противъ этой нашей святой вѣры, то съ тѣхъ поръ будетъ считаться снова впавшимъ въ ересь и получитъ наказаніе за это, и объ этомъ будетъ прочитано публично, и онъ долженъ добровольно покаяться въ присутствіи нотаріуса и свидѣтелей.

Король [Фердинандъ; относится къ 1483 г.].

III.

Допросъ сознавшагося еврея, который признается въ томъ, что онъ — крещеный христіанинъ.

(Memorias y memoriales pertenecientes al Tribunal de la Inquisicion. Архивъ университетской библіотеки въ Барселонѣ).

Если виновный предстанетъ предъ судомъ и сознается въ томъ, что слѣдовалъ закону Моисея, инквизиторъ долженъ разузнать, что именно онъ исполнялъ изъ закона

Моисея, и кто его научилъ этому, и съ кѣмъ онъ сообщался и былъ въ сношеніяхъ, и когда онъ соблюдалъ законъ Моисеевъ, и сколько времени онъ—крещеный христіанинъ. И инквизиторъ долженъ быть очень хорошо освѣдомленъ о церемоніяхъ, исполняемыхъ евреями, чтобы быть въ состояніи сдѣлать допросъ виновнаго, установить, говоритъ ли онъ правду, и помочь виновному сказать подробно обо всѣхъ церемоніяхъ, а церемоніи еврейскія суть слѣдующія [1]):

Они читаютъ псалмы Давида безъ Gloria Patri. Они ждутъ Мессію и говорятъ, что Мессія еще не пришелъ согласно обѣщанному закону и долженъ прійти, чтобы освободить ихъ изъ плѣна, въ которомъ они находятся по ихъ словамъ, и чтобы отвести ихъ въ обѣтованную землю. И такимъ образомъ они отрицаютъ весь законъ Господа Іисуса Христа нашего Спасителя.

Далѣе, женщины, разрѣшившіяся отъ бремени, не входятъ въ храмъ въ теченіе 20 дней послѣ родовъ. Когда рождаются дѣти, надъ ними совершаютъ обрядъ обрѣзанія и даютъ имъ еврейскія имена, и совершаютъ имъ помазаніе, и обмываютъ ихъ послѣ крещенія.

Далѣе, въ 7-й вечеръ послѣ рожденія ребенка приносятъ большую чашу съ водою и бросаютъ въ нее золото, серебро, жемчугъ, пшеницу, ячмень и другія вещи и моютъ въ этомъ дѣтей, произносятъ извѣстныя слова, которыми призываютъ Hadas (фей), созидающихъ дѣтей.

Далѣе, когда они мѣсятъ тѣсто, они берутъ кусокъ тѣста и жгутъ его на огнѣ въ видѣ жертвоприношенія.

Далѣе, когда человѣкъ находится при смерти, присутствующіе поворачиваются къ стѣнѣ, и какъ только онъ умираетъ, его обмываютъ горячей водой, бреютъ ему бороду, подъ мышками и въ другихъ частяхъ тѣла, одѣваютъ его въ новое полотно, штаны, чистую рубашку и сложенный плащъ, подкладываютъ ему подъ голову подушку и дѣвственнаго песку, а въ ротъ серебряную монету, жемчугъ или другія вещи; выливаютъ въ домахъ покойниковъ воду, находившуюся въ кувшинахъ и чанахъ во время ихъ смерти, и ѣдятъ на полу за дверьми рыбу и оливки, но не мясо, въ память умершаго, и не выходятъ изъ дому въ теченіе года и хоронятъ его въ дѣвственной землѣ.

Далѣе, они совершаютъ вѣнчаніе по еврейскому обряду и имѣютъ еврейскія имена. Суббота считается праздникомъ. Въ этотъ день на столъ стелется чистая скатерть, а на постель чистая простыня въ честь субботы, и свѣтъ не зажигается, и не дѣлается другая работа.

Далѣе, они имѣютъ обыкновеніе счищать и снимать жиръ съ мяса, которое ѣдятъ, намачивая его въ водѣ изъ-за крови, и вынимаютъ гланды изъ бараньей ноги или другого животнаго или птицы, которые собираются ѣсть, прокалывая ихъ, приговаривая извѣстныя слова, пробуя ножъ на ногтѣ. И кровь покрываютъ землею.

Далѣе, они ѣдятъ мясо въ постъ и въ другіе дни, когда Церковь запрещаетъ ѣсть мясо безъ надобности, и они вѣрятъ и считаютъ, что могутъ ѣсть его безъ грѣха.

Далѣе, они соблюдаютъ постъ, который называютъ постомъ прощенія, ходя въ этотъ день босикомъ.

Далѣе, они читаютъ еврейскія молитвы и по вечерамъ просятъ прощенія другъ у друга, при чемъ отцы кладутъ дѣтямъ руки на голову, говоря: «Богомъ и мною будьте благословенны», какъ повелѣваетъ законъ Моисея и его церемоніи.

Далѣе, они соблюдаютъ постъ королевы Эсѳири, называя его гибелью Святого семейства, и другіе еврейскіе посты на недѣлѣ, какъ напримѣръ, по понедѣльникамъ и четвергамъ, при чемъ не ѣдятъ въ эти дни до восхода звѣзды, и въ такіе вечера они не ѣдятъ мяса; а наканунѣ они моются для поста, остригая ногти и концы волосъ, и читаютъ еврейскія молитвы, поднимая и опуская голову, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, а прежде чѣмъ молиться, моютъ руки водою или пескомъ; и надѣваютъ платье изъ саржи, этамина или полотна съ извѣстными свисающими веревками.

Далѣе, они празднуютъ Пасху съ прѣснымъ хлѣбомъ и начинаютъ съ ѣды латуха, чеснока и другихъ овощей.

Далѣе, они соблюдаютъ праздникъ Кущей, убирая домъ зелеными вѣтвями или украшеніями, обѣдая и угощая пищей другъ друга.

[1]) Церемоніи эти излагаются въ различныхъ источникахъ различно. По всей вѣроятности переписчики вносили много своего въ перечень еврейскихъ церемоній, обогащая ихъ мѣстными обычаями и легендарными слухами. Въ текстѣ настоящей книги (стр. 51—53) мы дали нѣсколько иную версію еврейскихъ церемоній.

Далѣе, они празднуютъ праздникъ Свѣчей; они зажигаютъ ихъ по очереди до 10-ти и затѣмъ гасятъ ихъ и читаютъ еврейскія молитвы.

Далѣе, они благословляютъ ѣду по еврейскому обычаю, пьютъ вино кашеръ и принимаютъ hago съ виномъ, и произносятъ надъ нимъ нѣкоторыя слова, и даютъ пить каждому по глотку, и ѣдятъ обыкновенно мясо животныхъ, убитыхъ евреемъ, и ѣдятъ свои блюда и за своимъ столомъ.

IV.

Ауто-да-фе 1559 г.

(Оффиціальный отчетъ).

(Мадридъ, Нац. библ.; код. Аа 105, лист. 213—219. Schäfer, I, 442—452).

Отчетъ и меморіалъ о судѣ святой Инквизиціи, имѣвшемъ мѣсто въ Вальядолидѣ въ день Св. Троицы двадцать перваго мая тысяча пятьсотъ пятьдесятъ девятаго года въ присутствіи принца дона Карлоса, нашего сеньора, и принцессы тетки его, правительницы этихъ королевствъ, и многихъ прелатовъ, и грандовъ, и кавалеровъ сего королевства. Этотъ судъ былъ наиболѣе торжественный изъ всѣхъ когда-либо виданныхъ, и на него собралось безконечное множество народу со всего королевства, и даже чудесно было смотрѣть, какъ много народу стеклось въ Вальядолидъ.

Этотъ судъ происходилъ на площади Святого Франсиска, гдѣ устроили огромные подмостки отъ монастыря Святого Франсиска до консисторіи въ ширину, и на немъ другіе подмостки, очень крупные въ высоту; на послѣднихъ находилась обширная квадратная площадь большихъ размѣровъ, а на двухъ углахъ со стороны монастыря Святого Франсиска были устроены ступеньки, число которыхъ уменьшалось по мѣрѣ повышенія, такъ что наверху, на каждомъ углу, оставалась только одна ступенька для сидѣнья одного лица, и всѣ ступеньки и подмостки были открыты, сдѣланы только изъ дерева и окружены балюстрадою изъ колонокъ, выточенныхъ съ большимъ искусствомъ. И отъ этихъ ступенекъ на обоихъ углахъ шли большіе и широкіе подмостки, совсѣмъ открытые, такъ что со всѣхъ сторонъ площади можно было видѣть всѣхъ, находившихся на нихъ. И эти подмостки шли до самой консисторіи, а шагахъ въ двадцати отъ края стояла открытая каѳедра, нѣсколько приподнятая надъ подмостками, такъ что на нее вели три ступеньки, и все было окружено точеною балюстрадой, и это для подсудимыхъ, которымъ читаютъ приговоры. И отъ этой каѳедры шли другіе подмостки до зданія консисторіи, очень большіе и широкіе, но болѣе низкіе, чѣмъ для подсудимыхъ, для служащихъ Святой Инквизиціи и придворныхъ алгуасилей, и съ двухъ сторонъ этихъ подмостковъ находились двѣ каѳедры для лицъ, читающихъ приговоры. А далѣе шли еще подмостки вдоль зданія консисторіи, перекрытые отъ одного угла до другого навѣсами изъ шелка, затканнаго золотомъ, и покрывалами изъ роскошнаго шелка, дававшими тѣнь, и рядомъ съ этимъ угломъ висѣлъ занавѣсъ изъ желтаго дамаска, за которымъ сидѣлъ донъ Карлосъ, нашъ сеньоръ. На всемъ остальномъ пространствѣ площади, сплошь до самаго начала улицъ, были воздвигнуты тоже подмостки и подъ подмостками для принцевъ и совѣтовъ, и дамъ, и грандовъ, были устроены еще два ряда тройныхъ подмостковъ, одни подъ другими для знатныхъ коллегіальныхъ сеньоровъ и сеньоръ и огромнаго количества монаховъ всѣхъ орденовъ, и надъ этими подмостками были протянуты навѣсы изъ шелка. Отъ подмостковъ, куда вела лѣстница со ступеньками для еретиковъ, поднимающихся на свои подмостки, шла улица шириною въ пятнадцать шаговъ, защищенная съ обѣихъ сторонъ заборомъ, сколоченнымъ изъ досокъ; эта улица шла до зданія Инквизиціи и предназначалась для подсудимыхъ и для сопровождающихъ ихъ, чтобы народъ не мѣшалъ имъ. А длиною эта улица была не менѣе, чѣмъ разстояніе выстрѣла изъ лука. И вся эта улица отъ начала до конца была перекрыта богатыми навѣсами и такъ запружена народомъ, что одни насѣдали на другихъ отъ тѣсноты, и многіе явились уже съ предыдущей субботы, ибо собралось столько народу изъ столькихъ мѣстъ и такихъ разнообразныхъ слоевъ, что невозможно передать и разсказать.

Принцы вышли очень рано утромъ въ пять часовъ и прошли на свои подмостки, находившіеся передъ зданіемъ консисторіи; съ ними явились члены всѣхъ совѣтовъ, кромѣ совѣта Инквизиціи и суда, которые пришли позже передъ подсудимыми. Они несли впе-

реди королевское знамя и королевскій гербъ со скипетрами. Далѣе шелъ графъ де Буэндіа съ непокрытою головою и съ обнаженною шпагою въ рукахъ, простоявшій такимъ образомъ во время всего суда, такъ какъ это старинный судъ и церемонія королей кастильскихъ и привилегія вышеназваннаго графа де Буэндіа. Съ монархами вышло много грандовъ и кавалеровъ, и всѣ усѣлись на своихъ мѣстахъ, приготовленныхъ каждому заранѣе. Принцъ нашъ сеньоръ сѣлъ и сидѣлъ все время на креслѣ изъ орѣховаго дерева, обитомъ чернымъ бархатомъ, а рядомъ съ нимъ сидѣла на такомъ же стулѣ принцесса, одѣтая въ національный нарядъ, въ черномъ плащѣ и черной кастильской мантильѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ съ золоченымъ вѣеромъ въ рукѣ, очень красивая и нарядная. А принцъ былъ одѣтъ въ свободный кафтанъ и обыкновенный національный плащъ, вязаные чулки и бархатные штаны, суконную шапку, со шпагою на боку и перчатками въ рукѣ. А у ногъ принца и принцессы сидѣли дамы и знатныя особы. Тутъ же находились Гутіере Лопесъ де Падилья и другой сеньоръ изъ дворца, и донъ Гарсіа де Толедо, которые не показывались, и принцъ съ принцессою не могли видѣть ихъ. А передъ принцемъ и принцессою, въ двухъ шагахъ отъ нихъ, находился, какъ сказано, вышеназванный графъ де Буэндіа. Больше впередъ, справа отъ королевскихъ мѣстъ, у выхода съ подмостковъ находились спереди скамьи. На первой скамьѣ сѣлъ графъ Эстабле и далѣе адмиралъ, и далѣе маркизъ де Асторга, и маркизъ де Деніа, и маэстро де Монтеса, и рядомъ съ ними прочіе другіе гранды и сеньоры, и члены дворца. Еще далѣе придворные алкалды и члены высшаго суда. А вокругъ этихъ скамей расположилась стража и придворная конная гвардія, вооруженная пиками. И всѣ эти мѣста и сидѣнья были перекрыты многочисленными навѣсами изъ шелка замѣчательныхъ цвѣтовъ. А съ другой стороны подмостковъ, гдѣ сидѣли принцъ и принцесса, слѣва внизу сидѣлъ архіепископъ севильскій, главный инквизиторъ, и члены совѣта святой Инквизиціи, и ниже мѣстные инквизиторы. Далѣе сидѣли члены совѣта американскихъ владѣній и военнаго совѣта и суда и чины финансоваго вѣдомства. Всѣ эти мѣста тоже были перекрыты очень богатыми навѣсами и матеріями. У этого угла было воздвигнуто рядомъ съ архіепископомъ севильскимъ красное знамя съ императорскимъ гербомъ на золоченомъ древкѣ и сверху золотой, очень цѣнный, крестъ. На этихъ подмосткахъ находилась спереди каѳедра, съ которой читалась проповѣдь. Въ этотъ день проповѣдь читалъ братъ Мельхіоръ Кано, доминиканскій монахъ изъ провинціи.

Затѣмъ вышли на эти подмостки изъ зданія Инквизиціи еретики и подсудимые по улицѣ съ заборомъ, какъ сказано выше, а впереди шла стража его величества; затѣмъ причтъ главной церкви съ крестомъ, покрытымъ траурной матеріей, далѣе судъ и совѣтъ Инквизиціи и инквизиторы со своимъ знаменемъ.

На этотъ судъ явились, какъ было сказано раньше, тридцать живыхъ человѣкъ и одна статуя. Съ каждымъ еретикомъ и подсудимымъ шли по 2 члена Инквизиціи, назначенныхъ для нихъ. Ибо изъ города и изъ другихъ мѣстъ пріѣхало болѣе четырехсотъ членовъ Святой Инквизиціи, и у нихъ было не мало споровъ о томъ, кто долженъ сопровождать подсудимыхъ. И среди нихъ было много видныхъ лицъ—регидоровъ, и алкалдовъ крѣпостей, и лицъ, занимающихъ другія видныя должности и очень богатыхъ. И чтобы удовлетворить всѣхъ, назначили для сопровожденія подсудимыхъ половину изъ мѣстныхъ и половину изъ пріѣзжихъ, и, не смотря на то, что подсудимыхъ было двѣсти человѣкъ, сопровождающихъ оказалось слишкомъ много. А придворные алгуасилы шли разодѣтые очень внушительнымъ и виднымъ образомъ.

Передъ началомъ суда была прочитана одна бумага Святой Инквизиціи, въ которой выражалась просьба принцамъ и всѣмъ прочимъ присутствующимъ, чтобы они оказали помощь Святой Инквизиціи и поклялись въ этомъ. По прочтеніи ея лиценціатъ Франсиско Бака, инквизиторъ, всталъ съ книгою въ рукѣ и съ золотымъ крестомъ, и подошелъ къ принцамъ, и опустился передъ ними на колѣни, умоляя поклясться именемъ Господа Бога нашего и святымъ Евангеліемъ, которое лежитъ передъ ними, и на семъ крестѣ, что, какъ католики и христіанскіе монархи, они будутъ хранить святую католическую вѣру, соблюдая службу Божію и службу Святой Инквизиціи въ сихъ кастильскихъ владѣніяхъ, благоволя къ нимъ и сообщая имъ обо всѣхъ случаяхъ и вещахъ, которые дойдутъ до ихъ свѣдѣнія и будутъ касаться Святой Инквизиціи, оказывая всяческую поддержку и помощь для наказанія и искорененія всякаго заблужденія и ереси. И если сдѣлаютъ такъ и прикажутъ, да поможетъ имъ и благословитъ ихъ Господь, даже безъ ихъ просьбы. Послѣ сего вышеназванные принцъ и принцесса возложили руки на Евангеліе и на крестъ, и поклялись оба, и тогда поднялся вышеназванный инквизиторъ и ушелъ, по-

клонившись имъ; и сіе было достойно такой похвалы, что вызвало у всѣхъ много радости и удовольствія. Послѣ того, что сей братъ Мельхіоръ читалъ проповѣдь болѣе часа, настало время читать приговоръ.

Лица, вышедшія на этотъ судъ, какъ приговоренныя къ сожженію, такъ и покаявшіяся въ ереси съ санбенито и свѣчами, суть слѣдующія:

Сожженные или приговоренные къ сожженію.

1. Докторъ Августинъ де Касалья, житель Вальядолида, каноникъ Саламанки, проповѣдникъ и капелланъ его величества, сынъ чиновника финансоваго вѣдомства Касальи, потомокъ евреевъ изъ Касальи, около Севильи. Отецъ его былъ заключенъ въ тюрьму Святой Инквизиціей. Дѣдъ его былъ сожженъ—по слухамъ; а этотъ человѣкъ былъ виновникомъ всего зла, и посѣялъ, и проповѣдывалъ среди другихъ всякую ересь и лживыя мнѣнія, за которыя они были осуждены, а самъ проповѣдывалъ въ Германіи противъ лютеранъ.

2. Франсиско де Виверо, братъ вышеназваннаго доктора Августина Касальи, житель Вальядолида, священникъ изъ Ормигосъ.

3. Маэстро Алонсо Пересъ, священникъ, житель Паленсіи. Эти трое, будучи священниками, вышли въ рясахъ безъ колпаковъ и санбенито, которые были надѣты на нихъ только позже, когда ихъ лишили сана.

4. Кристобалъ де Окампо, житель Саморы, нищенствующій изъ пріоратства Санъ-Хуанъ.

5. Кристобалъ де Падилья, житель Саморы.

6. Лиценціатъ Эрресуэло, ученый юристъ, житель Торо.

7. Лиценціатъ Пересъ де Эррера, судья изъ Логроньо, братъ Висенте Переса, комендантъ дворца его величества.

8. Хуанъ Гарсіа, золотыхъ дѣлъ мастеръ, житель Вальядолида. По слухамъ, его ересь была открыта женою, которую заставили неоднократно поклясться въ этомъ.

9. Гонсало Ваэсъ, португалецъ, житель Хельвеса, еврей, принявшій христіанство и сожженный какъ еврей.

10. Донья Беатриса де Виверо, сестра вышеназваннаго доктора Касальи, жительница Вальядолида.

11. Донья Катерина де Ортега, жительница Вальядолида, вдова командора Лойаса и дочь лиценціата Эрнандо Діасъ, бывшаго прокурора королевскаго совѣта его величества.

12. Катерина Романъ, жительница Педросы.

13. Хуана Бласкесъ, служанка маркизы де Алканьисесъ, родомъ изъ Толедо, племянница Хуана изъ Пальмы, священника, жителя Толедо, дочь одного изъ его братьевъ, женатаго на рабынѣ доньи Санчи де Гусманъ, жены дона Педро Ласо, жительницы Толедо.

14. Изабелла де Эстрада, святая женщина, жительница Педросы.

15. Донья Элеонора де Виверо, бывшая жена чиновника финансоваго вѣдомства въ Касальи, мать вышеназваннаго доктора Августина де Касальи. Статуя ея и кости были сожжены, ибо ея не было уже въ живыхъ. Кости ея были вынуты изъ одной очень видной часовни въ Вальядолидѣ, гдѣ онѣ хранились подъ позорною надписью, и были положены въ гробъ для сожженія. Затѣмъ былъ немедленно изданъ приказъ о снесеніи главныхъ домовъ, гдѣ она жила, и домовъ всѣхъ ея дѣтей, чтобы положить на ихъ мѣсто камень съ надписью о преступленіи, приведшемъ къ этому. А причиною, по которой это было сдѣлано немедленно, послужило то, что въ этихъ домахъ собирались для проповѣди еретики. Всѣ эти люди были осуждены и сожжены, а имущество ихъ было конфисковано, и потомки лишены правъ.

Примирившіеся съ Церковью.

1. Донъ Педро Сарміенто, сынъ маркиза Поза, старый командоръ де Керетана, житель Паленсіи, присужденъ къ ношенію санбенито и пожизненному заключенію въ тюрьмѣ, что весьма печально для такого знатнаго и виднаго кавалера, и къ конфискаціи имущества.

2. Донъ Луисъ де Рохасъ, его племянникъ, наслѣдникъ титула и имущества маркиза Поза, какъ внукъ стараго маркиза и сынъ старшаго сына его. Присужденъ къ ношенію санбенито, къ запрещенію выѣзда изъ королевства и участія въ кортесахъ въ Вальядолидѣ и къ конфискаціи имущества.

3. Донья Менсія де Фигероа, жена вышеназваннаго дона Педро Сарміенто, бывшая придворная дама королевы. Присуждена къ санбенито, пожизненному заключенію, и конфискаціи имущества.

4. Хуанъ де Ильоа Перера, кавалеръ, командоръ ордена св. Іоанна, житель Торо. Присужденъ къ санбенито и пожизненному заключенію, и ссылкѣ, куда пошлютъ, и къ лишенію права выѣзда изъ королевства и участія въ кортесахъ въ Вальядолидѣ, и къ конфискаціи имущества.

5. Хуанъ де Виверо, братъ вышеназваннаго доктора де Касальи, житель Вальядолида. Присужденъ къ санбенито, и пожизненному заключенію, и конфискаціи имущества.

6. Антонъ Мингесъ, житель Педросы. Присужденъ къ санбенито, и пожизненному заключенію, и конфискаціи имущества.

7. Даніэль де ла Куадра, житель Педросы. Санбенито, пожизненное заключеніе и конфискація имущества.

8. Антонъ Басоръ, англичанинъ, слуга вышеуказаннаго дона Луиса де Рохасъ маркиза де Поза. Санбенито до возвращенія въ тюрьму и годъ заключенія въ монастырѣ, и конфискація имущества.

9. Донья Анна Энрикесъ, жена дона Хуана Алонсо, жителя Торо, сына дона Мехіа, сеньора де Сантофриніа, жителя Саламанки, и сама она дочь маркизы де Алканьисесъ. Санбенито до возвращенія въ тюрьму и заключеніе въ монастырѣ.

10. Донья Марія де Рохасъ, монахиня св. Екатерины Сіэнской въ Вальядолидѣ, дочь маркизы де Алканьисесъ, сестра монаха Доминго де Рохасъ, заключеннаго въ тюрьму за подобную же ересь. Присуждена къ санбенито на глазахъ у народа и къ возвращенію въ монастырь безъ права голоса, и съ послѣднимъ мѣстомъ въ хорѣ и въ трапезной, и къ лишенію права на какія бы то ни было почести.

11. Донья Хуана де Силья, жена вышеназваннаго Хуана де Виверо, брата вышеназваннаго доктора де Касальи. Санбенито, и пожизненное, неотмѣнимое тюремное заключеніе, и конфискація имущества. Эта женщина—по слухамъ—дочь дона Хуана де Рибера, маркиза де Монтемайоръ, и одной вассалки его, жительницы Вильясека де ла Сагра по имени Марифлоринъ, которая вышла замужъ за вышеназваннаго Хуана де Виверо безъ разрѣшенія своихъ родныхъ.

12. Донья Франсиска де Суньига, святая женщина, дочь Антоніо изъ Баэсы, чиновника финансоваго вѣдомства его величества, жительница Вальядолида. Санбенито и пожизненное заключеніе, и конфискація имущества.

13. Донья Констансія де Виверо, жена Эрнандо Ортиса, чиновника финансоваго вѣдомства его величества, и сестра вышеназваннаго доктора де Касальи. Санбенито и пожизненное заключеніе, и конфискація имущества.

14. Марина де Саведра, жена Сиснероса де Сото, жительница Саморы; санбенито, пожизненное заключеніе и конфискація имущества.

15. Элеонора де Сиснеросъ, жена вышеназваннаго сожженнаго на кострѣ лиценціата Эрресуэло, жительница Торо. Санбенито, пожизненное заключеніе и конфискація имущества.

16. Изабелла Мингесъ, прислуга доньи Беатрисы де Виверо, сожженной на кострѣ. Санбенито, пожизненное заключеніе и конфискація имущества.

Такимъ образомъ сожженныхъ было пятнадцать со статуей и костями матери доктора Касальи, а покаявшихся шестнадцать, хотя въ тюрьмѣ осталось еще много таковыхъ для другого суда.

То, во что вѣрили и чего держались эти люди, по внушенію и проповѣдямъ вышеназваннаго доктора де Касальи, были: лютеранскія ереси и мнѣнія проклятаго ересіарха Мартина Лютера, при чемъ

они отрицали власть папы,

они утверждали, что духовенство не обязано сохранять обѣтъ безбрачія и можетъ жениться,

отрицали существованіе чистилища,

далѣе, утверждали, что всѣ люди спасены страданіями Господа Нашего Іисуса Христа, и что дѣла благотворительныя, набожныя и другія, творимыя ради Господа, не имѣютъ никакой цѣны.

что поклоненіе и почитаніе святыхъ есть насмѣшка, и что люди, поклоняющіеся иконамъ, идолопоклонники,

что молитвы Ave Maria и Salve надо читать не дальше словъ mater dei,

что истинный Богъ не присутствуетъ въ Св. Таинствахъ, даже въ крови въ чашѣ, а что это дѣлается только въ память о Его страданіяхъ,

они вспоминали Тайную Вечерю по четвергамъ и причащались хлѣбомъ и виномъ,

они утверждали, что папа такой же человѣкъ, какъ всѣ другіе, и не имѣетъ больше власти, чѣмъ другіе, а если вообще имѣетъ, то такую же, какъ епископы и монахи.

они говорили, что нѣтъ необходимости исповѣдываться вслухъ, и что исповѣдь вообще необходима только Богу непосредственно,

что бракъ не есть таинство, и монахи и монахини могутъ вступать въ бракъ.

Далѣе, они держались еще многихъ лютеранскихъ заблужденій, приводимыхъ ими въ оправданіе себя.

Кромѣ вышеназванныхъ заблужденій, донъ Педро Сарміенто ходилъ еще по церквамъ и по мѣстамъ, гдѣ есть распятія, но не глядѣлъ на нихъ и не поклонялся имъ, и не входилъ въ церковь, а если и дѣлалъ это иногда, то дѣлалъ не изъ вѣры, и воображалъ, что находится на пути къ истинѣ и что попадетъ на небо, хотя бы Господь не желалъ этого, и войдетъ въ рай въ сапогахъ со шпорами. И помогалъ, и поддерживалъ еретиковъ, чтобы уѣзжали въ Германію, и давалъ имъ деньги на дорогу.

Приговоръ этимъ лицамъ былъ прочитанъ лиценціатомъ Хуаномъ де Вергара, докладчикомъ, и Хуаномъ де Вергара, общественнымъ нотаріусомъ изъ Толедо, призваннымъ для этого назначенія.

Первый приговоръ, прочитанный съ каѳедры вышеназваннымъ лиценціатомъ де Вергара, былъ приговоръ доктору де Касальѣ. Второй, прочитанный тѣмъ же лицомъ, былъ приговоръ Франсиско де Виверо, брата его, священника изъ Ормигосъ. Затѣмъ, съ другой каѳедры, рядомъ съ главнымъ инквизиторомъ, прочиталъ другой приговоръ вышеназванный Хуанъ де Вергара, общественный нотаріусъ изъ Толедо, и по прочтеніи сего, вышеназванный лиценціатъ де Вергара прочиталъ еще одинъ приговоръ. И когда надо было читать сей послѣдній приговоръ, принцы приказали ему перейти къ другой каѳедрѣ, ближе къ нимъ, и такъ онъ перешелъ туда и прочиталъ всѣ приговоры, какіе были предназначены для него и были наилучшіе, ибо такъ было приказано. И принцы слушали очень внимательно и выслушали ихъ очень хорошо.

По прочтеніи приговоровъ священникамъ, каковыми были вышеназванный докторъ Августинъ де Касалья и братъ его Франсиско де Виверо, и маэстро Алонсо Пересъ, съ подмостковъ принцевъ перешелъ на подмостки еретиковъ епископъ Паленсіи, одѣтый въ папское облаченіе съ весьма пышными украшеніями и серебромъ и окруженный священниками, и съ величайшею торжественностью и церемоніаломъ лишилъ сана трехъ вышеназванныхъ священниковъ, а послѣ лишенія сана имъ одѣли на головы колпаки, что не было сдѣлано раньше; и это несомнѣнно.

Все это время вышеназванный докторъ Касалья выражалъ свое огорченіе слезами и иначе, а братъ его Франсиско де Виверо смѣялся, а вышеназванный Алонсо Пересъ не выразилъ ничего. И когда окончилась церемонія лишенія ихъ сана, вышеназванный докторъ де Касалья упалъ на колѣни передъ принцами, говоря: Королева моя, священное Ваше Величество, умоляю васъ, никогда я не испыталъ такого безчестья, какъ это. Смилуйтесь надо мною, чтобы я могъ сказать и выразить, какой я великій грѣшникъ, и другія слова сожалѣнія.

И немедленно подошли къ нему алгуасилы Инквизиціи и суда, убрали его оттуда и заставили вернуться на подмостки, гдѣ онъ находился раньше. И поднимаясь по ступенькамъ на свое мѣсто, онъ столкнулся съ доньей Констансіей де Виверо, бывшей женою чиновника финансоваго вѣдомства Эрнандо Ортисъ, своею сестрою, и вернулся къ королевѣ и сказалъ громко: умоляю Ваше Величество, смилуйтесь и пожалѣйте сестру мою, вдову съ тринадцатью сиротами. И съ этими словами онъ поднялся на подмостки и сѣлъ на свое мѣсто наверху, причемъ алгуасилы приказали ему замолчать. Но онъ всталъ на стулъ и сказалъ громко, цѣлуя крестъ въ своихъ рукахъ: Да возрадуется небо, приведшее меня въ такое состояніе, что я могу истинно признать передъ Богомъ, что былъ великимъ грѣшникомъ и плачусь симъ наказаніемъ за свои грѣхи! Да будетъ слава и хвала Господу! И да возьмутъ съ меня другіе примѣръ, чтобы не совершать подобныхъ преступленій, и еще Господь Богъ оказалъ мнѣ величайшую милость въ мірѣ, приведя

меня въ такое состояніе, чтобы душа моя не погибла. И соизвольте сжалиться надо мною, Ваше Величество, и простить мнѣ грѣхи мои.

Когда еретики спускались, чтобы имъ прочитали приговоры, и когда они шли назадъ, ихъ провожали туда и обратно алгуасилы святой Инквизиціи и суда, и придворные, и алгуасилы Инквизиціи приносили стулъ и приказывали потомъ убирать его.

Въ полдень принцы ушли обѣдать и пообѣдали такъ быстро, что почти никто не замѣтилъ, какъ прошло время, а затѣмъ вернулись на свои мѣста. Всѣ же остальные сеньоры, члены совѣтовъ и инквизиторы не сошли съ мѣстъ, пока не кончился судъ въ четыре часа вечера.

Сперва сошли еретики, приговоренные къ сожженію, на площадь, гдѣ ихъ встрѣтили мѣстные корегидоры и алкалды съ многочисленными алгуасилами и придворными чинами, и отсюда вела улица до городскихъ воротъ, запруженная огромною толпою народа, какъ изъ этого города, такъ и изъ многихъ другихъ мѣстъ. Кавалеры повезли ихъ на ослахъ; мужчинъ усадили по-мужески, женщинъ — по-дамски. И каждаго осла велъ проводникъ. Послѣднимъ ѣхалъ докторъ Касалья, а рядомъ съ нимъ несли статую и кости доньи Элеоноры де Виверо, матери его, въ гробу. И каждаго осужденнаго сопровождали монахи и видные люди, наставляя ихъ умереть хорошо, а народъ громко кричалъ, что таково правосудіе его величества надъ этими мужчинами и женщинами за лютеранскую ересь, и ихъ приказано сжечь. И вышеназванный докторъ Касалья подвигался по улицамъ, крича всѣмъ, чтобы думали, какъ живутъ, и просили Господа Бога избавить ихъ отъ діавола, и что онъ вѣритъ во все и во святую матерь римскую церковь, и непремѣнно умретъ съ этою вѣрою, и прочія прекрасныя слова раскаянія и огорченія. Франсиско де Виверо, братъ его, и маэстро Алонсо Пересъ не говорили ничего, и также лиценціатъ Эресуэло. И такъ ихъ вывели изъ города въ поле, гдѣ были вкопаны въ землю пятнадцать очень высокихъ столбовъ и подъ каждымъ груды дровъ, такъ что можно было видѣть ихъ вблизи и издалека. И вышеназванный докторъ Касалья, по выѣздѣ въ поле, закричалъ громко, что умираетъ за то, что былъ лютеранскимъ еретикомъ, и что Господь оказалъ ему великую милость, давъ одуматься во время и познать Іисуса Христа, и раскаяться, и что всѣ, умиравшіе съ нимъ, умираютъ изъ за его ученія и по его винѣ, и прочія слова искренняго сожалѣнія съ убѣжденіемъ вышеназваннаго лиценціата Эресуэло обратиться къ вѣрѣ Христовой, и что все обратное, сказанное ему, были ложь, и фальшь, и ересь, чтобы онъ умеръ, признавъ истину, заключающуюся въ нашей святой католической вѣрѣ. А этотъ Эресуэло не выказалъ ни малѣйшаго сожалѣнія или раскаянія, ни когда взошелъ на костеръ, ни когда стоялъ на немъ. И такъ его сожгли живымъ, какъ упорнаго, нераскаявшагося еретика. А когда онъ спускался съ подмостковъ, идя на сожженіе, то шелъ такъ надменно, что повстрѣчавшись на одной изъ ступенекъ съ Элеонорою де Сиснеросъ, его женою, покаявшеюся еретичкою, сидѣвшей въ санбенито ниже его, онъ толкнулъ ее въ гнѣвѣ великомъ за то, что не умирала, какъ онъ. И какъ этотъ, такъ и братъ доктора Касальи, умерли, сколько было видно и слышно, еретиками безъ раскаянія.

Первымъ задохся Кристобалъ де Окампо, житель Саморы, второю донья Беатриса Виверо, сестра доктора Касальи, и далѣе одинъ за другимъ до девятаго, которымъ былъ вышеназванный докторъ Касалья. Сей послѣдній говорилъ великія слова покаянія, поднимаясь по лѣстницѣ наверхъ къ столбу, и, стоя на мѣстѣ, снялъ лѣвою рукою колпакъ съ головы и сказалъ: это митра, которую его величество далъ мнѣ; это плата, которую даютъ міръ и діаволъ тѣмъ, кто слѣдуетъ ему, и съ этими словами онъ бросилъ колпакъ изъ рукъ и поднесъ къ губамъ правою рукою крестъ и поцѣловалъ его съ великимъ пыломъ и рвеніемъ, говоря: это знамя должно избавить меня отъ путъ, которыми діаволъ окружилъ меня, и я надѣюсь на милосердіе Божіе для спасенія души моей и умоляю Господа, прося заступничества у Пресвятой Дѣвы Маріи, и у апостоловъ, и у мучениковъ, и у дѣвственницъ, и у исповѣдниковъ; и возведя взоръ къ небу, онъ сказалъ палачу: можешь начинать, братъ мой. И палачъ началъ крутить веревку, а вышеназванный докторъ сталъ говорить: вѣрую, вѣрую и цѣловать крестъ; и такъ онъ задохся и сгорѣлъ.

Вышеназванные Франсиско Виверо и лиценціатъ Эресуэло не выказали, какъ было сказано, ни малѣйшаго сожалѣнія или раскаянія, какъ еретики; и когда присутствующіе увидѣли, что вышеназванный Эресуэло такъ упирается въ невѣріи, одинъ изъ гвардіи короля, стоявшій тутъ же, нанесъ ему топорикомъ рану въ кишки, такъ что потекло много крови, и его сейчасъ же подожгли, и онъ умеръ еретикомъ. По сожженіи всѣхъ еретиковъ мѣсто, гдѣ ихъ сожгли, осталось такъ чисто и безъ всякихъ слѣдовъ, что нельзя было подумать, что тамъ происходила казнь. И это достойно изумленія.

Остальныхъ грѣшниковъ свели съ подмостковъ назадъ въ зданіе Инквизиціи. Дона Педро Сарміенто, и дона Луиса де Рохасъ, и Хуана де Ульоа Перера увели оттуда въ королевскую тюрьму. Говорили, что эти люди были не только еретиками, но и измѣнниками, и что ихъ повели туда, чтобы отрубить головы имъ. Но говорятъ также, что его величество король не велѣлъ судить ихъ по недостатку доказательствъ противъ нихъ.

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, во дворцѣ состоялось общее собраніе великихъ сеньеровъ и членовъ совѣта, но неизвѣстно, о чемъ тамъ говорилось. Надо полагать, что о чемъ-нибудь очень важномъ.

Во вторникъ утромъ на площади, на стулѣ и сидѣньѣ, гдѣ находился докторъ Касалья, показался деревянный крестъ изъ двухъ палокъ, грубо сколоченныхъ гвоздями. Нѣкоторые стали говорить, что это сдѣлали еретики, но несмотря на всѣ выдумки, оказалось, по наведеніи справокъ, что ночью на мѣстѣ костра спало много бездомныхъ и безночлежныхъ людей. И они сказали, что, изъ страха передъ діаволомъ, они сдѣлали крестъ изъ палокъ, найденныхъ на мѣстѣ сооруженія подмостковъ, и положили его тамъ.

Такимъ образомъ оказалось насмѣшкою все, что говорили: будто тамъ и на мѣстѣ сожженія доктора Касальи были положены какія-то записки.

V.

Пытка.

(Мадридъ, Arch. hist., секція Толедская Инквизиція, leg. 112, № 61, Schäfer, I. 417—420).

Протоколъ пытки надъ Франсиско Робертомъ.

На судѣ Святой Инквизиціи въ Толедо утромъ 17 августа 1569 года предъ сеньорами инквизиторами лиценціатомъ Хуаномъ Белтраномъ де Гевара и дономъ Педро Веларде, въ присутствіи лиценціата Уркису, главнаго викарія, замѣщающаго иногда судью, предсталъ Франсиско Робертъ, и когда онъ явился, ему сказали, что въ виду единогласія въ его дѣлѣ, онъ долженъ сознаться и покаяться для облегченія совѣсти.

Тогда онъ сказалъ, что согласенъ и попросилъ ихъ милость поскорѣе покончить это дѣло.

Ему сказали, что по его признаніямъ относительно святыхъ, и обѣдни, и насмѣшекъ надъ монахами, какъ подтвердили также свидѣтели, есть основаніе считать его лютераниномъ и раздѣляющимъ заблужденія Лютера, и, что изъ любви къ Богу и Его Святой Матери, ему совѣтуютъ сказать и объявить правду относительно всего, что онъ сдѣлалъ и сказалъ противъ нашей Святой Католической Вѣры, и назвать лицъ, внушившихъ ему это. Но послѣ этихъ убѣжденій изъ него не могли вытянуть больше того, что онъ сказалъ на исповѣди, при чемъ онъ добавилъ, что, хотя и сказалъ многое, но не вѣритъ этому.

Ему отвѣтили, что его дѣло разсмотрѣно вышеназванными сеньорами инквизиторами, и судьею, и совѣтниками, и они вынесли впечатлѣніе, что онъ говоритъ неправду, вслѣдствіе чего они пришли къ убѣжденію, что необходимо пытать его. Однако, его предупредили, что, изъ любви къ Богу, ему предлагаютъ, до начала пытки, сказать правду, ибо сіе необходимо для облегченія его совѣсти.

Онъ отвѣтилъ, что уже сказалъ правду.

Въ виду сего. . . . . по разсмотрѣніи документовъ и данныхъ процесса, мы вынуждены присудить и присуждаемъ сего Франсиско Роберта къ пытанію водою и веревками, по установленному способу, чтобы подвергался пыткѣ, пока будетъ на то воля наша, и утверждаемъ, что въ случаѣ, если онъ умретъ во время пытки, или у него сломается членъ, это случится по его винѣ, а не по нашей, и, судя такимъ образомъ, мы такъ провозглашаемъ, приказываемъ и повелѣваемъ въ сей граматѣ, засѣдая въ судѣ.

Лиценціатъ Хуанъ Белтранъ.
Лиценціатъ Веларде.
Лиценціатъ Уркису.

Сего Франсиско Роберта спросили, хочетъ ли онъ сказать правду; если же не хочетъ, то приговоръ войдетъ въ силу.

Онъ отвѣтилъ, что не знаетъ, что сказать.

Тогда было приказано объявить сей приговоръ, который и былъ объявленъ сими сеньорами инквизиторами и судьею въ присутствіи сего Франсиска Роберта и, по про-

чтеніи его Франсиско Роберту, ему предложили сказать, что пожелаетъ. И тогда приказали отвести его въ комнату пытокъ и отвели.

Затѣмъ, находясь уже въ комнатѣ пытокъ, сіи сеньоры инквизиторы и судья спросили сего Франсиско Роберта, не хочетъ ли онъ сказать правду до раздѣванья. Онъ ничего не отвѣтилъ и сталъ раздѣваться.

И когда онъ былъ раздѣтъ, сего Франсиско Роберта стали увѣщевать сказать правду до начала пытки. Онъ отвѣтилъ: я не знаю, что угодно вашей милости.

Тогда его посадили на скамью и стали вязать руки веревками и прежде, чѣмъ прикрутить ихъ, его увѣщевали сказать правду. Онъ отвѣтилъ, что ему нечего говорить.

1. Тогда было приказано прикрутить и дать одинъ поворотъ веревкѣ. И такъ было сдѣлано. Онъ произнесъ: О, Господи.

2. Тогда приказали дать второй поворотъ и дали, и ему предложили сказать правду. Онъ сказалъ: Скажите, чего вы желаете отъ меня, и я готовъ служить вашей милости.

3. Тогда приказали еще разъ прикрутить веревку и прикрутили, и сказали ему, чтобы сказалъ правду изъ любви къ Богу. Онъ ничего не отвѣтилъ.

4. Тогда приказали еще разъ прикрутить веревку и прикрутили, и онъ ничего не сказалъ.

5. Тогда приказали еще разъ прикрутить веревку и сказали, чтобы сказалъ правду изъ уваженія къ Богу. Онъ отвѣтилъ: Я сказалъ правду, я говорю правду. И застоналъ.

6. Приказали еще разъ прикрутить веревку и прикрутили, и онъ ничего не отвѣтилъ, а только застоналъ.

7. Тогда еще разъ прикрутили веревку и сказали, чтобы сказалъ правду. Онъ простоналъ и ничего не сказалъ.

8. Тогда приказали потуже прикрутить веревку и прикрутили, и сказали, чтобы сказалъ правду. Онъ отвѣтилъ, что не знаетъ, чего отъ него хотятъ.

Ему отвѣтили, что желаютъ услышать отъ него правду. Онъ ничего не отвѣтилъ.

9. Приказали еще разъ прикрутить веревку, и прикрутили, и сказали ему сказать правду. Онъ ничего не отвѣтилъ. Затѣмъ сказалъ: я былъ сумасшедшимъ, я былъ пьянымъ, не знаю, какъ и когда.

10. Тогда приказали еще разъ прикрутить веревку, и прикрутили веревку, и сказали ему, чтобы сказалъ правду ради Бога. Онъ простоналъ.

11. Тогда приказали еще разъ прикрутить веревку и сказали ему, чтобы сказалъ правду. Онъ ничего не отвѣтилъ.

12. Ему еще прикрутили веревку, и онъ ничего не сказалъ.

13. Ему еще разъ прикрутили веревку, и онъ только простоналъ.

14. Ему еще разъ прикрутили веревку, и онъ только простоналъ: охъ, охъ.

15. Ему еще разъ приказали прикрутить веревку, и прикрутили, и онъ ничего не сказалъ.

Приказали еще разъ прикрутить и прикрутили. Онъ сказалъ: Сеньоръ Инквизиторъ, да, я обвиняю одного фламандца, работавшаго тамъ, гдѣ я.

Его спросили, въ чемъ онъ обвиняетъ сего фламандца. Онъ отвѣтилъ, что не знаетъ этого.

Приказали привязать къ станку веревку, стягивавшую ему руки.

Тогда его привязали къ станку и сказали ему, чтобы, изъ любви къ Богу, сказалъ правду прежде, чѣмъ приступятъ къ пыткѣ.

Онъ отвѣтилъ, что отецъ и мать научили его тому, что говорятъ ихъ милости.

Ему сказали, чтобы сказалъ, чему его научили, и что онъ вѣритъ въ это. Онъ отвѣтилъ, что Малтесъ, заключенный въ этой же тюрьмѣ, говоритъ много дурного про испанцевъ, утверждая, что они —евреи и негодяи, и много добра про фламандцевъ.

Затѣмъ сказалъ, что не знаетъ, что говоритъ.

Затѣмъ приказали привязать его къ станку за каждую руку одною веревкою и за каждое бедро одною веревкою, по веревкѣ сверху и надъ колѣнями, и еще за ступню, по веревкѣ на каждой.

Затѣмъ въ каждую веревку вставили палку, къ рукамъ и бедрамъ, и ступнямъ, и привязали ему голову, и тогда сказали ему, что его просятъ, изъ уваженія къ Богу, сказать правду до начала пытки.

Онъ отвѣтилъ: Я готовъ служить Богу и заплакалъ. И за нежеланіе сказать правду приказали прикрутить веревку у правой руки и прикрутили. Онъ плакалъ и ничего не говорилъ.

Тогда ему прикрутили палку лѣвой руки и сказали, чтобы онъ сказалъ правду. Онъ закричалъ, плача: Прощай, Пресвятая Дѣва Марія.

Тогда приказали прикрутить палку отъ лѣвой ноги и попросили сказать правду. Онъ закричалъ, затѣмъ сказалъ, что работалъ во Франціи съ однимъ maestre público.

Ему сказали, чтобы сказалъ про этого maestre público, что тотъ заставлялъ его дѣлать и говорить. Онъ отвѣтилъ, что ничего.

Тогда приказали прикрутить палку отъ правой ноги и сказали, чтобы сказалъ правду. Онъ крикнулъ нѣсколько разъ Іисусъ, Марія.

Тогда было приказано прикрутить палку у праваго бедра. Онъ крикнулъ много разъ: Іисусъ, Марія.

Тогда его попросили сказать правду изъ любви къ Богу. Онъ сказалъ: О, Господь и Пресвятая Дѣва! О, Господь и Пресвятая Дѣва! И больше ничего не могли вытянуть изъ него.

Тогда приказали прикрутить палку у лѣваго бедра. Онъ застоналъ и закричалъ.

Тогда было приказано прикрутить палку отъ нижней части ноги. Онъ ничего не сказалъ.

Тогда было приказано прикрутить палку отъ правой ноги. Онъ ничего не сказалъ.

Тогда приказали поднести къ его лицу чашу и сказали ему, чтобы сказалъ правду, пока не начнется пытка. Онъ ничего не сказалъ.

1. Тогда приказали облить его кувшиномъ воды, и облили, и онъ сказалъ: О, Господи, чего-же отъ меня хотятъ!

2. Тогда его облили изъ второго кувшина воды.

Тогда ему сказали, чтобы лучше сказалъ правду прежде, чѣмъ его будутъ пытать еще. Онъ сказалъ: что же хотятъ ваши милости, чтобы я сказалъ?

Ему отвѣтили, что хотятъ, чтобы онъ сказалъ правду.

Онъ сказалъ, что отрекается отъ отца и матери.

Когда его спросили, почему онъ отрекается отъ отца и матери, онъ прочиталъ «Отче нашъ» и сказалъ, что больше ничего не знаетъ.

3. Тогда приказали облить его еще изъ одного кувшина, и облили, и сказали, чтобы сказалъ правду. Онъ сказалъ: отпустите меня. Я уйду въ монастырь молиться Богу за Вашу милость.

Потомъ онъ сказалъ, что бросится въ колодезь въ Мадридѣ съ горя, что ему нечего ѣсть.

Тогда сеньоры инквизиторы сказали, что его довольно пытали, и пытку прекратили, и ушли изъ комнаты, и сего Франсиско Роберта отвязали.

Въ присутствіи меня,
Хоана де Вергара (секретаря).

VI.

Корреспонденція Севильской Инквизиціи (1569—1570).

(Simancas, Arch. general, sala 39, leg., 789).

Письмо Севильскаго трибунала къ предсѣдателю Супремы.

Послѣ представленія прошенія и памятной граматы вашему высокородію griffin дономъ Мануэлемъ Понсе де Леонъ и его братьями, сыновьями осужденнаго святою Инквизиціею дона Хуана Понсе де Леонъ, прошенія, въ которомъ они просили ваше высокородіе соизволить возстановить ихъ въ правахъ въ виду того, что они родились еще до совершенія преступленія въ ереси ихъ отцомъ, и разрѣшить выдачу сему дону Мануэлю денежнаго пособія, намъ было приказано вашимъ высокородіемъ собрать свѣдѣнія относительно этого дѣла. И во исполненіе сего мы пишемъ это письмо. Послѣ принесенія жалобы прокуроромъ Святой Инквизиціи и собиранія справокъ съ опросомъ многихъ свидѣтелей относительно обвиненія его въ вышеназванномъ преступленіи и въ ереси, этотъ донъ Хуанъ Понсе удалился и бѣжалъ изъ этого города, но былъ схваченъ 4 октября 1557 г. въ Эспхѣ и заключенъ въ тюрьму Святой Инквизиціи. Прежде, чѣмъ процессъ былъ законченъ, состоялись обычныя увѣщеванія и аудіенціи. Послѣ просмотра процесса судьями и совѣтниками онъ былъ переслапъ, отчасти потому, что голоса раздѣлились при рѣшеніи его, отчасти потому, что такъ было приказано, въ Супрему, гдѣ его просмотрѣли и закончили.

И вслѣдствіе тяжелаго обвиненія противъ вышеназваннаго дона Хуана, въ виду того, что, какъ это выяснилось на его процессѣ, онъ давалъ лишь неполные, фальшивые, лице-

мѣрные отвѣты, и былъ лжеучителемъ ереси Мартина Лютера и его послѣдователей и однимъ изъ главныхъ сторонниковъ ихъ, ихъ служащихъ и заблужденій, вступивъ въ сношенія на разныхъ собраніяхъ и сборищахъ и съ другими людьми, раздѣлявшими эти заблужденія и слѣдовавшими этому ложному ученію, сей донъ Хуанъ былъ объявленъ вѣроломнымъ лютеранскимъ еретикомъ и присужденъ къ лишенію и конфискаціи всего своего имущества и проклятъ, при чемъ имущество его было передано въ казну его величества, со дня совершенія имъ сего преступленія, а личность его передана свѣтскому правосудію. Этотъ приговоръ былъ объявленъ и приведенъ въ исполненіе въ воскресенье 24-го сентября 1559 года. Послѣ сего, 6 октября того-же года судьи и совѣтники объявили, что вышеназванный Хуанъ Понсе началъ совершать сіе преступленіе въ ереси еще съ начала марта 1557 года и долженъ считаться еретикомъ съ названнаго времени. И какъ видно изъ упомянутаго нами разъ процесса, а также изъ удостовѣренныхъ свидѣтельствъ священника церквей Санъ-Сальвадоръ и Санта-Марина въ здѣшнемъ городѣ, у сего дона Хуана Понсе было ко времени заключенія его въ тюрьму, четверо законныхъ дѣтей: три мальчика и одна дѣвочка. Старшій сынъ по имени донъ Мануэль родился 14 апрѣля 1548 года, второй сынъ по имени донъ Педро родился 10 іюля 1550, третій сынъ по имени донъ Родриго родился 12 сентября 1551 года и послѣдній ребенокъ донья Бланка родилась въ субботу 7 марта 1556 года. Далѣе вышеназванный донъ Хуанъ объявляетъ въ своемъ процессѣ, что жена его была беременна, когда его заключили въ тюрьму, и мы имѣемъ свѣдѣнія, что это такъ и было, и что рожденный ею ребенокъ умеръ. Послѣ всего вышеизложеннаго выясняется и не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ четверо дѣтей сего дона Хуана, трое мальчиковъ и одна дѣвочка, оставшихся въ живыхъ, родились прежде, чѣмъ сей донъ Хуанъ, отецъ ихъ, совершилъ сіе преступленіе въ ереси. И хотя вѣрно, что въ его приговорѣ было приказано конфисковать имущество сего дона Хуана, какъ сказано выше, но установлено также, что такого имущества не нашлось для конфискаціи и его даже не хватило ему на жизнь во время заключенія въ тюрьмѣ, ибо онъ расшвырялъ все свое состояніе и продалъ его за нѣсколько дней до совершенія преступленія.

Карпіо, Саласаръ, Браво де Сайасъ,
Гутіересъ де Ульоа.

VII.

Наказаніе Томаса де Иріарте.

(Симанкасъ, Главный архивъ, кн. Инкв., 877, fol. 151).

11 августа 1779 года въ Мадридѣ состоялось ауто-да-фе, на которомъ предсталъ Томасъ де Иріарте, переводчикъ главной канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ и архиварій Военнаго Совѣта, по обвиненію въ произнесеніи еретическихъ положеній (proposiciones) и въ чтеніи книгъ безъ разрѣшенія. По этому поводу было сказано, чтобы въ домѣ старшаго изъ сеньоровъ, въ присутствіи его и одного секретаря тайнаго департамента, былъ прочитанъ приговоръ ему безъ чтенія мотивовъ осужденія, и чтобы онъ былъ приговоренъ къ abjuratio de levi, чтобы онъ былъ оправданъ ad cautelam, получилъ строгій выговоръ и внушеніе и принялъ обязательство исполнять нѣкоторыя духовныя обязанности въ теченіе 15 дней, при чемъ онъ могъ ихъ исполнять безъ предупрежденія, но по крайней мѣрѣ въ теченіе 8 дней съ ученымъ лицомъ, которое будетъ наставлять его въ таинствахъ и догматахъ нашей святой католической вѣры, а въ концѣ его подвергнутъ общей исповѣди. И въ теченіе двухъ лѣтъ онъ обязанъ исповѣдываться и причащаться по крайней мѣрѣ три раза въ годъ передъ праздниками, и его будутъ убѣждать исполнять это и впредь и ходить къ обѣднѣ съ выносомъ св. Даровъ въ остальное время жизни. И въ теченіе того же срока двухъ лѣтъ онъ обязанъ поститься каждую пятницу и молиться по субботамъ на четкахъ Божіей Матери, и читать Вѣрую по воскресеньямъ, исполняя дѣла вѣры, надежды и любви, и читать каждый день въ теченіе получаса «Руководство грѣшниковъ» монаха Луиса де Гранада или иную духовную книгу, при чемъ ему запрещается попрежнему читать неразрѣшенныя книги, и ему объясняютъ тяжелое преступленіе, которое онъ совершилъ бы, если станетъ читать ихъ, ибо не только нарушилъ бы приказъ Святой Инквизиціи, но еще причинилъ бы страшный вредъ своей душѣ, а въ случаѣ нарушенія приказа будетъ наказанъ со всею полагающеюся строгостью и переданъ до суда во власть сеньоровъ Супремы. И сіе свидѣтельствую.

(Подпись неразборчива).

VIII.

Предполагавшійся декретъ о реорганизаціи Инквизиціи.

(Llorente, «Memoria historica sobre la Inquisicion», 125—141. Мадр. корол. библіот., отд. рукописей, est. D. 153).

Донья Хуана и донъ Карлосъ, ея сынъ. Привѣтъ нашъ и милость вамъ, свѣтлѣйшій инфантъ донъ Фернандо, нашъ дражайшій и любимѣйшій сынъ и братъ, и преосвященнѣйшему кардиналу и епископу Тортосы, Великому инквизитору всѣхъ нашихъ королевствъ и областей, и всѣмъ членамъ Супремы, и всѣмъ инквизиторамъ, и другимъ должностнымъ лицамъ и служителямъ Святой Инквизиціи, вѣдающихъ преступленія по еретическому вѣроотступничеству и святотатству, которые въ настоящее время находятся и имѣютъ отнынѣ впредь находиться въ указанныхъ королевствахъ и владѣніяхъ какъ въ Испаніи, такъ и въ другихъ областяхъ, духовнымъ сановникамъ, герцогамъ и маркизамъ, графамъ и знатнымъ людямъ, командорамъ или не командорамъ, алкаидамъ замковъ, крѣпостей и равнинъ, и членамъ нашего Совѣта, и гражданскимъ и уголовнымъ алкаидамъ и всѣмъ судьямъ въ нашихъ судахъ и канцеляріяхъ, и всѣмъ совѣтникамъ, губернаторамъ, корегидорамъ, алкаидамъ, регидорамъ, городскимъ судьямъ въ Андалузіи, присяжнымъ, должностнымъ лицамъ и частнымъ людямъ во всѣхъ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ нашихъ королевствъ и владѣній и всѣмъ другимъ лицамъ, какого бы они ни были положенія, состоянія, званія, которыхъ содержаніе этого нашего посланія касается, или затрагиваетъ, или можетъ какимъ-либо образомъ затронуть, и каждому, и кому бы то ни было изъ васъ—привѣтъ нашъ и милость.

Да будетъ вамъ извѣстно, что я, король, находясь въ моемъ графствѣ Фландрія, получилъ сообщеніе отъ многихъ и разныхъ лицъ, жителей этихъ нашихъ королевствъ и владѣній,—что около сорока лѣтъ въ этихъ королевствахъ и владѣніяхъ нашихъ дѣйствовала и дѣйствуетъ Инквизиція, по предмету еретическаго вѣроотступничества и нечестія, и назначены и присланы инквизиторы и уполномоченные, и общія и спеціальныя должностныя лица, свѣдущія въ дѣлахъ по еретическому вѣроотступническому нечестію; и что хотя судилище Инквизиція по сути своей и было и есть благое и святое, и Католическіе короли, наши предки, съ добрымъ рвеніемъ и здравымъ намѣреніемъ и повелѣли дѣйствовать Инквизиціи для искорененія упомянутаго преступленія и для защиты и укрѣпленія святой католической вѣры, для наказанія и кары отступниковъ отъ нея,—но обычаи и порядки образа дѣйствія упомянутой Святой Инквизиціи, которыхъ она придерживалась и придерживается въ своемъ с у д о п р о и з в о д с т в ѣ, и были и есть до того суровы и жестоки, и окружены такой тайной и скрытностью, что этимъ дали и даютъ поводъ и причину для появленія многихъ лжесвидѣтелей, а также поводъ для злобы и обмана нѣкоторыхъ дурныхъ служащихъ и должностныхъ лицъ.

Вслѣдствіе этого и вслѣдствіе того, что обвиняемые не могли использоваться въ полной мѣрѣ защитой, многіе невинныя и непричастныя въ упомянутыхъ преступленіяхъ лица были подвергнуты смертной казни, раззоренію и притѣсненіямъ, оскорбленіямъ, позору и невыносимымъ мукамъ, а также и ихъ сыновья, дочери и потомки; поводъ и причина для нихъ впасть въ отчаяніе и въ другія величайшія крайности. И многіе изъ нашихъ подданныхъ покинули наши владѣнія и ушли изъ нихъ; и (какъ это показалъ опытъ) вообще эти наши королевства подвергались и подвергаются великимъ раззореніямъ и притѣсненіямъ; и благодаря обвиненію въ этомъ отвратительномъ преступленіи были опозорены и позорятся и теперь передъ всѣмъ свѣтомъ. Но намъ, въ качествѣ природнаго короля и владыки, подобаетъ исправить зло, такъ какъ нашъ долгъ водворить для нашихъ подданныхъ справедливость и не допускать, чтобы какимъ бы то-ни было путемъ они подвергались несправедливому насилію и притѣсненію. И для успокоенія нашей королевской совѣсти мы должны быть освѣдомлены и должны стремиться знать и разслѣдовать то, что и несправедливо, и не надлежащимъ образомъ совершается въ нашихъ владѣніяхъ, и принимать должныя мѣры для уничтоженія зла.

Насъ умоляли, чтобы мы оказали милость и повелѣли принять мѣры для отвращенія зла и установленія такого порядка, чтобы отнынѣ впредь дѣйствовали по справедливости въ указанныхъ процессахъ и по отношенію ко всѣмъ придерживались справедливости въ полной мѣрѣ. Съ этой цѣлью намъ представили и предъявили не мало свѣдѣній и справокъ о притѣсненіяхъ, учиненныхъ по сіе время.

Разсмотрѣть, ознакомиться съ этими сообщеніями и обсудить ихъ я приказалъ многимъ ученымъ людямъ и знаменитымъ писателямъ, отличающимся добросовѣстностью и похвальной жизнью; а также и нѣкоторымъ коллегіямъ и университетамъ, какъ въ нашихъ владѣніяхъ, такъ и за предѣлами ихъ, чтобы съ большимъ безстрастіемъ сообщили намъ, какія мѣры требуются для исправленія зла, и это мы возложили на ихъ совѣсть. И такъ какъ упомянутыми учеными и университетами все было разсмотрѣно и внимательно изучено, и они высказали намъ свое мнѣніе и настоятельно умоляли, чтобы я повелѣлъ объявить и объяснить ихъ мнѣніе, то я велѣлъ пріостановить выполненіе ихъ просьбы, чтобы съ еще бо́льшею освѣдомленностью, разсудительностью и обсужденіемъ были приняты нужныя мѣры, какъ для служенія Богу и намъ, такъ и для общественнаго блага и для блага указанныхъ нашихъ королевствъ и владѣній.

А въ настоящее время въ кортесахъ, собравшихся и состоявшихся по нашему повелѣнію въ городѣ Вальядолидѣ, уполномоченные городовъ и мѣстечекъ нашихъ королевствъ Кастиліи, Леона и Гранады, явившись къ намъ, среди другихъ статей въ общей петиціи отъ имени названныхъ выше нашихъ королевствъ, съ просьбой принять разныя мѣры, подали намъ также и петицію относительно вышеупомянутаго такого содержанія. «Еще: умоляемъ Ваше Величество приказать принять мѣры, чтобы въ судилищахъ Святой Инквизиціи придерживались священныхъ каноновъ и общаго права, о которомъ въ нихъ идетъ рѣчь, и судили бы по полной справедливости; виновные бы наказывались, а невинные не подвергались карамъ. И чтобы назначенные для того судьи были великодушны, совѣстливы, пользовались хорошей репутаціей и имѣли возрастъ, требуемый закономъ, такіе судьи, отъ которыхъ можно было бы ожидать настоящаго правосудія, и чтобы духовныя лица и епископы были судьями соотвѣтственно праву».

На эту петицію намъ былъ данъ отвѣтъ, что мы прикажемъ сообщить ее и обсудить людямъ ученымъ, отличающимся добросовѣстностью и святой жизнью, и по ихъ заключенію прикажемъ принять мѣры, чтобы былъ положенъ предѣлъ всякимъ притѣсненіямъ, и правосудіе отправлялось бы полное и справедливое. И что черезъ ихъ посредство мы готовы принять матеріалы, представляемые намъ, какъ о притѣсненіяхъ, такъ и о мнѣніяхъ и совѣтахъ относительно хорошаго отправленія правосудія и справедливаго выполненія того, о чемъ просили насъ.

И указанные уполномоченные въ своихъ матеріалахъ освѣдомили насъ вполнѣ объ ущербахъ, обидахъ, притѣсненіяхъ и позорѣ, которымъ подвергались и подвергаются эти наши королевства и ихъ уроженцы отъ того, что судопроизводство не ведется такъ, какъ они изложили, а судьи слѣдуютъ другимъ правиламъ, инструкціямъ и обычаямъ, уклоняющимся отъ правилъ святыхъ каноновъ и общаго права.

И было подано нѣсколько мнѣній ученыхъ объ образѣ, способахъ и порядкѣ, которыхъ слѣдуетъ придерживаться, чтобы въ судахъ Инквизиціи водворилась справедливость. Все это, вмѣстѣ взятое съ тѣмъ, что по моему, короля, повелѣнію, было просмотрѣно и рѣшено въ упомянутомъ моемъ графствѣ Фландріи, мы повелѣли разсмотрѣть, ознакомиться и обсудить нѣкоторымъ лицамъ изъ нашего совѣта вмѣстѣ съ другими свѣдущими и учеными лицами, извѣстными своей добросовѣстностью и похвальной жизнью. Упомянутыя лица послѣ внимательнаго изученія и обсужденія доложили намъ, что для отправленія въ полной мѣрѣ справедливости въ указанномъ судилищѣ Инквизиціи сообразно служенію Богу и намъ и для успокоенія нашей королевской совѣсти, требуется, чтобы въ процедурахъ указанной святой Инквизиціи и возбужденныхъ ею тяжбахъ придерживались нижеслѣдующихъ правилъ, обычая и порядка.

Судьи.

Первымъ дѣломъ—озаботиться найти хорошихъ судей и служащихъ и должностныхъ лицъ, добросовѣстныхъ, пользующихся хорошей репутаціей, въ возрастѣ свыше сорока лѣтъ, людей благородныхъ и не бѣдныхъ, и не такихъ, о которыхъ могло бы возникнуть сомнѣніе, что они по какимъ бы то ни было причинамъ способны не быть въ полной мѣрѣ справедливыми.

2) Сверхъ того, чтобы вознагражденіе судьямъ и служащимъ было установленное, а не выплачивалось изъ наложенныхъ штрафовъ и конфискацій, дабы это не побуждало ихъ осудить кого-либо несправедливо. Для этого было бы хорошо, чтобы въ каждой каѳедральной церкви тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ имѣются инквизиторы, одна или двѣ пребенды канониковъ оставлялись для названнаго Судилища, и онѣ слу-

жили бы имъ вознагражденіемъ, какъ это имѣетъ мѣсто для проповѣдниковъ; или чтобы Инквизиціей вѣдали епископы, имѣющіе пребенды.

3) Сверхъ того, пусть Ваше Высочество обѣщаетъ не оказывать никакому судьѣ или должностному лицу милости и дара изъ имущества, должности и доходныхъ приходовъ, принадлежавшихъ осужденнымъ, дабы въ надеждѣ получить таковые никто не былъ осужденъ невинно.

4) Сверхъ того, если обвиняемый отвелъ бы кого-либо, должны быть избраны, согласно съ каноническимъ правомъ, третейскіе судьи для обсужденія отвода. И если бы они признали его правильно отведеннымъ, то не объявляли бы ему причину, если даже оказался бы отведеннымъ членъ Совѣта или нѣкоторые изъ его членовъ.

5) Сверхъ того, слѣдуетъ черезъ каждые два года посылать хорошихъ людей въ области, гдѣ имѣются инквизиторы, чтобы узнать, какъ выполняютъ свои обязанности инквизиторы и ихъ служащіе, и выслушивать жалобы на нихъ и оказывать жалобщикамъ справедливость. И эти изслѣдователи не должны быть ни инквизиторами, ни служащими въ Инквизиціи.

6) Сверхъ того, чтобы судья и должностныя лица, которые оказались бы виновными и плохо справляли свои обязанности, были лишены должности и наказаны согласно съ закономъ и никогда больше не занимали бы мѣста судей или служащихъ Инквизиціи ни въ той же, ни въ какой другой мѣстности.

7) Сверхъ того, чтобы жаловавшіеся на притѣсненія, чинимыя имъ судьями и служащими Инквизиціи, не могли быть ни арестованы, ни притѣсняемы ими.

8) Сверхъ того, когда судья и должностныя лица будутъ назначены на свои мѣста, они должны дать присягу въ томъ, что выполнятъ свои обязанности справедливо и честно и не дадутъ свѣдѣній никому, кто просилъ о милости, изъ имущества, должности или привилегій арестованныхъ и обвиняемыхъ, пока эти послѣдніе не будутъ осуждены и приговоръ не вступитъ въ законную силу. И чтобы было даровано сторонамъ право апелляціи, которая подавалась бы въ Совѣтъ и Святѣйшему Отцу, и чтобы тѣхъ, которые отводятъ и подаютъ апелляцію, не притѣсняли, не оскорбляли и не вчиняли вымогательства. И чтобы такая присяга приносилась въ капитулѣ каѳедральнаго собора даннаго города.

9) Сверхъ того, чтобы судьи не разузнавали и не искали свидѣтелей противъ лицъ, не обвиняемыхъ въ преступленіи; и не разспрашивали о такихъ лицахъ у свидѣтелей, свидѣтельствующихъ противъ другихъ, ни у арестованныхъ, ни у тѣхъ, которыхъ подвергаютъ пыткамъ.

10) Сверхъ того, если какой-либо свидѣтель явится дать показанія и доносить на другого, судьи должны обсудить сказанное и допрашивать его подъ присягой; должны узнать, не врагъ ли онъ лицу, о которомъ свидѣтельствуетъ, или родственникъ его, и не имѣетъ ли съ нимъ тяжбы или ссоры, или не былъ ли имъ подкупленъ; сколько времени онъ знакомъ съ нимъ; какого онъ возраста; и пусть предложатъ ему всѣ другіе вопросы, которые найдутъ нужнымъ, чтобы узнать правду. И чтобы подъ показаніями его судьи подписали свое мнѣніе о томъ, какое довѣріе заслуживаютъ его слова такъ, чтобы, когда другой судья увидитъ это показаніе, онъ былъ объ этомъ предупрежденъ.

Арестованные.

11) Сверхъ того, когда отъ заключенія въ тюрьму за данное преступленіе для арестованнаго и его родныхъ проистекаетъ большой позоръ и ущербъ, прежде чѣмъ приступить къ аресту, свидѣтели, донесшіе на обвиняемаго, должны быть передопрошены подъ присягой, въ присутствіи судьи-епископа, вмѣстѣ съ инквизиторами, которые хорошенько удостовѣряются и разузнаютъ, что за люди свидѣтели и заслуживаютъ ли они довѣрія. И пусть никто не будетъ арестованъ до такого испытанія свидѣтелей, благодаря которому можно надѣяться, что арестованный будетъ справедливо осужденъ. Раньше, чѣмъ арестовать, надо узнать объ этомъ мнѣніе судьи-епископа и другихъ ученыхъ и свѣдущихъ лицъ.

12) Сверхъ того, арестованные должны быть заключены въ общія тюрьмы, приличныя, такія, гдѣ бы они находились подъ запоромъ, но которыя не служили бы имъ наказаніемъ. И пусть они тамъ присутствуютъ на обѣдняхъ и приступаютъ къ Св. Таинству, дозволенному закономъ.

13) Сверхъ того, арестованнымъ дозволяется, по ихъ желанію, всегда принимать посѣтителей—жену, дѣтей, родственниковъ, друзей, ученыхъ людей, повѣренныхъ; то же

дозволяется и арестованнымъ женщинамъ какъ въ общихъ тюрьмахъ, такъ и въ секретныхъ.

14) Сверхъ того, имъ дозволяется брать себѣ въ повѣренные тѣхъ ученыхъ и свѣдущихъ людей, какихъ они пожелаютъ, хотя бы и родственниковъ, дабы тѣ помогали имъ защищаться. И нельзя ихъ принуждать брать противъ своей воли какихъ-либо другихъ ученыхъ и повѣренныхъ.

15) Сверхъ того, тотчасъ же послѣ ареста имъ должны предъявить обвиненіе, и въ немъ не должно заключаться ничего болѣе того, что противъ нихъ было сказано и донесено свидѣтелями. Въ обвиненіи должно быть указано время и мѣсто, гдѣ, по словамъ свидѣтелей, было совершено преступленіе, чтобы обвиняемый могъ въ полной мѣрѣ защищаться.

16) Сверхъ того, одновременно съ предъявленнымъ обвиненіемъ должна быть доставлена, если арестованный того пожелаетъ, и копія со всего показанія свидѣтелей, показывавшихъ противъ обвиняемаго, съ ихъ именами.

17) Сверхъ того, въ то время, когда происходятъ юридическія удостовѣренія, обвиняемому дается копія допроса — также какъ и прокурору, чтобы лучше было познать истину.

18) Сверхъ того, въ началѣ процесса объявляются имена свидѣтелей и сторонамъ даются полностью копіи юридическихъ доказательствъ, ничего не добавляя и не убавляя, называя имена всѣхъ, дававшихъ показанія, когда и гдѣ. И пусть никому не будетъ отказано въ объявленіи именъ свидѣтелей, такъ какъ извѣстно, что въ нашемъ общемъ уровнѣ нѣтъ столь могучихъ лицъ, которые возбуждали бы опасенія, что они могли бы преслѣдовать свидѣтелей. Но если бы случайно обвиняемымъ оказался какой-нибудь герцогъ, маркизъ или графъ, епископъ или важный духовный сановникъ—имъ можно было бы отказать въ объявленіи именъ свидѣтелей, если бы по мнѣнію судьи слѣдовало такъ поступить. И пусть Святѣйшій Отецъ объявитъ слѣдующее: если текстъ и заявляетъ о томъ, что можно отказать назвать имена свидѣтелей, когда могущество обвиняемаго столь велико, что по справедливости можно бояться за безопасность свидѣтелей,—то рѣчь въ немъ идетъ именно о вышеуказанныхъ высокихъ сановникахъ, а не о другихъ лицахъ; потому что опытъ показалъ, что предоставленіе рѣшить этотъ вопросъ свободной волѣ судей оказалось очень опаснымъ: они всѣмъ вообще, какъ незначительнымъ людямъ, такъ и могучимъ, отказывали въ этомъ.

19) Сверхъ того, если такимъ могущественнымъ и высокопоставленнымъ людямъ пришлось бы отказать назвать имена свидѣтелей, судья долженъ постановить объ этомъ юридическій приговоръ и дать торжественную клятву, что онъ поступаетъ такимъ образомъ не со зла, а вслѣдствіе боязни, что могущество обвиняемаго, которому отказывается въ обнаруженіи именъ свидѣтелей, такъ велико, что жизни свидѣтелей можетъ угрожать опасность, и что по мнѣнію его, судьи, ему передъ Богомъ и совѣстью и согласно съ закономъ именно такъ и слѣдуетъ поступить. Но обвиняемый на это рѣшеніе судьи можетъ апеллировать къ Святѣйшему Отцу, и право апелляціи должно быть предоставлено ему. И процессъ не можетъ вестись дальше, пока апелляція не будетъ использована.

20) Сверхъ того, если кто-либо будетъ присужденъ къ пыткѣ, и она была бы примѣнена къ нему, то не иначе какъ только умѣренно, сообразно съ уликами и юридическими доказательствами, имѣющимися противъ обвиняемаго. И его не должны подвергать тѣмъ суровымъ и новымъ изобрѣтеніямъ пытокъ, которыя по сіе время были въ ходу въ Инквизиціи.

21) Сверхъ того, тотъ, кто разъ былъ подвергнутъ пыткѣ, не можетъ быть снова пытаемъ и нельзя ему угрожать пыткой безъ новыхъ уликъ или юридическихъ доказательствъ, которыя по закону были бы для этого достаточны.

22) Сверхъ того, никто не можетъ быть подвергнутъ пыткѣ для показаній противъ другого лица.

23) Сверхъ того, пытки не примѣняются къ лицамъ, которыя по праву защищаются, и пытки не примѣняются также и во всѣхъ недозволенныхъ случаяхъ.

24) Сверхъ того, на приговоры, какъ предварительные, такъ и окончательные, можно апеллировать къ Святѣйшему Отцу. Право апелляціи должно быть предоставлено, и пока апелляція не будетъ использована, процессъ не можетъ вестись дальше, и обвиненные не могутъ быть ни выведены на площадь, ни преданы казни, ни лишены имуществ или правъ.

25) Сверхъ того, когда процессъ близится къ постановленію приговора, стороны и

ихъ свѣдущіе люди и повѣренные должны присутствовать при этомъ, чтобы они могли и защищаться, и воспользоваться своими правами, и слѣдить, нѣтъ ли пробѣла въ процессѣ. И точно также долженъ тутъ же присутствовать и прокуроръ, какъ это бываетъ во всѣхъ другихъ гражданскихъ и уголовныхъ процессахъ.

26) Сверхъ того, въ случаѣ, если обвиняемый долженъ быть оправданъ вслѣдствіе недостаточныхъ юридическихъ доказательствъ и уликъ противъ него, судьи не могутъ осудить его, ни назначать денежныхъ штрафовъ или другихъ наказаній подъ предлогомъ, что хотя и нѣтъ доказательствъ, но у нихъ сложилось подозрѣніе, и на основаніи этого подозрѣнія они выносятъ обвиненіе арестованному. Судьи не должны прибѣгать ни къ какой другой формѣ осужденія, когда обвиняемый долженъ быть оправданъ.

Каноническое очищеніе.

27) Сверхъ того, если кто-либо прибѣгаетъ къ каноническому очищенію, судьи дозволяютъ ему вызвать всѣхъ свидѣтелей, которыхъ онъ желаетъ для своего оправданія, и если ихъ не окажется налицо, арестованный имѣетъ право вызвать другихъ. Такихъ свидѣтелей каноническаго очищенія обвиняемый можетъ вызвать, кого и сколько ему угодно. Въ вызовѣ ихъ ему не должно быть отказано за то, что они говорятъ, что они не потомки обращенныхъ въ католическую вѣру, хотя бы они были и родственники его. Пусть и арестованные первые говорятъ со своими свидѣтелями, чтобы освѣдомиться, знаютъ ли они ихъ и могутъ ли подтвердить ихъ невиновность.

28) Сверхъ того, свидѣтели могутъ быть отведены, а причина ихъ отвода должна быть разсмотрѣна: тѣ свидѣтели, которые оказались бы лживыми, должны получить за это возмездіе согласно съ законами, изданными въ прежнія времена Католическими королями.

29) Сверхъ того, когда въ прошлыя времена иные покаялись въ своей винѣ и были переданы въ руки Церкви и затѣмъ жили какъ добрые католики, и по забывчивости (надо такъ думать) не открылись въ нѣкоторыхъ своихъ проступкахъ, не передали о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ или признакахъ, доказывающихъ преступленіе, или то, въ чемъ они покаялись, было сдѣлано не въ должной формѣ; если они сами утверждали бы, что забыли или не указали на мать, отца, дѣтей, братьевъ и родныхъ, а жены—на своихъ мужей или другихъ лицъ, которыя вмѣстѣ съ ними участвовали въ преступленіи, или же они видѣли, что преступленіе совершено ихъ отцами, сыновьями, братьями, женами и родственниками, или другими лицами, которые видѣли, какъ совершалось преступленіе, и не донесли о немъ; и изъ-за этого многіе были арестованы, осуждены, и ихъ имущество конфисковано, подъ тѣмъ предлогомъ, что они фиктивные кающіеся и неправдиво покаялись въ своихъ проступкахъ. И отъ этого проистекло много зла. Слѣдуетъ, чтобы отнынѣ впредь за такое или подобное дѣло никто не былъ ни арестованъ, ни осужденъ, ни имущество его конфисковано. И тѣ, которые въ подобныхъ случаяхъ были бы арестованы, должны быть оправданы, и если это необходимо, надо добиться буллы Святѣйшаго Отца, въ которой онъ вообще отпускалъ бы всякую подобную вину и примирялъ бы повсемѣстно всѣхъ съ Церковью, не взирая на то, что они до примиренія съ Церковью могли сдѣлать или сказать, а также и тѣхъ, которые дѣйствительно были свидѣтелями преступленія и не сказали; потому что надо вѣрить, что если они признались въ одной винѣ, они, помня, признались бы и въ другой винѣ, и за это нельзя ихъ присудить ни къ денежному штрафу, ни къ какому-либо другому наказанію.

30) Сверхъ того, такъ какъ нѣкоторые судьи издавали судебное постановленіе, вызывая къ себѣ сыновей и внуковъ осужденныхъ и примиренныхъ съ Церковью, и заставляли ихъ давать письменное сообщеніе о своемъ имени, лѣтахъ и о всѣхъ своихъ предкахъ и родственниковъ и часто ихъ арестовывали и судили, безъ всякаго къ тому основанія — доноса или свидѣтельскаго показанія, а только подъ тѣмъ предлогомъ, что они воспитывались съ осужденными и покаявшимися и видѣли, какъ эти послѣдніе совершали свои преступленія и, быть можетъ, были ихъ соучастниками. И если въ назначенное въ судебномъ постановленіи время вызванные не являлись дать требуемое отъ нихъ письменное сообщеніе, судья вызывалъ ихъ вновь и присуждалъ къ наказанію и епитиміи,—изъ чего проистекало много зла и позора. И слѣдуетъ повелѣть, чтобы эти и другія подобныя притѣсненія прекратились.

31) Сверхъ того, такъ какъ въ церквахъ и монастыряхъ хранятся одѣянія, на которыхъ вписаны имена осужденныхъ и примирившихся съ Церковью за сорокъ лѣтъ

по сіе время существованія Инквизиціи, а это великій позоръ для ихъ потомковъ, которые живутъ по всѣмъ правиламъ католической вѣры, а также позоръ и для всего королевства. А нѣкоторые изъ еще живыхъ примирившихся съ церковью носятъ такія одѣянья поверхъ платья. Надо приказать, чтобы эти одѣянья были удалены изъ церквей и отняты у тѣхъ, которые ихъ носятъ. И чтобы подобныя нигдѣ не хранились, и такой позоръ прекратился въ нашихъ королевствахъ. И чтобы нѣкоторымъ, находящимся по доброй волѣ въ пожизненномъ тюремномъ заключеніи, это наказаніе было перемѣнено на другія епитиміи, и они были бы выпущены на свободу, такъ какъ въ тюрьмахъ они умираютъ съ голоду и не служатъ этимъ Богу.

32) Сверхъ того, такъ какъ въ нѣкоторыхъ монастырскихъ, мужскихъ и женскихъ церквахъ, орденахъ и братствахъ имѣются статуты и постановленія, не допускающіе вступить туда лицамъ, происходящихъ изъ обращенныхъ въ католичество, хотя желающіе вступить являются католиками, то такіе статуты должны быть уничтожены и изъяты, потому что они явно противорѣчатъ служенію Богу, который не дѣлаетъ различія въ поколѣніяхъ, и противорѣчатъ также всякому человѣческому и божескому праву.

Имущества.

33) Сверхъ того, когда кто-либо будетъ арестованъ, у него нельзя конфисковать имѣніе или продать его движимое и недвижимое имущество, а все оно только записывается для свѣдѣнія, чтобы нельзя было передать или уступить кому-либо имущество, что запрещается закономъ.

34) Сверхъ того, слѣдуетъ дозволить арестованному тратить на себя то, что необходимо для его содержанія и для содержанія его жены, дѣтей и семьи, а также что необходимо ему для его защиты и другихъ потребныхъ ему вещей, не ставя ему въ томъ препятствія.

35) Сверхъ того, если кто-либо былъ бы осужденъ и имѣлъ бы дѣтей или другихъ потомковъ-католиковъ, они должны получить и наслѣдовать его имущество согласно съ законами нашихъ королевствъ, какъ это ясно и общепонятно изложено.

36) Сверхъ того, желательно, чтобы никому въ видѣ милости не передавалось имущество или часть имущества какого бы то ни было арестованнаго, пока это имущество не было конфисковано на основаніи судебнаго приговора, вошедшаго въ законную силу.

37) Сверхъ того, желательно, чтобы вообще во всемъ сохранялись порядокъ и обычаи священныхъ каноновъ и общаго каноническаго права, какъ въ судебномъ веденіи дѣлъ, такъ и въ приговорахъ, не внося туда никакихъ иныхъ правилъ, обычаевъ и инструкцій, каковы бы ни были тѣ изъ нихъ, которыхъ по сіе время придерживались.

38) Сверхъ того, чтобы о вышеуказанномъ, по просьбѣ Его Высочества, была получена булла Святѣйшаго Отца, и этой буллой повелѣвалось бы придерживаться вышеупомянутаго порядка.

39) Сверхъ того, чтобы всего вышеуказаннаго придерживались какъ въ процессахъ и судебныхъ дѣлахъ, еще разбирающихся судомъ, такъ и въ тѣхъ, которые имѣютъ быть возбужденными отнынѣ впредь, пока не появится папская булла, Его Высочество пусть повелитъ инквизиторамъ хранить и придерживаться указаннаго порядка согласно праву.

И такъ, все обсудивъ и принявъ во вниманіе нашу обязанность короля и природнаго властителя, были мы озабочены тѣмъ, чтобы по отношенію къ нашимъ подданнымъ соблюдалось правосудіе, чтобы виновные несли наказаніе, а невинные не были ни арестованы, ни притѣсняемы, ни обижаемы ни съ какой стороны. Наша воля—насколько человѣческая слабость это дозволяетъ—въ томъ, чтобы исполнять нашъ королевскій долгъ и то, что надлежитъ нашему королевскому достоинству и нашему служенію Богу. Мы желаемъ, чтобы за наше царствованіе наши королевства были всѣми уважаемы и возвеличены, и съ нашими подданными и вассалами обращались хорошо, цѣнили ихъ и, насколько возможно, не докучали бы имъ—и этимъ мы особенно озабочены. Считаемъ за благо повелѣть придерживаться во всемъ вышеуказанныхъ правилъ порядка и формы судебныхъ разбирательствъ и просимъ Святѣйшаго Отца, чтобы и онъ все это повелѣлъ одобрить и подтвердить, а духовныхъ лицъ подчиниться вышеуказаннымъ правиламъ и порядку и хранить ихъ. И о томъ посылаемъ Его Святѣйшеству нашу просьбу и повелѣваемъ также доставить и вамъ это наше посланіе по указанной причинѣ.

Этимъ посланіемъ или копіей съ него, засвидѣтельствованной нотаріусомъ, увѣще-

ваемъ, поручаемъ и повелѣваемъ всѣмъ и каждому изъ васъ придерживаться въ вашихъ мѣстностяхъ и юрисдикціяхъ указанной формы, разъясненія и порядка судебной разбираемости и вышевключенныхъ правилъ, дѣйствуя согласно съ ними, не придавая имъ другого смысла, ни новаго объясненія, ни толкованія, ни ограниченія, не ожидая для этого другого нашего посланія и разъясненія и не ожидая другого повелѣнія, ни мнѣнія, ведите судопроизводство и велите ввести судопроизводство въ судилище Инквизиціи въ дѣлахъ, касающихся ея, какъ въ процессахъ, которые еще разбираются, хотя бы они были закончены и приговоръ постановленъ (если онъ не былъ прочтенъ и разглашенъ), такъ и въ тѣхъ дѣлахъ, которымъ отнынѣ впредь предстоитъ быть разсмотрѣнными, хотя бы это и были старыя дѣла. И храните, и исполняйте эти правила, и требуйте, чтобы ихъ хранили и выполняли, въ ихъ цѣломъ и въ частяхъ ихъ, не придерживаясь и не обращая вниманіе на другія правила и инструкціи, обычаи, практику, формы и порядки процедуры, которыхъ до сихъ поръ придерживались въ судопроизводствѣ Инквизиціи. И противъ содержанія и формы вышесказаннаго не выступайте и не идите, и не соглашайтесь никоимъ образомъ ни идти, ни выступать.

И потому, какъ сказано, мы повелѣваемъ просить и просимъ Святѣйшаго Отца одобрить и подтвердить все вышесказанное, и просимъ, чтобы своими папскими буллами онъ повелѣлъ все это хранить (и мы надѣемся, что его Святѣйшество исполнитъ нашу просьбу и вскорѣ папскія буллы прибудутъ въ наши королевства), чтобы судилище Инквизиціи не перестало дѣйствовать и судопроизводство велось въ немъ съ полной справедливостью, мы вамъ повелѣваемъ, чтобы до тѣхъ поръ, пока не прибудутъ къ намъ вышеуказанныя папскія буллы, вы придерживались и исполняли все вышесказанное; и согласно съ этимъ вели бы судебное разбирательство и заставляли бы его вести въ указанномъ Святомъ Судилищѣ совершенно такъ, какъ если бы упомянутыя папскія буллы уже прибыли, потому что все сказанное согласно съ правомъ и съ справедливостью, и все было разсмотрѣно и рѣшено великими учеными и добросовѣстными, свѣдующими людьми, какъ мы и сообщили о томъ. И пусть никто ни подъ какимъ видомъ не сопротивляется этому подъ страхомъ лишенія нашей милости и отстраненія отъ должности [1]).

IX.

Къ событіямъ 1812 г.

A) Конституціонная комиссія, состоявшая изъ 15 членовъ и выработавшая конституцію 1812 г., имѣла большинство, враждебное проекту конституціи, и лишь меньшинство комиссіи принадлежало къ либеральной партіи. Раболѣпствующее большинство состояло изъ слѣдующихъ депутатовъ: Уэрта, Пересъ, Валіенте, Каньедо, Барсена, Ріо, Хауреги, Мендіола. Либеральное меньшинство: Муньосъ Тореро, Аргуэльесъ, Эспига, Оливеросъ, Пересъ де Кастро и Лейва. Депутатъ Моралесъ Суаресъ не принадлежалъ ни къ какой партіи. Пять членовъ комиссіи были лицами духовнаго званія. Несмотря на раболѣпствующее большинство, проектъ конституціи былъ проведенъ черезъ комиссію, и авторами проекта были либералы Муньосъ Тореро и Аргуэльесъ. Раболѣпствующіе, въ лицѣ каноника Каньедо, требовали чрезвычайнаго ограниченія королевскихъ прерогативъ: «слѣдуетъ больше заботиться,—говорилъ онъ,—объ интересахъ духовенства, чѣмъ королевства». Въ концѣ концовъ, раболѣпствующіе члены комиссіи голосовали за проектъ конституціи, но въ кортесахъ они возражали противъ тѣхъ самыхъ статей конституціи, которыя они одобрили въ парламентской комиссіи.

B) Регентство, созвавшее кортесы 1812 г., состояло изъ слѣдующихъ пяти лицъ: Кеведо (епископа Оренсе), Кастаньоса, Сааведры, Эскаріо и Лардсибала; всѣ они принадлежали къ партіи раболѣпствующихъ. Второе регентство, состоявшее изъ пяти человѣкъ, принадлежало также къ реакціонерамъ. Въ третье регентство, избранное 8 марта 1813 г., входили кардиналъ Луисъ Бурбонъ, Сискаръ и Агаръ; всѣ они были либералы, пострадавшіе при возвращеніи Фердинанда VII въ Испанію.

C) Императоръ Александръ I оффиціально призналъ кортесы 1812 г. и выработанную ими конституцію. Въ трактатѣ, подписанномъ 20 іюля 1812 г. въ Великихъ Лукахъ, имѣлась спеціальная статья о конституціи и гласившая: Art 3. «S. M. l'empereur de toutes les Russies reconnaît pour légitimes les cortès générales et extraordinaires réunies actuellement à Cadix, ainsi que la constitution quelles ont décrétée et sanctionée».—Когда ре-

---

[1]) Вопросъ о реорганизаціи Инквизиціи, по плану Карла, былъ нами изложенъ на стр. 338.

гентство отправило императору Александру I экземпляръ испанской конституціи, русскій канцлеръ, графъ Румянцевъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ благодарилъ 25 ноября 1812 г., отъ имени императора, испанскаго повѣреннаго въ С.-Петербургѣ, Сеа-Бермудеса «S. M. a reçu ce nouveau témoignage des sentiments dont le gouvernement espagnol est animé à son égard, avec d'autant plus de plaisir que cet acte solennel doit servir de garantie à la prospérité d'une nation loyale et valeureuse, pour laquelle S. M. professe la plus grande estime».— Какъ извѣстно, Наполеонъ тащилъ за собою въ Россію испанскихъ военноплѣнныхъ, изъ которыхъ онъ образовалъ въ Россіи особый легіонъ. Когда французы стали терпѣть пораженія, испанцы перешли на сторону русскихъ, и императоръ Александръ I, въ знакъ особой милости, отправилъ ихъ въ Петергофъ, гдѣ императрица нѣсколько разъ ихъ посѣтила. Испанскій посланникъ Бардахи-и-Асара хотѣлъ привести испанцевъ къ присягѣ въ вѣрности конституціи. Императору угодно было придать особенно торжественный характеръ этой присягѣ, принесенной въ присутствіи всего императорскаго двора; испанскій полкъ удостоился имени «Императора Александра» и изъ Кронштадта, на средства русской казны, съ большими почестями былъ отправленъ въ Испанію. Впослѣдствіи (1820) полкъ этотъ принялъ дѣятельное участіе въ возстановленіи конституціи 1812 г. На первомъ пріемѣ дипломатическаго корпуса 1814 г., по возвращеніи Александра въ С.-Петербургъ, императоръ, обращаясь къ испанскому посланнику, заявилъ: «Que pensez-vous, monsieur l'ambassadeur, de la conduite du roi, votre maître, à l'égard de l'Espagne dont il a détruit la constitution d'une manière si violente?».—«Sire, il ne m'appartient pas de juger, et moins encore de censurer la conduite de roi».—«Eh bien! monsieur, moi, je vous dirai que c'est abominable; que l'ingratitude des rois pour les peuples est le plus affreux des spectacles, et celui dont l'exemple est le plus funeste». Очевидно, императоръ не забылъ еще своей прокламаціи, изданной въ февралѣ 1813 г. въ Варшавѣ, гдѣ говорилось, что «на берегахъ Днѣпра рѣшится судьба Гвіаны, и что оттуда Испанія получитъ свободу, которую она съ такимъ героизмомъ защищаетъ въ вѣкъ слабости и трусости... Печали міра наступитъ конецъ, если Сѣверъ будетъ подражать кастильцамъ въ ихъ могучемъ подъемѣ силъ». Но прошло нѣсколько лѣтъ, и императоръ Александръ лично отправился въ Верону, чтобы заставить Священный союзъ должнымъ образомъ наказать испанцевъ, осмѣлившихся въ 1820 г. возстановить въ Испаніи конституцію 1812 г. Александръ I былъ душою второй реставраціи Фердинанда VII и полнаго возстановленія въ Испаніи стараго абсолютистскаго режима. Когда французы благополучно справились въ 1823 г. съ этой неблагодарной задачей, Александръ I благодарилъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Шатобріана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Vous avez puissamment contribué à ces grands résultats, et vos talents comme vos efforts ne sauraient avoir de meilleure récompense» (Rafael Salillas, «En las Cortes de Cádiz», 1910; Marliani, «Histoire politique de l'Espagne moderne», 1840; Vergara, «Los Diputados eclesiasticos en las Cortes de Cádiz», 1912; F. Soldevilla, «Las Cortes de Cádiz», Мадридъ, s. d.; Chateaubriant, «Le Congrès de Vérone», 2 т., 1838; Сергѣй Соловьевъ, «Императоръ Александръ Первый», 1877).

УКАЗАТЕЛЬ.

Abagados de los presos 180.
Аба Девятое 153.
Абадъ Исаакъ 150.
Абадъ-ла-Сіерра Августинъ 308, 309.
Абадъ-ла-Сіерра Мануэль 308, 309, 362, 364, 408.
Абдеррахманъ II (822—852) 4, 146.
Абдеррахманъ III 4.
Абенаміасъ Моисей 144.
Абенъ-алъ-Ахмаръ 5.
Абифелесъ 3.
Абоабъ Им. 154.
Абоабъ Исаакъ (раввинъ) 150.
Абрабанель (семья) 13, 20, 101, 142, 146, 154.
Абулъ-Хасанъ 37.
Абу-Юсуфъ 4.
Abjuratio (abiuración) de levi и de vebementi 89, 90.—См. Инквизиція.
Авила Леонора де 261.
Ав аамъ бенъ Соломонъ изъ Торутіэля 229, 231, 232.
Агаръ Педро 438, 442, 454.
Агело (первый епископъ въ Марокко, францискан.) 5.
Агиляръ Алонсо Фернандесъ де 43.
Агиляръ Марія 282.
Адель 372.
Адлеръ (писатель) 21, 49, 91, 123, 211, 245, 248, 249, 271, 360.
Адріанъ (великій инквизиторъ), папа 106, 193, 221, 298, 299, 309, 324, 325, 339, 341, 390.
Адріанъ VI—см. Адріанъ.
Аербе Франсиско 315, 318.
Акунья Луиза 342.
Акунья Фернандо 34.
Алава (инквизиторъ) 327.
Аларконъ—См. Лопе-де-Вера-и-Аларконъ.
Алваро де Луна, иниціаторъ введенія Инквизиціи въ 1451 г., 44.
Алвита (португальскій дѣятель) 234.
Алеандръ 192.
Александръ VI (Борджіа) 61, 70, 71, 160, 213, 214, 230, 231, 320, 322, 323, 333.
Александръ VII 335, 403.
Аліага 342, 344.
Алкайна 434.
Алкарасъ Педро Руисъ де 275.
Алмасанъ (секретарь королев. канцел.) 46.
Алменда Діого де 234.
Алменда Жоржъ 245.
Алменара 312, 313, 314, 316.
Алмодоваръ 297.
Алмуніа Антонъ 313.
Алонсо Антоніо 416.
Алонсо Гонсало 213.
Алонсо Хуанъ 103.
Алосъ 438.
Алсаибаръ Мануэль 417.
Алъ-Мемонъ Або-л- Ола 5.
Алъ-Мотадемъ 9.
Альба (герцогъ), 143, 246.
Альберони 343.
Альбертино 154.
Альбертино Арнальдо 290.
Альбре Жанъ 115, 309.
Альбрехтъ Австрійскій 245.
Альваресъ Нуньесъ 262.
Альваресъ Перейра 262.
Альмасанъ 17.
Альмодоваръ 272.
Альтамира и Кревеа 30, 361, 362, 369.
Альтасъ Рибасъ 143.
Альфасо 460.
Альфонсо Хуанъ 41.
Альфонсъ Завоеватель 27.
Альфонсъ изъ Рима 396.
Альфонсъ I Католикъ 1, 2.
Альфонсъ VI 4, 7—12 27.
Альфонсъ VII 12, 27.
Альфонсъ IX 2, 3, 13.
Альфонсъ X 4, 9, 13, 14.
Альфонсъ XI 2, 3, 14, 17.
Альфонсъ XIII 210.
Амадоръ де лосъ Ріосъ 2, 18, 44, 115, 116, 118, 126, 127, 146, 154, 157, 211, 227, 229, 231, 238, 269, 270, 371.
Англеріусъ Петрусъ Мартиръ 137, 275.
Ангулемскій герцогъ 458, 459, 460.
Андреу 461.
Антекера Фернандо 24.
Анхосъ 253.
Анчіасъ (Анчиса) 92, 119, 216, 219.
Апелляціи на приговоры Инквизиціи и борьба съ Римской Куріей 241, 322, 324, 325, 326, 328;
дѣло Вильянуэвы 327—335.
Арабы—см. Мавры.
Арагонъ Антоніо 344.
Арагонъ Фердинандъ де 326, 376.
Арагонъ Филиппъ 376.
Аранда (министръ Карла III) 296, 297, 361, 363, 364, 366, 367.
Аранда Педро (епископъ еврейск. происхожденія) 213, 214.
Арбуэсъ 71, 82, 108, 113, 114, 371, 376, 405.
Арбуэсъ Марія 288.
Аргуэльесъ Антоніо Альваресъ 391.
Аргуэльесъ А. 442, 454.
Аргуэльесъ Канга 454.
Арибасъ Пабло 414.
Арispe 441.
Аристотель 300.
Аріасъ—см. Бланко.
Аріасъ Веремундо 456.

Аріасъ Дізго Родриго 393.
Аркеръ Сигизмундъ 80, 206.
Армихо Вега де 271.
Арно изъ Сито 13.
Арнольдъ (архіеп.) 15, 16.
Арсе 301.
Арсе-и-Рейносо 310, 329—334, 371, 372, 394, 408, 414, 418.
Артеага 393.
Асанса Хосе 413.
Аскаргота 319.
Аспилкуэта Мартинъ 383.
Ассунсано Діого да 267.
Ауто-да-фе 115—119, 121—126, 193, 194, 195, 197—200, 202—204, 241, 249, 255, 257, 265, 359.—См. Инквизиція, Евреи, Протестанты, Мараны.
Ауто-да-фе, наиболѣе выдающіяся по количеству смертныхъ казней 90—92, 360.
Auto particular (autillo) 83.
Аха 274.

Бадіа 113, 117.
Балидъ рабби 150.
Балмаседа (инквизиторъ) 319.
Баль 373.
Бальтанасъ 80.
Бальтанесъ 199.
Бандара Гонсало Канесъ 241.
Баптиста 199.
Барачина 46, 169, 189.
Барберо Анна 287.
Барбоса 54, 66, 199.
Бардахи Бріанда 96.
Бардахи донъ Хорхе 281.
Баріентосъ Лопе де 212.
Барнабе 444.
Баронатъ-и-Барачина—См. Барачина.
Барокасъ Тамара 267.
Барріо 104.
Барріосъ 268.
Басанте Хуанъ де 313, 314.
Баумгартенъ 361, 367.
Бауэръ Густавъ 272.
Бахіель 8.
Баэса 254.
Beata Piedrahita 275.
Беландо Николай 360.
Беленгеръ 117.
Бельтранеха—см. Хуана (дочь Генриха IV).
Бельтранъ де ла Куэва 31.
Бенедиктъ XII 15, 16.
Бенедиктъ XIII 22, 23.
Бенедиктъ XIV 308, 335.
Бенете (семья) 119.
Беренгеръ Рамонъ 3.
Бермудо II 4.
Бернальдесъ Андреасъ 48, 125, 148, 151, 152, 154.
Бернардо 11, 12.
Бернардъ св. 299.
Бернаръ (аббатъ) 2.
Бертранъ 93.
Бессьеръ 461.
Бигамія—См. Двоеженство.
Бисера 347, 348.
Візса Марія 287.
Бледа 183.
Бланко (Гарсіа Аріасъ) 197, 198, 198.
Бланко Луисъ 409.
Блау Хаиме 372, 373.
Бонетъ Антоніо 303.
Бонетъ Михаилъ 347.
Бонифасъ Мануэль Китано 341, 361, 362.
Боннвиль 93.
Бооркесъ Марія де 197, 198.
Бооркесъ Хуана 82, 198.
Борджіа—см. Александръ VI.
Борджіа Генрихъ 376.
Борджіа Педро Луисъ 376.
Борджіа Родриго—см. Александръ VI.
Борджіа Родриго 320.
Борджіа Томасъ 376.
Борджіа Франсиско 376.
Борджіа Цезарь 309, 377.
Борке Іосифъ дель 319.
Боруль 434.
Борха Томасъ 184.
Борха Франсиско де 304, 305.
Ботельо Франсиско 395.
Брисеньо 327.
Брюкъ 451, 456.
Буйтранъ Франсиска 291, 292.
Буллы папскія:
Иннокентія IV (факсимиле)—см. Приложеніе № 1, 465—467.
Григорія X—см. Иннокентія IV.
Климента VI 17;
Бенедикта XIII 23;
Николая V 43, 44;
Сикста IV (объ учрежденіи Инквизиціи) 47, 57, 62;
Климента VII 237;
Павла III 239, 327;
Иннокентія VIII 290, 322;
Климента XII 293;
Александра VI 322;
Льва X 326;
Пія V 314.
Бурбонъ Луисъ 438, 454.
Бургосскій Павелъ—см. Леви Соломонъ.
Бустаменте 450.
Бустаменте Діэго 313.
Бэрнонвиль 410.

Вадильо Діэго де 195.
Валенси Гарси Фернандесъ 45.
Валесъ 420.
Валтодано 383.
Вальдеолитасъ 291.
Вальдесъ 204, 205, 276, 288, 289, 300, 304, 305, 378—383, 385.
Вальдесъ Антоній 350.
Вальдесъ Кайетано 438.
Вальдесъ Фернандо 100.
Вальдесъ Хуанъ 379.
Валье—см. Дель Валье.
Валье Грасія ля 287.
Валье Хуанъ 64.
Вальента (членъ кадикскихъ кортесовъ) 418.
Вальехо 375.
Вальсасаръ Уртадо Франсиско 400.
Варгасъ Алонсо 315, 316.
Варела Педро де 269.
Васкесъ Матео 311.
Васъ Діого 236.
Ваэзъ Гонсало 204.
Вега Франсиско де 327.
Велесъ 372, 373.
Великая Хунта 355—358.
Великіе инквизиторы 140;
право назначенія ихъ 341.
Великій инквизиторъ — см. Генеральный инквизиторъ.

Вера 117.
Верга-ибнъ-Іуда 101.
Верга ибнъ Соломонъ 159, 234.
Вергара Хуанъ 387, 388.
Вергаръ Лопе 127, 128.
Вергасъ Діэго 400.
Верденья Мигель 324.
Вердехо 462.
Виверо—см. Касалья.
Видаль Флоренте 41.
Вилькенсъ (писатель) 195, 201.
Вильябосъ 196.
Вильябосъ Франсиско де 275.
Вильяверде 210.
Вильяльпандо 71.
Вильямартинъ Хуанъ 378.
Вильямиль 436.
Вильянова 41.
Вильянуэва Августинъ 330, 331, 332.
Вильянуэва Анна 330.
Вильянуэва Геронимо 327—335, 409.
Вильянуэва Іоакинъ Лоренсо 444, 456.
Вильяреалъ Педро Франко де 45.
Вилья-Реаль Мануэль Фернандесъ 255.
Вильяэрмосъ 316.
Винеръ 159.
Винченти 365.
Вируэсъ Алонсо 388.
Висенте Григорій де 297.
Висенте Ферреръ—см. Ферреръ Висенте.
Висенте Франсиско 393.
Віасъ 236.
Visita del partido 79.
Вольтеръ 296, 297, 304, 416.
Вѣдьмы 287, 288—293;
процессъ въ Логроньо и ауто-да-фе 292;
число процессовъ 293;
См. Инквизиція.
Вѣчное заточеніе—см. Carcel perpetua.

Габана, Хуанъ де 277.
Галарса 262.
Галарса 417.
Галбе Мигель 389.
Галенъ фанъ 450, 451.
Галилей 306.
Галіано 459.
Гальего 444.
Гальего Себастьянъ 347.
Гальярдо Бартоломе 418, 420, 443.
Гамсъ 54, 71.
Ganancia 94.
Гансенъ 291.
Гаркави 229.
Гарсиласъ 231.
Гарсіа Бенито 144.
Гарсіа де Негра Хуанъ. — См. Негра де Гарсіа Хуанъ.
Гаскра 197.
Гаспаръ Джоржъ 393.
Гастаньяра 373.
Геблеръ 189, 192.
Гевара 339, 342.
Гейне 226, 229, 230, 232, 234, 235.
Гелва 117.
Генеральный инквизиторъ 62; — см. Великіе инквизиторы. Инквизиція.
Генеральный смотритель 461.
Генрихъ II (Трастамара) 15, 17—19 29, 30.
Генрихъ IV 4, 30, 31.
Генрихъ IV Французскій 318.
Hermandadas — братства городовъ противъ рыцарскихъ орденовъ и королевскаго произвола 28—29;
Германдада святая 34;
ея борьба съ абсолютизмомъ 35.
Germania—возстаніе городскихъ коммунъ въ Валенсіи 172—175, 221, 309, 310.
Герра Хуанъ Альваресъ 442.
Геръ Авраамъ 252.
Гетто 8, 16, 20, 41.
Гефеле 54, 71, 167.
Гиль 442.
Гиль Хуанъ—см. Эгидій.
Гильенъ (купецъ евр. происхожд.) 397.
Гильенъ Діэго 200.
Гинильо Азарій 119.
Гинота (жертва) 281.
Гиралъ (инквиз.) 132, 133.
Гиронъ графъ 55, 56.
Гоббесъ 297.
Gobernadores de mitra 456.
Годой 298, 364—367, 409—412, 414, 416, 438.
Гомемъ Антоніо 248, 249.
Гомесъ (семья) 119.
Гомесъ Рюи 311, 312.
Гомесъ Франсиско 404.
Гомесъ Хуанъ 144.
Гонорій III (папа) 14.
Гонсалесъ (маранъ) 42.
Гонсалесъ Геронимъ 277.
Гонсалесъ Діэго 382, 385.
Гонсалесъ Каталина 196—198.
Гонсалесъ Луи 46.
Гонсалесъ Марія 197.
Гонсалесъ Перо де Теба 124.
Гонсалесъ Хуанъ 196, 197.
Гонсалесъ Эскогидо 273.
Гонсало (епископъ) 23.
Гонсальва 193.
Горуаланъ Гарсіа де 284.
Гоффманъ 262.
Гоэсъ (Гоэшъ) 232.
Гравина Педро 437, 439, 444.
Гранада Габріэль 393.
Гранада де Луисъ— см. Луисъ де Гранада.
Гранвелла 311.
Граціанъ 290.
Грегуаръ 408, 409.
Грецъ 20, 22, 24, 49, 50, 51, 53, 57, 101, 152, 154, 228, 268.
Григорій I, Великій 11.
Григорій III 246.
Григорій VII 9, 11.
Григорій IX 14.
Григорій X—см. Буллы папскія.
Григорій XIII 220, 245, 327, 385, 402.
Григорій XV 208, 274, 280, 342.
Гуальбесъ 59.
Гуардія— см. Ла Гуардіи святое дитя.
Гуррея Франсиско 46.
Гусманъ Діэго де 216.
Гусманъ Діэго Рамиресъ 136.
Гусманъ Долинго 200.
Гусманъ Хуанъ Алонсо 20.
Гутіересъ (членъ конституціонной комиссіи въ кадикскихъ кортесахъ) 418.
Гутіересъ Альфонсо 221.
Гутіересъ Антоніо 261.
Гутіересъ Хуанъ Луисъ 221, 225, 326.
Гуэреро Педро 381.

Давидъ 64.
Давидъ изъ Модены 155.
Давила 213.
Д'Аламберъ 304.
Дамето 375.
Данвила-и-Кольядо (писатель) 171—173.
Даудъ ибнъ 229.
Двоеженство (бигамія) 281—282. См. Инквизиція.
Дель Валье 126, 138.
Дель Кастильо-и-Магонъ 140.
Дель Медиго 151.
Денежные штрафы—см. Штрафы.
Denunciación 79.
Деса Діэго 105, 134, 135, 136, 137, 139, 220, 241, 323.
Деса Педро де 180, 181.
Деспуигъ 365.
Джудиче 343, 360.
Дидро 304.
Диликадо Діэго 294.
Дирксъ (историкъ) 32, 444.
Діасъ Андреасъ 236.
Діасъ Бернардино 325.
Діасъ Бланкина 390.
Діасъ Діэго 394.
Діасъ Константа Педро—см. Константа Діасъ де ла.
Діасъ Луисъ 241.
Діасъ Марія 124.
Діасъ Фройланъ 358, 390—392.
Діэсъ Бернальдино 221, 225.
Diminutos 84.
Діоскарне Франсиско (Раймухъ Астрюкъ) 25.
Discordia 83.
Документы оффиціальные 102, 103, 161, 163, 272—274, 352, 353, 355—358. См. Приложенія.
Донъ Жуанъ—см. Жуанъ донъ.
Донъ Карлосъ—см. Карлосъ донъ.
Драго Мануэль Фернандесъ 252.
Дѣвушка изъ Эрреры (La Moça de Herrera) 122, 123.
Дюгекленъ 18.
Дюранго 113, 116.

Евреи:
въ эпоху Реконкисты 7—73.
при Яковѣ I 85;
при Альфонсѣ VI 9;
при Фердинандѣ III 9;
при Альфонсѣ X, 9, 10;
ихъ патріотизмъ 11;
при вестг. королѣ Рекаредѣ—политика ограниченія правъ 11;
при Сисебутѣ—гоненія и преслѣдованія; погромъ 1108 г., 12;
принесеніе евреевъ въ даръ 12;
при Римаресѣ II, при Педро III 12;
погромъ 1212 г. 13;
Латеранскій соборъ 13;
отличит. знакъ на одеждѣ 14;
соборъ въ Вьеннѣ 15.
при Фердинандѣ III 14;
ограниченія 1380, 1385, 1387, 1388, 1412 г., законъ 1480 о гетто 16, 17;
черная смерть и избіеніе въ Каталоніи 17;
погромъ въ Толедо, въ Нехера, въ Мирандѣ 18;
булла Климента VI въ защиту евреевъ 17;
избіенія и гоненія 18—19;
разрушеніе синагогъ 19;
избіенія 1391 г. въ Севильѣ и др. городахъ 20—21;
переходъ въ христіанство; булла Бенедикта XIII 21, 22, 23, 24;
ордонансъ 1411 г. 22, 23;
еврейское законодательство 22;
усиленіе преслѣдованій со стороны Инкв. 115;
правовое положеніе 142.
изгнанія 142, 143;
денежные поборы 143;
процессъ ла Гуардіи 144;
ауто-да-фе и гоненія въ Авилѣ 145;
эдиктъ объ изгнаніи 1492 г. 146—149,
обогащенія насчетъ изгоняемыхъ 149, 150.
переселеніе въ Португалію, Африку и Италію 150—152;
число переселившихся 151, 152;
изгнаніе изъ Новарры 152;
число изгнанныхъ изъ Испаніи 154—158;
преслѣдованія въ Португаліи и бѣгство евреевъ, обращеніе въ рабство 158, 159;
бѣдствія бѣжавшихъ 158—160;
экономич. послѣдствія изгнанія евреевъ въ Испаніи 160;
текстъ декрета объ изгнаніи евреевъ изъ Испаніи 161—165;
обвиненіе въ ритуальн. убійствѣ въ Сеговіи 213;
ограбленіе евреевъ и изгнаніе изъ Сеговіи 213;
указъ объ изгнаніи изъ Португаліи 227, 228;
вопросъ о принудительн. крещеніи въ Португаліи 228, 229;
закрытіе синагогъ и школъ 229;
указъ объ отнятіи дѣтей и насильств. крещеніе 230;
обращеніе евреевъ за помощью къ папѣ 230;
насильственное массовое крещеніе въ Лиссабонѣ 231;
сожженіе евреевъ въ Португаліи 246;
португальскій законъ 1683 г. 257;
преслѣдованія Инквизиціей въ Испаніи иностранныхъ евреевъ 265—268;
смягченіе законовъ объ иностранныхъ евреяхъ 268;
положеніе евреевъ въ Испаніи съ начала XIX в. до нашихъ дней 271.
эмансипація 270, 271;
эмиграція русскихъ евреевъ въ Испаніи 271—274;
«Еврейскій Кальдеронъ». См. Энрикесъ Пасъ Энрике де.
Екатерина Беарнская 318.
Exaltados 454.
Ересь іудействующихъ—см. Мараны.
Ересь лютеранская—см. Протестантизмъ.
Esponteneados 86.

Жалованье служителей Инквизиціи 75.
Жертвы Инквизиціи, количество ихъ 126, 127, 140.

Жорда Жакъ 319.
Жофруа де Гранмэзонъ 410, 412, 413, 414.
Жуанъ Австрійскій (братъ Филиппа II) 181, 182, 311.
Жуанъ Австрійскій (братъ Карла II) 376.

Закуто Авраамъ 151, 155, 158, 226, 227, 232, 277.
Заточеніе вѣчное—см Carcel perpetua.
Зомбартъ 160, 248.

Изабелла (королева) 3, 7, 15, 31—38, 40, 45—48, 53, 55, 57, 61, 62, 69, 70, 87, 99, 105, 109, 120, 134, 141, 143, 146, 149, 160, 165—167, 169, 212, 226, 236, 320, 336, 338, 346, 348, 370.
Изабелла II 270, 462, 463.
Изгнаніе евреевъ изъ Испаніи (декретъ) 161—165.—См. Евреи.
Изгнаніе евреевъ изъ Португаліи 227, 228.
Изгнаніе морисковъ—см. Мориски.
Иллюминизмъ и иллюминаты 274, 275, 402:
преслѣдованіе Инквизиціей 276;
Ауто-да-фе, число жертвъ 276, 277, 328.
Индульгенціи 321—324.
Ингуансо 434.
Инквизиція (новая) 25—26, 33:
ея учрежденіе 39—68;
до царств. Ферд. и Изаб. 43;
ея организація при Ферд. и Изаб. и отличіе отъ старой Инкв. 46, 47;
сформированіе трибунала 1481 г. 48;
ауто-да-фе 49—50, 84, 90—92, 193—195, 197—200, 202—204, 292.
льготные дни и доносы 51;
роль церкви и свѣтской власти 56;
ея вліяніе на испанцевъ 56, 57;
ея организація: Супрема, Генеральный инквизиторъ 62—63, 68—103.
пытки 81—83;
инквизиціонное судопроизводство 83;
приговоры и наказанія 83—101.
конфискація имущества и штрафы осужденныхъ 92—97;
число великихъ инквизиторовъ 104—106:
возмущеніе народа и дворянства противъ И. въ Арагоніи 106—111;
ея самовласть и злоупотребленія 108, 109;
безпорядки въ Теруэлѣ 111—113;
папское бреве 1487 г. 114, 115;
ауто-да-фе:
въ Сарагоссѣ 115—119;
въ Барселонѣ и Таррагонѣ 121;
въ Кастиліи 122;
въ Эррерѣ 122—123;
въ Толедо 124—125;
въ Севильѣ число жертвъ 125, 126;
бреве о ростовщикахъ 131, 132;
конкордія 131, 132;
дѣло Люсеро 132—138;
количество жертвъ 140;
преслѣдованія исламизма 171;
дѣйствія ея въ Валенсіи и число процессовъ 176;
дворянство и Церковь противъ Инквизиціи въ Арагоніи 177;
борьба съ протестантизмомъ 193;
жертвы 193—195, 197;
подчиненіе свѣтской власти Инквизиціи 208—209:
число еретическихъ дѣлъ Инквизиціи противъ марановъ 220;
докладная записка папѣ въ защиту Инквизиціи 219—225;
введеніе Инквизиціи въ Португаліи 236—237;
споръ между Іоанномъ III и Климентомъ VII 237;
первое ауто-да-фе въ Лиссабонѣ 241;
ауто-да-фе въ Коимбрѣ 249;
число осужденныхъ въ Португаліи 249; 254, 255, 257,
усиленіе преслѣдованій еретиковъ въ Португаліи 255, 256, число жертвъ съ 1681—1700 г. 257;
дѣятельность инквизиціи на о-вѣ Майоркѣ 262, 263;
ослабленіе дѣятельности Инквизиціи 263, 264;
ауто-да-фе въ XIX в. въ Валенсіи 265, 462;
эмансипація марановъ (чуэтъ) о-ва Майорки 269;
королевскій указъ 1802 г. 270;
преслѣдованіе мистиковъ 275—279;
преслѣдованіе за solicitatio ad turpia 279—281;
преслѣдованіе за двоеженство 281;
число жертвъ 281 282;
устраненіе Инквизиціи свѣтской властью отъ дѣлъ о двоеженствѣ 282;
преслѣдованіе браковъ духовныхъ лицъ 282;
преслѣдованіе за противоестественныя связи 283;
ауто-да-фе въ Лиссабонѣ 283;
преслѣдованіе за еретическія слова и богохульство 283—284;
преслѣдованіе гадателей, маговъ и астрологовъ 284, 285, 286, 287,
вѣдьмъ 287—290;
смягченіе въ процессахъ противъ вѣдьмъ 290;
булла Иннокентія VIII 290;
преслѣдованія франкмасоновъ 293, 294;
инквизиція и Римская курія 320—336;
ауто-да-фе въ царствованіе Филиппа V и число жертвъ 359—360.
ея корыстолюбіе и источники доходовъ 404, 405;
въ новое время, попытки ея отмѣны 408, 409;
смягченіе наказаній, прекращеніе сожженій 409;
имена выдающихся испанцевъ — ея жертвъ 406, 407;
во время владычества французовъ 413, 414;
эдиктъ Наполеона 1808 г. и частичная ея отмѣна 414, 415;
послѣднія жертвы Толедскаго трибунала 416;
вопросъ о ея возстановленіи въ испанскихъ кортесахъ въ 1811 г. 417, 418;
лишеніе Супремы высшихъ судебныхъ функцій 419;
отмѣна ея 435;
борьба за ея возстановленіе 437—439;
возстановленіе 445;
возобновленіе ея дѣятельности 446;
вторичная отмѣна 453;

стремленіе карлистовъ возобновить дѣятельность Инкв. 461, 452; послѣдніе шаги; окончательная отмѣна 463.
Иннокентій IV—см. Буллы папскія.
Иннокентій VIII 36, 104, 114, 212, 213, 290, 321—323, 337.
Иннокентій X 255, 332, 333, 334.
Институторъ Генрихъ 291.
Инструкціи 72, 79, 99, 100, 109, 298.
Инфантадо, 458, 469.
Инфантадо дель 333, 334.
Иріарте Томасъ 407.—См. Приложеніе 478.
Ирріашъ Марія (вѣдьма) 292.
Исаакъ-ибнъ-Сидъ 10.

Іезекіилъ 396, 397.
Іезуиты, ихъ ордена, привилегіи, борьба съ съ ними Инквизиціи 363, 401, 402, 403, 409, 410.
Index librorum prohibitorum 300, 305, 307; запрещенные авторы 300, 304—306.
Іоаннъ (португальскій регентъ) 411.
Іоаннъ II 150, 151, 158, 159, 225, 226.
Іоаннъ III 235—245.
Іоаннъ IV 254, 255.
Іоаннъ XXIII 22.
Iosefinos 443.
Іосифъ Бонапартъ 413—415, 436, 440, 441, 443, 449.
Іосифъ Климентъ 308.
Іостъ 44.
Іуда-ибнъ-Верга—см. Верга-ибнъ-Іуда.
Іуда Вѣрующій — см. Лопе-де-Верга-и-Аларконъ
Іуда ибнъ-Эзра, см. Эзра ибнъ-Іуда.
Іуда-га-Когенъ 10.
Іудействующіе—см. Мараны.
Іудействующіе Канарскихъ острововъ 393, 394: число жертвъ Инквизиціи 394.
Iuderia (гетто для евреевъ)—см. Гетто.

Кабальерія (семья) 41, 46, 117, 370—371.
Кабальерія Алонсо 370, 371.
Кабальерія Ахабъ Филиппъ 370.
Кабальерія Гаспаръ 117.
Кабальерія Исаакъ Фернандо 370.
Кабальерія Іуда 370.
Кабальерія ибнъ Лаба Соломонъ 370.
Кабальерія Луисъ 370, 371.
Кабальерія Мисеръ Педро (Бонафосъ) 370.
Кабальерія Самуилъ 370.
Кабальерія Санче 371.
Кабальерія Франсиско 371.
Кабальерія Хаиме 371.
Кабальерія Хуанъ 117.
Кабальерія Хуанъ 371.
Кабарусъ 435.
Кабесонъ Ангелъ 416.
Кабра 136, 348.
Кадикскіе кортесы—см. Кортесы.
Кадиксъ де (маркизъ) 34.
Казани 307, 308.
Кайзерлингъ 44, 108, 151, 152, 226, 227, 228, 132, 233, 238, 255, 257.
Кайетано 215.
Каліостро 294.
Каломарде 460.
Калтрава 442.
Кальдеронъ 328.
Кальдеронъ (генералъ) 452.
Кальдеронъ Родриго 310.
Камарена Мантесиносъ Лопесъ 286.
Кампоманесъ 297, 307, 361—363.
Кампосъ Гаспаръ де 260.
Кампосъ Франсиско де 252.
Каналехасъ 210, 272.
Кано 305, 378, 380—382, 402.
Капитуляціонныя граматы 2, 3, 4, 5—8, 165.
Капмани 365.
Каподиферро Джироламо Реканати 240, 241.
Каппа Рикардо 295.
Капсали Илія 68, 232.
Капсали М. 218.
Каранса-и-Миранда Бартоломе 202, 206, 305, 350, 377—387.
Караско 307.
Карбонель 121.
Карденасъ 405.
Кардона Монардо 130.
Кардона Педро 377, 392.
Кардона Хуанъ 130.
Карлисты—см. Карлосъ донъ.
Карлосъ Донъ (братъ Фердинанда VII) 413, 453, 461, 462.
Карлосъ Наваррскій (принцъ Віаны и Гироны) 375.
Карлъ I—см. Карлъ V.
Карлъ II 307, 340, 351, 354. 373, 376, 390—392, 405.
Карлъ III 269, 307, 341, 344, 347; 350, 351, 361, 362, 363, 366, 368, 369, 377.
Карлъ IV 269, 270, 298, 307, 361—367, 369, 377, 410—413.
Карлъ V (I) 56, 67, 95, 96, 173, 174, 178, 179, 193—194, 195, 201, 216, 224, 225, 239, 240, 289. 302, 306, 324—326, 332, 338—342, 346, 371, 377, 379, 388—390
Каро бенъ Исаакъ Іосифъ 232.
Каросъ Луисъ 324.
Карпіо 197.
Карпіо Бернардо дель 1.
Карпцовъ Бенедиктъ 290.
Карраска 138.
Каррильо Алонсо (толед. архіеп.) 30.
Carcel perpetua 86.
Cartas acordadas 62.
Касалья Августинъ 201, 202, 204, 470—475.
Касалья Виверо Беатриса 200, 202, 203.
Касалья Виверо Леонора 200.
Касалья Констанца 202, 204.
Касалья Марія де и ея процессъ 194.
Касалья Педро 80, 102, 103, 201, 202, 204.
Касалья Франсиско Виверо де 202, 203.
Касалья Хуанъ 202, 204.
Касасъ Діэго де Ласъ 221, 225, 325, 326.
Касафранка 121.
Касетъ Сальво 59.
Касетъ Франсиска 286.
Кастелли Бернардо 324.
Кастелло Антоніо Роисъ 253.
Кастельнъ Педро де 12.
Кастельонъ-и-Саласъ 270, 461.
Кастельяносъ Луисъ 296.
Кастильо 449.
Кастильо Діаса дель 416.
Кастильо Изабелла дель 278.
Кастильо Франсиско дель 277.
Кастильо Хуанъ 276.
Кастро Ад. 199, 201, 219.
Кастро Алехо Хименесъ 417.
Кастро Альфонсо де 290.
Кастро Исаакъ изъ Тартаса 253—254.
Кастро Педро 378, 380.

Кастро Родриго 384.
Каталина 23, 24.
Катеро 295.
Каценельсонъ 153.
Квіетисты 274;
их преслѣдованіе Инквизиціей 276.
Кеведо Педро 413, 415, 416, 454.
Кемадеро (брасеро) 50.
Кераль донъ 406.
Кинтано (великій инквизиторъ) -см. Бонифасъ Мануэль Кинтано.
Кинтано 409, 413, 442.
Кирога 183, 305, 387.
Кирога (полковникъ) 452, 454.
Классенсъ 393.
Клеманъ 363.
Клементе 219.
Климентъ IV 13.
Климентъ VI 17.
Климентъ VII 174, 177, 183, 193, 215, 236—239, 249, 326, 348, 376.
Климентъ VIII 249, 342, 402.
Климентъ X 256.
Климентъ XI 341, 343, 392.
Климентъ XII 293.
Климентъ XIV 341.
Кляпъ 88, 89.
Коворубіусъ Хуанъ 326.
Кока 116.
Колонъ Іосифъ 155.
Колонъ Луисъ 326.
Competencia 350, 351—358, 373, 374.
Composicion 95.
Комте Хуанъ 120.
Congregación católica 137.
Конкордія 1512 г. 131, 336, 337, 338.
Конкордія Сапаты 349, 350.
Константа Діасъ де ла 123, 124.
Константинопольскіе евреи (переписка ихъ съ испанскими) 216—219.
Конституціонная комиссія 418—420:
ея докладъ о противорѣчіи Инквизиціи основнымъ законамъ 420—430, 434;
ея проектъ декрета 431, 432, 434, 435;
ея манифестъ о декретѣ 434, 435.
Конституція 1812 г.: отмѣна ею пытки и конфискація имущества 419, 420, 434.
Consulta de fe 83.
Consultores 83.
Контрерасъ де Антоніо 121, 122.
Контрерасъ Педро 399.
Конфискація имущества 92—96. См. Инквизиція, Евреи, Мараны.
Конфискація приданаго 93, 94.
Кордова Гонсало Фернандесъ де 43.
Коркуэра-и-Касерта 461.
Корнелисъ 193.
Корреа Антоніо 399.
Кортесы 1820 года 455—459.
Кортесы (Чрезвычайные) 1812 г. 416—443.
пренія объ отмѣнѣ Инквизиціи 433, 434;
торжество либераловъ 435;
враждебная кампанія духовенства 435, 436;
декретъ противъ монастырей 436;
манифестъ духовенства противъ кортесовъ 436;
инициатива кадикскаго капитула 437:
его отказъ огласить манифестъ объ отмѣнѣ Инквизиціи 438;
судебное преслѣдованіе кадикскаго капитула 438, 439;
изгнаніе папскаго нунція 439;
выборы въ обыкновенные кортесы 1813 года 439;
перенесеніе кортесовъ въ Мадридъ 440;
возвращеніе Фердинанда VII, его договоръ съ французами 440;
заговоръ противъ кортесовъ и возстановленіе королевскаго абсолютизма 441—443;
разгромъ либеральной партіи 444;
возстановленіе Инквизиціи, возвращеніе ей конфискованнаго имущества 445—448.
Косконъ 41.
Коста Маттосъ Висенто 250.
Кота Алонсо (откупщикъ податей) 42.
Кота Алонсо 124.
Кота Лопе (маранъ) 42.
Кота Хуанъ Фернандесъ (маранъ) 42.
Коте Хуанъ 340.
Котиньу Фернандо 229, 230.
Коэльо Хуана 311, 312, 318.
Крато 234.
Кромвель 208, 209.
Кропани 395.
Крусъ Антоніо де ла 277.
Крусъ Изабелла де ла 275, 348,
Крусъ Хуана де ла 274.
Крусъ Хуанъ де ла 275.
Крусъ Хуанъ Санъ де ла 276.
Куніа 280.
Куріель Луисъ 360.
Куэвасъ Каталина 392.
Куэста (два брата) 369.

Лабадіа—см. Бадіа.
Лабрадоръ 210.
Ла Гуардіи святое дитя 143—145, 216.
Лампортъ 394, 395.
Ланкастре Вериссимо де 257.
Ланкръ де 290.
Ланса Мигуэль 317.
Лануса Мартинъ де 315, 318.
Лануса Хуанъ де 314, 316.
Лара Хуанъ Пересъ де 307.
Ларасабалъ Антоніо 442, 444.
Ласанъ, 453.
Ласси 297.
Латансонъ Маркъ де 280.
Лашо 341.
Лебъ Исидоръ 151, 155—157, 218, 227.
Леви Даніилъ де Барріосъ—см. Барріосъ.
Леви Моисей Ури 250.
Леви-га-Самуилъ—см. Самуилъ-га-Леви.
Леви Соломонъ изъ Бургоса 23, 25, 44, 213, 399.
Леви бенъ Шемъ Тобъ 229.
Левъ X 56, 98, 132, 192, 221, 225, 309, 324—326, 337, 390.
Легисты—см. регалисты.
Ледесма:
его докладъ о дѣятельности Инквизиціи 355—358.
Leo Hebraeus—см. Абрабанель.
Леонъ Алонсо де 328.
Леонъ Антоніо де 329.
Леопольдъ (императоръ) 391.
Лерма (герцогъ) 191, 247, 310, 342.
Лерма Шомъ Тобъ 232.
Ли Генри Чарльсъ—passim.

Лима Массонесъ де 297.
Limpieza—см. Чистота крови.
Липпомано Луиджи 241—243.
Лобонъ Фернандъ Янесъ де 48.
Лойола Игнатій 401, 402.
Лойола Хуанъ 401.
Лозинскій 246.
Ломбаи 315, 316.
Лопе-де-Вера-и-Аларконъ 267, 268.
Лопе Мануэль донъ 318.
Лопесъ Антоніо 257—259.
Лопесъ дель Борко Хуанъ 48.
Лопесъ Гальвесъ Педро 41.
Лопесъ Гарсіа 116.
Лопесъ Гиле 366.
Лопесъ Гіомаръ 261.
Лопесъ Долоресъ Марія де Лосъ 278, 279.
Лопесъ Доминго 399.
Лопесъ Кардосо Балтасаръ 258.
Лопесъ Мануэль 261.
Лопесъ Роза Руи 267.
Лопесъ Феликсъ 257.
Лопесъ Франсиско 261.
Лопесъ де Чинчилья 34.
Лоренсана 297, 298, 365, 366.
Лосъ Санктосъ Марія 261.
Луалъ Яковъ 232.
Луисъ (сынъ Филиппа V) 359.
Луисъ де Гранада 305.
Луна Алваро де 44.
Луна Мисеръ Хаиме де 46.
Луна Мурсія 400.
Луханъ 434.
Луццатто 154.
Льготные дни Инквизиціи 51.
Льоренте Мануэль 295.
Льоренте Хуанъ, (историкъ) 21, 50, 63, 81, 82, 115, 118, 123, 126, 127, 149, 154, 195, 276, 279, 288, 294, 304, 306, 307, 309, 310, 342, 348, 355, 361—363, 365, 402, 408.
Льягуно 298.
Людовикъ XIV 343, 367.
Людовикъ XVI 364, 409.
Людовикъ XVIII 319, 460.
Люсена Петронила де 276.
Люсеро и его дѣло 132, 133—138.
Лютеранская ересь. См. Протестантизмъ.
Лютеръ 192, 194, 300, 303, 381, 387, 388, 396.

Мавры:
- ихъ положеніе въ эпоху Реконкисты 14;
- отличит. знакъ на одеждѣ 14;
- при Фердинандѣ III 14;
- ордонасъ 1411 г. 23;
- насильств. крещеніе 128, 175;
- паденіе Гранады 165;
- массовый переходъ въ христіанство 166, 168, 169;
- начало преслѣдованій мавровъ и возстаніе; эмиграціи въ Африку 168, 169.
- крещеные мавры — мориски 170, 171;
- опека надъ ними Инквизиціи 171;
- декретъ объ изгнаніи изъ Валенсіи, Каталоніи и Арагона 174.
- возстаніе въ Арагонѣ и Валенсіи 175.
- конфискація имущества морисковъ 177—179.
- усиленіе преслѣдованій морисковъ и законъ 1567 г. 180;
- возстаніе 1568 г. 180, 181;
- насильственное переселеніе и избіеніе возставшихъ морисковъ 180,—182; изгнаніе морисковъ изъ Испаніи 182—188.
- преслѣдованіе Инквизиціей рабовъ-морисковъ 188;
- число изгнанныхъ морисковъ 189, 190;
- экономическія послѣдствія изгнанія 190—191;
- изгнаніе изъ Португаліи 232.

Магометъ (король Гранады) 4.
Мадре де Діосъ Геронимо де ла 276, 277.
Майамъ 121.
Майкесъ 442.
Майми Симонъ 232.
Майрена 196.
Маканасъ Мельхоръ 360, 361.
Маканасъ Педро 443, 444.
Малуэнда 41, 46.
Мальвезенъ 251.
Манрике Альфонсо 341, 342, 387, 389, 396, 397.
Манрике Гомесъ 124.
Манрике Иньиго 36, 61, 62, 105, 177, 193—300, 320, 325.
Манрике Лара Геронимо де 309, 339, 340, 318.
Мансано Франсиско Рамосъ дель 307.
Мансера 401.
Мансо 307.
Мантилья Педро 206.
Мануэль 167, 226—235,
Мануэль 338.
Манхаре 375, 376.

Мараны:
- погромы въ Толедо, Кордовѣ и др. городахъ 1449 и 1467 г. 41—43.
- преслѣдованіе и ограниченіе правъ ихъ 41—47, 398—400;
- заговоръ противъ Инквизиціи.—Казни 49.
- признаки ереси іудействующихъ 51—53;
- запрещеніе выѣзда и вывоза марановъ изъ Испаніи 127, 128;
- процессъ ла Гуардіи, см. Евреи.—
- число жертвъ 211;
- усиленіе преслѣдованій 213—215;
- запрещеніе выдавать ученыя степени 215;
- исключеніе изъ орденовъ; запрещеніе доступа въ учебныя заведенія 215;
- португальскіе мараны 221, 232;
- репрессіи 233.
- рѣзня марановъ въ Лиссабонѣ 234;
- облегченіе ихъ участи 235;
- ухудшеніе положенія при Іоаннѣ III 235;
- законъ противъ марановъ 237;
- булла Климента VII объ отмѣнѣ Инквизиціи въ Португаліи и репрессіи противъ марановъ 238;
- жертвы ауто-да-фе въ Португаліи 241;
- усиленіе дѣятельности Инквизиціи 242;
- новыя ауто-да-фе въ Лиссабонѣ и другихъ городахъ 244;
- число жертвъ 211, 244, 245, 246;
- годичная амнистія за деньги 247;
- вопросъ объ изгнаніи 250—251;
- возвращеніе марановъ къ іудейству 250, 251;
- ауто-да-фе въ Толедо, число жертвъ 257;
- въ Севильѣ—257;
- ошибки Инквизиціи 259;

тайная маранская община въ Пастранѣ 258, 260, 261;
число сожженныхъ марановъ XVII в. 261, 262;
мараны на о-вѣ Майоркѣ 262, 263;
мараны въ Мадридѣ 264;
ауто-да-фе въ Мадридѣ 264;
въ Арагоніи, въ Кастиліи 264;
число жертвъ Инквизиціи въ Португаліи въ XVIII в. 264.
Мардохео 393.
Маринъ Видаль 341.
Маріана Хуанъ 143, 154, 310.
Марія (англійская королева) 378.
Марія (мать Іоанна Португальскаго) 411.
Марія-Луиза (королева) 298.
Марія-Анна Нейбургская (жена Филиппа IV, регентша въ мал. Карла II) 390.
Марія-Луиза Орлеанская 390, 391.
Марія-Луиза Пармская (жена Карла IV) 363, 364, 369.
Марія Луиза Савойская (жена Филиппа V) 360.
Марія-Христина 462.
Маркино 88.
Марксъ 68, 155, 157, 159.
Марлаимъ 12.
Марліани 455, 457, 458, 461.
Марсилья Хуанъ Гарсеса де 112.
Мартинесъ Бартоломе 325.
Мартинесъ Себастіанъ 64, 199.
Мартинесъ Феранъ—См. Феранъ Мартинесъ.
Мартиніо 238.
Мартинъ Алонсо 282.
Мартинъ Арагонскій 4.
Мартинъ Мисеръ 127.
Мартинъ Сицилійскій 4.
Мартинъ Хуанъ 310.
Мартиньякъ 457.
Мартиръ Петрусъ см. Англеріусъ.
Марчена 414.
Маседо Антоніо см. Родригесъ Авраамъ.
Маседо Маріанна де 253.
Масуэло 63.
Мата де ла Хуанъ 111.
Матебо Хуанъ де 285.
Матуте-и-Лукинъ 278, 282, 287.
Маурегато (783—789) 1, 2.
Махарини Франсиско 313, 315.
Медрано 313, 314.
Медина Николай 94.
Медина Хосе Торибіо 394, 395, 399, 403, 448, 449.
Медина Хуанъ Руисъ де 48, 104.
Меза Жиль де 312, 315, 318.
Мезасъ 251.
Мезенги 361.
Меланхтонъ 300.
Мелеро Грасія 285.
Мелло Іоаннъ де 241.
Мельхоръ 193.
Менассе бенъ Израиль 238, 253, 267.
Мендесъ Каталина 86.
Мендесъ Корреа Изабелла 261.
Мендесъ Мануэль 394.
Мендесъ Рафаэль 252.
Мендесъ Фернандо 277.
Мендоса Балтасаръ 391, 392.
Мендоса Гонсалесъ Педро 35, 46, 336.
Мендоса Лопесъ Уртадо де 221, 326.
Мендоса Уртадо де 320.
Мендоса-и-Бовадилья 68, 219.
Менендесъ-и-Пелайо 279, 292, 367.
Мензесъ Энрике де 238.
Меркадеръ 281.
Меркардеръ Бенито 94.
Мерло Діэго де 48, 49.
Мерчанъ 122, 157, 211.
Мехіа 349.
Мехіа Авг. 184.
Мигель 46.
Мильяресъ 392, 399.
Мина 457, 458.
Мирабо 297.
Миральесъ 139.
Мирафлоресъ 455.
Мисеръ Мануэль 338.
Мистики 274, 402, 403. См. Инквизиція.
Міэръ-и-Кампильо 446.
Моисей ибнъ Нахманъ 12.
Молинизмъ 278.
Молино 460.
Молиносъ 278.
Мондехаръ (Тендилья) 178, 179, 181.
Монтальвонъ Альваро де 283.
Монтанусъ 197.
Монтепульчіано Джованни Риччи да 243.
Монтеса 117.
Монтескье 297, 304.
Монтихо графиня 409.
Монтона 402.
Монтоо 89.
Моратанъ 150.
Монфоръ Мисеръ Педро 46.
Mordaza—см. Кляпъ.
Море Мисеръ Хайме 111.
Moreria (гетто для мавровъ). См. Гетто.
Морехонъ 313.
Морильо Мигель де 47, 48, 53, 104.
Мориски—см. Мавры.
Моросъ Гарсіа 117.
Моросъ Педро 116.
Мосарабы 3.
Мудéхары 3, 7, 169, 170, 172, 173;
указъ объ ихъ изгнаніи изъ Кастиліи и Леона 170;
массовое крещеніе 170.
Мулей Сиданъ 183, 184.
Мунебрега 197.
Муньосъ—см. Тореро.
Муньосъ Алонсо 371, 372.
Муньосъ Симонъ 258, 260.
Мурсія Марія де 260.
Мускисъ 365, 369.
Мусульмане—см. Мавры.
Мюнье 63.
Мюратъ Іоахимъ 411—415.

Наварро 331, 332, 417.
Наварро де Луна-и-Медина Іосифъ Луисъ 278.
Наварро Педро 117.
Наполеонъ I 319, 365, 410—415, 436, 440—442.
Населеніе Испаніи 192.
Нате Перебона 285.
Натурализмъ (ересь) 296;
процессы натуралистовъ 296.
Негра Хуанъ Гарсіа де 444.
Нельсонъ 410.
Нето Брасъ 236, 238.
Нигно 349.
Николай III 13.
Николай V 43, 212.
Николь 300.

Нитардъ 343, 375.
Ніебесъ Анна де 260.
Ноблехасъ 442.
Новообращенные—см. Мараны.
Новохристіане—см. Мараны.
Норисъ Энрике 308, 335.
Нунесъ Марія 261.
Нунесъ Энрике 235, 236.
Нуньесъ Віоланте 253.
Нуньесъ Іосифъ Абетъ 157.
Нуньесъ Люсія 259, 260.
Нуньесъ Маркесъ Ангела 260.
Нуньесъ Маркесъ Педро 260.
Нуньесъ Хорхе 398, 399

Оахаки 396.
Обергонъ Антоніо де 299.
Овандо Хуанъ де 282.
Озоріо 94.
Озоріо Іеронимъ 304.
Озоріо Лидуэнья де 283.
Оканьо Хуанъ де 144.
Оканья Санчесъ 432.
Олавиде 295, 297.
Оливаресъ 266, 310, 328, 329, 342, 374, 395.
Оливеросъ 444.
Ользина Леонора 281.
Ольмо Габріель де 282.
Орбе-и-Ла́реатеги 293.
Ordenamiento de Doña Catalina 23.
Ордена духовные рыцарскіе, ихъ борьба съ королевской властью 28.
Ордоньо I (850—866) 4.
Ордоньо IV 4.
Ордунья 137.
О'Рейлли 297.
Оропеса 45.
Ороско 124, 125.
Ортеги 416.
Ортисъ Франсиско 348, 387.
Ортсъ 59.
Осуна 274.
Отадуи 180.
Оталора Санчо Лопесъ 380.
Отасъ Доминго 294.
Отреченіе—см. Abjuratio.
Охеда Алонсо де 45. 50.

Павелъ III 178, 215, 216, 239—245, 249, 303, 326, 377, 388.
Павелъ IV 205, 276, 279, 303, 380, 382.
Павелъ V 279.
Павелъ Бургосскій, см. Леви Соломонъ.
Падилья Хуанъ де 221, 225.
Падронъ—см. Руисъ Падронъ.
Пазъ Дуарте 237.
Палафосъ Хуанъ 395, 396.
Паломино 374.
Паломино-и-Лосано 446.
Палосъ Изабелла 257.
Паніагуа Педро 359.
Парисъ Гиральдо 283.
Пармскій герцогъ 362.
Пассадьеръ Журданъ де ла 295.
Патерной де Санто 117.
Пачеко 208, 221, 277, 305, 313, 349, 374.
Педро III 12.
Педро Жестокій 10, 17—19, 29, 30
Педро Санчесъ 12.
Пейксото Давидъ 252.
Пелагій 395.
Пелагій II 11.
Пеонъ 319.
Перальта Арнольдо де 13.
Передесъ Антоніо Фернандесъ 247.
Перейра Гаспаръ 393.
Перейра Энрике 266.
Перейра Яковъ 269.
Пересъ Антоніо 311—315, 318.
Пересъ Антоніо Іоакинъ 418, 420, 442.
Пересъ Діонисіо 318.
Пересъ Мануэль Баутиста 400.
Пересъ Хуанъ Баутиста 220.
Перехонъ Давидъ 144.
«Персы» 441, 442, 454.
Пико Соломонъ 213.
Пиментель Родриго 30.
Пинто Діэго 395.
Пинто Лопесъ 451.
Пинто Пасъ 404.
Пинто Родригесъ 404.
Пій IV 244, 279, 383, 384, 387.
Пій V 220. 245, 246, 313, 384, 385, 387.
Пій VI 341, 365.
Пій VII 294, 414, 457.
Пій VIII 462.
Платонъ 300.
Пове да 298.
Погромы—см. Евреи, Мараны.
Помаръ 41.
Помбаль маркизъ 286.
Понсе де Леонъ Хуанъ 197.
Понсе де ла Фуэнте Константинъ 195, 197, 199.
Порлье 319.
Порта де ла Тристанъ—см. Тристанъ де ла Порта.
Портокареро 335, 342, 346, 390.
Посадасъ 409.
Pragmàtica del Exequàtur 362.
Прадеда Бартоломе 400.
Прадо-и-Куэста 304, 308, 369.
Прамосельясъ Сакоме 286, 287.
Прескоттъ 29, 34.
Приложенія 465.
Примиреніе съ Церковью — см. Присоединеніе къ Церкви.
Присоединеніе къ Церкви — см. Reconciliación.
Пріэго 136, 348.
Пробетъ Яковъ 194.
Протестантизмъ 192—210;
протестанты—жертвы Инквизиціи; вѣроисповѣдный эдиктъ 193;
число протестантскихъ процессовъ 196;
судьба протестантской общины въ Испаніи 200—202.
возрожденіе протестантизма 209
роль протестантовъ въ полит. жизни Испаніи 209, 210;
лютеранская ересь и иллюминаты 276.
Прунеръ 288.
Пулидо 56, 271, 272.
Пульгаръ 33.
Пуччи Лоренцо 236, 239.
Пытки—см. Инквизиція.

Рабаго Франсиско 308.
Рабиновичъ 229.
Раболѣпствующіе (Serviles) 420, 432—434, 439, 441.
Рагуза Анна 278.
Рамиресъ Іоакимъ 449.
Рамиресъ Рибера Васко 124.
Рамиросъ Хуанъ де 280.

Рамонеда 280.
Рамонъ Беренгеръ Барселонскій 3.
Рамосъ 444.
Рамосъ Перо 200.
Рамъ А. 117.
Рамъ М. 113, 117.
Реаль 404.
Ревартъ Педро 372.
Ревисто Доминго де 280.
Регалисты (легисты) 36, 305, 307, 335.
Рейхлинъ 154.
Рекалде 446.
Рекамье 295.
Реквезенсъ Висенте 406.
Реквезенсъ Хуанъ 406.
Реккаредъ 11.
Реконкиста:
ея вѣротерпимость и гуманное отношеніе къ покореннымъ народамъ 1, 6, 7, 11;
договорныя отношенія между побѣдителями и побѣжденными маврами,— tratatos и хартіи, 2—27.
Reconciliación 85.
Relaxación 84.
Ремигіусъ 290.
Реновалесъ 319.
Реубени см. Рубини.
Рибасъ Альтасъ 143.
Рибасъ Баралъ 41.
Рибера (архіепископъ) 182, 183, 208.
Рибера Хуанъ (инквизиторъ) 115, 405.
Рикардо Антоніо 319.
Рикардоэсъ 297.
Римаресъ 382.
Римская Курія 305, 308, 320—335.
Риполь 462.
Ритуальныя убійства—обвиненіе евреевъ 44;
ритуальный процессъ 213;
см. Ла Гуардія.
Ріего 452, 454, 459, 460.
Ріеско 409, 415, 417, 418, 420, 434.
Ріосъ де лосъ Амадоръ—см. Амадоръ.
Ріосъ де лосъ Родриго 216.
Роа Хуанъ де 335.
Робинсонъ 450.
Ровере делла—см. Рувере.
Рода Мануэль де 282, 296, 361, 363.
Родригальваресъ 409.
Родригесъ (депутатъ) 443.
Родригесъ Авраамъ 266.
Родригесъ Альваро 401.
Родригесъ Бенито 400
Родригесъ Меса Хуанъ 404.
Родригесъ Франсиско 399.
Родригесъ Хуанъ 401.
Родриго 126.
Родриго Пиментель 30.
Розги 88.
Рокаберти 341, 358, 390, 391.
Рокамора Висенте Исаакъ де 268.
Романонесъ 210.
Ромеранъ Мигель Санчесъ де 284.
Ромеро Франсиска 287.
Ромеро Хуанъ 280.
Ромуальдъ 296.
Роса Мартинесъ де ла 442.
Росалесъ Бернардо Мосо 441.
Роскобель Франсиско Ауріонъ де 294.
Ростовщичество 131, 132.
Ростъ Жанъ 294, 450.
Рохасъ Доминго де 202—204, 379.
Рохасъ Ф. 136.
Рубени Давидъ 236, 241.
Рувере Марко делла 238, 239.
Руисъ Алонсо 283.
Руисъ Віоланте 370
Руисъ Кабеса де Вака 200.
Руисъ Падронъ 434, 444.
Руйсъ Віоланте 116.
Руссо 296, 297, 304.
Руфро (нунцій) 275.

Сааверда 410.
Саба Авраамъ 232.
Сабель 304.
Савистанъ 111.
Сайасъ 449.
Саламанга 450.
Салменида 314.
Сальгадо де Сомоса—см. Сомоса де Сальгада.
Салусоксъ Авраамъ 268.
Сальседо 307.
Саласъ Рамонъ де 297, 298.
Саманіего Филиппъ 297.
Самуилъ Веніаминъ гаонъ 150.
Самуилъ га-Леви 18.
Самуилъ де Яковъ 266.
Санбенито 89, 97—99, 435.
См. Инквизиція, Евреи, Мараны.
Сандовалъ-и-Рохасъ 40.
Сансъ-и-Муньосъ Антоніо 373.
Сансъ-и-Эльвира 416.
Санта Крусъ Гаспаръ 116.
Санта Крусъ Геронима 116.
Санта Крусъ Доминго 107.
Санта Марія Альфонсъ 42, 212.
Санта Марія Пабло (Павелъ Бургосскій)—см. Леви Соломонъ.
Сантагелъ Мартинъ 116.
Сантангелъ Габріэль 119.
Сантангелъ Мартинъ 119.
Сантангелъ Мосенъ Луи 46, 117.
Сантангелъ Моссенъ Луисъ 119.
Сантангелъ Хаиме 128.
Сантангелъ Хуанъ 119.
Сантангелы, жертвы Инквиз. (семья) 46, 118, 119, 128.
Санта Фе Геронимо (Іошуа бенъ Іосифъ Лорки) 25, 109.
Санта Фе Мисеръ Франсиско 109, 117.
Сансъ 276.
Сантильянъ Діэго 46.
Сантильянъ Франсиско 46.
Сантисъ Мартинъ 373.
Санто изъ Толедо 124.
Сантьяго Виваръ 265.
Санчесъ (семья)—жертвы Инквиз. 119.
Санчесъ Алонсо 117.
Санчесъ Габріель 46, 113, 118.
Санчесъ Луи 47.
Санчесъ Педро 116.
Санчесъ де ла Фуэнте — см. Фуэнте де ла Санчесъ.
Санчесъ Хуанъ 201, 203, 204.
Санчесъ Хуанъ де Перо 117.
Санчо I, Полный 4.
Санчо II 4.
Санчо IV 4.
Санчо Рамиресъ 12.
Санчо Сильный 13.
Санчо Франсиско 300.
Санъ Бернардо 272.
Санъ Карлосъ (герцогъ) 440, 444.

Санъ Кристобалъ 195.
Санъ Мартинъ Хуанъ де 47, 48, 53, 104.
Санъ Романъ Франсиско 194.
Санъ Хосе Педро де 278.
Санъ Хуанъ Мартинъ 111.
Сапата (великій инквизиторъ) 305, 347.
Сапата Гаспаръ 196.
Сапорта 41.
Сапорта (семья) 19.
Сапортасъ Соломонъ и Бале 296.
Сарабія 262.
Сафра 197.
Саэсъ Викторъ 459.
Сбарби 218.
Себаньосъ Діэго 381.
Себастіанъ 248.
Севальосъ Геронимо 335.
Севальосъ Рубинъ де 341.
Северено Хуанъ 286.
Севильская Хунта 1484 г.—См. Инструкціи.
Севильскія Инструкціи,—см. Инструкціи.
Сегара 139.
Сеговіа Альваро де 115.
Сенарега 160.
Сенека 300.
Сеніоръ Авраамъ 101, 142, 145, 146, 154.
Сентангелъ Луисъ 370.
Sentельясъ Гаспаръ 206.
Centencia 83.
Sentencia Estatuto 42.
Сентильяна Пере де 281.
Сеперо 442, 444.
Сервантесъ 351, 396.
Сервера Августинъ де 280.
Серро Хуанъ дель 258, 259.
Сесе Педро 313.
Сеспедесъ Эльвира 285.
Сессо Карлосъ де 201—204.
Сибдадъ Реалъ де Алваръ Гомесъ (секретарь Генриха IV) 42.
Сиданъ—см. Мулей Сиданъ.
Сидонія Медина 34.
Сикстъ IV 3,36, 45 46,53, 55, 57—62, 70, 104, 212, 236, 320, 321, 323, 336.
Силицео 215, 216, 219, 378.
Сильва Діого де 237, 240.
Сильва Діэго 399.
Сильва Діэго Нуньесъ 399.
Сильва Изабелла 399.
Сильва Мигель да 241, 242.
Сильва Франсиско Мальдонадо 399.
Сильвіа Тереза де 328.
Симанкасъ 84, 85, 93, 132, 285, 329, 383.
Синфа Хоана 115.
Сиро 250, 251.
Сисебутъ 11.
Сискаръ Габріэль 438, 442, 454.
Сиснеросъ (морской министръ) 452.
Сиснеросъ Леонора де 201, 204.
Сиснеросъ Леонъ 401.
Сифуэнтесъ 339.
Сіурана 372.
Сіэнфуэгосъ-и-Ховельяносъ (епископъ) 452.
Siete Partidas 9, 10, 14, 430, 431, 463, см. Альфонсъ X.
Соборы церковные:
Римскій 11;
Латеранскій 13—15;
Вьенскій 15;
Базельскій 42;
Тридентскій 305, 377, 378, 384.
Сола Лансеманъ де 314.
Solicitatio ad turpia 279, 280, 281, 389, 403; См. Инквизиція.
Солорсано 306.
Сома 304.
Сомоса Сальгадо де 306.
Сорилья 461.
Сорита Хусена 286.
Соріа Мартинъ де 284.
Соріана Анастасія 291.
Сорракинъ 442.
Соса 196.
Сосайя (вѣдьма) 292.
Сотомайоръ 266, 304, 327, 329.
Сотомайоръ Аловаресъ 295.
Сото Саласаръ Франсиско 351, 352.
Спиноза 297.
Спиноса—см. Эспиноса.
Суза 280.
Суньига Альваро де 30.
Суньига Гаспаръ 383.
Суньига Діэго Лопесъ де 30.
Суньига Хуанъ 327, 342, 384, 385.
Супрема 62. см. Инквизиція.
Сурита 126, 154, 347, 370.
Суса Христобанъ де 241.
Сусанъ Діэго де 49, 50.
Сюше 415.

Табоада Фелиппе Собрино 416.
Тавера 299, 304.
Талавера Фернандо 35, 135—137, 166, 167, 168.
Талавера Хуанъ Гарсіа 282.
Таллейранъ 410, 411.
Тануччи 362.
Тасарте Ю. 144.
Tacha 81.
Темудо Георгъ 235.
Тенди 391.
Тендилья (маркизъ Мондехара) 166, 178, 179.
Теранъ 438, 442.
Терранова 377.
Тертулліанъ 274, 300.
Testificación 79.
Товаръ Бернардино 388.
Толедо Хуанъ де 215.
Торальба Евгеній 396.
Торе де ла 449.
Торено 419 433, 440, 443.
Тореро 41.
Тореро Муньосъ 418, 432, 433, 442, 444.
Торесъ 349.
Торихосъ 451.
Торквемада Томасъ 46, 68—79, 89, 97, 100, 104—106, 109, 120, 143, 145, 146, 150, 213, 214, 298, 321, 322, 336.
Торральва Гаспаръ де 194.
Торресъ Луисъ 331.
Торубія, 294.
Трастамара Генрихъ 4, 17—19.
Tratatos, см. Капитуляціонныя граматы, Реконкиста.
Трачевскій. 363, 344, 367, 414, 419, 452.
Тревиньо 342, 394.
Трехо 349.
Тристанъ де ла Порта 109, 110.
Турнонъ 294.

Уголино Джованни 244.
Угональдо 194.
Улифъ слѣдуетъ читать «Юсуфъ» см. Юсуфъ.
Урбанъ V 18.
Урбанъ VIII 306, 310.

Ургель 347.
Уркихо Маріано Луисъ де 367.
Уседа Діэго де 1:3, 342, 391.
Ускве Самуилъ 151, 231, 237.
Уэллингтонъ 443.

Фантенъ-Дезодоардъ 416.
Фараджи Исаакъ ибнъ 155.
Фарнезе 243, 244.
Фарнезе Изабелла (жена Филиппа V) 360, 362.
Фейхоо 368.
Фелипе Бертранъ 341.
Фелипе Хуанъ 392, 393.
Феранъ Мартинесъ 19, 20.
Фердинандъ I 27.
Фердинандъ III Святой 5, 9, 14, 27.
Фердинандъ VI 293, 308, 361, 368, 369, 377.
Фердинандъ VII 270, 411—413, 416, 440—447, 449—462.
Фердинандъ Католикъ 3, 7, 15, 31 — 33, 57, 68—70, 87, 97—99, 106, 107, 109—112, 114, 120, 128, 129, 131—138, 141—143, 145, 146, 149, 160, 165—168, 170—172, 212, 214, 226, 236, 275, 281, 284, 289, 294, 309, 320, 321, 323, 324, 332, 336, 341, 344—346, 370, 371.
Фернандесъ Драго 252.
Фернандесъ-и-Гонсалесъ 166, 169.
Фернандесъ Паредесъ 247.
Фернандесъ Хуанъ 399.
Ферреръ Висенте (1350—1419), 22—25, 299.
Филанджіери 304.
Филиппсонъ Людвигъ 270.
Филиппсонъ Мартинъ 318.
Финдель (историкъ франкмасонства) 293, 294, 295.
Филиппъ 4.
Филиппъ II 87, 178, 179, 181, 182, 195, 215, 220 — 246, 248, 306, 309, 311 — 318, 327, 328, 329, 331—334, 339, 340, 348, 378, 380—387, 403.
Филиппъ III 183, 186, 247, 248, 292, 310, 318, 339, 340, 342, 344, 345, 349, 351, 354, 394, 403.
Филиппъ IV 67, 208, 209, 249, 250, 304, 305—307, 310, 318, 327, 340, 342—344, 346, 347, 349, 351, 354, 371, 372, 374, 389, 390, 394, 395, 404.
Филиппъ V 293, 319, 335, 343—345, 359, 360, 361, 367, 368, 392.
Филиппъ Красивый 134, 135, 136.
Фирме Фе 235.
Фита 115, 122, 144, 161, 212, 224, 402..
Фишбокъ 63.
Фишеръ 304.
Флиднеръ 209.
Флоресъ 449.
Флоридабланка 282, 296, 297, 307, 361—364, 414.
Фонольедо 333.
Фонсека 387, 388.
Фонсека Аресъ Эстебанъ де 252.
Фонсека Хуана 203.
Франко Алонсо 144.
Франко Гарсіа 144.
Франко Гонсало 46.
Франко М. 144.
Франко Николай 45.
Франко Нуньо Альваресъ 252.
Франко Са 144.
Франко Хуанъ 144.
Франко Юсе 144, 145.
Франкмасоны—см. Инквизиція.
ложи, 294;
число процессовъ 295.
позднѣйшая дѣятельность 450, 451.
Франсесъ 119.
Фрейле Іосифъ 400.
Фригиліана 345, 358.
Фріасъ де (герцогъ) 377.
Фріасъ Саласаръ (инквизиторъ) 292.
Фріасъ Фернандо де (фискалъ Супремы) 392.
Фукаръ 199.
Фуньесъ Сайасъ 392.
Фуэнте Алонсо де ла 402.
Фуэнте де ла Санчесъ 105.
Фуэнте Франсиско де ла 322.
Фуэнтельсасъ 105.
Фуэнтесъ 331.
Фуэро городовъ 28, 59, 174; борьба противъ нихъ Фердинанда и Изабеллы; корегидоры 35.

Хабалинъ 94.
Хаиме (инфантъ Наварры или Туделы) 375, 376.
Хорхе 398.
Хайатъ Іуда бенъ Яковъ 158.
Ханеръ 185, 189.
Хасса Педро 41.
Хименесъ 87, 89, 95, 97, 105, 106, 137, 167, 1 8, 169, 275, 228, 323, 325, 338, 350, 387, 388.
Хименесъ Христобалъ 282.
Ховельяносъ Гаспаръ Мельхоръ де 365—367, 410.
Хуана (сестра Филиппа II) 203, 204.
Хуана (кузина Карла V) 371.
Хуана (принцесса) 380—383.
Хуана «Бельтранеха» 31, 32.
Хуана Безумная 134—136, 338.
Хуанъ (сынъ Фердинанда) 38, 143, 165.
Хуанъ донъ (сынъ Филиппа IV), 343.
Хуанъ Наваррскій 370.
Хуанъ I 19, 30.
Хуанъ II 31, 43, 44, 131, 132, 212.
Хугляръ Гаспаръ 59, 108.
Хурадо Алонсо 287.

Цвингеръ Теодоръ 301.
Целестинъ III 12, 13.
Цельзо Гуго де 194.
Цензура книгъ 298—303;
законъ 1588 г. 300, 301, 335;
иностранныя книги 302;
гоненія на Библію 304;
цензура эстамповъ, картинъ, медалей 309.
Церковь, ея политич. сила 11, 14—17, 29, 33;
отношеніе къ ней Фердинанда и Изабеллы 35;
церковь и инквизиція—см. Инквизиція.

Чавесъ Діего де 313.
Чаморро 217, 218, 219.
Чапронъ 460.
Черная смерть 1348 г. 17. См. Евреи.
Чинчилья де Гарси Лопесъ 34.
Число жертвъ инквизиціи — см. Жертвы инквизиціи
Чистота крови (limpieza) 25, 40, 41, 141, 215, 216, 219, 340.
Чуэта 262—263, 269; см. Мараны.

Швабъ 262.
Шеферъ Эрн. 63, 64, 193, 196, 200, 202, 206, 207, 302.
Шодеріусъ 303.
Шпренгеръ Яковъ 287, 291.
Шродерусъ 303.
Штрафы денежные 95, 97, 178;—см. Инквизиція.

Эболи принцесса 311.
Эгидій д-ръ (Хуанъ Гиль) 195, 197, 198.
Эгіа 442, 443, 444, 458.
Эзра ибнъ Іуда 9.
Эйбертъ 295.
Эколомпадій 300.
Эксеа Педро 116.
Элета 362.
Эліо 441.
Эль-Загала 37.
Энгера Хуанъ 105, 323, 336, 337, 350.
Энрике (принцъ) 241—243, 245, 402.
Энрикесъ Алонсо 145.
Энрикесъ Анна 258.
Энрикесъ Антоніо Ваэсъ (Когенъ) 252.
Энрикесъ Гомесъ Антоніо де, см. Энрикесъ Пасъ Энрике де.
Энрикесъ Дуарте 404.
Энрикесъ де Медина Хуанъ 325.
Энрикесъ Пасъ Энрике де 268.
Энсинасъ Франсиско де 194.
Эразмъ Роттердамскій 300, 387.
Эредіа Діего 313, 315, 318.
Эредіа Фердинандъ 112.
Эреса 460.
Эркулано 151, 226, 227, 231, 232—234.
Эрмосилья Гомесъ Хосе 414.
Эрнандесъ Мельхоръ 397, 398.
Эрнандесъ Пабло 210, 283.
Эрнандесъ Франсиска 275, 348, 387, 388.
Эрнандесъ Юліанъ 196, 198.
Эрнандо 301.
Эрнандо ла Пласа 45.
Эррайсъ Марія Изабелла 279.
Эррера Геронимо 199.
Эррера Діэго Маринесъ 42.
Эрреросъ Мануэль Гарсіа 442, 454.
Эрресуэло Антоніо де 84, 201, 204.
Эскалера 138, 139.
Эскобедо Педро 312.
Эскобедо Хуанъ 311, 312.
Эсперандеу 113.
Эспесъ Хуанъ де 41.
Эспина Алонсо (Альфонсо) де 42, 44, 45, 120, 212.
Эспиноса (Спиноса) 178, 220, 253.
Эстеве 193.
Эстрада Флоренцо 443.
Этенардъ-и-Салинасъ 413—417.

Юлій II 131, 132, 137, 171, 275, 323, 337.
Юлій III 244, 327.
Юрсенъ принцесса 360.
Юсуфъ 143, 217, 218.

Яковъ I (Хаиме) 3, 8, 16.
Яковъ II 15.
Янсенизмъ 369, 408, 409.
Янсенисты 307, 308.
Яхья ибнъ Гедалья 20, 154.
Яхья ибнъ Іосифъ бенъ Давидъ 225, 226.

Иллюстраціи „Исторіи Инквизиціи“.

Томъ первый.

1) Портретъ Генри-Чарльса Ли.
2) Петръ Арбуэсъ, первый великій сарагосскій инквизиторъ, приговариваетъ семью еретиковъ къ сожженію (фототипія).
3) Инквизиція (съ картины J. P. Laurens'a).
4) Освобожденіе альбигойцевъ (съ картины Laurens'a).
5) Людовикъ IX Святой, король Франціи.
6) Св. Доминикъ, основатель Доминиканскаго ордена.
7) Св. Францискъ Ассизскій.
8) Осужденный въ „санбенито“.
9) Знамя Инквизиціи.
10) Инквизиціонная процессія.
11) Папа Григорій IX.
12) Камера пытокъ.
13) Судебная камера.
14) Орудія пытки (11 предметовъ).
15) Пытка I.
16) Пытка II.
17) Пытка III.
18) Пытка IV.
19) Пытка V.
20) Пытка VI.
21) Пытка VII.
22) Пытка VIII.
23) Ауто-да-фе.
24) Казнь еретиковъ въ Прагѣ.
25) Ауто-да-фе еретиковъ in effigie и костей умершихъ еретиковъ.
26) Тюрьма въ Севильѣ.
27) Ауто-да-фе въ Испаніи.
28) Великій инквизиторъ Фр. Хименесъ.
29) Папа Юлій II.

Томъ второй.

1) Ауто-да-фе (Зичи).
2) Тонзура.
3) Генералъ францисканскаго ордена Бонавентура.
4) Процессія флагеллантовъ („Бичующіеся“).
5) Зданіе Констанцскаго собора.
6) Изображеніе наказаній.
7) Гусъ предъ костромъ (фототипія).
8) Янъ Гусъ.
9) Гусъ на пути къ костру.
10) Іеронимъ Пражскій.
11) Сожженіе Гуса и Іеронима Пражскаго.
12) Янъ Жижка.
13) Гробница папы Павла II.
14) Папа Григорій IX публикуетъ декреталію.
15) Папа Сикстъ IV и его непоты.
16) Гробница Сикста IV.
17) Гробница Николая V.
18) Видѣніе св. Бернара.
19) Св. Іоакимъ, изгоняемый изъ храма. — Св. Іоакимъ въ пустынѣ.
20) Папа Бонифацій VIII освящаетъ юбилейный 1300 годъ.
21) Гробница Іоанна XXIII.
22) Гробница Иннокентія VIII.
23) Сожженіе еретическихъ книгъ.
24) Споръ о таинствѣ евхаристіи.
25) Папа Урбанъ II.
26) Изъ временъ Инквизиціи (Лоранса).
27) Канунъ Варѳоломеевской ночи (Гуна).
28) Варѳоломеевская ночь (часть картины).
29) Варѳоломеевская ночь (часть картины).
30) Основаніе ордена іезуитовъ (Линденшмидта).
31) Джироламо Савонарола (Фра Бартоломе).
32) Папа Александръ VI.
33) Савонарола проповѣдуетъ противъ роскоши.
34) Комната, гдѣ жилъ и проповѣдывалъ Савонарола.
35) Площадь Синьоріи во Флоренціи, на которой были сожжены Савонарола и его приверженцы.
36) Молитва въ Сикстинской капеллѣ.
37) Филиппъ IV Красивый.
38) Убійство инквизитора Арбуэса.
39) Жанна Д'Аркъ (скульптура Рюда).
40) Видѣніе Жанны Д'Аркъ.

41) Взятіе французами Орлеана подъ предводительствомъ Жанны Д'Аркъ.
42) Коронація Карла VII въ Реймсѣ въ присутствіи Жанны Д'Аркъ.
43) Смертъ Жанны Д'Аркъ.
44) Кликуши (Breughel).
45) Инквизиціонный трибуналъ (Лоранса).
46) Папа Левъ X и два кардинала.
47) Собраніе колдуній.
48) Вѣдьмы.
49) Шабашъ вѣдьмъ.
50) Папа Адріанъ VI.
51) Папа Сикстъ IV.
52) Галилей предъ чрезвычайной комиссіей (Гаусманъ).
53) Печатавшаяся на первомъ станкѣ Гутенберга индульгенція отъ 1455 г. (латинскій текстъ и русскій переводъ).
54) Іоаннъ Тецель.
55) Папа Александръ VI молится воскресшему Спасителю (фреска Пинтуриччіо).
56) Святая Екатерина (часть фрески Пинтуриччіо).

Томъ третій.

1) Фердинандъ Католикъ.
2) Изабелла Католическая.
3) Супрема.
4) Пытка водою.
5) Санбенито.
6) Жанна Безумная.
7) Заглавный листъ Инструкцій Торквемады (печатано въ Гранадѣ 29 сентября 1537 г.).
8) Хуанъ Антоніо Льоренте, историкъ Испанской Инквизиціи.
9) Амадоръ де лосъ Ріосъ, историкъ испанскихъ и португальскихъ евреевъ.
10) Мадонна съ семьей Фердинанда Католика и съ Великимъ инквизиторомъ Торквемадой.
11) Булла Папы Иннокентія IV, возобновленная Григоріемъ X (факсимиле; въ приложеніяхъ латинскій текстъ съ русскимъ переводомъ).
12) Еврейскіе мученики (Зичи).
13 Пытка огнемъ.
14) Донъ Жуанъ Австрійскій (фототипія).
15) Филиппъ II (фототипія).
16) Сцена изъ эпохи преслѣдованій протестантовъ въ Нидерландахъ (Паувельсъ).
17) Карлъ V (фототипія).
18) Заглавный листъ отчета объ ауто-да-фе 29 іюня 1665 г. въ Кордовѣ.
19) Отчетъ Толедской Инквизиція Супремѣ объ ауто-да-фе 15 іюня 1570 г.
20) Мараны (С. Маймона, фототипія).
21) Пытка колесомъ.
22) Отчетъ объ ауто-да-фе 1610 г. въ Логроньо.
23) Сожженіе еретическихъ книгъ (П. Беругете).
24) Павелъ III (фототипія).
25) Гранвелла (фототипія).
26) Филиппъ IV.
27) Карлъ II.
28) Филиппъ V.
29) Фердинандъ VI.
30) Карлъ III.
31) Филиппъ IV (фототипія).
32) Инструкціи Великаго инквизитора Діего Спиносы инквизиторамъ Перу.
33) Заглавный листъ книги «Зерцало испанской тиранніи».
34) Заключеніе въ тюрьму.
35) Игнатій Лойола.
36) Фердинандъ VII.

Оглавленіе.

стр.

Предисловіе . . . . I—III.

ГЛАВА I.

Эпоха Реконкисты . . . . 1—27

Характеръ Реконкисты.—Отношенія между побѣдителями-христіанами и побѣжденными маврами. — Капитуляціонная грамата 1038 г. — Хартія 1085 г.—Альфонсъ XI.—Яковъ I.—Фердинандъ и Изабелла Католики.—Сближеніе между христіанами и маврами.—Положеніе евреевъ.— Роль Церкви.— Преслѣдованія и погромы евреевъ. — Обязательность отличительнаго знака на одеждѣ еврея.—Недовольство дворянства.—Избіенія и грабежи евреевъ.— Массовой переходъ евреевъ въ христіанство.—Висенте Ферреръ. - Особое законодательство для евреевъ.—Мараны.—Введеніе Инквизиціи.

ГЛАВА II.

Фердинандъ и Изабелла . . . . 27—39

Дальнѣйшее вытѣсненіе мавровъ изъ Испаніи.—Роль дворянства и городовъ въ борьбѣ съ мусульманами. — Права и привилегіи дворянъ; духовные рыцарскіе ордена.—Привилегіи, предоставленныя городамъ: fuero.— Развитіе городовъ и ихъ роль въ борьбѣ королей съ Церковью и аристократіей.— Генрихъ II (Трастамара).—Паденіе королевскаго авторитета.— Королева Изабелла; ея характеръ. —Фердинандъ; его характеръ.—Возстановленіе престижа королевской власти. — Святая Германдада. — Борьба съ вольностями и привилегіями дворянства, городовъ и съ Церковью. — Подготовленіе къ окончательному разгрому мавровъ и къ завоеванію Гранады.

ГЛАВА III.

Учрежденіе Новой Инквизиціи . . . . 39—68

Мараны.—Враждебное отношеніе къ нимъ со стороны христіанскаго населенія. — Limpieza. — Погромы въ Толедо, въ Кордовѣ и другихъ городахъ. — Хуанъ II, папа Николай V и булла 1451 г.—Папа Сикстъ IV.— Булла 1478.—Введеніе Инквизиціи.—Сформированіе инквизиціоннаго трибунала въ Севильѣ.—Эдиктъ 1486.—Ауто-да-фе.—Сожженіе марановъ.—Льготные дни.—Доносы.—Признаки іудействующей ереси.—Булла Сикста IV противъ севильскаго трибунала.—Абсолютизмъ и Инквизиція.—Вліяніе Инквизиціи на характеръ испанцевъ. — Борьба Фердинанда съ Сикстомъ IV.— Торжество Фердинанда. — Организація Инквизиціи.—Дѣятельность инквизиціонныхъ трибуналовъ.

ГЛАВА IV.

стр.

Организація Новой Инквизиціи . . . . 68—103

Томасъ Торквемада.—Его жизнь и дѣятельность.—Инструкціи Инквизиціи.—Пытки.—Судъ.—Наказанія.—Статистика ауто-да-фе. — Конфискація имущества осужденныхъ.—Доходы Инквизиціи.—Евреи и мараны.—Доносъ (форма доноса).—Приказъ объ арестѣ (форма).

ГЛАВА V.

Первые шаги Новой Инквизиціи . . . . 104—140

Деспотизмъ Торквемады.—Споръ съ папой изъ-за контроля надъ Инквизиціей.—Число генеральныхъ инквизиторовъ.—Возмущеніе народа противъ Инквизиціи въ Арагонѣ.—Безпорядки въ Теруэлѣ и ихъ подавленіе.—Убійство Арбуэса.—Ауто-да-фе въ Сарагоссѣ.—Преслѣдованія еретиковъ.—Ауто-да-фе въ Барселонѣ и Таррагонѣ, Толедо, Севильѣ.—Новыя жертвы — Сожженія въ Эррерѣ.—Фердинандъ и Инквизиція.—Ростовщичество и Инквизиція.—Монсонская конкордія.—Дѣло Гирала.—Дѣло Люсеро.—Количество жертвъ Инквизиціи.

ГЛАВА VI.

Изгнаніе евреевъ . . . . 141—165

Отношеніе Инквизиціи къ евреямъ.—Декреты Фердинанда объ изгнаніи евреевъ.—Процессъ св. дитяти ла Гуардіи.—Гоненія и ауто-да-фе въ Авилѣ.—Эдиктъ 1492 г. объ изгнаніи.—Обогащеніе насчетъ изгнанныхъ монастырей, Церкви, королевской казны.—Переселеніе въ Португалію, Африку, Италію. — Гоненія въ Португаліи и бѣгство евреевъ оттуда.—Печальныя экономическія послѣдствія ухода евреевъ для Испаніи.—Текстъ декрета объ изгнаніи на испанскомъ и русскомъ языкахъ.

ГЛАВА VII.

Мавры и Мориски . . . . 165—192

Паденіе Гранады. — Капитуляціонный актъ.—Переходъ въ христіанство. — Талавера и Хименесъ.—Преслѣдованія.—Возстанія.—Эмиграція въ Африку.—Указъ объ изгнаніи изъ Кастиліи и Леона.—Мориски и Инквизиція.—Возстаніе въ Валенсіи. — Декретъ объ изгнаніи 1525 г.—Насильственное крещеніе.—Возстаніе въ Арагонѣ, Валенсіи.—Конфискація имуществъ.—Усиленіе преслѣдованій.—Законъ 1567 г.—Возстаніе морисковъ. Жестокое подавленіе возстанія.—Принудительное переселеніе морисковъ.—Бѣдственное положеніе морисковъ.—Преслѣдованія Инквизиціей морисковъ-рабовъ.—Изгнаніе морисковъ изъ Испаніи. — Экономическія послѣдствія изгнанія.—Населеніе Испаніи въ концѣ XVI вѣка.

ГЛАВА VIII.

Протестантизмъ . . . . 192—210

Борьба Инквизиціи съ лютеранской ересью. — Ея жертвы.—Ауто-да-фе. Протестантская община въ Испаніи и ея судьба. — Филиппъ IV. — Подчиненіе свѣтской власти Инквизиціи.—Послѣдствія безконтрольной власти Инквизиціи.—Возрожденіе протестантизма въ Испаніи.—Число протестантовъ.—Роль протестантизма въ современной Испаніи.

ГЛАВА IX.

стр.

Мараны и португальская Инквизиція . . . . 211—274

Число марановъ—жертвъ Инквизиціи.—Ограниченіе правъ марановъ.—Обвиненіе въ ритуальномъ убійствѣ.—Дѣло Давилы.—Дѣло Аранды. — Преслѣдованія марановъ и ограниченіе въ различныхъ правахъ.—Число еретическихъ дѣлъ.—Мараны и возстаніе городскихъ коммунъ.—Докладная записка папѣ въ защиту Инквизиціи.—Положеніе евреевъ въ Португаліи.—Мануэль.—Указъ объ изгнаніи евреевъ изъ Португаліи, текстъ его на португальскомъ и русскомъ языкахъ. — Насильственное отнятіе дѣтей и крещеніе. Лиссабонскіе мученики.—Рѣзня въ Лиссабонѣ.—Наказаніе погромщиковъ.—Облегченіе положенія Мануэлемъ.—Ухудшеніе положенія при Іоаннѣ III.—Введеніе Инквизиціи въ Португаліи.—Законъ противъ марановъ.—Обращеніе ихъ за помощью въ Римъ.—Булла Климента объ отмѣнѣ Инквизиціи въ Португаліи.—Первое ауто-да-фе въ Лиссабонѣ.—Конфликты Іоанна III съ папой.—Усиленіе дѣятельности Инквизиціи въ Португаліи.—Число ея жертвъ.—Экономическій упадокъ Португаліи.—Амнистія марановъ за огромный выкупъ.—Вопросъ объ изгнаніи марановъ изъ Португаліи.—Новыя жертвы ауто-да-фе.—Законъ 1683 г. — Вліяніе объединенія Португаліи съ Испаніей на судьбу марановъ.—Португальско-маранскія общины въ Испаніи; ихъ жизнь.—Ауто-да-фе въ различныхъ городахъ Испаніи.—Число сожженныхъ марановъ въ XVII в. — Дѣятельность Инквизиціи на о. Майоркѣ.—Дѣятельность Инквизиціи въ XVIII и XIX вв. — Послѣднее сожженіе еврея.—Инквизиція и иностранные евреи.—Пассивный прозелитизмъ.—Дѣло Ассунсано.—Лопе-де-Вера. — «Еврейскій Кольдеронъ».—Появленіе отдѣльныхъ евреевъ въ Испаніи.—Законъ о вѣротерпимости 1782 г.—Эмансипація евреевъ въ Испаніи и ихъ современное положеніе.—Русскіе евреи и вопросъ объ эмиграціи въ Испанію. — Оффиціальный документъ: обвиненіе умершаго марана въ іудействованіи.

ГЛАВА X.

Разнообразная дѣятельность Инквизиціи . . . . 274—319

Мистики—иллюминаты и квіетисты.—Центръ мистицизма.—Отношеніе Инквизиціи къ мистикамъ.—Преслѣдованіе квіетистовъ и иллюминатовъ.—Ауто-да-фе.—Молинисты и преслѣдованіе ихъ Инквизиціей.—Solicitatio ad turpia.—Двоеженство.—Преслѣдованіе браковъ духовныхъ лицъ, за противоестественныя связи.—Преслѣдованіе за еретическія слова и богохульство.—Преслѣдованіе гадателей и исцѣлителей, «мудрыхъ женщинъ», маговъ, астрологовъ, вѣдьмъ.—Конгрегація въ Гранадѣ о вѣдьмахъ.—Эпидеміи суевѣрій.—Отношеніе Церкви къ вѣдьмамъ.—Смягченіе Инквизиціи въ процессахъ противъ вѣдьмъ.—Malleus maleficarum («Молотъ вѣдьмъ»). — Процессъ въ Логроньо 1610 г. Франкмасоны. Преслѣдованіе ихъ Инквизиціей и свѣтскою властью.—Натурализмъ (ересь).—Преслѣдованіе натуралистовъ Инквизиціей. — Цензура книгъ. — Index librorum prohibitorum. — Запрещенные авторы.—Законъ 1588 г.—Борьба Инквизиціи съ иностранными книгами.—Борьба между Римской Куріей и королевскою властью изъ-за преслѣдованія книгъ.—Преслѣдованія янсенистовъ.—Политическая роль Инквизиціи; дѣло Антоніо Переса.—Политическая роль Инквизиціи при Бурбонахъ и во время Реставраціи.

ГЛАВА XI.

Римская Курія и Инквизиція . . . . 320—335

Борьба Инквизиціи съ папскими индульгенціями.—Право апелляціи въ Римѣ на приговоры инквизиціонныхъ трибуналовъ.—Дѣло Вильянуэвы.—Вступленіе Филиппа V на испанскій престолъ. — Пораженіе Римской Куріи въ вопросѣ объ апелляціи и побѣда королевской власти.

ГЛАВА XII.

стр.

Государство и Инквизиція . . . . 336—370

Отношеніе Фердинанда Католика къ Инквизиціи, Карла V, Филиппа II, Филиппа III, Филиппа IV, Карла II, Филиппа V, Фердинанда VI, Карла III, Карла IV. Вопросъ о назначеніи Великаго инквизитора и членовъ Супремы.—Финансовый контроль надъ Инквизиціей.—Безотвѣтственность и безапелляціонность Инквизиціи и неприкосновенность ея персонала.—Нетерпимость Инквизиціи по отношенію къ чиновникамъ.—Конкордія Сапаты.—Competencia.—Борьба свѣтской власти съ расширеніемъ границъ Инквизиціи.

ГЛАВА XIII.

Отдѣльные эпизоды изъ жизни Инквизиціи . . . . 370—407

Преслѣдованіе семьи Кабальеріа Инквизиціей.—Безсиліе Фердинанда.—Дѣло Муньоса.—Служители Инквизиціи.—Грабители и разбойники; безнаказанность ихъ за преступленія.—Безсиліе свѣтской власти.—Дерзость инквизиціонныхъ служителей.—Дѣло Дамето.—Жертвы Инквизиціи среди высокопоставленныхъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ.—Дѣло Карансы.—Дѣло Хуана Вергары.—Дѣло Вируэса.—Дѣло Бланкины Діасъ.—Процессъ Фройлана Діаса.—Ауто-да-фе на Канарскихъ островахъ.—Дѣло Классенса.—Дѣло Лампорта.—Дѣло Полафоса.—Процессъ Франсиско Гильена.—Дѣло Франсиско де Сильва.—Дѣло Хуана Лойолы.—Дѣло Игнатія Лойолы.—Іезуиты.—Преслѣдованіе ихъ Инквизиціей.—Дѣло патера Луиса Лопеса.—Жадность и корыстолюбіе Инквизиціи.—Источники доходовъ.—Перечень именъ выдающихся испанцевъ, пострадавшихъ отъ Инквизиціи.

ГЛАВА XIV.

Девятнадцатый вѣкъ . . . . 408—464

Приспособленіе Инквизиціи къ условіямъ Новаго времени.—Попытки къ ея отмѣнѣ.—Іезуиты защитники Инквизиціи.—Усиленіе недовольства Инквизиціей.—Ненависть общества къ Годою; отставка послѣдняго.—Войны Испаніи съ Португаліей и Англіей.—Пораженіе при Трафальгарѣ.—Отреченіе Карла IV.—Фердинандъ VII.—Интриги Наполеона.—Бунтъ въ Мадридѣ противъ Мюрата.—Назначеніе Іосифа Бонапарта испанскимъ королемъ.—Инквизиція поддерживаетъ Наполеона.—Отмѣна Инквизиціи Наполеоновскимъ эдиктомъ 4 декабря 1808 г.—Постепенное прекращеніе функцій инквизиціонныхъ трибуналовъ.—Регентство.—Созывъ кортесовъ.—Свобода печати.—Вопросъ и возстановленіе дѣятельности Инквизиціи.—Конституціонная комиссія.—Лишеніе Супремы функцій высшаго судебнаго учрежденія.—Конституція 1812 г.—Раболѣпствующіе.—Докладъ комиссіи противъ Инквизиціи.—Пренія въ кортесахъ объ отмѣнѣ Инквизиціи.—Признаніе несовмѣстимости Инквизиціи съ основными конституціонными законами.—Оппозиція духовенства и борьба съ кортесами.—Декретъ противъ монастырей.—Враждебный кортесамъ манифестъ духовенства.—Иниціатива кадикскаго капитула.—Отказъ его огласить манифестъ кортесовъ объ отмѣнѣ Инквизиціи.—Судебное преслѣдованіе кадикскаго капитула.—Выборы въ обыкновенные кортесы 1813 г.—Перенесеніе кортесовъ изъ Кадикса въ Мадридъ.—Возращеніе Фердинанда.—Его договоръ съ Наполеономъ.—Его заговоръ противъ кортесовъ и конституціи.—Разгромъ либераловъ.—Королевскій манифестъ.—Уничтоженіе кортесовъ и торжество королевскаго абсолютизма.—Декретъ о возстановленіи Инквизиціи.—Сформированіе трибуналовъ и возобновленіе ихъ дѣятельности.—Возвращеніе трибуналамъ конфискованнаго у нихъ имущества. Снисходительное отношеніе возстановленной Инквизиціи къ виновнымъ.—Жесто-

кость свѣтской власти.—Возстанія.— Успѣхъ Ріего.—Уступки Фердинанда.—Провозглашеніе конституціи 1812 г.—Отмѣна Инквизиціи.—Оппозиція духовенства.—Кортесы 1820 г. — Преслѣдованіе духовенства. — Контръ-революціонная партія.—Захватъ крѣпости Сео де Ургель.—Конгрессъ въ Веронѣ.—Вмѣшательство Франціи. -Реакціонное правительство.—Регентство съ Инфантадо во главѣ.—Капитуляція Кадикса.—Эпоха мрачной реакціи.—Juntas de fé.—Послѣднее сожженіе еретика.—Смерть Фердинанда VII.—Провозглашеніе королевой Изабеллы и регентшей Маріи-Христины.—Карлисты.—Окончательная отмѣна Инквизиціи.—Заключеніе.

Приложенія . . . . 465—486

I. Булла папы Иннокентія IV противъ обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови.—II. Форма примиренія съ Церковью.—III. Допросъ сознавшагося крещенаго еврея.—IV. Ауто-да-фе 1559 г.—V. Пытка.—VI. Изъ переписки Севильскаго трибунала съ Супремой.—VII. Наказаніе Иріарте.—VIII. Проектъ Карла V реорганизовать Инквизицію.—IX. Къ событіямъ 1812 года.

Указатель . . . . 487—500

Перечень иллюстрацій . . . . 501—502

Оглавленіе . . . . 503—507

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
10	послѣдн. (прим.)	«Realencyclop.»	«Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste».
143	9 (снизу)	Улиффомъ	Юсуфомъ
219	23	Chomorro	Chamorro
219	27	въ этомъ дворѣ	въ этомъ дворцѣ
220	25	льеоренскаго	льеренскаго
228	3	прибывали	пребывали